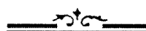

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

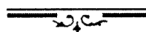
ДОСТОЕВСКИЙ

—

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

20

НЕСТОР-ИСТОРИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2013

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)1
Д70

Двадцатый, юбилейный том серии «Достоевский. Материалы и исследования» в отличие от всех предыдущих является тематическим: в нем публикуются статьи российских и зарубежных ученых об изучении, переводах и особенностях восприятия творческого наследия Ф. М. Достоевского в ряде стран Европы, Азии, Америки и Австралии. Особое внимание в томе уделено вкладу зарубежных филологических школ в изучение творчества писателя за последние сорок лет, прошедших с начала публикации Полного собрания сочинений Достоевского.

Достоевский — самый известный и самый изучаемый русский писатель в мире. Научные работы и диссертации о его жизни и творчестве каждый год появляются на десятках языков мира, между тем по целому ряду причин зарубежное достоеведение учитывалось отечественной наукой не в полной мере. Концепция сборника была предложена В. Е. Багно в период формирования проекта второго Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского. Впоследствии этот замысел был обсужден во время очередного форума Международного общества Достоевского, который состоялся в 2012 году в Неаполе. Многие иностранные коллеги выразили свою заинтересованность в том, чтобы в нем были бы отражены достижения национальных филологических школ. Редколлегия выражает глубокую признательность авторам за поддержку проекта.

Сборник состоит из разделов «Статьи и аналитические обзоры» и «Публикации», к ним прибавился также дополнительный раздел «Библиографии», необходимость которого продиктовала особенность сборника, в котором главное место занимают материалы, связанные с историей изучения Достоевского за рубежом.

В редакционно-технической подготовке сборника принимала участие А. В. Сысоева.

Ссылки на произведения и письма Достоевского даются по изданию: *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990 (арабскими цифрами указывается номер тома и страницы).

Ответственные редакторы: *К. А. Барит, Н. Ф. Буданова*

Редколлегия: В. Е. Багно, К. А. Баршт, Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович

Рецензенты: Р. Ю. Данилевский, О. Л. Фетисенко

Серия основана в 1974 г.

ISBN 978-5-4469-0280-4

© Российская Академия наук и издательство «Нестор-История», серия «Достоевский. Материалы и исследования» (разработка, оформление), 1974 (год основания), 2013

СТАТЬИ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

С. АЛОЭ

ДОСТОЕВСКИЙ В ИТАЛЬЯНСКОЙ КРИТИКЕ

На сегодняшний день, и с давнего уже времени, роль Достоевского в итальянской культуре, бесспорно, велика. Это выражается в популярности его романов среди читателей и его известности как величайшего представителя русской литературы наряду с Л. Н. Толстым; а также в восприятии и изучении его произведений и мотивов писателями, и учеными (литературоведами, философами, педагогами и т. п.), которые под разными ракурсами анализируют различные аспекты его творчества. Благодаря присутствию некоторых констант в тенденциях этого восприятия, можно попытаться написать достаточно «ровную» историю достоевведения в Италии, при том что задача оказывается одновременно чрезвычайно сложной из-за большого разнообразия статей и монографий, их огромного числа и отсутствия настоящих «школ» изучения наследия русского писателя¹.

Полное признание гения Достоевского как писателя и мыслителя в итальянской культуре стало результатом сложного и продолжительного процесса, развитию которого препятствовали различные предрассудки, языковой барьер и недостаток знаний. Долго Достоевского-мыслителя противопоставляли Достоевскому-писателю (оценка смещалась исключительно в пользу первого упомянутого качества писателя), и не раз утверждалась чуждость русского романиста «духу» итальянской цивилизации, наследницы — по мнению многих представителей ее культуры вплоть до середины XX в. — античной эстетики в культе красивых форм и их гармонического соответствия содержанию. Характерна, например, пренебрежительная оценка творчества Достоевского

¹ Библиографию литературы о Достоевском, изданной в Италии до 1983 г., см.: *Dal Santo L. Saggio di bibliografia italiana su Dostoevskij // Dani A. Studi in onore di Federico M. Mistrorigo. Vicenza, 1958. P. 377–403; D' Ajetti B. Bibliografia su Dostoevskij // Quaderni dell' Istituto di Lingue. Facoltà di Economia e Commercio. Università di Messina. 1983. Anno II, N 1. P. 1–76.* После 1983 г. библиография специальными публикациями не обновлена, а саму историю итальянского достоевведения начали изучать недавно: см.: *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945). Udine, 1998; Оливьери К. Достоевский в Италии. Столетие критической мысли // Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 2. С. 553–566.*

и русских романистов вообще со стороны великого критика и философа Бенедетто Кроче (Benedetto Croce), мнение которого десятилетиями доминировало в итальянской эстетической мысли². В итальянскую литературу темы и художественные приемы Достоевского проникали с большим трудом, чем в литературу других европейских стран; но в конечном счете творчество Достоевского стало и в Италии неотъемлемым культурным достоянием и глубоко повлияло на ее литературу и на философское мышление³.

Имя Достоевского впервые упоминается в Италии в 1869 г., когда в журнале «*Rivista contemporanea*» была опубликована статья «Достоевский и его произведения» с переводом маленького отрывка из романа «Преступление и наказание»⁴. До сих пор не удалось установить ее авторство — она подписана *М.А...ff*. И статья, и перевод связаны с редактором журнала, известным итальянским литературоведом, фольклористом и эрудитом графом Анджело де Губернатисом (Angelo de Gubernatis), который при помощи русской жены, С.П. Безобразовой, одним из первых в Италии раскрывал в те годы сокровища русской литературы⁵.

Еще задолго до выхода в свет в Париже в 1886 г. знаменитой книги Э.-М. де Вогюэ (E.-M. de Vogüé) «*Le roman russe*», в которой высоко оценивается русская литература, де Губернатис посвятил Достоевскому несколько журнальных статей и заметок, впрочем, не получивших серьезных откликов в итальянской литературной среде⁶. Только благодаря авторитету Вогюэ в Италии были изданы первые переводы произведений Достоевского, и то сделанные с франкоязычных источников. Это были «Записки из Мертвого дома» (1887); «Преступление и наказание» (1889); «Неточка Незванова» (1890); «Бедные люди» (1891)

² Ср. *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945)*. Udine, 1998. P. 89.

³ О значении Достоевского для литературы Италии и в целом для ее культуры см.: *Guarnieri Ortolani A. Saggio sulla fortuna di Dostoevskij in Italia*. Padova, 1947; *De Michelis E. Dostoevskij nella letteratura italiana // Lettere italiane*. 1972. Anno XXIV, N 2. P. 177–201; *De Michelis E. Dostoevskij nella cultura italiana // Dostoevskij nella coscienza d'oggi*. Firenze, 1981. P. 163–196; *Потанова З.М. Русско-итальянские связи: вторая половина XIX века*. М., 1973. С. 227–232; *Колущи М. Достоевский и итальянская культура // Dostojevskij und die Literatur*. Köln; Wien, 1983. S. 421–434; *Володина И.П. Достоевский и итальянская литература // Достоевский в зарубежных литературах*. Л., 1978. С. 5–36; *Володина И.П. Достоевский и итальянский роман конца XIX — начала XX века // Пути развития итальянского романа (вторая половина XIX — нач. XX в.)*. Л., 1980; *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945)*. Udine, 1998.

⁴ *A...ff M. Nostra corrispondenza letteraria: Dasztaievsky e le sue opere // Rivista contemporanea*. 1869. Agosto. P. 271–277; *Dasztaievsky T. Delitto ed espiazione // Ibid*. P. 278–287.

⁵ См. *Потанова З.М. Русско-итальянские связи. Вторая половина XIX века*. М.: Наука, 1973. С. 227–232; *Алоэ С. Первые этапы знакомства с Ф.М. Достоевским в Италии // Достоевский и мировая культура*. 2001. №15. С. 141–155.

⁶ Там же.

и др.⁷ В отсутствие ученых и критиков, способных читать произведения в оригинале, восприятие русской литературы, в том числе и творчества Достоевского, сформировалось в Италии под сильным влиянием ее односторонней интерпретации со стороны Вогюэ.

Итальянские читатели приняли Достоевского за своеобразного беллетриста, автора мрачных романов, населенных уродливыми, больными, чрезмерно эмоциональными героями, в то время как журнальные критики, следуя своим французским коллегам, отзывалась укоризненно о неопрятности стиля писателя, отсутствии меры и пропорций, неискнутом воображении и неискнутом построении Достоевским сюжетов своих произведений. Закоренелый консерватизм и провинциальность итальянской культуры, не готовой к новым формам повествования, усугубили неприятие творчества Достоевского итальянцами. В журналах той эпохи часто встречается противопоставление природно-хаотичного стиля Достоевского, выражающего молодую и еще стихийную культуру России, классическому («латинскому») и гармоничному «среднеземноморскому» строю итальянской литературы. Тем не менее популярность Достоевского росла стремительно, и не все отзывы о его произведениях были отрицательными. Но, что характерно, даже энтузиасты, страстно отдавшиеся популяризации русского писателя, не отличались глубоким пониманием его творчества и мира его героев.

Примером тому может служить один из первых итальянских переводчиков с русского, публицист и писатель Доменико Чамполи (Domenico Ciampoli), который по возвращении из России в 1893 г. опубликовал в еженедельнике «Воскресный Фанфулла» («Fanfulla della Domenica») свои путевые заметки под названием «У могилы Достоевского» («Alla tomba di Dostoevskij»), в которых собраны, пожалуй, все возможные банальности, связанные в те годы с именем писателя: «Сердце сестры милосердия и дух Великого инквизитора, философ, апостол, полумный, утешитель страждущих и палач мирных душ, Иеремия тюрьмы, Шекспир сумасшедшего дома»⁸. Чамполи был, вероятно, первым итальянцем, который посетил не только могилу, но и дом в Кузнечном переулке, где Достоевский умер (в квартире, где жил писатель, Чамполи нашел нового жильца, обычного портного, которому имя Достоевского было совершенно неизвестно)⁹. Смесь восторга с непрофессионализмом была отличительной чертой Чамполи, у которого и знание русского языка было далеко не идеальным; тем не менее его заслуги в началь-

⁷ См.: *De Michelis C. G. Russia e Italia // Storia della civiltà letteraria russa / A cura di M. Colucci, R. Picchio. Torino, 1997. P. 689–709.*

⁸ *Viator [Ciampoli D.] Ricordi di Russia: alla tomba di Dostoevskij // Fanfulla della Domenica. 1893. 19 febbraio. (Перевзд.: Ciampoli D. Saggi critici di letterature straniere. Lanciano, 1904. P. 190.)*

⁹ См.: *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945). Udine, 1998. P. 47; ср. также Попова З. М. Русско-итальянские связи. Вторая половина XIX века. М.: Наука, 1973. С. 232.*

ной фазе истории восприятия русской литературы в Италии, в том числе в популяризации творчества Достоевского, несомненны.

Долго итальянская критика увлекалась «русской экзотикой» и очарованием «ужасного» и «безобразного» и не могла избавиться от своих схем восприятия, хотя неординарность и поразительное новшество произведений Достоевского признавались все чаще. Не случайно первые примеры заимствования мотивов Достоевского в итальянской литературе касаются именно поверхностного созвучия ситуаций, охарактеризованных экстремальностью чувств, угрызениями совести героев, преступивших дозволенные границы, болезненным состоянием душ: такого рода заимствования можно найти, например, в творчестве Л. Капуаны (L. Capuana) и Г. Деледды (G. Deledda)¹⁰. Проникновение сюжетов и мотивов произведений Достоевского (в основном «Преступления и наказания» и «Кроткой») в итальянскую литературу рубежа XIX–XX вв. было настолько стремительным, насколько оставалась непонятной и непринятой его поэтика.

Самым первым в Италии уловил актуальность русского писателя молодой еще Г. Д'Аннунцио (G. D'Annunzio)¹¹. В начале 1890-х гг. он публикует романы «Джованни Эпископо» («Giovanni Episcopo», 1891) и «Невинная жертва» («L'innocente», 1892), в которых видно сильное влияние Достоевского. В коротком романе «Джованни Эпископо» текстуральные совпадения с «Кроткой» были настолько ясны, что их сразу заметил Капуана. Последовали жесткие дискуссии за и против Д'Аннунцио, которого некоторые критики стали прямо обвинять в плагиате. Достоевский тогда впервые оказался в центре внимания итальянской критики, но настоящей мишенью были эгоцентризм Д'Аннунцио и его спорная популярность¹². Надо признать безошибочную интуицию Д'Аннунцио и его способность воспринимать произведения Достоевского на новом уровне, противопоставляя русского писателя наследни-

¹⁰ Ср. Колуччи М. Достоевский и итальянская культура // *Dostojevskij und die Literatur*. Köln; Wien, 1983; Володина И. П. Проблема преступления и наказания в итальянской литературе на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник ЛГУ*. Сер. 2. 1990. Вып. 1. С. 32–39; Володина И. П. Грация Деледда и Достоевский (к искуплению) // *Литература в контексте культуры*. Сер. Проблемы зарубежных литератур. 1999. Вып. 5. С. 217–224.

¹¹ См.: *Paratore E. D'Annunzio e il romanzo russo* // *Nuovi studi dannunziani*. Pescara, 1991. P. 150–168; *De Michelis C. G. D'Annunzio, la Russia, i paesi slavi* // *D'Annunzio europeo. Atti del convegno internazionale: Gardone Riviera — Perugia, 8–13 maggio 1989*. A cura di P. Gibellini. Roma, 1991. P. 317–327.

¹² Впрочем, обвинения в плагиате были необоснованными: в «Джованни Эпископо» Д'Аннунцио ведет своеобразную переработку тем и нюансов, взятых из трех-четырех произведений Достоевского, и кое-где доходит до перефразирования, если не до явной цитаты; но результат по сути имеет мало общего с поэтикой Достоевского, которой чужд виртуозный эстетизм Д'Аннунцио и его подчеркивание исключительно сенсальной стороны психологии героев. Чутье Д'Аннунцио, предугадавшего ключевые пути развития прозы, проявленные в творчестве Достоевского, стоит значительно выше конкретной реализации его замыслов в дух романов (ср. *De Michelis E. Dostoevskij nella cultura italiana* // *Dostojevskij nella coscienza d'oggi*. Firenze, 1981. P. 168–175).

кам итальянского «веризма» и французского «натурализма»: Достоевскому — «русскому Золя» (как часто называла его критика) Д'Аннунцио противопоставил Достоевского — предшественника символизма. Таким образом, Д'Аннунцио перевернул полюс натуралистического и позитивистского восприятия творчества Достоевского, и иррациональные, болезненно-сенсуальные («декадансные»), метафизические черты из отрицательных стали положительными, способствующими переоценке произведений русского писателя. Но подобная переоценка, вскоре получившая популярность в связи с зарождением декаданса и символизма в России и во всей Европе, в Италии не получила особого распространения, несмотря на то что с начала XX в. в итальянской культуре появляются признаки приближения к общеевропейским тенденциям благодаря деятельности новых литературных журналов и появлению таких передовых личностей, как Бенедетто Кроче и Луиджи Пиранделло. Произведения Достоевского в этот период переводят всё больше, часто уже с подлинников, о нем пишут журнальные статьи. Если оценка Достоевского-художника остается в основном отрицательной, то растет внимание к Достоевскому-мыслителю, «политику». Это проявляется в подчеркивании метафизических сторон творчества писателя, переводах его публицистики, обзорах-эссе Мережковского и, позже, Шестова (сделанных по французским и немецким переводам), встречающихся в печати. Влияние немецкой критики уже преобладает над влиянием французской. Зачастую неверное представление о философской и «мистической» стороне личности писателя становится признаком «русскости», в основном под знаком отрицания. Кроче с намеком на Достоевского говорит о «религиозном романтизме русских», Дж. Преццолини (G. Prezzolini) в журнале «Голос» («La Voce», 1912) угадывает в еще «первобытном» понимании зла у героев Достоевского основной эстетический элемент русской литературы в целом, а публикующиеся на страницах того же журнала Дж. Папини (G. Papini) и А. Соффичи (A. Soffici) подпадают под обаяние «антилитературного» и «антиэстетического», по их мнению, гения Достоевского, которого хотя и оценивают негативно, но при этом стараются раскрыть суть его уникальности¹³. Относительно положительную и оригинальную оценку дает в журнале «Трибуна» («La Tribuna», 1912) критик Чекки (E. Cecchi), который в Достоевском видит толкователя «чувства духовной неиссякаемости факта жизни» и писателя, сумевшего преодолеть духовный раскол Данте, Шекспира и Гёте, составившая новое внутреннее единство во имя страданий Христовых¹⁴.

¹³ Подробнее см.: *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945)*. Udine, 1998. P. 72–73. Скрытое влияние Достоевского на ключевое произведение Папини «История Христа» («Storia di Cristo», 1921) было замечено Р. Казари: *Casari R. Papini e Dostoevskij. Riflessioni in margine all'epistolario G. Papini — O. Resnevič Signorelli // Quaderni del dipartimento di linguistica e letterature comparate*. Bergamo, 1988. P. 54.

¹⁴ Ср. *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945)*. Udine, 1998. P. 76.

Нравственные, философские и психологические мотивы творчества Достоевского «приглашали к спору» итальянских литераторов, тщетно пытавшихся найти ему место в общепризнанной в Италии культурной системе. Зато целый ряд существенных параллелей связывает с творческими концепциями Достоевского двух самых выдающихся и современных итальянских писателей первой половины XX в. — Луиджи Пиранделло и Итало Звево (Italo Svevo)¹⁵.

Препятствовало преодолению предубеждений и беспристрастному признанию гения Достоевского также и то, что в первое двадцатилетие XX в. жанр романа в Италии уступал в престижности элитарным, эстетизированным поэтическим жанрам. Это одна из причин, объясняющих множество нападков на искусство Достоевского со стороны личностей первой величины в тогдашней Италии: творчество русского романиста называли верхом антипоэзии, обвиняя писателя в недопустимой небрежности в форме и в том, что в его произведениях философские и социальные элементы преобладают над эстетическими. А. Соффичи в журнале «Голос», определявшем в те годы главное направление развития итальянской литературы, заявил, что «Достоевский чувствовал и сочинял с невероятной силой, но излагал свои идеи плохо. Он писал бедным и небрежным языком. Не было у него ни ощущения, ни вкуса, ни соблюдения живопишущего и гармоничного слова, которому единственному дано оживлять вовеки видения фантазии»¹⁶.

Достоевский, несомненно, был интересен Соффичи, но только в качестве образцового представителя своего народа, мощного и в то же время хаотичного в своей деятельности, преданного мистицизму и отдаленного от цивилизации. Достоевский признавался великим в плане выражения этой стихийности, его герои поражали своими патологиями.

Еще дальше пошел поэт Дж. Унгаретти (G. Ungaretti), который в 1922 г. посвятил русскому писателю статью, показывающую фактическую неосведомленность и некомпетентность суждений тогдашней итальянской критики. Поэт видел в произведениях Достоевского «безмерную смесь невинности и безумия», туманность и избыточность — те качества, которые, по его мнению, несовместимы с красотой — единственным источником искусства. «Если бы Достоевский был французом, он был бы в лучшем случае каким-то Золя», — так с презрением писал Унгаретти¹⁷, один из лучших итальянских поэтов первой половины XX в. Однако и романисты Р. Баккелли (R. Bacchelli)

¹⁵ Ср. *De Michelis E.* Dostoevskij nella cultura italiana // Dostoevskij nella coscienza d'oggi. Firenze, 1981. P. 180–181; *Володина И. П.* Пиранделло и Достоевский // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1995. № 5. С. 75–83; *Adamo S.* La biblioteca russa di Svevo // Aghios. Quaderni di studi sveviani. 2004. N 4. P. 25–53.

¹⁶ *Soffici A.* Dostojewski // La voce. 1912. Anno IV, N 4. P. 743.

¹⁷ *Ungaretti G.* A proposito di un saggio su Dostojewski // La Ronda. 1922. Gennaio. Anno I. P. 68–69.

и К. Альваро (K. Alvaro) в тот момент выступали против Достоевского, ставшего чуть ни символом нарушения мнимой гармонии изолированного «царства красоты», с которым ассоциировалась для многих художественная литература Италии. Баккелли не полностью отвергал Достоевского, но противопоставлял ему Толстого, поэтике которого он подражал при создании эпического романа. Альваро критиковал и Достоевского, и Толстого за отсутствие европейского «платонического» понятия об искусстве и о его целях, притом он поставил себе задачей популяризацию творчества Достоевского и перевел «Бобок» и «Вечного мужа»¹⁸.

Судя по настороженным реакциям, творчество Достоевского подействовало на итальянскую культуру тех лет, как камень, брошенный в пруд. Несмотря на то что большинство суждений были отрицательными, шел важный процесс принятия творчества этого писателя, никак не вписывающегося в схемы итальянской словесности. Откровенному признанию литературного таланта Достоевского в Италии долго препятствовал ряд культурных предубеждений и недостаточное знакомство с его личностью и произведениями; но прежде всего «мешал» его своеобразный и неровный стиль повествования, часто «изуродованный» переводчиками.

Ситуация изменилась в 1920-е гг., когда критик П. Гобетти (P. Gobetti) первым в Италии увидел в Достоевском не политика, не мыслителя-пророка из чужой и отдаленной страны, а сознательного художника и великого трагика в самом классическом смысле этого слова. В ряде статей, опубликованных в 1921 г., Гобетти отвергал распространенное мнение о стилистической небрежности Достоевского и о преимущественно философском значении его произведений: «Никакой философии в Достоевском нет: он неспособен объективно интересоваться какой-либо теорией <...>. Его воображение было вихрем, но он умел им овладеть и распоряжаться. Тем не менее он никогда не смел писать, не признав первоначального дрожания — той нерешительности, которая дорога творцу, боязни того, чтобы выражение не вышло несоответствующим, настолько прижимала его внутри фантастическая материя. Он владел в совершенстве всеми литературными приемами, но был ими полностью недоволен»¹⁹.

Окончательная переоценка творчества Достоевского произошла не без помощи его анализа, проведенного Гобетти в 1920-х гг. Это были годы формирования итальянской славистики, создания первых кафедр русистики и издания специализированных журналов, на страницах которых нашло свое поприще первое поколение профессиональных лите-

¹⁸ См.: *De Michelis E.* Dostoevskij nella cultura italiana // *Dostoevskij nella coscienza d'oggi*. Firenze, 1981. P. 188–189.

¹⁹ *Gobetti P.* Paradosso dello spirito russo e altri scritti sulla letteratura russa. Torino, 1969. P. 97. (Впервые: *Gobetti P.* Dostoevskij classico // *Paradosso dello spirito russo*. Torino, 1926.)

ратуроведов, уже в совершенстве владеющих русским языком и глубоко знающих русскую культуру и литературу, в первую очередь Э. Ло Гатто (E. Lo Gatto)²⁰, Э. Гаспарини (E. Gasparini)²¹, Э. Дамиани (E. Damiani), В. Джусти (V. Giusti), Л. Я. Гинзбург. Эти ученые посвятили Достоевскому целый ряд проницательных статей и монографий, ценных и в плане ознакомления итальянской интеллигенции с русскими и европейскими исследованиями о великом писателе, и в плане вписывания его творчества в контекст итальянской культуры. В то время как развивалась научная деятельность этих первых достоевцев, фундаментальную роль в широком распространении произведений русского писателя сыграло созданное А. Полледро (A. Polledro) в 1926 г. издательство «Славия» («Slavia»), существовавшее до 1934 г. В нем публиковались произведения русской и других славянских литератур в качественных переводах, сделанных непосредственно с оригинала. Деятельность этого популярного издательства, выпускавшего книги огромными тиражами, и распространение элитных славистических журналов позволили существенно изменить отношение итальянцев к творчеству Достоевского в массовом представлении итальянцев, поначалу воспринимавших его как автора модной «болезненной» беллетристики, но теперь признавших писателя классиком мирового значения, и это вопреки идеологическим ограничениям, введенным в тот период фашистской властью по отношению к иностранным литературным произведениям. Один из ключевых моментов этого перехода связан с пятидесятилетием со дня смерти Достоевского, когда Гинзбург подготовил монографический номер журнала «Cultura», в котором были собраны статьи самого Гинзбурга и таких выдающихся русистов, как А. Бем, Д. С. Мирский, В. Познер, Ло Гатто, Э. Дамиани, Джусти²².

Вряд ли является случайностью тот факт, что интерес к творческим приемам и тематике произведений Достоевского испытывали в первую очередь писатели и литераторы, относившиеся критически к весьма ограниченным культурным горизонтам фашистского режима. Если в литературных журналах 1910-х — начала 1920-х гг. преобладала отрицательная оценка «чужого» Достоевского, противоположного «латинскому» духу Италии, то журнал «Солярия» («Solaria») с самого момента своего основания в 1926 г. в поиске *подлинности* за пределами искус-

²⁰ См.: *Maver Lo Gatto A.* Достоевский в исследованиях и переводах Этторе Ло Гатто // *Dostoevsky Studies*. 1983. N 4. P. 165–172.

²¹ Гаспарини посвятил Достоевскому несколько монографий: *Gasparini E.* Elementi della personalità di Dostojevskij. Roma, 1928; *Gasparini E.* Il principe Myskin: una ricerca sul cristianesimo di Dostojevskij. Padova, 1937; *Gasparini E.* Il dramma dell' *intelligencija*: Morfologia della cultura russa. Padova, 1940; *Gasparini E.* Dostoevskij e il delitto. Venezia, 1946.

²² *La Cultura*. 1931. Febbraio. Anno XI, N spec. F. 2. Заслуживает упоминания и библиография самого Гинзбурга, автора различных статей и предисловий к переводам произведений Достоевского (см. *Ginzburg L.* Scrittori russi. Torino, 1948).

ственных категорий и традиционных правил итальянского культурного дискурса сделал русского писателя одной из центральных фигур своей концепции нравственно сознательной литературы²³. С этого периода позиции творчества Достоевского в итальянской культуре укрепляются, оно становится одной из непреложных составляющих кругозора современной образованной личности. Следовательно, и в литературе оно находит широкое отражение в плане заимствования как мотивов (убийства и покаяния, «слабого сердца», «вечного мужа» и др.), так и художественных приемов. Есть по крайней мере два писателя первой величины, в творчестве которых можно обнаружить конкретное влияние Достоевского: А. Моравиа и К. Э. Гадда. Сам Моравиа не раз говорил о своей приверженности к Достоевскому²⁴, которого он считал главным мастером прозы XX в. «Записки из подполья» он называл основополагающим началом экзистенциализма, произведением, раскрывшим психологию современного человека²⁵. Что касается Гадды, чтение Достоевского послужило ему толчком для развития своих идей о романе как жанре и о постоянно открытом соотношении сферы «романного» с действительностью, становившемся в какой-то мере материей самих романов. С Достоевским его связывало и внимание, уделяемое проблемам ответственности и вины, так как, по словам Гадды, «вина одного — это вина всех»; изучение причин и последствий преступления предполагает «этический анализ сопутствующих причин добра и зла»²⁶.

О теме преступления в творчестве Достоевского написана и монография Гаспарини «Dostoevskij e il delitto». Среди итальянских писателей середины XX в., в произведениях которых ощутимо влияние Достоевского, можно еще отметить У. Бетти, Т. Ландольфи и П.-П. Пазолини²⁷.

Итальянское достоеведение начальных этапов первой половины XX в. достаточно широко и глубоко изучено. А история восприятия литературного наследия Достоевского в итальянской послевоенной и современной культуре, в частности, в критике, — тема, еще не исследованная систематически. О значении Достоевского для современной литературы однажды недвусмысленно высказался романист Г. Пьевене (G. Piovene): «„Dostoevskiana“ — главенствующее течение литературы

²³ Ср. *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945)*. Udine, 1998. P. 156–166.

²⁴ «Моим учителем был Достоевский», утверждал Моравиа в интервью 1978 г. (*De Michelis E. Dostoevskij nella cultura italiana // Dostoevskij nella coscienza d'oggi*. Firenze, 1981. P. 191. Ср.: *Колуччи М. Достоевский и итальянская культура // Dostoevskij und die Literatur*. Köln; Wien, 1983. С. 431–432).

²⁵ *Martini M. A scuola di esistenzialismo: Moravia allievo di Dostoevskij // Dostoevskij F. M. L'eterno marito*. Torino, 2001. P. 179–182.

²⁶ *Adamo S. Gadda e Dostoevskij // Edinburgh J. of Gadda Studies: First EJGS Conf. Proc.* November 2004.

²⁷ См.: *Martini M. Pasolini e Dostoevskij // Antologia Viuesseux*. Nuova serie. 1995. Maggio — Agosto. Anno I, N 2. P. 103–118.

нашего века <...>. Творчество Толстого составляет для нас, скорее, будущее, нежели прошлое. „Dostoevskiana“ со своими бесчисленными ответвлениями — это наша действительность, а Толстой, — скорее, идеал»²⁸.

Как мы видели, литературоведческие и философские исследования творчества Достоевского, характеризующиеся сначала предвзятой подозрительностью или отсутствием самостоятельности, в 1920-х гг. достигли зрелости, и с тех пор в Италии они никогда не переставали развиваться, что приводило часто к оригинальным результатам. Публикуются эссе и монографии, посвященные самым разным аспектам творчества и мышления Достоевского — с точки зрения литературоведения, истории идей, педагогики, психоанализа, криминологии и т. п. Трудно говорить о конкретных «школах» изучения творчества Достоевского в итальянских университетах и исследовательских центрах, скорее, можно указать на отдельные личности, способные создать вокруг себя небольшие группы продолжателей, придерживающихся тех же исследовательских приемов и обращающих внимание на определенные аспекты творчества писателя.

В моем представлении, одно из самых типичных и, наверное, самых оригинальных направлений итальянского послевоенного достоеведения находится в области философских исследований с ярким религиозным оттенком. Несомненно, в этом просматривается глубокое значение католической культуры в Италии. Но было бы грубой ошибкой ограничиться этим влиянием и заранее «предвкушать» в подобных исследованиях отпечаток односторонности: реальность гораздо разнообразнее. Так или иначе, чтение Достоевского никогда не переставало вызывать целый ряд религиозных и этических вопросов, и итальянское достоеведение сумело отличаться в их изучении оригинальными подходами и значительными результатами. Мы не можем включить в этот перечень знаменитого философа Р. Гуардини (R. Guardini), рожденного в Италии, но сформировавшегося как исследователь в Германии; тем не менее не должны остаться незамеченными совпадения его мировоззрения, основанного на католицизме, с общим фоном культуры страны его происхождения. В любом случае книга Гуардини о Достоевском была переведена на итальянский язык именно в те годы, когда в Италии начали развиваться религиозно-философские исследования творчества русского писателя, и она имела в этом процессе первостепенное значение²⁹.

²⁸ Пьювене Г. Выступление на международной конференции «Лев Толстой» в Венеции // Литературное наследство. 1965. Т. 75, кн. 1. С. 204–205. См. также: *Martini M. Mon nom est Fedor Dostoevskij* // Guido Piovene: tra realtà e visione / A cura di M. Rizzante. Trento, 2002. P. 141–156.

²⁹ *Guardini R. Il mondo religioso di Dostoevskij*. Bergamo, 1951 (на немецком: *Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk: Studien über den Glauben*. Leipzig, 1939); русский перевод: ЭОН. Альманах старой и новой культуры. Вып. IX: *Романо Гвардини*. Исследование

Не подлежит сомнению, что, пройдя трагическое испытание войной, итальянские мыслители и писатели обращали внимание в творчестве Достоевского на волнующие их вопросы о природе Зла, о позиции Бога по отношению к несправедливости и насилию. Характерно, что они при этом исходили из различных идеологий: если священник Б. Шульце (B. Schultze) изучал христологию Достоевского, Толстого и других русских писателей с точки зрения католической доктрины³⁰, то подход Р. Кантони (R. Cantoni) был сугубо светским, и литературовед находился под сильным влиянием экзистенциализма. Определив в качестве ключевого центра размышлений Достоевского «Записки из подполья», Кантони в своем эссе «Кризис человека. Мышление Достоевского»³¹ абсолютизирует противопоставление ценностей (христианство и нигилизм, добро и зло) без возможности компромисса: трагизм существования состоит, по мнению Кантони, в том, что сама логика человеческой свободы предполагает противоречивость и тщетность всякого выбора, так что отрицательная сторона бытия становится неизбежной составляющей индивидуальности³². Кантони критикует все метафизические выходы, предложенные Достоевским: «наставительное абстрагирование» Зосимы или Макара, «устарелое теологизирование» писателя, «примитивность» его «русского мессианства»³³.

Идеологическая двуполярность послевоенного мира проявилась и на итальянской почве, где сильное подчеркивание духовного начала Достоевского служило католическим мыслителям средством для полемики с основами советской атеистической культуры, в то время как мыслители-марксисты видели в нем пророка революции. Однако следует заметить, что при естественном влиянии той или иной идеологической тенденции большинство исследователей вели свои размышления тонко и самостоятельно. Одно из ярких свидетельств актуальности Достоевского-«экзистенциалиста» для итальянского послевоенного общества представляет собой цикл радиопередач Э. Пачи (E. Paci) о «Творчестве Достоевского» (1955). Эти лекции пользовались популярностью и были тогда же собраны в одноименную книгу³⁴. Если католических исследователей интересовали прежде всего персонажи

религиозной экзистенции в больших романах Достоевского. Человек и вера. М., 2010). Не менее значимыми были переводы в те же годы книг Шестова, Мережковского и Бердяева: *Berdjaev N. La concezione di Dostoevskij*. Torino, 1945; *Merezkovskij D.S. Tolstoj e Dostoevskij*. Vita. Creazione. Religione. Roma-Bari, 1947; *Šestov L. La filosofia della tragedia: Dostoevskij e Nietzsche*. Napoli, 1950; *Šestov L. Le rivelazioni della morte*. Firenze, 1950. О значении переводных монографий Гуардини, Бердяева и Шестова см.: *Givone S. Dostoevskij e la filosofia*. Roma; Bari, 1984 (2-е изд.: Roma; Bari, 2006).

³⁰ *Schultze B. Pensatori russi di fronte a Cristo*. Firenze, 1947.

³¹ *Cantoni R. Crisi dell'uomo. Il pensiero di Dostoevskij*. Milano, 1948 (2-е изд.: Milano, 1975).

³² Cp. *Ibid.* P. 76.

³³ *Ibid.*

³⁴ *Paci E. L'opera di Dostoevskij*. Torino, 1956.

«Братьев Карамазовых», «Идиота» и «Бесов», а для Кантони (как и для Моравиа) центр творчества Достоевского состоял в «Записках из подполья», то Пачи обнаруживает этот центр в фигуре двойника, связующей все произведения писателя. Двойничество позволяет писателю экспериментировать на своих героях, довести идеи до последних пределов. Художник и его герой — двойники, и сам герой, например Ставрогин, относится к своим теориям как художник, творец идей. Искусство становится, таким образом, орудием философии, поскольку автор работает со «смыслом существования»³⁵.

Как особо ценные и оригинальные следует упомянуть философские работы Л. Парейсона (L. Pareyson) и его ученика С. Дживоне (S. Givone), посвященные прежде всего вопросам этики в творчестве Достоевского. Парейсон, ставший учителем, среди прочих, для Умберто Эко и Джанни Ваттимо, еще до Второй мировой войны одним из первых ввел экзистенциализм в итальянский философский дискурс. Парейсон скоро стал обращать внимание на то, что, не будучи философом, Достоевский поднял в своих произведениях ряд принципиальных этических вопросов. И именно оттого, что писатель подошел к ним с точки зрения художника, а не философа, ему удалось показать их с неожиданной точки зрения. Только в 1966 г. Парейсон представил первые выводы своих десятилетних размышлений над творчеством русского писателя, посвятив ему курс в университете Турина³⁶. Главный фокус анализа Парейсона — этическое мышление Достоевского. В основе размышлений итальянского философа стоят эссе Шестова и Бердяева, при этом Парейсон полностью отступает от их выводов. Он анализирует три ключевых момента человеческого существования: переживание добра и зла; бремя свободы, опыт которой является центральным в жизни человека; и опыт общения с Богом. Посредством Достоевского и его героев (в первую очередь на материале поэмы «Великий инквизитор» в романе «Братья Карамазовы»), Парейсон показывает, что происходит с человеком тогда, когда он злоупотребляет свободой, выбирая зло и ставя себя на место Бога. Безудержное упоение свободой ведет к разрушительному Ничему. Путь этики ведет к метафизике: корень этики — это генерирующая страдание связь между Богом и злом. Парейсон говорит об «атеистическом моменте Божества», когда Бог, вочеловечившись, допускает раздор и противоречия, грех и смерть. Проанализировав размышления и поступки героев Достоевского, исследователь делает вывод, что нельзя ограничить роль зла лишением бытия или отсутствием добра: «оно

³⁵ Ibid. P. 21.

³⁶ Конспекты курса были тут же собраны и опубликованы: *Pareyson L. Il pensiero etico di Dostoevskij*. Torino, 1967. Философ продолжал работать над темами Достоевского до конца жизни, так и не завершив свою монографию, которая была опубликована посмертно в том — впрочем, почти окончательном — варианте, на котором он оставил работу над ней (*Pareyson L. Dostoevskij: filosofia, romanzo ed esperienza religiosa*. Torino, 1993).

имеет свою сознательную положительность, приводящую к неограниченной свободе». Зло — «начало *мятежное* по отношению к Абсолютному Существо... оно есть явно и положительно сопротивление, бунт, восстание, более того — неприятие, отторжение, отказ»³⁷. Таким образом, зло хоть и не существует в плане абсолюта, но может действовать в плане конечного и относительного, как паразит, который, эксплуатируя конечное в виде «онтологической опоры», становится «болезнью бытия, приводящей к разрушению и к смерти»³⁸.

Одна из лучших частей монографии Парейсона посвящена теме «бесполезного страдания». Достоевский усвоил и своеобразно описал христианскую концепцию страдания как искупления и очищения; он также заметил «человеческое расположение к страданию, одновременно раскрывая его характерную амбивалентность <...>. Достоевский — мастер в анализе этого мазохизма в высшей степени, который состоит во вкусе страдания и в наслаждении страданием»³⁹. Однако это соответствие страдания и наслаждения, основанное на активном осознании причин и последствий страдания как искупления и очищения, отсутствует в случае «бесполезного», излишнего страдания, в первую очередь касающегося детей. Парейсон, как правило, обращается к аргументации Ивана Карамазова. Заключим, что Иван гораздо точнее, чем Ницше, сформулировал самую законченную и логичную философию современного нигилизма. Неоправданность детского страдания, согласно Ивану, несовместима с самим существованием Бога (а не просто с вопросом о Его доброте или жестокости). Но, по мнению Парейсона, Достоевский через других героев романа дал ответ на тезисы Ивана, уничтожающая философия которого — а это главное — последовательно превращается в философское самоуничтожение в тот момент, когда с банализацией дьявола она завершит свое погружение в действительность: «Атеизм будет постепенно терять рычащую ярость бунта или бешеный порыв протеста, или студеный блеск богохульства, но это опускание не будет упадком, а совершенным осуществлением атеизма в нигилизме <...>. Это у него обыденный и спокойный вид нигилизма, во всем соответствующий банализованному, и поэтому побеждающему, бесу: это настолько всеобщее и тотальное отрицание, что полностью идентифицируется с действительностью <...>. Но религиозность, выгнанная из действительности, приютится в самой сердцевине личной жизни; и когда отрицание до того тотально, что полностью идентифицируется с действительностью, нет другого места для религиозного духа, если не в из ряда вон выходящем и необычном виде отчаяния и разложения личности»⁴⁰.

³⁷ Pareyson L. Dostoevskij: filosofia, romanzo ed esperienza religiosa. Torino, 1993. P. 65.

³⁸ Ibid. P. 66.

³⁹ Ibid. P. 171.

⁴⁰ Ibid. P. 194–195.

Эта глубокая трактовка Парейсона нашла достойное продолжение в работе Дживоне, который в 1984 г. выпустил первое издание монографии «Достоевский и философия»⁴¹. Книга состоит из двух разделов. В первом исследователь блестяще показывает, «как современная философия прочитала Достоевского», он анализирует с равным вниманием труды русских и европейских мыслителей, которые обратились к творчеству Достоевского (в том числе рисуя историю итальянского философского достоевведения). Второй раздел книги посвящен оригинальным исследованиям воззрений русского писателя в области эстетики, этики и теории. Дживоне старается приблизиться к сути мышления самого Достоевского, но надо отдать ему должное — он избегает попытки систематизировать взгляды писателя. Мышление Достоевского — это интуиция художника и гения, которая сумела стимулировать философские изыскания и до сих пор дает философам материю для бесконечных открытий и размышлений⁴². Среди тем, изученных Дживоне, стоит напомнить тему «комизма преступления и трагизма искупления», а в частности то, что Дживоне называет «парадоксом Раскольникова»: преступление является уже собственным искуплением⁴³.

В числе исследований философского характера, посвященных творчеству Достоевского, следует упомянуть еще своеобразную монографию «Карамазовы между По и Вико»⁴⁴, написанную венгром по рождению, но проживающим в Италии историком философии А. Фаем (A. Faj). Возможно, Фай первым изучил взгляды на историю, принадлежавшие философу Дж.-Б. Вико (G.-B. Vico) и распространившиеся в России во второй половине XIX в. Исследователь показывает неожиданное влияние теории исторических циклов неаполитанского философа на самого Достоевского. Работа Фая местами очень интересна и богата идеями. В то же время его выводы кажутся часто слишком односторонними. Например, рассуждая о генетическом влиянии на творчество русского писателя, с одной стороны, философии Вико, а с другой — рассказов Э.А. По, автор не считает нужным доказывать эти связи примерами из текстов произведений. Исследуя «Братьев Карамазовых», Фай отождествляет отца и каждого из четырех братьев с одним из пяти исторических циклов Вико, исключая всё, что не вписывается в викианские тезисы автора. В связи с этим во имя монологического толкования мышления Достоевского (без права самостоятельности

⁴¹ *Givone S. Dostoevskij e la filosofia*. Roma-Bari, 1984 (2-е изд.: Roma; Bari, 2006).

⁴² Некоторые интерпретации «религиозной диалектики» Достоевского относятся к «самым интересным выводам европейской философии» и — пишет Дживоне — «к толкованию, способному *диалектически* состыковать оба различных аспекта мышления Достоевского — радикальное сомнение и веру, нигилизм и христианство — ведут такие сами по себе далекие друг от друга исследования, как розановское <...> или же парейсоновское» (Ibid. P. VIII).

⁴³ Ibid. P. 103–115.

⁴⁴ *Faj A. I Karamazov fra Poe e Vico*. Napoli, 1984.

персонажей), резко опровергается полифонический диалогизм, выявленный еще Бахтиным.

Философские аспекты творчества писателя продолжают интересовать итальянских исследователей и по сей день. Отметим среди прочих монографию Д. Пачини (G. Pacini) «Шваховат в философии: очерк о мышлении Федора Михайловича Достоевского», тема которой — уровень философских знаний Достоевского и его неспособность принимать идеи последовательно философским подходом⁴⁵; а также ряд книг, посвященных связям философии XX в. с творчеством и мышлением русского писателя⁴⁶.

Сильный и неослабевающий интерес к исследованиям Достоевского в Италии демонстрируют католические ученые центры. Главным в этом отношении является «Чентро Руссия Кристиана», основанный в городке Сериате (Бергамо) в 1957 г. с целью изучать духовное наследие России и противостоять влиянию советского атеизма, публикуя религиозную литературу, в том числе труды отцов русского духовного мышления, в издательстве «La casa di Matriona» («Матренин двор») и на страницах журнала «La nuova Europa» («Новая Европа»).

Толкование творчества Достоевского с религиозных позиций берет свое начало в философии Вл. Соловьева, в том, как Соловьев интерпретировал идеи своего друга-писателя, но оно не исключает и влияния идей других русских религиозных мыслителей (Бердяева, Розанова, Шестова)⁴⁷. Самый выдающийся достоевед центра — А. Делл'Аста (A. Dell'Asta)⁴⁸.

Первенство в итальянском достоеведении следует, вероятно, отдать исследованиям философского характера, но это совсем не значит, что не хватает работ высокого уровня и в области литературоведения.

⁴⁵ Pacini G. Deboluccio in filosofia: saggio sul pensiero di Fedor Michajlovič Dostoevskij. Milano, 1997.

⁴⁶ См.: Un artista del pensiero. Saggi su Dostoevskij / A cura di G. Gigante. Napoli, 1992; Belloli P. G. Fenomenologia della colpa: Freud, Heidegger, Dostoevskij, con un saggio di A. G. Conte. Milano, 2001; Nietzsche e Dostoevskij. Origini del nichilismo / A cura di C. Ciancio, F. Vercellone. Torino, 2001; *Oppo A. Dostoevskij: La Bellezza, il Male, la Libertà // XÁOS. Giornale di confine*. 2003. Anno II, N 1/3 [Электронный ресурс] http://www.giornalediconfine.net/anno_2/n_1/20.htm (дата обращения 07.01.14); *Vitiello V. Cristianesimo e nichilismo: Dostoevskij–Heidegger*. Brescia, 2005; и др.

⁴⁷ См. хрестоматию: *Il dramma della libertà. Saggi su Dostoevskij*. Milano, 1991. Журнал «La nuova Europa», помимо множества статей в течение нескольких лет, посвятил Достоевскому специальный номер (1997. N 4).

⁴⁸ Среди них: *Dell'Asta A. Una parola all'estremità del silenzio: Il Cristo teologico di Dostoevskij // Communio*. 1981. N 55: Strumento internazionale per un lavoro teologico. P. 71–90; *Dell'Asta A. Dostoevskij e l'iconicità // Dostoevskij e la questione dell'altro*. Milano, 1990. P. 7–20; *Dell'Asta A. La terribile bellezza di Dostoevskij // Dostoevskij*. Milano, 1997. P. 19–30; *Dell'Asta A. La resurrezione: chiave della letteratura, delle arti e della cultura russa. L'esempio di Dostoevskij // Il corpo glorioso. Il riscatto dell'uomo nelle teologie e nelle rappresentazioni della resurrezione / A cura di C. Bernardi, C. Bino, M. Gragnolati*. Pisa, 2006. P. 61–70.

По их числу библиография весьма богата, поэтому остановимся только на нескольких лучших достижениях последних десятилетий.

Особое место занимает итальянист Э. Де Микелис (E. De Michelis), тончайший филолог и эрудит, который в течение всей своей исследовательской жизни посвящал книги и статьи поэтике Достоевского и восприятию его творчества в итальянской литературе. Главная работа Де Микелиса — книга 1950 г. «Достоевский»⁴⁹, в которой критик предлагал путь строго филологического и текстологического исследования творчества писателя во избежание всех форм идеологизированной интерпретации его художественного наследия. Некоторым критикам — писал Де Микелис в предисловии книги — «понравилось плавать в Достоевском — „океане без начала“ <...>, утопив понимание в своего рода мистицизме и так же, как это произошло с Данте, забывая поэта для того, чтобы превозносить пророка»⁵⁰. Де Микелис требует внимания к тексту, не настаивает на определенных интерпретациях; несмотря на свое незнание русского языка (для перевода источников он обращался к помощи Ло Гатто и других русистов), изучает произведения Достоевского с филологическим чутьем итальяниста, не случайно упоминая другого великого «властителя дум» — Данте. Де Микелиса творчество Достоевского в целом интересует не меньше, чем отдельные его произведения. Мелкие нюансы этих произведений и их сопоставление с литературными произведениями других стран (в первую очередь Италии) Де Микелис провел во второй своей книге «Малые произведения Достоевского»⁵¹ и в ряде журнальных статей.

Тщательный сопоставительный анализ — одна из лучших черт работ Де Микелиса. Вообще компаративистика была одной из любимых «территорий» итальянского достоевведения. До относительно недавнего времени представители этого направления исследований в поиске «влияний» не выходили за традиционные и привычные для итальянской филологии рамки генетического сопоставления. Самый характерный в этом смысле пример — монография А. Гуарниери Ортолани (A. Guarnieri Ortolani) «Очерк о судьбе Достоевского в Италии»⁵², настолько же богатая информацией, насколько ограниченная схемой, согласно которой в поле зрения исследовательницы входит лишь то, что можно назвать прямым тематическим влиянием Достоевского на итальянских писателей. Тщетность такого рода сопоставления в случае Пиранделло ярче всего показывает неудовлетворительность подхода.

Но несмотря на недостатки, итальянская компаративистика давала иногда и интересные результаты: помимо цитированных работ Де Микелиса, в частности о влиянии Достоевского на Ф. Тоцци (F. Tozzi)⁵³,

⁴⁹ *De Michelis E. Dostojevskij. Firenze, 1950.*

⁵⁰ *Ibid. P. 1.*

⁵¹ *De Michelis E. Dostojevskij minore. Firenze, 1954.*

⁵² *Guarnieri Ortolani A. Saggio sulla fortuna di Dostojevskij in Italia. Padova, 1947.*

⁵³ *De Michelis E. Saggio su Tozzi. Firenze, 1936. P. 77–82.*

можно указать статью выдающегося исследователя французской литературы Д. Маккиа (G. Macchia) «Достоевский и Пруст»⁵⁴ или статью Гуарниери Ортолани «Достоевский и Ландольфи»⁵⁵. Только относительно недавно итальянские компаративисты значительно расширили свое поле зрения, допуская типологический и морфологический анализ и активно работая в областях интертекстуальности и теории перевода. Об этом свидетельствуют среди прочих работа слависта Р. Пиккьо (R. Picchio) о Достоевском и Любене Каравелове, «эразмианское» исследование С. Грачиотти (S. Graciotti) о культурных прототипах «Идиота»⁵⁶, статьи И. Верча (I. Verç) о Достоевском и Леонове, С. Гардзонио (S. Garzonio) о влиянии творчества Карамзина на произведения Достоевского, С. Алоэ (S. Aloe) о типологических параллелях между творчеством Достоевского и литературой испанского барокко и об отношениях аргентинских прозаиков к творчеству русского писателя, С. Адамо (S. Adamo) об отношении Звево и Гадды к творчеству Достоевского⁵⁷ и, наконец, работы таких знаменитых «неславистов», как Р. Барилли (R. Barilli) о Звево, С. Перозы (S. Perosa) о восприятии Достоевского в английской и американской литературах, П. Читати (P. Citati) о связях его произведений с европейским романом XIX в.⁵⁸

Интерес к Достоевскому с точки зрения истории идей и общества, проявлявшийся на первых этапах распространения его творчества в Италии, сохранился и на этапе расширения литературоведческих исследований и с ними «контаминировался», получив таким образом более глубокие основы и возможность развиваться по многим

⁵⁴ Macchia G. Dostojevskij e Proust // Il romanzo russo nel sec. XIX e la sua influenza nelle letterature dell'Europa Occidentale. Colloquio italo-sovietico. Atti dei convegni dei Lincei. Roma, 1978. P. 127–140. Об этой теме см. также: *Rebecchini D.* Proust e l'«Idiota» di Dostoevskij. Analisi di un percorso di lettura // Quaderni Proustiani. Napoli, 2002. P. 7–25.

⁵⁵ Гуарниери Ортолани А. Достоевский и Ландольфи // Dostoevsky Studies. 1981. N 2. С. 163–168.

⁵⁶ Пиккьо Р. Мертвый дом Достоевского и Каравелова // Revue des études slaves. 1981. Vol. 53, N 4. P. 587–595; Graciotti S. Dostoevskij e l'elogio dell'«idiotia» // Dostoevskij e la crisi dell'uomo / A cura di S. Graciotti, V. Strada. Firenze, 1991. P. 421–440.

⁵⁷ Верч И. К вопросу о так называемой «традиции» Достоевского в двух редакциях романа «Вор» // J. M. Leoнова // Dostoevsky Studies. 1981. N 2. С. 119–128; Garzonio S. Alcuni dati sulla presenza dell'opera di Karamzin in Dostoevskij // Gli orizzonti della creazione. Studi e schede di letteratura russa. Bologna, 1992. P. 125–136; Алоэ С. Достоевский и испанское барокко // Достоевский и мировая культура. 1998. N 11. С. 76–94; Алоэ С. «Una especie de lamellos metafisico»: Достоевский и русский роман как литературный миф в творчестве Хулио Кортасара и Эрнесто Сабао // F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues / A cura di K. Kroó, T. Szabó. Budapest, 2009. P. 15–26; Adamo S. Gadda e Dostoevskij // Edinburgh J. of Gadda Studies: First EJGS Conf. Proc. November 2004.

⁵⁸ Barilli R. Svevo tra il «moderno» Zola e il «postmoderno» Dostoevskij // Italo Svevo tra moderno e postmoderno / A cura di M. Buccheri, E. Costa. Ravenna, 1995. P. 45–50; Perosa S. Dostoevskij in Inghilterra e in America // Comparatistica: annuario italiano. 1989. Anno 1. P. 71–82 (переиздано в кн.: Perosa S. Transitabilità. Palermo, 2005); Citati P. Il male assoluto. Nel cuore del romanzo dell'Ottocento. Milano, 2000.

направлениям. Очень показательна в этом смысле одна из первых послевоенных монографий о русском писателе — работа Джусты «Достоевский и русский мир XIX века»⁵⁹. Историзм Джусты направлен на сопоставление истории идей в России и в Европе, а творчество Достоевского служит ему весьма показательным образцом этой истории. Научный подход Джусты считается сегодня в основном устаревшим — слишком далеки от ученого оригинальные тексты и язык Достоевского (для анализа произведений исследователь пользуется исключительно переводами). И уже сразу после выхода в свет этой книги Де Микелис увидел в ней помимо ряда положительных качеств «грех» схематизма⁶⁰.

Такие недостатки в изучении отношений между концептуальным миром Достоевского и идеями его эпохи были преодолены исследователями, обладающими хорошей филологической и языковой подготовкой. Приемы современного литературоведения, а также усиленное внимание к текстологическим аспектам и к соотношению между текстом и контекстом привели к методологически уравновешенному анализу таких тем, как всегда популярный в Италии нигилизм или каторга в «Записках из мертвого дома», политические взгляды Достоевского-публициста и т. п. Выделяется в этой области исследований фигура самого известного итальянского русиста — В. Страды (V. Strada), который посвятил творчеству и идеологическому миру Достоевского важные работы и способствовал развитию международного достоевведения в 1980–1990-х гг. Поддерживая связь между выдающимися учеными разных стран, он пригласил их печататься в своем журнале «Россия/Russia» и принять участие в большой конференции о русском писателе, организованной им вместе с Грачиотти в Венеции в 1981 г. (речь об этом пойдет далее).

В работах самого Страды изучены различные аспекты творчества Достоевского как художника и мыслителя: если в «Проблеме „Преступления и наказания“» (1966) Страда углублялся в анализ мотиваций Раскольникова и теоретические основы его «наполеонизма», то позже он обратился прежде всего к теме сверхчеловека (буквально *Superuomo*) и характеристикам образа революционера в произведениях русского писателя⁶¹.

Среди исследований, в которых уделено особое внимание публицистической стороне творчества Достоевского и его социополитическим аспектам, можно упомянуть работы Р. Валле (R. Valle) и Г. Карпи

⁵⁹ *Giusti W.* Dostoevskij e il mondo russo dell'800. Napoli, 1952.

⁶⁰ *De Michelis E.* Guardini e Giusti // Dostoevskij minore. P. 93–97.

⁶¹ *Strada V.* Il problema di *Delitto e castigo* // Tradizione e rivoluzione nella letteratura russa. Torino, 1969. P. 37–83; *Strada V.* Il superuomo e il rivoluzionario nella prospettiva di Dostoevskij: «Bobok» // Dostoevskij e la crisi dell'uomo. P. 163–177. См. также: *Strada V.* Immagini di Dostoevskij // Le veglie della ragione. Miti e figure della letteratura russa da Dostoevskij a Pasternak. Torino, 1986. P. 15–77; *Strada V.* Etica del terrore: Da Fëdor Dostoevskij a Thomas Mann. Roma, 2008.

(G. Carpi)⁶². В последние годы почти одновременно были защищены две очень серьезные диссертации, обе на материале «Дневника писателя», анализирующие прежде всего стиль и язык Достоевского-публициста⁶³. Разбору писем, посланных Достоевским из Петропавловской крепости, и концептуальному соотношению заточения и творчества недавно посвятила статью Ч. Де Лотто (C. De Lotto)⁶⁴.

Различные аспекты поэтики писателя были затронуты в огромном числе работ итальянских исследователей за последние пятьдесят лет, и этот объем затрудняет задачу нашего очерка. Многие итальянские русисты занимались творчеством Достоевского хотя бы эпизодично; правда, относительно немногие сделали его ведущей темой своих исследований. Интерес к собственно поэтике Достоевского возрос в конце 1960-х гг., чему способствовали организаторы ряда значительных конференций, первая из которых — «Достоевский в сегодняшнем сознании» — под руководством Грачиотти, состоялась в Венеции в 1972 г.⁶⁵ Столетняя годовщина смерти писателя имела в Италии огромный резонанс, в том числе благодаря конференциям международного уровня. В первую очередь упоминаем IV симпозиум Международного общества Достоевского, организованный в Бергамо в 1980 г. благодаря энтузиазму Н. М. Каухчишвили. Нина Михайловна, создательница настоящей

⁶² Valle R. *Dostoevskij politico e i suoi interpreti: l'esodo dall'Occidente*. Prefazione di V. Strada. Roma, 1990; Carpi G. «Umanità universale». Le radici ideologiche di Dostoevskij. Pisa, 2001; Carpi G. Ф. М. Достоевский и судьбы русского дворянства (по роману «Идиот» и другим материалам) // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М., 2001. С. 482–507; Carpi G. *Dostoevskij economista* // Studi Slavistici. 2005. Anno 2. P. 97–118; Carpi G. «Умственная оргия». Ф. М. Достоевский и А. М. Унковский // Вопросы литературы. 2005. N 5. С. 202–221.

⁶³ Основные выводы этих диссертаций опубликованы: Vassena R. *Reawakening National Identity. Dostoevskii's Diary of a Writer and Its Impact on Russian Society*. Bern, 2007; Vassena P. «Русская идея» читателей в сознании «рассуждающих» и «нерассуждающих» читателей (из истории восприятия Дневника писателя за 1876–1877 гг.) // Достоевский и мировая культура. 2004. №20. С. 193–211; Vassena P. «Вы не можете не сочувствовать нам, бедным студентам...»: письма студентов к Достоевскому // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 17. СПб., 2005. С. 325–345; Vassena P. The Jewish question in the genre system of Dostoevskii's *Diary of a Writer* and the problem of the authorial image // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65, N 1. С. 45–65; Paolini S. L'elemento autobiografico nel *Diario di uno scrittore* di F. M. Dostoevskij // *Europa orientalis*. 2004. Vol. 2. P. 173–197; Paolini S. Dostoevskij e il byronismo: osservazioni dalla pubblicistica e dal *Diario di uno scrittore* // *Nuovi Quaderni del C.R.I.E.R.* Anno I. Verona, 2004. P. 155–176; Paolini S. Il tempo narrato nel *Diario di uno scrittore* di F. M. Dostoevskij, luogo di memoria e di giudizio // *Immagini di tempo: Studi di slavistica* / A cura di P. Tosco. Verona, 2010. P. 169–178.

⁶⁴ De Lotto C. *Dostoevskij. Lettere dalla fortezza* // «Le loro prigioni»: scritture dal carcere. Atti del Colloquio internazionale / A cura di A. M. Babbì, T. Zanon. Verona, 2007. P. 257–290.

⁶⁵ Материалы конференции увидели свет только в 1981 г.: Dostoevskij nella coscienza d'oggi. Firenze, 1981. Среди авторов — В. Б. Шкловский, М. П. Алексеев, А. Флакер, Ж. Каттё, итальянские слависты Ло Гатто, Пиккьо, Э. Баццарелли, Гаспарини, писатель К. Бо, философ Парейсон и др.

славистической школы в Бергамо и одна из основателей Международного общества Достоевского в 1971 г., пригласила в Италию лучших достоевцев и вовлекла в работу симпозиума целый ряд молодых итальянских русистов⁶⁶. Статьи Каухчишвили о Достоевском всегда оригинальны и тонки. Еще значительнее ее заслуги как педагога и организатора⁶⁷. Фактом остается то, что многие из учеников Каухчишвили с ее подачи занимались поэтикой Достоевского и в следующие годы. Так, например, Р. Казари (R. Casari)⁶⁸ и Дж.-П. Пиретто (G.-P. Piretto)⁶⁹ исходя из приемов семиотики фокусировали внимание в первую очередь на хронотопе Петербурга и некоторых пространственных мотивах в произведениях писателя. Годовщину его смерти отметили крупными конференциями в Милане в 1982 г., в Риме в 1983 г. в престижной Академии деи Линчеи⁷⁰, а также в Венеции в 1981 г., под эгидой Фонда «Чини» и под руководством Страды и Грачиотти вместе с выдающимся итальянистом В. Бранкой (V. Branca). Все три конференции прошли с участием знаменитых достоевцев⁷¹. Проведенная в Ассизи

⁶⁶ См. материалы симпозиума, только частично отражающие его работы: *Attualità Dostoevskij*. Genova, 1982, со статьями западных ученых Р. Веллека, Н. Натовой, Р.Л. Бэлкнапа, М.В. Джонса и др., а также со статьями десятков итальянских ученых, среди которых Н.М. Каухчишвили, И. Верч, Дж.-П. Пиретто, Р. Казари и др.

⁶⁷ Как ни странно, Нина Михайловна написала о Достоевском не столь много. Среди ее статей следует упомянуть: *Kauchschischwili N. L'icone dans l'oeuvre dostoevskienne // Dostoevskij und die Literatur. Vorträge zum 100. Todesjahr des Dichters auf der 3. internationalen Tagung des «Slavenkomitees» in München 12–14. Oktober 1981. Köln & Wien, 1983. S. 123–146; Kauchschischwili N. Alcuni aspetti specifici della poetica dostoevskiana // Problemi attuali di critica dostoevskiana: atti del convegno tenuto a Milano il 14 e 15 maggio 1982 / A cura di E. Bazzarelli. Milano, 1983. P. 33–55; Kauchschischwili N. Le portrait littéraire chez Dostoevskij // *Attualità Dostoevskij*. P. 159–213; *Kauchschischwili N. География либо художественная канва Бесов Достоевского // Slavica Tergestina*. 2000. Vol. 8. С. 37–52; *Kauchschischwili N. Dostoevskij e il denaro*. Milano, 2007.*

⁶⁸ *Casari R. Купеческий дом: историческая действительность и символ у Достоевского и Лескова // Достоевский. Материалы и исследования*. 1988. Т. VII. С. 87–92; *Casari R. Di un motivo architettonico-spaziale in Dostoevskij. Le vaste prigioni della mente // Studi slavistici offerti a Alessandro Ivanov nel suo 70° compleanno*. Padova, 1992. P. 26–33; *Casari R. I silenzi di Rogožin // Europa Orientalis*. 1993. Vol. XII, N 1: Studi in onore di Anjuta Maver Lo Gatto. P. 79–85; и др.

⁶⁹ *Piretto G.-P. Da Pietroburgo a Mosca: Le due capitali in Dostoevskij, Belyj e Bulgakov*. Milano, 1990; *Piretto G.-P. Gli «uomini della folla» di Dostoevskij. Senza dimenticare Poe o Hoffmann // Europa Orientalis*. 1993. Vol. XII, N 2. P. 91–122; *Piretto G.-P. Fessure, fenditure, voragini: le finestre di Dostoevskij // Europa Orientalis*. 1996. Vol. XV, N 1. P. 77–101.

⁷⁰ Академия «Линчеи» незадолго до этого организовала итало-советскую конференцию о русском романе (в том числе о Достоевском): *Il romanzo russo nel secolo XIX e la sua influenza nelle letterature dell'Europa occidentale*.

⁷¹ Материалы конференции опубликованы под названиями: *Dostoevskij e la sua opera: convegno italo-sovietico. Atti Convegni Lincei*. Roma, 1985. Vol. 69.; *Problemi attuali di critica dostoevskiana (среди участников — Баццарелли, Каухчишвили, Ж. Нива, Дж. Спендель, Ф. Мальковати, Т. Николеску); Dostoevskij e la crisi dell'uomo (среди иностранных*

в 1984 г. конференция, организованная католическими организациями, также подтвердила актуальность творчества Достоевского⁷². Благодаря международному престижу и связям некоторых итальянских русистов, таких как Грачиотти, Каухчишвили, Э. Баццарелли (E. Bazzarelli) и Страда, все перечисленные конференции отличались высоким уровнем выступлений и большим международным значением.

Италия в годы горбачевской «перестройки» становится связующим узлом между Западом и Востоком, сближает советских и американских ученых, французскую семиотику и Тартускую школу. Бахтиниана и семиотические исследования бурно развиваются, а с открытием границ СССР итальянские университеты все чаще приглашают знаменитых советских филологов и литературоведов на лекции и семинары, а нередко и предлагают им должности доцентов. Итальянская русистика, а в частности «достоевистика», вышла из культурных пределов страны и сильно обогатилась научными контактами. Одним из первых итальянских специалистов по творчеству Достоевского, привлечших к себе внимание на международном уровне, стал И. Верч, автор монографического анализа об употреблении знаменитого наречия «вдруг» в творчестве Достоевского⁷³. Верч поставил перед собой задачу: отталкиваясь от предыдущих интерпретаций этого слова в произведениях Достоевского, доказать, что у писателя «вдруг» — это самое прямое выражение манеры отражать «некоторую особенность „слова нарратора“, а не слова персонажа»⁷⁴. Все чаще итальянские русисты публикуют свои статьи, а иногда и книги за пределами Италии, увеличивая их доступность читателю за счет использования русского или, реже, английского языка. Так, например, монография С. Сальвестрони (S. Salvestroni) о библейских источниках произведений Достоевского, переизданная в русском переводе, получила множество откликов⁷⁵. Также упомянем статью на русском языке Р. Джаквинты (R. Giaquinto) о «Записках из подполья», и статьи о «Хозяйке», опубликованные в России автором настоящего очерка С. Алоэ, помимо этого организовавшим вместе с М. Бёмиг (M. Böhmig) XIII симпозиум Международного общества Достоевского, состоявшийся в Неаполе в 2010 г.⁷⁶

участников — Р. Лахман, Е. Эткинд, И. Серман, Г.С. Померанц, Нива, Ж. Бонамур, Ж. Каттё, Ч. Милош, А. Пятигорский, Д. Фангер, Р.Л. Джексон и др.; среди итальянцев — П. Читати, Э. Параторе, С. Пероза, Де Микелис, И. Манчини и др.).

⁷² См.: *Vaghin E. et alii. Fedor Dostoevskij: Il mistero dell'uomo*. Assisi, 1985.

⁷³ *Verč I. Vdrug. L'improvviso in Dostoevskij*. Trieste, 1977.

⁷⁴ *Ibid.* P. 42–43.

⁷⁵ *Salvestroni S. Dostoevskij e la Bibbia*. Magnano, 2000; в русском переводе: *Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского*. СПб., 2001.

⁷⁶ *Джаквинта Р. У нас мечтатели и подлецы. О «Записках из подполья»* Ф. М. Достоевского // *Русская литература*. 2002. №3. С. 3–18; *Алоэ С. «Татарский мотив» в повести «Хозяйка»* // *Поэтика Достоевского. Статьи и заметки*. Rīga, 2007. С. 14–21; *Алоэ С. Внутреннее пространство Ордынова (из наблюдений над повестью «Хозяйка») // Достоевский и мировая культура*. 2007. №23. С. 9–15.

Список работ о Достоевском, вышедших в Италии в течение последних двадцати лет, будет неполным без обзора творчества писателя, который тщательно составил Ф. Мальковати (F. Malcovati); без сделанного Ч. Дж. Де Микелисом (C. G. De Michelis) анализа фигуры дьявола в романах Достоевского. Упомянем монографию Дж. Джиганте (G. Gigante), посвященную снам в произведениях писателя; работы Д. Гини (G. Ghini) о фигуре Иова в романе «Братья Карамазовы» и о различных культурологических аспектах творчества Достоевского; монографию М. Де Микиэль (M. De Michiel), посвященную анализу первого издания книги Бахтина «Поэтика Достоевского»; книгу К. Оливьери (C. Olivieri) «Достоевский. Глаз и знак», оригинальное эссе об отношениях писателя с фигуративным искусством (Достоевский как предмет и как субъект искусства, искусство как субъект в произведениях писателя)⁷⁷. Еще напомним о специфической странице истории семьи Достоевских, связанной с Италией: о пребывании в Мерано и Больцано дочери писателя, Любви, которая в Больцано и похоронена⁷⁸.

Наконец, достойно внимания и то, что творчество Достоевского продолжает вызывать огромный творческий и исследовательский интерес и вне рамок русистики, о чем свидетельствуют недавние монографии, написанные театроведами, педагогами, социологами, эпистемологами, журналистами⁷⁹ и даже авторитетным судьей Г. Коломбо (G. Colombo), который недавно предложил специфическое прочтение поэмы «Великий инквизитор», переключив ее на нашу современность: «В мире глобализации <...> , в котором Государство больше не является единственным обладателем власти, а граждане, кажется, постепенно превращаются просто в потребителей, Великий инквизитор скрывается за безликим понятием рынка»⁸⁰. Пример ярок. В подобном разнообразии подходов актуальность Достоевского для сегодняшней Италии ясна до очевидности.

⁷⁷ *Malcovati F.* Introduzione a Dostoevskij. Bari, 1992; *De Michelis C. G.* Il diavolo di Dostoevskij // Il diavolo e l'Occidente. Brescia, 2005. P. 117–130; *Gigante G.* Dostoevskij onirico. Napoli, 2001; *Ghini G.* Il simbolo «Giobbe» ne «I fratelli Karamazov» di F. M. Dostoevskij: tra connotazione ed ermeneutica // *Lingua e stile.* 1987. Vol. XXII, N 1. P. 91–118; *Ghini G.* Figura ed immagine ne «I fratelli Karamazov» // *Intersezioni.* 1988. Vol. VIII, N 3. P. 511–541; *Ghini G.* Dostoevskij a Bologna: le ragioni di un silenzio // *L'Est europeo e l'Italia.* Immagini e rapporti culturali. Genève, 1995. P. 339–348; *Ghini G.* La Scrittura e la steppa. Eseggesi figurale e cultura russa. Urbino, 1999; *Ghini G.* Un inedito di Diego Fabbri da un romanzo umoristico di Dostoevskij // *Rivista di letteratura italiana.* 2010. Vol. XXVIII, N 1. P. 137–164; *De Michiel M.* Il non-alibi del leggere: «Michail M. Bachtin *Problemi dell'opera di Dostoevskij*». Trieste, 2001; *Olivieri C.* Dostoevskij l'occhio e il segno. Catanzaro, 2003.

⁷⁸ См.: Любовь Достоевская: С.-Петербург — Больцано / Под ред. Б. Марабини-Цеггелер, М. Талалай. Firenze, 1999.

⁷⁹ *Marchetti M.* Camus e Dostoevskij: il romanzo sulla scena. Roma, 2007; *Molinari R.* Viaggio nel teatro di Thierry Salmon: attraverso «I demoni» di Fedor Dostoevskij. Milano, 2008; *Peretti M.* Il dramma dell'uomo e l'educazione: riflessioni pedagogiche sul pensiero di Dostoevskij. Brescia, 1984; *Cassano F.* L'umiltà del male. Bari, 2011; *Tagliagambe S.* Il sogno di Dostoevskij. Come la mente emerge dal cervello. Milano, 2002; *Scalfari E.* Per l'alto mare aperto. Torino, 2010.

⁸⁰ *Colombo G.* Il peso della libertà // *Il Grande Inquisitore.* Milano, 2010.

А. ДЕ ЛАЗАРИ, Т. СУХАРСКИ

**ДОСТОЕВСКИЙ В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ
С 1970-х гг. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ**

В 1995 г. столь любимым поляками Виктор Ерофеев шутил таким образом: «Будь я поляком, я бы все русское ненавидел и презирал до бесконечности. Хаос, грязь, помойка мира — а при этом весь мир хотят переделать по собственному образцу. <...> Будь я поляком, я бы не верил в то, что у русских есть литература. Литература? Какая литература? Пушкин писал гадости о поляках. Гоголь писал о поляках страшные гадости, Достоевский — это вообще рупор русского самодержавия, тоже ругал поляков... Только Герцен был в этом смысле ничего, да еще маркиз де-Кюстин. Будь я поляком, я бы перевел антирусские письма Кюстина на польский язык и раздал бы каждому школьнику в день конфирмации в качестве подарка»¹.

В чем-то Ерофеев прав — много у поляков всяких предубеждений к русским, но с Достоевским он переборщил. Поляки Достоевского ценят, читают, изучают и давно простили ему антипольские фобии. В опубликованной в этом же томе библиографии за 1971–2011 гг. мы назвали несколько сотен книг и статей, посвященных его творчеству². Конечно, мы не в состоянии обо всех рассказать — ведь одно их перечисление заняло несколько десятков страниц.

В сталинское время книги Достоевского «жили» в Польше в подполье и в эмиграции, и в польскую культуру времен коммунизма вернулись лишь после 1956 г. вместе с хрущевской «оттепелью». О его идеях пошли живые споры в ведущем тогда журнале польской интеллигенции «*Po prostu*»³. Только после этого смогли появиться знаменитые работы Анджея Валицкого «Личность и история»⁴ с главой «Достоевский и идея свободы» и его же «В кругу консервативной утопии. Структура

¹ Ерофеев В. Будь я поляком // Польская и русская душа — от А. Мицкевича и А. Пушкина до Ч. Милоша и А. Солженицына / Под. ред. А. де Лазари. Варшава, 2003. С. 461.

² См. наст. сборник. С. 583–598.

³ Закрѳт коммунистическим правительством Польши в 1957 г.

⁴ Walicki A. Osobowość a historia (Studia z dziejów literatury i myśli rosyjskiej). Warszawa, 1959; второе издание: Walicki A. Idea wolności u myślicieli rosyjskich. Kraków, 2000.

и преображения русского славянофильства»⁵, которая содержала главу о феномене русского «почвенничества», а также замечательная книга Рышарда Пшибыльского «Достоевский и „проклятые вопросы“». От „Бедных людей“ до „Преступления и наказания“»⁶.

Валицкий принадлежит к наиболее выдающимся польским ученым, которые сумели сохранить интеллектуальную свободу, сознательно пренебрегая идеологическими запретами. Его книги изданы на многих языках народов мира и стали учебниками для нескольких поколений философов, историков, филологов и политологов; это наш самый важный учитель по россиеведению. Отдельной книги о Достоевском Валицкий, правда, не издал, но к творчеству и идеям писателя неоднократно возвращался в своих трудах по истории русской мысли⁷. Автор лучшей польской работы о славянофильстве, он показал нам Достоевского как глубокого мыслителя, исследователя «диалектики своеволия», ведущей от личного порабощения Кириллова и Раскольникова к тоталитарной действительности Шигалева и Великого инквизитора.

Рышард Пшибыльский, известный полонист, но одновременно и знаток творчества Достоевского, русской мысли и литературы, согласно польской традиции, возвышающей и положительно оценивающей романтизм первой половины XIX в., показал в своих трудах источники романтического мировоззрения русского гения. С одной стороны, это влияние Байрона, Шиллера, Пушкина и Лермонтова, с другой — культурные традиции русского религиозного христианства: нестяжательство, старчество, юродство. Пшибыльский изучал наследие Нила Сорского, Тихона Задонского, Паисия Величковского, Псевдо-Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника, православную патристику, показав полякам в первую очередь этическую и религиозную сторону мировоззрения автора «Преступления и наказания». Появление в 1964 г. книг Валицкого и Пшибыльского было в Польше большим событием общественной и научной жизни, во многом определившим дальнейшие польские исследования истории русской мысли и литературы, в том числе, конечно, творчества Достоевского.

В своем «Вступлении» к «Проклятым вопросам» Пшибыльский обещал продолжить свое исследование и написать второй том произведения — «От „Преступления и наказания“ до „Братьев Карамазовых“», но из-за цензурных преследований не имел возможности выполнить это обещание. Зато он поместил большую главу о Достоевском во вто-

⁵ *Walicki A.* W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. Warszawa, 1964; 2-е изд.: Warszawa, 2002.

⁶ *Przybylski R.* Dostojewski i «przeklęte problemy». Od «Biednych ludzi» do «Zbrodni i kary». Warszawa, 1964; 2-е изд.: Warszawa, 2010.

⁷ *Walicki A.* Rosyjska filozofia i myśl społeczna od Oświecenia do marksizmu. Warszawa, 1973; расширенное переиздание: *Zarys myśli rosyjskiej od oświecenia do renesansu religijno-filozoficznego.* Kraków, 2005.

ром томе изданного в 1971 г. учебного пособия «Русская литература»⁸, а 1972 г. в журнале «Тексты» появилась его статья «Ставрогин», вошедшая спустя двадцать четыре года вместе с очерком Марии Янион «Трагична ли личность Ставрогина» (1988) в книгу «Дело Ставрогина»⁹. Эти две самые знаменитые польские интерпретации личности Ставрогина находятся в принципиальной оппозиции друг к другу. Для Пшибыльского Ставрогин — это мировоззренческий донжуан, изменяющий очередной философской концепции, который не в состоянии ничему верить или утвердиться на какой бы то ни было идее. По мнению исследователя, в Ставрогине показан образец типичного русского безверия, состояния, в котором свобода уступает место бессмысленной пустоте. Для Марии Янион герой «Бесов», в первую очередь, аморален. В нем проявляется характерное для современного мира свойство трагического мировосприятия. Отступив от Бога, он погружается в одиночество, в равной степени страдает и от зла, а под тяжестью ответственности свободы скорбно переживает опыт и «пустой трансценденции», и «пустой вины».

В 1976 г. писатель Ярослав Ивашкевич поместил содержательный портрет Достоевского в своей книге очерков «Петербург»¹⁰. Он нашел в тайнах и специфике города на Неве источники тревожного мира Достоевского. В 1971 г. об особенном драматизме его романов, в первую очередь «Бесов», написал Богдан Войдовский в очерке «Миф Шигалева»¹¹, обратив внимание на политическую проницательность Достоевского в представлении революции, что тогда в Польше было свидетельством, с одной стороны, личной смелости автора, с другой — признаком не слишком жесткой цензуры. Стоит заметить, что конец 1960-х и начало 1970-х гг. были уже не столь спокойны для польской интеллигенции — в марте 1968 г. бастовали польские студенты, а в декабре 1970 — рабочие.

Из польских писателей никто так глубоко не погрузился в наследие Достоевского, как Густав Герлинг-Грудзинский, автор переведенной на многие языки мира книги «Иной мир. Советские записки», написанной им в 1951 г.¹² К работе над ней его подтолкнуло то, что отбывая заключение в лагере недалеко от Архангельска в 1940–1942 гг., он прочел «Записки из Мертвого дома» Достоевского. Это произведение стало для него источником вдохновения, но также дало повод для полемики с русским писателем. Из этого романа Герлинг заимствовал заглавие своих

⁸ *Przybylski R. Fiodor Dostojewski / Red. M. Jakóbiec. Warszawa: Literatura rosyjska, T. 2. 1971. S. 370–424.*

⁹ *Janion M., Przybylski R. Sprawa Stawrogina. Warszawa, 1996.*

¹⁰ *Iwaszkiewicz J. Petersburg. Warszawa, 1976.*

¹¹ *Wojdowski B. Mit Szigalewa // Teatr. 1971. N 10 [Электронный ресурс] http://www.e-teatr.pl/pl/artykuly/71646.html?josso_assertion_id=745EF303F84C3833 (дата обращения 08.01.14).*

¹² *Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир. Советские записки / Пер. Н. Горбаневской. СПб., 2011.*

воспоминаний, снабдил эпитафией, применил сходную фабулу и провел тщательный психологический анализ человека, находящегося в заключении. Парадоксально, что «Записки из Мертвого дома», воспринятые им как выражение русского детерминизма и фатализма, привели польского писателя к героическому взгляду на судьбу, историю и место человека в ней. Роману Достоевского, посвященному, по мнению Герлинга, душевной деградации человека в условиях несвободы, польский автор противопоставил «Иной мир» как роман о духовном самосовершенствовании и победе человека над угнетающей его политической системой, над человеческой слабостью и телесностью. Нет в польской литературе другого произведения, в котором интертекстуальное пространство было бы одновременно местом представления национальных историософских идей. А заодно Герлинг доказал, что «Записки из Мертвого дома» описывают пример не одного лишь фатализма, но также и надежды.

Герлинг неоднократно возвращался в своем творчестве к проблематике, которая в драматических обстоятельствах врывалась в его мироощущение. Он вел с Достоевским диалог. Страдание, преступление и зло направили польского писателя на ухабистые дороги поисков ответа на вопрос о смысле человеческого существования, о сущности человечности, и одновременно — ее защиты. Эту проблематику находим не только в «Ином мире», но также в рассказах Герлинга¹³. Объединяют обоих писателей размышления о человеке без Бога и об абсолютных ценностях, общее стремление, хотя и разными путями, найти выход из тупика, лишённого трансценденции. Как и Лев Шестов, самое большое значение Герлинг придавал «Запискам из подполья», в которых он находит *in nuce* все проблемы более поздних романов Достоевского. В польской литературе, прячущей «Записки из подполья» в тень «Преступления и наказания», «Идиота», «Бесов», «Братьев Карамазовых» и «Записок из Мертвого дома», Герлинг является самым большим заступником этого «морального трактата». Достоевский для Герлинга, как и для Кафки и Камю, — писатель религиозный, непрестанно сомневающийся и возвращающийся к «проклятым вопросам».

Место Достоевского в творчестве Герлинга настолько существенно, что в 2002 г. этому вопросу посвятил свою книгу Тадеуш Сухарский¹⁴. Пользуясь термином В. Н. Топорова, он сосредоточил свое внимание на «резонансном пространстве» творчества Герлинга, которое определяется многосторонними связями с наследием и личностью русского писателя. Указывая сходство их каторжного опыта, общую для них формулу «нахождения человека в человеке», Сухарский стремится

¹³ *Herling-Grudziński H.* Skrzydła otarza: opowiadania. Paryż, 1960; *Herling-Grudziński H.* Upiory rewolucji. Paryż, 1969; *Herling-Grudziński H.* Dziennik pisany nocą (1984–1988). Paryż, 1989; *Herling-Grudziński H.* Dziennik pisany nocą (1989–1992). Warszawa, 1993.

¹⁴ *Sucharski T.* Dostojewski Herlinga-Grudzińskiego. Lublin, 2002.

доказать существование единой для обоих писателей метафизической точки соприкосновения. Соединяли их не только мысль о скитальчестве человека, «освободившегося от предрассудков», но также усилия найти выход из тупика отсутствия трансценденции. Сухарский в своих текстах, посвященных Достоевскому, обращает внимание в первую очередь на вдохновляющее значение его наследия для польских писателей. С этим связан интерес Сухарского к Шестову и Бердяеву, которые существенным образом повлияли на восприятие Достоевского в Польше.

Присутствие влияния Достоевского постоянно ощущается в польской эссеистике, которая стала очень популярна в послевоенное время. Нередко к автору «Идиота» в своих эссе обращался и Чеслав Милош. Без сомнений, наиболее важен в этом смысле его очерк, помещенный в «Земле Ульро»¹⁵ (1977). Сознываясь в интерпретационном долге перед Шестовым, Милош называет его учеником Достоевского и одним из прототипов «человека абсурда», приступая к аналитическому рассмотрению «Записок из подполья» и «Поэмы о Великом инквизиторе». Оба текста являются для Милоша квинтэссенцией мысли Достоевского и одними из важнейших философских произведений всех времен. Здесь сходятся пути поисков Герлинга-Грудзинского и Милоша. Однако автора «Земли Ульро» интересует иная проблематика. Прежде всего он сопоставляет Достоевского с Мицкевичем и делает это в нескольких плоскостях. Вначале он сравнивает художественный мир Мицкевича с миром романов Достоевского. Мир «Пана Тадеуша» напоминает ему приветливый сад, где люди живут счастливо, в единстве с окружающей природой. Такого пространства жизни нет у героев Достоевского, как и у пушкинского Онегина и лермонтовского Печорина — жителей страны отчуждения, inferнального Города. И каждый из этих героев — считает Милош — постепенно обращается постепенно в призрак сознания, оторванного от действительности. Человек из подполья, Раскольников, Ипполит Терентьев, Ставрогин, Кириллов, Иван Карамазов являются отражениями личности самого Достоевского. «Расколотый» писатель, уничтожающий себя изнутри «научным мировоззрением», ведет отчаянную борьбу и пишет «нелитературную литературу», предвещающую ужаснейшие заблуждения XX в. В «Земле Ульро» Милош отмечает также предрасположение Мицкевича и Достоевского к «национальной» ереси: Конрад из «Дзядов», приравнивающий царя к Богу, похож на Шатова, который отождествляет веру в Россию с верой в Бога.

Важным дополнением мнений Милоша об авторе «Бесов» стали его публицистические высказывания: ответ на анкету «Достоевский сегодня», опубликованную в юбилейном номере журнала «Знак», выпущенном к столетию со дня смерти писателя¹⁶; и интервью, которое было

¹⁵ *Miłosz Cz. Ziemia Ulro. Paryż, 1977.*

¹⁶ *Miłosz Cz. Dostojewski i zachodnia wyobraźnia religijna; Mickiewicz i Dostojewski // Znak. 1981. N 1–2. S. 95–102.*

опубликовано в специальном номере журнала «Литература на свете», целиком посвященном Достоевскому¹⁷. По мнению Милоша, оба мессианизма, польский и русский — результат коллективистической природы обоих народов. В революции же, пророком которой объявили Достоевского, существенна религиозная сторона выбора Человеко-Бога вместо Бого-Человека. Польский поэт объясняет также парадокс «всечеловечности» писателя, замкнутого во внутренних русских проблемах. Это результат специфики России XIX в., запоздалости ее развития по отношению к странам Европы, где общество уже справлялось с проблемами, для решения которых в России просто не хватало времени.

Глубокие раздумья Милоша о Достоевском находят отражение в высказываниях польских литературоведов. Первым эту тему затронул Люциан Суханек¹⁸, высоко оценивая отмеченную Милошем идейную связь автора «Бесов» и работ шведского философа Эммануила Сведенборга. Эльжбета Микициук в борьбе польского поэта с «проклятыми вопросами» Достоевского находит несогласие с существующим мировым порядком¹⁹. Идейный противовес Милош находит в вере в апокатастасис, в отрицание истории как таковой. В свою очередь, Тадеуш Сухарский в своей работе «Милош и „ереси“ Достоевского»²⁰ (2011) говорит о амбивалентности отношения польского поэта к русскому писателю и подчеркивает отмеченные Милошем «ереси» Достоевского. Милош ценит в Достоевском стремление вернуть Богу то место, которое Бог занимал в сознании людей до эпохи Просвещения (теологическая ересь), но одновременно отрицал мессианскую «националистическую ересь» писателя, его попытку «русифицировать» Бога.

До сих пор мы говорили прежде всего о наших маститых учителях, в прямом и в переносном смысле: Анджее Валицком, наставнике автора настоящей статьи Анджея де Лазари, Тадеуше Сухарском, бывшем в свою очередь учеником Марии Янион. Некоторых из них уже нет в живых, другие только что отпраздновали свое восьмидесятилетие. Теперь перейдем к «молодежи» 1970-х гг., представители которой не торопясь, потихоньку уходят на пенсию.

В 1972 г. в журнале «*Slavia Orientalis*» (выходит с 1958 г.) были опубликованы первые достоевсковедческие статьи Галины Бжозы²¹ и Галины Халацинской-Вертеляк²², наиболее «герменевтических» польских

¹⁷ *Literatura na świecie*. 1983. N 3. S. 3–13

¹⁸ *Suchanek L. Fiodor Dostojewski w ocenie Czesława Miłosza // Fiodor Dostojewski w setną rocznicę śmierci / Red. M. Bobran. Rzeszów, 1985. S. 60–68.*

¹⁹ *Mikićuk E. Dostojewski Miłosza // Idea i komunikacja w języku i kulturze rosyjskiej / Red. A. Dudek. Kraków, 2011. S. 475–484.*

²⁰ *Sucharski T. Miłosz i «herezje» Dostojewskiego // «Północna strona» Miłosza / Red. M. Czermińska. Gdańsk, 2011.*

²¹ *Brzoza H. Fiodora Dostojewskiego «wzidzenie skłócone» // Slavia Orientalis. 1972. N 3.*

²² *Chalacińska-Wiertelak H. Wokół sporu o księcia Myszkina // Slavia Orientalis. 1972. N 3.*

исследователей творчества Достоевского. С годами таких статей становилось всё больше, за ними следуют книги Бжозы на польском языке «Достоевский — мысль и форма»²³ (1984), «Достоевский. Между мифом, трагедией и апокалипсисом»²⁴ (1995); «Достоевский. Просторы движущегося сознания»²⁵ (1992), книги Халацинской-Вертеляк: «Идея театра в романах Достоевского»²⁶ (1988), «Компаративистские установки художественного текста»²⁷ (2006), а также изданную на русском языке книгу «Культурный код в литературном произведении»²⁸.

Бжоза, находясь под сильным впечатлением от книги М. М. Бахтина «Поэтика Достоевского», приходит к выводу, что поэтика — это «носитель ценностно-мировоззренческой системы произведения», и что философия Достоевского — «проект герменевтической антропологии»²⁹. Одновременно она считает, что «свести идейно-эстетическую сущность творчества автора „Бесов“ к какой-нибудь даже самой универсальной формуле невозможно. Это творчество слишком богато и многозначно, и, как таковое, часто уходит из-под контроля научно-философской логики, подвластной человеческому разуму»³⁰. Этот побег «из-под контроля научно-философской логики» свойствен исследованиям Бжозы в случае, когда она пробует соединить антропологическую мысль отцов православной церкви — через Достоевского — с экзистенциализмом XX в., с Хайдеггером, Камю, Рикёром, Тадеушем Кантором и др. Прочтение работ Бжозы усложняет присущая ей оригинальная терминология типа: «семантическая трансгрессия», «знаковая сверхструктура», «статическая модель конфигурации ценностных элементов» и т. п.³¹ По этой причине у Бжозы все меньше читателей и все меньше ссылок на ее работы.

Похожая судьба у трудов достоевковеда Галины Халацинской-Вертеляк, они известны в кругу членов Международного общества Достоевского (International Dostoevsky Society, IDS), но их мало кто понимает в польской литературоведческой среде. Свою последнюю работу «Компаративистские установки художественного текста» она представляет

²³ *Brzoza H. Dostojewski — myśl a forma. Łódź, 1984.*

²⁴ *Brzoza H. Dostojewski. Między mitem, tragedią i apokalipsą. Toruń, 1995.*

²⁵ См. рецензию: *Цуканов Г. Театр памяти // Мecenат и Мир. 2000. № 11–13 [Электронный ресурс] <http://www.mecenat-and-world.ru/11-13/jou11-13.htm> (дата обращения 08.01.14).*

²⁶ *Chalacińska-Wiertelak H. Idea teatru w powieściach Dostojewskiego. Poznań, 1988.*

²⁷ *Chalacińska-Wiertelak H. Komparatystyczne orientacje tekstu artystycznego. Próby interpretacji dzieł kultury rosyjskiej. Poznań, 2006.*

²⁸ Poznań, 2003.

²⁹ См.: *Цуканов Г. Театр памяти. Рецензия на книгу Х. Бжозы: Достоевский. Просторы движущегося сознания. Познань, 1992 [Электронный ресурс] <http://www.mecenat-and-world.ru/11-13/bzoza.htm> (дата обращения 08.01.14).*

³⁰ Там же.

³¹ См.: *Kapuścik J. Fiodor Dostojewski na warsztacie polskich badaczy w ostatnim trzydziestolecu // Przegląd Humanistyczny. 1994. N 4. S. 132–133.*

следующим образом: «Книгу следует поместить среди методологическо-познавательных контекстов сознания современной гуманистики, в которых литературное произведение определяется как *pars pro toto* культуры. Представленные в монографии трактовки феноменологического анализа ведут к существенным понятиям „энергетической теории“, в которой интертекст рассматривается как „объективно существующая реальность“. Последовательно проводимый дискурс в сети культурных контекстов вскрывает каждый раз другой аспект общего модельного принципа культурологической теории литературы»³². Ее же русскоязычную книгу «Культурный код в литературном произведении» (2003) сопровождает следующая аннотация: «Монография представляет очерк единой целостной концепции подхода к мышлению о современной действительности и ее культурном моделировании. Основной тезис работы исчерпывается предложением герменевтической концепции всеобщего семиозиса в рамках одного культурного суперкода круга срединной культуры, сведенного к генеральной архисеме, закрепленной в Библии и будущей архетипом нашей культуры»³³.

К сожалению, приходится согласиться с мнением Ежи Капусьчика, что в работах Халацинской-Вертеляк «многие рассуждения, на вид верные, оказываются понятными, пожалуй, лишь одному автору»³⁴. Мы добавим также: эти рассуждения понятны и ее ученику, Кжиштофу Кропачевскому, который решил тоже заниматься похожей проблематикой, «культурным кодом» и компаративистикой, но привел свои выводы в значительно более понятных читателю формулировках³⁵.

В 1978 г. вышла в свет кандидатская диссертация философиствующего поэта Богдана Урбанковского «Достоевский — драма гуманизмов»³⁶, в которой чувствуется большое влияние взглядов Валицкого, научного руководителя этого исследователя. Урбанковский пишет о мировоз-

³² *Chalacińska-Wiertelak H.* Komparatystyczne orientacje tekstu artystycznego. Próby interpretacji dzieł kultury rosyjskiej [Электронный ресурс] <http://www.pocztytaj.pl/156074> (дата обращения 08.01.14).

³³ *Халацинска-Вертеляк Г.* Культурный код в литературном произведении [Электронный ресурс] <http://www.pocztytaj.pl/23022> (дата обращения 08.01.14).

³⁴ *Kapusić J.* Fiodor Dostojewski na warsztacie polskich badaczy w ostatnim trzydziestolecu // *Przegląd Humanistyczny*. 1994. N 4. S. 133.

³⁵ См.: *Kropaczewski K.* Kategoria sobowótora Fiodora Dostojewskiego a dwudziestowieczne idee «śmierci człowieka» // *Problemy współczesnej komparatyki / Red. H. Chałacińskiej-Wiertelak, W. Wasyleńki*. T. 1. Poznań, 2003; *ее же*: Концепция искусства Ф. Достоевского в контексте западноевропейской категории возвышенного // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2008. N XXXIV; *Kropaczewski K., Kaźmierczak N.* Жизнь идеи в художественной форме метароманов Ф. М. Достоевского и В. Набокова // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2011. N XXXVI.

³⁶ *Urbankowski B.* Dostojewski — dramat humanizmów. Warszawa, 1978 (2-е изд.: Warszawa, 1994); *Урбанковский Б.* Гуманизм трагический. Иисус Достоевского // *Наука и религия*. 1971. №9. С. 63–64.

зрении Достоевского на основе всего наследия писателя — романов, публицистики, «Дневника писателя», писем и творческих записей Достоевского. «Гуманизмы» здесь встречаются во множественном числе в силу того, что в статье рассматривается спор трех «гуманизмов»: утопического (подразумевается «муравейный», коммунистический), прометейского (романтического) и христианского. По мнению Урбанковского, Достоевский — христианский гуманист, но исследователь не стесняется отметить в его мировоззрении также элементы православного мессианизма, нетолерантности и даже шовинизма. Более ничего Урбанковский о Достоевском не написал, погрузившись в идеологическую работу правого толка.

Из достоеведческих событий 1970-х гг. необходимо отметить небольшую книгу Юзефа Смаги «Федор Достоевский»³⁷ (1974), посвященную жизни и творчеству писателя. Этот же автор³⁸ написал предисловия к польским переводам «Преступления и наказания» (1987, 1992) и «Братьев Карамазовых» (1995). Кроме того, отметим две статьи³⁹ из неопубликованной кандидатской работы будущего лодзинского православного владыки Симеона Романьчука «Красота спасет мир. Священное Писание в творчестве Ф. Достоевского» (1972) и «Мир сумасшедших Федора Достоевского» (1975); статью Франтишека Селицкого «Достоевский в кругу писателей межвоенной Польши»⁴⁰ (1972), которая потом вошла в его книгу «Классики русской прозы XIX в. в межвоенной Польше»⁴¹ (1985); работу Янины Кульчицкой-Салони «Достоевский в Польше»⁴² (1972); очерк Веслава Громчинского «Экзистенциализм Кириллова: философские аспекты творчества Достоевского»⁴³ (1977); главу о Достоевском Анатолия Семчука в учебном пособии «Очерк русской литературы»⁴⁴ (1975) и его статью «Достоевский и Тургенев»⁴⁵ (1972).

³⁷ *Smaga J.* Fiodor Dostojewski. Kraków, 1974.

³⁸ *Smaga J.* Wstęp // Dostojewski F. Zbrodnia i kara / Przeł. Czesław Jastrzębiec-Kozłowski. Wrocław, 1987. S. III–XLIV; *Smaga J.* Wstęp // Dostojewski F. Bracia Karamazow. Powieść w czterech częściach z epilogiem / Przeł. A. Wat. Wrocław, 1995. S. III–CXXIII.

³⁹ *Romańczuk S.* Piękno zbawi świat. Pismo święte w twórczości F. Dostojewskiego // Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego. 1972. N 2; *Romańczuk S.* Świat opętanych Fiodora Dostojewskiego // Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego. 1975. N 1–2.

⁴⁰ *Sielicki F.* Dostojewski w kręgu pisarzy Polski międzywojennej // *Slavia Orientalis*. 1972. N 3.

⁴¹ *Sielicki F.* F. Sielicki, Klasycy dziewiętnastowiecznej prozy rosyjskiej w Polsce międzywojenne. Warszawa, 1985.

⁴² *Kulczycka-Saloni J.* Dostojewski w Polsce // *Miesięcznik Literacki*. 1972. N 3.

⁴³ *Gromczyński W.* Egzystencjalizm Kirilowa: filozoficzne aspekty twórczości Dostojewskiego // *Studia Filozoficzne*. 1977. N 1.

⁴⁴ *Semczuk A.* Fiodor Dostojewski // *Literatura rosyjska w zarysie* / Red. Z. Barański i A. Semczuk. Warszawa, 1975. Cz. 2.

⁴⁵ *Semczuk A.* Dostojewski i Turgieniew // *Slavia Orientalis*. 1972. N 3.

1980-е гг. начались в Польше с забастовок, активизации выступлений оппозиционного объединения «Солидарность» и введения с 13 декабря 1981 г. военного положения в стране, а в литературе ознаменованы столетней годовщиной смерти Достоевского. Этот юбилей доказал, что русский писатель ошутимо присутствует в польской культуре. Вышел в свет упомянутый номер журнала «Знак» с анкетой «Достоевский сегодня»⁴⁶. На вопросы анкеты помимо Милоша ответили известные польские писатели Ежи Анджеевский, Тадеуш Ружевич, Владислав Терлецкий, Павел Герц, Ярослав Марек Римкевич, Януш Пасерб, Збигнев Жакевич; литературоведы Мария Янион и Рышард Пшибыльский; ученые и священники Ян Клочовский, Яцек Салий и Юзеф Тишнер. Полученные ответы дали возможность выявить неравнодушное отношение польского общества к творчеству русского писателя — от декларирования принципиальной чуждости (Рымкевич), через равнодушие (Анджеевский) к бесспорному восхищению (Пшибыльский), а также позволили поспорить об антропологических и теологических вопросах. Проведенный журналом опрос показал злободневность проблематики, затронутой Достоевским.

В те же годы Лодзинский университет организовал большую юбилейную конференцию «Федор Достоевский — мысль и труды» и выпустил в 1981 г. сборник статей с тем же названием⁴⁷, а в 1983 г. вышел в свет специальный номер журнала «Литература на свете», посвященный Достоевскому. Педагогический институт в Жешуве провел памятную конференцию и выпустил в 1985 г. сборник «Достоевский в сотую годовщину смерти»⁴⁸.

С годовщиной смерти русского писателя связана своим заглавием книга Адольфа Рудницкого «Сто лет тому назад умер Достоевский»⁴⁹ (1984), который всю жизнь спорил с русским гением. Эта книга вместе с «Голубыми листками» (1956) подводит итог постоянному незримому присутствию автора «Идиота» в трудах Рудницкого и заодно описывает «страдные» дни в Польше после августовского перелома 1980 г.

В 1981 г. Данута Кулаковская издает свою первую книгу «Достоевский — диалектика неверия»⁵⁰, а шесть лет спустя выпускает в свет вторую: «Достоевский. Антиномии гуманизма по „Братьям Карамазовым“»⁵¹ (1987). Это очередные работы о мировоззрении русского писателя, в первую очередь — о его православной христологии

⁴⁶ Znak. 1981. N 1–2.

⁴⁷ Fiodor Dostojewski — myśl i dzieło. W setną rocznicę śmierci pisarza / Red. O. Głównko. Łódź, 1981.

⁴⁸ Fiodor Dostojewski w setną rocznicę śmierci / Red. M. Bobran. Rzeszów, 1985.

⁴⁹ Rudnicki A. Sto lat temu umarł Dostojewski. Kraków, 1989.

⁵⁰ Kulakowska D. Dostojewski. Dialektyka niewiary. Warszawa, 1981.

⁵¹ Kulakowska D. Dostojewski. Antynomie humanizmu według «Braci Karamazowów». Wrocław, 1987; Кулаковска Д. Славянская идея в творчестве Достоевского // Советское славяноведение. 1989. Т. 4; Кулаковска Д. Достоевский и Лютер: Sola gratia et sola fide // Przegląd Rusycystyczny. 1991. N 1/4.

и историософии. Кулаковская сомневается в «подлинности» веры Достоевского, замечая ее подчинение историософским идеям писателя. Капусьчик пишет, что «благодаря религиозноведческому взгляду Кулаковской мы в состоянии увидеть оба элемента мировоззрения прозаика — сотериологический и еретический (мягко говоря, неканонический)»⁵².

Как бы оспаривая эту точку зрения, в вере Достоевского не сомневается Анна Разыны. В своей диссертации «Федор Достоевский. Философия человека и проблемы поэтики»⁵³ (1988) она исследует творчество писателя «изнутри христианства». Для Разыны нет ценностей вне христианства и нет правды вне Христа. В те годы исследовательница увлекалась философской антропологией католического священника Юзефа Тишнера, идейного предводителя польской интеллигенции времен активных действий профсоюза «Солидарность».

Тишнер является автором знаменитой «Этики солидарности»⁵⁴ (1981), очерка «Порабощенный человек и вопрос свободы (Гегель–Достоевский–Декарт)»⁵⁵ (1981) и исследования «Философия драмы»⁵⁶ (1990), в которых он показывает отношение человека к правде, ссылаясь, между прочим, на опыт героя «Преступления и наказания» Раскольникова. Однако в отличие от Разыны, которая с годами становится все «правее» и не допускает других «правд», Тишнер был, пожалуй, самым либеральным польским католическим мыслителем и священником. Широко известно в Польше его высказывание о «трех правдах»: «священной, тоже правде и го...яной правде». Отношение Разыны к правде гораздо серьезнее. Она отождествляет единую христианскую, якобы экуменическую «правду» Достоевского с «единой» человеческой правдой, выраженной в западной философии Гуссерлем, Кьеркегором, Максом Шелером, Хайдеггером, Левинасом, Бубером, Полем Рикёром, Габриэлем Марселем и др. Достоевский для Разыны — христианский писатель и мыслитель, и она не замечает в его наследии никаких мировоззренческих разногласий, которых ведь полно в его не слишком толерантной и, по-видимому, совсем не экуменической политической публицистике.

В том же 1988 г. была опубликована и в 2000 г. переиздана диссертация де Лазари «Почвенничество: из исследований по истории идей в России»⁵⁷. Русский перевод вышел в свет в 2004 г.⁵⁸ Взгляды

⁵² *Kapusić J.* Fiodor Dostojewski na warsztacie polskich badaczy w ostatnim trzydziestolecu // *Przegląd Humanistyczny*. 1994. N 4. S. 130.

⁵³ *Raźny A.* Fiodor Dostojewski. Filozofia człowieka a problemy poetyki. Kraków, 1988.

⁵⁴ Термин «солидарность» здесь обозначает этическое понятие, а не название профсоюза.

⁵⁵ *Tischner J.* Człowiek zniewolony i sprawa wolności (Hegel–Dostojewski–Descartes) // *Znak*. 1981. N 1–2.

⁵⁶ *Tischner J.* Filozofia dramatu. Paris, 1990.

⁵⁷ *De Lazari A.* «Почвенничество». Z badań nad historią idei w Rosji. Łódź, 1988.

⁵⁸ См. также работы автора на русском языке: *de Lazari A.* Григорьевские мотивы в «Речи о Пушкине» Ф. Достоевского // *Rev. des Etudes Slaves*. 1988. T. LIX,

исследователя на творческое наследие Достоевского кардинально отличаются от интерпретации, которую дала Разына. Для де Лазари основной категорией, на которой было построено мировоззрение почвенников, в том числе Достоевского, является романтическая «народность». Она была в основе их историософии, эстетики и даже религии, и привела к тому, что православие у Достоевского стало категорией историософской⁵⁹.

Де Лазари известен прежде всего как редактор многотомного русско-польско-английского лексикона «Идеи в России»⁶⁰, издающегося с 1999 г. В четвертом томе (2001) этого издания статьи о Достоевском поместили польский православный священник Генрих Папроцкий, де Лазари и петербуржец Константин Исупов. Издатели лексикона «постмодернистически» допускают сосуществование противоречащих друг другу интерпретаций данной «идеи» и публикуют на его страницах статьи, содержащие подобные интерпретации.

Из интересных достоевсковедческих книг, изданных в Польше в 1980-е гг. (вышедших в свет статей не перечислить из-за их большого числа), назовем следующие: «Достоевский и живопись»⁶¹ Барбары Стемпицкой (1980), «Федор Достоевский в творчестве Станислава Бжозовского и Стефана Жеромского»⁶² Людвика Язуке-

fascicule 4; *de Лазари А.* Категория народности у Достоевского и в эстетике соцреализма // Русская мысль. 1989. № 3789; *de Лазари А.* Достоевский как идеологический авторитет в политической борьбе наших дней (о категории «всечеловечности») // Dostoevsky Studies. New Series. 1998. Vol. II, N 1; *de Лазари А.* Категории народа, народности и всечеловечности в мировоззрении Федора Достоевского и его духовных наследников // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. М., 2002; *de Лазари А.* Гегельянство в почвенническом восприятии // Dostoevsky Studies. 2004. Vol. VIII; *de Лазари А.* Достоевский как зеркало «консервативной революции» // НГ-Религии. 2004. № 18; *de Лазари А.* Культурная запрограммированность Достоевского, его героев и исследователей его творчества // Sub specie tolerantiae. Памяти В. А. Туниманова. СПб., 2008.

⁵⁹ См. рецензии В. Кантора в «Вопросах литературы» (2005, № 6) и И. Е. Задорожнюка в «Славяноведении» (2006, № 1); статью *Гунашвили Е. М.* Проблема народности в концепции почвенничества // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11, № 1. С. 55–58.

⁶⁰ См. например: *Walicki A.* Ideas in Russia // The Sarmatian Rev. 1999. N 3; *Геллер Л.* Россия в лексиконе // Русская мысль. 1999. № 4289; *Jaccard J.-P.* Ideas... // Cahiers du Monde russe. 1999. N 40/3; *Шукин В.* Идеи в России // НЛО. 1999. № 5/39; *Langenohl A.* Ideengeschichte Russlands // Osteuropa. 2000. N 3; *de Courten M., Schrooyen P., Simons A., van der Zweerde E., et al.* Idee v Rossii // Studies in East European Thought. 2000. N 3; *Задорожнюк И.* Они о нас. От старой советологии к новой русистике // Независимая газета — Ехlibris. 2001. № 3; *Цимбаев Н. И.* Идеи в России. Русско-польско-английский лексикон // Вопросы философии. 2003. № 1; *Раишковский Е.* Идеи в России // Pro et Contra. 2003. Vol. 8, N 1; *Резниченко А.* Идеи в России... // Исследования по истории русской мысли. М., 2002; *Ingold F.* Ideen in Russland. Ein dreisprachiges Kultur-Lexikon // Neue Zürcher Zeitung. 2004. 13.04. N 85; *Кутягин В., Леонтьева О.* Лексикон «Идеи в России»: опыт интерактивной культурологии // Европа. 2004. № 2.

⁶¹ *Stempczyńska B.* Dostojewski i malarstwo. Katowice, 1980.

⁶² *Jazukiewicz-Oselkowska L.* Fiodor Dostojewski w twórczości Stanisława Brzozowskiego i Stefana Żeromskiego. Warszawa, 1980.

вич-Оселковской (1980), «Жестокий талант. Достоевский в воспоминаниях, критике и документах»⁶³ переводчика Збигнева Подгорца (1984) и «Достоевский. Театр совести. Три инсценировки Анджея Вайды в Старом театре в Кракове: „Бесы“, „Настасья Филипповна“, „Преступление и наказание“» со сценариями-комментариями Мацея Карпинского (1989). Последняя позже была издана также на русском языке⁶⁴, а с 6 марта по 31 мая 2002 г. в Литературно-мемориальном музее Достоевского в Санкт-Петербурге проходила выставка Анджея Вайды и сценографа Кристины Захватович под одноименным заглавием: «Достоевский. Театр совести».

С 1990-х гг. наступает расцвет польского достоевсковедения. Коммунизм утратил статус государственной идеологии, а вместе с этим отпала необходимость в существовании политической цензуры — пиши и печатай что хочешь, весь вопрос состоит только в возможностях финансирования публикации.

В 1992 г. выходит книга Телесфора Позыняка «Достоевский и Восток. Очерки на грани культур»⁶⁵. К этому времени Позыняк был уже авторитетом в польской русистике и знатоком творчества русского писателя. В 1969 г. он опубликовал монографию «Достоевский в кругу русских символистов»⁶⁶, затем еще несколько статей. Книга «Достоевский и Восток» — о мировоззрении Достоевского и о его историософских концепциях, в том числе об анализе концепций Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, а также о приснопамятном лозунге «Константинополь должен быть наш!» Здесь налицо полемика с работами Бжозы, Халацинской-Вертеляк и Разьны. Для Позыняка Достоевский — великий писатель и вместе с тем запоздалый романтический мыслитель, «духовный отец русского мессианизма и ксенофобского национализма, особенно антисемитского»⁶⁷.

Религиозную историософию и мессианство автора «Бесов» исследовал также Михал Бохун, в те годы молодой философ (ныне профессор Ягеллонского университета, специалист в области истории русской мысли) в книге «Федор Достоевский и идея крушения европейской цивилизации»⁶⁸ (1996). Бохун показал, насколько чуждыми были Достоевскому рационалистическая Европа, католицизм и мир западных ценностей, и что писатель основывал свои надежды на спасительном характере русского народа и православия.

⁶³ Okrutny talent. Dostojewski we wspomnieniach, krytyce i dokumentach / Red. Z. Podgórzec. Kraków; Wrocław, 1984.

⁶⁴ *Bajda A.* Достоевский. Театр совести: три инсценировки по мотивам прозы Федора Достоевского, поставленные в краковском Старом театре / Пер. Н. Кузнецова. СПб., (год издания неизвестен, возможно, 2002)

⁶⁵ *Poźniak T.* Dostojewski i Wschód. Szkice z pogranicza kultur. Wrocław, 1992.

⁶⁶ *Poźniak T.* Dostojewski w kręgu symbolistów rosyjskich. Wrocław, 1969.

⁶⁷ *Poźniak T.* Dostojewski i Wschód. Szkice z pogranicza kultur. Wrocław, 1992. S. 100.

⁶⁸ *Bohun M.* Fiodor Dostojewski i idea upadku cywilizacji europejskiej. Katowice, 1996.

В свою очередь о религиозной «тайне человека» пишет, основываясь на романах Достоевского, православный священник, мыслитель и переводчик Генрик Папроцкий в книге «Лев и мышь»⁶⁹ (1997). Исследователь видит существенное сходство в конструировании героев этих романов. Основа его рассуждений здесь — диалектика силы (лев — подсознание) и слабости (мышь — совесть), где сила оказывается слабостью, а слабость — силой. По мнению Папроцкого, Достоевский-художник строит новую антропологию, в которой основополагающим элементом является человеческое существо, определяемое им как «человек из подполья», и ведет борьбу за человеческую душу в период «лишенного предрассудков» Нового времени. Папроцкий ссылается на высказывания Отцов Церкви, на «Великий покаянный канон» св. Андрея Критского и на другие теологические тексты.

Проблема зла, вопрос «Unde malum?»⁷⁰, «инверсия этических понятий» — это ключевые темы работ мощного философа Цезары Водзинского. К Достоевскому он шел через труды Шестова. Сначала перевел на польский большинство работ автора «Философии трагедии», потом написал книгу о юродстве «Св. Идиот. Проект апофатической антропологии»⁷¹ (2000), часто ссылаясь на Достоевского. Далее издал очерк «Транс, Достоевский, Россия, или О философствовании топором»⁷² (2005). В блестящей эссеистической форме он смело ставит вопросы, которые «обыкновенный» исследователь стесняется поставить, и обращается к русской мысли, так как в ней видит серьезное отношение к метафизике, которое исчезло на Западе. Однако он подчеркивает также знаменательную русскую «перевернутость» проблемы, начало чего видит в Расколе. С момента Раскола русская духовность, по его мнению, приобрела характер хлыстовского транса. Раскол привел к «потере способности понимать, что топор служит скорее для колки дров, нежели для колки старушек»⁷³. Водзински считает, что Достоевский стремится вернуть эту утраченную способность; он отличнейший выразитель духовного хаоса, но также и стремления найти выход из тупика.

Совершенно в другом «духе» написаны работы Гжегожа Пшебинды, крупного знатока творчества Владимира Соловьева⁷⁴ и русской философии, и «по-соловьевски» экуменического мыслителя, для которого высшим авторитетом является Иоанн Павел II⁷⁵. Книги о Достоевском

⁶⁹ *Paprocki H. Lew i mysz, czyli tajemnica człowieka. Białystok, 1997.*

⁷⁰ Откуда берется зло? (пер. с лат.).

⁷¹ *Wodziński C. Św. Idiota. Projekt antropologii apofatycznej. Gdańsk, 2000.*

⁷² *Wodziński C. Trans, Dostojewski, Rosja, czyli o filozofowaniu siekierą. Gdańsk, 2005.*

⁷³ *Ibid. C. 6.*

⁷⁴ *Przebinda G. Sołowjow wobec Dostojewskiego // Przebinda G. Sołowjow wobec historii, Kraków, 1992.*

⁷⁵ *Przebinda G. Historia a dzień współczesny w naszej Europie. Wojtyła czyta Dostojewskiego i Solżenicyna // Ethos. 2002. N 3–4; Войтыла читает Достоевского и Солженицына // Новая Польша. 2002. №9.*

он не написал, но многократно ссылается на автора «Идиота» в своих литературоведческих и религиоведческих книгах и статьях⁷⁶.

Не менее экуменически к творчеству Достоевского подошла Анна Косциолек. Она сосредоточилась в первую очередь на «Дневнике писателя», опубликовав работы «Человек Евангелия в „Дневнике писателя“ Федора Достоевского»⁷⁷ (1994); «„Дневник писателя“ Федора Достоевского. Опыт монографии»⁷⁸ (2000). Оставляя в стороне историко-философские, националистические и другие спорные проблемы, которых не сторонится Пшебинда, Косциолек ведет речь прежде всего о ценностном христианском мире русского гения.

Такой же подход к наследию автора «Бесов» у ксёндза Дариуша Ястжемба. В диссертации «Духовный мир Достоевского»⁷⁹ он видит в писателе лишь проповедника ценностей христианской религии, а не антикатолического и антизападного мыслителя.

С точки зрения филологической науки, без элементов проповеди, посмотрела на творчество Достоевского и литературу о нем Дорота Евдокимов. Она считает себя ученицей Игоря Евлампиева и следует его концепции классификации достоевсковедческой литературы и антропологическому взгляду на творчество русского писателя. Ее книга «Измененный человек. Федор Достоевский перед Восточной Церковью»⁸⁰ состоит из двух частей. В первой части исследовательница пишет о соотношении искусства и религии, во второй — о соотношении Бога и человека в романах, публицистике и в письмах автора «Идиота».

Стоит обратить внимание на работы полонистки Эльжбеты Микичук, которая за последнее десятилетие почти всю свою исследовательскую деятельность посвятила Достоевскому, изучая его творчество в контексте истории духовной культуры и православной мысли. Она автор двух книг: «Христос в гробу и действительность „Анастасис“». Размышления над „Идиотом“ Достоевского»⁸¹ (2003) и «Пасхальный театр Федора Достоевского. О мистериальных мотивах „Братьев Карамазовых“ и их постановочных изображениях»⁸² (2009), а также множества статей. Особенно

⁷⁶ См.: *Przebinda G.* Dostojewski o nieśmiertelności duszy i raju pozaziemskim // *Między Moskwą a Rzymem. Myśl religijna w Rosji XIX i XX wieku.* Kraków, 2003; Достоевский о бессмертии души и рае неземном // *Новая Польша.* 2009. № 7/8; Пещера Гоголя и Достоевского, как ее видел богослов Павел Евдокимов // *Двести лет Гоголя.* Сб. науч. тр. / Ред. В. Шукин. Kraków, 2011; и др.

⁷⁷ *Kościołek A.* Człowiek Ewangelii w «Dzienniku pisarza» Fiodora Dostojewskiego. Toruń, 1994.

⁷⁸ *Kościołek A.* «Dziennik pisarza» Fiodora Dostojewskiego. Próba monografii. Toruń, 2000.

⁷⁹ *Jastrzęb D.* Duchowy świat Dostojewskiego. Kraków, 2009.

⁸⁰ *Jewdokimow D.* Człowiek przemieniony. Fiodor M. Dostojewski wobec tradycji Kościoła Wschodniego. Poznań, 2009.

⁸¹ *Mikiciuk E.* «Chrystus w grobie» i rzeczywistość «Anastasis». Rozważania nad «Idiotą» Fiodora Dostojewskiego. Gdańsk, 2003.

⁸² *Mikiciuk E.* Teatr paschalny Fiodora Dostojewskiego. O wątkach misteryjnych «Braci Karamazow» i ich wizjach scenicznych. Gdańsk, 2009.

существенна первая книга, в которой, вопреки господствующим мнениям, подытоживая идущие в Польше многие годы споры о главном герое «Идиота»⁸³, Микичук «реабilitирует» князя Мышкина, отбрасывая тезис о бессилии «прекрасного человека» в мире зла. Основываясь на православной теологии, она убедительно доказывает, что в конструкцию «Идиота» вставлена евангелическая, а заодно и иконописная обратная перспектива. Стремление вникнуть в темную сторону человеческого существования со стороны автора, по ее мнению, обозначает намерение найти формулу чистой красоты. Следовательно, Мышкин должен сойти в гроб, чтобы воскреснуть; или даже больше — чтобы спасти окружающий его мир.

Во второй книге Микичук убеждает читателя, что Достоевский показывает евангельские каноны в «драматургическом действии». Искусно используя философию диалога, исследовательница пытается доказать, что евангельский подтекст проявляется во время встречи человека с человеком. Исходное положение «Пасхального театра» — «прохождение» (воскрешение) лиц романов Достоевского из смерти в жизнь.

Среди польских философов, ссылающихся в своих работах на Достоевского, необходимо упомянуть Мариана Броду. В его последней книге, озаглавленной «„Понять Россию“? О русской тайне-загадке»⁸⁴, автор «Бесов» выступает в качестве одного из ключей к пониманию мистической России. Однако мы не можем сказать, понятнее ли становится Россия после прочтения книги Броды, поскольку, как в каждой серьезной научной работе, в ней содержится больше вопросов, чем дано ответов.

В конце этого обзора назовем польскую исследовательницу, пишущую на немецком языке, это Малгожата Свидерская. Свои размышления она начинает со статьи «„Идиот“ — это Христос в современном мире?»⁸⁵, а в 2001 г. издает книгу «Исследования по литературной имагологии. Литературное наследие Федора Достоевского с имагологической точки зрения, с особым учетом способа представления Польши»⁸⁶.

⁸³ *Bezwiński A.* O bohaterze «Idioty» F. Dostojewskiego // *Przegląd Rusycystyczny*. 1987. N 2; *Chalacińska-Wiertelak H.* Ипостаси мечты. Дон Кихот — Обломов — Мышкин // Intern. Fachkonferenz Ivan A. Gončarov. Bamberg, 1991; *Chalacińska-Wiertelak H.* «Идиот» Ф. Достоевского, читаемый в ключе театральной антропологии // Материалы Междунар. конф. «Достоевский и современность». Старая Русса, 2004; *Chalacińska-Wiertelak H.* Попытка прочтения романа «Идиот» Федора Достоевского в оптике трагического // Вестник Волгоградского университета. Литературоведение и журналистика. 2006. Вып. 3; *Filipowicz A.* Książę Myszkina — ideał czy idiota // *Postać literacka i historia* / Red. E. Kasperski, B. Pawłowska-Jądrzyk. Warszawa, 1998; *Sucharski T.* W poszukiwaniu «doskonale pięknych postaci». O języku agape (αγάπη) w wielogłosowym chaosie świata Dostojewskiego // *Słupskie Prace Filologiczne*. N 9. Słupsk, 2009.

⁸⁴ *Broda M.* «Zrozumieć Rosję»? O rosyjskiej zagadce-tajemnicy. Łódź, 2011.

⁸⁵ *Świdarska M.* Der «Idiot» — ein moderner Christus? // F. M. Dostoevskij. Dichter, Denker, Visionär. Tübingen, 1998.

⁸⁶ *Świdarska M.* Studien zur literaturwissenschaftlichen Imagologie. Das literarische Werk F. M. Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Berücksichtigung der Darstellung Polens // *Slavistische Beiträge*. 2001. Bd. 412.

Далее появилось еще несколько ее статей на немецком и одна на польском и русском языках: «Экфразис в романе Ф. М. Достоевского как прием культурного отчуждения»⁸⁷.

В начале 1970-х гг. Янина Кульчицка-Салони, видная исследовательница польской прозы реализма и натурализма, обсуждая место творчества Достоевского в польской литературе рубежа XIX–XX вв., постулировала необходимость обстоятельно исследовать прочтение его наследия в польской литературе. Она обратила также внимание на необходимость показать «вклад польской русистики в общие знания о писателе»⁸⁸, еще не предполагая, пожалуй, насколько широко развернется польское достоевковедение в последующие сорок лет. Наследием автора «Бесов» занялись не только польские филологи-русисты и полонисты, но также историки, философы, искусствоведы, теологи и политологи.

Представленная нами библиография, по всей вероятности, неполная, включает несколько десятков книг и несколько сотен статей и очерков, опубликованных в журналах и разных коллективных трудах. Поэтому трудно найти в польском достоевковедении такое место, где еще «не поднята целина». В этих трудах представлен широкий диапазон вопросов поэтики, антропологии, историософии, религиоведения, этики, а также эстетического и мировоззренческого влияния на польскую и мировую литературу.

Есть, конечно, произведения, которые пользуются повышенной популярностью среди польских исследователей, есть и такие, которые не привлекают их внимания, но это не означает, что установлен какой-то польский «канон» прочтения Достоевского. Пусть примером послужит факт, что для одной из самых крупных личностей в польском литературоведении, проф. Марии Янион, лучшим произведением русского писателя является «Двойник»⁸⁹.

В Польше научной рефлексии творчества Достоевского сопутствует, особенно после перелома 1989 г., серьезный рост издательского интереса к трудам по достоевковедению. Правда, мы до сих пор не дождались полного критического издания произведений писателя на польском языке, но многое сделано для того, чтобы ни один существенный текст не остался без внимания издателей. Дело касается прежде всего тех произведений, которые в годы социализма в Польше не издавались по цензурным соображениям, как, например, «Записки из подполья». Следует отметить также усилия переводчиков:

⁸⁷ Świdarska M. Ekfrazja w powieści *Idiota* Fiodora M. Dostojewskiego jako sposób konstruowania kulturowej obcości // *Slavia Orientalis*. 2003. N 2; Świdarska M. Экфразис в романе Ф. М. Достоевского как прием культурного отчуждения // *Studia Russica*. 2004. T. XXI.

⁸⁸ Kulczycka-Saloni J. Dostojewski w Polsce // *Miesięcznik Literacki*. 1972. N 3. S. 48.

⁸⁹ Janion M. Tajemnica sobowtóra // *Romantyzm i jego media. Prace wybrane*. T. IV. Kraków, 2001. S. 475.

в последние годы вышли в свет «Братья Карамазовы» и «Бесы»⁹⁰ в великолепном переводе Адама Поморского. Особого внимания заслуживает перевод «Бесов», благодаря которому читатель гораздо лучше почувствует полифонию произведения, утерянную в прежнем переводе, сделанном Александром Ватом.

Стоит еще задуматься, внесла ли польская достоевскология «новое слово» в мировые исследования. Дать окончательный ответ все-таки не рискуем, принимая во внимание хотя бы тот факт, насколько различные прочтения «Преступления и наказания» предложены двумя великими нашими писателями — Витольдом Гомбровичем и Густавом Герлингом-Грудзинским. Однако попробуем определить литературно-философский потенциал польского вклада в мировые исследования творчества Достоевского.

Польские тексты о Достоевском являются, несомненно, отголоском польского понимания России, у которого особенный характер. Чеслав Милош в «Родной Европе» указал, что «поляки знают о русских то, что сами русские знают о себе, не желая в этом признаться, — и наоборот»⁹¹. Однако эти знания часто лишены расстояния, на наши оценки неоднократно влияют известные resentiments, сложный исторический опыт, разочарования и комплексы. Возможно, что эти чувства проявляются в подсознании при исследовании наследия писателя, который не слишком доброжелательно относился к нам (правда, и к другим нациям тоже не был расположен). Польские ученые обычно трактуют этот вопрос с пониманием, великодушно прощая Достоевскому националистические замашки во имя его художественной гениальности. Они замалчивают свои ущемленные патриотические чувства, в каком-то смысле ограничивая возможность выявить собственно «польский взгляд». Польская мысль, в принципе нерелигиозная, сосредоточенная более на истории, чем на богословии, и исследователи, пишущие о Достоевском, совершают своего рода прохождение, трансгрессию, иногда выходя за пределы тех смыслов, которые вкладывал в свои произведения Достоевский.

Иначе дело обстоит с вкладом в достоевковедение, внесенным такими представителями польской нации, как Чеслав Милош, профессор славянской литературы в Калифорнийском университете в Беркли; Густав Герлинг-Грудзинский, писатель, живший в Италии; и Анжей Валицкий, историк идей, преподающий многие годы в университете Нотр-Дам в США. Их «польский голос» (вряд ли они сами были бы довольны таким определением), несомненно, повлиял

⁹⁰ *Dostojewski F. Bracia Karamazow / Tłum. A. Pomorski. Kraków, 2009; Dostojewski F. Biesy / Tłum. A. Pomorski. Kraków, 2010.*

⁹¹ *Милош Ч. Россия (из Родной Европы) // Польская и русская душа — от А. Мицкевича и А. Пушкина до Ч. Милоша и А. Солженицына / Ред. А. де Лазари. Варшава, 2003. С. 415–416.*

и на западное восприятие русской мысли, литературы и наследия Достоевского.

Милош, Герлинг и Валицкий отказались от проторенных дорог западного достоевсковедения, которое под влиянием Бахтина уделяло мало внимания политическим взглядам русского гения, они также не согласились и на прочтение Достоевского лишь через призму психоанализа. Присущий им исторический опыт Польши сыграл свою важную роль: они показали Западу Достоевского-почвенника, создающего свои произведения и идеи именно на русской почве, и благодаря этому дали возможность западному миру лучше понять процессы и идеи русской действительности. Одновременно они вписали лучшие достижения русской мысли в историю западной мысли, показали ее «всечеловечность». В их отношении к Достоевскому сосуществуют и борются две противоположные силы: ментальной отчужденности, детерминированной историей, сопутствует близость философской и религиозной позиций, чего временами не хватало польской литературе. По их пятам пошли многие польские ученые — Пшибыльский, Урбанковский, Позыняк, де Лазари, Сухарский, Пшебинда, Суханек, Водзинский, Брода и многие другие, в том числе те, которых в этом очерке мы даже не успели назвать. В таком соединении универсальной перспективы с «польским взглядом», пожалуй, и заключаются суть и оригинальность вклада польского достоевсковедения в мировую культуру.

Х.-Ю. ГЕРИК

**НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЕ ДОСТОЕВСКОВЕДЕНИЕ
МЕЖДУ 1971 И 2011 ГГ.**

Обзор литературных исследований

Стоящая перед нами задача далеко не проста, если иметь в виду весь объем материала. Для того чтобы избежать опасности сконцентрироваться на отдельных исследованиях и потерять из виду наиболее общий обзор, нам представляется целесообразным следующий подход. Сначала рассмотрим монографии различных авторов, в том числе сборники, посвященные исключительно Достоевскому. Прделав эту работу, мы сможем проследить основные тенденции достоевсковедения в немецкоязычном пространстве, под которым мы понимаем Германию, Австрию и Швейцарию, причем Германия до 1989 г. подразделяется на западную и восточную. Две эти части Германии имели свое собственное достоевсковедение, в котором из-за различия политических условий проявлялись различные исследовательские тенденции. Так, например, в западной литературе о Достоевском отсутствует какой-либо марксистский оттенок. Таким образом, в первой части статьи будут изучены макроструктуры достоевсковедения в немецкоязычном литературоведческом сообществе в 1971–2011 гг. Вторая же часть посвящена некоторым отдельным исследованиям по Достоевскому в виде статей. Такая схема позволит также создать тематическую классификацию. В результате должна возникнуть объективная картина немецкоязычных научных исследований по Достоевскому за последние сорок лет. Автор работы, однако, не преследует цель осветить полностью всю имеющуюся библиографию, ему важно проследить постановку вопросов.

Часть I

Монографии и сборники

В 1971 г. Франк Тиисс (Frank Thiess) публикует монографию «Достоевский. Реализм, граничащий с трансцендентальным»¹ объемом более трехсот страниц, ставшую наиболее обширным трудом, написанным когда-либо немецким писателем о Достоевском. По числу страниц

¹ *Thiess F. Dostojewski. Realismus am Rande der Transzendenz.* Stuttgart: Seewald Verlag, 1971. 339 s.

она оказалась больше, чем монография «Три мастера» Стефана Цвейга (1919) и довольно объемная статья Томаса Манна «Достоевский, но в меру» (1946), также книга Анны Зегерс (Anna Seghers)² «О Толстом. О Достоевском»³ (1963).

Франк Тиисс родился в 1890 г. в Ливонии (ныне это Латвия), в семье строителя-архитектора. Умер в 1977 г. в Дармштате (Германия). В 1938 г. его родители эмигрировали из Прибалтики в Германию. Главные произведения писателя переведены почти что на все языки мира, особенную славунискал его исторический роман «Цусима» (1936), тематизирующий русско-японскую войну 1904–1905 гг. В романе изображено возвращение русского адмирала З. П. Рожественского из японского плена в Россию после разгрома флота под Цусимой. Тиисс изучал германистику, историю и философию в университетах Берлина и Тюбингена и был известен как культурфилософ. В 1922 г. он публикует свое эссе о Гоголе и его пьесах («Gogol und seine Bühnenwerke»). В написанной им монографии о Достоевском Тиисс собрал материалы достоевсковедческих исследований, в том числе переведенные на немецкий язык с английских и русских источников, среди которых следует отметить книгу Вяч. Иванова «Достоевский. Трагедия–Миф–Мистика»⁴ (1932). Тиисс сознательно отвергает образ Достоевского, созданный Томасом Манном и Георгом Штайнером, а рассуждая о политических аспектах, он ссылается на книгу Федора Степуна «Большевизм и христианская экзистенция»⁵ (1959). Он также иронизирует над мнением Владимира Ленина, который упрекал Достоевского за дискредитацию образа Нечаева в «Бесах».

Тиисс рассматривает жизнь и творчество Достоевского в их единстве. Ключевые слова «смехотворное»⁶, «страдание»⁷ и «преступник»⁸, составляющие предмет исследования, позволяют тематически сопрягать художественные произведения Достоевского. Подобная структура сама по себе является настоящим художественным произведением. Последняя глава монографии называется «Мечта и смерть» («Traum und Tod»). Между прочим, стоит отметить (и это было доказано), что именно Тиисс — автор понятия «внутренняя эмиграция», возникшего во времена Третьего рейха.

В 1971 г. Ральф Шрёдер (Ralf Schröder) публикует в своей книге «Горьковское обновление фаустовской традиции. Модели Фауста

² Урожденная Нетти Рейлинг (Netty Reiling).

³ Seghers A. Über Tolstoi über Dostojewskij. Berlin: Aufbau-Verlag, 1963. 121 s.

⁴ Iwanow W. Dostojewskij. Tragödie–Mythos–Mystik. Tübingen: J.C.B. Mohr (P. Siebeck), 1932. 142 s.

⁵ Stepun F. Bolschewismus und christliche Existenz. München: Kösel, 1962. 315 s.

⁶ См. гл. I и II монографии: Thiess F. Dostojewski. Realismus am Rande der Transzendenz. Stuttgart: Seewald Verlag, 1971. S. 98–131.

⁷ Ibid. S. 132–169.

⁸ Ibid, гл. I–III. S. 214–284.

в русском историко-философском романе»⁹ большую главу, посвященную Достоевскому.

В 1972 г. издается книга «Мы и Достоевский: Дебаты с Генрихом Бёллем, Зигфридом Ленцем, Андре Мальро, Гансом Эрихом Носаком, организованные Манесом Шпербером»¹⁰.

В 1973 г. выходит в свет книга Вольфа Шмида (Wolf Schmid) «Структура текста в рассказах Достоевского»¹¹. Этой публикацией автор делает себе имя в области достоевсковедения. Изначально она была диссертационной работой, написанной под руководством Йоханесса Хольтхузена (Johannes Holthusen), выпустившего в свое время монографию «Принципы композиции и повествования у Достоевского»¹² (1969). Методологически Шмид опирался на разработки Михаила Бахтина, создав типологию «позиции рассказчика» в творчестве Достоевского. Особое внимание Шмид уделил при этом раннему роману Достоевского «Двойник» (в котором наблюдается вводящее в тупик смешение текста героя и текста рассказчика), а также роману «Подросток». Анализируя последний, Шмид неоднократно ссылается на книгу Хорста-Юргена Герика (Horst-Jürgen Gerigk) «Роман Достоевского „Подросток“. К теории романа»¹³ (1965).

В 1974 г. Бригитт Шульце (Brigitte Schultze) представляет на суд читателей свою работу «Диалог в романе Достоевского „Идиот“»¹⁴.

В том же году выходит в свет книга Вольфганга Мюллер-Лаутера (Wolfgang Müller-Lauter) «Идейная диалектика у Достоевского»¹⁵, в которой находит свое смысловое продолжение, развитие и углубление философский прием из обширной монографии Райнхарда Лаута (Reinhard Lauth) «„Я видел правду“. Философия Достоевского в систематическом описании»¹⁶ (1950). Мюллер-Лаутер демонстрирует в своей книге столь типичное для Достоевского противопоставление веры и безверия на примере судьбы Николая Ставрогина.

В 1974 г. Зигфрид Хеферт (Sigfrid Hoefert) издает документальный сборник «Русская литература в Германии. Тексты для размышле-

⁹ Schröder R. Gorkis Erneuerung der Faust-Tradition. Faustmodelle im russischen geschichtsphilosophischen Roman. Berlin: Rütten & Loening, 1971. S. 76–131.

¹⁰ Wir und Dostojewskij: Eine Debatte mit Heinrich Böll, Siegfried Lenz, André Malraux, Hans Erich Nossak, geführt von Manès Sperber. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1972.

¹¹ Schmid W. Der Textaufbau in den Erzählungen Dostoevskijs. München: Wilhelm Fink, 1973.

¹² Holthusen J. Prinzipien der Komposition und des Erzählens bei Dostojewskij. Köln; Opladen: Westdeutscher Verlag, 1969.

¹³ Gerigk H.-J. Versuch über Dostoevskijs «Jüngling». Ein Beitrag zur Theorie des Romans. München: Wilhelm Fink, 1965.

¹⁴ Schultze B. Der Dialog in F. M. Dostoevskijs «Idiot». München: Otto Sagner, 1974.

¹⁵ Müller-Lauter W. Dostoevskijs Ideendiagnostik. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 1974.

¹⁶ Lauth R. «Ich habe die Wahrheit gesehen». Die Philosophie Dostojewskijs in systematischer Darstellung. München: Piper, 1950.

ния от 80-х до рубежа веков»¹⁷ с работами о Достоевском Вильгельма Хенкеля (Wilhelm Henckel), Г. Ролларда (G. Rollard), Михаэля Георга Конрада (Michael Georg Conrad), Германа Конради (Hermann Conradi) и Георга Брандеса (Georg Brandes).

В 1975 г. Эрхард Хексельшнайдер (Erhard Hexelschneider) издал брошюру «Распродажа мифа. К интерпретации советской литературы в ФРГ»¹⁸. На ее страницах литературовед упрекает западногерманских исследователей творчества Достоевского в том, что они использовали русскую литературу в качестве орудия в борьбе с «советским строем» совершенно в духе «холодной войны»: «Особенно односторонне изучен Достоевский — лишь в теологическом аспекте». В качестве доказательства своего тезиса Хексельшнайдер подробно реферирует разработки Генриха Бёлля (Heinrich Böll), Гисберта Кранца (Gisbert Kranz), Федора Степуна (Fedor Stepun) и Вернера Бергенгруена (Werner Bergengruen).

В вышедшей в 1976 г. книге «Молчаливый Христос. К поэтизации христианства в творчестве Ф. М. Достоевского»¹⁹ ее автор Конрад Онаш (Konrad Onasch) рассматривает религиозные проблемы в произведениях Достоевского с точки зрения протестантизма. Жизнь и творчество писателя рассмотрены в книге в хронологическом порядке от периода молодости и поисков «нового слова» до писательской зрелости. Следующий за этим описанием экскурс в историю влияния произведений Достоевского на развитие советской литературы представляет собой впечатляющий рассказ о достоевковедении в Советском Союзе²⁰.

В том же 1976 г. публикуется книга Максимилиана Брауна (Maximilian Braun) «Достоевский. Собрание сочинений — многообразие и единство»²¹, в которой автор основательно и беспристрастно знакомит читателя с жизнью и творчеством Достоевского.

В 1980 г. издательство «Пипер» (Piper) в качестве подарка «друзьям издательства с наилучшими пожеланиями к новому 1981 г.» подготовило сборник «О Достоевском»²² («Über Dostojewski») уже ранее опубликованных работ таких авторов, как Дмитрий Мережковский (Dmitri Mereschkowski), Андре Жид (Andre Gide), Юлиус Майер-Грэфе (Julius Meier-Graefe), Зигмунд Фрейд (Sigmund Freud), Вальтер Беньямин

¹⁷ Russische Literatur in Deutschland. Texte zur Rezeption von den Achtziger Jahren bis zur Jahrhundertwende / Hrsg. S. Hoefert. Tübingen: Max Niemeyer, 1974. S. 2–56.

¹⁸ Hexelschneider E. Ausverkauf eines Mythos. Zur Interpretation sowjetischer Literatur in der BRD. Berlin: Union Verlag, VOB, 1975. S. 81.

¹⁹ Onasch K. Der verschwiegene Christus. Versuch einer Poetisierung des Christentums in der Dichtung F. M. Dostojewskis. Berlin: Union Verlag, VOB, 1976.

²⁰ Ibid. S. 206–212.

²¹ Braun M. Dostojewskij. Das Gesamtwerk als Vielfalt und Einheit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1976.

²² Mereschkowski D., Gide A., Meier-Graefe J., Freud S., u. a. Über Dostojewski. München; Zürich: R. Piper & Co. Verlag, 1981.

(Walter Benjamin), Томас Манн (Thomas Mann), Натали Саррот (Nathalie Sarraute), Манес Шпербер (Manes Sperber), Генрих Бёлль (Heinrich Böll), Зигфрид Ленц (Siegfried Lenz), Хорст Бинек (Horst Bienek).

Также в 1980 г. Карл-Хайнц Шах (Karl-Heinz Schach) издает свою диссертацию, защищенную в университете Тюбингена по теме «Преступление и наказание в романах Достоевского от „Записок из Мертвого дома“ до „Преступления и наказания“»²³. Предисловие к ней как славист-консультант составляет Лудольф Мюллер (Ludolf Müller).

В 1981 г. выходит в свет к настоящему времени ставшее уже классическим исследование Феликса Филиппа Ингольда (Felix Philipp Ingold) «Достоевский и иудаизм»²⁴. В том же году при поддержке Ингольда публикуется тщательно откомментированный сборник документов «Достоевский в Швейцарии. Хрестоматия»²⁵, материалы к которому подготовила Ильма Ракуса (Ilma Rakusa). Введение к сборнику, написанное Ракусой, — «Между предубеждением и противоречием. Достоевский в Швейцарии»²⁶ является безусловной научной удачей.

В вышедшем в 1980 г. сборнике Йенса Мальте Фишера (Jens Malte Fischer) «Психоаналитические интерпретации литературы»²⁷ в числе прочих проанализирована работа 1914 г. Отто Ранка (Otto Rank), посвященная теме «Двойник»²⁸. Ранк пишет: «Наиболее потрясающе и глубоко психологически тема была представлена в раннем романе Достоевского „Двойник“».

В 1982 г. выходит книга Лудольфа Мюллера «Достоевский. Его жизнь, творчество, завещание»²⁹. Он справедливо выражает свое несогласие с Бахтиным, считая, что Достоевский в своих романах имеет однозначную позицию и определенно дает понять свое мнение относительно идей, представленных в романе: и с пристрастием, а вовсе не в нейтральном тоне в духе «полифонии» Бахтина. Неправ, однако, Мюллер, считая, что Дмитрий Карамазов готов осуществить идею побега. Как раз наоборот, Дмитрий принимает наказание за преступление, которое не совершал. В этом суть романа Достоевского, которую Мюллер не увидел. Чрезвычайно курьезная ошибка в толковании романа!

²³ Schach K. Verbrechen und Strafe in den Werken F.M. Dostojewskijs von den «Aufzeichnungen aus einem Totenhaus» bis zu «Schuld und Sühne». Stuttgart: Bierbrauer & Nagel, 1980.

²⁴ Ingold F.P. Dostojewskij und das Judentum. Wiesbaden: Insel Verlag, 1981.

²⁵ Dostojewskij in der Schweiz: Ein Reader / Hrsg. I. Rakusa. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1981.

²⁶ См.: Ibid. S. 9–45: Zwischen Vorurteil und Widerspruch. Dostojewskij in der Schweiz.

²⁷ Psychoanalytische Literaturinterpretation. Aufsätze aus «Imago. Zeitschrift für Anwendung der Psychoanalyse auf die Geisteswissenschaft» (1912–1937) / Hrsg. J.M. Fischer. Tübingen: Niemeyer, 1980.

²⁸ Ibid. S. 104–188.

²⁹ Müller L. Dostojewski. Sein Leben, sein Werk, sein Vermächtnis. München: Erich Welw Verlag, 1982.

Под руководством Мюллера его ученики выпустили в свет в рамках трудов славистического семинара университета Тюбингена целый ряд работ. Среди них «Образ Евгения Павловича Радомского в романе Достоевского „Идиот“»³⁰ Ханса Петера Беера (Hans Peter Beer); «Образ Свидригайлова в романе Достоевского „Преступление и наказание“»³¹ Кристиане Хайм (Christiane Heim); «Исследования и материалы к роману Достоевского „Идиот“»³² Доротеи Шварц (Dorothee Schwarz), Томаса Хекерта (Thomas Heckert) и Рудольфа Полаха (Rudolf Pollach). В этой же серии Мюллер также публикует свою работу «Достоевский и Тюбинген. С приложением: переписка о Достоевском с журналом „Die Zeit“»³³. Здесь же в 1975 г. публикуется труд Дмитрия Чижевского «Достоевский и просвещение»³⁴. В 1999 г. эту серию продолжает доклад «Речь Алеши у камня: „Вся картина“»³⁵.

Также достойно упоминания отдельное издание «Великого инквизитора»³⁶, переведенного Марлис Акерманн (Marliese Ackermann), изданное и прокомментированное Мюллером в 1985 г.

Особенно следует выделить две публикации Рудольфа Нойхойзера (Rudolf Neuhäuser) 1979 и 1993 гг.: «Раннее творчество Достоевского. Литературная традиция и общественное право»³⁷ и «Ф. М. Достоевский: великие романы и повести. Интерпретации и анализы»³⁸. Обе работы стали классическими, в них Нойхойзер демонстрирует панораму всего творчества Достоевского. Чтобы оценить заслугу исследователя в целом, следует читать эти две книги одну вслед за другой.

Занимаясь ранним творчеством Достоевского, сначала он исследует исторический фон и биографический контекст произведений Достоевского и подробно описывает обстоятельства ареста писателя в 1849 г. Затем следуют подробный анализ «Двойника», «Хозяйки»,

³⁰ Beer H. P. Die Gestalt des Evgenij Pavlovic Radomskij in Dostoevskijs Roman «Der Idiot» // Slavisches Seminar d. Univ. Tübingen. 1978. Skript N 15.

³¹ Heim C. Die Gestalt Svidrigajlovs in Dostoevskijs Roman «Verbrechen und Strafe» // Slavisches Seminar d. Univ. Tübingen. 1978. Skript N 16.

³² Schwarz D., Heckert T., Pollach R. Studien und Materialien zu Dostoevskijs Roman «Der Idiot» // Slavisches Seminar d. Univ. Tübingen. 1978. Skript N 17.

³³ Müller L. Dostojewskij und Tübingen. Mit einer Beilage: Ein Briefwechsel über Dostojewskij mit der «Zeit» // Slavisches Seminar d. Univ. Tübingen. 1981. Skript N 22.

³⁴ Tschizewskij D. Dostoevskij und die Aufklärung // Slavisches Seminar d. Univ. Tübingen. 1975. Skript N 5.

³⁵ Jackson R. L. Alešas Rede am Stein: «Das ganze Bild» // Slavisches Seminar d. Univ. Tübingen. 1999. Vorträge N 9.

³⁶ Dostojewskij F. M. Der Grossinquisitor / Über. M. Ackermann. Hrsg. L. Müller. München: Erich Wewel Verlag, 1985.

³⁷ Neuhäuser R. Das Frühwerk Dostoevskijs. Literarische Tradition und gesellschaftlicher Anspruch. Heidelberg: Carl Winter, 1979.

³⁸ Neuhäuser R. F. M. Dostojewskij: Die grossen Romane und Erzählungen. Interpretationen und Analysen. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 1993.

а также «Дядюшкиного сна» и «Зимних заметок». В заключение дается разбор «Униженных и оскорбленных» и «Записок из подполья».

Во второй книге Нойхойзер, исследуя творчество Достоевского после сибирской ссылки, делает подробный анализ «Записок из Мертвого дома». Отдельные ее главы посвящаются поочередно «Преступлению и наказанию», «Игроку», «Подростку» и «Идиоту»; затем «Сну смешного человека» и, наконец, «Братьям Карамазовым». Роман «Бесы» Нойхойзер лишь упоминает, однако не один раз. Тезис Бахтина о «Записках из Мертвого дома» как о «полифоническом романе» Достоевского, в котором невозможно распознать голос автора, исследователь рассматривает как неверный.

Особенного внимания заслуживает глава «Варианты манипулируемого поведения»³⁹, в которой в европейском контексте проблематики брака Нойхойзер изучает рассказы «Вечный муж» и «Кроткая». Однако анализируются не только эти два рассказа, но также «Сон смешного человека». В контексте «Преступления и наказания» исследователь отмечает, как Достоевский оценивал творчество представителей предшествующей литературной традиции: Виктора Гюго, Жорж Санд, Оноре де Бальзака. В частности, в главе «Угрызения совести» Нойхойзер особое внимание уделяет тому, как Достоевский рассуждает о великой задумке Шатобриана «Гений христианства»⁴⁰.

В 1985 г. публикуется доклад Герхарда Дудека (Gerhard Dudek) «„Братья Карамазовы“». К структуре романа Ф. М. Достоевского»⁴¹, сделанный в Саксонской академии наук в Лейпциге. В этом весьма стоящем исследовании автор блестяще демонстрирует критический разбор научной литературы и собственную четкую позицию во взаимосвязи с некоторыми отсылками ко второму изданию книги Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского»⁴² 1963 г. Публикации доклада не помешало и отсутствие в нем программных отсылок к трудам Маркса, Энгельса и Ленина, и упоминание исследований западных ученых: Р. Л. Джексона (R. L. Jackson), Р. Л. Белкнепа (R. L. Belknap), Ж. Катто (J. Catteau), Х.-Ю. Герика, А. Раммельмайер (A. Rammelmeyer).

В 1986 г. Винфрид Бауманн (Winfried Baumann) публикует исследование: «Достоевский: ориентации или дезориентации? Историко-литературный вопрос XX в.»⁴³

В 1987 г. Карла Хильшер (Karla Hielscher) издает брошюру «От Маркса к Достоевскому. Роль Достоевского в современных идеологических де-

³⁹ См.: Ibid. S. 94–117: «Varianten manipulierten Verhaltens».

⁴⁰ Chateaubriand F.-A. Génie du christianisme, ou Beautés de la religion chrétienne. Paris: Migneret, 1803.

⁴¹ Dudek G. Die Brüder Karamasow. Zur Struktur der Romane F. M. Dostojewskis. Berlin: Akademie-Verlag, 1985.

⁴² Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963.

⁴³ Baumann W. Orientierungen oder Desorientierungen an Dostoevskij? Literaturgeschichtliche Fragestellungen des 20. Jahrhunderts. Hamburg: Buske, 1986.

батах в Советском Союзе в 1954–1983 гг.»⁴⁴. Начинается работа с описания того, как в 1954–1981 гг. творчество Достоевского воспринималось в Советском Союзе, каким образом достигалась цель «осторожно реабилитировать писателя» после смерти Сталина. Автор подчеркивает спорность и сомнительность тезиса Бахтина: романы Достоевского можно определить через многоголосный и диалогический принцип. Этот тезис был опубликован в книге «Проблемы поэтики Достоевского»⁴⁵, переработанное и дополненное издание которой вышло в Москве в 1963 г., и стало первым шагом к открытому обсуждению творчества Достоевского, происходившему в политическом пространстве Советского Союза. Инициаторами этого обсуждения были Юрий Карякин с его статьей «Антикоммунизм, Достоевский и „достоевщина“»⁴⁶, а также Георгий Фридендер с книгой «Реализм Достоевского»⁴⁷. Центральная глава в брошюре Хильшер посвящена «Борьбе за „Бесов“»⁴⁸. По мнению исследовательницы, Достоевский должен быть освобожден из омута «новорусского национализма».

В 1985 г. выходит в свет монография Гайера Хьетсо (Geir Kjetsaa) «Достоевский. Каторжник — игрок — король поэтов»⁴⁹, переведенная с норвежского языка на немецкий Астрид Арц (Astrid Arz). Книга переиздана в 1992 г. в Висбадене⁵⁰. Автору монографии удалось заинтересовать широкий круг читателей своим живым описанием жизни и творчества Достоевского.

В 1988 г. выходит книга Фритца Ваннера (Fritz Wanner) «Руководство к чтению. Эстетика и смысл в романе Достоевского „Братья Карамазовы“»⁵¹. В этой работе ее автор не сделал новых выводов.

В 1990 г. появляется неожиданная компаративистская работа Штефана Клессманна (Stefan Klessmann) «Немецкие и американские экспериментальные модели мира. Интердисциплинарный, культурно-сравнительный анализ в зеркале рецепции Достоевского 1900–1945 гг.»⁵²

⁴⁴ *Hielscher K.* Von Marx zu Dostoevskij. Die Rolle F. M. Dostoevskijs in den aktuellen ideologischen Debatten in der Sowjetunion 1954–1983. Hagen: Margit Rottmann Medienverlag, 1987.

⁴⁵ *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963.

⁴⁶ *Карякин Ю.* Антикоммунизм, Достоевский и «достоевщина» // Проблемы мира и социализма (Прага). 1963. № 5.

⁴⁷ *Фридендер Г.* Реализм Достоевского. М.–Л.: Наука, 1964.

⁴⁸ Der Kampf um die «Dämonen». См.: *Hielscher K.* Von Marx zu Dostoevskij. Die Rolle F. M. Dostoevskijs in den aktuellen ideologischen Debatten in der Sowjetunion 1954–1983. Hagen: Margit Rottmann Medienverlag, 1987. S. 59–83.

⁴⁹ *Kjetsaa G.* Dostojewskij — et Dikterliv. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag Forlag, 1985.

⁵⁰ *Kjetsaa G.* Dostojewskij. Stråfling–Spieler–Dichturfürst / Über. Astrid Arz. Wiesbaden: VMA, 1992.

⁵¹ *Wanner F.* Leserlenkung. Ästhetik und Sinn in Dostoevskijs Roman «Die Brüder Karamazov». München: Otto Sagner, 1988.

⁵² *Klessmann S.* Deutsche und amerikanische Erfahrungsmuster von Welt. Eine interdisziplinäre, kulturvergleichende Analyse im Spiegel der Dostojewskij-Rezeption zwischen 1900 und 1945. Regensburg: S. Roderer Verlag, 1990.

В этой программной работе автор демонстрирует пример того, как можно исследовать историю влияния Достоевского на творчество других писателей. Материалом для анализа немецкой культуры являются произведения Райнера Марии Рильке (Rainer Maria Rilke), Германа Гессе (Hermann Hesse), Готфрида Бенна (Gottfried Benn), Фридриха Ницше (Friedrich Nietzsche), Лео Лёвенталя (Leo Löwenthal), Зигмунда Фрейда (Sigmund Freud). Речь также идет о падении великой немецкой христианской церкви, восприятии Достоевского в немецком искусстве на примерах Эрнста Кирхнера (Ernst Kirchner), Эрнста Барлаха (Ernst Barlach), Эриха Хекеля (Erich Heckel), Макса Бекманна (Max Beckmann) и, наконец, о национализме. Американское культурное пространство в книге представляется творчеством Теодора Драйзера (Theodore Dreiser), Эрнеста Хэмингуэя (Ernest Hemingway), Джона Стейнбека (John Steinbeck), Томаса Вольфе (Thomas Wolfe), Генри Миллера (Henry Miller), Вильяма Фолкнера (William Faulkner), Джэймса Т. Фаррелла (James T. Farrell) и др. В этих рамках анализируется также голливудский фильм «Преступление и наказание»⁵³ режиссера Йозефа фон Стернберга (Josef von Sternberg), снятый в 1935 г.

В 1990 г. публикуется книга Натали Ребер (Natalie Reber) «Достоевский. „Братья Карамазовы“». Введение и комментарий»⁵⁴. Ребер уже известна по книге 1964 г. «Исследования мотива двойничества у Достоевского и Гофмана»⁵⁵.

В 1991 г. выходит в свет книга Йозефа Ранфтля (Josef Ranftl) «От действительной к утвержденной вине: исследование о влиянии романов Ф. М. Достоевского „Преступление и наказание“ и „Двойник“ на роман Франца Кафки „Процесс“»⁵⁶.

Спустя достаточно долгое время после своей публикации по «Подrostку» в 1965 г. Герик в 1991 г. опять пишет монографию, в которой речь идет и о Достоевском: «Предмет поэтики, представленный на материале „Вечерней фантазии“ Гёльдерлина, „Гамлета“ Шекспира и „Преступления и наказания“ Достоевского»⁵⁷. В исследовании к анализу «Преступления и наказания» применяется новый литературоведческий метод, который заключается в том, что подробно исследуются «ситуация» главного героя, интеграция этой ситуации в определенный

⁵³ «Crime and Punishment», снят на киностудии «Коламбия пикчерс» (Columbia Pictures).

⁵⁴ Reber N. Dostojewskijs «Brüder Karamasow». Einführung und Kommentar. München: Kyrill & Method Verlag, 1990.

⁵⁵ Reber N. Studien zum Motiv des Doppelgängers bei Dostojewskij und E. T. A. Hoffmann. Giessen: Im Kommissionsverlag W. Schmitz, 1990.

⁵⁶ Ranftl J. Von der «wirklichen» zur «behaupteten» Schuld: Studie über den Einfluß von F. M. Dostojewskijs Romanen «Schuld und Sühne» und «Der Doppelgänger» auf Franz Kafkas Roman «Der Prozeß». Erlangen: Verlag Palm & Enke, 1991.

⁵⁷ Gerigk H.-J. Die Sache der Dichtung, dargestellt an Hölderlins «Abendphantasie», Shakespeares «Hamlet» und Dostojewskijs «Schuld und Sühne». Hürtgenwald: Guido Pressler Verlag, 1991.

«образ человека», «область реального» и «взгляд читателя» как элементы структурированной писателем композиции.

В 1993 г. Биргит Харрес (Birgit Harreß) публикует книгу «Человек и мир в творчестве Достоевского. К поэтической антропологии»⁵⁸. Философский базис исследования составляют идеи Карла Ясперса (Karl Jaspers), Мартина Хайдеггера (Martin Heidegger) и Сёрена Кьеркегора (Søren Kierkegaard). Кроме того, Харрес ориентируется на Альфреда Адлера (Alfred Adler). Цель ее исследования — увидеть во всем художественном творчестве Достоевского единый мыслительный процесс. С этих позиций оно рассматривается в трех больших разделах книги: «Раннее творчество» (1846–1849), «Переходное творчество» (1859–1865) и «Позднее творчество» (1866–1880). В каждом разделе Харрес разрабатывает типологию персонажей на основе взаимосвязи внутреннего и внешнего мира героев. В раннем творчестве Достоевского мир для них представляется абсурдом, в переходном — сценой, в позднем — полем битвы. Пользуясь такими абстрактными понятиями, исследовательница создает релевантную для каждого раздела определенную макроструктуру, в которой становятся понятны отдельные художественные тексты. И только в позднем творчестве Достоевского становится возможным примирение человека с окружающим миром благодаря христианской вере.

Нужно отметить, что Харрес отдельно не исследует отчет Достоевского-каторжника в «Записках из Мертвого дома». Также она обделила вниманием публицистику Достоевского.

Центральное понятие работы книги Харрес — «поэтическая антропология» — использовала также исследовательница Габриэла Сельге (Gabriele Selge) в книге «Образ человека в произведениях Антона Чехова. Материалы к поэтической антропологии»⁵⁹.

Среди немецких монографий также уделим особое внимание следующим: «„Номо Апостата“: Отчуждение человека. Философский анализ духовной метафизики у Ф. М. Достоевского»⁶⁰ Ины Фукс (Ina Fuchs) и «Достоевский как художник»⁶¹ Николая Трубецкого. Теория Бахтина о «полифоническом романе» Достоевского критикуется автором как ограниченная (из текста не ясно, о какой книге идет речь). Апогей книги — глава «Бунтарь» (с. 268–299), в которой говорится в первую очередь о Раскольникове.

Достойны прочтения две публикации Кристианы Шульц (Christiane Schulz): «Аспекты Шиллеровской теории искусства в литературном

⁵⁸ Harreß B. Mensch und Welt in Dostoevskijs Werk. Ein Beitrag zur poetischen Anthropologie. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1993.

⁵⁹ Selge G. Anton Čechovs Menschenbild. Materialien zu einer poetischen Anthropologie. München: Wilhelm Fink, 1971.

⁶⁰ Fuchs I. «Номо Апостата». Die Entfremdung des Menschen. Philosophische Analysen zur Geistmetaphysik F. M. Dostojevskijs. München: Otto Sagner, 1988.

⁶¹ Trubetzkoy N. S. Dostoevskij als Künstler. London: The Hague; Paris: Mouton, 1964.

концепте Достоевского»⁶² и «Историография души. Гёте и шестая книга „Братьев Карамазовых“»⁶³.

В 1995 г. Герик в главе «Чары убийства» в первой части своего обширного сравнительного исследования «Русские в Америке. Достоевский, Толстой, Тургенев и Чехов — их значение для литературы США»⁶⁴ рассматривает значимость Достоевского для Элиота, Теодора Драйзера, Джеймса Каина, Рихарда Райта, Джеймса Гарольда Валлиса, Чарльза Джексона, Майера Левина, Вильяма Фолкнера, Вуди Аллена, Трумена Капоте, а также пародийную пьесу «Идиоты Карамазовы» Кристофера Дуранга (Christopher Durang) и Альберта Иннаурато (Albert Innaurato). Во второй части книги речь более не идет об убийстве, ее цель — распознать эхо Достоевского в произведениях Эрнеста Хэмингуэя, Томаса Вольфе, Генри Миллера, Курта Воннегута.

В 1997 г. в пятый раз издается книга Зенты Маурина (Zenta Maurina) «Достоевский. Творец образов и искатель Бога»⁶⁵. Первое ее издание вышло в свет в 1952 г.

В 1998 г. Кристоф Гарстка (Christoph Garstka) восполняет значительный пробел (и не только в истории одного издательства) своим исследованием «Артур Меллер ван ден Брук и первое полное немецкое издание Достоевского в издательстве „Пипер“ в 1906–1919 гг. Опись всех предуведомлений и введений Артура Меллера ван ден Брука и Дмитрия Мережковского на материале неопубликованных писем переводчицы Е. К. Разин»⁶⁶. Книге сопутствует подробная библиография; предисловие написано Гериком. Безусловно, первым, открывшим для славистического сообщества имя переводчицы Элизабет (Лесс) Керрик (Elisabeth «Less» Kaertrick), ставшей знаменитой под псевдонимом Е. К. Разин (Е. К. Rhasin), был Гарстка. Недавно Г. Е. Потапова присвоила себе⁶⁷ первенство ознакомления «читателя с этой необычной женщиной», отмечая, что Гарстка представил лишь «маленький отрывок»,

⁶² Schulz C. Aspekte der Schillerschen Kunsttheorie im Literaturkonzept Dostoevskijs. München: Otto Sagner, 1992.

⁶³ Schulz C. Geschichtsschreibung der Seele. Goethe und das 6. Buch der «Brat'ja Karamazovy». München: Otto Sagner, 2006.

⁶⁴ Gerigk H.-J. Die Russen in Amerika. Dostojewskij, Tolstoj, Turgenjew und Tschschow in ihrer Bedeutung für die Literatur der USA. Hürtgenwald: Guido Pressler Verlag, 1995. S. 103–239.

⁶⁵ Maurina Z. Dostojewski. Menschengestalter und Gottsucher. Memmingen: Dietrich, 1997.

⁶⁶ Garstka C. Arthur Moeller van den Bruck und die erste deutsche Gesamtausgabe der Werke Dostojewskijs im Piper-Verlag 1906–1919. Eine Bestandsaufnahme sämtlicher Vorbemerkungen und Einführungen von Arthur Moeller van den Bruck und Dmitrij S. Mereschkowskij unter Nutzung unveröffentlichter Briefe der Übersetzerin E. K. Rhasin. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1998.

⁶⁷ Потапова Г. Е. К истории восприятия Достоевского в Германии. (Из писем немецкой переводчицы Достоевского Лесс Кэррик) // Достоевский: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. Ф. Буданова. Т. 19. СПб.: Наука, 2010. 488 с.

в первую очередь освещающий издание Достоевского. Совершенно бесосновательный упрек!

В 1998 г. Вольфганг Казак (Wolfgang Kasack) публикует свою маленькую работу «Достоевский. Жизнь и творчество»⁶⁸. Цитатами из писем Достоевского, его художественных произведений и некоторых других текстов автор представляет «экскурсию по жизни одного из самых великих русских писателей» — так говорится в предисловии. Ее целью должен быть «избранный Достоевский», предназначенный и для «друзей его творчества», и для тех, кто сначала хочет познакомиться с биографией писателя.

В 1998 г. Евгений Древерман (Eugen Drewermann) дарит нам свои наблюдения о Достоевском в книге «Даже самый ничтожный будет мне братом: Достоевский — поэт человечности. Пять наблюдений»⁶⁹. Второе издание этой книги публикуется в 2004 г. издательством «Патмос» (Patmos) в Дюссельдорфе. Древерман — практикующий психотерапевт и ангажированный критик церкви, поэтому не удивляет, что он проповедует христианство в своей книге лучше самого Достоевского...

В 1999 г. выходит в свет книга Хильшер «Достоевский в Германии»⁷⁰. Жизни Достоевского в Висбадене, Бад-Хомбурге, Баден-Бадене, Дрездене и Бад-Эмсе посвящена отдельная глава, наполненная цитатами из писем писателя. Каждой главе предшествует подробное введение автора.

В 1999 г. публикуется монография «Проект-Достоевский»⁷¹ Андреаса Хешена (Andreas Höschen). Что читателю ожидать от такого названия — непонятно. В книге речь идет о ранних работах Дьёрдя Лукача (Georg Lukács), точнее (так написано в подзаголовке), о «неокантианских ранних трудах Лукача в идейно-историческом контексте». В центре исследования находится работа Лукача, оставшаяся неопубликованной и известная как «Достоевский-проект», привлекающая тем самым снова и снова внимание любопытных литературоведов-детективов. О Достоевском в книге сообщается поверхностно.

В 2000 г. Роланд Опитц (Roland Opitz) публикует под заглавием «Федор Достоевский: мировоззрение и структура произведения»⁷² тщательно проведенное исследование романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы», дополняя его двумя

⁶⁸ Kasack W. Dostojewski. Leben und Werk. Frankfurt am Main; Leipzig: Insel Verlag, 1998.

⁶⁹ Drewermann E. Daß auch der Allerniedrigste mein Bruder sei: Dostojewski — Dichter der Menschlichkeit. Fünf Betrachtungen. Zürich; Düsseldorf: Walter Verlag, 1998.

⁷⁰ Hielscher K. Dostojewski in Deutschland. Frankfurt am Main; Leipzig: Insel Verlag, 1999.

⁷¹ Höschen A. Das «Dostojewskij-Projekt». Lukács' neokantianisches Frühwerk in seinem ideengeschichtlichen Kontext. Tübingen: Niemeyer, 1999.

⁷² Opitz R. Fedor Dostoevskij: Weltsticht und Werkstruktur. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000.

статьями о Достоевском и Набокове, а также об инсценировке «Бесов», сделанной Альбером Камю (Albert Camus).

В том же 2000 г. Райнхард Лауер (Reinhard Lauer) совместно с Александром Графом (Alexander Graf) и Матиасом Раммельмайером (Matthias Rammelmeyer) издает сборник статей Альфреда Раммельмайера (Alfred Rammelmeyer) «Статьи о русской литературе и истории»⁷³. В особенности интересны статьи «Достоевский и немцы»⁷⁴ и «Роман Достоевского „Бесы“»⁷⁵.

Под влиянием того, как Раммельмайер толкует «Бесов», Ульрих Штельнер (Ulrich Steltner) пишет работу о Достоевском и Станиславе Пшибышевском: «„Бесы“ и „Дети сатаны“: уничтожение мира»⁷⁶ и публикует ее в 2011 г. в сборнике, приуроченном к столетию со дня рождения Раммельмайера, изданном Герхардом Гизманном (Gerhard Giesemann) и Хансом Роте (Hans Rothe).

В 2000 г. выходит книга Герика «Достоевский, „непростой русский“». История его влияния в немецкоязычной среде от рубежа веков до сегодняшнего дня»⁷⁷ (в которую автор также включает материал статьи «Заметки касательно исследования Достоевского в немецкоязычном пространстве после 1945 г.»⁷⁸, опубликованной в 1972 г.). В книге речь идет прежде всего о реакции на Достоевского немецкоязычных писателей, таких как Герман Гессе, Стефан Цвейг, Томас Манн, Альфред Дёблин (Alfred Döblin), Гуго фон Гофмансталь (Hugo von Hofmannsthal), Франц Кафка, Франк Тиисс, Ингеборг Бахманн (Ingeborg Bachmann), а также о рецепции Достоевского в фильмах, на телевидении, в театре, опере и балете. Особенно нужно отметить его влияние на изобразительное искусство, судя по каталогам выставок «Достоевский в немецком экспрессионизме. Вильфрид Отто: Папка Раскольников от 1921 г.»⁷⁹ и «„Достоевский — мой друг“ (Макс Бекманн. Осень 1914 г.): Графики, картины и иллюстрации книг по Достоевскому в немецком искусстве 1900–1950 гг.»⁸⁰. В этом контексте стоит также упомянуть в качестве

⁷³ Rammelmeyer A. Aufsätze zur russischen Literatur und Geistesgeschichte / Hrsg. R. Lauer. Wiesbaden: Harrassowitz, 2000.

⁷⁴ Ibid. S. 181–193.

⁷⁵ Ibid. S. 194–206.

⁷⁶ Steltner U. «Dämonen» und «Satanskinder»: Die Zerstörung der Welt // Schulbildung und ihre Weiterentwicklung: Gedenkband zum 100. Geburtstag von Alfred Rammelmeyer / Hrsg. G. Giesemann, H. Rothe. München, 2011. S. 375–396.

⁷⁷ Gerigk H.-J. Dostojewskij, der «vertrackte Russe». Die Geschichte seiner Wirkung im deutschen Sprachraum vom Fin de Siècle bis heute. Tübingen: Attempto Verlag, 2000.

⁷⁸ Gerigk H.-J. Notes Concerning Dostoevskii Research in the German Language after 1945 // Canadian-American Slavic Studies. 1972. Vol. 6, N 2. S. 272–285.

⁷⁹ Dostojewskij im deutschen Expressionismus. Wilfried Otto: Die Raskolnikoff-Mappe von 1921. Würzburg: Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg, 1998.

⁸⁰ «Dostojewski ist mein Freund» (Max Beckmann, Herbst 1914): Graphiken, Gemälde und Buchillustrationen zu Dostojewskij in der deutschen Kunst zwischen 1900 und 1950. Altenburg: Lindenau-Museum, 1999.

дополнения статьи Ульриха Шмида (Ulrich Schmid) «Рецепция Достоевского во времена немецкого фашизма»⁸¹ и Гудрун Гоес (Gudrun Goes) «Рецепция произведений Достоевского в Германии 1945–1949 гг.»⁸².

В 2001 г. выходит в свет обширная диссертационная работа Малгожаты Свицкерской (Malgorzata Swiderska) «Исследование литературоведческой имагологии. Литературное творчество Достоевского с имагологической точки зрения с особым вниманием к изображению Польши»⁸³ из университета Тюбингена, тщательно подготовленная ею под руководством проф. Рольфа-Дитера Клюге (Rolf-Dieter Kluge). В первой части⁸⁴ автор разъясняет «теорию и метод» литературоведческой имагологии. Во второй части⁸⁵ предпринимается попытка тринадцати интерпретаций художественных текстов Достоевского: начиная с «Романа в девяти письмах» и заканчивая «Братьями Карамазовыми». К анализу привлекаются даже «Зимние заметки о летних впечатлениях». Цель Клюге — разработать функцию «польской и другой чужой имагеми» в художественных произведениях Достоевского.

В 2002 г. Гудрун Брауншпергер (Gudrun Braunsperger) публикует свое исторически и поэтологически ориентированное исследование «Сергей Нецаев и „Бесы“ Достоевского. Рождение романа из духа терроризма»⁸⁶, которое систематизирует и упорядочивает столь много обсуждаемый современный Достоевскому «материал» для его романа.

В 2003 г. Михаэль Вегнер (Michael Wegner) издает хорошо продуманную выборку из публицистических произведений Достоевского: «Дневник писателя, 1873 и 1876–1881. Избранное»⁸⁷. Перевод с русского сделали Гюнтер Далитц (Günther Dalitz) и Маргрит Бройер (Margrit Bräuer). Подробное предисловие издателя озаглавлено «Блеск и бедствие утопии. Размышления о „Дневнике писателя“ Федора Достоевского»⁸⁸.

В этом же 2003 г. публикуется книга Кристины Хамель (Christine Hamel) «Федор М. Достоевский»⁸⁹, в которой жизнь и творчество

⁸¹ Schmid U. Die Dostojewskij-Rezeption im deutschen Nationalsozialismus // Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft. 2007. N 14. S. 47–58.

⁸² Goes G. Zur Rezeption der Werke Dostojewskijs in Deutschland 1945–1949 // Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft. 2007. N 14. S. 59–70.

⁸³ Swiderska M. Kluge Studien zur literaturwissenschaftlichen Imagologie. Das literarische Werk F. M. Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Berücksichtigung der Darstellung Polens. München: Otto Sagner, 2001.

⁸⁴ Ibid. S. 21–132.

⁸⁵ Ibid. S. 137–436.

⁸⁶ Braunsperger G. Sergej Nečaeв und Dostoevskijs «Dämonen». Die Geburt eines Romans aus dem Geist des Terrorismus. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002.

⁸⁷ Wegner M. Tagebuch eines Schriftstellers, 1873 und 1876–1881. Eine Auswahl. Berlin: Aufbau Verlag, 2003.

⁸⁸ Ibid. S. 9–46: «Glanz und Elend der Utopie. Gedanken zu Fjodor Dostojewskijs „Tagebuch eines Schriftstellers“».

⁸⁹ Hamel C. Fjodor M. Dostojewskij. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2003.

писателя соединяются и разворачиваются без каких-либо затруднений — отображение находят и три большие любви Достоевского: Мария Исаева, Аполлинария Сулова и Анна Сниткина. Со спорной теорией Бахтина о «полифоническом романе» Хамель соглашается и посвящает ее описанию отдельную часть⁹⁰. В основном тексте поэтологическое толкование произведений Достоевского отсутствует. Однако есть некоторые упоминания об истории их влияния на творчество писателей в Германии, например, отразившегося в «Закате Европы»⁹¹ Освальда Шпенглера (Oswald Spengler) и «Размышлениях аполитичного»⁹² Томаса Манна.

В 2004 г. Клаус Штэдтке (Klaus Städtke) представляет вниманию читателей свое видение жизни и творчества Достоевского в книге «Достоевский в спешке»⁹³. Как и обещает название книги, все рассуждения Штэдтке — бойкие и доступные каждому. Из пяти больших романов Достоевского он не включает в свою работу только «Подростка». В чрезвычайно сжатой библиографии справедливо рекомендуется исследование Аньи Отто (Anja Otto) «Скандал в поэтике Достоевского»⁹⁴.

В 2005 г. выходит второе, полное и переработанное, издание монографии «Достоевский. Его и наш век»⁹⁵ Райнхарда Лаута (Reinhard Lauth) — исследователя Достоевского и знатока Иоганна Фихте (Johann Fichte). Первое издание этой книги вышло в 1986 г. под заглавием «Достоевский и его век»⁹⁶. Этот сборник эссе, без сомнений, относится к лучшему из того, что может предложить немецкое достоеведение. Всё исследование подчинено задачам поиска и раскрытия шаблонных ошибочных суждений об интенциях Достоевского. Так, например, автор демонстрирует, что мировоззрение Шатова не может быть расценено как собственное мнение Достоевского. Да, Достоевский никогда не допускает того, чтобы персонаж замещал бы его самого. Одновременно с этим Лauth отвергает тезис Бахтина, суть которого заключается в том, что в романах Достоевского невозможно распознать авторское отношение к продемонстрированным идеям. Авторское отношение в романе присутствует, но никогда не эксплицитно, а вычитывается из судеб героев. Лauth ссылается на статью Рене Веллека (René Wellek) «Бахтин о Достоевском: „полифония“ и „карнавализм“»⁹⁷. Однако поэтологическим анализом Лauth не зани-

⁹⁰ Ibid. S. 124–123.

⁹¹ Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1923.

⁹² Mann T. Betrachtungen eines Unpolitischen. Berlin: Fischer, 1918.

⁹³ Städtke K. Dostojewskij für Eilige. Berlin: Aufbau Verlag, 2004.

⁹⁴ Otto A. Der Skandal in Dostojewskijs Poetik. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000.

⁹⁵ Lauth R. Dostojewskij. Sein und unser Jahrhundert. München: Christian Jerrentrup Verlag, 2005.

⁹⁶ Lauth R. Dostojewskij und sein Jahrhundert. Bonn: Bouvier, 1986.

⁹⁷ Wellek R. Bakhtin's view of Dostoevsky: «Polyphony» and «Carnavalesque» // Dostoevsky Studies. 1980. S. 31–39.

мается. Его цель — идейно-исторические уточнения. Из всех двенадцати статей пять посвящены, так или иначе, «Бесам». В приложении представлено дополнительное исследование «К русской истории», связанное с историей церкви.

В 2007 г. публикуется книга Ханны Клессингер (Hanna Klessinger) «Кризис модерна. Георг Тракл в интертекстуальном диалоге с Ницше, Достоевским, Гёльдерлином и Новалисом»⁹⁸, в которой стихотворения Тракла «Превращение зла» («Verwandlung des Bösen»), «Проклятые» («Die Verfluchten») и «Соня» («Sonja») исследуются в связи с романом Достоевского «Преступление и наказание».

В 2008 г. Дуња Брётц (Dunja Brötz) публикует свое исследование «„Идиот“ Достоевского в художественном фильме. Аналогии в фильмах Акиры Куросавы, Саши Гедона и Вима Вендерса»⁹⁹. Это работа ученого высшего класса. В ней исследуются фильмы «Идиот» («Хакучи») Акиро Куросавы (1951), «Возвращение идиота» («Návrat idiota») Саши Гедона (1999) и «Отель „Миллион долларов“» («The Million Dollar Hotel») Вима Вендерса (Wim Wenders) (2000). Три режиссера — японец, чех и немец, — каждый представлен в соответствующем ему культурном пространстве. Начинается работа с анализа романа Достоевского с точки зрения возможности его экранизации, исследуются временная и пространственная структуры романа, особое внимание уделяется образу князя Мышкина и его связи с образом юридического. Данная монография, безусловно, обогащает и киноведение, и достоевсковедение. Библиография книги включает также «Хронологический реестр» экранизаций романа Достоевского «Идиот» (всего семнадцать).

В 2009 г. неожиданно (и долгожданно) выходит в свет издание Райнера Грюбеля (Rainer Grübel): «Василий Розанов: Легенда о Великом инквизиторе Достоевского. Попытка критического комментария (с двумя предисловиями, одним послесловием, пятью приложениями и двумя этюдами „О Гоголе“»¹⁰⁰. Автор предисловия и послесловия — Грюбель. Перевод с русского сделали Райнер и Вальтраут Грюбель (Rainer Grübel, Waltraut Grübel), Зюнна Лоошен (Sünna Looschen) и Александра Рамм (Alexandra Ramm). В книге приведена обширная библиография¹⁰¹. Великолепное послесловие Грюбеля — это отдельное научное достижение, которое названо

⁹⁸ Klessinger H. Krisis der Moderne. Georg Trakl im intertextuellen Dialog mit Nietzsche, Dostojewskij, Hölderlin und Novalis. Würzburg: Ergon Verlag, 2007. S. 59–114.

⁹⁹ Brötz D. Dostojewskis «Der Idiot» im Spielfilm. Analogien bei Akira Kurosawa, Saša Gedeon und Wim Wenders. Bielefeld: Transcript Verlag, 2008.

¹⁰⁰ Rosanow Wassili: Dostojewskis Legende vom Großinquisitor. Versuch eines kritischen Kommentars (mit zwei Vorwörtern, einem Nachwort, fünf Beilagen und zwei Etüden «Über Gogol») / Hrsg. R. Grübel. Oldenburg: BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, 2009.

¹⁰¹ Ibid. S. 412–446.

«О великих грехах и великих инквизиторах: Комментарий Розанова и рецепция рассказанной притчи»¹⁰².

В 2009 г. появляется также работа Марины Когут (Marina Kogut) «Достоевский на немецком. Сравнительный анализ пяти немецких переводов романа „Бесы“»¹⁰³. В приложении к книге — интервью автора со Светланой Гайер (Swetlana Geier)¹⁰⁴ и Эгоном Амманном (Egon Ammann). Сравниваются переводы, которые сделали Хуберт Путцер, Е. К. Разин¹⁰⁵, Вальдемар Джоллос, Гюнтер Далитц и Гайер. Работа ценна не только своим введением в теорию литературного перевода, но и тем, что отмечает проблему «вызова», который роман Достоевского «бросил» своим переводчикам¹⁰⁶. История перевода представлена как история рецепции Достоевского в Германии¹⁰⁷. Марине Когут, безусловно, удалось осуществить важный вклад в достоевсковедение совершенно новым, необычным и чрезвычайно близким непосредственно к тексту способом.

В 2008 г. Герик публикует совместно с Нойхойзером книгу «Достоевский в перекрестном допросе. Классик мировой литературы или идеолог новой России?»¹⁰⁸. В книгу включены два исследования: Герика «Что есть классик? Мировое влияние Достоевского в систематической перспективе»¹⁰⁹ и Нойхойзера «Достоевский. К русской ментальности тогда и сегодня. Исторические корни и их интерпретация»¹¹⁰. Оба исследования критикуют определенные тенденции в достоевсковедении как предметно-чуждые для русского классика.

В 2010 г. появляется книга Герика «Мастер из России. Сферы влияния Достоевского. Четырнадцать эссе»¹¹¹. Рассматриваются взаимосвязи Достоевского с Тургеневым, Хайдеггером, Шиллером, Флобером, Сильвией Платт, Джеймсом Джойсом, Герхартом Гауптманом, Джеромом Сэлинджером, а также Николо Макиавелли, чья теория

¹⁰² См. Ibid. S. 412–446: «Von großen Sündern und von Großinquisitoren: Rosanows Kommentar und die Rezeption der erzählten Parabel».

¹⁰³ Dostoevskij auf Deutsch. Vergleichende Analyse fünf deutscher Übersetzungen des Romans «Besy» // Heidelberger Publikationen zur Slavistik. B. Literaturwissenschaftliche Reihe. 2009. Bd 35.

¹⁰⁴ Принципы перевода, сделанного Гайер, приведены в интервью с ней от 4 февраля 2000 г. См. Ibid. S. 266–274.

¹⁰⁵ Псевдоним переводчицы Элизабет (Леэц) Керрик.

¹⁰⁶ Ibid. S. 53–79.

¹⁰⁷ Ibid. S. 205–225.

¹⁰⁸ Gerigk H.-J., *Neuhäuser R.* Dostojewskij im Kreuzverhör. Ein Klassiker der Weltliteratur oder Ideologe des neuen Rußland? Heidelberg: Mattes Verlag, 2008.

¹⁰⁹ См. Ibid. S. 1–45: «Was ist ein Klassiker? Dostojewskijs internationale Wirkung in systematischer Perspektive».

¹¹⁰ См. Ibid. S. 47–113: «F. M. Dostojewskij. Eine Studie zur russischen Mentalität einst und heute. Historische Wurzeln und Interpretationen».

¹¹¹ Gerigk H.-J. Ein Meister aus Russland. Beziehungsfelder der Wirkung Dostojewskijs. Vierzehn Essays. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2010.

о воле к власти в его книге «Государь» означает для политической области примерно то же, что Достоевский значит своими пятью великими романами для области поэтической: заставить читателя не прекращать чтение. Воля к власти как искусство: именно поэтому поэтика Достоевского есть «макиавеллиевская поэтика». Она состоит из семи факторов: преступление, болезнь, сексуальность, политика, религия, комизм, коварная повествовательная техника, в которой одновременно сообщается что-то читателю, но и постоянно недоговаривается.

Итак, теперь обратимся к сборникам статей, посвященным творчеству Достоевского. Мы остановились на семи следующих изданиях:

1) «Достоевский и литература. Доклады к 100-летию со дня смерти писателя на 3-й Международной конференции „Славистического комитета“ в Мюнхене, 12–14 октября 1981 г.»¹¹² под редакцией Роте;

2) «Достоевский и русская литература в Австрии рубежа веков (литература, театр)»¹¹³ под редакцией Александра Белобратова и Алексея Жеребина;

3) «„Братья Карамазовы“ — последний роман Достоевского в зеркале современности. Одиннадцать докладов 9-го симпозиума международного сообщества Достоевского»¹¹⁴ под редакцией Герика;

4) «Достоевский. Писатель, мыслитель, провидец»¹¹⁵ под редакцией Хайнца Зетцера (Heinz Setzer), Лудольфа Мюллера и Рольфа-Дитера Клюге;

5) «Полифункция и метапародия»¹¹⁶ под редакцией Нойхойзера;

6) «Пророческое в „Бесах“ Достоевского»¹¹⁷, издан при поддержке немецко-русского института культуры, под редакцией Ольги Гроссман и Роланда Опитца;

7) «Романы Достоевского»¹¹⁸ под редакцией Биргит Харрес.

Что касается сборника «Достоевский и литература», то из двадцати шести статей шестнадцать — на немецком языке, при этом четыре из них написаны авторами, которые преподают за пределами немецкоязычных стран: Виктор Террас (Victor Terras), Рене Веллек (René Wellek),

¹¹² Dostojewskij und die Literatur. Vorträge zum 100. Todesjahrs des Dichters auf der 3. internationalen Tagung des «Slavenkomitees» in München, 12–14. Oktober 1981 / Hrsg. H. Rother. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1983.

¹¹³ Dostojewskij und die russische Literatur in Österreich seit der Jahrhundertwende (Literatur, Theater) / Hrsg. A. W. Belobratow, A. I. Žerebin. St. Petersburg: Verlag FANTAKT, 1994.

¹¹⁴ «Die Brüder Karamasow» Dostojewskijs letzter Roman in heutiger Sicht. Elf Vorträge des IX. Symp. der Intern. Dostojewskij-Gesellschaft, Gaming, Niederösterreich, 30. Juli — 6. August 1995 / Hrsg. H.-J. Gerigk. Dresden: Dresden University Press, 1997.

¹¹⁵ F. M. Dostojewski. Dichter, Denker, Visionär / Hrsg. H. Setzer, L. Müller, R.-D. Kluge. Tübingen: Attempto, 1998.

¹¹⁶ Polyfunktion und Metaparodie. Aufsätze zum 175. Geburtstag F. M. Dostojewskijs / Hrsg. R. Neuhäuser. Dresden: Dresden University Press, 1998.

¹¹⁷ Das Prophetische in Dostojewskijs «Dämonen» / Hrsg. O. Grossmann, R. Opitz. Weimar: VDG, 1998.

¹¹⁸ Dostojewskijs Romane / Hrsg. Birgit Harreß. Stuttgart: Philipp Reclam, 2005.

Доминик Ель (Dominique Iehl), Карл Штиф (Carl Stief). Оставшиеся двенадцать позволяют понять спектр интереса к Достоевскому в странах немецкого языка. Это следующие статьи: «Два главных новозаветных мотива „Великого инквизитора“ Достоевского»¹¹⁹ Альфреда Раммельмейера (Alfred Rammelmeyer); «Достоевский и Чарльз Нодьер»¹²⁰ Вильфреда Потхофа (Wilfried Potthoff); «Народно-религиозные мотивы у Достоевского»¹²¹ Вильгельма Леттенбауера (Wilhelm Lettenbauer); «К функции литературных источников и моделей в художественных текстах Достоевского (1846–1865)»¹²² Нойхойзера; «Функция и мотивация „воплощения“ у Достоевского»¹²³ Конрада Онаша (Konrad Onasch); «Структура сна в произведениях Достоевского и его роль в процессе осознания человека»¹²⁴ Натали Ребер; «Стихотворения Достоевского и литература»¹²⁵ Дитриха Герхарда (Dietrich Gerhardt); «Масарик и Достоевский»¹²⁶ Антонина Мештана (Antonin Meřtan); «Федор Достоевский — без конца. К рецепции Достоевского в европейской литературе XX в.»¹²⁷ Михаэля Вегнера; «Некоторые заметки о Достоевском в творчестве Томаса Манна»¹²⁸ Герда Воландта (Gerd Wolandt); «К влиянию Достоевского в английской критике и литературе рубежа веков»¹²⁹ Эрвина Веделя (Erwin Wedel); «„Святылище“ Фолкнера и „Преступление и наказание“ Достоевского: исполнение желания как снятие табу»¹³⁰ Х.-Ю. Герика.

В сборнике «Достоевский и русская литература в Австрии рубежа веков (литература, театр)» из семнадцати докладов пять написаны австрийскими учеными: «Влияние Достоевского и Толстого на Франца Верфеля»¹³¹ Карлхайнца Ф. Аукенталера (Karlheinz F. Auckenthaler);

¹¹⁹ *Rammelmeyer A.* Zwei neutestamentliche Hauptmotive der «Legende vom Grobinquistor» von F. M. Dostojewskij // Dostojewskij und die Literatur. Vorträge zum 100. Todesjahr des Dichters auf der 3. internationalen Tagung des «Slavenkomitees» in München, 12–14. Oktober 1981 / Hrsg. H. Rothe. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1983.

¹²⁰ *Potthoff W.* Dostojewskij und Charles Nodier // Ibid.

¹²¹ *Lettenbauer W.* Volksreligiöse Motive bei Dostojewskij // Ibid.

¹²² *Neuhäuser R.* Zur Funktion von literarischen Quellen und Modellen in Dostojewskijs literarischen Texten (1846–1865) // Ibid.

¹²³ *Onasch K.* Funktion und Motivation von «voploščenie» im Werk Dostojewskijs // Ibid.

¹²⁴ *Reber N.* Die Tiefenstruktur des Traums in Dostojewskijs Werk und ihre Bedeutung für den Bewußtwerdungsprozeß des Menschen // Ibid.

¹²⁵ *Gerhardt D.* Dostojewskijs Gedichte und die Literatur // Ibid.

¹²⁶ *Meřtan A.* Masaryk und Dostojewskij // Ibid.

¹²⁷ *Wegner M.* Fjodor Dostojewski — und kein Ende. Zur Rezeption Dostojewskis in der neueren europäischen Romanliteratur des 20. Jahrhunderts // Ibid.

¹²⁸ *Wolandt G.* Einige Notizen über Dostojewskij im Werk Thomas Manns // Ibid.

¹²⁹ *Wedel E.* Zur Nachwirkung Dostojewskijs in der englischen Kritik und Literatur an der Jahrhundertwende // Ibid.

¹³⁰ *Gerigk H.-J.* Faulkners «Sanctuary» und Dostojewskijs «Schuld und Sühne»: Wunscherfüllung als Tabubrechung // Ibid.

¹³¹ *Auckenthaler K. F.* Dostojewskijs und Tolstojks Einfluss auf Franz Werfels Schaffen // Dostojewskij und die russische Literatur in Österreich seit der Jahrhundertwende (Literatur, Theater) / Hrsg. A. W. Belobratow, A. I. Žerebin. St. Petersburg: Verlag FANTAKT, 1994.

«Диалог с графом Мышкиным. Русская литература в творчестве Ингеборг Бахманн»¹³² Констанцы Флидл (Konstanze Fliedl); «Достоевский и Кафка»¹³³ Йозефа П. Штрелки (Joseph P. Strelka); «„Бесы“ Достоевского и „Человек без свойств“ Музиля»¹³⁴ Йозефа Штруца (Josef Strutz).

В сборнике «„Братья Карамазовы“ — последний роман Достоевского в зеркале современности. Одиннадцать докладов IX симпозиума Международного общества Достоевского» — две статьи написаны на русском языке Георгием Фридендером и Владимиром Захаровым; шесть — по-английски, их авторы Малькольм Джоунс (Malcolm Jones), Вильям Миллс Тодд (William Mills Todd), Борис Криста (Boris Christa), Виктор Террас, Натан Розен (Nathan Rosen), Роберт Белнап (Robert Belknap); три — по-немецки: «Архитектоника „Братьев Карамазовых“»¹³⁵ Герика, «Некоторые заметки к трактовке Германом Гессе „Братьев Карамазовых“»¹³⁶ Михаэль Кадо (Michel Cadot) и «Путь Достоевского к „Великому инквизитору“»¹³⁷ Роте.

Сборник «Достоевский. Писатель, мыслитель, провидец» состоит из тринадцати статей, и все они на немецком: «Достоевский — жизнь как роман»¹³⁸ Лудольфа Мюллера, «Роман Ф. М. Достоевского „Вина и покаяние“ или „Преступление и наказание“ — введение в проблему»¹³⁹ Дитриха Вёрна (Dietrich Wörn), «Всё или ничего. Образ „игрока“ в романах Достоевского»¹⁴⁰ Регины Ноейл (Regine Noeijl), «„Бесы“ революции»¹⁴¹ Рольфа-Дитера Клуге; «„Идиот“ — современный Христос?»¹⁴² Малгожаты Свицерска (Malgorzata Swiderska), «Жизнь — это больше чем смысл жизни: „Братья Карамазовы“»¹⁴³

¹³² Fliedl K. Dialog mit Fürst Myschkin. Russische Literatur bei Ingeborg Bachmann // Ibid.

¹³³ Strelka J. P. Dostojewskij und Kafka // Ibid.

¹³⁴ Strutz J. Dostojewskijs «Dämonen» und Musils «Mann ohne Eigenschaften» // Ibid.

¹³⁵ Gerigk H.-J. Die Architektonik der «Brüder Karamasow» // «Die Brüder Karamasow» Dostojewskijs letzter Roman in heutiger Sicht. Elf Vorträge des IX. Symp. der Intern. Dostojewskij-Gesellschaft, Gaming, Niederösterreich, 30. Juli — 6. August 1995 / Hrsg. H.-J. Gerigk. Dresden: Dresden University Press, 1997.

¹³⁶ Cadot M. Einige Bemerkungen zu Hermann Hesses Deutung der «Brüder Karamasow» // Ibid.

¹³⁷ Rothe H. Dostojewskijs Weg zu seinem «Großinquisitor» // Ibid.

¹³⁸ Müller L. Dostojewskij — ein Leben als Roman // F. M. Dostojewski. Dichter, Denker, Visionär / Hrsg. H. Setzer, L. Müller, R.-D. Kluge. Tübingen: Attempto, 1998.

¹³⁹ Wörn D. F. M. Dostojewskis Roman «Schuld und Sühne» oder «Verbrechen und Strafe» — eine Einführung // Ibid.

¹⁴⁰ Noeijl R. Alles oder nichts. Die Gestalt des «Spielers» in den Romanen Dostojewskij // Ibid.

¹⁴¹ Kluge R.-D. Die «Dämonen» der Revolution // Ibid.

¹⁴² Swiderska M. Der «Idiot» — ein moderner Christus? // Ibid.

¹⁴³ Kluge R.-D. Das Leben ist mehr als der Sinn des Lebens: «Die Brüder Karamasow» // Ibid.

Клюге, «Вера Достоевского»¹⁴⁴ Лудольфа Мюллера, «Толстой Штайнера, Достоевский Бахтина»¹⁴⁵ Юргена Верхаймера (Jürgen Wertheimer), «От жестокого таланта к провидению»¹⁴⁶ Хайнса Зетцера, «Достоевский в России сегодня»¹⁴⁷ Александра Криницына (Alexander Krinitsyn), «Достоевский и Германия»¹⁴⁸ Лудольфа Мюллера; «Достоевский и экзистенциализм. Размышления о рецепции Достоевского в работах Альбера Камю»¹⁴⁹ Курта Клоке (Kurt Kloocke); «Между любовью и ненавистью — Достоевский и славянские соседи России»¹⁵⁰ Оскара Обраца (Oskar Obracaj).

Сборник «Полифункция и метапародия» помимо введения, написанного Нойхойзером, содержит двенадцать статей, четыре из них — на английском языке, их авторы Ричард Пис (Richard Pease), Джо Андрю (Joe Andrew), Слободанка Владив-Гловер (Slobodanka Vladiv-Glover), Ирене Зограб (Irene Zohrab); восемь оставшихся написаны на немецком: «„Сложное“ и „простое“ у Достоевского»¹⁵¹ Андреаса Гузки (Andreas Guski), «Критика модерна и криминальный роман (на примере „Преступления и наказания“»¹⁵² Христофа Фельдхуза (Christoph Veldhues), «От говорящего к немому Христу. Влияние Жана Поля на творчество Достоевского, в особенности на поэму „Великий инквизитор“»¹⁵³ Иштвана Молнара (Istvan Molnar), «Парадокс функции и языка памяти»¹⁵⁴ Шульц, «Пример композиционной структуры романов»¹⁵⁵ Роланда Опица (Roland Opitz), «„Внезапность“ в романе „Бесы“ Достоевского»¹⁵⁶ Андреаса Лайтнера (Andreas Leitner), «Выстроенная драматургия праздника в „Бесах“»¹⁵⁷ Матиаса Фрайзе

¹⁴⁴ Müller L. Die Religion Dostojewskijs // Ibid.

¹⁴⁵ Wertheimer J. Steiners Tolstoi, Bachtins Dostojewski // Ibid.

¹⁴⁶ Setzer H. Vom «grausamen Talent» zum «Visionär» // Ibid.

¹⁴⁷ Krinitsyn A. Dostojewski in Rußland heute // Ibid.

¹⁴⁸ Müller L. Dostojewskij und Deutschland // Ibid.

¹⁴⁹ Kloocke K. Dostojewski und der Existenzialismus. Überlegungen zu der Rezeption Dostojewskis im Werk von Albert Camus // Ibid.

¹⁵⁰ Obracaj O. Zwischen Liebe und Haß — Dostojewski und Rußlands slawische Nachbarn // Ibid.

¹⁵¹ Guski A. Einfach und «kompliziert» bei Dostojewskij // Polyfunktion und Metaparodie. Aufsätze zum 175. Geburtstag F. M. Dostojewskijs / Hrsg. R. Neuhäuser. Dresden: Dresden University Press, 1998.

¹⁵² Veldhues C. Modernekritik und Kriminalroman (am Beispiel von «Schuld und Sühne») // Ibid.

¹⁵³ Molnar I. Vom redenden zum schweigenden Christus. Die Wirkung von Jean Pauls «Rede des todten Christus vom Weltgebäude herab, dass kein Gott sei» auf das Werk Dostojewskijs, insbesondere auf das Poem vom «Großinquisitor» // Ibid.

¹⁵⁴ Schulz C. Paradoxie der Fiktion und Sprache der Erinnerung // Ibid.

¹⁵⁵ Opitz R. Das kompositionelle Grundmuster der Romane // Ibid.

¹⁵⁶ Leitner A. «Plötzlichkeit» in Dostojewskijs «Dämonen» // Ibid.

¹⁵⁷ Freise M. Die äquivalenzgesteuerte Dramaturgie des Festes in den «Dämonen (Besy)» // Ibid.

(Matthias Freise), «Антизападная критика цивилизации у Достоевского и немецкая консервативная революция»¹⁵⁸ Карлы Хильшер.

Помимо статей авторов из России и США, таких как Роберт Луис Джексон (Robert Louis Jackson), Игорь Волгин, Владимир Захаров, Вадим Виноградов, Николай Паншев, Георгий Давидов, сборник «Пророческое в „Бесах“ Достоевского» содержит следующие статьи немецких достоевсковедов: «Актуальное значение Достоевского для Европы конца XX в.»¹⁵⁹ Мюллера, «Формирование системы персонажей в сложнейшей книге Достоевского»¹⁶⁰ Опитца, «Сергей Нечаев, или Власть на службе у революции»¹⁶¹ Брауншпергер, «Достоевский и Мицкевич: „Бесы“ и „Дзяды“»¹⁶² Матиаса Фрайзе (Matthias Freise), «Достоевский и Шатов»¹⁶³ Мюллера, «Кто сегодня „бесы“? К актуальности романа Достоевского»¹⁶⁴ Хильшер, «Русская идея Федора Достоевского и его роман „Бесы“»¹⁶⁵ Михаэля Вегнера, «Достоевский в Дрездене»¹⁶⁶ Эрхарда Хексельшнайдера (Erhard Hexelschneider), а также заметка «К рождению дочери Достоевского Любви в Дрездене»¹⁶⁷.

В маленьком сборнике «Романы Достоевского» приводятся отдельные статьи к каждому из пяти главных романов Достоевского: к «Преступлению и наказанию», «Идиоту» и «Братьям Карамазовым» их написала Биргит Харрес, к «Бесам» — Майке Шульт (Maike Schult), к «Подростку» — Хорст-Юрген Герик.

Какие же тенденции восприятия творчества Достоевского можно констатировать, исходя из представленной тематической панорамы немецкоязычных монографий и сборников?

Будем ориентироваться на три проблемные области: автор—произведение—читатель, которые в свою очередь очерчивают соответствующий круг задач. С задачами автора связана психология творчества,

¹⁵⁸ *Hielscher K.* Dostojewskijs antiwestliche Zivilisationskritik und die deutsche Konservative Revolution // Ibid.

¹⁵⁹ *Müller L.* Die aktuelle Bedeutung Dostojewskijs für Europa am Ende des 20. Jahrhunderts // Das Prophetische in Dostojewskijs «Dämonen» / Hrsg. O. Grossmann, R. Opitz. Weimar: VDG, 1998.

¹⁶⁰ *Opitz R.* Die Herausbildung des Gestaltensystems in Dostojewskijs schwierigstem Buch // Ibid.

¹⁶¹ *Braunspenger G.* Sergej Netschajew oder Macht im Dienste der Revolution // Ibid.

¹⁶² *Freise M.* Dostojewskij und Mickiewicz: «Die Dämonen» und «Die Ahnenfeier» // Ibid.

¹⁶³ *Müller L.* Dostojewskij und Schatow // Ibid.

¹⁶⁴ *Hielscher K.* Wer sind die «Dämonen» heute? Zur aktuellen Instrumentalisierung von Dostojewskijs Roman // Ibid.

¹⁶⁵ *Wegner M.* Fjodor Dostojewskijs «russische Idee» und sein Roman «Die Dämonen» // Ibid.

¹⁶⁶ *Hexelschneider E.* Dostojewskij in Dresden // Ibid.

¹⁶⁷ Zur Geburt von Dostojewskijs Tochter Ljubow in Dresden // Ibid.

с произведением — поэтология, с читателем — психология рецептирования. Психология творчества вытекает из жизни автора, она позволяет понять, при каких обстоятельствах он пришел к данной цели и разрабатывал ее в своем произведении. Поэтология исследует художественный результат, который требует понимания мира нашего восприятия и представляется при этом как авторская композиция. Рецептивная психология связана с историческими предубеждениями читателя, его предпочтениями и антипатиями, которые влияют на его положительное или же отрицательное впечатление от определенного произведения. Поэтологический анализ художественного текста — очевидно, самое сложное. Цель его — поэтологическая реконструкция текста. Поэтому исследователи творчества Достоевского часто избегают такой подробной проработки текста и представляют его суть лишь сокращенно — в перспективе опережающих вопросов.

Короче говоря, подробная интерпретация текста с программным отказом от постоянных отсылок к жизни автора — это редкость. Среди работ, авторы которых провели такой анализ, можно назвать труды Вольфа Шмида¹⁶⁸, Герика¹⁶⁹ и Нойхойзера.

Анализ рассказа «Кроткая», сделанный Нойхойзером, приведен в сборнике под редакцией Бодо Зелински (Bodo Zelinsky) «Русская повесть»¹⁷⁰. В своем исследовании романа Достоевского «Преступление и наказание», приведенном в сборнике также под редакцией Зелински «Русский роман», Нойхойзер пишет: «Произведения Достоевского автобиографичны»¹⁷¹.

Йоханнесу Хольтхузену (Johannes Holthusen) удается исследование «Принципы композиции и повествования у Достоевского»¹⁷² (1969) без единой отсылки к жизни автора. Подобная постановка вопроса позволяет, однако, проанализировать литературное творчество лишь поверхностно, когда исследователь, не вдаваясь в детали, находит подкрепление и доказательство своих выводов в записках, сделанных писателем по мере создания произведений. Поэтологическая реконструкция художественных текстов в описанном случае не является целью. И все же такие анализы произведений Достоевского, как у Тиисса¹⁷³ (1971),

¹⁶⁸ Schmid W. Der Textaufbau in den Erzählungen Dostoevskijs. München: Wilhelm Fink, 1973.

¹⁶⁹ См.: Gerigk H.-J. Versuch über Dostoevskijs «Jüngling». Ein Beitrag zur Theorie des Romans. München: Wilhelm Fink, 1965; Gerigk H.-J. Die Sache der Dichtung, dargestellt an Hölderlins «Abendphantasie», Shakespeares «Hamlet» und Dostojewskijs «Schuld und Sühne». Hürtgenwald: Guido Pressler Verlag, 1991.

¹⁷⁰ Die russische Novelle / Hrsg. B. Zelinskys. Düsseldorf: Bagel, 1982. S. 73–83.

¹⁷¹ Der russische Roman / Hrsg. B. Zelinskys. Düsseldorf: Bagel, 1979. S. 163.

¹⁷² Holthusen J. Prinzipien der Komposition und des Erzählens bei Dostojewski. Köln: Westdeutscher Verlag, 1969.

¹⁷³ Thiess F. Dostojewski. Realismus am Rande der Transzendenz. Stuttgart: Seewald Verlag, 1971. 339 s.

Брауна¹⁷⁴ (1976), Нойхойзера¹⁷⁵ (1979, 1993), Мюллера¹⁷⁶ (1982) и Хьетсо¹⁷⁷ (1985, 1992) являются по своей сути обстоятельными поэтологическими анализами отдельных текстов, и, строго говоря, отсылки к жизни Достоевского в этих анализах никогда абсолютно не исключаются. Жизнь и творчество — на определенной разнообразной методологической основе — создают для этих пяти авторов само собой разумеющееся единство, которое не требует доказательств.

Харрес в своем исследовании¹⁷⁸ (1993) идет похожим, но своим собственным путем. Не вдаваясь подробно в детали жизни Достоевского, она видит в его литературном творчестве воплощение жизненного проекта, мыслительная когерентность и последовательное движение к нему как к цели должно быть конструктивно зримо.

В этом контексте, возможно, будет небезынтересно упоминание того, что Герхард, Мюллер и Герик учились мастерству у Дмитрия Чижевского¹⁷⁹, который прививал своим ученикам уважение к каждому отдельному художественному произведению, не теряя при этом из виду огромного культурного контекста. Они восприняли эти максимы и создали школу, хотя и в разнообразных вариациях. Например, Герхард в 1941 г. защитил свою диссертацию «Гоголь и Достоевский в их художественной взаимосвязи»¹⁸⁰, которая была переиздана в 1970 г.

Бросается также в глаза, что с 1971 г. в немецком достоевковедении не вышла в свет ни одна монография на немецком языке по публицистическим произведениям Достоевского. Последнюю книгу по этой проблематике — «Мысль империализма и философия жизни Достоевского. К науке о русском человеке»¹⁸¹ — публикует в 1951 г. Йозеф Бохатец (Josef Bohatec).

¹⁷⁴ Braun M. Dostojewskij. Das Gesamtwerk als Vielfalt und Einheit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1976.

¹⁷⁵ См.: Neuhäuser R. Das Frühwerk Dostoevskijs. Literarische Tradition und gesellschaftlicher Anspruch. Heidelberg: Carl Winter, 1979; Neuhäuser R. F. M. Dostojewskij: Die grossen Romane und Erzählungen. Interpretationen und Analysen. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 1993.

¹⁷⁶ Müller L. Dostojewski. Sein Leben, sein Werk, sein Vermächtnis. München: Erichewel Verlag, 1982.

¹⁷⁷ См.: Kjetsaa G. Dostojewskij — et Dikterliv. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1985; Kjetsaa G. Dostojewskij. Stråfling—Spieler—Dichturfürst / Über. Astrid Arz. Wiesbaden: VMA, 1992.

¹⁷⁸ Harreß B. Mensch und Welt in Dostoevskijs Werk. Ein Beitrag zur poetischen Anthropologie. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1993.

¹⁷⁹ Чижевский по возвращении в Германию в 1956 г. из США, где он преподавал в Гарвардском университете (Harvard University), длительное время возглавлял Институт славистики (Slavisches Institut) университета Гейдельберга. Он умер в 1977 г. в возрасте 83 лет в Гейдельберге.

¹⁸⁰ Gerhardt D. Gogol und Dostojewskij in ihrem künstlerischen Verhältnis. München: Fink Verlag, 1970.

¹⁸¹ Bohatec J. Der Imperialismusgedanke und die Lebensphilosophie Dostojewskijs. Ein Beitrag zur Kenntnis des russischen Menschen. Graz; Köln: Böhlau.

Таким образом, единственная работа по этой теме — введение Вегнера к изданному им «Дневнику писателя» (2003). В дополнение следует упомянуть, что в 1992 г. были издан «Дневник писателя. Записанные мысли» Достоевского в переводе с русского Е. К. Разин с немецким послесловием Александра Флакера (Aleksandar Flaker).

Хильшер в своем исследовании (1999) была единственной, кто систематизировал письма Достоевского, документируя их его собственными словами. Неплохо было бы опубликовать биографию Достоевского, состоящую из его несокращенных писем. Всего их более девятистот двадцати пяти, таким образом, необходима подборка.

Литературным влияниям на творчество Достоевского посвящено мало работ: их авторами стали Ребер (1964), Потхоф (1983), Шульц (1992, 2006), Нойхойзер (1993), Герик (2010).

Однако по проблеме рецепции Достоевского исследований предостаточно: Вегнер (1983), Мештан (Mestan) (1983), Воландт (1983), Вельд (1983), Хильшер (1987), Клессманн (1990), Аукенхальтер (1994), Флидль (1994), Штрелка (1994), Штрутц (1994), Кадо (1997), Клооке (1998), Герик (1995, 2000 и 2010), Клессингер (2007), Брётц (2008), Штельтнер (2011).

Один из пяти великих романов Достоевского — «Преступление и наказание» — исследовали Хайм (1978), Нойхойзер (1979), Герик (1991), Вёрн (1998), Вельдхус (1998), Харрес (2005).

Роман «Идиот» исследовали Шульце (1974); Беер (1978); Шварц, Хекерт и Поллах (1978), Свицерска (1997), Харрес (2005).

Анализ «Бесов» представили в своих работах Мюллер-Лаутер (1974), Хильшер (1987), Клюге (1998), Лайтнер (1998), Фрайзе (1998), Мюллер (1998), Опитц (1998), Вегнер (1998), Брауншпергер (1998, 2002), Шульц (Schult, 2005), Когут (2009). Роман «Подросток» исследовал Герик (1965, 2005), «Братья Карамазовы» — Раммельмайер (1983), Мюллер (1985), Дудек (1985), Ваннер (1988), Ребер (1990), Герик (1995, 1997), Кадо (1997), Роте (1997), Клюге (1998), Молнар (1998), Харрес (2005), Шульц (2006), Грюбель (2009). Очевидно, «Братья Карамазовы» обладают притягательной силой. И это неслучайно.

Часть 2

Статьи

В связи со 150-летием со дня рождения русского классика в августе 1971 г. в Бад-Эмсе (Западная Германия) было основано Международное общество Достоевского. А в мае 1990 г. в Сатрупе вблизи Фленсбурга по инициативе Эллен Лакнер (Ellen Lackner) было основано Немецкое общество Достоевского (Deutsche Dostojewskij-Gesellschaft), которое уже в год своего основания в день рождения Достоевского — 11 ноября — провело свой первый съезд в замке Готторф в Шлезвиге. Оба об-

щества и по сей день издают ежегодники, освещающие актуальные события достоевсковедения. Автор настоящей публикации, Хорст-Юрген Герик, выступил с докладом и в Бад-Эмсе в 1971 г. («Самопонимание Достоевского как герменевтическая проблема»)¹⁸², и в замке Готторф в 1990 г. («Достоевский и криминология на материале его романа „Преступление и наказание“»)¹⁸³. Другой доклад на встрече в замке Готторф, сделанный Дитрихом фон Энгельхардом по теме «Болезнь и врачевание у Достоевского. „Святая болезнь“ „Идиота“», опубликован в том же сборнике¹⁸⁴. Сборник также содержит приветственное слово Рудольфа Нойхойзера, тогдашнего председателя Международного общества Достоевского¹⁸⁵.

В Бад-Эмсе Нойхойзер делал доклад на английском языке по теме «Социальная реальность и герой в ранних произведениях Достоевского: Достоевский и психологическая система Фурье»¹⁸⁶. Также свои доклады зачитали Райнхард Лаут («„Allwill“ Фридриха Генриха Якоби и „Бесы“ Федора Михайловича Достоевского») и Вольф Шмид («Взаимодействие текста рассказчика и текста героя как фактор эстетической эффективности в „Двойнике“»), оба опубликованы в журнале «Russian Literature» (1973. N 4) наряду с другими статьями англоязычных авторов: Яна Майера (Jan Meijer), Жана Вайсгербера (Jean Weisgerber), Нильса Аке Нильсона (Nils Ake Nilsson), Роберта Луиса Джексона (Robert Louis Jackson), благодаря чему этот специальный выпуск, посвященный Достоевскому («Special issue dedicated to Fedor Michajlovič Dostoevskij»), получил такое историческое значение: в нем было собрано лучшее из выступлений в Бад-Эмсе.

Кредо Немецкого общества Достоевского — «познакомить Германию с творчеством Достоевского» и «сделать доступными для интересующихся читателей тезисы и идеи научного достоевсковедения»¹⁸⁷. Конференции Международного общества Достоевского, напротив, адресованы исключительно ученым, их цель — «создать платформу для коммуникации достоевсковедов всех национальностей»¹⁸⁸. Подразумеваются доклады только из академической среды, ориентированной на новейшие исследования Достоевского. Это значит, что если немецкий ежегодник стремится привлечь внимание широкого круга читателей выбором тем

¹⁸² Вышел в журнале «Russian Literature» (The Hague, Paris: Mouton, 1973. N 4. P. 114–127).

¹⁸³ Вышел в первом выпуске сборника трудов Немецкого общества Достоевского — «Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft» (Flensburg, 1992. S. 11–20).

¹⁸⁴ Russian Literature. The Hague. Paris: Mouton, 1973. N 4. P. 21–31.

¹⁸⁵ Ibid. P. 110.

¹⁸⁶ *Neuhäuser R.* Social Reality and the Hero in Dostoevsky's Early Works: Dostoevskij and Fourier's Psychological System // Russian Literature. 1973. N 4.

¹⁸⁷ <http://www.dostojewskij-gesellschaft.de/>.

¹⁸⁸ To provide a general forum for Dostoevsky scholars of all nation (Constitution of the International Dostoevsky Society. Bulletin. Vol. 1. February 1972. N 1. 8 p.).

или манерой их представления, то для сборника «Dostoevsky Studies» такая форма представления материалов невозможна. Другими словами, один и тот же докладчик будет по-разному делать свое сообщение для Немецкого общества Достоевского и на симпозиуме Международного общества Достоевского, на котором уже не надо думать о «базисных знаниях». «Общественный» запрос в каждом случае иной.

Что касается Международного общества Достоевского, то на открытии в 1971 г. в Бад-Эмсе присутствовали его соучредители: Рудольф Нойхойзер, Райнхард Лаут, Вольф Шмид и Хорст-Юрген Герик. Общество было учреждено по инициативе Дмитрия Гришина, а также комиссии в составе Надин Натов, Нойхойзера и Лаута. На заседании было постановлено, что члены Международного общества Достоевского будут встречаться на симпозиуме на новом месте каждые три года. Вслед за Бад-Эмсом последовали: в 1974 г. Санкт-Вольфганг (Австрия), в 1983 г. Серизи-ла-Саль (Франция), в 1986 г. Ноттингем (Англия), в 1989 г. Любляна (Словения), в 1992 г. Осло (Норвегия), в 1995 г. Гаминг (Австрия), в 1988 г. Нью-Йорк (США), в 2001 г. Баден-Баден (Германия), в 2004 г. Женева (Швейцария), в 2007 г. Будапешт (Венгрия), в 2010 г. Неаполь (Италия). Эти регулярные симпозиумы Международного общества Достоевского дали филологам постоянную возможность для обмена идеями с коллегами со всего мира: от Токио до Чикаго, от Тромсе и до Бергамо, а также — далеко не в последнюю очередь — с русскими экспертами-достоевковедами. Короче говоря, немецкоязычное достоевковедение с самого начала интегрировано в интернациональный диалог и получает вдохновение от соприкосновения с другими культурными традициями.

Президент Международного общества Достоевского переизбирается каждые шесть лет или три года. Из немецкоязычных достоевковедов этот пост занимал между 1989–1995 гг. Нойхойзер (Австрия), между 1989–2004 гг. — Герик (Германия) и между 2004 и 2007 гг. — Ульрих Шмид (Швейцария)¹⁸⁹.

Материалы симпозиумов Международного общества Достоевского издаются в журнале «Dostoevsky Studies». В каждом выпуске обычно публикуют не более десяти статей, текущую библиографию международного достоевковедения, рецензии на монографии и, если таковые имеются, актуальные новости и анонсы. С 1980 по 1989 г. Нойхойзер, уполномоченный Международным обществом Достоевского, издал девять томов «Бюллетеня Международного общества Достоевского», выходявшего с 1972 по 1979 г. также девять раз. С 1993 г. выпуски «Dostoevsky Studies» выходят в свет под названием «New Series» и с но-

¹⁸⁹ Чтобы более подробно ознакомиться с материалами о президентах Международного общества Достоевского в 1971–2006 гг. и юбилейными статьями, см.: Die Präsidenten der Internationalen Dostojewskij-Gesellschaft 1971–2006. Amtszeit und Festschriften // Dostoevsky Studies. New Series. 2006. N 10. S. 262–263.

вой нумерацией. В 2011 г. в издательстве «Attempto Verlag» (Тюбинген) вышел пятнадцатый том. Статьи публикуются на английском, немецком, русском и французском языках. Однако многие ученые из немецкоязычной среды пишут статьи на английском языке, чтобы расширить круг своих читателей.

Попытаемся в этой связи осветить основные темы немецкоязычных статей, вышедших в свет под эгидой Международного общества Достоевского. Начнем с Ульриха Шмида, который опубликовал пять статей в журнале: «Брачная ночь Рогожина: Раскол героя как писательский прием»¹⁹⁰, «Набросок теории к системе персонажей у Достоевского»¹⁹¹, «„Пере-версия“ у Достоевского. Лакановский взгляд на „Братьев Карамазовых“»¹⁹², «Слишком по-русски или слишком по-рыцарски? Концепция исповеди у Йозефа Конрада и Федора Достоевского»¹⁹³ «Хайдеггер и Достоевский: философия и политика»¹⁹⁴. Верность тексту сопровождается в статьях постоянно высокой теоретической саморефлексией, в то время как в «Философии и политике» достигается уже совсем другая логическая область, чем в четырех предыдущих статьях.

Помимо публикаций в сборнике трудов Общества Достоевского Шмид выпустил монографию: «Психомашина, фигурация и структура повествования. Формы повествования сложного сознания у Достоевского»¹⁹⁵.

Нойхойзер дополняет своей статьей «Награда веры и граждан кантона Ури: Ф. М. Достоевский и его „Бесы“»¹⁹⁶ свою книгу о Достоевском 1993 г. и подчеркивает в первую очередь, что без понимания «проблемной ситуации самого Достоевского»¹⁹⁷ не может быть ясен и сам роман. Этот тезис отсылает читателя к работе Герика «Творческий нигилизм Ставрогина: Парадокс Достоевского в „Бесах“»¹⁹⁸, опубликованной в юбилейном издании, посвященном Хьетсо, в которой проблемная

¹⁹⁰ Schmid U. Rogoshins Hochzeit: Figurale Spaltung als künstlerisches Verfahren // Dostoevsky Studies. New Series. 1999. N 3. S. 5–17.

¹⁹¹ Schmid U. Entwurf einer Theorie der Figuration bei Dostojewskij // Dostoevsky Studies. New Series. 2001. N 5. S. 147–170.

¹⁹² Schmid U. «Père-version» bei Dostojewskij. Ein Lacanianischer Blick auf die «Brüder Karamasow» // Dostoevsky Studies. New Series. 2002. N 6. S. 163–173.

¹⁹³ Schmid U. Zu russisch oder zu ritterlich? Konzeptionen der Beichte bei Joseph Conrad und Fedor Dostoevskij // Dostoevsky Studies. New Series. 2007. N 11. S. 7–24.

¹⁹⁴ Schmid U. Heidegger und Dostoevsky: Philosophy and Politics // Dostoevsky Studies. New Series. 2011. N 15. S. 35–45.

¹⁹⁵ Schmid U. Psychomachine, Figuration und Erzählstruktur. Darstellungsformen des komplexen Bewusstseins bei Dostoevskij // Seelengespräche, herausgegeben von Beatrice Jakobs und Volker Kapp. Berlin: Duncker & Humblot, 2008. S. 213–228.

¹⁹⁶ Neuhäuser R. Der Lohn des Glaubens und der Bürger des Kantons Uri: F. M. Dostojewskij und seine «Bösen Geister» // Dostoevsky Studies. New Series. 2010. N 14. S. 115–144.

¹⁹⁷ Ibid. S. 143; см. сноску 25.

¹⁹⁸ Gerigk H.-J. Stawrogins kreativer Nihilismus: Dostojewskijs Paradoxon in den «Dämonen» // Festschrift für Geir Kjetsaa «Life and Text». Oslo, 1997. S. 133–145.

ситуация самого Достоевского, как «ключ к роману», остается неохваченной. Другое дополнение — статья Нойхойзера «Роман Достоевского „Игрок“. Новый способ чтения»¹⁹⁹, в которой именно этот текст Достоевского характеризуется как предтеча модерна. Поэтологическую ценность представляет статья Нойхойзера «Жанр романа и рассказа в трудах Достоевского»²⁰⁰, в которой берется в расчет понятие «время мира» («Zeitwelt») Райнера Вилса (Reiner Wiehls), и повести Достоевского сопоставляются с его романами. В 2008 г. Нойхойзер публикует статью «Творчество между действительностью и иллюзией. Мысли о соотношении текста и жизни у Достоевского»²⁰¹, где дает пояснение к методологии своего анализа. Основные вопросы, касающиеся мировоззрения Достоевского, Нойхойзер рассматривает в статьях «Россия и Запад. К идеологическим основам в творчестве Достоевского»²⁰², а также «Что случилось с Америкой? Достоевский и другие: критика неолиберализма с точки зрения XIX столетия?»²⁰³ В этом контексте важным представляется также его статья «Братья Карамазовы. Современное чтение книги VI, „Русский инок“»²⁰⁴.

Дуня Брётц развивает проблематику своей книги 2008 г. в статье «Достоевский в Бразилии. Возвращение Раскольникова в фильме Хейтора Далиаса „Нина“ (2004)»²⁰⁵. Вольф Шмид также продолжает в своей статье «Повествовательная техника Достоевского с точки зрения нарратологии»²⁰⁶ тему своей книги о Достоевском 1973 г. Ту же тенденцию можно наблюдать в статье Шульц «Интрига, расчет и внутренняя сущность: элементы бюргерской трагедии у Достоевского»²⁰⁷, в которой она, продолжая развивать тему своей книги 1992 г., пишет о «Коварстве и любви» Шиллера, «Мисс Саре Сампсон» и «Эмилии Га-

¹⁹⁹ *Neuhäuser R.* Dostojewskijs Roman «Der Spieler». Eine andere Lesart // *Dostoevsky Studies. New Series.* 2002. N 6. S. 48–55.

²⁰⁰ *Neuhäuser R.* Genres of Novel and Tale in Dostoevsky's Works // *Festschrift für Malcolm Jones «Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds».* Ilkeston, Derbyshire: Bramcote Press, 2006. S. 3–13.

²⁰¹ *Neuhäuser R.* Dichtung im Spannungsfeld von Wirklichkeit und Illusion. Gedanken zum Verhältnis von Text und Leben bei Dostojewskij // *Sub specie tolerantiae: Памяти В. А. Тумианова.* СПб., 2008. С. 71–83.

²⁰² *Neuhäuser R.* Rußland und der Westen. Zu den ideologischen Grundlagen in Dostojewskijs Werk // *Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft.* 1992. N 1. S. 66–79.

²⁰³ *Neuhäuser R.* What is Wrong with America? Dostoevsky and Others. Neoliberalism Criticized from the Point of View of the Nineteenth Century? // *Dostoevsky Studies. New Series.* 2005. N 9. P. 9–30.

²⁰⁴ *Neuhäuser R.* The Brothers Karamazov. A Contemporary Reading of Book VI, «A Russian Monk» // *Dostoevsky Studies.* 1986. N 7. P. 135–151.

²⁰⁵ *Brötz D.* Dostojewskij in Brasilien. Raskolnikows Wiederkehr in Heitor Dhalias Film «Nina» (2004) // *Dostoevsky Studies. New Series.* 2010. N 14. S. 43–88.

²⁰⁶ *Schmid W.* Dostojewskij's Erzähltechnik im narratologischer Sicht // *Dostoevsky Studies. New Series.* 2002. N 6. P. 63–72.

²⁰⁷ *Schulz C.* Intrige, Kalkül und Innerlichkeit: Versatzstücke des bürgerlichen Trauerspiels bei Dostojewski // *Dostoevsky Studies. New Series.* 2002. N 6. P. 134–144.

лотти) Лессинга. Так же поступает и Харрес, дополняя свою монографию²⁰⁸ о Достоевском 1993 г. статьей «„Бесы“ как послание Достоевского России»²⁰⁹. Казак расширяет свое небольшое исследование²¹⁰ 1998 г. в статье «Виды смерти в романе Достоевского „Идиот“»²¹¹. Все подобные дополнения и уточнения вовсе не означают повторения, напротив, они демонстрируют, что эксперты продолжают вновь и вновь размышлять над актуальными для них специфическими проблемами.

Однако в «Dostoevsky Studies» печатаются и специалисты из других предметных областей. Так, например, музыковед и славист Доротея Редепеннинг (Dorothea Redepenning) публикует свою статью «Достоевский в опере»²¹². Она схематично описывает²¹³ в хронологическом порядке сорок музыкальных композиций, базирующихся на текстах Достоевского: оперы, увертюры к оркестру, музыку для кинематографической и театральной постановок, драматическую ораторию, вокальную симфонию, духовную музыку для двух рассказчиков, баса и оркестра, сочинение Д. Д. Шостаковича «Четыре стихотворения капитана Лебядкина для баса и фортепиано». В разделе «Обзор опер на произведения Достоевского» исследовательница подробно анализирует две оперы: «Игрок» Сергея Прокофьева и «Из Мертвого дома» Леоша Яначека, приводя примеры партитур.

Дитрих фон Энгельхардт (Dietrich von Engelhardt), будучи историком медицины и славистом, публикует две статьи «Эпилепсия в жизни и творчестве Достоевского: аспекты изучения с историко-медицинской точки зрения»²¹⁴ и «Ф. М. Достоевский: „Игрок“. Феномены, предпосылки, цели и символика одержимости»²¹⁵.

В этом же контексте стоит упомянуть статью эпилептолога Дитера Янца (Dieter Janz): «Конфликт между креативностью и болезнью: эпилепсия Достоевского»²¹⁶.

²⁰⁸ Harreß B. Mensch und Welt in Dostoevskijs Werk. Ein Beitrag zur poetischen Anthropologie. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1993.

²⁰⁹ Harreß B. «Besy» als Sendschreiben Dostoevskijs an Rußland // Dostoevsky Studies. New Series. 2008. N 12. S. 37–50.

²¹⁰ Kasack W. Dostojewski. Leben und Werk. Frankfurt am Main; Leipzig: Insel Verlag, 1998.

²¹¹ Kasack W. Ansichten des Todes in Dostojewskijs Roman «Der Idiot» // Dostoevsky Studies. New Series. 2001. N 5. S. 71–76.

²¹² Redepenning D. Dostojewskij auf der Opernbühne // Dostoevsky Studies. New Series. 2010. N 14. S. 13–42.

²¹³ Ibid. S. 40–42.

²¹⁴ Von Engelhardt D. Epilepsie in Leben und Werk Dostojewskijs: Stationen und Aspekte der Forschung aus medizinhistorischer Sicht // Dostoevsky Studies. New Series. 2001. N 5. S. 25–40.

²¹⁵ Von Engelhardt D. F. M. Dostojewskij: «Der Spieler». Phänomene, Ursachen, Ziele und Symbolik einer Sucht // Dostoevsky Studies. New Series. 2010. N 14. S. 89–112.

²¹⁶ Janz D. Zum Konflikt von Kreativität und Krankheit: Dostojewskijs Epilepsie // Dostoevsky Studies. New Series. 2006. N 10. S. 125–140.

Также нельзя обойти вниманием три работы психиатра Хубертуса Телленбаха (Hubertus Tellenbah), касающиеся проблемы художественного изображения болезни Достоевским: «Эпилептик князь Мышкин: к феноменологии неразличения эпилепсии и распада базовых черт личности»²¹⁷, «Человеко-бог: его рождение из духа эпилептика Кириллова в „Бесах“ Достоевского»²¹⁸ и «Смердяков: эпилептическое бытие униженности в „Братьях Карамазовых“ Достоевского»²¹⁹ — все три статьи вошли в книгу Телленбаха «Меланхолия, безумие, эпилепсия в европейской литературе».

Эпилептолог Хансйорг Шнебле (Hansjörg Schneble) анализирует в своей статье «Эпилепсия и пророчество в литературе» образ Мури-на из «Хозяйки» и портрет Достоевского, описанный Стефаном Цвейгом в его «Звездных часах человечества», а также Мышкина и Цезаря в «Высшем познании». Статья вошла в сборник «„Это одна древняя болезнь“: Эпилепсия в литературе»²²⁰.

В 1975 г. Тереза Вагнер-Симон (Therese Wagner-Simon) публикует статью «„Идиот“ Достоевского — святой больной» в сборнике Гаetano Бенедитти (Gaetano Benedetti) «Психиатрические аспекты творческого и творческие аспекты психиатрии»²²¹, изданном при содействии Терезы Вагнер-Симон и Луиса Висмана (Louis Wiesmann).

Литературоведческий срез проблемы осуществляет Герик в своей статье: «Эпилепсия в больших романах Достоевского как герменевтическая проблема»²²², особое внимание уделяя работе Янца.

Итак, мы видим, что сборник «Dostoevsky Studies» предоставляет исследователям возможность международного общения по поводу всех аспектов жизни и творчества писателя. В частности, тема «Достоевский на сцене» равна по интересу теме эпилепсии в творчестве и жизни Достоевского. Это сообщество открыто любому направлению в исследовании и гарантирует, прежде всего, скорейшее интернациональное распространение открытий. Так, например, Беттина Кайбах (Bettina Kaibach) открывает новую область для исследований о Досто-

²¹⁷ Tellenbah H. Dostojewskijs epileptischer Fürst Myschkin: Zur Phänomenologie der Verschränkung von Anfallsleiden und Wesensänderung // Schwermut, Wahn und Fallsucht in der abendländischen Dichtung. Hürtgenwald: Guido Pressler, 1993. S. 207.

²¹⁸ Tellenbah H. Der «Menschgott»: Seine Geburt aus der Aura des epileptischen Kirilloff in Dostojewskijs «Dämonen» // Ibid.

²¹⁹ Tellenbah H. Smerdjakoff: Die epileptogene Erniedrigung des Daseins in Dostojewskijs «Brüder Karamasoff» // Ibid.

²²⁰ Schneble H. Epilepsie und Prophetie in der Literatur // Das ist eine alte Krankheit / Hrsg. D. v. Engelhardt, H. Schneble, P. Wolf. Stuttgart; New York: Schattauer, 2000. S. 123–140.

²²¹ Wagner-Simon T. Dostojewskijs «Idiot» — der «Heilige Kranke» // Psychiatrische Aspekte des Schöpferischen und schöpferische Aspekte der Psychiatrie. Göttingen: Verlag für Medizinische Psychologie im Verlag Vandenhoeck & Ruprecht, 1975. S. 212–238.

²²² Gerigk H.-J. Epilepsie in den großen Romanen Dostojewskijs als hermeneutisches Problem // Dostoevsky Studies. New Series. 2006. N 10. S. 141–153.

евском в Чехии своей статьей «Хостовский и Достоевский: Подпольный человек по-чешски»²²³.

Ольга Касперс (Olga Caspers) пишет на основе документальных фактов статью «„Бесы“ Достоевского: к истории советского издания 1935 г.»²²⁴ о том, что Советском Союзе определенные круги с опаской относились к этому роману Достоевского.

Искусствовед Дитрих Шуберт (Dietrich Schubert) пишет статью «Мунковская голова Достоевского 1902 г.»²²⁵, а Вольфганг Казак систематизирует дневниковые записи своего отца в статье «К ранней рецепции Германном Казаком текстов Достоевского»²²⁶. Ренате Мюллер-Бук (Renate Müller-Buck), исследователь творчества Ницше, пишет статью «„Единственный психолог, у которого я мог кой-чему научиться“: Ницше читает Достоевского»²²⁷, а лингвист Роберт Ходель (Robert Hodel) — статью «Достоевский между реализмом и модерном: Исследование синтаксиса»²²⁸.

Внимание ученых постоянно привлекают пять великих романов Достоевского и им предшествующие «Записки из Мертвого дома»; хотя, надо сказать, опубликовано немного статей, соответствующих по значимости этим произведениям. Как уже было упомянуто, сложно проводить исследования, оторванные от контекста жизни автора и духа современности. Однако Достоевского-творца невозможно найти ни в духе того времени, ни в обстоятельствах его жизни, а только в поэтологической битве читателя с отдельными текстами. Статья Герика «Роман Достоевского „Идиот“ как феноменология непонимания»²²⁹ — пример такого конфронтационного подхода.

Существенна в этой связи статья Герика «Образ России в пяти великих романах Достоевского»²³⁰, систематизирующая различие времени в разнообразных «временных мирах» (Zeitwelten), в которых вращает-

²²³ *Katbach B.* Hostovský und Dostoevskij: der Untergrundmensch auf Tschechisch // *Dostoevsky Studies. New Series.* 2008. N 12. S. 105–122.

²²⁴ *Caspers O.* Dostoevskijs «Besy»: Zur Geschichte der sowjetischen Einzelausgabe von 1935 // *Dostoevsky Studies. New Series.* 2008. N 12. S. 23–63.

²²⁵ *Schubert D.* Munchs Dostojewskij-Kopf von 1902 // *Dostoevsky Studies. New Series.* 2001. N 5. S. 5–10.

²²⁶ *Kasack W.* Zur frühen Dostojewskij-Lektüre von Hermann Kasack // *Dostoevsky Studies. New Series.* 2001. N 5. S. 41–50.

²²⁷ *Müller-Buck R.* «Der einzige Psychologe, von dem ich etwas zu lernen hatte»: Nietzsche liest Dostojewskij // *Dostoevsky Studies. New Series.* 2002. N 6. S. 89–118.

²²⁸ *Hodel R.* Dostoevskij zwischen Realismus und Moderne: eine Untersuchung zur Syntax // *Dostoevsky Studies. New Series.* 2006. N 10. S. 9–29.

²²⁹ *Gerigk H.-J.* Dostojewskijs Roman «Der Idiot» als Phänomenologie der Verkennung // *Dostoevsky Studies. New Series.* 1999. N 3. S. 55–72.

²³⁰ *Gerigk H.-J.* Das Russland-Bild in den fünf großen Romanen Dostojewskijs // *Zeitperspektiven. Studien zu Kultur und Gesellschaft. Beiträge aus der Geschichte, Soziologie, Philosophie und Literaturwissenschaft* / Hrsg. U. Gerhardt. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 2003. S. 49–79.

ся достоевсковедение, опубликованная в книге «Перспективы времени. Статьи по истории, социологии, философии и литературоведению», вышедшей в свет под редакцией Уты Герхардт (Uta Gerhardt). Ссылаясь на Достоевского, автор различает пять таких «временных миров».

Первый — это мир пяти великих романов, в который попадает читатель и который искушает его во время погружения в чтение. При этом мы проживаем «сегодня», «вчера» и «завтра» исходя из перспективы действующих лиц романа, покидая тот мир, в котором живем сами.

Второй мир — это мир развития России, изображенный в пяти великих романах. Если мы проникаем в этот имплицитно изображенный мир, то реконструируем историческую эволюцию русского социума между 1865 и 1875 гг. Пять великих романов Достоевского — это романы современности, которые представляют только лишь одно десятилетие, хотя действие «Братьев Карамазовых» — последнего романа — протекает в 1866 г. Достоевский хотел еще раз написать историю своего десятилетия, имея в виду те христианские течения, которые уже можно было распознать, и которые он хотел проследить до 1879 г. Однако продолжения «Братьев Карамазовых» не последовало по причине смерти писателя в 1881 г. В рамках этого второго временного мира пять романов Достоевского представляются как исторические документы, вpletенные в историю России.

Третий мир — это биография самого писателя. Проследив всю жизнь Достоевского, как бы вжившись в его образ, мы можем увидеть окружающую действительность его глазами и создание его романов — как реакцию на нее. Так мы можем вчувствоваться и понять Достоевского как личность, присущую своему времени.

Четвертый мир — это развитие Достоевского как писателя, развитие его творческой интеллектуальности. К этому развитию относится, в первую очередь, присвоение и переосмысление, данное традицией искусства повествования. Это время восходящего романа, идущего от произведений Гофмана, Бальзака, Диккенса к творчеству Гоголя и Лермонтова и далее вплоть до книг Йозефа Конрада и Вильяма Фолкнера и голливудских фильмов «Двойная страховка»²³¹ Билли Уайлдера (Billy Wilder) и «Шоссе в никуда»²³² и «Малхолланд Драйв»²³³ Дэвида Линча (David Lynch), в которых роман находит свое современное выражение. В европейско-американской истории романский тип Достоевского демонстрирует все более усложняющийся метод повествования.

Пятый мир — это рецепция Достоевского, история его влияний, которая в зависимости от пространства восприятия имеет соответствующий особенный вид акцента. Использованное понятие «Zeitwelt» было пред-

²³¹ «Double Indemnity».

²³² «Lost Highway».

²³³ «Mulholland Drive».

ложено гейдельбергским философом Райнером Вилом (Reiner Wiehl). В книге «Временные миры. Философская мысль на границах природы и истории»²³⁴ он пишет следующее: «Временные миры — это субъективные миры», связавшие «единое время» и «единый субъект», что означает: «В этой взаимосвязи временной мир — это индивидуум, особенное, единственное в своем роде соединение между миром, временем и субъектом. Компоненты этой связи невозможно отделить друг от друга. Вне этой связи сами по себе они не существуют». Другими словами, временное пространство — это пережитое время и пережитое пространство, исходя из их определенной перспективы. То, что выделяет данный «мир времени», — это его совершенно иное логическое пространство в отличие, например, от «общего мира» (семья, профессия) или «исторического мира» (вживание в чужую психологию прошлого). Личное время мира отличается от общего и исторического времени. Время мира принадлежит, как нечто центральное, всегда одному субъекту и только здесь и сейчас.

Однако что значат все эти рассуждения для достоевсковедения? Строго говоря, — более глубокую авторефлексию тех, кто исследует творчество Достоевского. А с этим связано также осознание иерархии постановок вопросов. Если сказать точнее, чтобы описать любовные отношения Достоевского с Аполлинарией Сусловой, нужны совершенно иные умственные способности, нежели чем для разработки аллегорического значения юридической ошибки в «Братьях Карамазовых». Таким образом, первый временной мир, олицетворяющийся во времени повествования художественных текстов Достоевского, — материал для такого исследователя творчества Достоевского, который с того момента, как Достоевский общепризнанно стал классиком мировой литературы, готов прицепиться ко всему, что хоть как-нибудь связано с Достоевским. Даже то, что рассказывала дочь Достоевского Любовь, подлежит серьезному обсуждению. Различение между этими временными пространствами, в которых (хотя бы они того или нет) вращаются исследователи Достоевского, демонстрирует подходящее обозначение для предметной характеристики различных возможностей научного приближения к Достоевскому. С успехом разрешить эти проблемы невозможно: они приходят и уходят. Так, историк будет использовать романы Достоевского как материал для своих разработок по истории России (второй временной мир). В центре внимания врача будет находится болезнь Достоевского — эпилепсия (третий временной мир). Сам же Достоевский включил в свои романы и русскую историю как материал (второй временной мир), и свою болезнь (третий мир), и, таким образом, трансцендировал материал в историю современности и опыт собственной болезни в художественное произведение (первый временной мир).

²³⁴ *Wiehl R. Zeitwelten. Philosophisches Denken an den Rändern von Natur und Geschichte. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998. S. 7.*

В первых девяти томах «Dostoevsky Studies», которые были выпущены Нойхойзером в 1980–1989 гг. в Клагенфурте (Австрия), четырнадцать статей на немецком языке: Михаеля Вегнера (две), Нойхойзера, Райнхарда Лаута (Reinhard Lauth), Конрада Онаша (Konrad Onasch) (три), Герика (пять), Поттхофа, Мартина Петера (Martin Raether).

Пятнадцать ежегодников «Dostoevsky Studies», вышедшие с 1963 по 2011 г. (с 1999 г. — новая серия в «Attempto Verlag», ответственный редактор Герик), включают сорок одну статью на немецком следующих авторов: Александра Флакера, Ульриха Шмида (четыре статьи), Таро Одашима (Taro Odashima), Хорста-Юргена Герика (три), Урсулы Бибер, Биргит Харрес, Магиаса Фрайзе, Вольфганга Казака (две), Дитриха фон Энгельхардта (две), Андреаса Хюнеке (Andreas Hüneke), Дитриха Шуберта, Рудольфа Нойхойзера (две), Вольфа Шмида (две), Ренате Мюллер-Бук, Кристиане Шульц, Марии Депперманн (Maria Deppermann), Малгожаты Свидерска, Ханса Роте, Лудольфа Мюллера, Дуни Брётц (две), Регины Ноэль (Regine Noehl), Гудрун Гоес, Натальи Черепановой (Natalja Tscherepanowa), Роберта Ходеля (Robert Hodel), Владимира Туниманова (Wladimir Tunimanow), Дитера Янца, Майке Шульц, Ольги Касперс, Беттины Кайбах, Йорди Мориллас (Jordi Morillas), Доротеи Редепеннинг (Dorothea Redepenning).

Все статьи о Достоевском этих авторов можно просмотреть на сайте ежегодника в разделе «Current Bibliography», который каждый год обновляется для «Dostoevsky Studies. New Series» Джуной Пашутой Фаррис (June Pachuta Farris), библиографом славистских и восточно-европейских исследований библиотеки²³⁵ университета Чикаго.

Другое издание для немецкоязычного достоевсковедения — «Ежегодник Немецкого общества Достоевского», первый выпуск которого относится к 1992 г. На сегодня он насчитывает семнадцать томов. Начиная с шестнадцатого тома (2009) «Ежегодник» выходит в издательстве «Otto Sagner» (München, Berlin) от имени Немецкого общества Достоевского и под эгидой научного совета Общества. Ответственный редактор «Ежегодника» — Гудрун Гоес (Магдебург), возглавившая в декабре 2008 г. Немецкое общество Достоевского и сменившей на этом посту Майке Шульц. Гудрун Гоес опубликовала недавно в «Dostoevsky Studies. New Series» довольно провокационную статью «Была ли Анна музой Достоевского?», а также две другие статьи «Раздор между братьями и семейный позор в романном мире Достоевского. Падение рода Карамазовых» в сборнике «Семейные узы. Семейный позор, взаимоотношение полов в семье и среди родственников»²³⁶ и «Дневники, пись-

²³⁵ The Joseph Regenstein Library. University of Chicago (электронный адрес библиотеки: jpf3@midway.uchicago.edu), сайт <http://www.lib.uchicago.edu/e/su/slavic/dostbib/>

²³⁶ Goes G. Bruderzwist und Familienschande in der Romanwelt Fedor Dostoevskijs. Die Karamasows, eine zerstörte Familie // Familienbande, Familienschande. Geschlechterverhältnisse in Familie und Verwandtschaft / Hrsg. E. Labouvie, R. Myrrhe. Köln: Böhlau, 2007. S. 75–93.

ма и воспоминания Анны Достоевской: автопортрет или отказ повиноваться?» в «Ежегоднике Немецкого общества Достоевского»²³⁷.

Хорошим примером работы Немецкого общества Достоевского может служить шестнадцатый том «Ежегодника» (2009). Он называется «История одного преступления. Об убийстве в романном мире Достоевского», посвящен Светлане Гайер и Лудольфу Мюллеру. Предисловие написано ответственным редактором Гудрун Гоес. «Ежегодник» включает немецкоязычную библиографию достоевсковедения 2008 г., составленную Клеменсом Хайтусом (Clemens Heithus), рецензии на книги и девять статей на немецком языке: «Похвала Светлане Гайер»²³⁸ Нойхойзера, «Места преступлений»²³⁹ Герика, «Топор Раскольникова — жертвенный нож, меч справедливости или нож для кесарева сечения?»²⁴⁰ Тома Крафта (Tom Kraft), «Методы избежать пятого запрета: Ф. М. Достоевский, Владимир Набоков, Вуди Аллен»²⁴¹ Аннелоре Энгель-Брауншмидт (Annelore Engel-Braunschmidt), «Дискурс смертной казни и тюремного заключения. К европейскому духу в „Идиоте“ Достоевского»²⁴² Андреа Цинка (Andrea Zink), «Награда веры и гражданский кантон Ури: Ф. М. Достоевский и его „Бесы“ (сокращенная версия)»²⁴³ Нойхойзера, «Великий инквизитор Достоевского в зеркале литературоведения — легенда или парабола?»²⁴⁴ Грюбеля, «Смерть и жизнь с Достоевским. Падение Шюмера. К теологической рецепции Достоевского во времена национал-социализма»²⁴⁵ Майке Шульц, «Некролог. Лудольф Мюллер»²⁴⁶ Клюге.

Что же в данном случае бросается в глаза? Авторский состав почти тот же, что и в сборнике «Dostoevsky Studies», этим, соответственно, гарантируется определенный уровень аргументации и ее выражения (так, в «Ежегоднике» публикуются статьи Ульриха Шмида, Лудольфа Мюллера, Ханса Роте, Рудольфа Нойхойзера, Биргит Харрес, Кристиане Шульц,

²³⁷ Goes G. Anna Dostojewskajas Tagebücher, Briefe und Erinnerungen: Selbstdarstellung oder Verweigerung? // Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft. 2008. N 15. S. 31–46.

²³⁸ Neuhäuser R. Laudatio für Swetlana Geier // Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft. 2009. N 16. S. 9–15.

²³⁹ Gerigk H.-J. Dostojewskijs Tatorte // Ibid. S. 16–31.

²⁴⁰ Kraft T. Raskol'nikovs Beil — Opfermesser, Schwert der Gerechtigkeit oder Messer für den Kaiserschnitt? // Ibid. S. 32–49.

²⁴¹ Engel-Braunschmidt A. Methoden der Umgehung des Fünften Gebots: F. M. Dostoevskij, Vladimir Nabokov, Woody Allen // Ibid. S. 50–70.

²⁴² Zynk A. Der Diskurs über Todesstrafe und Haft. Zum europäischen Geist in Dostojewskijs «Der Idiot» // Ibid. S. 71–82.

²⁴³ Neuhäuser R. Der Lohn des Glaubens und der Bürger des Kantons Uri. Dostojewskijs «Böse Geister» (Kurzfassung) // Ibid. S. 83–91.

²⁴⁴ Grübel R. Dostojewskijs «Großinquisitor» in literaturwissenschaftlicher Sicht — Legende oder Parabel? // Ibid. S. 92–117.

²⁴⁵ Schult M. Tod und Leben mit Dostojewskij. Der Fall Schümer. Ein Beitrag zur theologischen Dostoevskij-Rezeption während des Nationalsozialismus // Ibid. S. 118–128.

²⁴⁶ Kluge R.-D. Nachruf auf Ludolf Müller // Ibid. S. 129–133.

Хорста-Юргена Герика, Вольфганга Казака. То же, естественно, касается и президентов Немецкого общества Достоевского — Майке Шульт и Гудрун Гоес; посвятила себя написанию статей исключительно для «Ежегодника» только Карла Хильшер. Однако и новое поколение не заставило себя долго ждать. Так, например, Райнер Гольд (Rainer Goldt) публикует свою статью «Князь Мышкин — русский Христос, Дон Кихот, Сизиф? Введение в роман „Идиот“ и предпосылки его возникновения»²⁴⁷, а Кристиан Кюн (Christian Kühn) — статью «Достоевский и деньги»²⁴⁸.

Тщательно подобранная Хайтусом библиография прежде всего, хотя и не только, сконцентрирована на немецкоязычных изданиях. Хайтус пытается также систематизировать все послесловия к немецким переводам Достоевского, сделанные следующими авторами: Нойхойзером (к изданию «Идиота» в «Winkler» и «Униженных и оскорбленных» и «Записок из Мертвого дома», «Двойника» и «Бедных людей» — в целом десять произведений — в «Deutschen Taschenbuch-Verlag»); Харрес (к изданию «Кроткая», «Вечный муж», «Преступление и наказание», «Рассказы», «Записки из Мертвого дома»), Герика (к изданию шести томов в «Winkler» и «Deutschen Taschenbuch-Verlag») и Ребер (в издательстве «Goldmann»). Также следует упомянуть Ангелу Мартини (Angela Martini), Ильму Ракуса, Хольта Майера, Аге Хансен-Лёве (Aage Hansen-Löve), написавших послесловие к десятитомунику²⁴⁹ сочинений Достоевского, вышедшему в издательстве «Piper Verlag» (издание 1983–1993 гг. с новыми послесловиями к старому переводу Е. К. Разин), а также к двадцатитомунику переводов различных авторов в «Собрании сочинений»²⁵⁰ Достоевского, вышедшему в издательстве «Aufbau» под редакцией Дудека и Вегнера. Однако еще отсутствует полная систематизация таких послесловий или введений в немецкоязычных изданиях (начиная с 1906 г., когда в издательстве «Piper Verlag» были изданы «Бесы» с введением Артура Меллера ван ден Брука).

После кончины Светланы Гайер (1923–2010), переводчицы произведений Достоевского, в 2010 г. выходит фильм Вадима Ендрейко «Женщина с пятью слонами»²⁵¹, который увековечил ее в истории. Фильм описывает возвращение Гайер и ее внучки в сопровождении режиссера в Киев, где она родилась, а также ее работу над переводом «Игрока». Пять «слонов» — это пять великих романов Достоевского в новом переводе Гайер, роскошное издание которых выходило в свет в Цюрихе с 1994 по 2006 г. в издательстве «Verlag Egon Ammann».

²⁴⁷ Goldt R. Fürst Myschkin — russischer Christus, Don Quixote, Sisyphos? Eine Einführung in den Roman «Der Idiot» und die Hintergründe seiner Entstehung // Jahrbuch. 2004. N 11. S. 27–39.

²⁴⁸ Kühn C. Dostojewskij und das Geld // Ibid. S. 111–138.

²⁴⁹ Fjodor M. Dostojewski / Übers. E. K. Rahsin. München, Zürich: Piper, 1984–1993.

²⁵⁰ Dostojewski F.M. Der Doppelgänger. Frühe Romane und Erzählungen. München; Zürich: Piper, 1990. S. 894–939.

²⁵¹ «Die Frau mit den 5 Elefanten» (Базель, киностудия «Mira Film»).

Что касается издания немецкоязычных статей о Достоевском, мы описали только крупные сборники — «Dostoevsky Studies» и «Das Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft». Материалы, которые не были опубликованы в них, интересующийся читатель может найти в других источниках. Так, Хансен-Лёве публикует долгожданную статью²⁵² о «Двойнике» в качестве послесловия к изданию «Двойник. Ранние романы и рассказы», а Рената Лахманн (Renate Lachmann) помещает свою статью «Двойничество»²⁵³ в сборнике «Индивидуальность», вышедшем под редакцией Манфреда Франка (Manfred Frank) и Ансельма Хаферкампа (Anselm Haverkamp), в которой она теоретически и контекстуально анализирует ментальный процесс в текстах соответствующей тематики Гоголя, Достоевского и Набокова. Еще одну статью Лахманн, посвященную Достоевскому, можно найти в ее сборнике «Память и литература»²⁵⁴, другую — в журнале «Arcadia»: «Учение об аффектах и их роль в творчестве Достоевского»²⁵⁵.

Девятое из одиннадцати эссе в книге Петера Бири (Peter Bieri) «Мастерская свободы. Об открытии собственной воли»²⁵⁶ повествует об «Истории жизни и ответственности: Раскольников перед судьей»²⁵⁷.

Петер Слотердайк (Peter Sloterdijk) в своей двухтомной монографии 1983 г. «Критика цинического разума»²⁵⁸ посвящает Достоевскому целую главу «Великий инквизитор, или Чиновник христианского государства в роли гонителя Иисуса и рождение учения о социальных институтах из духа цинизма»²⁵⁹. В ней Слотердайк помещает Инквизитора в «кабинет циников» между Мефистофелем как духом отрицания и хайдеггеровским «man» как «реальным субъектом» современного «диффузного цинизма»²⁶⁰. Исследователь пишет: «Настоящий вывод из цинической аргументации Великого инквизитора заключается не в позерстве церковного политика, а в открытии, что добро и зло, цель и средство можно поменять местами. Данный вывод чрезвычайно важен, так как

²⁵² Dostojewski F. Gesammelte Werke in zwanzig Bänden / Hrsg. G. Dudek, M. Wagner. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1990.

²⁵³ Lachmann R. Doppelgängerei // Individualität / Hrsg. M. Frank, A. Haverkamp. München: Fink, 1988. S. 421–439.

²⁵⁴ Lachmann R. Intertextualität in der russischen Moderne // Gedächtnis und Literatur. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990.

²⁵⁵ Lachmann R. Die Lehre der Affekte und ihre Rolle im Werk Dostoevskijs // Arcadia. 2009. 44/1. S. 121–136.

²⁵⁶ Bieri P. Das Handwerk der Freiheit. Über die Entdeckung des eigenen Willens. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2005.

²⁵⁷ См. Ibid. S. 320–365: «Lebensgeschichte und Verantwortung: Raskolnikow vor dem Richter».

²⁵⁸ Sloterdijk P. Kritik der zynischen Vernunft. 2 Bde. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983.

²⁵⁹ См. Ibid. Bd. 1. S. 344–369: «Der Grobinquisitor oder: Der christliche Staatsmann als Jesusjäger und die Geburt der Institutionenlehre aus dem Geist des Zynismus».

²⁶⁰ Diffuser Zynismus.

он приводит нас непосредственно в область цинического. И это означает только одно: религия может стать инструментом политики, а политика может стать инструментом религии. Таким образом, всё, что раньше предстало абсолютом, становится относительным. Всё зависит от угла зрения, проектирования, восприятия, постановки цели»²⁶¹. И тут напрашивается вывод: безусловно, идеи, которыми руководствовались политики, стоявшие у власти (например в том же Советском Союзе), были продолжением идей, рожденных циничным разумом Великого инквизитора; однако выводить отсюда релятивность абсолюта у Достоевского нельзя. Тому пример роман Евгения Замятина «Мы», который уже в 1920-е гг. сатирически представляет конец Советского государства, причем с явной аллюзией на Великого инквизитора Достоевского.

Необычную тему исследует Карин Нитцшманн (Karin Nitzschmann) в своей диссертации «Психологическое познание через визуализацию»²⁶², имеющей подзаголовок: «Применение „Психологии романа“ Бойтендайка на Достоевского и Ницше». Она анализирует лишь те произведения Достоевского, которые читал Ницше: «Униженные и оскорбленные», «Записки из Мертвого дома», «Записки из подполья»²⁶³ и «Бесы». Анализ текстов включает постоянную отсылку к мировоззрению Ницше²⁶⁴, затем следует детальный разбор²⁶⁵ собственных комментариев Ницше к текстам. Исследованные Нитцшманн работы Фредерика Бойтендайка (Frederik Buytendijk), важнейшей из которых является «Психология романа»²⁶⁶, дают ей методологическую базу — сетку, в которую она влетает рецепцию Ницше текстов Достоевского.

Далее необходимо отметить главу о Достоевском в книге Вольфганга Казака «Христос в русской литературе. Прогулка по истории литературы от истоков и до конца XX в.»²⁶⁷. Непосредственное продолжение этой проблемы представляет его книга «Пробный камень веры у Достоевского: Картина Ганса Гольбейна „Мертвый Христос в гробу“ в романе „Идиот“»²⁶⁸ в журнале «Голоса времени».

Упомянутую в романе Достоевского «Бесы» картину Клода Лоррена (Claud Lorrain) «Асис и Галатей» (1657 г.), которая в исповеди Ставрогина названа «Золотой век», изучает Арним Хелтер (Arnim Hölter)

²⁶¹ Sloterdijk P. Kritik der zynischen Vernunft. Bd. I. S. 355.

²⁶² Nitzschmann K. Psychologische Erkenntnis durch Visualisation. Eine Anwendung von Buytendijks «Psychologie des Romans» auf Dostojewskij und Nietzsche. Regensburg: S. Roderer Verlag, 1988.

²⁶³ Нитцшманн рассматривает раздельно части «Подполье» и «По поводу мокрого снега».

²⁶⁴ Ibid. S. 51–108.

²⁶⁵ Ibid. S. 109–133.

²⁶⁶ Buytendijk F. Psychologie des Romans. Salzburg: Otto Müller Verlag, 1966.

²⁶⁷ Kasack W. Christus in der russischen Literatur. Ein Gang durch ihre Geschichte von den Anfängen bis zum Ende des 20. Jahrhunderts. Stuttgart: Verlag Urachhaus, 2000. S. 37–56.

²⁶⁸ Kasack W. Dostojewskijs Prüfstein des Glaubens: Hans Holbeins Gemälde «Der Leichnam Christi im Grabe» im Roman «Der Idiot» // Stimmen der Zeit. 2001. Bd. 219, Heft 11. S. 744–756.

в 2000 г. в статье «Заметки о параллелях между картиной и текстом у Достоевского и Томаса Манна»²⁶⁹. Хелтер ссылается на рассуждения Виктора Стоичитаса (Victor Stoichitas) о художественном методе Достоевского как «вербальной транспозиции картины», которые он изложил в статье «Идиот в Швейцарии. Описание картины у Достоевского»²⁷⁰, опубликованной в сборнике «Искусство описания — описание искусства. Экфразис от античности до современности», вышедшем под редакцией Готфрида Бема (Gottfried Boehm) и Хельмута Пфотенхауера (Helmut Pfotenhauer). В монографии Герхарда Гённера (Gerhard Gönner) «Федор М. Достоевский»²⁷¹, как это подчеркивает Хелтер, также рассматривается описание Достоевским картины Лоррена.

Замечательный вклад в решение вопроса «Достоевский и Кафка» делает Йозеф Штрелка в своей монографии «Парабола у Франца Кафки»²⁷². В книге дается также небольшой обзор по теме Кафки и Достоевского, затронутой в работах таких авторов, как Макс Брод (Max Brod), Марте Роберт (Marthe Robert), Паул Айзнер (Paul Eisner), Жан Старобински (Jean Starobinski), Натали Саррот (Natalie Saraute), Вильям Додд (William Dodd), Маргарет Чёрч (Margaret Church), Луис Брегер (Louis Breger), Марк Шпилька (Mark Spilka) и Ричи Робертсон (Ritchie Robertson). Как справедливо отмечает Штрелка, для Кафки большую роль сыграла книга Нины Хофманн (Nina Hoffmann) «Достоевский. Биографическое исследование»²⁷³. Также исследователь предупреждает об опасности слишком увлечься изучением влияний: для Кафки важны были не «механическое подражание», а, по словам Хармута Биндера (Horst Binder), «родственное понимание»²⁷⁴. Мир Достоевского и мир Кафки в первую очередь связывает чувство вины, неизбежная вина индивидуума. Эти два мира, как считает Штрелка, возникли из жизни самих авторов и должны толковаться именно в этом контексте.

С позиций сегодняшней перспективы в своей статье «Аспекты нелитературной рецепции Достоевского в Германии. Культурфилософские условия и исторические предпосылки написания неокантианцем Наторпом труда о Достоевском»²⁷⁵, опубликованной в журнале «Славистика», рассматривает Герхард Рессель (Gerhard Ressel) работу

²⁶⁹ Hölter A. Notizen zu einer Bild-Text-Parallele bei Dostojewski und Thomas Mann // *Komparatistik. Jahrbuch der Deutschen Gesellschaft für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft* 1999/2000, Heidelberg: Synchron, 2000. S. 61–73.

²⁷⁰ Stoichitas V. Ein Idiot in der Schweiz. Bildbeschreibung bei Dostojewski // *Beschreibungskunst — Kunstbeschreibung. Ekphrasen von der Antike bis zur Gegenwart* / Hrsg. G. Boehm, H. Pfotenhauer, München: Fink, 1995. S. 425–444.

²⁷¹ Gönner G. Fjodor M. Dostojewskij. Salzburg: Andreas, 1981. S. 223.

²⁷² Strelka J. Der Paraboliker Franz Kafka. Tübingen: Francke Verlag, 2001. S. 53–69.

²⁷³ Hoffmann N. Dostojewsky. Eine biographische Studie. Berlin, 1899.

²⁷⁴ «Anverwandende Auseinandersetzung».

²⁷⁵ Ressel G. Aspekte einer nichtliterarischen Dostojewskij-Rezeption in Deutschland. Kulturphilosophische Bedingungen und zeitgeschichtliche Gründe der Dostojewskij-Schrift des Neukantianers Paul Natop // *Zeitschrift für Slawistik*. 2002. N 47. S. 76–87.

Пауля Наторпа (Paul Natorp) «Значение Федора Достоевского для современного кризиса культуры. С примечанием о духовном кризисе современности»²⁷⁶. В 2003 г. Рессель публикует свою статью «Феномены зла у Ф. М. Достоевского»²⁷⁷ в сборнике к 65-летию юбилею Курта Гертнера (Kurt Gärtner). Далее нужно упомянуть работу Ресселя «Образование и развитие. Личностные метаморфозы и диалогически-полифоническая структура романа „Подросток“ Достоевского»²⁷⁸ в юбилейном сборнике к 60-летию Клауса Фишера (Klaus Fischer).

Харрес суммирует свои наработки в статье «Перерождение человека: К поэтической антропологии в великих романах Достоевского»²⁷⁹ в «Журнале славянской филологии», а также продолжает свое исследование «Бесов» в статье «Отчаяние есть ключ к пониманию текста: „Болезнь к смерти“ Кьеркегора и „Бесы“ Достоевского»²⁸⁰ в сборнике «Отчаяние как креативное требование» под редакцией Хермеса Кика (Hermes Kick) и Гюнтера Дитца (Günter Dietz). Еще одну работу Харрес посвящает последнему роману Достоевского «Примирение и выход в романе Достоевского „Братья Карамазовы“»²⁸¹, публикуя ее в сборнике «Травма и примирение».

В 2011 г. выходит статья Дирка Кемпера (Dirk Kemper) «„Братья Карамазовы“ против Шиллера и Канта. К деконструкции немецкого идеализма в исповеди горячего сердца в стихах Дмитрия Карамазова. (Анализ с перспективы „чужой культуры“»²⁸² в сборнике «Отечественное и иностранное литературоведение»²⁸³ под редакцией Дирка Кемпера, Алексея Жеребина (Aleksej Žerebin) и Ирис Беккер (Iris Bäcker).

²⁷⁶ Natorp P. Fjedor Dostojewskis Bedeutung für die gegenwärtige Kulturkrise. Mit einem Anhang zur geistigen Krise der Gegenwart. Jena: Eugen Diederichs, 1923.

²⁷⁷ Ressel G. Phänomene des Bösen bei F. M. Dostoevskij // Magister et amicus. Festschrift für Kurt Gärtner zum 65. Geburtstag, Wien: Edition Praesens, 2003. S. 787–800.

²⁷⁸ Ressel G. Bildung und Entwicklung. Personale Metamorphose und dialogisch-polyphone Erzählstruktur in F. M. Dostoevskij's Roman «Podrostok» (Der Jüngling) // Das Wagnis des Neuen. Festschrift für Klaus Fischer zum 60. Geburtstag, Nordhausen: Verlag Traugott Bautz, 2009. S. 609–631.

²⁷⁹ Harreß B. Die Neuwerdung des Menschen: Zur poetischen Anthropologie in Dostoevskij's großen Romanen // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1992. N 52. Heft 2. S. 304–318.

²⁸⁰ Harreß B. Verzweiflung als Schlüssel zum Textverstehen: Kierkegaards Schrift «Die Krankheit zum Tode» (1849) und Dostojewskij's Roman «Die Dämonen» (1871/72) // Verzweiflung als kreative Herausforderung / Hrsg. H. A. Kick, G. Dietz. Berlin: Lit Verlag Dr. W. Hopf, 2008. S. 129–141.

²⁸¹ Harreß B. Versöhnung und Erlösung in Dostojewskij's Roman «Die Brüder Karamasow» // Trauma und Versöhnung. Berlin: Lit Verlag Dr. W. Hopf, 2010. S. 99–109.

²⁸² Kemper D. Die Karamazovs gegen Schiller und Kant. Zur Dekonstruktion des deutschen Idealismus in Dmitrij Karamazovs Beichte eines heißen Herzens. In Versen (fremdkulturelle Analyse) // Eigen- und fremdkulturelle Literaturwissenschaft / Hrsg. D. Kemper, A. Žerebin, I. Bäcker. Bd. 3. München: Wilhelm Fink; Schriftenreihe des Instituts für russisch-deutsche Literatur- und Kulturbeziehungen an der RGGU Moskau, 2011. S. 161–177.

²⁸³ Eigen- und fremdkulturelle Literaturwissenschaft / Hrsg. D. Kemper, A. Žerebin, I. Bäcker. München: Fink, 2011.

Очень важен вклад Юргена Шрёдера (Jürgen Schröder), написавшего об отношениях Готфрида Бенна (Gottfried Benn) с Достоевским (что в литературоведении до него было упущено) в статье «Вошь из Мансфельда (Вестпригнитц) Готфрид Бенн и Федор Достоевский»²⁸⁴, опубликованной в «Ежегоднике Немецкого общества Шиллера».

Также интересна статья Йоханнеса Хардера (Johannes Harder) «Образ преступника у Достоевского»²⁸⁵ в сборнике «Воспитание и право: к вопросу о лишении свободы» под редакцией Герхарда Даймлинга (Gerhard Deimling) и Йозефа Хойслинга (Josef Häußling).

Биографическую направленность, особенно в том, что касается романа «Игрок», на наш взгляд, имеет глава «Тургенев–Гончаров–Достоевский»²⁸⁶ в монографии Ренаты Эфферн (Renate Effern) «Россия в гостях у Баден-Бадена».

Далее перечислим немецких и иностранных славистов, которым посвящены юбилейные сборники: это Ян Майер (Jan Meijer, Амстердам, 1983); Максимилиан Браун (Maximilian Braun, Геттинген, 1983); Франц Берник (Franz Bernik, Любляна, 1997); Гайер Хьетсо (Осло, 1997); Чарльз Мозер (Charles Moser, Колумбия, 1998); Хорст-Юрген Герик (Гейдельберг, 1999); Райнхард Лауер (Reinhard Lauer, Висбаден, 2000); Рудольф Нойхойзер (Хайдельберг, 2001); Эрик Эгеберг (Erik Egeberg, Осло, 2001); Рольф-Дитер Клюге (Мюнхен, 2002); Ганс Роте (Кёльн, 2003); Мария Депперманн (Инсбург, 2004); Герхард Рессель (Gerhard Ressel) (Франкфурт-на-Майне 2005); Малькольм Джонс (Malcolm Jones, Ilkestone, 2006).

Так, например, в вышедшем в 2007 г. сборнике «Удовольствие в маске»²⁸⁷, посвященном Бодо Зелински, можно найти сразу две вдохновляющие статьи: «Маски стыда: вариации на одну тему у Гоголя и Достоевского»²⁸⁸ Урса Хэфтриха (Urs Heftrich) и «Маска, узурпация, аллегория: повествовательные стратегии и модели интерпретации в „Бесах“ Федора Достоевского»²⁸⁹ Йенса Херльта (Jens Herlth). Однако на том я завершаю свое сообщение.

²⁸⁴ Schröder J. Die «Laus aus Mansfeld (Westprignitz)» Gottfried Benn und Fjodor M. Dostojewskij // Jahrbuch der Deutschen Schillergesellschaft. 2011. N 9. S. 307–323.

²⁸⁵ Harder J. Das Bild des Verbrechers bei F. M. Dostojewskij // Erziehung und Recht im Vollzug der Freiheitsstrafe / Hrsg. G. Deimling, J. M. Häußling. Wuppertal: Peter Hammer Verlag, 1974. S. 39–51.

²⁸⁶ «Turgenev–Gončarov–Dostoevskij». См.: Effern R. Der dreiköpfige Adler. Rußland zu Gast in Baden-Baden. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1999. S. 156–167.

²⁸⁷ Die Lust an der Maske. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2007.

²⁸⁸ См. Ibid.: «Masken der Scham: Variationen über ein Thema bei Gogol' und Dostoevskij».

²⁸⁹ См. Ibid.: «Maske, Usurpation, Allegorie: Erzählstrategien und Deutungsmodelle in Fedor Dostoevskijs „Besy“ (Die Dämonen)».

Дополнения

Как отмечает Давид Перкинс (David Perkins) в своей книге «Возможна ли история литературы?»²⁹⁰, контекст в исследовании художественного произведения всегда приуменьшает смысл текста. Контекст возможен тогда, когда из текста вычленяется один-единственный аспект и этот аспект рассматривается в сети компаративистских переплетений. Таких контекстов, из которых то и дело выглядывают неожиданно или ожидаемо художественные произведения Достоевского, — великое множество. Перечисленные в этой части исследования материалы можно воспринимать как прощание, завершающее представленный обзор немецкоязычного достоевсковедения последних десятилетий.

В 1988 г. Лудольф Мюллер публикует статью «Встреча и знакомство с восточным и западным христианством в жизни и творчестве Достоевского, Толстого и Соловьева»²⁹¹ в сборнике «Тысячелетие христианства в России» под редакцией Карла Фельми (Karl Felmy), Георга Кретшмара (Georg Kretschmar), Фери фон Лилиенфельда (Fairy von Lilienfeld) и Клауса-Юргена Рёпке (Claus-Jürgen Roepke).

В 2002 г. Рената Лахманн публикует свою монографию «Рассказанная фантастика: к истории фантазии и семантика фантастических текстов»²⁹², с главой «Знак. Фантастика письма и буквы: Гоголь, Достоевский, Готторн»²⁹³.

В 2006 г. Карл-Йозеф Кушель (Karl-Josef Kuschel) публикует свою статью «Страдания невинного как обвинение Бога. Отражения у Достоевского, Рота и Камю»²⁹⁴.

В 2007 г. Эльзбет Ютте (Elsbeth Jütten) в своей монографии «Дискурсы справедливости в творчестве Якоба Вассерманна» делает отступление «Экскурс: Тема справедливости у Достоевского»²⁹⁵.

В 2008 г. появляется статья Риккардо Николози (Riccardo Nicolosi) «Кровь Карамазовых. Наследие, эксперимент и натурализм в послед-

²⁹⁰ Perkins D. *Is Literary History Possible?* Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1992.

²⁹¹ Müller L. *Die Begegnung und Auseinandersetzung von östlichem und westlichem Christentum im Leben und Werk Dostojewskijs, Tolstojs und Solow'evs // Tausend Jahre Christentum in Russland. Zum Millennium der Taufe der Kiever Rus / Hrsg. K. C. Felmy, G. Kretschmar, F. von Lilienfeld, C.-J. Roepke, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. S. 78–82.*

²⁹² Lachmann R. *Erzählte Phantastik: Zu Phantasiegeschichte und Semantik phantastischer Texte.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2002.

²⁹³ См.: Ibid. S. 195–237: «Zeichen. Phantastik von Schrift und Buchstabe: Gogol, Dostojewskij, Hawthorne».

²⁹⁴ Kuschel K.-J. *Das Leiden Unschuldiger als Anklage gegen Gott. Spiegelungen bei F. M. Dostoevskij, J. Roth und A. Camus // Gynäkologische Praxis. 2006. N 30/2. S. 305–311.*

²⁹⁵ «Exkurs: Das Thema der Gerechtigkeit bei Dostojewski». См.: Jütten E. *Diskurse über Gerechtigkeit im Werk Jakob Wassermanns.* Tübingen: Niemeyer, 2007. S. 159–167.

нем романе Достоевского»²⁹⁶ в сборнике «Дилетанты, чтения, лаборатории. Искусство и наука в России 1860–1960 гг.», вышедшем под редакцией Маттиаса Шварцера (Matthias Schwarzer).

В том же 2008 г. Готфрид Шрамм (Gottfried Schramm) публикует работу «От Пушкина до Горького. Писательские восприятия преобразывающегося общества»²⁹⁷, в которой из четырнадцати глав две посвящены Достоевскому. Прекрасное знание истории творчества писателя и духовной ситуации его времени (включая интертекстуальные отношения) сокращает поэтологическую предметность в исследовании, из-за чего последняя не развивается. Хороший пример такого подхода — монография «Танец Наташи. Культурная история России»²⁹⁸ Орlando Файджеса (Orlando Figes), на которую Шрамм ссылается. Что касается самого Шрамма, он концентрирует свое исследование на анализе «Бесов»²⁹⁹ и «Братьев Карамазовых»³⁰⁰.

В 2009 г. Андреа Цинк публикует свою монографию «Как из крестьян сделались русские. Конструкция народа в литературе русского реализма 1860–1880 гг.»³⁰¹. В главе «Психология пьяницы»³⁰² Цинк упоминает «Преступление и наказание», а в главе «Акулькин муж»³⁰³ из раздела «Право и несправие» — «Записки из Мертвого дома».

В 2010 г. Кристоф Рудек (Christof Rudek) публикует монографию «Равнодушные. Анализ концепций персонажей в текстах Толстого, Достоевского, Моравиа, Камю и Кено»³⁰⁴.

Как же можно оставаться верным исследовательскому интересу к творчеству Достоевского при таком огромном, давящем количестве научной литературы, написанной о нем? Ответ очень прост: читать Достоевского! Ведь не случайно мы называем его произведения «источниками».

*Авторизованный перевод с немецкого
М. В. Киселевой*

²⁹⁶ Nicolosi R. Das Blut der Karamazovs. Vererbung, Experiment und Naturalismus in Dostojewskijs letztem Roman // Laien, Lektüren, Laboratorien. Künste und Wissenschaft in Russland 1860–1960 / Hrsg. M. Schwarzer. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. S. 147–180.

²⁹⁷ Schramm G. Von Puschkin bis Gorki. Dichterische Wahrnehmungen einer Gesellschaft im Wandel. Freiburg i. Br., Berlin, Wien: Rombach Verlag, 2008.

²⁹⁸ Figes O. Natasha's Dance. A Cultural History of Russia. London: Allen Lane, 2002.

²⁹⁹ «Бöse Geister». См.: Schramm G. Von Puschkin bis Gorki. Dichterische Wahrnehmungen einer Gesellschaft im Wandel». Freiburg i. Br., Berlin, Wien: Rombach Verlag, 2008. S. 211–231.

³⁰⁰ «Die Brüder Karamasow». См. Ibid. S. 261–282.

³⁰¹ Zink A. Wie aus Bauern Russen werden. Die Konstruktion des Volkes in der Literatur des russischen Realismus 1860–1880. Zürich: Pano Verlag, 2009.

³⁰² Ibid. S. 150–165.

³⁰³ «Akulkas Mann», «Recht und Unrecht». См. Ibid. S. 255–272.

³⁰⁴ Rudek C. Die Gleichgültigen. Analysen zur Figurenkonzeption in Texten von Tolstoj, Dostojewskij, Moravia, Camus und Queneau. Berlin: Erich Schmidt, 2010.

К. КРОО

ДОСТОЕВСКИЙ В ВЕНГЕРСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (1970–2012 гг.)

Восприятие и освоение творчества Достоевского на протяжении всего XX в. занимало важное место в культурной и научной жизни Венгрии, не ограничиваясь при этом областью филологической науки. С одной стороны, изучение наследия русского писателя представителями венгерской гуманитарной интеллигенции отражено в художественной литературе¹. С другой стороны, в научном освоении творческого наследия Достоевского важную роль играли философские и теологические контексты². Вспомним и то, что во множестве литературоведческих и критических статей, принадлежащих перу талантливых авторов, не являющихся специалистами в области истории русской литературы, имя и творчество писателя стали общим полем эстетической и идейной референции, общим культурным знанием и критическим топосом. Ссылки на произведения и философские концепции, развиваемые в произведениях Достоевского, довольно часто использовались *ad hoc*, иногда даже вне прямой связи с изучением целостного творчества писателя, с целью обогатить интерпретационный арсенал литературных или научных текстов, а также в иных контекстах, при обращении к проблемам историко-литературного плана и общей теории литературы³.

¹ Об этом см.: *Cumap K.* Между Востоком и Западом. Восприятие Достоевского в Венгрии (по страницам журнала «Нюгат») // См. наст. сб. С. 405–419. Далее см. напр. статью: *Cumap K.* «Великий грешник» и «блудный сын» (Достоевской и Пилински) // F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues / Ф. М. Достоевский в контексте диалогического взаимодействия культур. Budapest: ELTE PhD Programme «Russian Literature and Literary Studies», 2009. С. 445–452.

² Напр., первое венгерское издание книги «Философия субъективного жизнеощущения» 1942 г. (здесь и далее перевод названий литературных источников дан по К. Кроо и авторам упомянутых работ): *Vatai L.* Dosztojevszkij: A szubjektív életérzés filozófiája. Debrecen, 1992.; книга «Поэт антиномий. Достоевский и индивид»: *Fehér F.* Az antinómiák költője. Dosztojevszkij és az individuum. Budapest, 1972.; ср. второе, исправленное издание книги «Поэт антиномий. Достоевский и крушение индивида»: *Fehér F.* Az antinómiák költője: Dosztojevszkij és az individuum válsága. Budapest, 1996.

³ В качестве аналогичного явления в европейской гуманитарной критике можно указать на книгу Рене Жирара (René Girard), анализирующего тексты Достоевского в целях

При написании данной статьи ее автором приняты во внимание вышедшие к настоящему моменту работы по истории венгерской достоевистики⁴. Стараясь избегать повторов, а также учитывая прагматическую задачу, связанную с проектом Пушкинского Дома по выпуску в свет в настоящее время Полного собрания сочинений Достоевского в тридцати пяти томах (в которое включены достижения зарубежных ученых), автором настоящей статьи поставлена цель описать важнейшие исследования по поэтике Достоевского и набор методологических подходов, применяемых в Венгрии к толкованию творчества писателя. Также автором сделана попытка определить характерный для венгерской науки спектр тематических направлений в исследованиях, с их конкретными филологическими и текстологическими достижениями. Вышеуказанными приоритетами определяются принципы отбора представленных в статье концепций, которые изложены в монографиях или других работах книжного масштаба, написанных о творчестве Достоевского⁵.

Начинать разговор о научных исследованиях, внесших особенно значительный вклад в венгерское достоевиеведение в 1970-е гг., необходимо в первую очередь с книги Д. Кирая (Gyula Király) «Достоевский и русская проза»⁶. Исследовательским контекстом, в который следует поставить выработанную в указанном сборнике статей концепцию поэтики романа Достоевского, является общая теория жанра и, в частности теория жанровой поэтики романа. Она основана на системе классификации⁷, в которой противопоставлены формы и виды

построения психологическо-философской концепции миметизма: *Girard R. Deceit, Desire and the Novel — Self and Other in Literary Structure / Transl. Y. Freccero. Baltimore; London, 1988.*

⁴ См.: *Кроо К.* Исторический обзор венгерской достоевистики в литературоведческой русистике в университете им. Э. Лоранда в Будапеште. «Нашими глазами» // Достоевский и XX век: В 2-х т. М., 2007. Т. II. С. 483–552. Библиография: С. 535–552. Там же см.: *Ковач А.* Достоевский в свете поэтики жанра и дискурса (опыт авторецензии) // Там же. С. 495–504; *Кроо К.* От «Братьев Карамазовых» к «Братьям Карамазовым» // Там же. С. 505–515; *Хорват Г. Ш.* От мифопоэтики к поэтике письма // Там же. С. 515–521; *Сабо Т.* Иконоподобие женских персонажей в произведениях Ф. М. Достоевского // Там же. С. 521–526; О научном труде Д. Кирая // Там же. С. 484–494.

⁵ В разделах статьи, где представлены научные достижения А. Дуккон, В. Лепакхана и А. Рейхман, основываемся на описаниях, представленных самими этими авторами. Помимо них, выражаем благодарность исследователям Т. Сабо, А. Хаваша, А. Хорват, А. Палфи, Г. Шолти, которые помогали в подготовке данного обзора. Элементы их описаний отражены в релевантных частях настоящей работы.

⁶ *Кирай Д.* Достоевский и русская проза. Исследование по поэтике романа: *Király Gy. Dosztojevskij és az orosz próza. Regénypoétikai tanulmányok.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1983.

⁷ Ср. «Возможности анализа в аспекте поэтики прозы и типологии жанра. Дьюла Кирай. Достоевский и русская проза»: *Hima G. A prózapoétikai és műfajpoétikai megközelítés lehetőségei. Király Gyula Dosztojevskij-monográfiájáról // Alföld, 1985. N 2. O. 85–88.* Ср. в русском переводе статью: Отзывы на статьи и книгу Дьюлы Кирая «Достоевский

эпоса, трагедии, нравописательный и классический романы в современном понимании этих жанров. В рамках данной концепции осознание литературным персонажем условий своей жизни понимается как действие, причем это осознание неотделимо от внешней и внутренней активности литературного героя. «Психологическую логику» персонажа Кирая понимает как социально-психологическую мотивацию его поступков, сопровождаемую интенсивным осмыслением действительности (сюжетное событие как «приключение сознания»). В результате экзистенциального опыта («социальной бесприютности») и исторической предопределенности действительность превращает жизнь персонажа в судьбу. Судьба литературного героя, таким образом, формируется, вырастая из множества аспектов общественной и исторической реальности; тем не менее ее можно рассматривать как судьбу личную и личностную. Толкование ее характеристики, приводимое в тексте произведения («завершенность сюжета познания судьбой»), требует рассмотрения и субъективной, и объективной сторон этого процесса.

С философско-психологическим аспектом данной проблемы связана особая чуткость Кирая к субъективным и объективным формам художественного моделирования, изучение которых следует назвать второй значительной составляющей его концепции жанровой поэтики Достоевского. Эта методология получает нарратологическую установку, проявляющуюся в тщательном анализе повествовательной системы произведений, в подчеркивании вопроса, каким образом может достигаться «объективная», т. е., согласно терминологии Кирая, «нарративная» правда, сообщаемая целостной жанровой структурой и поэтической онтологией текста, со всей очевидностью удаленного от субъективности повествования и установки на определенную идеологию.

Обращаясь к следующему компоненту общей теории жанра, выработанной Кираем, заметим, что в центре его внимания находится эпика. В рамках развиваемой в его исследовании парадигмы в эпический материал могут быть включены и принципы построения драмы. Предлагаемый подход дает простор для ряда сопоставлений, помогающих по-новому поставить вопрос о специфике жанра в произведениях Достоевского, например, в сравнении «Преступления и наказания» с «Гамлетом» В. Шекспира. Укажем на некоторую родственность изложенных им соображений в статье «Ренессанс и XIX век — Гамлет и Раскольников»⁸ и вопросов,

и русская проза. Статьи по поэтике романа» (Будапешт, 1983) // Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 2. С. 487–490. См. также: Ковач А. Роман Достоевского. Опыт поэтики жанра. Budapest, 1985. С. 60–65; ср. то же самое: Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 2. С. 493–494.

⁸ Király Gy. Dosztojevskij és az orosz próza. Regénypoétikai tanulmányok. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1983. Ibid, O. 285–309; первая публикация «Гамлет и Раскольников — ренессанс и XIX век»: Király Gy. Hamlet és Raszkolnyikov — reneszánsz és a XIX. század // Filológiai Közöny. 1980. N 3. O. 289–312. См.: Király Gy. Hamlet and Raskolnikov: Renaissance and the 19th Century // Acta Litteraria. 1979. N 21. P. 15–43.

поставленных в двух основополагающих статьях о «Двойнике»⁹. Общим в этих работах является метод определения событийности романного мира писателя с точки зрения нарративной внутритекстовой структуры и в контексте русской общественной проблематики того времени.

Особое значение имеют следующие компоненты толкования сюжета и главного героя в «Двойнике» и «Преступлении и наказании». В «Двойнике» различаются три основные разновидности подсюжетных линий:

- 1) по их месту в композиции произведения;
- 2) по типу событийности, воплощенной в них;
- 3) по их принадлежности к определенной онтологической сфере в системе условных реалий событийности.

Эти три подсюжетные линии связаны между собой, что позволяет истолковать их как конструктивные факторы становления судьбы Голядкина в ее экзистенциальной определенности, но все же в значительной мере зависящей от характера психологической и интеллектуальной «логики» освоения опыта такой экзистенциальной заданности. Речь идет об отождествлении внероманного и собственно романного сюжетов в разборах «Двойника», что и соответствует той идее, с которой воплощена в тексте произведения функция «предыстории» по отношению к романному сюжетосложению, связанная с крушением надежд героя¹⁰. Внероманной предысторией мотивировано в сюжете «Двойника» формирование типа и характера описанной событийности, так как в пространство последней вовлекается сюжетная ткань предыстории с ее двумя тематическими нитями («приключение-карьера» и «приключение-любовь»), которые оцениваются как два незавершенных предыдущих «романа» Голядкина. Оба они стали итогом мечтаний, и в результате их крушения сегментируется предыстория повествования, так как на стыке предыстории и собственно сюжета появляется скандал «третьего дня», мотивирующий переход Голядкина из состояния мечтательства к бунту. Согласно этой концепции, в первых пяти главах произведения раскрываются мотивировочные соотношения, кроющиеся в переходе от первых двух «романов» к третьему. Этот третий «роман» (согласно пятой главе) вырастет уже не из мечтаний, а из второго скандала на балу (четвертая глава), т. е. из проявления уже далее развертывающегося бунта героя. Скандалом «третьего дня» считается кульминационный момент ряда событий, связанных с появлением двойника¹¹.

⁹ *Курай Д.* Сюжетный параллелизм в романе «Двойник». К вопросу о внутренней форме второго романа Достоевского: разграничение реального и фантастического планов // *Studia Slavica Hungarica.* 1969. Т. XV. С. 239–256; *Курай Д.* Структура романа Достоевского «Двойник» // *Studia Slavica Hungarica.* 1970. Т. XVI. С. 259–300.

¹⁰ *Курай Д.* Структура романа Достоевского «Двойник» // *Studia Slavica Hungarica.* 1970. Т. XVI. С. 242.

¹¹ О полной структуре произведения см.: *Курай Д.* Структура романа Достоевского «Двойник» // *Studia Slavica Hungarica.* 1970. Т. XVI. С. 263, 269.

Кирай акцентирует «двусюжетность» «Двойника», которую оценивает как факт той «внутренней формы», «эпической структуры», в которой могут размежеваться позиция героя и сфера авторского «я». По мнению ученого, рассказчик до появления двойника излагает события с явной иронией, а после — «без особых оценочных моментов»¹². Независимо от того, как решается вопрос об авторской модальности повествования, суть рассуждений Кирая, на наш взгляд, сводится к приведению в органическое соответствие нарративной структуры и сегментации сюжетного хода в композиции произведения. Кирай отмечает ряд различий между художественными решениями Достоевского в «Двойнике» и «Бедных людях»¹³, где «основой разграничения плоскостей „слова“ героя и „слова“ автора служила структура параллельных линий: сюжета сознания и сюжета судьбы героя»¹⁴.

В рамках предложенной концепции эпической «внутренней формы» термин *судьба* возводится в ранг нарратологической категории: оценивается не только как предмет изображения, сообщающий о познавательной и иной деятельности героя, но и как выражение функции, устанавливающей эпическое дистанцирование для определенности авторского голоса. Событийность познавательного акта (судьба) героя романа дает возможность провести границы между разными уровнями условности изображаемого мира (онтология психологической и интеллектуальной оправданности поступков персонажа; мечтательность и артефакт «двойной мысли» как события в ходе осознания; соотношение «фантастических» и «реальных» действий в сюжете). Суть концепции Кирая не ограничивается констатацией идеи двойной сюжетности произведения Достоевского и принципиальной двойственности поэтического мышления писателя (внероманный сюжет против романного; голос автора против голосов героев и повествователей; фантазии против реальной действительности; субъективное мышление против объективного). Исследователь стремится указать на гибкость переходов от одной поэтической формы к другой. Это проявляется в сочетании сюжетных линий (например, в «Двойнике» описаны «приключения» мечтания, скандала и бунта разного типа, а также «приключения сознания», конфликт логики и экзистенциальной эмпирии и т. д.), в проведении нечетких границ между уровнем реальной действительности и ее фантастической репрезентацией, но также и в переходе от голосов героя и повествователя к авторскому «я».

¹² Кирай Д. Сюжетный параллелизм в романе «Двойник». К вопросу о внутренней форме второго романа Достоевского: разграничение реального и фантастического планов // *Studia Slavica Hungarica*. 1969. Т. XV. С. 248.

¹³ См. напр.: Кирай Д. Структура романа Достоевского «Двойник» // *Studia Slavica Hungarica*. 1970. Т. XVI. С. 265–267, 270.

¹⁴ Кирай Д. Сюжетный параллелизм в романе «Двойник». К вопросу о внутренней форме второго романа Достоевского: разграничение реального и фантастического планов // *Studia Slavica Hungarica*. 1969. Т. XV. С. 248.

Сопоставительный анализ «Преступления и наказания» и шекспировского «Гамлета», проведенный в указанных работах Кирая, можно включить в заложенную еще Вяч. Ивановым традицию осмысления романов Достоевского как «трагедий». Но Кирай и здесь опирается на понятие «судьбы»: в «Гамлете» главный герой может отдаться возможности достоверного познания действительности еще до выбора действия, а для Раскольникова попытка познания и опыта равна окончательному выбору своей судьбы. Эта судьба слагается из поступков героя, к которым относятся все компоненты и действия акта познания, что приводит к трагическому мироощущению, выраженному именно в крушении этой судьбы. Исследователь приходит к выводу, что в «Преступлении и наказании» и «Двойнике» развитие сюжета состоит из трех основных этапов. Внесюжетному периоду приключений и мечтаний соответствует статья, написанная Раскольниковым, а сюжет романа замкнут на эпилоге. Но эпилог также стоит вне романной сюжетности и служит читателю продолжение истории в будущем. Периодизация сюжета в «Преступлении и наказании», следовательно, оказывается тесно связанной с концептуализацией судьбы героя в свете вероятности ее завершения. Поднятые здесь вопросы связаны с целостностью нарративной структуры романов Достоевского и свойствами той внутренней эпической структуры (то с иронически-комическими, то с трагедийными отзвуками), которая, согласно толкованию Кирая, дает возможность выяснить жанровую определенность поэтики романа.

Первая постановка вопроса о поэтике романов Достоевского в раннем научном труде А. Ковача (Árpád Kovács) «Роман Достоевского. Опыт поэтики жанра» также была обоснована *нарратологической ориентацией* и в самом начале сочеталась с изучением вопроса о *функции романного персонажа в целостной художественной композиции* произведений писателя¹⁵. В основании рассуждений Ковача лежит мысль о значении и смысле формы становления человеческого опыта и его незавершенности, которая была осмыслена ученым как прозрение литературного героя. Повествовательное воплощение персонажа определяет специфику жанра произведения Достоевского как романа-прозрения. Толкование сюжета и жанра в последующих исследованиях ученого дополняется дальнейшими уточнениями и концептуализацией новых понятий благодаря развитию интерпретационных контекстов динамичности романной модели писателя. Эта модель представлена в трех аспектах в упомянутом исследовании Ковача¹⁶. Первым аспектом объясняется принцип поэтической мотивации, который понимается как соотношение в мотиве (как в минимальной сюжетобразующей единице, находящейся в состоянии постоянной трансформации) компонентов идей, переживаний и действий. Если проследить трансформацию

¹⁵ Ковач А. Роман Достоевского. Опыт поэтики жанра. Budapest: Tankönyvkiadó, 1985.

¹⁶ Там же.

целого мотива как целостной единицы мотивировки, то можно реконструировать сюжет прозрения литературного героя. Во втором аспекте, следовательно, динамичность романной модели осмыслена как *система* трансформаций романного персонажа. Третий аспект концепции Ковача предполагает, что динамический характер сюжета романа Достоевского реализуется в такой последовательности этапов:

- 1) системное изменение соотношений дискретных элементов в единице мотивировки,
- 2) трансформация героя,
- 3) развертывание сюжета прозрения.

Эти этапы подразумевают существование в мотиве неожиданных действий и процессов возникновения и становления новой субъектности. Наличие противоположных и двойных жестов и мыслей персонажей есть особая форма произвольной — непредвиденно возникающей¹⁷ словесной и невербальной — коммуникации с другими персонажами, проявление обмена соответствующими знаками с читателем и (через внутренние монологи и диалоги) выражение автокоммуникации.

Три названных аспекта концепции динамичности сюжета прозрения в романах Достоевского объединяет то, что путь возникновения и становления относится к самому человеку, точнее — к процессу его самопонимания. Такой процесс характеризуется своей принципиальной незавершенностью, соответствующей смыслу открытых перспектив человеческой личности.

Акцент на данных тезисах в первом труде Ковача объясняется его желанием указать на те идеи, которые позже получили значительное методологическое и интерпретационное расширение и уточнения разного типа. Продуктивность изначальной трактовки исследователем поэтики жанра в отношении возможности ее транскрипции в другие интерпретационные и понятийные системы доказывает большое значение и неизменную состоятельность этой работы. Стержнем толкования романов Достоевского является убеждение Ковача в том, что в основе формирования нарратива Достоевского лежит мысль о становлении личности человека (трансформация через прозрение) в контексте становления его языка (трансформация форм коммуникации и автокоммуникации). Две формы становления толкуются как единый связный процесс, по ходу которого человек осознает себя и окружающую действительность не в роли обычного субъекта познания («гносеологического субъекта»), но в позиции творческого субъекта, который вольно или невольно означает путь своего становления и преображения. Человек в романе Достоевского начинает применять новый язык и новые типы и формы высказы-

¹⁷ Данная проблема в более поздних работах Ковача толкуется в контексте того *единичного и уникального «события»*, которое оказывается призывом героя к означиванию действительности, самого себя и своего собственного «текста». См., напр.: Ковач А. «Таинственный знак» у Достоевского // Slavistična revija. 2005. Т. 53. N 3. С. 261–281.

вания. Персонаж выражает собой новое качество бытия, так как именно посредством него показана та часть действительности, которой он раньше не знал, в этом обнаруживается истинный смысл рождения события в его непредсказуемости. Неожиданные, непредсказуемые мысли и чувства, оформляясь в знаки, раскрывают в новом, неведомом свете течение обыденной жизни, указывая на тайну существования человека. Незримое, непредвиденное и непредсказуемое обращается в высказанную и представленную часть действительности за счет порождения новых форм. Эти формы возникают в творческом (экзистенциальном и языковом) отношении героя к окружающей реальности, обеспечивая тем самым и обновление его языка, и выражение мотивной обусловленности сюжета в романе прозрения Достоевского.

Новые идеи в изучении поэтики писателя привносит книга Ковача «Персональное повествование. Пушкин, Гоголь, Достоевский»¹⁸, в центральном тезисе которой объединены понятия рассказывания и персональности. Однако если в книге «Роман Достоевского...» ряд вопросов, связанных с рассказыванием, сопоставлен с нарратологической парадигмой, то в новом исследовании акцент смещен на дискурсивный подход. Текст Достоевского осмыслен в качестве цельного дискурса, в котором событие прозрения, становление романного персонажа и его персональности изучается уже в его языковом воплощении, в аспекте преобразования героя в субъект (и одновременно в объект) собственного языка, сотворенного им самим. Дискурсивная функция героя, которого в данном контексте следует переименовать в субъект собственного текста о себе, состоит в том, что инновационный характер языкотворчества коррелируется с языком целостного дискурса романа. Согласно основной мысли книги, формирование метафорического языка можно разбить на этапы и связать с развитием сюжета, т.е. оно определяется собственной языковой конструкцией литературного произведения. Такого рода дискурсивная корреляция изучается Ковачем с применением выработанной им методологии дискурсивной поэтики. Эта методология теоретически обоснована и всесторонне описана в его работах по поэтике Достоевского, а также о творчестве других писателей¹⁹.

Корреляция языковых свойств, принадлежащих к фигурам персонажей и целостному тексту, описывается Ковачем не в нарративных композиционных соотношениях, но в плане дискурсивных аналогий; фактически, речь идет об описании текстопорождения. Внимание ученого перемещается к проблеме поэтики дискурсивности художественного текста, где настоящим «событием» оказывается создание субъектом некоего высказывания и через его посредство формирование текста

¹⁸ Ковач А. Персональное повествование. Пушкин, Гоголь, Достоевский. Frankfurt: Peter Lang, 1994. С. 59–163, 185–187.

¹⁹ См. напр., всю венгерскую книгу «Дискурсивная поэтика»: Kovács Á. Diszkurzív poétika. (Res Poetica 3). Veszprém, 2004. О. 45–107.

произведения, моделирующего становление личности человека в реализации его голоса. В концепции соответствия между идиолектами персонажей, их персональными текстами, и целостной дискурсивностью романа Достоевского вполне обоснованно изучать формы персонализации дискурса, абстрагируясь от рамок *Ich-Erzählung*'а в формальном смысле. Например, в эпическом формате повествования «Братьев Карамазовых» (чему посвящен большой раздел книги Ковача) или в различных, в том числе и интертекстуальных, межжанровых и межродовых формах (примеры которых мы находим в анализе произведений Гоголя и Пушкина), а также в лирических стихотворениях, в жанрах поэмы и повести.

Расширение истолкования принципов поэтики Достоевского привело исследование к синтезу, благодаря, с одной стороны, привлечению дисциплинарных областей, включенных в поэтическое чтение произведений писателя²⁰, а с другой — как итога истолкования идеи о *поэтике сердца* в произведениях Достоевского²¹. Акцент при этом был сделан на изучение поступка персонажа с привлечением изучения семиотических процессов образования и трансформации знаков²². В исследовании концептировано понимание Достоевским действительности в ее знаковом онтологическом статусе²³. Результаты этих исследований помимо публикаций на венгерском языке доступны и в недавних русскоязычных изданиях²⁴. Традиция конфессиональности (например «Исповедь» Блаженного Августина и ее философские трансляции)²⁵ изучена Ковачем как с точки зрения дис-

²⁰ Ковач А. К вопросу о литературной антропологии // Проблемы нарратологии и опыт формализма/структурализма. СПб., 2008. С. 154–161; Ковач А. К вопросу о референции прозы // На пути к литературной антропологии. *Studia Slavica Hung.* 2009. Т. 54. № 2. О. 378–382.

²¹ См., напр.: Ковач А. «Таинственный знак» у Достоевского // *Slavistična revija*. 2005. Т. 53. N 3. С. 261–281; Ковач А. *Angustia*. Тоска у Достоевского // *Russica Hungarica*. Budapest–Moszkva, 2005. О. 100–125; статья «Эпоптея. Культура сенсibilityности в творчестве Августина, Пушкина и Достоевского»: *Kovács Á. Epopeteia. Az intelligens szenzibilitás Augustinus, Puskin és Dosztojevszkij műveiben // Puskintól Tolsztojig és tovább... Tanulmányok az orosz irodalom és költészetan köréből 2 (Diszkurzívák 5)*. Budapest, 2006. О. 5–37.

²² О соотношении поступка и внутренней речи, семиозиса у Раскольникова см. статью «Роман или поэтическая димензия поступка»: *Kovács Á. A regény, avagy a cselekvés poétikai dimenziója // Filológiai Közöny*. 2002. N 1–2. О. 57–85 (конкретно по теме см.: с. 62–67); статья «Прозема и метафора. О двух способах презентации слова и поступка в прозе Достоевского»: *Kovács Á. Prozéma és metafora. Szavak és tettek Dosztojevszkij prózájában // A regény és a trópusok. Tanulmányok. A második veszpremi regénykollokvium (Diszkurzívák 7)*. Budapest, 2007. О. 9–138.

²³ Статья «Письменная дискурсия в прозе Достоевского»: *Kovács Á. Diszkurzív poétika. Dosztojevszkij írásmódja // Kovács Á. Prózamű és elbeszélés. Regénypoétikai írások (Diszkurzívák 12)*. Budapest, 2010. О. 100–178.

²⁴ См., напр., упомянутые работы, изданные в 2000-х гг.

²⁵ *Kovács Á. Diszkurzív poétika. Veszpremi Egyetemi Kiado, Veszprem, 2004. О. 316–326; ср.: Kovács Á. Epopeteia. Az intelligens szenzibilitás Augustinus, Puskin és Dosztojevszkij*

курсивной модальности форм персонализации в прозаическом тексте, так и в философско-идейном аспекте²⁶. Возникающие при этом философско-антропологические аспекты²⁷ исследователь связывает с проблематикой дискурсивного семиозиса. Здесь налицо принятие во внимание определенной научной традиции, выработанной ранее в области философии, психологии и поэтики языка от В. Гумбольдта через А. Потенбу и Л. Выготского к современным герменевтикам (например в лице П. Рикёра), а также представителям литературоведческой семиотики и текстологии.

В последних по времени работах Ковача (в которых выполнен анализ «Петербургских сновидений в стихах и прозе», «Записок из подполья», «Братьев Карамазовых», «Идиота») указанный новый синтез реализован за счет междисциплинарной концептуализации и описания выработанной Достоевским поэтической модели творческого субъекта. Этот субъект осмысливается в его единичном и неповторяющемся знаковом становлении в смыслопорождающих процессах, которыми метатекстуально определяется история возникновения и развертывания знаковости на разных уровнях текстопостроения²⁸. Идея о знакотворчестве, превращающем «нарративную идентичность» героя в «дискурсивную субъектность», обращается в концепцию литературной антропологии, которая не только опирается на концепты языка, но и ставит вопрос о возможности научного направления, которое Ковач называет «персоналонтологией»²⁹. Речь идет о репрезентации поэтической модели Достоевского в русле дискурсивного переосмысления экзистенциального опыта, извлеченного из практической жизни; экзистенциальный опыт в данном исследовании толкуется значительно шире, чем в книге «Роман Достоевского...». Описывая модель мироотношения литературного героя, Ковач вычленяет смысловой ряд: «ощущение–впечатление–сравнение–означивание–понимание–мысль»³⁰, эта парадигма оценивается в рамках структуры

műveiben // Puskintól Tolsztojig és tovább... Tanulmányok az orosz irodalom és költészetten köréből 2 (Diszkurzívák 5). Szerk.: Kovács Á. Budapest: Argumentum, 2006. O. 5–37.

²⁶ См. проблематику воли у Паскаля, напр., в статье «Достоевский и Паскаль»: *Kovács Á. Dosztojevskij és Pascal // Studia Caroliensia*. 2009. N 4. O. 3–13.

²⁷ См. в том числе и о достижениях философии поступка Михаила Бахтина и теории «симпатии» Макса Шелера (Max Scheler) в материале: *Kovács Á. Diszkurzív poétika...* O. 281–292; а также в статье «Теория дискурса в свете понимания акта у Михаила Бахтина»: *Kovács Á. A diszkurzus cselekményelméleti gyökerei Mihail Bahtyin gondolkodásában // Irodalomtörténet*. 2010. N 3. O. 303–331.

²⁸ См., например, *Kovács Á. Prózájú és elbeszélés. Regénypoétikai írások (Diszkurzívák 12)*. Budapest: Argumentum, 2010. O. 100–178.

²⁹ Само понятие и целостный контекст его толкования см. в статье «Теория дискурса в свете понимания акта у Михаила Бахтина»: *Kovács Á. A diszkurzus cselekményelméleti gyökerei Mihail Bahtyin gondolkodásában. // Irodalomtörténet*. 2010. N 3. O. 303–331.

³⁰ См. целостную концепцию: *Kovács A. «Таинственный знак» у Достоевского // Slavistična revija*. 2005. T. 53. N 3. O. 261–281.

поступка. Такого рода симбиоз междисциплинарных методов (с привлечением «Никомаховой этики» и «Поэтики» Аристотеля) и интерпретации поступка персонажа в контексте творческой модели жизни и в плане возникающей в ходе рецепции онтологии знаковости («знакового существования»), служит объяснением тому, почему исследователь ставит в центр внимания «таинственные знаки». Эти «знаки», воплощающие фигуральное выражение основной единицы прозаического языка, называемой Ковачем «прозой»³¹, могут причисляться в данной концепции одновременно к действительности в смысле ее предметности и к самому тексту произведения (и его авторефлексии). Герой, становящийся субъектом текста, трансформирует тайный знак вещей в означивание и орудие осмысления действительности и самосознания. Это происходит в ходе знакотворчества при помощи практики «эпоптеи» (интеллектуальной сенсильности, выражать которую призваны процессы метафоризации с сердцем в их центре и диспозицией тоски в их основе). Знак-вещь и знак-текст с семиотической точки зрения связаны в ходе толкования и творения знаков субъектом текста. В то же время понятие интенции смыслопорождения, понимаемой как бытовое начинание в жизни, вырастающее из экзистенциального кризиса и формирующее начало означивания (т. е. знакового пресуществования поступка), обращает указанные процессы в художественную модель семиотической концептуализации и освоения действительности. В этом смысле, на наш взгляд, «*знак-индекс действительности*» (термин, используемый Ковачем с ссылкой на категоризации Дж. Пирса и К. Бюлера) здесь следует понимать двояко. Субъект текста, толкуя тайный знак (путем его означивания и означивания самим этим знаком), высвобождает его из неизвестности, тем самым знак обретает иной онтологический статус, эксплицируется по ходу его перевода в другую форму знакового существования. Таким образом, он является знаком-индексом действительности (экзистенциального начала) и формы действительного (семиотического) существования этой действительности. Ни то, ни другое не существует у Достоевского без предположения субъектности, лежащей в основе личной индивидуальности³². Исходя из вышеизложенного можно прийти к мысли о том, что Достоевский показывает читателю возникновение семиотической действительности и ее динамической онтологии.

³¹ Kovács Á. Prozáma és metafora Szavak és tettek Dosztojevszkij prózájában // A regény és a trópusok. Tanulmányok. A második veszprémi regénykollokvium (Diszkurzívák 7). Szerk.: Kovács Á. Budapest: Argumentum, 2007. O. 90.

³² См.: Kovács Á. Prozáma és metafora Szavak és tettek Dosztojevszkij prózájában // A regény és a trópusok. Tanulmányok. A második veszprémi regénykollokvium (Diszkurzívák 7). Szerk.: Kovács Á. Budapest: Argumentum, 2007. См. там особенно: O. 120–125; Ковач А. «Таинственный знак» у Достоевского // Slavistična revija. 2005. Т. 53. N 3. O. 261–281.

Исследования автора настоящей статьи, К. Кроо (Katalin Kroó), в области достоевсковедения представлены в публикации 2007 г.³³, где описаны ее научные достижения, в том числе монография о «Братьях Карамазовых» (1991 г.)³⁴, статьи о том же произведении³⁵, а также русскоязычная монография «„Творческое слово“ Достоевского — герой, текст, интертекст»³⁶. Выяснение ряда аспектов поэтики русского романа содержится также в монографии о «Рудине» Тургенева³⁷. Здесь речь идет о теоретическом осмыслении феномена интертекста, понятия интертекстуального сюжета, о механизмах перевоплощения претекстов в интертексты, о функции интертекстуального сигнала и о свойствах иерархизированности интертекстов. Опыт параллельного межтекстового исследования произведений Тургенева и Достоевского в последние годы привел к постановке ряда новых вопросов о свойствах поэтики произведений Достоевского, например, о присутствии в них авторефлексивной функции. В работе «Изгнание беса как проблема текстуальности в романе Достоевского „Бесы“»³⁸ прослеживаются различные виды семантизации текстуальности, изучается возникновение внутри- и межтекстовых определений и переопределений, перекодирований мотивов, развивающих метапоэтический сюжет. Истоки комплексной жанровой формации, которую представляет собой в разных вариантах этот роман Достоевского, определяются его авторефлексивной поэтикой: вырисовывается ряд контекстов жанровых составляющих в ходе

³³ Кроо К. От «Братьев Карамазовых» к «Братьям Карамазовым» // Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 2. С. 505–515.

³⁴ Книга «„Братья Карамазовы“ — образ, действие, наррация, интертекстуальность»: Kroó K. Dosztojevskij: «A Karamazov testvérek». Alak, cselekmény, narráció, szövegköziség. Budapest, 1991.

³⁵ Кроо К. Еще раз о тайне гимна в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». «Элевзинский праздник» — мистерия гимна // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2004. №20. С. 170–192; Кроо К. «Гимн» с «секретом». К вопросу авторефлексивной поэтики романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (статья первая) // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Современное состояние изучения. М., 2007. С. 396–417; Кроо К. «Трагический гимн радости» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». К проблеме семантической когерентности интертекста // Поэтика Достоевского. Статьи и заметки. Rīga, 2007. С. 69–81; о новых аспектах сопоставимости романов «Братья Карамазовы» и «Тьма покрывает землю», а также исповедальные формы в романе Анджеевского (молитва, исповедь, гимн) см.: Kroó K. «A Karamazov testvérek» és a «Sötétség borítja a földet» című regények összevetetőségének újabb szempontjairól (23 év múltán). Vallomások formák Andrzejewski regényében (ima, gyónás, himnusz) // Добрый великань. Tanulmányok Hetesi István tiszteletére. Pécs, 2007. О. 83–90.

³⁶ Кроо К. «Творческое слово» Ф. М. Достоевского — герой, текст, интертекст. СПб., 2005.

³⁷ Kroó K. Klasszikus modernség. Egy Turgenyev-regény paradoxonjai. A Rugin nyomról nyomra. Budapest, 2002; Кроо К. Интертекстуальная поэтика романа И. С. Тургенева «Рудин». Чтения по русской и европейской литературе. СПб., 2008.

³⁸ Кроо К. «Творческое слово» Ф. М. Достоевского — герой, текст, интертекст. СПб., 2005. С. 227–272.

их эволюционного развития. Принципы текстопорождения с их метапоэтическими акцентами на текстуальности и интертекстуальный акцент на жанровом самоопределении в романах Достоевского взаимосвязаны, они требуют интерпретаций, учитывающих представленные в произведениях. Они дают о себе знать как о связанном корпусе, интегрирующем определенные типы жанра, литературного рода, персонажа и сюжета. Можно назвать этот феномен диахронической связностью культурных текстов, обнаруживаемых в их эволюции.

При изучении внутритекстовой связности (text-coherence, text-connectedness) выдвигается на передний план выяснение функции медиаторских формаций. Они призваны подкрепить континуальность текста и когерентность развития в нем смыслопорождающих процессов, сочетать их разные фазы. Тем самым в качестве промежуточных звеньев они обеспечивают связность текста в его сюжетном развитии. С этой точки зрения Кроо рассмотрена семантическая конструкция образа Ставрогина и Кириллова в свете последовательных ветхо- и новозаветных аллюзий — «Исповедь Ставрогина» (глава 10-я «У Тихона»). Показано, как медиаторские конструкции придают текстовой динамике определенную последовательность.

В таком методологическом ключе дан анализ эпизодов, связанных с преступлением Раскольникова³⁹. Посредническая роль описания убийства оценена путем обнаружения его двойственной смысловой перспективы, возникающей за счет процедуры реметафоризации. В результате проекции мотивов изображения поступка Раскольникова на мотивы написанной им статьи, и эквивалентности этих единиц другим мотивным вариантам, фигурирующим в романе (сравниваются, например, колесо и колея), разоблачается противоречивость убийства. В определении персонажа наглядны два разных смысловых ориентира (преступление как своего рода «новое слово» и как эпигонский повтор «старого слова»). В качестве медиаторской формации благодаря своей внутренней смысловой амбивалентности эти эпизоды способны сочетать два этапа семантической трансформации, сдвигая одно значение в сторону другого⁴⁰.

В рамках данной проблематики ставится также вопрос о начале и завершении смыслопорождающих процессов. В этом плане рассмо-

³⁹ «Роман Достоевского „Преступление и наказание“ в свете медиаторских семантических формаций — семиотическое толкование»: *Króó K. Dosztojevskij «Bűn és bűnhődés» című regénye a közvetítő jelentésalakzatok fényében (szemiotikai értelmezés) // Puskindól Tolsztojig és tovább... Tanulmányok az orosz irodalom és költészetten köréből 2. Budapest, 2006. O. 205–255.*

⁴⁰ Эта же закономерность изучается и в английской статье: *Króó K. On a special case of meaning-emergence in the literary text. The function of semantic formations with «contradictory» sense-orientation in the process of poetic meaning evolution // Semiotica. 2008. Vol. 170, N 4. P. 79–95.* Из других статей последних лет о «Преступлении и наказании» см., напр. «„Преступление и наказание“ — Гоголь, Достоевский (Толстой)»: *Króó K. «Bűn és bűnhődés» — Gogol, Dosztojevskij (Tolsztoj) // Irodalomtanítás a harmadik évezredben. Budapest, Krónika Nova Kiadó, 2006. O. 754–761.*

трена повесть «Двойник», а также роман «Бесы», один из аллюзивных слоев которого улавливается через сходную художественную концептуализацию времени в платоновском диалоге «Политик»⁴¹. Указаны формы тематизации и семантизации времени в названных произведениях, отмечена установка на мотив и сюжетную схему завершения начатых жизни и текста, которые довольно часто оказываются связанными с изложением ложной репродукции и/или истинного, креативного завершения мысли. В этом контексте моделирования времени еще раз подчеркнуты сильная авторефлексивная ориентированность произведений Достоевского, а также постановка писателем вопроса об онтологии текстуальности, ее динамике и потребности возобновления слова и текста.

В двух других статьях использование Платоном и Достоевским мифологии трактуется при помощи различения типов дискурса, моделированных в диалоге «Политик» и в романе «Бесы»⁴². Здесь подробно изучаются мотивы бесовской (дурной) бесконечности, нерасчлененного, несегментированного времени и определяется форма семантизации Солнца в русле осмысления категорий времени и пространства. В характеристику наделяния пространства и времени знаками отмеченности и дискретности встраивается и толкование памяти, соотнесенной с проблематикой письма и текста, а также вопрос об их завершенности. Данные смысловые аспекты раскрыты в сравнении диалога Платона «Политик» и «Последнего дня приговоренного к смерти» В. Гюго с романом Достоевского «Бесы».

Теме связности текста и функции медиаторского посредничества в процессах текстоорождения была посвящена недавно опубликованная докторская диссертация К. Кроо⁴³. Проблема когерентности текста

⁴¹ *Кроо К.* Аспекты семантического опознавания текста в свете проблемы ложной репродукции и истинного завершения: По поводу платоновского интертекста в романе «Бесы» // *F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues* / Ф. М. Достоевский в контексте диалогического взаимодействия культур. Budapest: ELTE PhD Programme «Russian Literature and Literary Studies». P. 276–286.

⁴² Статья «Временная проблематика мифа Золотого века. О мотивах времени в толковании мифа Платоном, Достоевским и Виктором Гюго»: *Króó K.* Az aranykor-mítosz időgondolatköre. Platón, Dosztojevsvkij és Victor Hugo mítoszértelmezésének idő-motívumairól // *Aranykor — Árkádia. Jelentés és irodalmi hagyományozódás (Párbeszéd-kötetek 3)*. Budapest, 2007. O. 184–231; *Króó K.* From Plato's Myth of the Golden Age in Statesman to Dostoevsky's «Devils». The idea of time as reflecting the problem of initiating, continuing and completing discourses in the light of Plato's and Dostoevsky's poetic elaboration of the myth // *Russian Text (19th Century) and Antiquity* / Русский текст (19 век) и античность. Budapest–Tartu, 2008. P. 355–391; *Кроо К.* Динамика «жанра в жанре» в русле интертекстуальности: движущиеся границы «текстов в текстах» (Опыт анализа «романа» Достоевского «Белые ночи») // *Text within Text — Culture within Culture* / Ed. by Kroó K. and Torop P. Budapest–Tartu, 2014 (в печати). С. 137–175.

⁴³ См. «Литературный континуитет. Поэтика медиаторских формаций в произведениях Достоевского»: *Króó K.* Irodalmi szövegfoltonosság. A közvetítő alakzatok poétikája Dosztojevsvkij alkotásaiban. Budapest, 2012.

в данной работе освещена в историко-интертекстуальной перспективе (диахроническая связность культурных текстов) и в аспектах внутри-текстовой динамики смыслопорождения. В этом плане интерпретирован «сентиментальный роман» Достоевского «Белые ночи». В этой работе выполнена задача по раскрытию роли медиаторских формаций в процессах сюжетной семантизации. Особое внимание уделено тургеневскому эпиграфу и разворачиванию мотива цветка в разных вариантах его преобразования: как сквозь описание петербургского видения героя, так и в интертекстуальных элегических сюжетах, вплоть до широкого контекста выражения героем его благодарности Настеньке «за минуту счастья». Разъясняется, как создаются все новые и новые этапы семантического медиаторства, управляя ходом смыслопорождения, например сдвигом от петербургского видения к изображению мечтаний героя. Интерпретируется системность интертекстов, главными свойствами которых являются, с одной стороны, их жанровая принадлежность к элегии (представленной прежде всего текстами Пушкина, Плещеева и Тургенева), а с другой — их структурированность с помощью «собирательного» элегического интертекста, рамки которого создаются стихотворением Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Отдельные главы посвящены аллюзиям на «Невский проспект» Гоголя и парадигме сентиментализма, сформулированной в статье Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии», а также теме соотношения природы и культуры, затронутой в статье Шиллера и присутствующей в романе Достоевского. В жанровом и родовом плане роман «Белые ночи» определяется как элегическая проза⁴⁴.

Научные труды Г. Ш. Хорвата (Géza S. Horváth) о поэтике Достоевского достаточно полно описаны в упомянутом выше обзоре венгерской достоевистики⁴⁵, где был освещен пройденный исследователем путь от исследования мифопоэтики в «Братьях Карамазовых»⁴⁶ к изучению поэтики письма в «Подростке»⁴⁷. Важное место в на-

⁴⁴ О «Белых ночах» на русском и английском языках см.: Кроо К. Тема времени в аспекте минутности и целостности в романе Ф. М. Достоевского «Белые ночи» // *Studia Slavica Savariensis*. 2008. N 1–2. С. 165–180; Кроо К. Intermediary Semantic Formations in «White Nights» // *Aspects of Dostoevskii. Art, Ethics and Faith. Studies in Slavic Literature and Poetics*. 2012. Vol. LVII. P. 27–49; Кроо К. Проблематика жанра и модальности в «Белых ночах» Достоевского (К вопросу элегического начала в прозаическом эпическом произведении) // *Dostoevsky Studies. New series*. 2012. Vol. 16. С. 59–72; Кроо К. The Poetic Relevance of Gogol's «Nevsky Prospect» in Dostoevsky's «White Nights» // *From Petersburg to Bloomington. Studies Presented in Honor of Nina Perlina. Indiana Slavic Studies*. 2012. Vol. 18. P. 161–176.

⁴⁵ Хорват Г. Ш. От мифопоэтики к поэтике письма // Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 2. С. 515–521.

⁴⁶ Хорват Г. Ш. Основной миф в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // *Slavica Tergestina*. Vol. 3. *Studia comparata et russica*. Trieste, 1995. С. 143–166.

⁴⁷ См. «Персональное повествование в романе „Подросток“ Ф. М. Достоевского»: Horváth G. S. A perszonális elbeszélés Dosztojevszkij «A kamasz» című regényében // *A szótól*

учном творчестве Г.Ш. Хорвата занимает монография о романе «Подросток»⁴⁸, где решается ряд задач: 1) раскрыть смысл становления личности Аркадия Долгорукого, реализованного в сюжете, где обнаруживается феномен «загадки» и связанная с ним особая событийность, основанная на стремлении героя дешифровать реальность и найти путь выхода из своего «подросткового» состояния; 2) проследить трансформацию говорящего/записывающего субъекта, по ходу которой создается новый способ текстопорождения и наблюдается становление персонажа в сфере текста; 3) истолковать превращение персонажа в творца знаков с его собственным «персональным» семантическим полем; 4) определить закономерности перехода умозрительной идеи к языковому выражению, от рецепции к творчеству с персонализацией языка. Этот круг вопросов Г.Ш. Хорват решает с помощью осмысления текста в контексте истории русского классического романа, где делается акцент на известной теме «петербургского текста/романа» и «вечной истории», а также на вопросе о жанре произведения, связанном с западноевропейской традицией. Для этого Хорват помещает свое исследование в соответствующий контекст, делая отсылки «к европейским и русским разнovidностям жанра *Ich-Erzählung*'а, — к автобиографическому рассказу и роману-исповеди»⁴⁹. По мнению Г.Ш. Хорвата, в романе «Подросток» содержится интенция создания «личного жанра» в ходе «нарративной персонализации» воспроизведенных жанров⁵⁰. В книге отдельно изучены тексты, в которых рассматривается художественная символика клада, кладоискания и обогащения («Скупой рыцарь» Пушкина и др.). Это позволяет автору обнаружить принципы конструирования художественного языка писателя в свете того, что метафоризация и символизация клада, как и интертекстуальный план романа, возводятся в семантический статус метатекстового определения оценки письма.

В работах последних лет Г.Ш. Хорват предпринимает попытки обнаружить закономерности онтологического статуса письма в разных фазах художественного слова и героя, и автора, а также изучить это явление в разных типах его отношения к устной речи. Такой подход осуществлен

a szövegig és tovább. Tanulmányok az orosz irodalom és költészetten köréből. Budapest, 1999. O. 380–410; *Horváth G. S.* Poetics of Writing in Dostoevsky's Adolescent // *The Dostoevsky J. An Independent Rev.* 2009–2010. Vol. 10–11. P. 1–11.

⁴⁸ См. «Поэтические формы у Достоевского. Персональное повествование в романе „Подросток“ Ф. М. Достоевского»: *Horváth G. S.* *Dosztójevszkij költői formái. A személyes elbeszélés «A kamasz» című regényben.* Budapest: Argumentum, 2002.

⁴⁹ *Хорват Г.Ш.* От мифопоэтики к поэтике письма // Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 2. С. 520. См. напр.: «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, «Давид Копперфильд» Ч. Диккенса и трилогию «Детство. Отрочество. Юность» Л. Н. Толстого.

⁵⁰ *Хорват Г.Ш.* От мифопоэтики к поэтике письма // Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 2. С. 520, 521.

на материале двух произведений Достоевского: «Бесы» (с исповедью Ставрогина в центре внимания⁵¹) и «Кроткая»⁵².

Исследователем показано, как «фантастическая» характеристика повествования в «Кроткой» связана с онтологией внутренней речи персонажей, которая толкуется в качестве определенной фазы мышления, предшествующей внешней речи и записи. В контексте генезиса самого текста Достоевского изучена фигура читателя, который читает с установкой на звучание письменной речи, интериоризируя смысл переходов между письменными и устными проявлениями текстопорождения. В фокусе интересов Г. Ш. Хорвата находится поэтическая онтология письма в ее связи с онтологией речевого поведения, поэтическая философия существования в разных сферах, фазах и медиумах устных и письменных высказываний героев — бытия в речи и в письменном дискурсе субъекта знака как личности. Герои произведений писателя не только переживают и выражают свой опыт, но и превращают его в некое представление; отсюда само произведение Достоевского оказывается некоей записью перформанса. В поэтическом языке «Кроткой» Г. Ш. Хорват обнаруживает феномены «стенограммы», связывающей внутреннее слово говорящего и письменные знаки субъекта текста, обретения субъектом речи онтологического статуса наличия/наличествования путем «освоения» времени (интериоризации «мига»), сгущения мысли и дискурсивного схождения «в точку».

В поэтике «Бесов» освещается соотношение биографического слоя и вымысла в качестве различных фаз формирования мышления и речи и скрывающейся в их очередных формах и самом дискурсивном письме повествующей индивидуальности (субъект биографии, имажинации и фигуры-персоны как субъекта текста). Эти типы личностной субъектности представляют собой разные этапы и онтологические формы выхода за границы обыденного «я». В исследовании освещены различные

⁵¹ См. «Условная исповедь и становление текста романа. Достоевский: „Бесы“»: *Horváth G. S. Fiktív vallomás és szövegműködés. Dosztojevszkij: «Ördögök» // Iskolakultúra. 2006. N 5. O. 28–41; а также «Видение, нарратив о золотом веке и исповедь. Руссо: „Исповедь“, Достоевский: „Бесы“»: *Horváth G. S. Imagináció, aranykor-narratíva és vallomás. Rousseau: «Vallomások», Dosztojevszkij: «Ördögök» // Puskintól Tolsztojig és tovább. Budapest, 2006. O. 257–301.**

⁵² См. «От фантастического дискурса к „звукписи“ Достоевского. Достоевский: „Кроткая“, Виктор Гюго: „Последний день приговоренного к смерти“»: *Horváth G. S. A fantasztikus diskurzustól a «hangírásig». Dosztojevszkij: «A szelíd teremtés», Victor Hugo: «Egy halálraitélt utolsó napja» // Elbeszélés és prózanyelv. Budapest, 2010. O. 24–45; а также «Фикция и медиальность в внутреннем монологе. Достоевский: „Кроткая“, Виктор Гюго: „Последний день приговоренного к смерти“»: *Horváth G. S. Fikció és medialitás a belső monológban. Dosztojevszkij: «A szelíd teremtés», Victor Hugo: «Egy halálraitélt utolsó napja» // Regények, médiumok, kultúrák. Budapest, 2010. O. 141–160; *Хорват Г. Ш. Фантастический дискурс у Достоевского. Внутреннее слово героя и проблема письма в «Кроткой» // Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов. Dostoevsky Monographs. СПб., 2011. Т. 2. С. 133–152.***

воплощения персонального присутствия в речи и письме (в том числе и в их интертекстуальном проявлении), воображения (имажинации) и создания условной реальности. В качестве материала для создаваемой типологии Г.Ш. Хорватом использованы романы «Бесы» и «Подросток», последний, согласно мнению исследователя, содержит аллюзию на произведения Руссо⁵³. В «Бесах» содержится ряд аллюзий на «Бедную Лизу» Н.М. Карамзина⁵⁴, в «Кроткой» исследователем обнаружены аллюзии на «Фауста» Гете и «Последний день приговоренного к смерти» В. Гюго⁵⁵.

С иной точки зрения, в культурно-историческом и философском ключе, проблемный круг соотношения биографии и художественного слова в творчестве Достоевского поднимает А. Дуккон (Ágnes Dukkon), защитившая диссертацию о творческих взаимоотношениях Белинского и Достоевского (1990), а затем опубликовавшая монографию на ту же тему⁵⁶. В ней тема изучена на материале статей и писем Белинского, а также известных воспоминаний Достоевского, использован обширный историко-литературный материал. В центре внимания исследовательницы находится феномен двойничества в философском, эстетическом и психологическом аспектах; формируется концепция «внутреннего человека» в личностях Белинского и Достоевского в связи с вопросом о том, как понятия *лицо* и *маска* определяют ряд вариантов раздвоения личности.

Книге исследовательницы предшествовал ряд статей, в которых рассматривались различные аспекты данной темы, к анализу привлечены литературные документы «замечательного десятилетия»: воспоминания П. Анненкова, переписка Н. Станкевича, В. Боткина, М. Бакунина⁵⁷, целью исследовательницы является выяснение «психограммы» Белинского. В статье находит свое подтверждение вывод А.С. Долина: «Двойник, преследующий его всю жизнь, выросший в его сердце

⁵³ См.: Horváth G.S. Imagináció, aranykor-narratíva és vallomás // Puskintól Tolsztojjig és tovább. Budapest, 2006. O. 257–301.

⁵⁴ Horváth G.S. Fiktív vallomás és szövegműködés. Dosztojevskij: «Ördögök» // Iskolakultúra. 2006. N 5. O. 30–36.

⁵⁵ Horváth G.S. A fantasztikus diskurzustól a «hangírásig». Dosztojevskij: «A szelíd teremtés», Victor Hugo: «Egy halálraítélt utolsó napja» // Elbeszélés és prózanyelv. Szerk.: Horváth K. Budapest: Ráció, 2010. O. 24–45; Horváth G.S. Fikció és medialitás a belső monológban. Dosztojevskij: «A szelíd teremtés», Victor Hugo: «Egy halálraítélt utolsó napja» // Regények, médiumok, kultúrák (Diszkurzívák 10). Szerk.: Kovács Á. Budapest: Argumentum, 2010. O. 141–160; Хорват Г.Ш. Фантастический дискурс у Достоевского. Внутреннее слово героя и проблема письма в «Кроткой» // Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов // Dostoevsky Monographs. A Serial of the Intern. Dostoevsky Soc. Vol. 2. СПб., 2011. C. 140–146.

⁵⁶ См. «Лица и маски. Достоевский и Белинский»: Dukkon Á. Arcok és álarok. Dosztojevskij és Belinszkij. Budapest: Tankönyvkiadó, 1992.

⁵⁷ Дуккон А. К вопросу о некоторых проблемах оценки расхождений между Достоевским и Белинским // Acta Universitatis Szegediensis. Dissertationes Slavicae. XV. 1982. P. 67–84.

неотрывными краями — таков Белинский для Достоевского»⁵⁸. В своей работе Дуккон использует методы экзистенциальной философии, опирается на концепцию С. Кьеркегора о различных «стадиях» пути человека, идущего от «эстетической» через «этическую» к «религиозной сфере» бытия. Упомянутой монографии Дуккон предшествовала работа, в которой было установлено, что шиллеровское «прекрасное и высокое» у Белинского, Достоевского и Ницше видоизменялось под влиянием книги «Единственный и его достояние» М. Штирнера (Max Stirner): у всех трех мыслителей гротескное или трагическое чувство тоски по абсолютным ценностям сочетается с жестоким бунтом и отрицанием общепринятых ценностей⁵⁹. Интерес к книге Штирнера в определенные периоды у всех трех авторов, по мнению Дуккон, свидетельствует о том, что литературные воплощения идеи сверхчеловека у них в равной степени мотивированы глубоким духовным кризисом.

Дуккон рассматривает также вопрос о прототипе «подпольного человека», обнаруживая ряд его черт (самоанализ, саморазоблачение, вера-неверие, ощущение парадоксальности собственной личности и «донкихотства»), которые также связаны с творческим кредо Белинского и его произведениями⁶⁰. По мнению Дуккон, различие заключается в том, что адресат текстов Белинского — реальный человек (см. отношение я-ты), в то время как адресат «подпольного» — безликий, «общий» «другой», в последнем случае возникает псевдиалог с демонизированным двойником. Той же проблеме «двойничества» посвящена статья Дуккон о Достоевском и Гоголе⁶¹, а в другом контексте — работа «Белинский и Достоевский»⁶². Исследовательница указывает на «Записки из подполья» как на связующее звено в ряду ранних и поздних изображений двойника в произведениях Достоевского, равно как и последующую фазу оформления героя, берущего свое начало в образе мечтателя «Белых ночей» и «Петербургских сновидений». Теме снов и сновидений в раннем творчестве Достоевского посвящена специальная статья⁶³, где анализи-

⁵⁸ Там же. С. 84. Ср.: Долинин А. С. Предисловие // Достоевский Ф. Письма. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 10.

⁵⁹ Дуккон А. Жизнь и литературная фикция в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Acta Universitatis Szegediensis. Dissertationes Slavicae XVIII. 1986. P. 185–209.

⁶⁰ См. «Автор–герой–прототип. Примечания к литературному фону повести Достоевского „Записки из подполья“»: Dukkón Á. Szerző–hős–prototípus. Adalékok Dosztojevskij «Feljegyzések az egérllyukból» című kisregényének irodalmi háttéréhez // Tanárképzés és tudomány. Budapest, 1987. Т. 2. О. 270–291; см. также: Дуккон А. Жизнь и литературная фикция в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Acta Universitatis Szegediensis. Dissertationes Slavicae XVIII. 1986. С. 185–209.

⁶¹ Дуккон А. Проблема двойника у Гоголя и Достоевского // Studia Slavica Hung. 1987. N 1–4. P. 207–221.

⁶² См. «Белинский и Достоевский»: Dukkón Á. Belinskij und Dostojevskij // Studia Slavica Hung. 1993. Т. 38, N 1–2. О. 3–7.

⁶³ Dukkón Á. Conception of the Dream and the Vision in Dostoevskij's Early Novels // Studia Slavica Hung. Т. 42. 1997. О. 245–253.

руется круг произведений литературных предшественников писателя, обращавшихся к этой теме (В. Жуковского, А. Погорельского, Э. Гофмана, А. Пушкина, Н. Гоголя, см. анализ «Хозяйки»), и исследуется ряд художественных выражений «сон–мечта–греза–бред».

Об интересе Дуккон к проблеме генезиса и восприятия творчества Достоевского в разных научных и культурных контекстах свидетельствует, помимо прочего, постановка проблемного круга психологии (см. тему «Достоевский и творчество Э. Гофмана и К. Г. Каруса») ⁶⁴. С такой установкой связано и то, что Дуккон пытается выяснить аспекты восприятия Достоевского в Венгрии на фоне философской и духовной культуры разных эпох, в частности венгерского протестантизма ⁶⁵. Симптоматична ситуация, описанная исследовательницей в статье «Духовный фон венгерского культа Достоевского между двумя мировыми войнами» ⁶⁶, когда в 1920-е гг. в Будапеште два издательства соперничали в праве на издание собрания сочинений Достоевского на венгерском языке. Произведения Достоевского переводились с оригинала, а выход в свет отдельных томов сопровождался критическими отзывами и рецензиями, содержательным анализом текстов, сделанным в большинстве случаев лучшими представителями венгерской культуры. В упомянутой статье Дуккон обнажила богатую духовно-культурную основу этого материала и указала ряд перекликающихся мыслей венгерских и зарубежных интерпретаторов Достоевского (труды Г. Гессе, А. Жида, Н. Бердяева были известны и в Венгрии). В статье «Рецепция Достоевского в Венгрии в 1920–1940-е гг. в ключе экзистенциальной философии» Дуккон ищет ответ на следующие вопросы: какие взгляды появились в интерпретациях творчества Достоевского со стороны венгерских протестантских теологов; чем объясняются созвучия их концепций с концепциями европейских, в том числе и русских, мыслителей? ⁶⁷ В венгерской протестантской теологии 1920–1930-х гг. чувствовалось стремление к обновлению привычных взглядов, а также влияние экзистенциальной философии (С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, Н. Бердяева). Книга швейцарского богослова-кальвиниста Э. Турнейзена ⁶⁸ имела большой успех в кругу венгерских кальвинистов и их единомышленников ⁶⁹. Указывая на общие

⁶⁴ Ср., например, постановку вопроса лермонтовских аллюзий в романах Достоевского в статье: *Dukkon Á. Revolt and Suffering in the Lermontov's World and its Reflection by Dostoevsky // Sub Rosa. In honorem Lenae Szilárd. Budapest, 2005. P. 133–138.*

⁶⁵ См.: *Дуккон А. Ф. М. Достоевский в интерпретации венгерских протестантских теологов в 1920–1940-е гг. // Русский язык и литература в общении народов мира. М., 1990. Т. 2. С. 40–41.*

⁶⁶ *Dukkon Á. A két világháború közötti magyar Dosztojevskij-kultusz szellemi háttere // Protestáns Szemle. 1992. N 4. O. 258–270.*

⁶⁷ *Дуккон А. Рецепция Достоевского в Венгрии в 1920–1940-е годы в ключе экзистенциальной философии // Studia Slavica Hung. 2007. Т. 52. № 1–2. С. 87–94.*

⁶⁸ *Thurneysen E. Dostojewski. Zürich; Stuttgart: Zwingli Verlag, 1963.*

⁶⁹ См. статьи К. Уйсаши, Л. Ватаи, унитариянского епископа и философа Б. Варги: *Ujszász K. Dosztojevskij // Péntek estéék. Sárospatak, 1935. O. 15–25; Vatai L. Dosztojevskij.*

элементы в мышлении Бахтина и Ватаи (концепции диалога и свободно-ответственного поступка и др.), Дуккон утверждает, что их компоненты вытекают из общего источника — философского персонализма⁷⁰.

В статье унитариянского епископа и философа Бела Варги (Béla Varga) 1929 г., в которой сравнивается «фаустовский дух» с духом «карамазовским», указано на идейную новизну романа Достоевского⁷¹. К. Уйсаси (K. Ujszászy), находясь под влиянием экзистенциальной философии, посвящает статью 1935 г. типологии характеров «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых»⁷². Оригинальную интерпретацию творчества Достоевского предлагает Ласло Ватаи (László Vatai)⁷³. Следуя логике протестантского богословия, а также часто ссылаясь на английский перевод труда Н. Бердяева «Мирозерцание Достоевского», Ватаи разворачивает концепцию «философии субъективного жизнеощущения», как на это указывает само название его книги: «Достоевский. Субъективное ощущение жизненной философии»⁷⁴.

А. Хаваша (Ágnes Havasi) в своей диссертации и последовавшей за ней монографии изучала церковные таинства православия и проблему изображения положительного героя в романах Достоевского с целью осветить теологически-идейные контексты данного типа изображения⁷⁵. Хаваша определяет свой подход как «комплексный исторический метод», поскольку наряду с исследованием широкого круга текстов, связанных с данной темой (текстовыми вариантами, записками и т. д.), она опирается также на религиоведение, культурологию и искусствоведение. Согласно мнению Хаваша, содержащиеся в этих научных дисциплинах методики могут предоставить новые возможности для изучения творчества Достоевского и привести исследование к ме-

Dosztójevszkij: A szubjektív életérzés filozófiája. Debrecen, 1992. [Первое венгерское издание: 1942.] Ср. англ. перевод: *Vatai L. Man and his tragic life, based on Dostoevsky.* New York, 1954; а также опубликованную в Трансильванском литературном обозрении статью «Фаустовская и карамазовская душа»: *Varga B. A fausti és a karamazovi lélek // Erdélyi Irodalmi Szemle.* 1929. N 2–4. О. 230–240.

⁷⁰ См. еще об общих источниках Бахтина и Ватаи в статье «Случайное совпадение или духовная родственность? Соприкосновения в интерпретациях диалектики Достоевского Бахтиным и венгерским кальвинистским богословом Ласло Ватаи»: *Dukkon Á. Véletlen hasonlóság vagy szellemi rokonság? Érintkezési pontok Dosztójevszkij dialektikájának bahtyini koncepciójában és Vatai László református teológus értelmezésében // Confessio.* 1991. N 4. О. 60–68.

⁷¹ *Varga B. A fausti és a karamazovi lélek. Székfoglaló az Erdélyi Irodalmi Társaságban* 1929. máj. 12-én. Kolozsvár, 1929. О. 230–240.

⁷² *Ujszászy K. Dosztójevszkij // Péntek esték.* Sárospatak, 1935. О. 15–25.

⁷³ *Vatai L. Dosztójevszkij: A szubjektív életérzés filozófiája.* Debrecen, 1992. (Первое венгерское издание: 1942 г.)

⁷⁴ Л. Ватаи в своей монографии не указывает конкретное издание книги Н. Бердяева «Мирозерцание Достоевского».

⁷⁵ См. «Святые Достоевского. Православное церковное происхождение положительно-красивых героев у Достоевского»: *Havasi Á. Dosztójevszkij szentjei. A pozitív szépségű hősök ortodox egyházi eredete.* Budapest: Pápa, 2008.

тодологическому синтезу, не ограничиваясь рамками поэтической, мифопоэтической, нарратологической, философской, психологической или фольклорной методологии. Исходным методологическим пунктом своего исследования Хаваши считает теорему Ю. Тынянова о «литературном факте». Исследовательница применяет эту концепцию для изучения отношения персонажей Достоевского к православной церкви, в частности того, как нравственный идеал православного типа влияет на создание литературного героя.

Следуя своей цели, Хаваши последовательно описывает христоподобные образы персонажей Достоевского: князя Мышкина («Идиот»), старца Тихона («Бесы»), Макара Долгорукого («Подросток»), Зосиму и Алешу («Братья Карамазовы»), а также Христа в поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор» как его единственное непосредственное отображение в творчестве Достоевского. Критерием отбора персонажей было их отношение к православной святости, а также одаренность свойством «благообразия», в связи с этим в круг исследуемых персонажей не попала Соня Мармеладова. Герои Достоевского в пределах этой концепции объяснены как типы (юродивого, странника и старца/монаха) и как словесное воплощение Христова лика (иконы).

В своей работе на тему «Христианские мотивы в романе Достоевского „Идиот“»⁷⁶ В. Лепяхин предлагает выделить ряд форм использования христианских мотивов в романе «Идиот»:

- 1) прямые и скрытые цитаты из Нового завета, парафразы;
- 2) толкование и переосмысление евангельских стихов;
- 3) постановка евангельских заповедей в пограничные ситуации, перевод заповедей в экзистенциальный план (см. поступки-реакции персонажей);
- 4) использование евангельских ситуаций в приземленном контексте;
- 5) использование христианской символики;
- 6) введение в роман религиозно-публицистических дискуссионных тем (вера и неверие, религия и атеизм, православие и католичество, социализм и атеизм, религиозное искусство);
- 7) изображение «положительно прекрасного человека» (князь — Христос).

В работах исследователя развернуты аспекты отображения иконы в контексте творчества и биографии Достоевского, включая истолкования иконных сцен в романах Достоевского и вопроса о влиянии древнерусских сказаний о чудотворных иконах на сюжеты некоторых произведений Достоевского⁷⁷. В главе «Достоевский: икона и образ» своей монографии Лепяхин впервые в литературоведении подробно

⁷⁶ Лепяхин В. Христианские мотивы в романе Достоевского «Идиот». Дис. ... PhD / Университет Аттила Йожефа. Сегед, 1983; ср.: Лепяхин В. Христианские мотивы в романе Достоевского «Идиот» // *Dissertationes Slavicae*. XVI. Szeged, 1984. С. 65–92.

⁷⁷ См., напр.: Лепяхин В. Икона в русской литературе XIX века // Слово.ру: Балтийский акцент. 2011. Вып. 1–2. С. 187–207.

рассматривает разные аспекты влияния иконы и иконопочитания на личную жизнь, мирозерцание и художественное творчество писателя⁷⁸. Особое внимание уделено тем эпизодам, когда икона играет заметную роль в построении сюжета всего произведения или отдельной его части. В рассуждениях о значении и предназначении иконы⁷⁹ Лепяхин обращает основное внимание на три проблемы: 1) символическое «присутствие» иконы в романах писателя, 2) описание «красного угла» у героев и персонажей, 3) богословие образа Достоевского (в частности понимание человека как образа Божия)⁸⁰. В центре внимания исследователя стоят романы «Братья Карамазовы» (эпизод с матерью Алеши, стоящей перед образом, а также красный угол в келье старца Зосимы), «Бесы» (беседа Кириллова со Ставрогиным перед красным углом, в котором зажжена лампада) и рассказ «Кроткая» (перенос иконы, принадлежащей героине рассказа, в красный угол дома будущего мужа). В одной из последних статей⁸¹ Лепяхин выделил три подхода к освещению видов экфрасиса в творчестве Достоевского. Первый основан на специфике объекта описания: святое место, город, архитектурный памятник, живописное полотно, портрет, предмет прикладного искусства и т. п. (макроклассификация по областям искусства и микроклассификация по жанрам). Второй подход — классификация на основе реальности или фиктивности объекта экфрасиса (*экфрасис-проект* — описание живописного произведения в условном наклонении; *экфрасис-фикция* — описание несуществующего произведения как существующего, реального, и *экфрасис реального произведения*). Третий подход основан на характере взаимосвязи между экфрасисом и его объектом (экфрасис-цитация; экфрасис-перевод; экфрасис-психологизация; экфрасис-впечатление или «заражение» — термин, введенный Л. Толстым; экфрасис-предпонимание). Последним материалом по исследуемой теме является статья обобщающего характера, посвященная значению иконы в русской литературе XIX в.⁸²

⁷⁸ Лепяхин В. Достоевский: икона и образ // Икона в изящной словесности. Икона, иконопись, иконописцы, иконопочитание и иконные лавки в русской художественной литературе XIX — начала XX века. Szeged, 1999. С. 191–217.

⁷⁹ Лепяхин В. В. Значение и предназначение иконы. Икона в Церкви, в государственной и личной жизни — по богословским, искусствоведческим, историческим, этнографическим и литературно-художественным источникам. М.: Паломник, 2003. С. 362–367.

⁸⁰ Лепяхин В. Красный угол в русской литературе XIX–XX веков // Икона и иконопочитание глазами русских и иностранцев. М., 2005. С. 229–237.

⁸¹ Лепяхин В. Виды экфрасиса в творчестве Достоевского // F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues / Ф. М. Достоевский в контексте диалогического взаимодействия культур. Budapest: ELTE PhD Programme «Russian Literature and Literary Studies», 2009. С. 315–322.

⁸² Лепяхин В. Икона в русской литературе XIX века // Слово.ру: Балтийский акцент. 2011. Вып. 1–2. С. 187–207.

Т. Сабо (Tünde Szabó) в своей диссертации выдвигает на передний план смысловое определение иконы в произведениях Достоевского⁸³. Икона оказывается сказана с поэтикой изображения женских фигур. Методологическую сердцевину подхода к женским персонажам составляет постановка вопроса об их поэтической функции на основе тщательного анализа трех произведений Достоевского («Хозяйка», «Униженные и оскорбленные», «Кроткая»). В рамках данной темы исследованы следующие аспекты :

1) вопрос о мужских персонажах поставлен в контекст истории концептуализации героя;

2) образы героя и героини определены в их функциональной взаимосвязанности;

3) толкование текстов на уровне их тематическо-мотивной системности происходит путем выяснения связи внутри- и внетекстовых знаковых систем, составляющих, по мнению Сабо, семантическую парадигму с мотивом «образ», «икона»;

4) семантика «иконы» в итоге определена как вторая поэтически-идейная система, трансформирующая ту исходную картину мира, представителем которой является герой. Героиня мотивирует не только преобразование героя в сюжете, но — либо через свои атрибуты иконы Богоматери, либо через связи с Евангелием и с образом Христа — женская фигура способствует созданию формы обозначения через «иконный или вербальный образ».

Другое направление исследовательского труда Сабо по поэтике Достоевского связано с ее интересом к романной поэтике венгерского писателя Шандора Марай (Sándor Márai). Проанализировав романы «Развод в городе Буда» («Válás Budán», 1935), «Угольки» («A gyertyák csonkig égnek», 1942) и «Сестра» («A nővérg», 1946)⁸⁴, она приходит к выводу, что Марай глубоко воспринял художественный опыт Достоевского и Толстого как в плане идейного замысла их произведений, так и в плане художественной формы. Согласно размышлениям Сабо, в основе ранних романов Марай неоднократно встречается сюжетная схема, однозначно восходящая к роману Достоевского «Идиот». В любовных треугольниках (часто не реализованных в конкретных случаях), которые описаны в этих романах, героиня мечется между двумя героями, находящимися в дружеских отношениях, или названными братьями, и впоследствии оказывается убитой. Но онтологическая проблема, стоящая за этой сюжетной схемой, сформирована иначе, чем у Достоевского. Марай волнует прежде всего конфликт между разумом и инстинктами как в личной жизни, так и в

⁸³ См. «Иконичность женских образов в произведениях Ф.М. Достоевского»: Szabó T. Nőalakok és ikonicitás F.M. Dosztojevszkij műveiben. Дис. ... PhD / Eötvös Loránd Tudományegyetem. Budapest, 2001.

⁸⁴ Szabó T. A szerelem emlékezete. Három Márai-regény. Budapest: Orosz Irodalom és Irodalomkutatás ELTE Doktori Program, 2010.

жизни социума, в его произведениях изображены образованные мещане, жители большого города. Марай остро чувствует и переживает разложение созданной и поддержанной мещанским классом культуры и изображает этот процесс, подобно Толстому и Достоевскому, через распад семьи и брака, через измененные отношения между женщиной и мужчиной. В центре наиболее популярного романа Марай «Угольки» также стоят разрушающиеся брак и дружба главных героев, а важнейшим претекстом произведения является повесть Достоевского «Кроткая», как это утверждает сопоставительный анализ двух произведений.

Из двух статей Сабо об «Игроке» Достоевского во второй обращает на себя внимание концептуализация теории хаоса, которая интересует исследовательницу с точки зрения особого типа моделирования уже знакомой/известной данности (ср. понятие «фракталы») ⁸⁵. По мнению Сабо, можно утверждать, что фрактальная структура, проявляющаяся в семантической изоморфии разных уровней произведения, регулирует и его смысловую интерпретацию. В «Игроке», как считает Сабо, таким многоуровневым регулятором является «форма», которая определяет исходную ситуацию романа, лежит в основе любовного конфликта и психологии главного героя, обнаруживается в культурно-мифологическом коде имен и атрибутов действующих в сюжете лиц, проявляется в центральном символе романа, в движении и построении событий и, наконец, продуцируется на метауровне романа как проблема творческого искания новой формы.

Сравнительный мифопоэтический анализ «Бесов» Достоевского, «Серебряного голубя» А. Белого и «Вольфа Солента» Дж.К. Поуиса был предпринят А. Рейхманн (Angelika Reichmann) ⁸⁶. В качестве методологической основы для исследования она избрала мифокритику Э. Гулда со специфическим фокусом на языке, как он толкуется в психоанализе Ж. Лакана, а также теорию карнавала М.М. Бахтина. При анализе также используются результаты мифопоэтических исследований М. Элиаде, Н. Фрая, Е. Мелетинского, В.В. Иванова и В.Н. Топорова, а также психоаналитические истолкования мифа о Нарциссе (Ю. Кристевой) и явления нарциссизма (З. Фрейда, Ж. Лакана).

Рейхманн предложила новое прочтение исповеди Ставрогина и целой главы «У Тихона», в которой, по ее мнению, обнаруживается феномен нарративной идентичности — отражение попытки героя составить историю своего бессознательного в форме явно присутствующего

⁸⁵ Сабо Т. Тема искушения в «Игроке» Ф.М. Достоевского и в «Скупом рыцаре» А.С. Пушкина // Slavica. 2002. Т. XXXI. О. 123–133; Сабо Т. Теория хаоса и «Игрок» Достоевского // Поэтика Достоевского. Статьи и заметки. Riga, 2007. С. 36–44.

⁸⁶ См. «„Аллегории интенции“». Мифы идентичности в наследии Достоевского»: Reichmann A. A «szándék allegóriái». Az identitás mítoszai Dosztojevszkij örökében. Diss. ... PhD / Debreceni Egyetem, 2005 [Электронный ресурс] // <http://ganymedes.lib.unideb.hu:8080/dea/handle/2437/3171> (дата обращения 05.01.14).

личного варианта общеизвестного мифа Золотого века. При этом в исповеди играют важную функцию и метафоры неявного мифа Нарцисса, предполагающие возможность альтернативной интерпретации главы. Рейхманн предполагает, что совместное присутствие этих двух мифов дает возможность для деконструктивного чтения исповеди, главы и, в конечном счете, всего романа Достоевского.

Другие части анализа «Бесов» демонстрируют, как два мифа параллельно влияют на формирование сюжета романа. Рейхманн показывает, что мотивы мифа о Золотом веке органически развиваются в тексте романа: они структурируют прочтение характера Ставрогина для других персонажей романа как вариации солярного героя, а хронотоп «Бесов» — как место и время сошествия солярного героя в преисподнюю. В заключение предполагается, что в то время как вариации мифа солярного героя деконструируются из-за амбивалентности их центральных метафор и самой метафоричности языка, «карнавальная преисподняя» романа лишает героя возможности возвращения и оптимистического развертывания нарратива.

Рейхманн также проводит психоаналитическую интерпретацию мотивов рассказывания истории как формы реализации нарративной идентичности, в результате чего в исповеди Ставрогина обнаруживаются феномены «бесконечной зеркальности», формирующие вариации мифемы истории Нарцисса и в других частях романа Достоевского. В конечном счете нарциссизм интерпретируется как текстопорождающая сила. В остальных главах диссертации Рейхманн модернистские романы «Серебряный голубь» и «Вольф Солент» истолковываются как чтения «Бесов». После выхода в свет своей диссертации Рейхманн более широко использовала компаративистский метод для изучения других английских модернистских романов в качестве пост-текстов «Бесов» Достоевского⁸⁷, в этом случае произведение Достоевского оказывается основой для идентификации персонального или национального нарратива.

Из других работ о творчестве Достоевского, вышедших в последнее время, следует отметить диссертацию Г. Шолти (Gergely Solti), посвященную роману «Идиот»⁸⁸, в которой по-новому осмыслены возможности повествования в свете поднятой в произведении проблемы рассказывания истории. Под «рассказыванием истории» исследователь

⁸⁷ См. «„Маленький Ставрогин“ Олдоса Хаксли — борьба с „Бесами“ Достоевского в романе „Контрапункт“»: *Reichmann A. Huxley's «Little Stavrogin» — Fighting Dostoevsky's «Devils» in «Point Counter Point» // Ann. Inst. Slavici Universitatis Debreceniensis. 2008. Vol. XXXVII. P. 133–152; а также «Под невозможным взглядом Запада. Русская идентичность в видении Джозефа Конрада»: *Reichmann A. Under the (Impossible) Gaze of the West. Joseph Conrad's Vision of Russianness // Ann. Inst. Slavici Universitatis Debreceniensis. 2011. Vol. XXXIX–XL. P. 247–265.**

⁸⁸ См. «„Идиот“ Достоевского. Оформление образа Мышкина в свете поэтической наррации»: *Solti G. Dosztojevszkij: «A félkegyelmű»: Miskin alakjának megformálása a poétikai történetmondás fényében. Дис. ... PhD / Eötvös Loránd Tudományegyetem. Budapest, 2008.*

подразумевает не только повествовательную манеру или нарративные свойства изображения событий. Согласно данному описанию, рассказ — совокупность разных поэтических подсистем, в рамках которых складываются истории в разных формах обозначений и семантической реализации и с разными функциями. Рассказ — это поэтическая системность пересекающихся рядов ведения истории, которые приобретают свое единое, хотя и многосоставное, значение через образ главного героя романа — Мышкина. Уровни изучения этих рядов сводятся к толкованию разного типа событий. Это события, раскрывающиеся в первичном значении действия романа; события, толкуемые на мифопоэтическом уровне и способствующие формированию символической истории; события метафорически создающихся историй в плане интертекстуального и визуального оформления. В диссертации рассматривается взаимосвязь этих уровней, и этой взаимосвязью объясняется целостность истории, воплощенной в смысловом мире «Идиота». В исследовании также указывается, как разные способы создания истории действуют в качестве языка.

В истолковании этого произведения особое место получает выяснение смысла фигуры Мышкина — «Бедного рыцаря» с его межтекстовым сюжетом, в котором центральную роль играет мотив *служения*. Подобным образом интерпретируется и образ Настасьи Филипповны в роли интертекстуальной фигуры Клеопатры на фоне пушкинского интертекста «Египетских ночей». Благодаря такому разбору раскрывается смысл *сострадания* Мышкина; идея сострадания как полного участия в чужих судьбах мотивирует, по мнению Шолты, резкую постановку проблемы полноты и фрагментарности в «Идиоте», соотношенной с признаком разных типов фрагментарных рассказов, которые в целостной поэтической системе, тем не менее, выдают полную историю. С этим вопросом связано изучение в контексте картины «Христос в могиле» Г. Гольбейна-младшего метафоричности Христовой судьбы, реализующей идею красоты. Шолты предлагает концепцию интегральной истории, в которой через образ Мышкина создается единый романый текст Достоевского и слагается целое из системности фрагментарного⁸⁹.

⁸⁹ Обращу внимание и на новые статьи Шолты, опубликованные в последние годы, напр. «Развертывание утопической идеи в „Идиоте“ Достоевского. Мышкин, Настасья Филипповна и Клеопатра»: *Solti G. Az utópikus gondolat kiteljesítése Dosztojevskij «A félkegyelmű» című regényében. Miskin, Nasztaaszja Filippovna és Kleopátra // Utópiák és ellenutópiák. Párbeszéd-kötetek 4. Budapest, 2010. O. 113–129; а также Шолты Г. К истолкованию образа Настасьи Филипповны в свете пушкинских интертекстов. Об интертекстуальном смыслопорождении в романе Достоевского «Идиот» // In Honour of Peeter Torop 60. A Collection of Papers from Young Scholars. Budapest–Tartu, 2010. P. 208–227; кроме того, «Математическая идея в романе Достоевского. К толкованию неевклидовой геометрии»: *Solti G. A matematikai gondolat Dosztojevskij regényében. A «nemeuklideszi geometria» értelmezéséhez // In honorem Hetesi István 70. Olvasatok 3. Budapest, 2012. O. 112–126.**

А. Секереш (Adrienn Szekeres) в своем исследовании ставит перед собой цель создать типологию сновидений Раскольникова («Преступление и наказание»), изображенных в сюжете до совершения героем убийства⁹⁰. В связи с этим автор рассматривает ряд семантически-сюжетных эквивалентностей фигур сновидений и персонажей целого романа, приводя их в соотношение с разными воплощениями образа главного героя (Раскольников до убийства, в роли убийцы, в ходе перерождения и т. д.). Секереш сосредоточивается на аналитическом описании двух сновидений Раскольникова. В поисках их аллюзивного плана она обращается к стихотворениям «До сумерек» Н. А. Некрасова и «Три пальмы» М. Ю. Лермонтова. Она указывает на синтагматический ряд (в котором сновидения и их компоненты сюжетно и мотивически упорядочены), выявляя одновременно и феномен парадигматизации в мотивной системе изображения и сновидений, и романа в целом. С этой проблематикой связано в данной работе изучение композиционного и смыслоформирующего свойства «текста в тексте», и особенно в случае некрасовского интертекста — четкое расслоение пластов моделированных действительностей (сон о прошлом, воспоминание прошлого во сне, сюжетная память некрасовского стихотворения и т. д.)⁹¹.

К. Яхл (Katrin Jahl), исследуя «Преступление и наказание» Достоевского, изучала мифопоэтическую семантику кладоискания и личных имен в романе⁹².

В работе А. Хорват (Ágnes Horváth)⁹³ осмысливается поэтика коллектива в произведении Достоевского и в современной европейской культуре. В выяснении природы межличностных конфликтов в области коллективного существования автор опирается на философию С. Кьеркегора, Ф. Ницше, Л. Шестова и Н. Бердяева, а также известную

⁹⁰ См. «Поэтика сновидений Раскольникова, предшествующих убийству, в романе Достоевского „Преступление и наказание“»: *Szekeres A. Raskolnyikov gyilkosság előtti álmainak poétikája Dosztojevskij «Bűn és bűnhődés» című regényében*. Дис. ... PhD / Eötvös Loránd Tudományegyetem. Budapest, 2008.

⁹¹ Выводы анализа на русском языке см.: *Szekeres A. Poetics of Raskolnikov's Dreams Prior to the Murder in Dostoevsky's Novel «Crime and Punishment»*. Theses Diss. ... PhD / Eötvös Loránd University, Faculty of Arts. «Russian literature and literary research» PhD program. Budapest, 2008. [Электронный ресурс] // <http://doktori.btk.elte.hu/lit/csermeszekeresadrienn/thesis.pdf> (дата обращения 05.01.14); *Секереш А. Как «вписывается» слово Некрасова в текст Достоевского? «До сумерек» в «Преступлении и наказании»* // *Slavica Tergestina*. 2002. Т. 4. О. 137–157.

⁹² *Яхл К. Семантика «Преступления и наказания»*. Дис. ... PhD / Eötvös Loránd Tudományegyetem. Будапешт, 2004; *Яхл К. Семантика «Преступления и наказания»*. Автореф. дис. ... PhD / Eötvös Loránd Tudományegyetem. Budapest, 2004; *Яхл К. К мифопоэтическому пониманию «Преступления и наказания» (мотив клада)* // *Литературоведение XXI века. Анализ текста: метод и результат*. СПб., 1996. С. 172–178; *Яхл К. Сны Раскольникова в перспективе мифопоэтической традиции* // *Slavica Tergestina*. 1998. Т. 6. О. 55–101.

⁹³ См. «Прорыв романной формы. Попытки создания коллектива в романе Достоевского „Идиот“»: *Horváth Á. A regényforma áttörése. Közösségteremtő kísérletek Dosztojevskij «A félkegyelmű» c. regényében*. Diss. ... PhD / JATE. Szeged, 2000.

концепцию Вяч. Иванова о «романе-трагедии» и толкование Ю. Майер-Грефа (Julius Meier-Graefe). На взгляд исследовательницы, с идеей нарушения общественной нормы связано понимание общества и литературного жанра. Герои, стремящиеся к отказу от нормы (Мышкин, Настасья Филипповна, Рогожин, а отчасти и Ипполит), живут не в романе, а в драме. Мышкин, как катализатор, заставляет героев романа сталкиваться с драматичностью темных сил. Конфликт также оценивается в контекстах поэтической структуры диалогов, а их кульминация рассматривается в свете крупных сцен с символическим смыслом. «Здоровье» Мышкина толкуется на основе его способности призывать людей к действию. Хорват проводит аналитическое исследование разных типов объединения людей в сообщества и коллективы (сравниваются, например, сюжетное пространство предыстории и настоящей истории; Петербург и Москва; архаическое и современное общество; до- и послепетровское общество и т. д.). Изучаются предметные и понятийные атрибуты упомянутых коллективов. По мнению исследовательницы, попытки Мышкина создать коллектив приводят к крушению надежд главного героя.

Следует отметить, что венгерские исследователи творчества Достоевского создали серьезный научный потенциал, имеющий более общее теоретико-филологическое значение. Кроме того, венгерские филологи и исследователи вопросов общей теории литературы также систематически обращаются к творчеству Достоевского. Речь идет, например, о статьях Л. Силард (Léna Szilárd) о «Бесах» Достоевского, в которых воссоздана полноценная система мотивов этого произведения, а сам роман осмыслен в широком историко-литературном контексте⁹⁴. Научное признание получила ее книга о карнавале, методологически связанная с Бахтиным, а также с многими достоевскими темами. Следует указать также на роль Г. Ш. Хорвата в венгерских бахтинских исследованиях наших дней, и связь таких исследований с творчеством Достоевского. В этом контексте необходимо назвать раннюю статью А. Ковача 1978 г. и его новейшие труды⁹⁵. Большое значение в венгер-

⁹⁴ Силард Л. От *Бесов* Достоевского к *Петербургу* Андрея Белого. Структура повествования // *Studia Russica*. 1981. Т. IV. С. 71–77; Силард Л. От «Бесов» к «Петербургу». Между полюсами юродства и шутовства (набросок темы) // *Studies in 20th Century Russian Prose*. Stockholm, 1982. P. 180–107; Силард Л. Мотивная структура «Бесов» // *Dostoevsky Studies*. 1983. N 4. P. 139–164; Силард Л. От «Бесов» к «Петербургу». Иерархия семантических структур // *Slavica*. 1984. Т. XXI. P. 141–152.

⁹⁵ См. «Теория карнавала. От Вяч. Иванова до М. Бахтина»: *Szilárd L. A karnevál-elmélet V. Ivanovtól M. Bahtyinig*. Budapest, 1989; также см. «Полифонический роман Достоевского. Михаил Бахтин: Проблемы поэтики Достоевского»: *Horváth G. Dosztojevszkij polifonikus regénye. Mihail Bahtyin: Dosztojevszkij poétikájának problémái* // *Bevezetés a XIX. századi orosz irodalom történetébe I–II*. Budapest, 2006. Т. II. О. 541–564; см. также: *Kovács Á. Mihail Bahtyin prózafelfogásáról. A nyelvfilozófiai megközelítés határai* // *Studia Russica I*, 1978. О. 244–255; *Kovács Á. A regényelmélet módszertanához*. Bahtyin, Lukács, Poszpelov // *Filológiai Közöny*. 1977. N 2–3. О. 319–331; *Kovács Á. A diskurzus*

ской науке и культуре для освоения темы «Достоевский и театр» имеют работы Н. Кирай (Nyina Király)⁹⁶. Способствовала осмыслению творческого наследия русского писателя в Венгрии статья литературоведа и поэта А. Палфи (Ágnes Pálfi)⁹⁷, в которой ставится вопрос о связи между фрагментарной вербальностью мышления в форме внутренней речи и риторическим построением идеологии в поэтике Достоевского. Внутренняя речь в то же время интерпретируется и с точки зрения метапоэтики. В концепцию Палфи включены научные достижения Выготского (внутренняя речь), Бахтина (понятие диалога), Хомского (генеративная грамматика), И. Смирнова и Лотмана (теория текста и жанра), а также некоторых авторов, работы которых вышли в свет в Тарту в начале 1980-х гг. В изложении темы компетентности автора и героя Палфи исходит из концепции Д. Кирая, акцентируя случаи совпадения этих языковых компетенций в «Преступлении и наказании», которые нельзя толковать без анализа внутренней речи в ее связанности с личностными началами⁹⁸. Обратим внимание на книгу И. Месерича (István Meszerics) и диссертации И. Молнара (István Molnár) о Достоевском, а также на две сравнительно новые монографии А. Рейхманн и Ф. Таллара (Ferenc Tallár)⁹⁹.

В завершение обрисовки спектра научных концепций, связанных с критическим осмыслением творчества Достоевского в Венгрии, а также их авторов следует упомянуть молодых исследователей, ведущих нас в будущее. Докторанты в своих работах о творчестве Достоевского разрабатывают интересные темы, поднимая не только новые вопросы, но и смело выбирая уже известные в международной достоевистике предметы изучения, стремясь осветить их по-новому. Э. Шаркозине

cselekményelméleti gyökerei Mihail Bahtyin gondolkodásában // Irodalomtörténet. 2010. N 3. O. 303–331.

⁹⁶ См. напр. «Куда идет польский театр»: *Király N. Merre tart a lengyel színház? // Világszínház. Budapest, OSZMI. 1984. Aug. O. 17–30*; а также «Театр среди гор (teatr Witkacy в Закопане)»: *Király N. Színház a hegyek között (A zakopanei Witkacy színház) // Színház. 1992. Május. O. 44–47; Kupaï H. Достоевский: «Кроткая» — театр памяти // Dostoevsky Studies. 2000. N 4. C. 61–71*; см. «Достоевский: „Кроткая“ — театр памяти»: *Király N. Dosztojevskij: A szelíd teremtés — az emlékezés színháza // Palócföld. 2003. N 2. O. 197–207*.

⁹⁷ *Pálfi Á. A belső beszéd metanyelvi funkciója a «Bűn és bűnhődés» narratív építkezésében // Studia Russica. 1987. Vol. XI. Budapest, O. 205–256*.

⁹⁸ С проблематикой внутренней речи связан и анализ А. Палфи первой главы «Игрока»: *Pálfi Á. Dosztojevskij: A játékos // Pálfi Á. Puskin-elemzések (Vers és próza). Budapest, 1997. O. 78–89*.

⁹⁹ См. *Meszerics I. Dosztojevskij szellemi drámája. Budapest, 1974; Molnár I. A szó és a kép viszonyának kérdéséhez. «Ikonfestészet», «fordított perspektíva», «nézőpont» Dosztojevskij két regényében. Budapest, 1988; Molnár I. Isten–Halál–Álom–Alkotás. A halott Krisztus beszédétől a visszatérő Krisztus hallgatásáig (Jean Paul és Dosztojevskij kapcsolatának kérdéséhez). Дис. ... канд. филол. наук / Академия наук ВНР (МТА). Budapest, 1997; Tallár F. Mítosz és regény. Dosztojevskij «A Karamazov testvérek» c. művének értelmezéséhez. Budapest, 2011; Reichmann A. Desire–Narrative–Identity. Dostoevsky's Devils in English Modernism. Eger, 2012*.

Вандан (E. Sárköziné Vandan) в своих статьях рассматривает темы Петербурга Достоевского, «подпольного человека» Достоевского как подростка, а также и понятие «дитя» в романе «Братья Карамазовы»¹⁰⁰. Э. Энгелне Надь (É. Engelné Nagy) исследует роман Достоевского «Бесы»¹⁰¹. Студенты, изучающие русскую филологию на венгерских университетских кафедрах, с неустанным вниманием и энтузиазмом читают Достоевского, с неослабевающим усердием пытаются понять его удивительно сложный художественный мир. Хотя и в наши дни заметно возрастает интерес молодых читателей к современной литературе, Федор Михайлович Достоевский был и останется одной из ключевых творческих личностей, занимающих культурное и научное мышление в Венгрии.

¹⁰⁰ Шаркозине Вандан Э. Петербург Достоевского как текстопорождающий локус // *Slovanské jazyky a literatúra: Hľadání identity*. Praha, 2009. S. 335–343; см. «Подпольный герой Достоевского как *подросток* или поиски мотива *незаконченности* в „Записках из подполья“»: *Sárköziné Vandan E. Dosztojevszkij Odúlakója mint kamasz. A «Feljegyzések az egérlukból» c. elbeszélés értelmezéséhez // Adsumus VIII. Tanulmányok a X. Eötvös Konferencia előadásaiból*. Budapest, 2010. O. 158–173; *Шаркозине Вандан Э. Репрезентация концепта «дитя» в романе Достоевского «Братья Карамазовы» // In honour of Peeter Torop 60. A Collection of Papers from Young Scholars*. Budapest; Tartu, 2010. С. 137–150.

¹⁰¹ См. «Некоторые поэтические вопросы романа Ф. М. Достоевского „Бесы“». Значимость и функция Степана Трофимовича: *Engelné Nagy É. Dosztojevszkij «Ördögök» című regényének néhány poétikai kérdése. Szytepan Trofimovics alakjának jelentősége és funkciója // Adsumus IV. Tanulmányok a VI. Eötvös Konferencia előadásaiból*. Budapest, 2006. O. 73–95; а также «О некоторых проблемах фикциональных моделей в романе Ф. М. Достоевского „Бесы“»: *Engelné Nagy É. A fikcionális modellek néhány problémájáról F. M. Dosztojevszkij «Ördögök» című regényében // Adsumus VI. Tanulmányok a VIII. Eötvös Konferencia előadásaiból*. Budapest, 2008. O. 174–195; и статью «Фикционализация и интертекстуальность — о некоторых проблемах появления темы Фауста в романе Ф. М. Достоевского „Бесы“»: *Engelné Nagy É. Fikcionalizálás és intertextualitás — a Faust-téma megjelenésének néhány problémájáról F. M. Dosztojevszkij «Ördögök» című regényében // Adsumus VIII. Tanulmányok a X. Eötvös Konferencia előadásaiból*. Budapest, 2010. O. 29–49.

С. ЯНГ

ВОСПРИЯТИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1971–2011 гг.)

Поставив задачу сделать обзор исследований некоего объекта в той или иной национальной научной традиции, мы сразу же оказываемся перед необходимостью определить параметры отбора исследуемых объектов¹. В настоящей статье речь идет о публикациях работ тех исследователей, литературных критиков и переводчиков, которые значительную часть своей профессиональной деятельности провели или проводят в Великобритании. Соответственно, среди них названы ученые, перебравшиеся на работу в университеты других стран либо переселившиеся в Великобританию не в самом начале карьеры. Их же имена, естественно, могут быть упомянуты в обзорах исследований творчества Достоевского, проведенных в других странах и регионах мира. При этом место публикации работы мы не учитываем, поскольку нет ничего более естественного для современного ученого, чем размещать свои труды в международных изданиях и журналах. Британцы же, особенно в последние годы, все более ориентируются на ведущие мировые журналы и книжные серии.

Вклад живущих или живших в Британии исследователей в рецепцию и исследование творчества Достоевского многообразен. Популярность Достоевского на Британских островах и в Северной Америке поддерживается постоянным появлением новых переводов, выполненных англоговорящими переводчиками. Это прежде всего Д. Мак-Дафф (D. McDuff) (издательство «Penguin Books»), И. Авсей (I. Avsey), Р. Фриборн (R. Freeborn), А. Майерс (A. Myers) (издательство «Oxford University Press») и Х. Эплин (H. Aplin) («Hesperus Press»)². Эти и дру-

¹ Я хотела бы поблагодарить М. Джоунса за его существенные замечания к первому варианту настоящей статьи, которые были для меня бесценным подспорьем в ходе ее переработки.

² Д. Мак-Дафф перевел «Записки из Мертвого дома» (Лондон, 1983), «Бедных людей» (Лондон, 1988), «Дядюшкин сон» и другие рассказы (Лондон, 1989), «Преступление и наказание» (Лондон, 1991), «Братьев Карамазовых» (Лондон, 1993); А. Майерс — роман «Идиот» (Оксфорд, 1992); Р. Фриборн — «Подросток» (Оксфорд, 1994); И. Авсей — «Село Степанчиково и его обитатели» (Лондон, 1995), «Братьев Карамазовых» (Оксфорд, 1998), «Униженных и оскорбленных» (Ричмонд, 2008); Х. Эплин — «Двойника» (Лондон, 2004), «Записки из подполья» (Лондон, 2006).

гие англоязычные издания сопровождаются предисловиями таких видных исследователей творчества Достоевского, как М. В. Джоунс (M. V. Jones), У. Лезербарроу (W. Leatherbarrow) и недавно скончавшийся Р. Пис (R. Pease)³.

Период 1970–1990-х гг. был отмечен расцветом университетского преподавания достоевведения, когда фигурами, определявшими эту тенденцию, были Джоунс (M. V. Jones) (университет Ноттингема), Лезербарроу (W. Leatherbarrow) (университет Шеффилда), Пис (R. Pease) и Д. Офффорд (D. Offord) (университет Бристоля), а также Дж. Бёртнес (J. Vørtnes), И. Кириллова (I. Kirillova) и Д. Томпсон (D. Thompson) (Кембриджский университет). В последние годы выход в отставку нескольких профессоров старшего поколения, закрытие небольших русских отделений и перемена общей моды в преподавании достоевведения привели к тому, что литературоведение уступило перед экспансией культурологии. Нельзя, впрочем, сказать, что курсы по изучению творчества Достоевского исчезли из программы; ими занялись ученые нового поколения — Р. Коутс (R. Coates), С. Хадспис (S. Hudpsith) и С. Янг (S. Young), пополнившие ряды таких мэтров, как Д. Эндрю (J. Andrew), Офффорд и недавно скончавшаяся Томпсон.

Британские ученые внесли свой вклад и в создание учебных пособий по творчеству Достоевского на английском языке. Студентам и широкому кругу читателей предназначены краткая биография Достоевского, написанная Р. Фриборном (R. Freeborn)⁴, и пособия для студентов, в которых их авторы — П. Конради (P. Conradi), Пис (R. Pease) и Лезербарроу (W. Leatherbarrow) — дают обзор основных тем и идей творчества русского классика⁵. Кроме того, имеются два сборника статей, также ориентированных на широкий круг читателей (в том числе и на

³ Р. Хингли написал предисловие к английскому переводу «Записок из Мертвого дома» (*Hingley R. Introduction // Memoirs from the House of the Dead / Transl. J. Coulson. Oxford, 1983. P. VII–XVIII*); М. В. Джоунс — к «Запискам из подполья» и «Игроку» (*Jones M. V. Introduction // Dostoevsky F. «Notes from Underground» and «The Gambler» / Transl. J. Kentish. Oxford, 1991. P. VII–XXV*) и к «Братьям Карамазовым» (*Jones M. V. Introduction // Dostoevsky F. The Brothers Karamazov / Transl. R. Peavear, L. Volokhonsky. N. Y., 1992. P. V–XXIX*); В. Лезербарроу снабдил введениями переводы следующих романов и повестей Достоевского: «Идиот» (*Leatherbarrow W. J. Introduction // Dostoevsky F. The Idiot / Transl. A. Myers. Oxford, 1992. P. VII–XXII*), «Бедные люди» и «Игрок» (*Leatherbarrow W. J. Introduction // «Poor Folk» and «The Gambler». L., 1994. P. XVII–XXV*), книгу «Кроткая» и другие рассказы (*Leatherbarrow W. J. Introduction // «A Gentle Creature» and other stories / Transl. A. Myers. Oxford, 1996. P. VII–XXIII*); Р. Пис — автор предисловия к английскому переводу «Преступления и наказания» (*Peace R. Introduction // Crime and Punishment / Transl. J. Coulson. Oxford, 1998. P. VII–XXIII*).

⁴ *Freeborn R. Dostoevsky // Life and Times. L., 2003.*

⁵ *Conradi P. Dostoevsky // MacMillan Modern Novelists. Basingstoke, 1988; Peace R. Dostoevsky's «Notes from Underground» // Critical Studies in Russian Literature. L., 1993; Leatherbarrow W. J. Fyodor Dostoyevsky: «The Brothers Karamazov» // Landmarks of world literature. Cambridge, 1992.*

студентов): в одном объединены старые и новые работы, посвященные «Бесам», в другом — наиболее известные статьи британских, американских и российских ученых о «Преступлении и наказании», написанные между 1961 и 1996 гг.⁶

Хотя в целом британские студенты все меньше слышат на лекциях о Достоевском, на магистерском уровне к творчеству писателя сохраняется устойчивый исследовательский интерес. Достоевскому были посвящены следующие работы, по уровню приблизительно аналогичные российским кандидатским диссертациям: «Функция цитаты у Достоевского» С. К. Найта (S. C. Knight) (университет Эссекса, 1976); «„Братья Карамазовы“ Достоевского и поэтика памяти» Томпсон (Кембридж, 1986); «Политические и социальные идеи Ф. М. Достоевского (преимущественно в романе „Бесы“» С. К. Картер (S. K. Carter) (Лондонская школа экономики, 1987); «Конрад и Достоевский: неожиданное родство» Р. Дж. Берри (R. J. Berry) (университет Стерлинга, 1993); «Самосовершенствование и самопознание в произведениях Достоевского» С. Крисмас (S. Christmas) (Кембридж, 1998); «Восприятие Достоевского в Великобритании (1869–1935)» Л. Аиелло (L. Aiello) (университет Шеффилда, 2000); «Достоевский и славянофильство: новый взгляд на единство и братство» С. Хадспис (S. Hudspith) (университет Шеффилда, 2000); «Чтение, повествование, создание сюжета: психо-поэтические стратегии в „Идиоте“ Достоевского» С. Янг (S. Young) (университет Ноттинггема, 2001); «Достоевский, женщины и Священное Писание: теологический взгляд с позиции феминизма» К. Дж. Бриггс (K. J. Briggs) (университет Бирмингема, 2007) и «Библия в романах Достоевского» Д. Брауера (D. Brower) (университетский колледж Лондона, 2009). Благодаря этим исследованиям обновился интерес к Достоевскому прежде всего как к религиозному писателю, по-новому осмыслены его роль консервативного мыслителя, гендерная проблематика и повествовательная форма его романов, а также компаративные и интертекстуальные подходы к его творчеству. После того как закончился начальный этап общих исследований творчества и биографии Достоевского, перечисленные работы в последние тридцать лет составили основное содержание достоевведения в Великобритании. Далее мы рассмотрим монографии о Достоевском, написанные британскими учеными, а в завершение представим тематический обзор посвященных Достоевскому статей.

Первым в ряду общих исследований творчества Достоевского, созданных крупными британскими учеными, стоит труд Писа⁷. Разбирая в основном «Записки из подполья» и поздние романы Достоевского,

⁶ Dostoevsky's «The Devils»: A Critical Companion / Ed. W. J. Leatherbarrow. Evanston, 1999; Fyodor Dostoevsky's «Crime and Punishment»: A Casebook / Ed. R. Peace. Oxford; N. Y., 2006.

⁷ Peace R. Dostoyevsky: An Examination of the Major Novels. Cambridge, 1971.

Пис исследует символические аспекты текста, особое внимание уделяя мотивам религиозного сектантства.

Первая монография Джоунса, напротив, посвящена главным образом структуре романов Достоевского в ее связи с психологией героев. Джоунс предложил в ней концепцию «разлада» как свойства, определяющего не только атмосферу, в которой разворачивается действие романов Достоевского, но и их беспрецедентную форму⁸.

Р. Хингли (R. Hingley), автор биографии Достоевского, фиксирует в своем труде прежде всего парадоксы и крайности творчества писателя, рассуждая о генетической связи литературных произведений со сложностями и противоречиями личности и опыта их автора⁹.

В монографии Лезербарроу 1981 г. речь идет не только о четырех главных романах Достоевского и повести «Записки из подполья», как это принято в большинстве исследований, но рассматриваются и ранние произведения писателя: «Униженные и оскорбленные» и «Подросток»¹⁰. Размышляя прежде всего в контексте европейской истории идей, Лезербарроу останавливается на представлении Достоевского о двойственности человеческой природы, которое удаляет русского писателя от просвещенческого оптимизма. Описывая эстетическую систему Достоевского, фундированную нравственной неопределенностью и всеми сомнениями своего века, Лезербарроу показывает, как прерывистость повествования, постоянная смена нарративных точек зрения и полифония голосов помогают писателю создать многообразные изображаемые реальности — в противоположность Толстому с его более устойчивыми повествовательной формой и художественным миром.

Труд Дж. Джонса (J. Jones) — последнее исследование творчества Достоевского, вышедшее в свет перед тем, как первенство в этой области захватили теоретические подходы. Исследование имеет общий характер и рассматривает главным образом техники повествования. Обращая необычно много внимания на ранние произведения писателя и на понятие двойничества, Джонс целую главу посвящает «Запискам из Мертвого дома», игнорируя при этом роман «Идиот», который он расценивает как «неудачу» на том основании, что «здесь использовано спокойное и традиционное повествование от третьего лица»¹¹ — мнение, с которым многие не согласятся.

В 1970–1990-х гг. появился ряд работ, ориентированных на философские аспекты творчества Достоевского. А. Б. Гибсон (A. B. Gibson) рассматривает конфликт веры и сомнения как проявление двойственности самого автора и породившей его социальной среды. Подчер-

⁸ Jones M. V. *Dostoyevsky: The Novel of Discord*. L., 1976.

⁹ Hingley R. *Dostoyevsky: His Life and Work*. L., 1978.

¹⁰ Leatherbarrow W. J. *Fedor Dostoyevsky*. Boston, 1981.

¹¹ Jones J. *Dostoyevsky*. Oxford, 1985. P. X.

живая моменты развития и изменения в творческой биографии Достоевского, он доказывает, что писатель не отвергал выводов разума, но считал их лишь отправной точкой для последующего движения мысли¹².

Вклад Достоевского в философию религии — предмет важного междисциплинарного труда С. Сазерленда (S. Sutherland), в котором витгенштейновское понятие «форм жизни» используется для исследования природы атеизма Ивана Карамазова и разновидностей веры и сомнения, характерных для других персонажей романа, а также роли их разговоров о религии¹³.

А. Д. Наттол (A. D. Nuttall) в своей книге о «Преступлении и наказании» также размышляет прежде всего о моральных аспектах и философских смыслах произведения, отказываясь от структуралистских и формалистских подходов и предпочитая жанр философской психологии¹⁴.

«Достоевский после Бахтина» Джоунса открыл новое направление британских исследований Достоевского. Это первая монография, в которой теории Бахтина последовательно и глубоко рассмотрены и соотнесены с трудами других теоретиков и критиков литературы¹⁵. Выделяя в первую очередь подрывные и разрушительные аспекты диалога, и внутреннего, и внешнего, которые Бахтин слишком часто нивелирует, Джоунс представляет зрелые романы Достоевского как «машину», сводящую с ума всех действующих лиц, а заодно и читателя. Он также рассматривает диалогические отношения Достоевского с предшественниками, прежде всего с Руссо, и христианский контекст «Братьев Карамазовых». Последняя тема будет занимать Джоунса всю его последующую творческую жизнь и в 2005 г. увенчается выходом книги «Достоевский и динамика религиозного опыта», речь о которой идет далее.

Религиозный контекст и смысл финального романа Достоевского занимает и Томпсон. Она стала первым в Британии литературоведом, серьезно обдумавшим «православный поворот» в достоевеведении¹⁶. Необычайно глубоко и скрупулезно исследуя «Братьев Карамазовых», Томпсон отвела проблемам авторской речи и повествовательных

¹² Gibson A. B. *The Religion of Dostoevsky*. L., 1973.

¹³ Sutherland S. R. *Atheism and the Rejection of God: Contemporary Philosophy and «The Brothers Karamazov»*. Oxford, 1977.

¹⁴ Nuttall A. D. *Dostoevsky's «Crime and Punishment»: Murder as a Philosophic Experiment*. Edinburgh, 1978.

¹⁵ Jones M. V. *Dostoyevsky after Bakhtin: Readings in Dostoyevsky's Fantastic Realism*. Cambridge, 1990. См. также: Джоунс М. В. Достоевский после Бахтина: исследование фантастического реализма Достоевского / Пер. А. Скидан. СПб., 1998.

¹⁶ Thompson D. O. *«The Brothers Karamazov» and the Poetics of Memory*. Cambridge, 1991. См. также: Томпсон Д. О. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти / Пер. Н. М. Жутовской. СПб., 2000.

приемов центральную роль в выяснении смысла памяти в романе и ее места в системе добра и зла, а также вопросов веры и атеизма. Проведенный в этой книге анализ роли прошлого, настоящего и будущего, различных типов сюжета (практического, идеологического и библейского) и связанных с ними форм представления будущего и предвосхищения сводит воедино разные нити романа и при помощи множества разнообразных и небанальных способов демонстрирует, как христианская поэтика Достоевского вплетена в текстуру его романа.

С. Хадспис (S. Hudspith) внесла свой вклад в британское достоеведение, тщательно разобрав фикциональные и нефикциональные произведения Достоевского в контексте славянофильских идей, что позволило описать соотношение в творчестве писателя вопросов нравственности и национальности¹⁷. Исследовательница рассмотрела обращение Достоевского к категории «соборности» и интерпретировала его прозу с точки зрения противоречия между «персидским» принципом органической целостности и «кушитским» принципом фрагментарности, представляющим собой следствие доминирования разума: в этой парадигме «подпольный» человек оказывается узником кушитского мира детерминистского мышления и его логических выводов. Проанализировав значительную часть произведений Достоевского, Хадспис создала книгу, превосходящую по объему исследований большинство трудов британских литературоведов, поскольку в ней пристальное внимание уделено «Запискам из Мертвого дома» и «Дневнику писателя»; последнее произведение рассматривается как «исследование русскости»¹⁸.

Книга С. Янг (S. Young) уже по охвату произведений Достоевского в большей степени теоретична, ее предмет — роман «Идиот» как переходный текст в эволюции поэтики Достоевского, поскольку именно в нем писатель глубоко исследует возможность изобразить жизнь духа¹⁹. Рассматривая взаимоотношения персонажей и их склонность рассказывать как о себе самих, так и о других, особенно о князе Мышкине, исследовательница развивает концепцию «осюжечивания», с помощью которой описываются варианты использования этих рассказов — в добрых или злых целях, ради влияния и манипулирования как собственно персонажами романа, так и повествовательной формой. По мере того как герои романа становятся одновременно читателями и рассказчиками, между ними стираются различия и рассказчик утрачивает свое авторитетное положение. Следствием этого оказывается все возрастающая ненадежность рассказчика и его двойственность отношения к Мышки-

¹⁷ *Hudspith S. F. Dostoevsky and the Idea of Russianness: A New Perspective on Unity and Brotherhood. L.; N. Y., 2004.*

¹⁸ *Ibid. P. 64.*

¹⁹ *Young S. Dostoevsky's «The Idiot» and the Ethical Foundations of Narrative: Reading, Narrating, Scripting. L., 2004.*

ну, что в конечном счете подводит к проблеме изображения «положительно прекрасного человека».

Лезербарроу в своей книге «Бесовский водевиль» обращается к разнообразным истокам демонического — русскому фольклору, православной теологии, европейской и русской литературной традиции, объединенным в творчестве Достоевского²⁰. Пристальное прочтение семиотических маркеров демонического позволяет раскрыть многообразие его смыслов, от роли в формировании безбожного мира европеизированных антигероев-интеллектуалов до демонических импликаций самого акта сочинительства. Таким образом, это исследование позволяет, помимо прочего, понять, каким образом интерес Достоевского к «посторонности» определяет особенности его поэтики.

Джоунс в своей книге «Достоевский и динамика религиозного опыта» возвращается к вопросам внутренних противоречий в диалогической системе Достоевского, составивших центральную тему его ранней монографии «Достоевский после Бахтина», однако теперь Джоунса интересует прежде всего религиозная амбивалентность центральных произведений Достоевского, где, как утверждает исследователь, представлены все аспекты религиозного опыта, но с акцентом на его негативной стороне — сомнении и неверии²¹. Неизменный обертон веры Достоевского в бессмертие человеческой души — мысль о том, что жизнь на земле несовершенна — выводит на первый план в фикциональном мире писателя, по мнению Джоунса, не собственно обретение веры, а ведущий к нему путь. Тут же исследователь раскрывает связь между обратной стороной веры — неверием в возможность абсолютной и последней истины — и нестабильностью и ненадежностью повествования, столь характерными для писательского стиля Достоевского. Выявляя проблемы, как идейные, так и очевидные, прочтения Достоевского в религиозном ключе, Джоунс не отрицает важной роли православия в индивидуальном мировоззрении писателя или того, что проблематика веры в его сочинениях часто — хотя и не всегда и не однозначно — имеет православную окраску. Он лишь уточняет, что при исследовании религиозности Достоевского необходимо принимать в расчет также отчаяние и неверие, поскольку они составляют значимую часть изображаемого писателем религиозного опыта.

Одно из самых примечательных явлений в британских исследованиях духовных оснований творчества Достоевского — труд бывшего архиепископа Кентерберийского Р. Уильямса (R. Williams)²², вышедший в свет в 2008 г. Сфера академических интересов преподобного

²⁰ *Leatherbarrow W. J. A Devil's Vaudeville: The Demonic in Dostoevsky's Major Fiction.* Evanston, 2005.

²¹ *Jones M. V. Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience.* L., 2005.

²² *Williams R. Dostoevsky: Language, Faith and Fiction.* L., 2008.

Уильямса, в совершенстве владеющего русским языком, связана с русским православием со времен его работы над диссертационным сочинением о теологии В. Лосского. Он также известен как поэт и переводчик валлийской поэзии, книга же о Достоевском — первый опыт теолога в области литературоведения. В этом труде, озаглавленном «Достоевский: язык, вера, литература», автор проводит аналогию между божественным актом творения и актом сочинительства в произведениях Достоевского. Следствием этой аналогии, по его мнению, является воплощение в текстах писателя разных вариантов человеческого существования, определяемых степенями веры и ее отсутствия. Можно возразить, что в книге не учтено опровержение Бога в произведениях Достоевского, или недостаточно внимания уделено роману «Идиот», но всё же монография преподавателя Уильямса остается тонким и глубокомысленным исследованием. Кроме того, положение Уильямса в британском обществе и в международной церковной иерархии означает, что круг читателей его книги намного шире того, что доступен другим исследователям русской литературы, представляющим свои сочинения в англоговорящем мире, так что эта книга, во всяком случае, откроет Достоевского множеству новых читателей.

Преимущественное внимание к религиозной интерпретации произведений литературы нашло свое недавнее выражение в книге К. Дж. Бриггс (K. J. Briggs), исследовавшей духовный опыт женских персонажей в творчестве Достоевского²³. Встав на точку зрения феминистской теологии, Бриггс утверждает, что роль женщин в духовной проблематике произведений Достоевского — их место в семье, отношение к вере, противостояние злу — делает героинь нравственным камнем его художественного мира.

Невозможно переоценить тот вклад в мировое достоеведение, который составило библиографическое исследование Лезербарроу «Путеводитель по Достоевскому»²⁴. В нем перечислены, год за годом, все посвященные Достоевскому публикации, вышедшие в свет с 1846 по 1988 г. на русском, английском и основных европейских языках, с краткими и точными характеристиками каждого труда, включая переиздания и переводы.

Наряду с работами, посвященными преимущественно Достоевскому, можно выделить ряд компаративных исследований. Дж. Эндрю (J. Andrew) в двух своих книгах анализирует вопросы гендера и сексуальности в русской литературе XIX в. и их влияние на повествовательную форму. В первой из них — «Нарратив и желание» — рассматривается повесть Достоевского «Неточка Незванова», и прежде всего то,

²³ Briggs K.J. How Dostoevsky Portrays Women in his Novels: A Feminist Analysis. Lampeter, 2009.

²⁴ Leatherbarrow W.J. Fedor Dostoevsky: A Reference Guide. Boston, 1990.

как Неточка, принимая патриархальный нарратив Ефимова, отвергает, вплоть до вытеснения воспоминаний, нарратив матери²⁵. Во второй книге — «Нарратив, пространство и гендер» — главы, посвященные повестям «Бедные люди» и «Белые ночи», представляют собой полемику с традиционным представлением о воплощенных в них гендерных моделях, о распределении ролей невинной жертвы и соблазнителя. Для Эндрю женоненавистничество «подпольного» человека составляет доминанту его личности и поступков²⁶.

У. Додд (W. J. Dodd), посвятив свое исследование диалогу Франца Кафки с Достоевским, раскрыв ключевую роль русского писателя в формировании поэтики Кафки 1912–1915 гг. О глубине проникновения Кафки в мир романов Достоевского свидетельствует роль «Двойника» в формировании не только системы мотивов, но и художественной формы рассказа Кафки «Превращение», а также в разработке проблематики вины, наказания, справедливости, власти и внутренней целостности личности в романе «Процесс»²⁷.

В двух посвященных Бахтину монографиях Р. Коутс (R. Coates) и К. Брандиста (C. Brandist) значительное внимание уделено «Проблемам творчества Достоевского» и бахтинскому представлению о карнавальности у Достоевского²⁸.

В сборнике статей Ф. Зили (F. Seeley), британского ученого, переехавшего в Соединенные Штаты, есть работы, посвященные Достоевскому. В книге «Спаситель или сверхчеловек?» разные персонажи Достоевского анализируются на пересечении психологии и идеологии²⁹.

В Британии, как и в других странах, религиозные и социально-политические аспекты творчества Достоевского привлекали ученых из смежных сфер знания. Известный теолог Д. Николл (D. Nicholl) рассматривает жизнь Достоевского как воплощение духа русского православия, а роман «Братья Карамазовы» — как духовный «подвиг» писателя³⁰.

В исследовании П. Данкэна (P. J. S. Duncan), посвященном роли мессианизма в интеллектуальной и политической жизни России, раскрывается широкий спектр идей Достоевского как публициста и писателя. В частности, анализируются его антисемитские высказывания в соотне-

²⁵ *Andrew J. Narrative and Desire in Russian Literature 1822–1849: the Feminine and the Masculine.* Amsterdam; N. Y., 1993. P. 214–226.

²⁶ *Andrew J. Narrative, Space and Gender in Russian Fiction, 1846–1903.* Amsterdam; N. Y., 2007. P. 23–62, 131–156.

²⁷ *Dodd W. J. Kafka and Dostoyevsky: The Shaping of Influence.* Basingstoke, 1992.

²⁸ *Brandist C. The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics.* L., 2002. P. 88–104; *Coates R. Christianity in Bakhtin: God and the Exiled Author.* Cambridge, 1998. P. 84–102.

²⁹ *Seeley F. F. Saviour or Superman? Old and New Essays on Tolstoy and Dostoevsky.* Nottingham, 1999.

³⁰ *Nicholl D. Triumphs of the Spirit in Russia.* L., 1997. P. 119–176.

сении с концепцией «еврейства» Маркса и верой самого Достоевского в то, что русский народ — это народ-богоносец³¹.

Несколько британских ученых выступили составителями посвященных Достоевскому сборников статей. Редактор и авторы сборника «Ф. М. Достоевский (1821–1881): к столетию со дня рождения», в числе которых Э. Джое (A. Johae) и Л. М. О’Тул (L. M. O’Toole), связаны с факультетами литературы, языка и лингвистических исследований университета Эссекса³². Структурные разборы «Кроткой» и «Подростка» соседствуют в упомянутом сборнике с интертекстуальными работами о Достоевском и Э. А. По, Т. С. Элиоте. Особенно пристальное внимание уделено «Братьям Карамазовым»: П. Симпсон (P. Simpson) анализирует диалог Вяч. Иванова и А. Камю с Иваном Карамазовым; в других статьях сборника анализ идеологических и психологических оснований творчества Достоевского также опирается в основном на последний роман писателя.

В сборнике «Новые работы о Достоевском» представлены статьи британских и американских ученых, тематически он охватывает сочинения Достоевского, написанные до ссылки, а также его основные романы. Кроме того, в сборнике есть эссе, посвященные религиозной и философской проблематике³³. Так, решительное, хотя и не без вызова, рассуждение протоиерея Сергия Гаккеля об амбивалентности разговоров старца Зосимы в отношении православия подводит читателя к выводу, что в «Братьях Карамазовых» авторское высказывание о вере в Бога весьма уклончиво и скорее свидетельствует о вере писателя в почву и космос, а также в народный дух. В статье Сазерленда соотнесено понимание Достоевским проблемы «я» и личной свободы с современными философскими воззрениями и показано, в частности, как отрицание «подпольным» человеком детерминизма обрекает его речь на бессвязность. Как и в более ранней своей книге³⁴, Сазерленд подчеркивает могучую способность Достоевского основывать художественный мир своих романов на наиболее важных философских дилеммах, стоящих перед человечеством. Также в сборник включены обзор структуралистских и формалистских подходов к творчеству Достоевского К. Пайка (C. Pike) и библиографическое эссе Г. Терри (G. Terry) об исследованиях творчества Достоевского в Великобритании, проведенных до 1980 г. Джоунс должен быть упомянут здесь еще раз как редактор-составитель сборника «Достоевский в двадцатом веке»³⁵, в который вош-

³¹ *Duncan P.J. S. Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After.* L.; N. Y., 2000. P. 32–41 and passim.

³² *F. M. Dostoevsky (1821–1881): A Centenary Collection / Ed. L. Burnett. Colchester, 1981.*

³³ *New Essays on Dostoyevsky / Ed. M. Jones, G. Terry. Cambridge, 1983.*

³⁴ *Sutherland S.R. Atheism and the Rejection of God: Contemporary Philosophy and «The Brothers Karamazov».* Oxford, 1977.

³⁵ *Dostoevsky in the Twentieth Century: The Ljubljana Papers / Ed. M.V. Jones. Nottingham, 1993.*

ли доклады, прочитанные на посвященной Достоевскому международной конференции, состоявшейся в 1989 г. В этом в полном смысле слова интернациональном сборнике представлены двадцать четыре статьи ученых из одиннадцати стран, написанные на четырех языках. Он состоит из разделов, посвященных Достоевскому и современности; Достоевскому и реальной истории; Достоевскому и современным мыслителям (с акцентом на фигуре З. Фрейда); структуре, композиции и жанру его произведений; а также компаративным исследованиям, включающим работы об А. Жиде, Э. Т. А. Гофмане, Е. Замятине и О. Манделштаме. Среди авторов сборника — Г. М. Фридендер, В. Н. Захаров, В. А. Туниманов, К. Эмерсон (С. Emerson) и Х.-Ю. Герик (Н.-J. Gerigk).

Сборник, составленный Лезербарроу, — «Достоевский и Британия» — объединил новые и уже известные статьи таких разных ученых, как Л. П. Гроссман и М. Джоунс, Р. Ф. Миллер (R. F. Miller) и И. Зограб (I. Zohrab)³⁶. В работах о влиянии на Достоевского английской литературы речь идет о Шекспире, Диккенсе, Э. Гаскелл (E. Gaskell) и ее романе «Мэри Бартон», о чартистских романах середины XIX в., а также о готических романах А. Радклиф (A. Radcliffe) и Ч. Мэтьюрина (Ch. Maturin). Представлены работы о Достоевском в контексте современной ему социальной и религиозной мысли Британии; о переводах К. Гарнетт (C. Garnett), открывших Достоевского читателям с британских островов; о влиянии Достоевского на литературу XX в., в том числе на Дж. Конрада (J. Conrad), Д. Лоуренса (D. Lawrence) и А. Мёрдок (I. Murdoch).

Сборник «Достоевский и христианская традиция» посвящен православному контексту и содержанию творчества Достоевского³⁷. Из британцев в нем приняли участие И. Кириллова, исследовавшая пометки Достоевского на Евангелии от Иоанна, где в центре стоят вопросы божественного происхождения Христа, сомнения и воскрешения; а также Томпсон, в чьей статье рассматривается «евангельское слово» в прозе Достоевского, прежде всего в монологе Мармеладова в распивочной, предвосхищающем раскаяние Раскольникова, неудача князя Мышкина как «положительно прекрасного человека», обращение Степана Трофимовича в «Бесах» и восприятие читателем Ивана Карамазова. А. Пайман (A. Puman) обращается к полифонии у Достоевского в ее соотношении с миром православия, к которому принадлежал писатель, и подчеркивает сознательное стремление Достоевского найти корни своей личности и своего творчества в русской религиозной жизни. Джое рассматривает религиозную символику «Преступления и наказания», в частности, что весьма необычно, в архитектурных образах романа. Дж. Паттисон

³⁶ Dostoevskii and Britain / Ed. W. J. Leatherbarrow. Oxford, 1995.

³⁷ Dostoevsky and the Christian Tradition / Eds. G. Pattison, D. O. Thompson. Cambridge, 2001.

(G. Pattison) читает Достоевского и Кьеркегора через призму теории Р. Жерара о насилии и священной жертве, определяя таким образом границы диалога на тему религии. Этот сборник также впервые представил английским читателям возможность познакомиться с работами двух видных российских исследователей: эссе И. А. Есаулова посвящено закону и благодати, статья В. Кантора — теме соблазна и ответственности в связи с разговором Смердякова с Иваном Карамазовым.

«Кембриджский путеводитель по Достоевскому» вышел в известной серии «Cambridge Companions to Literature», посвященной разным писателям и культурным традициям³⁸. Эта серия адресована прежде всего широкой публике и студентам и основана на тематическом подходе, ориентированном на создание многостороннего образа автора. В интересующий нас «Путеводитель» вошли статьи о Достоевском и русском фольклоре, деньгах, интеллигенции, психологии, религии и науке; их авторы — британские ученые Лезербарроу, Джоунс, Д. Офффорд, Томпсон и Ф. Вигзел (F. Wigzell), а также исследователи из других стран, в числе которых Р. Белкнап (R. Belknap), Г. С. Морсон (G. S. Morson) и У. М. Тодд (W. M. Todd).

Выход сборника «Достоевский на пороге других миров»³⁹ был приурочен к 65-летию Малкольма Джоунса, одного из самых видных британских достоевцев и исследователей русской литературы. Среди работ британских коллег юбиляра — статья Томпсон о роли музыки в «Бесах», А. Харрингтон (A. Harrington) — о связях «Поэмы без героя» Ахматовой и «Подростка», Хадспис — о диалоге Л. Толстого с Достоевским в романе «Воскресение», Писа — о друге и соратнике Достоевского А. Майкове, А. Мак-Миллина (A. MacMillin) — о музыкальных адаптациях и аллюзиях к Достоевскому и Янг — о буддистских чертах в образе князя Мышкина. Среди авторов из других стран — Р. Белкнап, Ж. Като (J. Cateau), Б. Криста, Т. А. Касаткина, Р. Нойхойзер (R. Neuhauser), В. А. Туниманов, В. Е. Ветловская и В. Н. Захаров.

Список британских изданий, посвященных Достоевскому, скоро пополнится сборником статей, в основу которого легли материалы конференции, устроенной Неоформалистским исследовательским семинаром по русской литературе при Оксфордском университете в сентябре 2008 г.⁴⁰ Составленная из работ авторов разных стран, исследующих широкий спектр тем, книга эта прежде всего посвящена религиозным, философским и нарративным прочтениям. В центре внимания ряда исследователей оказался роман «Братья Карамазовы».

Наряду с монографиями и сборниками статей британские ученые регулярно публикуют отдельные эссе о творчестве Достоевского. Те, кого

³⁸ The Cambridge Companion to Dostoevskii / Ed. W. J. Leatherbarrow. Cambridge, 2002.

³⁹ Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds: Essays in Honour of Malcolm Jones / Eds. S. Young, L. Milne. Ilkeston, 2006.

⁴⁰ Aspects of Dostoevskii: Art, Ethics and Faith / Eds. R. Reid, J. Andrew. Amsterdam; N. Y., 2012.

занимает диалог русского писателя с его европейскими предшественниками, преимущественно обращают внимание на нарратив и поэтику. Так, Джоунс в работе о мотивах Достоевского, восходящих к Руссо, рассматривает их роль прежде всего в эволюции форм нарратива у Достоевского, а также как образец характерной для Достоевского диалогичности⁴¹. Сходным образом Джоунс в своей статье об истории отношения Достоевского к немецкому романтизму исследует эту тему с точки зрения стиля, характеризуя использование Достоевским символических образов насекомых сквозь призму опубликованного в 1814 г. труда Г.Г. Шуберта «Символика сновидений», важного философского источника прозы Э.Т.А. Гофмана, дабы показать, какими часто неожиданными способами диалог Достоевского с предшественниками инкорпорируется в его текст⁴². Л. Бернета (L. Burnett) занимает отношение Достоевского к творчеству По, статья исследователя начинается с вводного комментария, посвященного переводам из По, опубликованным в 1861 г. в журнале «Время», и продолжается сравнительным анализом использования этими двумя авторами пространственного и порогового хронотопа в контексте развития «фантастического реализма»⁴³. Эссе Дональда Рейфилда (Donald Rayfield) посвящено переводу Достоевским романа Бальзака «Евгения Гранде» как ключу к развитию его художественного стиля. В частности, Рейфилд обнаруживает в переводе Достоевского гоголевскую стилистическую манеру и речевые обороты и «следы» самого Достоевского, как, например, использование деепричастий и внедрение навязчивого повествовательного голоса там, где в оригинале его нет⁴⁴.

В то же время не остается без внимания и отношение Достоевского к содержанию творчества других авторов. В отношении философских вопросов преимущественное внимание обращается на немецкую и французскую традиции⁴⁵. Что касается социальных контекстов,

⁴¹ Jones M. V. *Dostoyevsky after Bakhtin: Readings in Dostoyevsky's Fantastic Realism*. Cambridge, 1990. P. 151–163. См. также: Jones M. *Dostoyevsky, Rousseau and Others // Dostoyevsky Studies*. 1983. Vol. 4. P. 81–93.

⁴² Johae A. *Retractive Imagery: Dostoyevsky and German Romanticism // Germano-Slavica*. 1994. Vol. 8, N 2. P. 3–15.

⁴³ Burnett L. *Dostoyevsky, Poe and the Discovery of Fantastic Realism // F. M. Dostoyevsky (1821–1881): A Centenary Collection*. Colchester, 1981. P. 58–86. О Достоевском и фантастическом реализме см. также: Burnett L. *The Echoing Heart: Fantasias of the Female in Dostoyevskii and Turgenev // The Gothic-Fantastic in Nineteenth-Century Russian Literature*. Amsterdam, 1999. P. 235–255; Jones M. V. *Dostoyevsky after Bakhtin: Readings in Dostoyevsky's Fantastic Realism*. Cambridge, 1990.; Jones M. V. *The Evolution of Fantastic Realism in Russian Literature // Celebrating Creativity: Essays in Honour of J. Bortnes*. Bergen, 1997. P. 58–69; Young S. *Dostoyevsky: Fantastic Realism // The Cambridge Companion to European Novelists*. Cambridge, 2012. P. 259–276.

⁴⁴ Rayfield D. *Dostoyevsky's «Eugénie Grandet» // Forum for Modern Language Studies*. 1984. Vol. 20. P. 133–142.

⁴⁵ О взглядах Достоевского в их соотношении с разными философскими теориями см.: Jones M. V. *Some Echoes of Hegel in Dostoyevsky // The Slavonic and East European Rev.* 1971. Vol. 49. P. 500–520; Jones M. V. *Dostoyevsky and an Aspect of Schiller's Psychology //*

то Рейфилд исследует параллели отрывка из романа «Идиот» с «Дамой с камелиями», выходя за рамки известной отсылки к этому роману в истории, рассказываемой Тоцким (роман «Идиот»): сравнив тексты, Рейфилд приходит к выводу, что вариации Достоевского на тему «Дамы с камелиями» представляют собой пастиши, критикующие буржуазные ценности Дюма, при этом, однако, играющие важную роль в развитии ряда центральных для творчества Достоевского тем, как, например, тема отцовства⁴⁶.

Говоря о способах характеристики героев, Джоунс, сравнивая «Неточку Незванову» и «Тайны Парижа» Эжена Сю (Eugène Sue), обращается, помимо прочего, к теме психологии персонажей, что позволяет выявить сходство этих двух произведений, но также и их различие, особенно в том, что касается психологических мотивировок центрального сюжета. Кроме того, замечает Джоунс, Достоевскому доступно более глубокое проникновение в детскую психику⁴⁷.

Исследователи связей Достоевского с его русскими предшественниками также обращают внимание прежде всего на отношения полемики между писателями. Оффорд помещает «Зимние заметки о летних впечатлениях» в контекст путевых впечатлений о Европе русских авторов XVIII в., специально останавливаясь на параллелях с «Письмами из Франции» Д. Фонвизина — от обильного использования обоими путешественниками литературных источников (в случае Достоевского в список чтения входит и Фонвизин) до общности нравственной и социальной критики Запада⁴⁸.

Пис посвятил серию статей писателям и литературным движениям XIX в. Проанализировав роль сентиментализма в творчестве Достоевского, он пришел к выводу, что это литературное влияние не ограничилось лишь ранними произведениями писателя, но значимо и для его зрелых романов. В частности, следы сентиментализ-

The Slavonic and East European Rev. 1974. Vol. 52. P. 337–354; Jones M. V. Dostoevsky, Rousseau and Others // Dostoevsky Studies. 1983. Vol. 4. P. 81–93; Carroll J. Break-Out from the Crystal Palace: The Anarcho-Psychological Critique — Stirner, Nietzsche, Dostoevsky. L., 1974. Философская традиция в более общем плане рассмотрена в следующих работах: Leatherbarrow W. J. Dostoyevsky's Treatment of the Theme of Romantic Dreaming in «Khozyayka» and «Belye nochi» // Modern Language Rev. 1974. Vol. 69. P. 584–595; Leatherbarrow W. J. Idealism and Utopian Socialism in Dostoyevsky's «Gospodin Prokharchin» and «Slaboe serdtse» // Slavonic and East European Rev. 1980. Vol. 58. P. 524–540; Sutherland S. R. The philosophical dimension: self and freedom // New Essays on Dostoyevsky. Cambridge, 1983. P. 169–185.

⁴⁶ Rayfield D. Dumas and Dostoevskii: Deflowering the Camellia // From Pushkin to Palisandria: Essays in Honour of Richard Freeborn. Basingstoke, 1990. P. 70–82.

⁴⁷ Джоунс М. В. Романтизм в творчестве Ф. М. Достоевского: «Неточка Незванова» и «Матильда» Эжена Сю // Дополнения к комментарию произведений Ф. М. Достоевского. М., 2004. С. 370–392.

⁴⁸ Offord D. C. Beware the Garden of Earthly Delights: Fonvizin and Dostoevskii on Life in France // Slavonic and East European Rev. 2000. Vol. 78, N 4. P. 625–643.

ма обнаруживаются в философии князя Мышкина и старца Зосимы, а также в особом отношении к природному миру как источнику эпифании⁴⁹. Использование Достоевским силлогизмов Пис рассматривает как доказательство мысли П. Чаадаева и И. Киреевского об их «врожденности» в русское мышление⁵⁰. Исследуя влияние Пушкина на Достоевского, автор охватывает темы от «Пиковой дамы» как одного из источников «Преступления и наказания» и от роли «Рыцаря бедного» в «Идиоте» до мотивов пушкинской речи Достоевского 1880 г. и его концепции Пушкина как выражения «народности»⁵¹. Достоевского в творчестве Пушкина прежде всего привлекали идеи, а не эстетические качества, в случае же с Гоголем картина более пестрая. В статье о «Бедных людях» рассматривается полемика Достоевского с Гоголем, свидетельствующая о большем человеколюбии Достоевского, также выявляются отклики этого раннего произведения в темах и системе отношений героев поздних романов Достоевского⁵². Читая «Двойника», Пис исследует параллели этого романа с произведениями Гоголя и анализирует, как Достоевский развивает характерные гоголевские тропы, вроде, например, психологической инверсии, а также обнаруживает важность этого приема и в поздней прозе писателя⁵³. Пис показывает, что полемика с Гоголем затронула не только те произведения Достоевского, которые были написаны до ссылки. Предложенное им прочтение «Скверного анекдота» и «Крокодила» в контексте российских реформ, развития капитализма с его сплошной бюрократизацией раскрывает гоголевские подтексты — отзвуки «Шинели» в первом произведении и «Носа» — во втором⁵⁴. Повесть «Вечный муж» Пис интерпретирует как переигрывание гоголевского мотива мести «маленького человека». При этом он замечает, что эту тему можно рассматривать и в контексте предложенного Ап. Григорьевым

⁴⁹ *Peace R. Dostoevsky and Sentimentalism // F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues: A Collection of Articles Based on the Pap. Presented at the 13th Symp. of the Intern. Dostoevsky Soc. Budapest, 2009. P. 382–390.*

⁵⁰ *Peace R. Dostoevsky and the Syllogism // Dostoevsky Studies. 2005. Vol. 9. P. 72–79.* См. также: *Пис Р. Достоевский и силлогизм // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Современное состояние изучения. М., 2007. С. 673–680.*

⁵¹ *Peace R. Dostoevsky and Pushkin // Irish Slavonic Studies. 1999. Vol. 20. P. 21–34.* См. также: *Пис Р. Достоевский и Пушкин // Достоевский и мировая культура. 2003. Т. 17. С. 255–267.* П. Дэвидсон рассуждает об идее Достоевского о Пушкине как о пророке в работе: *Davidson P. The Validation of the Writer's Prophetic Status in the Russian Literary Traditions: From Pushkin and Iazykov through Gogol to Dostoevsky // Russian Rev. 2003. Vol. 62, N 4. P. 508–536.*

⁵² *Peace R. The Analytical Genius: «Bednye ljudi» and the Russian Prose Tradition // From Pushkin to Palisandriia. Basingstoke, 1990. P. 52–69.*

⁵³ *Пис Р. Гоголь и «Двойник» Достоевского // Достоевский в конце XX века. М., 1996. С. 501–507.*

⁵⁴ *Peace R. Dostoevskii as Prophet: the case of «Skvernyi anekdot» and «Krokodil» // Slavonic and East European Rev. 1993. Vol. 71, N 2. P. 257–265.*

разделения персонажей на «смирный» и «хищный» типы. Это разделение может быть ответом на мысль Н. Страхова о том, что Толстой в «Войне и мире» превозносит «смирный тип», и позволяет говорить здесь о новом образе в русской литературе⁵⁵. Пис не оставляет тему современников Достоевского, замечает литературные последствия ссоры Достоевского и Тургенева не только в «Бесах», но и в мотиве Дон Кихота в «Идиоте», а также у Тургенева в «Дыме», где разработка темы карточной игры и положительная реакция на Хрустальный Дворец и Всемирную выставку могут быть истолкованы как полемика с произведениями Достоевского 1860-х гг.⁵⁶

У других исследователей анализ диалога Достоевского с его современниками сосредоточен более на идеологической проблематике, на полемике писателя с литераторами радикального лагеря. Офффорд прослеживает развитие спора Достоевского с Чернышевским, вышедшего за пределы «Что делать?» и «Записок из подполья»: Достоевский считает проблематичным применимость «научных» методов к развитию и пониманию эстетики, жизни человека и общества⁵⁷.

Э. Келли (A. Kelly) также подчеркивает двойственное отношение Достоевского к российским радикальным мыслителям и рассматривает попытки А. Герцена «сформулировать последовательно иронический подход к истории, свободе и личности» в контексте ответных высказываний Достоевского, описавшего свои утопические взгляды в ряде произведений от «Зимних заметок о летних впечатлениях» до «Дневника писателя», в которых Достоевский в полемике с Герценом стремится противостоять его иронической критике. Амбивалентность утопии Достоевского подчеркивает также Пис, разбирающий разные смыслы видения в «Сне смешного человека», особенно в отношении религии и, в частности, с учетом отсутствия в нем фигуры Христа⁵⁸.

Реакция на Достоевского других писателей, равно российских и западных, меньше привлекала внимание исследователей. Пайман в очерке о влиянии Достоевского на литераторов Серебряного века исследовал прежде всего вопросы веры и ее кризиса, показав, что русские

⁵⁵ *Peace R.* Dostoyevsky's «The Eternal Husband» and Literary Polemics // *Essays in Poetics*. 1978. Vol. 3, N 2. P. 22–40.

⁵⁶ *Peace R.* Baden-Baden Revisited // *Dostoevsky Studies*. 2002. Vol. 6. P. 73–81.

⁵⁷ *Offord D.* Dostoyevsky and Chernyshevsky // *Slavonic and East European Rev.* 1979. Vol. 57, N 4. P. 509–530; *Offord D.* The Causes of Crime and the Meaning of Law: «Crime and Punishment» in the Light of Contemporary Radical Thought // *New Essays on Dostoevsky*. Cambridge, 1983. P. 41–65; *Offord D.* «The Devils» in the Context of Contemporary Russian Thought and Politics // *Dostoevsky's «The Devils»: A Critical Companion*. Evanston, 1999. P. 63–99.

⁵⁸ *Kelly A.* Irony and Utopia in Herzen and Dostoevsky: «From the Other Shore» and «Diary of a Writer» // *Russian Rev.* 1991. Vol. 50. P. 397–416; *Peace R.* Dostoevsky and the Golden Age // *Dostoevsky Studies*. 1982. N 3. P. 61–78.

писатели-модернисты видели в Достоевском как «союзника в разрушении», так и надежду на обновление⁵⁹.

М. Фальчиков анализирует чеховский «Рассказ неизвестного человека» прежде всего в связи с «Записками из подполья». Однако, отметив Петербург как место действия рассказа Чехова, а также появление в нем фигуры «мечтателя» и его революционный подтекст, исследователь обнаруживает диалог чеховского произведения с рядом других произведений Достоевского, от «Белых ночей» до «Бесов»⁶⁰. Фальчиков обращается к влиянию «Записок из подполья» на английскую литературу в статье о Дж. Оруэлле, подчеркивая, что место «Записок из подполья» в творчестве Достоевского аналогично той роли, которую роман Оруэлла «Да будет фикус!» («Keep the Aspidistra Flying») сыграл в формировании зрелых взглядов писателя⁶¹. Сходство обнаруживается не только на стилистическом, но и на идеологическом уровне: Фальчиков подробно рассматривает аллюзии к Достоевскому в изображении Оруэллом общества, сталкивающегося с угрозой насильственного переворота, и в том, как английский автор решает возникающие в такой ситуации проблемы свободы и мотивации человеческих поступков.

То значимое влияние, которое Достоевский оказал на многих писателей XX в., подвигло некоторых литературоведов, специализировавшихся в области английской словесности, обратиться к компаративным исследованиям произведений писателей из России и Великобритании⁶².

Не обойдено вниманием и прямое использование ссылок советских писателей на творчество Достоевского. Пис показал, что под внешне враждебным отношением Горького к Достоевскому скрывается его более сложное внимание к предшественнику как к художнику «подполья»⁶³. Д. Гиллеспи (D. Gillespie) обнаружил, что аллюзии к Достоевскому в сочинениях Ю. Трифонова «связаны с основной исторической проблематикой, занимавшей советского писателя, — противоречиями между

⁵⁹ *Pyman A.* Dostoevskii's influence on Religious Thought of the Silver Age // Canadian-American Slavic Studies. 1983. Vol. 17, N 3. P. 287–324.

⁶⁰ *Falchikov M.* From Dostoevsky's Underground Man to Chekhov's Unknown Man // Scottish Slavonic Rev. 1987. Vol. 9. P. 67–84.

⁶¹ *Falchikov M.* Gordon Comstock iz podpol'ya? or Orwell's Underground Man (Some Observations on «Zapiski iz podpol'ya» and «Keep the Aspidistra Flying») // Essays in Poetics. 1982. Vol. 7, N 2. P. 23–38.

⁶² *Bayley J.* Doubles: Fyodor Dostoevsky and J.M. Coetzee // The Power of Delight: A Lifetime in Literature: Essays 1962–2002. N. Y.; L., 2005. P. 567–575; *Conradi P.J.* Iris Murdoch and Dostoevskii // Dostoevskii and Britain. Oxford, 1995. P. 277–291; *Gervais D.* Dostoevsky and the English Novel: Dickens, John Cowper Powys and D.H. Lawrence // Cambridge Quarterly. 2006. Vol. 35, N 1. P. 49–71; *Gervais D.* J.C. Powys's Dostoevsky // Powys J. 2005. Vol. 15. P. 29–44; *Raine C.* Belly Without Blemish: Golding's Sources // William Golding: The Man and His Books: A Tribute on His 75th Birthday. L., 1986. P. 101–109.

⁶³ *Peace R.* Some Dostoyevskian Themes in the Work of Maksim Gorky // Russian Literature. 1988. Vol. 24, N 4. P. 525–538.

средствами и целями, между историческими, политическими и нравственными результатами»⁶⁴. В других работах акцент сделан на рецептивной эстетике и на теоретических основаниях компаративистики. Джозеф обращается к этому кругу проблем, говоря о Кафке и Достоевском⁶⁵, а Рейфилд сравнивает рецепцию Достоевского в художественных произведениях А. Жида и в посвященных русскому писателю критических статьях этого французского автора⁶⁶. Новый подход к данной теме продемонстрирован в работе Л. Аиелло (L. Aiello), которая рассматривала восприятие Достоевского британской прессой и британскими писателями как пример того, каким образом современный культурный и идеологический контекст влияет на рецепцию творчества того или иного писателя⁶⁷.

В корпусе статей, посвященных собственно Достоевскому, а не его литературным связям, доминируют три подхода: один из них отражает вклад русского писателя в развитие психологии, другой — новаторскую форму произведений Достоевского, а третий — его миссию духовного авторитета. Статьи Зили проливают свет на то, как Достоевский конструирует характеры своих персонажей, а также позволяют лучше понять психологическое многообразие его художественного мира. Помимо работ, посвященных отдельным персонажам, где зачастую амбивалентное совмещение противоречивых черт в одном герое служит отправной точкой для подробного и здравого разбора текста⁶⁸, Зили также обращается к исследованиям более широкого плана, открывающим новые перспективы для взгляда на творчество Достоевского. Так, им разработана типология персонажей, включающая в себя шесть психологических вариантов, характерных для раннего творчества Достоевского, со следующими отличительными качествами: 1) «преданность» (Девушкин), 2) «самоуничжение» (Ползунков), 3) «сентиментальное воображение» (герой «Белых ночей»), 4) «интеллектуальное воображение» (Ордынов), 5) «одержимость» (Прохарчин), 6) «патологическая тревожность» (Голядкин)⁶⁹. Далее Зили демонстрирует слож-

⁶⁴ Gillespie D. Trifonov on Dostoevskii // *Russian Writers on Russian Writers*. Oxford, 1994. P. 161–168.

⁶⁵ Johae A. Groundwork for a Comparative Study of Dostoevsky and Kafka // *Germano-Slavica*. 1997. Vol. 10, N 1. P. 25–38.

⁶⁶ Rayfield D. A Virgil to his Dante: Gide's Reception of Dostoevsky // *Forum for Modern Language Studies*. 2000. Vol. 34, N 4. P. 340–356.

⁶⁷ Aiello L. *After Reception Theory: Fedor Dostoevskii in Britain, 1869–1935*. Oxford, 2013.

⁶⁸ См. статьи Зили о Раскольникове, Свидригайлове, князе Мышкине, Смердякове и Иване Карамазове: Seeley F.F. *Saviour or Superman? Old and New Essays on Tolstoy and Dostoevsky*. Nottingham, 1999; Seeley F.F. *Aglaia Epanchina // From the Heyday of the Superfluous Man to Chekhov: Essays on 19th-Century Russian Literature*. Nottingham, 1994. P. 138–148.

⁶⁹ Seeley F.F. *Towards a Typology of Dostoevsky's Characters // Saviour or Superman? Old and New Essays on Tolstoy and Dostoevsky*. Nottingham, 1999. P. 69.

ные сочетания этих базовых разновидностей в зрелом творчестве Достоевского, где появляются такие герои, как Раскольников, Мышкин и Иван Карамазов, наследующие одновременно типам «двойника» и «мечтателя», с обертонами интеллекта и агрессии. Обращаясь к женским образам у Достоевского, Зили отвергает утверждение Бердяева о том, что женщины в произведениях писателя подчинены «внутренней трагедии» мужских персонажей⁷⁰. Сравнив женские персонажи Достоевского с героинями романов Толстого и Тургенева, Зили отмечает, что описанные Достоевским женщины в любовных ситуациях проявляют большее разнообразие сословных, личных и функциональных качеств, а внимание писателя к теме «случайного семейства» позволяет ему с большим сочувствием изображать женщин и не судить их так строго, как Толстой с его представлением об идеальном супружестве. Анализ образов Настасьи Филипповны и Сони Мармеладовой показывает, что первая противостоит персонажам-мужчинам в сфере идей, вторая же своей «деятельной любовью» достигает большего, чем героини-мужчины, такие как князь Мышкин и Алеша Карамазов, которые традиционно считаются идеальными воплощениями этого качества.

Исследование темы двойничества и двойственности у Достоевского касается как философских аспектов этих понятий, так и их использования в качестве средства психологической характеристики персонажей⁷¹. Наибольшее внимание уделяется роли персонажей в повествовании, примером чему служит исследование Лезербарроу, посвященное тому, какую роль в устройстве текста играют мнения и взгляды персонажей произведения. Восприятие Аглаей Епанчиной князя Мышкина как «рыцаря бедного», амбивалентное из-за своих аллюзий к римско-католической традиции, открывает путь для последующих ошибочных интерпретаций. В «Бесах» развивается этот же структурный прием, когда изображение Ставрогина непосредственно зависит от предшествующих его появлению и сопровождающих его ложных портретов⁷².

⁷⁰ Ibid. P. 76.

⁷¹ Первое направление исследований представлено в работах: *Kelly A. Dostoevsky and the Divided Conscience* // *Slavic Rev.* 1988. Vol. 47, N 2. P. 239–260; *Peace R. Dostoevsky and the Concept of Many-Faceted Doubling* // XXI век глазами Достоевского: Перспективы человечества. Материалы Междунар. конф. Университет Тиба (Япония), 22–25 августа 2000 г. М., 2002. С. 191–198 (русский перевод на с. 199–207); *Young S. Dostoevskii's «Idiot» and the Epistle of James* // *Slavonic and East European Rev.* 2003. Vol. 81, N 3. P. 401–420; *Bayley J. Doubles: Fyodor Dostoevsky and J.M. Coetzee* // *The Power of Delight: A Lifetime in Literature: Essays 1962–2002*. N.Y.; L., 2005. P. 567–575. Среди примеров второго подхода: *Woodward J.B. Overlapping portraits in Dostoevskij's «The Idiot»* // *Scando-Slavica*. 1980. Vol. 26. P. 115–127; *Seeley F.F. The Two Faces of Svidrigailov* // *Raskolnikov and Svidrigailov*. Broomall, PA, 2004. P. 81–86.

⁷² *Leatherbarrow W.J. Misreading Myshkin and Stavrogin: The Presentation of the Hero in Dostoevskii's «Idiot» and «Besy»* // *Slavonic and East European Rev.* 2000. Vol. 78, N 1. P. 1–20.

Рассматривая неспособность Вельчанинова и Трусоцкого в «Вечном муже» узнать правду друг о друге и стремление не дать сопернику раскрыть истину о самом себе, Джоунс рассуждает о том, как стратегии, направленные на мучительство другого, становятся определяющими факторами устройства нарратива⁷³. В близкой по подходу статье, посвященной «Игроку», он показывает, как аналогичные стратегии сдерживаются фигурой мистера Астлея, действующей как стабилизирующий фактор не только в нравственном отношении, но и в устройстве романного повествования⁷⁴. Роль мнений героев в структурировании текста также является предметом статьи Янг о функции картины Гольбейна «Мертвый Христос в гробу» («Христос в могиле») в романе «Идиот»: реакция князя Мышкина на это сильное и трагическое изображение в сочетании с эпилептическим недугом героя дает ключ к пониманию необычной и неровной повествовательной формы романа⁷⁵.

В этом контексте значимы фигуры героев-повествователей. Прочтение Пайком «Сна смешного человека» сосредоточено на том обстоятельстве, что отношение сна и спящего представляет собой функцию самосознания. Исследователь показывает, как ключевые темы — вербальная и невербальная коммуникация, эмоции и зрение, а также отказ от рационального восприятия в пользу интуиции — смещают читательское внимание с уровня сюжета на уровень повествования, отвлекают читателя от интерпретации смысла рассказываемой истории, ради того чтобы переключить его внимание на восприятие текстуальной формы произведения⁷⁶. Сходного подхода придерживается Пис в своем анализе «Кроткой», переводя тематические моменты на уровень повествования. Он демонстрирует, как дефекты восприятия ростовщиком своей жены и отношений с ней, использование слова «строгая» для описания этой «кроткой» молодой женщины позволяют читателю понять характер и истинную природу ее отношений с мужем, которые скрываются за их внешним проявлением⁷⁷. Эндрю, анализируя эту же повесть Достоевского, показывает, как стремление понять жену побуждает ростовщика рассказать свою историю. Однако гендерная конструкция этого произведения лишает голоса его героиню, отдавая предпочтение истории повествователя-мужчины, более близкого имплицитно конструируемому читателю-мужчине⁷⁸.

⁷³ Jones M. V. «The Eternal Husband»: Discourse with a Noose // *Essays in Poetics*. 1995. Vol. 20. P. 46–59.

⁷⁴ Jones M. V. *The Enigma of Mr. Astley* // *Dostoevsky Studies*. 2002. N 6. P. 39–47.

⁷⁵ Янг С. Картина Гольбейна «Христос в могиле» в структуре романа «Идиот» // Роман Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. М., 2001. С. 28–39.

⁷⁶ Pike C. *Dostoevsky's «Dream of a Ridiculous Man»: Seeing is Believing* // *The Structural Analysis of Russian Narrative Fiction*. Keele, 1984. P. 26–63.

⁷⁷ Пис Р. «Кроткая» Достоевского: ряд воспоминаний, ведущих к правде // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 14. СПб., 1997. С. 187–194.

⁷⁸ Andrew J. «Who was I and who was she?» A study of narrative and gender in «Кроткая» // *Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов*. СПб., 2011. С. 88–114.

Роль рассказчика в манипулировании читательскими ожиданиями и пониманием текста является также центральной темой в прочтении Писом «Записок из Мертвого дома». Достоевский, описывая едва выносимый для себя личный опыт, стремится поддерживать в читателе интерес к своему тексту. Для этого он выработал принцип структурирования повествования, основанный на парадоксе, противоречии и противопоставлении, а также на инвертировании представления о повествовательной норме. В «Записках из Мертвого дома» повествователь движется от знания к неведению, а в главах, посвященных больнице, Достоевский парадоксальным образом акцентирует страдания героя, вместо того чтобы описывать их облегчение, которое, казалось бы, обещает читателю новое место действия⁷⁹.

Пис, говоря о Пасхе как одном из вытесненных мотивов «Записок из Мертвого дома», отражает в целом осторожное отношение британского достоевведения к теме православия⁸⁰. Это можно отметить и в возрождающемся интересе к темам ада, демонического и апокалипсиса у Достоевского⁸¹. И все же религиозный взгляд на творчество Достоевского сыграл свою весьма значительную роль в трех областях религиозной интерпретации его произведений.

Первая — раскрытие образа Христа. И. Кириллова исследовала этот образ в творчестве Достоевского, причем не только известные его аспекты (например образ князя Мышкина как «князя-Христа» и «положительно прекрасного человека») и высказывания писателя философского порядка (например его размышления в связи со смертью первой

⁷⁹ *Peace R.* Dostoevsky's «Notes from the House of the Dead»: «The Literary Construct» // *Literature, Culture, and Society in the Modern Age: In Honor of Joseph Frank.* Stanford Slavic Studies. 1991. Vol. 4, N 1. P. 239–259.

⁸⁰ См. также, например: *Hackel S. F. M.* Dostoevsky, 1821–1881: Prophet Manque? // *Dostoevsky Studies.* 1982. Vol. 3. P. 5–25; *Jones M. V.* The Death and Resurrection of Orthodoxy in the works of Dostoevskii // *Cultural Discontinuity and Reconstruction: the Byzanto-Slav Heritage and the Creation of a Russian National Literature in the Nineteenth Century.* Oslo, 1997. P. 143–167; *Jones M. V.* Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience. L., 2005.

⁸¹ *Orr J.* Dostoevsky: the demonic Tendenz // *Tragic Realism and Modern Society: Studies in the Sociology of the Modern Novel.* Basingstoke, 1977. P. 73–86; *Orr J.* The demonic tendency, politics and society in Dostoevsky's «The Devils» // *The Sociology of Literature: Applied Studies.* Keele, 1978. P. 271–283; *Panteli C.* Dostoevsky's Aesthetic: Dichotomy between Reality and Transcendence in Ivan Karamazov's Nightmare // *F. M. Dostoevsky (1821–1881): A Centenary Collection.* Colchester, 1981. P. 119–126; *Leatherbarrow W. J.* Apocalyptic Imagery in «The Idiot» and «The Devils» // *Dostoevsky Studies.* 1982. Vol. 3. P. 43–52; *Leatherbarrow W. J.* A Devil's Vaudeville: The Demonic in Dostoevsky's Major Fiction. Evanston, 2005; *Leatherbarrow W. J.* The Sorcerer's Apprentice: Authorship and the Devil in Dostoevskii's «Poor Folk» and «The Landlady» // *Slavonic and East European Rev.* 2005. Vol. 83, N 4. P. 599–616; *Thompson D. O.* Lise Khokhlovskova: shalunia/besenok // *O Rus! Studia litteraria Slavica in Honorem Hugh McLean.* Oakland, CA, 1995. P. 281–297; *Berry R. J.* First Descents into the Inferno: Parallel Ideology: An Experience in Conrad's «Heart of Darkness» and Dostoevsky's «Notes from the House of the Dead» // *New Zealand Slavonic J.* 1997. Vol. 31. P. 3–21.

жены), но также и менее очевидные отсылки. Кириллова утверждает, что образ Христа у Достоевского раздваивается из-за изображаемого писателем противоречия между сомнениями в Его божественной природе и экстаической верой в Спасителя⁸². К этому же направлению в британском достоеведении относится выявление библейских аллюзий. Кириллова посвятила свою работу отметкам писателя на Евангелии от Иоанна как ключу к интерпретации его религиозного мировоззрения⁸³. Янг рассуждает о значении Книги Бытия в создании библейских архетипов и в мотиве рассказывания в романе «Идиот» и утверждает, что концепция «человека с двоящимися мыслями» и «веры без дел» из Послания Иакова открывает новую возможность для понимания характера князя Мышкина и этики всего романа⁸⁴.

Вторую область представляют исследования, где преобладает интерес к религии в ее связи с моралью. Дж. Саттон (J. Sutton) считает, что в творчестве Достоевского наиболее близкий к духу Нового Завета аспект веры представлен в «деятельной любви». Он также пишет о том, что Вл. Соловьев видел самого Достоевского духовным идеалом в его сопротивлении идее поражения Добра и утверждении идеи свободы, включавшей в себя освобождение от личной гордыни, а не подчинение ей⁸⁵. Томпсон рассуждает о монологе Мармеладова в распивочной, находя в нем мысль о распятии Христа как предельном выражении сострадания, и интерпретирует ответ на него Раскольникова, а также ответы Софьи Матвеевны Степану Трофимовичу в «Бесах» и Ивана Карамазова сбитому им пьяному крестьянину как вариации на тему притчи о добром самаритянине⁸⁶. Томпсон также обращается к символическому языку снов, включая сюда упоминания ада, отсылающие к словам Христа из Евангелия от Матфея, свидетельствующие о подсознательном поиске Раскольниковым наказания и искупления⁸⁷.

⁸² Кириллова И. А. Христос в жизни и творчестве Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 14. СПб., 1997. С. 18. См. также: Кириллова И. А. «Маша лежит на столе...»: утопические и христианские мотивы (к обозначению темы) // Достоевский и мировая культура. 1997. № 9. С. 22–27.

⁸³ Кириллова И. А. Отметки Достоевского на тексте Евангелия от Иоанна // Достоевский в конце XX века. С. 48–59.

⁸⁴ Янг С. Библейские архетипы в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Евангельский текст в русской литературе: цитата, реминисценция: мотив, сюжет, жанр. Вып. 3. Петрозаводск, 2001. С. 382–390; Young S. Dostoevskii's «Idiot» and the Epistle of James // Slavonic and East European Rev. 2003. Vol. 81, N 3. P. 401–420.

⁸⁵ Sutton J. Three Perspectives on Faith and Freedom // Ideology in Russian Literature. N. Y., 1990. P. 79–95.

⁸⁶ Thompson D. O. Motifs of Compassion in Dostoevskii's Novels // Cultural Discontinuity and Reconstruction: the Byzanto-Slav Heritage and the Creation of a Russian National Literature in the Nineteenth Century. Oslo, 1997. P. 185–201.

⁸⁷ Thompson D. O. The Problem of Conscience in «Crime and Punishment» // Celebrating Creativity: Essays in Honour of Jostein Børtnes. Bergen, 1997. P. 190–204.

Третье направление религиозной интерпретации творчества Достоевского касается тех аспектов художественного мира писателя, которые выходят за рамки православия и связаны с другими религиями (прежде всего восточными) в позитивном и негативном контекстах. Томпсон считает, что в «Двойнике» отсылки к Магомету и исламскому мировоззрению связаны с переживаемым Голядкиным отчуждением от мира, тогда как в «Преступлении и наказании» самоидентификация Раскольникова с пророком Магометом (которую исследователи часто упускают из виду, увлекаясь наполеоновскими амбициями героя) относится к числу его неудавшихся попыток легитимировать свои идеи⁸⁸. Она также замечает, что отсылки к исламу в «Братьях Карамазовых», написанных после русско-турецкой войны, которая была центральной геополитической темой в «Дневнике писателя», приобретают гораздо более негативный оттенок не только в рассуждении о тогдашних исторических событиях на Балканах, но и в контексте отчуждения России от духовного наследия Византии⁸⁹.

Янг выдвигает предположение, что буддийские понятия пребывания в настоящем, безличности («анната») и сочувствия способны пролить свет на характер князя Мышкина, его мнения и поступки, коренящиеся в пережитом им эпилептическом опыте⁹⁰.

Джое, по-новому подходя к проблеме антисемитизма Достоевского, мучительной для многих его читателей и критиков, обнаруживает систему скрытых отсылок к каббале в «Братьях Карамазовых». Исследователь связывает их с общением Достоевского и Авраама (Аркадия) Ковнера, судьба которого, возможно, послужила прототипом бунта Ивана Карамазова, и отмечает расхождения между теми идеями, которые воплощены писателем в его романах, и формулировками «Дневника писателя». Это свидетельствует об идейных колебаниях Достоевского в еврейском вопросе⁹¹.

Многообразие объектов исследования и способов анализа творчества Достоевского, продемонстрированное в посвященных ему книгах и статьях британских ученых, говорит об отсутствии доминирующего национального подхода, об открытости разным возможностям, вниманию ко всем аспектам его творчества и опытам их прочтения. Существует, впрочем, негласное общее мнение, что исследование творчества писателя, сумевшего изобразить всю широту человеческой природы,

⁸⁸ *Thompson D.O.* Islamic motifs in Dostoevsky's Literary Works, 1846–1866 // F.M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues. P. 480–491.

⁸⁹ *Thompson D.O.* Islamic Motifs: Poetic Transformations of Historical Events // Dostoevsky's «Brothers Karamazov»: Art, Creativity, and Spirituality. Heidelberg, 2010. P. 101–114.

⁹⁰ *Young S.* Buddhism in Dostoevsky: Prince Myshkin and the True Light of Being // Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds. P. 220–229.

⁹¹ *Johae A.* Secret Designs in Dostoevsky's «The Brothers Karamazov» // Dostoevsky Studies. 2007. Vol. 9. P. 76–97.

не может быть ограничено одной темой или подходом и что достоеведению полезны плюрализм взглядов и диалог. В частности поэтому британские специалисты по творчеству Достоевского не воспринимают себя как группу, замкнутую в границах национальной науки, но активно взаимодействуют с международной научной средой, сотрудничая с коллегами из других стран, опираясь на материалы российских архивов и библиотек, а также на публикации, выходящие в свет в разных уголках мира. Эта позиция наглядно проявлена в той важной роли, которую британские ученые играют в деятельности Международного общества Достоевского с самого момента его основания в 1971 г.

Д. БЕРЖАЙТЕ

**ДОСТОЕВСКИЙ В ЛИТВЕ
(КОНЕЦ XX — НАЧАЛО XXI в.)**

Множество исследований, посвященных творчеству и личности Достоевского, существует не только потому, что этот писатель обладает особым даром находить индивидуальный подход к каждому читателю (т.е. совершенно по-особому запечатлеваться в сознании отдельно взятого человека), а еще и потому, что, перефразируя слова С. Франка, его творчество воспринимается в зависимости «от глубины и ширины духовного опыта читателя»¹. Кажется, еще никто специально не занимался изучением (и сопоставлением с другими подобными) такого феномена, как своеобразие национального восприятия творчества Достоевского в той или иной культуре.

И дело не только в особенностях национальной истории, менталитета. Об этом, изучая вопрос «Достоевский и Литва», еще в 1982 г. в своей книге «Literatūrinį ryšį pėdsakais» («По следам литературных связей») писала литовская писательница, профессор Вильнюсского университета Бируте Балтрушайтите-Масėнене, многие годы на кафедре русской литературы читавшая курс по творчеству Достоевского. По ее словам, при изучении творчества иностранного писателя особенно важно учитывать, что «произведение срастается не только с историей, культурой, но и психологией народа, его мировоззрением, обоснованным социально-историческими обстоятельствами»². Правда, впервые представив общую картину литовского восприятия творчества Достоевского в основном в межвоенное время, а также проследив историю его переводов на литовский язык, исследовательница не обратила внимание (или не могла об этом писать из-за цензурных ограничений) на то, какие и, главное, в какой последовательности эти переведенные произведения закреплялись в сознании литовских читателей, как они формировали представление об этом писателе в Литве.

¹ Франк С. Легенда о Великом Инквизиторе // О Великом Инквизиторе. Достоевский и последующие. М., 1991. С. 243.

² Masionienė B. Literatūrinį ryšį pėdsakais. Vilnius, 1982. P. 38. (Здесь и далее перевод с литовского сделан автором статьи.)

О значении последовательности переводов текстов Достоевского может свидетельствовать, например, ситуация с повестью «Записки из подполья»³. Вплоть до 2010 г. не было перевода текста этой повести на литовский язык. Прочитать ее на русском тоже не всегда было возможно, так как опубликована она только в собраниях сочинений Достоевского, которые не всегда имелись в наличии даже в фондах городских библиотек. Кроме того, многие литовцы, родившиеся после 1980-х гг., по-русски и вовсе разучились читать.

Итак, текст, с которого, как считали некоторые⁴, чуть ли не «начинается» Достоевский, многим стал доступен только сейчас. Зато «Белые ночи» или «Униженные и оскорбленные» известны почти всем читателям старшего поколения. А роман «Униженные и оскорбленные», например, на литовском почему-то издавался не менее шести раз. И хотя автором статьи не подсчитано специально число изданий произведений Достоевского в Литве, всё же складывается впечатление, что здесь долгое время были известны в основном книги, написанные Достоевским до середины 1860-х гг.

Это случайность или таким намеренно формировалось представление о Достоевском?⁵ Проще всего было бы всю ответственность свалить на обстоятельства прошедшей эпохи. Но ведь роман «Униженные и оскорбленные», в отличие от всех других произведений Достоевского, даже и после 1990-х гг. в Литве издавался не менее трех раз.

Когда думаешь об этом, невольно вспоминаешь слова Д. С. Мережковского, считавшего, что «истинный Достоевский, тот бесстрашный испытатель божеских и сатанинских глубин, каким мы его знаем, — начался с «Преступления и наказания». Все, что раньше создавал он⁶ <...>, принадлежит как бы совсем другому писателю. Если бы все это исчезло, образ его как художника, в особенности как мыслителя, ничуть не пострадал бы, — скорее, напротив, очистился бы от случайного

³ Долгожданный перевод «Записок из подполья» обсуждался даже в двух рецензиях, что нечасто случается в современной Литве. См. статью «Наконец-то „Записки из подполья“» в еженедельнике «Северные Афины»: *Potašenko I. Pagaliau «Užrašai iš pogrindžio» // Šiaurės Atėnai* [Электронный ресурс] www.satnai.lt/?p=9482 (дата обращения 08.01.14); а также статью «Заметки благодарного читателя» в филологическом журнале «Respectus Philologicus»: *Beržaitė D. Nedėkingo skaitytojo pastabos // Respectus philologicus*. 2011. N 20 (25). P. 267–270.

⁴ Чеслав Милош писал в своем очерке «Шестов, или О чистоте отчаяния»: «Шестов (не он первый, Розанов намекал на это до него) считал самым великим произведением Достоевского „Записки из подполья“, а написанные им впоследствии „толстые“ романы — лишь комментарием и попыткой решить загадку, изложенную в „Записках“». См.: *Шестов Л.* Киргегард и экзистенциальная философия. М., 1992. С. VI.

⁵ Впервые о проблеме тенденциозности представления Достоевского в Литве упомянул Арвидас Юозайтис в статье в 2004 г. «Европа без совести Достоевского»: *Europa be Dostojevskio sąžinės* [Электронный ресурс] http://www.culture.lt/satnai/?leid_id=706&kas=straipsnis&st_id=2732 (дата обращения 08.01.14).

⁶ Мережковский прежде всего имеет в виду произведения, написанные до каторги.

и наносного»⁷. Итак, если следовать логике Мережковского, получается, что литовцы, не читавшие по-русски, в основном только в XXI в. могли полностью узнать «истинного Достоевского».

Еще один пример ознакомления литовского читателя с творчеством Достоевского свидетельствует не только об идеологических тенденциях «подачи» произведений писателя в советское время. Достоевский, как известно, книг для детей специально не писал. Однако в литовском издательстве «Margi gaštai» («Пестрые узоры») первой книгой нового, только в XXI столетии начавшегося проекта по переводу и переизданию всех произведений Достоевского, стал сборник «Достоевский. Детям» (2003). В нем собраны известные отрывки его произведений, которые писатель только собирался издать под таким названием. Даже и зная о существовании подобных замыслов у Достоевского, всё же можно задуматься, действительно ли эти «отсутствующие» произведения писателя — лучшее начало для знакомства с его творчеством?

Долгое время поддерживалось представление о некоем мелодрамматизме, сентиментальности Достоевского. Именно поэтому в Литве в советское время его произведения не включались в школьную программу по литературе. И, возможно, поэтому о творчестве Достоевского массовому литовскому читателю было известно очень мало. Однако сейчас ситуация с распространением произведений Достоевского — писателя, создавшего уникальные по своей структуре и поэтике художественные тексты, — всё же улучшается: роман Достоевского «Преступление и наказание», а также изучение творчества этого писателя наконец-то включены в школьную программу по всемирной литературе. Ситуация складывается так, словно действует какой-то «закон Достоевского», заключающийся в парадоксальности, в противоречивости всего, что связано с его именем. Так, до 1990-х гг. изучению русской литературы во всех школах Литвы отдавалось большое число часов, но для произведений Достоевского в программе не нашлось места. (Интересно было бы узнать, так ли обстояло дело и в других бывших советских республиках?) Однако теперь, при общем падении интереса к чтению, при сокращении часов по литературе и исключении такого предмета, как «русская литература», из школьной программы, изучение творчества Достоевского наконец-то стало обязательным для общего образования.

Продолжая разговор о переводах произведений этого русского писателя на литовский, необходимо отметить еще один факт, возможно, значимый для понимания «литовского» Достоевского. Роман «Бесы» на литовском языке появился только в 1997 г. в интерпретации известного переводчика Альгимантаса Антанавичюса⁸. Об этом конкретном

⁷ Мережковский Д. С. Религия Л. Толстого и Достоевского. СПб., 1902. С. 157.

⁸ Подробное послесловие к этому роману, озаглавленное «Одержимые нигилизмом», написали Б. Масёнене и М. Варлашина: Apsėsti nihilizmo // Demonai. Vilnius, 1997. P. 599–613.

переводе следует сказать отдельно по двум причинам. Во-первых, Антанавичюса можно считать составителем самых подробных комментариев по произведениям Достоевского на литовском языке⁹; во-вторых, и это главное, название романа переведено как «Demonai» («Демоны») ¹⁰. Свой выбор названия переводчик объяснил в комментариях, ссылаясь на переводы Евангелий, а также на авторитет В. Даля, в словаре которого «бес» и «демон» объясняются как тождественные понятия ¹¹.

Не все согласились с литовским вариантом названия данного романа Достоевского. Подробно об этом писал профессор Шяуляйского университета Пранас Гражис (Pranas Gražis) в книге «Русский роман XIX века. Вторая часть» ¹². Однако литовского читателя эта проблема заинтересовала меньше, чем можно было ожидать. Только режиссер Йонас Вайткус (Jonas Vaitkus) свой многочасовой спектакль, поставленный по роману Достоевского «Бесы» в Литовском национальном драматическом театре (2005), назвал всеми четырьмя возможными в переводе вариантами — «Demonai. Nelabieji. Apšėstieji. Kipšai», тем самым не только усилив основную тему постановки, но и подчеркнув понимание проблематичности названия романа в его литовском варианте.

На сегодняшний день почти все художественные тексты Достоевского уже можно найти на литовском языке. И это очень важно, так как только при полном их наличии можно говорить о возможностях литовского читателя более или менее адекватно постичь вершины культуры другой страны. Долгий, а иногда и необычный путь произведений Достоевского к литовской аудитории действительно может многое сказать прежде всего самим литовцам о «психологии народа, его мировоззрении, обоснованном социально-историческими обстоятельствами», о чем писала профессор Масёнене в упомянутой выше книге ¹³.

⁹ В Литве к текстовым комментариям, особенно относящимся к произведениям зарубежных авторов, никогда достаточно серьезно не относились. Данная книга была опубликована издательством «Вага» в солидной серии «Pasaulinės literatūros biblioteka» («История всемирной литературы»). То же издательство в 1986 г. переиздавало и «Братья Карамазовых», комментарий к которым составляет всего лишь несколько страниц. Однако литературовед Е. Червинскене написала детальное послесловие к этому роману — «Последний роман Ф. Достоевского», см.: *Paskutinis F. Dostojevskio romanas // Dostojevskis F. Broliai Karamazovai*. Vilnius, 1986. P. 467–475.

¹⁰ С аналогичной проблемой интерпретации названия романа сталкивались переводчики из многих стран. Например, на английском языке «Бесы» известны как «The Possessed», «The Devils» и «The Demons».

¹¹ См. раздел «Объяснения» в книге *Antanavičius A. Paaiškinimai // Dostojevskis F. Demonai*. Vilnius, 1997. P. 616.

¹² *Gražys P. XIX amžiaus rusų romanas. 2 dalis*. Šiauliai, 2004. P. 399.

¹³ О причинах поздних переводов произведений Достоевского в Литве упоминала в своей статье М. Варлашина «„Литовцам негоже греться у его огня“. Видунас о творчестве Федора Достоевского» (см.: *W poszukiwaniu prawdy. Chrześcijańska Europa — między wiarą a polityką*. Człowiek. Wiara. Kultūra. Czerętochowa, 2010. С. 425–433).

Кроме самих произведений Достоевского в последние годы в Литве популярными стали переводы биографической литературы о нем. Подбор переведенных литературных источников говорит сам за себя. В 2005 г. на литовский язык была переведена книга М. Слонима «Три любви Достоевского», в 2007 г. — воспоминания дочери писателя Л. Ф. Достоевской о своем отце («Dostoejewski geschildert von seiner Tochter»). По поводу последней книги М. Варлашина опубликовала статью «Литовские корни Достоевского. Достоевский глазами дочери»¹⁴, где подробно и объективно еще раз рассказала о том, что могло бы заинтересовать жителей Литвы, — о так называемом литовском происхождении Достоевского¹⁵.

На страницах литовских журналов печатались и отдельные фрагменты переписки Достоевского с его второй женой, Анной Григорьевной¹⁶. В 1999 г. литовский журналист Лаймонас Инис (Laimonas Inis) на основе отдельных литературоведческих исследований (Л. Гроссмана, В. Кирпотина, В. Твардовской, Л. Розенблюма и др.)¹⁷ написал книгу «Достоевский»¹⁸, где основное внимание уделено жизни писателя. О его творчестве у Иниса упоминается лишь мельком, словно литературное дело в жизни Достоевского играло совсем незначительную роль.

Тенденциозность представления литературы о Достоевском «нарушает» переизданная в 2004 г. оригинальная монография «Dostojevskis»¹⁹, написанная Е. Червинскене, многие годы бывшей профессором Вильнюсского университета. В Литве эта книга считается самым авторитетным исследованием, рассказывающим не только о жизни писателя, но, главное, и о проблемах его творчества. Секрет ее успеха — беллетристический, но не лишенный научности стиль, индивидуальность видения и толкования отдельных спорных вопросов творчества писателя. Например, представляя «Легенду о Великом инквизиторе», Червинскене излагает свою концепцию свободы человеческой личности, которая, с ее точки зрения, лежит в основе всего творчества Достоевского²⁰. Автор книги сознательно отказалась от привлечения литературоведческого

¹⁴ См. статью «Литовские корни Достоевского. Достоевский глазами дочери» в журнале «Новая Ромува»: *Varlašina M. Lietuviškos Dostojevskio šaknys (Aimée Dostojevskaja. Dostojevskis dukters akimis) // Naujoji Romuva. 2009. N 1. P. 5.*

¹⁵ Впервые подробно об этом вопросе в отдельной главе своей книги «Literatūrinį gyščių pėdakais» писала Масёнене.

¹⁶ См. статью «Достоевский и Анна» *Almonaitė A. Dostojevskis ir Ana // Gunda. 1994. 4. P. 39–41.*; а также статью «Письма А. Достоевской»: *Laiškai. A. Dostojevskajai // Naujoji Romuva. 1997. N 1.*

¹⁷ Правда, нельзя объяснить, чем обусловлен выбор книг именно этих авторов, кроме как случайным их обнаружением в местной библиотеке.

¹⁸ *Inis L. Dostojevskis: biografinė apybraiža. Kaunas, 1999. P. 277.*

¹⁹ *Červinskienė E. Dostojevskis. Vilnius, 2004. P. 295.* Первое издание книги появилось еще в 1971 г.

²⁰ Более подробно об этом см.: *Червинскене Е. Свобода личности в мире идей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 4. Л., 1980. С. 68–75.*

материала, включив в свою книгу в основном лишь высказывания Достоевского и его современников. И все это ради того, чтобы читатель мог объективно, без советов «посредников», понять ту эпоху, в которой пришлось жить Достоевскому. Популярность монографии Червинскене обусловлена также и сопоставительным анализом некоторых проблем творчества Достоевского. Червинскене долгие годы в Литве славилась как лучший специалист по русской классической литературе. Во многом благодаря ей изучение русской классической литературы в Вильнюсском университете было лишено той идеологической окраски, наличие которой казалось неизбежным в то время. До сих пор монографии Червинскене, посвященные творчеству Л. Н. Толстого и А. П. Чехова²¹, помнят не только в Литве. Профессор Масёнене еще в 1982 г. отметила, что уникальный метод Червинскене заключается прежде всего в «тщательном и, вместе с тем, художественном анализе текста при поиске его связей с исторической эпохой и индивидуальностью художника <...>. Ее труд о Достоевском концентрируется вокруг самого главного — поиска ценностного центра художественного мира»²².

Исследовательскую работу профессора Гражиса «Достоевский и романтизм» можно считать последней монографией литовского автора о Достоевском²³. Но книга Гражиса, написанная на русском языке, рассчитана уже на другую аудиторию — на специалистов по творчеству Достоевского. И отличается она подчеркнутым академизмом, правда, сочетающимся с ясностью и доступностью стиля изложения. Возможно, к сегодняшнему дню некоторые положения Гражиса и не выглядят неоспоримыми, особенно в вопросах понимания сущности романтизма и реализма. Но мастерство самого текстуального анализа, проделанного Гражисом, нельзя не отметить. Как и в большинстве исследований о Достоевском, написанных приблизительно в то же время, в этой книге читателя привлекают универсальность знаний Гражиса и его нескрываемый личный интерес к изучаемому предмету, что, к сожалению, не часто встретишь в современном литературоведении.

К концу прошлого века сложившаяся грань между так называемым «популярным» и «академическим», филологическим, философским пониманием и толкованием наследия Достоевского нарушается выступлениями Арвидаса Юозайтиса (Arvydas Juozaitis), по мнению которого, чтение Достоевского позволяет понять Россию. Для Литвы этот вопрос в последние десятилетия стоял особенно остро. Будучи философом, писателем, публицистом и политологом, Юозайтис, не раз в печати отмечавший, что членство в Российском обществе Достоевского²⁴ — для него

²¹ Червинскене Е. По закону Льва Толстого. Вильнюс, 1992. С. 223; Червинскене Е. Единство художественного мира: А. П. Чехов. Вильнюс, 1976. С. 183.

²² Masionienė B. Literatūrinis gyšis pėdsakais. Vilnius, 1982. P. 63.

²³ Гражис П. Достоевский и романтизм. Вильнюс, 1979. С. 170.

²⁴ В деятельности Общества он активно участвует с 1993 г.: выступает на конференциях с докладами, публикует в сборниках общества статьи о Достоевском.

принципиальный факт, в Литве всё же более известен как один из ярких деятелей литовского общественного движения «Саудис». Сегодняшние его высказывания, концентрирующиеся на стыке философии, этики, литературы и политики, в Литве оцениваются как выступления трибуна, оратора, носителя авторитетного слова. И Достоевский для него — один из главных источников такого слова. Размышления об этом русском писателе у Юозайтиса всегда вплетены в контекст актуальнейших проблем сегодняшнего дня. Ведь в произведениях Достоевского, по мнению философа, «поднимаются те вечные вопросы, которые всегда трепещут в душе человека, но не всякому сочинителю дано отразить их с той высокой одухотворенностью, с одухотворенностью, которая свойственна Достоевскому. Коллизии романов Достоевского в высшей степени актуальны сегодня <...>. Достоевский — кислород в нашем загрязненном воздухе»²⁵, это тот писатель, который «активирует совесть читателя», а она, в свою очередь, по определению автора статьи, есть не что иное, как «саморефлексия под надзором универсальных идей»²⁶. Но также с сожалением нужно отметить, что в Литве почти неизвестны публикации Юозайтиса, непосредственно анализирующие творчество Достоевского. Хотя только благодаря Юозайтису в литовской печати отмечался юбилейный год Достоевского (1996) — половина номера журнала «*Naujoji Romuva*» тогда была отведена под материалы, представляющие творческую деятельность этого русского писателя. А статью Юозайтиса «Три ипостаси совести у Достоевского», анализирующую на примерах произведений Достоевского все ипостаси человеческой совести (психологическую, умозрительную и религиозную) и очень высоко оцениваемую ведущими российскими достоевскооведами, о чем свидетельствует ее переиздание в различных научных сборниках России, в Литве вообще невозможно найти.

Научность с популярностью сочетаются и в сборниках материалов литовских исследований, которые посвящены теме «Достоевский и Вильнюс». В них описывается короткое пребывание Достоевского в Вильно во время свадебного путешествия писателя в Европу в начале 1867 г. Правда, «герой» этих материалов — всё же сама столица Литвы, а не посетивший ее русский писатель, так как все эти материалы включены их составителями в монографии, изучающие многоликую, многокультурную вильнюсскую историю²⁷.

²⁵ Интервью с Юозайтисом, в котором философ отвечает на вопросы писательницы Ю. Иванаускайте, приведено на сайте <http://ussr-swimming.ru/bio/juozaitis/juozaitis.htm> в разделе «Плавание в СССР»: «Tada meilė Lietuvai ir gyvenimui sutapo» («Тогда любовь к Литве и к жизни совпали») (см. *Filosofas A. Juozaitis atsako į rašytojos J. Ivanauskaitės klausimus // Šiaurės Atėnai* [Электронный ресурс] http://www.culture.lt/satenai/?leid_id=737&kas=straipsnis&st_id=3206 (дата обращения 08.01.14)).

²⁶ Юозайтис А. Три ипостаси совести у Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XIX Междунар. Старорусских чтений 2004 года. Великий Новгород, 2005. С. 292.

²⁷ См. книгу «Вильнюсские имена»: *Venclova T. Vilniaus vardai*. Vilnius, 2006. P. 152;

Большинство статей о Достоевском, написанных в последние два десятилетия, широкому кругу читателей, скорее всего, остались неизвестны, так как они публиковались в ежегодном научном филологическом журнале Вильнюсского университета «Literatūra. Rusistica Vilnensis». Следует признать, что университетские издания, пусть и названные «престижными», не пользуются популярностью. Но радует то, что в старейшем университете Литвы изучение творчества Достоевского, чтение курсов по его творчеству, создание проектов студенческих работ про его наследие никогда не прекращалось.

Авторы статей о Достоевском, печатающиеся в университетском журнале, выбрали в основном одно, правда, очень широкое направление в изучении писательского наследия, которое условно можно было бы назвать «двухголосое слово». Все они «отталкиваются» от мысли М. Бахтина о том, что «произведения Достоевского — это слово о слове, обращенное к слову»²⁸. Как указывается в одной из публикаций, «слово у Достоевского — явление двухголосое: оно отвечает предыдущим голосам и предвосхищает чужую реплику. Таким образом, любое произведение писателя отталкивается на уже заявившие о себе голоса, на другие произведения и, вместе с тем, предвосхищает, определяет будущие»²⁹.

Правда, первая часть заявленной темы — «ответ слова писателя предыдущим голосам» — представлена всего лишь одним выступлением. Это статья «А. П. Сулова и Ф. М. Достоевский: „чужие“ и „свои“», посвященная до сих пор в достоевковедении полностью не изученному тексту возлюбленной писателя «Чужая и свой»³⁰. В ней филолог Д. Бержайте (перу которой принадлежит и настоящая статья) на основе анализа биографического, мемуарного и текстуального материала выдвигает предположение, что «жизненный текст» самой Суловой, в некоем концентрированном виде представленный в ее повести, словно включается в произведения Достоевского на правах цитаты, как «чужое в своем»³¹.

Остальные статьи о Достоевском в журнале «Literatūra» относятся к теме «предвосхищения чужой реплики»³². Их можно разделить на несколько групп. Первая из них тесно связана с национальной тематикой, с освещением проблем литовской литературной и религиозно-философской критики. Тема понимания Достоевского литовскими авторами,

Briedis L. Vilnius: City of Strangers. Vilnius, 2008. P. 141–146; а также «Вильнюс — свой и чужой»: *Briedis L.* Vilnius — savas ir svetimas. Vilnius, 2010. P. 168–173.

²⁸ *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. Киев, 1994. С. 456.

²⁹ *Бержайте Д.* «Вечный муж» Достоевского: к некоторым аспектам проблемы «чужого слова» // *Literatūra*. 2003. N 45 (2). С. 39.

³⁰ *Бержайте Д.* А. П. Сулова и Ф. М. Достоевский: «чужие» и «свои» // *Literatūra*. 2005. N 47 (2). С. 26–37.

³¹ Там же. С. 35.

³² Единственная статья, которая не вписывается в данное направление, — «Колорит романов Достоевского» — посвящена как проблемам поэтики, так и вопросам идейно-тематического содержания романов Достоевского, см.: *Бержайте Д.* Колорит романов Достоевского // *Literatūra*. 2001. N 41–43 (2). С. 65–80.

начата Масёнене еще в 1880-е гг., была продолжена ею и в новое время. На этот раз, как и следовало ожидать, акцент ставился на том, о чем при советском строе лучше было не упоминать, т. е. на христианской проблематике рецепции Достоевского в Литве³³. После кончины Масёнене ее исследования в области литовского достоевсковедения в 1920–1940 гг. в своей докторской диссертации продолжает М. Варлашина. Привлекая и академически тщательно комментируя все к сегодняшнему дню имеющиеся труды литовских авторов XX в. о Достоевском, Варлашина выделяет три основных этапа постижения его творчества в Литве, которые, в свою очередь, связаны с тремя главными именами литовского достоевсковедения: философами Видунасом³⁴ (1920-е гг.) и Антанасом Мацейной (1940-е гг.), а также профессором Червинскене³⁵. Особое внимание Варлашина уделяет наследию литовского христианского философа-эмигранта Мацейны, труд которого «Великий инквизитор» уже стал неотъемлемой частью истории изучения одноименного фрагмента произведения Достоевского как самостоятельного целого.

Проблемы освещения творчества Достоевского в литературной критике интересуют и других авторов журнала «Literatūra». В 1994 г. вышла статья, посвященная книге Д. С. Мережковского «Религия Льва Толстого и Достоевского»³⁶; в 2002 г. — материалы о творчестве Достоевского в восприятии Л. Е. Оболенского — сегодня мало кому известного литературного критика конца XIX в., одного из редакторов народническо-демократического журнала «Русское богатство»³⁷.

³³ Масёнене Б. Творчество Ф. Достоевского в контексте литовской литературы XX века // *Literatūra*. 1992. N 33 (2). С. 23.

³⁴ Это псевдоним. Настоящее имя философа — Вильгельмас Сторостас.

³⁵ *Варлашина М.* «Великий инквизитор» А. Мацейны (к постановке проблемы) // *Literatūra*. 1999. N 39 (2). С. 37–48; *Варлашина М.* Литовский Достоевский ретроспективным взглядом: к проблеме восприятия историко-литературных текстов // *Literatūra*. 2005. N 47 (2). С. 71–90; см. статью «*Великий инквизитор* Антанаса Мацейны: герменевтический действенно-исторический аспект»: *Varlašina M.* Antano Maceinos Didysis Inkvizitorius: Hermeneutinis istorinės veikmės aspektas // *Literatūra*. 2008. N 50 (2). P. 30–41; а также статью «Проблема положительного отношения к творчеству Достоевского: Видунас»: *Varlašina M.* Teigiama santykio su Dostojevskio kūryba problema: Vydūnas // *Literatūra*. 2009. N 51 (2). P. 41–58.

Отдельные вопросы, поднимаемые М. Варлашиной в журнале «Literatūra», дополнительно анализируются в следующих ее статьях: Великий инквизитор Антанаса Мацейны: религиозно-философский и гражданский аспект // *Drogi i rozdroza kultury Chrzescijanskiej Europy*. Czlowiek. Wiara. Kultura. Czętochowa, 2003. С. 449–457; «Оставаться со Христом...» Несколько замечаний к проблеме своеобразия религиозного мировосприятия Ф. М. Достоевского // *Dziennictwo Chrzescijanskiego wschodu i zachodu*. Czlowiek. Wiara. Kultūra. Czenstohowa, 2006. С. 323–325; «Литовцам негоже греться у его огня». Видунас о творчестве Федора Достоевского // *W poszukiwaniu prawdy*. Chrzescijanska Europa — między wiarą a polityką. Czlowiek. Wiara. Kultura. Czętochowa, 2010. С. 425–433.

³⁶ *Бержайте Д.* Последнее слово России // *Literatūra*. 1994. N 36 (2). С. 38–45.

³⁷ *Бержайте Д.* Забытые страницы литературной критики // *Literatūra*. 2002. N 44 (2). С. 21–33.

В период между этими выступлениями появились еще две публикации на литературно-критические темы, связанные с Достоевским. Первая — «Путь к Достоевскому» — это исследование цикла статей А. Л. Вольнского «Литературные заметки», в котором много внимания уделяется личности и творчеству Достоевского³⁸; и вторая — учебное пособие для студентов «Ф. М. Достоевский в оценке русской демократической критики XIX века». В этом пособии наряду с изучением высказываний В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и Н. К. Михайловского о творчестве писателя учитываются тексты критических работ о Достоевском, которые ранее, в советские времена, было запрещено упоминать или тем более воспроизводить³⁹. Но автора этого небольшого исследования больше всего занимает литературно-критическая позиция Михайловского, с годами претерпевшая серьезную эволюцию, которая и вовсе ускользнула от внимания специалистов по литературной критике.

И всё же в университетском журнале больше внимания уделяется вопросу восприятия творчества Достоевского уже в XX в. Кроме вышеупомянутых статей Масёнене и Варлашиной необходимо подчеркнуть вклад в разработку этой темы профессора Гражиса. В своей публикации «Творчество Ф. М. Достоевского в свете важных тенденций в литературе XX века»⁴⁰ профессор, обратившись к многочисленным мнениям западных исследователей и художников о Достоевском, открыл целую серию статей, рассматривающих творческое наследие писателя в рамках теории интертекстуальности и поэтики «чужого слова»⁴¹.

В конце XX в. в журнале печатались и материалы по истории западного достоевсковедения, знакомящие читателя с непереуслышанными на русский и литовский языки исследованиями англо-американских литературных критиков и философов, писавших о Достоевском⁴².

³⁸ *Бержайте Д.* Путь к Достоевскому («Литературные заметки» А. Л. Вольнского о Ф. М. Достоевском) // Язык. Общество. Культура. Вильнюс, 1997. С. 103–111.

³⁹ *Бержайте Д.* Ф. М. Достоевский в оценке русской демократической критики девятнадцатого века. Вильнюс, 1998. С. 90.

⁴⁰ *Гражис П.* Творчество Ф. М. Достоевского в свете важных тенденций в литературе XX века // *Literatūra*. 1999. № 39 (2). С. 29–36.

⁴¹ В настоящее время Институт литовской литературы и народного творчества готовит сборник научных статей, посвященный юбилею лауреата Нобелевской премии Чеслава Милоша, в котором тема «Милош о Достоевском» будет представлена в статье Инги Видугирите-Пакарене «Взгляд на Россию в эссеистике Чеслава Милоша „Последний гражданин ЛКВ“» («Požiūris į Rusiją Czeslawo Miloszo — „Paskutinis LDK pilietis“ — eseistikoje»).

⁴² *Бержайте Д.* Из истории английского достоевсковедения // *Literatūra*. 1999. № 39 (2). С. 49–62; *Бержайте Д.* О некоторых аспектах современного западного достоевсковедения // *Literatūra*. 2000. № 39 (2). С. 101–108. Об исследованиях тождественного в русско-английском достоевсковедении см. также статью, опубликованную в польском сборнике: *Бержайте Д.* Ф. М. Достоевский в религиозно-философской критике на рубеже

Изучение англо-американского диалога с творчеством Достоевского не прекращается в Вильнюсе и на протяжении последнего десятилетия. В журнале «Literatūra» одна за другой появились пять статей, в центре которых — романы западных авторов (исключение составляет роман Л. Цыпкина «Лето в Бадене», правда, и он впервые увидел свет в США), созданные «по мотивам» произведений Достоевского. Например, в статье под названием «Достоевский в Америке, или Некоторые заметки по поводу прочтения одного романа» опыт христианской интерпретации романов Достоевского «накладывается» на роман американской писательницы Ф. О'Коннор «Мудрая кровь»⁴³. Попытка объяснить разные способы постмодернистских «игр» как с героями Достоевского, так и с фактами из его личной жизни лежат в основе таких статей, как «Посвящение отцам, или Диалог с русской литературой»⁴⁴, «О литературе и любви»⁴⁵, «„Вечный муж“ Достоевского: к некоторым аспектам „чужого слова“»⁴⁶, «В защиту Достоевского и детектива»⁴⁷. Параллельно в этих статьях обсуждаются и более общие вопросы русской литературы, которая для многих западных авторов всё еще, кажется, совпадает с единственным именем — именем создателя «Преступления и наказания».

Проблемам взаимодействия текстов кино и литературных произведений посвящены исследования Наталии Арлаускайте, одного из ведущих специалистов по интермедиальным исследованиям в Литве. В 2005 г. в журнале «Literatūra» вышла ее статья под названием «Диегетические игры Куросавы с „Идиотом“»⁴⁸, в которой Арлаускайте, разбирая художественный образ князя Мышкина, обсуждает и сложности самого интерпретационного аппарата, необходимого для разговора

XIX–XX веков (Мережковский и его последователи в Англии) // Drogi i rozdroża kultury Chrzescjanskiej Europy. Czlowiek. Wiara. Kultūra. Czenstohowa, 2003. С. 441–449.

⁴³ *Бержайте Д.* Достоевский в Америке, или Некоторые заметки по поводу прочтения одного романа // *Literatūra*. 2007. № 49 (2). С. 21–40.

⁴⁴ *Бержайте Д.* Посвящение отцам, или Диалог с русской литературой // *Literatūra*. 2009. № 51 (2). С. 21–35. В статье речь идет о нашумевшем романе Дж. М. Кудзее (J. M. Coetzee) «Осень в Петербурге», еще раз воскресившем как историю Нечаева, так и проблемы создания «Бесов».

⁴⁵ *Бержайте Д.* О литературе и любви (Л. Цыпкин. Лето в Бадене) // *Literatūra*. 2008. № 50 (2). С. 53–64.

⁴⁶ *Бержайте Д.* «Вечный муж» Достоевского: к некоторым аспектам «чужого слова» // *Literatūra*. 2003. № 45 (2). С. 39–50. В романе Дж. Ирвинга «Мир глазами Гарпа» есть целая глава под названием «Вечный муж». Автор статьи обращает внимание на то, что герои американского писателя читают произведение Достоевского по тому же принципу, как и герои последнего читали «Провинциалку» И. С. Тургенева.

⁴⁷ *Бержайте Д.* В защиту Достоевского и детектива // *Literatūra*. 2010. № 52 (2). С. 33–41. В этой статье автор в роли читателя Достоевского пытается «разгадать» тайну детективов Морриса «Благородный топор» и «Мстительная тоска» из цикла «Петербургские мистерии».

⁴⁸ *Арлаускайте Н.* Диегетические игры Куросавы с «Идиотом» // *Literatūra*. 2005. № 47 (2). С. 113–119.

о рецепции одного вида искусства другим. Понимание экранизации как эстетического вызова сложившейся в общественном мнении истории литературы, а конкретно, анализ интерпретации того же самого романа Достоевского, на этот раз осуществленной режиссером Р. Качановым в фильме «Down House», представлено в другой статье Арлаускайте⁴⁹.

Доминирующая в современном литовском разговоре о Достоевском тенденция включения проблем его творчества в контекст мировой литературы, искусства и критики позволяет сделать предположение, что у местного достоевсковедения будущее, видимо, есть — вряд ли когда-нибудь мировой «диалог с Достоевским» будет исчерпан. Может волновать только другое — это разрыв между «академическим» Достоевским и тем, которого условно уже назвали «популярным». Но тогда какой это Достоевский без парадоксов и противоречий, без многозвучия и в его понимании? Оказывается, те же самые законы мира Достоевского действуют и в восприятии его творчества. Во всяком случае, в Литве. Но всё же почему-то очень не хочется, чтоб у литовского читателя верх взяло «обывательское» (по удачному определению Юозайтиса: «Обывателю доступно любое произведение, ему дозволено любое восприятие»⁵⁰) представление об этом русском классике. Хотя Достоевский и «не „тоталитарен“, т. е. не настаивает на сознательности читателя задействовать свою собственную совесть, он и не „демократический“ автор. Герои Достоевского воспитывают постольку, поскольку читатель готов к самовозрастанию»⁵¹.

⁴⁹ *Arlauskaitė N.* Ekranizacijos kaip literatūros istorijos provokacijos // *Respectus philologicus*. 2005. № 7 (12). P. 50–70.

⁵⁰ *Юозайтис А.* Три ипостаси совести у Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XIX Междунар. Старорусских чтений 2004 года. Великий Новгород, 2005. С. 291.

⁵¹ Там же.

Д. ВЕР-ДЖОНС

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ДОСТОЕВСКОГО В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Произведения Достоевского в английском переводе (в издании Визетелли и Лонгмана¹) стали доступны читателю в Новой Зеландии начиная с 1880-х гг. До этого момента творчество Достоевского даже не входило в учебную программу университетов Новой Зеландии, в этот период русская литература не являлась специальностью, по которой можно было бы получить университетский диплом. Университет королевы Виктории в Веллингтоне (в то время университетский колледж) в 1942 г. стал первым учебным заведением, который ввел учебную дисциплину, связанную с изучением русской культуры. В начале 1960-х гг. русский язык был также включен в программу университетов Кентербери, Отаго и Окленда; как правило, это предполагало и изучение национальной литературы. Фундамент преподавания и исследования русской литературы XIX в., особенно творчества И. С. Тургенева и Достоевского, в Новой Зеландии был заложен Университетом королевы Виктории.

Учредителем преподавания русского языка в этом учебном заведении стал профессор Н. Н. Данилов (1896–1981), проработавший на созданной им кафедре около 25 лет, вплоть до ухода в отставку в 1969 г.² Ученый-эмигрант «старой школы» (его отец был директором гимназии в одной из прибалтийских губерний Российской империи), Данилов получил степень доктора наук в Вене. Его лекции о произведениях Достоевского были подготовлены на основе эмигрантских исследований. В частности, он использовал известную книгу К. Мочульского³, а также работы русских религиозных философов, изданные в России до революции. В 1963 г., после введения аспирантуры по русскому языку, Данилов начал преподавание систематического учебного курса, посвященного творчеству Достоевского. Вскоре оформилось периодическое издание под названием «The Journal of the Australia and New Zealand

¹ *Dostoieffsky F. Crime and Punishment. H.R. Vizetelly. London, 1887. Buried Alive: or, Ten Years Penal Servitude in Siberia. London: Longmans, Green, and Co., 1881.*

² В этот период публикации Н. Данилова были большей частью посвящены русской истории и методике изучения русского языка, творчеством Достоевского он не занимался. См.: *Danilov N. Russian with a Smile. Wellington, (без даты).*

³ *Мочульский К. Достоевский: жизнь и творчество. Paris, 1947.*

Slavists' Association» («Журнал Ассоциации славистов Австралии и Новой Зеландии»), позднее получившее название «New Zealand Slavonic Journal» («Новозеландский славистический журнал»).

В 1970-е гг. окончательно оформились учебные курсы по переводу русской литературы, классической и современной, а также курсы по русской культуре для студентов, изучающих историю и общественные науки. Курс RUSS-113 «Классическая русская литература в переводе» в лучшие годы насчитывал до 150 студентов, изучавших классическую литературу XIX в., включая роман Достоевского «Бесы», на семинаре, который вела Айрини Эсам (И. Зохраб). Лекции о «Преступлении и наказании» для студентов третьего курса русского отделения читал Патрик Уоддингтон, назначенный заведующим кафедрой русского языка в 1974 г. В этот же период Эсам (Зохраб) читала лекции о «Записках из подполья» и «Сне смешного человека» для студентов второго курса, а также о поэме «Великий инквизитор» из «Братьев Карамазовых» студентам третьего курса. Исследование творчества Достоевского предлагалось также в Университете королевы Виктории соискателям степени магистра или доктора наук.

Когда Д. В. Гришин (1908–1975), преподававший в Мельбурнском университете, в конце 1960-х гг. обратился к Н. Н. Данилову за содействием в создании Международного общества Достоевского, тот отнесся к данной инициативе довольно прохладно. Свое образование Гришин получал в Саратове, позднее в Московском государственном университете, где получил степень кандидата филологических наук, написав диссертацию о творчестве раннего Достоевского⁴, а после Второй мировой войны эмигрировал в Австралию (в 1949 г.). Интерпретация Гришиным жизни и творчества Достоевского была основана на идеологических принципах, отличных от позиции Данилова. Данилов не поехал на Первый международный симпозиум по Достоевскому, проходивший в Бад-Эмсе, вместо него была направлена И. Эсам (Зохраб). Ее отчет о Симпозиуме открывает выпуск «Новозеландского славистического журнала» за 1971 г. Позже этот отчет был переведен и опубликован Гришиным в русскоязычной газете «Эпоха» в Австралии.

Отчет обращал внимание на особый характер гения Достоевского, всеобщую значимость и актуальность его произведений: «Несмотря на то что Достоевский был ярко выраженным русским писателем, его вклад в духовное наследие всего человечества неоспорим»⁵. Таким образом, исследование жизни и творчества Достоевского представляется

⁴ Christesen N. Grishin, Dmitry Vladimirovich (1908–1975) // Australian Dictionary of Biography, National Centre of Biography, Australian National University. [Электронный ресурс:] (<http://adb.anu.edu.au/biography/grishin-dmitry-vladimirovich-10373>).

⁵ Esam (Zohrab) I. International Symposium on F. M. Dostoevsky. 1971. September 1–5 // New Zealand Slavonic Journal. 1971. P. 1–4; Эсам (Зохраб) И. Международный симпозиум Достоевского. Бад-Эмс. 1–5 сентября 1971 г. // Эпоха: Русская литературная газета. Аделаида. 1972. Апрель. С. 9.

«важным для всех стран, и симпозиум выражает твердую убежденность, что международная координация исследований творчества русского писателя послужит интересам международного взаимопонимания»⁶. В учредительном симпозиуме принимал участие преподобный Дмитрий Григорьев, профессор университета Джорджтауна, неоднократно читавший лекции в Университете королевы Виктории, посвященные религиозному содержанию произведений Достоевского⁷. Формирование Международного общества Достоевского и начало издания академического Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 30 томах (1972–1990), первые четыре тома которого вышли в 1972 г., дали новый толчок исследованиям и преподаванию творчества писателя в Новой Зеландии и во всем мире. Некоторые ученые, исследования которых были сосредоточены в других областях, переключили внимание на Достоевского. И. Зохран стала официальным представителем Новой Зеландии в Международном обществе Достоевского, участвовала в многочисленных симпозиумах с докладами, предлагавшими новые и актуальные темы исследований, опубликованными в различных периодических изданиях. На IV симпозиуме, проходившем в Бергамо в 1980 г., ею был сделан доклад о публикациях в журнале «Гражданин» материалов, посвященных теме: «А. Н. Островский и Ф. М. Достоевский»⁸. На V симпозиуме в Серизи-ла-Сале Зохран сделала доклад о деятельности Достоевского как редактора «Гражданина» и приложила список книг, прорецензированных в библиографическом разделе журнала⁹. Пушкинский Дом обратился к исследовательнице с предложением подготовить статью для очередного сборника «Достоевский. Материалы и исследования»¹⁰. И. Зохран продолжала работать по названной теме, регулярно печатая свои работы в научных периодических изданиях Австралии и Новой Зеландии.

В 2004 г. ею был завершен многолетний труд по созданию библиографического описания содержания «Гражданина» за период редакторства Достоевского¹¹. В этой работе был выявлен состав авторов и сотрудников

⁶ New Zealand Slavonic Journal. P. 3.

⁷ См.: Григорьев Д. Д. Достоевский и церковь. У истоков религиозных убеждений писателя. М., 2002. С. 176.

⁸ Зохран И. Взгляды Ф. М. Достоевского на театр, в частности, на пьесы А. Н. Островского, и их отражение в некоторых чертах художественной системы Достоевского // IV Международный симпозиум, посвященный Достоевскому. Бергамо, 1980. С. 109–110; Zohrab I. Dostoevskij through the prism of his reception of Ostrovskij's works // Actualite de Dostoevskij. Genova, La Quercia Edizioni, 1982. С. 119–144.

⁹ Zohrab I. Books reviewed in *Grazhdanin (The Citizen)* during F.M. Dostoevsky's editorship (January 1873 to April 1874) // Dostoevsky Studies. 1983. N 4. С. 125–138; Zohrab I. Dostoevsky and Herbert Spencer // Dostoevsky Studies. 1987. N 7–8. P. 45–72.

¹⁰ Зохран И. Ф. М. Достоевский и А. Н. Островский (в свете редакторской деятельности Достоевского в «Гражданине») // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 107–125.

¹¹ Zohrab I. The Contents of *The Citizen* during Dostoevsky's Editorship: Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions. Dostoevsky's Quest to Reconcile the «Flux of

«Гражданина» на основании гонорарных записей и всевозможных документальных, содержательных, стиливых и компьютерных методов, по мере возможности были установлены авторы анонимных статей (или подписанных псевдонимом, криптонимом), и таким образом был атрибутирован ряд заметок и редакторских правок, принадлежавших Достоевскому.

Главным форумом славистов Новой Зеландии являются конференции научной ассоциации AULLA (Australasian Association for Language and Literature), предоставлявшей трибуну для чтения докладов о Достоевском. Конференции проходили каждые 18 месяцев, главным образом в университетах Австралии, их материалы, как правило, публиковались¹². «Melbourne Slavonic Studies» («Мельбурнское славяноведение»), позднее переименованный в «Australian Slavonic and East European Studies» («Австралийские исследования проблем славяноведения и стран Восточной Европы») был еще одним печатным органом для публикации работ И. Зохраб¹³.

Ранние исследования Зохраб были сосредоточены на изучении наследия Достоевского в контексте истории русской литературы и культуры, связей писателя с современными ему литераторами. Например, ее исследование художественного и публицистического творчества славянофилов на материале статей М. Погодина позволило переосмыслить важность этого движения для истории русской мысли¹⁴. Для юбилейного номера «Новозеландского славистического журнала», посвященного 100-летию со дня смерти Тургенева, вышедшего под редакцией Патрика Уоддингтона в 1983 г.¹⁵, она написала статью, в которой пересматриваются отношения между Тургеневым и Достоевским и обнаруживается возможное участие Достоевского в написании рецензии на «Живые мощи» Тургенева в «Гражданине». Подробное исследование на эту тему было опубликовано в журнале «Slavica» («Славика»)¹⁶.

Life» with a Self-Fashioned Utopia. Part 1 // *Dostoevsky Journal*. 2004. N 5. P. 47–162; *Zohrab I.* A Selection of F. M. Dostoevsky's Unsigned Contributions to *The Citizen* (Being the First Translation into English) // *Dostoevsky Journal*. 2004. N 5. P. 163–216 (Translated with David Foreman. With an Introduction by Irene Zohrab).

¹² *Zohrab I.* F. M. Dostoevsky and A. N. Ostrovsky // AULLA XX Proceedings and Papers. Newcastle, University of Newcastle. 1980. P. 108–109. *Zohrab I.* F. M. Dostoevsky as editor of *Grazhdanin* // AULLA XXI Proceedings and Papers, Palmerston north, Massey University. 1982. P. 392–395.

¹³ *Zohrab I.* F. M. Dostoevsky and A. N. Ostrovsky // *Melbourne Slavonic Studies*. 1980. N 14. P. 56–79.

¹⁴ *Zohrab I.* «The Slavophiles» by M. P. Pogodin. An introduction and translation // *New Zealand Slavonic Journal*. 1982. P. 29–87; *Zohrab I.* Dostoevsky and Panslavism. XI. *medzinarodny zjazd slavistov*. Bratislava, 1993. P. 58.

¹⁵ *Лобковская Е. М.* Тургеневский выпуск новозеландского славистического журнала // *Русская литература*. 1985. № 1. С. 233–235.

¹⁶ *Zohrab I.* Turgenev and Dostoyevsky: a reconsideration and suggested attribution // *New Zealand Slavonic Journal*. 1983. P. 123–142; *Zohrab I.* Turgenev as presented in the pages

Патрик Уоддингтон был главным редактором «Новозеландского славистического журнала» вплоть до 1992 г. За время своей деятельности в качестве профессора и преподавателя в университете он опубликовал множество статей о творчестве И. С. Тургенева¹⁷, отдавалось должное и творчеству Достоевского. С 1993 г. должность главного редактора «Новозеландского славистического журнала» заняла И. Зохран, которая в 1995 г. организовала выпуск специального тома, посвященного Достоевскому¹⁸. В последующие годы журналу удалось опубликовать три статьи о Достоевском в 1997 и 1998 гг. и две статьи в «Festschrift» (юбилейном выпуске, посвященном Арнольду Мак-Миллину) в 2002 г.

С 1993 г. в редакционную коллегию «Новозеландского славистического журнала» вошли не только представители четырех главных университетов Новой Зеландии, но и иностранные ученые — Г. Я. Галаган, В. А. Туниманов, Х.-Ю. Герик, Р. Л. Джексон, Н. Корнуэлл, Э. Г. Кросс, А. Мак-Миллин, Р. Нойхойзер. Среди ведущих специалистов в области изучения творчества Достоевского из Европы и США, сотрудничавших на протяжении многих лет с «Новозеландским славистическим журналом», были также Джо Эндрю, Томас Берри, Ричард Чепл, Гери Кокс, Светлана Греньер, Джон М. Ханак, Кеннет Харпер, Ирина Керк, Темира Пачмус, Джон Д. Симонс, Ольга Табачникова и Джанет Такер.

Материалы о Достоевском австралийских авторов публиковались на страницах этого издания нечасто: в Австралии большой выбор возможностей для публикаций. Так, Слободанка Владив-Гловер опубликовала в «Новозеландском славистическом журнале» две статьи¹⁹; Сандра Ейтс из университета Квинсленда в 1998 г. напечатала работу о влиянии Достоевского на творчество Ремизова²⁰. В 1971 г. было опубликовано либретто Эдварда Хилла к опере «Настасья», созданной новозеландским композитором Эдвином Карром по мотивам романа Достоевского «Идиот»²¹. Г. Белл написала работу о детской психологии на основе рассказа Достоевского «Маленький герой»²². Роберт Берри

of *Grazhdanin* during F. M. Dostoyevsky's editorship (from January 1873 to April 1874). An attempt at attribution // *Slavica. Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth Nominatae*. 1986. N 23. P. 153–180.

¹⁷ *Waddington P.* Turgenev and England. London and Basingstoke, 1980; *Waddington P.* Turgenev and George Sand: An Improbable Entente. Macmillan, 1981; *Waddington P.* Turgenev and Britain. Berg Publishers, 1995.

¹⁸ *Zohrab I.* (ed.) New Zealand Slavonic Journal. (Special Issue on F. M. Dostoyevsky). 1995. N 29.

¹⁹ *Vladiv-Glover S.* Dostoyevsky, Freud and Parricide: Deconstructive Notes on *The Brothers Karamazov* // *New Zealand Slavonic Journal*. 1993. N 27. P. 7–34.

²⁰ *Yates S.* The Influence of Dostoyevsky on the Worldview of Aleksei Remizov // *New Zealand Slavonic Journal*. 1998. N 32. P. 137–176.

²¹ *Hill E.* Nastasya — Libretto for an Opera by Edwin Carr (based on *The Idiot*) // *New Zealand Slavonic Journal*. 1971. N 8. P. 20–37.

²² *Bell G.* «The Child is Father to Man». A brief study on Dostoyevsky's knowledge of children, exemplified by his story *A Little Hero* // *New Zealand Slavonic Journal*. 1971. N 8. P. 2–48.

предложил исследование, в котором он сравнивает «Heart of Darkness» («Сердце Тьмы») Конрада и «Записки из Мертвого дома» Достоевского²³. Д. Хорсман напечатал статью о специфике художественных приемов Достоевского в романе «Преступление и наказание»²⁴. В 1995 г. Р. Л. Джексон опубликовал в журнале статью о философских взглядах писателя «Достоевский и свобода»²⁵. Публикация Джексона продолжила исследование, начатое им в его первой книге «The Underground Man in Russian Literature» («Подпольный человек в русской литературе») ²⁶.

В том же номере журнала была опубликована статья И. Зограб, где впервые ставился вопрос о связи между проповедями Артура Стенли, декана Вестминстерского аббатства, и романом Достоевского «Братья Карамазовы». Исследовательница обнаружила принадлежность Достоевскому, в соавторстве с К. Победоносцевым, первой версии проповеди, напечатанной в «Гражданине» с комментарием редактора²⁷. Этот материал включен в недавно вышедшее издание собрания сочинений Достоевского²⁸, подробно эта тема получила освещение в соответствующей публикации²⁹. Доклад на Международной научной конференции «Ф. М. Достоевский и мировая культура», состоявшейся в Московском университете в ноябре 1996 г., был основан на изучении аллюзивного плана «Братьев Карамазовых»³⁰, среди других работ И. Зограб по этому вопросу следует назвать статью, опубликованную в Петрозаводске³¹.

Поддержка коллег в России зачастую была единственным источником вдохновения для новозеландских славистов, ощущавших свою географическую и академическую изолированность. Они продолжа-

²³ *Berry R.* First Descents into the Inferno: Parallel Ideology and experience in Conrad's *Heart of Darkness* and Dostoevsky's *Notes from the House of the Dead* // *New Zealand Slavonic Journal*. 1997. N 31. P. 3–21.

²⁴ *Horsman D.* A study of the technique in *Crime and Punishment* // *New Zealand Slavonic Journal*. 1970. N 6. P. 34–52.

²⁵ *Jackson R. L.* Dostoevsky and Freedom // *New Zealand Slavonic Journal*. 1995. N 29. P. 1–21.

²⁶ *Jackson R. L.* *The Underground Man in Russian Literature*. Leiden, 1958 (2nd ed. — 1981).

²⁷ *Zohrab I.* Some New Sources to the *Brothers Karamazov* // *New Zealand Slavonic Journal*. Special Issue on F. M. Dostoevsky. 1995. N 29. P. 45–76.

²⁸ *Победоносцев К. П., Достоевский Ф. М.* Проповедь, сказанная г <осподином> Стенлеем, деканом вестминстерским в английской церкви в С.-Петербурге 6 (18) января // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 18 т. М., 2003–2005. Т. 11. С. 266–269.

²⁹ *Зограб И.* Редакторская деятельность Ф. М. Достоевского в журнале «Гражданин» и религиозно-нравственный контекст «Братьев Карамазовых» (к истории создания романа) // *Русская литература*. 1996. № 3. С. 55–77.

³⁰ *Зограб И.* Достоевский и Артур Стэнли (К истории создания романа) // *Новая Европа*. Международное обозрение культуры и религии. *La Nuova Europa*. Milan; Moscow. 1997. N 11. С. 75–88.

³¹ *Зограб И.* Об одном интертексте в «Братьях Карамазовых» // *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков* / Ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 424–441.

ли исследования, несмотря на предельную загруженность преподавательской работой и отсутствие в Новой Зеландии единомышленников-специалистов. Среди российских славистов с особой благодарностью И. Зохран отмечает Г. М. Фридлендера, Н. Ф. Буданову и Г. Я. Галаган, а также В. Н. Захарова, И. Л. Волгина и В. В. Викторovichа. Захаров составлял план совместной публикации факсимильного издания журнала «Гражданин», но этот проект не нашел необходимой помощи со стороны Университета королевы Виктории. Поддержка таких коллег из стран Запада, как Г. Хетсо, Р. Л. Джексон и Р. Бэлкнап, также была вдохновляющей и побудила И. Зохран к участию в различных «Festschrifts» (юбилейный выпуск), в частности посвященных Малкольму Джонсу и Рудольфу Нойхойзеру³². Она самостоятельно редактировала «Festschrift» в честь Патрика Уоддингтона и Арнольда Мак-Миллина³³.

До середины 1990-х гг. Университет королевы Виктории оставался единственным учреждением в Новой Зеландии, где исследования Достоевского давали продуктивный результат. Эта ситуация изменилась в лучшую сторону после назначения руководителем русской кафедры университета Кентерберри в Крайсчёрче доктора Генриетты Мондри. Ранее, с 1980 по 1994 г., она была доцентом в университете Уитвортерранд (Йоханнесбург), где в 1984 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Оценка восприятия Достоевского в советском достоевковедении, 1970–1980-е гг.» Еще находясь в Южной Африке, она с интересом занималась анализом идеологических тенденций в современных литературных исследованиях, упоминающих Достоевского³⁴. Особенно важным, по признанию самой исследовательницы, был для нее еврейский вопрос, что нашло отражение в статье «Доктор Герценштубе — „общечеловек“ или идея растворения иудаизма в христианстве»³⁵. В университете Кентерберри Мондри продолжала расширять тематику

³² Zohrab I. British education on the pages of *The Citizen* during F.M. Dostoevsky's Editorship // *Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds*. Ilkeston, Derbyshire, 2006. P. 98–109; Zohrab I. Dostoevskii as editor of *The Citizen*: New Materials // *Polyfunktion und Metaparodie* / Ed. R. Neuhauser. Dresden, 1997. S. 241–270 (2nd ed. — 1998. S. 211–237); Zohrab I. Trans-national convergence of views: Remizov's 'modernist' works and his English-speaking readers // *Literarische Avantgarde. Festschrift für Rudolf Neuhauser*. Heidelberg, 2001. S. 311–334.

³³ New Zealand Slavonic Journal. Festschrift in Honour of P. Waddington. 1994; New Zealand Slavonic Journal. Festschrift in Honour of Arnold McMillin. 2002; New Zealand Slavonic Journal. Slavonic Journeys across Two Hemispheres. Festschrift in Honour of Arnold McMillin. 2003.

³⁴ Mondry H. On a literary and historical prototype of Versilov in *The Adolescent* // *Dostoevsky Studies*. 1985. N 6. P. 103–113; Mondry H. The Evaluation of Ideological Trends in Recent Literary Scholarship. Munich: Otto Sagner Verlag. Slavistische Beiträge, 1990; Mondry H. Another literary parody in *The Possessed?* / M. Jones (ed.). Dostoevsky and the Twentieth Century: The Ljubljana Papers. Nottingham, 1993. P. 277–288.

³⁵ Mondry H. Dr. Gersenshtube — 'obshchechelovek' ili ideja rastvorenija iudaizma v khristianstve // *Dostoevsky Studies*. 1989. N 9. P. 45–63.

исследований по истории интеллигенции. Вышедшая в 2010 г. монография Мондри «Розанов и телесность русской литературы» включает главу, посвященную Достоевскому³⁶. Мондри была научным руководителем Татьяны Благовой, которая в 2002 г. защитила в университете Кентербери докторскую диссертацию на тему «Анализ мировоззрения Достоевского в очерках русских философов-эмигрантов 1919–1939 гг.: Лев Шестов, Николай Бердяев, Борис Вышеславцев».

Питер Робертс, профессор университета Кентербери, включил в область своих исследований достижения Достоевского в области этики и воспитания³⁷. Автор рассматривает «Записки из подполья» как критический отклик писателя на философию рационального эгоизма, сравниваемую им с неолиберализмом. Анализируя опыт главного героя «Записок из подполья», Робертс утверждает необходимость гармонии в процессе обучения и воспитания мотивированной, чувствующей, волевой личности.

В 1990-е гг. в Университете королевы Виктории Зохраб обратилась к области компаративистики, заинтересовавшись темой «Достоевский и Англия. Редакторская работа Достоевского в журнале „Гражданин“ (1873–1874)» и анализируя английский дискурс в произведении Достоевского³⁸. Это явление — «Englishness» («английский дискурс») — был предметом многоаспектного обсуждения в публицистике «Времени», «Эпохи», «Гражданина» и «Дневника писателя». Образ Англии в сознании Достоевского необходимо рассматривать с поправкой на цензурные искажения, диктовавшие свои условия формирования общественного мнения и вносящие дополнительные затруднения в научное освоение вопроса. В 1992 г. на VIII симпозиуме Международного общества Достоевского Зохраб сделала доклад о Достоевском и протестантской религии, рассмотрев воздействие настольной книги мальчиков-англичан «Tom Brown's Schooldays» («Школьные дни Тома Брауна») на роман «Братья Карамазовы»³⁹. (Известно, что книга «Школьные дни Тома Брауна» была бесплатно разослана всем подписчикам журнала «Гражданин» в 1874 г.) Глава о восприятии Достоевским трудов британских социологов и философов была опубликована в сборнике «Dostoevsky and Britain»⁴⁰. Исследование на эту тему было продолжено,

³⁶ *Mondry H.* Vasily Rozanov and the Body of Russian Literature. Bloomington, 2010. P. 79–100. (Chapter 4. A Forced Alliance: Becoming Dostoevsky.)

³⁷ *Roberts P.* Education and the Limits of Reason: Reading Dostoevsky // Educational Theory. 2012. N 62 (2). P. 203–223.

³⁸ *Zohrab I.* Dostoevsky and England. Wellington, 2010.

³⁹ См.: *Zohrab I.* Dostoevsky and Protestantism: «Tom Brown's schooldays» and «The Brothers Karamazov» // Eighth International Dostoevsky Symposium. Oslo, 1992; *Zohrab I.* Dostoevsky's Encounter with Anglicanism // Australian Slavonic and East European Studies. 1996. N 10 (2). P. 187–208; *Zohrab I.* «Tom Brown's schooldays» and «The Brothers Karamazov» // Dostoevsky and England. Wellington, 2010. P. 160–182.

⁴⁰ *Zohrab I.* Dostoevskii and British Social Philosophers // Dostoevskii and Britain. Oxford/Providence, 1995. P. 177–206; *Zohrab I.* Достоевский и британская социальная философия // World Congress of ICCEES. Warsaw, 1995.

его результаты опубликованы в журнале «Русская литература»⁴¹, к этому нужно прибавить статьи о взглядах Достоевского на английскую систему образования⁴², а также о его восприятии творчества Байрона⁴³.

Одновременно «Новозеландский славистический журнал» продолжал знакомить читателей с малоизвестными публикациями Достоевского в «Гражданине». Так, Зохраб выдвинула предложение о включении небольшой заметки под названием «Желание», опубликованной в первом номере «Гражданина» и, вероятно, написанной Достоевским в соавторстве с Мещерским, в собрание сочинений⁴⁴. За исключением «Дневника писателя» за 1873 год, иные публикации Достоевского в «Гражданине» были неизвестны англоговорящим читателям. Д. Форман и И. Зохраб перевели материалы из «Последней странички»⁴⁵, часть колонок раздела «Ералаш» и раздел «Из текущей жизни», а также ранний фельетон Достоевского «Петербургские сновидения в стихах и прозе» и др.⁴⁶ В специальном выпуске журнала, посвященном Пушкину, Зохраб опубликовала некоторые материалы о поэте, напечатанные в «Гражданине», которые помогают выявить восприятие Достоевским творчества Пушкина⁴⁷. Из печати вышла статья о творческой истории «Бесов» и «Подростка» с привлечением материалов неосуществленного замысла «Житие великого грешника»⁴⁸.

⁴¹ Зохраб И. «Европейские гипотезы» и «русские аксиомы»: Достоевский и Джон Стюарт Милль // Русская литература. 2000. № 3. С. 37–52; Зохраб И. Отношение Достоевского к британским «предводителям европейской мысли». Статья вторая: «Достоевский и Герберт Спенсер» // Достоевский и мировая литература. СПб., 2003. № 19. С. 105–131.

⁴² Зохраб И. Освещение общественного воспитания в Англии на страницах «Гражданина» 1873–1874 гг. во время редакторства Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность. Великий Новгород, 2005. Вып. 19. С. 90–102.

⁴³ Zohrab I. Dostoevsky and Byron. ANZSA, Sydney. 2003; Зохраб И. Подготовительные материалы к «Подростку»: Байрон, Тёрнер, Тичборн // Международная конференция «Педагогические идеи русской литературы». Коломна, 2003.

⁴⁴ Zohrab I. The bibliographical section and the editorial in the first issue of Grazhdanin (Гражданин) for 1873 following the assumption by F. M. Dostoevsky of his editorial duties // New Zealand Slavonic Journal. 1996. N 30. P. 209–234.

⁴⁵ Zohrab I. «The Last Little Page»: Humour in «The Citizen» during F. M. Dostoevskii's editorship (with some attribution) // New Zealand Slavonic Journal. 1997. N 31. P. 297–328.

⁴⁶ Foreman D. Translation of F. M. Dostoevsky's «Petersburg Dreams in Verse and Prose» // New Zealand Slavonic Journal. 2003. N 37. P. 281–299; Foreman D., Zohrab I. Fyodor Dostoevsky, «The Story of Father Nil» (Dostoevsky's Unsigned Contribution to the Column «From Current Life» in «The Citizen») // New Zealand Slavonic Journal. 2000. N 34. P. 237–246; Zohrab I. Dostoevsky's Editorial Comment on «Correspondence from the Nizhegorod Fair» published in «The Citizen» no 34 on August 1873 // New Zealand Slavonic Journal. 2001. N 35. P. 237–241; Zohrab I. Catherine II in «The Citizen» during Dostoevsky's Editorship // New Zealand Slavonic Journal. 1998. N 32. P. 283–294.

⁴⁷ Zohrab I. Constructs of Pushkin on the pages of «The Citizen» and Dostoevsky's globalisation of the «People's Poet» in the context of Russia as Europe's Other // New Zealand Slavonic Journal. 1999. N 33. P. 119–183.

⁴⁸ Zohrab I. Dostoevsky in Europe: The Life of a Great Sinner as source material for The Possessed and The Adolescent, and Ulrichs's Confessional 'Third Sex' Theory and some Court Cases in Germany. First Instalment // New Zealand Slavonic Journal. 2001. N 35. P. 241–265.

Начиная с 1984 г. несколько содержательных статей и рецензий опубликовала в «Новозеландском славистическом журнале» Хилари Чепман. Исследование Чепман об отношении русских писателей XIX в. к английской культуре включает и Достоевского⁴⁹, хотя в первую очередь ее интересует Н. П. Огарев в период его жизни в Лондоне и Женеве⁵⁰. Докторская диссертация Ирэн Пиерсон посвящена функции портрета в произведениях Достоевского, она также опубликовала работу о восприятии живописи Рафаэля в России, в том числе и об отношении к нему Достоевского⁵¹. Джоанна Вудс написала книгу о творчестве К. Мэнсфилд, где в частности было освещено влияние на нее произведений Достоевского⁵².

Вскоре после учреждения в 2000 г. Университетом Монаша (Мельбурн) издания «Dostoevsky Journal: An Independent Review», редактором которого стала С. Владив-Гловер, открылись новые возможности для публикаций, посвященных творчеству Достоевского. Зохран была назначена помощником редактора. В поддержку стратегии руководства журнала, приветствующей современный междисциплинарный подход в исследованиях Достоевского, Зохран обратилась к теме, затронутой ранее на страницах журнала ASEES («Australian Slavonic and East European Studies»)⁵³. Описание Достоевским явления гомосексуальности в некоторых его романах стало предметом еще нескольких статей⁵⁴. Изучению был подвергнут факт знакомства Достоевского с брошюрами, изданными в Германии, в период жизни за рубежом, а также со статьями на эту тему, печатавшимися в немецких газетах. Зохран также обнаружила неопубликованные письма Мещерского, адресованные князю Николаю Александровичу, наследнику престола⁵⁵. Было опубликовано и подробное исследование деятельности журнала «Гражданин» под редакторством Достоевского, раскрывавшее во многих случаях автор-

⁴⁹ Chapman H. Ogarev in Exile 1856–1877: An Investigation of the Life and Work in London and Geneva of Nikolai Platonovich Ogarev (1813–1877). Russian Poet and Revolutionary Publicist. (PhD Thesis Victoria University.) Wellington, 1998.

⁵⁰ Chapman H. Friendship for a Good Fellow and An Old Man's Passion: The Love Affair of N. P. Ogarev and Mary Sutherland // New Zealand Slavonic Journal. 1995. N 29. P. 159–171.

⁵¹ Pearson I. Raphael as seen by Russian writers from Zhukovsky to Turgenev // Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 59 (3). P. 346–369.

⁵² Woods J. Katherine. The Russian World of Katherine Mansfield. Auckland, 2001.

⁵³ Zohrab I. Dostoevsky and Meshchersky and 'homosexual consciousness' // Australian Slavonic and East European Studies. 1998. N 2 (1). P. 115–134; Zohrab I. «A Poem in Prose»: The Sexton, a forgotten text at the centre of the Dostoevsky / Leskov literary polemic // Australian Slavonic and East European Studies. 1998. N 12 (2). P. 57–82.

⁵⁴ Zohrab I. «Mann-mannliche» Love in Dostoevsky's Fiction (An Approach to *The Possessed*): With some Attributions of Editorial Notes in *The Citizen*. First Installment // The Dostoevsky Journal. 2002–2003. N 3–4. P. 113–226; Zohrab I. Refashioning masculine gender norms on the pages of *The Citizen* during Dostoevsky's editorship // Modernism and Postmodernism. Soviet and Post-Soviet Studies. 2001 [2002]. N 28 (3). P. 333–362.

⁵⁵ Zohrab I. The Correspondence between Prince V. P. Meshchersky and Grand Duke Nikolai Alexandrovich. A Friendship, its Aftermath, and the Creation of Scandals // Slavic Journeys Across Two Hemispheres. NZSJ. Wellington, 2003. P. 237–280.

ство компиляционных статей и рубрик⁵⁶, некоторые из этих материалов включены в недавно вышедшее собрание сочинений Достоевского⁵⁷.

После 2003 г. редактором «Новозеландского славистического журнала» стала Г. Мондри. Были опубликованы несколько работ о соредакторе Достоевского по журналу «Гражданин» князе Мещерском, а также о соавторстве Достоевского и В. Ф. Пуцыковича в некоторых публикациях «Гражданина»⁵⁸. Некоторые доклады новозеландских исследователей творчества Достоевского, прочитанные на симпозиумах Международного общества Достоевского в Женеве (2004), Будапеште (2007) и Неаполе (2010), также были связаны с междисциплинарными темами⁵⁹. В 2010 г. была опубликована статья об освещении теории эволюции Ч. Дарвина на страницах журнала «Гражданин» в период редакторства Достоевского и об отражении дарвинистского «случая» в «Братьях Карамазовых»⁶⁰.

На последней конференции Ассоциации славистов Австралии и Новой Зеландии, прошедшей в Сиднее 2–3 февраля 2013 г., было заслушано более 50 докладов, но лишь один из них был посвящен Достоевскому. Похожая тенденция наблюдалась и на других недавних конференциях в Австралии. В такой ситуации усилия Международного общества Достоевского по популяризации исследований жизни и творчества великого писателя приобретают первостепенную важность.

Основы популяризации творчества Достоевского в Новой Зеландии закладываются на семинарах и в лекционных курсах, проводимых

⁵⁶ Zohrab I. The Contents of *The Citizen* during Dostoevsky's Editorship: Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions. Dostoevsky's Quest to Reconcile the «Flux of Life» with a Self-Fashioned Utopia. Part 1 // *Dostoevsky Journal*. 2004. N 5. P. 47–216.

⁵⁷ Хивинский поход // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 18 т. М., 2003–2005. Т. 11. С. 207–210.

⁵⁸ Zohrab I. A chronological description of the contents of Meshchersky's *The Citizen* (*Grazhdanin*) during Dostoevsky's editorship. Uncovering the authorship of unsigned contributions // *New Zealand Slavonic Journal*. 2004 [2005]. N 38. P. 181–224; Zohrab I. Dostoevsky's Editorship of Meshchersky's *The Citizen* (*Grazhdanin*): Issues Nos 31 to 52, 1873. Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions (with Emphasis on Material Relating to Religion and the Church). Part 2 // *New Zealand Slavonic Journal*. 2005 [2008]. N 39. P. 216–260; Zohrab I. Dostoevsky's Editorship of Meshchersky's *The Citizen* (*Grazhdanin*): Issues Nos 1 to 16, 1874. Uncovering the authorship of unsigned contributions (With Emphasis on Material Relating to the Russian Conquest of Khiva and Relations with England) // *New Zealand Slavonic Journal*. 2006 [2008]. N 40. P. 162–219.

⁵⁹ Zohrab I. Dostoevsky and the Making of Myths // XII Symposium international Dostoievski. Geneve, 2004. P. 264; Zohrab I. What does Dostoevsky's contribution to articles relating to the Russian conquest of Khiva published in «The Citizen» in 1873–1874 reveal about the writer? (With Some Attribution) // F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues. Budapest, 2007 / Eds. Katalin Kroó and Tünde Szabó. Budapest, 2009. P. 557–565; Zohrab I. Russian Citizenship mediated through the discourse of Englishness in «The Citizen» during F. M. Dostoevsky's editorship // XIV Международный симпозиум Достоевского. Abstracts. Naples.

⁶⁰ Zohrab I. Darwin in the Pages of «The Citizen» during Dostoevsky's Editorship and Echoes of Darwinian Fortuitousness in «The Brothers Karamazov» // *Dostoevsky Journal*. An Independent Review. 2009(2010)–2010. Vol. 10–11. P. 79–96; Зограб И. Достоевский и Дарвин // Достоевский и мировая культура. Т. 28. М., 2012. С. 30–64.

различными учреждениями (это средние и высшие учебные заведения, курсы при университетах и Обществе новозеландско-русской дружбы, женские образовательные учреждения, приходские учебные заведения, читательские клубы). Н. Н. Данилов читал лекции о романах Достоевского с начала 1950-х гг. на курсах при Вечерней общественной школе⁶¹. В 1980-е гг. И. Зохран руководила семинарами и читала лекции на курсах дополнительного образования, а также в Обществе новозеландско-советской дружбы и в Ассоциации женщин с университетским образованием.

Курс лекций на тему «Dostoevsky's Relevance to Life Today» («Злободневность Достоевского сегодня») был предложен слушателям в апреле 1985 г. В университетском журнале говорилось о важности этих лекций, поскольку влияние Достоевского «на творческую мысль настоящего» трудно переоценить. Подчеркивалось, что противоречия, которые выдвинул Достоевский, человечество пытается разрешить по сей день: «Такие разные в творческом отношении личности, как Фрейд, Сартр, Камю, Эйнштейн, Тиллих, Фолкнер и Кэтрин Мэнсфилд, признавались, что они обязаны Достоевскому»⁶². Кроме художественной прозы Достоевского, в качестве материала привлекались публицистические тексты, «Дневник писателя» и записные книжки. Слушатели получали небольшие сборники с цитатами из произведений писателя. Курс открывался показом слайдов о жизни и деятельности Достоевского, далее следовали лекции о его романах и художественно-эстетических, политических, философских воззрениях.

Театральная жизнь Новой Зеландии не обошла вниманием произведения Достоевского. Постановка сценической версии романа Достоевского «Бесы», созданной Альбером Камю, была спонсирована русским отделением Университета королевы Виктории в 1964 г. В Веллингтоне в 1960–1970-е гг. были осуществлены постановки «Бесов» и «Преступления и наказания» (режиссер Нола Миллар), по радио была исполнена новозеландская опера по мотивам романа «Идиот». В спектаклях приняли участие выдающиеся актеры, например М. Гронуэлл (Ставрогин), П. Эвисон, А. Фланери, Р. Данкен, М. О'Саливан, Р. Линн, Б. Шиит, С. Сарелиус, Р. Джолли, У. Джулифф, Дж. Андерсон, Р. Бойс, а также известные новозеландские достоееды Н. Н. Данилов и И. Зохран. Восемь лет спустя, в 1972 г., Нола Миллар поставила спектакль по «Преступлению и наказанию». Новозеландский композитор Эдвин Карр (1926–2003) создал в 1969 г. оперу под названием «Настасья», в основу которой был положен роман Достоевского «Идиот», либретто Эдвина Хилла. Постановка оперы была записана на радио в 1972 г. при участии Новозеландского симфонического оркестра под управлением Карра и труппы из 17 актеров.

⁶¹ Документы из личного архива Н. Н. Данилова (1959).

⁶² Centre for Continuing Education. Victoria University of Wellington. 1985. P. 46.

С. ВЛАДИВ-ГЛОВЕР

ДОСТОЕВСКИЙ В АВСТРАЛИИ

Достоеведение в Австралии зародилось практически одновременно с русистикой, инспирированной русской эмиграцией после Второй мировой войны. Начало преподаванию русского языка и литературы в университетах страны положила Нина Михайловна Кристесен (1911–2001). Прибывшая в Бризбейн в возрасте шестнадцати лет из Харбина, где она получила образование в русской школе, Кристесен с 1945 г. проживала в Мельбурне со своим мужем, редактором австралийского литературного журнала «Мэнджин». В Мельбурнском университете Кристесен собрала специалистов по русскому языку и литературе, прибывших в Австралию после Второй мировой войны. На отделение русского языка поступила З. А. Углицкая, которая ранее училась у В. В. Виноградова; затем Б. Криста и Р. де Брэй, прибывшие из Англии, впоследствии ставшие учредителями новых русских кафедр университетов в Бризбейне (University of Queensland), Мельбурне (Monash University) и Канберре (Australian National University). В 1953 г. на отделение русского языка и литературы Мельбурнского университета поступил Д. В. Гришин, прибывший в 1949 г. в Австралию из Германии после получения в МГУ степени кандидата филологических наук.

Усилиями Гришина изучение творчества Достоевского стало научной дисциплиной. В 1957 г. он защитил докторскую диссертацию, впоследствии опубликованную в виде книги¹, и ввел достоеведение в научно-образовательную программу университета, обязательную для получения степени бакалавра и поступления в аспирантуру. Гришин дал толчок развитию австралийской науки о Достоевском, став точкой опоры для потенциально существующего интереса к творчеству русского писателя среди австралийской интеллигенции в послевоенный период. Видный австралийский поэт Алекс Хоуп (Alex Hope), профессор философии Мельбурнского университета Александр Бойс-Гибсон (Alexander Boyce-Gibson), англист Дэвид Ханнан (David Hannan) и будущий австралийский писатель Роберт Дессэ (Robert Dessaix, известный в свои ранние академические годы под именем Robert Jones) стали пи-

¹ Гришин Д. В. «Дневник писателя» Достоевского. Melbourne, 1966.

сать и публиковать труды о творчестве Достоевского. Некоторые из них не владели русским языком, например Бойс-Гибсон, который ссылается на работы и переводы Гришина. Параллельно с выходом в свет книг самого Гришина («Достоевский: Человек, Писатель и Мифы», 1971; «Молодой Достоевский», 1977) появились книги², переводы³ и статьи⁴ этой плеяды австралийских исследователей — главным образом, в журнале, основанном Н. Кристесен, «Melbourne Slavonic Studies» (1965–1985), переименованном затем в «Australian Slavonic and East European Studies» (ASEES) и издающемся по сей день⁵.

Австралийское достоеведение обрело международное значение с учреждением в 1972 г. Международного общества Достоевского (International Dostoevsky Society, IDS). Следует отметить неоценимый вклад Гришина в подготовительную работу по учреждению этой организации, чье зарождение, таким образом, имело свои корни на пятом континенте. Гришин выступил с инициативой по созданию Международного общества Достоевского на конгрессе славистов в Праге в 1968 г. Результатом его усилий, как указывает Р. Нойхойзер (R. Neuhäuser)⁶, стал учредительный съезд исследователей творчества Достоевского, представлявших шестнадцать стран, в Бад-Эмсе (Германия) в сентябре 1971 г., где и состоялось учреждение IDS; Гришин был избран вице-президентом общества. К несчастью, он успел принять участие еще только в одном симпозиуме IDS в 1974 г., уйдя из жизни 19 сентября 1975 г.

Работы Гришина играли значительную роль в мировом достоеведении, особенно в странах, где изучение творчества писателя было под запретом или продвигалось с трудом по идеологическим причинам. Гришин вспоминал, что, когда выбрал тему своей кандидатской диссертации в МГУ, связанную с творчеством Достоевского, научный руководитель советовал ему отказаться от нее, ссылаясь на то, что исследования по этой теме слишком хлопотны и опасны в условиях Советской России⁷. Гришин настоял тогда на своем, продолжив и в Австралии за-

² *Boyce-Gibson A.* The Religion of Dostoevski. London, 1973; *Boyce-Gibson A.* The Riddle of the Grand Inquisitor // Melbourne Slavonic Studies. 1970. N 4. P. 46–56.

³ *Dostoevsky F.M.* Poor Folk / Translated and with an Introduction by R. Dessaix. Ann Arbor, Michigan, 1982.

⁴ *Hannan D.* «Crime and Punishment»: The Idea of the Crime // The Melbourne Critical Rev. 1969. N 12. P. 15–28.

⁵ В 2012 г. редакция журнала была переведена из Квинслендского университета, где ею руководил Дж. Мекнер, в Мельбурнский университет, где главным редактором стал Р. Лагеберг, заведующий отделом русского языка.

⁶ *Neuhäuser R.* Dmitry Vladimirovich Grishin // IDS Bull. 1976. N 6. P. 35. Автор настоящей статьи, будучи в 1971 г. студенткой, помнит, что Дмитрий Владимирович показал ей свой черновик Устава IDS на русском языке и попросил ее перевести его на английский, что Владив-Гловер и сделала. Вскоре после учреждения IDS Гришин скончался, поэтому его существенная роль и тем самым значение всего австралийского достоеведения остаются малоизвестным фактом в анналах IDS.

⁷ Эту деталь Владив-Гловер узнала лично в разговоре с Гришиным.

ниматься малоприемлемыми для советской филологической науки темами — «Несвоевременными мыслями» Горького и переоценкой мифов, образовавшихся вокруг жизни и творчества Достоевского. Так, Гришин был убежден, что представление о «двух Достоевских» — «раннем» (до каторги) и «позднем» (после нее) — научный предрассудок, не имеющий в действительности никаких реальных оснований⁸.

Соглашаясь с М. М. Бахтиным, чьи работы стали популярными на Западе начиная с 1963 г., Гришин придерживался тезиса, что творчество Достоевского есть единое целое, и произведения, написанные после каторги, являются естественным продолжением его предшествующего творчества. Аргументация этой гипотезы содержится в его книге «Ранний Достоевский»⁹. Начатая как кандидатская работа в МГУ еще во второй половине 1930-х гг., эта книга детально описывает путь Достоевского как писателя со времени обучения в Инженерном училище в Санкт-Петербурге вплоть до ссылки на каторгу в 1849 г. В своей работе Гришин освещает малоизвестные факты жизни Достоевского в период его учебы в главном инженерном училище, о которых повествует легко и увлекательно. В книге рассматривается широкий круг литературных предшественников Достоевского, русских и европейских, оказавших влияние на формирование стиля писателя, в частности творчество Э. Т. А. Гофмана, которое оставило значительный след в русской литературе и критике 1830–1840-х гг. Гофман был «эстетическим учителем» Белинского и Станкевича. Как подчеркивает Гришин, особенно ценным в русской литературной среде считалось то, что немецкий писатель «электрически действовал на молодые, серьезные умы, считавшие слово его поэтическим прозрением в самую глубину творчества»¹⁰. Помимо непосредственного влияния Гофмана на Достоевского Гришин указывает и на влияние опосредованное, за счет ряда русских писателей, из творчества которых Достоевский мог почерпнуть элементы поэтики Гофмана в ходе формирования своего творческого стиля. По мнению Гришина, вторичное влияние Гофмана на Достоевского шло через творчество Н. А. Полевого, чья повесть «Блаженство безумия» (1833) дает основания говорить о сходстве между персонажами Полевого и типами мечтателей в ранних повестях Достоевского. Этот материал освещается Гришиным в широком историко-литературном контексте, особенно на примерах представителей русского романтизма (Марлинского, Бенедиктова, Козлова, Тимофеева и др.). В своей работе Гришин опирался в том числе и на неопубликованные архивные материалы, а также письма Достоевского, мемуары современников и публикации 1830-х гг.

Отметим, что в 1970-х гг. Гришину требовались немалые усилия, чтобы, проживая в Австралии, получить возможность работать в научных

⁸ Гришин Д. В. Ранний Достоевский. Мельбурн, б/д. 230 с.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 42.

библиотеках и архивах СССР. Именно отдаленностью от русских научных филологических центров Москвы и Ленинграда, а также западноевропейских архивов и книгохранилищ, таких как Национальная библиотека в Хельсинки или Библиотека Конгресса в Вашингтоне, объясняются допущенные Гришиным некоторая неточность в сносках и лапидарность в обработке архивного материала.

Научный подвиг Гришина состоял в том, что, проживая в Австралии — самой молодой стране западного мира, в которой самый старый университет — университет Мельбурна — существовал всего около 100 лет, исследователь сумел соединить в научном и читательском диалоге русскую литературу и читателей Австралии, организовав в стране целенаправленное и методологически оснащенное преподавание русской культуры и литературы¹¹.

Не говоря уже о месте, где проводились исследовательские работы Гришина, следует отметить, что и сами по себе они были увлекательными и методологически перспективными для своего времени. К числу бесспорных научных достижений Гришина относится его работа о «Дневнике писателя», где ставится вопрос о формировании синтетического жанра, вбирающего в себя черты художественного произведения, судебной хроники, критической статьи, мемуарного очерка и письма. Согласно концепции Гришина, «Дневник писателя» обладает функцией своего рода творческой лаборатории, в ней Достоевский вырабатывает свой особый слог письма, в котором Бахтин впоследствии увидел полифоническую структуру. Анализируя «Дневник писателя», Гришин вникает в суть идеологии, политических и философско-религиозных взглядов Достоевского, его отношения к месту России в европейской и мировой культуре. Культурно-политические темы «Дневника писателя» приводятся в книге Гришина в виде каталога цитат, в результате чего формируется ясное представление о миросозерцании Достоевского как русского и европейца, общественного деятеля своего времени.

В своем труде Гришин предполагает (этот тезис радикально отличается от клише, присущего западной критике 1900–1970-х гг.), что любовь Достоевского к России не тождественна славянофильству, так как писатель отнюдь «не замыкался в национальной ограниченности»¹². Гришин также категорически отвергает выводы о колониальных и пан-русских устремлениях Достоевского, находя в его идее единения всех славян начало идеи о всечеловеческом «объединении народов»¹³.

¹¹ Надо добавить, что эту подвижническую работу по распространению русской культуры в Австралии продолжил Александр Гришин (известный как Sasha Grishin), младший сын Д. В. Гришина, историк искусства и заведующий кафедрой искусствоведения в Австралийском национальном университете (Australian National University, ANU). Молодой Гришин опубликовал много книг и научных статей по русскому искусству.

¹² Гришин Д. В. «Дневник писателя» Достоевского. С. 239.

¹³ Там же. С. 243.

Защита славянского мира от угнетения завоевателями (например Турцией или Австрией) для Достоевского — только первый шаг к осуществлению идеи «единения славян». Из этого возникает «третья мировая идея» — «идея славянская, идея нарождающаяся, — может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих в Европе» (ПСС. Т. 25. С. 9). Эта «третья мировая идея», на первый взгляд, напоминает идеологию славянофилов. Но Гришин трактует ее в совершенно ином духе, указывая, что идея о «народах-мессиях» не нова. В творчестве Достоевского Гришин видит иное: «Он требовал от России и славянства жертвенного служения всему человечеству, мечтал о счастье всего человечества. Во многом Достоевский ошибался: часто смешивал социальные проблемы с религиозными, был несправедлив к некоторым европейским народам, чрезмерно идеализировал русских и преувеличивал значение православия, но все это не должно затенить величия его главной идеи — единения всечеловеческого»¹⁴. Развивая эту тему, Гришин приводит малоизвестные для того времени (1960-е гг.) мысли Достоевского о России как идейной предводительнице народов Европы, как своего рода носительнице идеи о свободном, как мы бы сегодня сказали — демократическом, союзе народов. Россия должна помогать славянам, для того чтобы «жить высшей жизнью, великой жизнью, светить миру великой бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать, в конце концов, великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, вознести, наконец, всех малых сих до себя <...> — вот цель России, вот и выгоды ее, если хотите <...>, выше нет целей, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности <...>. Тогда только скажет всеславянство свое новое целительное слово человечеству» (ПСС. Т. 26. С. 81–82). В одной маленькой черточке Гришин почти невольно улавливает универсализированную трактовку идеи «почвенничества» как русского «инстинкта» — стремления к общечеловеческому. Сравнивая русских с европейцами, Достоевский приходит к выводу, что «в русском характере замечается резкое отличие от европейского, резкая особенность, в нем, по преимуществу, выступает способность всепримиряемости, всечеловечности <...>. Он сочувствует всему человеческому, вне различия национальности, крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всем, в чем хоть сколько-нибудь есть общечеловеческого интереса. У него инстинкт общечеловечности»¹⁵.

Это утверждение общечеловеческого начала, которое преодолевает влияние родной «почвы» как знака особенности происхождения,

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 18, 54.

далеко отстоит от поиска любых признаков национализма, который впоследствии нередко приписывался Достоевскому.

В 1971 г. вышла книга Гришина «Достоевский: Человек — Писатель и Мифы», капитальное исследование, в котором были затронуты практически все до сих пор не исчерпанные темы достоеведения. Синтетическое исследование, которое было проведено на материале «Дневника писателя», охватывает всю совокупность социальных и эстетических идей Достоевского, которые представлены у Гришина меткими, почти лаконичными картинками, нарисованными с энергией и научной доказательностью. Пафос исследователя и подбор тем книги были подсказаны веяниями времени. Одной из главных задач Гришина была попытка прояснить спорные пункты биографии писателя, по мнению исследователя, оклеветанного его первыми биографами — Н. Н. Страховым и О. Ф. Миллером (что впоследствии весьма сильно повлияло на формирование предвзятого мнения о писателе со стороны современников, в том числе и Л. Н. Толстого). Избранная Гришиным тематика и методология отражают новаторский характер и научную смелость исследователя, начинавшего свой путь в науке еще в сталинской России, в которой произведение Достоевского и само имя писателя были под запретом. Гришин вел борьбу за реабилитацию Достоевского как писателя и передового русского человека XIX в.

Идеологический профиль Достоевского, каким он представлен в книге Гришина, несмотря на все известные противоречивые высказывания самого писателя в публицистике или подразумеваемые критикой в его художественных текстах, это все-таки профиль «молодого Достоевского», с убеждениями из рокового 1849 г., которые составляли социальную идею в широком смысле этого слова¹⁶. В книге оцениваются и негативные стороны взглядов писателя на социализм: Гришин указывает на то, что Достоевский видел тесную связь между социализмом как идеологией государства и католицизмом как типом государственной власти. Тезис Достоевского о том, что «без католицизма не было бы социализма»¹⁷, по Гришину, «не отличается убедительностью»¹⁸.

Так же настороженно Гришин относится к попыткам русской критики причислить Достоевского к религиозным мыслителям и провозгласить его идеологом православия или даже деятелем православной церкви. Сравнивая между собой тезисы, выдвинутые некоторыми современниками Достоевского и последующими религиозными писателями, Гришин создает концепцию Достоевского как высокообразованного человека своего времени, человека эпохи «постпросвещения», если позволено будет так сказать. Религиозность Достоевского исчерпывалась горячим принятием «лица Христа» в качестве необходимой этиче-

¹⁶ Гришин Д. Достоевский: Человек — Писатель и Мифы. Мельбурн, 1971. С. 24.

¹⁷ Там же. С. 76.

¹⁸ Там же. С. 76.

ской нормы современного мира; представление о «Богe», согласно мысли Гришина, для писателя было более умозрительным. Доказывая эту мысль, Гришин указывает, что Достоевский «смешивает понятие „христианство“ с „крестьянством“»¹⁹, и пытаясь определить корневую основу «христианства русского народа»²⁰, писатель отвергает всякий мистицизм. Для Достоевского, по мнению Гришина, православие — «не одна только церковь, это „живое чувство“», а «в русском христианстве, по-настоящему, и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ»²¹. Развивая эту мысль, Гришин приводит ряд высказываний Достоевского о православии, которые идут вразрез с каноническим вероучением. Например, некоторые соображения о «русском социализме», которые писатель собирался опубликовать в статье «Первый корень» в номере «Дневника писателя» за январь 1881 г., оказались практически неприемлемыми для цензуры. Именно в этой статье, по Гришину, отразилась итоговая точка зрения Достоевского на православную религию. В статье писатель, по словам Гришина, буквально накануне смерти доказывает, что цель церкви или русского социализма — «всенародная и вселенская Церковь, осуществленная на земле»; а «русский социализм», по Достоевскому, — это «всеобщее единение во имя Христово»²².

Таким образом, Гришин толкует христианство Достоевского в том же ключе, в каком была истолкована мысль о «третьей идее» — о будущем демократическом единении народов, первой ласточкой которого окажется объединение славян. Утопическое устройство братства людей на земле во имя этического начала, выраженного через образ Христа — вот заключение, к которому Гришин приходит по вопросу о вере Достоевского. Этот вывод, основанный на скрупулезном изучении всего корпуса текстов «Дневника писателя», а также документов и свидетельств современников, идет вразрез с тенденцией, наблюдающейся на разных этапах развития достоевведения и особенно в последнее время: рассматривать Достоевского как религиозного мыслителя и апологета православия и тем самым привязывать его творческую биографию к консервативным или даже ретроградным течениям в общественной жизни. В своих работах о Достоевском Гришин сформировал круг самых актуальных задач достоевведения, актуальных не только для своего времени, но и для современного литературоведения.

Еще до смерти Гришина в 1975 г. в область достоевведения стали проникать некоторые концепции (главным образом благодаря усилиям немецких, австралийских и американских славистов), связанные с теоретическим наследием Бахтина, привлечшим к себе внимание после

¹⁹ Там же. С. 84.

²⁰ Там же. С. 83.

²¹ Там же. С. 84.

²² Там же. С. 84.

выхода второго издания книги «Проблемы творчества Достоевского» (М., 1963). В Германии вышел ряд работ, оказавших заметное влияние на достоеведение в Австралии, в частности монография Хорста-Юргена Герика (Horst-Jürgen Gerigk) о «Подростке» (1965)²³ и книга Вольфа Шмида (Wolf Schmid) (1973) о структуре повествования в рассказах Достоевского²⁴.

Бахтинская концепция повествования придала новый импульс развитию австралийского достоеведения. Так, автор настоящей статьи Слободанка Владив-Гловер, закончившая аспирантуру в Мельбурнском университете, в 1976 г. опубликовала докторскую диссертацию о повествовательной структуре романа Достоевского «Бесы»²⁵, в своей работе преодолевая некоторую ограниченность классического структурализма и рассматривая вопрос о смыслопорождении и феноменологии перцепции. Эти новые методологии развивались в австралийском достоеведении параллельно с историко-литературным подходом.

В 1980 г. в Канберре, накануне столетия со смерти писателя состоялся научный симпозиум по творчеству Достоевского под председательством Владив-Гловер. Материалы симпозиума были опубликованы в специальном номере «Melbourne Slavonic Studies»²⁶. На научном форуме были собраны лучшие силы национального достоеведения: Катерина Кларк (Katerina Clark) (впоследствии ставшая профессором Йельского университета), которая сделала аналитический обзор книги Бахтина о Достоевском; Дж. Вержбицки, аспирантка университета Монаш (Monash University); Н. Тёрнер, профессор университета Монаш, изучавшая юридическую тематику в романах Достоевского; Ирен Зограб (Irene Zohrab), автор книги «Ф. М. Достоевский и А. Н. Островский: в свете редакторской деятельности Достоевского в „Гражданине“»; Владив-Гловер, в исследовании которой получил новое освещение вопрос о связи эпилепсии князя Мышкина («Идиот») с самоактуализацией личности, согласно гипотезе А. Маслоу.

В своей работе «Религиозные образы в романах Достоевского» (1988) Владив-Гловер перемещает тезисы Гришина о религиозности Достоевского в план психоанализа и эстетики, формируя новую трактовку философско-религиозного интертекста Достоевского²⁷. В образе «Матери-Земли» Марии Лебядкиной («Бесы») обнаруживается аллю-

²³ Gerigk H.-J. Versuch über Dostoevskijs «Jüngling»: Ein Beitrag zur Theorie des Romans / Ed. D. Tschizewskij // Forum Slavicum. Bd. 4. 1965.

²⁴ Schmid W. Der Textaufbau in den Erzählungen Dostoevskijs / Ed. K. Maurer // Beiheft zu Poetica. 1973. H. 10.

²⁵ Vladiv S. B. Narrative Principles in Dostoevskij's «Besy»: A Structural Analysis. Berne; Frankfurt am Main; Las Vegas, 1979.

²⁶ Melbourne Slavonic Studies. Dostoevsky Commemorative Number / Ed. S. B. Vladiv. 1980. N 14.

²⁷ Vladiv-Glover S. Religious Imagery in Dostoevsky's Works // Australian Slavonic and East European Studies. 1988. Vol. 2, N 2. P. 95–110.

зия на «Софию» Вл. Соловьева и архетип души-анимы, каким он предстает в европейском модернизме 1880-х гг. Опираясь на психоанализ К.Г. Юнга, Владив-Гловер вскрывает особенности реализации русского культурного архетипа в творчестве Достоевского, указывая на ответственность отчуждения образованного слоя россиян от глубоких подсознательных корней русской культуры, сохраненных в церковных текстах, которые лежали в основе культурной истории страны. Вот как Владив-Гловер определяет суть религиозных поисков Достоевского в романах «Идиот» и «Бесы»: «На самом деле, сердцевина религиозного мышления Достоевского — это поиски уравновешенного религиозного чувства, которое представляет внутреннюю конститутивную часть здоровой психики. Это религиозное чувство, по Достоевскому, не обязательно связано с понятием добра и зла, морального и аморального, но все-таки составляет опору психической жизни и источник емкости и потенциала для роста личности»²⁸.

Особенность подхода к вопросу о философско-религиозной проблематике в творчестве Достоевского в австралийском достоеведении — это органическое сочетание методов социологии, психоанализа и философской эстетики. Примером является работа Бойс-Гибсона о христианстве Достоевского, где содержится трактовка религиозного мышления писателя как реализации бахтинской «полифонии»: автор дает в своем произведении равные права голосам верующих и неверующих персонажей. Вывод, который делает Бойс-Гибсон: «В условиях отсутствия личной теологии, и мучаясь временами своего рода анти-теологией, он был, как и все христиане, становящимся христианином — только более других»²⁹.

Видное место среди ученых, посвятивших свою жизнь изучению творчества русского писателя, занимает Б. Криста (1925–2008); большую часть своей научной карьеры он посвятил исследованию семантики одежды и внешнего облика персонажей Достоевского. Эта своего рода система знаков, характеризующая личность в текстах писателя, очевидным образом связана со структурализмом, который определил многие черты австралийского достоеведения начиная с 1980-х гг.

В 1978 г. психоаналитическое направление в австралийском достоеведении, начатое работами Владив-Гловер, получает поддержку посредством исследования М. Кравченко, в котором психоанализ устанавливается в качестве контекста творчества Достоевского³⁰. Далее, в 1993 г., выходит работа Владив-Гловер об известной статье Фрейда о Достоевском и отцеубийстве под заглавием: «Достоевский, Фрейд и отцеубийство: деконструктивные записки о „Братьях

²⁸ Ibid. P. 98–99. (*Пер. автора.*)

²⁹ *Boyce-Gibson A. The Religion of Dostoevski. L., 1973. P. 77.*

³⁰ *Kravchenko M. Dostoevsky and the Psychologists. Amsterdam, 1978.* Это направление имеет свое продолжение в поздних исследованиях американского достоеведа Дж. Райса (J. Rice, скончался в 2011 г.).

Карамазовых“»³¹. В статье развивается тезис о том, что Фрейд не подвергал анализу литературное творчество Достоевского с точки зрения его художественно-эстетических свойств, но, в соответствии с его известной теорией, для Фрейда была важна структура личности писателя, связанная с «эдиповым комплексом».

Перенос акцент с автора на героев его произведений, Владив-Гловер использует модель Фрейда о структуре подсознательного применительно к персонажам четырех братьев Карамазовых, которые, согласно ее мнению, составляют единую личность, проходящую через разные фазы становления на пути к формированию зрелого субъекта сознания.

В 2001 г. в Белграде выходит книга Владив-Гловер «Романы Достоевского как дискурс трансгрессии и прихоти»³², посвященная анализу четырех романов Достоевского («Бесы», «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы») в различных аспектах феноменологии, семиотики, психоанализа и постструктурального учения о конечности, заданной в дискурсе. Феноменология личности составила предмет исследования следующей работы Владив-Гловер о поэтике реализма³³, в которой произведения Достоевского рассматриваются вместе с романами Флобера и Толстого как эстетические картины мира, воспринятого через посредство психического механизма «взгляда» («the gaze») Ж. Лакана.

Развитие этой научной парадигмы определяется деятельностью учеников Владив-Гловер, которая начиная с 1990-х гг. читает курс в Центре литературоведческой компаративистики (Centre for Comparative Literature and Cultural Studies) университета Монаш, — а также выходом журнала «The Dostoevsky Journal: An Independent Review»³⁴. Журнал предоставляет место для публикаций молодым исследователям-компаративистам, работающим в рамках пост-структуральной парадигмы, а также интердисциплинарных подходов к творчеству Достоевского.

Филологическая наука Австралии как англоязычной страны имеет дело преимущественно с текстами, переведенными на английский. Поэтому контексты сравнительной литературы и так называемой «континентальной философии» хорошо подходят для научных исследований, выходя за тематические рамки не только русистики, но и славистики. Положением Австралии как страны Южного полушария и одновременно

³¹ *Vladiv-Glover S. M. Dostoevsky, Freud and Parricide: Deconstructive Notes on «The Brothers Karamazov» // New Zealand Slavonic J. 1993. P. 7–34. (Invited paper to open new series of journal.)*

³² *Vladiv-Glover S. M. Romani Dostojevskog kao diskurs transgresije i požude. Belgrade, 2001. 215 p.*

³³ *Vladiv-Glover S. M. The Poetics of Realism: Dostoevsky, Flaubert, Tolstoy / Transl. into Serbian. Belgrade, 2010. 182 p.*

³⁴ Издатель журнала — Charles Schlacks Jr. Издание выходит в Калифорнии с 2000 г.

менно части европейской цивилизации диктуется необходимость преодоления этой условной изоляции от Европы и славянского мира, что и оказало определенное влияние на методы исследований — интердисциплинарных подходов. В соответствии с ним творчество Достоевского изучается не столько в рамках национальной литературы и общественной жизни России XIX в., но в более широком ракурсе, общеевропейском и общечеловеческом контексте, в единстве эстетического и философского подходов как отдельных частей общемировой культурной парадигмы. Этим объясняется то, что в австралийских публикациях о Достоевском трудно найти тезис об «обособленности» и «исключительности» русского писателя или «загадочной русской души», которые все еще бытуют в научном обиходе многих западных стран. В австралийских работах «русский человек» Достоевского трактуется не в буквальном смысле, но как метафора, обозначающая «личность» как реализацию индивидуального самосознания, корнящегося в подсознании. Подсознание — это «место» формирования самосознания посредством языка и письма, которые по определению «национальные», «родные», присущие «народу», «свои». В произведениях Достоевского «русский человек» — носитель европейских культурных ценностей, почерпнутых им из культурного «архива» или «библиотеки» европейской цивилизации, с которой русская культура неразрывно связана. «Русский человек» Достоевского — это всечеловек, фактически воплощающий идею глобальности цивилизации Нового времени.

Кроме вышеупомянутых критических интерпретаций творческого наследия Достоевского в «The Dostoevsky Journal: An Independent Review» опубликован ряд неизвестных ранее материалов, полученных из архивохранилищ России и Европы. Интердисциплинарное изучение творчества Достоевского было широко распространено среди молодых исследователей Австралии, которые с соответствующими темами поступают в аспирантуру на отделения англистики или общей мировой литературы и которые публикуются в «The Dostoevsky Journal: An Independent Review», выходящем параллельно с официальным органом IDS «Dostoevsky Studies Journal». Различие между этими двумя специализированными печатными органами в том, что «Dostoevsky Studies Journal» поддерживается большим интернациональным научным коллективом, в то время как «The Dostoevsky Journal» существует благодаря финансовой поддержке Ч. Шлекса, многие годы издающего многочисленные журналы по славистике, и исследовательскому фонду славистики университета Монаш. В тринадцати номерах этого австралийского научного издания, которые вышли с 2000 по 2013 г., опубликованы статьи, предлагающие новаторские аспекты изучения поэтики Достоевского с привлечением самых различных научных и философских методов³⁵.

³⁵ Архив журнала можно найти на сайте: www.dostoevskyjournal.com.

Темой симпозиума, приуроченного к десятому юбилею «Новой Школы религии и философии», который состоялся в Петербурге, стал философский аспект творчества Достоевского. Материалы симпозиума были опубликованы в «The Dostoevsky Journal: An Independent Review», под редакцией Н. Печерской³⁶. Израильский исследователь Р. Кацман (R. Katsman) провел деконструкцию романа «Подросток», выдвинув гипотезу, в соответствии с которой Достоевский создает модель бытия, основанную на идее «присутствия/отсутствия», из чего вытекает основная идея романа о письме и его значении для формирования этико-онтологической позиции героя³⁷. Анализ текста как варианта речи «другого» составляет содержание статьи о рассказе «Бобок» немецкой исследовательницы Д. Гельхард (D. Gelhard)³⁸.

Австралийские исследователи П. Мэтью и Б. Кук сделали обзор ряда интерпретаций произведений Достоевского, анализируя тезисы книги М. Джоунса «Достоевский после Бахтина»³⁹. В исследованиях, опубликованных в журнале, большое место занимает тема сексуальности героев писателя — популярное в исследовательской литературе XX в. направление изучения его произведений. В статье С. Фуссо (S. Fusso) сюжетная интрига романа «Униженные и оскорбленные» истолкована как результат сознательного введения этой темы Достоевским в свои произведения⁴⁰. Зохраб впервые в достоевведении затрагивает вопрос о теме гомосексуальности в рамках «потенциального бескрайного контекста», присущего, согласно Бахтину, каждому роману Достоевского; эти свойства Зохраб находит в сочетании деконструктивного и архивного подходов к чтению романа⁴¹. Э. Пэджет (A. Padgett), молодой компаративист из университета Монаш, видит изображение личности подпольного парадоксалиста в области небытия или «бесконечной потенциальности» в рамках метода, предложенного Дж. Агамбенем⁴². Американская исследовательница О. Стушебрюхова поднимает онтологическую проблематику, используя концепцию Ф. Фанона о феномене самоунижения, известном как «синдром субалтерна», который наблю-

³⁶ Ср.: The Dostoevsky Journal: An Independent Review. 2001. Vol. 2. P. 1–152.

³⁷ Katsman R. Dostoevsky's «A Raw Youth»: Mythopoesis as the Dialectics of Absence and Presence (From Capital to Writing) // The Dostoevsky J.: An Independent Rev. 2000. Vol. 1. P. 85–95.

³⁸ Gelhard D. Das Prinzip der Partizipation am fremden Text in Dostoevskijs «Bobok» // The Dostoevsky J.: An Independent Rev. 2000. Vol. 1. P. 113–122.

³⁹ Dostoevsky after Bakhtin: Readings in Dostoevsky's fantastic realism. Cambridge, 1990.

⁴⁰ Fusso S. «Secrets of Art» and «Secrets of Kissing»: Towards a Poetics of Sexuality in Dostoevskii // The Dostoevsky J.: An Independent Rev. 2002/2003. Vol. 3–4. P. 47–58.

⁴¹ Zohrab I. Mann-Männliche Love in Dostoevsky's Fiction (An Approach to «The Possessed»): With Some Attributions of the «Editorial Notes» in «The Citizen» (First Instalment) // The Dostoevsky J.: An Independent Rev. 2002/2003. Vol. 3–4. P. 113–226.

⁴² Padgett A. Beyond Dostoevsky: The Discourse of Non-Existence // The Dostoevsky Journal: An Independent Review. 2002/2003. Vol. 3–4. P. 79–91.

дается среди народов Африки, прошедших опыт европейской колонизации⁴³. Этот синдром автор обнаруживает среди представителей русской интеллигенции, которую, как показывает исследовательница, Достоевский систематически подвергал критике за слишком подобострастное отношение к чужой культуре и языку, за принижение важности своей культуры и родного языка. Чтобы стать общечеловеком, русский человек должен сначала стать настоящим русским; вывод, к которому приходит исследовательница на основе изучения «Дневника писателя» Достоевского, не слишком отличается от известных тезисов Гришина.

Большое внимание молодых достоеведов Австралии, особенно в психоаналитическом аспекте, привлекает повесть «Двойник». Д. Лэйн (D. Lane) анализирует образ «другого», воспроизводимый в бреде Голядкина, применяя концепцию Лакана о «расщепленном субъекте»⁴⁴. Э. Аскрофт (E. Ascroft) своей задачей видит описание поэтики и онтологии Достоевского на основе фиктивного психоза, которым характеризуется Голядкин. Исследователь приходит к выводу, что желание или прихоть («desire»), доводящие личность до предела разума, на котором они переходят в не-разум или сумасшествие, представляют для зрелой личности социальную драму, которая идет на смену эдиповой драме. Антропология Достоевского, основанная на описании психопатологической личности, по мнению Аскрофта, опередила психоаналитический дискурс более чем на полвека, так как русский писатель художественными средствами создал новую онтологию личности⁴⁵.

Нельзя не отметить, что довольно часто обращаются к произведениям Достоевского специалисты по английской литературе. Н. Террелл (N. Terrell) из Сиднейского университета поставил вопрос о секулярном идеализме в «Записках из подполья», в которых он увидел своего рода болезнь, замаскированную риторикой⁴⁶. Дж. Коуп (J. Cope), исследователь английской литературы из США, опубликовал в журнале австралийских достоеведов сравнительный анализ «Записок из подполья» и романа «Невидимка» (Invisible Man, 1952) афро-американского писателя Ральфа Эллисона (Ralph Ellison). Коуп приходит к выводу, что спасительное покаяние парадоксалиста приводит читателя Достоевского к положительной оценке произведения искусства как общественно

⁴³ *Stuchebryukhova O.* The Subaltern Syndrome and Dostoevsky's Quest for Authenticity of Being // *The Dostoevsky J.: An Independent Rev.* 2005. Vol. 5. P. 13–32.

⁴⁴ *Lane D.* A Reading of Dostoevsky's «The Double»: Through the Psychoanalytic Concepts of The Self and The Other // *The Dostoevsky J.: An Independent Rev.* 2005. Vol. 5. P. 1–11.

⁴⁵ *Ascroft E.* Lacan's Desire and Dostoevsky's «The Double»: The Problematics of Psychoanalytic Discourse in a Fictional Psychosis // *The Dostoevsky J.: An Independent Rev.* 2005. Vol. 6. P. 1–20.

⁴⁶ *Terrell N.* Soap Bubbles and Inertia: The Underground Man's Dependence on Rhetoric, Narrative Frameworks and Scepticism as a Syndrome of Secular Idealism // *The Dostoevsky J.: An Independent Rev.* 2006. Vol. 7. P. 1–29.

ценного поступка, в то время как концовка романа Эллисона представляется ему малоубедительной⁴⁷.

В австралийском журнале по дostoеведению публикуются также исследования представителей феминистской критики. А. Зинк (A. Zink) из Базельского университета задалась вопросом о значении темы проституции в русской литературе, выраженной в образах падших женщин у Чернышевского, Толстого и Достоевского⁴⁸. Зинк приходит к неутешительному выводу, что Достоевский, несмотря на все свои попытки создать образ национально объединенной и социально гармоничной России, не может отречься от своей классовой (буржуазной) точки зрения (подобно Толстому, но в отличие от идеологизирующего Чернышевского), по которой для падшей женщины нет ни социального искупления, ни единения с русским интеллигентом, которого ей положено спасать.

К сожалению, в условиях австралийского университетского образования, несмотря на непрекращающийся интерес к творчеству Достоевского, существует мало возможностей для исследования творчества русского писателя на основе изучения его рукописей. Русский язык и литература преподаются лишь в трех университетах Австралии: Мельбурнском, Квинслендском и Национальном университете в Канберре. Для развития этого научного направления широко используются переводы на английский язык. Однако наблюдается и обратное явление: руководствуясь стремлением лучше понять мысль Достоевского, некоторые начинающие исследователи берутся за изучение русского языка. Сегодня, в условиях глобализации, это значительно легче, чем в прежние времена.

⁴⁷ Cope J. Shaking off the Old Skin: The Redemptive Motif in Ellison's «Invisible Man» and Dostoevsky's «Notes from the Underground» // *The Dostoevsky J.: An Independent Rev.* 2006. Vol. 7. P. 75–91.

⁴⁸ Zink A. What is Prostitution Good for: Dostoevsky, Chernyshevsky, Tolstoy and the «Woman Question» in Russian Literature // *The Dostoevsky J.: An Independent Rev.* 2006. Vol. 7. P. 93–106.

Б. Б. ГОМИДЕ

**ЛИХОРАДКА И МИКРОСКОП:
ДОСТОЕВСКИЙ В БРАЗИЛИИ 1930-х гг.**

1930-е гг. в Бразилии отмечены всплеском интереса к творчеству Достоевского, и этот интерес в последующее десятилетие только продолжал расти. С одной стороны, увеличивалось количество восторженных отзывов, многие пытались подражать Достоевскому; наряду с этим появлялись подробные аналитические разборы, писатели старались избегать прямых заимствований, апеллируя к произведениям Достоевского в более утонченной форме. Эти тенденции в некотором смысле дополняли друг друга, как если бы в результате большого количества лихорадочных, спешных и претендующих на полноту прочтений возник многообразный и разнородный культурный дискурс, обеспечивший более сдержанный анализ вопроса.

Перемены, через которые прошла бразильская культура в 1930-е гг., когда в стране была уничтожена Первая республика и утвердились новые формы государственной власти, описаны в классическом эссе А. Кандидо¹. В это время заметно вырос бразильский издательский рынок, который оказал особое влияние на восприятие русской литературы: если ранее число бразильских переводов было ничтожно малым (несколько изданий «Крейцеровой сонаты» и два-три тома сочинений Достоевского), то теперь оно резко увеличилось. Критик из Сан-Пауло Б. Брока с раздражением назвал этот феномен «славянской лихорадкой»: на португальский язык стало переводиться всё русское².

Помимо специфической издательской ситуации возникла благоприятная атмосфера для чтения и обсуждения русских писателей, которых ценили интеллектуалы как правой, так и левой политической направленности — в сильно поляризованном обществе того времени. Без сомнения, из всех русских писателей Достоевский оказал наибольшее

¹ *Candido A. A Revolução de 30 e a Cultura // A Educação pela Noite e Outros Ensaios.* 2 ed. São Paulo, 1989. P. 181–198.

² *Broca B. Crime e Castigo // Ensaios da Mão Canhestra.* São Paulo, 1981. P. 73. Более подробную информацию относительно восприятия русской литературы в Бразилии можно найти в книге: *Gomide B. Da estepe à caatinga: o romance russo no Brasil (1887–1936).* São Paulo, 2011. О восприятии Достоевского в Бразилии см.: *Gomide B. Краткая история восприятия Достоевского в Бразилии // Вопросы литературы.* 2010. № 3.

влияние на культурную жизнь Бразилии (на втором месте стоит Горький с особым влиянием на левые массы).

Хотя нетрудно найти высказывания по поводу величия Толстого и его имя многократно звучало в Бразилии в связи с социальной ориентацией так называемых «романистов 1930-х», коэффициент его цитирования в литературной критике первой половины данного десятилетия практически сводится к нулю. На фоне новых антигуманистических веяний³ гуманистический пафос его учения выглядит несерьезно. Достоевский же, наоборот, связан с главными эстетическими ориентирами современности. Практически во всех критических работах он стал собеседником Пруста, Джойса, Пиранделло (а в 1940-е гг. и Кафки). А. Ногейра в 1935 г. начал свое беспрецедентное исследование о Достоевском (первое опубликованное в Бразилии) с провозглашения его «преобразователем современной чувствительности». Отавио де Фариа видел в русском писателе «величайшего романиста всех времен и всех языков»⁴.

В количественном отношении неравнозначность ролей Толстого и Достоевского отражена в главных литературных периодических изданиях. В «Литературе, литературных новостях» («Literatura, As Novidades Literárias»), а также в «Бюллетене Ариэля» («Boletim de Ariél») монографических текстов о первом нет. И даже его имя упоминается весьма редко. Достоевский же если не является темой отдельной статьи, то цитируется в десятках текстов по самым разнообразным вопросам — от театра до новинок бразильской литературы.

В качестве лишь небольшого примера прибегнем к двум статьям 1930 г., написанным молодым критиком Э. Гомесом. В первой статье содержатся традиционные рассуждения о значении Толстого в общественной жизни и его роли в качестве учителя: его универсальности, вездесущности его образа, противоречивости личной жизни писателя и о последнем побеге. В тексте нет ничего, кроме набора давно сложившихся мифов⁵. В том же году Э. Гомес обращается к творчеству другого русского автора при обсуждении «Улисса»: «Имеющая место одержимость Достоевским заставляет предварить его признания следующими словами: „Заявляю, что читателей у меня никогда не будет. Я ничем не хочу стесняться в редакции моих записок. Порядка и системы заводить не буду. Что припомнится, то и запишу“. Джойс, который придал особую форму внутреннему диалогу Достоевского, адаптировав его к авангардистской эстетике, мог бы вложить эти слова в уста Стивена Дедала. Эта книга воистину чудовищна, если принять во внимание все неприкрытое и подминающее под себя искажение, вложенное в нее автором»⁶.

³ См.: Понятие гуманизма: французский и русский опыт. М., 2006.

⁴ Otávio de Faria. Mensagem Post-Modernista // Lanterna Verde. 1936. N 4. P. 51, 58.

⁵ Gomes E. Tolstói Visto pela Mulher // A Tarde. 1930. 5 abr.

⁶ Gomes E. Um Livro Monstruoso // A Tarde. 1930. 9 ago.

В этом сравнении приемов Джойса и Достоевского нельзя не увидеть нечто более важное, чем простую дань коллекции анекдотов в случае с Толстым. Определенный литературный прием «Записок из подполья», переломного произведения в творчестве русского писателя, напрямую вливается в историю становления модернистской прозы.

Его влияние было настолько ощутимым, что некоторые эссеисты даже выражали недовольство повсеместным «увлечением» Достоевским, а также «имитаторами» русского писателя. В 1936 г. М. де Андраде жаловался на «моду на Достоевского», заведенную французами. В 1943 г. Р. Брага в рецензии на сокращенное издание «Дневника писателя» говорил, что «Пруст и Достоевский оказали наихудшее влияние на бразильскую литературу, в чем, впрочем, ни один из них не виноват»⁷. Комментируя книгу «Мраморная стена» аргентинской писательницы Э. Канто, М. Вернек в ноябре 1945 г. положительно оценивал тот факт, что она избежала «искушения тенью, столь привычного в наших суб-достоевских тропиках, которые скрывают жалкую бедность романной структуры, набросив на историю плотную вуаль тени, умалчивания и невысказанных загадок»⁸. Стоит также отметить, что все три упомянутых критика были большими ценителями Достоевского и русской литературы в целом.

С точки зрения литературной критики Достоевский подвергся значительной переоценке. Старания исследователей были направлены на попытки разделения, различения, уточнения классификаций; было выражено также беспокойство по поводу слишком поспешных обобщений. «Непонимание», «недостаточность», «неосторожность» — вот термины, которых становится всё больше в критических работах, публикуемых бразильскими эссеистами.

Этому, несомненно, способствовал рост библиографического материала. Конечно, в 1930-е гг. ни одна книга не пользовалась такой популярностью, как в предыдущее десятилетие известная работа Вогюэ⁹. Бразильские критики теперь обращались к тому или иному эссе. Например, А. Ногейра¹⁰, во многом ориентируясь на статьи Бердяева, предпочел С. Цвейга¹¹ книге О. Кауса¹². А. Мейер в статьях о Достоевском, которые будут проанализированы ниже, использовал библиографический репертуар, несводимый к какому-либо одному подходу к творчеству Достоевского. Если в конце XIX столетия К. Бевилакуа

⁷ Braga R. O diário de Dostoiévski // *Leitura*. 1943. N 5. P. 16.

⁸ Werneck de Castro M. O muro de mármore // *Leitura*. 1945. N 35. P. 41.

⁹ Vogüé M. Le roman russe. P., 1886.

¹⁰ Nogueira H. Dostoiévski. Rio de Janeiro: Schmidt, 1935.

¹¹ Работы Стефана Цвейга пользовались большой популярностью в бразильских литературных кругах и постоянно цитировались в связи с Толстым и Достоевским (например: Zweig S. Dostoiévski. Rio de Janeiro: Guanabara, 1934).

¹² Kaus O. Dostojewski: zur Kritik der Persönlichkeit, ein Versuch. München: R. Piper, 1916.

и другие критики вынуждены были строить свои рассуждения в границах, очерченных Вогюэ, то в 1930-е гг. ссылок стало заметно больше.

А. Бранко, писатель из штата Алагоас, отзывался о Бердяеве довольно сдержанно. Он увидел в размышлениях Бердяева¹³ лишь историю идей, один из вариантов прочтения Достоевского, который вполне может быть сопоставлен с другим и у которого могут быть свои преимущества и недостатки по сравнению, например, с мнением А. Жида: «В анализе мировоззрения Достоевского, предложенном Бердяевым, не всё является для нас новым. Он ошибся, не процитировав (и ошибся еще более, если не читал) работы Андре Жида. Как и Бердяев, Жид ставит „L'esprit souterrain“¹⁴ на вершину творчества Достоевского и доказывает, что „ce n'est pas à l'anarchie que nous mène Dostoïewski, mais simplement à l'Évangile“¹⁵, утверждает, почти в тех же выражениях, „qu'il ne connaît pas d'auteur plus chrétien et moins catholique“¹⁶, подчеркивает непоследовательность персонажей Достоевского, которые „cedent complaisamment a toutes les contradictions“¹⁷, а также выделяет их двойственность, которая кажется борьбой между божественным и inferнальным началом, происходящей в их душах. Но так как Жид француз, он остается на психологической почве. Достоевский интересует его лишь как романист, как создатель исключительных душ, сложных и почти таких же реальных и правдоподобных, как и души настоящие. Для Бердяева же Достоевский прежде всего „métaphysicien“, крупнейший русский метафизик. Кстати, мой дорогой друг Тео Брандао, никогда не читавший Бердяева, в разговоре со мной сообщил... не без некоторого сладострастия критического проникновения, об этом достойном восхищения религиозном смысле Достоевского, который приносится в жертву чисто эстетическому взгляду некоторых читателей»¹⁸.

Увеличивалось также и количество биографий русских писателей, а значит, и объем достаточно противоречивых сведений, на которые могли опираться эссеисты. Ставший впоследствии довольно известным А. Труайя еще не был в ходу. Но уже были опубликованы, например, книги А. Г. Достоевской¹⁹ (рецензия Л. М. Перейры²⁰) и А. Левинсона²¹, рецензию на которую написал М. О. де Алмейда²².

¹³ *Berdiaev N. L'esprit de Dostoïewski. Paris, 1929.*

¹⁴ Дух подполья, буквально — подземный дух (*фр.*).

¹⁵ Достоевский ведет нас не к анархии, а всего лишь к Евангелию (*фр.*).

¹⁶ Что не знает в большей степени христианского и в меньшей степени католического автора (*фр.*).

¹⁷ Покорно поддаются всем противоречиям (*фр.*).

¹⁸ *Branco A. Notas Sobre o Espírito de Dostoïewski // A Novidade. 1931. Ago. N 17. P. 8.*

¹⁹ *Dostoïevskaia A. G. Dostoïewski, par sa femme. Paris: Gallimard, 1930.*

²⁰ *Pereira L. M. A propósito de Dostoïévski // Pereira L. M. A leitora e seus personagens. Rio de Janeiro, 1932.*

²¹ *Levinson A. La Vie Pathétique de Dostoïevsky. Paris: Librairie Plon, Le roman des grandes existences, 1931.*

²² *Almeida M. O. André Levinson — La vie pathétique de Dostoïevsky // Boletim de Ariel. 1931. dez. N 3. P. 5.*

Таким образом, ощутимая перемена в умонастроении критиков касалась Вогюэ и некоторых его наиболее известных высказываний. С появлением новых тем и книг снизилось и влияние Вогюэ, ощущавшееся в статьях бразильских критиков после выхода эссе «Русский роман» («Le Roman russe», 1886). Как сказал писатель О. Монтенегро по поводу офранцуженной атмосферы *belle-époque* в Бразилии времен Первой республики (1889–1930), «тем, кто привык — и с таким наслаждением! — к благоразумной жизни, жизни между стаканом молока и водой „Vichy“, трудно почувствовать и полюбить наполовину бевосовских, наполовину ангельских персонажей романов Достоевского»²³. В 1930-е гг. французский эссеист стал мишенью для шуток, высмеивающих клише патетических выступлений предыдущих десятилетий. А. Гриеко отметил эти клише в творчестве романиста Ж. Л. до Рего, который обратился к теме проституции без всяких сантиментов, однако в его произведениях нет «никакой Соны, которая могла бы спровоцировать тирады о религии человеческого страдания»²⁴. По словам Г. Рамоса, для написания романа нет необходимости в живописной реальности. Предложенные условия повсюду одинаковы, и их преобразование зависит от таланта и усилий каждого отдельного писателя. Таким образом, «ясно, что окружающие нас создания — люди самые обыкновенные, вполне возможно, что Раскольников и Соня Достоевского в реальной жизни были бы типичным убийцей и никчемной проституткой, в которых не было бы никакого величия. Может быть, увидев самих себя на бумаге, они бы и не узнали себя»²⁵.

В статье Дионелио Машадо «О происхождении знаменитого романа» разобраны некоторые тезисы Вогюэ. Широко известно высказывание Вогюэ, в котором он сближает «Преступление и наказание» с «Макбетом»: русский роман является «самым глубоким исследованием преступления» со времен трагедии Шекспира²⁶. Действительно, говорил бразильский писатель, такая точка зрения достаточно справедлива, она полностью подтверждена психиатрией, и об этом было много написано. Но, несмотря на видимое согласие, Дионелио Машадо сделал некоторые уточнения: «Банальное сближение, сделанное виконтом де Вогюэ, „Преступления и наказания“ и „Макбета“, то есть шедевра современной аналитической литературы и самого полного пособия по психологии, которое, возможно, было создано Вильямом Шекспиром, — так вот, это сближение, как нам кажется, не ограничивается только мастерством, с которым написаны обе трагедии (а именно оно занимает Вогюэ). Нет, речь идет о чем-то большем, о глубоком сродстве»²⁷.

²³ Montenegro O. Dostoievski // Retratos e Outros Ensaios. Rio de Janeiro, 1959. P. 22–35.

²⁴ Grieco A. Gente Nova do Brasil. Veteranos — Alguns Mortos. 2 ed. Rio de Janeiro, 1948. P. 18 (данный отрывок был опубликован в 1934 г.).

²⁵ Ramos G. Um Romancista do Nordeste // Literatura. 1934. 20 jun. N 18. P. 10.

²⁶ Machado D. Sobre a gênese de um romance célebre // O Jornal. 1930. 31 ago.

²⁷ Ibid.

Здесь просматривается нечто гораздо большее, чем предполагала криминальная психиатрия. Более сложные связи между двумя произведениями можно исследовать только с литературной точки зрения. И в аспекте, отличном от того, в котором видел своих героев Вогюэ: «Однако, как увидит читатель из нижеследующих рассуждений, писатель (Достоевский), который по преимуществу отражает „натуралистический“ дух нашей литературной эпохи, „que va révolutionner toutes nos habitudes intellectuelles“²⁸, во благо своей работы также отправился на поиски более изобильного и щедрого источника вдохновения, вдали от привычной ему реальности»²⁹.

Это основополагающий тезис. Открытия Вогюэ не исчерпывают художественных открытий русского писателя, хотя виконт активно пропагандировал его творчество и оказал серьезное влияние на бразильскую литературную критику. Художественный мир Достоевского строился как на контакте с конкретной реальностью, так и на столкновении с другими, самыми разными литературными текстами. «Литература никогда не сможет отказаться от литературы», — утверждал Машадо. Он предложил *микроскопический* метод, чтобы на основании минимальных признаков исследовать литературное происхождение «Преступления и наказания». Важны не этнические или социальные факторы: искусство русского писателя, по мнению Машадо, родилось не под давлением самодержавия, нельзя сказать, что оно имело этническое происхождение, как не было оно и потоком самовыражения автора. Процесс работы над романом необходимо воссоздавать путем филологического анализа малозаметных интертекстуальных признаков, проверяя при помощи сравнительно-исторического метода в том числе и наличие аллюзивного шекспировского плана.

Другой эссеист, изучавший творчество Достоевского и русскую литературу через подобную призму, — У. Соарес (р. 1893), архивист из Святого Дома Сострадания в Рио-де-Жанейро, автор различных статей и эссе в периодических изданиях 1930–1940-х гг. Несмотря на активную писательскую работу, его имя не закрепилось в истории литературы. В свое время усилия Соареса нашли некоторый отклик в связи с исследованиями польской культуры. Книга «Вопрос Верхней Силезии»³⁰, участие в польско-бразильском обществе «Kościuszko», а также тексты о культуре, литературе и истории страны принесли ему медаль польского правительства «Академические лавры». И хотя награда пришла с родины Мицкевича, Соарес публиковал много работ и о русской литературе.

Соарес стремился в почти дидактической манере обличить общие заблуждения и стереотипы, сложившиеся в отношении произведений

²⁸ Который перевернет все наши интеллектуальные представления (*фр.*).

²⁹ Ibid.

³⁰ Soares U. A questão da Alta Silésia. Rio de Janeiro, 1921.

русских писателей. Он приводил примеры характерного для критиков данного десятилетия внимания к мелочам. В качестве альтернативы Соарес предложил тщательное изучение библиографии и предупредил читателя о необходимости соблюдения точности в ссылках на факты русской истории. У самого Соареса это не всегда получалось: его сведения о реалиях русской жизни были недостаточны, но тем не менее он чаще попадал в цель, чем ошибался.

Его беспокоило, что Достоевского (как и других русских писателей) считали чуть ли не святым мучеником от левых сил — такая карикатура была хорошо известна в латиноамериканской радикально настроенной среде. Соарес напоминал, что в определенный период своей жизни русский писатель «горячо боготворил самодержавие»³¹. В ответ на высказывания Ж. Жобима он писал: «Что касается причины приговора Достоевского, которая, как считает Жобим, крылась в издании одного словаря (?!), в этом определено есть что-то странное. Жобим основывается на кинематографической фабуле. Приговор Достоевского стал результатом его участия в тайном обществе, обществе Петрашевского, куда он принес знаменитое письмо Белинского Гоголю... Я не считаю „Записки из Мертвого дома“ революционной книгой, а прежде всего считаю ее христианской. Что касается богатства (?!) и известности Достоевского, обе эти характеристики совершенно отсутствовали в его жизни»³².

Несмотря на кажущуюся близость данного рассуждения Соареса антикоммунистическим выпадам, его цели не совпадали с католическим или интегралистским³³ уклоном. Рецензия, написанная им о книге Б. Перейры «Бразилия и антисемитизм», и статья «Учение ненависти» показывают, что Соарес решительно отрицал любой филонацизм, шовинизм, а также реакционные и антисемитские идеи³⁴. В то же время он называл Писарева «блестящим памфлетистом и писателем»³⁵ и следующим образом отзывался о Бакунине: «Тот, кто в наши дни захотел бы обратиться к изучению интереснейшей личности Бакунина, объективно проанализировав его важную роль в движении социального обновления XIX в., крайне удивился бы нынешнему странному забвению этого великого русского»³⁶. Восхищение этими историческими персонажами было невозможно для католиков правого толка в 1930-е гг. Хотя нападки на «красного» Достоевского имеют много

³¹ Soares U. O liberalismo político de Dostoiévski // Boletim de Ariel. 1932. Out. N 1. P. 8.

³² Soares U. Cavaco com José Jobim // Boletim de Ariel. 1937. Out. N 10. P. 10.

³³ *Интегрализм* — политическое течение в Бразилии 1930-х гг., которое во многом совпадало с фашизмом (и потому было радикально антикоммунистическим и антисоветским). Лидер движения — Плинио Салгадо.

³⁴ Soares U. 1) Baptista Pereira — O Brasil e o Anti-Semitismo // Boletim de Ariel. 1934. N 4. Jan. P. 12; 2) Doutrina de ódio // Boletim de Ariel. 1934. Maio. N 10.

³⁵ Soares U. Cavaco com José Jobim // Boletim de Ariel. 1937. Out. N 10.

³⁶ Soares U. Michel Bakounine — Confession // Boletim de Ariel. 1932. Nov. N 2.

общего с антикоммунистическими высказываниями католического критика Т. да Силвейра, по сути это разные явления. Соарес считал неверным такой взгляд на Достоевского по той причине, что это не соответствовало мировоззрению русского писателя; мнение критика шло вразрез с магистральными исследованиями.

Наверное, самое интересное аналитическое высказывание этих лет о Достоевском принадлежит критику А. Мейеру. В 1935 г. он сравнил Достоевского с Машаду де Ассисом, главным бразильским писателем и крупнейшим латиноамериканским романистом XIX в. Русский и бразильский писатели традиционно считались антиподами, чему подтверждением были их темпераменты, биографии, сочинения и отношение к национальной идее. Сравнение действительно было смелым. Никому из критиков и в голову не приходило сделать подобное прямое сопоставление. И это притом что в те годы сравнение с Достоевским было одним из наиболее частых. В творчестве буквально всех новых писателей (и некоторых их ближайших предшественников — например, Лима Баррету, в чем творчестве, по мнению критиков, ощущалась «подпольность» Достоевского) искали свидетельства влияния русского писателя. Выявление сходства с Достоевским было до некоторой степени ожидаемым. Но только не в отношении к «Посмертным запискам Браза Кубаса» (1881) Машаду де Ассиса. Люсия Мигель Перейра, большая поклонница и русского, и бразильского писателей, за несколько месяцев до эссе «Машаду де Ассис» Мейера отрицала возможность какого-либо сходства между Достоевским и Машаду де Ассисом: «он был спокойным, неспешным, лишенным страстей, без тех резких скачков и неравномерностей, которые преследовали Достоевского»³⁷.

Сегодня понятно, что Мейер сделал открытие. Чтобы объяснить его суть, прибегну вновь к Л. Мигель Перейре. В рецензии на только что выпущенную книгу³⁸ она следующим образом подвела итоги темы «подпольного человека», назвав работу Мейера лучшей из всего написанного по этому вопросу. «С самого начала он разрушает представление о Машаду как о „спокойном человеке, которому было присуще равновесие и умеренность, внимательном и дружелюбном скепнике, почти анатолийце“, чтобы превратить его в законного брата Ордынова и „подпольного человека“»³⁹. Этот Машаду де Ассис значительно отличался от того, которого сама писательница описывала несколько ранее.

Можно сказать, что Мейер произвел революцию в изучении творчества Машаду де Ассиса. Чтобы мы могли лучше понять, что было поставлено на кон, обратим внимание на *вторую* составляющую срав-

³⁷ Miguel Pereira L. Machado em Síntese // A Leitora e Seus Personagens. Rio de Janeiro, 1992. P. 197.

³⁸ Meyer A. Machado de Assis. Porto Alegre, 1935.

³⁹ Miguel Pereira L. As Almas Exteriores de Machado de Assis. P. 199.

нения. Эссе 1935 г., было также важным этапом медленного и сложного приближения к Достоевскому, предпринятого в начале десятилетия и продолженного в последующие годы. Эссе «Подпольный человек», триумфально открывавшее книгу «Машаду де Ассис» (1935), предшествовало новому прочтению русского романиста.

Начало было положено в публикациях Мейера «О Достоевском» и «Заметка о Достоевском», которые появились в газете штата Риу-Гранди-до-Сул⁴⁰. Эти публикации стали основой эссе «Всегда Достоевский», изданного в 1947 г. в книге «Под тенью книжной полки»⁴¹. Последняя версия существенно отличалась от ранних.

В «Заметке...» речь шла о лингвистической и эстетической проблеме, которую Мейер назвал «литературным преобразованием». Похожую озабоченность высказывал и Машаду де Ассис: он говорил о том, что созданная в «Преступлении и наказании» реальность имеет мало общего с наблюдаемой нами реальностью, она скорее сродни трагедии Шекспира. Мейер обратился к роману «Бесы», поводом к написанию которого было политическое преступление Нечаева. В этом романе, говорил критик из Риу-Гранди-до-Сул, создана специфическая реальность, смешивающая литературу и метафизику, выходящая за пределы политической турбулентности в России конца 1860-х гг. Необходимо изъять Достоевского из мира обыденных страстей и бросить его внутрь лабиринтов собственных произведений.

Преобразовав политический факт, Достоевский реформировал заодно и литературные жанры, бывшие в моде в 1860–1870 гг. «Заметка...» открывалась упоминанием о статье В. Познера, в которой устанавливалась связь произведений Достоевского с приключенческим и готическим романами. Согласно Мейеру, повествовательная интенция «Бесов» состоит в преодолении газетного романа. «Перипетии уголовного дела, почерпнутые из судебного процесса и газетных публикаций, могли превратиться в неправдоподобный роман»⁴². Имея в руках такой материал, писатель рисковал создать еще одно псевдорусское «нигилистическое» повествование. Однако в романе Достоевского газетная развязка растворилась. В какой-то момент романтическая традиция преломилась и появилась «книга-чудовище»⁴³, в которой вращение персонажей вокруг метафизических проблем создало абсолютно неопределенную вселенную.

Согласно Мейеру, этот прорыв стал возможен благодаря «бессознательному творчеству». Именно оно привело к литературному преобразованию грубых и потенциально мелодраматичных газетных сведений в радикальный замысел «Бесов». Отступление от традиции ощущается особенно остро. Фактор «бессознательности» позволяет ощутить

⁴⁰ Meyer A. 1) Sobre Dostoiévski // Correio do Povo. 1932. 6 out. P. 10; 2) Nota sobre Dostoiévski // Ibid. 1935. 12 maio. P. 12.

⁴¹ Meyer A. À sombra da estante. Rio de Janeiro, 1947.

⁴² Meyer A. Nota Sobre Dostoiévski. P. 13.

⁴³ Ibid.

литературу таким полем, на котором правят независимые силы и которое невозможно свести к изначальным границам: «У меня сложилось впечатление, что Достоевский никогда не судит своих персонажей и никогда точно не знает, что они из себя представляют. Ведь сила бессознательного творчества создает между намерениями автора и сложностью интриги настоящую пропасть — психологическую неопределенность характеров персонажей. Отсюда ощущение жизненной наполненности образов: кажется, что герои живут сами по себе, без пуповины, во всех чувствуется потенциальная жизнь, которая готова проявиться в любой момент, мы никак не можем узнать заранее, каким будет их поведение на следующей странице, и это поддерживает в нас постоянный интерес. С другой стороны, это соответствует великолепному ощущению психологической достоверности»⁴⁴.

В 1938 г. статья Мейера появилась вновь, на этот раз в газете, издававшейся в Рио-де-Жанейро⁴⁵. Статья под названием «Об одной интерпретации Достоевского» была разделена на две части. Первая в точности повторяла текст «Заметки...» 1935 г.; вторая же была полностью новым текстом. В ней был продолжен разбор романа «Бесы» (дополненный размышлениями о «Преступлении и наказании»), но вначале подводился *итог процесса восприятия этого русского романа на Западе*. То есть, чтобы продолжить исследование, начатое в 1930-е гг., было необходимо просеять предыдущие интерпретации через сито современности. «Глубокая и запутывающая сложность» романа Достоевского «заставит любого неподготовленного читателя почувствовать нечто странное — в лучшем значении этого слова, — нечто новое и почти бесформенное».

«Перечитав его великие романы сейчас, мы начинаем понимать чаяния Вогюэ и благонамеренные старания первых переводчиков отрешать все ненужное.

Когда роман Достоевского начал завоевывать Западную Европу, ему служила паспортом лишь загадочная привлекательность экзотики; любопытным читателям он казался просто интересным литературным фактом той части Европы, которая, несмотря на разделяющую линию, отмеченную на карте пунктиром, простирается до границ крайней Азии. Но даже в адаптированном и иногда искаженном виде он закрался в души новых читателей с коварством токсина.

Уже прошли те славные времена, когда Достоевскому требовалось заручиться „одобрением“ Вогюэ, чтобы завоевать почитателей. В современной Европе, переполненной экзотической литературой, предостережение виконта братья за „Преступление и наказание“, вооружившись резиновыми перчатками и обеззараживающими средствами, кажется смешным»⁴⁶.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Meyer A. Sobre uma interpretação de Dostoiévski // O Jornal. 1938. 4 set. P. 20.

⁴⁶ Ibid. P. 20.

Даже с этим дополнением суть «Заметки...» в целом не менялась. Шагом вперед стала еще одна часть статьи, и теперь все три части были опубликованы в книге «Под тенью книжной полки»⁴⁷. В третьей части развивались идеи 1938 г.; в библиографии появился Р. Гуардини («наиболее значительный критический вклад последних лет»), ссылки на тома немецкого издательства «Piper und Co», включающие документальные материалы и комментарии В. Комаровича, и (может быть, самое важное) прекрасное эссе О. М. Карпо, опубликованное в его дебютной в Бразилии книге⁴⁸. В новой части статьи Мейер усовершенствовал эсхатологию своей аргументации, развивая идеи русского мыслителя Фёдорова.

На этот раз Мейер, вернувшись к старым текстам, внес в них изменения. Самое главное — был переработан параграф из «Заметки о Достоевском», в результате чего его смысл поменялся на прямо противоположный и в целом эссе приобрело новый смысл.

Вот отрывок 1935 г.:

«Психологическая оригинальность Достоевского зиждется на внимании к сложным сторонам внутреннего мира человека. Именно этим продиктованы замечательные образы пьяниц и лгунов. В Лебедеве, Мармеладове есть потенциальные качества, которые иногда выходят наружу и преображают их гротескные маски. *Во имя сострадания* Достоевский обратился к тем, кто оказался на самом дне, чтобы обнаружить чистоту души униженных и оскорбленных»⁴⁹.

Тогда как в 1947 г. он утверждал обратное:

«Психологическая оригинальность Достоевского зиждется на внимании к сложным сторонам внутреннего мира человека. Именно этим продиктованы замечательные образы пьяниц и лгунов. В Лебедеве, Мармеладове есть потенциальные качества, которые иногда выходят наружу и преображают их гротескные маски. *Не во имя сострадания, как хотели бы некоторые сентиментальные толкователи, а из-за жестокой ясности ума* Достоевский обратился к тем, кто оказался на самом дне, чтобы обнаружить чистоту души униженных и оскорбленных»⁵⁰.

В 1932–1935 гг. изменения литературных взглядов Мейера, как это видно на примере с Мармеладовым, происходило в связи с «высшим» вопросом — гуманного сострадания, основанного на «любви» в почти позитивистском понимании. В статье 1938 г. картина еще была двойственной: хотя и ставилась под сомнение необходимость «одобрения»

⁴⁷ Эссе вошло в состав «Критических текстов» (Textos Críticos / Ed. J. A. Barbosa. São Paulo, 1986), и здесь я пользуюсь данным изданием.

⁴⁸ «Эссе об интерпретации Достоевского» (Ensaio de interpretação dostoiévskiana // Carpeaux O. M. A Cinza do Purgatório. Rio de Janeiro, 1942. P. 5–20), которое Мейер считает «завоеванием глубины».

⁴⁹ Meyer A. Nota Sobre Dostoiévski // Correio do Povo. 1935. 12 maio. P. 10. (Курсив мой. — Б. Г.)

⁵⁰ Meyer A. Sempre Dostoiévski (1947) // Textos Críticos. P. 376. (Курсив мой. — Б. Г.)

Вогюэ, но в отношении «сострадания» Мейер все еще находился под влиянием литературной критики конца столетия. В 1947 г. такая двойственность была преодолена. Критика «сентиментальных толкователей» была доведена до предела, на смену им пришли новые подходы в интерпретации.

Из неоднократно переработанной статьи родилось эссе «Подпольный человек» («O homem subterrâneo»), в котором сравниваются русский и бразильский писатели. В конце 1930-х гг. Мейер отделился от двух литературных концепций конца предыдущего столетия: сострадания Достоевского и мягкого скептицизма Машаду де Ассиса. Тот факт, что, рассуждая о злоключениях Кубаса, Мейер обратился к повести 1864 г., не случаен: эта книга произвела впечатление на Ницше, как замечает Мейер в заключительной части «Заметки о Достоевском»; она же в католическом восприятии А. Ногейры была единственным «безбожным» произведением писателя. Достоевский, каким он представлен в эссе Мейера, до крайности *жесток*: достаточно обратить внимание на характеристики, которыми награждаются герои произведений: сознательная инерция, отчаяние, удовольствие мазохиста, саморазрушение, глубокая тяжесть, болезненное сознание, интроспективная слабость, инцестуальное сладострастие, чудовищный мозг. В обоих случаях эта психология отражалась и на форме: повествование «Посмертных записок Браза Кубаса» Машаду де Ассиса и «Подпольного духа» Достоевского (если бы автор использовал более достойный перевод, со словом «Записки» в названии, параллель стала бы еще более явной) состоит из прыжков, эллипсов и сомнений⁵¹.

Это сопоставление позволило Мейеру существенно скорректировать представления о творчестве Машаду де Ассиса. Тяжелый, глубокий, безбожный талант Достоевского изменил его образ. Впрочем, и русский писатель предстал в новом свете в сравнении с Машаду де Ассисом. Попутно были добавлены некоторые характеристики, полностью отсутствовавшие на тот момент в критических отзывах о его произведениях в Бразилии, — это ирония и юмор.

В статье 1935 г. Мейер был готов обрести независимость от «сентиментальных толкователей». Но другой аспект все еще связывал его с традицией конца столетия — *сам текст произведения*. Ведь «L'esprit souterrain» не является точным переводом «Записок из подполья». Это несуществующая книга Достоевского, адаптированная И. Д. Гальпериным-Каминским, который соединил в ней две повести⁵². Или, как сказал сам Мейер в 1938 г., это «благонамеренные старания первых переводчиков отрезать все ненужное». Кажется, этот факт не был замечен комментаторами важной параллели между Машаду де Ассисом и Достоевским: Ордынов, сравниваемый с Кубасом, *не является персона-*

⁵¹ Meyer A. O Homem Subterrâneo (1935) // Textos Críticos. 1986. P. 195.

⁵² *Dostoievski F. L'esprit souterrain / Trad. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice. P., 1886.*

жем «Записок из подполья». Это герой монтажа, созданного французской культурой 1886 г. под давлением издателей, которые стремились угодить вкусам читателей.

В наличии имелись более свежие издания: «Подпольный голос», переведенный Б. де Шлезером, а также книги на немецком языке, которые Мейер мог прочитать⁵³. Однако он, подвергавший сомнению критическое наследие, не усомнился в переводах.

Ситуация, в которую попал Мейер в 1930-е гг., со своими преимуществами и ограничениями, дает нам достоверную картину положения вещей: в ней попытка создания литературной критики, которой было бы под силу внести ясность в сложные отношения между искусством и мыслью русского писателя (цель почти академического уровня), основывается на устаревшем, ненадежном и искажающем текст произведения издании. И при помощи этой амальгамы Мейеру удалось изменить направление бразильской литературной историографии в прочтении вечно ускользающего Машаду де Ассиса.

Перевод с португальского Е. Волковой

⁵³ Dostoievski F. La voix souterraine / Trad. Boris de Schloezer. Paris, 1926.

ВОСПРИЯТИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО
В ЯПОНИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 40 ЛЕТ
В СВЕТЕ ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ТВОРЧЕСТВА
ПИСАТЕЛЯ С КОНЦА XIX в.

I

Хронологию новой японской литературы принято отсчитывать от начала эпохи Мейдзи (1868–1912). И с этого периода в японском обществе возникает устойчивый интерес к русской литературе, представленной именами Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова и др.

Особую роль в формировании этой традиции сыграл Симэй Фтабатэй (Shimei Futabatei)¹, известный литератор и первый японский филолог-русист Нового времени, автор получившей широкую известность повести «Плывущее облако» (1889)². Насколько точно постиг Фтабатэй сущность построения повествования Достоевского, подтверждается его мыслью в эссе 1897 г. о различии в подходе к описанию человека в творчестве Достоевского и Тургенева. Согласно его мнению, в первом случае точка авторского видения остается внутри изображаемого персонажа и почти сливается с его личным видением себя, во втором случае она находится вне персонажа и показывает его со стороны с большей или меньшей степенью критичности. По признанию Фтабатэя, его как писателя более привлекает форма повествования, в которой происходит слияние повествователя с персонажем в духе Достоевского. Однако исследователь полагает, что при этом необходимо избегать *чрезмерного лиризма*³, значит, излишней идентификации с объектом. Крупнейший поэт нового времени Сакутаро Хагивара (Sakutarō Hagīwara), также оказавшийся в свое время под сильным влиянием Достоевского, в 1910-е гг. подверг критике восприятие Достоевского литераторами школы «Сиракаба»: «Во времена, когда я читал Достоевского, активно действовала группа „Сиракаба“, и гуманистическая идеология владела умами целого поколения. Участники группы „Сиракаба“ поставили Толстого и Достоевского на одну доску и обожали их как двух богов литературы»⁴.

¹ Псевдоним; настоящее имя — Хасэгава Тацуноскэ (Hasegawa Tatsunosuke).

² «Уки гумо» («Плывущее облако»); 浮雲.

³ *Фтабатэй Симэй*. Фтабатэй Симэй дзэнсю (Полн. собр. соч.): В 9-ти т. Токио, 1965. Т. 5. С. 165; 二葉亭四迷9卷全集第5巻165頁. 岩波書店 // 東京, 1965

⁴ *Хагивара Сакутаро*. Хадзимэтэ Достоевский о ёндакоро (Когда я впервые читал Достоевского) // Хагивара Сакутаро. (Полн. собр. соч.): В 15-ти т. Токио, 1976. Т. 9. С. 159; 初めてドストイェフスキーを読んだ頃 // 15巻全集第9巻159頁筑摩書房 // 東京, 1976.

На самом деле, по мнению Хагивара, творчество обоих писателей глубоко различается в художественно-эстетическом отношении. Их творческие приемы фактически являются двумя полюсами литературного космоса; они настолько различны, что читатель, хорошо воспринимающий одного из них, не может до конца понять другого. Хагивара пишет: «Пафос писателей группы „Сиракаба“, высоко ценящих в их творчестве сентиментальный гуманизм, показался мне уж слишком незрелым и поверхностным»⁵.

Некоторые японские литераторы осознавали оригинальность идеологии и поэтики Достоевского, сильно отличавшегося от других писателей критического или натуралистического реализма XIX в. На широко распространенное в японском обществе ощущение конгениальности мира Достоевского повлияли ситуация эпохи перемен, давление идеологии милитаризма, а далее — и политическая катастрофа, завершившая для страны Вторую мировую войну. Перед японской литературой стояла задача осознать и описать проблему индивидуальности человека, находящейся в конфликте с традиционным общественным укладом, а также с левой идеалистической идеологией. Иначе говоря, японцев напрямую касались экзистенциальные проблемы уединенного разрозненного сознания, столь ярко обрисованные в «Записках из подполья» Достоевского. Не случайно именно в это время, в 1934 г., японский перевод книги Л. Шестова «Достоевский и Ницше»⁶ овладел умами японских интеллигентов и породил оживленную полемику на основе широкого обсуждения того, что называли «волнениями и тревогами Шестова» или «феноменом Шестова»⁷.

Характерный представитель этого периода в развитии литературы, критик Хидэо Кобаяси (Hideo Kobayashi) (1902–1983) увидел в произведениях Достоевского «различные варианты индивидуумов, потерявших свою идентичность», и высказал мысль, что «наступила пора правильно понять Достоевского, потому что „одержимых“ уже много вокруг нас. Как минимум несколько групп маленьких людей, потерявших идентичность личности, вышедших из сознания писателя, уже гуляют по улицам»⁸.

Писатель-формалист Риити Ёкомицу (Riiti Yokomitsu) (1898–1947) в своей статье «О чистом романе» (1935)⁹ даже предложил ввести инстанцию «четвертого лица» в повествовательную схему литературного произведения, для того чтобы зафиксировать скрытую точку зрения

⁵ Там же. С. 159; 同上159頁.

⁶ В японском переводе: «Хигэки но тэтугаку» («Философия трагедии»); 悲劇の哲学.

⁷ См. об этом: Киносита Т. Восприятие Достоевского в Японии 1930-х гг. // Киносита Т. Антропология и поэтика творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 2005. С. 162–174.

⁸ Кобаяси Хидэо. Кобаяси Хидэо дзэнсю (Полн. собр. соч.) В 13-ти т. Токио, 1978. Т. 1. С. 152–153; 小林秀雄第13巻全集. 新潮社 152 - 153頁 // 東京 1978.

⁹ «Дзюнсуэй сёэцу ни туйте»; 純粹小説について.

автора и получить возможность описания потерявшего идентичность персонажа изнутри его сознания в ситуации «феномена Шестова»¹⁰.

Выступивший на литературную арену послевоенного времени Риндзо Сиина (Rinzo Siina) (1911–1973) в годы торжества милитаристской идеологии был арестован за участие в нелегальной коммунистической организации и пережил тюремное заключение (1942). В этот период он изучал творчество Достоевского, в итоге написав работу о поэтике, где было проанализировано соотношение многообразных больших и малых сюжетов, сначала воплощенных в авторском замысле в отдельных персонажах и организованных автором в ходе творческой работы.

Тщательно изучив поэтику Достоевского, Сиина попытался применить свои теоретические познания на практике в собственных произведениях. Испытывая глубокое уважение к идеологии русского писателя, он охарактеризовал ее словами: «Свет сквозь противоречия»¹¹.

Писатель Тайдзюн Такэда (Tajjun Takeda) (1912–1976), выступивший на литературную арену после Второй мировой войны, также до войны был репрессирован милитаристским режимом за участие в запрещенной профсоюзной деятельности и отправлен на военную службу рядовым солдатом в Китай. В своей работе он обратил внимание на внутреннее пространство писательского «я» Достоевского: «Начиная читать „Карамазовых“, мы сразу входим в глубины рая и ада просторного авторского „я“. Мы вовлекаемся в настолько глубокое и широкое внутреннее пространство его сознания, что можем быть раздавлены или, напротив, воодушевлены, и теряем ощущение того, что в этом великом произведении вообще работает авторское „я“»¹².

Аримаса Мори (Arimasa Mori) (1911–1976), специалист в области французской философии Паскаля, в анализе творчества Достоевского обратил внимание на феномен со-субъективности и значение ситуации «встречи персонажей», ее роль в структуре сюжета, а также на полифонический эффект в соотношении голосов персонажей, сходный с перекличкой мелодий в фугах Баха.

Литературному критику Дзюндзо Караки (Junzo Karaki) (1904–1980) принадлежит статья «Достоевский — из мира третьего лица к миру второго лица» (1949)¹³. Опираясь на идеи С. Кьеркегора и М. Бубера,

¹⁰ В публицистике было широко распространено понятие «Шестов гэнсё» («феномен Шестова») シェストフ現象.

¹¹ См. о Сиине: *Киносита Т.* Достоевский и японская литература после Второй мировой войны. «Школа Достоевского». Писатели Р. Сиина, Т. Такэда, Ю. Ханья // *Киносита Т.* Антропология и поэтика творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 2005. С. 189.

¹² Там же. С. 194–195; 同上 194 - 195.

¹³ *Караки Дзюндзо.* Достоевский — сан нинсё сэкаи кара ни нинсё сэкаи хэ (Достоевский — из мира третьего лица к миру второго лица) // *Бунгэй докухон Достоевский II* (Библиотека литературного чтения «Достоевский 2»). Токио, 1978; *ドストイェフスキイ—三人称世界から二人称世界へ、// 文芸読本ドストイェフスキイ II.* 河出書房新社 // 東京, 1978.

он внес свою лепту в давний спор о смысле словосочетания «реализм в высшем смысле»: «теперь ясно, что слова Достоевского о „реализме в высшем смысле“ указывают на мир истины, т. е. мир вторых лиц „я“ и „ты“, освобожденных из нетерпеливой фиктивности третьего лица, иначе говоря, определяемого формулой $2 \times 2 = 4$ и скованного жесткими рамками ньютоновской физики, механической схемой, враждебным человеку устройством времени и пространства»¹⁴.

В отмеченном ряде цитат японских литераторов и мыслителей о творчестве Достоевского, высказанных в период до 1970 г., отражается ретроспективный взгляд автора настоящего обзора, который еще в 1960-е гг. познакомился с концепциями М. Бахтина о поэтике Достоевского. Заметно, что в указанный период в трактовке и осмыслении творчества Достоевского главенствующее положение занимали вопросы художественной формы и концепции человека в произведениях писателя. По моему мнению, этот подход к творчеству Достоевского является определяющим в Японии в 1870–1970-х гг.¹⁵

II

Цель данной статьи заключалась в освещении главных тенденций достоеведения в Японии за последние 40 лет. В этот период рецепция и изучение творчества Достоевского шли в следующих направлениях: изучение поэтики и художественного стиля писателя, его антропологии и религиозно-философских взглядов, описание его произведений в историко-культурологическом аспекте, а также в рамках современного объективизма и с использованием средств психоанализа и современного «натурализма».

В сентябре 1972 г. из печати вышел большой научный труд Такако Урусибара (Takako Urushibara) (1934–1973), впервые полностью посвященный поэтике Достоевского: «Достоевский. Стиль и жанр писателя-романиста»¹⁶. Автор монографии в 1960-х гг. занималась в течение года в библиотеках в Москве и Ленинграде. Подвергнув основательному изучению труды русских и советских ученых, она определила свою задачу как выяснение специфики манеры письма Достоевского в связи с исторической реальностью и жизненными обстоятельствами изучаемого автора. Ее критика концепции полифонизма Достоевского была основана на идее, что речь идет о некой творческой метафизике писателя, где

¹⁴ Там же. С. 126; 同上126頁.

¹⁵ См. об этом: *Киносита Т.* Идея воскресения в романе «Братья Карамазовы» и японский поэт Хагивара Сакутаро // *Киносита Т.* Антропология и поэтика творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 2005. С. 153–161.

¹⁶ *Урусибара Такако.* Достоевский — Тёхэн сакка тоситэ но хохо то ёсики (Достоевский. Стиль и жанр писателя-романиста). Токио, 1972; *ドストエフスキー・長編作家としての方法と様式.* 思潮社 // 東京, 1972.

внимание акцентируется на восприятии текста, а не на связи между автором и текстом. В ее труде обнаруживается согласие с известной концепцией В. Я. Кирпотина о роли общественно-исторических условий в жизни человека, а также с идеями Д. С. Лихачева о соотношении позиций автора, повествователя и персонажа.

В 1974 г. Кэйдзабуро Арая (Keizaburo Araya) (1921–1995), известный первым в Японии переводом книги Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» (1968)¹⁷, опубликовал сборник работ «Стиль Достоевского»¹⁸. Главная задача книги — анализ проблемы относительности значения, возникающего в диалоге между субъективными адресантом и адресатом сообщения в структуре художественного произведения. Принимая во внимание неизбежную нестабильность значений этих слов, он проанализировал смысл высказываний героя «Записок из подполья», в котором обнаружил феномен двойничества. В статье «Структура сюжета „Преступление и наказание“»¹⁹ Арая утверждает, что именно структура сюжета произведения несет в себе руководящий принцип и логику мысли, основную идею автора, указывая на сходство развития сюжета романа Достоевского с этической конструкцией, сформулированной в «Послании к Римлянам» апостола Павла относительно концептов «закона», «преступления» и «греха».

В своей третьей книге «Прочитываю роман „Идиот“»²⁰ Арая сосредоточивает свое внимание на символическом значении слов, описывающих в одном случае «глухое, темное и немое существо» (ПСС. Т. 8. С. 340), которое привиделось Ипполиту, а в двух других — ощущения Мышкина, когда «он мучился глухо и немо» (ПСС. Т. 8. С. 352), и Раскольникова в эпизоде на Николаевском мосту («духом немым и глухим полна была для него эта пышная картина») (ПСС. Т. 6. С. 90). Автор книги предполагает, что этот комплекс представлений связан с фрагментом Евангелия от Марка²¹, где описывается приступ эпилепсии у подростка, вызванный «духом немым и глухим». При этом Арая отвергает предположение о прямой связи между событиями художественного мира писателя с его личной биографией. Для Достоевского важнее осуществление идеи в судьбе персонажа, связанного мистической связью с могущественной природой, играющей судьбой человека.

¹⁷ Перевод книги Бахтина был издан в 1968 г.

¹⁸ Арая Кэйдзабуро. Достоевский но хохоу (Стиль Достоевского). Токио, 1974; ドストエフスキイの方法. 海燕書房//東京, 1974.

¹⁹ Арая Кэйдзабуро. «Туми то бату» но дайдайи коосэи (Структура сюжета «Преступление и наказания») // Достоевскийи нихон бунгаку (Достоевский и японская литература) // Токио, 1976; 『罪と罰』の題材構成 // ドストエフスキイと日本文学. 海燕書房 // 東京, 1976.

²⁰ Арая Кэйдзабуро. «Хакути» о ёму (Прочитываю роман «Идиот»). Токио, 1979; 『白痴』を読む、// 東京, 1979.

²¹ См. гл. 9, стих 17.

В книге «Прочитываю Достоевского» (1978)²² известный литературный критик и историк французской литературы Тору Тэрада (Тогу Тэрада) (1915–1995) предложил свой опыт прочтения произведений писателя, попутно сравнивая текст японского перевода с оригиналом (по академическому изданию Достоевского), в попытке найти ключ к преодолению известных трудностей, сопровождающих перевод литературного произведения с одного языка на другой. Результатом его работы стал ряд наблюдений, проясняющих смыслы, неясные при поверхностном прочтении. Указывая на сходство тематически-мотивной системы «Преступления и наказания» с некоторыми темами и мотивами в повестях Бальзака, Тэрада отмечает существенное различие писателей в изображении внешности человека. Придерживаясь тех же взглядов на природу человека, что и Достоевский, исследователь замечает: «Человек в каждый отдельный момент своего бытия не равен самому себе. Пусть по существу своей природы он и должен быть полноценным, но не в состоянии реализовать себя полностью... Человек может выражать себя только соотносительно действию на него другого человека. Отсюда страдание человека неизбежно и непреодолимо. Человек может осознать себя вполне только как существо с искаженной сущностью. Понимая это, не можешь не чувствовать недоверие к писателям типа Бальзака, рисующих человека, равного себе в своем едином незыблемом образе»²³.

Особенно интересует Тэрада роман «Подросток», который он называет «повторным дебютантом» («maiden work») Достоевского. В эпизодах и сюжетных событиях исследователь отмечает особую атмосферу этических конфликтов и бытовой неразберихи, окутывающую жизнь персонажей. Он усматривает феномен рождения упорядоченного космоса «Братьев Карамазовых» из смутного хаоса и состояния неопределенности. Кроме того, он отмечает в «Подростке» мотивные ряды романов «Идиот» и «Бесы». Особенность манеры письма Достоевского проявляется в том, что творческая телеология автора порождает силы, противостоящие основной идее, которые вносят разлад и порождают конфликт, оказывающийся в основе формирования событийности. Расколотое на противоборствующие начала авторское сознание порождает все новые и новые, постоянно умножающиеся уровни сюжетной событийности²⁴.

Литературный критик Тэсутаро Каваками (Tetsutarō Kawakami) (1902–1980), участвующий в переводе книги Шестова, опубликовал в 1977 г. сборник работ «Мой Достоевский»²⁵. Первая часть книги

²² Тэрада Тору. Достоевский ёму (Прочитываю Достоевского). Токио, 1978; ドストエフスキーを読む. 筑摩書房 // 東京, 1978.

²³ Там же. С. 333.

²⁴ Там же. С. 359.

²⁵ Каваками Тэсутаро. Вага Достоевский (Мой Достоевский). Токио, 1977; わがドストエフスキー. 河出書房新社 // 東京, 1977.

состоит из статей, написанных до войны. В эти годы Каваками, находясь под влиянием творчества А. Жида, увидел в персонажах Достоевского не столько характер, сколько «чистую функцию», иначе говоря, «бескорыстие поступка». В 1970-е гг. (когда, не без влияния маоизма, в среде молодежи широкое распространение получила идея «бунта против старого режима») Каваками отметил в герое «Записок из подполья» идеологию протеста. По его мнению, подпольный человек представляет собой образец «идеального бунтаря», потому что, в отличие от современных бунтарей, он не столь противоречив: отрицая этот мир, он в то же время отрицает и себя²⁶. Каваками считает подпольного человека не персоной, обладающей болезненным сознанием, но современным стойким, контролирующим свое сознание при помощи рефлексии.

Он также отметил неприязнь Достоевского к мещанству как черту, объединяющую русского писателя с Ш. Бодлером; отрицательное отношение Достоевского к католицизму Каваками трактует как проявление консервативной идеологии, отрицающей возможность развития России в сближении с Западной Европой.

Ученик Карла Барта, религиовед и идеолог протестантизма Кацуми Такизава (Katsumi Takizawa) (1909–1984) в своей монографии «Достоевский и современность»²⁷ (1972) также останавливается на изучении феномена «подпольного человека» Достоевского, связывая его с угасанием бунтарских настроений в студенческом движении Японии, распавшемся на отдельные противостоящие друг другу группы. Он пишет: «Я подтверждаю, что „подпольный человек“ Достоевского представляет собой не столько „волонтариста, враждебного рационализму“, сколько человека острого ума. Он до предела точно раскрыл закоренелый „самообман“ — „неосознанный обман“ обыкновенных людей и известных исторических деятелей. Для поддержки истинной духовной самобытности „необходима твердая основа“, однако ее не существует. В этой ситуации „подпольный человек“ всё же идет до конца, осуществляя свою идею, в завершение всего осознавая, что состояние „противоречия“ и „несогласия“ представляет собой „закон природы, основной закон“. Однако — и это свидетельствует о выдающихся морально-психологических качествах „подпольного“ — он не удовлетворяется таким выводом»²⁸.

В этом же русле аналитического истолкования экзистенциальной парадоксальности «подпольного человека» Такизава утверждает, что «для реальности нашей жизни и мышления проблема заключается не в том, чтобы решить, важнее ли индивидуальное или обществен-

²⁶ См. вторую часть книги «Бунтарство „подпольного человека“» (гл. 1 и 2): «„Тика сэйкату ся“ но дзохан» 1, 2. 「地下生活者」の造反 1, 2.

²⁷ Такизава Кацуми. Достоевский то гэндай (Достоевский и современность). Токио, 1972; ドストエフスキーと現代 三一書房 //東京, 1972.

²⁸ Там же. С. 38.

ное, но в том, чтобы точнее понять одновременную соотносительность ценностного отношения „для себя“ и „для других“»²⁹.

Японским читателям, пережившим эпоху милитаризма и ее катастрофическое завершение, а далее — послевоенную переоценку ценностей и в 1970-е гг. ставшим свидетелями процессов развития и угасания левых студенческих движений, лучше всего была понятна парадоксальная правда психологии расколотого человеческого «я». В таком аспекте религиозно-философская проблематика Достоевского описывается в небольшой монографии священника-протестанта Канта Такаги (Kanta Takagi) «Достоевский и христианство»³⁰ (1975). В своем кратком и весьма корректном анализе религиозных и антропологических взглядов Достоевского он сравнивает его с Толстым и, опираясь на философию Кьеркегора, рассматривает «нелогичность и парадоксальность веры» персонажей Достоевского.

Сатики Хиямута (Sachiko Hi Yamuta) в своей книге «Достоевский — преодоление атеизма»³¹ (1988) поставила задачу детально описать проблему, определенную в заголовке ее труда. Она приходит к выводу, что возрастание роли персонажей-богоборцев в произведениях зрелого Достоевского сопровождалось углублением веры писателя; разрабатывая идеологию атеизма, писатель внутри себя преодолевал сомнения и делал новый шаг к Иисусу Христу.

Религиовед, историк протестантизма Масако Матумото (Masako Matumoto) в монографии «Вера Достоевского»³² (1984) отметил, что любая проблема в творчестве писателя рассматривается как антиномия *pro* и *contra*, причем в его художественных произведениях акцентирован подход к проблемам с позиции *contra*, в то время как в публицистических статьях из «Дневника писателя» всевозможные вопросы, включая вопросы веры, ставятся с акцентом на позитивное утверждение того или иного положения. Особое внимание исследователь уделяет вопросу русских религиозных традиций, народных представлений о вере, которые были предметом внимания писателя.

В отдельную группу можно выделить исследовательские работы, авторы которых применяют в изучении творчества Достоевского методики социологии и психоанализа. Можно заметить, что психоаналитический подход в изучении произведений Достоевского не был популярен в Японии, особенно с того момента, когда литературный критик Хидэо Кобаяси (Hideo Kobayashi) опубликовал ряд работ о Достоевском,

²⁹ Там же. С. 44.

³⁰ Такаги Канта. Достоевский и христианство (Достоевский и христианство). Токио, 1975; ドストエフスキーとキリスト教. 北千住文庫 // 東京, 1975.

³¹ Хиямута Сатики. Достоевский — мусин рон но кокуфуку (Достоевский — преодоление атеизма). Токио 1988; ドストエフスキー・無神論の克服. 近代文藝社 // 東京, 1988.

³² Матумото Масако. Достоевский и вера (Вера Достоевского). Токио, 1984; ドストエフスキーの信仰. 八千代出版 // 東京, 1984.

в которых суровой критике подверг монографию И. Нейфельда «Достоевский. Психоаналитический очерк»³³. Кобаяси полностью отрицает описанную в ней продуктивность психоаналитического метода как инструмента литературоведения, в том числе и концепцию Фрейда.

В 1971 г. психиатр Коуити Огино (Koūiti Ogino) (1921–1991), японский последователь З. Фрейда, Ю. Минковского и Х. Теленбаха, издал работу «Достоевский. Художество и патология»³⁴. Учитывая критику психоаналитического метода со стороны Кобаяси, он, тем не менее, утверждал полезность психоанализа для понимания произведений Достоевского. В склонности писателя к играм и расточительству он увидел подсознательный протест против психологического давления со стороны его отца, а также упоение ощущением освобождения от него. Признавая себя учеником Фрейда, Огино полностью разделяет взгляды своего учителя на понимание влияния эпилепсии и других такого рода феноменов, описанных в произведениях Достоевского.

Социолог Кэйити Сакута (Keiiti Sakuta), автор книги «Мир Достоевского»³⁵ (1988), применяет психоаналитический метод не к описанию характера писателя, но к истолкованию внутреннего мира его персонажей, в частности, их драматических столкновений. Для выполнения этой задачи, по его словам, немалую пользу принесли «теоретические парадигмы Р. Жирара и М. Холквиста». Помимо этого он привлекает для изучения Достоевского концепции А. Бергсона и Фрейда, касающиеся механизма работы подсознания человека. Сакута пользуется заимствованными у Холквиста категориями «хронос» и «кайрос», рассматривая внутренний мир Раскольникова и Свидригайлова, а также понятием преемственности «ребенка от отца» в контексте работы Фрейда «Тотем и табу» при анализе отношений братьев Карамзовых к Федору Павловичу. Используя философию интуитивизма Бергсона, исследователь истолковывает феномен «дежавю» Раскольникова, созерцающего вид на берегу Иртыша в финале «Преступления и наказания», такого же рода ментальные эффекты в сознании князя Мышкина («Идиот») — «смутное предчувствие», или «интуитивное откровение», в терминологии Бергсона. Такие часто встречающиеся в творчестве Достоевского явления, как отождествление героя с соперником в борьбе за объект, которым желают обладать (Мышкин и Рогожин в «Идиоте»), герои «Белых ночей» и «Униженных и оскорбленных» и др.), а также значение сакральной жертвы ради «возрождения общества»

³³ Neufeld J. «Dostojewski» Достоевский носэисин вунсэки (Психоанализ Достоевского) / Пер. Ё. Хиратука. Токио, 1936; ドストエフスキーの精神分析. 東京精神分析学研究所出版部 // 東京, 1936.

³⁴ Огино Коуити. Достоевский — Гэйдзюгу то бёри (Достоевский. Художество и патология). Токио, 1971; ドストエフスキー・芸術と病理. 金剛出版 // 東京, 1971.

³⁵ Сакута Кэйити. Достоевский но сэкай (Мир Достоевского). Токио, 1988; ドストエフスキーの世界. 筑摩書房 // 東京, 1988.

(Матреша — Мария Лебядкина) истолковываются автором в рамках парадигм Фрейда и Жирара³⁶.

Филолог-русист Кэнноскэ Накамура (Kennosuke Nakamura) дает японским читателям немало новых материалов и сведений о жизни и творчестве Достоевского, в том числе даже о его рисунках³⁷. Следует отметить, что как истолкователь творчества русского писателя он всегда сохраняет «натуралистическую позицию». В своем научном творчестве Накамура сочетает отрицательное восприятие Достоевского с философско-метафизической и религиозноведческой точек зрения с вниманием к проблемам поэтики писателя, текстовой структуре, вопросам повествования, языка и стиля, а также особенностям построения сюжета. Накамура считает достойным наибольшего внимания для исследователя реальное биографическое «ощущение», «чувство» Достоевского, которое в конечном счете отразилось в тех или иных мизансценах и эпизодах его произведений. С максимальной полнотой этот метод Накамуры выражается в его книге «Чувство жизни и смерти у Достоевского»³⁸ (1984, русский перевод — 1997). Накамура называет Достоевского «материалистическим теистом», или «пантеистом». Этот ход мысли, от «чувства» писателя к «чувству» его героя, приводит исследователя к идее о «болезни Достоевского» как способе реализации его жизненной установки. В книге «Вечный Достоевский» Накамура отмечает: «Специфика личности Достоевского — его болезнь. Понимать художественный мир Достоевского означает понимать болезнь человека с помощью больного Достоевского»³⁹. В представленном здесь исследовательском методе в качестве ключевых терминов наряду с «эпилепсией» выступают «шизофрения», «мазохизм» и «садизм»; поиск признаков этих болезней в персонажах Достоевского составляет содержание анализа произведений писателя.

Еще до публикации первой книги Накамуры литературный критик Хидэаки Окэтани (Hideaki Oketani) издает книгу «Достоевский»⁴⁰ (1978), в которой так же, как Накамура, он опирается на концепты «чувства» и «ощущения». Окэтани пишет: «Идеи Достоевского активно проявляют

³⁶ К. Сакута опирается в своей теории на работы Р. Жирара: «Ложь романтизма и правда романа» (*Mensonge romantique et vérité romanesque*. Paris, 1961), «Насилие и священное» (*La violence et le sacré*. Paris, 1972).

³⁷ См.: Накамура Кэнноскэ. Достоевский но эгайта сукэти (О рисунках Достоевского) // Сираэрзэру Достоевский (Неизвестный Достоевский). Токио, 1993. С. 19–50; ドストエフスキーの描いたスケッチ // 知られざるドストエフスキー. 岩波書店 // 東京, 1993. 19–50頁.

³⁸ Накамура Кэнноскэ. Достоевский Сэй то си но канкаку (Чувство жизни и смерти у Достоевского). Токио, 1984; ドストエフスキー・生と死の感覚. 岩波書店 // 東京, 1984.

³⁹ Накамура Кэнноскэ. Эйэн но Достоевский(Вечный Достоевский). Токио, 2004. С. VI; 永遠のドストエフスキー. 中公新書 // 東京, 2004.

⁴⁰ Окэтани Хидэаки. Достоевский (Достоевский). Токио, 1978; ドストエフスキー. 河出書房新社 // 東京, 1978.

себя в ситуации, где теория оказывается бессильной <...>. Никакие идеи, не укорененные в чувстве, для него не могут иметь серьезного значения»⁴¹. Задачей критика становится решение проблемы бытия Бога, мучившей писателя на протяжении всей его жизни. По мнению Окэтани, ее решение находится в теме «народа или истории современной России», российской христианской культуры, рождающей секты раскольников. Очевидно, что интерес Окэтани направлен к ментальности народа, которая далее другими исследователями соотносится с известным «коллективным подсознательным» К. Юнга, в связи с темой «Достоевский и Юнг».

В альманахе Японского общества Достоевского «Изучение Достоевского» (1984, № 1) были опубликованы две статьи на эту тему: «Подсознательное — Достоевский и Юнг»⁴² Катюя Фукуи (Katuya Fukui) и «Земля—Богоматерь—София»⁴³ Садаёси Игэта (Sadayosi Igeta). Учитывая критику фрейдизма со стороны Кобаяси, который отметил, что авторское видение в подсознании Раскольникова дошло до «исторического подсознания русской интеллигенции XIX в.», Фукуи отмечает параллель у Кобаяси и Юнга относительно понятия «коллективного подсознания» в трактовке вопроса о ментальности русского народа.

Филолог-русист Игэта, анализируя ситуацию с изучением фольклора в России 1860-х гг., отмечает влияние публикаций Ф. И. Буслаева и А. Н. Афанасьева на творчество Достоевского. Мифологические элементы и мотивы типа «Мать сыра-земля», связанные с образами Сони Мармеладовой и Марии Лебядкиной, согласно концепции Игэты, соотносятся с «коллективным подсознанием» Юнга.

В 2003 г. Игэта публикует книгу «Достоевский — жизнь слов»⁴⁴, в ней он пытается осмыслить значение творческого мира Достоевского в контексте мировой культуры. Осознанно применяя постструктуральную формулу «художественный текст — это мозаика цитат», он сосредоточивает внимание на аллюзивном плане произведений Достоевского. Игэта указывает на упомянутые и скрыто процитированные в текстах писателя произведения — литературных предшественников Достоевского: Вольтера, Шиллера, Гёте, Гофмана, По и др. Обнаруживая реминисценции из произведений этих авторов, он показывает формирование ряда тем в творчестве Достоевского, таких как «атеизм», «сверхчеловек», «женский вопрос», «двойники», а также антиутопические мотивы. Общее направление реализации указанных мотивов в творчестве Достоев-

⁴¹ Там же. С. 297; 同上297頁.

⁴² *Фукуи Катюя*. Муисики тэки на моно — Достоевский то Юнг (Подсознательное — Достоевский и Юнг) // Достоевскийэнкю (Альманах Японского общества Достоевского: Изучение Достоевского № 1). Токио, 1984. С. 3–22; 無意識的なもの—ドストエフスキーとユング // ドストエーフスキイ研究 № 1. 海燕書房 // 東京, 1984, 3–22頁.

⁴³ *Игэта Садаёси*. Дайти—Сэйбо—София (Земля—Богоматерь—София) // Там же. С. 23–40; 大地—聖母—ソフィア // 同上, 23–40頁.

⁴⁴ *Игэта Садаёси*. Достоевский — Котоба но сэймэй (Достоевский — жизнь слов). Токио, 2003; ドストエフスキイ・言葉の生命. 群像社 // 東京, 2003

ского Игэты связывает с коллизией отказа от своеволия индивидуальности и со стремлением вернуться к народным корням и мифологическому «коллективному подсознанию» и женскому началу «Богоматери-земли».

Применяя такого же типа контекстуальный анализ, Наото Сугисато (Naoto Sugisato) в своей работе «„Книжность“ и „исполнение роли“ — по поводу „Записок из подполья“»⁴⁵ тщательно изучает речь «подпольного человека». В итоге своих исследований он обнаруживает клише, которые при описании персонажей Достоевский заимствовал в предшествующей литературной традиции: в произведениях Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Помяловского, Некрасова, Чернышевского, Бальзака, Жорж Санд и писателей «натуральной школы». Автор статьи указывает, что само осознание героем «Записок из подполья» вторичности своей речи по отношению к цитируемым им произведениям является художественным приемом писателя, который добивается тем самым превращения его в «антигероя».

Филолог-компаративист Такаёси Симидзу (Takayoshi Shimizu) в монографии «Записки о Достоевском. Мир романа „Преступление и наказание“»⁴⁶ (1978), отмечая важность контекстуального анализа, также предполагает, что «вчитаться в план выражения Достоевского — значит вчитаться в тексты предшествующей ему литературы, которая органически вошла в произведения Достоевского»⁴⁷. Исследователь считает пародию важнейшей формой отклика на «чужое слово» в творчестве Достоевского. По его мнению, в отличие от реалистов типа Толстого или Бальзака, у Достоевского отсутствует в изображении личности героев статическая устойчивость. В разрозненном сознании личности у персонажей сознательное и подсознательное всегда не в ладах, вследствие чего их слова и поступки обретают некий фантастический колорит. Тем самым шутовство и двойничество оказываются доминантой в изображении поступков и слов героев Достоевского.

Эту исследовательскую позицию Симидзу сохраняет и в следующих своих работах: «Рождение шута — прочтение Достоевского»⁴⁸ (1984) и «Зрелище шутовства — прочтение Достоевского»⁴⁹ (1994). В последней книге исследовательской трилогии «Прочтение „Братьев

⁴⁵ Сугисато Наото. «Сёмоту сэй» то «энги» — «Тика сити но сюки» ни туитэ («Книжность» и «исполнение роли» — по поводу «Записок из подполья») // Коосаку суру гэнго (Перекликающиеся слова). Токио, 1992; <書物性>と<演技>—『地下室の手記』について / 交錯する言語. 名著普及会 // 東京, 1992.

⁴⁶ Симидзу Такаёси. Достоевский ноото — «Туми то бату» но сэкай (Записки о Достоевском. Мир романа «Преступление и наказание»). Фукуока, 1981; ドストエフスキー・ノート—『罪と罰』の世界. 九州大学出版会 // 福岡, 1981.

⁴⁷ Там же. С. 403; 同上403頁.

⁴⁸ Симидзу Такаёси. Доокэ но тандзё — Достоевский о ёму (Рождение шута — прочтение Достоевского). Токио, 1984; 道化の誕生—ドストエフスキーを読む. 美神館 // 東京, 1984.

⁴⁹ Симидзу Такаёси. Доокэ но фуукэй — Достоевский о ёму (Зрелище шутовства — прочтение Достоевского). Фукуока, 1994; 道化の風景—ドストエフスキーを読む. 九州大学出版会 // 福岡, 1994.

Карамазовых“») под названием «Новое начало — прочтение романа „Братья Карамазовы“»)»⁵⁰ (2001) Симидзу ставит своей целью создать цельное описание структуры романа. Сравнивая сюжетную линию Ивана и Дмитрия Карамазовых с «Царем Эдипом» Софокла, а также с библейским сюжетом об Иове, исследователь находит смысловый знаменатель Достоевского в понятии «иронии судьбы», а также в проблеме сочетания природы и вероучения, потрясающей внутренний мир Зосимы и Алеши. Сравнивая произведение Достоевского с «Божественной комедией» Данте, Симидзу трактует основную мысль писателя, с которой он обратился к своим читателям, как насущное требование путем смирения вернуться к «безвинной жизни» и освободить силы «выздоровливающего человека».

Митико Томиока (Mitiko Tomioka) в своей работе «Зеленая занавеска — „Идиот“ Достоевского и Рафаэль»⁵¹ (2001) выдвинул оригинальную трактовку финальной сцены романа «Идиот», где за «зеленой, штофной, шелковой занавеской» (ПСС. Т. 8. С. 502) в доме Рогожина на кровати лежит неподвижное тело Настасьи Филипповны, закрытое с головой белою простыней. «В ногах сбиты были в комок какие-то кружева, и на белевших кружевах, выглядывая из-под простыни, обозначался кончик обнаженной ноги» (ПСС. Т. 8. С. 503). Томиока предпологает, что эта комната за зеленой занавеской была заимствована из картины Рафаэля «Сикстинская мадонна». Это предположение подкрепляется фактом, что Рафаэль изобразил над верхушкой занавески карниз с кольцевыми крючками (хотя это не сразу бросается в глаза). Возможно, что во время посещения Дрезденской галереи Достоевский заметил эту деталь, вероятно, когда наблюдал картину, стоя на стуле — этот эпизод был записан в дневнике Анны Григорьевны. Реминисценция из картины Рафаэля относится и к таким деталям, как «кончик обнаженной ноги» на белеющих кружевах, ассоциирующихся с облаком под ногами Мадонны. Автор обращает наше внимание на слова из письма писателя к племяннице Соне: «Наконец, и (главное) для меня в том, что эта 4-я часть и окончание ее — самое главное в моем романе, то есть для развязки романа почти и писался и задуман был весь роман» (ПСС. Т. 28, кн. 2. С. 318), что подчеркивает, по мнению автора, глубокую символичность этой связи, проливающей свет на историю создания романа «Идиот».

Филолог-русист Сэйитиро Такахаси (Seiichiro Takahashi) в книге «Прочитываю „Преступление и наказание“ — преступление от имени „справедливости“ и кризис цивилизации»⁵² (1996) исследует текст

⁵⁰ Симидзу Такаёси. Арата нару сютапату — «Карамазоф но кёдай» о ёму (Новое начало — прочтение романа «Братья Карамазовы»). Фукуока, 2001; 新たなる出発 — 『カラマーゾフの兄弟』を読む. 九州大学出版会 // 福岡, 2001.

⁵¹ Томиока Митико. Мидори иро но каатэн — Достоевскийно «Хакути» то Рафаэро (Зеленая занавеска — «Идиот» Достоевского и Рафаэль). Токио, 2001; 緑色のカーテン — ドストエフスキーの『白痴』とラファエロ. 未来社 // 東京, 2001.

⁵² Такахаси Сэйитиро. «Туми то багу» о ёму — «Сэйги» но хандзай то бунмэй но кики (Прочитываю «Преступление и наказание» — преступление от имени

романа Достоевского при помощи сравнительно-исторического метода, с привлечением философского и культурологического анализа. Помимо изучения известного влияния на творчество Достоевского таких писателей, как Ч. Диккенс, В. Гюго, О. де Бальзак, Такахаси указывает, что, возможно, творчество русского писателя повлияло, в свою очередь, на А. Конан Дойла, это выражается, в частности, в сходстве ряда эпизодов в описании Раскольникова и Шерлока Холмса. Согласно логике Такахаси, Раскольников, охваченный ненавистью к социальному неравенству, затеял убийство старухи будто бы в итоге «игры ума», но после совершения преступления впал в глубокую депрессию. Автор исследования объясняет смысл происходящего, пользуясь цитатами из трактата Р. Декарта «Страсти души», а также из «Этики» Б. Спинозы. Такахаси указывает и на неожиданное сходство в казалось бы противоположных характерах Раскольникова и Лужина. Оба захвачены рационалистическим мышлением, утилитаризмом и пресловутым «законом природы», оба оправдывают свои поступки добрыми намерениями, действуют под предлогом установления справедливости и пренебрегают реальным положением вещей. Противоположная позиция подчеркивается высказыванием Разумихины слова «вранье» («я люблю, когда врут», «соврешь — до правды дойдешь») (ПСС. Т. 6. С. 155), чем манифестируется снисходительное отношение к человеку, противостоящее рационалистическому мышлению Раскольникова и Лужина. Рассматривая перспективу воскресения Раскольникова под влиянием христианской этики и народных представлений о спасении души, олицетворенных Соней Мармеладовой, исследователь во главу угла ставит вопрос о возможности примирения совести человека с совершённым им убийством.

Позже Такахаси опубликовал книгу «Модернизация России и молодой Достоевский — от Отечественной войны до Крымской»⁵³ (2007), в которой предпринял попытку осветить скрытые смыслы элементов произведений Достоевского в историко-культурном и общественно-политическом контекстах. Такахаси предполагал, что, работая под контролем цензуры 1840-х гг., писатель пользовался эзоповым языком.

Филолог-компаративист Синъити Асикава (Siniti Asikawa) опубликовал книгу «Воскресение в „Преступлении и наказании“ — Достоевский и Библия»⁵⁴ (2007). Особое место в монографии занимает изучение сюжетной линии, связанной с историей отношений Раскольникова

«справедливости» и кризис цивилизации). Токио, 1996; 『罪と罰』を読む — 「正義」の犯罪と文明の危機 // 東京, 1996.

⁵³ Такахаси Сэйитиро. Россия но киндайка то вакаки Достоевский (Модернизация России и молодой Достоевский — от Отечественной войны до Крымской). Йогогама, 2007; ロシアの近代化と若きドストエフスキー. 成文社 // 横浜, 2007.

⁵⁴ Асикава Синъити. «Туми то бату» ни окэру фуккату — Достоевский то сэйсё (Воскресение в «Преступлении и наказании» — Достоевский и Библия). Нагоя, 2007; 『罪と罰』における復活—ドストエフスキーと聖書. 河合文化教育研究所 // 名古屋, 2007.

с его невестой Наталией, а также с ее матерью-хозяйкой, оставшихся за пределами времени действия романа, так сказать, в ушедшем утопическом пространстве, по выражению героя, в «каком-то бреде весеннем» (ПСС. Т. 6. С. 177). Обладая сердцем «доброго самаритянина» и темпераментом шиллеровского идеалиста, Раскольников после смерти невесты теряет способность проявлять жалость, увлекается идеей сверхчеловеческой морали, что ведет разочарованного героя к преступлению.

Автор усматривает мотив воскресения в целом ряде эпизодов. Глетворный дух в описании смерти Мармеладова (ПСС. Т. 6. С. 183), появляющийся также на улице в галлюцинации Сони (ПСС. Т. 6. С. 243), в роли автореминисценции затем возникает в «Братьях Карамазовых» при описании смерти старца Зосимы. Мертвая старуха-процентщица является во сне Раскольникову, Соня читает ему про воскресение Лазаря в книге Нового завета, доставшейся ей от убитой Раскольниковым Лизаветы, что также намекает на грядущее воскресение Лизаветы. Для атеиста Свидригайлова тоже не закрыта возможность воскресения: в поисках места для самоубийства он ищет «большой куст, весь облитый дождем, так что чуть-чуть плечом задеть и миллионы брызг обдадут всю голову...» (ПСС. Т. 6. С. 392). По мнению автора, куст является аллюзией на дерево крещения. В этом качестве он очищает грехи Свидригайлова, а сам Аркадий Иванович Свидригайлов предстает благодаря этому сыном Иоанна Крестителя.

Анализируя в рамках своей концепции дальнейшую судьбу Раскольникова, абсолютизовавшего свое «я», Асикава предполагает возможность беспредельного пути, на котором героя ждет тот, «кого бояться» (Евангелие от Луки, 12:5). Путь воскресения Раскольникова параллелен с «ходом углубления его познания и пробуждения» в духе принятия смирения и самоотверженности, по примеру Сони и по образцу Иисуса Христа. Как последний момент борьбы Раскольникова за свое воскресение исследователем предполагается сюжетный ход в виде подражания Иисусу Христу в пустыне, противостоящему искушениям со стороны Сатаны.

Книга литературного критика нового поколения Муцуми Ямасиро (Mutumi Yamasiro) «Достоевский»⁵⁵ (2010) показывает, что автор научился стилистической фигуре у Хидэо Кобаяси — представителя старого поколения критиков. Ориентируясь на его стиль анализа творчества писателя, Ямасиро начинает свою работу с разработки темы «Симэи Фтабатэй и Бахтин». Согласно известному положению Фтабатэя, «в творчестве Достоевского проявляется какая-то идея в отношениях между персонажами, а в творчестве Тургенева иначе; только в характеристике отдельного человека проявляется идея». По словам Ямасиро, «тео-

⁵⁵ Ямасиро Муцуми. Достоевский (Достоевский). Токио, 2010; ドストエフスキー. 講談社 // 東京, 2010.

ретическая концепция Фтабатэя–Бахтина функционирует не на уровне определенного персонажа (например Ивана), но на уровне события, возникающего в диалогическом контакте со словами другого персонажа (например Алеши)). Отсюда возникает прямой вопрос: «Что такое диалогическое отношение? Что означает отдать идею этому отношению?»⁵⁶

Он обращает внимание на дихотомию значений «разногласие/согласие» в соотношении с другой парой значений «несогласие/согласие», цитируя многозначительный пассаж из заметки Бахтина «Достоевский» (1961): «Несогласие бедно и непродуктивно. Существеннее разногласие; оно, в сущности, тяготеет к согласию, в котором всегда сохраняется разность и неслиянность голосов. Согласие никогда не бывает механическим или логическим тождеством, это *и не эхо*; за ним всегда преодолеваемая даль и сближение (но не слияние). Бесконечно далекие и *еле* уловимые созвучия. В согласии всегда есть элемент неожиданного, дара, чуда, ибо диалогическое согласие по природе своей *свободно*, т. е. не предопределено, не неизбежно»⁵⁷.

Как типичный пример «разногласия» Ямасиро отмечает проникновенную реплику Алеши, адресованную Ивану: «Не ты!» (ПСС. Т. 15. С. 40) и реакцию Ивана. Критик усматривает в амбивалентном «разногласии» коннотацию «согласия», открывающую самый смысл диалогического смыслообразования в текстах Достоевского, а также антропологическую и экзистенциальную основу изображения человека в творчестве писателя. Имеющие оттенок «согласия» слова «разногласий» в диалогической коммуникации, по мысли автора, приходят не сверху, с позиции Бога-автора, а косвенно, с позиции Христа. Ямасиро ассоциирует это представление с символическим описанием «косых лучей заходящего солнца», часто встречающемся в творчестве Достоевского.

В связи с поставленным Ямасиро вопросом о значении дихотомии «разногласие/согласие» в ракурсе определенного модуса самосознания, думается, уместно сказать о работах автора настоящей статьи Тоёфуса Киносита (Тоуофуса Киношита). В первую очередь он занимается проблемами соотношения антропологической и диалогической идей писателя и авторским подходом к персонажам.

Киносита опубликовал две книги о Достоевском на японском языке и одну на русском⁵⁸. В первой из них анализируется гипотеза Фтабатэя о различии между авторским стилем Тургенева и Достоевского, из манеры описания персонажей делается вывод о том, что противопоставление

⁵⁶ Там же. С. 21; 同上21頁.

⁵⁷ Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7-ми т. М., 1996. Т. 5. С. 364.

⁵⁸ Киносита Тоёфуса. Нихон Киндай вунгаку то Достоевский (Японская литература нового времени и Достоевский). Йокогама, 1993; 日本近代文学とドストエフスキー. 成文社 // 横浜, 1993; Киносита Тоёфуса. Достоевский — соно тайватеки сэкай (Достоевский и его диалогический мир). Йокогама, 2002; ドストエフスキー・その対話の世界. 成文社 // 横浜, 2002; Киносита Тоёфуса. Антропология и поэтика творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 2005.

не ограничивается уровнем стиля в поэтическом плане, но обозначает существенные различия в мировоззрениях двух писателей по отношению к миру, чужому человеку. Фтабатэй, указывая на «вживание» автора в персонажа, его «слияние» и «идентификацию» с описываемым лицом в творчестве Достоевского, в то же время отмечает важность дистанцирования от объекта. Если при изображении персонажа подходить к нему «изнутри», по выражению Фтабатэя, иначе говоря, вживаться в персонаж и в тот же момент находиться вне его границ, то это заставит персонаж «открыть самого себя» в силу провокации, так сказать, в духе «сократической иронии».

По наблюдению Киносита, центральным персонажам, героям в творчестве Достоевского, которые в той или иной степени страдают от разрозненного самосознания «подпольного элемента», присущ характер «романтической иронии». Она, выступая модусом самосознания и психики, проявляется двояко в зависимости от ситуации: или как крайний субъективизм, или как крайнее самоуничижение, исходящее из общего корня максималистского идеализма⁵⁹. Одним из типичных субъектов такого рода самосознания является герой «Кроткой», который, оправдывая себя «иронией судьбы» (ПСС. Т. 24. С. 27), на самом деле злоупотребляет «романтической иронией», спровоцировав героиню повести на самоубийство своими крайне субъективистскими поступками. В авторском подходе к такому субъекту как предмету художественного изображения необходима ирония другого типа, так сказать, ирония «сократическая». Иначе говоря, необходим настоящий диалогический подход, заключающийся в свободной авторской позиции, когда одновременно совершаются противоположные процессы внутреннего слияния («ассимиляции») автора с героем и «возврат на себя» (дистанцирование от героя). То есть, по термину Бахтина, автор находится «на пороге»: везде в творчестве он проявляется как дух, но неуловим в образе. По словам Бахтина, «первичный автор не может быть образом: он ускользает из всякого образного представления»⁶⁰. С такой точки зрения Киносита рассматривает функцию первичного (подлинного) автора в структуре произведения⁶¹.

⁵⁹ Киносита Тоёфуса. По поводу понятия «реализм в высшем смысле» Ф. М. Достоевского. В аспекте отношения поэтики и антропологии // Достоевский и мировая культура. 2009. №25. С. 103–113.

⁶⁰ Бахтин М. Из записей 1970–1971 // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 353, 363.

⁶¹ Киносита Тоёфуса. Ирония судьбы или ирония романтическая? По поводу трагедии героев рассказа «Кроткая» // Достоевский и мировая культура. 1999. № 12. С. 13–17 (то же см. в работе: Антропология и поэтика творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 2005. С. 44–50); Киносита Тоёфуса. «Где эта беда? Зачем они не понимали друг друга?»: причина гибели Васи Шумкова в повести «Слабое сердце» // Там же. С. 98–108; Киносита Тоёфуса. Вина Алехи Карамазова перед Смердяковым в отцеубийстве // Докл. на 14-м Междунар. симп. Неаполь, Италия, 2010 г. [Электронный ресурс] <http://www.ne.jp/asahi/dost/jds/dost404.htm> (дата обращения 13.01.14).

Такое качество авторской функции совершенно соответствует природе антропологических идей, олицетворенных в образе мечтателя с «подпольным» самосознанием, тоскующего по утопическому человеческому взаимоотношению «Я–Ты» (вживанию) в духе идей М. Бубера, В. Иванова, Н. Бердяева и др. Но отношение «Я–Ты» в то же время находится под угрозой превращения в отношение «Я–Оно» (внезаходимость) во временно-пространственной связи. Это явление, по выражению Бубера, «возвышенная печаль нашей судьбы», часто составляет главный сюжет творчества Достоевского, и данной теме посвящаются некоторые статьи Киноситы⁶².

Постановка вопроса о поэтике Достоевского Тэцуо Мотидзуки (Tetsuo Motizuki) перекликается с вышеизложенными размышлениями о двойственности авторской позиции Достоевского. В статье «Парадокс и полифония»⁶³ (2001) Мотидзуки рассматривает вопрос об образе автора, контролирующего многозначные и многоплановые элементы в конструкции повествования, а также о языковом стиле, фабуле, системе персонажей, мотививной структуре произведений Достоевского. Способ установкой конципированного автора, существующего отдельно от конкретного биографического автора, по мнению Мотидзуки, предоставляет возможность интерпретировать творчество Достоевского в контексте европейской карнавальной литературы, позволяющей согласовать пусть даже неясные и противоречивые идеи с основной художественной задачей. В результате возникает проблема в том, что собственно русские сюжеты, темы и логика Достоевского могут обращаться в случайные элементы выражения полифонического мировоззрения, а соотношение конкретных биографических элементов и элементов многозначных полифонических романов как бы уходят из поля зрения читателей.

В статье «Сознание времени в повести „Кроткая“ Достоевского»⁶⁴ (2001) Мотидзуки рассматривает несовпадения в хронологии воспоминания (реального повествования) и течения происходящих событий.

⁶² Киносита Тоёфуса. Проблемы понятия «сострадание» в творчестве Достоевского // Достоевский и мировая культура. СПб., 1999. № 12–13. С. 45–50 (то же см. в работе: Киносита Тоёфуса. Антропология и поэтика творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 2005. С. 75–81); Киносита Тоёфуса. «Возвышенная печаль судьбы» «Рыцаря бедного» — князя Мышкина // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения / Под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2001. С. 390–404 (то же см. в работе: Киносита Тоёфуса. Антропология и поэтика творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 2005. С. 109–124).

⁶³ Мотидзуки Тэцуо. Парадокс то полифонии (Парадокс и полифония) // Ронсю. Достоевскийто гендай — кэнкю но призм (Достоевский и современность — призма изучения). Сб. статей / Под. ред. Т. Киносита, А. Андо. Токио, 2001. С. 369–376; パラドックスとポリフォニー // 論集・ドストエフスキーと現代—研究のプリズム / 木下豊房・安東厚編著 // 東京, 2001. 同上369 – 376.

⁶⁴ Мотидзуки Тэцуо. Достоевский но сёсэту «Отонасии онна» ни миру дзикан иски (Сознание времени в повести «Кроткая» Достоевского) // Там же. С. 153–172; ドストエフスキーの小説 “おとなしい女” に見る時間意識 // 同上153 – 172.

Вопреки словам «от автора» в предисловии, будто бы в конце рассказа герой-повествователь должен осознать истину, в действительности его сознание остается в плену хаоса и разочарования. Мотидзуки характеризует героя как «потерявшего себя в настоящем времени», и, называя это явление «проблемой русской идентичности», указывает на первооснову появления такого типа персонажей в российской литературе XIX в., начавшегося с «Философических писем» П. Я. Чаадаева.

Представляет интерес другая статья Мотидзуки — «Развитие казуистики — один аспект „Братьев Карамазовых“»⁶⁵ (1985), в которой он анализирует казуистические элементы в речах и взглядах Павла Смердякова. В главе «Контроверза» Мотидзуки исследует риторические приемы в речах адвоката Фетюковича, вопрос Федора Павловича относительно фабрики, на которой изготавливаются крючья для оборудования ада, ряд высказываний Ивана и Великого инквизитора. В каждом из этих эпизодов используются элементы некорректной логики и демагогии для доказательства заведомо ложного положения. Это свойственно всем персонажам Достоевского. Не исключение и Алеша, который дает Дмитрию совет, сравнимый с логикой иезуитов, — «ведь этак иезуиты говорят» (ПСС. Т. 15. С. 186). Также и старцу Зосиме не чужды риторические приемы такого рода. Мотидзуки заключает, что отношение Достоевского к иезуитской казуистике шире рамок церковной мысли, она выступает в роли способа мышления человека, связанного ограничивающими его условиями жизни.

В статье Дзюнъити Судзуки (Junichi Suzuki) «Приглашение к воспитательному роману „Подросток“»⁶⁶ (1985) фиксируется тот факт, что события в романе генерируются предубеждением главного героя Аркадия относительно окружающих его людей, а не внешней по отношению к нему событийной канвой. Во временной структуре художественного мира произведения исследователь обнаруживает четыре уровня: 1) время, предшествующее началу действия, основанное на воспоминаниях Аркадия (историческое прошедшее); 2) время разворачивания событий в его записях с 19 сентября до середины декабря (историческое настоящее); 3) время записи с середины декабря до конца апреля (период, следующий за «настоящим»); 4) время записи эпилога в середине мая после получения рецензии от Николая Семеновича. Итогом тщательного изучения структуры художественного времени и сюжетно-событийной линии главного героя является формулирование авторской стратегии

⁶⁵ Мотидзуки Тэцуо. Кэтуги рон но тэнкай — «Карамазоф но кэдаи» но ити мэи (Развитие казуистики — один аспект «Братьев Карамазовых») // Достоевский но гэндзаи (Современное состояние [изучения] Достоевского) / Под ред. Т. Эгава, И. Камэяма. Токио, 1985. С. 207–220; 決議論の展開 — 『カラマゾフの兄弟』の一面 // ドストエフスキーの現在 / 江川卓・亀山郁夫共編. JCA出版 // 東京, 1985. 207 – 220.

⁶⁶ Судзуки Дзюнъити. Кэйно сёсэту «Мисэинен» хе но сётай (Приглашение к воспитательному роману «Подросток») // Там же. С. 191–205; 教養小説『未成年』への招待 // ドストエフスキーの現在, 同上191 – 205.

Достоевского: изображение времени «беспорядка и хаоса», порождающего «случайное семейство».

В статье Ацуси Андо (Atsushi Ando) «Категория „Шута“ и „самозванца“ в свете творческого процесса по созданию романа „Бесы“»⁶⁷ (1985) исследователь указывает на тесную взаимосвязь между мотивами «двойника» и «самозванца», восходящую к теме повести «Двойник». Замысел писателя реализуется в ходе развертывания сюжета, когда Петр Верховенский перестает быть «шутком» и превращается в «кинтригана», а Николай Ставрогин вместо ожидаемой читателем роли «самозванца» начинает играть роль «шута». Тем самым открывается телеологический вектор замысла писателя, открывающего при помощи ряда сюжетных эпизодов смысл опасной деловой активности Петра Верховенского и бессмысленность деятельности обладающего большими способностями Ставрогина. Амплуа «шута» и «самозванца» служат писателю эффективным средством решения этой художественной задачи.

Отметим, что совместно с Ясуо Урай (Yasuo Urai) и Мотидзуки и при финансовой поддержке японского научного фонда Андо выполнил исключительно ценную в научном отношении работу по созданию конкорданса текстов «Преступления и наказания»⁶⁸ и «Идиота»⁶⁹, проект был осуществлен в университете Хоккайдо. Урай опубликовал результаты проекта за четыре года до аналогичного исследования, проведенного под руководством В. Н. Захарова в Петрозаводском университете.

Важным событием последних лет в области популяризации произведений Достоевского в Японии стали переводы Икуо Камэямы (Икуо Kameyama). Его версия романа «Братья Карамазовы» стала бестселлером⁷⁰. Стремясь максимально приблизить роман Достоевского к вкусам японской массовой публики, Камэяма по своей воле и весьма существенно изменяет текст оригинала: произвольно разделяет текст на абзацы, а также, стремясь обратить сложный философский роман в текст для легкого чтения, делает множество изменений, которые можно истолковать как грамматические и синтаксические ошибки. Например, во фразе «и вдруг вбегает нянька и вырывает его у нее в испуге» под «ней» понимается не няня, а мать Алеши (ПСС. Т. 14. С. 18); фраза «[Лизавета] забралась как-нибудь и на забор Федора Павловича»

⁶⁷ Андо Ацуси. «Доук» то «Сэнсё» — «Акурё» но соуасаку катэй кара (Категория «Шута» и «самозванца» в свете творческого процесса по созданию романа «Бесы») // Там же. С. 175–190; «道化」と「僭称」—「悪霊」の創作過程からドストエフスキーの現在 // 同上175–190.

⁶⁸ A Concordance to Dostoevsky's «Crime and Punishment» / Eds A. Ando, Y. Urai, T. Mochizuki. Vol. 1–3. Sapporo, 1994.

⁶⁹ A Lemmatized Concordance to «The Idiot» of F. M. Dostoevsky / Eds A. Ando, Y. Urai, A. L. Renansky. Vol. 1–5. Sapporo, 2003.

⁷⁰ По сообщению издательства «Кобунся», издание в пяти томах карманного дешевого формата разошлось тиражом более миллиона экземпляров.

переводится таким образом, что Лизавета забралась на забор не «как-нибудь», но «лихо» (ПСС. Т. 14. С. 92); во фразе «Было же семь часов и смеркалось, когда Алеша пошел к Катерине Ивановне», согласно переводчику, Алеша не «пошел», а уже «вошел» в дом Катерины (ПСС. Т. 14. С. 132).

Учитывая слишком большое число таких примеров (сто тридцать пять ошибок на четырехстах двадцати двух страницах первого тома), нельзя исключить, что данный перевод выполнялся некой группой издательских переводчиков, но не профессиональными филологами-русистами. Следует отметить, что и после обнаружения ошибок переводчик и издательство не признали несоответствия изданного ими текста оригинальному произведению; вместо этого ими была организована рекламная кампания в СМИ, целью которой стало утверждение Камэямы в роли авторитета в области творчества Достоевского.

Помимо своего перевода Камэяма публикует также статью «Ставрогин — подстрекающий бог»⁷¹ (1985), в которой развивает концепцию психопатологического подхода к творчеству Достоевского. В своей статье он описывает Ставрогина как полноценного садиста. Обновляя свой основной тезис, в монографии «„Бесы“ — человек, захотевший стать Богом»⁷² (2005), он излагает новую трактовку сцены избиения Матрешки мачехой: «Матреша от розог не кричала, но как-то странно всхлипывала при каждом ударе. И потом очень всхлипывала целый час» (ПСС. Т. 11. С. 13). Камэяма обнаруживает в этом всхлипывании Матрешки мазохистскую составляющую. Далее он делает предположение, что Матреша не есть жертва Ставрогина, но оба они находятся в ситуации грехопадения, как библейские Адам и Ева, изгнанные из рая. Подтверждение этой версии исследователь находит в совпадении завершения их жизни — оба повесились. Камэяма обнаруживает стремление вступить в творческий диалог с Достоевским, высказывая мысль, что сам писатель был бы шокирован, узнав о его версии, а возможно, — согласился бы с ней и доработал текст, придав фразе такой вид: «странно сладко всхлипывала». Согласно основной идее Камэямы, «текст, переданный автором читателю, принадлежит ему не вполне, становясь свободно дышащим существом. Возможно, моя интерпретация ошибочна, но я горжусь ею и буду стараться распространять ее среди любителей Достоевского как можно больше»⁷³.

Из такого дерзкого утверждения Камэямы рождаются разные волюнтаристские своевольные интерпретации текста и версии. Прямо

⁷¹ Камэяма Икуо. Ставрогин — Сисоу суру kami (Ставрогин — подстрекающий бог) // Достоевский но гэндзай (Современное состояние [изучения] Достоевского). С. 47–74; スタヴ ローギン 指喚する神 / ドストエフスキーの現在 // 同上47–74頁.

⁷² Камэяма Икуо. «Акурё» kami ни нари такатта отоко («Бесы» — человек, захотевший стать Богом). Токио, 2005; 『悪霊』神になりたかった男. みすず書房 // 東京, 2005.

⁷³ Там же. С. 144; 同上144頁.

в связи с этим высказыванием он откровенно демонстрирует грубое нарушение правила перевода оригинального текста в главе «У Тихона», помещенной между восьмой и девятой главами во второй части романа «Бесы», опубликованного в выпуске серии «Новая библиотека мировых классиков»⁷⁴ (2011). Дело касается воспоминания Ставрогина о своем поступке по отношению к Матреше: «Мне, может быть, не омерзительно даже доселе воспоминание о самом поступке. Может быть, это воспоминание заключает в себе даже теперь нечто для страстей моих приятное. Нет — мне невыносим только один этот образ, и именно на пороге, с своим поднятым и грозящим мне кулачком, один только ее тогдашний вид, только одна тогдашняя минута, только это кивание головой» (ПСС. Т. 11. С. 22).

С моей точки зрения, слова «воспоминание о самом поступке» могут быть интерпретированы только как рефлексия Ставрогина о *своем* поступке. А Камзяма понимает слово «поступок» в смысле «движения» или «жеста» Матрешы, обращенного к Ставрогину и вызывающего в нем «нечто для страстей приятное». Это ли не грубое искажение текста, имеющее целью подчеркнуть чувственную реакцию садиста-Ставрогина по отношению к бедной девочке?⁷⁵ Такого же рода интерпретация присутствует и в его переводе романа «Братья Карамазовы».

Исходя из основной мысли о непринадлежности текста автору, Камзяма считает возможным прочтение текста Достоевского, допускающее какое угодно истолкование эпизодов его произведений. Когда Алеша говорит Ивану: «Я одно только знаю... Убил отца *не ты*», он находит здесь утверждение мысли, что отца убил именно он, Иван. Такую же вольную интерпретацию получает и «Поэма о Великом инквизиторе».

⁷⁴ Перевод Камзямой главы «У Тихона» сначала был отдельно опубликован в посвященном Достоевскому номере журнала «Современная мысль» («Гендай Сисоу»; 現代思想) под редакцией самого Камзямы и Мотидзуки (в том же номере были помещены статьи русских и американских достоевсковедов в японском переводе).

⁷⁵ Об этом сомнительном переводе Камзямой слова Достоевского «поступок» я указал на своем сайте в Интернете 30 апреля 2011 г., см.: <http://www.ne.jp/asahi/dost/jds/dost136b.htm> (дата обращения 17.02.14).

После этого, в феврале 2012 г., Камзяма опубликовал перевод трех вариантов главы «У Тихона» (первой корректуры журнала «Русский вестник», гранок с правкой Достоевского и копии, сделанной рукой А. Г. Достоевской) в одной книжке под названием «Отдельный том „Бесов“ — варианты „Исповеди Ставрогина“» (Акурё вэтукан «Ставрогин но кокуфаку» икоу; 悪霊別巻「スタヴローギンの告白」異稿). Изначально Камзяма выбрал для перевода главы «У Тихона» первый вариант, в 2012 г. он вторично опубликовал тот же самый текст. Оказалось, к удивлению, что сомнительно переведенное слово, указанное мною, заменено в нем другим словом, в буквальном смысле означающим «поступок» («kouji», 行為) без какого бы то ни было признания ранее сделанной ошибки и объяснения для читателей. Но в самом переводе романа остается слово «поступок» в смысле «движение», «жест» («miburi», «sigusa»; 身振り、しぐさ). Кстати, в комментарии к переводу Камзяма опирается на версию В. Свинцова в статье «Достоевский и „отношение между полами“» и ищет прообраз нимфофильного ставрогинского греха в биографии писателя.

Тот самый «Он», с которым беседует Инквизитор, согласно мысли Камэямы, может и не быть Христом, но лишь «самозванцем», тем более что ведь в тексте романа он Христом так и не назван. Камэяма не учитывает то обстоятельство, что в прижизненной публикации романа местоимение «Он» написано с заглавной буквы.

В соответствии со своей мыслью о возможности вольного обращения с текстами классика, Камэяма замыслил продолжить сюжет романа Достоевского, опубликовав книгу: «Воображаю продолжение „Братьев Карамазовых“»⁷⁶. Согласно его предположению, через тринадцать лет после окончания действия «Братьев Карамазовых» на жизнь царя покушается не Алеша Карамазов, а Коля Красоткин. Для того чтобы придать большую основательность своей идее, Камэяма в своем переводе изменил текст романа. В эпилоге «Братьев Карамазовых» Коля Красоткин говорит: «...Я желал бы умереть за всё человечество» (ПСС. Т. 15. С. 190), переводчик влагает в уста Алеши фразу: «вот как давеча Коля воскликнул: „Хочу умереть за всё человечество“», тогда как у Достоевского фраза Алеши была другая: «Коля воскликнул: „Хочу пострадать за всех людей“» (ПСС. Т. 15. С. 195; курсив мой. — Т. К.).

Являясь лишь переводчиком произведений Достоевского, Камэяма открыто демонстрирует намерение узурпировать компетенцию автора, играя интересами «рядового читателя» (по выражению Накамуры), впервые встречающегося с романом Достоевского. Именно на такого рода читателей направлена его программа переводов, имеющая откровенно коммерческий характер. Используя финансовые возможности издательства «Кобунся», а также при помощи специально организованных для этого циклов лекций, читательских конференций, школьных уроков на эту тему он завоевывает внимание к своим переводам-интерпретациям творчества Достоевского. Всё это свидетельствует об определенной тенденции, наметившейся в японском читательском сообществе начиная с 1970-х гг. — тенденции произвольного истолкования произведений писателя, искажения или упрощения оригинальных замыслов автора. «Феномен Камэямы», думается, — небывалое и исключительное явление в истории книжной культуры Японии, когда в условиях кризиса издательского бизнеса русский классик был использован как предмет спекуляции со стороны издательства и переводчика-интерпретатора, стремящихся к наживе.

В эти годы параллельно с экономическим подъемом страны наступил некоторый застой в общественной жизни, произошло нивелирование культурных и духовных ценностей. Почувствовав эту ситуацию, в 1971 г. на конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Достоевского, известный японский писатель Хироюки Итуки (Hiroyuki

⁷⁶ Камэяма Икуо. «Карамазоф но кёдаи» Дзокухэн о кусоо суру (Воображаю продолжение «Братьев Карамазовых»). Токио, 2007; 『カラマゾフの兄弟』続編を空想する. 光文社 // 東京, 2007.

Ituki) говорил о «светлом и веселом Достоевском», имея в виду необходимость нового отношения к сложившему в обществе представлению о Достоевском, авторе глубоких философских произведений. Пользуясь идеей этой «новой ситуации», коммерческие издательства и новые интерпретаторы творчества писателя предпринимали попытки завоевать внимание читателя, разумеется, имея в виду коммерческий результат такого завоевания.

В 1980-е гг., в период моды на деконструкции художественного текста появилась иная тенденция, которая в конечном счете дезавуирует образ автора — сам интерпретатор занимает эту инстанцию и начинает выполнять его функцию. В 1986 г. известный русист, переводчик романов Достоевского Таку Эгава (Taku Egawa) (1927–2001) издал книгу «Разгадка „Преступления и наказания“»⁷⁷. В ней он применяет метод мифопоэтического анализа текста с привлечением широкого круга фольклорных источников и метода лингвистической этимологии. Он обращает внимание на повторяющийся мотив перешагивания, переступания, через «порог», образующего смысловую рифму в сцене, когда Раскольников «переступил через порог в темную комнату» старухи-процентщицы. Здесь переступание ассоциируется с «преступлением» как переступанием через запрещенное, неоднократно повторенным с той же коннотацией в беседах Раскольникова с Порфирием и Соней. Согласно мысли Эгавы, в тонких различиях значений этого слова и в различных контекстах можно обнаружить двойственность в конструировании авторского текста: с одной стороны, мы видим автора описывающим обычное физическое движение, а с другой — пытающимся придать ситуации некий добавочный смысловой оттенок, и мы не знаем, кто из них является настоящим автором. Когда мы пытаемся различить смысловые позиции этих авторов-двойников, за ними возникает еще один, третий образ автора. Это трансцендентное существо, видимо, и заставило Раскольникова «перешагнуть через порог» и подсказало повествователю слово «переступить»⁷⁸.

Пример, подтверждающий существование в произведениях Достоевского функции скрытого сверхавтора, исследователь обнаруживает в романе «Бедные люди», в семантике дат писем Девушкина к Вареньке Доброселовой. В первом своем письме от 8 апреля Девушкин вспоминает о некоем «поцелуе»: «Однако же в воображении моем и засветила ваша улыбочка <...> и на сердце моем было точно такое ощущение, как тогда, как я поцеловал вас» (ПСС. Т. 1. С. 13–14). Эгава придает этому мотиву большое значение. Согласно его мнению, речь идет о праздновании Пасхи, которое состоялось 26 марта 1844 г., за две недели до даты

⁷⁷ Эгава Таку. Надзо токи «Туми то багу» (Разгадка «Преступления и наказания»). Токио, 1986; 謎解き『罪と罰』. 新潮社 // 東京, 1986.

⁷⁸ Там же. С. 24; 同上24頁.

первого письма Девушкина. Эмоциональное наполнение этого поцелуя для Девушкина явно превышает обычное его ритуальное значение.

Последнее письмо Девушкина написано 30 сентября. Эгава напоминает, что на следующий день, 1 октября, отмечается праздник Покрова⁷⁹, усматривая в этой дате несколько скрытых аллюзий: 1) в день Покрова пожелание милости Богоматери для несчастной девушки, уезжающей с Быковым, и ее умершего друга Покровского; 2) обозначение ситуации вступления в брак в соответствии со значением этого праздника в русском земледельческом календаре (в народных песнях, выражающих желание девушек найти себе жениха); 3) русский глагол «покрыть» в определенном контексте получает значение «случить»; имя того, кто увез Вареньку, Быков, и это имя в связи с названным семантическим рядом также неслучайное. Эгава считает, что обычному читателю, пусть даже и носителю родного языка автора, сделать такого рода углубление в семантику текста трудно и даже невозможно. Но исследовательский потенциал подобного семантико-контекстуального анализа значителен, он помогает выявить функцию конципированного автора (который для текста произведения является чем-то вроде Бога для автора Апокалипсиса), помогает увидеть потаенное, скрытое от обычных глаз.

Вслед за манифестацией своей концепции и в рамках заявленного метода Эгава пытается интерпретировать имя Родиона Раскольников. Приведа обзор известных этимологических значений его имени — от названия религиозной секты раскольников, от стремления героя «расколоть» голову своей жертвы, «расколоть» свое «я» на две сущности, — Эгава предлагает новую версию. Достоевский, уже приготовивший для своего героя имя «Василий», сделал каллиграфическую запись «Василий Романович Раскольников». Далее он перевернул страницу и увидел эту запись, просвечивающую сквозь бумагу, увидев «ВЪЪ». Тогда он решил заменить букву «В» буквой «Ъ» и еще раз перевернул страницу. Образовались инициалы «ЪЪЪ», ассоциирующиеся с числом зверя из Апокалипсиса, «666» — то есть «антихрист» или «сатана». По мнению исследователя, эта случайная находка дала толчок творческому воображению Достоевского, и он изменил имя героя с «Василий» на «Родион».

Пользуясь этим методом семантической интерпретации знаков и поиска скрытых аллюзий и реминисценций, Эгава подготовил книги «Разгадка „Братьев Карамазовых“» (1991) и «Разгадка „Идиота“»⁸⁰ (1994). Работы исследователя в свое время пользовались большим спросом на книжном рынке Японии. Его версии во многом опираются на научные достижения предшественников, зарубежных исследователей

⁷⁹ По новому стилю праздник Покрова отмечают 14 октября.

⁸⁰ *Эгава Таку*. Надзо токи «Карамазоф но кёдаи» (Разгадка «Братьев Карамазовых»). Токио, 1991; 謎解き『カラマーゾフの兄弟』. 新潮社 // 東京, 1991; *Эгава Таку*. Надзо токи «Хакти» (Разгадка «Идиота»). Токио, 1994; 謎解き『白痴』. 新潮社//東京, 1994.

(главным образом, на комментарии к тексту), и не всегда очевидно, где расположена граница между заимствованиями и его собственными филологическими достижениями.

Во всяком случае, в работах Эгавы интерпретатор произведения выступает в качестве сверхавтора-писателя и развертывает занимательные фантастические версии свободно на основе разных цитат из этимологии, фольклора, библии и мифологии. В этом смысле Эгаву можно признать предшественником Камэямы.

Одновременно следует подчеркнуть, что Таку Эгава в роли профессионального переводчика русской литературы — принципиальный сторонник достоверности текста, не допускавший ошибок, грубых искажений авторской воли, которые можно видеть в работах Камэямы. Эгава был достоин уважения читателей как высокопрофессиональный филолог и знаток русской этимологии. Среди самых известных его работ — переводы «Записок из подполья», «Преступления и наказания», «Бесов» и «Братьев Карамазовых». Эти переводы пользуются заслуженным доверием и популярностью среди японских читателей. Обзор японских исследований творчества Достоевского, приведенный в настоящей статье, заканчивается периодом до 2010 г. Возможно, что не все темы и достижения японского достоеведения получили в нем достаточно полное освещение. С сожалением констатируя, что в мое исследование не вошли работы японских компаративистов, должен отметить, что обращавшиеся к творчеству Достоевского представители этого направления науки о литературе создали немало работ, представляющих интерес для филологической науки.

ДО ХАЙ ФОНГ
ДОСТОЕВСКИЙ ВО ВЬЕТНАМЕ¹

I. 1900–1954 гг.

Первые попытки освоения достижений русской классической литературы во Вьетнаме относятся к периоду, когда страна была французской колонией. Новизну в филологическую культуру Вьетнама внесли первые вьетнамцы, получившие европейское образование. Эти веяния возникали и в связи с общим стремлением освободить страну от колониального гнета. Уже сложившееся к тому времени культурное влияние на Вьетнам со стороны Франции и Китая представители национальной творческой интеллигенции стремились преодолеть, опираясь на альтернативную культурную традицию. В этом качестве во Вьетнаме оказалась востребованной русская культура.

Первые контакты вьетнамской читающей публики с русской литературой произошли через французские переводы русских текстов. Роман Л. Н. Толстого «Воскресение», переведенный Хоа Чунгом (Hoà Trung) в 1927–1928 гг. и опубликованный в периодическом издании «Тьенг Зан», стал первым переводом русской классики на вьетнамский язык.

Произведения Достоевского пришли к вьетнамскому читателю несколько позже. Этому способствовали несколько экранизаций произведений писателя: в 1935 г. на экран вышли два фильма по мотивам «Преступления и наказания» режиссеров П. Шеняля (Франция) и Дж. фон Штернберга (США). Показ этих фильмов вызвал большой интерес к творчеству Достоевского. Согласно свидетельству писателя Нгуен Хонга (Nguyễn Hồng), произведения Достоевского «согрели» его душу².

Интерес к Достоевскому в эти годы в стране развивался не без внимания к оценкам творчества русского писателя со стороны деятелей французской литературы (Э.-М. Вогуэ, А. Жида, Ж.-П. Сартра, А. Камю, М. Пруста, Р. Роллана). Писатель То Хоай (Tô Hoài) рассказывает: «Шедевры русской классики, пусть тогда еще во французских переводах, пришли к нам, в далекую страну на берегу Восточного моря.

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Рецепция зарубежной литературы XIX–XX вв. во Вьетнаме», осуществляемого при поддержке Вьетнамского научного фонда (NAFOSTED) (грант VIII.3-2011.16).

² *Nguyễn Hải Hà. Khát vọng hài hòa // Báo Văn nghệ. 1981. 14 Tháng 10. Tr. 5.*

Мы зачитывались „Преступлением и наказанием“, „Братьями Карамазовыми“, „Белыми ночами“»³.

Сложные философские проблемы, которые поднимал Достоевский в своем творчестве, вызывали большой интерес вьетнамцев, а у ряда вьетнамских писателей — и стремление к подражанию. Одновременно все более и более глубоким становилось понимание тайн психологии человека, открытых русским писателем в его произведениях. Было предпринято несколько попыток создания литературных переложений произведений Достоевского на современную вьетнамскую почву.

В 1938 г. Хо Бьеу Чань (Hồ Biều Chánh), уже имевший такого рода опыт переложения романов А. Дюма и В. Гюго, выпустил роман «Отчаянный человек», в котором интерпретировал сюжет «Преступления и наказания» Достоевского, причем указание на первоисточник текста было дано самим автором. В этом романе-интерпретации Хо Бьеу Чань перенес действие романа Достоевского в городок южного Вьетнама, поменял имена действующих лиц на вьетнамские. Адаптируя роман к этим условиям, он упростил сюжетную линию, сократил число персонажей и не стал включать в свое произведение все наиболее сложные психологические коллизии. Фабульная основа романа Хо Бьеу Чаня также неполностью совпадает с «Преступлением и наказанием». В версии вьетнамского писателя один романтически настроенный молодой человек вначале написал статью о возможности «преступления во имя справедливости», затем убил и ограбил богатую старуху, чтобы помочь семье «честной» проститутки и своим матери и сестре, после чего раскаялся, стал отшельником и нашел душевное успокоение в дзен-буддизме.

Другой линией в освоении творчества русского писателя стало создание произведений с оригинальным сюжетом, но при использовании стилевых и литературно-поэтических приемов Достоевского. Таков роман Ньят Линя (Nhật Linh) «Белая бабочка» (1938–1939 гг.), в котором читатель без труда мог узнать некоторые коллизии, поэтические фигуры, сюжетные эпизоды и психологические мотивировки, характерные для романов Достоевского. «Белая бабочка» представляет собой историю психологического раздвоения личности молодого интеллигента, в глубине души жаждущего жить «чистой жизнью». Главный герой романа Чьонг болен туберкулезом и находится в тяжелом моральном кризисе, который характеризуется приступами отчаяния, равнодушного отношения к добру и злу, мыслями о возможности совершить преступление. Чьонг — первый во вьетнамской литературе персонаж, совмещающий остроту самосознания со сложной психологической мотивировкой поступков. В создании своего героя, находящегося в пороговом экзистенциальном состоянии, писатель опирался на опыт Достоевского, изобразившего «подпольного» парадоксалиста, сладострастника Свидригайлова, искателя правды Раскольникова, а также Ипполита,

³ То Хоай. Предисловие // Нам Као, Нгуен Хонг. Избранное. М., 1979. С. 9.

Аркадия Долгорукого и Дмитрия Карамазова. Роман Ньят Линя оказался не только удачным опытом литературного подражания Достоевскому, но и положил начало экзистенциальной традиции в рецепции творчества Достоевского во Вьетнаме.

Первый перевод произведений Достоевского на вьетнамский язык состоялся в 1939 г., когда в журнале «Тао Дан» был опубликован небольшой отрывок из «Бесов» под названием «Бог нужен»⁴. Это фрагмент II части главы 7, содержащий рассуждение Шатова об оправданности и необходимости «поиска Бога» каждым народом. Фрагмент вышел в переводе Лан Хая (Lan Khai), который оправдывал выбор текста тем, что в отрывке содержится вопрос «жизни и смерти и для нашего народа». Достоевский привлек вьетнамского писателя вопросом необходимости искания «Бога своего, непременно собственного <...> как единого и истинного». Этот призыв не получил широкого общественного резонанса, а опубликованный фрагмент «Бесов» оставался единственным переводом Достоевского вплоть до 1954 г.

Однако адаптированное переложение произведений Достоевского применительно к вьетнамской культуре в эти годы продолжалось. В 1940 г. Ву Банг (Vũ Bằng) опубликовал роман «Преступление и раскаяние», сблизив в нем фабульную идею «преступления во имя справедливости» и детективного жанра. В этом произведении много буквальных совпадений с романом Достоевского: образованный молодой человек пишет статью о возможности совершить преступление ради справедливости, затем, исполняя задуманное, убивает мачеху и своего брата ради обладания наследством. В конце произведения следователь обвиняет его в убийстве, герой раскаивается и кончает жизнь самоубийством. В 1941 г. Ву Банг написал также повесть «Не отчаивайся!» по мотивам «Белых ночей» Достоевского. Эта повесть получила неоднозначную оценку читателя из-за не слишком корректного использования первоисточника⁵.

Параллельно появлялись новые переложения произведений Достоевского, однако уже в затухающем ритме — период «ученичества» вьетнамской литературы оставался позади. В творчестве вьетнамских писателей середины XX в. можно обнаружить следы влияния психологических мотивировок, композиции, сюжетной организации, свойственных произведениям Достоевского. Это произведения Тхач Лама (Thạch Lam) (рассказы «Нервный срыв», «Волос», «Голод», «Возвращение»), Нам Као (Nam Cao) (повесть «История соседа», рассказы «Чи Фео», «Старик Хак», «Жить в смиренности»), Ву Чонг Фунга (Vũ Trọng Phụng) (роман «Гроза», «Быть проституткой»), Нгуен Туана (Nguyễn Tuân) (цикл «Тени и отзвуки времени»).

⁴ Dostoevski F.M. Cần có một ông trời / Lan Khai dịch // Tao Đàn. 1939. N 3. 1 Tháng 4. Tr. 4.

⁵ Vũ Ngọc Phan. Nhà văn hiện đại. Tp. Hồ Chí Minh, 1989. Tr. 1006–1007.

Эти процессы в литературной культуре Вьетнама практически оставались в период Августовской революции 1945 г. и Войны сопротивления против французских захватчиков (1946–1954): по свидетельству Нгуен Туана, «в то время некогда было думать о Достоевском»⁶.

II. 1954–1975 гг.

С 1954 по 1975 г. Вьетнам был разделен на два государства с различными политическими системами, однако именно в этот период закладывалось начало полноценного осмысления творчества Достоевского.

1. В Северном Вьетнаме

С 1954 г. на севере Вьетнама в связи с распространением русского языка вьетнамские читатели могли в оригинале познакомиться с произведениями русской литературы. Кроме того, на достаточно высоком уровне были сделаны переводы русских текстов на вьетнамский язык. К этому периоду относится возникновение вьетнамской русистики. Появились филологи, которые начали систематически изучать творчество русских и советских писателей — А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького, В. В. Маяковского, К. Г. Паустовского. В этом ряду Достоевский был исключением: социалистическая идеология оказалась помехой в популяризации и изучении его творчества. Под влиянием известного отношения М. Горького к «карамазовщине»⁷ писатели и литературоведы Северного Вьетнама весьма осторожно подходили к творчеству «злого гения» — Достоевского. В Демократической Республике Вьетнам, как и в Советском Союзе, было принято четко отделять Достоевского как художника и «критика капитализма» от Достоевского как носителя «карамазовщины» и концепции религиозного смирения. В связи с этим с 1954 по 1975 г. во Вьетнаме не появилось ни одного перевода произведений Достоевского. В первом вузовском пособии по русской литературе (1964 г.) содержалось несколько строк о Достоевском как «великом», но «слишком противоречивом писателе», написавшем «произведение против революционно-демократической молодежи» и «патологически» пропагандирующем «антипрогрессивное» почвенничество и «философию смирения перед страданиями»⁸. Однако официальная точка зрения

⁶ *Nguyễn Tuấn*. Đốt-xtôi // Tuyển tập Nguyễn Tuấn. Hà Nội, 1982. Tập 2. Tr. 409.

⁷ Книги «М. Горький о литературе» (М., 1955) и «М. Горький. Письма о литературе» (М., 1957) были переведены и изданы в составе двухтомника «М. Горький о литературе», впервые опубликованного в 1965 г., переизданного в 1970 г. Известные статьи Горького о «карамазовщине» были опубликованы в первом томе этого издания: Gorki bàn về văn học. T. 1. Hà Nội, Nxb Văn học, 1970. Tr. 152–169.

⁸ *Hoàng Xuân Nhị*. Lịch sử văn học Nga. Hà Nội, 1964. Tr. 25.

на творчество Достоевского не смогла стать препятствием для писателей и литературоведов, которые интересовались его произведениями.

Высокая оценка художественных достижений писателя содержится в лекции Нгуен Туана «Дос-той»⁹, прочитанной в ханойском клубе «Доан Кэт» в 1956 г., где Достоевский предстал как «вершина литературы», а его произведения — как «крик души о любви и счастье, о справедливости и истине». Согласно мнению Нгуен Туана, в романах Достоевского, «творящего, живущего, мыслящего в экзальтированном состоянии», противопоставлены «высокое и обыденное» реальной жизни. Особое внимание Нгуен Туан обратил на персонажей Достоевского, «выходящих за рамки» — «больных», «голодных душой» людей «переходного времени»: «Достоевский мыслит персонажами <...>. Персонажи Достоевского — носители беспредельных страстей. Они требуют человеческого бытия вне реальности»; «Они живут ради поиска ответа на неразрешимые вопросы жизни»; их диалоги и монологи свидетельствуют не только о том, что «они собираются делать, но и что они скрывают, в чем не смеют признаться». Нгуен Туан подразделил персонажей Достоевского на два типа — «смиранных» и «гордых» — и сделал ряд тонких замечаний о творческой манере писателя. Однако в заключение своего доклада вьетнамский писатель вернулся к отделению Достоевского-художника от Достоевского-мыслителя: «Творческий гений великого художника одерживал победу над Достоевским-мыслителем. Мыслитель Достоевский всё же ошибся, ибо он жил в эпоху тьмы, луч света был ему недоступен»¹⁰.

Нгуен Туан представляет старшее поколение творческой интеллигенции Вьетнама. В среде молодых филологов и писателей северного Вьетнама, согласно свидетельству Вьонг Тьи Ньяна (Vuong Tri Nhan), «до 1975 г. часто упоминалось имя Достоевского <...>, негласно передавалось от одного к другому, и представление о его творчестве постепенно прояснялось и обогащалось»¹¹.

2. В Южном Вьетнаме

На юге Вьетнама Достоевский привлекал в себе читателей не только как классик мировой литературы, но и как признанный родоначальник многих современных философских направлений (ницшеанства, экзистенциализма, фрейдизма). Мнения авторитетных представителей этих идеологических направлений о Достоевском и поощрение государством «антикоммунистической тенденции»¹² русского писателя стимулировали популяризацию переводов его произведений.

⁹ В переводе с вьетнамского «Дос» — Достоевский, «той» — я. Этим своеобразным названием Нгуен Туан выражал свои симпатии к Достоевскому.

¹⁰ *Nguyễn Tuân. Đốt-xtôi // Tuyên tập Nguyễn Tuân. Hà Nội, 1982. Tập 2. Tr. 409.*

¹¹ *Vương Trí Nhân. Một hồ sơ nhỏ về Dostoevski // Văn học nước ngoài. 1996. N 6. Tr. 215.*

¹² *Lê Tôn Nghiêм. Cộng sản Nga dưới con mắt một người Nga // Sài Gòn, Tư tưởng. 1972. N 5. Tr. 25.*

После перевода отрывка романа «Идиот» под названием «И это тоже человеческая судьба», опубликованного в журнале «Культура сегодня» (1959, №9), несколько произведений Достоевского были переведены на вьетнамский язык: «Записки из подполья» (1963), «Игрок» (1964), «Преступление и наказание» (1965), «Вечный муж» (1969), «Двойник» (1972), «Бесы» (1972), «Братья Карамазовы» (1972), «Идиот» (1973), «Бедные люди» (1974), «Подросток» (1974). Качество этих переводов было невысоким, одна из причин — переводы делались с источников, написанных на английском или французском языках. Переводчики, лишенные возможности работать с подлинниками, сами сознавали недостаточность своего труда и при переизданиях довольно часто исправляли текст или выпускали разные варианты перевода. Некоторые произведения Достоевского переводились неоднократно: «Записки из подполья» и «Братья Карамазовы» — дважды, «Преступление и наказание» — три раза.

В Южном Вьетнаме в это время не было филологов, специализировавшихся на русской литературе, поэтому интерпретацию произведений Достоевского в виде вступительных статей и послесловий предлагали сами переводчики текстов, опираясь на оценки западноевропейских и русских писателей (Ф. Ницше, З. Фрейд, Г. Гессе, А. Жида, Ж.-П. Сартра, С. Цвейга, П. Паскаля, В. Розанова, Д. Мережковского, Л. Шестова, Н. Бердяева, А. Труайя, Л. Тарасова, М. Слонима)¹³. Эти статьи и устные выступления, а также интерпретации произведений Достоевского легли в основу изучения и осмысления творчества русского писателя в Южном Вьетнаме.

Для читателей Вьетнама Достоевский был более «трудным» писателем по сравнению с Толстым, прежде всего из-за «манеры письма». Писатель Ньят Линь в брошюре «Создание и чтение романа» (1961) отметил: «Сомнения Толстого (особенно в старости) существенно иные, нежели патологические судороги Достоевского. Манера Толстого всегда прозрачно-простая, как бы обыденная, но всё же очень глубокая. Манера Достоевского, напротив, тяжелая, трудно понимаемая, будто кругом обворожительная... что-то недосказанное чувствуется и освещает глубины жизни»¹⁴. Чинь Чуэт (Trịnh Chúyết) в «Словаре знаменитых личностей» (1964) жаловался: «Его [Достоевского] романы слишком сложны, с трудом понимаемы, многосоставны, местами чересчур темны и ужасны»¹⁵. Нгуен Хьен Лэ (Nguyễn Hiền Lê) понимал «манеру

¹³ Многие отдельные высказывания и даже целые трактаты перечисленных авторов о Достоевском были переведены на вьетнамский язык. Эти переводы были опубликованы или вместе с переводами произведений Достоевского (например «Братьев Карамазовых»: *Dostoevski F.M. Anh em nhà Karamazov. Sài Gòn, 1972*), или в специальном номере периодического издания (журнал *Văn*. 1972. N 214), или отдельным изданием (*Жид А. Достоевский на горизонте русской литературы. Сайгон, 1974; Жид А. Достоевский в письмах. Сайгон, 1975*).

¹⁴ *Nhất Linh. Viết và đọc tiểu thuyết. Sài Gòn, 1972. Tr. 80.*

¹⁵ *Trịnh Chúyết. Dostoevski // Từ điển danh nhân. Sài Gòn, 1964. Tr. 138.*

письма» шире, объявив Достоевского писателем «необыкновенных страстей, откровенных до предела человеческих душ с неописуемыми сомнениями и колебаниями»¹⁶. Нгуен Хьен Лэ, находясь под влиянием Вогюэ и Фрейда, пытался объяснить стиль письма Достоевского болезненными страданиями, которые перенес писатель, оправдывавший «бездны» в душе и «всю жизнь страдавший ради своего авторства»¹⁷. Объясняя «патологические» импульсы персонажей Достоевского «сублимацией», освобождающей подсознательные комплексы автора, литературовед Нгуен Хью Хьеу (Nguyễn Hữu Hiệu) прямо указал на первоисточник: «Концепция Фрейда освещает автобиографические элементы в произведениях Достоевского и подчеркивает темы преступления и патологии»¹⁸. Позже некоторые стали воспринимать «трудную манеру» Достоевского как повествовательный стиль «хаоса»: «Персонажи романа временами выдвигаются вперед, игнорируют автора, говорят сами. Некоторые игнорируют и читателей, забывают о них, обращаясь к другим персонажам (присутствующим или не присутствующим) бесконечными своими речами»¹⁹. Эта манера объявляется предпосылкой «нового романа»: «Тенденция „нового романа“ появляется не случайно, а формируется именно повествовательной техникой, начиная с Достоевского, — и до Кафки и Мальро»²⁰.

Следует отметить, что трудности восприятия произведений Достоевского не помешали исследователям в Южном Вьетнаме высоко оценить Достоевского-мыслителя.

Переводчик Нгуен Нгок Минь (Nguyễn Ngọc Minh) оценил «Бесов» как «политический», «лучший идеологический роман в мире», «до сих пор имеющий пророческое значение для нашего времени» именно потому, что «гений автора заключается в идеях, пронизывающих тысячу страниц...»²¹. Нгуен Хью Хьеу повторяет традиционное противопоставление Достоевского и Толстого: «Может быть, Толстой — художник совершеннее, чем Достоевский, но Достоевский-мыслитель более велик, чем Толстой»²². Другой точки зрения на эту проблему придерживается Нгуен Хьен Лэ: «Удивительно! Два величайших русских писателя, Толстой и Достоевский, своими романами вместе указали нам путь смирения и братства»²³.

¹⁶ Nguyễn Hiến Lê. Dostoievski — một kẻ suốt đời chịu khổ để viết // Bách khoa. 1960. N 82–83. Tr. 42.

¹⁷ Ibid. Tr. 35.

¹⁸ Nguyễn Hữu Hiệu. Dostoievski và thế giới // Dostoievski F.M. Đầu xanh tuổi trẻ. Sài Gòn, 1974. Tr. 791.

¹⁹ Võ Phiến. Chúng ta, qua cách viết. Sài Gòn, 1972. Tr. 114.

²⁰ Vũ Đình Lưu. Thăm kịch văn hóa. Sài Gòn, 1966. Tr. 20.

²¹ Nguyễn Ngọc Minh. «Lữ người quí ám» dưới con mắt người Việt Nam // Dostoievski F.M. Lữ người quí ám. Sài Gòn, 1972. Tr. 7–11.

²² Nguyễn Hữu Hiệu. Dostoievski // Dostoievski F.M. Anh em nhà Karamazov. Sài Gòn, 1972. Tr. VIII.

²³ Nguyễn Hiến Lê. Dostoievski — một kẻ suốt đời chịu khổ để viết. Tr. 40.

Идеология героев Достоевского заставляла исследователей связывать ее с нищезанятием: «Как и идеи Ницше, идеи Достоевского потрясли мир страшным взрывом и сыграли решающую роль в судьбе человечества»²⁴. Вслед за Н. А. Бердяевым Нгуен Хыу Хьеу высоко оценил Достоевского как великого «антрополога», «дотронувшегося до глубинных границ всего человечества» и, как и Ницше, положившего конец «старому рационалистическому гуманизму»²⁵. Восхваляя пафос свободы выбора и страстей человека в творчестве Достоевского, Нгуен Хыу Хьеу жестко критиковал идеологию Раскольникова — «нигилиста», «революционера, предка большевизма»²⁶ и прямо объявил рациональное устройство земного счастья Великого инквизитора «декларацией социализма» — «религии земного хлеба, муравейника»²⁷. Весьма заметно, что Нгуен Хыу Хьеу пытается объединить идеи «нигилиста», «сверхчеловека», «экзистенциального человека» в творчестве Достоевского с буддийским учением о карме: «Человек, как свободное существо, обязан пережить нигилистическое преступление и закаляться в адском, очищающем огне <...> . „Свобода—преступление—страдание“ — это диалектическое движение. Свобода ведет к преступлению. Преступление ведет к страданию, а страдание ведет к спасению и освобождению»²⁸. Таким образом, противопоставление «за» и «против» в творчестве Достоевского сменяется периодизацией жизни человека: «Три брата Карамазовых — это три аспекта одной личности и три этапа в жизни автора: Дмитрий, или детский романтический период страсти к Шиллеру; Иван, или период юности сомнения с социалистическими атеистическими теориями Фурье, Прудона, Луи Блана; и Алеша, или зрелый период вновь обретенной веры в народ и православие. Обобщая, можно сказать, что три брата: Дмитрий–Иван–Алеша и незаконнорожденный Смердяков символизируют ряд „любовь–идея–воля–инстинкт“ подобно Чжу Бацзе — Сунь Укун — Сюаньцан — Ша Сэн»²⁹. Только вместо путешествия на Запад Алеша начнет путешествие на Восток навстречу „Свету с Востока“, в русле пророчеств старца Зосимы»³⁰.

В другой работе Нгуен Хыу Хьеу яснее определяет свой буддийский подход к Достоевскому: «По А. Жиду, Достоевский с внутренними противоречиями, отрицающий разум, насилие, неизбежно придет к какому-нибудь буддизму. Вьетнамская молодежь, наоборот, от буддизма

²⁴ Ibid. Тр. 159.

²⁵ Ibid. Тр. 156.

²⁶ *Nguyễn Hữu Hiệu. Lời giới thiệu // Dostoevski F.M. Tội ác và hình phạt. Sài Gòn, 1973. Тр. 137.*

²⁷ *Nguyễn Hữu Hiệu. Dostoevski. Тр. 120–121.*

²⁸ Ibid. Тр. 156.

²⁹ Имена персонажей в «Путешествии на Запад» (У Чэнъэнь; 1590), одном из четырех самых известных китайских классических романов, очень популярном во Вьетнаме.

³⁰ *Nguyễn Hữu Hiệu. Dostoevski. Тр. 142–143.*

идет к какому-нибудь Достоевскому с приемлемой концепцией доброты, братства»³¹. Таким образом, тезис о необходимости найти «своего Бога» вновь звучит своеобразно — как призыв к объединению в «смирненной любви».

Нгуен Хыу Хьеу пытался примирить противоречия Достоевского «гармонией» монистической системы. Однако другие исследователи именно посредством этих противоречий подчеркивали экзистенциальное одиночество человека среди абсурдного «хаоса». Тхач Чыонг (Thạch Chương) объявил «Записки из подполья» «первым экзистенциалистским произведением в истории европейской литературы, записывающим признаки приближения большой грозы в современной западной философии: мания внутренней жизни, беспокойства, решения, выбор человека, отдаляющегося от толпы, без Бога, без идеала, вне закона...»³² Нгуен Куок Чу (Nguyễn Quốc Trụ) дополнил мысль Тхач Чыонга: «Идея человека из подполья — это обреченное всечеловеческое чувство одиночества, бесконечного одиночества...»³³

В отличие от философского подхода большинства ученых, первый во Вьетнаме переводчик и исследователь «Преступления и наказания» Чыонг Динь Кы (Trương Đình Cử) подходит к творчеству Достоевского более как к поэтической системе. Ему принадлежит оригинальная пространственно-временная таблица художественного мира «Преступления и наказания», анализ жанровой специфики произведения как романа-трагедии, а также ряд наблюдений над организацией системы персонажей романа Достоевского. Чыонг Динь Кы первым во Вьетнаме использовал аналитический подход к полифонической природе романа Достоевского: «Достоевский любит рассказывать и быть выслушанным. Он желает также, чтобы его сторонники и его оппоненты также могли высказаться до конца. Он сеет идеи в головах и сердцах людей, дабы проследить, что может получиться из этих идеологических зерен <...>. Итогом этих идеологических „ядерных реакций“ оказывается излучение духовной энергии»³⁴.

В Южном Вьетнаме влияние повествовательной манеры Достоевского на современную литературу также наблюдалось, но в не слишком явном виде. Такого рода следы влияния русского писателя можно увидеть в творчестве Ву Хак Хоана (Vũ Khắc Khoan) (в пьесе «Не боящиеся смерти») и Тхань Там Туена (Thanh Tâm Tuyền) (в романе «Рак»).

³¹ Nguyễn Hữu Hiệu. Dostoevski và thế giới // Dostoevski F.M. Đầu xanh tuổi trẻ. Sài Gòn, 1974. Tr. 807.

³² Thạch Chương. Chỉ một lần thôi và chẳng bao giờ nữa (Thay cho lời giới thiệu «Hồi ký viết dưới nhà hầm») // Văn. 1966. N 11. Tr. 3.

³³ Nguyễn Quốc Trụ. Đọc «Hồi ký viết dưới nhà hầm» // Văn. 1967. N 1. Tr. 122.

³⁴ Trương Đình Cử. Lời nói đầu // Dostoevski F.M. Tội ác và hình phạt. Sài Gòn, 1972. Tr. 6–7.

III. В Объединенном Вьетнаме (период с 1975 г.)

После объединения страны в 1975 г. переводы произведений Достоевского, изданные вместе с комментариями южновьетнамских исследователей и переводчиков, вместе с оценками и аналитическими обзорами западноевропейских мыслителей о Достоевском проникали на север страны, высвобождая «из подполья» симпатии интеллигенции к русскому писателю на территории бывшей Демократической Республики Вьетнам. Филологи-русисты, вновь обратившиеся к оригинальным текстам Достоевского, принялись исправлять старые переводы и переводить ранее не переведенные произведения писателя. Советско-вьетнамский договор о дружбе и сотрудничестве, заключенный 3 ноября 1978 г., содействовал этому процессу.

В 1982 г. появился высококачественный перевод «Преступления и наказания», вскоре вышли переводы «Кроткой» (1987), «Белых ночей» (1987), «Униженных и оскорбленных» (1987), «Сна смешного человека» (2001), статьи «Г-н — бов и вопрос об искусстве» (2001), а также новые переводы «Братьев Карамазовых» (1988, 1990), «Бедных людей» (2006), «Подростка» (2010). До 2000-х гг. практически все старые переводы Достоевского были переизданы с исправлениями, сделанными после внимательной текстологической работы.

Переоценка значения литературных классиков в истории литературы в Советском Союзе 1970–1980-х гг., «новое мышление» и «перестройка» после распада СССР в 1991 г. отозвались переменами в отношении читающей публики Вьетнама к Достоевскому. Существенные изменения общественно-социального строя во Вьетнаме способствовали тому, что читатели заново перечитывали произведения Достоевского вместе с переводами статей Ч. Айтматова, Д. Гранина, С. Белова, И. Волгина, О. Паса, М. Кундеры, монографиями М. Б. Храпченко («Достоевский и его литературное наследие»; пер. 1978), М. М. Бахтина («Проблемы поэтики Достоевского»; пер. 1992–1993), С. Цвейга («Достоевский — три мастера»; пер. 1996), Л. П. Гроссмана («Достоевский»; пер. 1998).

В 1981 г. во Вьетнаме была отмечена сотая годовщина смерти Достоевского, в связи с этой датой был организован ряд научных мероприятий.

В 2001 г. журнал «Иностранная литература» выпустил номер, посвященный Достоевскому (№ 6).

Начиная с 1990 г. творчество Достоевского заняло видное место в программе вузов Вьетнама и пособиях по русской литературе. Был защищен ряд диссертаций по творчеству Достоевского в России (1996) и во Вьетнаме (2002), опубликован сборник статей и монография о жизни и творчестве писателя (2000, 2006). К настоящему моменту можно констатировать существование в стране национальной школы достоеведения.

Научные исследования произведений писателя идут в трех основных направлениях: социально-философском, нарратологическом и рецептивном.

Социально-философские исследования связаны с изучением «социального пафоса, активного гуманизма»³⁵ в произведениях Достоевского. Нгуен Ким Динь (Nguyễn Kim Đính) высоко оценивает «гения реалистического романа» Достоевского в «Преступлении и наказании» как творца «гармонического сочетания глубокого взгляда в потаенные уголки сознания, психологию персонажей, и взгляда, охватывающего социальную действительность, сложные человеческие отношения»³⁶. Отрицая «пропаганду философии смирения, религиозной России» как «ошибку и утопию» Достоевского, Нгуен Хай Ха (Nguyễn Hải Hà) утверждает «горячие следы современности», «веру в народ, заботу о счастье народа» в произведениях писателя и подчеркивает, что «гуманизм» писателя и тенденция «изображения сущности реальности» проявляются «не только в картинах страданий нищих людей, <...> но и в том, что Достоевский жестко критикует буржуазный индивидуализм. Он описывает людей, замученных идеей „переступить черту“ дозволенного, бунтовать любым способом, чтобы утвердить абсолютную личную свободу <...>. Он глубокий психолог, имеющий дар провидения»³⁷. Нгуен Ким Динь и Нгуен Хай Ха с осторожностью относятся к так называемой «достоевщине» как «крайней психологии, потенциально отходящей от реализма к натуралистической патологии»³⁸ и подчеркивают «стремление к гармонии» у Достоевского. «Открытие сложности внутреннего мира человека» и «эстетики абсурда»³⁹ у Достоевского уже не смущают исследователей.

Лэ Шон (Lê Sơn) сравнивает Достоевского с «доктором, который точно прогнозирует общественные болезни, дает рецепт и лекарство»⁴⁰.

Именно «глубокая пропасть» и «огромная бездна» в душах персонажей Достоевского оцениваются Чан Тхи Бонг Зьау (Trần Thị Bông Giầu) как черты, присущие «модернистскому», «экзистенциалистскому роману», и как предупреждение писателя о наступлении «морального хаоса человечества, проникнутого атеизмом и агрессией»⁴¹.

До Хай Фонг (Đỗ Hải Phong) в статье о «Бесах» также пишет о страшном пророчестве в этом «романе-предупреждении» Достоевского, объясняя психологические импульсы персонажей сложностью

³⁵ Nguyễn Kim Đính. F. M. Dostoievski // Lịch sử văn học Nga. Hà Nội, 1990. T. 2. Phần 2. Tr. 15.

³⁶ Ibid. Tr. 38.

³⁷ Nguyễn Hải Hà. Khát vọng hài hòa // Báo Văn nghệ. 1981. 14 Tháng 10. Tr. 5.

³⁸ Nguyễn Kim Đính. F. M. Dostoievski. Tr. 16.

³⁹ Đỗ Đức Dục. Stendal và Dostoievski — hai bậc thầy của tiểu thuyết tâm lý // Kỷ yếu Hội thảo khoa học ĐHKH Huế. Huế, 1988. Tr. 96.

⁴⁰ Sáng tác của Dostoievski — những tiếp cận từ nhiều phía. Thông tin khoa học xã hội. Hà Nội, 2000. Tr. 4.

⁴¹ Trần Thị Bông Giầu. Từ «Người đàn ông dưới hầm» đến «Raskolnikov» trong tiểu thuyết Dostoievski // Giao điểm. 2004. N 10. [Электронный ресурс] <http://tranthibonggiay.net/3-KienThucVanHoc/html/nguoidanong.html> (дата обращения 14.01.14).

идеологической системы писателя, подчеркивая обращенный ко всему человечеству призыв Достоевского к «ответственности за идеи»⁴².

Та же тема соотношения реализма и психологизма у Достоевского звучит в трудах литературоведа Фам Винь Кы (Phạm Vĩnh Cư), отрицающего психоаналитический и фрейдистский подходы к изучению жизни и творчества Достоевского. Он утверждает: «У Достоевского психоанализ не является самоцелью, но средством открытия духовного мира, мира идей, убеждений, заполняющих душу и определяющих поступки людей»⁴³. Исследователь так объясняет «фантастический реализм», «реализм в высшем смысле» великого писателя: «Достоевский умеет живо и правдиво описывать реальность, увиденную глазами и ощущаемую чувствами <...>, но художественная цель Достоевского в другом. Он стремится к первостепенной реальности, реальности сущности, определяющей явления. Этот реализм, как правило, отбрасывает многие внешние, легко увиденные явления жизни, жертвует „правдоподобием“, обращается к исключенному, фантастическому, чтобы найти сущность, ибо там сконцентрированы „проклятые вопросы“ человечества, которые незаметны в обычных явлениях»⁴⁴. В ранней статье (1982 г.) о «Преступлении и наказании» Фам Винь Кы отмечает пафос социального протеста Раскольникова и Катерины «во имя справедливости» в «бунте» как «сигнале завтрашней бури», восхваляя «гения писателя, следующего больше за диалектической логикой жизни, чем за метафизически-религиозными убеждениями»⁴⁵. В более поздней статье 2001 г. исследователь замечает: «Если в предыдущие десятилетия общественное сознание увлекали волнующие мятежи, негативные прогнозы, пророчества Достоевского, отрицательное начало в его творчестве, то сегодня человеческое сознание с каждым днем становится более чутким к его убеждениям, к свету идеала и веры Достоевского»⁴⁶. С этой точки зрения, в анализе произведений Достоевского Фам Винь Кы подчеркивает «социальную сентиментальность» в «Бедных людях», видит веру в воскресенье не только в финале «Преступления и наказания», но и в «Идиоте», сочувствует «одностороннему оптимизму», «благообразию» Макара Долгорукого в «Подростке» и «деятельной любви» старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» как надежде самого Достоевского на «воскресенье всего человечества ради бессмертной жизни

⁴² Đỗ Hải Phong. Bàn lại về vấn đề Dostoevski và tư tưởng cách mạng dân chủ Nga những năm 1870 qua tác phẩm «Lũ người quỉ ám» // Kỷ yếu Hội thảo khoa học kỷ niệm 80 năm Cách mạng Tháng 10 Nga. Hà Nội, 1997. Tr. 133–141.

⁴³ Phạm Vĩnh Cư. Dostoevski — sự nghiệp và di sản // Văn học nước ngoài. 2001. N 6. Tr. 154.

⁴⁴ Ibid. Tr. 143

⁴⁵ Phạm Vĩnh Cư. Lời giới thiệu // Dostoevski F.M. Tội ác và hình phạt. T. 1. Hà Nội, 1982. Tr. 13.

⁴⁶ Phạm Vĩnh Cư. Dostoevski — sự nghiệp và di sản. Tr. 135.

Истины, Доброты и Красоты»⁴⁷. Именно в свете идеалов Достоевского Фам Винь Кы отвергает мнение о тождестве идей «богостроителя» Достоевского и «богоборца» Ницше⁴⁸.

Пытаясь найти нить, объединяющую реалиста, психолога, идеолога и пророка Достоевского, несколько акцентируя идею Достоевского о «народной почве», в своей монографии о творчестве Достоевского (2006 г.) До Хай Фонг (Đỗ Hải Phong) определяет идеалы писателя: «Достоевский верит, что сознание силы Красоты (для него она тождественна Добrote, Человечности) и народной „почвы“ — спасение для человека. После страшных, хаотических колебаний человек найдет свой путь к сознательной соборной любви и гармонии <...>. Творчество Достоевского полно предчувствия такого будущего»⁴⁹.

Нарратологический подход к творчеству Достоевского основан на научном интересе к поэтической системе писателя. Интерес к такому аспекту возник во многом благодаря концепциям «романа-трагедии» Вяч. Иванова и «полифонического романа» М. М. Бахтина. Вслед за теоретиками литературы достоеведы Нгуен Ким Динь, Фам Винь Кы, Нгуен Хай Ха подвергли аналитическому разбору вопрос о композиции и поэтике романа Достоевского. Нгуен Ким Динь рассматривает феномен «двойничества» в системе персонажей «Преступления и наказания»⁵⁰. До Хай Фонг развил этот тезис до «композиционного принципа, одновременно и центростремительного, и центробежного», охватывающего и окружающую действительность, и ее отзвуки в самосознании центрального героя⁵¹. Лэ Хонг Ха (Lê Hồng Hà) в специальной статье пишет о «двойничестве как способе выражения внутреннего мира персонажей» в основном на материале «Двойника»⁵².

Вопрос способа изображения и устройства композиции непосредственно связан с построением повествования и фигурой нарратора. Диссертация До Хай Фонга «Проблема Хроникера в творчестве Достоевского» (Волгоград, 1996) углубляет собственно нарратологический аспект поэтики Достоевского. В этой работе исследователь проследил эволюцию формы повествования со складывающимся своеобразием выявленного «динамичного» нарратора — посредника в творчестве Достоевского. До Хай Фонг выделяет четыре модели «позиций» повествователя (Хроникер — очевидец, Хроникер — «медиум слухов», Хроникер — «открытый автор» и Хроникер — «скрытый автор»), а так-

⁴⁷ Ibid. Tr. 175.

⁴⁸ Ibid. Tr. 156.

⁴⁹ *Đỗ Hải Phong*. Tác gia tác phẩm văn học nước ngoài trong nhà trường: F. M. Dostoevski. Hà Nội, 2006. Tr. 77.

⁵⁰ *Nguyễn Kim Đình*. F. M. Dostoevski. Tr. 39.

⁵¹ *Đỗ Hải Phong*. Tác gia tác phẩm văn học nước ngoài trong nhà trường: F. M. Dostoevski. Tr. 75–76.

⁵² *Lê Hồng Hà*. Bản ngã thứ hai, phương thức thể hiện nội tâm nhân vật của Dostoevski // Văn học nước ngoài. 2001. N 6. Tr. 180–188.

же определяет многоступенчатую организацию соотношения «ликов» Хроникера с абстрактным автором и предметами рассказа. При этом исследователь подчеркивает, что разноликость Хроникера — лишь видимое свойство в *статичном* состоянии повествования, в *динамичной* же совокупности точек зрения Хроникера отражается его глубинное интегрирующее качество — гибридность. «Вмонтированность» временных пластов и синтетичность описания субъективно переживаемого и объективно существующего пространств определяют структурную гибридность образа Хроникера. Хроникер смешивает различные повествовательные позиции и своим единым сознанием объединяет их в одно целое. В целом рассказ Хроникера можно оценить как творческую деятельность человека, познающего и переживающего за судьбу мира. В смене ликов Хроникера — «динамичного нарратора» (он же — гибридный образ) отражается история его развития, его путь познания. Таким образом, в едином гибридном Хроникере совершаются сочетание и смена объективного и субъективного, снимаются противоречия между художником-реалистом и мыслителем-пророком. Также через этот образ, дополняя Бахтина, можно утвердить значение «категории становления» в творчестве Достоевского. Проследив дальнейшую эволюцию образа Хроникера — Антона Лаврентьевича — в «Бесах», как «пытливого русского мальчика», До Хай Фонг заметил: «В „Подростке“ Достоевский делает ищущего русского мальчика главным героем романа, в „Братьях Карамазовых“ он берет многие черты Антона Лаврентьевича для создания образа Алеша»⁵³.

Рецептивный подход к творчеству Достоевского с конца 1990-х гг. не ограничивается изучением фактов восприятия, осмысления, подчеркиванием своевременности произведений писателя для эпохи и народа, но направлен на то, чтобы «выяснить соотношение писатель–произведение–читатель, определить и представить уровни эстетического вкуса, рецептивные зоны, эстетические дистанции между поколениями»⁵⁴. Перспективными в этом смысле оказываются работы таких исследователей, как Фам Тхи Фыонг (Phạm Thị Phương), Чан Тхи Фыонг Фыонг (Trần Thị Phương Phương), Чан Тхи Куинь Нга (Trần Thị Quỳnh Nga), которые изучали явления переложения и стилизации под романы Достоевского в произведениях вьетнамских писателей. Интерес представляет изучение проблемы «непереводимости» стиля писателя и неизбежности его потери в переводах (Фам Тхи Фыонг), а также опыта рецепции Достоевского в России и в мире в разные эпохи, которое провели Выонг Ть Ньян (Vương Trí Nhàn), Чан Тхи Фыонг Фыонг и Фам Тхи Фыонг. Можно также выделить типологическое сравнение

⁵³ *Đỗ Hải Phong*. Vấn đề người kể chuyện Chroniker trong sáng tác của F. M. Dostoevski (Luận án TS Ngữ văn). Volgograd, 1996. Tr. 145.

⁵⁴ *Phạm Thị Phương*. Vấn đề tiếp nhận Dostoevski tại Việt Nam: Luận án TS Ngữ văn. TP. Hồ Chí Minh, 2002. Tr. 2.

Достоевского с другими мировыми писателями в восприятии современного читателя — этот вопрос исследовали Лэ Шон, До Хай Фонг. Отметим антилогоцентрическое деконструктивистское прочтение поэмы Ивана о Великом инквизиторе как образца «текста текстов», которое сделал Фам Нгок Лан (Phạm Ngọc Lan). Немаловажны попытки исследователей, таких как Лэ Нгок Ча (Lê Ngọc Trà) и Нгуен Фьонг Кьет (Nguyễn Phương Kiệt), выявить, что лежит в основе интереса нынешнего читателя к творчеству Достоевского — современность, религиозность или художественная сила?

Следует заметить, что общее число исследовательских работ о Достоевском во Вьетнаме с 1975 г. до настоящего времени сравнительно невелико, однако их научная ценность и культурное значение неуклонно повышаются.

Вьетнамские писатели после 1975 г. все чаще обращаются к Достоевскому как литературному учителю. Влияние на их творчество оказывают такие особенности произведений Достоевского, как образы двойников, герои с парадоксальным самосознанием, совмещающие в себе противоположные начала, образы юродивых, людей, несовместимых с обществом, мотивы «случайного семейства», описания снов, пафос преодоления «хаоса». Следуя за Достоевским, современные вьетнамские писатели строят модели «мира без Бога», изображают тоску по утраченным идеалам красоты и счастья. Следы влияния Достоевского можно видеть в творчестве Нгуен Минь Чау (Nguyễn Minh Châu) («Картина», «Базар Зьят»), Нгуен Хуи Тхьеп (Nguyễn Huy Thiệp) («Без короля», «Преступление и наказание»), Нгуен Вьет Ха (Nguyễn Việt Hà) («Шанс Бога»), Та Зуи Ань (Tạ Duy Anh) («В поисках героя») и др.

* * *

Можно заключить, что почти век общения с творчеством Достоевского принес Вьетнаму немало пользы. Особенно ценным культурным обретением оказались «социальная сентиментальность» писателя, его боль за униженных и оскорбленных, утопическая мечта о соборной, «деятельной любви». Трудно сказать, чем определяется этот выбор. Нгуен Фьонг Кьет пытается объяснить: «мы более чутки к сентиментальности, чем к философичности»⁵⁵. Возможно, это так, но, может быть, и не только так. Окончательного ответа пока нет. Диалог с Достоевским во Вьетнаме продолжается.

⁵⁵ Nguyễn Phương Kiệt. Dostoevsky trong thế giới hiện đại // Talawas [Электронный ресурс]. 8/3/2008. www.talawas.org/talaDB/showFile.php?res=12501&rb=0103

Э. ЭГЕБЕРГ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО В НОРВЕГИИ И ДАНИИ

На протяжении четырехсот лет Дания и Норвегия составляли единое государство, но и после расторжения датско-норвежской унии в 1814 г. датский язык около века оставался литературным языком Норвегии. В 1907, 1917 и 1938 гг. в Норвегии были осуществлены реформы в орфографии, подчеркивающие норвежские морфологические и фонетические особенности, но тем не менее и сегодня датчане и норвежцы без труда могут читать книги, изданные на датском или норвежском языках. Стоит отметить, что долгое время Копенгаген снабжал Норвегию книгами; и лишь в начале прошлого века в Кристиании (ныне Осло) появились первые крупные норвежские издательства. Эти обстоятельства нужно иметь в виду, когда речь идет о науке и культуре Дании и Норвегии.

Первый русский роман, изданный на норвежском языке — это роман Достоевского «Преступление и наказание», он вышел в 1883 г. в переводе с немецкого, однако прошло немало времени, пока не появилось первое норвежское исследование творчества Достоевского. Причина заключалась в том, что в стране не было достаточного числа филологов, способных освоить произведения русского писателя на языке оригинала, анализировать его творческое наследие. Здесь отметим труды проф. Олафа Брока (Olaf Broch), языковеда, специалиста по фонетике, служившего в университете в Осло с 1896 г., который много сделал в области популяризации лучших произведений русской литературы. Обладая большой эрудицией и в совершенстве владея русским языком, он занимался переводческой работой, плодами которой явились добротные норвежские версии «Анны Карениной» Л. Н. Толстого (1911) и «Братьев Карамазовых» Достоевского (1915; этот перевод переиздавался вплоть до начала 1990-х гг.).

Первую в Норвегии монографию о творчестве Достоевского написал Мартин Гран (Martin Gran) (1877–1938), преподаватель гимназии, талантливый русист-самоучка, который овладел русским языком самостоятельно, после завершения курса в университете. В 1922 г. в свет вышло его исследование «Творчество молодого Достоевского»¹. Книга

¹ *Gran M. Dostojevskis ungdomsverker. Kristiania, 1922. 155 p.*

Грана примечательна не только тем, что является одним из первых исследований, специально посвященных творчеству раннего Достоевского, но и тем, что она — первая норвежская докторская диссертация в области славянской филологии². О своем труде Гран пишет: «Задача данной работы — провести критический анализ творчества Достоевского в докаторжный период, чтобы доказать, что общепринятые оценки его творчества 1845–1849 гг. могут быть ошибочны, а их поверхностный характер обусловлен в частности тем, что в расчет берутся не столько вопросы творческого развития писателя, сколько различные побочные факторы. Невысокая оценка произведений раннего Достоевского связана с надуманной гипотезой о качественном изменении его мировоззрения во время сибирской каторги и ссылки. Данное исследование должно показать, что из ссылки вернулся не некий „новый Достоевский“, но в новую Россию (пришел или вернулся) тот же самый писатель, который был туда отправлен»³.

Исследование Грана построено по хронологическому принципу, каждой повести и рассказу, начиная с «Бедных людей» и кончая «Маленьким героем», уделяется глава или часть главы, в которой дается аналитическое описание композиции и сюжета произведения, особенностей поэтического языка. Особое внимание исследователь обратил на систему персонажей каждого из произведений, прежде всего на те черты, которые являются общими для творчества Достоевского раннего и послекаторжного периодов. В заключительной главе Гран приводит свои наблюдения в систему, обобщает и делает выводы, а также описывает ряд цитаций в рассматриваемых текстах из произведений О. де Бальзака, Жорж Санд, Э. Т. А. Гофмана и др. Несмотря на небольшие размеры, исследование Грана содержит немало точных наблюдений и верных выводов, которые имеют право на интерес к ним современных исследователей Достоевского.

Одновременно с исследованием Грана из печати вышел роман «Оттар Врейке», ставший дебютом молодого писателя Эрика Крага (Erik Krag) (1902–1987), представителя династии известных норвежских писателей⁴. Влияние Достоевского на автора этого произведения чувствуется едва ли не на каждой странице романа. Кроме того, в 1952 г. на сцене Национального театра Осло была поставлена его пьеса «Свадьба маленького человека»⁵, которая являлась инсценировкой рассказа Достоевского «Скверный анекдот». Однако своей основной професси-

² Вопрос о присвоении О. Броку ученой степени доктора оказался непростым: университет Кристиании, куда молодым ученым была подана диссертация, не смог из-за недостатка средств пригласить ранее намеченного официального оппонента, датчанина В. Томсена (Vilhelm Thomsen). Однако впоследствии Броку было присвоено звание почетного доктора Карлова университета (Прага).

³ *Gran M. Dostojevskis ungdomsverker*. P. 7.

⁴ *Krag E. Ottar Wreike*. Kristiania, 1922.

⁵ *Krag E. En liten manns bryllup*. Oslo, 1952.

ей Краг выбрал не искусство, а науку: в 1928 г. он стал магистром, а в 1932 г. — доктором философии, защитив диссертацию «Борьба против Запада в русской интеллектуальной жизни»⁶. С 1938 г. Краг в качестве доцента, а затем профессора университета Осло преподавал в нем русскую литературу. В 1934 г. им было опубликовано исследование раннего периода творчества Л. Н. Толстого (в том числе романа «Война и мир»), а в 1962 г. — монография «Достоевский»⁷. Важно отметить, что научный метод Крага не подразумевал включение в творческое наследие писателя его биографии: «вряд ли имеет смысл писать книгу, трактующую и биографию, и литературную деятельность писателя. <...> Я сделал свой выбор: речь пойдет о творчестве Достоевского»⁸.

В основу книги о Достоевском Краг положил лекции, прочитанные им в университете Осло в 1955–1957 гг. Они вызывали большой интерес не только у студентов и фактически превращались в публичные выступления. Книга Крага о Достоевском также была благожелательно встречена публикой, которая смогла познакомиться в ней с полным описанием творчества русского писателя за весь период его жизни. Краг детально исследует историю создания каждого произведения Достоевского, дает критический анализ отзывов современников о нем, анализирует место, которое заняло произведение в литературно-художественной жизни этого периода. Но особое внимание исследователя было обращено на идеологию и художественный метод писателя, его контекстуальные связи с мировой литературой. Своей популярностью книга обязана еще и тому, что из нее не исчезло то риторическое богатство, эмоциональное звучание авторского голоса, которые обеспечили Крагу успех во время чтения им университетских лекций о Достоевском. Успех этой книги подчеркивается тем, что в 1973 г. она вышла в английском переводе⁹.

К моменту, когда вышла в свет книга Крага, уже был издан на норвежском языке основательный, но недостаточно оцененный труд о Достоевском — небольшая монография «Достоевский и нигилизм» Сигурда Фастинга Якобсена (Sigurd Fasting Jacobsen) (1922–1982, с 1965 г. — С. Фастинг)¹⁰. В период работы над своим исследованием ее автор был сотрудником Бергенской университетской библиотеки, а с 1970 г. — первым профессором русского языка и литературы того же университета, где и служил вплоть до 1982 г., когда автомобильная катастрофа оборвала его жизнь. В начале 1980-х гг. Фастинг работал над дополненной и исправленной версией своей книги о Достоевском, которая затем была посмертно издана его другом Юстином Бёртнесом

⁶ *Krag E. Kampen mot Vesten i russisk åndsliv*. Oslo, 1932.

⁷ *Krag E. Dostojevskij*. Oslo, 1962. 380 p.

⁸ *Ibid.* P. 3.

⁹ *Krag E. Dostoevsky. The Literary Artist*. Oslo, 1976.

¹⁰ *Fasting Jacobsen S. Dostojevskij og nihilismen*. Bergen, 1956. 46 p.

(Jostein Bortnes) (род. 1937), который был в 1982–2007 гг. профессором Бергенского университета¹¹.

Своеобразие исследования Фастинга в обеих его версиях состоит в том, что автор в предельно сжатом виде сумел систематически описать мировоззрение Достоевского, его характерную систему ценностей, в центре которой находится моральный идеал Иисуса Христа. Книга была с большим энтузиазмом встречена читателем, а Брок выразил мнение, что ее автор заслуживает присуждения ему докторской степени. Ученую степень доктора Фастинг получил много позже, защитив диссертацию о В. Г. Белинском¹². Характерной чертой его исследований является умение привлекать к анализу широкий круг литературных и философских текстов; глубокая эрудиция автора и способность к научным обобщениям позволяют ему в сжатом и чрезвычайно информативном виде представить на должном уровне важнейшие черты творческого метода писателя.

Следует отметить, что число студентов, изучающих русский язык, стало заметно возрастать с начала 1960-х гг., и вокруг проф. Крага сформировалась группа молодых ученых, которые с энтузиазмом проводили различные научные мероприятия, связанные с изучением творчества Достоевского и других русских писателей, издавали научные сборники. В ряде случаев ими руководил проф. Гейр Хьетсо (Geir Kjetsaa) (1937–2008).

Важным событием, благотворно повлиявшим на изучение биографии и творчества Достоевского в Норвегии, стало учреждение в 1963 г. Международного общества Достоевского (The International Dostoevsky Society, IDS). Среди членов-основателей был и Фастинг, сумевший привлечь к сотрудничеству с Обществом молодых литературоведов: например, уже упомянутых Бёртнеса и Хьетсо (который был его вице-президентом с 1983 г.), Эрика Эгеберга (Erik Egeberg, род. 1941) (занимавшего должность исполнительного секретаря общества в 1989–2001 гг.) и ряд других.

После ухода проф. Крага в 1970 г. на заслуженный отдых кафедру русской литературы университета Осло занял проф. Хьетсо. В 1980 г. вышла его книга «Очищение через страдание» о романе «Братья Карамазовы»¹³. Продолжением основной идеи этой книги стала монография «Достоевский — жизнь писателя»¹⁴, которой было положено начало серии книг исследователя о русских писателях¹⁵. Книги этой серии, построенные по одинаковой композиционной схеме, сочетают

¹¹ *Fasting S. Dostojevskij / Utgitt med et forord av J. Bortnes.* Oslo, 1983. 111 p.

¹² *Fasting S. V. G. Belinskij. Die Entwicklung seiner Literaturtheorie.* Bergen, 1972.

¹³ *Kjetsaa G. Lutring gjennom lidelse. Om Dostojevskijs «Brødrene Karamazov».* Oslo, 1980. 103 p.

¹⁴ *Kjetsaa G. Dostojevskij — et dikterliv.* Oslo, 1985. 423 p. Книга переведена на ряд языков (английский, немецкий, испанский и др.).

¹⁵ О Гоголе (1990), Горьком (1994; рус. пер. 1997), Толстом (1999), Чехове (2004).

описание ключевых моментов творческого пути писателя с аналитическим рассмотрением смысла его произведений. Упомянутая книга Хьетсо о Достоевском, по мнению критики и публики, является лучшим норвежским исследованием творчества писателя. Очевидно, что богатая жизненными перипетиями жизнь писателя представляет собой привлекательный материал и для биографа, и для писателя, задумавшего создать биографический роман. В связи с этим следует заметить, что Хьетсо отрицательно относился к попыткам вольных интерпретаций фактов биографии Достоевского, ратуя за документальную точность в изложении обстоятельств жизни писателя. Кроме того, читатель книги Хьетсо не может не ощутить, что вопросы, которые в свое время волновали Достоевского, столь же важны и для его биографа. Именно это, по-видимому, дало повод Виктору Террасу (Victor Terras), бывшему вице-президенту IDS, назвать книгу Хьетсо «лучшим в мире описанием жизни и творчества Достоевского»¹⁶.

Особенностью научного метода Хьетсо является стремление к разработке максимально точных научных данных, это свойство привело его первым в Норвегии к изучению возможностей применения статистических методов в литературоведении. Вместе с группой коллег из скандинавских стран в 1981 г. он опубликовал книгу «Авторство „Тихого Дона“», где использование сравнительно-статистического анализа языка романа вместе с текстами Ф. Крюкова и произведениями М. Шолохова помогло решить сложный вопрос о принадлежности произведения перу Шолохова¹⁷. Позже те же методы Хьетсо применил для решения проблемы текстов, приписываемых Достоевскому. Проведенный им статистический анализ привлеченного материала показал, что исследуемые тексты составляют две довольно четко различимые группы, каждая из которых обладает набором характерных признаков, и только одну из них можно отнести к принадлежащим перу Достоевского¹⁸.

Стремление привлечь в гуманитарную науку больше точности побудило исследователя к скрупулезному изучению экземпляра Нового Завета, подаренного Достоевскому Н. Д. Фонвизиной в Тобольске. Впервые был сделан точный учетный анализ не только текста, но и разного рода помет, сделанных рукой писателя. Тем самым был образован банк научных данных, который служил и служит сейчас основой для изучения того влияния, которое оказала книга на писателя во времена его десятилетней каторги и ссылки¹⁹.

Исследовательский метод Ю. Бёртнеса заметно отличается от метода его ровесника Хьетсо. Прежде чем переехать в Берген, Бёртнес несколько

¹⁶ Terras V. «The Idiot». An Interpretation. Boston, 1990. P. 99.

¹⁷ Kjetsaa G. et al. The Authorship of «The Quiet Don» // Slavica Norvegica. 1984. N 1.

¹⁸ Хьетсо Г. Принадлежность Достоевскому. К вопросу об атрибуции Ф. М. Достоевскому анонимных статей в журналах «Время» и «Эпоха» // Slavica Norvegica. 1986. Т. 4. 82 с.

¹⁹ Kjetsaa G. Dostoevsky and his New Testament // Slavica Norvegica. 1984. Vol. 3. 82 p.

лет преподавал общее литературоведение в университете Осло, затем русскую литературу в Кембриджском университете, одновременно работая над диссертацией о житийном жанре в древнерусской литературе²⁰. Исследование это, очевидно, не имело прямого тематического отношения к творчеству Достоевского, однако вместе с тем работа над диссертацией подготавливала исследователя к будущим достоевдоведческим «штудиям». Уже в одной из своих первых работ о писателе, статье «Алеша и новая жизнь»²¹, Бёртнес применяет опыт изучения русской агиографии в истолковании последнего романа Достоевского, тем самым предлагая новые направления в норвежском достоевдоведении. Итогом проведенной им работы стало доказательство принципиального сходства между литературным портретом главного героя «Братьев Карамазовых» и каноном древнерусских икон и житий святых. Несмотря на то что изучение творчества Достоевского является основной темой научных поисков Бёртнеса, он не подготовил большой монографии о творчестве писателя, опубликовав лишь два больших сборника своих статей: на норвежском языке — «Полифония и карнавал»²², на английском — «Поэзия прозы»²³.

Научная проблематика, которой посвящены вышеуказанные книги Бёртнеса, связана с историей и поэтикой русской литературы, в том числе произведений Достоевского. В статье «Религия и искусство в русском романе» автор уделяет особое внимание поздним романам Достоевского, в тексте которых Бёртнес выявляет повторяющуюся поэтическую символику — «жизнь — кризис — новая жизнь»²⁴. В статье «Функция агиографии в романах Достоевского» он сопоставляет характеры двух персонажей Достоевского — Родиона Раскольникова и Алеши Карамазова, — показывая, что их жизненный путь связан с агиографической сюжетной схемой, которая была обнаружена Бёртнесом в предыдущей главе²⁵. Делается вывод, что два несхожих героя Достоевского имеют общий аллюзивный адрес в житийном каноне «судьбы святого».

В трех статьях своего «английского» сборника Бёртнес сосредоточивает внимание на противоречивых чертах, характеризующих героя романа «Идиот» князя Мышкина, который предстает в концепции исследователя в несколько ином свете, чем это было принято в трудах многих других авторов, например Хьетсо. В статье «Мужское гомоэротическое желание в „Идиоте“»²⁶ Бёртнес рассматривает треугольник «Мышкин — Настасья Филипповна — Рогожин» в свете теории

²⁰ Børtnes J. Vision of Glory. Studies in Early Russian Hagiography // Slavica Norvegica. 1988. Vol. 5.

²¹ Børtnes J. Aljosa og det nye liv // Edda. 1968. N 1 (68). P. 8–16.

²² Børtnes J. Polyfoni og karneval. Essays om litteratur. Oslo, 1993. 301 p.

²³ Børtnes J. The Poetry of Prose. Readings in Russian Literature // Slavica Bergensia. 2007. Vol. 8. 211 p.

²⁴ Børtnes J. Polyfoni og karneval. P. 52–89.

²⁵ Ibid. P. 90–96.

²⁶ Børtnes J. The Poetry of Prose. P. 137–151.

Р. Жирара об «опосредованном желании», а в двух остальных, «Дураки у Достоевского — святые и несвятые»²⁷ и «„Идиот“ Достоевского и поэтика пустоты»²⁸ он подвергает развернутой критике известный взгляд на Мышкина как «святого» или даже как своего рода представителя Христа. Соотнося сюжетную репрезентацию Мышкина, сформулированную Достоевским, с религиозно-философскими дискуссиями о Христе, которых было столь много на протяжении всего XIX в., Бёртнес делает вывод, что в характере князя Мышкина заключена мысль о несостоятельности известной трактовки Христа как «идеального человека», лишённого трансцендентального основания. Согласно мысли исследователя, юродство Мышкина лишено оправдания типа «Христа ради», т. е. не связано с религиозным подвигом, поэтому Бёртнес делает вывод о формулировании Достоевским идеи «ложного Христа» (*mock-Christ*)²⁹.

Аналитическое изучение романа «Идиот» находится в центре внимания исследователя потому, что это произведение предоставляет превосходный материал для философско-эстетических рассуждений о месте христианского идеала в мировоззрении и художественном мире Достоевского. Другим произведением писателя, дающим материал такого рода и постоянно находящимся в центре внимания исследователя, является роман «Братья Карамазовы». В статье «Полифония в „Братьях Карамазовых“». Тема с вариациями»³⁰ он анализирует «большие романы» Достоевского, активно привлекая к своей работе теоретическое наследие М. М. Бахтина.

В данной статье Бёртнес находит добавочные аргументы в пользу концепции Бахтина об особой «многоголосности» романов Достоевского, недооцененной, по его мнению, некоторыми литературоведами, а также критически осмысляет ее, уточняет и развивает основную мысль. Цель своего исследования он определяет следующими словами, в которых нетрудно обнаружить сходство с воззрениями Фастинга: «заново определить образ Христа у Достоевского как „порождающую модель“ его полифонического романа»³¹.

Согласно логике, обнаруженной исследователем в «Братьях Карамазовых», бесы стремятся туда, где более всего очевидно действие Духа Святого. Деятельности этой негативной силы Достоевский посвящает роман «Бесы», и это тема последней из статей Бёртнеса о Достоевском в сборнике «Поэтика прозы»: «Последнее заблуждение в бесконечной очереди заблуждений. Ставрогин и символическая структура „Бесов“»³². Основное внимание в этой работе автор уделяет

²⁷ Ibid. P. 109–125.

²⁸ Ibid. P. 126–136.

²⁹ Ibid. P. 124.

³⁰ Ibid. P. 97–108.

³¹ Ibid. P. 101.

³² Ibid. P. 152–165.

феноменологии идолопоклонства, разрабатываемой и практически внедряемой Петром Верховенским и его «пятеркой» по отношению к Николаю Ставрогину, который, в свою очередь, находится внутри парадигмы идолопоклонства следующего уровня, с обратным знаком, в старшем поколении — матери Николая Ставрогина по отношению к отцу Петра Верховенского, Степану Трофимовичу. Автор показывает этическую и онтологическую пустоту бесовства, основанного на формировании «кумира», что по своему смыслу близко к трактовке образа князя Мышкина в концепциях Бёртнеса.

Изыщными логическими конструкциями, которые Бёртнес вычленяет из произведений Достоевского, уточняются и расширяются смыслы, которые вкладывал Достоевский в свои произведения. В ряде случаев Бёртнес предлагает нам парадоксальные трактовки, которые кажутся не объяснением, но заменой идее писателя. Но и эти спорные концепции всегда являются результатом глубокого анализа произведений Достоевского, который основан на применении адекватных исследовательских методов и на незаурядной литературной и историко-культурной компетентности автора.

В конце прошлого века в Норвегии были опубликованы две книги о Достоевском. Первая из них, «Достоевский. Писатель в поисках формы»³³, написана Эгебергом, в 1977–2011 гг. — профессором университета Тромсё. В этой работе предпринята попытка выявить в творческом пути Достоевского зарождение и генезис того специфического варианта романного жанра, который был окончательно выработан писателем к концу 1880-х гг. Особое внимание в исследовании уделяется произведениям 1850-х — первой половины 1860-х гг.

Последняя по времени книга о Достоевском, изданная в Норвегии, написана журналистом Петером Норманном Воге (Peter Normann Waage, род. 1953), автором ряда книг по вопросам истории культуры, в том числе магистерской диссертации «Невидимый материк. Владимир Соловьев как философ Европы»³⁴. Свою книгу о Достоевском³⁵ Воге характеризует не как биографию, но как «эссе», цель которого — познакомить «с Достоевским читателя, проявляющего интерес к его творчеству»³⁶. Книга привлекает читателя живой, увлекательной манерой изложения, а также попыткой объединить в одно целое факты из жизни писателя с философскими выводами из его произведений. Чисто литературоведческий аспект — изучение поэтики Достоевского — исследователь оставляет в стороне. Таким

³³ *Egeberg E. Dostojevskij: en dikter søker sin form.* Oslo: Vidarforlagets kulturbibliotek, 1995. 189 p.

³⁴ *Waage N.P. Det usynlige kontinent. Vladimir Solovjov som Europas filosof.* Oslo, 1988.

³⁵ *Waage N.P. Fjodor M. Dostojevskij.* Oslo, 1997. 259 p.; русский перевод: *Воге П. Н. Достоевский. Свержение идолов.* СПб., 2003. 255 с.

³⁶ *Waage N.P. Fjodor M. Dostojevskij.* P. 7.

образом, в книге Воге мы встречаем обсуждение тех же самых вопросов, что и в работах Хьетсо, Фастинга, Бёртнеса, однако обнаруживаем иные приоритеты и иной взгляд на писателя. Что касается образа Христа, столь важного для понимания идеологии Достоевского, Воге не раз подчеркивает его значение в роли существенной морально-психологической опоры человека, однако трактовка им характера князя Мышкина отличается от предложенной, например, Бёртнесом. Согласно мнению Воге, Мышкину «не хватает не столько божественной святости и милосердия, сколько земной, по-человечески двусмысленной жизненности»³⁷. Последний роман Достоевского, «Братья Карамазовы», предоставляет Воге особенно большие возможности для истолкования различных форм проявления идеологии Достоевского. Выполняя эту задачу, он обращается к философии Вл. Соловьева, применяя выразительный метафорический стиль: «Братья Карамазовы» уподобляются большому готическому кафедральному собору. Такое сравнение, как известно, не ново, об этом еще в 1920-е гг. писал А. В. Луначарский.

В 1970–1980-е гг. группой молодых литературоведов, учеников Крага, был опубликован ряд сборников статей о русской литературе, два из них посвящены творчеству Достоевского. В первый — «Роман Достоевского о Раскольнике»³⁸ — вошли тринадцать статей, среди которых «Достоевский и загадка Раскольника» Крага, «Раскольник и Свидригайлов» А. Д. Перминова, «Сновидения и галлюцинации в „Преступлении и наказании“» Эгеберга и др. Второй сборник — «Вдоль и поперек по миру Достоевского»³⁹ — содержит одиннадцать статей по разным вопросам, связанным с отдельными произведениями или с творчеством писателя в целом: например, «Христология и роман — некоторые проблемы поэтики Достоевского» Бёртнеса, «Мечтатель у Достоевского» Хьетсо, «Николай Ставрогин и трагедия беспочвенности» С. Гиля и др.

Следует отметить, что ученые, выпустившие в свет монографии и сборники своих работ, как правило, подытоживают в них результаты своих прежних исследований. Но наряду с такими книгами существуют и разбросанные по разным изданиям научные работы, которые представляют новые концепции и подходы к изучению творчества Достоевского. Среди них: «Чаадаев и Достоевский. Элементы христоцентрической философии истории» Гуннара Опейде (Gunnar Opeide)⁴⁰,

³⁷ Ibid. P. 169.

³⁸ Dostojevskijs roman om Raskolnikov. En artikkelsamling om «Forbrytelse og straff» / Under redaksjon av G. Kjetsaa. Oslo, 1973. 178 p.

³⁹ Streiftog i Dostojevskijs verden. En artikkelsamling / Under redaksjon av E. Egeberg, S. Fasting, G. Kjetsaa og A. D. Perminow. Oslo, 1982. 233 p.

⁴⁰ Opeide G. Caadaev and Dostoevskij. Elements of a Christocentric Philosophy of History // Life and Text. Essays in Honour of Geir Kjetsaa on the Occasion of his 60th Birthday / Eds. E. Egeberg, A. J. Mørch, O. M. Selberg. Oslo: Universitetet i Oslo, 1997.

«„Я гораздо умнее написанного“». Об апофатических стратегиях и словесных экспериментах у Достоевского» Ингунн Лунде (Ingunn Lunde)⁴¹.

Говоря об изданиях, связанных с изучением творчества Достоевского в Норвегии, нельзя не упомянуть о том, что в 1990–1994 гг. издательством «Солум» было опубликовано полное собрание сочинений Достоевского на норвежском языке, насчитывающее двадцать девять томов, десять из которых переведены Хьетсо. В это издание входят не только все художественные произведения, но и «Дневник писателя» и значительный подбор писем (два тома); помимо текстов Достоевского, тома содержат вводные статьи о конкретных произведениях.

Итак, при первых подступах норвежской филологии к изучению жизни и творчества Достоевского в центре внимания оказались его ранние выступления на литературном поприще. Далее исследователи перешли к «большим» романам писателя, изучению его литературно-философских взглядов в целом и в связи с отдельными произведениями или всем корпусом его текстов.

Что касается восприятия творчества Достоевского норвежскими писателями и литературными критиками, лучшим описанием этого восприятия можно считать небольшую книгу Мартина Нага (Martin Nag, род. 1927) «Становление репутации Достоевского в Норвегии»⁴², в которой собраны высказывания ряда норвежских деятелей культуры о сочинениях и личности русского писателя. Впоследствии им были опубликованы специальные исследования влияния Достоевского на творчество писателей К. Гамсуна⁴³ и С. Обстфельдера⁴⁴.

* * *

Если сосредоточенное исследование жизни и творчества Достоевского можно назвать приоритетным занятием норвежских литературоведов-русистов, то в Дании обстановка иная, за последние сорок-пятьдесят лет Достоевскому посвящено относительно мало исследовательских трудов.

Важную роль в деле популяризации творчества Достоевского в Дании сыграл инженер Эйнар Томассен (Ejnar Thomassen, 1881–1977). В 1909–1914 гг. он жил и работал в России, а в 1920-е гг. приступил к переводу сочинений Достоевского на датский язык. В 1965–1966 гг. вышло двадцатичетырехтомное издание переводов, сделанных Томассеном,

⁴¹ Lunde I. «Ja gorazdo umnee napisannogo». On Apophatic Strategies and Verbal Experiments in Dostoevsky's «A Raw Youth» // Slavonic and East European Review. 2001. Vol. 79. N 2. P. 264–289.

⁴² Nag M. Dostojevskijs gjennombrudd i Norge. Oslo: Universitetet i Oslo, 1977. 54 p.

⁴³ Nag M. Hamsun og Dostojevskij // Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk avdeling. Meddelelser. 1993. N 93. 72 p.

⁴⁴ Nag M. Obstfelder og Dostojevskij. Studier i intertekstualitet // Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk avdeling. 1995. N 95. 57 p.

куда вошли художественные произведения и публицистика русского писателя. Это издание пользовалось широкой популярностью и в Норвегии, особенно до появления в 1990-е гг. упомянутого выше норвежского полного собрания сочинений Достоевского. Томассен не ограничился переводом творений русского писателя, живой интерес к русской культуре побудил его к написанию книги об истории русской литературы и о биографии Достоевского⁴⁵, в которой драматичная жизнь писателя изображена в самых ярких красках. Причем Томассен предупреждает своих читателей о том, что пишет не литературоведческое исследование, но биографию писателя. В его книге мало говорится о произведениях Достоевского, зато большое внимание уделяется становлению его личности, его взглядов на мир, человека и общество.

До известной степени такая характеристика подходит и к исследованиям, проведенным близким другом Томассена, богословом Кнудом Хансеном (Knud Hansen, 1898–1996), автором монографии «Достоевский»⁴⁶. В предисловии Хансен подчеркивает, что книга «не предусматривает доскональное истолкование визионерского аспекта в творчестве Достоевского, но является лишь изложением читательского опыта человека, не обладающего специальными литературно-эстетическими познаниями»⁴⁷. Это высказывание показывает, что Хансен не стремится к объективности, в его методе синтетическое начало явно преобладает над аналитическим. В этом труде обрисована картина мировоззрения и идеологии Достоевского, сходная с той, которую мы обнаруживаем у большинства других исследователей, но, в отличие от более сжатых научных изложений, у Хансена мы находим множество больших цитат (в переводе Томассена), а также вторичных переложений, связующих утверждения автора с той первоосновой, на которой они базируются.

Среди датских литературоведов-славистов, занимавшихся изучением творчества Достоевского, первым упомянем имя Адольфа Стендер-Петерсена (Adolf Stender-Petersen, 1893–1953), который был с 1941 г. профессором Орхусского университета. В изданной им трехтомной «Истории русской литературы» он определил специфику литературно-эстетических взглядов Достоевского при помощи термина «психологический реализм», объясняя его отличие от «сатирического реализма» Салтыкова-Щедрина и «поэтического реализма» Тургенева⁴⁸. Это определение не значит, что Стендер-Петерсен занимается только аспектом психологизма в произведениях Достоевского. Напротив, главы его «Истории», посвященные творчеству Достоевского⁴⁹, содержат целый ряд

⁴⁵ *Thomassen E. Dostojevskij. En Livsskildring. København, 1940. 274 p.* Издано в Осло на норвежском языке в 1947 г.

⁴⁶ *Hansen K. Dostojevskij. København, 1973. 467 p.*

⁴⁷ *Ibid. P. 7.*

⁴⁸ *Stender-Petersen A. Den russiske litteraturs historie. København, 1952.* Переиздано на немецком языке в 1967 г.

⁴⁹ *Ibid. T. 3. P. 67–89.*

точных наблюдений о поэтическом языке писателя, а также описание применяемых им художественных приемов, причем особое значение приписывается феномену «катастрофы» в построении сюжета. Подчеркивается также прием сочетаемости противоречивых элементов в литературном портрете персонажа, а также в построении композиции романов и в «идеологической системе» Достоевского, которого Стендер-Петерсен называет «исполинского размера ироником и создателем парадоксов». Рассчитывая на читателя, хорошо знакомого с творчеством Достоевского, исследователь не утруждает себя большим числом цитат и ссылок, в результате чего ему удается в тесных рамках двадцати страниц создать достаточно полную характеристику Достоевского как художника слова.

Несколько подробнее рассматривает ряд аспектов жизни и творчества Достоевского Карл Стиф (Carl Stief, 1914–1998), в 1954–1984 гг. профессор Копенгагенского университета, один из членов-основателей и вице-президентов IDS. Его исследование «Русский нигилизм»⁵⁰ опирается не только на произведения Достоевского, тем не менее оно касается вопросов, важных для понимания интеллектуальной среды, в которой вращался Достоевский и с которой он боролся. Вторая книга Стифа — «Контрасты и связи»⁵¹ — содержит три статьи, написанные в жанре эссе. В первой из них автор рассматривает разные аспекты спора М. Горького с Достоевским и его наследием относительно значения страдания в жизни человека. По мнению Стифа, обратной стороной неприятия Горьким страдания и смирения является возвеличение гордого и сильного человека, оставившее свой отпечаток на эстетике (и этике) социалистического реализма. В своей второй работе Стиф исследует то, как Достоевский изображает рациональный подход к жизни («по уму», по теории, по расписанию) в сравнении с интуитивной «живой жизнью» у ряда других писателей — Толстого, Достоевского, Замятина, Пастернака, Солженицына. «Живая жизнь» у каждого из них имеет свою особую окраску: у Достоевского — религиозную, у Толстого — первобытно-животную и т. д.

Заключительное эссе в книге названо «Тургенев в романе Достоевского „Бесы“», на самом же деле исследование посвящено изучению отношений двух писателей от первой их встречи вплоть до последнего высказывания Тургенева о своем коллеге и сопернике по перу. Если сравнить эти три работы Стифа, являющиеся интерпретацией произведений Достоевского, с другими работами, современными и более ранними, то можно лучше понять некоторые черты личности Достоевского и особенности его произведений, не столь очевидно вы-

⁵⁰ Stief C. Den russiske nihilism. Baggrunden for Dostoevskijs roman «De besatte». København, 1969. 204 p.

⁵¹ Stief C. Kontraster og sammenhænge. Tre studier i russisk litteratur. København, 1976. 66 p.

ступающие в обыкновенных биографиях, и получить притом ряд достаточно органичных описаний разных сторон русской культуры.

Эйгил Стеффенсен (Eigil Steffensen, 1927–2011), профессор университетов в Оденсе и Копенгагене, известен тем, что в 1970 г. читал серию лекций о великих романах Достоевского по датскому радио; в следующем году эти лекции в переработанном виде вышли отдельной книгой⁵². Научная общественность Дании признала за Стеффенсеном, в 1967 г. защитившим диссертацию о Гоголе, точность мысли и умение в сжатой форме передавать сложное содержание литературного произведения.

Книга Пребена Виллядсена (Preben Villadsen, род. в 1946) «Подпольный человек и Раскольников», вышедшая в свет в 1981 г.⁵³, является попыткой выявить параллели в личностном развитии двух названных литературных героев и тем самым объяснить трагическую коллизию, образующую сюжеты «Записок из подполья» и «Преступления и наказания». Разумеется, Раскольников и «подпольный человек» являются героями произведений, принадлежащих к разным литературным жанрам. В своем исследовании Виллядсен не уделяет этому обстоятельству особого внимания; зато Тине Роэсен (Tine Roesen, род. в 1967) в своей неопубликованной докторской диссертации «Раненые искусства»⁵⁴ сосредоточивает свой интерес как раз на жанровой специфике докторжных сочинений Достоевского. В итоге выясняется, что термины «роман», «повесть», «рассказ» — не просто случайные ярлыки, но сигналы, указывающие на определенное отношение рассказчика к повествованию. Подробный анализ отдельных произведений (не только ранних) дан исследователем в целом ряде работ.

Подобно норвежскому достоеведению, датская наука о литературе также обладает «своей» особой темой, а именно: «Достоевский и Сёрен Кьеркегор». Будучи современниками, эти два выдающихся писателя и философа не знали о существовании друг друга, однако в их мировоззрениях можно увидеть немало точек соприкосновения. Этой темой особенно активно занимается Алексей Фришман (род. в 1951), представляющий резюме своих исследований в статье «Достоевский и Кьеркегор: Диалог и молчание»⁵⁵.

В заключение следует указать на исследовательскую работу, стоящую немного особняком в скандинавской славистике, а именно: на статью Петера Алберга Йенсена (Peter Alberg Jensen, род. в 1943), с 1984 г. профессора Стокгольмского университета, датчанина и выпускника Копенгагенского университета. В его работе «Фикциональность

⁵² Steffensen E. Dostojevskijs store romaner. København, 1971. 91 p.

⁵³ Villadsen P. The Underground Man and Raskolnikov. A Comparative Study. Odense: Odense University Press, 1981. 159 p.

⁵⁴ Roesen T. Casualties of Art. Narrators, Stories and Kinds of Addressivity in Dostoevsky's Early Works (1846–1849). Copenhagen, 2000. 182 p.

⁵⁵ Scando-Slavica. 1993. Vol. 39. P. 107–121.

Достоевского — и фикциональность языка»⁵⁶, посвященной формату нарратива писателя, содержится наблюдение, что в произведениях Достоевского фабульная «история» передается читателю опосредованно — через слухи, реплики рассказчика, случайные мнения того или другого персонажа. В последней части своей статьи автор применяет эту концепцию к анализу «Братьев Карамазовых», утверждая, что если в авторе предисловия видеть не самого Достоевского, а созданного им фиктивного повествователя и, принимая за правду слова этого персонажа о своем «романе», рассматривать всё последующее именно как роман этого анонима, то снимаются все проблемы, возникающие при ином чтении произведения.

⁵⁶ *Jensen P.A. Dostojevskijs fikcionalitet — og sprogets // Svantevit. 1999. Vol. 20. N 2. P. 7–30. См. также: Йенсен П. А. Появление из ничего... кроме слов. Заметки о фикциональности Достоевского // Поэтика, история литературы, лингвистика. Сб. к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 1999. С. 169–176.*

Х. ФЛЕМБЕРГ

ДОСТОЕВСКИЙ В ШВЕЦИИ С 1970-х гг. ДО НАШИХ ДНЕЙ

В Швеции творчество Достоевского всегда было достаточно популярно. Начиная с 1970 г. его произведения, иногда одновременно в различных переводах, выходят из печати в двух десятках различных издательств, тиражами от двух до десяти тысяч экземпляров. В 1980-е гг. в стране было выпущено двадцать четыре издания различных произведений Достоевского, что намного больше, чем произведений других русских классиков (в переводе на шведский вышло лишь семь изданий Л. Н. Толстого и только шесть изданий И. С. Тургенева). Лучшие переводы Достоевского представили Э. Руделиус, Л. Э. Блумквист, Н. О. Нильссон, Х. Бьоркегрэн, С. Даль, У. Росеен, Б. Самуельсон и К. О. Линдстен¹. Основные области, где чувствуется влияние творчества Достоевского на культурную жизнь Швеции — художественная литература и научно-филологическая работа, включая преподавание творчества русского писателя в высших и средних учебных заведениях.

1970-е гг.

Основной темой дискуссий в шведской публицистике 1960-х гг. были вопросы социальной и эстетической коммуникации. Общество освободилось от модернистских моделей 1940-х гг., устало от напряженной идеологической борьбы между различными политическими партиями, в общественной жизни проявилось стремление к открытому диалогу по широкому кругу проблем, достижению взаимопонимания между людьми. С этими тенденциями, на наш взгляд, связан интерес читающей публики и к творчеству Достоевского. В течение 1970-х гг. были изданы в новых переводах все романы Достоевского

¹ Например: *Rydellius E.* Brott och straff. Stockholm, 1972, 1973; *Blomqvist L. E.* Fattigt folk. Örebro, 2009; *Nilsson N. Å.* Stavrogins brott. Stockholm, 1968; *Björkegren H.* Brott och straff. Stockholm, 1979; *Dahl S.* Bröderna Karamazov. Stockholm, 1986; *Roseen U.* Idioten. Stockholm, 1988; *Samuelsson B.* En liten hjälte. Lund, 2011; *Öberg Lindsten K.* Vinteranteckningar om sommarintryck. Löderup, 2010.

(кроме «Подростка»)², а также ряд повестей и рассказов: «Двойник», «Сон смешного человека», «Дядюшкин сон», «Бесы», «Мальчик у Христа на елке»³. В 1974 г. была впервые издана переведенная еще в 1948 г. повесть «Записки из подполья» с предисловием Нильссона⁴. Причем «Двойник» и «Преступление и наказание» вышли в пяти различных изданиях⁵.

Ряд свидетельств об изучении произведений Достоевского в шведских учебных заведениях оставили литераторы Л. Ахлин (1915–1997), Й. Пальм (род. в 1931 г.), Л. Андерссон (род. в 1954 г.), Л. Густафссон (род. в 1936 г.), К. Экман (род. в 1933 г.) и Э. Я. Линдер (1906–1994)⁶. Согласно мнению Й. Пальма, на уроках литературы в шведской школе Достоевский в ряде случаев был представлен как «один из многих», но временами — как «безоговорочно» один⁷. Э. Я. Линдер обнаружил преемственную связь между Достоевским и Д. Андерссоном (1888–1920), который подвергся влиянию эстетики и художественного метода русского писателя⁸. Множество цитат и аллюзий на творчество Достоевского оставили в своих текстах Л. Андерссон и Х. Гранлид (1936–1999)⁹, а также Л. Гилленстен (1921–2006)¹⁰. Характеры героев русского писателя, например Сони Мармеладовой, подвергались обсуждению в нравственно-философском аспекте в работе Л. Густафссона¹¹. С. Фагерберг (1918–2006) в своем очерке «Бронзовые лошади» (1973) сосредоточил внимание на диалоге между Великим инквизитом, Алешей и Христом в романе «Братья Карамазовы»¹².

Известный писатель и литературовед С. Дельблан (1931–1992) многие годы сосредоточенно изучал творчество Достоевского. Согласно его мнению, в романах русского писателя получила выражение проблема экзистенциального выбора между кратким мигмом внутренней

² См.: *Åkerström H. Bibliografi över rysk skönlitteratur översatt till svenska*. Göteborg, 2009.

³ *Dubbelgångaren* (Stockholm, 1970, 1974, 1977), *En komisk människas dröm* (Стокгольм, 1970), *Onda Andar* (1973), ...alla de som inte får någon julgran på jorden // *Sagor om julen* (Стокгольм, 1974).

⁴ *Anteckningar från ett källarhål* (Stockholm, 1948, 1974).

⁵ *Dubbelgångaren* (Stockholm, 1970, 1974, 1977), там же (Helsingborg, 1970); *Brott och straff* (Stockholm, 1971, 1972, 1973, 1979), там же (Helsingborg, 1971).

⁶ *Ahlin L. Dagens Nyheter* 16/7 1948. С. 3; *Andersson L. Vi lever våra spel*. Stockholm, 1976. С. 9; *Gustafsson L. En biodlares död*. Стокгольм, 1978. С. 195; К. Экман посылает автору сообщение по электронной почте от 1 мая 2011 г.: «Чтение, которое продолжается годь»; *Linder E. Hj. Mitt levande förflutna*. Stockholm, 1975. С. 155.

⁷ *Dagbok (år 1950) // Eriksson L. Man måste ha sin prövosten*. Stockholm, 1982. С. 9.

⁸ *Andersson D. Samlade skrifter* T. V. Stockholm, 1934. С. 234.

⁹ *Linder E. Hj. Mitt levande förflutna*. Stockholm, 1975; *Andersson L. Vi lever våra spel*. Stockholm, 1976; *Granlid H. O. Mottagning*. Stockholm, 1970.

¹⁰ *Gustafsson L. En biodlares död*. Stockholm, 1978; *Gyllensten L. Baklängesminnen*. Stockholm, 1978; *Gyllensten L. Lapptäcken Livstecken*. Stockholm, 1976.

¹¹ *Gyllensten L. Baklängesminnen*. Stockholm, 1978. С. 85.

¹² *Fagerberg S. Bronshästarna*. Stockholm, 1973. С. 144.

свободы и реальным существованием в условиях изоляции человека от общества. Свою концепцию шведский исследователь развивал, опираясь на известную главу «Великий инквизитор» из романа «Братья Карамазовы»¹³. Эти же идеи Дельблан использовал и в своем художественном творчестве: когда Аксель, главный персонаж его первого произведения «Рак-отшельник», возвращается в Тюрьму и целует Начальника в уста, это выглядит как реминисценция из романа Достоевского. Далее этот же мотив встречается и в рассказе «Жизненный колос» (1991)¹⁴.

В своем очерке 1980 г. Дельблан выражает свое восхищение Достоевским как коммуникативным «диктатором», но отнюдь не «пропагандистом»¹⁵, указывая тем самым на собственные художественно-эстетические предпочтения. Действительно, Дельблан осознанно опирался на художественные концепции Достоевского, и особенно часто — при изображении конфликта между добром и злом, в отрицании или утверждении существования Бога. Образ Великого инквизитора представлял ему основу для репрезентации того трагического мироощущения, которое всегда изначально было присуще шведскому писателю. На наш взгляд, здесь можно говорить не только о влиянии Достоевского, но и о типологической связи между философско-эстетическими моделями двух писателей, что особенно ясно проявилось в «Жизненном колесе» Дельблана¹⁶.

Очевидно повлияло творчество Достоевского на литературную деятельность Б. Тротзиг (1929–2011), ссылки на произведения Достоевского одинаково часты и в ее художественных произведениях¹⁷, и в публицистических работах¹⁸. Согласно ее мнению, творчество русского писателя, с его особым «чувством смысла», является оптимистической альтернативой в ситуации культурного хаоса, в который погружена Европа¹⁹. В своих произведениях она выразила свое понимание христианства и сформировала на этом пути ряд литературных персонажей, находящихся в пороговых ситуациях. Согласно ее концепции, голос человека имеет право быть услышанным вне зависимости от того, в каком морально-психологическом состоянии этот человек находится²⁰.

¹³ Например, *Delblanc S. Eremitkräftan*. Stockholm, 1962; *Delblanc S. Livets ax*. Stockholm, 1991.

¹⁴ *Delblanc S. Eremitkräftan*. Stockholm, 1962. S. 140; *Delblanc S. Livets ax*. Stockholm, 1991. S. 214.

¹⁵ *Delblanc S. Dostojevskij // Författarnas litteraturhistoria. De utländska författarna 2*. Stockholm, 1980. S. 256–266.

¹⁶ *Delblanc S. Eremitkräftan*. Stockholm, 1962. S. 140; *Delblanc S. Livets ax*. Stockholm, 1991. S. 214.

¹⁷ Например, в рассказе «Stadens själ» (1975).

¹⁸ *Trotzig B. Jaget och världen*. 1977; *Trotzig B. Ett landskap*. 1959; *Trotzig B. Utkast och förslag*. 1962.

¹⁹ *Trotzig B. Dikt och ideologi. Hållpunkter*, 1975.

²⁰ *Trotzig B. Den svåra dialogen // Dagens Nyheter*. 1965. 14 Feb. S. 4.

Особое внимание в своих произведениях Тротзиг уделяла христианской символике, запечатленной в библейских образах, здесь особенно заметно влияние русского писателя на ее творчество²¹.

Первым шведским филологом-славистом, сосредоточившим свои усилия в изучении истории русской литературы, стал Н. О. Нильссон²², первый президент Международного общества Достоевского (1971–1977). Он перевел на шведский язык и опубликовал несколько произведений Достоевского, а также несколько исследовательских работ о творчестве писателя²³.

Следует отметить, что шведские литературоведы с большей охотой занимаются вопросами современной шведской литературной жизни, чем историей зарубежной литературы, в частности темой «Достоевский в Швеции». Исключение составляет вступительная глава к диссертации Х.-Й. Экмана «Юмор, гротеск и плутовской роман... Исследования реализма Ларса Ахлина» (Уппсала, 1975), которая содержит ценные наблюдения о стремлении Достоевского использовать гротеск как стилистическое средство, соединяющее контрастные образы²⁴.

Благодаря многочисленным публикациям исследователей Достоевского в популярных изданиях, известность русского писателя в Швеции неуклонно возрастает. Профессор Гётеборгского университета М. Лjunggren с 2002 г. опубликовал более десятка статей, посвященных творчеству Достоевского, в том числе влиянию русского писателя на развитие литературного таланта Г. Фрëдинге (1860–1911), а также истории взаимоотношений Достоевского с А. Е. Врангелем²⁵. Л. Клеберг, профессор колледжа «Сёдертёрн», опубликовал отклик-рецензию на издание романа «Преступление и наказание» в серии «Литературные памятники», отметив превосходную текстологическую работу, проделанную Л. Д. Опульской и Г. Ф. Коган²⁶.

В ряде шведских исследовательских работ уточнена история создания некоторых произведений Достоевского. В статье «Анархия и Достоевский. Столетняя память» (1973) профессор Э. Й. Линдер обратил внимание читателей на опубликованное М. Конфино в 1966 г. письмо

²¹ Trotzig B. Dostojevskij ett idolporträtt // Författarnas litteraturhistoria. De utländska författarna 2. S. 269–282.

²² О нем см.: Högtidsföreläsningar. 25/11 1994, Inst för slaviska och baltiska språk, Stockholm Universitet. Stockholm, 1995; Birgergård U. The history of slavistics in Sweden // Contributions à l'histoire. Wien, 2005. P. 151–196.

²³ Dostojevskij: en samlingsvolym / Urval, förord N. Å. Nilsson, öv C. Borelius-Rohnström. Stockholm, 1960.

²⁴ Ekman H.-G. Humor, grotesk och pikaresk. Studier i Lars Ahlins realism. Uppsala, 1975. S. 29.

²⁵ Ljunggren M. Fröding // Svenska Dagbladet. 2007. 27 Mars. S. 7; Ljunggren M. Wrangel // Svenska Dagbladet. 2007. 20 Juni. S. 8.

²⁶ Kleberg L. Samlaren. Uppsala, 1971.

Бакунина, адресованное С. Нечаеву, как на возможный документальный источник романа Достоевского «Бесы»²⁷.

С. Линнер, профессор литературы университета в Обу, опубликовал монографию «Старец Зосима из „Братьев Карамазовых“»²⁸, в которой проанализировал становление взглядов Достоевского на его пути к изображению положительного персонажа. Начиная с 1957 г. Линнер регулярно публиковал статьи и рецензии, связанные с творчеством Достоевского, а также издал монографию «Достоевский о реализме»²⁹. В задачу этого исследования входило обнаружение художественных средств, благодаря которым старец Тихон в «Бесах» вызывает доверие у читателя, в то время как некоторые черты Тихона, по мнению Линнера, этому не способствуют. Исследователь обратился также и к образу старца Зосимы, утверждая, что типологически этот персонаж Достоевского связан не только с православными традициями, но и с литературной традицией эпохи Просвещения, представленной Руссо, Голдсмитом и Гёте. Линнер подчеркивает сходство между Зосимом и епископом Мюриелем из романа В. Гюго «Отверженные»³⁰. Последние три главы книги посвящены «посланию» Зосимы, его идеям о смысле жизни, бессмертии и воскресении, отношениям между человеком и обществом. Линнер утверждает, что концепция «жизни» занимает важное место в философских, литературных и теологических традициях, которым следует Достоевский, содержится в самом имени старца Зосимы и является важной частью выстраиваемой романистом теодицеи. Глава книги о вере в Воскресение завершает философский анализ романа «Братья Карамазовы». Здесь использованы также материалы из «Дневника писателя» Достоевского, которые усиливают тезис Линнера об аполитичности и эсхатологизме писателя, его отказе от рационализма и прагматической этики³¹. Исследование, проведенное Линнером, получило впоследствии мировую известность и стало началом систематического научного изучения творчества Достоевского в Швеции.

Статья Н. О. Нильссона «Достоевский в Бад-Эмсе» (1978) посвящена изучению вопроса, касающегося биографии писателя: произошла ли его встреча летом 1875 г. в Эмсе с шведским библиотекарем, чье имя оказалось записано рядом с именем писателя в документах находящегося неподалеку курортного городка³²? Большое исследование К. Э. Лагерлёфа «Достоевский. Жизнь и поэзия»³³ базируется на статьях, опубликованных с 1969 г., и включает в себя основательные данные о биографии

²⁷ Linder E. Hj. Anarkismen och Dostojevskij // Årsbok för kristen humanism. Uppsala, 1973. S. 61–67.

²⁸ Linnér S. Starets Zosima in «The Brothers Karamazov». Stockholm, 1975.

²⁹ Linnér S. Dostoevskij on Realism. Stockholm, 1967.

³⁰ Linnér S. Starets Zosima in «The Brothers Karamazov». Stockholm, 1975. S. 112, 122.

³¹ Ibid. S. 188, 212.

³² Nilsson N. Å. Dostojevskij i Bad Ems // Rysk kulturrevy. Bromma, 1978. F. 4, 5.

³³ Lagerlöf K. E. Dostojevskij. Liv och dikt. Stockholm, 1978. S. 24, 40.

и творческом пути Достоевского, почерпнутые из труднодоступных источников. Написанная в научно-популярном стиле, монография, тем не менее имеет серьезный научный потенциал, насыщена богатым фактическим материалом и иллюстрациями. Хронология жизни Достоевского переплетается здесь с аналитическим обзором его творчества, взглядов писателя на вопросы философии и искусства. Книга оказалась востребована читающей публикой; новое, исправленное и дополненное издание вышло в 2008 г.³⁴

Среди другого типа филологических работ, фиксирующих влияние творчества Достоевского на шведскую филологическую культуру, следует отметить библиографию русской художественной литературы, переведенную на шведский язык в 1976 г. Х. Окерстрёмом (библиотека Гётеборгского университета), где собраны печатные издания о Достоевском на шведском языке, включая исследовательские и научно-популярные тексты³⁵.

1980-е гг.

В 1980-е гг. в Швеции были опубликованы все большие романы Достоевского за исключением «Бесов», а также «Игрок», «Дядюшкин сон», «Бедные люди», «Вечный муж», «Неточка Незванова», «Записки из подполья» и «Кроткая»³⁶. «Идиот» и «Братья Карамазовы» были заново переведены на шведский язык³⁷. Стоит отметить, что за это десятилетие «Идиот» вышел в шести различных изданиях, «Преступление и наказание» — в четырех, «Подросток» — в двух³⁸.

Продолжалось освоение творчества Достоевского шведскими литераторами. Л. Ахлин открыл для себя произведения Достоевского еще в юности, в 1930 г., обнаружив в них поддержку в преодолении власти ложных ценностей, которые разбивают цельность жизни на фрагменты и разрушают связи между людьми. Опираясь на возможности искусства слова, Ахлин осознанно использовал в своем творчестве опыт христианского видения мира, принятого Достоевским, исповедуя идею, что художник выполняет в обществе роль «идентификатора» культурных ценностей и коммуникативного «посредника»³⁹.

³⁴ Lagerlöf K. E. Dostojevskij. Liv och dikt. Stockholm, 2008.

³⁵ Åkerström H. Bibliografi över rysk skönlitteratur översatt till svenska. Göteborg, 1976.

³⁶ Spelaren (Uddevalla, 1984; Stockholm, 1988); Farbrors dröm (Stockholm, 1983); Arma människor (Uddevalla, 1984); Den evige äkta mannen (Uddevalla, 1985); Netotjka Nezvanova (Uddevalla, 1985); Anteckningar från källarhållet (Stockholm, 1985, 1986, 1989); Den anspråklösa (Örebro, 1987).

³⁷ Idioten (Стокгольм, 1988, 1989); Bröderna Karamazov (Stockholm, 1986, 1987).

³⁸ Idioten (Höganäs, 1980; Стокгольм, 1980, 1988, 1989); Brott och straff (Stockholm 1980, 1982, 1983, 1988); Ynglingen (Stockholm 1988, 1989).

³⁹ Ahlin L. Om ordkonstens kris. Stockholm, 1945. F. 1.

В известном в Швеции учебном пособии «История зарубежной литературы» одновременно сосуществуют две главы, посвященные Достоевскому и рассказывающие о нем с различных точек зрения — «Достоевский» С. Дельблана и «Достоевский — портрет кумира» Б. Тротзиг⁴⁰.

100-летию со дня смерти писателя в 1981 г. стокийский журнал «Наш выкуп» посвятил обзор, в котором детальному анализу были подвергнуты материалы симпозиумов по творчеству Достоевского, организованных в фонде Сигтуны⁴¹.

В статье К. Улофсона «Существует ли полифония у Достоевского?» (1981) анализируется известная книга М. М. Бахтина о Достоевском⁴².

В своей работе «Раскольников: о расколе пути к целостности в „Преступлении и наказании“ Достоевского. Религиозно-психологическое исследование»⁴³ У. Викстрём, профессор религиозной психологии университета в Уппсале, пытается интерпретировать персонажей этого романа при помощи метода психоанализа К. Г. Юнга, делая выводы об общем психологическом значении религии. Данное исследование ведется на стыке литературоведения и религиозной психологии, при этом «традиционная психология» подвергается критике Г. Х. фон Райтом (G. H. von Wright) и Э. Лагерутом (E. Lagerroth)⁴⁴. Викстрём анализирует значимость жестов и телесных знаков во внешнем облике Раскольникова, обнаруживая признаки характерной символики, связывающей сферу сознательного с бессознательным.

Книга «Достоевский. Святые лики и мистика жизни» является шведским изданием работ Линнера, которое дополнено обширной вводной главой о пути Достоевского от места казни к национальной славе⁴⁵. Исследовательский подход Линнера, с 1980 по 1985 г. представлявшего Швецию в Международном обществе Достоевского, подробно рассмотрен в обзоре «Достоевский как пророк и изобразитель святых» Й. Сундена⁴⁶.

Статья Л. Э. Блумквиста и М. Льюнгрена «Хороший друг Достоевского в Казахстане» повествует о жизни Ч. Валиханова, который много значил для писателя во время его изгнания⁴⁷.

⁴⁰ Författarnas litteraturhistoria, De utländska författarna 2. Södertälje, 1980; *Delblanc S. Dostojevskij*. S. 256–266; *Trotzig B.* «Dostojevskij ett idolporträtt», S. 269–282.

⁴¹ Х. Ф. Силен писал здесь об атеизме Ивана Карамазова в связи с книгой С. Р. Сазерленда (*Sutherland S. Atheism and the Rejection of God*. Oxford, 1977). См. о том же в журнале «Наш выкуп» (1981. № 1. С. 42).

⁴² *Olofsson K.* Polyfonin hos Dostojevskij — finns den? // *Svantevit*. 1981. Т. VII. F. 1, 5.

⁴³ *Wikström O.* Raskolnikov: om den klivnes väg till helhet i Dostojevskijs Brott och straff. En religionspsykologisk studie. Lund, 1982.

⁴⁴ *Ibid.* S. 22, 27.

⁴⁵ *Linnér S.* Helgonbild och livsmystik. Stockholm, 1982.

⁴⁶ *Sundén Hj.* Dostojevskij som profet och helgonskildrare // *Årsbok för kristen humanism*. Uppsala, 1983. S. 101–110.

⁴⁷ *Blomqvist L. E., Ljunggren M.* Dostojevskijs gode vän i Kazakstan // *Rysk kulturrevy*. 1985. N 1. S. 10–14.

В статье П.-А. Будина «Достоевский перед судом» анализу подвергнуты данные о причастности писателя к делу М. В. Буташевича-Петрашевского, приводятся цитаты из его показаний и приговора⁴⁸.

В 1987 г. Будин издает книгу о «Братьях Карамазовых» Достоевского — «Мир как икона. Восемь докладов о русских православных духовных традициях»⁴⁹. Исследование, написанное в жанре эссе, разъясняет различные аспекты творчества Достоевского и традиций русской литературы в целом. В главе «Русская душа: загадка и истолкование» из книги «Россия. Идеи и личности» содержится раздел о религиозных исканиях персонажей Достоевского⁵⁰.

Значительную часть книги Х. Левандера «Трое русских: Гоголь, Достоевский и Чехов» составляет текст о жизни и творчестве Достоевского; особенностью стиля этого исследования является пристрастие к деталям при небольшом стремлении к общим выводам и заключениям⁵¹.

1990-е гг.

1990-е гг. в шведской литературной жизни ознаменовались доминированием произведений малых и средних повествовательных жанров, рассказов и повестей. В области науки о литературе произошли изменения — агрессивное внедрение эстетики постмодернизма сочеталось с угасанием интереса к теоретической поэтике, всё большую популярность стали обретать биографические исследования.

В эти годы были изданы четыре крупных романа Достоевского, среди которых «Бесы» в новом переводе⁵². Кроме того, выходят «Двойник», «Записки из Мертвого дома», «Дядюшкин сон», «Скверный анекдот», «У Тихона», «Игрок», «Дневник писателя»⁵³.

Влияние творчества Достоевского на литературную жизнь Швеции в эти годы не ослабло. Прозаик П. Похьянен⁵⁴ в своем получив-

⁴⁸ Bodin P.-A. Dostojevskij inför rätta // Ibid. 1985. N 4. S. 10–14.

⁴⁹ Den oväntade glädjen. Sju studier i den rysk-ortodoxa andliga traditionen. Skellefteå, 1991; Ryssland och Europa. En kulturhistorisk studie. Stockholm, 1993 (reviderad 2006); Historien och evigheten. Essäer om Ryssland. Skellefteå, 2005; Skruden och nakenheten. Essäer om Ryssland. Skellefteå, 2009.

⁵⁰ Bodin P.-A. Ryssland. Idéer och identiteter. Skellefteå, 2000.

⁵¹ Levander H. Tre ryssar: Gogol, Dostojevskij, Tjechov. Stockholm, 1988.

⁵² Brott och straff (Stockholm 1990, 1997, 1998); Idioten (Stockholm 1991, 1992, 1997, 1998); Onda Andar (Stockholm 1990, 1991, 1999); Bröderna Karamazov (Stockholm 1990, 1997, 1998).

⁵³ Dubbelgångaren (Stockholm 1991), Anteckningar från Döda huset (Göteborg 1993), Farbrors dröm (Stockholm 1991), En otäck historia (Stockholm 1996), Stavrogins brott (Stockholm 1993); Spelaren (Stockholm 1993); En författares dagbok (Stockholm 1994).

⁵⁴ Впоследствии получивший сан священника Русской Православной церкви (о. Бенедикт, 2004).

шем несколько литературных наград романе «Серебряная торпеда»⁵⁵ проанализировал с точки зрения художника явления вероломства и насилия над человеком, сочетая это с попыткой по-новому поставить вопросы смысла жизни и веры в Бога. Роман содержит ряд цитат и аллюзий на «Преступление и наказание» и «Братьев Карамазовых»⁵⁶.

Одиночество главного героя романа К. Хольмстрема «Третий камень от солнца»⁵⁷, как показал Б. Г. Янсон⁵⁸, сильно напоминает такое по смыслу состояние героя «Преступления и наказания» Раскольникова.

В 1991 г. вышло третье издание монографии Л. Кьельберга «Россия — страна классических романов»⁵⁹. Эту книгу с большим успехом использовали студенты отделений славистики шведских университетов. В книге помимо основных фактов истории русской литературы, относящихся к 1820–1917 гг., и историко-биографических очерков творчества более чем двадцати русских писателей содержится набор важных сведений об административном делении, общественно-культурной жизни, транспортной системе и других сферах жизни России XIX в.

В 1990-х гг. в шведском переводе вышла известная работа М. М. Бахтина «Поэтика Достоевского»⁶⁰, а также книга воспоминаний А. Г. Достоевской о своем муже с введением и комментариями К. Улофсон⁶¹.

В 1992–1999 гг. Х. Флемберг был скандинавским представителем Международного общества Достоевского.

В 1994 г. вышел тематический выпуск журнала «Ариел», посвященный Достоевскому, содержащий двенадцать статей о творчестве писателя⁶². В этом номере журнала А. Улофсон написал о «Подростке», профессор И. Алгулин — об «Униженном отце», М. Льюнгрен — о «Достоевском в Швейцарии» и проф. Х. Люндбэк — об «Эпилепсии Достоевского».

⁵⁵ *Pohjanen B.* Silvertorpeden. Stockholm, 1992.

⁵⁶ *Ibid.* S. 139, 165, 211.

⁵⁷ *Holmström Cl.* Tredje stenen från solen. Stockholm, 1994.

⁵⁸ *Jansson B. G.* Nedslag i 1990-talets svenska prosa. Falun, 1998.

⁵⁹ *Kjellberg L.* Den klassiska romanens Ryssland. Göteborg, 1964; 1970; 1991.

⁶⁰ *Бахтин М.* Поэзия Достоевского / Пер. Ю. Оберга, Л. Фюра. Гётеборг, 1991 (второе исправленное издание вышло в 2010 г.).

⁶¹ *Достоевская А. Г.* Моя жизнь с Достоевским. Стокгольм, 1992.

⁶² Достоевский Психологический Политический Исторический Литературный // *Ariel*. 1993. N 6; 1994. N 1: *Powys J. C.* Dostojevskij. S. 4–7; *Olofsson A.* En bro till det tjugonde århundradet. S. 8–12; *Algulin I.* Den förnedrade fadern. C. 13–15, 62–63; *Wikström O.* Skuldens ofrånkomlighet och medlidandets styrka. S. 16–19, 62; *Ljunggren M.* Dostojevskij i Schweiz. S. 20–21, 62; *Berger J.* En yrkeshemlighet. S. 22–23; *Dahl S.* Mitt liv som översättare. S. 24–25; *Othman H.* Aljosja Karamazov predestinerad till tsarmördare? S. 26–28; *Lundbäck H.* Dostojevskijs epilepsi. S. 29–33; *Othman H.* 'Dostojevskij och judarna. S. 34–39; *Berdjajev N.* Om Dostojevskij Revolution Socialism. S. 40–43; *Flemberg H.* Sviken eller förstådd. S. 44–46.

Редактор Х. Оттман из Обу (Турку) рассмотрел тему «Достоевский и евреи», одну из нескольких тем о писателе, к которой он регулярно возвращается. В этот период вышли и другие работы Оттмана⁶³.

С середины 1990-х гг. в центре внимания шведской филологической жизни находились две исследовательские работы У. Викстрёма. В статье «Возобновление души через мистификацию». Достоевский бросает вызов современной психологии» (1994)⁶⁴ с учетом последних достижений социальной психологии рассматриваются вопросы духовного кризиса человека в условиях современной цивилизации. Учитывая опыт Достоевского в изучении внутреннего мира человека Нового времени, исследователь показывает, что проблема онтологического определения и оправдания человека остается важнейшей основой его жизни как индивидуума и социального существа. В 1996 г. Викстрём сделал доклад «Мистика и эпилепсия у Достоевского. О химии, редукционизме и теологии», в котором представил сведения об эпилепсии, которой страдал писатель, а также проанализировал «космические переживания» князя Мышкина и героев «Братьев Карамазовых»⁶⁵. Согласно мнению исследователя, все главные персонажи произведений писателя страдают разного рода психическими заболеваниями. Викстрём популяризировал творчество Достоевского в многочисленных рецензиях, лекциях, статьях, теле- и радиопрограммах, книгах, переведенных на другие языки. Такие его работы, как «Ослепительная темнота» (1994), «Алешина улыбка» (1997) и «Сонина доброта» (2006), обрели в Швеции большую популярность⁶⁶.

Исследование филолога-слависта и переводчика Б. Янгфельдта «Тринадцатый апостол. Русские очерки»⁶⁷ затрагивает несколько аспектов творчества Достоевского, важнейшие из них: «Ницше и Достоевский»⁶⁸, «Маяковский и Достоевский»⁶⁹ и «Достоевский и Санкт-Петербург»⁷⁰.

В своей «Истории шведской литературы»⁷¹ Й. Хегг говорит о влиянии творчества Достоевского на современную шведскую литературу как о свершившемся факте, давно известном, но не до конца осмыслен-

⁶³ *Othman H. Dostojevskij och verkligheten // Fenix. 1984. N 1. S. 19–136; Othman H. Dostojevskijs teckningar // Ibid. 1991. N 1. S. 206–231; Othman H. Ondska–godhet–tystnad hos Dostojevskij // Vår lösen. 1994. N 5. S. 364–374.*

⁶⁴ *Wikström O. Soul recovery through remystification. Dostoevsky as a challenger of modern Psychology // On losing the soul. Essays in the social psychology of religion / Eds. R. Fenn, D. Capps. N.Y., 1994. S. 119–137.*

⁶⁵ *Wikström O. Mystik och epilepsi hos Dostojevskij. Om kemi, reduktionism och teologi // Mänskliga gränsområden. Om extas, psykos och galenskap. Stockholm, 1996. S. 160–177.*

⁶⁶ *Wikström O. Det bländande mörkret. Örebro, 1994; Wikström O. Aljosjas leende. Stockholm, 1997; Wikström O. Sonjas godhet. Stockholm, 2006.*

⁶⁷ *Jangfeldt B. Den trettonde aposteln. Ryska Essäer. Stockholm, 1995.*

⁶⁸ *Ibid. S. 113, 125.*

⁶⁹ *Ibid. S. 117.*

⁷⁰ *Ibid. S. 230, 232 и далее.*

⁷¹ *Hägg G. Den svenska litteraturhistorien. Stockholm, 1996.*

ном. В частности, новые следы этого влияния он обнаружил в творчестве Я. Бергмана (1883–1931), Я. Сёдерберга (1869–1941), Э. Йонсона (1900–1976) и Г. Освальда (1926–1950).

В своем исследовании «Взрыв уязвленного патриотизма у Достоевского — предубеждение или пронизательность?»⁷² (1997) (по очерку «Зимние заметки о летних впечатлениях») Ф. Бьёрлинг продемонстрировала, каким образом заглавие произведения обозначает свойства характера его автора. По ее мнению, в этом очерке выражено разочарование Достоевского, который считал, что уже слишком поздно отправляться за границу, что в 40 лет многое в понимании мира уже сложилось, и у него нет желания увидеть что-то новое. Париж у Достоевского был описан с долей сатиры: свобода, равенство, братство потерпели неудачу, последнее — благодаря западному индивидуализму, которому писатель противопоставлял славянофильскую соборность, позволяющую раскрыться личности человека. В этих идеях Бьёрлинг видит основу концепций Н. А. Бердяева и авторов сборника «Вехи» (1909, переиздан издательством «Новый Мир» в 1992 г.). Согласно ее мнению, в «Зимних заметках» содержится предостережение всем, кто хочет внедрить в России европейские модели. Таким образом, идеи Г. Х. фон Вригта, З. Баумана, авторов сборника «Вехи» и Достоевского (высказанные в его «Зимних заметках») неожиданно оказываются весьма близки.

С конца 1990-х гг. П. А. Йенсенем, профессором славянской филологии, были написаны пять работ о поэтике Достоевского. «Надуманность и язык Достоевского» (1999)⁷³ — таково название доклада, представленного на конференции по славистике в 1998 г. В нем подчеркивается, что Достоевский, как и другие писатели, использует богатый метафорами поэтический язык. Внимание исследователя было сосредоточено на поздних произведениях Достоевского («Дневник писателя»), а также на его известной мысли о фантастическом реализме. Эти концепции были положены в основание статьи «Появление из ничего... кроме слов. Заметки о фикциональности Достоевского»⁷⁴. Согласно мнению исследователя, повествовательность в произведениях писателя между рассказчиком-хроникером и описываемыми им героями распределяется особым образом, причем отмечается «снижение» позиции автора.

В работе Йенсена «Некоторые замечания о русском „Антиромане“»⁷⁵ были определены жанровые особенности романов Достоевского

⁷² *Björöling F.* Dostoevskij's Outburst of Wounded Patriotism — Prejudice or Perspicacity? // *Reciprocal Images. Culture and History.* 1997. N 14. P. 74–92.

⁷³ *Alberg Jensen P.* Dostojevskijs fikcionalitet — og // *Svantevit.* 1999. T. XX, N 2. S. 7–30.

⁷⁴ *Йенсен П. А.* Появление из ничего... кроме слов. Заметки о фикциональности Достоевского // *Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова.* М., 1999. С. 169–176.

⁷⁵ *Alberg Jensen P.* Some Remarks on the Russian «Antinovel» // *Celebrating Creativity. Essays in honour of Jostein Børtnes / Eds. K. A. Grimstad, I. Lunde.* Bergen, 1997. P. 135–150.

в свете перемен в политической жизни России в 1856–1880 гг. Произведения Достоевского, по мнению исследователя, — это «антироманы», поскольку они пародируют общественно-культурную норму в истолковании происходящих событий, наглядно показывая невозможность выяснить космическую ценность человека исходя из норм «светской» жизни. В своей работе «Диалогичность без диалога: Замечания к „Запискам из подполья“» (1999)⁷⁶ Йенсен отметил неполноту в истолковании Бахтиным понятия культуры диалога в «Записках из подполья»: исследователь сосредоточился на диалогах первой части произведения, выпустив из сферы своего внимания коммуникативно неудачные диалоги второй части. Согласно мнению исследователя, вымышленный дискурс «подпольного» губит его собственное «я»: он фактически отсутствует в потоке своих слов, в то время как Лиза реальна в своем безмолвии; многословная диалогичность «подпольного человека» тем самым лишает его диалогического слова. Статья Йенсена «Парадоксальность авторства у Достоевского»⁷⁷ была прочитана как доклад на конференции в 1999 г. и посвящена анализу «Записок из подполья» и «Подростка»⁷⁸. В ней Йенсен вступил в дискуссию с Х.-Ю. Гериком и О. А. Ханзеном-Лёве о методе истолкования Бахтиным произведений Достоевского, о том, как после Сибири была переоценена писателем поэтика реализма.

Работа Будина «Письмо в защиту или литературный манифест? Ходатайство Федора Достоевского по делу Петрашевского» (1999) — это развернутый анализ материала вышеупомянутой статьи того же автора 1985 г.⁷⁹

Первое десятилетие XXI в.

В этот период были переизданы все крупные романы Достоевского на шведском языке, за исключением романа «Подросток». Повторно переведены «Бедные люди», «Двойник», «Белые ночи. Сентиментальный роман. Из воспоминаний мечтателя», «Записки из Мертвого дома», «Униженные и оскорбленные», «Игрок»⁸⁰.

⁷⁶ *Alberg Jensen P.* Dialogicity without Dialogue: Remarks on «Notes from Underground» // *Slavica Bergensica*. Bergen, 1999. P. 7–30.

⁷⁷ *Alberg Jensen P.* Парадоксальность авторства у Достоевского // Парадоксы русской литературы / Под ред. В. Марковича, В. Шмида. СПб., 2001. С. 219–233.

⁷⁸ Там же. С. 228, 229.

⁷⁹ *Bodin P.-A.* Försvarsskrift eller litterärt manifest? Fedor Dostojevskijs inlaga i Petraševskijmålet // *Slavisk filologi* / Red. C. Fr. Gildea. Göteborg, 1999. S. 66–79; *Bodin P.-A.* Dostojevskij inför rätta // *Rysk kulturrevy*. 1985. N 4. S. 10.

⁸⁰ *Anteckningar från källarhållet*. Stockholm, 2004; *Brott och straff*. Stockholm, 2000, 2007, 2008; *Idioten*. Stockholm, 2000, 2007; *Bröderna Karamazov*. Stockholm 2000, 2007; *Arma människor*. Bromma, 2008; *Fattigt folk*. Örebro 2009; *Dubbelgångaren*. Lund, 2004; *Vita*

Прозаик Й. Тунстрём (1937–2000) оставил после себя рукопись незаконченного романа, изданного под названием «Попробуйте столетие»⁸¹ (2003). Здесь мы находим анализ известного письма Достоевского к своей родственнице Софии Ивановой о муках творчества⁸². «Я не узнаю себя в его сомнениях», — пишет Тунстрём⁸³.

В своем эссе «Моиими словами и словами других» Л. Гулленстен комментирует тексты ряда авторов, которые, как он считает, оказали на него творческое влияние. Одиннадцать цитат взяты из произведений и писем Достоевского «Записки из подполья», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы»; из письма от 22 февраля 1854 г. брату Михаилу; письма, написанного в марте 1854 г. жене Фонвизина Наталье; письма барону Врангелю от 23 февраля 1856 г.; а также из работ М. Хольквиста «Достоевский и роман» (1997) и Льва Шестова «Киргегард и экзистенциальная философия» (1994). Согласно мнению автора, убедительность писателя зиждется на «сопоставлении и пробе разного отношения к жизни»⁸⁴. Гулленстен считает, что произведения Достоевского — лучшие в этом качестве, причем на таланте писателя не сказались годы тюремного заключения и эпилепсия⁸⁵.

В своем исследовании «В душе убийцы» (2000)⁸⁶ У. Викстрём проводит психологический анализ того, как переплетаются в душе Раскольникова добрые и злые побуждения. Большое внимание в этой работе уделяется изучению снов и галлюцинаций героя «Преступления и наказания», истории созревания в нем идеи убийства. Основанием для возникновения в сознании Раскольникова его «пробы» автор исследования считает изоляцию героя от мира и других людей.

Заслуживает упоминания статья Т. Энгстрёма «Достоевский и суд», написанная в качестве выпускной работы на юридическом факультете в университете Лунда⁸⁷. Автор дал развернутый анализ юридических аспектов романов «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы», обратил внимание на особый интерес писателя к юридической теме, включая конкретные судебные дела, о которых он знал из газет, а также Судебную реформу России в 1864 г.

nätter. Lund, 2008; Anteckningar från Döda huset. Göteborg, 1993, Lund, 2007; Förödmjukade och förnedrade; Lund, 2010; Spelaren. Lund, 2003.

⁸¹ *Tunström G.* Försök med ett århundrade. Stockholm, 2003.

⁸² Тунстрём цитирует письмо от 17 (29) августа 1870 г., связанное с появлением романа «Бесы».

⁸³ *Tunström G.* Försök med ett århundrade. Stockholm, 2003. S. 47.

⁸⁴ *Gyllensten L.* Lapptäcken Livstecken. Stockholm, 1976. S. 128.

⁸⁵ *Gyllensten L.* Just så eller kanske det. Ur arbetsanteckningarna. Stockholm, 1989. S. 23, 121, 123.

⁸⁶ *Wikström O.* I mördarens själ // Berättelser om ondskan. Smedjebacken, 2000. S. 195–224.

⁸⁷ *Engström Th.* Dostojevskij och rätten. Lund: Lunds universitet, 2001.

Диссертация Ю. Линдبلاد «Рассказывая во времени и пространстве: человеческая уникальность и ее конец в творчестве Достоевского и Петрушевской» вышла в свет в 2003 г. В работе исследован нарративный аспект поэтики двух авторов, привлечена также и философская проблематика. Согласно представлениям Линдبلاد, протесты Достоевского против закона Ньютона можно толковать в качестве альтернативы концепции монологического и полифонического романа Бахтина. Линдبلاد предлагает в этой связи аналитический разбор «Записок из подполья», «Крокодила», «Кроткой», отдельных глав «Подростка» и «Братьев Карамазовых». Учитывая работы Г. Морсона и М. Нуссбаум, П. Рикёра и М. Бубера, она выделяет в семантической структуре текста Достоевского повествовательную и семиотическую идентичность, из которых особое внимание обращает на первую.

В 2004 г. Я. Эриксон выпустил в свет книгу «Кто-то посетил мою душу. Духовный путь Достоевского»⁸⁸, к которой изучено отношение писателя и его героев к христианским традициям и вере с опорой на многочисленные цитаты из художественных произведений, писем, «Дневника» и «записных книжек» писателя.

М. Хюсс в книге «Путь пшеничного зерна: духовное очищение у Достоевского и в романе „Братья Карамазовы“»⁸⁹ рассматривает в теологическом аспекте сюжет этого романа, считая его отражением духовного очищения самого Достоевского.

В работе «Омск в художественном сознании Достоевского» (университет Гётеборга, 2008) Л. Лундبلاد детально проанализированы обстоятельства ареста Достоевского, его путешествия в Омск, встреч с декабристками во время этой поездки, и годы, проведенные им в тюрьме, отмечена аллюзивная связь между сибирскими впечатлениями Достоевского и написанными позже произведениями — «Записками из Мертвого дома», «Преступлением и наказанием», «Дневником писателя», «Братьями Карамазовыми».

В работе К. Грелц «Сердце из золота: фон Триер и Достоевский» была поднята тема влияния Достоевского на трилогию Л. фон Триера «Золотое сердце»⁹⁰.

Книга Е. Намли: «Борьба с разумом: русская критика западного рационализма» — содержательное философское исследование, посвященное критическому рассмотрению рационалистических концепций в творчестве трех русских мыслителей: Достоевского, Л. Н. Толстого и М. М. Бахтина⁹¹. В своем исследовании Намли игнорирует проблемы поэтики, не учитывает структурных различий между автором, нар-

⁸⁸ *Erixon J.* Någon besökte min själ: Dostojevskijs andliga resa. Örebro, 2004.

⁸⁹ *Huss M.* Vetekornets väg: utblottelse hos Dostojevskij och i romanen «Bröderna Karamazov». Skellefteå, 2008.

⁹⁰ *Grelz K.* Ett hjärta av guld: von Trier och Dostojevskij // *Slavica Lundensia*. 2008. N 24. S. 49–64.

⁹¹ *Namli E.* Kamp med förnuftet: rysk kritik av västerländsk rationalism. Skellefteå, 2009.

ратором и литературным героем, утверждая возможность обнаружить таким образом главную идею произведения. Он считает творчество Достоевского восстанием против философии рационализма, которое началось усилиями «подпольного человека», продолжилось в «Преступлении и наказании» и других романах 1860–1870-х гг. и завершилось в «Братьях Карамазовых». В своем исследовании автор уделяет особое внимание диалогу между Достоевским и Кантом, развиваемому в «Братьях Карамазовых», отмечая и факт спора между ними, и схождение в мнении, например в подборе аргументов относительно доводов в пользу существования Бога. В специальной главе автор анализирует моральную философию раннего Бахтина («К философии поступка» и «Автор и герой»), отмечая несогласие концепций Бахтина и Канта относительно онтологических параметров «я», утверждающего себя в бытии. В главе «По ту сторону разума: три пути» речь идет о высокой актуальности русской критики XIX в. для нынешнего состояния общества и современных проблем нравственного богословия. Последняя глава исследования, названная «К документальной теологии», продуктивно развивает точку зрения мыслителей, выступающих против мещанской идеологии, ратующих за то, чем сегодня может быть и должна быть «этика». По мнению Намли, в наши дни это борьба *вместе с* разумом, а не *против* разума.

1 января 2009 г. факультет славянской филологии университета Гётеборга вошел в состав филологического факультета. После того как похожие изменения произошли в университетах Лунда и Уппсалы (1 января 2004 г.), факультет славянской филологии университета Стокгольма стал единственным в стране независимым факультетом, сохраняющим данное направление.

Второе десятилетие XXI в.

В 2010 г. впервые на шведском языке вышел в свет очерк «Зимние заметки о летних впечатлениях» в переводе и с комментариями К. О. Линдстен, послесловием Будина, а также повесть «Слабое сердце» в переводе И. Карлсона⁹². Повесть была издана в разделе о Достоевском в аналитическом «Психоаналитическом журнале»⁹³. В примечаниях к повести Достоевского «Слабое сердце» Карлсон дал развернутую характеристику образу Васи Шумкова, а также обозначил место повести в истории русской классической литературы⁹⁴.

⁹² Vinteranteckningar om sommarintryck. Lederyup, 2010; Ett svagt hjärta // Psykoanalytisk Tid/Skrift. 2010. N 30–31. S. 201–219.

⁹³ Psykoanalytisk Tid/Skrift. 2010. N 30–31.

⁹⁴ *Karlsohn I. Anmärkning om Dostojevskijs novell Ett svagt hjärta // Psykoanalytisk Tid/Skrift. 2010. N 30–31. S. 221–222.*

В своей работе «Человек без дна. О Федоре Достоевском» М. Юнгрен дал очерк жизни и творчества писателя.

Х. Флемберг в статье «Последние страницы из „Преступления и наказания“ — и неизвестное между строк» отметил возможную преемственную связь между финалом романа и сюжетом рассказа «Маленький герой»⁹⁵.

М. Юнгрен в статье «Достоевский, Толстой и русская бездна» показал, как Андрей Белый в своем известном докладе 1910 г., а также в работе над романом «Петербург», вместе со всей страной переживая состояние религиозно-культурной неустойчивости, вернулся к творчеству Достоевского в поисках твердой почвы под ногами⁹⁶. Текст доклада Белого 1910 г. был переведен затем на шведский язык⁹⁷.

В работе «Признания и сомнения: Толстой, Руссо и Достоевский» Д. М. Кутзее, опираясь на тексты «Записок из подполья», «Идиота» и «Бесов», попытался по-новому поставить вопрос о бытийном и культурном самоопределении героев Достоевского, роли в реализации ими из «голоса» исповедального начала.

В самые последние годы появились новые шведские издания произведений Достоевского: «Дядюшкин сон» (2010) в переводе и с послесловием Б. Самуэльссона, а также перевод Б. Лёнквист, названный ею «Подпольный дневник» (2010)⁹⁸.

⁹⁵ *Flemberg H.* Slutsidorna i Dostojevskijs Brott och straff — och den okända undertexten // *Psykoanalytisk Tid/Skrift*. 2010. N 30–31. S. 223–225.

⁹⁶ *Ljunggren M.* Dostojevskij, Tolstoj och den ryska avgrunden // *Psykoanalytisk Tid/Skrift*. 2010. N 30–31. S. 255–256.

⁹⁷ *Belyj A.* Skapandets tragedi. Dostojevskij och Tolstoj // *Psykoanalytisk Tid/Skrift*. 2010. N 30–31. S. 259–273.

⁹⁸ *En underjordisk dagbok*. Stockholm, 2010.

Ю. А. РОМАНОВ

ТВОРЧЕСТВО ДОСТОЕВСКОГО В ТРУДАХ УКРАИНСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

Творческое наследие Достоевского традиционно вызывает живой отклик в среде украинских исследователей: только за последние тридцать лет проблемы его творчества освещались в десятках украинских научных публикаций, стали темами многих выступлений на научных конференциях, нашли свое отражение в ряде диссертационных работ.

Целью настоящей статьи является анализ трудов украинских литературоведов, посвященных творчеству Достоевского, определение их специфики и основных направлений, что позволит составить представление о современном состоянии достоевсковедения на Украине в целом и обозначить возможные перспективы его развития.

Начать данную работу представляется уместным с освещения трудов литературоведов, чья научная деятельность, начавшаяся еще в советский период, оказала и продолжает оказывать значительное влияние на состояние науки о Достоевском на Украине, — профессора Харьковского университета Р. Н. Поддубной (1940–2006) и доцента Таврического национального университета (Симферополь) Г. А. Зябревой.

Личность и исследования Р. Н. Поддубной снискали признание не только среди украинских, но и российских литературоведов¹. По свидетельству ее харьковских коллег, «Достоевский всегда оставался для Риты Никитичны главным „героем“ ее литературоведческих исследований. <...> Ему посвящена едва ли не большая часть из более чем ста ее научных публикаций»².

Первым монографическим исследованием Р. Н. Поддубной стала кандидатская диссертация, посвященная художественной структуре романа «Преступление и наказание» и типу романа Достоевского³.

¹ См.: Памяти Риты Никитичны Поддубной // Достоевский и мировая культура: Альманах. М., 2007. № 22. С. 520–523.

² Лагунов А. И. Талант творческий и человеческий // Рита Никитична Поддубная — профессор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина: Библиогр. указ. / Сост.: Ю. Ю. Полякова, С. Б. Глибицкая. Научн. ред. И. И. Московкина. Вступ. ст. А. И. Лагунов. 2-е изд., доп. Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2010. С. 4.

³ Поддубная Р. Н. Художественная структура «Преступления и наказания» и тип романа Ф. М. Достоевского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1971.

Будучи активным членом сообщества достоевсковедов, Р. Н. Поддубная публикует статьи по различным вопросам его творчества — в республиканских научных сборниках, изданиях МАПРЯЛ, а также в томах серии «Достоевский. Материалы и исследования», выпускаемой Пушкинским Домом, в альманахе Общества Достоевского «Достоевский и мировая культура» и в материалах Международных Старорусских чтений⁴.

На наш взгляд, из всего обширного творческого наследия Р. Н. Поддубной наибольшее влияние на состояние современного украинского достоевсковедения оказали те ее работы, которые посвящены исследованию художественной структуры произведений Достоевского, а также проблемам фантастического, сказочно-мифологической образности, анализу мифопоэтических тенденций в литературе⁵. Значим ее вклад в изучение таких мотивов в творчестве Достоевского, как двойничество и самозванство (в частности, исследуя данные мотивы, Поддубная дает новый взгляд на героев Гоголя и Достоевского и вскрывает «связь между самозванством и двойничеством»⁶). Научное влияние Поддубной отчетливо прослеживается в трудах современных украинских исследователей, например Л. Куплевацкой, Н. Полулях, чьи кандидатские работы были защищены под ее руководством.

Что касается вклада в украинское достоевсковедение Г. А. Зябровой, следует отметить, что благодаря ее усилиям наука о творчестве Достоевского стала одним из базовых направлений в деятельности научной школы «Русский литературный процесс: исторический и теоретический аспекты» под руководством заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы ТНУ им. В. И. Вернадского профессора В. П. Казарина⁷. Будучи автором около ста печатных работ, Г. А. Зябре-

⁴ См.: *Поддубная Р. Н.* 1) Двойничество и самозванство // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1994. Т. 11. С. 29–40; 2) «Удивительная судьба этого Стебницкого...» («На ножах» в творческой истории «Бесов»; странники Лескова и Достоевского) // Достоевский и мировая культура: Альманах. М., 1998. № 10. С. 162–179; 3) «Создатели и творцы»: («Поэма» Ивана и сон Алеша в «Братьях Карамазовых») // Достоевский и современность: Материалы VIII Междунар. Старорусских чтений 1993 г. Новгород, 1994. С. 192–197.

⁵ *Поддубная Р. Н.* 1) Идеино-художественные функции фантастики и развитие творческих принципов реализма в русской литературе XIX века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1990; 2) Сказочно-мифологическая образность в структуре «Бесов» и проблема художественного историзма (к характеристике болдинского реализма Пушкина) // Проблемы творческого метода и художественной структуры произведений русской и зарубежной литературы: Междунар. сб. научн. тр. / ВГПИ. Владимир, 1990. С. 28–37; 3) Потребность в историческом самопознании: (Мифопоэтические тенденции современной литературы в свете суждений Потебни о «мифическом мышлении») // Традиции А. А. Потебни и современная филология: Материалы III Потебнянских чтений / Харьк. гос. ун-т. Харьков, 1988. С. 3–27.

⁶ *Поддубная Р. Н.* Двойничество и самозванство. С. 29.

⁷ См.: http://www.tnu.crimea.ua/structure/philolog_fac/rus-lit/index.htm

ва не только вносит существенный вклад в научно-теоретическую базу украинского достоевковедения, но и способствует появлению в нем новых имен. Так, под ее руководством защитили кандидатские диссертации А. Терлецкий, А. Машенко, Ю. Романов, М. Кустовская, готовятся к защите еще две диссертации по творчеству Достоевского.

В работах Г.А. Зябревой изучение романов Достоевского представлено в системном аспекте, прослеживаются традиции Достоевского в «малой» прозе Л. Андреева, в «крымском романе» В. Вересаева, большой интерес вызывает исследование крымского контекста журнала «Гражданин»⁸, а также роли Крыма в формировании историософских идей Достоевского⁹.

В частности, в последней работе доказывается, что, хотя Достоевский в Крыму никогда не бывал, «именно священная земля Тавриды сыграла определяющую роль в становлении историософской концепции писателя», убедительные доказательства сказанного содержит та часть наследия классика, которая обращена к так называемому Восточному вопросу, к которому он впервые подошел во время Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. и окончательное представление о котором, как и о русском мессианстве, сформировал во время войны 1877–1878 гг.

Анализ научных публикаций и диссертационных работ украинских достоевковедов за последние двадцать лет позволяет говорить о стабильном росте исследований, посвященных проблемам творчества Достоевского. Рост этот начался со второй половины 1990-х гг. и уверенно продолжился в первое десятилетие века нынешнего. Защиты диссертаций по творчеству Достоевского проходят не только в Киеве, но и в таких городах, как Харьков, Днепрпетровск, Одесса, Симферополь, Тернополь. Так, в Киеве защитили свои диссертации Н. Колосова (1991), О. Корниенко (1996), Л. Остапенко (1999), Л. Хваль (2001), Н. Полулях (2002); в Харькове — М. Блюменкранц (1991), Л. Куплевацкая (2000); в Днепрпетровске — В. Мужчиль (1993), А. Машенко (1998);

⁸ См.: Зябрева Г.А. 1) Романы Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот» в системном аспекте (Статья 1) // Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. Симферополь: Крымский архив, 2000. Вып. 6 (63). С. 21–38; 2) Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» в системном аспекте (Статья 2) // Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. Симферополь: Крымский архив, 2011. Вып. 19 (76). С. 23–40; 3) Традиции Ф.М. Достоевского в «малой» прозе Леонида Андреева 1900-х годов // Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. Симферополь: Крымский архив, 2002. Вып. 8 (65). С. 153–171; 4) Идеи и образы Ф.М. Достоевского в «крымском романе» В.В. Вересаева // Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. Симферополь: Крымский архив, 2008. Вып. 15 (72). С. 101–112; 5) в соавт. с Иишиным А.В. Крымский контекст журнала «Гражданин» (предисловие, послесловие, комментарии) // Крымский архив: историко-краеведческий и литературно-философский журнал. Симферополь: КЦГИ, 2007. № 10. С. 221–260; № 11. С. 270–302.

⁹ Зябрева Г.А. Крымские «корни» историософии Ф.М. Достоевского // http://www.rgguvnov.ru/library/resource/notes_2.doc.

в Одессе — А. Холодов (1996); в Симферополе — А. Терлецкий (1996), И. Чуприна (2001), Ю. Романов (2003), М. Кустовская (2009), М. Норец (2009); в Тернополе — М. Калиниченко (2008), А. Базилян (2009). Не вызывает сомнений, что в обозримом будущем появятся новые исследования по творчеству Достоевского и данный список украинскими достоевковедами будет продолжен.

Что касается научных публикаций, то общее их количество практически не поддается учету и продолжает возрастать из года в год. Отметим только некоторые широко известные в Украине издания, в которых неоднократно публиковали свои работы достоевские: сборники материалов международной научной конференции «Язык и культура» (Киев), «Вестник Харьковского национального университета» им. В.Н. Каразина (Харьков), научный журнал «Культура народов Причерноморья», межвузовский научный сборник «Вопросы литературы» (Симферополь) и многие другие.

Анализ этого весьма внушительного массива работ позволяет (хотя и достаточно условно) выделить в исследованиях украинских достоевских следующие направления.

Прежде всего следует сказать о работах, в которых творчество Достоевского исследуется по широкому кругу проблем истории литературы и поэтики. К работам такого рода можно отнести уже упомянутые труды Р. Поддубной, Г. Зябревой, а также Н. Колосовой, А. Терлецкого, В. Мужчиль, О. Корниенко, Л. Остапенко, И. Чуприной, М. Кустовской и др.

К следующей группе исследований относятся труды, отражающие мифопоэтический подход к произведениям Достоевского. Это труды М. Блюменкранца, А. Холодова, А. Мащенко, Л. Куплевацкой, Н. Полулях, Ю. Романова, М. Нореча и др.

В третьей группе исследований представлено компаративное направление в изучении творчества Достоевского. При этом часть работ посвящена сопоставлению творчества русского классика и зарубежных писателей (исследования Л. Хваль, Ю. Романова, М. Калиниченко, А. Базилян), другие — отражают диалог русской и украинской культур, параллели в творчестве украинских писателей и Достоевского (труды Р. Поддубной, А. Чичерина, Н. Тодчук, Н. Ильницкого, Е. Быстроты, В. Панченко, И. Кошевой, М. Кудрявцева, С. Грицадя).

Говоря о работах первой группы, следует отметить, что в данных исследованиях представлен анализ художественной структуры произведений русского классика¹⁰; исходя из «непреложного факта», что

¹⁰ Поддубная Р.Н. 1) Законы романного бытия героев в художественной структуре «Преступления и наказания» Достоевского // Литературные направления и стили. М., 1976. С. 229–245; 2) Структура времени и пространства в новелле Достоевского «Кроткая»: (Поэтика новеллистического хронотопа) // Studia rossica posnaniensia, 1979. Posnań, 1980. Z. 14. S. 3–27.

«творчество Ф.М. Достоевского представляет собой единую идейно-образную систему, центром которой является пятикнижие великих романов», рассматриваются (в системном аспекте) такие «первоначала художественного универсума» Достоевского, как предложенные им «картины современной действительности», «трактовка человеческой природы», а также «программа совершенствования мира и личности»¹¹; исследуется художественный мир малой прозы писателя¹²; раскрывается значение «Дневника писателя»¹³; прослеживаются закономерности функционирования текста (в частности романа «Братья Карамазовы») в определенный исторический период и рассматривается связь поэтики романа со спецификой его восприятия¹⁴; исследуется технология воплощения авторского самосознания в романах «Преступление и наказание», «Идиот»¹⁵; анализируется проблема художественного конфликта в романе «Братья Карамазовы»¹⁶; рассматривается концепция «живой жизни», которая предстает как значимая константа в творчестве Достоевского, переосмысленная и выведенная им на духовный уровень утверждения «идеала „сияющей личности“ Христа»¹⁷.

В диссертации Н. Колосовой представлено «целостное изучение новеллистического рассказа Достоевского», выявлены такие «особенности художественного мировидения» Достоевского, как отказ от социального детерменизма в мотивации поведения и неподвижных типов сознания, эффект очищения страданием, возможности воспитания души и ее спасения, особое ощущение пространства окружающего мира, пристальное внимание к типу «положительно прекрасного человека» и др.¹⁸

В монографии А. Терлецкого рассмотрены концепции творчества Достоевского, характерные для представителей философской критики рубежа XIX–XX вв. Отмечая тот факт, что «именно русской философской критикой Достоевский впервые был оценен по достоинству и достаточно глубоко понят» (в нем увидели, по выражению

¹¹ *Зябрева Г.А.* Романы Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот» в системном аспекте (Статья 1). С. 21.

¹² *Колосова Н.А.* Художественный мир малой прозы Ф.М. Достоевского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1991.

¹³ *Остапенко Л.М.* «Щоденник письменника» Ф.М. Достоевського в його художньому світі: пошуки пророчого слова: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1999.

¹⁴ *Мужечиль В.В.* Проблеми сприйняття авторського ідеалу «Братів Карамазових» Ф.М. Достоевського: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 1993.

¹⁵ *Корниченко О.А.* Технологія втілення авторського самосвідомості в произведениях Ф.М. Достоевського («Преступление и наказание», «Идиот»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1996.

¹⁶ *Чуприна І.І.* Проблема художнього конфлікту у романі Ф.М. Достоевського «Брати Карамазови»: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Сімферополь, 2001.

¹⁷ *Кустовська М.О.* Концепція «живого життя» у творчості Ф.М. Достоевського: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Сімферополь, 2009.

¹⁸ *Колосова Н.А.* Художественный мир малой прозы Ф.М. Достоевского. С. 2–3, 17.

К. Мочульского, «не только талантливого психолога, но и великого религиозного мыслителя»), автор монографии в то же время считает, что «заслуги философской критики в постижении Достоевского не следует преувеличивать»¹⁹. Не вполне понимая, что «духовным источником жизни и творчества Достоевского было православие, целительную силу которого он впитал с детских лет», представители философской критики интерпретировали его мирозерцание «с позиций собственных, подчас весьма далеких от канонического православия мистико-религиозных представлений», настойчиво стремясь либо «отлучить» Достоевского от православия (Шестов, Мережковский, Бердяев), либо «принизить само православие... заменить его „новым религиозным сознанием“» и «объявить Достоевского» его «пророком и предтечей» (Мережковский, Бердяев), либо «уподобить его дьяволу» (ранний Розанов, Шестов, Волынский, Мережковский). При этом только К. Леонтьева, В. Розанова (в поздний период творчества) и Вяч. Иванова (до принятия католичества) с оговорками можно отнести к тем, кто видел в Достоевском православного христианина; «промежуточное положение» занимали Вл. Соловьев и С. Булгаков, «для которых Достоевский был прежде всего пророком „вселенского христианства“, а потом уже православным христианином»²⁰.

Цель диссертационного исследования В. Мужчиля — установить закономерности функционирования текста в различные исторические эпохи и проследить, как поэтика художественного произведения связана со спецификой восприятия его обществом. Роман Достоевского «Братья Карамазовы» рассматривается не только как художественный, но и социокультурный феномен. Автор диссертации приходит к выводу, что особенности художественного воплощения идеала в романе сыграли решающую роль для его восприятия: образ Христа как некий моральный ориентир, пронизывающий всю ткань повествования, органично воспринимался читателями-современниками писателя, что явилось отражением духовных исканий эпохи. «Полифонизм» романа в то же время обусловил «широкий спектр его критических интерпретаций», каждая из которых отражала лишь одну из граней авторского идеала, «не покрывая его, однако, целиком»²¹.

Диссертационная работа О. Корниенко посвящена исследованию технологии воплощения авторского самосознания Достоевского в двух аспектах: в отношении к окружающей действительности, господствующим идеям, и в постановке проблемы идеала²². По мнению автора

¹⁹ Терлецкий А. Д. Ф. М. Достоевский и философская критика рубежа XIX–XX веков / Отв. ред. Г. А. Зябрева. Симферополь: Крымский архив, 1994. С. 90.

²⁰ Там же. С. 91–92.

²¹ Мужчиля В. В. Проблемы сприйятия авторского идеалу «Братів Карамазових» Ф. М. Достоевського. С. 17.

²² Корниенко О. А. Технология воплощения авторского самосознания в произведениях Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот»). С. 4.

диссертации, идеей, воцарившейся в исторических реалиях 1860-х гг. Достоевскому виделось насилие — «ложная анти-идея», которой противостояла подлинно гуманистическая идея нравственного идеала писателя²³. Как воплощение насилия, анти-идеи, в романах «Преступление и наказание» и «Идиот» выступает образ Петербурга, сложный урбанистический пейзаж которого являет город в «трех неразрывных ипостасях: топоса, причины и соучастника преступлений <...> не только уголовных, но и социальных, нравственных»²⁴. При этом автор диссертации указывает на систему лейтмотивов «в изображении анти-идеи в структуре образа Петербурга: духоты, мертвенности, замкнутого, ограниченного пространства, холода и др.»²⁵. Проводя анализ технологии воплощения идеала писателя, О. Корниенко вычленяет лейтмотив одухотворенности, вбирающий в себя ряд мотивов. Это мотивы «страдания», «смирения», «жертвенности», «детскости». Таким образом, осуществляя попытку осмысления эстетических, философских, этических взглядов Достоевского сквозь призму закономерностей построения им своего художественного мира, исследовательница приходит к выводу, что «анализ технологии, объединяющей системы лейтмотивов <...> выявляет специфику диалектически целостного сознания и самосознания» русского классика, «творческое наследие которого <...> продолжает оказывать существенное влияние на развитие мировой литературы»²⁶.

Диссертационное исследование Л. Остапенко отражает подход к «Дневнику писателя» как к принципиально важному факту «творческого поведения» Достоевского, связанному с воплощением русским классиком «сверхзадачи» переосмысления «роли литературы как средства формирования и выражения общественной мысли»²⁷. Материалы «Дневника писателя» рассматриваются с точки зрения интенций формирования литературы с преобладающей ролью «игрового» слова, проявлением которого является «авторская маска» — «своеобразный код поведения автора, способ авторского проявления в тексте», отражающий «процесс влияния слова на читателя» и авторское отношение к событиям²⁸. «Творческое поведение» Достоевского, прослеживаемое в поэтике «Дневника писателя» вначале как отказ от прямого слова, «показное искусство» владения «игровым» словом, чтобы завоевать право на прямое слово и, в конечном итоге, возвращение к нему, рассматривается автором диссертации как наследование Достоевским традиции русской литературы в ориентации на «пророка», провозглашающего художественное слово.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ Там же. С. 19–20.

²⁷ *Остапенко Л. М.* «Щоденник письменника» Ф. М. Достоевського в його художньому світі: пошуки пророчого слова. С. 19.

²⁸ Там же. С. 6.

Диссертация И. Чуприной посвящена проблеме художественного конфликта в романе Достоевского «Братья Карамазовы». Будучи, по мнению автора, «специальной проблемой литературоведения», которой уделялось недостаточно внимания (в частности, не выявлена «до конца» «жанрообразующая функция конфликта»), проблема конфликта рассматривается в различных проявлениях «конфликта человечества как одного человека» (семейный конфликт отца и сына, конфликт героя с социальной средой, конфликт героя с Творцом — бунт против Бога), первичным из которых является «внутренний конфликт человека, обусловленный отпадением его от Бога»²⁹. Отмечая, что «проявления конфликта в прозаической (фабульной) действительности героев неадекватны проявлениям конфликта на сюжетном уровне произведения», Чуприна выявляет конфликт между позицией повествователя и поступками персонажей. При этом «поступок — не только действие, но и слово-высказывание»³⁰. По мнению автора диссертации, фабульная действительность романа разделена на две сферы — жизнь мирскую и монастырскую. Хотя эти две сферы не противостоят друг другу, но являются взаимодополняемыми, каждая из них «внутриконфликтна». При этом наивысшего конфликта достигает жизнь мирская, наиболее отдаленная от Бога, хотя конфликту подвержена и жизнь монастырская: «и среди иноков встречаются принадлежащие „миру сему“»³¹. Актуальными для обеих сфер являются одни и те же вопросы — «вопросы церкви», поскольку в поэтическом мире Достоевского церковь — «не просто организация», а «тело Христово, живая жизнь», без которой «нет народа, нет России». В «лоне Соборной Церкви Христовой» конфликт нивелируется, «голоса героев звучат полнокровно», «не нуждаются в спорах и объяснениях»³². По убеждению исследовательницы, для разрешения конфликта наиболее важно духовное состояние человека, «духовный рост», при этом высказыванием, наиболее точно определяющим состояние героя, является «исповедальное слово» (оно оказывается в структуре различных жанров, составляющих романное целое: «жизнеописания, проповеди, бунта, поэмы, анекдота»). Сам роман — «поэтическое высказывание Ф. М. Достоевского: слово кающегося грешника, слово исповедующегося христианина и исповедника православия, слово-проповедь Христовой истины, которым Достоевский как личность разрешает свое внутреннее противоречие, возвышаясь до автора-творца»³³.

Статьи и диссертация М. Кустовской³⁴ посвящены исследованию концепции «живой жизни» в творчестве Достоевского, которую ав-

²⁹ Чуприна И. И. Проблема художественного конфликта у романиста Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». С. 1, 15.

³⁰ Там же. С. 15.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. С. 15–16.

³⁴ См.: Кустовская М. А. 1) Семантика понятия «живая жизнь» в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Литература в контексте культуры: сб. науч. Праць / Ред. кол.:

тор небезосновательно считает «одной из самых актуальных проблем в отечественном и мировом достоеведении»³⁵. Исследовательница прослеживает генезис и эволюцию идеи «живой жизни» не только в творчестве Достоевского, но и в пространстве русской культуры XIX–XX вв., раскрывает своеобразие понимания этого феномена Достоевским и доказывает, что в тезаурусе писателя «живая жизнь» — не спорадическое явление, а значимая константа, лейтмотив, переходящий из произведения в произведение. В работе определен спектр номинаций и значений понятия «живая жизнь» «в художественном и публицистическом дискурсах Достоевского», включающий: 1) антиномию мертвящему рационализму; 2) доверие естественной «логике живой, действительной жизни»; 3) органическую, молитвенную связь с Творцом всего сущего; 4) идею бессмертия души; 5) последование Христу в его этике; 6) проповедь православия³⁶. Диссертация дополняет научное представление о поэтике «живой жизни», расширяет истолкование «таких ведущих у писателя символических мотивов, как „вода“, „воздух“, „земля“, „солнце“, „сад“»³⁷. Несомненно продуктивность дальнейшего изучения феномена «живой жизни» в широком литературном и культурном контекстах, при компаративных и рецептивных исследованиях, поскольку преемственность традиций Достоевского прослеживается как в русской, так и мировой литературе³⁸.

В. А. Гусев (відп. редактор) та ін. Вип. 16. Т. I. Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2006. С. 146–156; 2) «Жажда жизни» и «живая жизнь» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. Симферополь: Крымский Архив, 2007. Вып. 13 (70). С. 63–76; 3) «Царица земная» и «ангел небесный»: женские образы Ф. М. Достоевского в контексте идеи «живой жизни» (на материале романа «Подросток») // Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Симферополь: Изд-во ТНУ, 2008. Т. 21 (60). №2. Серия: Филология. С. 242–247; 4) «Воздух» и «вода» как символы «живой жизни» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и современность: Материалы XXII Междунар. Старорусских чтений 2007 года. Великий Новгород, 2008. С. 131–138; 5) Концепция «живой жизни» Ф. М. Достоевского в свете евангельской заповеди «будьте как дети» // Духовные начала русского искусства и просвещения: Материалы VIII Междунар. научн. конф. «Духовные начала русского искусства и образования» («Никитские чтения») / Сост. А. В. Моторин. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2008. С. 231–235; 6) Русская женщина как носительница начал «живой жизни» в творчестве Ф. М. Достоевского (на материале романа «Подросток») // Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике: Сб. статей / Отв. ред. М. Влад. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 385–390; 7) «Жажда жизни» и «живая жизнь»: диалектика идеи «жизни» у Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность: Материалы XXIV Междунар. Старорусских чтений 2009 года. Великий Новгород, 2010. С. 178–183.

³⁵ *Кустовська М.О.* Концепція «живого життя» у творчості Ф.М. Достоевського. С. 18.

³⁶ Там же. С. 19.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 19–20.

В исследованиях, отражающих мифопоэтическую направленность, рассматриваются проблематика жанра легенды в творчестве Достоевского³⁹, типология мифопоэтических мотивов в произведениях «Хозяйка», «Идиот», «Преступление и наказание», «Подросток»⁴⁰, влияние Священного Писания на мир идей художественной прозы Достоевского⁴¹, символическая структура романа «Братья Карамазовы»⁴², мотивная структура романа «Бесы»⁴³, феномен «подполья» в поэтике Достоевского⁴⁴, мотив покаяния в романах писателя⁴⁵.

Диссертационная работа М. Блюменкранца посвящена «выявлению неожиданных точек пересечения между историко-философским генезисом легенды и направлением, в котором шли религиозно-нравственные искания, нашедшие свое воплощение» в творчестве Достоевского⁴⁶. Отмечая «пороговый» характер легенды, отражающей «переходный этап от мифопоэтического к историческому мышлению», несущей в себе и «символ Вечности, и знак времени»⁴⁷, автор приходит к выводу, что ветхозаветная легенда о Нимроде и поэма Ивана Карамазова «Великий инквизитор», несмотря на их различие во времени и культуре вступают «в скрытую духовную переключку»⁴⁸. Поскольку «с точки зрения Великого инквизитора, для того чтобы дать человечеству счастье, необходимо лишить его свободы», а «форма существования Нимрода — это абсолютная реализация собственной свободы, свободы как произвола», в обоих случаях свобода является лишь объектом (средством или самоцелью), а не сущностью личностного бытия, что неминуемо приводит к духовному омертвлению и распаду. Констатируя неслучайное обращение Достоевского к легенде, автор диссертации обнаруживает связь «выявляемых в ходе анализа историко-философского генезиса легенды» проблем и «„вечных вопросов“, поставленных творчеством Достоевского»⁴⁹.

³⁹ *Блюменкранц М. А.* Жанр легенды в творчестве Ф. М. Достоевского (историко-философский генезис): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1991.

⁴⁰ *Холодов О. Б.* Типологія міфопоетичних мотивів у творах Ф. М. Достоевського («Хазяйка», «Ідіот», «Злочин і кара», «Підліток»): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Одеса, 1996.

⁴¹ *Мащенко О. П.* Святе Письмо у світі ідей художньої прози Ф. М. Достоевського: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 1998.

⁴² *Куплевацька Л. О.* Символи та символіка в романі Ф. М. Достоевського «Брати Карамазови»: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Харків, 2000.

⁴³ *Полулях Н. С.* Мотивна структура роману Ф. М. Достоевського «Біси»: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2002.

⁴⁴ *Романов Ю. О.* Феномен «підпілля» в поезиці Ф. М. Достоевського: архетипічне та типологічне: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Сімферополь, 2003.

⁴⁵ *Норець М. В.* Мотив каяття в романній прозі Ф. М. Достоевського: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Сімферополь, 2009.

⁴⁶ *Блюменкранц М. А.* Жанр легенды в творчестве Ф. М. Достоевского (историко-философский генезис). С. 2–3.

⁴⁷ Там же. С. 4–5.

⁴⁸ Там же. С. 15.

⁴⁹ Там же. С. 15–16.

Кандидатская диссертация А. Холодова отражает изучение мифопоэтических мотивов в произведениях Достоевского. В работе исследуются мифопоэтические мотивы, которые автор диссертации считает наиболее типичными для творчества писателя: мотив нисхождения в подземное царство (повесть «Хозяйка»), мотив предсвадебного похищения невесты (роман «Идиот»), мифологема жертвоприношения (роман «Преступление и наказание»), а также комплексы архетипических мотивов в романе «Подросток» (поиск отца сыном, встреча героя со своим двойником-судьбой, мотивы грехопадения и познания добра и зла). Как полагает исследователь, развитие сюжетного действия осуществляется у Достоевского на трех уровнях: социально-бытовом, психологическом и мифологическом. Ритуальные и мифопоэтические мотивы в произведениях Достоевского мифологизируют сюжет и создают своеобразный мифопоэтический подтекст, придающий универсальность единичному факту и наделяющий личную судьбу героя и его трагедию чертами вселенского масштаба.

В работах А. Мащенко рассматривается влияние Священного Писания на мир идей художественной прозы Достоевского. По мнению исследователя, «ни у одного русского литератора евангельские темы не получили столь глубокой интерпретации, как у Ф. М. Достоевского», «Евангелие — тот краеугольный камень, на котором зиждутся» его романы⁵⁰. В своей диссертационной работе (которая явилась по сути первой попыткой украинских исследователей всесторонне рассмотреть связь идей творчества великого русского писателя со Священным Писанием) А. Мащенко характеризует причины и формы обращения Достоевского к Священному Писанию, вычленяет библейские тексты, использованные художником в своих произведениях, определяет среди них наиболее важные для писателя, делает попытку установления философского и символического смысла, который вкладывал русский классик в ту или иную библейскую аллюзию, характеризует роль Священного Писания в его идеологических построениях. Исследователь приходит к выводу, что «все или почти все идеи Достоевского, от этических до историософских, коренятся в священных текстах»⁵¹. Данные тексты нашли свое отражение в творчестве писателя в форме прямых цитат, скрытых аллюзий, реминисценций. Книги, стихи Писания лежат в основе как целых произведений, так и некоторых их фрагментов. Так, в подтексте сюжета «Преступления и наказания» — новозаветная история о воскрешении Лазаря; «Бесь» оказываются толкованием нескольких евангельских стихов; сны Раскольникова в «Преступлении

⁵⁰ Мащенко А. П. Евангельская история в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Наук. записки Харк. держ. пед. ун-ту ім. Г. С. Сковороди. Серія: Літературознавство. 1988. Вип. 6 (17). С. 26–35.

⁵¹ Мащенко О. П. Святе Письмо у світі ідей художньої прози Ф. М. Достоевського. С. 14.

и наказании» и Ипполита в «Идиоте» — это вариации на темы Откровения Иоанна Богослова. Восприятие Достоевским Библии как живого пророчества о судьбах мира и человека проходило на нескольких уровнях: «личном, поэтическом, этическом и историческом»⁵². При этом для писателя было крайне важно, чтобы его личным идеям и надеждам находилось подтверждение в Писании; великий русский писатель, «пророк духовного возрождения» не мог не «обращаться к боговдохновенным книгам»⁵³.

Статьи и диссертационная работа Л. Куплевацкой⁵⁴ посвящены исследованию символов и символики в романе Достоевского «Братья Карамазовы». В данных работах проанализированы символические мотивы «падения с горы», «косых лучей заходящего солнца», «страдающих матери и дитяти» и др.; исследованы символические функции «трактира», «сада», «камня», «стены» и т. п. Как показывают исследования, символическая структура романа отражает его внутренний духовно-философский план и авторскую «гипертему» о пути нравственного человеческого возрождения.

Диссертация Н. Полулях посвящена анализу мотивной структуры романа «Бесы». В своей работе исследовательница прослеживает «движение внутритекстовых мотивов — „театральности“, „роли“ и „маски“, „бесовства“, „подмененного ребенка“, „блудного сына“, „двойничества“ — от центральной смысловой области... до периферийных модификаций»⁵⁵. Н. Полулях выделяет два «базовых» мотива, которые выполняют «функцию идейно-структурных „несущих конструкций“ — „театральности“ и „бесовства“»⁵⁶. В диссертации доказывается, что мотив «театральности» является структурообразующим, поскольку персонажи выстраивают свое поведение как роли, а события происходят по «сценариям» самозванных режиссеров (Ставрогиной, Верховенского-младшего, Юлии и Андрея фон Лембке). Хотя мотив «бесовства» и не формирует художественную структуру романа, он проявляется на всех ее уровнях — хронотопа, предметного мира, системы образов. Именно этот мотив, по мнению исследовательницы, является генеральным «в концептуальном отношении, поскольку реализует осмысление

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 15.

⁵⁴ См.: *Куплевацкая Л. А.* 1) Символика хронотопа и духовное движение героев в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1992. Т. 10. С. 90–100; 2) Символика «предисловных рассказов» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Русская филология. Украинский вестник. 1997. № 3–4. С. 41–45; 3) Символика садов в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Наук. записки Харк. держ. пед. ун-ту ім. Г. С. Сковороди. Серія: Літературознавство. 1998. Вип. 10 (21). С. 56–60; 4) Символика камня у Достоевского: «Братья Карамазовы» в контексте Пятикнижия // Вісник Харк. ун-ту. Міф і міфопоетика у традиційних та сучасних формах культурно-мовної свідомості. Серія: Філологія. 1999. № 448. С. 181–185.

⁵⁵ *Полулях Н. С.* Мотивна структура роману Ф. М. Достоевського «Біси». С. 18.

⁵⁶ Там же.

Достоевским всеобщей увлеченности идеями социального переустройства мира как бесовства»⁵⁷. Проведенный в исследовании интертекстуальный анализ позволил обозначить «пушкинско-лермонтовский, гоголевский, шекспировский и евангельский мотивы»⁵⁸. Так, литературная генеалогия Ставрогина позволяет увидеть его связь с «образами „нравственных скитальцев“ русской литературы — Онегиным и Печориным», а также «шекспировским принцем Гарри»; гоголевские корни имеют персонажи «политического памфлета» — Петр и Степан Верховенские и Юлия фон Лембке⁵⁹; ключом к роману, несомненно, служит евангельский эпиграф, почти зеркально отражающийся в финальной сцене главы «Последнее странствие Степана Трофимовича»⁶⁰. Автор диссертации приходит к выводу, что «появление мотивной структуры стало новым этапом и в творчестве Достоевского, и в развитии русской литературы в целом, ибо наличие такой структуры характерно для романа-мифа XX ст. „Бесы“ — это модель „переходного типа“ от классического романа к роману неомифологическому»⁶¹.

Свои исследования мы посвятили раскрытию «подпольного» мотива в творчестве русского классика⁶². «Подпольный» герой Достоевского рассматривается не просто как один из «типов» в характерологии писателя, а как архетипический образ, воплощающий одну из поведенческих моделей архетипической природы («подпольный» мотив состоит в неприятии Божьего мира, противопоставлении ему человекобожеского идеала, осознании собственного несоответствия идеалу, жестокой самоказни и эстетизации ее, погружении в духовное отчуждение — «подполье»), закрепленных в «коллективном бессознательном» (К. Г. Юнг) и реализующихся в опыте сменяющихся поколений. Прослеживая «подпольный» мотив в четырех романах великого пятикнижия

⁵⁷ Там же. С. 19.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См.: *Полулях Н. С.* Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» в свете новозаветных текстов // *Вісник Харк. ун-ту. Міф і міфопоетика у традиційних та сучасних формах культурно-мовної свідомості. Серія: Філологія.* 1999. № 448. С. 131–134.

⁶¹ *Полулях Н. С.* Мотивна структура роману Ф. М. Достоевського «Біси». С. 19–20.

⁶² *Романов Ю. А.* 1) Реализация свойств «подпольного» архетипа в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // *Культура народов Причерноморья.* 2001. № 26. С. 135–141; 2) Отражение феномена «подполья» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // *Культура народов Причерноморья.* 2003. № 37. С. 279–288; 3) Архетипический образ «подпольного» героя в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // *Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. Симферополь: Крымский архив, 2003. Вып. 9 (66). С. 146–160;* 4) «Подпольные» черты главного героя романа Ф. М. Достоевского «Подросток» // *Наук. записки Харк. держ. пед. ун-ту ім. Г. С. Сковороди. Серія: Літературознавство. Харків: ХДПУ, 2003. Вип. 3 (35). С. 34–42;* 5) Малые «подпольные» сцены в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // *Материалы докладов Междунар. научн.-практ. конф. «Третьи Севастопольские кирилло-мефодиевские чтения».* Севастополь: Рибэст, 2009. С. 121–130.

(«Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток»), мы осуществляем попытку наметить наиболее общую типологию «подполья». Она определяется тем, что при реализации в героях произведений Достоевского «подпольного» мотива в ведущей роли неизменно выступают такие «подпольные» начала, как человекобожество и «подпольный» эстетизм. Человекобожество является идейной оппозицией всему пафосу творчества Достоевского, отражает «горнило нравственных сомнений», через которое прошла его «Осанна»; «подпольный» эстетизм, как правило, выступает спутником человекобожеской идеи. Если герой Достоевского не соответствует своему идеалу, то выражением его «подпольного» эстетизма служит доходящая до наслаждения самоказнь. Такой чертой наделены «подпольный» парадоксалист, Раскольников, чета Мармеладовых, Ганя Иволгин, Лебедев, Ипполит Терентьев, Аркадий Долгорукий и др. В героях, наделенных необычайной силой, ставящих себя «выше Бога» — Свидригайлове, Ставрогине, Версилове, — «подпольный» эстетизм полностью подменяет их нравственное сознание, приводя к духовному распаду. Возможно предположить и такое построение типологии «подполья» — в зависимости от того, какая идея становится репрезентативной для человекобожества (например, у Раскольникова — «наполеонистическое» «подполье», у Ставрогина — «сатанинское», у Аркадия Долгорукого — «ротшильдово» и т. д.). Осознавая значение сделанного им великого художественного открытия — «подполья» — Достоевский видел в нем «правду жизни», проблему «русского большинства» и предвосхищал свою славу первооткрывателя «подпольного» феномена. Дальнейшее развитие мировой культуры подтвердило правильность его художественного предвидения: «Записки из подполья» остаются одним из наиболее читаемых произведений современности; образ «подпольного» героя, «как Гамлет, Дон Кихот, Дон Жуан и Фауст», по общему признанию, «достиг... положения одного из литературных архетипов»⁶³, оказавших существенное влияние на развитие мировой литературы.

Диссертация М. Нореца посвящена исследованию мотива покаяния в качестве структурообразующего начала в романе «Преступление и наказание». Выявляя основные тенденции в трактовке понятия «онтологический сюжет» в современной истории и теории литературы (автор опирается на труды Л. В. Карасева) и рассматривая историю онтологического толкования прозы Достоевского, М. Норец исследует своеобразие повествовательной структуры романа «Преступление и наказание» в контексте развития сюжета покаяния, который предполагает прохождение следующих стадий: 1) «опыт бессилия жертвенного намерения добра» (сформировавшийся у Раскольникова в результате смерти его невесты, желание жениться на которой оценивается как намерен-

⁶³ *Frank J. Notes from Underground // Dostoevsky F. Notes from Underground / Transl. and ed. by M. R. Katz. N. Y., 1989. P. 202.*

ное самопожертвование с его стороны); 2) «интуицию личной уникальной вины и обусловленное этой интуицией выпадение из человеческого сообщества» (глубинное неприятие Раскольниковым прощения от людей); 3) «стадию распада „естественных сообществ“, обещающих суд и прощение» (близкие и друзья Раскольникова), и «непричастность» героя ни к одному из них⁶⁴. По мнению автора диссертации, «интерпретация финала романа в духе Книги Иова согласуется с обосновываемой точкой зрения на архитектуру события покаяния на том основании, что Раскольников, подобно библейскому Иову, взывает *собственной вины, не приемля ни утешений, ни увещаний извне*»⁶⁵. Роман рассматривается исследователем «как процесс перехода с психологического уровня раскаяния на онтологический уровень покаяния», и «задаваемая Евангельским архетипом стадийность этого процесса обуславливает сюжетно-композиционное своеобразие романа „Преступление и наказание“»⁶⁶.

В исследованиях компаративного направления изучаются связи наследия Достоевского и творчества представителей «южной школы» американского романа⁶⁷; проблемы сопоставительного анализа творчества Достоевского и У. Фолкнера⁶⁸; авторские мифы в романах «Моби Дик» Г. Мелвилла и «Преступление и наказание» Достоевского⁶⁹; рецепция Достоевского в польской литературе конца XIX — первой половины XX в.⁷⁰ и др.

Диссертация Л. Хваль посвящена изучению контактно-генетических связей и типологических аналогий в творчестве Достоевского и представителей «южной школы» американского романа — У. Фолкнера, Р.П. Уоррена, К. Маккалерс, У. Стайрона, У. Перси, произведения которых исследовательница считает возможным относить к «одному

⁶⁴ *Норевь М. В.* Мотив каяття в романній прозі Ф. М. Достоевського. С. 18–19.

⁶⁵ Там же. С. 19.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ *Хваль Л. В.* Ф. Достоевський і «Південна школа» американського роману (Типологія і контактно-генетичні зв'язки): Автореф. дис. канд. ... філол. наук. Київ, 2001.

⁶⁸ *Романов Ю. А.* 1) «Подпольный» герой Ф. М. Достоевского и У. Фолкнера («Записки из подполья», «Сарторис») // Филологические студии. Симферополь, 2001. № 3. С. 134–137; 2) «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского — «Шум и ярость» У. Фолкнера: сквозь призму «подполья» // Вестник Междунар. Славянск. ун-та. Харьков: МСУ, 2001. Т. 4, № 1 (4). С. 81–84; 3) Сопоставительный анализ творчества Ф. М. Достоевского и У. Фолкнера: возможные направления изучения и перспективы архетипного подхода в исследовании // Материалы докладов Междунар. научно-практ. конф. «Вторые Севастопольские кирилло-мефодиевские чтения». Севастополь: Рибэст, 2008. С. 413–419; 4) Достоевский и Фолкнер: феномен созвучия // Ф. М. Достоевский в диалоге культур: Материалы междунар. научн. конф. 25–29 августа 2009 г. / Сост. В. А. Викторovich. Коломна: Коломенск. гос. пед. инст., 2009. С. 127–128.

⁶⁹ *Калиніченко М. М.* Герман Мелвілл і Федір Достоевський. Авторські міфи в романах «Мобі Дік» та «Злочин і кара»: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Тернопіль, 2008.

⁷⁰ *Базілян А. А.* Рецепція Ф. Достоевського у польській літературі кінця XIX — першої половини XX століття: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Тернопіль, 2009.

„типологическому ряду“», что позволяет выявлять «типологические схождения, аналогии, параллели и различия»⁷¹. Так, в творчестве Достоевского и писателей «южной школы» четко прослеживаются такие черты жанра «романа-трагедии», как «трагический конфликт „Лица с миром“ (В. Кирпотин)», «катастрофичность событий, спешащих к трагическому концу», подчеркивается наличие «трагической развязки», обусловленной природой этого жанра⁷². Автор диссертации отмечает важность для представителей «южной школы» воплощенной Достоевским психологии «отчужденного протагониста» (повесть «Записки из подполья»), нашедшей яркое воплощение в произведениях американских авторов (романы К. Маккалерс «Сердце — одинокий охотник», У. Перси «Кинозритель», «Последний джентльмен», «Ланселот», У. Стайрона «Подожги этот дом», Р.П. Уоррена «Ночной всадник», «Вся королевская рать»), а также значимость создания политического романа нового типа «Бесы», изображающего тип того сознания, которое русский классик определял как «бесовство», что оказалось близким писателям «южной школы» (романы Р.П. Уоррена «Вся королевская рать» и У. Стайрона «Выбор Софии»).

Нами был подготовлен обзор литературоведческих работ, отражающих основные направления сопоставительного анализа творчества Достоевского и Фолкнера⁷³. Особое внимание было уделено архетипическому образу «подпольного» героя. Так, черты «подпольного» парадоксалиста Достоевского отражены в романе Фолкнера «Сарторис» в идеализации прошлого («героика» молодого Баярда, символическая «глухота» старого Баярда, «безмятежность» Нарциссы, инфантилизм ее брата Хореса), трагическом осознании своего несоответствия идеалу (молодой Баярд), трагической расколотости сознания, карнавализации, масочности и, в конечном итоге, нравственной гибели героя⁷⁴. Сопоставительный анализ романов «Преступление и наказание» и «Шум и ярость» позволяет выявить ряд параллельных, связанных с воплощением свойств архетипического образа «подпольного» героя, характеров. При этом в некоторых из них «подпольный» мотив отражен с достаточной полнотой (Раскольников — Квентин Компсон, Свидригайлов — мистер Компсон), в других же данная репрезентация носит фрагментарный характер (Лужин — Джейсон Компсон, Катерина Ивановна — миссис Компсон, Мармеладов — мистер Компсон)⁷⁵.

⁷¹ Хваль Л. В. Ф. Достоевський і «Південна школа» американського роману (Типологія і контактено-генетичні зв'язки). С. 18.

⁷² Там же. С. 18–19.

⁷³ Романов Ю. А. 1) Сопоставительный анализ творчества Ф. М. Достоевского и У. Фолкнера: возможные направления изучения и перспективы архетипного подхода в исследовании; 2) Достоевский и Фолкнер: феномен созвучия.

⁷⁴ Романов Ю. А. «Подпольный» герой Ф. М. Достоевского и У. Фолкнера («Записки из подполья», «Сарторис»).

⁷⁵ Романов Ю. А. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского — «Шум и ярость» У. Фолкнера: сквозь призму «подполья».

В диссертации М. Калиниченко исследуются мировоззренческие, эстетические и художественные процессы возникновения авторских мифов у Мелвилла и Достоевского, их художественная онтология и функционирование в мифопоэтике романов «Моби Дик» и «Преступление и наказание». Авторский миф трактуется «как художественное воплощение результатов взаимодействия мифологических моделей, схем и мотивов с авторской установкой на мифологизацию бытия»⁷⁶. Определена принципиальная общность содержания авторских мифов в романах «Моби Дик» и «Преступление и наказание», в которых отражены «древнейшие мифические представления о вечной неразделимости и неслиянности, единстве и неразрешимом противоборстве добра и зла в универсуме и человеческой душе»⁷⁷.

Диссертация А. Базилян посвящена проблемам восприятия творчества Достоевского польскими писателями конца XIX — первой половины XX в. Основное внимание уделено писательской рецепции русского классика С. Жеромским, З. Налковской, Я. Ивашкевичем. По мнению автора диссертации, анализ их произведений позволяет говорить не просто о влиянии Достоевского, а о глубоком процессе усвоения его творческой проблематики, при котором «чужое» осваивается, обновляется и становится «своим»⁷⁸. Так, выявлено, что для С. Жеромского русский писатель был не только идейным вдохновителем, его произведения были для него своеобразной школой художественного мастерства; для З. Налковской он был примером для подражания, учителем, с которым писательница постоянно вела диалог, пыталась сравнить с его творчеством собственную манеру письма, а также письмо других авторов. Диалог, возникший, по мнению исследовательницы, между Достоевским и польскими писателями, позволяет проводить компаративное исследование романов «Преступление и наказание» Достоевского, «История греха» С. Жеромского и «Граница» Налковской, рассматривая не только их идейную проблематику (проблемы преступления и наказания, добра и зла), но и фабулу (криминальный сюжет).

В исследованиях, посвященных параллелям в творчестве Достоевского и украинских писателей, изучаются биографические факты, обстоятельства знакомства и взаимовосприятие Федора Достоевского и Тараса Шевченко⁷⁹; рассматривается рецепция творчества

⁷⁶ *Калиніченко М. М.* Герман Мелвілл і Федір Достоевський. Авторські міфи в романах «Мобі Дік» та «Злочин і кара». С. 18.

⁷⁷ Там же. С. 19.

⁷⁸ *Базилян А. А.* Рецепція Ф. Достоевського у польській літературі кінця XIX — першої половини XX століття. С. 8.

⁷⁹ *Поддубная Р. Н.* Федор Достоевский и Тарас Шевченко (материалы к истории несостоявшейся дружбы) // Вісник Харк. ун-ту. 1986. № 284: Т. Г. Шевченко. Питання мовознавства і літературознавства. С. 10–23.

русского писателя Иваном Франко⁸⁰; вскрываются «достоевские» вопросы в творчестве Владимира Винниченко⁸¹; намечены общие мотивы у Достоевского и современного украинского прозаика и историка Валерия Шевчука⁸².

В исследовании Р. Поддубной отмечается, что для современников Достоевского и Т. Г. Шевченко в начале 1860-х гг. «имена и судьбы этих писателей имели если не одинаковое, то очень близкое общественное значение»⁸³; «сходство гражданских судеб художников, примерно в одно и то же время прошедших испытание десятилетней каторгой и солдатчиной <...> поразительное сходство некоторых нравственно-общественных итогов, вынесенных из десятилетних испытаний, чрезвычайно большой круг общих знакомых, делающий личное знакомство практически неизбежным, — все это дает основания говорить об истории несостоявшейся близости»⁸⁴ русского писателя и украинского поэта. По мнению исследовательницы, факты биографии Достоевского и Шевченко позволяют предполагать возможность их — хотя бы заочного — знакомства уже в 1840-е гг. Что касается места встречи, то, наиболее вероятно, это был дом Тургенева. Автор исследования убеждена в том, что «в феврале–апреле 1860 г. Достоевский и Шевченко просто не могли не встречаться у Тургенева»⁸⁵, «Достоевский и Шевченко знали друг о друге очень много и полно и <...> лично встречались неоднократно»⁸⁶. При этом если Шевченко воспринимал Достоевского демократом, противником крепостного права и талантливым писате-

⁸⁰ См.: *Чичерін О.В.* Ф. Достоевський у творчій спадщині І. Франка // Радянське літературознавство. 1971. № 11. С. 54–58; *Тодчук Н.В.* І Франко та Ф. Достоевський: структурні паралелі на рівні сюжетного хронотопу («Для домашнього огнища» — «Злочин і кара») // Літературоведческий сб. Вып. 5/6. Донецк: ДонНУ, 2001. С. 235–242; *Льницький М.* Поєдинок із собою: проблема двійництва в «Посдинку» І. Франка та «Двійнику» Ф. Достоевського // Слово і час. 2006. № 8. С. 18–27; *Бистрота О.* Рецепція творчості Федора Достоевського Іваном Франком // Наук. записки Терноп. нац. пед. ун-ту ім. В. Гнатюка. Серія: Літературознавство / За ред. М. П. Ткачука. Тернопіль: ТНПУ, 2009. Вип. 28. С. 293–300.

⁸¹ См.: *Панченко В.* Триумф і банкрутство принципу («Достоевські» питання у творчості Володимира Винниченка) // Кур'єр Кривбасу. 1998. № 93–94. С. 132–143; № 95–96. С. 140–150; *Кошова І.О.* Достоевські питання у романі Володимира Винниченка «Записки кирпатого Мефістофеля» // Наук. праці: Зб. Миколаїв: МФ НаУКМА, 2000. Т. 5. С. 121–123; *Кудрявцев М.Г.* Достоевський і Винниченко: до проблеми художньої інтерпретації злочину і покари в історико-літературному контексті // Зарубіжна література в школах України. 2008. № 3. С. 2–9.

⁸² *Грицай С.Я.* Отзвуки Ф. М. Достоевского в творчестве Валерия Шевчука // Диалог украинской и русской культур в Украине: Материалы II междунар. научно-практ. конф. 30–31 октября 1997 г. Киев / Гл. ред. Н. А. Шульга. Киев, 1998. С. 204–208.

⁸³ *Поддубная Р.Н.* Федор Достоевский и Тарас Шевченко (материалы к истории несостоявшейся дружбы). С. 10.

⁸⁴ Там же. С. 11.

⁸⁵ Там же. С. 20.

⁸⁶ Там же. С. 22.

лем, то «личность... и мироощущение Шевченко должны были заинтересовать Достоевского <...> в связи с теми размышлениями о народе, к которым побудила каторга и которые послужили одним из оснований начинающей складываться концепции „почвы“»⁸⁷.

В работах, посвященных восприятию творчества Достоевского Иваном Франко, отмечается, что хотя эта сложная, но интересная тема уже становилась предметом изучения украинских литературоведов, требуются дальнейшие разыскания, которые еще впереди⁸⁸. Практически все исследователи констатируют живой интерес Ивана Франко к произведениям русского писателя, в творчестве которого он особенно ценил психологизм, изображение духовной жизни человека, поражающий читателя трагизм. Отвечая на вопросы о том, как отразилось творчество Достоевского в произведениях Франко и можно ли говорить о непосредственном его влиянии на художественный мир украинского классика, литературоведы склонны предполагать, что «след увлеченно и внимательно прочитанных романов русского автора можно выявить», и этот след будет «более четким и ясным» по сравнению со следами художественного освоения Иваном Франко творчества таких романистов второй половины XIX в., как Л. Толстой, И. Тургенев, Г. Флобер или Э. Золя⁸⁹. Наиболее ощутимо это влияние в повести «Столпы общества» (1894–1895) и в романе «Перекрестные тропинки» (1900), герои которых созвучны образам Достоевского. Правда, при этом, сколь бы сильным ни было это созвучие, стихи и проза украинского классика всегда являлись отражением его могучей творческой индивидуальности, усваивавшей все самое ценное в мировой литературе⁹⁰. В исследованиях последних лет литературоведы открывают всё новые параллели между Достоевским и Франко, по-новому осмысливают их. В частности, путем сравнительного анализа сюжетного времени доказывается соотнесенность в конструировании хронотопа романов «Ради домашнего очага» и «Преступление и наказание»; на материале «Поединка» Ивана Франко и «Двойника» Достоевского прослеживается тема двойничества — одна из «магистральных» в творчестве как одного, так и другого⁹¹; делается важный вывод о том, что «современные обращения» к творчеству и личности Достоевского на Украине обусловлены традицией, которая восходит к восприятию прозы русского писателя Иваном Франко, его оценке значимости творческого наследия Достоевского⁹².

⁸⁷ Там же. С. 17.

⁸⁸ Тодчук Н. В. І. Франко та Ф. Достоевський: структурні паралелі на рівні сюжетного хронотопу («Для домашнього вогнища» — «Злочин і кара»). С. 237.

⁸⁹ Чичерін О. В. Ф. Достоевський у творчій спадщині І. Франка. С. 54–55.

⁹⁰ Там же. С. 57.

⁹¹ Гльницький М. Поединок із собою: проблема двійництва в «Поединку» І. Франка та «Двійнику» Ф. Достоевського. С. 18.

⁹² Бистрота О. Рецепція творчості Федора Достоевського Іваном Франком. С. 300.

Проблемы человекобожества, двойничества, революционного божества — вот «достоевские» вопросы, проглядывающие, по мнению исследователей, в творчестве талантливого украинского писателя Владимира Винниченко. Будучи одновременно и революционером-практиком, направлявшим свою деятельность на «достижение социалистического идеала», и художником, читавшим Достоевского (которому «открывались противоречия и диссонансы грядущего потрясения основ»), Винниченко создал галерею образов «раскольниковского» типа (пьесы «Дисгармония», «Ступени жизни», драма «Memento», роман «Честность с собой» и др.), «подчиняющих себя тщательно сконструированному принципу», что и «роднит их с героем „Преступления и наказания“»⁹³. Присутствует при этом и мотив нравственного раздвоения, борьбы с самим собой. Так, главный герой романа «Записки курносого Мефистофеля» Яков Михайлюк «носит напускную, фальшивую маску безразличия, презрения, экспериментирует над другими людьми», пробует совершить убийство своего ребенка, мешавшего счастью с любимой, но в конце концов не может на это пойти — в его душе, как и у Раскольникова, идет «постоянная борьба»⁹⁴. По мнению М. Кудрявцева, хотя «украинский социал-демократ... В. Винниченко имел другие духовные ориентиры, нежели русский христианский мыслитель Ф. Достоевский», эти классики «адекватны <...> в глубинном психологизме художественного осмысления греховных побуждений человека... в мастерской передаче социального типажа, в умении в духовно-этическом состоянии общества увидеть угрозу людской цивилизации»⁹⁵.

Наличие общих проблем творчества, таких как свобода личности, противоречие между духовными устремлениями и эмпирической жизнью, уникальность человеческого существования, позволяет проводить определенные параллели между художниками, принадлежащими разным культурно-историческим эпохам — Достоевским и Валерием Шевчуком. Как отмечает С. Грицай, «целостная общая концепция времени и пространства» «прочитывается» как в произведениях из «Дневника писателя» Достоевского, так и романах Валерия Шевчука («На поле смиренном», «Три листка за окном», «Дом на горе»)⁹⁶.

Таковы, в общих чертах, основные направления и структура исследовательских работ по творчеству Достоевского, изданных за последние десятилетия на Украине. Многие темы из упомянутых направлений сохраняют свою значимость и сегодня. В то же время хотелось бы подчеркнуть важность рассмотрения произведений Достоевского

⁹³ Панченко В. Триумф і банкрутство принципу («Достоевські» питання у творчості Володимира Винниченка). 1998. №93–94. С. 134, 136–137.

⁹⁴ Кошова І. О. Достоевські питання у романі Володимира Винниченка «Записки кирпатого Мефистофеля». С. 122.

⁹⁵ Кудрявцев М. Г. Достоевський і Винниченко: до проблеми художньої інтерпретації злочину і покари в історико-літературному контексті. С. 9.

⁹⁶ Грицай С. Я. Отзвуки Ф. М. Достоевского в творчестве Валерия Шевчука. С. 207.

в православном контексте; дальнейшего изучения требует отражение в его художественном мире Священного Писания, при этом остается актуальным мифопоэтический подход к освещению проблем его творчества. Для украинских литературоведов представляет особый интерес преломление художественного мира Достоевского в творчестве украинских классиков — не только И. Франко и В. Винниченко, но также О. Кобылянской, Л. Украинки, М. Коцюбинского, Н. Хвильового, других.

Не вызывает сомнений, что за достаточно продолжительный по времени постсоветский период давно уже назрела необходимость в создании определенных условий, которые обеспечили бы украинским достоевковедам возможность объединять усилия по дальнейшему изучению творческого наследия великого русского классика, озвучивать свои идеи и обмениваться ими в рамках специальных достоеведческих конференций на территории Украины, приглашать на них как своих российских коллег, так и достоевсковедов со всего мира.

В связи с этим выдвинутую М. Кустовской (и поддержанную Г. А. Зябревой) инициативу создания Украинского общества исследователей Достоевского трудно переоценить. Хочется верить в то, что в обозримом будущем в этом направлении будут предприняты первые серьезные шаги⁹⁷.

⁹⁷ В качестве подтверждения этому следует рассматривать проведение в 2011 и 2012 гг. в рамках ежегодно проходящего в Крыму Международного симпозиума «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст» Крымских Международных научных чтений Достоевского «Слово Ф. М. Достоевского в современном диалоге культур: национальное и вселенское», итогом работы которых стал выпуск (в рамках издания «Вопросы русской литературы») первого на Украине сборника научных трудов, посвященных изучению творческого наследия Достоевского (см.: Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. Слово Ф. М. Достоевского в современном диалоге культур: национальное и вселенское. Симферополь, 2012. Вып. 21 (78)).

С. В. АНАНЬЕВА

ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО В КАЗАХСТАНЕ

Изучение творчества Достоевского в Казахстане является одним из важных направлений в исследовании русской классической литературы. Казахстан, как известно, вошел в судьбу Достоевского трагическими страницами ссылки в Семипалатинск — в 1854 г. Достоевский был зачислен рядовым в Седьмой сибирский линейный батальон. Почти пять лет провел писатель на казахской земле, в 1971 г. в его доме в Семипалатинске был открыт литературно-мемориальный музей. Сотрудники музея проводят большую и разностороннюю работу по популяризации творчества Достоевского в аспекте казахско-русских культурных связей. В 1977 г. рядом с музеем был поставлен памятник «Федор Достоевский и Чокан Валиханов» московского скульптора Д. Элбакидзе.

Фонды музея насчитывают свыше 21 тысячи музейных экспонатов, включая уникальные коллекции книг с автографами, мемуарную литературу, периодические издания XIX–XX вв., рукописи и документы, редкие фотографии. Научными сотрудниками музея готовятся материалы в помощь учителям литературы и студентам-словесникам. К 180-летию со дня рождения Достоевского было опубликовано методическое пособие «Человек и вечность в творчестве Достоевского»¹. Пособие включает в себя разделы: «Образ смеха в „Записках из Мертвого дома“», «Фольклорная и средневековая символика»; «Мистический Достоевский. Достоевский и образы Таро», а также: «Общность мотивов (роман В. Шукшина „Любавины“ и роман Достоевского „Записки из Мертвого дома“, глава „Акулькин муж“)»; «Сны Родиона Раскольникова и Егора Любавина по роману Достоевского „Преступление и наказание“ и роману В.М. Шукшина „Любавины“»; «О некоторых реминисценциях Достоевского („Записки из Мертвого дома“) у Б. Пастернака („Доктор Живаго“)»; «Тема смерти в романе Достоевского „Преступление и наказание“ и в стихотворении Б. Пастернака „Метель“»; «Выздоровление Мари и тайна князя Мышкина — мотивы романа „Идиот“ Достоевского в „Пробуждении“ Г. Газданова». Часть разделов имеет методическую

¹ Рыбченко Е. Человек и вечность в творчестве Достоевского. Семипалатинск, 2001. 72 с.

направленность. К таким можно отнести «Урок „Мир спасется красотой“»; «Повесть Достоевского „Село Степанчиково и его обитатели“ в 10-м классе» (урок № 1 по литературному краеведению); «Проблема творчества и тирании, или Развитие мотива „я“ и „другие“ в семипалатинской повести „Село Степанчиково и его обитатели“» (урок № 2).

За последнее десятилетие увидели свет книги и статьи казахстанских литературоведов, посвященные творчеству Достоевского в целом², анализу конкретных произведений³ и поиску параллелей в мировой литературе⁴. В 2004 г. в Семипалатинске была проведена Международная научно-практическая конференция «Достоевский и мировая культура: художественное наследие и духовность» и изданы ее материалы⁵. По мнению участников, на конференции царил «настрой доверительного разговора и заинтересованного научного общения», творчество писателя интерпретировалось в современном религиозно-философском и культурно-историческом контекстах. Авторы данного сборника обнаруживают связующие нити между наследием Достоевского и творчеством Ф. Ницше, А. П. Чехова, С. Франка, П. Козьло и др. В сборник вошел также раздел «Достоевский и культура Казахстана», который содержит новые размышления сотрудников Семипалатинского литературно-мемориального музея Т. К. Автушко, Н. Е. Барбарат, Л. Ф. Шлихтемаер, Е. Рыбченко. Новое прочтение произведений Достоевского представлено в сообщении Г. Т. Жумасеитовой «Достоевский на казахской балетной сцене». Представлены материалы, посвященные исследованию темы дружбы Достоевского и Ч. Ч. Валиханова (М. Р. Султанбекова, С. К. Жибраева)⁶. В своем выступлении на конференции правнук писателя Дмитрий Андреевич Достоевский подчеркнул, что приехал на казахстанскую землю, «чтобы от всех Достоевских поклониться этой земле, на которой происходило „воскресение из мертвых“», духовное возрождение величайшего из гениев мировой литературы⁷.

² *Ананьева С. В.* Творчество Достоевского в исследованиях современных литературоведов // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. Новокузнецк, 2010. Сб. 8. С. 4–9.

³ *Демежанов Т. М.* Об архетипической основе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Филологический анализ текста. Барнаул, 2007. Вып. VI. С. 31–34.

⁴ *Тусупова А. К.* Сравнительный анализ образов Дэвида Копперфильда Ч. Диккенса и Родиона Раскольникова Ф. М. Достоевского // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. С. 88–92; *Рыбченко Е. С.* Мотив тайны в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» и в русских народных сказках «Иван Бесталаный и Елена Премудрая», «Вещий сон» // Там же. С. 72–80; *Григорьева О. Н.* Опыт несвободы. «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и «Этап на восьмую» Виктора Васильева // Достоевский и мировой литературный процесс. Материалы Междунар. конф., посвящ. 185-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. Омск, 2007. С. 28–33; и др.

⁵ Достоевский и мировая культура: художественное наследие и духовность. Семипалатинск, 2004. 256 с.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ *Достоевский А. Д.* Слово о Достоевском // Там же. С. 7.

Следует отметить, что в работах казахстанских исследователей ясно видно стремление изучать творчество писателя в его связи с национальной литературой (М.Р. Султанбеков, С.К. Жибраев), в контексте истории русской литературы (В.В. Савельева, Г.Г. Лукпанова, Л.С. Рыгалова, О.А. Иост) и мирового литературного процесса (А.К. Тусупова, С.В. Ананьева). Важно отметить, что цех казахстанских достоевцев пополняют молодые исследователи (А. Ходжиков, Д. Чен, А. Шаймерденова). В вузах страны регулярно защищаются диссертации о творчестве русского писателя: Т. Акпамбетовой «Достоевский и Ч. Валиханов», К.М. Мукушевой «Қазақ әдебиетіндегі дәстүр ықпалдастығы және аудармадағы характер проблемасы (Достоевскийдің „Нақұрыс“ романының аудармасы бойынша)» («Взаимовлияние традиций в казахской литературе и проблема характера в переводе (на примере романа Достоевского „Идиот“»)). В этой работе исследованы особенности художественного перевода романа Достоевского «Идиот» на казахский язык (переводчик — Н. Сыздыков); проведен сопоставительный анализ лексики оригинала и перевода, особенностей передачи философско-религиозных взглядов героев писателя в русском и казахском тексте, а также роль Достоевского в развитии казахской литературы.

Ранее, в 1960–1980 гг., на филологическом факультете Казахского государственного университета существовал ряд спецкурсов и семинаров о творчестве И.С. Тургенева и Достоевского, который читала Н.К. Савченко. «Её работы по изучению поэтики романов Достоевского печатались в российских изданиях (журналы „Филологические науки“, „Русская литература“). По предложению Московского государственного университета материалы ее спецкурсов были изданы в качестве специальных пособий: „Проблемы художественного метода и стиля Достоевского“ (М., 1975) и „Сюжетосложение романов Достоевского“ (М., 1982). Из семинаров Савченко вышла группа филологов, которые продолжили заниматься Достоевским в аспирантуре и позже защитили диссертации в России (Г.Г. Лукпанова, В.В. Савельева, Г.З. Горбунова, Н.К. Данилова, Н. Каменева, Л.С. Рыгалова)»⁸.

В работе Л.С. Рыгаловой о поэтике литературного портрета в аспекте экфрасиса осуществлен анализ описаний внешности литературных ге-

⁸ Савельева В.В. Русская литература в ближнем зарубежье: взгляд из Казахстана // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России — взгляд из зарубежья: Материалы Междунар. научно-практич. конф., посвящ. 190-летию кафедры истории русской литературы филолог. фак-та СПб. гос. ун-та / Отв. ред. А.А. Карпов. СПб., 2011. С. 539. Некоторые из ее учеников защитили диссертации: Лукпанова Г.Г. Трансформация мотивов и образов Пушкина и Лермонтова в творчестве Достоевского. М., 1989; Рыгалова Л.С. Достоевский и Толстой в середине 1870-х годов («Подросток» и «Анна Каренина»). Л., 1984; Савельева В.В. Идеино-художественная функция символики в реалистической системе романа Достоевского «Братья Карамазовы». Л., 1980.

роев⁹. В другой работе исследовательницы проведено описание хронолога романа «Подросток», сделаны наблюдения над композицией и формой повествования в романе¹⁰. Исследовательница обнаруживает в романе Достоевского ряд так называемых «точек отсчета» в сюжете, играющих основную роль в процессе образования сюжетного события. По ее мнению, композиционное строение каждой из частей произведения идентично, в структуру каждой из них входят одни и те же элементы: «предварение», хронологический цикл, начинающийся с «точки отсчета» и «разрядка». Например, «точкой отсчета» первой части романа является 19 сентября, второй части — 15 ноября, третьей части — день выздоровления Аркадия Долгорукова. Эти даты играют сюжетообразующую роль и многократно повторяются повествователем, причем каждый хронологический цикл описывает события трех-пяти дней. Хотя хронологический ориентир, открывающий каждый из циклов, до предела насыщен событиями и психологическими метаморфозами (описанию этого дня отдано больше половины глав в каждой части), наиболее драматические и конфликтные ситуации приходится на последующие дни цикла, включая мотивы шанстажа, самоубийства или жизненной катастрофы. Далее, за напряженными событиями неизбежно наступает «разрядка», сюжетная динамика замедляется, и в жизни героя наступает период относительно спокойного времени. Но спокойствие это весьма ненадежно и быстротечно: в недрах его уже зреют события, которые явятся предпосылками нового динамического подъема, или «предварением» нового «хронологического цикла». Тем самым исследовательница сравнивает развитие сюжета «Подростка» «с движением по спирали, каждый виток которой в основном повторяет предшествующий, но в то же время обогащен каким-то новым качеством»¹¹. Рыгалова утверждает, что в романе Достоевского «Подросток» прослеживаются многие признаки нового, нефабульного типа связи — так называемого «закона сцеплений», впервые изученного на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»¹². Имеются в виду многозначность и многоплановость сюжета; относительная самостоятельность отдельных элементов (частей, сюжетных линий, эпизодов); процесс «децентрализации» или «падения определяющей роли главного героя»; «свернутые ситуации» и отсутствие всё завершающего и всё объясняющего финала.

Продолжая эту же тему в статье «„Закон сцеплений“ в романе Достоевского „Подросток“», исследовательница высказывает мнение, что художественное единство в «Подростке» «не может быть увидено,

⁹ Рыгалова Л. С. Некоторые особенности портрета в романе Достоевского «Подросток» // Литературные маргиналии: Межвузовский сборник научных трудов. Алма-Ата, 1992. С. 19–22.

¹⁰ Рыгалова Л. С. Композиция романа Достоевского «Подросток» // Жанрово-стилевые искания и индивидуальность писателя: Сборник научных трудов. Алма-Ата, 1994. С. 22–27.

¹¹ Там же. С. 27.

¹² Там же. С. 26.

если исходить из представлений только о традиционной фабульной связи как ведущем композиционном принципе любого художественного произведения»¹³. Как тип связи принцип «сцеплений» создается на основе различных видов повтора. Прием этот наиболее тщательно разработан Достоевским именно в «Подростке»: повторяются детали внешности различных героев, их поступки, ситуации, в которых они оказываются. В каждой части Подросток вступает в прямой диалог с Версиловым и Ахмаковой, и с этими встречами связаны узловые моменты повествования. Все встречи-диалоги с Ахмаковой происходят на одной и той же территории — на квартире у Тагьяны Павловны. Место встреч с Версиловым, напротив, всякий раз иное, но повторяется время этих встреч — все они происходят в конце дня и оказываются его завершающим событием.

В работе, посвященной сравнительному анализу произведений Достоевского и Л.Н. Андреева¹⁴, отмечается большое влияние, которое испытывал Андреев со стороны автора «Записок из подполья». Исследовательницей обнаружены общность тем и преемственность идей, литературных типов и средств художественного изображения, обращение к поискам истины в области «неясного» и «неразрешенного», философское переосмысление вековых ценностей в эпоху бесконечно усложнившейся общественной жизни¹⁵. Согласно мнению автора работы, такое же влияние Достоевского испытал и Ницше, в то время как Л. Андреев пережил увлечение произведениями и того, и другого, и это связанное комплексное влияние привело к формированию в его творчестве специфической модели «сверхчеловека» с его особым отношением к интуитивным формам познания окружающей действительности. Оба писателя использовали в своих повестях форму прямого высказывания героя о себе («исповедь»), осуществляя важнейший для реализма принцип «вживания в самую разнообразную человеческую натуру, не только внутренне близкую писателю, но и чуждую и даже отвратительную для него»¹⁶. В связи с этим Достоевский разработал две разновидности исповедальной формы: первая утверждала провозглашаемые героем идеи, вторая — корректировала или даже отвергала их. Андреев не просто ориентировался на вторую разновидность, но и творчески ее развил, предлагая читателю, по словам А. Измайлова, уже даже не читать между строк, а читать в строках «противоположное тому, что в них написано»¹⁷.

¹³ Рыгалова Л. С. «Закон сцеплений» в романе Достоевского «Подросток» // Проблемы поэтики и стиховедения: Сборник научных трудов. Алматы, 1996. С. 38–43.

¹⁴ Рыгалова Л. С. 1) «Сверхчеловек» Достоевского и Л. Андреева // Проблемы поэтики и стиховедения. Тезисы межвузовской научной конференции. Алматы, 1993. С. 94–96; 2) Проблема авторской позиции в повести Л. Андреева «Мои записки» // Проблемы поэтики. Межвузовский сборник научных трудов. Алматы, 1998. С. 45–57.

¹⁵ Рыгалова Л. С. «Сверхчеловек» Достоевского и Л. Андреева. С. 95.

¹⁶ Бочаров С. Г. Характеры и обстоятельства // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. М., 1962. С. 415.

¹⁷ Измайлов А. Литературный Олимп. М., 1911. С. 276.

Следует отметить вклад в казахстанское достоеведение профессора В. В. Савельевой. Ее работы посвящены поэтике романа Достоевского «Братья Карамазовы»¹⁸, а также межтекстовым отношениям творчества Достоевского и Г. Р. Державина¹⁹.

Метатекстовый статус сюжетной линии «меньших братьев» в романе Достоевского «Братья Карамазовы», энтомологические и хтонические мотивы в романах Достоевского, темы «Достоевский и „Шинель“ Гоголя», «Достоевский и Пушкин: суэта и свобода» входят в сферу научных интересов Г. Г. Лукпановой; исследовательница сосредоточивается на лермонтовских мотивах в произведениях Достоевского²⁰, а также на сравнении свойств его поэтики с особенностями творчества А. П. Чехова²¹. Анализируя драму Пушкина «Пир во время чумы» (1830) и рассказ Достоевского «Бобок» (1873), исследовательница выявляет их жанровое сходство: «вводя мотивы своего предшественника в круг создаваемых им образов, проецируя эти мотивы в сутолоку современной ему повседневности, в иной жанр, „прозаизируя“ и профанируя их», Достоевский сохраняет трагическое звучание описанных Пушкиным ситуаций²².

Изучение повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» позволяет Лукпановой увидеть в этом произведении «многомерную систему отношений с пушкинскими текстами и в первую очередь с романом „Евгений Онегин“»²³. Отсюда рождается вывод о сюжетном парафразе в этом произведении ряда трагических судеб «пушкинских героинь»²⁴.

¹⁸ Савельева В. В. 1) Поэтические мотивы в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1987. С. 125–134; 2) Об одной литературной параллели к роману «Братья Карамазовы» // Жанрово-стилевые искания и индивидуальность писателя. Алматы, 1994. С. 17–22; 3) Онейрический цикл в поэтике романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» // Проблемы поэтики и стиховедения. Алматы, 2003. Ч. 1. С. 108–114.

¹⁹ Савельева В. В. 1) Достоевский и Державин: проблема межтекстовых отношений // Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции: Научные статьи, доклады. Тамбов, 1993. С. 67–72; 2) Бог у Достоевского и Державина (параллельный анализ художественных текстов) // Проблемы поэтики и стиховедения. Алматы, 1993. С. 97–99.

²⁰ Лукпанова Г. Г. Трансформация лермонтовских мотивов и образов в романе Достоевского «Бесы» // Эволюция художественных форм и творчество писателя: Сб. науч. трудов. Алма-Ата, 1989. С. 29–37.

²¹ Лукпанова Г. Г. 1) Чехов и Достоевский: к проблеме межтекстовых связей // Проблемы поэтики и стиховедения: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Алматинского университета и памяти проф. А. Л. Жовтиса (19–21 мая 2003 г.). Алматы, 2003. Ч. 1. С. 225–230; 2) Трансформация сюжетных мотивов и ситуаций Ф. М. Достоевского в ранних рассказах А. П. Чехова // Достоевский и мировая культура: художественное наследие и духовность. С. 166–172.

²² Там же. С. 334.

²³ Лукпанова Г. Г. О пушкинском интертексте повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Проблемы поэтики и стиховедения. Алматы, 2009. С. 480.

²⁴ Там же. С. 486.

Крупнейший научно-филологический центр Казахстана, Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, также уделяет немало внимания изучению творчества Достоевского, в частности теме культурного взаимовлияния «Сибирь–Казахстан», которую развивает С.В. Ананьева²⁵. Недавно был опубликован труд «Время–Пространство–Автор. Прием автобиографизма и пространственно-временная организация художественного текста»²⁶, который получил большой позитивный резонанс в научных кругах страны²⁷. В центре внимания исследовательницы оказываются процессуальность художественного времени в «Идиоте» и «Преступлении и наказании», хронотоп сюжета «Братьев Карамазовых» в сравнении с «Пиковой дамой» Пушкина. Автор приходит к выводу, что Достоевский отказывается от непрерывного исторического и биографического времени, но концентрирует действие в точках кризисов, переломов и катастроф. По мнению исследовательницы, действия сосредоточены в пределах хронотопа «порога» (у дверей, при входе, на лестнице, в коридоре и т. д.), метафорой которого может стать гостиная или городская площадь.

Казахстанские литературоведы П.Д. Поминов и Е.И. Поминова, авторы исследования «„Маленький человек“ и большая Сибирь в судьбе Достоевского», акцентируют свое внимание на значении в творческой биографии Достоевского его семипалатинского периода жизни — времени, когда он вернулся к литературному творчеству, когда происходила «огромная духовная работа» и, самое главное, «состоялась встреча с жизнью, с живой жизнью»²⁸. Достоевскоеды Казахстана продолжают изучение творчества писателя, активно публикуются в отечественных и российских изданиях, а также в научных журналах других стран, принимают активное участие в организации и проведении научных конференций по русской литературе.

В последние годы были также осуществлены новые переводы произведений Достоевского на казахский язык, например, вышли «Братья Карамазовы» в переводе Н.С. Сыздыкова. Автор вступительной статьи — доктор филологических наук, профессор А.С. Исмакова²⁹. Следует отметить, что произведения Достоевского входят в программу по литературе казахстанской средней школы, что отражено в учебных пособиях: «Русская классическая литература и современность. Учебник для 10-го класса естественно-математического направления» (Алматы, 2010), «Русская классическая литература и современность. Учебник для 10-го класса общественно-гуманитарного направления» (Алматы, 2010).

²⁵ См. об этом: *Кушникова М., Тогулев В.* Слово к читателю // *Голоса Сибири: Литературный альманах.* Кемерово, 2006. Вып. 4 / Сост.: М. Кушникова, В. Тогулев. С. 5.

²⁶ *Ананьева С.В.* *Время–Пространство–Автор. Прием автобиографизма и пространственно-временная организация художественного текста* / Под общей ред. С.А. Каскабаева. Алматы, 2003.

²⁷ *Бадиков В.В.* От Достоевского до Айтматова // *Евразия.* 2004. №3. С. 98.

²⁸ *Поминов П.Д., Поминова Е.И.* «Маленький человек» и большая Сибирь в судьбе Достоевского // *Достоевский и мировой литературный процесс.* С. 64.

²⁹ *Достоевский Агайынды Карамазовтар.* Астана, 2004.

ЧЭНЬ СИНЬЮЙ

О РОЛИ И ВЛИЯНИИ ДОСТОЕВСКОГО В КИТАЕ

После исторических событий 1919 г., известных как «Движение 4 мая»¹, в стране возрос спрос на произведения классиков русской литературы — Достоевского, Тургенева, Толстого и Чехова. Активизировалась деятельность издательств и переводчиков, многие и многие произведения русских писателей были переведены и изданы на китайском языке. Благодаря этим переводам китайские читатели смогли открыть для себя Достоевского как духовно близкого человека. Одновременно появилось множество исследовательских работ, посвященных его творчеству, а также биографических и научно-популярных статей и монографий. В течение всего XX в. Достоевский оказывал влияние и на творчество китайских писателей.

I. Изучение Достоевского в Китае

Можно условно выделить три этапа изучения Достоевского в Китае. Первый этап — 1918–1950 гг. Как выдающийся русский писатель, Достоевский был радушно встречен исследователями и публицистами левой политической ориентации. Большая часть исследований о нем носила биографический характер. Китайские критики с энтузиазмом осваивали концепции русских и западных литературоведов, обретая запас знаний для изучения творчества писателя. Новая китайская литература нашла человеколюбивые идеи Достоевского созвучными китайским

¹ «Движение 4 мая» — народные волнения, ставшие ответом на решение Парижской мирной конференции отказать Китаю в сохранении земель бывших германских концессий после окончания Первой мировой войны. Началом послужила массовая антияпонская и антиправительственная демонстрация в Пекине, проходившая под социалистическими, антиимпериалистическими и антияпонскими лозунгами. Под давлением непрерывающихся забастовок и акций протеста правительство Китая вынуждено было заявить об отставке ряда министров, а также о непризнании страной Версальского мирного договора. «Движение 4 мая», помимо общественно-политического значения, имело также большое значение для культуры страны, придав ее дальнейшему развитию более современный характер.

традициям гуманизма и любви к человеку (жэнь²). Идея Достоевского любви и сочувствия к простым беднякам, к униженным и оскорбленным была близка писателям и читателям нового демократического Китая. С уверенностью можно сказать, что этот период отличался особым интересом к произведениям Достоевского, которые воспринимались как пример русского реализма высочайшего уровня.

Второй этап — 1950–1989 гг. В этот период Достоевский рассматривался, с одной стороны, как мастер романа, а с другой — как идейно чуждый китайской идеологии писатель. Классовый подход к зарубежной литературе занимал основное место в методике китайского литературоведения того времени. Идейная враждебность к творчеству Достоевского усиливалась еще и тем, что многим китайцам трудно было понимать Достоевского как «чисто русского писателя», по определению Н. А. Бердяева. «Ф. Достоевский был до глубины русский человек и русский писатель. Его нельзя себе представить вне России. По нему можно разгадывать русскую душу»³. Как правильно заметил Го Сяоли, «во-первых, китайцам, воспитывающимся в контексте конфуцианских идей, трудно уловить смысл произведений, написанных в христианском (точнее, православном) духе... во-вторых, принципы мышления культуры („строение души“ России и Китая) различаются между собой»⁴.

Третий этап наступил в 1990-е гг. и продолжается по настоящее время. Этот период отличается всё возрастающим ростом интереса к русской литературе и преклонением китайских читателей перед Достоевским как литературным гением. Писатели среднего и старшего поколений, опираясь на свои личные переживания о пройденном странной историческом пути, в атмосфере освобождения от идейно-классовых запретов перешли к анализу человеческой психологии и отображению глубины души человека. Достоевский подсказывает им очень многое в подходе к психологии человека, помогает понять «неуловимое» при сохранении специфики восприятия в рамках национальных традиций.

Лу Синь был одним из первых исследователей Достоевского в Китае. До 1920-х гг. Лу Синь, владевший японским языком, собирал издания произведений Достоевского в переводах на японский. Среди них было собрание сочинений Достоевского, а также книги, посвященные изучению творчества писателя: например «Л. Толстой и Ф. Достоевский» Д. Мережковского, «Переоценка Достоевского» японского исследователя Нобори Сёму. Хотя Лу Синь практически не занимался

² Жэнь (仁) — в соответствии с концепцией Конфуция, «человеческое начало», «любовь к людям», «человеколюбие», «милосердие», «гуманность».

³ Бердяев Н. А. Мирозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. О русских классиках. М., 1993. С. 107–223.

⁴ Го Сяоли. Бинарность и тернарность: сравнительный анализ принципов мышления двух культур через призму произведений Достоевского, Конфуция и Лао-Цзы // Философский журнал. 2012. № 1. С. 86.

переводами Достоевского, однако регулярно упоминал его имя в своих работах.

Важно отметить, что Лу Синь оказал большую помощь в деле издания произведений Достоевского в прямых переводах с русского языка. Занимаясь исследованием творчества Достоевского, он написал небольшое предисловие к роману «Бедные люди». В этом эссе Лу Синь признавался, что «был поражен тем, что 24-летний Достоевский продолжил тему „маленького человека“, впервые затронутую в творчестве А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, и описал одиночество пожилого человека. Бедные люди Макар Девушкин и Варенька Доброселова так нежно и преданно любили друг друга, но им, к сожалению, не суждено было обрести счастье друг с другом. Они чувствовали себя ужасно одинокими, униженными и в то же время не желающими мириться с несправедливостью»⁵. Лу Синь рассматривал Достоевского как писателя, всю жизнь боровшегося за счастливую судьбу бедных людей.

Как и Достоевский в русской литературе, он как бы говорил своим творчеством, что всякий человек, кем бы он ни был, как бы низко он ни стоял на ступенях социальной иерархии, имеет право на сочувствие и сострадание. Как и Достоевский, Лу Синь с большим сочувствием думал о судьбе китайского народа; в тогдашнем Китае это было большим открытием. Лу Синь сравнивал русскую литературу с плодородной почвой, которая помогает вырастить в людях такие качества, как терпение, чувство справедливости и сострадание, гуманность. Как активный защитник движения за «новую культуру» писатель убеждал ее противников в том, что «Преступление и наказание» Достоевского и «Капитал» Маркса были написаны не после чашки чая и кофе или после выкуренной европейской сигареты⁶.

Лу Синь называл Достоевского великим судьей человеческой души, который в поисках истины одновременно выступал в двух ипостасях — в роли судьи и в роли преступника. Суд в его книгах — это суровое, беспристрастное изобличение преступника, но суд — это еще и путь к добру, путь к истине, который совершается через преодоление зла. Признавая диалектику добра и зла, Лу Синь вслед за Достоевским показывает, что раскрыть суть добра на разных уровнях бытия возможно лишь через его противоположность — зло, так как добро и зло коренятся в душе самого человека.

Лу Синь отмечал, что творчество Достоевского имело просветительское значение для китайской интеллигенции. Он восхищался тем, что Достоевский сумел проникнуть в глубину души человека не с помощью описания внешности, а с помощью тона, голоса. Лу

⁵ 鲁迅. 《鲁迅全集》，16卷，第7卷，人民文学出版社，1981年，第103页。（Лу Синь. Собр. соч.: В 16 т. Пекин, 1981. Т. 7. С. 103.)

⁶ 鲁迅. 《鲁迅全集》，16卷，第3卷，人民文学出版社，1981年，第150页。（Там же. Т. 3. С. 150.)

Синь считал, что Достоевский проводил своего рода эксперименты в своих романах, от «Бедных людей» и до «Братьев Карамазовых», с целью выявить свой «реализм в высшем смысле», рассмотреть этические правила, следуя закону души. Достоевский заставил своих героев пережить духовную казнь, направил их на путь рефлексии и исповеди, исправления и воскресения. Изображенное Достоевским жизненное пространство героев он воспринимал в трех аспектах: 1) ситуация социальной и метафизической несвободы, 2) попытка героев найти возможность реализовать свои творческие силы, ставящая их на грань жизни и смерти, 3) раскрытие мотивов и причин духовного кризиса человека, находящегося в состоянии нравственно-онтологического «запустения».

Высоко оценивая Достоевского, Лу Синь указывал на причины трудности в восприятии его произведений соотечественниками: «Как китайский читатель, я не в состоянии понять достоевское терпение, смирение и страдание. В Китае нет русского Христа, здесь господствует Ли („вежливость“), а не Бог»⁷. Тем самым Лу Синь хотел сказать, что конфуцианская традиция помешала китайским читателям правильно понять смыслы этических исканий героев Достоевского. Как мы уже отмечали выше, действительно, читателю, впервые взявшему в руки роман Достоевского, трудно было адекватно понять заложенные в нем смыслы. Известный китайский поэт Сюй Чжимо отмечал, что «максимальные ценности, к которым Достоевский стремился, превратились в абсолютную пустоту, печальную и страшную пустоту; вожделие и любовь, описываемые им, обречены на трагический конец»⁸. Поэт находил «в улыбке персонажа романа „Идиот“ князя Мышкина нечто нерадостное и нездоровое»⁹. Критик Чжоу Либо писал, что произведения Достоевского наносят человеку морально-философскую травму. Он подчеркивал, что в борьбе за торжество жизни Л. Толстой выглядит, как река, по которой плывет лодка, и это гораздо важнее, чем Достоевский, которого можно сравнить с водопадом¹⁰. Не был понят и тезис Достоевского о «смирении». Писатель Тянь Хань «упрекал Достоевского в обожевлении смиренных рабов и благословении цепей на своем теле»¹¹.

⁷ 鲁迅. 《鲁迅全集》，16卷，第6卷，人民文学出版社，1981年，第411–412页。（*Там же*. Т. 6. С. 411–412.）

⁸ 徐志摩. 《罗曼罗兰》，晨报副刊. 1925（10）。（*Сюй Чжимо*. Ромен Роллан // Утро. 1925. № 10.）

⁹ 徐志摩. 《欧洲漫录》，晨报副刊. 1925（4）。（*Сюй Чжимо*. Поездка по Европе // Утро. 1925. № 4.）

¹⁰ 周立波. 《纪念托尔斯泰》//周立波. 《周立波三十年代文学评论集》，上海，第240页。（*Чжоу Либо*. Памяти Л. Толстого // Чжоу Либо. Сборник литературной критики 1930-х гг. Шанхай, 1984. С. 240.）

¹¹ 田汉. 《从罪与罚的世界到马戏团的世界》//田汉. 《田汉文集》第14卷，北京，2002年，第540页。（*Тянь Хань*. От мира «Преступления и наказания» к миру цирка // Тянь Хань. Собр. соч.: В 20 т. Пекин, 2002. Т. 14. С. 540.）

Трагическое раздвоение личности, которое стало одной из главных тем творчества Достоевского, до этого не имело места в китайской литературе. Поэтому на начальном этапе восприятия Достоевского в Китае некоторые китайские писатели, и особенно традиционалисты до конца не понимали философских идей писателя и болезненно реагировали на его художественно-психологические исследования. По мнению Ван Юаньхуа, творчество Достоевского — «это писательское шоу, злоупотребление талантом»¹². Ма Чжуншу, в свою очередь, опасался, что «чтение Достоевского могло бы вызвать отвратительное чувство, привести современную молодежь к моральному падению, душевной замкнутости и разврату»¹³.

В 1980-е гг. китайские исследователи пришли к более углубленному изучению творчества Достоевского. Например, в статьях Ся Чжуньи «„Записки из подполья“ Достоевского и полифоническая структура романа»¹⁴ и Пэн Кэсюнь «Романы Достоевского и бурный XX век»¹⁵ рассматривается связь произведений Достоевского с мировой литературой.

По мере возрождения литературоведческой компаративистики в Китае появились такие исследования, как, например, статья Сюй Цзидуна «Тема интеллигентной исповеди в русской и современной китайской литературе на примере творчества Достоевского и Чжан Сяньляна» и монография Ли Чуньлинь «Лу Синь и Достоевский»¹⁶.

В 1990-е гг. исследований, посвященных Достоевскому, становится всё больше и больше. В книге под редакцией Ван Чжилян «Русская литература и Китай»¹⁷ отдельная глава («Достоевский и Китай») посвящена оценке произведений писателя в Китае и влиянию его творчества на современную китайскую литературу. В главе «Перевод русской литературы в Китае» (написанной в соавторстве с Ли Динцзо) представлен подробный обзор переводов Достоевского в Китае вплоть до 1987 г. Одно название — «Достоевский» — имеют книги Чэнь Цзяньхуа¹⁸

¹² 王元化. 《读陀思妥耶夫斯基》 //王元化. 《集外旧文钞》，上海，2001年，第102页。(Ван Юаньхуа. Прочтение Достоевского // Цзивай цзювэньчао. Сборник дополнений к собранию сочинений Ван Юаньхуа. Шанхай, 2001. С. 102.)

¹³ Дин Шисинь. Анализ причин неприятия Достоевского в современном Китае // Научный форум. 2009. №1. С. 66.

¹⁴ 夏仲翼. 《陀思妥耶夫斯基的地下室手记和小说复调结构问题》，《世界文学》，1982年第4期。(Ся Чжуньи. «Записки из подполья» Достоевского и полифоническая структура романа // Мировая литература. 1982. №4.)

¹⁵ 彭克巽. 《陀思妥耶夫斯基的小说与动荡的二十世纪》，《读书》，1983年第12期。(Пэн Кэсюнь. Романы Достоевского и бурный XX век // Чтение книг. 1983. №12.)

¹⁶ 李春林著. 《鲁迅与陀思妥耶夫斯基》，合肥，1985年。(Ли Чуньлинь. Лу Синь и Достоевский. Аньхой, 1985.)

¹⁷ 智量等. 《俄国文学与中国》，上海，1991年。(Ван Чжилян. Русская литература и Китай. Шанхай, 1991.)

¹⁸ 陈建华. 《陀思妥耶夫斯基传》，台湾，1994年。(Чэнь Цзяньхуа. Достоевский. Тайвань, 1994.)

и Чэнь Хуэйлин¹⁹, посвященные описанию жизни и творчества писателя.

В монографических исследованиях «Связи между китайской и русской литературой XX века» Чэнь Цзяньхуа²⁰, «Современная история перевода мировой литературы в Китае» под редакцией Се Тяньчжэнь²¹ «О переводе русско-советской художественной литературы в 1930–1940-е годы в Китае» Ли Цзинь²² и во многих других работах уделяется большое внимание переводу Достоевского и популяризации произведений писателя в Китае.

Таким образом, исследования о Достоевском в Китае прежде всего связаны с изучением его произведений с помощью средств сравнительно-исторического литературоведения. Начиная с 1990-х гг. выходят в свет исследования культурно-исторического характера, посвященные Достоевскому. Например, «Достоевский и дух русской культуры» Хэ Юньбо²³, «Мораль, Бог и человек: Вопросы изучения Достоевского» Хэ Хуэйхуна²⁴, «Бродячая душа. Достоевский и русская традиционная культура» Чжао Гуйлянь²⁵ и др. Кроме того, в это же время в Китае появились научные труды, в которых основной акцент сделан на изучение внутренней структуры, языка и поэтики произведений Достоевского, а не только его философских идей, как это чаще бывало прежде. Это такие работы, как «Русская литература и Запад: сравнительное исследование моделей русской и западной эстетики повествования» Ху Жицзя²⁶, «Поэтика Достоевского в контексте религиозной культуры» Ван Чжигэн²⁷, «Исследование искусства романов Достоевского» Пэн Кэсюнь²⁸.

¹⁹ 陈慧玲. 《陀思妥耶夫斯基》, 台湾, 1997年. (Чэнь Хуэйлин. Достоевский. Тайвань, 1997.)

²⁰ 陈建华. 《20世纪中俄文学关系》, 北京, 2004年. (Чэнь Цзяньхуа. Связи между китайской и русской литературой XX века. Пекин, 2004.)

²¹ 谢天振主编. 《中国现代翻译文学史(1898-1949)》, 上海, 2003年. (Се Тяньчжэнь. Современная история перевода мировой литературы в Китае. Шанхай, 2003.)

²² 李今. 《三四十年代苏俄汉译文学论》, 北京, 2006年. (Ли Цзинь. О переводе русско-советской художественной литературы в 1930–40-е годы в Китае. Пекин, 2006.)

²³ 何云波. 《陀思妥耶夫斯基与俄罗斯文化精神》, 长沙, 1997年. (Хэ Юньбо. Достоевский и дух русской культуры. Чанша, 1997.)

²⁴ 何怀宏. 《道德·上帝和人——陀思妥耶夫斯基的问题》, 北京, 1999年. (Хэ Хуэйхун. Мораль, Бог и человек. Вопросы изучения Достоевского. Пекин, 1999.)

²⁵ 赵桂莲. 《漂泊的灵魂——陀思妥耶夫斯基与俄罗斯传统文化》, 北京, 2002年. (Чжао Гуйлянь. Бродячая душа. Достоевский и русская традиционная культура. Пекин, 2002.)

²⁶ 胡日佳. 《俄国文学与西方——审美叙事模式比较研究》, 上海, 1999年. (Ху Жицзя. Русская литература и Запад: сравнительное исследование моделей русской и западной эстетики повествования. Шанхай, 1999.)

²⁷ 王志耕. 《宗教文化语境下的陀思妥耶夫斯基诗学》, 北京, 2003年. (Ван Чжигэн. Поэтика Достоевского в контексте религиозной культуры. Пекин, 2003.)

²⁸ 彭克巽. 《陀思妥耶夫斯基小说艺术研究》, 北京, 2006年. (Пэн Кэсюнь. Исследование искусства романов Достоевского. Пекин, 2006.)

Представляется, что китайские русисты и специалисты по русской литературе сделали немало для изучения творчества Достоевского. К сожалению, до сих пор недостаточное внимание уделяется изучению взаимосвязи Достоевского с китайской литературой. Следует отметить, что если бы не было монографии «На грани речи и мысли: сравнительное изучение Достоевского»²⁹, китайские исследования о Достоевском не достигли бы достаточно высокого уровня. Новизна этого серьезного монографического исследования Тянь Цюаньцзиня заключается в том, что китайские переводы Достоевского рассматриваются в контексте китайской культуры; проводится тематический анализ сексуального, семейного и интеллектуального аспектов в контексте китайской классической литературы — на примере романов «Сон в красном тереме» и «Цветы сливы в золотой вазе»³⁰. Своеобразие и новаторство этого исследования определяется тем, что тема «Достоевский и религиозная философия» исследуется с помощью междисциплинарных методов в трех аспектах: 1) гармония и страдание; 2) верование и разум; 3) заблуждение и искупление. Тянь Цюаньцзинь, таким образом, выполнил работу по наиболее глубокому аналитическому исследованию творчества Достоевского в китайской филологической школе.

Опыт изучения Достоевского в Китае свидетельствует о том, что в восприятии Достоевского в нашей стране произошли серьезные изменения: непонимание или даже открытая неприязнь сменились искренним и глубоким интересом. Это связано и с появлением новых переводов произведений Достоевского на китайский язык, и с публикациями научных работ китайских и зарубежных филологов и критиков, посвященных творчеству писателя.

Нужно признать, что в первой половине XX в. значительное влияние на восприятие творчества Достоевского китайскими читателями оказали русские критики Мережковский и Кропоткин и такие зарубежные исследователи, как Нобори Сёму (1878–1958), японский переводчик русской литературы, и Георг Брандес (1842–1927), датский литературный критик. Известные писатели Мао Дунь, Чжэн Чжэньдо и Тянь Хань много сделали для распространения суждений Кропоткина и Мережковского в своих разысканиях о Достоевском³¹.

²⁹ 田全金. 《言与思的越界——陀思妥耶夫斯基比较研究》，上海，2010年。《Тянь Чуаньцзинь. На грани речи и мысли: сравнительное изучение Достоевского. Шанхай, 2010.》

³⁰ Имеется в виду «Цзинь пин мэи» (кит. упр. 金瓶梅, пиньинь: Jīn Pīng Méi, палл.: Цзинь пин мэи) — эротико-бытописательный роман, написанный на разговорном китайском языке, известный с 1617 г. Название произведения состоит из частей имен главных героинь романа: Пань Цзиньянь (潘金莲, Pan Jinlian, «Золотой Лотос» Пань), Ли Пиньэр (李瓶儿, Li Ping'er, «Вазочка» Ли) и Пан Чуньмэй (庞春梅, Pang Chunmei, «Цветок весенней сливы» Пан.)

³¹ 沈雁冰. 《陀思妥耶夫斯基的思想》，《小说月报》，1922（1），第13-14页。《Шэнь Яньбин. Идеи Достоевского // Сяошо юэбао. 1922. №1. С. 13-14); 郑振铎. 《关于俄国文学重要书籍介绍》，《小说月报》，1923（4），1923（8）。《Чжэн Чжэньдо.

В последнее время издается множество книг, посвященных Достоевскому и его творчеству: например, «Вечная любовь — воспоминания А.Г. Достоевской»³², «14 лет совместной жизни: воспоминания А.Г. Достоевской»³³, «Реализм Достоевского» и «Достоевский и мировая литература» Г. Фридлендера³⁴, сборник статей «Бог Достоевского» Германа Гессе³⁵, «Л. Толстой и Ф. Достоевский» Д.С. Мережковского³⁶, а также переведенные на китайский язык монографии американских исследователей: «Достоевский и женский вопрос» Нины Пеликан Страус³⁷, «Уничтожение инерции: Достоевский и метафизика» Лизы Кнапп³⁸, «Dostoevsky»³⁹, «Tolstoy or Dostoevsky to»⁴⁰ Джорджа Стайнера, и «Достоевский после Бахтина» английского исследователя Малькольма Джоунса⁴¹ и «Философия Достоевского» немецкого исследователя Рейнхарда Лаута⁴².

С 1980-х гг. достоевковедение в Китае находилось под влиянием книги М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского». Сегодня

О важных книгах по изучению русской литературы // Сяошо юэбао. 1923. №4, 8); 田汉. 《俄罗斯文学思潮之一瞥》，田汉. 《田汉全集》，第14卷，石家庄，2000年，第72-74页。(Тянь Хань. Взгляд на течения в русской литературе // Тянь Хань. Полное собрание сочинений. Шичзячжуан, 2000. Т. 14. С. 72-74.)

³² 陀思妥耶夫斯卡娅, 樊锦鑫译. 《永生永世的爱——陀思妥耶夫斯基夫人回忆录》，桂林, 1992. (*Достоевская А.Г. Вечная любовь: Воспоминания* / Пер. Фань Цзиньсинь. Гуэйлинь, 1992.)

³³ 陀思妥耶夫斯卡娅, 倪亮译. 《相濡以沫十四年: 作家回忆录》，上海, 1997年. (*Достоевская А.Г. 14 лет совместной жизни: воспоминания о Достоевском* / Пер. Ни Лян. Шанхай, 1997.)

³⁴ 格·弗里德连杰尔著, 陆人豪译. 《陀思妥耶夫斯基的现实主义》，合肥, 1994年. (*Фридлендер Г. Реализм Достоевского* / Пер. Лу Жэньхао. Хэфэй, 1994); 格·弗里德连杰尔著, 施元译. 《陀思妥耶夫斯基与世界文学》，上海, 1997年. (*Фридлендер Г. Достоевский и мировая литература* / Пер. Ши Юань. Шанхай, 1997.)

³⁵ 赫尔曼·海塞等. 《陀思妥耶夫斯基的上帝》，论文集, 北京, 1999年. (*Гессе Г. Бог Достоевского* // Сборник статей европейских критиков. Пекин, 1999.)

³⁶ [俄]梅列日科夫斯基, 杨德友译. 《托尔斯泰与陀思妥耶夫斯基》，沈阳, 2000. (*Мережковский Д. С. Л. Толстой и Ф. Достоевский* / Пер. Ян Дзю. Шэньян, 2000.)

³⁷ [美]尼娜·珀利堪·斯特劳著, 宋庆文等译. 《陀思妥耶夫斯基与女性问题》，长春, 2003年. (*Strauss N.P. Dostoevsky and the Woman Question* / Пер. Сун Циньвэнь и др. Чанчунь, 2003.)

³⁸ [美] 莉莎·克纳普著, 季广茂译. 《根除惯性——陀思妥耶夫斯基与形而上学》，长春, 2003年. (*Knapp L. Annihilation of Inertia: Dostoevsky and Metaphysics* / Пер. Цзи Гуанмао. Чанчунь, 2003.)

³⁹ [美] 苏珊·李·安德森著, 马寅卯译. 《陀思妥耶夫斯基》，北京, 2004年. (*Anderson S.L. Dostoevsky* / Пер. Ма Иньмо. Пекин, 2004.)

⁴⁰ [美]乔治·斯坦纳著, 严忠志译. 《托尔斯泰或陀思妥耶夫斯基》，杭州, 2011年. (*Steiner G. Tolstoy or Dostoevsky: An Essay in Contrast* / Пер. Янь Чжунчжи. Ханчжоу, 2011.)

⁴¹ [英] 马尔科姆·琼斯著, 赵亚莉等译. 《巴赫金之后的陀思妥耶夫斯基: 陀思妥耶夫斯基幻想现实主义解读》，长春, 2011年. (*Jones M. Dostoevsky after Bakhtin* / Пер. Чжао Яли и др. Чанчунь, 2011.)

⁴² [德] 赖因哈德·劳特著, 沈真等译. 《陀思妥耶夫斯基哲学——系统论述》，东方出版社, 1996年. (*Lauth R. Die Philosophie Dostojewskis* / Пер. Шэнь Чжэнь и др. Пекин, 1996.)

можно сказать, что, «хотя исследования старшего поколения в то время в основном носили характер „переноса идей“, всё же нельзя отрицать их позитивного воздействия на современные исследования о Достоевском в Китае»⁴³.

II. О переводах Достоевского в Китае

В 1920-е гг. на китайском языке были опубликованы повести и рассказы Достоевского, в частности «Честный вор» (1920), «Елка и свадьба» (1920), «Мальчик у Христа на елке» (1921), «Мужик Марей» (1925), «Хозяйка» (1927), «Сон смешного человека» (1929), «Роман в девяти письмах» (1928), фрагменты романов «Преступление и наказание» (1922), «Униженные и оскорбленные» (1924), «Подросток» (1925), «Бесы» (под названием «Священник и дьявол», 1927), роман «Бедные люди» (1926), а также письма Достоевского к брату Михаилу (1928). Эти переводы осуществлялись с изданий на английском языке. Особенно часто китайские переводчики обращались к рассказу «Честный вор». Таково было начало истории переводов произведений Достоевского в Китае.

Значительно больше переводов появилось в 1930–1940-е гг.: на китайском языке были опубликованы «Преступление и наказание» (1930), «Записки из Мертвого дома» (1931), «Униженные и оскорбленные» (1931), «Кроткая» (1931), «Записки из подполья» (1931), «Слабое сердце» (1933), «Белые ночи» (1936), три первые главы «Неточки Незвановой» (1937), «Идиот» (1946). Кроме того, появились переводы «Пушкинской речи» Достоевского (1935), «Письма Достоевского к госпоже Алчевской» (1935) и таких книг, как, например, «Воспоминания А. Г. Достоевской» (1930), «Идеалы и действительность в русской литературе» П. Кропоткина (1930, 1931)⁴⁴, «Русская литература» англичанина Мориса Бэринга (1931)⁴⁵.

После начала японо-китайской войны в 1937 г. работа над переводами осуществлялась в городах Чунцин и Гуйлинь. За основу по-прежнему брались английские источники. С 1940-х гг. начали появляться переводы с русского языка. В этой связи нельзя не упомянуть имя Гэн Цзичжи, который впервые сделал переводы с оригинала романов «Братья Карамазовы», «Записки из Мертвого дома», «Преступление и наказание». В 1945–1948 гг. шанхайским книжным магазином «Вэнь-

⁴³ 丁世鑫. 《勃兰克斯和升曙梦对中国现代陀思妥耶夫斯基研究的影响》, 《青年文学家》, 2012年第8期, 第22页. (Дин Шисинь. Влияние Брандеса и Нобори Сёму на изучение Достоевского в современном Китае // Молодые литераторы. 2012. №8. С. 22.)

⁴⁴ 彼得·克鲁泡特金, 韩侍桁译. 《俄罗斯文学的理想和现实》, 上海, 1930. (Пер. Хань Шихэн. Шанхай, 1930); 彼得·克鲁泡特金, 韩侍桁译. 《俄罗斯文学的理想和现实》, 重庆, 1931. (Пер. Ли Ни. Чунцин, 1931.)

⁴⁵ 贝灵著, 梁镇译. 《俄罗斯文学》, 上海, 1931. (Пер. Лян Чжэнь. Шанхай, 1931.)

гуань» (позже превратившимся в издательство) было издано собрание сочинений Достоевского в девяти томах⁴⁶.

После образования Китайской Народной Республики руководство страны стало проводить дружественную СССР политику, которая способствовала росту интереса к произведениям русских классиков. В 1950-е гг. число переведенных произведений Достоевского существенно увеличилось. С 1960 по 1979 г. переводы Достоевского в континентальном Китае практически прекратились, в то время как на Тайване этот процесс продолжался, появлялись новые переводы произведений Достоевского с английского на китайский язык. В то же время в континентальном Китае были переизданы ранее переведенные произведения Достоевского.

После «культурной революции» издатели и переводчики в континентальном Китае снова обратились к русской классике. 1980-е гг. по праву считаются «золотым временем» в истории китайских переводов Достоевского. Основную роль в этом процессе играли издательства «Жэньминь чубаньшэ», «Шанхайский перевод», «Лицзян» и «Чжэцзянское детское издательство». Тем не менее по сравнению с переводами Л. Н. Толстого, китайские издания Достоевского сильно уступали им количеством. В 1980-е гг. издательством «Жэньминь чубаньшэ» было издано собрание сочинений Достоевского в девяти томах.

После 1995 г. наступил своеобразный бум переводов Достоевского в Китае. Появилось много переводческих версий одних и тех же произведений. К настоящему времени роман «Преступление и наказание» издан на китайском примерно в тридцати вариантах перевода, «Идиот» — в шестнадцати вариантах, «Униженные и оскорбленные» — в десяти вариантах, «Братья Карамазовы» — в семи вариантах, «Белые ночи» — в пяти вариантах, «Бесы» и «Записки из Мертвого дома» — в четырех вариантах, «Бедные люди» — в трех вариантах. Это касается только полных текстов произведений. Китайские читатели могли познакомиться с работами таких известных мастеров перевода, как Гэн Цзичжи (1899–1947), Цзан Чжунлунь (р. 1931)⁴⁷, Нань

⁴⁶ 《陀思妥耶夫斯基选集》，九卷本，上海，1953。（*Достоевский Ф. Собр. соч.:* В 9 т. Шанхай, 1953: «Преступление и наказание» (первая и вторая части, пер. Взя Сунью), «Униженные и оскорбленные» (пер. Шао Чуаньлиня), «Бедные люди» (пер. Взя Сунью), «Записки из Мертвого дома» (под названием «Сибирские узники», пер. Взя Сунью), «Записки из подполья» (пер. Ван Вэйгао), «Игрок» (пер. Хан Шихэна), «Идиот» (пер. Сянь И), «Братья Карамазовы» (пер. Взя Сунью), собрание рассказов Достоевского: «Белые ночи» (пер. Шую), «Кроткая» (пер. Ван Вэйгао), «Хозяйка» (пер. Взя Сунью); фрагмент «Воспоминаний А. Г. Достоевской», «Письма Ф. М. Достоевского к брату Михаилу Михайловичу» и «Хроника жизни и творчества Достоевского» под ред. В. Чичикина.)

⁴⁷ Цзан Чжунлунь (臧仲伦) — переводчик, профессор Пекинского университета. Перевел «Преступление и наказание» (Чанша, 1995), «Идиота» (Нанкин, 1994), «Братья Карамазовых» (Нанкин, 1999, 2001, 2002); «Бесов» (Нанкин, 2001), «Униженных и оскорбленных» (Нанкин, 1995), «Записок из подполья» и «Двойника» (Нанкин, 2004).

Цзян (р. 1931)⁴⁸, Жун Жудэ (р. 1934)⁴⁹. Они в совершенстве овладели русским языком и выполнили свои переводы с оригинала.

Таким образом, можно заключить, что в 1960–1970-е гг. в континентальном Китае выходило немного книг с произведениями Достоевского, в то время как на Тайване издательская деятельность такого рода была в расцвете. В 1980-е гг. в континентальном Китае и на Тайване переведенные произведения Достоевского получили общественное признание. С 1990-х гг. континентальный Китай стал обгонять Тайвань на этом поприще. Наряду с переизданием старых переводческих версий вышло в свет немало новых переводов известных романов Достоевского. В последние годы и на Тайване переиздано много переводов, выполненных в континентальном Китае, опубликованы новые и переизданы старые переводы. По-прежнему большой популярностью у читателей пользуются переводы таких мастеров, как Гэн Цзичжи, Вэй Сунью и др.

Однако следует отметить, что процесс освоения творчества Достоевского в Китае отстает от западных стран и Японии. Это объясняется тем, что переводить Достоевского в Китае стали сравнительно поздно. К тому же в 1920-е гг. переводчиков, в достаточной мере знающих русский язык, было очень мало, им приходилось переводить Достоевского с английского. Вместе с тем с начала XXI в. в Китае становится всё больше и больше исследователей русской литературы, хорошо знающих русский язык.

III. Влияние Достоевского на китайскую литературу

Несомненно, переводы произведений Достоевского давно уже стали органической составляющей китайского литературного процесса. Влияние Достоевского на китайскую литературу XX в. многообразно, оно зависело в первую очередь от творческого метода и философских взглядов того или иного писателя. Парадоксально, что именно писатели, высоко оценивающие Достоевского, такие как Лу Синь (1881–1936), Чжэн Чжэньдо (1898–1958), Су Сясунь (1907–1986) и Шао Цуаньлинь (1906–1971), довольно мало перенимали из его творческого опыта. В 1920–1930-е гг. психологический анализ Достоевского оказал заметное влияние на писателей Юй Дафу (1896–1945) и Мао Дуня (1896–1981). В трилогии «Затмение» (1927–1928) Мао Дуня и «Падение» (1921) Юй Дафу представлено описание болезненно-психологического состояния персонажа, основанное на внутреннем конфликте⁵⁰.

⁴⁸ *Нань Цзян* (南江) перевел романы «Идиот» (Пекин, 1989; Тайвань, 1996, 1998), «Бесы» (Пекин, 1983) и «Униженные и оскорбленные» (Пекин, 1980).

⁴⁹ *Жун Жудэ* (荣如德) перевел романы «Братья Карамазовы» (Шанхай, 1998; Тайвань, 2000), «Идиот» (Шанхай, 1986, 1991) и «Белые ночи» (Шанхай, 1993).

⁵⁰ 茅盾.《蚀》，北京，1928。（*Мао Дунь*. Затмение. Пекин, 1928.）郁达夫短篇小说集《沉沦》，上海，1921。（*Юй Дафу*. Собрание рассказов: Падение. Шанхай, 1921.）

Что касается влияния Достоевского на китайскую литературу 1940-х гг., то многие исследователи находят общее между русским классиком и таким китайским писателем, как Лу Лин⁵¹. Общеизвестно, что Достоевский оказал влияние на Лу Лина больше, чем кто-либо из русских писателей. На эту тему опубликовано немало работ, их авторы приходят к выводу, что влияние Достоевского на Лу Лина проявляется не только в психологическом описании, но и в типах героев. «Душевное движение» в творчестве Лу Лина иногда называют «полифонической психологией»⁵². Для героев Лу Лина характерно метафизическое мышление, самоосуждение и самооправдание. Персонажи произведений Лу Лина предпочитают мыслить в замкнутом помещении, подобно героям Достоевского — Раскольникову, Ивану Карамазову и герою «Записок из подполья».

В 1950–1980-е гг. большое влияние на китайских писателей оказали такие писатели, как В. В. Овечкин, И. Г. Эренбург и М. А. Шолохов, но отнюдь не Достоевский. С 1990-х гг. новое поколение китайских писателей вновь обратилось к творчеству Достоевского. В творчестве Чжан Вэя, Юй Хуа, Чжан Чэнчжи и нобелевского лауреата Мо Яня китайские писатели и исследователи русской литературы находят отзвук творческих и духовных поисков Достоевского. Мы не будем проводить здесь подробное описание этих процессов, лишь смеем заметить, что работы Чжан Вэя⁵³ могут служить убедительным свидетельством того, что в Китае было и будет много поклонников творчества Достоевского. Некоторые из талантливых писателей усвоили опыт великого русского писателя, учились у него мастерству раскрытия всех тайн в глубине души человека.

Сегодня в Китае известные переводчики совместно с литературоведами прилагают активные усилия для издания новых, более точных переводов, а также монографических исследований о творчестве Достоевского, и тем самым способствуют более глубокому пониманию произведений писателя и продвижению научного освоения наследия Достоевского в Китае.

⁵¹ Лу Лин — известный китайский писатель, написал цикл рассказов «Чжу Гуэйхуа», «Первый снег» и др., а также роман «Дети помещика».

⁵² 李春林, 臧恩钰. 《论路翎的〈谷〉——兼及鲁迅与陀思妥耶夫斯基在〈谷〉中的印痕》, 《河北学刊》, 1996年第1期, 第65页. (Ли Чуньлин, Цзан Эньюй. О романе «Овраг» Лу Лина: влияние Лу Синя и Достоевского // Хэбэйский вестник. 1996. № 1. С. 65.)

⁵³ Чжан Вэй (р. 1956) — китайский писатель, с 1980-х гг. начали выходить в свет его романы, которые переведены на японский, английский, французский, немецкий и корейский языки. Главные произведения — «Старинная лодка», «Сентябрьская басня» и «Ты на нагорье».

Н. АРСЕНТЬЕВА, Ж. МОРИЛЬЯС

ИСПАНСКОЕ ДОСТОЕВСКОВЕДЕНИЕ: ИСТОКИ, ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Испанские переводы произведений Достоевского

Достоевский стал частью испанского культурного пространства более ста лет назад, на рубеже XIX–XX вв. В своих работах В.Е. Багно высказал мысль о том, что творчество Достоевского долгое время не было объектом специального изучения в Испании¹, однако можно утверждать, что оно представляет собой проблему более сложную, чем изучение рецепции И.С. Тургенева или Л.Н. Толстого. За время, прошедшее после первых публикаций переводов Достоевского, накопился солидный материал о его влиянии на испанскую культуру, но эта тема еще не получила должного освещения.

Опубликованные в начале прошлого столетия статьи «Россия в Испании» (1902) В.М. Дорошевича, «Русская литература в Испании» (1930) В.В. Рахманова и библиографический указатель Г. Портнова «Русская литература в Испании» (1932), а также статья В. Родригеса Бететы «Достоевский в Испании» (1936)² пробудили международный интерес к изучению испанской рецепции русской литературы в целом и Достоевского в частности. В 1960-е гг. ей уделяют внимание М.П. Алексеев, автор фундаментальной работы «Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв.» (1964), и Х. Силес Салинас, автор статьи «Достоевский в Испании» (1968)³. В следующее десятилетие выходят из печати статья «Первые переводы русской литературы в Испании и Америке» (1970) Г. Шанцера и его библиографический справочник «Русская литература в испанском мире» (1972)⁴, который охватывает почти все наследие Достоевского, изданное к тому времени в Испании и Латинской Америке. Обобщая опыт переводческой деятельности, связанной с его творчеством в испаноязычных

¹ Багно В.Е. 1) Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л.: Наука, 1982. С. 145; 2) Россия и Испания: общая граница. СПб.: Наука, 2006. С. 361.

² Rodríguez Beteta V. Dostoyevski en España // La Prensa. Buenos Aires. 17 de mayo. 1936. P. 2.

³ Siles Salinas J. Dostoiowski en España // Revista de estudios políticos. 1968. N 159–160. P. 267–271.

⁴ Schanzer G. O. Russian Literature in the Spanish World: a Bibliography. Literatura rusa en el mundo hispánico: bibliografía. Toronto: University of Toronto Press. 1972.

странах, и дополняя его новыми данными, Ю. Л. Оболенская защитила в МГУ диссертацию «Переводы Ф. М. Достоевского в Испании: исторический обзор и лексико-стилистический анализ» (1980), материалы которой позднее вошли в ее книгу «Диалог культур и диалектика перевода. Судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке»⁵. С акцентом на критическое осмысление творчества русских писателей в Испании А. Грэйс Мегвинов защитил в 1975 г. диссертацию, содержащую ряд ценных сведений о восприятии Достоевского испанской художественной интеллигенцией начала XX в.⁶ Это исследование в дальнейшем было продолжено У. Эджертоном в работе «Испанские и португальские отклики на творчество Достоевского»⁷.

Вышеуказанные источники в целом дают достаточно полное представление о переводах и критических откликах на творчество Достоевского в Испании. Дополненные в настоящей статье анализом ранее не привлекавшихся к рассмотрению сведений, они позволяют в общих чертах обрисовать историю вхождения феномена Достоевского в сознание испанской творческой элиты.

Когда и в связи с чем появились в Испании первые переводы Достоевского? Анонимный обзор «Современное состояние русской литературы» 1852 г. в «Испанском живописном еженедельнике»⁸, похоже, остался без внимания в испанской читающей среде, не получив сколько-нибудь заметного резонанса. Заслуга возникновения в Испании переводов Достоевского принадлежит писательнице и графине Эмилии Пардо Басан. Имя Достоевского прозвучало в ее лекциях, прочитанных в мадридском «Атенее» 3, 20 и 27 апреля 1887 г. Но ее первоначальный отзыв о Достоевском как о писателе-«визионере», «болезненном» и «невротическом», невольно стал камнем преткновения в деле распространения в Испании творчества Достоевского, хотя сама графиня не только способствовала появлению первых переводов Достоевского в Испании, но и сопровождала один из них предисловием⁹.

Большой интерес к творчеству русского писателя проявляли литературно-художественные журналы. Первые данные о переводах Достоевского на испанский язык появляются в журнале «Современная Испания»¹⁰.

⁵ Оболенская Ю. Л. Диалог культур и диалектика перевода: судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке. М.: МГУ, 1998.

⁶ Megwinoff A. G. E. Recepción de la literatura rusa en España: 1889–1920. Tesis doctoral defendida en la Universidad Complutense de Madrid en 1975.

⁷ Edgerton W. B. Spanish and Portuguese Responses to Dostoevskij // Revue de littérature comparée. 1981. N 55 (3/4). P. 419–438.

⁸ Estado actual de la literatura rusa // Semanario pintoresco español. 1852. N 17. P. 398–399.

⁹ Об этих лекциях см. в разделе о литературной рецепции русского писателя.

¹⁰ См. об этом: Monforte R. Las ediciones periódicas como factor clave en la difusión de la literatura rusa durante la segunda mitad del siglo XIX // M. Giné, S. Hibbs (eds.).

В 1890 г. увидел свет перевод рассказа «Столетняя» («La Centenaria») ¹¹ и следом за ним рассказов «Елка и свадьба» («Cálculo exacto») ¹², «Мужик Марей» («El Mugik Marey») ¹³, «Неточка Незванова» («Alma de niña») ¹⁴ и «Чужая жена и муж под кроватью» («La mujer de otro») ¹⁵.

Первым «большим» произведением Достоевского, переведенным в Испании, были «Записки из Мертвого дома». В 1899 г. вышла из печати «первая» часть, с легкой руки издательства озаглавленная «La casa de los muertos» («Дом мертвецов») и имеющая подзаголовок «Memorias de mi vida en la cárcel de Siberia» («Воспоминания о жизни в сибирской тюрьме») ¹⁶. Публикацию предворяло предисловие Э. Пардо Басан. В следующем году было опубликовано «продолжение» — «La novela del presidio. La vida plural» («Тюремный роман. Жизнь сообща»), с подзаголовком «Segunda parte de «La casa de los muertos» («Вторая часть „Дома мертвецов“»). Это произведение издавалось позже под другими заглавиями с целью привлечения внимания читателей: здесь и «Сибирские заключенные», и «Эпизоды тюремной жизни» ¹⁷, и «Заживо погребенные» ¹⁸,

Traducción y cultura / Translation and Culture: La literatura traducida en la prensa hispánica (1868–1998) / Translated literature in the hispanic press (1868–1998). Relaciones literarias en el ámbito hispánico: traducción, literatura y cultura. Berna: Peter Lang, 2010. P. 307–318; Torquemada J. Escritores rusos en la prensa española del siglo XIX: crónica de Ricardo Becerro de Bengoa en la Ilustración Española y Americana // Ibid. P. 341–350.

¹¹ La España Moderna. 1890. T. XVIII. Junio. P. 167–174.

¹² Ibid. 1890. T. XXII. Octubre. P. 25–33. Этот рассказ впоследствии будет напечатан в южноамериканских журналах, а также в барселонском издательстве Маукси.

¹³ Ibid. 1891. T. XXXII. Agosto. P. 192–199. В примечании на с. 194 издательством предворялась публикация «Дома мертвых» — «одного из самых драгоценных сокровищ русской литературы».

¹⁴ Под этим заглавием «Неточка Незванова» впервые была издана в виде брошюры Рамонем Ортсом Рамосом: *Dostoiewsky H. [sic!]. Alma de niña*. Barcelona: Sopena, 1900. Издатель Антонио Лопес выпустил ее отдельной брошюрой в переводе Серры Торквато Тассо, под заглавием «Детская душа»: *Dostoiewsky T. Alma infantil / trad. de Torcuato Tasso Serra*, Barcelona: Antonio López Editor. Librería Española, 1903. В 1906 г., с февраля по апрель, повесть выходила без указания имени переводчика в журнале «Современная Испания»: *Dostoiewsky T. Alma de niña // La España Moderna*. 1906. T. CCVI, CCVII–CCVIII. Febrero, marzo–abril. P. 122–160, 135–165, 125–161.

¹⁵ La España Moderna. 1907. T. CCXVIII–CCXIX. Febrero–marzo. P. 149–166, 129–152. Вспомним в связи с этим, что в барселонском журнале «Художественная иллюстрация» («La Ilustración artística») 24 декабря 1900 г. был опубликован рассказ Достоевского «Елка и свадьба» под заглавием «Рождественская елка» («El árbol de Navidad»). P. 827–830.

¹⁶ *Dostoyevsky F. La casa de los muertos: (Memorias de mi vida en la cárcel de Siberia)*. La España Moderna. 1892 (заглавие подлинника следовало бы перевести «Apuntes de la casa muerta»).

¹⁷ *Dostoyewski F. Los presidios de Siberia: cuadros carcelarios / Trad. de Augusto Riera*. Barcelona: Maucsi. 1903. Позже этот перевод будет переиздан в том же издательстве, но под заглавием «Дом мертвецов. Узники Сибири» («La Casa de los Muertos. Los presidios de Siberia»).

¹⁸ *Dostojewski F. El sepulcro de los vivos / Trad. y prólogo de Pedro Pedraza y Páez*. Barcelona: Sopena, (1917 или 1920?).

и «Воспоминания о Мертвом доме»¹⁹, и «Дом мертвецов»²⁰, а также «Воспоминания о доме мертвецов»²¹.

Вскоре в Испании образовался настоящий издательский бум, связанный с именем Достоевского, в свет вышли почти одновременно: «Записки из подполья» (в переводе — «Дух подполья») ²², «Преступление и наказание» ²³, «Игрок» ²⁴, «Белые ночи» ²⁵, «Село Степанчиково и его обитатели» (в переводе — «Село Степанчиково») ²⁶, «Бедные люди» ²⁷,

¹⁹ *Dostoevsky F. Memorias de la casa muerta / Trad. por G. Portnoff. Madrid: Atenea, 1923.*

²⁰ *Dostoiewsky F. La casa de los muertos / Trad. de Antonio J. Onieva. Madrid: Sdad. Gral. Esp. de Libr., 1923.* Под тем же заглавием перевел это произведение в 1928 г. Педро Пеллисена для мадридского издательства «Латинский мир» («Mundo Latino»).

²¹ *Dostoiewski F. Recuerdos de la casa de los muertos / Trad. de José Baeza, edición ilustrada por Manuel Jorge. Barcelona: Juventud, 1962.*

²² *Dostoiewsky F. El Espíritu subterráneo / Versión española de Francisco F. Villegas (Zeda). Madrid: Librería Internacional, 1900.* В других изданиях «Записки из подполья» выходят под заглавиями «Дух подполья» (*El Espíritu subterráneo / Adaptación castellana por Mario Verdaguer. Barcelona: Maucci, ca. 1920 (2-е изд. — 1931?)*); «Подполье» в составе сборника: *Tres novelas (El subsuelo, El cocodrilo y Projarchin) / Versión castellana de R. Cansinos Assens. Madrid: Biblioteca Nueva, 1920*; «Внутренний голос (Подпольный роман)» (*La voz interior (La novela del subterráneo) / Trad. de Eduardo de Guzmán. Barcelona: Editorial Jasón, 1929*); «Заметки из подполья» (*Notas desde el subterráneo / Trad. de Alfonso Nadal. Madrid: La Nave, 1932*).

²³ *Dostoiewsky F. Crimen y castigo / Trad. de Francisco F. Villegas (Zeda). Madrid: Editorial Fe, 1901.* Среди других изданий этого произведения считаем необходимым упомянуть также версию переводчика Альфонсо Надаля (*Madrid: La Nave, 1930, 2 vols.*). В 1961 г. роман был опубликован в серии «Народное литературное собрание», в двух частях, озаглавленных «Преступление и наказание» («*Crimen y castigo*») и «Соня» («*Sonia*»).

²⁴ *Dostoiewski F. El jugador. Las noches blancas / Trad. de Eusebio Sierra. Barcelona: Maucci, 1902* (перевод Эусебио Сьерры с последующими переизданиями). Этот роман в числе прочего переводили также Х. Инсуа (*Un jugador. Las noches blancas. Madrid: Editorial Mundo Latino, 1928*), Альфонсо Надаль (*El Jugador. Madrid: La Nave, 1928*), Асиз Родский (*Un jugador. Novela autobiográfica. Barcelona: Editorial Jasón, 1930*) и Марио Вердагер (*Un jugador. Barcelona: Maucci, 1931*).

²⁵ См. предыдущую сноску, а также: *Dostoiewsky F. Las noches blancas. Ilucha / Trad. y prólogo de E. Salazar y Chapeta. Madrid: Compañía Ibero-Americana de Publicaciones, 1929.*

²⁶ Повесть публиковалась также под заглавиями «Степанчиково» (*Stepantchikovo / Trad. de R. Baeza y R. Z. Zhukovski. Madrid, 1918*); «Село Степанчиково и его обитатели» (*La aldea de Stepantchikovo y sus moradores. Madrid: La Nave, 1928*); «Степанчиково и его обитатели» (*Stepanchikovo y sus habitantes / Versión castellana y nota preliminar de Joaquín Balanya Macip. Barcelona: Maucci, s. a.*).

²⁷ Перевод Фернандо Аккаме: *Dostoiewsky F. La pobre gente. Novela. Barcelona: Maucci, s. a.* (около 1910 г.). Новый перевод под тем же заглавием осуществил в 1923 г. Фернандо де ла Милья (*Madrid: V. H. Sanz Calleja*). В 1930 г. «Бедные люди» переведены Альфонсо Надалем для Полного собрания сочинений Достоевского (*Madrid: La Nave*). В 1931 г. роман в переводе П. Шостаковского и Н. Переса де ла Оса выходит в мадридском издательстве «Возрождение» («*Renacimiento*»).

«Униженные и оскорбленные»²⁸, «Идиот»²⁹, «Двойник»³⁰, «Подросток»³¹, «Братья Карамазовы»³², «Бесы»³³ и многие другие произведения³⁴.

²⁸ Роман впервые переведен в 1918 г., но в сокращении (*Dostoïevsky Th. Humillados y ofendidos (novela)* / Trad. de Mariano de Mazas. Madrid: V.H. de Sanz Calleja.), полный текст в переводе Х. Инсуа вышел в 1928 г. (Madrid: Mundo Latino). Заново переведен А. Надалем в 1932 г. (Madrid: La Nave). Выдержки из этого произведения в переводе на испанский с французских изданий, изрядно пострадавших от издательского произвола, публиковались под заглавиями «Годы унижений» (*Años de humillación* / Trad. directa del ruso [*sic*] de Joaquín Balanyá Macip. Barcelona: Maucci, 1917); «Этапы безумия» (*Las etapas de la locura, versión castellana de Cristóbal Litrán. Barcelona: Alfredo R. Roglán, 1921 (1927)*); «Катя (Роман о страдающей душе)» (*Katia: (una novela de un alma atormentada)* / Trad. de Eduardo de Guzmán. Barcelona: Editorial Jasón, 1929).

²⁹ В сокращении: *Dostojewski [Dostoyuski] F. El Príncipe idiota* / Trad. de Pedro Pedraza y Páez. Barcelona: Sopena, 1920 (несколько переизданий). Первое полное издание: *Dostoïevski F. El idiota* / Trad. de Carmen Abreu. Madrid: Atenea, 1926 (3 vols.).

³⁰ *Dostoïevski. F. El doble* / Trad. directa del ruso de G. Levachov. Madrid: Atenea, 1920. Перевод А. Надаля — Madrid: La Nave, 1930.

³¹ *Dostoïevsky F. Un adolescente* / Trad. de Carmen Abreu. Madrid: Atenea, 1922 (2 vols.).

³² *Dostoyevsky F. Los hermanos Karamazov (Los sensuales). Novela* / [Trad. de Francisco Cañadas]. Barcelona: Publicaciones Mundial s. a (1923?). Другие переводы: 1) Trad. de Francisco Cañadas. Barcelona: Maucci, 1924; 2) Primera versión íntegra al castellano por F. Azzati. Valencia: Editorial Sempere, 1924 (2 vols.); 3) Trad. de Alfonso Nadal. Madrid: Atenea, 1927 (4 vols.); 4) Trad. directa del ruso por Nicolás Hartong, prólogo de Juan Chabás. Barcelona: Ed. Cervantes, 1931 (3 vols.). В переводе с французского роман издавался в Испании отдельными частями под заглавиями «Недоросли. Роман Достоевского» (*Los precoces. Novela por Dostoïevski* / Trad. de Joaquín Montaner. Madrid: Estrella, 1919); «Мальчики» (*Los muchachos* / Trad. de Alfonso Nadal. Barcelona: Ed. Cervantes, 1923); «Бородки клинышком» (*Barbas de estopa* / Trad. de Carmen Abreu. Madrid: Ed. Biblos, 1927); «Белые ночи. Илюша» (*Las noches blancas. Ilucha* / Trad. y prólogo de E. Salazar y Chapela. Madrid: Compañía Ibero-Americana de Publicaciones, 1929); «Несчастный Илюша. Весь роман» (*El pobrecito Ilucha: una novela completa / Без указания имени переводчика. Madrid: Diana, 1944*); «Илюша» (*Iliuscha / Без указания имени переводчика. Madrid: Ediciones Cid, 1954*); «Суд над Дмитрием Карамазовым» в «Антологии лучших детективов» (*El juicio de Demetrio Karamazov // Antología de las Mejores Novelas Policiales, selección de Antonino González Morales, José A. Llorens y Ana Perales. Barcelona: Ediciones Acervo, 1959. P. 59–164*), а также в «Антологии детективов и ужасов» (*El juicio de Demetrio Karamazov / Без указания имени переводчика // Selección de relatos policíacos y terror. Vol. III. Barcelona: Editorial Cedro, 1977. P. 33–145*).

³³ *Dostoyevsky F. Los endemoniados. Novela* / Trad. del ruso por el barón Jorge de Meyendorff. Madrid: Calpe, 1924 (3 vols.). Этому изданию предшествовала публикация фрагментов, озаглавленных «Исповедь Ставрогина», и набросок «Жизни Великого грешника» с комментариями, см.: *La confesión de Stavrogin y el plan de La «Vida de un Gran Pecedor»*, con notas explicativas / Trad. por E. Torralba Beci. Madrid: Renacimiento, 1923. В 1945 г. в серии «Победа Барселонь» («Victoria de Barcelona») в новом переводе Ф. Оливера Брочфелда роман был опубликован по «санкт-петербургской версии».

³⁴ См, напр.: «Дневник писателя (избранное)» (*Diario de un escritor (selección)* / Trad. de J. García Mercadal. Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, 1923); «Хозяйка и две маленькие повести» (*La patrona. Más dos historias breves* / Trad. de José Ferrándiz. Valencia: Sempere, 1924); «Честный вор» (*Un ladrón honrado* / Trad. de J. García Mercadal. Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, 1928); «Шут, буржуа и другие очерки» (*El bufón, el burgués y otros ensayos /*

Издательство «Atenea» / «La Nave» в 1920-е гг. выпустило собрание сочинений Достоевского в переводах Альфонсо Надаля и др.³⁵ Однако большинство переводов осуществлялось с других языков. В 1935 г. увидело свет более репрезентативное двухтомное Полное собрание сочинений — итог многолетней работы литературного критика и писателя Рафаэля Кансиноса Ассенса³⁶.

Гражданская война в Испании и мировая война стали основной причиной спада издательского интереса к Достоевскому, как впрочем, и ко многим другим русским писателям в Испании. В этой связи следует отметить деятельность переводчика Х. Куэнка Гранча, который в разгар «мертвого сезона» сдал в печать переводы целого ряда рассказов и повестей Достоевского, опубликованных барселонским издательством Маукси³⁷. Одновременно вышли из печати переводы рассказов «Слабое сердце» и «Бобок», выполненные П. Рибесом³⁸. После долгого перерыва, с возвращением репатриантов из Советской России в Испанию, издание переводов Достоевского несколько оживилось. Благодаря им в то время, когда Достоевский в самой России оказался жертвой «пролетарского подхода» к его творчеству³⁹, в Испании он стал одним из самых популярных и читаемых зарубежных писателей. Заслуга возрождения интереса к творчеству Достоевского в Испании всецело принадлежит Августо Видалю, объединившему усилия лучших переводчиков для того, чтобы заново подготовить Полное собрание сочинений по заказу Хосе Марии Бойкса для барселонского издательства «Вергара». Это издание, над которым вме-

Versión española de E. Barriobero y Herrán. Madrid: Mundo Latino, 1929); «Вечный муж» (El eterno marido / Trad. de Julio González. Barcelona: Ed. Jasón, 1930); «Жизнь после смерти» (Un trance apurado / Trad. de Alfonso Nadal. Barcelona: Apolo, 1939); «Сон смешного человека. Фантастические рассказы» (El sueño de un hombre ridículo. Narraciones fantásticas / Madrid: Editorial Páez, s. a.); «Ставки сделаны!» («No va más!») / Versión castellana de Rosendo Diéguez, Miguel Guerrero ed. Barcelona, s.a. [1920?]).

³⁵ *Dostoyewski F.M. Obras completas* / Trad. de Alfonso Nadal y otros. Madrid: Atenea / La Nave, 1926–1932 (16 vols.).

³⁶ *Dostoyewski F.M. Obras completas*. T. I: (1844–1870) / Biografía, traducción y notas de Rafael Cansinos Assens; T. II: (1870–1881). Madrid: Ed. Aguilar. 1935. Четвертое издание (1949), исправленное и дополненное другими произведениями, вышло в четырех томах.

³⁷ *La mujer de otro. La patrona* («Чужая жена и муж под кроватью», «Хозяйка», 1940); *El sueño de un hombre ridículo. Era mansa y tímida. Un ladrón honrado. Bobok* («Сон смешного человека», «Она была тихой и кроткой», «Честный вор», «Бобок»; 1944?); *Un corazón débil, Polsunkov, Un trance apurado* («Слабое сердце», «Ползунков», «Жизнь после смерти»; 1944); *Las noches blancas* (novela sentimental). *Un árbol de Navidad y una boda. El señor de Projarchin* («Белые ночи» (Сентиментальный роман), «Елка и свадьба», «Господин Прохарчин»; 1945).

³⁸ Обе книги («Bobok», «Corazón débil») вышли в 1943 г. (Barcelona: M. Arimany, 1943).

³⁹ См., например: *Никитина Ф.Г. Работы о Достоевском П.С. Попова // Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 18. СПб, 2007. С. 391.

сте с А. Видалем работали Хуан Луис Абольядо, Викториано Имберт, Лидия Купер и Хосе Лаин Энтралго⁴⁰, вышло в свет в 1969 г.; в него были включены основательная вступительная статья испанского философа Хосе Луиса Лопеса Арангурена «Христианство Достоевского» и пространный биографический очерк Августо Видаля⁴¹. Полное собрание сочинений под редакцией А. Видаля, исправленное и дополненное, выдержало еще одно переиздание, с новой вступительной статьей⁴². В дальнейшем появлялись и новые переводы. В первую очередь следует назвать «Дневник писателя»⁴³, ранее публиковавшийся лишь в отрывках.

Отдельным иллюстрированным изданием в переводе Х. Доминго были опубликованы «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы»⁴⁴.

В наши дни произведения Достоевского не только продолжают переиздаваться в Испании, но и заново переводятся⁴⁵. Эту серьезную работу взяли на себя Рикардо Сан Висенте⁴⁶, профессиональный переводчик, живущий в Барселоне, и переехавшая из Москвы в Мадрид писательница Изабелла Мартинес Фернандес, в последнее время пишущая под псевдонимом Бела Мартынова⁴⁷, а также переводчицы Сельма Ансире⁴⁸ и Наталья Ульянова⁴⁹.

Задачу вновь перевести на испанский язык основные романы Достоевского поставил перед собой Хуан Лопес Морильяс⁵⁰. Убеденный противник переводов произведений русской литературы с языка-

⁴⁰ *Dostoevski F. Obras completas / Edición en castellano dirigida y prologada por Augusto Vidal. Con un estudio preliminar de José Luis L. Aranguren. Barcelona: Editorial Vergara, 1969 (9 vols.).*

⁴¹ Вступительная статья Арангурена («El cristianismo de Dostoevski») будет выпущена впоследствии отдельной книгой в мадридском издательстве «Тауро» («Tauro», 1970), а предисловие Видаля («Dostoevski, vida y obra (Introducción a la lectura de la novelística dostoevskiana)») выйдет спустя три года в барселонском издательстве «Баррал» («Barral»).

⁴² В 2009 г. вышел первый том, на 2013 г. намечен выпуск пятого тома.

⁴³ *Dostoevski F. Diario de un escritor. Crónicas, artículos, crítica y apuntes / Ed. de Paul Viejo. Trad. de Eugenia Bulátova, Elisa de Beaumont y Liudmila Rabdanó. Madrid: Páginas de Espuma, 2010.*

⁴⁴ *Dostoevski F. Crimen y castigo y los hermanos Karamazov / Pról. de José Domingo. Ilustraciones de Ramón Aguilar More. Barcelona: Ediciones Nauta, 1968.*

⁴⁵ В их числе можно упомянуть произведения в переводе Фернандо Отеро и Хосе Игнасио Лопеса, выполненные для барселонского издательства «Альба» («Alba»).

⁴⁶ Издатель собрания сочинений Достоевского под редакцией А. Видаля, выпущенного издательством «Галаксиа Гутенберг» / «Круг Чтения», известен изданием переводов А. Пушкина, Л. Толстого, А. Чехова, М. Булгакова, С. Довлатова, О. Голанова и многих других русских писателей.

⁴⁷ *Dostoevski F. M. Cuentos. Madrid: Ediciones Siruela, 2007.*

⁴⁸ Переводила также Толстого, Булгакова, Тургенева, Бунина, Берберову, Цветаеву и др.

⁴⁹ Переводчица Достоевского и Пастернака.

⁵⁰ Переводчик Достоевского, Гоголя, Толстого, Тургенева, Чехова и др.

посредника, он убедительно показал в статье «Достоевский по-испански. Гений и личность (Заметки переводчика)»⁵¹, что подобный опыт приводит к существенным искажениям изначального текста. Действительно, качество многих ранних переводов Достоевского, выполненных, как правило, с французских, английских и немецких источников, оставляло желать лучшего, а многие были откровенно слабы, изобилуя неточностями, пропусками фрагментов и художественных деталей, и даже страдали неверной передачей заглавий из соображений конъюнктуры и стремления «сгладить» «нервный» стиль писателя. Закладывая теоретическую базу под перевод художественных произведений, Лопес Морильяс раскрывает секреты того, как можно добиться вполне удовлетворительной имитации индивидуального стиля писателя в переводном произведении.

Работы биографического характера

Среди переводчиков — авторов кратких биографий Достоевского были выдающиеся люди, один из них — Зеда, писавший под псевдонимом Франциско Ф. Вильегаса. Его перу принадлежит биографический этюд «Достоевский», опубликованный в журнале «Эпоха» («La Época») 15 июля 1900 г.⁵² Другой ранний биографический очерк, озаглавленный «Федор Достоевский (1821–1881)», написанный переводчиком из Белоруссии Николаем Тасиным, был опубликован в журнале «Испания» («España») в 1919 г.⁵³

Первые впечатления испанских критиков о личных качествах Достоевского почерпнуты испанцами из зарубежной мемуарной литературы. Здесь были известны письма жены Достоевского Анны Григорьевны⁵⁴ и воспоминания его дочери Любови Федоровны⁵⁵.

⁵¹ *López-Morillas J.* Genio y figura de Dostoyevski en español (Apuntes de un traductor) // B. I. L. I. (Boletín de la Institución Libre de Enseñanza, Madrid). 1988. N 5. Jun. P. 65–76.

⁵² *Zeda (Francisco F. Villegas).* Dostoyevski // La Época. 1900. 15 de julio. P. 1–2.

⁵³ *Tasin N.* Fedor Dostoyevsky (1821–1881) // España. 1919. 1 de mayo. P. 15–16.

⁵⁴ *Cartas de Dostoyevsky a su mujer. 1866–1874* / Trad. de N. S. Palencia. Precedida de un estudio de Ana Grigorievna, segunda mujer de Dostoyevsky, por Mario Verdaguer. Barcelona: Editorial Apolo, 1937; *Cartas de Dostoyevsky a su mujer. 1867–1880* / Trad. de N. S. Palencia. Precedida de un estudio de Ana Grigorievna, segunda mujer de Dostoyevsky por Mario Verdaguer. Barcelona: Editorial Apolo, 1944 (2-е изд., испр. и доп.); *Cartas inéditas de Dostoyevski: con cinco ensayos de Dostoyevski no incluidos hasta ahora en ninguna edición española.* Contiene además: «Sobre los Petrakevtsi. La vida de San Petersburgo» / Trad. de Daniel Villena. Madrid: Editorial Carlos-Jaime, [194?].

⁵⁵ См.: *Baeza R.* Dostoyevsky contado por su hija. La vida sentimental de Dostoyevsky // El Sol (19. II. 1921). P. 1; *Dostoyevsky íntimo* // Ibid. (20. II. 1921). P. 1. Испанцы читали книгу дочери Достоевского по-французски. Испанский перевод вышел в 1942 г. (*Dostoyevski A.* Vida de Dostoyevski por su hija / Trad. de Huberto Pérez de la Ossa. Madrid: Editorial Mundo Latino. [1927?] / Biblioteca Nueva. Buenos Aires, 1942).

Недостовверные сведения о писателе подверг критике журналист, переводчик и литературный деятель Р. Баэса в серии своих очерков. Так, в очерке «Достоевский, „нехороший человек“», ссылаясь на вдову писателя, он опровергает слух о якобы имевших место случаях жестокости Достоевского в обращении со слугой в Швейцарии и о совращении им несовершеннолетней⁵⁶. Этот очерк, наряду с другими заметками, вошел в книгу Баэсы «Понимание Достоевского и другие очерки»⁵⁷.

Нельзя не упомянуть и небольшое исследование К. Варгаса, посвященное творческому процессу у Достоевского⁵⁸, а также книгу А. Доносо «Достоевский, Ренан и Перес Гальдо», в которой дается сжатый биографический очерк с кратким анализом основных произведений писателя⁵⁹. Личность Достоевского не была обойдена вниманием и в дальнейшем. Заслуживает внимания биография Достоевского, написанная А. Х. Ониевой, «Низость и величие Достоевского» (1954), через год опубликованная под заглавием «Биография Достоевского» и удостоенная литературной премии «Аэдос»⁶⁰. Важным вкладом в изучение жизни и творчества Достоевского того же периода были статьи биографического характера, написанные Августо Видалем, впоследствии объединенные в книгу «Достоевский». Вышедшая в свет в 1972 г. в барселонском издательстве «Баррал» («Barral») и переизданная в 1990 г. под заглавием «Достоевский, художник и человек» (1990), она отличается полнотой и разносторонним анализом произведений писателя и служит надежным путеводителем для читателей в сложный мир творчества Достоевского⁶¹.

В 1970-е гг. вышел в свет биографический очерк «Два Достоевских». Помещенный в книгу «Перстень Пушкина» его автором, мастером современной испанской художественной прозы Х. Э. Суньигой, он представляет собой эмоциональный и довольно самобытный, но весьма тенденциозный взгляд на Достоевского с позиций представителя либерально-демократического направления в испанской литературе, своего рода возврат к периодизации жизни Достоевского на основе ее деления на «либеральный» и «реакционный» периоды⁶². В 1996 г. вышел написанный в том же жанре художественной биографии очерк о Досто-

⁵⁶ См.: *Baeza R. Dostoiewsky, «mala persona» // El Sol* (24. XII. 1926). P. 2; *Ibid.* (1. I. 1927). P. 2; *Ibid.* (6. I. 1927). P. 3. История полемики о Достоевском свидетельствует, насколько противоречивой представлялась испанцам фигура этого гения русской литературы.

⁵⁷ *Baeza R. Comprensión de Dostoiewsky y otros ensayos*. Barcelona: Juventud, 1935.

⁵⁸ *Bargas C. Dostoiévski, dictador // Revista de Occidente*. 1923. Oct. P. 132–135.

⁵⁹ *Donoso A. Dostoiévski, Renán, Pérez Galdós*. Madrid: Saturnino Calleja, 1925.

⁶⁰ *Onieva A. J. Bajeza y grandeza de Dostoiévski*. Barcelona: Aedos, 1954.

⁶¹ *Vidal A.* 1) *Dostoiévski*. Barcelona: Barral, 1972. 2) *Dostoyevski: el hombre y el artista*, Barcelona: Círculo de Lectores, 1990.

⁶² *Zúñiga J.E. El doble Dostoyevski // Zúñiga J.E. El anillo de Pushkin*. Madrid: Alfaguara, 1992. P. 139–146.

евском писательницы Белы Мартыновой⁶³. К этому надо добавить, что на испанский язык были переведены практически все достойные внимания зарубежные биографии писателя⁶⁴.

Литературно-критическая рецепция наследия Достоевского и его влияние на художественное сознание испанских писателей и философов XX в.

Начало литературно-критической рецепции произведений Достоевского в Испании относится к концу XIX — началу XX в. Сначала это были всего лишь беглые упоминания его имени. Так, автор журнальной заметки «Литература славянских народов», представляя в 1867 г. творчество Гоголя, замечает, что у него были последователи, и выделяет Достоевского как автора эпистолярного романа «Бедные люди», отдаленно напоминающего «Страдания юного Вертера» Гёте⁶⁵. Так же вскользь упоминается русский писатель и в других испанских журналах 1880-х гг.⁶⁶ Имя Достоевского встречается и в книге Х. Б. Пастора Айкарта о современном романе. Ее автор в числе прочего замечает, что, несмотря на удручающее в целом состояние современной литературы, его обнадеживает творческий опыт москвитян: «нельзя не возрадоваться и не испытать чувства гордости, когда мы видим перед собой Толстого, реалиста до мозга костей, но лишённого бесстыдства и непристойностей Золя», как нельзя и не облиться слезами, читая Достоевского, автора романа «Братья Карамазовы», в котором все — «сплошное обаяние, текучесть, правда и чувство»⁶⁷.

Беспрецедентный, по свидетельствам того времени, успех у испанских слушателей и журналистов вызвали уже упомянутые лекции по русской литературе графини Э. Пардо Басан⁶⁸, в которых она при-

⁶³ *Martínez I. (Bela Martinova) Dostoievski, 1821–1881.* Madrid: Ediciones del Orto, 1996.

⁶⁴ См., например: *Troyat H. Dostoyevski / Trad. de Irene Andresco.* Barcelona: Destino, 1946; *Kjetsaa G. La vida de un escritor / Trad. de Anibal Leal.* Buenos Aires: Editorial Vergara, 1989; была издана и пятитомная биография Достоевского, написанная Дж. Франком (*Frank J. Dostoievski: las semillas de la rebelión, 1821–1849 / Trad. de Celia Haydée Paschero,* México: F.C.E., 1984; *Dostoievski: los años de prueba, 1850–1859 / Trad. de Jaime Retif del Moral,* México: F.C.E., 1986; *Dostoievski: la escuela de la liberación, 1860–1865 / Trad. de Juan José Utrilla,* México: F.C.E., 1993 [reed. 2010]; *Dostoievski: los años milagrosos, 1865–1871 / Trad. de Mónica Utrilla,* México: F.C.E., 1997 [reed. 2010]; *Dostoievski: el manto del profeta, 1871–1881 / Trad. de Juan José Utrilla,* México: F.C.E., 2010).

⁶⁵ *La literatura de los pueblos slavos [sic] // El Museo Universal.* 1867. 31 de marzo. P. 100.

⁶⁶ *Serrate J. M. Revista Europea // La Ilustración,* 1881. 26 de junio. P. 273–277; *García Ramón L. Cartas de París (20 de Setiembre de 1886) // Revista Contemporánea.* 1886. T. LXII. 30 de septiembre. P. 589–599.

⁶⁷ *Pastor Aicart J. B. La novela moderna. Cartas críticas. Con un epílogo postdata de D. Juan Barcia Caballero,* Alcoy: Francisco Company, 1886. P. 235.

⁶⁸ Лекции были опубликованы в том же году и имели огромный успех.

знавалась, что Достоевский был писателем, который ввел ее «в мрачноватый портал русской литературы»⁶⁹. Прочитав его роман «Преступление и наказание», будучи в 1885 г. во Франции⁷⁰, она составила собственное мнение о Достоевском, хотя некоторые ее суждения заимствованы из книги Вогюэ «Русский роман»⁷¹. Будучи художником религиозно-философской ориентации, она воспринимала Достоевского как мистика, изображающего жизнь «сквозь тусклое стекло своей туманной мысли и не менее туманного мировосприятия»⁷². По мнению писательницы, с появлением Достоевского европейский роман обрел совершенно новый смысл, утратив свойственную ему классическую ясность и гармонию, поразив читателя образами, находящимися «в непрестанном поиске истины и смысла бытия, с исступлением, свойственным душевной природе русского человека, плоти от плоти сына своей земли»⁷³. И в этом ей видится «какая-то изуверская, извращенная, сатанинская красота» прозы Достоевского, «столь же напряженной, сколь и величественной, подавляющей своей мощью». Отблески этой странной красоты и мира, в котором «ужас прекрасен, отчаяние утешительно, а постыдное возвышенно», она находит и в «Записках из Мертвого дома», сравнимых, по ее словам, разве что с «комедией» Данте⁷⁴, и в «Преступлении и наказании», перед которым меркнут даже самые гениальные художественные открытия Э. По, знаменитого своей суггестивной и драматически напряженной психологической прозой. Все это не мешает Пардо Басан награждать Достоевского, как уже отмечалось, нелестными определениями вроде «комка нервов», «гитары с туго натянутыми струнами», «эпилептика» и «сновидца»⁷⁵. Но именно книга Пардо Басан дает импульс к критическому осмыслению писателя,

⁶⁹ Pardo Bazán E. La revolución y la novela en Rusia (Lecturas en el Ateneo de Madrid). Madrid: Renacimiento, 1909. P. 374.

⁷⁰ Графиня Пардо Басан упоминает перевод Виктора Делери, опубликованный в Париже в 1884 г. издательством «Plon». В личной библиотеке Пардо Басан имелись следующие переводные издания Достоевского: *Alma infantil* / Trad. de Torcuato Tasso Serra. Barcelona: Antonio López Editor, 1903; *Crimen y castigo* / Trad. de Eusebio Heras. Barcelona: Maucci, 1903; *El Espíritu subterráneo* / Trad. de Francisco F. Villegas (Zeda). Madrid: Librería Internacional, 1900; *El jugador. Las noches blancas* / Trad. de Eusebio Sierra. Barcelona: Maucci, 1902; *Los Presidios de Siberia. Cuadros Carcelarios* / Trad. de Augusto Riera. Barcelona: Maucci, 1903; *Tres novelas (El subsuelo, El cocodrilo y Projarchin)* / Versión castellana de R. Cansinos Assens. Madrid: Biblioteca Nueva, 1920. См.: *Fernández-Couto Tella M.* Catálogo da Biblioteca de Emilia Pardo Bazán. La Coruña: Real Academia Galega, 2005. P. 171.

⁷¹ В числе прочих исследований на эту тему см.: *Багно В.Е.* Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л.: Наука, 1982; A propósito de las fuentes de «La Revolución y la novela en Rusia» de Emilia Pardo Bazán // Torres, José Carlos de (coord.): *Estudios de literatura española de los siglos XIX y XX.* Madrid: CSIC, 1998. P. 162–166.

⁷² Pardo Bazán E. La revolución y la novela en Rusia. P. 425, 393.

⁷³ *Ibid.* P. 356.

⁷⁴ *Ibid.* P. 357, 379, 368. Эта мысль заимствована графиней из книги: *Vogüë E. M. de.* Le roman russe. Paris: Plon, 1886. P. 237.

⁷⁵ *Ibid.* P. 377, 366.

благодаря чему с самого начала XX в. испанская литературно-художественная и критическая мысль оказывается направленной в сторону углубленного осмысления творчества Достоевского. Прежде всего это попытка понять, в чем заключается его универсальное значение и национальное своеобразие. Еще рано делать какие-то выводы в этом отношении, но нет сомнения в том, что его творчество сразу же вошло в плоть и кровь испанского художественного менталитета и стало катализатором новых идей в национальной духовной культуре.

Одновременно с остранным-критическим анализом произведений Достоевского как иноязычного автора в испанской литературной среде очень рано начинается, пусть не столь заметное и поверхностное, творческое освоение идейно-художественного наследия Достоевского, заимствование или переосмысление его тем и мотивов. Испанское литературоведение почти сразу заметило это влияние Достоевского, которое в силу ряда причин опередило Западную Европу и Северную Америку, где по свидетельству И. Мильяна, этот феномен стал ощутим лишь после 1905 г.⁷⁶

Живым свидетельством глубокого осмысления наследия Достоевского является ряд пронизательных наблюдений автора испанского реалистического романа Пио Барохи. Восторженный поклонник Достоевского⁷⁷, Бароха отмечал, что Достоевский олицетворяет собой милосердие, но милосердие прежде всего по отношению к слабым и униженным, преклоняющееся перед их страданием⁷⁸. Позже он назовет Достоевского «юмористом»⁷⁹, «восточным человеком»⁸⁰, «одержимым страстями»⁸¹, создателем произведений «дикого пессимистических», в которых он обнажает «свою беспокойную и дионисийскую душу»⁸², «гениальным человеком»⁸³, «потрясающим романистом», но заурядным философом⁸⁴, а также «народником»⁸⁵, характеризуя его, наравне

⁷⁶ Millán I. Dostoiewsky // Dostoiewsky y Tolstóy. Novelas y cuentos. Estudios preliminares por Ignacio Millán y José E. Iturriaga, trad. de Ricardo Baeza, Alfonso Nadal y Vera Makarov. Barcelona: Ediciones Océano, 1981. P. 28–33.

⁷⁷ Baroja P. Desde la última vuelta del camino. Memorias VII. Bagatelas de otoño // Baroja P. Obras completas. Madrid: Biblioteca Nueva, 1949. P. 314.

⁷⁸ Baroja P. El naturalismo: Dostoiewsky // La Unión Liberal. 1890. N 356. 17/III, P. 2; Baroja P. Escritos inéditos. Vol. 1: Hojas sueltas / Prólogo y notas de Luis Urrutia Salaverri, Madrid: Caro Raggio. 1973. P. 69–73.

⁷⁹ Ср.: La caverna del humorismo (1919) // Baroja P. Obras completas. T. V. Madrid: Biblioteca Nueva. 1948. P. 445.

⁸⁰ Divagaciones apasionadas (1924) // Ibid. T. V. P. 501.

⁸¹ Intermedios (1931) // Ibid. T. V. P. 709.

⁸² Baroja P. Desde la última vuelta del camino. Memorias I. El escritor según él y según los críticos. Madrid: Biblioteca Nueva, 1952. P. 93.

⁸³ Ibid. P. 115. Здесь же он пишет: «Я верю, что Диккенс, Бальзак, Достоевский, Толстой — гении, но не могут породить себе подобных: среда мешает».

⁸⁴ Ibid. T. V. Memorias IV. Galería de tipos de la época. Madrid: Biblioteca Nueva, 1947. P. 46.

⁸⁵ Rapsodia (1936) // Baroja P. Obras completas. T. V. P. 960; Memorias IV. P. 274.

с Толстым, как одного из великих мировых писателей⁸⁶ и сближая одновременно с Шопенгауэром и Ницше на основе свойственного всем трем неприятия либеральных идей⁸⁷. Кроме того, по наблюдению Барохи, Достоевский принадлежит к тем, кто «возводит свою башню в месте, открытом всем ветрам»⁸⁸ и предлагает обществу «новые духовные ориентиры»⁸⁹, «будучи по природе своей бунтарем, не признающим законов, но не оторванным от христианских корней»⁹⁰. Нельзя не упомянуть здесь и об очерке Барохи «Раздвоение Достоевского»⁹¹, о котором скажем чуть позже.

Проблема влияния Достоевского на творческое сознание писателя той же поры Бенито Переса Гальдоса не была еще в достаточной степени освещена в исследовательской литературе. Отчасти проливает свет на этот вопрос М. Лопес Баральт в статье «Гальдос и Достоевский: взгляд на проблему двойничества с позиций интертекстуальности» (1997)⁹².

Как можно убедиться, в Испании сравнительно мало работ, посвященных рецепции произведений Достоевского со стороны писателей реалистического направления. Значительно больший интерес проявили исследователи к идейной близости Достоевского творческим исканиям писателей, тяготеющих к модернизму. Глубокий след Достоевский оставил в душе представителей «поколения 1898 года», известного своим либерализмом, духовными исканиями, горячим желанием преобразования Испании в духе национального идеала и сделавшим первые шаги к обновлению художественной формы. Как и предыдущее поколение реалистов, они судили о Достоевском не с чужих слов, а исходя из непосредственного впечатления от знакомства с его произведениями, тематика которых продолжала оставаться для них актуальной в силу интереса к проблеме национального характера и народной души, остро стоявшей в Испании в эпоху глобального кризиса и поиска новых перспектив общественного развития. Ярким примером восторженного отношения к Достоевскому можно считать сказанные в 1914 г. слова писателя и философа Мигеля де Унамуно, который считал себя поклонником Л. Толстого: «Образ России, сложившийся в моей душе, *моя* Россия, родилась

⁸⁶ *Baroja P. Memorias IV. P. 46.* Далее он пишет, что «Диккенс, Достоевский, Толстой не нуждались в том, чтобы изобретать новые системы, к созданию вещей необыкновенных их вел ум, темперамент и художественная интуиция» (P. 215).

⁸⁷ *Baroja P. Desde la última vuelta del camino. Memorias (1944–1949). Madrid: Biblioteca Nueva, 1979. P. 689; Memorias IV. P. 214.* А первоначально он называл Достоевского «анархистом» (*Memorias I. P. 137*).

⁸⁸ *Memorias IV. P. 81.*

⁸⁹ *Intermedios (1931) // Baroja P. Obras completas. T. V. P. 712.*

⁹⁰ *Rapsodia (1936) // Ibid. P. 903.*

⁹¹ *El desdoblamiento psicológico de Dostoievski // Pequeños ensayos (1943) // Ibid. P. 1066–1071.*

⁹² *López Baralt M. Galdós y Dostoievski: una mirada intertextual al problema del doble // Revista de estudios hispánicos. 1997. Vol. 24. N 1. P. 47–68.*

из чтения произведений русских писателей, в особенности Гоголя, Тургенева, Толстого и Горького, но в большей степени всё же Достоевского. Признаюсь, Достоевский для меня — главный источник сведений о России. Моя Россия — это Россия Достоевского, и если действительная, подлинная Россия не такова, как ее изображает Достоевский, то всё, что я скажу, не будет иметь связи с реальным положением вещей, но оттого не будет и бессмысленным. Я даю Богу обет во имя триумфа философии, стоящей за той концепцией и образом мира, носителем которых был Достоевский <...> И все, о чем я говорю, я говорю с опорой на знание той России, которая предстает передо мной в творчестве Достоевского, России „идиота“, Раскольникова, Духа русского подполья»⁹³.

Для поэта Антонио Мачадо, стоящего на границе между «поколением 1898 года» и новой испанской литературой («поколения 1927 года»), русская литература является отражением души русского народа — народа христианского, сохранившего в своей незамутненной вере живой образ Христа и потому духовно близкого испанскому народу. Опираясь на малоизвестные статьи А. Мачадо, опубликованные в начале 1930-х гг., и предполагая, что тот мог читать Достоевского в ранних барселонских переводах, Л. Бонет раскрывает традиции Достоевского в наследии испанского поэта, связанные с его антикатолической позицией, пристрастием к идеям славянофильства и народного христианства, характерные для его ранней философской и социально-политической прозы, и отходом в сторону социализма в более поздних очерках середины и конца 1930-х гг.⁹⁴

Поднимая вопрос о проблеме национального идеала в творчестве Достоевского и испанских писателей начала XX в., литературные критики обнаружили не только контактные, но и генетические связи Достоевского с испанской литературой эпохи Возрождения. В предисловии к Полному собранию сочинений Достоевского 1969 г. А. Видаль назвал князя Мышкина «русским Дон Кихотом», впервые в Испании обратившись к теме «Достоевский и Сервантес», которая стала центральной как в испанском достоевковедении, так и в русской испанистике второй половины XX в. По этому вопросу уже существовала научная литература на других языках, — ее обзор и анализ даются в книге В. Е. Багно «Дорогами „Дон Кихота“»⁹⁵. Среди работ по данной теме,

⁹³ *Unamuno M. de. Un extraño rusófilo // La Nación. 1924. N 28. P. X. Также в издании: Unamuno M. de. Obras completas. IX. Discursos y artículos. Madrid: Editorial Escelicer, 1971. P. 1246–1251. См. об этом: Korkonosenko K. Miguel de Unamuno, «un extraño rusófilo» // Cuadernos de la Cátedra de Miguel de Unamuno. 2000. N 35. P. 13–25; Корконосенко К. С. Мигель де Унамуно и русская культура. СПб.: Европейский дом, 2002.*

⁹⁴ *Bonet Mojica L. Antonio Machado y el Cristo ruso // AA. VV.: Antonio Machado: El poeta y su doble. Intervenciones del Simposio celebrado en la Universidad de Barcelona los días 14, 15 y 16 de marzo de 1989. Barcelona: Universitat de Barcelona — Caixa de Catalunya, 1989. P. 101–130.*

⁹⁵ *Багно В. Е. Дорогами «Дон Кихота»: Судьба романа Сервантеса. М.: Книга, 1988.*

опубликованных на испанском языке, назовем статьи русских исследователей В. Е. Багно, К. А. Баршта, Н. А. Арсентьевой, а также работу французского исследователя М. Шевалье⁹⁶.

Еще одно интересное, «тройное», сопоставление появляется в работе историка философии Цезаря Гуарде Паса⁹⁷, который проводит параллель между Дон Кихотом, князем Мышкиным и персонажем средневековой китайской литературы, восходящей к героическому эпосу VIII в. до н. э. Каждый из героев в условиях общественной деградации, по мнению исследователя, стремится по-своему возродить национальные идеалы: идеалы рыцарской литературы в романе Сервантеса, русское народное православие в романе «Идиот», духовные ценности даосизма в творчестве Цзинь Юна. Изображая своих героев изгоями, испанский, русский и китайский писатели обрекают миссию преобразования человека и общества на неудачу, что привносит в повествование оттенок трагизма. Несмотря на кажущийся анахронизм, романы, с точки зрения автора статьи, объединяет проблема кризиса ценностей, которую писатели решают с помощью героя, обладающего высоким началом самопожертвования и верности своему долгу.

Проблемы, охваченные испанским литературоведением в рамках изучения литературных связей, затрагивают и вопрос о влиянии экзистенциальной проблематики творчества Достоевского на испанскую литературно-философскую мысль. На творческую близость в этом отношении Достоевского и М. де Унамуно, отмеченную в свое время Б. В. Эджертоном и Г. Годоем⁹⁸, указывает современный исследователь Х. А. Ита Хименес. По его мнению, с Достоевским Унамуно сближает трагическое мировосприятие, наиболее ярко отразившееся в очерке «О трагическом чувстве жизни». Во многом совпадая в своих суждениях с К. Корконосенко, Л. Бонетом и А. Грэйсом Мегвиновым, разрабатывающими то же направление, он показывает, как своеобразно преломляются традиции Достоевского в повести Унамуно «Святой Мануэль Добрый, мученик» (1931), обращенной к проблеме трагической свободы. В обоих произведениях речь идет о кризисе религиозной веры

⁹⁶ *Bagnó V.* El Quijote en los borradores de «El idiota» de Dostoiévski // *Anales cervantinos*. 1994. T. 32. P. 265–270; *Barst K.* El signo cervantino en el «cuaderno de apuntes» de F. M. Dostoiévskij / Trad. del ruso por Enrique J. Vercher García // *Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos*. 2006. N 5. P. 63–76; *Arséntieva N.* Dostoiévski: Clave del «código Cervantes» // El Quijote y el pensamiento teórico-literario: Actas del Congreso Internacional celebrado en Madrid los días del 20 al 24 de junio de 2005 / Miguel Ángel Garrido Gallardo y Luis Alburquerque García (eds.). Madrid: CSIC, 2008. P. 353–372; *Chevalier M.* Cervantes, Rousseau, Dostoiévski // *Ínsula: revista de letras y ciencias humanas*. 1991. N 538. P. 15–16.

⁹⁷ *Guarde Paz C.* «Pochvennistchestvo» y diáspora china: dos visiones del nihilismo occidental a través de «El idiota» de F. M. Dostoiévski y el género «wu xia» de Jin Yong // *La Torre del Virrey: revista de estudios culturales*. 2010. N 9. P. 83–101.

⁹⁸ См.: *Edgerton W. B.* Spanish and Portuguese Responses to Dostoiévskij // *Revue de littérature comparée*. 1981. N 55 (3/4). P. 419–438; *Godoy G. L.* Dos mártires de la fe, según Dostoiévski y Unamuno // *Cuadernos de la Cátedra Miguel de Unamuno*. 1970. T. 20. P. 31–40.

и образе «Великого инквизитора», обманом стремящегося сделать людей счастливыми, внушая им то, во что герой не верит сам⁹⁹.

После десятилетнего перерыва, вызванного событиями революционных лет и гражданской войны, в условиях франкистского режима в испанских интеллектуальных и литературных кругах возобновился интерес к религиозно-философской и экзистенциальной проблематике творчества Достоевского. И здесь нельзя пройти мимо очерка «Христианство Достоевского», философа Х. Л. Лопеса Арангурена, который поставил перед собой задачу определить характер и природу мировоззрения Достоевского в соотнесенности с современными ему философскими течениями, так как видел в нем не столько антидогматизм, как Д. Паччини, сколько опору религиозным устремлениям неортодоксально мыслящего католического философа, находящегося в оппозиции к нигилизму и релятивизму. Для Арангурена важно прежде всего то, что Достоевский отстаивает трансцендентную метафизику бытия Божия и иррациональной природы человеческой души. Сближая наследие Достоевского с философией христианского экзистенциализма, подчеркивая его приоритет в открытии этого идеологического направления по сравнению с западными мыслителями и соотечественниками в лице Шестова и Бердяева, Арангурен исследует понятие «вера» у Достоевского как онтологическую категорию, понимаемую в свете религиозно-мистического восприятия христианства как надежный способ разрешения противоречий и веский аргумент в философской полемике. По мнению Арангурена, Достоевский ставит этическое сознание человека в зависимость от его веры¹⁰⁰.

Постепенно религиозно-философская проблематика становится центральной в испанских литературно-критических и научных работах 1960–1970-х гг. о Достоевском. В этот период внимание уделяется преимущественно анализу романов «Бесы» и «Братья Карамазовы»: в них были затронуты злободневные проблемы современности, особенно актуальные в связи с кризисом западного общества и «коммунистической угрозой»¹⁰¹. В настоящее время изучение религиозно-философской и этической проблематики Достоевского продолжают С. Гомес-Санчес («Коллаковский и религия: раздумья над одним из текстов Достоевского»)¹⁰², Ж. Морильяс («Спасение любовью: Библия в жизни и творчестве

⁹⁹ См.: *Hita Jiménez J.A.* El problema de la libertad trágica en «El Gran Inquisidor» y «San Manuel Bueno, mártir» // Traducción, lengua y cultura. Actas de VIII Jornadas hispanorrasas de Traducción e Interpretación. Granada: LIZO, 2004. P. 297–307.

¹⁰⁰ На связь Достоевского с философией и этикой экзистенциализма указано также в упомянутой нами работе А. Мегвинова, по мнению которого, Достоевский предварил экзистенциализм Камю и Хорхе Гильена.

¹⁰¹ *Elizalde Armentariz I.* Se publica en Rusia la correspondencia de Dostoiewski, testimonio cristiano contra el comunismo // Razón y Fe. 1959. T. 160. N 743. Dic. P. 481–489.

¹⁰² *Gómez Sánchez C.* Kolakowski y la religión: reflexiones sobre un texto de Dostoievski // Pensamiento: Revista de investigación e información filosófica. 1990. N 182. P. 201–224.

Достоевского»¹⁰³, а также А. Мерино Барро («Диалектика добра и зла у Достоевского»)¹⁰⁴ и М. Диас Маркес («Свет Достоевского»)¹⁰⁵.

Для углубленного изучения проблемы экзистенциализма в русско-испанском литературном опыте чрезвычайно важны такие моменты в восприятии Достоевского в Испании, как его творческие связи с философией Ф. Ницше, которые были замечены Хулио Худериясом еще в 1903 г.¹⁰⁶, а в наши дни стали междисциплинарной проблемой, равным образом притягательной и для писателя Бэлы Мартыновой¹⁰⁷, и для философа Х.Б. Линареса¹⁰⁸, который трактует ее с позиций современной антропологии, выявляя ницшеанскую герменевтику ряда произведений Достоевского. Над той же темой, но в ином ключе и в полемике с другими исследователями на протяжении многих лет напряженно работают А. и Ж. Морильяс, закладывая прочный филологический фундамент для сопоставления Достоевского и Ницше, необходимый для того, чтобы избежать односторонности и упрощенного взгляда на эту проблему¹⁰⁹.

Изучением вопроса о связи мировоззрения Достоевского и других европейских писателей занимаются такие специалисты в области истории философии, как Л. Ла Рубиа де Прадо из университета Гранады и валенсиец Х. Алькориса¹¹⁰.

Эстетика и новаторство художественной формы

Идейно-философское значение творчества Достоевского не стало для испанцев важности его художественных открытий. В заметке «Психологическое раздвоение Достоевского», опубликованной

¹⁰³ *Morillas Esteban J.* 1) La imagen de Cristo en Dostojewskij // *Espiritu*. 2002. T. LI. N 126. Jul.–dic. P. 287–295; 2) La redención a través del amor: la Biblia en la vida y obra de Dostoiévski // *Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos*. 2006. N 5. P. 77–94.

¹⁰⁴ *Merino Barrio A.* Dialéctica entre el bien y el mal en Fedor M. Dostoiévski. Tesina de la Universidad de Salamanca. 1973 (Toledo, 1985).

¹⁰⁵ *Díaz Márquez M.* La luz en Dostoiévski. Sevilla: Ediciones Casas, 2012.

¹⁰⁶ *Juderías J.* Dostoiévsky y Nietzsche // *La Lectura*. 1903. Sept. P. 157.

¹⁰⁷ *Martínez I.* Dostoiévski frente al nihilismo // *Cuenta y Razón*. 2002. N 124. P. 48–52.

¹⁰⁸ *Llinares Chover J.B.* 1) Nietzsche descubre a Dostoiévski. Notas sobre la lectura nietzscheana de «La patrona» // *Estudios Nietzsche: Revista de la Sociedad Española de Estudios sobre Friedrich Nietzsche*. 2009. N 29. P. 67–90; 2) Una lectura antropológica de «Memorias de subsuelo» de Dostoiévski // *Thémata: Revista de filosofía*. 2007. N 39. P. 443–450; 3) Antropología filosófica i literatura: la lectura nietzscheana d' Apunts del subsòl de F. Dostoiévski // *Quaderns de Filosofia i Ciència*. 2008. N 38. P. 41–57.

¹⁰⁹ *Morillas A., Morillas J.* Bases filológicas para una comparación entre F.M. Dostoiévski y F. Nietzsche // *Estudios Nietzsche. Revista de la Sociedad Española de Estudios sobre Friedrich Nietzsche*. 2011. N 11. P. 163–190.

¹¹⁰ См.: *La Rubia L.* Recursos narrativos y repercusiones filosóficas: el Doppelgänger en la literatura de ideas (Gógol, Dostoiévski y Kafka) // *Endoxa: Series Filosóficas*. 2010. N 26. P. 107–136; *Alcoriza J.* Dostoiévski y su influencia en la cultura europea. Madrid: Editorial Verbum, 2005.

24 апреля 1938 г., П. Бароха отмечает, что в произведениях писателя «отражена жизнь бессознательного»¹¹¹. К числу художественных открытий Достоевского он относит также «полифонию» как искусство изображения «другого». Это объясняет в значительной мере кажущуюся противоречивость мышления писателя¹¹². Но сам диалогизм и многоголосие у Достоевского Пио Бароха как писатель реальной школы, не перешедший в русло модернизма, склонен считать аномальным явлением шизофренической природы, исходя из научных определений психических расстройств своего времени. Более объективная оценка новаторства романной техники Достоевского с позиций философской эстетики, принадлежит Ортеге-и-Гассету, автору очерка «Воля барокко»¹¹³. Хотя в Испании с тех пор не появилось ни одной монографии об эстетике и поэтике Достоевского, в отдельных критических очерках и статьях содержится немало ценных и тонких наблюдений над стилем русского писателя и особенностями его художественного мира. Так, Х.Л. Лопес Арангурен относит Достоевского к писателям-экзистенциалистам на том основании, что в его книгах содержится бесценный опыт романного переживания новой стадии человеческого существования, отражающей кризис традиционных ценностей, проверки нравственно-психологического состояния человека, находящегося на стадии перехода к нигилизму и атеизму и попыток устроения своей жизни без Бога. Для определения жанровой специфики романов Достоевского Арангурен использует термин «экзистенциальный роман». В уже упоминавшейся нами книге о христианстве писателя (гл. «Достоевский и роман»), Арангурен изучает жанрообразующие признаки этой новой романной формы, имеющей синкретическую природу, в которой своеобразно переплавляются элементы романтизма и реализма и преодолеваются традиции психологического романа, перерастающего в особую повествовательную форму — роман-ситуацию, выводящую героя за рамки повседневности, в результате чего он переживает внутренние потрясения и особые состояния, которые можно назвать трансцендентными. Они не имеют ничего общего с обычной тривиальной психологией и обусловлены религиозно-нравственными исканиями героев, жаждой идеала и осознанием своего несовершенства. Таким образом, Лопес Арангурен, как и русская литературная критика Серебряного века, стоит на пороге открытия эстетических принципов, позволяющих отнестись творческий метод и жанровое своеобразие произведений Достоевского к литературной мистике, в чем нам видится его несомненная заслуга перед достоевковедением.

¹¹¹ См.: *Baroja P. Obras completas*. 1948. T. V. P. 1068.

¹¹² *Ibid.* P. 1069.

¹¹³ *Ortega y Gasset J. La voluntad del barroco // España*. 1915. 12. VIII. P. 3–4. Опубликована также в изд.: *Ortega y Gasset J. Obras completas*. Madrid: Revista de Occidente, 1953. P. 403–406; *Ortega y Gasset J. Meditaciones sobre la literatura y el arte. La manera española de ver las cosas*. Madrid: Ed. De Inman Fox, 1987.

Весомый вклад в изучение эстетики Достоевского внес Л. Бельтран Альмерия, профессор кафедры общей лингвистики и теории литературы из университета Сарагосы. В своих выступлениях на конференциях, публичных лекциях и в статьях о Достоевском он показал на примере романа «Идиот», полемизируя с существующими прочтениями Достоевского по Бахтину¹¹⁴, связь творческого метода Достоевского с символизмом. Бельтран Альмерия высказал мысль о том, что русский гений перерос символизм еще до его оформления в особое направление русской литературы. В противовес тем исследователям, которые считают Достоевского представителем реализма, Бельтран Альмерия определяет его эстетику как «гротескный символизм»¹¹⁵ на том основании, что в произведениях писателя присутствуют элементы гротеска, противостоящие «идиллическому хронотопу». Для современного испанского писателя Х. Хименеса Лосано природа художественного дарования Достоевского также двойственна: с одной стороны, он реалистически точен в своих наблюдениях над душевной жизнью человека, с другой — поражает своей способностью «воспринимать мир и человека как невыразимую и неизъяснимую загадку»¹¹⁶.

Изучая жанровую природу произведений Достоевского, испанские критики и литературоведы пришли к выводу, что русский писатель является предтечей новой европейской прозы XX в. Так, критик Х. Доминго убеждает нас в том, что «Преступление и наказание» — самый совершенный по форме роман Достоевского (органично сочетающий авантюренность, элементы детектива с тонким психологизмом, содержащий мотив победы добра над злом) — по всем признакам является ранним образцом психологического триллера. Но более всего критика восхищает роман «Братья Карамазовы», который он называет «гениальным творением человеческого духа», шедевром европейской христианской литературы, единственным в своем роде. Объектом наблюдений Х. Доминго становится художественная структура романа. Пульс национальной жизни бьется здесь и в кружке гимназистов, и в семействе Карамазовых, и в духовном опыте монастырских старцев. Связующим звеном между ними выступает послушник Алеша, волей судьбы вынужденный пропускать через себя боль и страдание ближних и быть в эпицентре абсолютно противоположных идей и влияний. Обладающий особой мистической чувствительностью, он единственный из всех героев способен сохранить

¹¹⁴ См. его доклад «Una crítica a la lectura bajtiniana de „El idiota“», сделанный на конференции «Религия и философия в жизни и творчестве Достоевского» в Барселоне (сентябрь 2006 г.). См. также: *Beltrán Almería L.* El pensamiento de Dostoevski // Riff Raff: revista de pensamiento y cultura. 2009. N 41. P. 69–74.

¹¹⁵ *Бельтран Альмерия Л.* Достоевский и символизм // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте». Избранные доклады и тезисы. М., 2008. С. 145–146.

¹¹⁶ *Хименес Лосано Х.* Три встречи с Достоевским / Пер., вступ. заметка и примеч. А. В. Ковровой // Достоевский. Материалы и исследования. №18. СПб.: Наука, 2007. С. 290–309.

спасительную для души веру в Бога. Поэтому именно на него, как считает Х. Доминго, возложена роль миссионера — проповедника евангельской любви, ведущей к примирению всех противоречий¹¹⁷.

Исследования испанских литературоведов в области стиля писателя немногочисленны. По этому поводу критик И. Мильян замечает, что незнание русского языка затрудняет изучение испанцами некоторых сторон творчества Достоевского¹¹⁸. Поэтому примечательна научная позиция Х. А. Иты Хименеса из университета Гранады, который считает, что исследования поэтики Достоевского должны начинаться с изучения достижений русских ученых в данной области. Эту задачу он с успехом реализует в монографиях «Достоевский в русской критике» и «Новый взгляд на творчество Достоевского»¹¹⁹, где дает полномасштабный обзор литературно-критических и научных работ о Достоевском, особо выделяя вклад В. Е. Ветловской.

Не довольствуясь традиционными методами анализа художественных произведений и мнением авторитетов, молодое поколение испанских ученых ищет новые пути проникновения в творческую лабораторию писателя. В этом отношении интересен подход гранадского исследователя Б. Барроса, нашедший отражение в его докторской диссертации и научных статьях, где он впервые применяет данные прикладной лингвистики, математической статистики и теории восприятия к анализу стиля и способов выражения авторского сознания у Достоевского с учетом присутствия в нем образа читателя¹²⁰.

Традицию изучения интердискурсивности творчества Достоевского, заявленную в зарубежном достоевковедении, развивает А. Сириа, анализируя обнаруженный им у Достоевского мотив земли в творческом сознании Тарковского¹²¹. Г. М. Торе находит общие мотивы у режиссеров, занимающихся экранизацией литературных произведений, в том числе и по мотивам произведений Достоевского¹²². Есть и другие, не менее интересные работы на эту тему, отраженные в библиографическом приложении.

¹¹⁷ *Domingo J.* Dostoiévski. Vida y obra // Dostoyevski F. Crimen y Castigo. Los hermanos Karamazov / Ilustraciones de Ramón Aguilar More. Barcelona: Ediciones Nauta, 1975. P. 28–33.

¹¹⁸ *Millán I.* Dostoiévsky // Dostoiévsky y Tolstóy. Novelas y cuentos / Estudios preliminares por Ignacio Millán y José E. Iturriaga, trad. de Ricardo Baeza, Alfonso Nadal y Vera Makarov. Barcelona: Ediciones Océano, 1981. P. 28–33.

¹¹⁹ *Hita Jiménez J. A.* 1) Dostoiévski en la crítica rusa. Granada: Ediciones Osuna, 2002; 2) Nueva visión de la obra de Dostoiévski. Granada: Universidad de Granada, 2003.

¹²⁰ См., например: *Баррос Гарсия Б.* Вклад новой лингвистики в анализ риторики в произведениях Ф. М. Достоевского // Русский язык и русская речь в XXI веке: Проблемы и перспективы / Пер. с исп. Ижевск: УдГУ, 2007; <http://www.tonosdigital.com/ojs/index.php/tonos/article/view/395/273>

¹²¹ *Ciria A.* La tierra como elemento artístico en Dostoiévski y Tarkovski // *Thémata: Revista de filosofía.* 1997. N 18. P. 171–178.

¹²² *Tore G. M.* La gaya ciencia de la traducción y la adaptación cinematográfica (sobre Dostoiévski, Bresson, Sokurov... y otras semióticas) // *Revista Anthropos: Huellas del conocimiento.* 2007. N 216. P. 83–90.

Достоевский и наука

В новом феноменологическом методе, проявившемся уже в самых ранних произведениях Достоевского, был заложен научный подход к анализу явлений, связанных с проникновением в тайны мира и человека.

Ранее других на Достоевского обратили внимание испанские юристы. В 1893 г. вышла статья Г. Тарде¹²³, вызвавшая живой интерес к этой теме; через пять лет на испанский язык был переведен очерк А. Кони о Достоевском-криминалисте¹²⁴. В этой связи следует упомянуть и книгу М. Т. Каньяс «Достоевский и самоубийство» (2003)¹²⁵.

Не менее интересными для испанцев оказались открытия писателя и в области медицины. Так, исследователь А. Пига находит в русской литературе в целом и у Достоевского в частности сведения и наблюдения, имеющие значение для изучения феномена алкоголизма¹²⁶. Имя Достоевского звучит и в связи с характерной для фрейдистских исследований темой «эдипова комплекса»¹²⁷. Не обойден вниманием так же широко известный факт, что Достоевский страдал эпилепсией. В статье «*Morbus sacer* Достоевского» медик Себастьян Диега, исходя из опыта современной медицины, высказывает парадоксальное суждение о благоприятном влиянии этого заболевания на душевное здоровье писателя, предотвратившем, по его мнению, развитие идиотизма на почве нервных расстройств, вызванных тяжелыми жизненными обстоятельствами. Кроме того, экстатическая природа эпилепсии трактуется в религиозно-философском контексте творчества Достоевского — как переживаемый самим писателем и некоторыми его героями мистический опыт соприкосновения с высшим началом жизни. Подлинным событием в научном мире стала докторская диссертация Ивана Иньесты «Болезни в творчестве Достоевского», защита которой состоялась в Мадридском университете Комплутенсе¹²⁸.

Упомянутая нами И. Мартинес Фернандес находит у Достоевского зачатки науки социологии и оригинальный подход к изучению феномена бюрократии¹²⁹.

¹²³ Tarde G. La arqueología criminal // La España Moderna. 1893. T. LVIII. P. 43–85.

¹²⁴ Koni A. F. Dostoievsky criminalista (traducido del ruso) // Revista contemporánea. 1899. 30. IV. P. 120–136.

¹²⁵ Cañas M. T. Dostoievski y el suicidio. Valladolid: Editorial Azul, 2003.

¹²⁶ Piga A. La literatura rusa y el alcoholismo. Madrid: Escorial, 1932.

¹²⁷ Cabaleiro Goas M. Mischkin y Dostoievski // Werther, Mishkin y Joaquín Monegro vistos por un psiquiatra. Trilogía patográfica. Barcelona: Editorial Apolo, 1951.

¹²⁸ Iniesta I. La enfermedad en la literatura de Dostoyevski. Universidad Complutense de Madrid, 2004 // <http://eprints.ucm.es/tesis/med/ucm-t27773.pdf>. Одна из последних работ данного автора под названием «Эпилепсия в художественном сознании Достоевского» была опубликована в журнале «Неврология» (Iniesta I. La epilepsia en la gestación artística de Dostoievski // Neurología, 2011 / [http://www.elsevier.es/eop/S0213-4853\(11\)00246-5.pdf](http://www.elsevier.es/eop/S0213-4853(11)00246-5.pdf)).

¹²⁹ Martínez I. Dostoievski: de la igualdad a la diferencia: ensayo sobre la burocracia. Madrid: Biblioteca Nueva, 2003.

Творчество Достоевского как политический дискурс стоит в центре внимания испанских политологов, к которым относит себя и Х.Л. Лопес Арангурен. Разделяя религиозные убеждения русского писателя, Арангурен не согласен с его политическими взглядами, считая его реакционером, поставившим свой талант на службу консервативным силам в лице русской монархии и православной церкви, всегда отличавшихся нетерпимостью и радикализмом по отношению к иным верованиям, в том числе — католицизму. Социально-политическая мысль писателя совершенно не устраивает Арангурена. Переходя к анализу идеала общественной жизни, или «христианского социализма Достоевского», изложенного в «Дневнике писателя», Арангурен находит социально-политическую позицию русского писателя уязвимой во многих отношениях. По его мысли, в решении социальных проблем Достоевский отрицал допустимость революционного вмешательства в ход событий, но вместе с тем оставлял открытым вопрос о методах борьбы с таким общественным злом, как обнищание народа, предпочитая позицию конформизма в отношении государственной власти в духе христианского смирения. По мнению Арангурена, отсутствие позитивной программы общественных преобразований, критика идей социального прогресса привели к возникновению в творческом сознании Достоевского реакционного и утопического по своей природе мифа сращения православия и государственного монархического правления, который возводится у него в степень политического идеала. Арангурен подвергает критике исторический мессианизм Достоевского как явление, своими корнями уходящее в средневековую идею торжества христианской теократии. С его точки зрения, отождествление России с православием у Достоевского сходно идеям испанских националистов 1920–1930-х гг., подготовивших историческую ситуацию тотального подчинения духовной жизни испанского общества государственному католицизму. Арангурен полемизирует с Достоевским как свободный мыслитель, усмотревший противоречие между его социально-политическими построениями и позицией художника и нравственного философа. Занимая позицию идеолога православия, Достоевский теряет привлекательность своих суждений, и его мысли перестают быть духовно значимыми в контексте мировой истории. Однако Арангурен не отказывает Достоевскому в исторической прозорливости, считая, что в 1960-е гг. западное общество стало склоняться к обывательской модели, сформировалась идеология потребительства, как это и предсказал писатель в «Легенде о Великом инквизиторе». О значимости этой «поэмы» для испанцев свидетельствуют размышления А. Грэйса Мегвинова, Л. Кампильяс и Ж. Пегеролес¹³⁰.

¹³⁰ *Megwinoff A.G.E.* Op. cit. P. 106; *Campillos L.* Dostoiévski o la locura ante Dios y la sociedad // República de las Letras: revista literaria de la Asociación Colegial de Escritores. 2000. N Extra 7. P. 197–204; *Pegueroles J.* El hombre del subsuelo contra el Inquisidor. La defensa de la libertad en Dostoyevsky // Espíritu. 2000. Vol. 49. P. 5–12.

Сравнительно недавно к творчеству Достоевского обратились профессиональные историки, примером чему служат статьи Х. М. Валье Порраса и Ж. Морильяса¹³¹.

Наконец, весьма современное звучание в связи с угрозой глобального терроризма приобрела в Испании проблематика романа «Бесы». В монографии «Достоевский против терроризма. От „Бесов“ к Аль-Каиде» (2006) Х. Серрано Мартинес отмечает связь между проблематикой политического насилия в романе Достоевского и современным состоянием проблемы исламского терроризма, чем еще раз подтверждает актуальность идей русского писателя для нашего времени. Есть и другие, совсем новые работы, посвященные этой теме¹³².

Заключение

С первых же откликов на публикацию произведений Достоевского испанская литературная критика обнаружила интерес и глубокое понимание феномена его творчества, и это неудивительно. Многие испанские литераторы конца XIX — начала XX в. принадлежали к культурной элите или имели солидную филологическую подготовку, но, что еще более важно, не довольствуясь непосредственными впечатлениями от чтения произведений, они старались познакомиться с исследованиями творчества Достоевского, опубликованными на других языках, использовать в своих лекциях, очерках и заметках о нем биографические и архивные материалы. Кроме того, они читали переводную биографическую и религиозно-философскую литературу русской эмиграции. Знакомство с «классикой» Серебряного века и работами о Достоевском таких корифеев русской мысли, как Шестов, Бердяев, Мережковский, а позднее и с наследием Бахтина позволило испанским литературным критикам обрести основательные научные знания и ориентиры для своих трактовок. Некоторые деятели испанской культуры и переводчики, пишущие о Достоевском, были родом из России или связаны с ней эпистолярно, таким образом имея доступ к исследованиям о Достоевском, опубликованным на его родине. В случае с испанским достоевведением бывает нелегко отличить литературно-критическую статью от научного исследования. Самые, казалось бы, обычные предисловия к собраниям сочинений писателя, заметки переводчиков, рецензии на переводы, статьи в литературных журналах и альманахах зачастую представляют собой научный интерес и требуют пристального внимания. Что

¹³¹ Valle Porras J. M. Las predicciones de Dostoiévski // Aportes: Revista de historia contemporánea. 2008. N 66. P. 50–63; Morillas J. El valor de la política en la vida y en la obra de F. M. Dostoiévski // La Torre del Virrey. 2009. Serie 3. P. 1–14.

¹³² См. рецензию на эту и другие работы по данной тематике на сайте испанского филиала МОД, автором которого является его председатель Ж. Морильяс: www.ids.agonfilosofia.es

же касается сугубо научной литературы, то она началась с изучения истории переводов и рецепции Достоевского в Испании, которое в результате развилось в масштабную традицию освоения проблемы русско-испанских литературных связей генетического и компаративного характера, ставшую частью профессионального интереса ряда испанских исследователей.

В развитии профессионального достоевсковедения в Испании важную роль сыграли возникшие в конце XX в. отделения славистики и филологические журналы при испанских университетах, сопутствовавший их деятельности интенсивный научный и культурный обмен, а также создание в начале нового столетия испанского филиала Международного общества Достоевского, на портале которого размещена библиография работ о его творчестве¹³³. Плодотворной практикой стало участие испанских ученых в международных конференциях, посвященных творчеству Достоевского, и публикация их работ на русском языке, равно как и публикация достижений русских достоевсковедов на испанском языке. Круг охваченных проблем широк, затронуты все основные аспекты творчества писателя: его мировоззрение, творческий метод и стиль. Если внимание исследователей второй половины XX в. сосредоточено на осмыслении философской и нравственно-этической проблематики творчества Достоевского, то в наши дни заметно выросло количество работ, посвященных эстетике и поэтике писателя, органично влившихся в общий поток научных работ международного значения в этой области. Тем не менее для испанских ученых продолжают оставаться актуальными социально-политические взгляды Достоевского, особенно в связи с новым изданием «Дневника писателя»¹³⁴, а также научные прозрения писателя. Таким образом, можно сделать вывод, что литературно-критическое наследие прошлого века стало мощным фундаментом, на котором выросло в Испании плодоносное дерево науки о Достоевском.

¹³³ См. его сайт на www.ids.agonfilosofia.es

¹³⁴ См.: *Diario de un escritor. Crónicas, artículos, crítica y apuntes / Edición de Paul Viejo. Traducción de Eugenia Bulátova, Elisa de Beaumont y Liudmila Rabdanó. Madrid: Páginas de Espuma, 2010.*

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Ф. КАУТМАН

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДОСТОЕВСКОГО

Чтение произведений Достоевского заставляет размышлять на темы, которые временами выходят за рамки проблематики его произведений, требуя задуматься над злободневными вопросами современности. Писатель, умерший за двадцать лет до конца XIX в., сумел предвидеть на 100–130 лет вперед то, что волнует нас сегодня.

Историки литературы на Западе иногда задаются вопросом, зачем Достоевскому было нужно создавать столь сложные художественные произведения, требующие от читателя высокого уровня культуры и образования, если подавляющее большинство населения России было неграмотным? Однако получение высокого уровня образования было нормой для юношей и девушек из дворянских семей; ученые, журналисты, студенты, офицеры, чиновники, предприниматели в городах и деревнях были, как правило, представителями образованных сословий. Многие читали так называемые «толстые журналы», которые предназначались не столько для развлечения, сколько для серьезного, вдумчивого чтения. Вырастая в такой читательской среде, русская литература XIX в. получила впоследствии сочувственный отклик от самых требовательных западноевропейских читателей.

В Чехии посещение школы для детей с шести до четырнадцати лет было обязательным, юридически закрепленным начиная с 1869 г. Чаще всего преподавание велось на немецком языке, и в эпоху национального возрождения каждая чешская школа буквально боролась за свое существование. Однако во второй половине XIX в. одаренные дети из простых семей, не только в городах, но и в деревнях все-таки имели возможность получить среднее образование. Единственный чешский университет открылся в Праге в 1882 г. Чешская литература быстро развивалась. Уже к середине XIX в. она имела своих классиков (К. Я. Эрбен, Б. Немцова, К. Г. Маха, Ф. Л. Челаковский). Однако, приспособившись к общему уровню своих читателей, она многие годы ограничивалась фольклорной, деревенской и исторической — в ряде случаев мифологической — тематикой. О мировом значении чешской литературы можно говорить лишь в связи с появлением поэтической, так называемой «космополитической», школы, созданной вокруг

журнала «Лумир», а также с появившимся далее поколением модернистов и авангардистов.

Произведения Достоевского начали появляться в чешских переводах вскоре после их издания в России, прежде всего благодаря прославленным настроенным представителям движения за национальное возрождение. Вначале это были преимущественно рассказы, написанные Достоевским в ранний период его творчества, далее последовали переводы «больших» романов. Одновременно с публикацией «Преступления и наказания» в «Русском вестнике» появился русский перевод романа Божены Немцовой (1820–1862) «Бабушка» («Babička») — классического произведения чешской литературы, давшего полноценное описание жизни чешской деревни. Когда в 1883 г. популярная в те годы «Народная газета» («Národní listy»), по инициативе Т. Г. Масарика, начала публиковать в переводе Й. Пенижека роман «Преступление и наказание», редакция газеты заставила переводчика удалить из текста все сложные размышления и диалоги, «тормозящие развитие действия». По мнению редакции, они могли оттолкнуть читателя газеты от этого произведения.

К концу XIX в. ситуация решительным образом изменилась. Достоевский стал приходить в Чехию не только из России, но и из других европейских стран, где в его произведениях находили источник вдохновения представители модернизма. Творчество Достоевского, пришедшее в эти годы через Францию, Германию, Польшу, Италию и скандинавские страны, оказалось в центре страстных дискуссий об искусстве, культуре и политике. В этой полемике произведения Достоевского воспринимались уже не как «чтение для народа», но в качестве важных свидетельств о самых болезненных проблемах современного мира. Вскоре творчеством Достоевского начали интересоваться не только теоретики и историки литературы, но психологи и психиатры, философы, социологи, политологи и теологи. Не будучи профессиональным философом, русский писатель говорит о сложных философских проблемах, привлекает внимание к психологическим парадоксам; не будучи ни богословом (как многие русские ученые и публицисты того времени), ни религиоведом, углубляется в теологию и историю религии.

Важную роль в популяризации творчества Достоевского сыграла его публицистическая деятельность. Он, как известно, много читал, владел немецким и французским языками, активно переписывался со своими читателями. В отношении вопросов, которые входили в сюжеты его произведений, иногда обращался за помощью к специалистам — юристам, врачам, историкам, теологам. Благодаря этому в его произведениях концентрировалась своего рода совокупность продуктов высокоинтеллектуального мышления, которая обогащалась творческим воображением писателя. В исканиях и сомнениях главных персонажей его произведений и аргументациях типа «pro et contra» находили выражение искания и сомнения, терзавшие его самого. В то же время, хотя большинство

произведений Достоевского не является чтением для отдыха и «для развлечения», они увлекательны, и приносят читателю не только тревогу за судьбу того или иного персонажа, но и утешение.

В своей известной статье Н. К. Михайловский назвал Достоевского «жестоким талантом», который, по его мнению, умышленно истязает персонажей своих произведений, да и читателей. Однако, если понимать эту метафору как обозначение жестких методов лечения со стороны врача, который пытается избавить своего пациента от тяжелой болезни, с такой характеристикой можно согласиться. «Думать больно», — любил говорить Т. Г. Масарик. Одним из ценнейших итогов чтения произведений Достоевского является формирование у читателя способности самостоятельного мышления. Писатель заставляет читателя переживать вместе с ним мучительный поиск ответов на основные вопросы, от которых зависит жизнь человечества и каждого отдельного человека. Для обретения этого опыта читатель должен поставить себя на место Раскольникова, Версилова, Ставрогина, Ивана, Дмитрия, Алеши Карамазовых и князя Мышкина, как это сделал автор.

Существует мнение, что Достоевский писал идеологические романы. Однако это не так: он писал романы о людях, которые были поглощены какой-нибудь идеей, и в этом большая разница.

В годы, когда жил и работал Достоевский, зарождался комплекс проблем, который далее в виде различных вариаций и мутаций захватил культурную жизнь Европы в XX в. В России лишь дворянская интеллигенция — сравнительно небольшой круг образованных людей, после реформ Петра I усвоивших парадигму западноевропейской культуры, — была в состоянии знакомиться с ними «in status nascendi». Это гегельянство во всех вариантах его интерпретаций, нищезанство, различные виды анархизма, идеи гуманизма и либерализма, конституционализма, варианты материалистической философии (от Л. Бюхнера и Я. Молешотта — до Фейербаха), разновидности утопического социализма, классическая английская политическая экономия и сплетение всего этого в марксизме. Эти концепции активно обсуждались в России, которая стояла на пороге глобальных социальных преобразований. Мыслящие люди страны активно вели диспуты в кружках и на страницах периодических изданий, искали пути ускорения реформ с намерением осуществить их любыми средствами.

В своих произведениях Достоевский подверг сторонников революционных изменений строгой критике, указывая на причины, которые толкнули их на путь преступления; таково, например, резонансное дело С. Г. Нечаева, отраженное писателем в его романе «Бесы». Одновременно именно в молодом поколении Достоевский видел будущее России. Он осознал, что выход из положения смогут найти не трогательные и всепрощающие Мышкины, но деятельные люди, которые ценой собственных заблуждений и ошибок дозреют до формирования нравственных ценностей, на основе которых может осуществиться

преобразование общества. Это направление мысли писателя должно было быть отражено в образах Алеши Карамазова или Коли Красоткина в задуманных и, к сожалению, неосуществленных заключительных томах романа «Братья Карамазовы».

Достоевский внимательно наблюдал за политическими событиями, особое внимание его привлекали попытки переустройства миропорядка. Он не верил, что какие-либо коренные изменения могут быть осуществимы без изменения нравственных правил, лежащих в основании культуры. В своих размышлениях он исходил из идеи свободы личности, которая опирается на твердые этико-онтологические основания, с помощью которых способна быть принятой другими людьми. По его мнению, человек обязан ответственно ориентироваться в этических категориях, уметь отличать свободу от вседозволенности, зло от добра, понимать смысл таких понятий, как свобода и смирение, разум и чувство.

По мысли писателя, только опираясь на нравственное самоопределение человека, можно рассчитывать на продуктивное построение любых социальных образований, от семьи до человеческой цивилизации в целом. В процессе создания своих художественных произведений Достоевский переходил от эстетики к этике, от этики к философии, от философии к психологии, от психологии к политологии и от политологии к теологии. В христианстве Достоевский особенно подчеркивал учение о неповторимой, единичной ценности каждого человеческого существа, подверженного греху и освобождающегося покаянием и милосердным отношением к ближнему.

В своей творческой работе Достоевский стремился наметить пути человечества к тому высшему синтезу нравственного и онтологического, осуществление которого он завещал будущим поколениям. Эти поколения, наверное, будут черпать знания и опыт из других источников, не только из тех, которые вскрывал Достоевский в своем «Дневнике писателя» и поучениях старца Зосимы, — будет ли для этого время? В христианстве он искал ценности, спасительные для человечества в целом, особенно сосредоточиваясь на личности Христа как нравственного идеала и образца, способного стать основой нового человеческого сообщества в будущем. Лейтмотивом в произведениях писателя звучит мысль, что без принятия всеми и каждым определенных нравственных правил дальнейшее движение истории приведет мир к деградации, когда антропология обратится в зоологию, и признаки такого исхода, к сожалению, мы видим уже сегодня.

Историческую миссию России Достоевский видел не в идеолого-экономическом соперничестве с Западом (которое веком позже привело Советскую Россию к краху), не в осуществлении известных опасений русской интеллигенции XIX в. победы торгово-экономической модели и потребительского образа жизни, но в достижениях нравственно-духовных, в созидании примера сообщества людей, связанных отноше-

ниями братской любви. Именно это хотел бы писатель видеть вкладом России в мировую цивилизацию, он надеялся, что это могло бы получить отклик в других странах и национальных культурах, подвигнуть человеческое сообщество к новым усилиям, направленным на повышение осмысленности и нравственного качества человеческой жизни.

Рая на Земле никогда не будет. Какое будущее ожидает человечество, зависит от каждого человека и его отношения к другим людям. Такова в самом сжатом виде практическая философия и теология художника и мыслителя Федора Михайловича Достоевского.

У. М. ТОДД III

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ США И ДОСТОЕВСКИЙ:
МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА¹**

Участниками нашего круглого стола были Робин Фойер Миллер, представившая анализ современных американских исследований, посвященных Достоевскому; Нэнси Руттенбург, которая продемонстрировала своеобразный пример взаимодействия теории литературы и практики «пристального чтения»; Шеймас О’Дрисколл, выступивший с обзором современного достоевдения в Интернете, и Сюзан Макрейнолдс, поднявшая вопрос об изданиях, на страницах которых в настоящий момент появляются новые американские работы по творчеству Достоевского. Я провел заседание и открыл его обзором проблемы в целом. Излагая содержание наших диалогов, как между собой, так и с многочисленной и активной аудиторией, я позволю себе приобщить к собственному отчету мнение профессора О’Дрисколла и профессора Макрейнолдс. Профессор Миллер и профессор Руттенбург изложили свои наблюдения в письменной форме, и я предоставляю им возможность «говорить от первого лица», несколько сократив их тексты.

Вольтер однажды сказал, что Священная Римская империя не была ни священной, ни римской, ни империей. Логику этого афоризма я перенес и в свое выступление, заметив в самом начале, что критик, хорошо знакомый с современной теорией литературы и культуры, обратил бы внимание на три понятия, обозначающих заявленную на круглом столе проблематику: «Достоевский», «теория» и «североамериканский».

Современное литературоведение не ограничивает себя теми подходами к проблематизации фигуры Достоевского, которые были привычны для исследователей моего поколения, воспринимавших эту личность одновременно и как великого писателя, и как публициста, и как пророка. В свете современного взгляда на природу *автора* (взгляда, сложившегося под сильным влиянием знаменитого выступления Мишеля Фуко «Что такое автор», эссе Ролана Барта «Смерть автора» и других

¹ Круглый стол состоялся 6 июля 2007 г. в Будапеште в рамках 13-го Симпозиума Международного общества Достоевского (анонс доступен, например, здесь: http://szlavintezet.elte.hu/orosz/orfilmuh/events/dost_prg_full.html). См.: *Todd III W.M.* North American Theory and Dostoevsky: A Round Table // F.M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues / Eds. Katalin Kroo, Tunde Szabo. Budapest, 2009. P. 492–509.

работ, явившихся истоками нового историзма) «Достоевский» предстает не столько живым человеком с биографией, сколько риторической функцией внутри тех текстов, которые мы же ему атрибутируем, чем-то таким, что сам читатель конституирует в процессе взаимодействия с текстом (отсюда изобретенное Бартом «гость в тексте», или «имплицитный автор» в терминологии Уэйна Бута). А коль скоро не во всякое время и не во всяком пространстве эта функция конституируется одинаково, *автор* превращается в культурный феномен, исследуемый теоретиками в широком диапазоне социологических и герменевтических перспектив.

«Теория», среди используемых нами понятий, странным образом реже остальных становилась объектом критического рассмотрения — за все сорок лет, в продолжение которых она господствовала в умах американских ученых. Довольствуясь общим определением из словаря Уэбстера, «логически связанная совокупность гипотетических, концептуальных и прагматических принципов, формирующая целостную точку зрения на ту или иную область исследования», гуманитарная наука Северной Америки может предложить лишь считанные единицы работ, в которых это определение было подвергнуто фундаментальному пересмотру. К числу этих редких исключений можно отнести «Анатомию критики» (1957) Нортропа Фрая, «Теорию литературы» (1949) Рене Уэллека и Остина Уоррена и «Структуру литературы» (1971) Клаудио Гильена. Последняя книга, написанная на английском языке испанцем-антифранкистом, вернувшимся под конец жизни на родину и окончившим свою академическую карьеру в Саламанке, является примером, убеждающим в том, насколько интернациональной может быть гуманитарная наука в США. Но американская теория литературы обнаруживает и ряд важных течений, оказывающих серьезное воздействие на гуманитарное знание наших дней. Одно из таких течений представлено концептуальными суждениями о презентации и риторике нарратива, которые в разное время озвучивались такими писателями и литературоведами, как Генри Джеймс, Перси Лаббок и Уэйн Бут. Работы названных мной авторов, по большей части лингвистические, примыкают не столько к сосюррианским традициям европейского структурализма, чьи методы безусловно полезны при анализе сюжета, сколько к теории речевых актов Остина, Сёрля и Грайса. Второе влиятельное направление в нашей теории литературы — это англо-американская «новая критика», впрочем, восходящая генетически к кантианской эстетике и протестантской герменевтике. Школа «пристального чтения» в достоеведении связана, в первую очередь, с именем Р.П. Блэкмура. Среди американских исследователей творчества Достоевского отдельного упоминания заслуживает учившийся у Блэкмура в Принстонском университете Роберт Белкнап, в работах которого творчески сочетаются и традиция риторического анализа, и разработанный «новой критикой» метод «пристального чтения».

Пожалуй, наиболее проблематичным из интересующих нас является понятие «североамериканская». На ум приходит гоголевское видение Петербурга, напомнившего великому писателю Америку:

«Трудно схватить общее выражение Петербурга. Есть что-то похожее на европейско-американскую колонию: так же мало коренной национальности и так же много иностранного смешения, еще не слившегося в плотную массу. Сколько в нем разных наций, столько и разных слоев общества. Эти общества совершенно отдельные: аристократы, служащие чиновники, ремесленники, англичане, немцы, купцы — все составляют совершенно отдельные круги, редко сливающиеся между собою, больше живущие, веселящиеся невидимо для других.

И каждый из этих классов, если присмотреться ближе, составлен из множества других маленьких кружков, тоже не слитых между собой»².

«Североамериканское» в нашей академической жизни на поверку может оказаться составленным из точно таких же маленьких кружков, как и «неорганичный» Петербург Гоголя. Наше теоретизирование, по-немногу берущее от англо-американской «новой критики», чешского структурализма, французского постструктурализма, немецкой герменевтики и критической теории, русского формализма и бахтинианского дискурс-анализа, — ограничимся только этими методами — напоминало бы собой рагу, если бы только было приготовлено со вкусом. Основу «американских» гуманитарных наук, «американской» теории всегда составлял поиск национального типа ученого, по крайней мере, начиная с середины XIX столетия. Речь Ральфа Уолдо Эмерсона «Американский ученый» (1837) показательна в том отношении, что Эмерсон обращается в ней к концептам *природы, книг и действия*, и даже в том, что в речи подчеркивается ответственность ученого перед наследием своих предшественников. Рене Уэллек и Остин Уоррен точно так же надеялись на возникновение американской критики: этой надеждой вдохновлена и написанная ими «Теория литературы», содержащая детальное рассмотрение и синтез европейских научных традиций самого широкого спектра. Для нескольких поколений американских филологов их труд являлся настольной книгой.

Сообщение Робин Фойер Миллер «Новейшие исследования творчества Достоевского»

Когда Тодд организовал это заседание, у меня возникло несколько фундаментальных вопросов — из разряда тех, которые я привыкла откладывать на потом. В чем подлинно состоит разница между теорией и идеологией? Из многих определений слова «теория» я отмечу три:

² Гоголь Н.В. Петербургские записки 1836 года // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т. VIII. С. 179–180.

«анализ совокупности фактов в их связи друг с другом»; «общие или фундаментальные принципы, выводимые из фактического материала»; «гипотеза, принимаемая в интересах научной дискуссии или исследования». Идеология же, по-видимому, включает в себе набор теорий, предназначенных для достижения специфических целей, выходящих за рамки собственно исследовательской активности: во всяком случае, словарь Уэбстера определяет данное понятие как «проспективное теоретизирование»; «систематический свод концепций, в особенности концепций человеческой жизни или культуры»; либо как «связанные воедино суждения, теории и намерения, составляющие социополитическую программу». Здесь ощущается несколько неприятное взаимоналожение терминов. Кроме того, каким образом мы можем обратиться к проблеме теоретизации творчества Достоевского, если сам он нередко высказывал подчеркнуто *антитеоретическую* позицию, или, по крайней мере, делал это устами своих персонажей, утверждавших: «„Сознание жизни выше жизни, знание законов счастья — выше счастья“ — вот с чем бороться надо!» (25, 119). Что, разумеется, само по себе является теорией (или идеологией). И хотя главную роль всегда играл Достоевский-парадоксалист, он, вопреки собственной роли, есть идеолог, но не теоретик.

Все эти сомнения и уловки должны быть отброшены, если мы хотим продолжить нашу сегодняшнюю беседу. Говоря о значимых исследованиях последнего времени, выполненных североамериканскими учеными на материале наследия Достоевского, я сосредоточу особое внимание на том, каким образом эти исследования могут способствовать теоретическому осмыслению дилемм и проблем современности. При этом я намерена говорить только о том, что успели сделать исследователи в XXI в.

Высказывание Октавио Паса «Достоевский — наш великий современник»³ отнюдь не является парадоксальным или риторическим, как не являются загадочными слова В. С. Притчетта о том, что Достоевский «по-прежнему живет как художник, [ибо] вместе с нами он движется в будущее, по мере того как меняются наши представления о грозящих нам опасностях»⁴.

В стремлении осмыслить сегодняшние тревоги и опасности, а также вызовы недалекого будущего, мы сталкиваемся с целым рядом вопросов⁵. С вашего позволения, я приведу из них лишь пять возможных.

³ Пас О. Наш великий современник Достоевский // Курьер ЮНЕСКО. 1982. № 3. С. 22. Здесь и далее перевод мой. — У. М. Т.

⁴ Pritchett V.S. The Myth Makers: Literary Essays. N. Y., 1979. P. 72.

⁵ Со времени выхода в свет первого издания этой работы в 1992 г., на английском языке появилось бесчисленное количество книг (или отдельных частей книг), авторы которых сосредоточивают внимание на романе «Братья Карамазовы» и предлагают новые прочтения, демонстрирующие его чрезвычайную актуальность с точки зрения дилемм, предлагаемых современностью, неослабевающую взаимосвязь с этими дилеммами. См. например: Cassedy St. Dostoevsky's Religion. Stanford, 2005; Frank J. 1) Dostoevsky: The

Первый вопрос состоит в том, какую роль должна играть религия в жизни общества, нации, государства, в сфере общественной морали. Построение теорий о природе религиозной мысли Достоевского сделалось главной заботой литературоведов по обе стороны Атлантики. Многие относят Достоевского к важнейшим религиозным мыслителям в истории, и существуют даже те, для кого он едва ли не святой. Однако чаще всего исследователи задаются вопросом о том, как религиозные представления Достоевского воплощаются в его великом, но неоднозначном литературном и публицистическом наследии. Второй вопрос — о семье: для Достоевского эта тема не менее значима, чем тема преступления, тема общества или «большие» философские проблемы. Не раз и не два на страницах его книг мы встречаем тот самый вопрос, ответить на который пытаемся по сей день: «Что такое семья?» Третий вопрос можно сформулировать так: если отдельные индивиды или широкие слои населения охвачены отчаянием, чувством собственного бессилия, чувством злобы, и главное, чувством стыда, каких последствий можно ожидать от такого рода настроений? Как стыд управляет нашими поступками и формирует наши реакции в отношении окружающих? Четвертый вопрос — о праве. На чем

Mantle of the Prophet, 1871–1881. Princeton, 2002; 2) *Dostoevsky: The Miraculous Years, 1865–1871*. Princeton, 1995; *Fusso S. Discovering Sexuality in Dostoevsky*. Evanston, 2006; *Hudspeth S. Dostoevsky and the Idea of Russianness: A New Perspective on Unity and Brotherhood*. London, 2004; *Jackson R.L.* 1) *Dialogues with Dostoevsky: The Overwhelming Questions*. Stanford, 1993; 2) *A New Word on «The Brothers Karamazov»*. Evanston, 2004; *Jones M.V. Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience*. London, 2005; *Knapp L. The Annihilation of Inertia: Dostoevsky and Metaphysics*. Evanston, 1996; *Leatherbarrow W.J. (ed.) The Cambridge Companion to Dostoevsky*. Cambridge, 2002; *Martinsen D.A. Surprised by Shame: Dostoevsky's Liars and Narrative Exposure*. Columbus, 2003; *Meerson O. Dostoevsky's Taboos*. Dresden, 1998; *Morson G.S. Narrative and Freedom: The Shadows of Time*. New Heaven, London, 1994; *Murav H. Russia's Legal Fictions*. Ann Arbor, 1998; *Paperno I. Suicide as a Cultural Institution in Dostoevsky's Russia*. Ithaca, 1997; *Rosenshield G. Western Law, Russian Justice: Dostoevsky, The Jury Trial and the Law*. Madison, 2005; *Scanlan J.P. Dostoevsky the Thinker*. Ithaca, 2002; *Thompson D.O. «The Brothers Karamazov» and the Poetics of Memory*. Cambridge, 1991; *Pattison G., Thompson D.O. (eds.) Dostoevsky and the Christian Tradition*. Cambridge, 2001; *Young S., Milne L. (eds.) Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds: Essays in Honor of Malcolm V. Jones*. Ilkeston, 2006; а также книги некоторых других авторов: *McReynolds S. Redemption and the Merchant God: Dostoevsky's Economy of Salvation and Antisemitism*. Evanston, 2008; *Ruttenburg N. Dostoevsky's Democracy*. Princeton, 2008; *Miller R. Feuer: Dostoevsky's Unfinished Journey*. New Heaven, 2007. Бессчетные эссе о романе, не поддающиеся перечислению, продолжают публиковаться. Политические фигуры, от Садама Хусейна до Джорджа У. Буша и Гэри Харта, назвали себя читателями Достоевского. Недавно Тони Кушнер закончил пьесу, построенную на его собственной интерпретации «Легенды о Великом инквизиторе» и переключках этого текста с сегодняшними политическими дилеммами Среднего Востока. Дж. М. Кутзее и Леонид Цыпкин создали значительные романы о Достоевском — «Осень в Петербурге» (1994) и «Лето в Бадене» (1980); первая газетная публикация в Нью-Йорке в 1981 г.; первая отдельная книжная публикация на немецком в Мюнхене в 1983 г.; первое издание в переводе на английский в Лондоне в 1987 г.).

должно базироваться справедливое судопроизводство, и как должны оцениваться доказательства? Насколько совпадают друг с другом закон и справедливость? Бывают ли случаи, в которых правдивое свидетельство приводит к судебной ошибке или попросту к ненужному, бессмысленному причинению боли другому человеку? И, наконец, пятый вопрос: какими путями опасные вирусы — неважно, возбуждают ли они физические заболевания или пробуждают к жизни губительные идеологии — разносятся в воздухе и отравляют нас?

Всё это — чрезвычайно важные, насущные вопросы, становившиеся предметом множества теоретических рассуждений, и со всеми из них сталкивались представители североамериканской когорты востоковедов, литературоведов XXI в., таких как Роберт Белкнап, Джозеф Фрэнк, Джефф Гэтролл, Кейт Холланд, Роберт Луис Джексон, Ольга Меерсон, Сюзан Макрейнолдс, Хэрриет Мурав, Ирина Паперно, Джеймс Райс, Нэнси Руттенбург и Билл Тодд, например, — я подробнее коснусь только семи из них: Стива Кэссиди, Лизы Кнапп, Владимира Гольштейна, Сюзанны Фуссо, Деборы Мартинсен, Гэри Розеншилда и Константина Ключкина.

Пункт первый: религия. Кэссиди в своем новом исследовании — изящной и полемической книге «Религия Достоевского» (2005) — утверждает, что религиозная мысль писателя носила по большей части западнохристианский характер (в этом Кэссиди, на самом деле, следует за работами Свена Линнера и Роджера Андерсона); ученый выдвигает теорию, состоящую в том, что «русское православное христианство, которое многие соотечественники Достоевского кладут в основание его религиозных взглядов, оказывается в определенной степени его, Достоевского, собственным изобретением»⁶. В аргументации Кэссиди на протяжении всей книги имплицитно угадывается мысль о том, что смешивать религию и национальную идентичность опасно. «Как можно говорить о „русском Христе“ и рассчитывать, что тебя воспримут всерьез? А существует немецкий Христос? Корейский Христос?»⁷ С Кэссиди можно соглашаться или не соглашаться, — а предложенная им гипотеза безусловно провоцирует на жаркую дискуссию, — но с проблемой взаимопересечения религии и национализма мы соприкасаемся едва ли не каждый день, и ее теоретическое осмысление через интерпретацию текстов Достоевского представляется плодотворным.

Пункт второй: семья. Прежде всего, необходимо осознать тесную связь этого вопроса с предыдущим. Как сказал бы сам Достоевский, «всё связано» (11, 178). Так, Кнапп пишет о теме матерей и сыновей и материнской скорби в романе «Братья Карамазовы». Исследуя манифестации семейной темы, Кнапп одновременно погружается в изучение окутывающей роман целой сети тем, связанных с образом Девы

⁶ *Cassedy St. Dostoevsky's Religion*. P. 19.

⁷ *Ibid.* P. 161.

Марии, коренящихся как в западной, так и в восточной традиции. Владимир Гольштейн отметил, что Достоевский трансформирует семейный роман до неузнаваемости: «Семья становится местом наиболее интенсивных социальных, политических, моральных и теологических конфликтов. Новое поколение в случайном семействе вырабатывает собственные взгляды не только на биологических отцов, но и на все остальные олицетворения отцовского начала: на правительственную власть, на царя, на Бога». В продолжение высказанной мысли автор добавляет следующее: «Если родители оказываются неспособны сделать семью школой любви, жертвенности и терпеливого усердия, то отчий дом становится местом распрей, жестокости и преступления»⁸.

Фуссо в своей книге «Открывая сексуальность Достоевского» (2006) сочетает скрупулезный анализ используемых писателем методов художественного изображения совращенных и униженных детей обоего пола с исследованием тех философских вопросов, которые традиционно вычлняются из общего контекста его произведений, в духе знаменитого вопроса Ивана Карамазова: «Кто не желает смерти отца?..» (15, 117). По мере углубления в проблематику на авансцену выходят наши насущные размышления о семье и динамике разворачивающихся внутри нее процессов. «Дети и подростки из книг Достоевского, открывающие в себе сексуальность в одной из ее потенциально опасных форм, объединены одной общей чертой: все они лишены стабильной семьи с отцом и матерью, постоянно присутствующими рядом и готовыми предложить помощь и наставничество»⁹.

Фуссо приводит отрывок одной из преувеличенно высокопарных, но идеологически ярких тирад Фетюковича в адрес присяжных: «Вид отца недостойного, особенно сравнительно с отцами другими... невольно подсказывает юноше вопросы мучительные. <...> Юноша невольно задумывается: „Да разве он любил меня, когда рождал... разве для меня он родил меня: он не знал ни меня, ни даже пола моего в ту минуту, в минуту страсти, может быть разгоряченной вином... Зачем же я должен любить его, за то только, что он родил меня, а потом всю жизнь не любил меня?“» (15, 171)¹⁰.

Автор исследования показывает, как Достоевский с разных точек зрения рассматривает вопрос, «действительно ли семья — священное установление, или это предрассудок?»¹¹

Третий пункт: концепция стыда. Дебора Мартинсен в своих многочисленных статьях и новаторской книге «Настигнутые стыдом: Вруны Достоевского и нарративное представление» (2003) смело сочетает две

⁸ См.: Knapp L. Mothers and Sons in «The Brothers Karamazov»: Our Ladies of Skotoprigonevsk // A New Word on «The Brothers Karamazov» / Ed. by Jackson R. L. Evanston, 2004. P. 31–53; Golstein V. Accidental Families and Surrogate Fathers // Ibid. P. 92.

⁹ Fusso S. Discovering Sexuality in Dostoevsky. P. 101.

¹⁰ Ibid. P. 111.

¹¹ Ibid.

до сего времени не пересекавшиеся области теоретического дискурса: исследования стыда (*shame studies*) и рецептивную теорию. Подобный методологический синтез, по замыслу Мартинсен, призван, с одной стороны, углубить наше понимание Достоевского, а с другой стороны, обогатить наше сегодняшнее понимание стыда как такового. Переноса данные актуального в психологии направления, сфокусированного на изучении феномена стыда, в сферу литературоведения, исследовательница приходит к выводу о том, что одной из целей Достоевского было «поразить читателя стыдом, представить стыд наследством грехопадения, разделяемым нами <...> со всеми героями Достоевского, со всем человечеством. Бесстыдный эксгибиционизм самовластно нарушает и уничтожает межличностные границы, разделяющие персонажей, но также и границы, отделяющие друг от друга персонажей, читателей и текст»¹².

Достоевский предлагает нам «ситуацию, в которой мы, наблюдая за чужим стыдом, можем лицом к лицу столкнуться с нашим собственным». Одним из результатов такого столкновения, рассуждает Мартинсен, оказывается разрушение барьеров и вероятная в будущем интенсификация этического сознания и этической чувствительности у читателя.

Пункт четвертый: право. Совсем не удивительно, что вопросы религии, семьи и стыда часто приходят в столкновение с вопросами права. Чтение Достоевского способно расширить современные теоретические представления о юриспруденции и системе суда присяжных. Наиболее захватывающим мне представляется опыт Гэри Розеншилда (в книге «Западное правосудие, русская справедливость: Достоевский, суд присяжных и законодательство», 2005), продемонстрировавшего благодаря оригинальному прочтению произведений писателя и самостоятельному изучению правовых реформ в России XIX в. общую релевантность этих тем по отношению к современным концепциям в проблемной области «литература и юриспруденция». Согласно основному выводу исследователя, Достоевский менял свои мнения относительно судебных процессов ради того, чтобы подкреплять новыми доводами свою общую антизападную установку. Еще важнее то, что в «Братьях Карамазовых», как пишет Розеншилд, «Достоевский изображает суд — место, где должна устанавливаться истина, — как место, где невозможно познать истину, даже в тех случаях, когда она во всеуслышание объявляется»¹³. Развивая свою гипотезу, автор книги приходит к тому, что роман Достоевского «противопоставляет западному праву несколько версий русской справедливости: аннулирование института присяж-

¹² *Martinsen D. Surprised by Shame. P. 10.* Перевод 2011 г. предлагает следующий вариант: «...застичь читателя стыдом, показать ему стыд как наследие, доставшееся после грехопадения всем людям <...> и всем героям Достоевского. Бесстыдный эксгибиционизм агрессивно переходит межсубъективные границы между персонажами и разрушает их, и точно так же он разрушает границы между героями, читателем и текстом» (*Мартинсен Д. Застигнутые стыдом. М., 2011. С. 26*).

¹³ *Rosenshield G. Western Law, Russian Justice... P. 147.*

ных, церковные суды и искупительное страдание Дмитрия»¹⁴. Вот что получается, как это показывает Розеншилд, когда «нарратив *справедливости*» преобразовывается в «нарратив *спасения*». Фактически речь идет о конфликтах между различными теориями права, правового действия, справедливости и «нарративами спасения», из которых проистекает во многом окружающая нас сегодня путаница.

В качестве пятого (и последнего) пункта я позволю себе упомянуть еще об одном, кажущемся мне весьма привлекательным, теоретическом течении в североамериканских гуманитарных исследованиях — течении, вдохновившем меня на написание собственной статьи и блестяще воплощенном у Константина Ключкина, в частности в статье «Возникновение „Преступления и наказания“ из воздуха СМИ»¹⁵. С большой степенью точности автор демонстрирует, как доминантная тема романа, в том виде, как она была описана самим Достоевским на ранних этапах работы над произведением, — тема превращения Раскольникова в жертву подобным вирусом «„недоконченных“ идей, которые носятся в воздухе», — проистекает из сообщений прессы. Мир романа «в полной мере характеризуется „жарким и душным воздухом“ <...> Подтексты „воздушной темы“, вполне очевидные для читателя того периода, проясняются при обращении к одной из статей „Времени“ 1861 года, открывающейся словами подзаголовка: „Летний зной и книжная духота — Воображаемая теория — Потребность в свежем воздухе“. Ниже читаем: „Летом в Петербурге душно вообще, а тому, кто осужден обстоятельствами на усердное чтение печатных книжек, газет и журналов, душно в особенности. <...> волнуется «океан пустословия, пошлостей, фальши, фраз без смысла»...»¹⁶ Умозрительное представление Достоевского о власти медиа, — его пронизательная интуиция насчет того, каким именно образом идеи «путешествуют по воздуху», — позволяет нам понять стремительное распространение сегодняшних вирусов — неважно, поражают ли они наши компьютеры или нас самих.

В заключение скажу, что многие из упомянутых мной людей присутствуют сегодня здесь. Сколь многое совершается сегодня в североамериканском достоевведении, в особенности усилиями молодых исследователей! Например, вышла в свет важная работа Джеффа Гаттрелла, посвященная творчеству Достоевского и изобразительному искусству¹⁷; у нас есть Кейт Холланд, изучающая трансформацию Достоевским религиозного опыта в романную форму¹⁸, и Сьюзан Макрейнолдс,

¹⁴ Ibid. P. 232.

¹⁵ *Klioutchkine K. The Rise of «Crime and Punishment» from the Air of Media // Slavic Review. 2002. Spring. 61 (1). P. 88–108.*

¹⁶ Ibid. P. 103.

¹⁷ Возможно, имеется в виду: *Gattrall J. Between Iconoclasm and Silence: Representing the Divine in Holbein and Dostoevskii // Comparative Literature. 2001. Vol. 53. N 3. P. 214–232.*

¹⁸ *Holland K. Novelizing Religious Experience: The Generic Landscape of «The Brothers Karamazov» // Slavic Review. 2007. Vol. 66. N 1. P. 63–81.*

занимающаяся истоками и подтекстами мысли Достоевского. Поразительно, что каждый из них предлагает новые, остроумные, детально проработанные, аргументированные прочтения текстов Достоевского, укорененные, замечу, в теориях и идеях, по-настоящему значимых и актуальных для нас сегодня. Пас и Притчетт были правы.

**Сообщение Нэнси Руттенбург
«„Ne to“, писатель и народ»¹⁹, посвященное ее книге
«Демократия Достоевского» (2008)**

Цель моей книги — разобраться в этом «*ne to*», исходя из внутренних критериев понятия, через обращение к его генезису в переходный для Достоевского период от ранних произведений к великим романам эпохи творческой зрелости. Особенно насущно и остро в это время стояла перед писателем проблема простого народа в России. Утешительные построения социальных теорий, лежавшие в основе юношеской политической активности Достоевского, — за которые он десять лет страдал в сибирской ссылке, частично проведенной на каторжных работах, — растаяли под воздействием непосредственного, вынужденного соприкосновения с народом. Вернувшись в столицу накануне освобождения крестьян в 1861 г., Достоевский связывал возобновление писательской карьеры с убежденностью в том, что народная и элитарная культура разделены пропастью, которая не позволит верхушке представить низовые слои русского общества в качестве объекта художественного или публицистического исследования. В то время как интеллектуалы и иные городские элиты готовились к встрече с освобожденным крестьянством, переосмысляя различные аспекты права и искусства, краеугольным камнем эстетической практики Достоевского становится тезис об *отчужденности*, истинность которого гарантировал опыт дворянина, вернувшегося с каторги. Вместо того чтобы предлагать читателю натуралистический портрет простого народа, окрашенный пафосом знания из первых рук, купленного дорогой

¹⁹ Нэнси Руттенбург обращалась к проблемам взаимодействия практик «пристального чтения» и теории литературы в своей преподавательской деятельности в Нью-Йоркском университете и в недавно оконченной книге «Демократия Достоевского» (Принстон, 2008). Ее выступление иллюстрирует подступы автора к проекту, проясняющему скептицизм Достоевского по отношению к теориям и идеологиям, а также оригинальное усвоение писателем таких ключевых понятий, как «демократия»; но в этом подходе исследовательница демонстрирует и творческое восприятие современной философии, в частности книги Джорджо Агамбена «Homo sacer: Суверенная власть и голая жизнь» (*Agamben G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. Stanford, 1998; рус. пер.: М., 2011*). Обращаясь в своей работе к достижениям формализованного нарратологического метода, Руттенбург, подобно многим молодым американским гуманитариям, обнаруживает неослабевающий интерес к более метафизическим подходам к литературе и пристальное внимание к образам и деталям текста.

ценой, Достоевский, фационализируя свой опыт пребывания на каторге в «Записках из Мертвого дома» (1861), подчеркивает расколтость сознания рассказчика (тема первой части), которая и позволяет простому народу попасть в поле культурного восприятия. Для Александра Петровича Горянчикова, вымышленного Достоевским автобиографа и проводника по миру принудительного труда, отчужденность оказывается необходимым условием для того, чтобы узнать простонародного *Другого*, но также и для того, чтобы понять и пережить ограниченность такого знания. Одно из центральных утверждений настоящей работы состоит в том, что хорошо знакомый читателям великих романов нарратор Достоевского, деконструирующий саму структуру знания и рассказывания, впервые появляется именно в «Записках из Мертвого дома». Второй важный посыл состоит в том, что деконструирование знания позволяет заместить это знание чем-то иным; именно здесь начинают совместно вырабатываться мучительные взаимоотношения между дворянским «я» и народным «Другим», благодаря чему каторга, лагерь принудительного труда, становится своеобразной *mise-en-scène* освободительной реформы.

С этого произведения начинаются литературные изыскания Достоевского, посвященные феномену *«ne to»*, в романе «Идиот», прямо отсылающему к расплывчатой семантике понятия «демократ»²⁰. В «Записках из Мертвого дома» *«ne to»* проявляет себя в связи с обстоятельствами, сопровождающими первый непосредственный контакт рассказчика и простонародья, с которым герой принужден существовать в обстановке абсолютного, унижительного равноправия в течение всего назначенного срока. Вплетенная в ткань повести тема столкновения с окружающими людьми и радикального, даже ожесточенного посприятия социальных норм также перекидывает мост от «Записок» к «Идиоту». Две эти книги, таким образом, задают ту хронологическую рамку, внутри которой мы можем проследить развитие демократии Достоевского — уникальной концепции, в основе которой лежит утверждение культурного потенциала общности, концепции, неспособной воплотиться в качестве какой-либо конкретной программы, но мотивировавшей эстетические эксперименты, в особенности новаторские приемы повествования, принесшие славу поздним романам писателя. Этой оригинальной

²⁰ За поведением демократа не может быть закреплено никакой политической программы, оно скандально и непредсказуемо, а посему противоположно всякому поведению, имеющему программный характер. То, что к концу 1860-х гг. Достоевский не питал ни малейших иллюзий по поводу либерализма, социализма, утопизма, материализма и утилитаризма, не подлежит сомнению; наиболее полное выражение претензии писателя нашли в романе «Бесы» (1872). Консервативный поворот в сторону популизма, в котором упрекали Достоевского начиная с середины 1840-х гг., безошибочно опознается в его переписке конца 1860-х, и к концу жизни писателя эта тенденция только усилится. Но демократия Достоевского сохраняется в виде *«ne to»* по отношению к этим чуждым, слабо связанным с его собственными, политическим идеалам и теориям.

идеями разрешаются впечатляющие колебания идеологических пристрастий Достоевского, воспрепятствовавшие любым попыткам уверенно поместить его в какой-либо политический лагерь в нестабильный для России период вступления в современную эпоху. «Записки из Мертвого дома» заставляют нас обратиться к прошлому писателя, к умонастроениям, охватившим его вскоре после ареста и объявления политическим преступником, который, находясь под влиянием социально-утопической мысли, вынашивал планы ниспровержения крепостничества, а после был обречен вести хронику пребывания в мире, разбившем его надежды вдребезги, показавшем ему, что прежний взгляд на народ, который он так мечтал освободить, есть «оптический обман, и ничего больше» (4, 199). Роман «Идиот», напротив, переносит нас в будущее, к последствиям этой травмы; здесь внешняя бесхитрость народа продолжает уводить претенциозных теоретиков в сторону от осознания народной культуры, ее значения, даже несмотря на то, что успешное вступление России в современность очевидно обусловлено его самобытной, непостижимой силой. Образ преисполненной мощи простого народа вырисовывается на периферии зрения, но никогда не актуализируется: «*ne to*» демократии, последним в серии образов, возникающих в «Записках из Мертвого дома», остается незавершенным. Смысл моей монографии состоит в том, чтобы распознать эти предшествующие фигуральные элементы в фикциональной автобиографии писателя и, отслеживая их преобразования в дальнейших текстах, выявить политические, эстетические и духовные черты демократии Достоевского.

В «Записках из Мертвого дома» «*ne to*» самым непосредственным образом соотносится с особым состоянием неопределенности, в котором оказывается нарратор Горянчиков. Потеряв (как и Достоевский) все свои классовые привилегии, мучительно переживая ссылку и заточение вместе с обыкновенными уголовниками, Горянчиков, в сущности, умер для прежней жизни. Но войдя в новый для себя мир острога, он осознает свою неспособность войти в его специфическое существование. Пропасть классового неравенства, удивительно глубокая, с неизбежностью отделяет его от народа и, несмотря на вынужденное физическое сосуществование, ставит крест на стремлении героя, назло общим невзгодам, создать иллюзию товарищества. На каторге Горянчиков в продолжение всего срока отбывания приговора живет с ощущением тревожной неизвестности, умерший для прежней жизни и несостоятельный в нынешней, в итоге не являющийся ни этим, ни тем, ни дворянином, ни простолюдином, — воплощенное «*ne to*». Бездна классовых различий, поддерживающая в нем эту напряженность, обнаруживает себя в нарративе Горянчикова, разворачивающемся в виде матрицы всех остальных вариантов «*ne to*», или феноменов жизни заключенных, которые препятствуют любым попыткам рассказчика разобраться в окружающем его мире и тем самым войти в его существование. Главным среди них оказывается феномен преступления: наряду

с присущими народу опытом и способностью перенесения страданий, в сознании Горянчикова он предстает ключевым явлением, манифестирующим те классовые различия, которые проводят черту между ним самим и людьми вокруг него. Мышкин в «Идиоте» способен вынести хотя бы некоторые наблюдения относительно простого народа и свойственной ему религиозности из множества случайных встреч, которыми отмечены его путешествия по России. Горянчиков из собственных непредсказуемых и не поддающихся интерпретации встреч с осужденными из народа выносит не столько ясное представление о нем, сколько ощущение бесконечной дистанции, пропасти, исключающей возможность составить такое представление. Теперь для него очевидно, что образ этих людей, живший доселе в его сознании, есть оптическая иллюзия, созданная его же воображением: народ — это поистине «*ne to*». Глубочайший понятийный раскол дворянства и народа — двух субъектов будущего воссоединения нации, воспринимающих друг друга исключительно в виде «*ne to*», — трудно увидеть, но, разглядев, невозможно не учитывать. В условиях каторги он проявляется однозначно и становится истоком темы перерождения в «Записках из Мертвого дома»: перерождения не индивида (рассказчика, чей облик формируется его собственным повествованием), но нации. Это перерождение, по причине того, что оно — дело будущего, едва-едва различимое в настоящем, само по себе есть абсолютное, окончательное «*ne to*», образ, воплощение которого обещает и новую Россию, и новое, еще не высказанное, слово.

В соответствии со всем вышесказанным, первая часть моей монографии открывается критическим рассмотрением *гипотезы обращения* (conversion hypothesis), длительное время преобладавшей в размышлениях исследователей по поводу переходного десятилетия жизни Достоевского и, в частности, его каторжного опыта. Гипотеза обращения предполагает, что, пребывая в неволе, писатель пережил духовно-идеологический переворот в своих прежних убеждениях, позволивший уменьшить степень отчуждения от заключенных из крестьянской среды и распознать за их отталкивающей внешностью и не менее отталкивающим поведением христианскую кротость, отождествленную Достоевским впоследствии с «русскостью» как таковой. В настоящей работе процесс обращения предстает незавершенным, приостановленным, а само перерождение — отложенным. В чистилищном пространстве каторги Горянчиков проходит не по пути духовного прогресса к триумфу второго рождения, но по пути нарастающего отрыва от окружающей его обстановки и людей, в ней живущих. Помимо экзистенциального кризиса, отчуждение, охватывающее дворянина-арестанта, влечет за собой онтологическую раздвоенность, отраженную в самой структуре автобиографической наррации и коренящуюся в неразрешенном вопросе о преступлении героя. Предметом анализа в первом разделе книги становится трехчастная структура повествования, благодаря которой

совершается постепенное растворение повествующего «я», фактически десубъективация Горянчикова.

Во второй части дезинтеграция автобиографического «я» подвергается дальнейшему рассмотрению в аспекте каторги как специфической среды обитания, хронотопа, имеющего границы временные (срок) и пространственные (ограда). Этот хронотоп заполнен рассказами о совершаемом и претерпеваемом насилии, значение которых тщетно пытаются понять Горянчиков. Классовые и этнические различия в этой среде насильственно нейтрализуются посредством дисциплинарного навязывания унижающего равенства. И здесь выдвинутые Джорджем Агамбеном концепции «пространства исключения» и «*hominis sacris*» предлагают ценную альтернативу той парадигме, в рамках которой каторга становится местом религиозно-идеологического обращения. Хронотоп каторги, Мертвого дома, *литературизирует* (делает применимым к материальным, социологическим и историческим особенностям литературной репрезентации) философский анализ пространства исключения, осуществляемый Агамбеном. Тем самым значение, которое итальянский мыслитель приписывает нередуцируемости голы и заброшенной жизни, проживаемой в данном пространстве, может быть пересмотрено. В отличие от Агамбена, Достоевский, воссоздавая обстановку каторги, изображает жизненную среду, в которой все равноценно: от несомненно обесценившихся материальных объектов до идентичностей. Обмен и даже поглощение идентичностей, процессы де- и ресубъективации, характерные для Мертвого дома, преломляются и реализуются в распадающемся сознании автобиографического нарратора. Этой онтологией предвосхищается новая философия преступления, к которой Горянчиков апеллирует, отрицая все существующие взгляды на этот феномен. Порой это отрицание любых навязанных извне точек зрения наводит на мысль о революционных возможностях для построения новой общности, напряженно отстаивающей свое право на существование, что и заставляет увидеть в каторге своеобразную *mise-en-scène* освободительной реформы. Эту потенциальную общность, или «корпорацию», как называют ее в книге крестьяне-арестанты, я намереваюсь рассматривать исходя из понятия «интеркорпоральности», предложенного Морисом Мерло-Понти, и идеи «политического тела», выдвинутой Клодом Лефором в качестве адаптации этого понятия. Однако в конечном счете произведение Достоевского демонстрирует непрочность этого нового порядка, его неопределенный характер, не поддающийся пониманию, а также тщетные усилия робкой натуры Горянчикова разобраться в этом порядке изнутри «политического тела». Второй раздел монографии завершается описанием поздней попытки писателя переработать опыт своих взаимоотношений с народом — свой идеал демократии — в педагогическую программу, с одной стороны, и в язык романа — с другой. В заключительной части работы анализируется судьба этого проекта.

Совершенно противореча своим будущим «иеремическим» выпадам в адрес русского демократа, выраженным в ответе Градовскому в 1880 г., в апрельском «Дневнике писателя» на 1876 г. Достоевский предсказывает торжество Российской державы в самом ближайшем будущем над великими державами Европы «по весьма простой причине: они все будут обессилены и подточены неудовлетворенными демократическими стремлениями огромной части своих низших подданных, своих пролетариев и нищих. В России же этого не может случиться совсем: наш демос доволен, и чем далее, тем более будет удовлетворен, ибо все к тому идет, общим настроением или, лучше, согласием» (22, 122).

В следующем выпуске «Дневника» автор подробно разъясняет свое утверждение для тех, кто сомневается в его правоте. В России осталось крайне мало «противников демократизма», пишет Достоевский, а «честность, бескорыстие, прямота и откровенность демократизма в большинстве русского общества не подвержены уже никакому сомнению» (23, 28)²¹. В отличие от Европы, «где демократизм до сих пор и повсеместно заявил себя еще только снизу», в России «наш верх побежден не был, наш верх сам стал демократичен или, вернее, народен, и — кто же может отрицать это?» Неуверенный оборонительный тон в конце статьи, к которому читатели Достоевского уже приучены самим ходом диалога, намекает на то, что проблемы еще есть; но даже если так, «временные невзгоды демоса непременно улучшатся под неустанным и непрерывным влиянием впредь таких огромных начал (ибо иначе и назвать нельзя), как всеобщее демократическое настроение и всеобщее согласие на то всех русских людей, начиная с самого верху» (23, 28; здесь и далее в цитатах курсив автора. — У. М. Т.).

Пятнадцатью годами ранее, в 1861 г., в статье для журнала «Время», на волне больших надежд, связанных с освобождением крестьян, Достоевский также пишет о необходимости верхов общества «стать демократичными», обратившись к простому народу: «Доверенность народа теперь надо заслужить; надо его полюбить, надо пострадать, надо преобразиться в него вполне». Немедленно возникают сомнения: «Умеем ли мы это? Можем ли это сделать, выросли ли до этого?» Ответ уверенно положительный: «...Дорастаем и дорастем. Мы оптимисты, мы верим. Русское общество должно соединиться с народною почвой и принять в себя народный элемент. Это необходимо условие его существования, а когда что-нибудь стало насущною необходимостью,

²¹ Несмотря на несомненную общеупотребительность в XIX в., слово «демократизм» не включалось в словари вплоть до 1935 г., когда в словаре Ушакова оно было определено как «отвлеченное существительное к «демократический». *Демократизм в образе жизни*» (См.: Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. С. 684). В то же время слово «демократия» появляется уже у Даля (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1880. Т. 1. С. 427) и определяется через понятия «народное правление», «народодержавие», «народовластие».

то, разумеется, сделается». И снова прежние сомнения: «Да, но как это сделается?» (19, 7–8).

Целью данного исследования как раз и было установить посредством анализа художественной прозы Достоевского предшествовавшей риторике его корреспонденций и полемических статей, что в действительности подразумевала, с его точки зрения, задача «стать демократичным».

Конечно же, сам Достоевский не вышел из Мертвого дома, неисполненный доброй воли по отношению к крестьянам-арестантам. В первом письме к брату, написанном после освобождения из омского острога в 1854 г., он вспоминает о них, как о «народе грубом, раздраженном и озлобленном». «Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы». «Они бы нас съели, если б им дали». Горечь и раздражение ни в коем случае не окрашивали собой все воспоминания Достоевского. Словно отголоском одного из писем к брату 1849 г. звучит замечание писателя о том, что «люди везде люди»: «в каторге между разбойниками я, в четыре года, отличил наконец людей». В памяти его оживает удивительное разнообразие народных типов, и он добавляет: «Что за чудный народ — народ, который, как ему кажется, он теперь знает «так хорошо, как, может быть, не многие знают его» (281, 169–170, 172, 173)²².

Так или иначе, Достоевский настаивал на том, что простые люди, увиденные им на каторге, не подгоняются ни под одну из заранее приготовленных социально-политических теорий и не подчиняются никаким обобщающим схемам, каким бы видимым состраданием к бедам крестьян ни были они проникнуты. Резистентность данного объекта к попыткам приспособить, инструментализировать его для удобства любой всеобъемлющей теории или проекта составляет основополагающий этап концептуализации российской демократической субъективности. В 1861 г., в серии статей, предостерегающих от ошибочного культивирования в себе «теоретической», «кабинетной» любви к народу, в тот период, когда освободительная реформа была уже официально объявлена, Достоевский особо распространяется об упорном отстранении от народа, воспринимая это как свидетельство неспособности

²² Данное письмо можно сравнить с написанным два года спустя письмом к А. Н. Майкову от 18 января 1856 г. (281, 208), которое часто цитируют в подтверждение гипотезы обращения, так как в нем Достоевский заявляет о том, что разочаровался во французском утопическом социализме и обратился к религиозности простого русского народа. Диаметралью противоположно тому, что он писал ранее брату Михаилу, Достоевский отрицает, что был запуган мужиками-каторжниками, в которых, напротив, он признал товарищей по несчастью. Ощущение, что он подверг идеологической ревизии собственные воспоминания о встрече с народом, не покидает нас и при чтении «Дневника писателя» на 1873 г.: предметом описания здесь становится отнюдь не то, как Достоевский и его товарищ, политические заключенные, испытывали отчуждение от массы крестьян и сохраняли в себе чувство морального превосходства над ними, но, напротив, «понятие, что сам стал таким же, как он, с ним сравнен и даже приравнен к самой низшей ступени его» (21, 134).

элиты видеть его и понимать: «...Даже самые лучшие наши „знатоки“ народной жизни до сих пор в полной степени не понимают, как *широка* и *глубока* сделалась яма этого разделения нашего с народом, и не понимают по самой простой причине: потому что никогда не жили с народом, а жили другою, особенною жизнью. Нам скажут, что смешно представлять такие причины, что все их знают. Да, говорим мы, все знают; но знают отвлеченно. Знают, например, что жили отдельной жизнью; но если б узнали, до какой степени эта жизнь была отдельна, то не поверили бы этому. Не верят и теперь» (19, 7).

Достоевский продолжает разъяснять, что даже те исследователи жизни простых людей, которые жили в их избах, делили с ними хлеб, носили их одежду и даже выполняли их работу — подобно Достоевскому, вынуждены мы заметить, — даже такие «*смотрели*», не видя их, не понимая их «настоящей жизни, сущности жизни, сердцевины ее». Эта бездна, эта зияющая пропасть, которая остается непреодолимой, не допуская ничего даже близко напоминающего эпистемологическую определенность и идеологическую завершенность, становится первостепенным объектом художественного исследования в «Записках из Мертвого дома». Вот источник комплексного анализа проблемы отчуждения в ее психологическом, эпистемологическом, политическом и духовном аспектах, вот матрица всех будущих образов Достоевского. Истокованная подобным образом, данная проблема одновременно позволяет писателю изобразить российскую демократическую субъективность и задает рамки подобного изображения, — рамки, обусловленные категориями литературной практики и истории, эволюции национальной политической культуры и эстетической идеологии, — меж тем как именно этой специфической субъективности и было первоначально посвящено мое исследование.

Отрицая отчужденность самого Достоевского, гипотеза обращения игнорирует как эстетическое экспериментаторство, к которому эта отчужденность его привела, так и общий ход развития его идеологических воззрений. Таким образом, эта гипотеза совершенно игнорирует 1850-е гг., — важнейшее в жизни писателя десятилетие ссылки и последующего возвращения в профессию — как драматический, но идеологически бесплодный период, эру столкновения сильных переживаний с отжившими свое умозаключениями. Но отчужденность Достоевского, воплотившаяся на страницах художественных и полемических сочинений 1861 г. в подвергнутом решительному острашению повествуемом «я», исполненном стремления узнать народ, — эта отчужденность заслуживает пристального внимания исследователей в силу ряда причин. Осмысление опыта и художественной репрезентации отчужденности Достоевского открывает для нас возможность восстановления более подробной и точной картины идеологического развития писателя. Это одинаково важно как для понимания его творческих траекторий, так и для понимания того, каким образом эти тра-

ектории соотносятся с ключевым политическим событием того времени — освобождением крестьян. И наконец, отчужденность определяет главный эстетический вызов, с которым Достоевскому пришлось столкнуться впоследствии: репрезентацию крестьянской культуры в условиях, когда она еще не могла быть осознана, так как не успела войти в культурное сознание реформистски настроенной элиты. Насущная потребность в новой практике репрезентации, которая необходимо предшествует собственному объекту, создала формальную и полемическую почву для подобного художественного экспериментаторства. Возникшая эпистемологическая и эстетическая проблема человеческой общности подтолкнула Достоевского к выходу за рамки традиционного в литературе от Карамзина до Тургенева сентименталистского воспевания мирового братства. Размышляя о «простых людях», Достоевский пишет брату вскоре после освобождения из тюрьмы, что жизненный опыт научил его бояться простого человека «более, чем сложного» (281, 172). Писатель и далее определял простоту без сентиментальных иллюзий, как «врага анализа», предельную степень отчужденности и в то же время как предвестника освобождения (23, 143).

Два последних выступления негласно обозначили дополнительные контекстуальные рамки дискуссии, посвященной североамериканским исследованиям в области достоевведения и теории литературы. Сьюзан Макрейнолдс обратила внимание участников круглого стола на ту роль, которую играют неакадемические медиа в развитии новых взглядов на личность и творчество Достоевского: неакадемические публикации и журналы, необязательно связанные с полем славистики (хорошими примерами подобного рода изданий являются «The American Scholar» или «Commentary»).

Шеймас О’Дрисколл рассказал о том, как с помощью интернет-технологий может быть проведен анализ работ, посвященных Достоевскому, опубликованных после 2000 г. Подобным образом он сам проанализировал исследования на основе различения поэтики и герменевтики, предложенного Джонатаном Каллером в книге «Теория литературы: краткое введение» (1997). Категория поэтики была разбита на подкатегории формальных аспектов и исторической контекстуализации, а внутри герменевтики были выделены различные ее типы (религиозная, политическая, философская, гендерная). Среди первых находок О’Дрисколла в массиве современных исследований Достоевского преобладают работы, затрагивающие религиозные понятия и образы, такие как образ Христа.

По меньшей мере десять представителей аудитории приняли участие в оживленной дискуссии по докладам. Вопросы и реплики в основном касались природы и ценности теоретико-литературных изысканий как самоцели и как деятельности, способной внести подлинный вклад в наше понимание художественных текстов, в том числе и текстов

Достоевского. Участники дискуссии, настроенные более скептически, такие как Ричард Пис, сошлись во мнении, что литературная теория и эстетика могут воспрепятствовать осмыслению текста. Оппоненты, в числе которых была Макрейнолдс, оспаривали саму возможность «наивного» чтения, указывая на то, что в каждом индивидуальном читательском суждении всегда имплицитно заложена некая теория литературы. В ответ на это критики современного теоретического мышления, такие как Хорст-Юрген Герик, приводили доводы в пользу того, что мы живем в эпоху конца теории, поскольку граница теории и идеологии становится все более размытой.

По мере того как истекало время, отведенное на дискуссию, Белкнап пытался найти компромиссную позицию, предлагая оптимальные способы применения теории литературы: как дисциплины, помогающей читателю соотносить друг с другом различные точки зрения, критику — сжато излагать собственные оценки, всем нам — развивать наше самосознание (хотя бы путем преодоления собственной ограниченности); в конце концов, как дисциплины, доставляющей нам удовольствие от проникновения в другие научные области.

*Перевод с английского
И. А. Кравчука*

И. В. ЛЬВОВА

ИЗ ИСТОРИИ РЕЦЕПЦИИ ДОСТОЕВСКОГО В США

Достоевский так прочно вошел в американскую культуру, что бесспорно оказал на нее сильнейшее влияние. На протяжении всего двадцатого столетия Достоевский — самый читаемый и изучаемый русский писатель в США, представляющий не только русскую словесность, но и русскую культуру в целом.

Интерес американских читателей к Достоевскому начиная с первых переводов до наших дней был разным по характеру и интенсивности. К Достоевскому обращались в кризисные эпохи, каждый раз по-новому осмысляя творчество писателя. Можно выделить три волны повышенного интереса к наследию Достоевского в XX в.: 1910–1920-е, 1940–1960-е, 1990-е гг. Причем вторая волна была наиболее интенсивной и по вовлеченности в чтение и изучение Достоевского и по глубине постижения его творчества. В 1940–1960-е гг. формируется собственно американская рецепция Достоевского¹.

¹ Первые исследователи американской рецепции Достоевского (Г. Фелпс, Х. Мачник, Д. Брюстер, М. Э. Дэйвенпорт) склонны были отождествлять американскую и английскую рецепции; см.: *Phelps G. The Russian Novel in English Fiction. L., 1956; Muchnic H. Dostoevsky's English Reputation (1881–1936). Northampton, 1939; Brewster D. East-West Passage: A Study of Literary Relationships. L., 1954; Davenport M. A. The Vogue of F. Dostoevsky in England and the United States. The University of Oregon, 1923.* Работа М. Дэйвенпорт практически неизвестна исследователям: она не была опубликована, рукопись хранится в Орегонском университете, однако это исследование является прекрасным источником для анализа характера восприятия Достоевского и формирования его репутации в Великобритании и США. Р. Уэллек одним из первых подчеркивал различие рецепции Достоевского в США и в европейских странах и писал о необходимости изучения американской рецепции в известном эссе о Достоевском (*Wellek R. A Sketch of Dostoevsky's Criticism // Dostoevsky: Collection of Critical Essays. N. J., 1962*). Среди отечественных исследований, посвященных восприятию творчества Достоевского американскими писателями, наиболее обстоятельными являются работы А. Н. Николюкина и Ю. И. Сохрякова; см.: *Николюкин А. Н. Взаимосвязи литератур России и США. Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка. М., 1987; Сохряков Ю. И. Русская классика в литературном процессе США первой трети XX века. М., 1982.* Проблемой влияния Достоевского на американскую литературу занимались и другие видные отечественные литературоведы: Т. Л. Мотылева, И. Т. Мишин, Я. Н. Засурский, В. А. Костяков, М. Мендельсон, Б. И. Бурсов, И. В. Львова; см.: *Львова И. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в американской критике (1940–1960):*

Первый период достаточно хорошо изучен отечественным и зарубежным сравнительным литературоведением. В это время американская рецепция определялась европейским влиянием. Именно тогда возник целый ряд предпосылок в политической, социальной, интеллектуальной и литературной жизни Европы, которые способствовали появлению повышенного интереса к творчеству Достоевского. Среди них важнейшими оказались и социально-политические изменения (Первая мировая война и революция в России), и изменения в мироощущении западной интеллигенции. Г. Фелпс назвал эти сдвиги «новым ренессансом — освобождением эмоций, которые сдерживались позитивизмом XIX века, а также сковывающими эстетическими теориями»². Прямое отношение к этому новому мироощущению имело русское влияние. Оно было определено прежде всего победой антирационалистического направления, представленного в том числе и русскими философами Л. Шестовым, Д. Мережковским. Существенным оказалось и влияние психоанализа. Важным фактором, способствовавшим возникновению культа Достоевского в англоязычном мире, стала публикация 12-томного собрания сочинений писателя в переводах К. Гарнет³. Именно благодаря ее переводам Достоевский триумфально появился на английской литературной сцене (хотя переводить Достоевского на английский язык начали с 1881 г.), его произведения были восприняты как новаторские, бросающие вызов литературным традициям Великобритании. В европейских странах возник культ Достоевского. По словам Х. Мачник, изучавшей феномен увлечения Достоевским, возникшего в этот период, его культ — «сложное интеллектуальное явление, состоящее частично из союзнических симпатий, частично из мистицизма, частично из возникшего интереса к патопсихологии, частично из интереса к художественному экспериментаторству. Достоевский был союзником, мистиком, психологом, исследователем подсознательного, создателем новых художественных форм»⁴.

Американские интеллектуалы не оказались в стороне от общего увлечения Достоевским. Так, американский писатель и критик Р. Борн писал: «... Поистине, мы воспринимаем Достоевского как современника сейчас, когда его романы выходят регулярно и когда американские читатели получают следующую его книгу каждые несколько месяцев. Если мы достаточно окрепли, чтобы услышать голос писателя, то поймем, что именно

Учебно-методическое пособие. Петрозаводск, 2002; Львова И. В. Ф. М. Достоевский и американский роман 1940–1960-х годов. Петрозаводск, 2008. Исследования охватывают период знакомства Запада и Америки с творчеством Достоевского с 1880 по 1960-е гг.

² Phelps G. Op. cit. P. 171.

³ См.: *Николюкин А. Н.* 1) Взаимосвязи литератур России и США. Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка; 2) Достоевский в переводе Констанс Гарнет // Русская литература. 1985. № 2. С. 154–162; 3) *Dostoevsky and Constance Garnett's Translations* // *Dostoevsky and Britain*. L., 1995.

⁴ *Muchnic H.* Op. cit. P. 5.

он необходим для расширения художественного кругозора американцев»⁵. В отличие от англичан, американцы склонны были искать не национальные различия, а то, что сближало их с русскими. Действительно, в истории двух народов много сходства: и американцам, и русским приходилось осваивать огромные неразработанные территории, они почти в одно время покончили с крепостничеством и рабством. Своеобразная общность отмечалась и американскими популяризаторами русской литературы. Литературовед и критик Ван Вик Брукс писал о том, что Америка — это Россия наоборот: «Россия — богатейшая из стран в смысле духовной энергии, Америка — беднейшая. Россия — беднейшая в социальном устройстве, мы — самые богатые». Предположение о существующем сходстве России и США привело, в частности, к формированию американских представлений о том, что Достоевский как писатель, принадлежащий к неевропейской литературной традиции, более близок американской культуре.

Склонность американских читателей Достоевского искать черты, общие для двух национальных культур, ощущалась и в 1940–1960-е гг.⁶ Например, американский литературовед Х. Т. Мур отмечал огромную популярность русского писателя в США: «Достоевский процветает в Америке мыльных опер, футбольных праздников и мюзиклов. Американцы безусловно имеют нечто общее с русскими. Ребекка Вест еще в 1926 году отмечала, что огромные пространства, отсутствие близких границ и соседей сближают русских и американцев. Длинные монологи, признания, которые характерны для американцев, являются типичной чертой русских романов, так же как и интерес к глубинам человеческой психологии. Достоевский широко изучается в американских колледжах, четыре его романа признаны величайшими: „Преступление и наказание“, „Идиот“, „Бесы“ и „Братья Карамазовы“»⁷.

В целом отношение американцев к культуре Достоевского было более сдержанным по сравнению с английским⁸. Вероятно, одна из причин этой сдержанности состоит в том, что Америка оказалась в стороне как от европейской политики, так и от европейской интеллектуальной атмосферы тех лет — с ее ощущением катастрофичности бытия и апокалипсическими предчувствиями. Кроме того, Европа в большей степени находилась в эти годы под влиянием русской культуры. Сдержан-

⁵ См.: Писатели США о литературе: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 265, 267.

⁶ В американских литературоведческих исследованиях 1940–1960-х гг. сходство двух наций служит основой для сравнительного изучения творчества Достоевского и американских писателей XIX в. Характерным примером может служить книга американского литературоведа П. Вестбрука «Величие человека» (*Westbrook P. D. The Greatness of a Man*. N. Y.; L., 1961). Сравнивая творчество Достоевского и Уитмена, автор исходит из сходства русской и американской истории, русского и американского характеров.

⁷ *Pachmuss T. F. M. Dostoevsky. Dualism and Synthesis of the Human Soul*. Illinois, 1963. P. VI.

⁸ Наряду с восторженными откликами Дж. Дос Пассоса, Ш. Андерсона звучали и критические голоса Э. Хемингуэя, Э. Синклера.

ность американцев можно объяснить и «традицией благопристойности» (*genteel tradition*)⁹, которая сохранялась в литературе до начала 1920-х гг.

В числе наиболее устойчивых стереотипов, которые формировались по мере роста популярности Достоевского и были усвоены американцами, было представление о нем как о выразителе русской души. Большую роль в возникновении подобного стереотипа сыграл Морис Бэринг, английский писатель и путешественник¹⁰. Кроме того, в Европе утвердилось мнение, что «русская душа» связана с религией страдания, апостолом которой считался Достоевский. Эта идея впервые была высказана Э.-М. Вогюэ. По мнению Г. Фелпса, существовала эмоциональная потребность в подобной религии, имеющей отношение к культуре Достоевского и культу страдания¹¹.

Аберрации в восприятии Достоевского связаны с непониманием американской аудиторией русского культурного контекста, с иным национальным складом, который получил название «Russianness» («русскость»). Проблема национальных особенностей русской литературы была поставлена особенно остро ее первыми западными популяризаторами, ибо «в каждом писателе искали не столько его самого, сколько нацию и культуру, породившую его»¹².

«Русскость» и «американизм» имеют разные духовные основания. «Американизм» возник из просветительского убеждения в том, что новое общество, появившееся в США, свободно от пороков Старого Света. Его мировоззренческая основа сложилась под влиянием протестантизма. Представления, сформированные православной культурой, были наиболее сложными для понимания американцев. Так, мысль о страдании как условии духовного воскрешения была наиболее неприемлемой для протестантского сознания. Сама мысль о необходимости страдания во имя спасения себя или другого в протестантизме представлялась еретической, ибо страдание может быть ниспослано человеку только по воле Провидения¹³. Не могло быть понято и «коллективное сознание» русских (Н. Берковский) энергичной американской нацией, провозгласившей культ сильной, волевой личности, который стал не чем иным, как культом индивидуализма¹⁴.

⁹ *Genteel tradition* — термин, впервые использованный в 1911 г. Д. Сантаяной. Сантаяна связывал его с кальвинизмом. Сущность «традиции благопристойности», зародившейся в Новой Англии, выражалась в сочетании викторианского пуританства с оптимизмом, обусловленным верой в материальный успех. Литература, по убеждению приверженцев этой традиции, призвана изображать изысканное и утонченное, воспитывать хорошие манеры и вкус.

¹⁰ *Baring M. Landmarks in Russian Literature*. L., 1910. Эта книга стала популярным введением в русскую литературу XIX в.

¹¹ *Phelps G.* Op. cit. P. 171.

¹² *Берковский Н. Я.* О мировом значении русской литературы. Л., 1975. С. 21.

¹³ См. подробнее: *Amato J. A., Monge D. Victims and Values: A History and a Theory of Suffering*. Praeger Publishers, 1990.

¹⁴ Р. Д. Орлова видит одну из главных причин аберрации в восприятии творчества

Именно незнание культурной традиции, к которой принадлежал Достоевский, вело к искаженному восприятию его творчества, к созданию мифов о нем.

Еще одним препятствием для адекватного прочтения произведений Достоевского стал языковой барьер. Англизированный перевод К. Гарнет создавал для американцев дополнительные трудности в приближении к миру Достоевского. Проблема переводов сочинений Достоевского была и остается одной из ключевых при изучении его творчества.

Сложившиеся представления о Достоевском как о проповеднике религии страдания, пророке, мистике, психологе, исследователе больного сознания уже в 1940-е гг. подверглись пересмотру. Показательна в этой связи книга влиятельного американского критика Эдмунда Вильсона «Окно в Россию», опубликованная в 1943 г.¹⁵ Вильсон стремится преодолеть стереотипы, заключающиеся в том, что «русские бесформенны и неряшливы, они печальны и мрачны, они грубо реалистичны, они болезненны и истеричны, они полны мистицизма». По словам Вильсона, Достоевский в восприятии американских читателей отвечает всем этим представлениям о русском писателе. Он являет собой «западный идеал того, каким должен быть русский писатель, но даже в случае с Достоевским наше предвзятое представление о русских не позволяет нам увидеть те качества в нем, которые в действительности ему присущи»¹⁶.

Таким образом, в 1940-е гг. ощущается потребность нового прочтения Достоевского, переосмысления клишированных представлений о его творчестве.

Среди бесспорных факторов, обусловивших возникновение интереса к Достоевскому в США в послевоенное время, можно назвать изменения в политике (это и сохранявшиеся союзнические симпатии, и настороженно-враждебное внимание к Советскому Союзу в годы маккартизма). Так, С. Люис писал в 1943 г., что русские классики вошли в моду в Америке, в частности «потому, что мы восхищаемся военными успехами Советского Союза»¹⁷. Подобный интерес к России и русским испытывал в эти годы и Д. Керуак, мечтавший побывать в России.

Достоевского в другой особенности мироощущения американцев — в их вере в прогресс, во всемогущество разума, определяющей их национальное самосознание (*Орлова Р. Д. Достоевский и американские писатели 1960–1970-х гг. // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2005. Т. 17. С. 311–320*).

¹⁵ Она имеет сходство с известной книгой Воюэ, с которым Вильсон себя сравнивает — и дело не только в похожих фактах биографии авторов (оба были женаты на русских, увлечены русской культурой), но и в цели создания книг — представить русскую литературу западному (в данном случае американскому) читателю.

¹⁶ *Wilson E. A Window of Russia: for the Use of Foreign Readers. N. Y., 1943. P. 15–16.*

¹⁷ *Люис С. Предисловие к «Отцам и детям» // Льюис С. Собр. соч.: В 9 т. М., 1965. Т. 7. С. 43.*

Читать русскую классику и Достоевского побуждало и чувство страха. Американский достоевковед Д. Райс так прокомментировал причины послевоенного взлета интереса к творчеству русского писателя: «Когда нечто происходит в России и Запад чувствует угрозу для себя, то он обращается к Достоевскому, чтобы понять Россию»¹⁸. О том же писала и Х. Мачник: «Россию стали сначала бояться, а потом узнавать»¹⁹.

Кроме того, изменились и духовно-нравственные приоритеты общества. В середине XX в. определяющей стала атмосфера нигилизма. Она обусловила и нравственные искания послевоенной литературы, она же в значительной мере заставила обратиться к творчеству Достоевского, — никто из европейских художников слова не размышлял о нигилизме и его истоках столь же серьезно и глубоко, как Достоевский. Значительную роль в новом прочтении Достоевского сыграл экзистенциализм. Под влиянием экзистенциалистской критики начинали работать многие будущие крупные исследователи Достоевского, такие как Д. Фрэнк, Р. Л. Джексон. Среди работ, в которых отражена экзистенциалистская интерпретация творчества Достоевского, наиболее интересными являются книги С. Келлер, В. Хаббена, Р. Харпера²⁰.

В 1940–1960-е гг. в США усиливается интерес к художественной стороне творчества Достоевского, начинаются исследования в области поэтики его произведений. Появляются новые переводы его сочинений, в том числе ранее неизвестных англоязычному читателю (записные книжки, наброски), а также новые биографические материалы²¹. В 1958 г. в Вашингтоне было подписано первое формальное

¹⁸ Беседа автора с профессором Д. Райсом в университете штата Орегон в январе 1999 г.

¹⁹ *Muchnic H.* Op. cit. P. 5.

²⁰ *Kaufmann W.* Existentialism from Dostoevsky to Sartre. N. Y., 1956; *Keller S.* An Existential Analysis of Dostoevsky. Utah State University, 1967; *Phillips W.* Dostoevsky's Underground Man // *Partisan Review*. 1946. November–December. Vol. XIV. N 5. P. 551–561; *Hubben W.* Four Prophets of our Destiny: Kierkegaard, Dostoevsky, Nietzsche, Kafka. N. Y., 1960; *Harper R.* The Seventh Solitude; Metaphysical Homelessness in Kierkegaard, Dostoevsky, and Nietzsche. Baltimore, 1967.

²¹ Например, в 1940–1960-е гг. были опубликованы переводы: *Dostoevsky F.* Notes from Underground and The Grand Inquisitor. Selection / Transl. and intran. by Ralph E. Matlaw. N. Y., 1960; *Dostoevsky F. M.* Memoirs from the House of the Dead / Transl. with a preface by Jessie Coulson. L., 1965; *Dostoevsky F. M.* Crime and Punishment / Newly transl. by Michael Scammel. N. Y., 1963; *Dostoevsky F.* The Diary of a Writer / Transl. by Boris Brasol. N. Y., 1954. Значительной вехой в переосмыслении значения Достоевского как художника стала публикация записных книжек писателя. Огромную роль в их переводе и издании сыграл Эдвард Васиолек. Публикация переводов, предпринятая Э. Васиолеком, во-первых, дала представление о творческом процессе у Достоевского: «Мы узнаём, что творческое воображение Достоевского движется от общего к частному, от схемы к повествовательному факту. Обычное для Достоевского движение воображения от схематического обобщения до специфической разработки образа позволяет нам благодаря записным книжкам понять творческое намерение писателя». Во-вторых, появление перевода записных книжек развеяло миф о небрежности и неряшливости стиля Достоевского: «Записные книжки До-

соглашение по культурному обмену между Советским Союзом и Соединенными Штатами²². В 1958/1959 учебном году в Советский Союз приехала первая группа аспирантов, изучавших русскую литературу, в том числе творчество Достоевского²³. Если до войны в США было только три университета, где изучались русский язык и литература, то в 1950–1960-е гг. таких центров уже было множество²⁴. Многие писатели слушали лекции славистов и даже писали критические работы о Достоевском (Дж. Апдайк, С. Плат, Д. Оутс), в США в этот период зарождалось достоевковедение.

Многие американские писатели, такие как С. Беллоу, Д. Керуак, С. Плат, Ф. Рот, У. Стайрон, Д. Сэлинджер и др., были увлечены творчеством Достоевского. Известный американский литературовед А. Кейзин, анализируя современную ему литературную ситуацию, подчеркивал влияние Достоевского на молодое поколение писателей: «Святой патрон этих писателей (Болдуина, Маламуда, Беллоу. — *И.Л.*) — Достоевский»²⁵. Эту тенденцию уловил и авторитетный американский исследователь И. Хассан, заметивший: «Американская литература происходит не только, как заявлял Хемингуэй, от книги Марка Твена под названием „Гекльберри Финн“, но, можно утверждать с такой же уверенностью, и от книги Достоевского под названием „Записки из подполья“»²⁶. Ощущение связи творчества Достоевского с литературой молодого поколения лучше всего выразил А. Гинзберг: «Святая Россия — святая Америка, от Достоевского — к Керуаку»²⁷.

Рецепция творчества Достоевского разными писателями неоднозначна. Например, для С. Плат предметом рефлексии становится прием

достоевского сделали очевидным тот факт, что Достоевский на самом деле беспокоился о технике: о фактической точности, стиле, достоверности, тоне, точке зрения. Записные книжки Достоевского показывают, что у него была техника в общепринятом понимании». В-третьих, публикация переводов записных книжек способствовала укреплению позиций традиционной исторической методологии изучения Достоевского в противовес «новой критике». *Wasiolek Ed. Dostoevsky's Notebooks for Crime and Punishment // Psychoanalytic Review*. N. Y., 1968. Vol. 55. P. 354, 355.

²² См.: *Brady L. S. The Role of Cultural and Educational Exchanges in Soviet-American Relations // SEEJ*. 1962. Vol. 6. P. 197–200.

²³ Важной вехой в истории литературоведческих исследований творчества Достоевского в США является 1971 г. — год создания Международного общества Достоевского. С 1972 г. начинает издаваться Бюллетень Международного общества Достоевского (*The Bulletin of International Dostoevsky Society*), а с 1980 г. — периодический журнал «Исследования творчества Достоевского» («*Dostoevsky Studies*»).

²⁴ Прежде всего нужно назвать университеты в Чикаго (Э. Васиолек), Нью-Йорке (Э. Симмонс, Р. Белкнап), Йеле (Р. Джексон, Р. Уэллек), Иллинойсе (М. Кригер, Т. Пачмас, В. Террас), Калифорнии (Д. Гибиан).

²⁵ *Kazin A. Contemporaries*. Boston; Toronto, 1962. P. 203.

²⁶ *Hassan I. Radical Innocence: Studies in the Contemporary American Novel*. Princeton, 1961. P. 24.

²⁷ *Ginsberg A. Interview with Allen Ginsberg. The Beat Generation and the Russian Wave*. N.Y., 1990. P. 27.

двойничества у Достоевского, для К. Маккалерс — метод Достоевского, для Сэлинджера — нравственная проблематика произведений русского писателя, для Керуака — целый комплекс идей и концептов (подполье, братство и т. д.). Выбор «главных» книг Достоевского также определялся внутренними установками и художественными задачами писателя. Так, для бит-поколения важнейшими оказались романы «Идиот» и «Преступление и наказание», хотя Керуак дополнил этот «битнический канон» «Записками из подполья», а Холмс — «Бесами». Для Плат наиболее значимыми произведениями стали «Двойник» и «Братья Карамазовы», для Сэлинджера — «Подросток», для Ф. Рота — «Преступление и наказание», «Записки из подполья». Кроме того, нужно учесть и разные традиции интерпретации творчества Достоевского: на Холмса и Сэлинджера оказал влияние экзистенциализм, на Плат — психоанализ, американское достоевсковедение, Керуаку были близки оценки, данные творчеству Достоевского О. Шпенглером и Г. Миллером. Таким образом, путь к Достоевскому у каждого писателя был свой, но их объединял пристальный интерес к открытиям Достоевского-художника²⁸.

Американское литературоведение и критика 1940–1960-х гг. также выдвигают на первый план проблемы исследования, которые связаны с поэтикой Достоевского. Одной из тенденций американского достоевсковедения в эти годы являлось стремление создать объективную картину творчества писателя — благодаря введению в научный оборот новых материалов, выбору объективных методов исследования²⁹.

Одним из первых американских исследователей, поставивших задачу развеять существовавшие стереотипы восприятия Достоевского и обративших внимание на художественную сторону его произведений, был профессор Колумбийского университета Эрнест Симмонс (1903–1972). В 1940 г. вышла его книга о Достоевском³⁰. Цель книги,

²⁸ См. об этом подробнее: *Львова И. В.* 1) Ф. М. Достоевский и американский роман 1940–1960 гг. Петрозаводск, 2008; 2) Достоевский в переписке Д. Керуака 1940–1950 гг. // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18. С. 280–289; 3) «Битнический миф» о Достоевском // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19. С. 99–108.

²⁹ Так, Р. Белкнап во введении к книге «Структура „Братьев Карамазовых“» называет обескураживающим тот факт, что оценки как мировоззрения писателя, так и его повествовательной техники являются не просто полярными, а взаимоисключающими. Решение проблемы, считает Белкнап, может быть найдено в исследовании самой структуры текста. Белкнап показывает, как внутренние ассоциативные связи помогают от простейших деталей, от слова-образа идти вглубь проблематики романа. Принцип «закрытого прочтения» Белкнапа сближает его исследование с «новой критикой». См.: *Belknap R.* The Structure of «The Brothers Karamazov». Hague; Paris, 1967. P. 6. Кроме того, в 1960-е гг. выходят статьи Р. Белкнапа, посвященные Достоевскому: *Belknap R.* 1) Recent Soviet Scholarship and Criticism on Dostoevskij // Slavic and East European Journal. 1967. Vol. XI. N 1. P. 75–86; 2) The Origins of Alesya Karamazov // International Congress of Slavists 6th. Hague, 1968. P. 7–27.

³⁰ *Simmons E.* Dostoevsky. The Making of Novelist. L., 1940.

как пишет Симмонс, прийти к такой интерпретации, которая бы установила разницу между Достоевским-художником и Достоевским — религиозным философом, и таким образом исправить неточности и противоречия в оценке художественных достижений Достоевского. Работа Симмонса имела важное значение для переосмысления репутации Достоевского-художника и во многом определила дальнейшие исследования американского достоевсковедения.

Диалог «новой» и «старой» критики стал еще одной особенностью в изучении Достоевского в США в 1940–1960-е гг. «Новая критика» — господствующее направление в американском литературоведении 1940–1950-х гг. «Новая критика» видела своей задачей создание объективной картины творчества писателя, при этом исходила из того, что изучение текста в свете символических ситуаций служит созданию такой объективности. Другое направление в изучении Достоевского выражалась в стремлении к переоценке литературной репутации писателя путем включения его творчества в европейский литературный контекст. Это направление, вслед за Д. Стайнером, уместно назвать «старой критикой», во многом оно определялось компаративистскими работами³¹.

Не будет преувеличением сказать, что открытие Достоевского как художника и начало изучения его творчества в США было сделано «новыми критиками», прежде всего профессором Принстонского университета Р. П. Блэкмуром (1904–1965). С 1942 г. публиковались его статьи о Достоевском, которые позднее вошли в книгу «Одиннадцать эссе о европейском романе» (шесть из них посвящены Достоевскому)³². На материале творчества Достоевского Блэкмур сформулировал положения собственной критической теории. В основе критического метода Блэкмура лежит принцип символического толкования. Блэкмур рассматривает литературное произведение как языковое явление, которое должно пониматься как символ, независимый от личности автора и от мира чистых объектов, способный к самостоятельному творчеству, поскольку дает жизнь собственному значению. Положение о символическом значении Блэкмур разрабатывает в работе «Язык как жест» (1952)³³; исходя из этого он характеризует творчество Достоевского.

Важным для Блэкмура было представление о литературе как символической драме, в которой читатели тоже принимают участие. Литература существует в разрыве (теория ошибочного действия Блэкмура) между намерением и опытом, текстом и читателем, актом

³¹ *Fanger D.* Dostoevsky and Romantic Realism: A Study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens, and Gogol. Cambridge, Massachusetts, 1965; *Passage C.* Dostoevsky the Adapter: A Study of Dostoevsky's Use of The Tales of Hoffman. Chapel Hill, 1954; *Westbrook P.* The Greatness of a Man: An Essay on Dostoevsky and Whitman. N. Y., 1961; *Rowe W.* Dostoevsky: Child and a Man in His Works. N. Y.; L., 1969; *Steiner G.* Tolstoy or Dostoevsky: an Essay in the Old Criticism. N. Y., 1959, и др.

³² *Blackmur R.* Eleven Essays in the European Novel. N. Y., 1964.

³³ *Blackmur R.* Language as Gesture. N. Y., 1952.

и намерениями, и этот разрыв повторяется в символах. Мы как читатели конструируем символы, которые могут быть отличны от тех, что привнесены самим Достоевским. Мы свободны использовать символы по-своему. Поэтому драма, переживаемая героями романа, становится нашей собственной драмой, здесь не существует дистанции в символическом смысле. В свете этих представлений, Блэкмур показывает, что «Преступление и наказание» — это одна из имеющих символическое значение историй преступления и насилия: «Если мы посмотрим глубже, то станет ясно, что сама жизнь есть преступление, что страдание есть путь к спасению, к достижению целостности личности. Преступление и наказание было бы таким же значительным, даже если бы Раскольников не выходил из комнаты, но воображение требует образов, видение — фабул, а мысль — формул, прежде чем концепции могут быть поняты; это значит, что способности людей не равны их нуждам, люди вынуждены прибегать к вмешательству символов, которые они скорее обнаруживают, чем создают; легче всего символы отыскать в историях насилия, или ощущения насилия, или обещания насилия»³⁴.

Блэкмур широко использует анализ оппозиций. В статье, посвященной «Преступлению и наказанию», мотивы преступления Раскольникова соотносятся с оппозицией порядка / беспорядка. Блэкмур выявляет три составляющих, важных для данной оппозиции: 1) нарушение закона, 2) сокрытие (*envelopment*) беспорядка, 3) попытка уравновесить несколько беспорядков, чтобы организовать порядок (с. 122). История Раскольникова связана с нарушением закона, и на этом уровне, по мнению Блэкмура, мы имеем дело с мелодрамой. Далее Достоевский стремится к прояснению тайн жизни, и это приводит нас ко второму уровню, причем оба процесса происходят одновременно. Третий уровень — сбалансирование беспорядка и напряжения для того, чтобы создать новый порядок, — Достоевский почти не использует. Блэкмур объясняет это ограниченностью видения Достоевского: главное препятствие — православие Достоевского, которое Блэкмур называет примитивным христианством и понимает в духе Вогюэ как религию страдания. Таким образом, Блэкмур намечает оппозицию между мировоззрением Достоевского и его художественным воображением: «Его взгляд был взглядом примитивного христианина, и это так сильно было в нем, что сделало слепым к чему-либо другому. Для него край пропасти греха был горизонтом спасения верою, а страдание было условием видения и понимания. Грех был преступлением, а страдание, созданное верою, было наказанием» (с. 122). Итак, хаос существует в системе ценностей и идеологии Достоевского (без хаоса нет страдания, следовательно, нет и спасения). Православие Достоевского связано с идеей страдания, которую Блэкмур понимает как идею исчезнове-

³⁴ *Blackmur R. Eleven Essays in the European Novel. N. Y., 1964. P. 123.* Далее ссылки на страницы этого издания указаны в тексте.

ния личности: «идиот — это живой образ примитивного христианства, христианства мира, позорно поставленного на колени, ждущего нового унижения» (с. 148). Очевидно, православие Достоевского, чуждое протестантскому уму, было причиной «неусвояемости» Достоевского, и анализ Блэкмура, претендующий на объективность, оказывается наиболее субъективным в тех случаях, когда он обращается к мировоззрению Достоевского.

Эссе Блэкмура были в числе первых серьезных исследований по поэтике Достоевского в США. Заслуга «новой критики» в формировании литературной репутации Достоевского-художника состоит в том, что она выдвинула на первый план в изучении творчества Достоевского именно вопросы поэтики.

Книга Джорджа Стайнера (р. 1929) «Толстой или Достоевский» вышла в 1959 г. — как своего рода противовес критическому методу Блэкмура, не случайно книга имеет подзаголовок: «Эссе в манере старой критики». В предисловии к изданию 1996 г. Стайнер называет свою работу ответом «новой критике», попыткой увидеть то, что остается вне поля зрения критика, увлеченного интерпретацией текста: поскольку «„новая критика“ только поверхностно касается таких господствующих жанров, как драма и роман, мне пришла мысль... дать пример „старой критики“». Под этим я подразумевал такой подход к интерпретации и критике, который бы принимал во внимание свойственный и „новой критике“ подчеркнутый интерес к детали, двусмысленности, к конструированию литературных форм, но который бы восстановил идеологический и исторический контекст, действительные социально-экономические компоненты создания литературного произведения, экзистенциальную идентичность автора, и сверх того — метафизический и теологический план, давший нашей литературе понятие о каноне»³⁵.

Ценность работы Стайнера и состоит в том, что в период релятивизма в критике («Несчастливая мода на объективную критику делает нас неуверенными в наших великих книгах и подозрительными к традиции. Мы становимся релятивистами» — с. 4) он обращается к традиции и изучает ее развитие, обнаруживает и утверждает связь между литературными направлениями, литературными стилями, литературами различных эпох и стран, рассматривает литературное произведение не изолированно, а в тесной взаимосвязи с историей, политикой и философией. Стайнер преодолевает сложившиеся стереотипы восприятия Достоевского, предлагая объяснение пресловутой бесформенности романа Достоевского, защищая Достоевского от упреков в несообразности сюжета и композиции, советуя прочитать Достоевского в контексте его эпохи.

Исследование Стайнера может быть сведено к главному тезису: искусство Толстого возрождает эпическую традицию, а искусство

³⁵ Steiner G. Tolstoy or Dostoevsky: an Essay in the Old Criticism. New Haven and L., 1996. P. XII. Далее ссылки на страницы этого издания указаны в тексте.

Достоевского — традицию античной драмы. Он убедительно показывает, что благодаря Толстому и Достоевскому реалистическое направление нашло выход из тупика, в котором оказалось. Этот выход заключался в создании новой концепции романа. Стайнер развивает мысль о Достоевском как о создателе современной трагедии, трагическом поэте. Если современный роман разрушил взгляд на мир, созданный эпосом и трагедией, то Достоевский и Толстой возвращают человечеству этот взгляд. Хаос жизни, полной апокалиптических видений и предчувствий, может передать только новое искусство — искусство современной трагедии, создателем которой был Достоевский. «Достоевский черпает силу в беспорядке», — пишет Стайнер, и в этом заключении сближается с выводами Блэкмура.

Утверждая, что отличительной чертой творчества Достоевского является религиозное чувство, которым оно пронизано, Стайнер связывает эту религиозность с православием, которое, однако, чуждо исследователю. По мнению Стайнера, Достоевский смотрит на мир посредством «символического словаря полуретической версии восточного православия. Многие западные читатели незнакомы с исходным материалом» (с. 241). Кроме того, «Толстой и Достоевский требуют от нас привычек чувствительности и понимания, которые исчезли из западной литературы во второй половине XVII века» (с. 241). Стайнер так до конца и не преодолел «скифство» Достоевского. «Достоевский, — пишет он, — проник более глубоко в ткань современной мысли. Возможно потому, что варварство намного приблизилось к нам» (с. 346–347).

Критический метод Стайнера актуален и сегодня. В предисловии к изданию 1996 г. Стайнер отмечает: «...Постструктурализм и деконструкция в определенных значимых моментах затмили новую критику... Принципы и условия прочтения, которые я хотел продемонстрировать в книге „Достоевский или Толстой“, теперь более актуальны, чем в 1959 году. Главное, что присутствие автора считается основополагающим, очевидным. Литературная критика и интерпретация находятся во втором, дополнительном ряду» (с. XII).

«Новая» и «старая» критика сыграли решающую роль в формировании репутации Достоевского-художника в 1940–1960-е гг. Благодаря двум классическим исследованиям Блэкмура и Стайнера, были сняты некоторые барьеры в восприятии Достоевского, утверждался интерес к поэтике произведений писателя. Все это вело к более глубокому пониманию творчества Достоевского, особенностей жанра, метода, формы, а также проблематики его произведений.

В американском достоевковедении центральной была проблема реализма Достоевского. Как отмечает известный исследователь творчества писателя и составитель обширной библиографии о Достоевском В. Лезербарроу, «вопрос о реализме Достоевского и его проблематичном отношении с художественным миром и реальностью был един-

ственным постоянным лейтмотивом в критике Достоевского, начиная с 1840-х годов и до настоящего времени»³⁶.

Достоевский был представлен в Европе и Америке как реалист в то время, когда реализм был еще сравнительно новым термином. На протяжении столетия содержание его менялось, так что в конце концов, по замечанию Л. Я. Гинзбург, «реализм стал понятием чрезвычайно растяжимым»³⁷. Репутация Достоевского-реалиста формировалась под влиянием меняющихся представлений о реализме и во многом зависела от них. К началу XX в. в литературе велись поиски средств изображения, которые могли бы отобразить усложнившиеся представления о действительности и новые знания о человеке. Интерес к Достоевскому в эти годы не случаен, ибо в его произведениях уже ощущалось стремление «уловить за привычной видимостью некую подлинную фактуру существования, скрытую постепенно отстоявшимися формами»³⁸. Реализм Достоевского привлекает изображением другой, по-новому понимаемой реальности. Задаче определить его специфику посвящен ряд статей 1920-х гг. А. Ярмолинского. К ней он возвращается и в книге «Жизнь Достоевского», опубликованной в 1934 г. В статье 1922 г. Ярмолинский признает, что критерий правдоподобия не является главным для определения реализма Достоевского, на самом деле «у него нет интереса к объективному миру ради него самого. Вещи для него — только тени духовной реальности, отброшенные на стены подземного логова Плутона невидимым светом. То, что мы имеем, — это столкновение сознания писателя с миром, нежели столкновение мира с его сознанием»³⁹. Таким образом, действительность, которую изображает Достоевский, есть духовная действительность. Ярмолинский использует термин «духовный (spiritual) натурализм»⁴⁰, чтобы определить специфику метода Достоевского. По Ярмолинскому, Достоевский — писатель, изобразивший трансцендентную реальность: «...Он создает атмосферу трансцендентной радиопьесы, в которой конфликт представлен напряженными ударами, значительными паузами, голосами, освобожденными от телесной оболочки»⁴¹. Подобные же идеи о реализме Достоевского содержатся и в книге Я. Лаврина «Достоевский»⁴². Лаврин отмечает нетипичность реализма Достоевского. В исследовании утверждается характерный для начала XX столетия взгляд на Достоевского как на мистического реалиста, а под реальным подразумевается внутрен-

³⁶ *Leatherbarrow W. J. Fedor Dostoevsky: A Reference Guide.* Boston, 1990. P. V.

³⁷ *Гинзбург Л. Я.* Литература в поисках реальности: Статьи, эссе, заметки. Л., 1987. С. 7.

³⁸ Там же.

³⁹ *Yarmolinsky A. Aesthetics of Dostoevsky // New Republic.* 1922. September, 27. P. 15–17.

⁴⁰ *Yarmolinsky A. Dostoevsky: A Life.* N. Y., 1934. P. 408.

⁴¹ *Ibid.* P. 406.

⁴² *Lavrin J. Dostoevsky: a Study.* N. Y., 1969.

нее, духовное, иррациональное. Такой подход позволяет Лаврину обнаружить связь между мистическим реализмом Достоевского и литературой модернизма.

Таким образом, репутация Достоевского-реалиста была переосмыслена. Теперь Достоевского ценили не за точность детали, не за сострадание, а за способность изобразить невидимую реальность. Х. Мачник так определяет эти изменения: «Теперь... он был поэтическим или трансцендентным реалистом, его реализм был связан с фантастическим»⁴³.

Решение проблемы реализма Достоевского для американских исследователей, кажется, было ключом и к постижению своеобразия поэтики произведений писателя, и к вопросу о его влиянии на современную литературу. Реализму Достоевского посвящены статьи Э. Симмонса этого периода и курс лекций, прочитанный им в университете Индианы и опубликованный позднее в книге «Введение в русский реализм»⁴⁴. Вопросам реализма Достоевского посвящены в эти годы исследования Р. Поджиоли, Э. Вайваса, Д. Фангера, Р.Л. Джексона, Д. Фрэнка, Т. Пачмас.

Значительное влияние на изучение творчества Достоевского оказали в 1950-е гг. работы профессора компаративистики Кембриджского университета Ренато Поджиоли⁴⁵. Оценка реализма Достоевского, данная Поджиоли, не нова, она утверждалась еще в период культа писателя, когда его творчество связывалось с мистическим реализмом. Поджиоли также видит в Достоевском-реалисте мистика, создавшего в своих произведениях четвертое измерение. «Метафизическое и сверхъестественное — это четвертое измерение его вселенной, однако она остается проекцией нашего трехмерного мира», — отмечает исследователь⁴⁶. Создание этого четвертого измерения было возможно только благодаря мистическим откровениям, интуиции, при этом «Достоевский никогда не бывает более реалистичен, чем в моменты мистических прозрений» (с. 59). Специфику реализма Достоевского исследователь связывает с взаимодействием в его творчестве двух типов реальности — трансцендентной и имманентной, причем первую писатель создает с помощью реалистических средств. В стремлении примирить обе реальности кроются противоречия самого художественного метода Достоевского, причины недостатков его произведений и его открытий. «В отчаянной попытке примирить имманентную и транс-

⁴³ Muchnic H. Op. cit. P. 165.

⁴⁴ Simmons E. Introduction to Russian Realism. Bloomington, 1965.

⁴⁵ Poggioli R. Dostoevsky and Western realism // The Kenyon Review. 1952. Vol. XIV. N 1. P. 43–59. (Эта статья позже под названием «Dostoevski, or Reality and Myth» вошла в одну из самых интересных и влиятельных книг о русских писателях, написанных в эти годы: Poggioli R. The Phoenix and the Spider: A Book of Essays about some Russian Writers and their View of the Self. N. Y., 1957).

⁴⁶ Ibid. P. 59. Далее ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте.

цендентную реальности его воображение достигло парадоксальной победы, создав так называемую квадратуру круга» (с. 59), — пишет Поджиоли.

В книге профессора Стэнфордского университета Дональда Фангера «Достоевский и романтический реализм: Исследование Достоевского в отношении к Бальзаку, Диккенсу и Гоголю»⁴⁷ особенности реализма Достоевского объясняются законами жанра, когда социальный контекст представлен средствами мелодрамы и готического романа. Основной акцент делается на романтических истоках творчества Достоевского.

Книга Фангера — наиболее значительное исследование, посвященное проблеме реализма Достоевского в рассматриваемый период. Определение своеобразия реализма Достоевского становится стержнем всей книги, основанием для целостной концепции, выдвинутой ученым. В своем исследовании Фангер опирается на работы своих американских предшественников, прежде всего Дж. Гиссинга, Р. Поджиоли, а также русских ученых — Л. Гроссмана, М. Бахтина, К. Мочульского. Если работы Мочульского стали опорой для определения эстетической природы произведений Достоевского, то в Бахтине Фангер увидел союзника, чьи исследования помогли подтвердить теорию романтического реализма: как утверждает Фангер, именно город (ключевое понятие этой теории) помог Достоевскому «вовлечь героев разных классов в общение друг с другом. Город предоставляет широчайшие возможности для общения. Диалог — это крайнее проявление городской жизни»⁴⁸. Под реализмом Фангер, традиционно для американского литературоведения, понимает метод, связанный с постижением некоей высшей «духовной реальности», «осознанием трансцендентных сил, проступающих сквозь трещины видимой вселенной» (с. 14). Задача Фангера — проследить эволюцию реализма Достоевского, его перехода от уровня социального к метафизическому, то есть к той стадии, которую он называет символическим реализмом. Переходность как специфическая черта реализма Достоевского нашла отражение в термине «романтический реализм», который описывает Фангер. Это реализм, вобравший романтическую надежду о возможности преображения мира с помощью поэтического мифа о нем. «Все романтическое движение может рассматриваться как мифопоэтическое возрождение. Романтические реалисты — мифопоэты романа» (с. 14). Интересно, как соотносятся романтический реализм и так называемый реализм в высшем смысле, — этому посвящен параграф в главе «Поэтика города». У Фангера «реализм в высшем смысле» — одна из разновидностей романтического реализма. Фангер справедливо отмечает, что Достоевский расширил сферу реалистического,

⁴⁷ *Fanger D. Dostoevsky and Romantic Realism: A Study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens, and Gogol.* Cambridge Massachusetts, 1965.

⁴⁸ *Ibid.* P. 210. Далее ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте.

введя в нее исключительное. Исходя из этого, Фангер дает определение реализма в высшем смысле: «Достоевский концентрирует роман вокруг ключевого события и заставляет своих героев действовать так, чтобы продемонстрировать и прояснить комплекс идей. В этом заключается его новое слово в литературе. Это, кратко говоря, реализм в высшем смысле» (с. 215). Работа Фангера — еще один важный этап в формировании литературной репутации Достоевского как реалиста. Фангер показывает значение Достоевского-художника для развития мировой литературы: «Миф Достоевского о городе очень современен для середины XX столетия... Достоевский впервые представил жизнь города во всей его убогости, ничтожестве, чтобы поднять проблему, как... человек мог бы начать поиски собственного достоинства. Он поднял хаотичный город до символа хаотичного нравственного мира человека, так что противоречия второго находят свою копию, двойника в контрастах первого» (с. 211). Метод, избранный Достоевским, открывает для литературы возможность сказать новую правду о человеке, «сделав личностью крайним вместилищем тайны, составленной из противоречий... В результате, особенно для читателей, привыкших под воздействием современной психологии и современных событий думать о человеке в терминах противоречий и подсознательных импульсов, описания кажутся более „реалистичными“, чем старые, более привычные описания» (с. 264). Концепция романтического реализма, выдвинутая и обоснованная Фангером, помогла выявить специфику реализма Достоевского. Однако некоторые ее положения остаются спорными. Еще А. Григорьевым было отмечено преувеличение значения романтических традиций у писателей, относимых к прямым предшественникам Достоевского. Миф о городе безусловно абсолютизирован, так как им не исчерпывается творчество Достоевского, преувеличена и роль гротеска.

В статье 1969 г. «Открытие Достоевским фантастического реализма»⁴⁹ Франк останавливается на проблеме феноменологии фантастического реализма и связывает ее с проблемой жанра. Как и Фангера, Франка интересует смещение фокуса на внутренний мир личности, причина страданий человека отыскивается не только в социальной жизни, но и в морально-психической структуре самого героя.

Книга профессора Йельского университета Роберта Луиса Джексона «Достоевский в поисках формы»⁵⁰ посвящена анализу эстетических взглядов Достоевского. Вопросы реализма Достоевского рассматриваются в главе «Реальность и ее представление в искусстве». По мнению Джексона, особенность поэтики Достоевского состоит в том, что его видение реальности «преимущественно религиозное»⁵¹. «Настоящая ре-

⁴⁹ *Frank J. Dostoevsky's Discovery of 'Fantastic Realism' // Slavic Review: American Quarterly of Soviet and East European Studies. 1969. Vol. 27. P. 286–295.*

⁵⁰ *Jackson R. Dostoevsky's Quest for Form. New Haven and London, 1966.*

⁵¹ *Ibid.* P. X. Далее ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте.

альность для автора „Братьев Карамазовых“ — это трансцендентная реальность универсального христианского идеала» (с. 89). Таким образом, «в самом непосредственном действии реализм охватывает социальную реальность в развитии, в более глубоком действии художественное познание приближается к религиозному откровению» (с. 81). Такой взгляд на реализм Достоевского позволяет Джексону преодолеть те противоречия между реальным и идеальным, трансцендентной и имманентной реальностью, которые стремились объяснить другие исследователи. Джексон выдвигает понятие синкретической реальности, точка ее приложения — человек, в котором «смешиваются реальное и идеальное. Именно человек, во всей полноте своего материального и духовного существа, именно он — центр и периферия реальности Достоевского. Эта высшая форма представления реальности является высшим реализмом для Достоевского и связана с открытием человеческих поисков идеала, с открытием самого идеала» (с. 91). По мнению Джексона, художественное мышление Достоевского тесно связано с религиозным мышлением, что в свою очередь определило специфику его реализма. Фантастический реализм Достоевского — это высокая духовная религиозная реальность, синкретическая реальность. «Роль художника — это роль провидца... факты для него не делятся на реальные и нереальные, действительные и выдуманные; он открывает человеку его самого в завершенности его судьбы и безвременности существования» (с. 91).

Работы Джексона сыграли важную роль в формировании литературной репутации Достоевского в США. Если Западу был представлен прежде всего нигилистический Достоевский, или, как отмечалось при анализе работ Блэкмура, проповедник примитивного христианства, то в рассматриваемом исследовании, а также в работе «Искусство Достоевского»⁵² Джексон показал, как религиозное мировоззрение определяет формы художественного и идеологического мышления писателя. Он представил Достоевского не нигилистом, а христианином, подчеркнув, что даже нигилисты у Достоевского ищут христианкой правды и христианского идеала.

О попытках «присвоить себе» Достоевского, оторвав его творчество от развития реалистического искусства, писал Г. Фридлендер⁵³. Этот процесс «присвоения» является объективным, ибо каждая эпоха и культура обречены на поиски в искусстве писателя близких и понятных им черт. В 1940–1960-е гг. американское литературоведение стремилось не только выявить «истинного» Достоевского, чье творчество основано на традициях русской культуры, но и прояснить те черты, которые сближают его с американской литературой и эстетическими взглядами современной эпохи. Репутация Достоевского-реалиста складывается под влиянием модернистской интерпретации, новой объек-

⁵² Jackson R. *The Art of Dostoevsky: Deliriums and Nocturnes*. Princeton, N. Y., 1981.

⁵³ Фридлендер Г. Достоевский и мировая литература. Л., 1985. С. 81.

тивной критики, что, очевидно, вело к искажению взглядов на его творчество. Но именно адаптированный к чужой культуре Достоевский и мог был воспринят.

Таким образом, формируется репутация Достоевского как реалиста, утвердившего новые способы изображения действительности, расширившего границы реалистического, изменившего представления о правдоподобию, использовавшего новые приемы и тем самым оказавшего воздействие на американский роман⁵⁴.

Литературная репутация Достоевского продолжала вызывать дискуссии и в конце XX в. Об этом свидетельствует глава «Защитники и противники искусства Достоевского» в книге профессора Браунского университета Виктора Терраса «Читая Достоевского» (1998). В ней не только дается анализ оценок и критических суждений о творчестве писателя и художественной ценности его произведений. Исследователь считает необходимым выступить в качестве защитника Достоевского. Эта защита дана с позиций популярной в конце XX в. в американском достоевковедении бахтинской методологии. Террас вслед за М. М. Бахтиным утверждает, что роман Достоевского — это открытый роман, способный включить всю полноту и текучесть жизни. На важный вопрос об «искажении реальности» Достоевским, его интересе к неправдоподобному и неестественному, приведшем к деконструкции традиционного реализма, Террас отвечает, вновь используя выводы Бахтина: «Романы Достоевского — не романы хороших манер, не социальные реалистические романы, корни их в традициях диалогов Платона. Это романы об идеях в той же мере, в какой и романы о людях»⁵⁵. Показательно, что на исходе века споры о Достоевском-художнике кажутся такими же актуальными, как и сто лет назад.

⁵⁴ О связи фантастического реализма Достоевского с модернизмом и постмодернизмом см. раздел «Фантастический реализм, модернизм и постмодернизм» в монографии М. Джонса: *Jones M. Dostoevsky after Bakhtin Readings in Dostoevsky's Fantastic Realism*. Cambridge University Press, 1990. Репутация Достоевского-реалиста на исходе XX в. продолжает изучаться американскими учеными постбахтинского направления. Как отмечает М. Джонс, «в периоды кризиса изменяется доминантная парадигма, и наступает время переоценки. Бахтин представил новую парадигму в чтении Достоевского.<...> кроме Бахтина, никто не представил „модернистские особенности текста Достоевского“» (Ibid. P. I).

⁵⁵ *Terras V. Detractors and Defenders of Dostoevsky's Art // Reading Dostoevsky*. The University of Wisconsin Press, 1998. P. 9.

М. В. КИСЕЛЕВА

**РЕЦЕПЦИЯ Р. МУЗИЛЕМ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО:
РУССКИЙ, НЕМЕЦКИЙ, АВСТРИЙСКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ
И АМЕРИКАНСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ**

Достоевский в немецкоязычной литературе, отголоски его тем и проблем в философских концепциях Ницше или Хайдеггера, художественных конструктах Кафки, Траля или Томаса Манна, размышления о нем в публицистических текстах Гессе или Цвейга исследованы настолько хорошо, что, кажется, не было такого мыслителя XX в. в культурном ареале Германии, на которого бы не повлиял Достоевский и о чём не написали бы подробную монографию или хотя бы ряд статей. Роберт Музиль неоднократно упоминал имя Достоевского в своих дневниковых записях и эссе, а в его романах явно чувствуются отголоски произведений русского классика. Однако история изучения этой огромной темы развивалась своеобразно. Главный казус заключается в том, что каждая следующая статья, посвященная проблеме творческой взаимосвязи Достоевского и Музиля, не являлась продолжением, дополнением либо спором с предыдущей, каждый новый автор становился очередным «первопроходцем». В связи с этим кажется целесообразным наконец взглянуть на историографию вопроса, с тем чтобы обозначить основные направления исследований. Вкратце проследив эволюцию темы рецепции Музилем творчества Достоевского в научных работах 1974–2011 гг., поставим задачу насколько возможно подробно осветить схожие тенденции, а также проанализировать различия в методологических подходах к изучению проблемы интертекстуальных отношений между Достоевским и Музилем в русской, немецкой, австрийской, французской и американской научной литературе. Хотелось бы надеяться, что в качестве результата мы сможем стать участниками, хотя и виртуально, международной дискуссии ученых-компаративистов по проблеме диалога австрийского писателя Роберта Музиля с Достоевским.

* * *

Впервые на существование «линии Достоевского» в творчестве Музиля обратили внимание во Франции. В статье 1974 г. Доминика

Йеля (Dominique Iehl)¹ отмечены некоторые переклички между образами героев романа «Человек без свойств» Музиля и героев Достоевского, опираясь, прежде всего, на рецепцию и значимость романа «Идиот» для австрийской литературы первой половины XX в.

Год спустя в России Т. А. и В. А. Свительские в статье «Творчество Р. Музиля и традиция Достоевского» зафиксировали взаимосвязь романов Музиля и Достоевского². К сожалению, исследование не удостоилось должного внимания и почти не вошло в научный оборот: оно редко упоминалось в достоеведении и практически не было представлено в музилеведении. Ни одна из последующих работ не основывалась и не ссылалась на разработки Свительских. Несмотря на то что авторы сами определили свою статью как «первые шаги в разработке сложной темы», ряд их предположений и гипотез чрезвычайно интересен и нуждается в дальнейшем развитии. В статье был дан поразительно точный и довольно широкий обзор тематических перекличек творчества австрийского писателя с русским классиком в связи с «этическим самоопределением героев», притом что авторы статьи в соответствии с требованиями советской филологии акцентировали «социальный аспект» и «отравленный воздух буржуазной эпохи».

Лишь тринадцать лет спустя после выхода статьи Свительских Вилли Фельд (Willi Feld) в статье «Значение рефлексии для Музиля: на примере его знакомства с Достоевским» снова поставил проблему влияния Достоевского на Музиля³. Автор статьи, германист, ученик крупного исследователя творчества Музиля Хельмута Арнтцена (H. Arntzen), не был знаком с исследованием советских ученых в этой области. Он обрисовал картину влияния Достоевского на Музиля заново, делая при этом особый акцент на схожести стиля письма обоих писателей.

Затем опять интерес к этой теме пропадает — на пять лет, до 1993 г., когда российский исследователь Анатолий Пушкарев опубликовал в «Венском альманахе славистики» свою статью «Достоевский и Музиль: возрождение высокой трагедии»⁴, в которой рассмотрел параллели и связи двух романов — «Бесы» и «Человек без свойств».

¹ Iehl D. Le prince Michkine, Karl Bühl, Ulrich ou de quelques qualités de héros sans qualités // *Études germaniques*. 1974. N 29/2. P. 179–191. Далее ссылки на настоящее издание даются в тексте, с указанием страницы.

² Свительская Т. А., Свительская В. А. Творчество Р. Музиля и традиция Достоевского // Проблемы реализма в зарубежной литературе XIX–XX веков. Саратов, 1975. С. 21–40. Далее ссылки на настоящее издание даются в тексте, с указанием страницы.

³ Feld W. Die Bedeutung der Reflexion für Musil: am Beispiel seiner Auseinandersetzung mit Dostojewski // *Musil-Forum*. 1987–1988. Bd. 13–14. S. 241–256. Далее ссылки на настоящее издание даются в тексте, с указанием страницы.

⁴ Пушкарев А. Достоевский и Музиль: возрождение высокой трагедии // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1993. Bd. 31. С. 75–98. Далее ссылки на настоящее издание даются в тексте, с указанием страницы.

Через год в «Ежегоднике Австрийской библиотеки» как продолженные темы, затронутой русским ученым, вышла статья клагенбургского музилевода Йозефа Штрутца (Josef Strutz) под названием «„Бесы“ Достоевского и „Человек без свойств“ Музиля»⁵.

Через четыре года, вновь вне контекста уже опубликованных по проблематике работ, в книге Филиппа Шардана (Philippe Chardin) «Музиль и европейская литература» появилась глава, посвященная роли романов Достоевского (прежде всего «Идиота») в создании Музилем «Человека без свойств»⁶.

И лишь через десять лет интерес к теме возобновился. Помимо публикаций автора настоящей статьи⁷, необходимо отметить доклад А. В. Белобратова 2009 г. «Читать Музиля в России. Путешествие к Ульриху с князем Мышкиным, Ильей Обломовым и „подпольным человеком“», затем опубликованный в сборнике «Musil-Forum» в 2011 г.⁸, а также статью 2010 г. американского профессора Крауса (Justice Kraus) под названием «Исправляя Достоевского: Моральный убийца и критическая эстетика в „Человеке без свойств“ Роберта Музиля»⁹.

Основным материалом анализа для всех вышеперечисленных статей стали следующие произведения Достоевского: «Преступление и наказание» (Свительские, Краус, Киселева), «Записки из подполья» (Фельд, Белобратов, Киселева), «Бесы» (Фельд, Пушкирев, Штрутц), «Идиот» (Йель, Шардан) и «Братья Карамазовы» (Киселева). Придерживаясь хронологии публикации работ, постарайтесь дать репрезентативный обзор основных направлений исследований, объединяя их по принципу предпочтений в выборе материала для исследования.

⁵ Strutz J. Dostojewskis «Dämonen» und Musils «Mann ohne Eigenschaften» // Dostojewskij und die russische Literatur in Österreich seit der Jahrhundertwende (Literatur, Theater) / Hrsg. A. W. Belobratow und A. J. Zerebin. St. Petersburg, 1994. S. 225–239. Далее ссылки на настоящее издание даются в тексте, с указанием страницы.

⁶ Chardin Ph. Musil et la littérature européenne. Paris, 1998. Далее ссылки на настоящее издание даются в тексте, с указанием страницы.

⁷ См., например: Киселева М. В. 1) Диалог и двойничество в романах Федора Достоевского и Роберта Музиля // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 115–121; 2) Robert Musils Dostojewskij-Rezeption: Problemstellung // Junge Slavistik. Hamburg, 2009. Bd. 20. S. 87–95; 3) Endstation Russland: Motiv des Ostens und des Kriminellen in den Werken von Robert Musil // Germanoslavica. 2011. Jg. 22. N 2. S. 66–83.

⁸ Belobratow A. W. Musil in Russland lesen. Eine Reise zu Ulrich mit dem Fürsten Myschkin, Ilja Oblomow und dem «Kellerlochmenschen» // Musil-Forum. 2009–2010. Bd. 31. S. 127–139. Далее ссылки на настоящее издание даются в тексте, с указанием страницы.

⁹ Kraus J. Setting Dostoevsky Straight: Moral Murder and Critical Aesthetics in Robert Musil's *Der Mann ohne Eigenschaften* // A Journal of Germanic Studies. November 2010. Vol. 46. N 4. P. 383–401. Далее ссылки на настоящее издание даются в тексте, с указанием страницы.

Рецепция Музилом «Преступления и наказания»: обзор литературы за 1975–2010 гг.

Одной из основных и очевидных параллелей в поэтике обоих писателей, на которую обращали внимание все исследователи, было художественное изображение темы преступления. Т. А. и В. А. Свительские рассматривают метафизику преступления в «Преступлении и наказании» Достоевского и «Душевных смутах воспитанника Тёрлеса» Музиля.

Интересен исследовательский подход авторов и их же попытка охарактеризовать его: «наш анализ нацелен не на описание прямых переключек, не на фиксацию ближайших созвучий, но на выяснение внутренних связей между творчеством Музиля и русским художественным гуманизмом» (с. 20). Идея авторов статьи — соотнести наследие Музиля с предшествующим ему опытом Достоевского. Для этого они пользуются концептом «традиция Достоевского», понимая под ней не просто заимствования, а идейные пересечения с русским классиком (с. 23). Учитывая опыт и традицию Достоевского, считают Свительские, Музиль даже повторяет некоторые его темы, мотивы и формулы. Таким образом, исследование в методологическом плане приближается более всего к генетическому сравнительному анализу: авторам важно показать внутренние, а не случайные параллели между двумя писателями, поставив творчество Музиля в связь с исторически предшествующими романами Достоевского, для чего в начале статьи дается краткий экскурс в дневниковые материалы Музиля, подтверждающие его интерес к проблематике романов Достоевского. Однако исследователи отдают себе отчет в том, что творчество Музиля невозможно рассматривать как логическое продолжение наследия Достоевского: «рациональные конструкции» романов Музиля, отличные от «экстатической действительности» Достоевского, говорят о диалоге разных эпох, о творческом споре. Но главной задачей статьи становится всё же показ соприкосновений автора «Человека без свойств» с романной традицией Достоевского, а не исследование их разногласий.

Взаимосвязь темы «переступания черты» и вопрос «возможно ли верить / не верить в Бога?» (проблема, затрагиваемая практически во всех романах Достоевского), как показывают Свительские, возникает у Музиля уже в его первом произведении «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса». Так, для Байнеберга «всё сомнительно»: «каждый может делать всё, что ему угодно, я вообще ни во что не верю». По мнению же Тёрлеса, «в одиночестве все дозволено», а граница между обычным человеком и преступником «так неуловима, что ее в любую минуту можно с легкостью перешагнуть». Идея, высказанная героями Достоевского о вседозволенности, считают авторы статьи, сыграла свою роль в работе Музиля над «Тёрлесом» и повлияла в дальнейшем на его главный роман «Человек без свойств» (с. 24).

Другой аспект этого тематического поля — наследование Музиелем проблемы шаткости норм и ценностей, когда убийство может трактоваться одновременно «как преступление и как героический подвиг» («Человек без свойств»), что напоминает «зыбкость границы между кровавым преступлением и героическим деянием» (с. 28) в теориях Раскольникова. Подобные мотивы, как справедливо заключают авторы статьи, безусловно, указывают на преемственную связь героев Музиля с героями романов Достоевского. Таким образом, общий для Достоевского и Музиля метод изображения героев — это «метод этического испытания, различения границ между добром и злом» (с. 25). Однако существенно и отличие, на которое обращают внимание Свительские, говоря об «этическом самоопределении» героев у Достоевского и Музиля. Если для Достоевского преступление есть испытание личности, «помогающее ей обрести положительную нравственную ориентацию» (с. 29), то в романах Музиля исследование психологических и прочих аспектов преступления становится самоцелью.

Исследователи только наметили сложную тему взаимоотношения «теоретического» и «практического» преступления, заключая, что герой Достоевского «одновременно созерцатель и участник», Музиль же пошел дальше, давая близкому себе герою созерцателю-наблюдателю переступить лишь «теоретически», в то время как наблюдаемый, «подопытный герой» непосредственно совершает преступление (с. 25, 30).

Совершенно иной подход демонстрируется в статье 2010 г. американским исследователем Краусом (Justice Kraus), утверждающим, что тема рецепции Музиелем Достоевского практически не была рассмотрена в литературоведении, и предлагающим свою оригинальную концепцию, во многом противоречащую тезисам статьи Свительских. Краусу знакома лишь одна работа по проблематике «Музиль–Достоевский» (как было показано выше, к 2010 г. было написано уже около семи статей) — статья Штрутца, от которой он в определенной степени отталкивается и которую критикует. Для него Штрутц — классический исследователь истории литературных влияний, изобразивший Музиля как «пассивного реципиента Достоевского». Краус не проявляет интереса к тому, чему Музиль у Достоевского научился, а преследует цель показать глобальный эτικο-философский спор Музиля с русским писателем (с. 384). Озаглавив свою работу «Setting Dostoevsky Straight: Moral Murder and Critical Aesthetics in Robert Musil's *Der Mann ohne Eigenschaften*» («Исправляя Достоевского: моральный убийца и критическая эстетика в „Человеке без свойств“ Роберта Музиля»), Краус подразумевает под понятием «критической эстетики» критическое прочтение Музиелем романа «Преступление и наказание» и пародирование его в романе-эпопее «Человек без свойств»: «This article argues instead Musil's *Der Mann ohne Eigenschaften* is also unexpectedly critical of Dostoevsky's *Crime and Punishment* and that his criticism are crucial to the discourse on morality in his novel» («В статье обсуждается ключевая

проблема критики морального дискурса „Преступления и наказания“ в „Человеке без свойств“ — с. 383; перевод цитат здесь и далее мой. — М. К.).

Автор статьи предполагает, что «Человек без свойств» является своего рода ответом на однозначную этическую теорию в «Преступлении и наказании», представляющую собой «абсолютное различие между добром и злом, между моральным и антиморальным» (с. 385). В мировоззрении Ульриха содержится, на его взгляд, критика подобных «упрощенных» теорий о морали. Тезис о «смысле возможного» («Möglichkeitssinn» Музиля) подразумевает «мораль следующего шага», то есть невозможность жесткой границы между добром и злом, и отсутствие понятия морали как таковой. Развитие Музилем раскольниковской проблемы легализации преступления ради достижения какой-либо цели (например раздать деньги бедным) Краус видит в образе Кларисс, готовой оправдать возможное убийство Ульриха, которое она советует совершить своему мужу. Она полагает, что ее муж, Вальтер, станет благодаря убийству гениальным музыкантом, устранив существенную для него психологическую помеху — влияние их общего друга юности Ульриха. Краус пишет: «There is a strong similarity here between Clarisse's and Raskolnikov's thoughts on what state of affairs legitimizes murder. For Raskolnikov, essentially extraordinary individuals like Newton and Napoleon may rid themselves of obstructions by any means necessary. Clarisse views the hypothetical murder of Ulrich, someone of whom she is actually quite fond, in such terms» («Здесь прослеживается явная связь между идеями оправдания преступления Кларисс и Раскольникова. По Раскольникову, необыкновенные люди типа Ньютона и Наполеона могут избавляться от каких-либо препятствий любыми средствами. Так же мыслит Кларисс возможное убийство Ульриха, которого она, между прочим, любит» — с. 391).

Однако у знающего материал читателя может возникнуть ряд вопросов к американскому коллеге. Во-первых: почему в работе утверждается критика Ульрихом именно теории Раскольникова? Свительские подробно рассматривали влияние «Преступления и наказания» и значимость теории об «обыкновенных и необыкновенных людях» в контексте раннего романа Музиля «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса». Именно в этом романе наиболее ярко видны связывающие Достоевского и Музиля нити родства. Байнеберг и Райтинг «переступают», чтобы проверить себя, чтобы «Наполеоном сделаться», в чём, безусловно, слышится отголосок раскольниковской проблематики.

Мотив взаимосвязи преступления и экстраординарности, который Краус находит в образах Клариссы и Агаты в «Человеке без свойств» и который, как он считает, есть аллюзия на теорию Раскольникова, является, на наш взгляд, не пародией на «Преступление и наказание», а, скорее, выпадом в адрес немецких романтиков (например гофмановской темы преступного гения — «проклятых художников», связанных

с демоническим началом: Медардус из «Эликсиров сатаны», Бертольд из «Церкви иезуитов в Г.», Абрагам Лисков из «Житейских воззрений кота Мурра», Кардильяк из «Мадемуазель де Скюдери» и др.).

Во-вторых, не совсем ясны причины убежденности автора в том, что в «Преступлении и наказании» проводится твердое разделение между категориями добра и зла. Краус пишет: «Raskolnikov makes a clear distinction between good and evil...» («Раскольников четко различает добро и зло» — с. 392). Но если это так, то как же объяснить пограничные состояния Раскольникова, метафизические метания между добром и злом? Его план убийства, благодаря которому он намеревался осчастливить бедняков? Как же тогда быть с Соней — святой преступницей? Свительские пишут об этом следующее: «У Достоевского же герой, на себе несущий тяжесть неразличения добра и зла, берет на себя и миссию наблюдения и исследования: больной наблюдает за своей болезнью, свидетельствует о ней» (с. 25; курсив мой. — М. К.). Краус считает, что «Musil sets up Raskolnikov's position as metaphysical and oversimplified and criticizes it as he searches for more convincing theory of morality» («Музиль видит позицию Раскольникова как метафизическую и „упрощенную“ и критикует в целях поиска более конвенциональной теории морали» — с. 392). Свительские отмечают сходство в позициях Достоевского и Музиля именно в связи с этическими проблемами, находя подтверждение усвоению Музилем художественных идей Достоевского в его дневниковых записях («Преступник развивается в нормального человека, а тот — в преступника»¹⁰) и в «Человеке без свойств» (убийство «как преступление и как героический подвиг»¹¹).

В качестве доказательства критического отношения Музиля / Ульриха к моральному преступлению, выраженному реальными действиями (убийством), Краус приводит цитаты с рассуждениями Ульриха о моральном преступлении. Ульрих отрицательно реагирует на воплощенные в реальность преступления, но считает, что о преступлении можно думать, его можно мыслить и представлять: «Ulrich makes his sister aware of a basic problem of acting intentionally: there is a notable difference between hoping for or envisioning a particular state of affairs and realizing it» («Ульрих оберегает свою сестру от опасности действовать сообразно своему намерению: существует значимое различие между желанием или воображением осуществления определенной ситуации и ее действительной реализацией» — с. 393–394).

Таким образом, возникает третий и заключительный вопрос: почему автор статьи, говорящий о критике Музилем Достоевского и приводящий в качестве центрального аргумента дилемму желания преступления и его реализации, не вспоминает проблематику романа «Братья

¹⁰ Musil R. Tagebücher, Aphorismen, Essays und Reden / Hrsg. von Adolf Frisé. Hamburg: Rowohlt, 1955. S. 249.

¹¹ Musil R. Der Mann ohne Eigenschaften. Anhang. Hamburg: Rowohlt, 1986. S. 205.

Карамазовы», в котором Достоевский исследует именно вопрос о том, возможно ли разделение мысли о преступлении (Иван) и самого преступления (Смердяков)? Как показали Свительские, в «Преступлении и наказании», как и в «Душевных смутах воспитанника Тёрлеса», преступник является одновременно и теоретиком, и практиком. В «Человеке без свойств» мыслитель Ульрих (о чем забывает сказать Краус) начинает с того, что сам хочет стать Наполеоном, но затем удовлетворяется одной мыслью о преступлении, категорически отвергая идею осуществить эту возможность в реальности. Думается, диалог между Смердяковым (как практиком) и Иваном (как носителем идеи) безусловно повлиял на создание внутреннего диалога между Моосбругером и Ульрихом. Вслед за Достоевским Музиль переосмысляет проблему гипотетического и реального преступления, дифференциации действия, мысли и наблюдения. В образе Моосбругера в контексте этих вопросов угадываются многочисленные параллели с характеристикой Смердякова, в то время как Ульрих продолжает линию Ивана. Однако, завершая роман (эволюция данной темы видна при сопоставлении черновики и окончательного редакционного варианта «Человека без свойств»), Музиль четко проводит границу между деяниями Моосбругера и теоретическими тезисами Ульриха, в чем можно усмотреть его ответ Достоевскому, позволившему себе усомниться в непричастности теорий Ивана к реальному убийству¹². Таким образом, с основной идеей статьи Крауса, отметившего отрицательное отношение Музиля / Ульриха к воплощению мысли о преступлении в поступок, невозможно не согласиться. Основной посыл в романе Музиля, в самом деле, — противопоставление мира возможности миру действительности. Однако сложно считать истинным утверждение, что в художественном мире Достоевского тема мысли о преступлении и осуществлении преступления, как и проблема разграничения категорий добра и зла, были решены однозначно.

Мы продолжили в русско- и немецкоязычных статьях и докладах (2009–2012) развивать темы и предположения, затронутые в статье Свительских, полемизируя с тезисами Крауса. В статье «Познание как пограничное состояние»¹³ показана взаимосвязь центрального романа Музиля «Человек без свойств» с идейной проблематикой «Братьев Карамазовых» и подробно проанализированы типологические параллели «Душевных смут воспитанника Тёрлеса» и «Преступления и наказания». Отмечены переключки, заложенные в семантике имен героев (Раскольников — раскол, Тёрлес — отсутствие границ), что акцентирует основную проблему романов — проблему перехода, погра-

¹² См. подробнее об этом: *Киселева М. В.* Понятие границы: рецепция Ф. М. Достоевского в австрийской литературе (Ф. Кафка и Р. Музиль): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

¹³ *Киселева М. В.* Познание как пограничное состояние // Челябинский гуманитарий. 2011. № 3 (16). С. 25–33.

ничья, переступания границы; указано на важную для обоих текстов идею взаимосвязи познания с преступлением. В процессе анализа рассматриваются схожие сюжетные схемы и мотивы (эпизод совершения преступления, состояние преступника-жертвы, мотив суда/раскаяния), временные и пространственные конструкты обоих романов (мотив внезапной смены времени «вдруг»; замкнутое пространство «порога», «чердака», «маленькой комнаты» и т. п.), в завершение представляя типологию границы в творчестве Достоевского и Музиля. Наиболее значимыми для рецепции «Преступления и наказания» Музилом в «Душевных смутах воспитанника Тёрлеса» представляются следующие аспекты концепта «граница»: 1) переступание границы дозволенного с целью познания своего «я» (Раскольников и Тёрлес); 2) переход от состояния свободной личности к состоянию рабства (Базини, Мармеладов); 3) амбивалентный образ преступника-жертвы (вор Базини и убийца Моосбругер в романах Музиля; проститутка Соня и ее отец-пьяница Мармеладов в «Преступлении и наказании»).

Рецепция Музилом «Бесов»: обзор литературы за 1987–1994 гг.

Вилли Фельд, первым в области германистики заметивший переключки между Достоевским и Музилом, исследует параллели «Человека без свойств» с «Бесами». В статье, посвященной аналогиям формы и стиля письма двух писателей, он исходит из того факта, что Музиль в своих текстах восхищается «техникой письма» Достоевского и часто повторяет вопрос: «как он это делает?». Один из примеров влияния творчества Достоевского на форму и стиль «Человека без свойств» Фельд находит в названии первой книги «Человека без свойств» — «Eine Art der Einleitung» («Своего рода введение»), — которая, на взгляд ученого, отсылает к первой главе «Бесов» «Вместо введения...» (по-немецки — «Statt einer Einleitung...» — с. 252).

Тезис Достоевского «не показывать свою рожу» (в романе) определяет, на взгляд автора статьи, художественную форму романа Музиля. Начиная с образа подпольного человека, знаменующего «существование вне своего Я» («existiert beständig außerhalb seiner Selbst» — с. 244), возникает определенный тип героя. Фельд называет его «тоталитаризмом героя» («der Totalitarismus der Figur») и считает, что он угрожает идентичности автора, который больше не может ни комментировать свой текст, ни размышлять над ним и оставляет полную свободу действия (а точнее, слова) герою (с. 245). Это ведет к тому, что автор перестает быть собеседником (Gesprächspartner) героя, а становится, напротив, его соперником (Rivale — с. 246).

Статьи Анатолия Пушкарева и Йозефа Штрутца также противоположны по характеру методологического подхода рассмотренному выше

деконструктивному анализу Крауса. Их работы посвящены *типологическим связям* и поиску *оснований для сопоставления* романов «Бесы» и «Человек без свойств» — выявлению схожих черт в образах главных героев, изучению исторической атмосферы, описанной в романах, стилистических и жанровых параллелей. Несмотря на отсутствие прямого текстуального подтверждения (дневникового или эссеистического) факта прочтения Музилом «Бесов», Йозеф Штрутц строит свое доказательство на одной дневниковой выписке. Читая статью Курта Левина (Kurt Lewin. «Vorbemerkungen über die Struktur des Seelischen», 1925), Музиль аккуратно выписывает цитату из «Бесов» о желаемом побеге Липатина, приводимую Левином в пример «*phänomenale Gewand der Vornahme*», а также фиксирует номер тома и страницу, что, на взгляд автора статьи, достаточно для доказательства интереса писателя к данному роману (с. 238).

Предпосылки к сравнению двух романов А. Пушкирева справедливо усматривает в аналогиях исторического периода, в который они были написаны: «Романы Достоевского и Музиля — это художественный слепок того напряженного периода, который непосредственно предшествует, а потом переходит в переломные для всего человечества исторические события: мировые войны, революции, распад государственных образований» (с. 78). Именно такая историческая обстановка способствует, на взгляд исследователя, возникновению «особого типа сознания», то есть особого героя, который «утрачивает свою традиционную самоидентификацию в привычных категориях характера, личности, долга, социального типа, идеала» (с. 78). Данную идею автор статьи развивает на примере сравнения образов Ульриха и Николая Ставрогина как трагических героев в «нулевой степени выраженности» (с. 87). По справедливому наблюдению Пушкирева, эти герои непостижимы для всех остальных персонажей романа: не изображается их внутренний мир, душевные коллизии, отсутствует изложение «своей идеи» героем, которого так ждут от него другие персонажи. Молчание, заключает исследователь, — «это способ изображения современного трагического героя» (с. 82). Очень точно прослеживается проблема нежелания героев брать ответственность за свои слова. Как Ставрогин не в состоянии произнести своей «идеи» и отрекается от слов, сказанных им когда-то, так и Ульрих каждый раз снова всё им сказанное отрицает или берет обратно.

Стоит, однако, отметить некоторые текстуальные неточности в сравнении образов Ульриха и Ставрогина. Так, автор пишет, что на военной службе оба героя «отличаются безудержными кутежами и любовными похождениями» (с. 86). В отношении Ульриха читателю такие подробности неизвестны. После «бурных лет ранней молодости», продолжает автор, Ставрогин «приезжает на родину, к матери»; Ульрих же «приезжает в родительский дом, так же, как и Ставрогин, заканчивает официальную деятельность и становится центральной

фигурой, „идеальной связкой“, по словам автора, весьма неопределенного аморфного мероприятия — „параллельной акции“» (с. 87). Неточность здесь заключается в том, что к отцу Ульрих возвращается лишь в конце первой книги, чем знаменуется переломный момент в сюжете романа: смерть отца, разговоры с Агатой о вопросах «другой морали», подделка завещания как переступание границы дозволенного. В первой книге Ульрих возвращается в собственный дом (своей архитектурой символически характеризующий Ульриха как «человека возможности»), и именно в этой части разворачивается его участие в параллельной акции.

Интересным, однако, представляется сопоставление Пушкиревым центральных эпизодов обоих романов — «параллельной акции» и «литературного праздника», в которых принимают участие главные герои Ульрих и Ставрогин: «Финал „параллельной акции“ напоминает подготовку и смертоносное завершение „литературного праздника“ в *Бесах*» (с. 87).

Помимо сравнительного анализа главных героев романов, исследователь намечает тему двойничества, рассматривая образы, «параллельные» главному герою. В «Человеке без свойств» с Ульрихом корреспондирует образ убийцы Моосбругера. В «Бесах» подобную «параллельность» главному герою Пушкирев видит в образе Лебядкина. Однако более подробно это сравнение исследователем не разрабатывается. Также остается без продолжения его замечание об эволюции «манеры речевого изъяснения Кириллова в образе Моосбругера» (с. 92).

Трагизм Ульриха и Ставрогина Пушкирев объясняет трагизмом современного авторам мира, деформирующего тип личности: «героизм неклассической трагедии... это героизм существования невоплощенной личности, безличное бытие» (с. 93). Широта этой личности, по мнению исследователя, не может совпадать с границами жанрового канона, вследствие чего произведение, посвященное такой жанрово незавершенной личности, «продолжающей жить за границами своей типажной, характерологической объективизации», никогда не может быть завершено (с. 94).

Йозеф Штрутц в статье, посвященной сопоставлению, вслед за русским коллегой, романов «Бесы» и «Человек без свойств», интересуется, скорее, не влиянием Достоевского на Музиля (хотя он демонстрирует достаточное количество перекличек между двумя текстами), а общей проблематикой, актуальной как для России второй половины XIX в., так и для Австрии первой половины XX в.: «Ich will nun keineswegs den Eindruck erwecken, als hätte Musil Dostojewskis „Dämonen“ als ein starres Modell übernommen, sondern vielmehr sagen, daß sich beide vor der gleichen Aufgabe sahen» («Я бы ни в коем случае не хотел создать впечатление, что Музиль взял роман Достоевского за некую модель; мне важно показать, что перед обоими авторами

стояла одинаковая задача» — с. 233). Он расширяет тезис Пушкирева о схожести сюжетных стержней романов: карнавала в «Бесах» и параллельной акции в «Человеке без свойств», сопоставляя салон Варвары Петровны с салоном Диотимы, описание которых представляет собой картину современного общества. Автор показывает: «In beiden Romanen wird „die krönende Idee gesucht“, die der unerlösten Zeit, die den ungerichteten Kräften ein Sinnbild, eine sinnstiftende Basis geben soll» (основной мотив обоих романов заключается «в поиске главной идеи в атмосфере современного безверия» — с. 232). Центральный музилевский вопрос — как должен интеллигентный человек относиться к действительности — по своей сути, как справедливо считает Штрутц, совершенно тот же вопрос, который волновал и Достоевского. Отсутствие нравственной идеи, дающей опору человеку в тяжбе с действительностью, является еще одним лейтмотивом обоих романов. Штрутц сопоставляет мотив «глупости» в романе Достоевского «Бесы» (речь Степана Трофимовича) и в романе «Человек без свойств», драме «Мечтатели», а также в публицистической «Речи о глупости» Музиля.

Тезис Штрутца, заключающийся в том, что оба героя, Ульрих и Ставрогин, стоящие в центре романов-панорам Какании или России — это «открытые герои» («offene Figur»), является абсолютной противоположностью предположению Пушкирева, писавшего о «закрытости» героев Ульриха и Ставрогина. Несмотря на кажущееся противоречие, оба исследователя пытаются выразить один и тот же смысловой посыл. «Закрытость» для Пушкирева — это «непроницаемость, способность к „нуллификации“ любых определений извне» (с. 82). «Открытость» для Штрутца — это человек возможностей, человек, не утверждающий границы определений своего «я», а, напротив, снимающий их, вбирающий в себя огромную палитру возможных свойств.

Помимо выявления типологических параллелей в образах и способе художественного изображения главных героев, Штрутц исследует один из важных мотивов обоих произведений — «утопия жизни в любви» («Utopie des Lebens in Liebe»), усматривая его в парах Ставрогина — Лизы и Ульриха — Агаты. Длинный разговор Лизы и Ставрогина в Скворешниках, символизирующий «Utopie der „Familie zu zweien“» («утопию любви вдвоем») — с. 234), мог послужить суггестивным источником для создания «иноного состояния» в любовных отношениях Ульриха и Агаты. Вот что заключает об эпизоде в Скворешниках из «Бесов» Штрутц: «In dieser Beschreibung enthüllt sich der traumhafte „andere Zustand“ als Aufhebung der Starre, als unendliches Gefühl, als Aufbrechen einer anderen Wirklichkeit, die unter den starren Linien des Bewußtseins liegt. Die Zeit ist aufgehoben» («В этой сцене раскрывается упоительное „иное состояние“ как снятие оков, как безграничное чувство, как распад другой действительности, находящейся в тисках сознания» — с. 235).

Рецепция Музилем «Записок из подполья»: обзор литературы за 1987–2011 гг.

На съезде музилевского сообщества в Базеле в 2009 г. Александр Белобратов выступил с докладом «Читать Музиля в России. Путешествие к Ульриху с князем Мышкиным, Ильей Обломовым и „подпольным человеком“», затем опубликованным на немецком языке в серии «Musil-Forum» в 2011 г. Статья состоит из двух частей. В первой части после краткого перечисления имеющейся библиографии вопроса (из проанализированных нами статей упомянуты работы Штрутца и Фельда, а также работы французских исследователей, о которых речь пойдет ниже) осуществляется попытка познакомить читателя с различными высказываниями Музиля, имеющими отношение к России, а также к Достоевскому и Толстому. Сначала автор приводит несколько высказываний Музиля о Достоевском из его эссе и романа «Человек без свойств» с целью показать различные тенденции отношения австрийского классика к русской литературе. Далее упоминаются несколько отрывков из записей Музиля с отсылками к Достоевскому (а также Толстому и Чехову) в контексте его вопросов о «процессе чтения» и «моральной лаборатории». Вторая часть — практическая. В ней анализируются художественные параллели между образами Ульриха из «Человека без свойств» и героями русских романов, являющимися, как метафорично заметил автор, попутчиками первого. Оставив за скобками интересный анализ «Обломова» Гончарова, возможно, как считает Белобратов, послужившего источником вдохновения для некоторых «свойств» «Человека без свойств», и найдя в статье лишь несколько упоминаний о князе Мышкине, остановимся на сопоставлении «Человека без свойств» и «Записок из подполья». Вслед за Вилли Фельдом (автор приводит цитату из статьи немецкого коллеги) Белобратов ведет линию преемственности от бесхарактерного героя Достоевского, который, по его собственным словам, «не имеет свойств» (ни злой, ни добрый, ни плохой, ни хороший и т. п.), к Ульриху — человеку без свойств. Белобратов указывает на важную тему, над которой авторы обоих романов дают поразмыслить своим героям, — тема заранее прогнозируемого результата поступков человека, выражаемая в произведении Достоевского формулой «дважды два четыре». Возможную предпосылку музилевской идеи «отпуска от жизни» автор статьи видит в вопросах подпольного человека. Человек возможности Ульрих, по мысли Белобратова, создает формулу «движения без достижения цели» (с. 139).

В 2012 г. публикуются материалы международной конференции «Visionen der Zukunft», или «Предчувствие будущего на рубеже XIX–XX вв. в немецкой, австрийской и русской культурах», организованной кафедрой германистики им. Томаса Манна (РГГУ), Австрийским посольством в Москве и журналом «Вопросы философии». В сборнике представлена наша статья «Превращение человека в насекомое:

отголоски „Человека из подполья“ Достоевского в творчестве Кафки и Музиля»¹⁴, в которой выявляются новые возможности понимания рецепции творчества русского романиста австрийскими писателями. Речь идет о том, что тема «превращения человека и человечества в насекомое» как проблема творчества Достоевского проявляет себя уже в первом романе Музиля «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса», когда писатель сравнивает обычного (как и у Достоевского) среднестатистического человека с «грязным насекомым», которое можно подвергнуть унижению и насилию. Другой персонаж, мучающий это «насекомое», сравнивается Музилем с «пауком», что опять же отсылает к метафорике Достоевского. Аналогии выявляются и в конструировании писателями пространства обитания таких «персонажей-насекомых»: локусы подвалов, чердаков, переходов, лабиринтов. В романах Достоевского и Музиля прослеживается тематика «насекомого» в более широком масштабе — не только индивидуум является в качестве насекомого, но целое государство может быть представлено как «муравейник» («Записки из подполья») или как «пчелиный тип» («Человек без свойств»); единственный героизм, о котором говорит Достоевский, перерастает в «новый коллективистский муравьиный героизм» («Человек без свойств») XX столетия. Герою Музиля Ульриху, также как и подпольному человеку, даются три попытки встроиться в ряды этого муравьиного общества. В «Записках из подполья» попытка стать героем рушится в эпизодах с офицером, однолассниками и Лизой; в «Человеке без свойств» поиск себя Ульрихом на военной службе, в области математики и в науке также не увенчался успехом. Таким образом, Ульриху остается лишь последовать примеру своего литературного предшественника — подпольного человека — и взять «отпуск от жизни», то есть предпочесть принцип «сознательной инерции» принципу «коллективного героизма». Так в метафорике романов обоих писателей выявляется линия преемственности основных проблемных узлов.

Рецепция Музилем «Братьев Карамазовых» и «Идиота» в связи с проблемой «двойничества»: обзор литературы за 1974–2012 гг.

Столь важный роман Достоевского, как «Братья Карамазовы», в сравнительном музилеведении вниманием обделен. Помимо упоминания В. Шрамлем внутренних отсылок к поэме «Великий инквизитор» в разговоре Арнгейма с Богом в «Человеке без свойств»¹⁵, более

¹⁴ Киселева М. В. Превращение человека в насекомое: отголоски «Записок из подполья» Достоевского в творчестве Кафки и Музиля // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 155–158.

¹⁵ Schraml W. Relativismus und Anthropologie. Studien zum Werk Robert Musil und zur Literatur der 20er Jahre. München, 1994. S. 213.

ничего найти не удалось. То же самое можно сказать и относительно «Идиота»: на немецком языке статьи, посвященные влиянию этого романа на творчество Музиля, отсутствуют. Первый из указанных пробелов мы попытались восполнить, говоря о генетических и типологических связях между «Братьями Карамазовыми» и «Человеком без свойств» в контексте проблемы двойничества. Во втором случае следует обратиться к работам французских ученых.

В статье Доминика Йеля «Принц Мышкин, Карл Брюль, или О некоторых свойствах человека без свойств» показано влияние романа «Идиот» на австрийскую литературу, особенно важным представляется автору мотив «безумия» и его рецепция в литературе модерна: «*La figure de l'Idiot prolonge le motif du „fou“, répandu depuis le Moyen Age dans la littérature européenne*» («Образ Идиота продолжает мотив „безумия“, распространенный в европейской литературе начиная со Средних веков» — с. 182). Будучи первым, кто обратил внимание на связь Музиля с Достоевским¹⁶, исследователь подробно на своем открытии не останавливается. Аппелируя к эссеистике Музиля, он говорит, что Достоевский был для австрийского писателя мэтром в «технике художественного письма» («*maître en technique romanesque*»), а также в психологии («*maître en psychologie*»). Автор статьи видит явные смысловые переключки между идеями Достоевского и романом Гофманстала «Трудный человек», отмечая при этом, что роман Музиля, который так или иначе продолжает развивать мотивы творчества Достоевского, стоит, скорее, особняком, поскольку изображение «возможного» становится самоцелью и программой поэтики романа, делая тем самым сам статус романа потенциальным (с. 190–191). Йель больше говорит о различиях в изображении темы «реального-возможного» в контексте развития главных образов романов, Ульриха и Мышкина. Так, он считает, что Музилю ближе философия Ницше: «*La monde de l'Idiot est moral et religieux, Ulrich est au-delà de la morale, en deçà de la religion*» («Мир Идиота заключается в морали и религии, Ульрих находится по ту сторону морали и по эту сторону религии» — с. 188). Различие французский ученый видит также и в типе повествования: соглашаясь с бахтинской теорией полифонии романов Достоевского, он отмечает, что в поэтике Музиля слышен лишь один голос («*un roman „à une voix“*») — авторский, а каждый персонаж есть в том или ином роде его эхо (с. 189)¹⁷.

Йель делает, однако, одно очень интересное наблюдение, которое в следующих за его статьей работах по данной проблематике, к сожалению, практически не развивается. Он видит связь между сложнейшим мотивом двойничества у Достоевского и структурой персонажей

¹⁶ Он пишет: «*Les liens entre Dostoïevski et Musil restent à étudier*» («Связь между Достоевским и Музилем еще не изучена» — с. 187).

¹⁷ Об этой гипотезе критически высказался А. Белобратов в уже рассмотренной статье (с. 29).

в «Человеке без свойств»: каждый персонаж (Агата, Арнгейм, Кларисса, Моосбругер) является отголоском главного персонажа Ульриха. Из структуры двойничества в поэтике Достоевского Музиль выводит принцип «аналогии и вариации» (*principe «d' analogie et de variation»* — с. 190).

Эту тему продолжает в конце 1990-х гг. другой французский ученый — Филипп Шардан в своей книге «Музиль и европейская литература», посвящая одну главу рецепции Музилем Достоевского. Шардан выявляет ряд тематических параллелей в романах писателей. Главные герои у Музиля, как и у Достоевского, — это молодые люди, как правило интеллектуалы. Например, садисты Райтинг и Байнеберг в «Душевных смутах воспитанника Тёрлеса», юные антисемиты Ханс и Герда в «Человеке без свойств» напоминают и логически продолжают криминальное сообщество молодых людей, основанное на идеологических принципах в «Бесах», и сообщество агрессивно настроенных учеников в «Подростке» Достоевского.

Главная проблематика романов — преступление или навязчивое желание совершить преступление. Тема преступления при этом, как отмечает Шардан, и у Достоевского, и у Музиля обычно связана с темой сексуальной перверсии (у Достоевского — проституция и преступность, убийство отца, любовь отца и сына к одной женщине и т. п., у Музиля — гомосексуальность среди подростков, инцест в «Человеке без свойств»). В словах Тёрлеса о том, что в одиночестве всё позволено, автор статьи видит безусловное продолжение формулы романов Достоевского «всё позволено». Этот же мотив Музиль развивает в своем центральном романе «Человек без свойств» в теории «всё возможно». Однако, как верно подчеркивает Шардан, эта формула остается у обоих писателей в сослагательном модусе, является скорее «проблемой, вопросом героев, а не некой обоснованной, убедительной теорией»: «*Mais ces formules magiques que sont „tout est permis“ ou „tout est possible“ sont toujours présentées par Musil et par Dostoievski sur le mode interrogatif ou conditionnel et le „passage à l'acte“ se révèle évidemment fort problématique même pour ceux de leurs personnages qui sont en théorie convaincus du bien-fondé de la maxime*» (с. 80–81). Далее автор делает чрезвычайно важный вывод, демонстрирующий аналогию конструирования системы двойничества в романах Достоевского и Музиля. У Достоевского, пишет Шардан, герой, который является носителем теории и по ходу сюжета должен совершить преступление, его не совершает. Убийство осуществляется другим персонажем: в «Братьях Карамазовых» — Смердяковым, в «Идиоте» — Рогожиным. Такую же констелляцию автор видит и в «Человеке без свойств» — «грехи Моосбругера связаны с грехами Ульриха» («*Moosbrugger pourrait donc être considéré comme le péché originel d'Ulrich*» — с. 84). Моосбругера он называет чудовищным эхом Ульриха, проводя параллели, например, между навязчивой идеей Ульриха совершить преступление (эпизод, когда Уль-

рих нащупывает нож, чтобы зарезать Арнгейма, или представляет себе возможным задушить Герду подушками) и убийством, действительно совершенным Моосбругером.

Мы продолжили исследовать проблему реального и теоретического преступления как важный элемент концепта двойничества в «Братьях Карамазовых» и «Человеке без свойств». В статье «Конечная станция Россия: мотив Востока и преступления в романах Роберта Музиля»¹⁸ предпринят анализ двух проблем. Первая проблема — «идея преступления или преступника как объекта исследования», рассмотрев которую, можно выделить два типа преступников в романах Достоевского и Музиля. Первый тип — это преступники-теоретики, либо мыслящие преступление лишь гипотетически (Иван, Ульрих), либо проверяющие свою теорию на практике (Раскольников; Байнеберг/Райтинг из «Душевных смут воспитанника Тёрлеса»); второй тип — преступники-практики, использующие чужие теории для объяснения своих преступных действий (Смердяков, Моосбругер) или не имеющие никакой теории (Базини из «Душевных смут воспитанника Тёрлеса»). Последние являются, с одной стороны, объектом исследования для первых, с другой — ищущают их причастностью к своему преступлению и желанием переступить самим. Вторая проблема — «индивидуальная или коллективная вина: мотив двойничества», исследуя которую мы обратили внимание на существенное отличие «Братьев Карамазовых» от «Преступления и наказания», где теоретик и исполнитель соединились в образе Раскольникова. В «Братьях Карамазовых» Достоевский усложняет проблему, создавая отдельно от образа теоретика Ивана — практика Смердякова. Ровно ту же тенденцию можно отметить и применительно к романам Музиля. В «Человеке без свойств» практическое и теоретическое преступление, как и в «Братьях Карамазовых», разводятся: Ульрих, подобно Ивану, лишь представляет убийство, в то время как Моосбругер, подобно Смердякову, является настоящим преступником.

В статье «Диалог и двойничество»¹⁹ (материал симпозиума Интернационального общества Достоевского, Неаполь, 2010) мы продолжили разрабатывать тему, подчеркивая переключки между образами так называемого «демонизированного низшего слоя общества» (как с отсылкой к романам Достоевского писал Музиль) — Моосбругером и Смердяковым — и между интеллектуальным слоем — Ульрихом и Иваном Карамазовым. В этой связи в статье выделяются два типа «двойничества» в романах Достоевского и Музиля. Первый — это тип «подмены» или «взаимодополнения»: вина в убийстве отца в «Братьях

¹⁸ Kiseleva M. Endstation Russland: Motiv des Ostens und des Kriminellen in den Werken von Robert Musil. S. 66–83.

¹⁹ Kiseleva M. B. Диалог и двойничество в романах Федора Достоевского и Роберта Музиля. С. 115–121.

Карамазовых» распространяется на всех братьев, аналогично дополняют друг друга в «Человеке без свойств» Ульрих и его сестра Агата, преступление которых, подобно сюжетному стержню романа Достоевского, направлено против отца, его ценностей и образа жизни. В статье показана общая для обоих романов проблематика деградации рода: отцеубийство в «Братьях Карамазовых», инцест и подделка отцовского завещания в «Человеке без свойств». Второй тип двойничества выражен в конструировании диалогических пар героев: Ульриха — Моосбругера у Музиля и Ивана — Смердякова у Достоевского. И Иван, и Ульрих удаляются от реальности: берут «отпуск от жизни», близки к самоубийству. Это добровольное исключение себя из жизни («утрата бытия субъектом», по Чижевскому²⁰) создает почву для появления двойников — Смердякова и Моосбругера, совершающих реальное преступление, подкрепленное теориями главных героев, и затем искушающих их ответственностью за это преступление. В заключении статьи показано, что схема двойничества выходит за пределы системы персонажей и композиционной структуры текста, обретая в обоих романах глобальный философско-религиозный характер. Актуальной для обоих романов является проблема «ложного спасителя». Она выражается у Достоевского в поэме «Великий инквизитор», где Инквизитор представлен как двойник Христа, прикрывающийся его учением (словно Смердяков теорией Ивана), и перепевается в разных вариациях в «Человеке без свойств» Музиля, где спасителями видят себя то Арнгейм, предлагающий Господу «исправить подвиг Христа», то Ганс Зепп.

* * *

Итак, подведем итог. В европейском музилеведении изучены практически все большие романы Достоевского. За исключением лишь кратко упомянутого «Подростка», исследовано влияние на Музиля романов «Преступление и наказание» (русская, американская филологические школы); «Бесы» (немецкая, русская, австрийская); «Идиот» (французская) и «Братья Карамазовы» (русская). Также хорошо изучен в контексте штудий о Музиле роман Достоевского «Записки из подполья» (русская, немецкая филологические школы). Из всех рассмотренных работ немецкий подход (статья Вилли Фельда) демонстрирует пример стилистического анализа текста: автор изучает параллели в технике повествования.

Явное противостояние можно увидеть в позициях русских авторов (Свительские, Пушкарев, Киселева), проводящих генетически-типологический сравнительный анализ творчества Достоевского и Музиля

²⁰ Чижевский Д. И. К проблеме двойника // Вокруг Достоевского: В 2 т. М., 2007. Т. 1; О Достоевском: сб. статей / Под ред. А. Л. Бема. С. 73.

в широком культурном и интердискурсивном контексте взаимодействия Австрии и России, и американским ученым Краусом, работающим в деконструктивной традиции и демонстрирующим деконструктивно-критическое прочтение Музилом «Преступления и наказания». Исследователи русской школы настаивают на продуктивности музильевской рецепции романов Достоевского и развитии им философской, нравственно-этической и эстетической проблематики русского классика. Так, Свительские показали взаимосвязи между «Преступлением и наказанием» и «Душевными смутами воспитанника Тёрлеса». Мы продолжили эту тему, анализируя конструкты двойничества и сходные философские концепты в названных романах, а также в «Человеке без свойств» и «Братьях Карамазовых». Пушкарев впервые показал переклички между романами «Бесы» и «Человек без свойств», причем основная цель его исследования — уловить культурно-исторические предпосылки такого сравнения. В таком же направлении продолжал работать австрийский ученый Штрутц. Можно сказать, что у немецкоязычных исследователей, как и у их русских коллег, довольно традиционный подход к изучению проблемы: их интересуют записи Музиля о Достоевском, а также возможное поле стилистически-художественного и тематического влияния Достоевского на Музиля. Направление же французской школы представляется наиболее философски ориентированным: авторы занимаются исследованием не мотивов, а общих идейных конструктов в романах Музиля и Достоевского.

Рассмотренные здесь статьи, в которых освещаются философский, художественный и поэтологический диалог культур, и их авторы невольно стали участниками виртуального компаративистского симпозиума, который мог бы стать интересной темой специального сборника, посвященного творчеству Достоевского и Музиля.

В. В. ДУДКИН

**«ROMAN DOSTOEVSKIEN»
КАК НОВАТОРСКАЯ ФОРМА ЖАНРА И ТЕРМИН**

(Достоевский во Франции в первой трети XX в.)¹

Для более адекватного уяснения восприятия Достоевского французской литературой и критикой — а оно началось с 80-х гг. XIX в. — представляется целесообразным описать краткую предысторию и обратиться к XVII в., когда сформировалась и утвердилась — и не только во Франции, а во всей Европе, не исключая и Россию, — национальная традиция французской литературы. Ее основой, ее твердыней на века стал классицизм, исповедовавший парадокс реально существовавшего идеала — греко-римского искусства, которому как предзаданному образцу следовало подражать. При всей своей нормативности и даже педантической регламентации, которая стала очевидной и самим французам в начале XIX в., классицизм в своем нормотворчестве хранил в себе и самое «естество» искусства, которое так же трудно представить без меры, как картину без рамки. Правила, ограничения — это вызов и стимул к совершенству (вспомним хотя бы восхищение Пушкина Корнелем, сумевшим так ловко управиться с правилами, или отповедь Достоевского брату Михаилу, где он сравнивает Расина с Гомером, а Корнеля с «почти Шекспиром»). Но нормативность — это всегда и провокация, соблазн ее нарушить, чего взыскует и творческая индивидуальность. Тот же Корнель в «Сиде» самым вопиющим образом нарушил канон трех единств, что не в последнюю очередь вызвало вокруг «Сиды» грандиозный скандал.

Классицизм был во Франции не просто литературным направлением, пусть очень значительным, растянувшимся на беспрецедентно дол-

¹ Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности 2012–2016 гг. По избранной теме см. также: *Владимирова А. И.* Достоевский во французской литературе XX века // Достоевский в зарубежных литературах / Ред. Б. Г. Реизов. Л., 1978; *Кирнозе З. И.* Французский роман XX века (Годы 20–30-е. Проблемы жанра). Горький, 1977; *Кушкин Е. П.* Достоевский и Камю // Достоевский в зарубежных литературах; *Милешин Ю. А.* Достоевский и французские романисты первой половины XX века. Челябинск, 1984; *Подгаецкая И. Ю.* Опыт сравнительного изучения русской и французской поэтики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975; *Реизов Б. Г.* Творчество Бальзака. Л., 1939. С. 312–392.

гие два века. Он сформировал национальную специфику французского художественного мышления, основанного на парадоксе реальности идеала греко-римского искусства, к которому следовало подражать. Идеал диктовал нормы, а имманентность его требовала перемен. Константы (термин «константа» использую в том смысле, в каком он определен Ю. С. Степановым в его фундаментальном труде «Константы. Словарь русской культуры») французской культуры провоцировали их подвижность. Говоря словами Гёте, константа — это *Dauer im Wechsel*, постоянное в изменчивости, переменчивая постоянность. Верная классицистическим традициям французская литература выработала своего рода компенсаторный механизм, который особенно ярко проявился в XIX в. (особенно в конце столетия), а также и в XX в. — в поисках, экспериментах, авангардистских течениях во французской литературе.

Однако Франция, будучи культурной метрополией Европы, которую сравнивали в этом смысле с Древней Грецией, не могла отгородиться от всех зарубежных литератур. Конечно, процесс проникновения иностранных влияний тормозился цензурой «правил» и «вкуса». Отсюда и украшательные переводы, и всякого рода адаптации иностранных авторов, а также двойные стандарты в подходе к бесспорным гениям, но с французской точки зрения — никудышным художникам, «варварам». Эти критерии действовали, например, применительно к Шекспиру в XVIII в. и к Вальтеру Скотту и Достоевскому — в XIX в.

Все, что вызывало отторжение, можно суммарно обозначить одним словом — «смешение». У Шекспира это было смешение трагического и комического, у Скотта — смешение «романтического» и исторического, а также смешение интриг, сюжетных линий, связанных с вымышленным героем и историческим персонажем, иными словами, под смешением имелась в виду многоплановость повествования.

Обычно все работы о Достоевском во Франции начинаются с Мелхиора де Вогюэ, который «на серебряном подносе своего красноречия подавал железные ключи русской литературы», как образно и точно выразился Жид. А вот вклад самого Жида в понимание французами Достоевского как-то, по меньшей мере у нас, был недооценен. Но и он начинает свои анализы творчества русского писателя с Вогюэ. И оказывается в затруднении, «какое, собственно, чувство должно возобладать в тебе: благодарность ли, ибо, в конце концов, он ведь первый указал нам на Достоевского, или же раздражение, — так как... против своего желания... дает нам плачевно обедненный... образ этого необыкновенного гения»². Нетрудно понять, как для Жида разрешается это затруднение. Тем более если припомнить другие его слова: «Господин де Вогюэ, лет двадцать тому назад выступавший представителем русской литературы во Франции, по-видимому, был напуган величиной этого чудовища» (с.

² Жид А. Достоевский. Эссе. Томск, 1994. С. 8. Далее ссылки на это издание даются в тексте, с указанием страницы.

31). Это обстоятельство уже само по себе может служить достаточным основанием, чтобы сделать Жида центральной фигурой французской рецепции первой трети XX в. Но есть и другие причины. Во-первых, Жид и французские критики, а также и писатели, в роли таковых выступавшие, руководствовались общими критериями в оценке русского писателя. Главным таким критерием был — в эстетическом преломлении — архетип «своего» и «чужого», принимающий неизменно характер диалектического взаимодействия. Во-вторых, Жид оказался самым проникательным аналитиком творчества Достоевского, и не только во Франции, признавшим в русском писателе одного из «олимпийцев» мировой литературы. В-третьих, наблюдения и оценки Достоевского у Жида не утратили своей значимости и по сей день. Что, естественно, не исключает и спорности некоторых его утверждений.

Но и Вогюэ не безнадежно устарел, хотя и был «напуган». Что не помешало ему уловить в этом «чудовище» и нечто безошибочно верное. Вот что сказано в книге «Русский роман» по поводу «Бедных людей»: «Слова, которые вы читаете на бумаге, кажутся написанными не в длину, а в глубину...». И еще — о героях «Бедных людей»: «...Автор не говорит нам и тысячной доли из того, что мы знаем о них»³. А вот, пожалуй, самое главное: «Я представляю его (Достоевского. — В. Д.) живым в каком-то другом веке»⁴. У Вогюэ сказано: «dans un autre siècle». Это маленькое словцо *un* не позволяет нам сказать «в следующем столетии», то есть в XX в. Достоевский отодвинут в некое очень отдаленное будущее. Французский критик застрял на полосе неприятия современного ему французского натуралистического романа (а он был кризисным итогом развития французского романа XIX в.) и отчужденного отношения к роману Достоевского, да и к эстетике русского романа вообще, разве что с уступками по отношению к романам Тургенева и Толстого. «Этот скрупулезный анализ (характерный для русского романа, в частности Л. Толстого. — В. Д.) игнорирует или вообще пренебрегает первейшей аналитической процедурой, так естественной для французского гения: мы хотим, чтобы романист делал отбор, чтобы он выделял одного персонажа, один факт из хаоса людей и вещей, чтобы изолированно изучать объект своего выбора. Русский же, во власти всеобщей взаимосвязанности, не решается разорвать тысячи нитей, связывающих человека, его поступок, его мысль со всем подвижным, динамическим целым мира; он никогда не упускает из виду, что все взаимосвязано и взаимозависимо. Представьте себе латинянина и славянина с биноклем: первый установит его так, чтобы намеренно уменьшить поле обзора, и будет смотреть в перевернутый бинокль, где предметы будут выглядеть более мелкими, зато с более четкой резкостью; второй предпочтет максимальный обзор, когда кар-

³ Vogüé E. M., *de Vte*. Le roman russe. Paris, 1886. P. 215–216.

⁴ Ibid. P. 268.

тина будет нечеткой, но зато более объемной» (с. 314)⁵. Вот что отчуждало Вогюэ. Но даже и отсюда Жид кое-что взял, естественно на свой лад переосмыслив. Мы имеем в виду его сравнение Достоевского с Рембрандтом, которое, по-видимому, одного корня с вышеприведенной метафорой Вогюэ. Посмотрим: «Его (Достоевского. — В. Д.) главные персонажи всегда в процессе становления, они никогда не выходят вполне из окружающей их тени. Замечу здесь мимоходом, как глубоко он в этом отношении отличается от Бальзака... Бальзак рисует, как Давид; Достоевский пишет, как Рембрандт...» (с. 37), и далее: «Вы помните коротенькую фразу аббата де Сен-Реаля, фразу, которая могла бы показаться нелепой, если бы ею не воспользовался Стендаль, подведя под нее свою эпипу: „Роман — это зеркало, которое двигают вдоль дороги“. Конечно, во Франции и Англии есть множество романов, построенных согласно этой формуле... Но нет ничего более далекого от нее, чем роман Достоевского, между романом Достоевского и романами перечисленных писателей, даже романами Толстого и Стендаля, совершенно такое же различие, какое существует между картиной и панорамой. Достоевский создает картину, в которой самое важное, самое главное — распределение света. В романах Стендаля, в романах Толстого — свет постоянный, ровный... Все предметы освещены одинаково... у них нет тени. А точно так же, как на картинах Рембрандта, самое существенное в книгах Достоевского — это тень» (с. 75). Из этого высказывания видно, что Достоевский предстает у Жида сразу в трех аспектах — мировом, национальном и индивидуальном (противопоставление Достоевского и Толстого, идущее от Мережковского, к 1920-м гг. стало всеобщим достоянием литературной критики на Западе). Нас же интересует в первую очередь национальный аспект, чтобы представить себе, насколько сильным (зачастую, может быть, невольным) было сопротивление во Франции роману Достоевского, прежде чем он был оценен как новаторский и обрел даже терминологический статус во французской поэтике романа.

А как раз поэтика романа Достоевского стала камнем преткновения для сформированной классицизмом национальной литературной традиции Франции. В то же время масштаб Достоевского, вопреки авторитету Вогюэ, становился все более очевидным. Жид начинает свое первое эссе о Достоевском (1908) с таких слов:

«Огромная фигура Толстого все еще заслоняет горизонт; но подобно тому, как в горах мы, удаляясь, замечаем, что над ближайшей к нам вершиной вырастает вершина более высокая, которую скрывала от нас соседняя гора, — некоторым передовым умам, может быть, становится

⁵ Этой бинокулярной метафорой воспользуется, похоже, независимо от Вогюэ, немецкий искусствовед, автор первой на Западе книги о Достоевском-художнике (1926) Юлиус Мейер-Грефе (*Meyer-Graefe J. Dostojewski. Der Dichter. Frankfurt am Mein, 1988. S. 173*).

заметно, как за великаном-Толстым показывается и растет фигура Достоевского.

Именно он — вершина, еще наполовину скрытая от нас, таинственное средоточие горной цепи; там берут начало самые водные реки, способные в настоящее время утолять жажду, которой томится Европа. Наряду с именами Ибсена и Ницше следует назвать имя не Толстого, а Достоевского, столь же великого, как он, и, может быть, наиболее значительного из трех» (с. 7).

Нужно было что-то делать с этим «чудовищем». И французская критика избрала единственно верный путь усвоения «чужого» — уяснения в Достоевском национально особенного (или того, что ей тогда казалось национально особенным) через сравнение со своим, чтобы через притирку «своего» и «чужого» добраться до общечеловеческого. Что, в свою очередь, требовало от французов — привыкших, как древние греки, все нефранцузское считать варварским — непредвзятости, отказа от вкусовых предрассудков, короче, говоря словами Жида, «добросовестности» (с. 10). Такая «добросовестность» прочитывается, например, у Р. Роллана в его отзыве о «Войне и мире» Толстого: «... Меня смущали также некоторые особенности архитектоники романа, магическое величие которой я уяснил себе позднее: боковые входы и выходы — и оставленная открытой последняя дверь...»⁶; «Роман не имеет ни начала, ни конца, как сама жизнь»⁷. Р. Роллан объясняет такую реакцию на русский роман тем, что «в лучших французских романах... события разворачивались вокруг одного действия, одной определенной интриги»⁸.

«Специфически русским» в литературе было принято считать такие качества, как «беспорядок» (то есть «смешение»), сумеречность (то есть отсутствие важнейшего свойства французского стиля — «ясности»), «гиперболу» (то есть отсутствие «меры»), «неурядицы» (с. 269). Короче, «во всей французской литературе мы встречаем отвращение к бесформенному» (с. 83). А вот качества французской литературы — порядок, ясность, мера, кроме того что они освящены авторитетом античности, являются производными картезианского рационализма, «ибо мы, французы, ощущаем потребность прежде всего в логике» (с. 77). Это утверждение Жида вовсе не означает отказа Достоевскому в логике. Еще в конце XIX в. во Франции констатировали, что у русских писателей своя «особая», интуитивная логика. Андре Сюарес, писатель и критик, вывел такую формулу: «Стендаль — это значит всё понимать. Достоевский — это значит всё постигать». Он пояснил: «Что Запад познавал через меру, то русский постигает и улавливает чутьем. Запад нумерует, рассчитывает, он есть число и геометрия. Русский заклиняет

⁶ Литературное наследство. М., 1965. Т. 75. Кн. 1. С. 6.

⁷ Там же. С. 65.

⁸ Там же. С. 62.

и угадывает: он весь движение и музыка»⁹. Сюарес уже не стремится выдерживать дистанцию, акцентировать несовместимость Достоевского с французской литературой, а, напротив, хочет навести мосты между ними. Поэтому пусть «особая», но столь значимая для французов «логика» присутствует. Он пытается отыскать во французской словесности аналог русскому писателю в лице Паскаля и, более того, ввести его в контекст всей европейской литературы (книга Сюареса так и называется — «Три писателя. Паскаль. Ибсен. Достоевский»).

По поводу французской логики, ее издержек, стоит привести известные слова Жиды: «У нас во Франции в большой чести и в большом ходу формулы. Это один из способов „натурализации“ писателя, что дает нам возможность найти для него место в витрине. Французскому уму непременно надо знать, на чем остановиться, а потом он уже не чувствует потребности ни взглядываться, ни вдумываться. — Ницше? — Ах, да. „Сверхчеловек. Будем суровы. Жить среди опасностей“. — Толстой? — „Непротivление злу“... — А Достоевский? — Это, конечно, пущенная в оборот Вогюэ „религия страдания“» (с. 91).

Не согласимся с автором этих строк: шаблонность мышления — это примета любой, не только французской заурядности. Но их можно прочитать как иносказание французской приверженности к порядку, когда всякое нарушение четко установленных границ («чистота линий») вызывает прямо-таки аллергическую реакцию. Как пишет Жид: «...Но кажется, будто известный ряд проблем, тревог, стратегий, отношений забронирован за моралистом, богословом и поэтом и что ни к чему загромождать ими роман» (с. 35). А русские сочиняют не «интересные романы», а «трактаты по проблемам этики и нравственности»¹⁰, по пространственному мнению французской критики; причем можно было бы добавить к данному определению «трактатов» еще одно: «религиозно-философские». И тогда путаница, «смещение», столь очевидно несовместимые с французской «ясностью», предстанут во всей полноте.

И конечно, они были неприемлемы поначалу в стиле Достоевского. Но Жид уже в раннем своем эссе «Переписка Достоевского» заявил, что тот «странным образом» лишен «того псевдодостоинства, в котором он упрекал французов: красноречия». И далее, конкретно по поводу писем Достоевского: «Язык этих писем часто запутан, неловок, неправилен, и мы благодарны Г. Бинштоку (переводчику. — В. Д.) за то, что, совершенно отказавшись от искусственного изящества, он не пытался исправить эту, столь характерную, нескладность» (с. 10). Объяснение этой «нескладности» такое: «...Кажется, что мысли ложатся под его перо не одна за другой, а одновременно или что, подобно тем «ветвистым

⁹ «Постигать», в оригинале «rénêtrer», точно соответствует по смыслу глаголу «проныщать», который любил употреблять Достоевский для обозначения более глубокой формы познания, чем логическое «понимать». *Suarès A. Trois hommes. Paris, 1913. P. 279, 336.*

¹⁰ *Hennequin E. Ecrivains francisês. Paris, 1889. P. 89.*

ношам», о которых говорил Ренан, они царапают его, пока он извлекает их на свет, и за всё цепляются по дороге; отсюда — то путаное изобилие, которое, будучи обуздано, обусловит мощную сложность его романов» (с. 11). В последней фразе дан пример методологии переосмысления Жида — аналитика творчества Достоевского, где укоренившиеся представления о «некондиционности» романа Достоевского оборачиваются его новаторской стороной, открывающей перспективу обновления французского романа.

Более того, даже в своих эссе он дает урок (или мастер-класс) усвоения этого новаторства. В вводной сноске к своему циклу «Лекции в зале Vieux Colombier» он делает такое признание: «Я не считал нужным перерабатывать текст этих бесед, установленный на основании стенограммы и только кое-где мной подправленный. Я согласен, что переработка не столько придаст им большую законченность, сколько лишит их естественности» (с. 34). Естественность здесь понятие концептуальное. Жак Ривьер, писатель и критик, редактор самого крупного литературного журнала Франции начала века «Nouvelles revu française»¹¹, сгруппировавший вокруг этого журнала весь цвет французской литературы, сравнивает композицию будущего романа с прихотливо разветвленным деревом. Дерево в европейской эстетической мысли всегда было символом органичной формы. К этому образу постоянно прибегали Гёте, Шиллер, немецкие романтики, Гегель, в XX в. Брехт с его известной притчей о шарообразно подстриженном дереве. Во Франции образ дерева появляется в полемических выступлениях романтиков против «правильности» классицистической поэтики. «Гений должен быть неровным», — заявил Гюго. Далее он писал: «Дуб, это гигантское дерево, которое мы только что сравнили с Шекспиром, имеет с ним немало сходства: у него также причудливый вид, узловатые сучья, темная листва, жесткая и грубая кора, но он — дуб. И именно по этим причинам он дуб. Если же вам больше нравится гладкий ствол, прямые ветви, атласные листья — ступайте к гладкой березе»¹². (Береза здесь — образ утратившего свое естественство, окультуренной «версальской» флоры.) «Действие должно развиваться прихотливо, с остановками, ретардациями, отступлениями и т. п., как в романах Стерна, Дюма, Пруста, Достоевского. Непременное условие: роман должен быть длинным, потому что горизонты у романиста закрыты и он не знает, что существенно, а что второстепенно, материал подается без выборки, как бы имитируя естественное течение жизни»¹³.

¹¹ См. о Жаке Ривьере: *Владимирова А. И.* Проблемы романа начала 1900-х годов в переписке Алена-Фурнье и Ж. Ривьера // *Вестник ЛГУ. Сер.: История, язык, литература.* 1971. № 20; *Дудкин В. В.* Об одном высказывании из дневников Ф. Кафки о Достоевском // *Достоевский в конце XX века.* М., 1996. С. 592–595; *Beaulieu P.* Jacques Rivière. Paris, 1956. P. 100–119; *Naughton H. T.* Jacques Riviere. The development of Man and a Creed. The Hague, 1966.

¹² *Гюго В.* Собр. соч.: В 15 т. М., 1956. Т. 14. С. 129.

¹³ *Rivière J.* Nouvelles études. Paris, [sinne anno]. P. 181.

Такой поворот в рецепции Достоевского во Франции иначе чем переоценкой его творчества, и переоценкой радикальной, не назовешь. Кстати сказать, осуществлена она писателями, которые были наиболее значительными фигурами французской литературы XX в., и особую роль сыграл, как уже отмечалось, Жид.

Не случаен тот факт, что в среде творческой французской интеллигенции в конце концов пробудился интерес к «Подростку» — роману, который со времен Вогюэ котировался очень низко, как художественно слабый и рыхлый. В письме к Дю Гару от 29 декабря 1943 г. Ж. Копо сообщал, что каждый день по часу читает вслух вместе с женой «Подростка»¹⁴. На что тот отвечал, что и сам «питает слабость к роману», который не только не уступает другим романам, но в чем-то их превосходит: «Такой же содержательный, как „Идиот“ и „Братья Карамазовы“, не уступающий и „Бесам“, но более компактный, без длиннот и отступлений...»¹⁵

Ривьер познакомился с романом в 1910 г. Он делится впечатлением со своим другом Аленом-Фурнье: «Читаю „Подростка“. Это один из самых странных и прекрасных романов»¹⁶. Симптоматично, что эпитеты «странный» и «прекрасный» в этом контексте не столько исключают, сколько дополняют друг друга. Жид тоже не избежал увлечения «Подростком», назвав этот роман «бездонным»¹⁷.

Всё, что ранее через призму Вогюэ вызывало отторжение — форма, стиль, — вдруг оказалось востребованным: «то путаное изобилие, которое, будучи обуздано, обусловит мощную сложность его (Достоевского. — В. Д.) романов» (с. 7).

«Изобилие», по распространенному убеждению французов по отношению к иностранным авторам «путаное», видится «обузданным»: «Достоевский, такой упорный, такой суровый в работе, неустанно исправляющий, уничтожающий, переделывающий написанное, страницу за страницей, пока ему не удастся вложить в него этот глубокий смысл...» (с. 11). Эти слова наводят мысль на Флобера, своего рода мученика стиля. И неспроста: несколькими страницами ниже Жид сравнил Достоевского с Флобером и сделал это так, что его оценки могли бы покоробить иного французского читателя. «Как мы далеки (в случае с Достоевским. — В. Д.) от Бальзака, от его уверенности и его беззаботного несовершенства! Знал ли даже Флобер такую суровую требовательность к себе, такую жестокую борьбу, такую неистово напряженную работу? Не думаю. Его требовательность в большей мере односторонне литературна, а если его непримиримая литературная честность, если повествование о тяжелом его труде выступает на первый план в его

¹⁴ Copeau J. Du Gare R. M. Correspondance (1929–1949). Paris, 1972. T. 2. P. 695.

¹⁵ Ibid. P. 699.

¹⁶ Riviere J. et Alain-Fournier. Correspondance. 1905–1914. Paris, 1928. P. 143.

¹⁷ См. *Anglès A.* André Gide et le premier groupe de la NRF. Paris, 1978. P. 55.

письмах, то причина еще и в том, что этот самый труд его увлекает и что, не хватаясь им, он, во всяком случае, им гордится; недаром он истребил все остальное, видя в жизни „нечто столь отвратительное, что единственный способ ее переносить — избегать ее“, и, сравнивая себя с „амазонками, которые выжигали себе груди, чтобы натягивать себе лук“. Достоевский ничего в себе не истребил, у него есть жена и дети, он любит их: он не презирает жизнь... Его самоотречение во имя своего искусства, не столь заносчивое, не столь сознательное и не столь преднамеренное, тем самым более трагично и более прекрасно» (с. 16).

Термин «роман приключений» («авантюрный роман»), которым Ривьер обозначил обновленный французский роман, в ближайшей перспективе следует понимать, разумеется, не в прямом смысле, а как некую сублимированную его форму, где приключение «скорее форма романа, чем его содержание», то есть это «психологический приключенческий роман»¹⁸. До сих пор речь шла о «дереве», теперь на очередь вышло главное — его корневая система, то есть романский герой.

Как свидетельствует Жид, «больше всего ставили в упрек Достоевскому, с точки зрения нашей западной логики, я полагаю, иррациональный, нерешительный и часто почти безответственный характер его персонажей» (с. 34). Найдется достаточно подтверждений этой констатации. Сравнивая Достоевского с французскими писателями, иные критики поначалу только укреплялись в этом мнении. Ж. Дюамель находил, что «латинская» традиция психологического анализа существенно отличается от «менее линейной» и «более разветвленной психологии» у русских писателей¹⁹. Т. Визева высказывался в том же духе: «Французские писатели, несмотря на их стремление к исчерпывающей полноте, рассматривают духовную жизнь через призму философских теорий, и часто их персонажи являются всего лишь иллюстрацией какой-либо доктрины»²⁰. Герой Бальзака, как отмечает Ф. Мориак, всегда «связный», и «нет у него такого поступка, который не объяснялся бы основной чертой его характера»²¹. На повестке дня возник вопрос о необходимости «создать новую психологию, менее зависимую от классических схем»²². В этих условиях психологизм Достоевского воспринимался многими французскими писателями как образец для подражания. «Величие Достоевского состоит в том, — писал Жид, — что он никогда не подчинял изображение действительности какой-нибудь теории... Бальзак всю жизнь искал теорию страстей, и его счастье, что он ее не нашел»²³.

¹⁸ Rivière J. Nouvelles études. P. 176–177.

¹⁹ Raimond M. La crise du roman. Paris, 1966. P. 429.

²⁰ Wizeva T. Ecrivains étrangers. Paris, 1897. P. 169.

²¹ Moriak F. Le roman. Paris, [sinne anno]. P. 48.

²² Léonard A. La crise du concept de littérature en France. Paris, 1974. P. 122–123.

²³ Moutote D. Le journal d'André Gide et les problèmes du moi (1883–1925). Paris, 1968. P. 498.

И в продолжение сказанного у него же читаем: «Нет такой высокой проблемы, которая не была бы затронута в романах Достоевского. Но я сразу же должен прибавить: он никогда не касается ее абстрактно, идеи у него существуют лишь применительно к личности: этим-то обусловлена их постоянная относительность; этим же обусловлена их мощь. Например, Кириллов из „Бесов“ воздвигает целую метафизическую систему, уже содержащую в зародыше Ницше в связи с собственным самоубийством, и, слушая его, мы уже не знаем, потому ли он это думает, что должен покончить с собой, или же он должен покончить с собой потому, что он это думает, вот почему персонажи Достоевского, несмотря на всю свою насыщенность идеями, никогда не теряют, так сказать, человеческих черт и не превращаются в символы. Они также никогда не являются типами...» (с. 36). Касаясь «манеры» Достоевского «рисовать характеры своих персонажей», Жид ссылается на одну из статей Ривьера из его цикла «Приключенческий роман» (приводим цитату по тексту Жида, поскольку она прерывается его существенными комментариями):

«„Когда представление о персонаже сложилось в уме романиста, в его распоряжении есть два весьма различные способа употребить его в дело: он может или делать упор на его сложность, или же подчеркивать его связность; создаваемую им душу он может или наполнить густым мраком, или же, напротив, устранить для читателя этот мрак, описав его, он может или укрыть его тайники, или выставить их напоказ“.

Вы видите, в чем заключается мысль Жака Ривьера: французская школа обследует тайники, тогда как некоторые иностранные романисты, в особенности Достоевский, оставляют неприкосновенными и сохраняют их мрак.

„Во всяком случае, — продолжает Ривьер, — Достоевского, прежде всего, интересуют пучины души, и все его заботы направлены на то, чтоб сколько возможно создать впечатление их непостижимости <...> Мы же, напротив, столкнувшись с фактом сложности души и прилагая усилия к тому, чтобы его изобразить, инстинктивно пытаемся внести в нее порядок“.

Это уже весьма важная мысль; но Ривьер еще прибавляет:

„В случае надобности мы идем еще дальше; мы устраним кое-какие диссонансирующие черточки, мы истолковываем некоторые темные детали в смысле наиболее благоприятном для создания психологического единства <...> Совершенно ретушировать все бездны — вот идеал, к которому мы стремимся“» (с. 76).

Жид несколько тенденциозен в цитировании Ривьера, делая нажим на «мраке», чтобышний раз проиллюстрировать обнаруженную им (а потом уже и растиражированную) аналогию Достоевского с Рембрандтом. В итоге получается как-то нелогично: недостаток французских писателей Жид находит в том, что они тайники души

раскрывают, а Достоевский погружает их во мрак, причем делает это на французский манер нарочито, то есть сознательно. По Ривьеру, Достоевский приподнимет последние покровы над безднами души и видит там «абсурдность чувств», то есть иррациональные глубины, а его писатели-соотечественники эти бездны «ретушируют». В угоду «линейной психологии», надо полагать. Но дело не только в «линейности», а в принципиально иной ее сути. Жид приводит одно высказывание Ницше о психологии, которое, как он предполагает, и не без основания, противопоставляет Достоевского «множеству наших современных романистов». Например, Гонкурам («Мораль для психологов: не заниматься психологией по мелочам! Никогда не наблюдать ради наблюдения <...> Человек в известном смысле выслеживает действительность, приносит каждый вечер пригоршню раритетов»). И вот что хотел сказать Жид: «Достоевский никогда не наблюдает ради наблюдения <...> Оно также не возникает из предвзятой идеи, и вот почему оно нисколько не теоретично... Оно возникает из столкновения идеи и факта... благодаря чему самые реалистические сцены романов Достоевского вместе с тем наиболее полны психологического и нравственного смысла... Каждое произведение Достоевского — результат оплодотворения факта и идей» (с. 73–74). Лыком в строку были бы здесь слова самого писателя (породившие в последние годы очень жаркие дебаты среди ученых-достоеведов): «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человека» (27, 65). «Глубины» здесь означают не только «бездны», но и самые выси, потому что они, «глубины», суть метафора сокрытого, тайны. Пока все вглядывались в «бездны», Жид, насколько можно судить, первый во Франции обратил свой взор к небесам. «Мне сразу бросается в глаза, что во всей нашей литературе, причем я имею в виду литературу не только французскую, роман, за очень редкими исключениями, занимается лишь отношениями людей друг к другу, отношениями эмоциональными или интеллектуальными, отношениями семейными, общественными, классовыми, — но никогда, почти никогда не занимается отношениями индивидуума к самому себе или к Богу, которые здесь (у Достоевского. — *В.Д.*) первенствуют над всеми прочими <...> Чудо, осуществленное Достоевским, заключается и в том, что каждое из действующих лиц... живущих своей внутренней жизнью и носящих в себе свою особенную тайну, предстает нам во всей своей проблемной сложности...» (с. 35). Чудо еще и в том, что он ставил эти исключительные, нетипичные лица в поток «текущей» жизни, придавал им одновременно и сугубую реальность (он был вправе сказать: «Ихним реализмом — сотой доли реальных, действительно случившихся фактов не объяснишь. А мы нашим идеализмом пророчили наши факты» — 281, 329). Об органическом синтезе крайностей писал и Жид (см. выше). Ему вторил М. Пруст: этот писатель, как ему представляется, «вместо того, чтобы изображать логический ход событий, то есть

начинать с причин, преподносит нам следствие, иллюзию, которая поражает нас. Так же Достоевский поступает со своими персонажами. Их поступки кажутся нам такими же обманчивыми, как те пейзажи Эль-стира, где море как бы опрокинуто в небо»²⁴. Его герои «фантастичнее тех, кто изображен на „Ночной страже“ Рембранта». Тем не менее они в то же время и «глубоко правдивы», даже «обыкновенны», потому что в них говорит «правда человеческой души». Пруст отмечает важнейшую психологическую особенность героев Достоевского: «...Любовь и жгучая ненависть, доброта и подлость, застенчивость и наглость — это лишь разные состояния одной и той же натуры...»²⁵

Существует мнение, что влияние Достоевского на французский роман было разрушительным. В интервью в связи со 150-летием со дня рождения русского писателя А. Мальро заявил: «Французская литература, по праву или не по праву, достаточно часто — не по праву, считала себя хранительницей вечных эталонных форм. Какими бы романы ни были, они всегда равнялись на определенный образец. Если рассматривать образец с позиций французской литературы, то Достоевский посягнул на роман как на устойчивую форму и, более того, разрушил ее»²⁶.

И все же «разрушил» — это слишком сильно сказано, это гиперболы, скорее преподнес «урок». Наглядный пример «урока» выглядит так: Дю Гар в письме к Жиду рассуждает на тему, что получилось бы из романа Достоевского «Идиот», если бы этот роман написал его корреспондент. «Вы, — обращается он к Жиду, — изложили бы в ясной и лаконичной форме историю взаимоотношений Мышкина с Настасьей и Аглаей, причем князь был бы центральной фигурой. Из этого получился бы один небольшой том. Второй том был бы посвящен семейству Епанчиных с незаурядной генеральшей на первом, и генералом и дочерьми на заднем плане. Затем последовал бы этюд об обреченном на смерть имморалисте Ипполите и его неудавшейся попытке самоубийства... Я вижу примерно пять или шесть отдельных томов... Эти пять или шесть томов сделали бы Вам честь... Но я считаю, что тайна „Идиота“ кроется как раз в этом сложном сплетении разных сюжетных линий»²⁷. «Сложное сплетение разных сюжетных линий» — это как раз то, что раньше называлось путаницей, а позже Жирар обозначил метафорой дерева, его «неправильной», прихотливо-ветвистой кроны. Преимущество такой формы — в ее естественности, органичной цельности. «Тайну», о которой идет речь, раскрывает сам Достоевский в одном из писем к А. Н. Майкову, где он делится замыслом как раз романа «Идиот». Читаем: «...В общем, план создан. Мелькают в дальнейшем детали, которые очень соблазняют меня... Но целое? Но герой? Пото-

²⁴ Proust M. A la recherche du temps perdu. Paris, 1947. T. 3. P. 256.

²⁵ Ibid. P. 257.

²⁶ Wir und Dostojewskij. Eine Debatte mit H. Böll, S. Lenz, A. Malraux, H. E. Nossak geführt von M. Sperber. Hamburg, 1962. S. 88.

²⁷ Gide A., Du Gare R. M. Correspondance (1913–1934). Paris, 1968. P. 154–155.

му что целое у меня выходит в виде героя <...> Может быть, в сердце у меня не слабо сидит, но чрезвычайно труден. Во всяком случае, времени надо бы вдвое более...» (282, 241). Тут сказано главное, что есть в русском романе и в романе Достоевского (о чем и писала французская критика): сложное целое, вырастающее из героя (что принято называть антропоцентризмом русской литературы), иная, «интуитивная» логика (а как без нее обойтись?) и при этом кропотливая работа художника, огранка, отделка.

«Нужно придать нашим героям алогизм, индетерминизм, сложность живых существ...» — призывал Ф. Мориак. Он призывал своих собратьев по перу учесть «урок Достоевского». «Тот, кто глубоко воспринял урок Достоевского, уже не может придерживаться формул французского психологического романа, где человеческое существо расчерчено и упорядочено, как природа в Версале. Эти слова не нужно принимать за критику: я обожаю и Версаль, и „Принцессу Клевскую“, и „Адольфа“. Но мы не должны оставить без внимания урок, преподанный нам другой стороной»²⁸.

Появление романа Достоевского во Франции напоминало в некотором роде шок, ослепление. Критики и писатели не смогли поначалу разглядеть то общее, что связывает этот роман с романом французским, все списывалось на его «русскость». Во французской критике словосочетание «роман Достоевского» обрело статус термина, которым обозначался роман нового типа, открывающий собой эпоху возрождения жанра²⁹.

Отвечая на одну из анкет, Жид сказал: «...На мой взгляд, лучшие достижения французской литературы лежат не в области романа». Он продолжил: «Кого противопоставят иностранцы Монтеню, Паскалю, Мольеру, Боссюэ, Расину? Но... что такое Лесаж в сравнении с Филдингом или Сервантесом? Что такое аббат Прево в сравнении с Дефо, и даже что такое Бальзак рядом с Достоевским. Или, если угодно, что такое „Принцесса Клевская“ рядом с „Британиком“?» (с. 254). Насчет романа сказано предельно ясно. Но почему француз ставит своего Бальзака ниже Достоевского (который, кстати, очень высоко ценил Бальзака)? Конечно, эссеистика и специфическая художественно-философская форма Паскаля и целой плеяды так называемых моралистов — это все французское изобретение. Но не они, как представляется, главные конкуренты романа. В перечне Жида фигурируют еще Мольер и Расин. Вот где — в драме — надо полагать, реализованы еще высшие достижения французской литературы. А ведь еще Вяч. Иванов назвал роман Достоевского «романом-трагедией». Пусть Жид и не артикулировал эту

²⁸ *Moriak F. Le roman. P. 54–55.*

²⁹ В Германии появился даже терминологический неологизм для обозначения русского романа (опять же в первую очередь романа Достоевского) — «Russan». См. *Nötzel K. Einführung in den russischen Roman. Versuch einer Deutung der russischen Geistigkeit und der russischen Formgebung. München, 1920. S. 7.*

особенность романа русского писателя, но он ее выразил, поставив того выше Бальзака.

Такое отношение к «своему» было продиктовано еще и острым ощущением утраченности его самодостаточности, нехватки того, что ранее называлось варварским, а теперь оказалось востребованным. Как поясняет романист Шарль Луи Филипп, «Анатоль Франс очарователен, он все знает, все умеет выразить, он даже эрудит, и по этой причине он и принадлежит к обреченной породе писателей... теперь нужны варвары. Надо жить очень близко к Богу, не изучив его по книгам, нужно уметь видеть подлинную естественную жизнь, нужно иметь силу, даже неистовство. Время нежности и дилетантизма прошло. Начинается время страстей»³⁰. Например, как у Достоевского. Что подтверждает тот же писатель: «Я прочел „Идиота“ Достоевского. Вот это произведение первозданной силы. Общечеловеческие вопросы поднимаются здесь со страстью. Я не знаю в нашей литературе такой насыщенной силы. Иногда это безумно прекрасно. Сцена, где князь Мышкин рассказывает о своих занятиях с детьми в Швейцарии, описание его эмоционального состояния перед первым припадком эпилепсии, его встреча с Рогожиным и последняя глава — все это вещи чудовищно грандиозные. А его персонажи, такие простые и в то же время такие сложные»³¹.

Жид, со ссылкой на английского экономиста Д. Рикардо (1772–1823), дает объяснение «варварству» через почвенную аналогию: «Культура — это такая земля, на которую направлены „первоначальные усилия человека“, земля „отнюдь не самая лучшая“... Это участки, расположенные на возвышенных плато (мне приходит на ум ваша „высокая“ литература)... с которым легко справляется плуг (или перо). Другие участки, плодородные, расположенные в низинах, будут замечены человеком позже... Эта земля в диком состоянии, покрытая буйной растительностью... Леса, разросшиеся и темные, где сплетение ветвей задерживает продвижение пионера (или француза, читающего русский роман. — В. Д.)» (с. 192–193).

Не потому ли Жид сочинил настоящий панегирик влиянию — небольшое эссе под названием «О влиянии в литературе». Там он часто ссылается на Гёте. Открытые литературы, как немецкая или русская, не видели во влиянии, даже в подражании, ничего зазорного (Пушкин видел в подражании необходимый этап в становлении художника, а Т. Манн придумал даже парадоксальное «оригинальное подражание»). Интертекстуальность же Достоевского — факт общепризнанный).

Влияния необходимы и плодотворны, потому что они раскрывают «некоторую часть моего Я, еще не известную мне самому; они лишь послужили для меня объяснением... меня самого». И еще: «...Влияние действует по сходству» (с. 175). Сходство здесь означает, что запрос

³⁰ Цит. по: Жид А. Достоевский. Эссе. С. 220.

³¹ *Philippe Ch. L. L'ètrange de jeunesse*. Paris, 1911. P. 64.

своей собственной культуры есть уже в культуре другой. Поэтому, как бы ни был востребован Достоевский, никто не посягает на авторитет «Принцессы Клевской». И неудивительно, что самый глубокий аналитик и поклонник Достоевского, Жид, считал его «гением, столь чуждым нам, — несмотря на всю тайную близость, которую мы можем открыть в глубочайшей человечности всего его творчества (sic! — *В. Д.*)» (с. 54). Здесь заключена вся компаративистика *in puse*.

В формулировке Ф. Мориака это выглядит так: «обогащать французский роман достижениями иностранных мастеров, англосаксонских и русских, в особенности же Достоевского», но, с другой стороны, не пренебрегать и национальными традициями французского романа³². «Лучшие из нас, — писал он далее, — в большей или меньшей степени сознательно стремятся достичь согласия французского порядка и русской сложности»³³. Эту мысль подтвердил в афористической форме А. Камю: «Открыть безмерное в мере»³⁴.

³² *Moriak F.* Le roman. P. 54–55.

³³ *Ibid.* P. 65.

³⁴ *Camus A.* Carnets mai 1935 — fevrier 1942. Paris, 1962. P. 106.

К. СИТАР

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: ВОСПРИЯТИЕ ДОСТОЕВСКОГО В ВЕНГРИИ

(по страницам журнала «Нюгат»)¹

Первый значительный подъем интереса к творчеству Достоевского в Венгрии пришелся на первую половину XX в. Творчество Достоевского обращало на себя неустанное внимание венгерских авторов (в одинаковой мере — прозаиков, поэтов, критиков и эссеистов) в период, названный позже «эпохой журнала *Nyugat*». Венгерская литературная общественность воспринимала творческое наследие русского романиста как новое явление и в истории жанра романа, и в истории мысли. При этом признавалась не только оригинальность, но и совершенная актуальность русского писателя. Достоевский, в определенном смысле, оказался проводником эстетики модернизма: его необычное художественное видение и исходящая из него онтология, в которых он превзошел не только психологизм и социологизм XIX в., но и, кажется, экзистенциализм XX в., оказались близки модернистской модели мышления. Хотя переводы его произведений существовали и раньше, с конца XIX в., но настоящее понимание, глубокое осмысление произведений Достоевского, несомненно, начались с публикаций, можно даже сказать, «в мастерской» журнала «Нюгат»². Журнал «Нюгат» (1908–1941), тематически связанный с вопросами литературы, критики и изобразительного искусства, был ведущим литературно-критическим изданием Венгрии первой половины XX в., занимающим важное место в литературной и общественной жизни Венгрии, вплоть до наших дней. Название «*Nyugat*» (Запад) указывает на издательскую политику журнала — особое внимание уделялось художественным и философским достижениям Европы, не отказываясь от своих национальных культурных и научных традиций.

Такая установка во многом определялась географическим положением страны, находящейся в центре континента, ее пограничным положением между Востоком и Западом. Отсюда вытекает стремление к усвоению важнейших достижений западной и восточной культур,

¹ Исследование осуществлено в рамках программы им. Яноша Бойаи Венгерской Научной Академии (ВО/00508/10/1).

² Библиографию венгерских переводов произведений Достоевского см.: *Lengyel J. Dosztojevskij-művek és -irodalom magyarul. Szovjet Irodalom. 1981. N 12. P. 181–192.*

осмыслению их в контексте оригинальных форм национального мышления и художественных традиций. В рамках этих интенций особое внимание уделялось русской литературе, и, можно утверждать, в большей степени именно благодаря Достоевскому.

Достоевский стал важным автором для венгерских «западников», вероятно, по причине того, что в нем было обнаружено оригинальное восприятие мира и человека — такое, которое заставило его читателей заново переосмыслить почти всю философскую, психологическую и литературную традицию и предположения XX века. Даже при несопадении взглядов и точек зрения, Достоевский воспринимался разными авторами не только как новатор, предложивший небывалую ранее форму повествования, но как инициатор совершенно нового осмысления человеческого явления, представитель, можно сказать, романной антропологии.

Осмысление творческого наследия Достоевского на страницах журнала «Нюгат» обрело особую значимость — как *русское явление*, как архетип «*восточной*» модели мышления. Сообщество венгерских модернистов обращалось к творчеству писателя с различных позиций, и в дальнейшем мы постараемся подразделить их на определенные типы, образующие в целом вышеупомянутую поэтическую антропологию Достоевского.

Событийная мысль — «мистицизм» Достоевского

Достоевский волновал венгерскую публику в первую очередь тем, что мы называем его «мистицизмом». Как и Мережковский, а также Толстой и Тютчев, он чаще всего считался в Венгрии представителем «русского мессианизма»³. Следует отметить позицию венгерского романиста и эссеиста Аладара Кунца как наиболее содержательное и обоснованное, отчасти авторское восприятие этого феномена⁴. «Мистицизм» Кунц называл особым «методом мышления», полагая, что понять это явление невозможно в рамках иррационального модуса, ибо такого рода мистицизм отнюдь не является отказом от мышления. Наоборот, он видел в нем скорее вариант христианской мистики и определил его как «образную насыщенность мыслей», как праформу мышления. Мистический облик мысли, согласно Кунцу, не что иное, как незавершенная и неразвернутая мысль, зачаток мысли, который все-таки существует как значение, опережающее артикуляцию: «всякий мистицизм есть протоформа жизни мыслей, образная насыщенность мыслей»⁵.

³ *Bonkáló S. Az orosz messiánizmus // Nyugat. 1925. N 7. P. 373–376.*

⁴ *Kunecz A. Dosztojevszkij miszticizmusa // Nyugat. 1924. N 2. P. 137–142.*

⁵ «...Minden miszticizmus a gondolatoknak őskélete, a gondolatoknak érzéki teljessége» (Ibid. P. 139).

Таким пониманием мистицизма освещается и распространенное на страницах журнала «Нюгат» противопоставление «западного» и «восточного» способа осознания реальности. Западный («европейский») тип мировосприятия Аладар Кунц охарактеризовал доминированием интеллектуальности, разумности и систематичности, склонности к анализу. Мистицизм соотносится у него с природой восточного мышления, а именно с той доминантой прозы Достоевского, которую венгерский эссеист называет «событийной мыслью»⁶. Что это значит? Если «западный» тип восприятия мира строит чисто интеллектуальные конструкции, то «восточный» ориентирован на бытийный план. Причисляя венгерскую философско-эстетическую традицию к западному типу, Аладар Кунц приходит к заключению, что «мы даже уже не думаем»⁷, другими словами, не задаемся вопросом о смысле своего существования или, философствуя, задаемся только второстепенными вопросами. «Чувственное восприятие» («образная насыщенность мысли») подразумевает для него понимание человека не в качестве абстрактного субъекта, но как бытийно существовавшего, живущего не только в своей индивидуальной жизни, но и в Мироздании. Роман-воспоминание Кунца «Черный монастырь» («A fekete kolostor») близок по тональности «Запискам из Мертвого дома» Достоевского⁸ именно тем, что Кунц применил свой поэтический метод для воспроизведения такого типа мировосприятия, отношения между человеком и окружающим его миром.

Русский мистицизм Кунц считал принадлежащим к культурной традиции Востока, которая характеризуется своеобразием мысли, обращенной в действие, принципиальной *незавершенностью процесса мышления*. Мысль находится в состоянии вызревания и формирования, следовательно, характеризуется большей продуктивностью, чем в рамках западноевропейского рационализма. Сопутствующее русской художественно-философской модели духовное движение он называл «мистическим волнением», считая, что именно здесь проявляется бытийный характер «русского мистицизма»: «Мы на Западе живем среди последних волн больших культурных тенденций. Но в России все еще продолжается мистическое волнение»⁹. Кунц считает, что это

⁶ «Eseményes gondolat» (Ibid. P. 139).

⁷ Ibid. P. 139.

⁸ Ведущий литературный критик журнала «Nyugat» Аладар Шефлин нашел следующее соотношение между русским и венгерским романом: «Этот пафос без пафоса есть исключительное явление в литературных произведениях о тюремной жизни. Лишь в „Мертвом доме“ Достоевского мы находим это в подобной полноте. Книгу Аладара Кунца нужно не сопоставлять с этой книгой, но ставить рядом с ней» («Ez a páthosztalan páthosz egészen kivételes a börtön-irodalomban. Csak Dosztojevskij halottas házában van meg ilyen teljességgel. Ezzel a könyvvel a Kuncz Aladárét nem összehasonlíthatni kel, hanem mellé állítani»). — *Schöpflin A. Fekete kolostor. Kuncz Aladáról és könyvéről* // Nyugat. 1931. N 12. P. 824).

⁹ «Mi Nyugaton a nagy kulturális áramlatoknak már csak utolsó hullámveréseit éljük. Oroszországban azonban még tart a misztikus forrongás» (*Kuncz A. Dosztojevskij miszticizmus*. P. 139).

в значительной мере есть следствие образности мышления русской духовности, «чувственного восприятия» образа Христа как телесно воплощенной идеи, полноты бытия, лишенного отвлеченности. Можно определить это состояние как наличную действительность веры.

Сострадающий вольтерьянец

«Записки из Мертвого дома» нередко фигурируют в венгерских работах о творчестве Достоевского в качестве материала для выявления субъективного начала в поэтике его произведений. Известный эссеист Дьёрдь Шаркози называл это произведение «искренними записками, наподобие Августина»¹⁰. Шаркози выделил преступление как основную тему и скорбь — как основную диспозицию у Достоевского, и считал, что из этой боли преступника, за себя и за других, вырастают характеры героев всех романов Достоевского. Аурель Карпати, театральный критик и театровед, автор введения к новому переводу «Записок из Мертвого дома»¹¹, говорит о том же, но специфику мировоззрения Достоевского переносит на проблему художественно-поэтического языка, тем самым отличая метод Достоевского от традиций западноевропейского реализма и натурализма¹². В сострадании, возведенном в ранг миропонимания, он находит отличительное свойство поэтики Достоевского, например в сравнении с братьями Гонкур, Золя и Флобером, которые «сухо констатировали» человеческое ничтожество¹³.

Авторы журнала «Нюгат» заметили, что сострадание и вольтерьянство не столь далеки друг от друга. «Восточность» Достоевского, видимо, соединяет несоединимое: рационализм Запада и склонность к состраданию Востока. Достоевский воспринимался и как «русский вольтерьянец», благодаря известной связи диалектики Ивана Карамазова с вольтерьянским образом мысли¹⁴. Переводчик

¹⁰ *Sárközi G. Emlékiratok a holtak házából // Nyugat. 1923. N 22. P. 530–531.*

¹¹ В переводе Эндре Сабо; см.: *Emlékiratok a holtak házából. / Ford. Szabó Endre. Bevez. Kárpáti Aurél, Révai, 1923* (более ранний перевод: *Egy halottas-ház emlékiratai / Ford. Timkó Iván. Athenaeum, 1897.*)

¹² *Kárpáti A. Visszaemlékezések a halottak házából // Nyugat. 1923. N 9. P. 629–634.* Ср.: «„Записки“ похожи на богатый альбом для эскизов, это собрание сотен характеров» («„A Visszaemlékezések“ olyan, mint egy gazdag vázlatkönyv, száz és száz karakter-fej gyűjteménye»). — *Ibid. P. 633.*

¹³ В подобном смысле высказался и Лайош Кашшак, опубликовавший ряд статей в журнале «Нюгат», но одновременно находившийся в оппозиции к принятым в редакции журнала эстетическим взглядам. На основе «Записок из Мертвого дома» этот лидер венгерского авангарда глубоко осознал значение традиции в формировании авторской личности и назвал Достоевского (народной) «стихией», противопоставляя его «западному» Тургеневу (*Kassák L. Egyszerű gondolatok Dosztojevszkijről // Pesti Napló. 1936. Dec. 25.*)

¹⁴ Ср.: *Достоевский Ф. М. Об искусстве. М., 1973. С. 535–536.*

полного собрания произведений Достоевского на венгерский язык, запланированного издательством братьев Рэваи («Révai testvérek»), Эндре Сабо, обнаружил следы именно такого влияния произведений Вольтера на Достоевского¹⁵. Но далее выясняется, что для романиста важнее оказался не рационализм французского философа как таковой, а скорее фундаментальные основания для рационализма, подготовленные им же, то есть Вольтером, который написал «крупнейший протест в мировой литературе против трагедии человеческой судьбы» в своем «Кандиде» и в «Поэме о Лиссабонской катастрофе»¹⁶. Эндре Сабо ссылается на тексты Достоевского в связи с вопросом о «страстной вере» Вольтера, заявленной в его произведении¹⁷. Далее, Эндре Сабо назначает и «Histoire de Jenny» Вольтера как непосредственный источник «поэмы» Ивана в романе «Братья Карамазовы», относительно проблемы понимания человеком отношения добра и зла. Явление, которое Эндре Сабо называл «русским вольтерьянством», может быть интерпретировано не столько влиянием рационализма или атеизма Вольтера на Достоевского, сколько романной их критикой или переводом идеологии Просвещения в христологию.

В пределах темы о соотношении «восточной» и «западной» ментальных моделей становится актуальным вопрос о том, как влиял Достоевский на одного из самых выдающихся представителей «нового рационализма» в литературе венгерского модернизма — Фридеша Каринти, автора юморесок и пародий, фантастических сатирических новелл и повестей и, между прочим, венгерского переводчика Дж. Свифта. В своей новелле «Слезы»¹⁸ Каринти поставил проблему соотносительности и связи между наслаждением и страданием, ссылаясь в своем повествовании на Достоевского. Само возникновение слез трактуется в наррации как пребывание в пороговой ситуации, на границе физического и метафизического существования человека, как биофизический симптом духовной жизни. Поэтому мотив слез определяется в его новелле как репрезентация характерной для начала XX в. темы границы человеческого познания. Им ставится вопрос: существует ли возможность преодолеть известную ограниченность естественнонаучного описания феномена человека?

¹⁵ Szabó E. Voltaire és Dosztojevskij // Nyugat. 1921. N 21. P. 1591–1596. Перевод Эндре Сабо появился в 1922 г. (*Dosztojevskij. A Karamazov testvérek* / Ford. Szabó Endre, bev. Földi Mihály. Вр., 1922., 1929.).

¹⁶ «Candide nemcsak nem a szenvedések mentegetése és igazolása, hanem a világirodalomban a leghatalmasabb tiltakozás az emberi sors tragédiája ellen» («Кандид — не просто не оправдание или апология страданий, а самый мощный в мировой литературе протест против трагичности человеческого существования»). — Ibid. P. 1593).

¹⁷ «Ezért beszél Dosztojevskij is a Voltaire „szenvedelmes hitéről” (sztrásztnájá vjéz[r]a)» («Поэтому и Достоевский говорит о „страстной вере” Вольтера»). — Ibid. P. 1594).

¹⁸ Karinthy F. A könnyek // Nyugat. 1910. N 21. P. 1487–1495.

Поэзия поступка и роман модернизма

Итак, «мистицизм» Достоевского объяснялся в журнале «Нюгат» в качестве антитезы западному рационализму. Бела М. Погань¹⁹ распространял этот антирационализм на художественный метод писателя, считая русского прозаика «синтетическим» писателем, в противоположность «аналитическому» методу, например Стендаля: «Достоевский ведь не объясняет, что бы вышло, если бы ему хотелось проанализировать всякую непоследовательность своих героев!»²⁰ Отсутствие анализа, рационализирующего подхода в повествовании у Достоевского он объясняет связанностью сюжетного действия и характера героя: «Поступки и слова не то что характерны для них, а есть они сами»²¹. Предполагающееся изначальное единство завершённого действия и человека, субъекта и поступка, а к тому же радикальная необыкновенность этого поступка как бы деконструирует сюжетное повествование, разрушает понимание поступка как элемента причинно-следственного ряда действия. «Нормой» в романе признается поступок неожиданный и, так сказать, «беспричинный». Именно этот прием *acte gratuit* благодаря Андре Жиду освоил французский роман²².

Тут мы видим развертывание нового, введенного Достоевским смысла понятия «*поступка*». Бела Балаш, известный венгерский драматург, теоретик литературы и кино²³, четко обнаружил сущность новаторства этого понимания: «Искусство — не что иное, как совершение, и каждое душевное переживание проблематично, пока оно не находит выражающего его поступка. Великие поэты умели найти новое слово для нового переживания, и великие романисты, как например Достоевский, подбирают новые поступки для выражения новых душевных событий»²⁴. Бела Балаш, по всей видимости, понимал поступок у До-

¹⁹ Pogány B. Dosztojevszki («Karamazov testvérek») // Nyugat. 1923. N 10. P. 696–702.

²⁰ «Dosztojevszki nem magyaráz, hiszen mi lenne, ha analizálná akarná hősei minden következtetését!» (Ibid. P. 700).

²¹ «A tettek és szavak nem hogy jellemzők rájuk, hanem ők maguk» (Ibid.).

²² Достоевский сопоставляется с Андре Жидом в связи с методом изображения признаков действия персонажа: «A művészet, mint Gide mondja, „gratuit”. Vagyis az ő problémája elsősorban esztétikai volt, olyannyira, hogy szinte merőben új kifejezési eszközöket, új stílust követel» («Искусство, как говорит Жид, „gratuit”. Это значит, свою проблему он сформулировал эстетически, в той мере, что он требовал совершенно новые приемы, новый стиль». — Várkonyi N. André Gide: Meztelen // Nyugat. 1926. N 5. P. 461).

²³ Ему также принадлежат работы об искусстве кино, например, книга «Видимый человек», написанная на немецком языке в 1924 г. и изданная на русском в 1925 г. (Балаш Б. Видимый человек: Очерки драматургии фильма / Пер. с нем. К. И. Шутко. М., 1925. 88 с.). Венгерская версия («A látható ember») была опубликована в 1958 г.

²⁴ Balázs B. Emil Alphons Reinhardt: Das Abenteuer im Geiste (S. Fischer. Berlin, 1917) // Nyugat. 1917. N 15. P. 247–248. «Művészet annyi, mint megvalósítás és etikailag is problematikus minden lelki élmény, míg kifejező tettet meg nem találja. Nagy költők az új érzésre, amire szó eddig nem volt, új szót tudnak csinálni és nagy regényírók, teszem Dosztojevszky új tetteket találnak új lelki események kifejezésére» (Ibid. P. 248).

стоевского как *модус субъектного присутствия* (а не как сюжетный элемент, социальную или индивидуальную саморепрезентацию, не как «норму», даже не как «девиацию»). Поступок он считал не выражением, а обоснованием субъектности, формой присутствия, опережающей его понятийную обработку, самосознание.

В связи с этим нужно сослаться на другое эссе Балаша²⁵, в котором он прямо называл Достоевского «отцом» литературы модернизма. По мнению Балаша, возобновление жанра завершилось резким переворотом в общественном понимании функции литературы (и вообще искусства), что означало отрицание эстетического и введение экзистенциального начала. Он приписывает Достоевскому роль инициатора в этом процессе: «Право искусства на существование, начиная с Достоевского, состоит именно в том, что оно не есть частное дело эстетиков, а в том, что оно показывает более глубокую и настоящую действительность, чем факты, видимые на поверхности жизни, и чем научная истина»²⁶. Бела Балаш указывает на Ф. Шиллера и Э. Т. А. Гофмана как на предшественников Достоевского в отношении обновления жанра. Пафос Шиллера при этом он считает не идеализмом, а наоборот, новым истоком познания, проникновения сквозь созерцательные формы повседневных эвиденций²⁷. А фантастическую поэзию «сказок» Гофмана оценивает как противовес модернистскому натурализму, в конечном счете также искажающему действительность посредством стилизации.

В своей методологии Бела Балаш отчасти оказался последователем концепции, изложенной Дьёрдем Лукачем в его теории романа, но лишь в той ее части, которая касается новаторского места Достоевского в истории жанра²⁸. Более важными выглядят расхождения во мнениях двух венгерских критиков. Лукач определил роман Достоевского как знак одновременного распада и обновления жанровой формы, завершением которой был роман Льва Толстого. Роман Достоевского он оценивал как зачаток эпопеи нового времени. Из этого стало видно, что Лукач, по существу, не умел разместить роман Достоевского в пределах

²⁵ Balázs B. Dosztojevcszkij — évfordulóra // Balázs B. Válogatott cikkek és tanulmányok. Bp., 1968. P. 103–107. (Первое изд.: Tüz, Pozsony, 1922. Április–május.)

²⁶ «A művészet létjogosultsága Dosztojevcszkij óta éppen az, hogy nem esztéták magánügye, hanem hogy mélyebb és valószínűbb valóságot mutat az élet felszínén látható tényeknél és a tudományok igazságainál is» (Ibid. P. 103–104).

²⁷ «A hétköznapi élet szürke tényeinek kérge olyan vastagon takarja az igazi valóságot, hogy azon éles megfigyelés vagy fantázia keresztül nem hatolhattak volna. A schillerei lélek „hétköznapot“ nem ismerő szilaj lángja fűrhatott csak utat ezen keresztül» («Кора безразличных фактов повседневности так плоско покрывает настоящую действительность, что ни острым взглядом, ни фантазией ее нельзя проникать. Сквозь эту преграду смогло пройти только необузданное пламя шиллеровского духа, не знающего „повседневности“». — Ibid. P. 105).

²⁸ Lukács G. A régény elmélete // A heidelbergi művészettfilozófia és esztétika. A régény elmélete. Magv., 1975. P. 486–593.

своего теоретического поля, ибо Достоевский не восстановил парадигму эпоса (как «замкнутого мировоззрения») и не продолжил традицию аналитического романа XIX в. Бела Балаш, как кажется, выбрал другой путь, точнее, иную теоретическую основу, утверждая, что роман — как эстетическая форма — у Достоевского пережил свой конец и переродился как *форма экзистенции*. Это совпадает с современным для Балаша пониманием романа, поэтому он считал Достоевского первым романистом модернизма. И еще одно существенное различие, вытекающее из отмеченного ранее: если Лукач возвел роман Достоевского в ранг философии, то Балаш, как и ряд других критиков, видел в нем художественную альтернативу философской мысли в Европе. Не только философской, но и идеологической. Именно это помогло венгерской публике заново осмыслить художественный образ «лишнего человека». Известный филолог Дьюла Лазициус назвал образ Ставрогина в романе «Бесы» «единственной жертвой» идеологической борьбы. Ставрогин, согласно его интерпретации, интересен тем, что манифестирует новое, особое, неординарное воплощение литературного типа «лишнего человека»²⁹. Его образ отличается от Онегина и Рудина тем, что является собой жертву не столько либерального идеализма, сколько неверия в Бога. Поэтому образ Ставрогина интерпретируется не в идеологическом, но в религиозно-философском аспекте. Ставрогина он видит смысловым центром романа: «он есть ключ для понимания других»³⁰.

Реализм тоски

Венгерский перевод «Петербургских сновидений в стихах и прозе» впервые появился в журнале «Нюгат» в переводе Михая Фёльди³¹. В приложенной к переводу статье, посвященной вопросам психологизма писателя³², он приходит к интересному определению сущности «реализма» Достоевского. Исходя из развитой им концепции «психологизма» — «реализм тоски», — Михай Фёльди обнаруживает отличительные черты писательского метода Достоевского. Сопоставляя его с Диккенсом, Флобером и Стендалем, он приходит к заключению, что для западноевропейского реализма было характерно изображение внутреннего мира человека, исходя из условий его социального окружения, у Достоевского всё происходит наоборот: «...Всё проясняется изнутри, всё у него проистекает из внутреннего, сокровенного ядра. У других писателей-реали-

²⁹ *Lazicius G. Sztavrogin az «Ördögösök»-ben // Nyugat. 1927. N 14. P. 141–145.*

³⁰ «Sztavrogin a középpont. <...> Ő a kulcsa a többiek megértésének» (Ibid. P. 145).

³¹ *Dosztojevszkij. Pétervári álmok // Nyugat. 1919. N 2. P. 136–145.*

³² *Földi M. Dosztojevszkij lélektana // Nyugat. 1924. N 8–9. P. 641–657.* Предисловие переводчика к тому Собрания сочинений Достоевского, содержащему роман «Игрок»: *Dosztojevszkij összes munkái. V. 1. A játékos / Földi Mihály bevezető tanulmányával. Ford. Szabó Endre. Révai, Budapest, 159 p.*

стов образ человека находится на пленэре, автор стремится высветить его со всех сторон. У Достоевского сердце человека светит, подобно направленному рефлектору»³³. Михай Фёльди аргументирует это тем, что особый «реализм» Достоевского не является, по сути, «настоящим реализмом», в традиционном смысле этого слова, обозначающего реальное отображение действительности и свойственного западноевропейскому роману. Тем не менее образы Достоевского совершенно «реальные» в смысле правдивости их основного экзистенциального чувства сострадания — «боли» (*fájdalom*), сопровождающей каждую их мысль, каждое слово и каждый поступок. Речь идет об истолковании интенции этого чувства, о проявлении «тоски по текущему» как основной, можно сказать, «диспозиции» героев Достоевского. Ее, конечно, нельзя свести к медико-психологическому представлению о боли еще и потому, что слово *тоска* в русском языке семантически не покрывает эту эмоцию.

Указание на боль как на мотив поступка и фактор формирования образов героев свидетельствует о том, что автор статьи на самом деле пытался преодолеть метод эмпирического психологизма в объяснении реализма Достоевского, выросшего из его онтологии. Согласно этой философской модели, модус писания определяется модусом субъективного присутствия человека в мире — его участием в бытии, а не социальным или психологическим или идеологическим статусом. Однако тут возникает новая проблема, на которую позже даст ответ поэтика романа, еще недостаточно разработанная в то время (в первой половине XX в.) в венгерском литературоведении и ставшая актуальным направлением в венгерской русистике наших дней. Тем не менее идея Фёльди была для своего времени оригинальна, вполне справедливо указывая на существенное отличие «реализма в высшем смысле» от традиционного реалистического романа XIX в.

Лиризм и гротеск — подход Дежё Костолани

Своеобразную интерпретацию поэтической формы произведений Достоевского дал выдающийся писатель и критик венгерского модернизма Дежё Костолани³⁴. Специфика его понимания заключается

³³ «Dosztojevszkijnél minden belülről világosodik meg, egy belső, rejtett magból él nála minden. Más realista írónál nagyrészt plein airben állnak az alakok, mert az író igyekszik lehetőleg minden oldalról megvilágítani mindent, Dosztojevszkijnél az emberek szíve világít, mint egy éles reflektor» (Ibid. P. 656).

³⁴ О влиянии Достоевского на Дежё Костолани см.: *Zágonyi E. Kosztolányi és az orosz klasszikusok. Dosztojevszkij-értelmezései // Zágonyi E. Kosztolányi és az orosz irodalom. Akadémiai k., Bp., 1990. P. 46–75.* E. Загони указывает, что «Преступление и наказание» Достоевского сравнивается с «Гамлетом» Шекспира в русле вопроса об этико-онтологической ценности поступка. В своем анализе театральной постановки этого произведения (*Kosztolányi D. Raszkolnyikov. Dráma négy felvonásban // Budapesti Napló. 1907.*

в том, что мировоззрение Достоевского он связал не с его философскими взглядами, но с *поэтической формой*. Обостренное чувство художественной формы у Достоевского, по его мнению, проявляется и в особой лиричности его нарратива, и – с другой стороны – в форматах трагикомического гротеска. Об этом лирическом аспекте, найденном в художественной форме Достоевского, Костолани говорил в статье о Райнере Марии Рильке, сравнивая творческий метод австрийского (вернее, моравского) поэта с поэтическим кредо Достоевского, поэтически осмысленными темами покорности и смирения³⁵. Сопоставляя творчество Рильке с творчеством Гончарова и Достоевского, Костолани выявляет так называемую «славянскую» духовность — этический комплекс «служения» как особой модели бытийного самоопределения. Отсюда становится ясно, что «служение» соотносится не с социальным бытием, но с поэтической онтологией: «Даже может быть, это безграничное смирение уже не просто рабское, это фанатичное коленопреклонение, этот мазохизм чувств»³⁶. Во всем этом Костолани уловил один из ключевых мотивов Достоевского: стремление героя припасть к земле, ситуацию молитвы, личного обращения к Богу и к миру в целом. Костолани это называл сферой самопожертвования, дароприношения и покорности³⁷. Мотив служения в произведениях Достоевского, наполненный автопоэтической семантикой, в равной степени, в художественной и онтологической интерпретациях, был неизмеримо важен для Костолани. «Служение» как максимум бытия, по мнению Костолани, характеризует определенный круг персонажей Достоевского: служанку, няню, раба, учителя, художника. Признаком этого специфического «служения» является тотальная приверженность определенной идее, а служение как действие представляет собой экзистенциальную ситуацию полной подчиненности перед абсолютном. Служение всегда символично и связано с моментом понимания и зачатия художественного текста, в том числе и лирического. Жестовым обозначением этого мотива, согласно Костолани, является поклон, припадание к земле, молитва (ситуация обращения к Творцу и его творению). Тем самым исследователем был поставлен вопрос о влиянии на Достоевского в области формирования этого знака символики архетипического типа — мифа о сакральном прикосновении к земле и приближении к основам бытия. Но мотив у Костолани, как и у самого Достоевского, явно связан с автономным и знаковым пове-

N 8. 30 okt.) Костолани опирался на мнение Шандора Хевеши (Sándor Hevesi), крупного венгерского режиссера и драматурга, что «не поступки следуют друг за другом, а Поступок, как в „Гамлете“» («Nem tettek sorakoznak egymás után, hanem a Tett, akárcsak a Hamletben»). — *Zágonyi E. Kosztolányi...* P. 47–48).

³⁵ *Kosztolányi D. Rilke // Nyugat. 1909. N 18. P. 301–313.*

³⁶ «Már talán nem is szolgai ez a határtalan alázat, ez a fanatikus térdre-bukás, ez az érzés mazochizmus» (Ibid. P. 302).

³⁷ «Az odaadás, felajánlás és alázat egy világa áll előttünk» (Ibid.).

дением, выявлением «энергии смирения»³⁸, и у Костолани — с рождением текста. Если вспомнить, что написал Михай Фёльди о реализме Достоевского, можно утверждать: пресловутый «реализм тоски» Костолани обратил в «поэзию служения».

Костолани дал детальное описание *метафоризации поступка*, «служения» как словесного индекса «смирения» в романной модели освоения субъектного статуса. Тем самым к важной теме специфики художественной антропологии Достоевского он добавил вопрос о художественном *текстообразовании*. В такой интерпретации онтологии поступка (служения) персонажей Достоевского нетрудно заметить другой — не психологический, но чисто поэтический — аспект «тоски». Ибо мотивы служения, тяготения к земле, к основам бытия свидетельствуют о пока еще латентно действующей воле субъекта к преодолению состояния пленения болью и страданием, а также о сюжетном обозначении этого события, например в форме молитвы, вовлеченности в определенную религиозную конфессию или падения на землю.

Концепция Дежё Костолани не исчерпывается открытием лирического начала у Достоевского. Возможно, он один в кругу журнала «Нюгат» ясно видел и противоположную сторону творческого мышления русского романиста: *поэзию гротеска*. Этот аспект он развернул в статье, написанной о повести «Село Степанчиково и его обитатели»³⁹. Гротеск, по мнению Костолани, также входит в поэтическую антропологию Достоевского. Образ Фомы Опискина венгерский писатель определил как вариант «русского Тартюфа» и дал оригинальную интерпретацию не только извращенного этического статуса самой личности Опискина, но и извращенного принятия его окружающими людьми, — речь идет о спрятанном гротеске внешне «нормального» мира, амбивалентного «мира, вывороченного наизнанку», как это определил М. М. Бахтин⁴⁰. Интерпретируя образ Фомы Фомича Опискина как «приживальщика-шута» и «карнавального короля», а также говоря о пародийном характере повествования, Костолани в определенном смысле опередил известную бахтинскую концепцию «карнавала».

Гротеск и ирония также не чужды Костолани, напротив, являются антиподами лиризма. Согласно мнению Бахтина, карнавальный гротеск Достоевского, в некотором отношении, получил импульс

³⁸ Служение в вышеуказанном смысле является основной темой романа Костолани «Анна Эдеш». Ср.: *Szítár K. A prózanyelv Kosztolányinál. Eötvös Loránd Tudományegyetem, Budapest, 2000. P. 151–168.*

³⁹ *Kosztolányi D. Sztjepancsikovo és lakosai // Nyugat. 1921. N 1. P. 82–84.*

⁴⁰ «Поэтому и вся жизнь в селе Степанчикове приобретает ярко выраженный карнавальный характер. Это жизнь, вышедшая из своей нормальной колеи, почти „мир наизнанку“» (*Бахтин М. М. Жанровые и сюжетно-композиционные особенности произведений Достоевского // Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. С. 219.*)

со стороны литературы Ренессанса⁴¹. Отношение Костолани к гротеску в произведениях Достоевского мы также должны считать автопоэтическим явлением, у него это проявлялось как *ироническая интонация* повествования. Не следует забывать, что Костолани трактовал проблему иначе, чем Бахтин: в первую очередь, идентифицировал проблему не в культурологическом аспекте, но в аспекте писательского праксиса. Образ Фомы Фомича окрашен в равной степени и иронией, и трагизмом, речь идет о царствующей в мире и угрожающей ему доминанте бесталанности, активно управляющий жизнью. Другими словами, Костолани дает вариант иронического прочтения, немного заслоняя пародийный характер повествования у Достоевского. Гротеск приравнивается к фантастике повседневного, гротескное повествование (описание «мира, вывороченного наизнанку») приводит к теме онтологического обоснования зла. Увидев в образе Фомы Фомича другую сторону антропологии Достоевского, венгерский романист понимает повесть как «смех» писателя над злом как продуктом деятельности человека: «Потому что человек не просто прост, а поразительно, *фантастически* прост. Вот ключ романа. Это произведение не веселый отдых-развлечение гения, а полная разочарования исповедь бывшего верующего. Таинственный человек — совсем не таинственный»⁴². Традиция изображения фантастического характера повседневности идет отчасти от Н. В. Гоголя, а в выражении «фантастически прост» выявляется зло как предмет поэтического изображения, узнаваемый только в фантастическом облики посредством художественной реальности.

Согласно Костолани, гротеск скорее всего можно определить как трагизм без сентиментальности: «Неудивительно, что автор „Раскольникова“ и „Братьев Карамазовых“ есть и прирожденный юморист, потому что трагизм сродни юмору, разница между ними проявляется лишь в плане выражения. Мне кажется подозрительной ситуация, если писатель видит вокруг себя только трагическое, то есть лишь одну сторону и не умеет смеяться»⁴³.

⁴¹ «Существенное значение для освоения Достоевским карнавальской традиции имела литература XVIII века, и прежде всего Вольтер и Дидро, для которых характерно сочетание карнаваллизации с высокой диалогической культурой, воспитанной на античности и на диалогах эпохи Возрождения. Здесь Достоевский находил органическое сочетание карнаваллизации с рационалистической философской идеей и — отчасти — с социальной темой» (Там же. С. 212).

⁴² «Mert az ember nem egyszerűen-egyszerű, hanem döbbenetesen, fantasztikusan egyszerű. Íme a regény kulcsa. Nem játék tehát ez a munka, nem egy lángelme pihenő, derűs szórakozása, hanem keserűséggel teljes vallomása egy hajdani hívőnek. A rejtélyes ember nem is rejtélyes» (*Kosztolányi D. Sztjepancsikovo és lakosai* // Nyugat. 1921. N 1. P. 84).

⁴³ «Én egyáltalán nem csodálkozom, hogy a „Raskolnyikov“ és „Karamazov testvérek“ írója született humorista is, mert tragikum és humor egy testvér – csak kifejezésbeli különbség van köztük – a szememben mindig gyanús az író, aki csak a tragikumot, az egyik végletet látja és nevetni nem tud» (Ibid. P. 84).

Конец индивида и писание

Рене Фюлёп-Миллер, опубликовавший ряд художественных⁴⁴ и биографических материалов о Достоевском на немецком языке⁴⁵, поместил в журнале «Нюгат» статью, посвященную сложностям, вернее, перипетиям собирания и издания записных книжек и тетрадей Достоевского в тогдашнем Советском Союзе⁴⁶. В том же номере, как бы иллюстрируя свою статью, он опубликовал отрывок из второй записной книжки: философские записи Достоевского от 16 апреля 1864 г. — на другой день после смерти жены, Марии Дмитриевны Исаевой⁴⁷.

Анализируя открытые в 1921 г. рукописи Достоевского, Рене Фюлёп-Миллер дал оригинальную трактовку писательского метода Достоевского. Он опирался на общеизвестный факт, что на страницах записных тетрадей Достоевского постоянно чередовались графические и иконические знаки, сделанные в различных направлениях, то есть романист одновременно пользовался множеством вариантов записей. Осознавая, что такой процесс письма тесно связан с образованием художественной формы, исследователь пришел к выводу, что в этих записях видна работа дополняющих друг друга понятийного и образного мышлений. Автор статьи рассматривал это как непрекращающийся процесс образования и разрушения мысли, перманентное (авто)формирующее действие самого повествовательного акта: «Поверхностному взгляду может показаться, что эти каракули и рисуночные эскизы никакого отношения не имеют к содержанию автографов; но если изучать процесс художественного творчества Достоевского тщательно, то невозможно не признать глубокую соотнесенность этих разных графических элементов с ходом повествования»⁴⁸. Письмо как непрекращающийся процесс конструкции и деконструкции, одновременное возникновение (формирование) текста и мысли, знака и значения, что ныне мы называем принципиальной незавершенностью значения, освобождает чтение

⁴⁴ Der unbekannte Dostojewski / Hrsg. von René Fülöp-Miller u. Friedrich Eckstein, R. Piper & Co Verlag, 1926.

⁴⁵ *Dostoevskaja A.* Erinnerungen. Das Leben Dostojewskis in den Aufzeichnungen seiner Frau / Hrsg. von René Fülöp-Miller u. Friedrich Eckstein. Piper, München, 1980 (München, 1925).

⁴⁶ *Fülöp-Miller R.* Az ismeretlen Dosztojevskij. Dosztojevskij irodalmi hagyatéka (Неизвестный Достоевский. Литературное наследство Достоевского. — К. С.) // Nyugat. 1925. N 18. P. 46–52.

⁴⁷ *Dosztojevskij F. M.* Krisztusról. Elmélkedések a ravatal előtt. (О Христе. Размышления перед катафалком. — К. С.) // Nyugat. 1925. N 18. P. 53–58. Опубликовавший эти записи Рене Фюлёп-Миллер ссылается на (первое) вышеуказанное немецкое издание (Der unbekannte Dostojewski...).

⁴⁸ «Fölszínesen nézve úgy tetszhetnék, mintha e firkálásoknak és rajzvázlatoknak egyáltalán semmi közük sem volna a kéziratok tartalmához; ha azonban gondosan tanulmányozzuk Dosztojevskij művészi alkotó munkáját, akkor e különféle grafikai elemeknek az elbeszélés menetével való mélységes összefüggésére lehetetlen rá nem ismerni» (Ibid. P. 50).

Достоевского от заранее готовых идеологических, философских, психологических и т. п. предрассудков и переориентирует интерпретацию на сам процесс писания, на собственно поэтическое мышление. Эту ясную зависимость художественной мысли от текстообразующего процесса Фюлёп-Миллер связал с принципиальным несовершенством вербальной артикуляции: «...Мысль во всей своей полноте почти никогда не может перевоплотиться в слово»⁴⁹. Именно этот «дефицит» языка рождает повествование; писание в этом аспекте — не что иное, как постоянное стремление преодолеть инерцию (языкового) выражения. Взгляд Фюлёп-Миллера интересен тем, что он выделил момент взаимного влияния друг на друга писания и мышления и обратил внимание на *energeia* (в гумбольдтовском смысле) языковой формы повествования.

Выбор Рене Фюлёп-Миллером опубликованного отрывка из записных книжек Достоевского свидетельствует о том, что издатель с особым вниманием относился к проблеме взаимосвязи писательского метода и антропологии у Достоевского. Фюлёп-Миллер выбрал для публикации место, где писатель развертывал свою персоналогию путем противопоставления «личности» и индивидуального «я». Сосредоточившись на тезисе «Закон личности на земле связывает. Я препятствует»⁵⁰, Рене Фюлёп-Миллер указал на тот аспект мышления Достоевского, к которому венгерские литературоведы стали проявлять внимание только позднее эпохи журнала «Нюгат», во второй половине XX в. В избранном отрывке развертывается трактовка личности Достоевского как человека постоянно развивающегося, который может быть описан только как существо «неоконченное, переходное». Нужно добавить: Достоевский интересуется автора статьи не как мыслитель неевропейского, «восточного» типа, а как создатель оригинальной христологии, вместе с тем не чуждый модернистской поэтики: «Между тем после появления Христа как *идеала человека во плоти* стало ясно как день, что высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того (в самом конце развития, в самом пункте достижения цели), чтоб человек нашел, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, — это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье. Таким образом, закон я сливается с законом гуманизма, и в слитии оба, и я и все (по-видимому, две крайние противоположности), взаимно уничтоженные друг для друга, в то же самое время достигают и высшей цели своего индивидуального развития каждый особо»⁵¹.

⁴⁹ «Teljes egészében a gondolat szinte sohasem alakulhat át szóvá» (Ibid. P. 49).

⁵⁰ Литературное наследство. Т. 83. Незданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 г. М., 1971. С. 173.

⁵¹ Там же. С. 173.

Сообщение Рене Фюлёп-Миллера мы должны признать весьма значительным не только в силу важности научных данных, ранее неизвестных в Венгрии, но и за то, что с его помощью венгерское филологическое мышление смогло познакомиться с антропологической моделью, превосходившей и европейский индивидуализм, и даже кризис этого индивидуализма, оформленный в парадигме философского экзистенциализма.

Требование превосхождения личного *я* как индивида и полной отдачи этого *я* другим, вне ложного социально-идеологического или политического коллективизма, во имя позитивного субъектного участия в сообществе людей — одним словом, персоналогию Достоевского усвоили в Венгрии такие крупные писатели и теоретики, как Янош Пилинский⁵², Ласло Немет и Бела Хамваш. Однако это явление уже выводит исследователя из рецептивных рамок журнала «Нюгат» и означает переход на новый этап понимания русского романиста в Венгрии — этап авторских интерпретаций Достоевского.

⁵² Ср.: *Ситар К.* «Великий грешник» и «блудный сын» (Достоевский и Пилинский) // *F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues.* Вр., 2009. P. 445–452.

ВОСПРИЯТИЕ ДОСТОЕВСКОГО ПИСАТЕЛЯМИ И СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯМИ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

«Наша родословная сознания написана на разных языках всеми цивилизациями, оставившими письменные памятники. Мы все породнились, собравшись большой международной семьей у очага Книги, Библиотеки, Архива». Это слова Джима Е. Трауэ, главного хранителя библиотеки Тернбулла, являющейся частью Национальной библиотеки Новой Зеландии. В своем очерке «Ancestors of the Mind. A Pakeha Whakapapa» («Прародители мысли»)¹, он озвучил стойкое убеждение сообщества новозеландцев в том, что основоположники нашей многообразной культуры пришли к нам из самых разных национальностей и стран; в том числе ими являются Л. Н. Толстой и Достоевский — такие же «наши прародители», как В. Шекспир и другие классики английской литературы. Эта стойкая убежденность находит отражение в интересе, который вызывает творчество Достоевского в Новой Зеландии с тех пор, как в конце XIX в. стали доступны переводы его произведений на английский и французский языки.

В данной статье тема «Достоевский и Новая Зеландия» будет рассмотрена в двух аспектах. Это литературный процесс в Новой Зеландии, многим обязанный Достоевскому. А также продуктивный интерес к работам Достоевского со стороны христианских теологов и священнослужителей.

Несколько замечаний на тему истории национальной культуры. 1000 лет назад Новая Зеландия еще была необитаемой. Первыми ее поселенцами были полинезийцы (маори); первые европейцы, в основном британского происхождения, появились здесь в начале 1800-х гг. Упорядоченное заселение страны началось после заключения в 1840 г. Договора Вайтанги (Treaty of Waitangi) между племенами маори и официальными представителями Великобритании, что дало толчок распространению европейских моделей образования и форм искусства. Сочинения Достоевского, переведенные на английский язык, в издании Х.Р. Визетелли и Лонгмана стали доступны в Новой Зеландии начиная с 1880-х гг. Это «Записки из Мертвого дома» (1881), «Преступление и наказание» (1886),

¹ Traue J. Ancestors of the Mind. A Pakeha Whakapapa. Wellington, 1989.

«Униженные и оскорбленные» (1887), «Идиот» (1887), «Игрок» и «Село Степанчиково и его обитатели» (1887), «Дядюшкин сон» и «Вечный муж» (1888). Библиотека Генеральной Ассамблеи при парламенте Новой Зеландии (Веллингтон) приобрела экземпляр «Преступления и наказания» Достоевского в начале 1895 г.²

В читальном зале этой библиотеки провела многие часы первая новозеландская писательница, получившая мировую известность, — Кэтрин Мэнсфилд (1888–1923)³. Она обращается к имени Достоевского в ранней, незаконченной пьесе «Toots» («Пароход в Гавани»), действие которой происходит в Веллингтоне в 1907–1908⁴. В те же годы, очевидно, прочитав роман «Униженные и оскорбленные», она пишет в своем дневнике: «Мои мысли — как русский роман»⁵.

Кэтрин Мэнсфилд Бичем родилась совсем неподалеку от этой библиотеки, в маленьком деревянном доме на улице Тинакори-роуд, который сейчас отреставрирован и привлекает многочисленных туристов. Мэнсфилд стала одним из выдающихся мастеров короткого рассказа XX в. Три сборника ее рассказов были изданы при жизни: «In a German Pension» («В немецком пансионе», 1911), «Bliss and Other Stories» («„Блаженство“ и другие рассказы», 1920), «The Garden Party and Other Stories» («„Пикник“ и другие рассказы», 1922). Еще два сборника появились через несколько месяцев после смерти писательницы (она скончалась от туберкулеза 9 января 1923 г. в Фонтенбло, Франция) — «The Dove's Nest» («Гнездо голубки», 1923) и «Something Childish and Other Stories» («„Что-то детское“ и другие рассказы», 1923). Кэтрин Мэнсфилд принадлежит к литературному авангарду XX в., как и ее современники Джеймс Джойс и Вирджиния Вулф, чьи инновации в 1920-е и 1930-е гг. свидетельствовали о шагах в сторону эстетики модернизма. В то же время, как очевидно из писем и дневниковых записей Мэнсфилд, ее творческий почерк формировался под влиянием произведений Достоевского. Еще в отрочестве Кэтрин Мэнсфилд стала верной поклонницей Достоевского и, как следствие, русской литературы в целом. Многие аспекты изображения жизни русскими писателями вызвали в ней положительный отклик, она открыла для себя Толстого и Чехова, однако Достоевский занимал особое место в ее душе и творчестве⁶. «Что же это такое? Почему я так воспринимаю Достоевского? Он — мой

² Zohrab I. Review of *The Collected Letters of Katherine Mansfield*, edited by Vincent O'Sullivan and Margaret Scott. Vol. I. 1903–1917; Vol. II. 1918–1919; Oxford University Press, 1984 and 1987 // *New Zealand Slavonic Journal*. 1988. Part II. P. 129–135.

³ O'Sullivan V., Scott M. (eds.) *The Collected Letters of Katherine Mansfield*. Oxford, 1984. Vol. I. P. 47.

⁴ Mansfield K. *Dramatic Sketches*. Palmerston North, 1988. P. 27.

⁵ Scott M. *The Katherine Mansfield Notebooks*. Palmerston North, 1977. Vol. I. P. 104.

⁶ Zohrab I. Katherine Mansfield's previously unknown publications on Katherine Mansfield // *Journal of New Zealand Literature*. 1988. N 6. P. 137–156; Zohrab I. Кэтрин Мэнсфилд о «Вишневом саде» // *Вопросы литературы*. 1993. Вып. 2. С. 335–338.

Достоевский, и ничей больше. Это существо не от мира сего, человек, который любил, несмотря ни на что, — обожал — ЖИЗНЬ, хотя и знал, что такое тьма»⁷.

Мэнсфилд верила, что писатели в своем творчестве «поглощают друг друга, когда любят»⁸, и ввела термин «nourish» (питать) для описания этого процесса. Нет сомнения в том, что она «питалась» художественными достижениями трех великих русских писателей — Достоевского, Толстого и Чехова. Она пишет: «Вы знаете, какое чувство вызывает у вас великий писатель: „Моя душа окрепла и посвежела, она впитала что-то новое“». Развивая мысль о том, кто населяет «Дом литературы», «принимает участие в потоке текущей жизни», она приходит к выводу: «Да, но кто имеет право на жизнь в нашем понимании жизни? Достоевский, Чехов и Толстой. Больше я никого не знаю»⁹.

На раннем этапе своей литературной карьеры Кэтрин Мэнсфилд опубликовала большое количество рассказов в альманахах, журналах и газетах. Несколько ее ранних рассказов содержат русскую тематику, а их персонажи носят имена, напоминающие о героях Достоевского. Некоторые рассказы представляют собой попури в русском и псевдорусском стиле: например, «Green Goggles» («Зеленые очки»), «Brave Love» («Смелая любовь») и «Tales of a Courtyard» («Дворовые повести»). Герой последнего из названных произведений обращается к преступному миру, жизни «на дне», что созвучно некоторым персонажам Достоевского. Позднее Мэнсфилд рецензировала работы Достоевского и в соавторстве с С. С. Котелянским, эмигрировавшим в Лондон из Украины, участвовала в работе над новым переводом писем Достоевского, его «Дневника писателя» и отрывков из комментария к «Бесам»¹⁰. Таким образом, Кэтрин Мэнсфилд изучала творчество Достоевского и пыталась постичь его литературные приемы.

Будущий муж Мэнсфилд, английский критик Джон Мидлтон Мерри (1889–1957) написал одну из первых монографий, посвященных Достоевскому — «Dostoevsky: A Critical Study» («Достоевский: критическое исследование»), которая была опубликована в 1916 г.¹¹ Эта монография до сих пор считается одним из самых своеобразных исследований творчества Достоевского. Маррей называл эту книгу «наш Достоевский»: Кэтрин Мэнсфилд тоже внесла вклад в ее написание, когда супруги жили вместе в Бандоле, во Франции, и даже работали вместе за одним столом. Дневниковые записи, сделанные Мэнсфилд в марте 1916 г., включают несколько страниц подробных заметок о двух романах Достоевского — «Идиот» и «Бесы» в переводе Констанции Гарнетт, —

⁷ The Collected Letters of Katherine Mansfield. Oxford, 1996. Vol. 3. P. 67.

⁸ The Collected Letters of Katherine Mansfield. Oxford, 2008. Vol. 5. P. 223.

⁹ Ibid.

¹⁰ Впервые опубликовано А. Г. Достоевской (Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского. Изд. 6-е. СПб., 1904–1906. Т. 8. С. 597–616). См. об этом: 12, 326–327.

¹¹ Murry M. Dostoevsky: A Critical Study. London, 1916.

которые она читала и перечитывала. До этого, очевидно, перечитывая в 1914 г. «Преступление и наказание», она вынесла безжалостный приговор: «Очень плохо; думаю, что это слишком»¹². Позднее, когда работа Мерри над книгой о Достоевском близилась к завершению, они вместе с супругами Лоуренс арендовали соседние коттеджи в Корнуэлле (Англия). Там они проводили много времени в интеллектуальных дискуссиях о Достоевском и его писательских приемах, что оказало влияние и на их собственные произведения и на их взаимоотношения.

На подсознательном уровне Мэнсфилд отождествляла себя с персонажами Достоевского. В 1915 г., во время Первой мировой войны, погиб ее младший брат Лесли, и Кэтрин Мэнсфилд увидела во сне старца Зосиму из «Братьев Карамазовых», о чем рассказала в своем дневнике¹³. Старец Зосима говорит ей: «Не позволяй умереть этому новому человеку». Проснувшись, Кэтрин Мэнсфилд снова видит брата Лесли: он является ей в образе звездного неба, напоминая об известном эпизоде с мистическим озарением Алеши Карамазова после смерти старца Зосимы. Затем его образ видится ей повсюду, на каждом квадратном дюйме Земли: «Куда я ни посмотрю — всюду он. Мне кажется, это Божья воля мне видеть его». Однако, молиться у нее нет сил: «Благодать покинула меня»¹⁴.

В этот период, вдохновленная Достоевским, она серьезно принимается писать сама. Она начинает работу над «The Aloe» («Алоэ», 1930) — первой попыткой полнометражного романа, основанного на событиях ее детства, проведенного в Новой Зеландии. В предисловии к полному сборнику рассказов Мэнсфилд (1937) Дж. М. Мерри писал об ее возвращении назад к раннему детству — времени «свободному, и не отравленному индустриальной цивилизацией, породившей войну». Это позволило ей исследовать психологию своих героев, провести параллели между их прошлым и настоящим, «выявить причины антагонизма, союзничества и зависти, раздирающих семьи и общество»¹⁵. Первая значительная повесть Мэнсфилд «Je ne parle pas français» («Я не говорю по-французски», 1918) была написана под общепризнанным влиянием «Записок из подполья» Достоевского. Позднее Мэнсфилд попыталась перенять у русского писателя художественный прием «полифонии», позволяющий автору видеть реальность одновременно с нескольких точек зрения. В зрелой период своего творчества Мэнсфилд отказывается от нейтрального повествователя и более сосредоточивается на внутреннем мире персонажа, чем на развитии фабульной канвы.

¹² The Katherine Mansfield Notebooks. Lincoln University Press, 1997. Vol. 2. P. 8. Эта заметка пропущена Дж. М. Мерри в его издании «Записок» Мэнсфилд.

¹³ Murry M. The Journal of Katherine Mansfield. London, 1962. P. 95.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Повесть была переработана и опубликована под названием «Prelude» («Прелюдия», 1918).

В выпуске «Атенеума» от 28 ноября 1919 г. Кэтрин Мэнсфилд опубликовала рецензию на ряд переводов произведений Достоевского, выполненных Констанцией Гарнетт («Честный вор» и другие рассказы). В книгу вошли — наряду с «Честным вором» — «Дядюшкин сон», «Роман в девяти письмах», «Скверный анекдот», «Чужая жена и муж под кроватью», «Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей», «Крокодил», «Бобок» и «Сон смешного человека»¹⁶. В этой рецензии содержится высокая оценка творчества русского писателя.

По мнению Мэнсфилд, Достоевскому «более, чем любому другому писателю, удалось установить отношение взаимного доверия с читателем, ощущение откровенности („sharing“). Мы даже не замечаем, что он пишет для нас или про нас. Когда мы читаем, мы превращаемся в детей, слушающих сказку. Непостижимым образом мы догадываемся, что должно произойти, и всё же удивляемся; мы как будто уже слышали эту сказку и в то же время ловим каждое слово, как в первый раз. И когда сказка заканчивается, она становится нашей. Это особенно характерно для Достоевского, чье присутствие незаметно, — по-детски искренний, обыденный Достоевский, который написал рассказы „Честный Вор“, „Мужик Марей“ и „Сон смешного человека“. Каждому из этих трех замечательных рассказов присуще ощущение, что все замерло и затихло, — ощущение, от которого дух захватывает. Чем они близки современному читателю? Откровенным трагизмом любви»¹⁷. Мэнсфилд воспринимает Достоевского как одного из самых честных писателей, кто никогда не лжет: «Зачем верить тем, кто лжет? Всюду все врут, все до единого. Не знаю, зачем это вранье, но так оно и есть. По крайней мере, Достоевский видит всё насквозь»¹⁸.

Страдая от тяжелой болезни, Мэнсфилд ищет в Достоевском духовную опору. В Париже она сближается с русскими эмигрантами — Д. Мережковским, З. Гиппиус, И. Буниным, поселяется в Институте гармоничного развития человека, основанном в Фонтенбло Г.И. Гурджиевым (1877–1949) при поддержке П.Д. Успенского (1878–1947). В этом проявилось ее неистовое стремление постичь не только сущность мира Достоевского, но и самую суть искусства.

Находясь в Европе, Мэнсфилд оставалась новозеландским писателем, и эта «колониальная перспектива» помогла ей избежать ошибок, свойственных британским писателям-модернистам. Некоторые из них видели в Достоевском «чудовище», которое соединяет в одно целое «Бога и садизм» (Д.Г. Лоуренс)¹⁹, называли его писателем, который произвел на свет «уродливых чудовищ, каких свет не видел»

¹⁶ *Mansfield K. Honest Thief and Other Stories // The Athenaeum. 1919. November 28.*

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *The Collected Letters of Katherine Mansfield. Oxford, 1996. Vol. 3. P. 66.*

¹⁹ *Lawrence D.H. Letters of D.H. Lawrence / Ed. James T. Boulton et al. 8 vols. Cambridge. Vol. 2. P. 521.*

(В. Вулф)²⁰. Слова «лохматые, жирные страшилища»²¹, использованные Генри Джеймсом при описании романов XIX в., явно намекали на произведения Достоевского.

В этом смысле Мэнсфилд можно назвать единственным писателем-модернистом, относившимся к русскому романисту с сочувствием и восхищением. Для британского общества, в отличие от колонистов, Достоевский и его «чудовищные эксцессы» были, скорее, неприятным феноменом, который следует пережить и забыть: его творчество не соответствовало привычным литературным и культурным традициям. Мэнсфилд постигла судьба, в чем-то напоминающая о Достоевском: ее творчество было неправильно истолковано и отброшено как несоответствующее общепринятым канонам английского модернизма. Присутствие в ее рассказах жестокости и страданий шокировало британских критиков; как и Достоевскому, ей ставили в вину описание насилия и «отрицательных» сторон жизни. Вирджиния Вулф подвергла критике рассказы Мэнсфилд за отражение в них «черствости и бессердечности ее человеческой сущности»²². Другие считали Мэнсфилд «поистине ужасающей»²³.

В. С. Пritchett относил «циничный нигилизм» Мэнсфилд на счет той обстановки, с которой она познакомилась в детстве, живя в Новой Зеландии, тем самым признавая ее неизбежной жертвой становления «общества первых поселенцев, не имеющих корней»²⁴. Обсуждая один из рассказов Мэнсфилд, он выступает в поддержку мнения Франка О'Коннора, который говорит о том, что жанр короткого рассказа расцвел, по выражению последнего, в «анархическом» обществе, где ослаблены социальные связи и размыты традиционные представления о предназначении культуры²⁵.

В ходе работы над данной статьей я слышала от многих новозеландских писателей, литературных критиков и редакторов мнение, что все подающие надежду писатели Новой Зеландии читали хотя бы некоторые из книг Достоевского и многое почерпнули из них. В качестве примера можно упомянуть Фрэнка Сарджесона (1903–1982) — выдающегося мастера короткого рассказа, который вместе с Кэтрин Мэнсфилд заявил миру о существовании новозеландской литературы. Его считают одним из ее родоначальников. Ф. Сарджесон — автор таких романов, как «That Summer» («Тем летом») и «Joy of the Worm» («Восторг червяка»), а также многочисленных коротких рассказов.

²⁰ Woolf V. Books and Portraits / Ed. Mary Lyon. New York, 1978. P. 116. Впервые опубликовано без подписи в «Times Literary Supplement» 22 февраля 1917 г.

²¹ James H. Literary Criticism. New York, 1984. Vol. 1. P. 107–108.

²² Woolf V. The Diary of Virginia Woolf. 5 Vols. New York. 1977–1984. Vol. 2. P. 179.

²³ Drabble M. The New Woman of the Twenties: Fifty Years On // Harpers and Queen. 1973. June. P. 106–107, 135.

²⁴ Pritchett V. S. Review of Collected Stories of Katherine Mansfield. London, 1945 // The New Statesman and Nation. 1946. February 2. P. 87.

²⁵ The Oxford Book of short stories / Ed. V. S. Pritchett. Oxford, 1981. P. XIII.

Недавно была опубликована коллекция писем Сарджесона 1927–1981 гг., в которых он часто с восхищением отзывается о Достоевском²⁶. Сарджесон считается литературным учителем многих молодых писателей Новой Зеландии, в том числе Дэвида Баллантайна, Джона Риса Коула, А. П. Гаскел, Мориса Даггана, Мориса Джи, Билла Пирсона и Дженет Фрейм. В письме новозеландскому поэту Денису Глоуверу, написанному в августе 1937 г., Сарджесон поясняет, что все его друзья-литераторы в Окленде являются поклонниками Достоевского: «Мы все здесь достоевцы — Мэйсон, Крессвелл, Робин Хайд, я сам и даже Фейрберн...»²⁷ Он пишет, что Достоевскому принадлежит «последнее слово в описании человеческой сущности на многие годы вперед»²⁸. В другом письме вспоминает, как в возрасте 22 лет он открыл для себя Достоевского. Обсуждая собственные работы, Сарджесон замечает: «Я бился головой о стену над страницей 103 моей рукописи, пытаясь вывести все условные элементы, и вдруг я взял в руки „Сон смешного человека“ Достоевского. И сразу увидел там то, что искал»²⁹.

В 1944 г. Сарджесон пишет о Прусте: «...Мне он очень нравится, главное, я думаю, потому что только Достоевский превзошел его по глубине знаний психологии...»³⁰ В осмыслении мотивов человеческих эмоций он обращается к Достоевскому. В 1945 г. он пишет, что перечитал «Дон Кихота»: «...И ничто не сравнится с этой книгой, разве что „Гамлет“ и „Лир“, и последние 4 квартета Бетховена, и может быть, кое-что из Достоевского». В письме 1974 г. он говорит, что читатели «были бы лишены многого, если бы мы, к примеру, не читали Толстого или Достоевского, или Генри Филдинга...»³¹

Роман «Преступление и наказание» оказал сильное влияние на новозеландского писателя Дэна Дейвина (1913–1990), который родился и вырос в семье ирландских католиков в регионе Саутленд, на юге Новой Зеландии. Он писал о Новой Зеландии, хотя большую часть жизни провел в Оксфорде, где работал в издательстве Оксфордского университета. Его первый роман «Cliff of Fall» («Крутой обрыв»), написанный в 1940 г. и опубликованный в 1945 г., представляет собой «мрачное повествование о страстях Данидена». По словам литературного критика Лоуренса Джонса, влияние «Преступления и наказания» Достоевского «ощущается на каждой странице, но как бы незримо»³². Марк Берк («Раскольников» Дэна Дейвина) — студент университета Отаго. Марк полагает, что, убив свою беременную подругу Марту, он не только

²⁶ Letters of Frank Sargeson / Ed. Sarah Shieff. Auckland, 2012.

²⁷ Ibid. P. 14.

²⁸ Ibid. P. 59.

²⁹ Ibid. P. 74.

³⁰ Ibid. P. 83.

³¹ Ibid. P. 525.

³² Jones L. Strange Conjunction: Three Russian Episodes in New Zealand Fiction // New Zealand Slavonic Journal. 1996. N 30. P. 45–52.

устранит препятствие на пути реализации своих социальных амбиций, но и освободится от подавляющих его независимость традиционных норм поведения, освободится от оков дихотомии добра и зла, окажется на «вершине, у подножия которой раскинулись долины добра и зла с их духотой»³³. Марк Берк, как и Раскольников, встречается на жизненном пути замечательных людей, и эти встречи «наполнены глубиной, серьезностью, философским содержанием и выразительностью, не наблюдавшейся ранее в литературе Новой Зеландии». Концовка «Крутого обрыва» значительно отличается от финала «Преступления и наказания». Раскаianie не пришло к Марку Берку. Пока развивается противоборство внутренних голосов Марка (прием двойничества, заимствованный у Достоевского), Дейвин толкает своего героя на отчаянный шаг: он разбивается насмерть, падая с обрыва в Сэнт Клере.

Влияние Достоевского очевидно и в творчестве выдающегося писателя Мориса Шэдболта (1932–2004). Его вклад в литературу Новой Зеландии, по мнению многих, сопоставим с достижениями австралийских писателей Патрика Уайта и Джона Максвелла Кутзее (Кутзее переехал в Австралию из Южной Африки в 2007 г.) — обладателей Нобелевской премии. Все три вышеупомянутых писателя обращались к похожему тематике и были почитателями таланта Достоевского, у которого многому учились.

Новозеландец в четвертом поколении, Морис Шэдболт провел большую часть детства в маленьком провинциальном городке Те Куити (регион Вайкато), в те времена отыскать в школьной библиотеке книгу новозеландского автора было сродни поиску «запретного плода». Позже Шэдболт описывает Те Куити как поселение «наблюдателей за поездами», где единственным развлечением, доступным жителям, было поглазеть на Веллингтонский экспресс, сходить в кино и снова идти смотреть на мчащиеся мимо поезда. Шэдболт поступил в университет Окленда, затем благополучно провалил экзамены и примкнул к студенческому движению левого крыла, реорганизовав клуб лейбористов в клуб социалистов. Литературную карьеру он начал провинциальным журналистом, позднее писал сценарии для студии документальных фильмов. Действие его документальной и художественной прозы происходит на родной земле, свою страну Шэдболт описывает как «последний рубеж человеческой расы, утерянный рай».

В июне 1957 г. Шэдболт отправился в длительное путешествие по странам и континентам в поисках творческого вдохновения и вернулся в Новую Зеландию лишь в 1960 г. Впоследствии он написал получившие известность романы «The Lovelock Version» («Версия братьев Лавлок», 1980), «Strangers and Journeys» («Незнакомцы и скитания», 1972), фотоальбомы «New Zealand: Gift of the Sea» («Новая Зеландия: Дар моря») и романы, составившие трилогию, действие в них

³³ Ibid. P. 50.

происходит во время новозеландских войн 1845–1872 гг.: «Season of the Jew» («Время еврея», 1987), «Monday's Warriors» («Воины понедельника», 1990) и «The House of Strife» («Дом раздора», 1993). Также были опубликованы сборники его коротких рассказов, включая «The New Zealanders» («Новозеландцы», 1959) и «Summer Fires and Winter Country» («Летние пожары и страна Зимы», 1963), представляющие собой портрет поколения. Запоминающийся рассказ «Ben's Land» («Земля Бена») из последнего сборника основан на истории собственной семьи писателя и содержит материал, который позже будет переработан в роман «Among the Cinders» («Как на углях», 1965). В дальнейшем семейная тема получила развитие в романе «The Lovelock Version» («Версия братьев Лавлок») и в автобиографической работе «One of Ben's: A New Zealand Medley» («Один из Клана Бена: такие разные новозеландцы», 1993), в которой писатель прослеживает историю нации на примере одной семьи, мастерски переплетая притчи и легенды семьи Шэдболтов с постколониальным литературным фольклором новозеландцев европейского происхождения.

Результатом первого путешествия Шэдболта через Пекин в Москву и страны Восточной Европы стало его полное разочарование в идеях коммунизма. Однако он не перестал восхищаться русской литературой. Россия и Советский Союз продолжали быть для него «лицетворением земли Толстого, Достоевского и Чехова»³⁴. В воспоминаниях о путешествии по России Шэдболт сопоставляет убежденность советских писателей, находящихся в трудных жизненных и политических условиях, в необходимости развития национальной культуры — со стремлением ряда новозеландских писателей развивать литературу, которая отвечала бы потребностям нации³⁵. Шэдболт считал русскую литературу достойным примером для подражания, подчеркивая огромное значение развития национальной литературы как в России, так и в Новой Зеландии.

В интервью, которое Шэдболт дал в начале своей писательской деятельности, он отметил, что Достоевский оказал большое влияние на его творчество и был одним из его любимых писателей, наряду с Фолкнером и Тургеневым. «Как и упомянутые писатели, Шэдболт сосредоточивает внимание на перипетиях человеческого существования в условиях своего отечества. Однако, чтобы постичь особенности менталитета народа родной страны, ему пришлось на время покинуть ее»³⁶. В работах Шэдболта прослеживается убеждение, что новозеландцы должны в условиях постколониального развития, опираясь на народные традиции, создавать и укреплять национальную культуру.

³⁴ *Shadbolt M.* China, Russia, Bulgaria: A Journey // *Landfall*. 1958. N 12 (2). P. 127.

³⁵ *Eaton O., Edmond J.* Russia in *Landfall* under Charles Brash // *New Zealand Slavonic Journal*. 2007. Vol. 41. P. 180–193.

³⁶ *Esam (Zohrab) I.* A candid Portrait of a successful writer. *The Dominion*. 1962. May 2. P. 9.

Как и у Достоевского, одним из направлений литературной деятельности Шэдболта была журналистика, в которой он зачастую черпал вдохновение для художественного творчества. Полная напряжения «Danger Zone» («Опасная зона», 1976) основана на реальных событиях, приведших к акции протеста против испытания Францией водородной бомбы в бассейне Тихого океана, участником которых был он сам. Работы Шэдболта, посвященные участию Новой Зеландии в Первой мировой войне, в частности, сражениям на полуострове Галлиполи и у Чунук-Баира, созвучны публицистике Достоевского о русско-турецкой войне. Неподдельный интерес Шэдболта к тем военным действиям нашел отражение в единственной опубликованной пьесе «Once on Chunuk Bair» («Однажды у Чунук-Баира», 1982) и в его более поздней публицистической работе «Voices of Gallipoli» («Голоса Галлиполи», 1988). Он подвергает резкой критике работу британского штаба, в частности, некоторые решения британского руководства, приведшие к крупным потерям личного состава новозеландского военного контингента. Сражение показано в пьесе как событие исторического значения, послужившее отправной точкой в становлении независимого духа постколониальной индивидуальности нации. Документальный фильм «Gallipoli: The New Story» («Галлиполи: новая история»), постоянно демонстрирующийся в Национальном музее армии в Вайору, основан на работах Шэдболта.

Шэдболт, как и Достоевский в «Подростке», с удовольствием погружается в мир молодого человека. Примером может служить первый роман Шэдболта «Among the Cinders» («Как на углях»), рассказывающий о юноше, запутавшемся в жизненных обстоятельствах, и затрагивающий непростые взаимоотношения между маори и белыми европейцами (Pakehas); это противоречие весьма похоже на культурное противостояние крестьян и дворянского сословия в России XIX в. Задуманный как сатира на современную новозеландскую литературу, роман исследует историю Новой Зеландии со времени первых поселенцев до 1950-х гг., но показывает ее через взаимоотношения подростка Ника Флиндерса и его деда Хьюберта. По мнению критиков, Шэдболт овладел искусством изображения взаимосвязи прошлого и настоящего, которое он последовательно развивал в своем дальнейшем творчестве.

Уже в ранних художественных произведениях Шэдболта прослеживается влияние Достоевского. В них он обратился к социальной истории Новой Зеландии первой половины XX в., эта тема достигла кульминации в «Strangers and Journeys» («Незнакомцы и скитания»). Объемный и весьма амбициозный роман, на создание которого ушло десять лет, представляет собой монументальную семейную сагу, во многом обязанную своим существованием русской литературе. Здесь очевидно влияние не только Достоевского, но и Пастернака: «Я четыре раза читал „Доктора Живаго“ и три раза рецензировал его в периодике Великобритании, Австралии и Новой Зеландии... Я перечитал „Доктора Живаго“ в пятый раз. И лишь убедился в своем впечатлении.

„Незнакомцы и скитания“³⁷, изданные десяток лет спустя — это мое коленипреклонение перед Пастернаком»³⁷. В романе «Незнакомцы и скитания» противопоставляются судьбы двух отцов и их сыновей и перекликаются многие темы и герои ранних произведений Шэдболта. Первые главы, описывающие жизнь каждого из отцов в противостоянии природе и экономическим трудностям, по общему признанию, наиболее впечатляют. По мере развития сюжета и перехода к настоящему времени, к городскому укладу и жизни сыновей, роман заметно слабеет³⁸. «Незнакомцы и скитания» завершили для Шэдболта определенный этап творчества, после чего он обратился к проблемам современной жизни в Новой Зеландии и роли художника, а затем переключился на колониальную историю.

В период работы над получившим признание романом «The Lovelock Version» («Версия братьев Лавлок»), в 1980 г., Морис Шэдболт пишет Мэрилин Дакверт, близкому другу и бывшей возлюбленной, о своем романе: «Он наполнен до краев характерами, ситуациями, смехом и слезами. Я не испытываю иллюзий насчет того, что мое место наверху, рядом с Достоевским, но я на порядок или два выше любого писателя двадцатого века. Можете считать меня скромным хвастуном. Мой редактор в Лондоне считает, что никто не сравнится по силе страстей с этим романом»³⁹.

«Версия братьев Лавлок» считается самым утонченным романом Шэдболта, в нем прослеживается связь с историей XIX в. Подобно «Братьям Карамазовым», роман повествует о судьбах трех братьев и их семей, действие происходит в период первых поселений, показаны ранние этапы истории Новой Зеландии. Критики отмечали искусное сочетание в романе мистического и реалистического начал. Мы знакомимся с семьей Лавлок на золотых приисках Отаго. Однажды вечером глава семьи выходит на свежий воздух выкурить трубку и ему является ангел, между ними завязывается разговор. Во время беседы ангел как будто забывает слова и все время подглядывает в текст. Диалог между скептиком Германом и забывчивым ангелом считается одной из самых удачных комических сцен в литературе Новой Зеландии. Герман не понимает, почему именно ему был выдан билет в какую-то трансцендентную лотерею. День появления ангела, «раздражительного староро чиновника с крыльями», отмечает перелом в жизни Германа: теперь ему нужно построить свою жизнь таким образом, чтобы она содержала хотя бы немного благодати (grace). В дальнейшем Герман ощущает себя Спасителем и вместе с семьей основывает поселение на Северном острове. История семьи прослеживается вплоть до конца 1970-х гг., ос-

³⁷ Shadbolt M. One of Ben's. A New Zealand Medley. Auckland, 1993. P. 283.

³⁸ Jones L. Maurice Shadbolt: a brief overview // Barbed Wire and Mirrors: Essays on New Zealand Prose. Dunedin, 1990.

³⁹ Сообщено автору данной статьи писательницей Мэрилин Дакверт в декабре 2012 г.

вещая перипетии индустриальной революции 1910-х гг., Первой мировой войны и сражения на полуострове Галлиполи.

В финале «Версии Братьев Лавлок» Шедболт задается мыслью: «Право же, человеческое существование представляет собой нечто большее, чем перечень событий». В заключение он приходит к выводу: «С другой стороны, жизнь может быть истолкована, как подрывающая Божество. Искусство может считаться поводом к оправданию, но как всегда несовершенным. Однако все еще возникает вопрос, и он должен быть задан. Кто, как не Он, держит ключ к открытию измерения глубин Лавлоков этой жизни? Кто?»⁴⁰

Всего Шэдболт написал 11 романов, четыре сборника коротких рассказов, две автобиографии, исторический труд о войне, сборник журналистики, пьесу и сценарий для фильма. Тот факт, что почти все книги Шэдболта продолжают печататься, свидетельствует о неувядающем интересе к его творчеству со стороны читающей публики. Шэдболт удостоен самых высоких правительственных наград за вклад в литературу. Он вынужден был прекратить свою писательскую деятельность в конце 1990-х гг. в связи с развитием болезни Альцгеймера, которая привела его к смерти в возрасте 72 лет.

Влияние Достоевского отмечается и в творчестве писателя Рональда Хью Моррисона (1922–1972), который родился в маленьком городке Хавера в провинции Таранаки на Северном острове и был автором романов и коротких рассказов, написанных на наречии Новой Зеландии. Он всю жизнь прожил в Хавера в доме своего деда, и этот городок под разными названиями присутствует в его романах. Моррисон зарабатывал на жизнь как учитель музыки и аккомпанировал танцевальным коллективам Таранаки. Он пристрастился к алкоголю, что привело к его преждевременной кончине. Он автор четырех романов: «The Scarecrow» («Пугало», 1963), «Came a Hot Friday» («Жаркий день, пятница», 1964), «Predicament» («Неприятность», 1975), «Pallet on the Floor» («Ложка на полу», 1976), все они стали основой для киносценариев.

Моррисон не без труда публиковал свои произведения. Он жаловался Шэдболту в начале 1972 г.: «Надеюсь, я не стану еще одним несчастным, талант которого будет признан после смерти»⁴¹. К сожалению, именно эта участь его и постигла: он умер неизвестным в своем родном городке за несколько лет до того, как его романы были с успехом экранизированы в 1980-е гг. Дом Моррисона был снесен, а на его месте построен ресторан «Кентукки Фрайд Чикен», несмотря на протесты почитателей его таланта.

Главный герой романа «Неприятность» — 15-летний Седрик Вильямсон, ребенок, который чувствует себя одиноким, переживая трудности

⁴⁰ *Shadbolt M.* The Lovelock Version. London; Auckland; Sydney; Toronto, 1980. P. 568.

⁴¹ *Morrison R. H.* The Oxford Companion to New Zealand Literature / Eds. Roger Robinson and Nelson Wattie. Oxford, 1998. P. 380.

взросления. Действие происходит в небольшом безымянном новозеландском городке в 1935–1936 гг. Его высокие жизненные идеалы не соответствуют нравам коррумпированного общества, и Седрику предстоит найти способ выдержать эти испытания. «Неприятность» написана с намеком на детективный роман. То что Моррисон многим обязан Достоевскому, отметил критик Иэн Ричардс: по его мнению, статус повествователя в «Неприятности» «походит на более осторожного наблюдателя-повествователя из „Братьев Карамазовых“ Достоевского, где речь тоже идет об отцеубийстве и непристойных отношениях. Повествователю Достоевского, в противовес стандартам реализма, мастерски удастся одновременно фиксировать события провинциальной жизни и проникать в ход мыслей персонажей. Критики отмечали, что Достоевский использует этот художественный прием с присущим ему „многоголосием“, в частности для того, чтобы смягчить негативный отклик на идейный посыл романа. Необходимость такого наблюдателя-повествователя более остра в „Братьях Карамазовых“, чем в „Неприятности“, и любые сравнения между этими романами несоизмеримы: метафизический эпос Достоевского безусловно существует в плоскости, гораздо более монументальной, чем хрупкий роман Моррисона...»⁴²

Седрик мечтает уехать из города куда-нибудь «далеко-далеко, в волшебную страну» и одновременно боится перемен, что напоминает стремление Илюши покинуть Скотопригоньевск. Существует мнение, что заключительная сцена «Неприятности» Моррисона походит на сцену в «Братьях Карамазовых», в которой Илюша умоляет отца уехать в другой город: «в хороший... город, где про нас и не знают» (14, 189).

Молодой новозеландский писатель Карл Шукер (р. 1974) признавался, что «Записки из подполья» и «Преступление и наказание» Достоевского нашли некоторое отражение в его нигилистическом романе «The Lazy Boys» («Ленивые ребята»). Этой книге присущи типичные черты субкультуры и трансгрессивной литературы, характерной для поколения икс (Generation X).

Еще один представитель молодого поколения новозеландских литераторов — Чэд Тэйлор (р. 1964), прозу которого сравнивают с произведениями Достоевского. «Oxford History of New Zealand Literature» («Оксфордская история литературы Новой Зеландии») называет Чэда «автором бескомпромиссного современного короткого рассказа, который описывает мимолетность и изменчивость городской жизни» и ведет повествование зачастую от имени ненадежных и непривлекательных персонажей. Чэд рассказал мне, что впервые он прочитал книги Достоевского в конце 1980-х гг., когда работал над своими первыми романами «Heaven» («Рай», 1994), «Pack of Lies» («Сплошная ложь», 1994) и короткими рассказами «The Man Who Wasn't Feeling Himself» («Человек, которому было не по себе», 1995). В тот период Чэд читал «Идиота»

⁴² Richards I. Predicament in context // <http://nofrillsnzlit.angelfire.com/index.html>

и «Братьев Карамазовых». Последний «показался мне грустной книгой. У читателя надолго остается ощущение печали и потери. Особое восхищение у меня вызвала способность писателя с уверенностью создавать персонажей, которые воспринимаются (или кажутся) ненадежными. „Братья Карамазовы“ всегда напоминают мне Пола Остера, с его трагичностью и мрачным юмором. Мне такой стиль близок, как новозеландцу: „действие — это герои, а герои — это действие“». Достоевский писал отличную прозу. Как можно оставаться незатронутым ею?»⁴³ Касаясь религиозного содержания творчества Достоевского, Тэйлор признается, что в его романе «Departure Lounge» («Зал отправления», 2005) присутствует «духовный аспект; „Heaven“ („Рай“, 1994. — *И. 3.*) и „The Church of John Coltrane“ („Церковь Джона Колтрейна“, 2009. — *И. 3.*) имеют такие названия не случайно. Вера и случай зачастую находятся не столь далеко друг от друга. А случай — залог драмы. Идея сама по себе ничего не стоит без повествования. История — просто рассказ. А у хорошего рассказа должна быть концовка»⁴⁴.

Важным аспектом популярности Достоевского в Новой Зеландии является также интерес к его творчеству со стороны богословов, христианских священнослужителей и студентов, занимающихся изучением взаимодействия теологии и культуры.

Русская православная церковь в Веллингтоне существовала много лет благодаря усилиям иеромонаха-новозеландца Амвросия (Муни). Его первое соприкосновение с русским православием произошло в начале учебы на русском отделении Университета королевы Виктории. До этого, во время учебы в школе Святого Иоанна в Гастингсе, он был католиком. Автор настоящей статьи до сих пор помнит написанные молодым студентом Бернардом Муни проницательные исследования религиозных мотивов в русской литературе, в том числе в произведениях Достоевского. После окончания курса Муни совершил паломничество на Афон и был принят в насельники монастыря Святого Пантелеймона. Позже он принял имя Амврозий в память о старце Амвросии из Оптиной пустыни, которого увековечил Достоевский в образе старца Зосимы из «Братьев Карамазовых». Муни учился за рубежом, получил посвящение в сан и, наконец, вернулся в Веллингтон, где начал пастырское служение в Русской православной церкви с именем Амвросия после того, как в 1980 г. ушел к жизни на спокойное преподобный Алексей Годяев. От своего предшественника он принял служение в трех новозеландских приходах. Несмотря на ухудшение состояния здоровья, уже отойдя от службы, он продолжал совершать богослужения, в частности на похоронах бывших прихожан.

Еще одним новозеландцем, обратившимся в православие благодаря любви к русской культуре, включая Достоевского, был Гарольд

⁴³ Электронное письмо Чэда Тэйлора автору статьи от 1 января 2013 г.

⁴⁴ Электронное письмо Чэда Тэйлора автору статьи. 2 января 2013 г.

Вильямс (1876–1928). Готовившийся некогда к поприщу священника-методиста, он самостоятельно выучил русский язык и работал в России корреспондентом нескольких британских газет с 1904 по 1920 г. Его женой стала Ариадна Тыркова-Вильямс, принимавшая участие в основании российской конституционно-демократической партии (кадетов). Она была избрана в центральный комитет партии и в 1917 г. стала членом петроградской Думы, затем эмигрировала из Советской России. С 1921 по 1928 г. Г. Вильямс занимал пост редактора международного отдела газеты «Таймс» в Лондоне. В своей книге «Russia of the Russians» («Россия россиян») он называет Достоевского писателем, не принятым либеральной интеллигенцией и не без труда получившим признание спустя много лет после смерти. «Жизнь великих русских писателей — это непрерывное духовное становление. Нет ничего постоянного, абсолютного и устойчивого»⁴⁵. Вильямс полагает, что для русских писателей реальность «прозрачна»: «Очевидное предполагает наличие полутонов и незримого. То, что мы видим, побуждает устремлять взгляд ввысь и вдаль, за пределы доступного, к истине, возможно недосягаемой... И это не стремление к духовному совершенству, не философские искания, хотя работы Достоевского наполнены философским содержанием. Это скорее бесстрашный поиск открытий в безграничном пространстве Жизни — не только человеческого существования, но жизни во всех ее проявлениях. Это отказ, молчаливый или озвученный, признать ограничения или примириться с условными объяснениями, это жажда открытия необычных аспектов человеческой природы, познания сущности человека на самом деле, а не в формулировке законов и условностей... Для Толстого социальные и исторические ограничения представляли собой нечто стесняющее и подавляющее. Достоевский рассматривает ограничения как часть проблемы, той самой проблемы бесконечных проявлений добра и зла человеческой природы, которые постоянно преследуют его... К постоянному поиску великих русских писателей побуждает не только творческая любознательность, ими руководит глубокий моральный инстинкт, чувство изумления и благоговения перед жизнью. Они не были моралистами, они были художниками. Но их художественное восприятие жизни было по сути моральным, то есть имело цель и смысл, хотя смысл тоже может быть неуловимым и непостижимым. Однако сама эта непостижимость может быть привлекательна, а путь к ее познанию может лежать через темные тайны отрицания и греха. В любом случае, смысл жизни неотъемлем от самой жизни, его нельзя рассматривать отдельно от жизни. И возможно, именно эта настойчивая убежденность привела к тому, что величайшие русские мыслители — не просто философы, но романисты. Одержимость реальностью заставила их отбросить привычные карты и расчеты и отправиться в свободное плавание по просторам

⁴⁵ *Williams H. W. Russia of the Russians. London; New York, 1916. P. 129, 178.*

проблемы жизни. Ведомые творческой интуицией, они достигли намного более правдивого отражения реальности, чем могли дать любые диалектические теории»⁴⁶.

Интерес к творчеству Достоевского со стороны священников пресвитерианской деноминации представляет собой еще один важный аспект популярности писателя в Новой Зеландии.

Гельмут Г. Рекс (урожд. Рехбейн), профессор истории религии Богословского отделения в Нокс-колледже (Данидин) и университете Отаго, прибыл в Новую Зеландию как беженец из Германии. Обще-признано, что он стал фигурой «влиятельной и значимой среди новозеландских интеллектуалов»⁴⁷. В дополнение к своему трехгодичному учебному курсу истории Церкви он разработал также курсы по истории философии и истории литературы (в последнем значительное место занимал Достоевский).

Один из учеников Г. Рекса, Альберт Мур, впоследствии стал автором первого исследования религии в Новой Зеландии и первым преподавателем феноменологии религии в университете Отаго (1966–1992). Саймон Рае расшифровал конспект лекции Рекса о «Братьях Карамазовых», написанный Муром карандашом на обложке его томика переводов Констанции Гарнетт. Конспект включает в себя ряд точных характеристик произведений Достоевского: «Характеры героев Достоевского» запутанны, так как отражают жизнь в ее сложности и не совпадают с существующими нормами. Достоевский говорит устами братьев, все много говорят, его собственная биография — в скептицизме Ивана, в обращении в веру Алеши, в сладострастии Дмитрия (у Достоевского эпилепсия). Полностью раскрывается в Алеше, это его наиболее совершенный герой (а не Иван, как утверждают скептики). NB. Алеша — центр, вокруг которого раскрываются другие персонажи через общение с ним, где они слышат правду и могут открыто говорить. Таким образом, внимание на контакты с Алешей»⁴⁸.

Саймон Рае и Роберт М. Юл были однокурсниками на Богословском отделении в конце 1960-х гг. Рае стал директором Школы священнослужения (новое название Богословского отделения), а Юл в 2000–2002 гг. служил модератором пресвитерианской церкви. Во время учебы Рае опубликовал в студенческом теологическом журнале рецензию на книги Эдуарда Турнейсена о Достоевском⁴⁹, которая оказала влияние на теолога Карла Барта, а Юл опубликовал его первую работу о русской

⁴⁶ Ibid. P. 178–180.

⁴⁷ *Breward I. Helmut H. Rex // Dictionary of New Zealand Biography. Auckland, 2000. Vol. 5. P. 437.*

⁴⁸ Документы из личного архива Роберта М. Юла. Автор данной статьи благодарит Р. Юла за информацию о пресвитерианской церкви в Новой Зеландии. Архивы Г. Рекса и А. Мура можно найти в Центре информации пресвитерианской церкви Лоттеароа, Нокс-колледж. <http://www.presbyterian.org.nz/archives>.

⁴⁹ *Rae S. H. Dostoevsky: A Theological Study // Commentary. 1966. P. 9–10.*

литературе — статью о Борисе Пастернаке — в ежегодном журнале Богословского отделения.

Итогом увлеченности Достоевским стали еще несколько статей Рае, которые он опубликовал до своего отъезда в Индонезию в 1972 г., но к творчеству писателя он снова вернулся после ухода на заслуженный отдых⁵⁰. В 2012 г. он прочитал в хронологическом порядке все романы, повести и короткие рассказы Достоевского, переведенные на английский язык, а также некоторые биографические и критические исследования о нем. Для Рае «понимание благодати, любви, добра, надежды обогащалось прозой Достоевского: Д<остоевский> считал себя реалистом, — его сюжеты зачастую были основаны на полицейских сводках, поэтому нежданная добродетель (а не проблема зла) требует отклика»⁵¹. Рае заметил, что в Школе священнослужения в течение года всегда находился хотя бы один студент, который проявлял интерес к творчеству Достоевского⁵².

После окончания аспирантуры в Эдинбургском университете Юл был назначен экуменическим священником Университета королевы Виктории в Веллингтоне. Актуальность творчества Достоевского в это тревожное время (1970-е гг.) роста радикализма в обществе, студенческих волнений, горячей полемики вокруг вопроса о существовании Бога и основах моральных ценностей Юл обосновал в выступлении на национальной конференции в университете Вайкато (Гамильтон) в 1975 г. В своем докладе «From Existentialism to Counter-Culture — The Anatomy of Disillusionment» («От экзистенциализма к контркультуре: анатомия разочарованности») Юл анализирует аргументы Достоевского в его критике рационализма, основываясь на «Записках из подполья», и указывает на потерю нравственных ориентиров в современной культуре Запада: от Ницше и Достоевского в XIX в. до европейских экзистенциалистов и приверженцев культуры андеграунда в XX в.⁵³

В 1973–1978 гг. Юл занимал пост секретаря новозеландского Общества изучения религии и коммунизма (Кестон-колледж) и выступил с инициативой открытия программы междисциплинарного христианского высшего образования, которая вызвала большой интерес университетской общественности. Его лекция о Достоевском «Numbered with the Transgressors: Dostoevsky's Image of Christ» («Причисленный к нарушителям: Образ Христа у Достоевского») вошла в сборник статей

⁵⁰ Rae S. H. Dostoevsky and the Christian Hope // Colloquium: The Australian and New Zealand Theological Review. 1967. October. Vol. 2 (3). P. 250–254; Rae S. H. Three Novelists and the Question of God // The Evangelical Quarterly. 1968. Vol. 40 (4). P. 224–235; Rae S. H. Dostoevsky and the Theological Revolution in the West // The Russian Review. 1970. Vol. 29 (1). P. 74–80.

⁵¹ Письмо Р. Юла от 12 февраля 2013 г. Материалы личного архива автора.

⁵² Там же.

⁵³ Horton C. W., Guy D. M. (eds.) Values Education: Proceedings of the University Extension Seminar. 1975. May 19–22. Hamilton, 1977. P. 139–157.

об отражении христианства в художественной литературе. В этой статье он не только рассматривает поединок между верой и «сомнениями», который происходил в душе Достоевского, но и анализирует изменение видения Достоевским Христа, в частности, различие между тем, что Юл назвал «первой» и «второй» «христологической исповедью», с примерами из автобиографических публикаций и романов писателя⁵⁴.

Свое служение Юл завершил на посту настоятеля пресвитерианской церкви Грейфраерс в Окленде. После смерти Александра Солженицына (3 августа 2008 г.) Юл был, пожалуй, единственным священнослужителем в Новой Зеландии, проводшим панихиду в память об усопшем русском диссиденте и писателе. Юл сравнивал Солженицына с Достоевским, подметив, что художественная проза обоих писателей носит более глубокий и универсальный характер, чем их публицистика⁵⁵. Статьи Рае и Юла, в свою очередь, оказали влияние на студента Стюарта Г. Вогела, готовившегося стать пресвитерианским священнослужителем. Вогел написал диссертацию на Богословском отделении «Образ Христа в романе Достоевского „Идиот“» (1982). Вогел изучал русский язык в университете Кентербери, в 1977 г. посетил Ново-Валаамский православный монастырь в Финляндии, а в 1984 г. в составе делегации Новозеландского национального совета вероисповеданий побывал в Советском Союзе. Он нашел занимательным литературный портрет Христа, написанный Достоевским, в противовес интеллектуальным и рациональным подходам западных теологов.

Как и Рае, Вогел служил в Азии, многолетний клерикальный опыт службы на Тайване пригодился ему на посту советника по делам Азии пресвитерианской церкви Новой Зеландии. Но по возвращении в Новую Зеландию он служил священником в университете Окленда (1991–1995), где «стремление к равновесию между интеллектом и искусством в изображении веры» побудило его к формированию дискуссии о советском кинематографе, прослеживающей влияние Достоевского. По мнению Вогела, «Покаяние» Тенгиза Абуладзе (1984) использует темы из «Идиота», а «Баллада о солдате» Григория Чухрая (1959) перекликается с тем, как изображает страдания человека Достоевский.

Преподобный Ллойд Гиеринг, занимавший пост профессора кафедры религии Университета королевы Виктории в Веллингтоне (1971–1983), был признан ведущим теологом Новой Зеландии. В 1967 г. он подвергся жестокой критике за еретическое отрицание анатомического воскрешения Христа, но впоследствии был оправдан; затем он стал деканом Богословского отделения. Гиеринг часто квалифицируется как «религиозный

⁵⁴ Yule R. M. (ed.) From Dante to Solzhenitsyn: Essays on Christianity and Literature. Wellington, 1978. P. 111–138. Нами опубликована в этом же сборнике статья о Солженицыне «Solzhenitsyn and the Russian Tradition» (с. 251–274).

⁵⁵ Yule R. M. 1) The Oak and the Calf: A Tribute to Alexander Solzhenitsyn // Challenge Weekly. 2008. Vol. 66 (31). P. 2; 2) Solzhenitsyn Remembered // Day Star. Auckland, 2008. Vol. 8 (8). P. 33–34.

атеист»⁵⁶. В 2007 г. о нем был создан документальный фильм «The Last Western Heretic» («Последний еретик Запада»), в котором Гиеринг объясняет свое мировоззрение: Бог — это концепция, а не индивидуальность, жизни после смерти нет, в Библии возможны ошибки, Иисус был обычным человеком, а не божеством, фундаментализм имеет опасные тенденции, забота об окружающей среде — это этическая обязанность каждого.

В своих исследованиях Гиеринг затрагивает произведения и темы Достоевского. В статье «The Greening of Christianity» («Озеленение христианства») убежденность Достоевского (и Ницше) в том, что падение веры в Бога приведет к моральному нигилизму, получает оценку Гиеринга: «Ничего подобного!»⁵⁷. Точка зрения Гиеринга диаметрально противоположна воззрениям Достоевского, которые нашли поддержку в академической среде Новой Зеландии в период, когда Гиеринг был привлечен к суду как еретик. Поддержкой его точке зрения стала книга Гельмута Рекса «Действительно ли воскрес Христос?», которую он успел закончить незадолго до своей кончины⁵⁸. Рекс отмечает, что безжалостная секуляризация (которая является темой многих последующих публикаций Гиеринга) «не остановилась даже перед концепцией воскрешения из мертвых Иисуса христианским Богом»⁵⁹. Лишив человечество божественного, секуляризация оставила простым смертным мир, в котором воскресший сын Божий и сам Бог — просто «чужие». Рекс высказывает предложение рассматривать секуляризацию по Достоевскому — как утверждение гордого и волевого неповиновения человека:

«В земном мире господствующего человечества не берем ли мы на себя роль Великого инквизитора по Достоевскому? Так же как Великий инквизитор в своей церкви не допустил вмешательства Христа, отдавшего за людей жизнь свою, должны ли мы закрыть доступ в мир, лишенный божественного, неподвластному смерти Иисусу и его Богу, восклицая: „Зачем же ты пришел нам мешать?“»⁶⁰

Противоречие *pro et contra*, обозначенное Достоевским, продолжает находить отголоски в сознании людей, заставляя их снова ставить вопрос о необходимости веры, примиренной с доводами разума.

⁵⁶ Pelly R., Stuart P. (eds.). *A Religious Atheist? Critical Essays on the Work of Lloyd Geering*. Dunedin, 2006.

⁵⁷ Geering L. *The Greening of Christianity*. Wellington, 2005. P. 24; Geering L. *The Changing Moral Imperative — Ethics without God*. Address to National Conference of Sea of Faith in Australia. 18 October 2010 // http://www.sof-in-australia.org/blog.php?blog_id=744

⁵⁸ Rex H. H. *Did Jesus rise from the Dead?* Auckland, 1967.

⁵⁹ Ibid. P. 82.

⁶⁰ Ibid. P. 82–83.

И. КУЗНЕЦОВА

СЛЕДЫ ДОСТОЕВСКОГО НА СНЕГУ «ВОЛШЕБНОЙ ГОРЫ» ТОМАСА МАННА

19 августа 1945 г. Томас Манн записал в дневнике: «Исповедь Ставрогина. Прочитана на английском»¹. Текст главы «У Тихона» из романа Достоевского «Бесы» Томасу Манну, по всей видимости, был прислан американской журналисткой Агнес Майер. В ответном благодарственном послании, написанном через несколько дней после прочтения исповеди, Манн признался: «Эта, в свое время скрытая, глава из „Бесов“ — действительно сильная и захватывающая вещь! Я слышал о ней только от Мережковского, потому что она не была включена в мое немецкое издание Достоевского (!)»². Почти через год в эссе «Достоевский — но в меру» (1946), Манн еще раз подчеркнул свое косвенное знакомство с этой главой: «Есть та ненапечатанная часть романа, „Исповедь Ставрогина“. По свидетельству Мережковского, это сильнейший фрагмент, полный реализма, переходящего границы искусства»³. Из подобных высказываний можно заключить, что до 1945 г. Манн не читал эту сенсационную часть романа Достоевского, впервые опубликованную в 1922 г. Интересно, однако, что между сном Ставрогина, рассказанным им в исповеди, и между сном главного героя «Волшебной горы» Ганса Касторпа, описанным в главе «Снег», прослеживаются заметные параллели. Но являются ли эти параллели примером прямого заимствования?

Томас Манн был известным знатоком и почитателем русской классической литературы. Однако исследователи творчества Манна уже

¹ «„Stawrogins Beichte“ English gelesen...» (*Mann. T. Tagebücher 1944 – 1. 4. 1946 / Hrg. Inge Jens. Frankfurt am Main, 1986. S. 243*). Перевод писем и дневниковых записей Манна, а также цитат из критических статей здесь и далее мой. — *И. К.*

² «...seiner Zeit unterdrückte Kapitel aus den ‘Dämonen’, von dem ich nur durch Mereschkowsky wußte, weil es in meine deutsche Dostojewsky (!) Ausgabe nicht aufgenommen ist. Es ist wirklich ein tolles und packendes Stück Schriftum» (*Mann T. Brief vom 25. 8. 1945 // Agenes E. Meyer: Briefwechsel 1937–1955. Hrg. V. Hans Rudolf Vaget. Frankfurt am Main, 1992. S. 635*).

³ «Ein ungedruckter Abschnitt aus diesem Roman ist vorhanden, die „Beichte Stawrogins“ [...] Nach Mereschkowsky soll es ein gewaltiges Bruchstück sein, voll eines furchbaren, die Grenzen der Kunst überschreitenden Realismus» (*Mann T. Dostojewski, mit Maßen. Einleitung zu einem amerikanischen Auswahlbande Dostojewksicher Erzählungen // Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Essays VI. 1945–1950. Vol. 19.1. Frankfurt am Main, 2002. S. 48*).

не раз обращали внимание на то, что отношение немецкого писателя к Достоевскому было неоднозначным⁴. Манн посвятил Достоевскому всего лишь одно эссе, «Достоевский — но в меру», в котором образно провел параллель между русским писателем и демоническим началом, объясняя тем самым свое воздержание от пристального разбора его творчества: «О демоническом, представляется мне, следует писать стихи, а не прозу. Оно должно по возможности выступать из глубин произведения, облеченное в юмористическую форму; мне кажется, было бы, мягко выражаясь, нескромно посвящать ему критические эссе»⁵.

О своем творчестве Манн говорил, что «глубокий, преступный и святой лик Достоевского лишь порой возникает в [его] сочинениях, чтобы тотчас же исчезнуть»⁶. Похожую мысль Манн высказал в письме доктору Фучику в 1932 г.: «В молодости я вообрал многое из духовного и художественного мира русского востока и не избежал того огромного влияния, которое оказал Достоевский на всю Европу. <...> Но меня лично даже тогда всегда тянуло к душам, тяготеющим к западу, как Толстой и Тургенев»⁷.

Монография о Манне и Достоевском еще не написана. Тем не менее произведения обоих писателей, в особенности «Братья Карамазовы» и «Доктор Фаустус», «Бесы» и «Доктор Фаустус», «Дневник писателя» и «Размышления аполитичного», «Паяц» и «Записки из подполья» и др. уже не раз сопоставлялись в критической литературе. Так, например, В. Дудкин пишет: «Т. Манн сознательно соотносит собственное произведение или его часть с произведением или частью его у Достоевского. Причем соотносительность эта не только не маскируется, а, наоборот, подчеркивается системой цитат и реминисценций, фабульных, портретных и даже жанровых аналогий. Эффект — в том, что Т. Манн пишет как бы между строк Достоевского, поскольку чтение его произведений вызывает в памяти соответствующее произведение русского писателя»⁸. С этим наблюдением трудно спорить. Однако в этой статье хотелось бы затронуть и проанализировать пример заимствования Манном из «Бесов» Достоевского, по-видимому, намеренно замаскированного.

«Бесы» Достоевского и «Волшебная гора» Манна, на первый взгляд, довольно непохожие романы, и они едва ли сопоставлялись друг с дру-

⁴ См.: *Kakabadse N.* Thomas Mann und Dostoevskij // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität. Jena; Thüringen*, 1976. Jg. 25. N 3. S. 325–331.

⁵ «Vom Dämonischen, so fühle ich, soll man dichten, nicht schreiben. Es möge, tunlichst in humoristischer Verhüllung, aus der Tiefe eines Werkes reden; ihm kritische Essays zu widmen, erscheint mir, gelinde gesagt, als Indiskretion» (*Mann T.* Dostojewski, mit Maßen. S. 43).

⁶ *Mann T.* Dostojewski, mit Maßen. S. 42–43.

⁷ «Ich habe als junger Mensch viel von der geistigen und künstlerischen Welt des russischen Ostens aufgenommen und bin nicht den gewaltigen Einflüssen entgangen, die Dostojewski auf ganz Europa ausgeübt hat. [...] Meine persönlichste Neigung galt aber auch hier mehr den Geistern, die vom Westen her beeinflusst waren, wie Tolstoi und Turgenew» (*Mann T.* Briefe 1889–1936. Frankfurt am Main, 1962–1965. Vol. I. S. 313).

⁸ *Дудкин В.* Об одном «оригинальном подражании» Т. Манна // *Достоевский. Материалы и исследования.* Л., 1976. С. 226–227.

гом в критической литературе⁹. Мы уже проводили сопоставительный анализ концепции демонического в обоих произведениях, аргументируя то, что роман «Бесы» следует считать одним из философских и идеологических источников «Волшебной горы»¹⁰. В этот раз хотелось бы продолжить анализ обоих произведений, сосредоточась на сновидениях, разбор которых не был представлен в ранней статье.

Исследователи Манна обычно сходятся во мнении, что глава «Снег», в особенности сон Ганса Касторпа, навеяны Манну трактатом Ницше «Рождение трагедии из духа музыки»¹¹. Влияние Ницше на «Волшебную гору», несомненно, велико; оно в особенности прослеживается в одном из главных лейтмотивов романа — в постоянно повторяющихся и перекликающихся образах аполлонического и дионисийского начал. Однако структурные и концептуальные параллели между снами Ставрогина и Ганса Касторпа позволяют увидеть и следы Достоевского на этом «снегу». Сновидения Ганса Касторпа и Николая Ставрогина являются центральными эпизодами обоих произведений, это сны-откровения. Герои видят их в переломные моменты жизни, находясь в состоянии духовного и психологического кризиса. Ставрогин путешествует по Западной Европе и, заблудившись, останавливается и засыпает в отеле провинциального немецкого города. В романе Манна «Волшебная гора» Ганс Касторп засыпает во время лыжной прогулки, потеряв чувство времени и ориентацию в снежной пучине, символизирующей собой азиатскую обитель. Структура обоих снов дуальна, а фабульный материал навеян героям шедеврами европейской живописи.

Ставрогин видит во сне идиллию уголка греческого архипелага — земной рай, где жили «прекрасные», «счастливые» и «невинные» (11, 21) люди, и вспоминает, что похожий пейзаж видел когда-то на картине Клода Лоррена «Асис и Галатей»: «Рощи наполнялись их веселыми песнями, великий избыток непечатых сил уходил в любовь и в простодушную радость. Солнце обливало лучами эти острова и море, радуясь на своих прекрасных детей. Чудный сон, высокое заблуждение! Мечта, самая невероятная из всех, какие были, которой всё человечество, всю свою жизнь отдавало все свои силы, для которой всем жертвовало, для которой умирали на крестах и убивались пророки» (11, 21).

В «Волшебной горе» Ганс Касторп тоже видит во сне мифологический греческий ландшафт — райскую обитель счастливых «солнечных

⁹ См.: Höltel A. Notizen zu einer Bild-Text Parallele bei Dostojewski und Thomas Mann // *Komparatistik. Jahrbuch der Deutschen Gesellschaft für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft*. Heidelberg, 1999/2000. S. 61–73; *Kakabadse N.* Thomas Mann und Dostoevskij. S. 325–331.

¹⁰ См.: Kuznetsova I. The Possessed: The Demonic and Demonized East and West in Thomas Mann's *Der Zauberberg* and Dostoevsky's *Demons* // *German Quarterly*. Vol. 85.3. 2012.

¹¹ Kristiansen B. Thomas Manns «Zauberberg» und Schopenhauers Metaphysik. Bonn, 1986. S. 225–226.

людей): «Спадали блестящие пелены дождя: море простиралось перед глазами. Это было южное море... чудно красивый залив, с одной стороны открытый в подернутые дымкой дали, с другой — опоясанный цепью гор <...> Никогда Ганс Касторп такого не видел... в Неаполе, в Сицилии или в Греции вовсе не бывал. И тем не менее он *вспоминал*. <...> И этот солнечный край, и эти легко доступные высокие берега... все было полно людей; люди, дети солнца и моря, были повсюду, они двигались или отдыхали, разумно резвая, красивая молодая поросль человечества. Сердце Ганса Касторпа, глядевшего на них, раскрывалось, до боли широко раскрывалось от любви»¹².

Как и Ставрогин, Ганс Касторп вспоминает, что уже когда-то видел подобный пейзаж на картине, однако прототип картины, предвосхищавший сон героя (картина Арнольда Бёклина «Священный Грааль»)¹³, всего лишь подразумевается в тексте романа. Райские пейзажи в снах обоих героев резко сменяются inferнальными видениями. Ставрогин вновь видит образ кроваво-красного паука на листе герани, а также силуэт погубленного им ребенка, десятилетней Матрешы (11, 22). В «Волшебной горе» счастливая часть сновидения Ганса Касторпа прерывается сценой растерзания младенца двумя старухами-ведьмами.

Аналогии между сновидениями у Манна и Достоевского отмечались немецкими исследователями. Например, в 1959 г. в своем сборнике «Отношение Томаса Манна к русской литературе»¹⁴ Лили Венор отмечает, что Манн нередко использовал сны Достоевского в качестве образцов для моделирования сновидений в своих произведениях. В частности, она пишет: «Сон Касторпа явно навеян снами о золотом веке, которые видят герои Достоевского — Версиров, Ставрогин и герой рассказа „Сон смешного человека“»¹⁵. В 1981 г. похожую мысль высказал немецкий исследователь Герд Воландт: «Для написания важнейших снов в „Волшебной горе“ Манн изучал фрагменты снов у Достоевского»¹⁶. Но говоря об этих параллелях, ни Венор, ни Воландт не анализируют доказательства возможности заимствования, как и не предлагают сопоставительного анализа. Впервые частичный сопоставительный анализ обоих сновидений был предложен Ахимом

¹² Манн Т. Волшебная гора. СПб., 2005. С. 668–669. Перевод с нем. В. Куреллы, В. Станевич.

¹³ Hölder A. Notizen zu einer Bild-Text Parallele bei Dostojewski und Thomas Mann. S. 61.

¹⁴ Venohr L. Thomas Manns Verhältnis zur russischen Literatur // Frankfurter Abhandlungen zur Slawistik. Bd. 1. Meisenheim, 1959.

¹⁵ «Diese Vision Castorps steht offensichtlich unter dem Eindruck jener Träume von einem goldenen Zeitalter, die Dostojewskijs Helden Wersilow, Stawrogin und der Held der kleinen Erzählung „Der Traum eines lächerlichen Menschen“ haben» (Venohr L. Thomas Manns Verhältnis zur russischen Literatur. S. 71).

¹⁶ «Für die grossen Träume im „Zauberberg“ hat Thomas Mann Dostojewskijs Traum-Partien studiert» (Wolandt G. Notizen über Dostojewskij im Werk Thomas Mann // Dostojewskij und die Literatur. Köln, 1981. S. 406).

Хёлтером¹⁷. Однако высказывания Манна в его дневниках и ссылки на Мережковского, процитированные выше, наталкивают Ахима Хёлтера на следующий вывод: «Когда доказательство обратного едва ли возможно, это четкое перефразирование свидетельствует о том, что Манн не знал более ничего о предвосхищенном картиной сне. Многое указывает на отсутствие прямого заимствования»¹⁸. В своей статье Хёлтер также пишет, что эта глава впервые была издана в Германии только в 1924 г. под редакцией Марианны Кегель, со следующим заглавием: «Бесы. Роман в двух частях. Полное издание, включающее главу, не печатавшуюся до 1922 года: Исповедь Ставрогина»¹⁹. В этом случае Манн действительно мог не успеть прочесть текст Достоевского до публикации «Волшебной горы» в 1924 г., что и подразумевается в статье Хёлтера.

Однако проведенное исследование показывает, что впервые интересующая нас глава из «Бесов» Достоевского была опубликована в Германии уже в 1922 г., вскоре после того, как ее обнаружили среди рукописей Достоевского. Текст исповеди Ставрогина был переведен и издан Александром Элиасбергом, другом Томаса Манна, под заглавием: «Исповедь Ставрогина: три неопубликованные главы из романа „Бесы“»²⁰.

Александр Элиасберг был известным переводчиком на немецкий язык, составителем разнообразных антологий, автором статей и очерков о русских писателях. Его дружба с Томасом Манном началась в 1914 г. и продолжалась до смерти переводчика в июле 1924 г. (за четыре месяца до публикации «Волшебной горы» в ноябре 1924 г.). Элиасберг был не только «превосходным посредником» между русской и немецкой литературой, как называл его Манн²¹, но и основным «поставщиком» переведенной русскоязычной литературы для немецкого писателя. Как свидетельствуют памятные надписи на книгах, хранящихся в архиве писателя в Цюрихе, Элиасберг дарил Манну практически все самостоятельно изданные или переведенные произведения²².

¹⁷ Hölder A. Notizen zu einer Bild-Text Parallele bei Dostojewski und Thomas Mann // Komparatistik. Jahrbuch der Deutschen Gesellschaft für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft. Heidelberg, 1999/2000. S. 61–73.

¹⁸ «Gerade diese deutliche Paraphrase macht es wahrscheinlich, dass Mann mehr über den Bildertraum nicht wusste, wenn ein Negativbeweis auch kaum möglich ist. Vieles spricht also gegen einen genetischen Bezug» (Hölder A. Notizen zu einer Bild-Text Parallele bei Dostojewski und Thomas Mann. S. 71).

¹⁹ Dostojewski F.M. Die Teufel. Roman in zwei Teilen. Vollständige Ausgabe einschließlich des bis zum Jahre 1922 unveröffentlicht gebliebenen Kapitels: Die Beichte Stawrogins. Dt. v. Kegel M. Leipzig, 1924.

²⁰ Dostojewskij F. Die Beichte Stawrogins. Drei unveröffentlichte Kapitel aus dem Roman «Die Teufel». Zum erstenmal ins Deutsche übertragen und herausgegeben von Alexander Eliasberg. München, 1922.

²¹ См.: Манн Т. Русская антология // Т. Манн. Художник и общество. Статьи и письма / Составление С. Апта. М., 1986. С. 37. (Перевод С. Апта.)

²² Подробнее о взаимоотношениях Манна и Элиасберга см.: Зильб К. «Превосходный посредник». Томас Манн и Александр Элиасберг // Звезда. 2004. № 9. С. 169–179.

Стоит также отметить, что Томас Манн перечитывал «Бесы» несколько раз. Впервые Манн познакомился с романом «Бесы» еще в юности: он увлекся творчеством Достоевского, прочитав в 1903 г. литературно-критическую работу Д. Мережковского «Толстой и Достоевский». В следующий раз Манн, по-видимому, перечитывал этот роман после выхода в свет полного собрания сочинений Достоевского на немецком языке, во время работы над «Волшебной горой»²³. Этот экземпляр «Бесов», хранящийся в библиотеке Манна в Цюрихе, буквально испещрен многочисленными пометками писателя. Манн возвращается к «Бесам» в августе–сентябре 1940 г., а затем еще раз в 1945 г., незадолго до написания эссе «Достоевский — но в меру»²⁴. Приведенные выше факты демонстрируют значительный интерес немецкого писателя к этому произведению Достоевского. Более того, напрашивается предположение, что Элиасберг вполне мог подарить Манну переведенную им исповедь Ставрогина. Действительно, было бы странно, если бы Томас Манн, глубоко почитаемый Элиасбергом до конца его жизни и столь заинтересованный в этом романе Достоевского, не был бы одним из первых немецких читателей сенсационного текста.

Однако прямые подтверждения этой гипотезы, к сожалению, отсутствуют. Несмотря на то что Манн и Элиасберг поддерживали переписку все десять лет своего знакомства, в собрании писем Манна, хранящихся в его архиве в Цюрихе, переписка друзей с 1919 по 1924 г. отсутствует. Не сохранились также и дневниковые записи Манна тех лет, потому что свои дневники 1922–1933 гг. Томас Манн, как известно, сжег. Тем не менее, приведенные выше аргументы наводят на мысль о том, что Манн, скорее всего, лукавит в письме Агнес Майер, когда говорит, что никогда ранее не читал запрещенную главу Достоевского. Возможно, уничтожая письма и дневниковые записи, Манн пытался в частности скрыть и следы заимствования из «Бесов» Достоевского.

Как уже отмечалось, Томас Манн часто прибегал к приему заимствования. Немецкий писатель был искренне убежден, «что в молодости талант к подражанию почти равнозначен оригинальному дарованию»²⁵, и нередко открыто описывал тот материал, который его вдохновил или наполнил смыслом его собственный текст. Например, Манн признавался, что, работая над романом «Доктор Фаустус», специально перечитывал «Братьев Карамазовых» и что сцена беседы Ивана с чертом оказалась прямое воздействие на разговор с чертом Адриана Леверкюна в 25-й главе «Доктора Фаустуса»²⁶. Так для чего же ему нужно было скрывать заимствование в «Волшебной горе»? Боялся ли Манн неглас-

²³ См.: Kuznetsova I. The Possessed: The Demonic and Demonized East and West in Thomas Mann's *Der Zauberberg* and Dostoevsky's *Demons*. P. 289.

²⁴ См.: Фридлендер Г. «Доктор Фаустус» Т. Манна и «Бесы» Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 14. СПб., 1997. С. 7–8.

²⁵ Дудкин В. Об одном «оригинальном подражании». С. 225.

²⁶ Фридлендер Г. «Доктор Фаустус» Т. Манна и «Бесы» Достоевского. С. 7.

ных упреков в отсутствии творческой и литературной оригинальности? Или это подтверждение собственной идеи «Достоевский — но в меру»? Или же причины носят более глубокий политический и идеологический характер, связанный со сменой убеждений Манна?

Обостренный интерес Манна к Достоевскому, как отмечал Г. М. Фридлендер, пришелся на годы Первой и Второй мировой войн, то есть на периоды кризиса в Европе и в самой жизни Манна²⁷. Во время Первой мировой войны Манн прервал работу над «Волшебной горой» и начал внимательно изучать произведения Достоевского в связи с «Размышлениями аполитичного», а также публицистикой — «Мысли о войне» (1914), «Гёте и Толстой» (1921) и «Русская антология» (1921).

В этих произведениях Манн размышляет о роли Германии на европейской политической арене, ее уникальном культурном и политическом развитии, пытаясь определить корни собственной социально-философской позиции. В начале XX в. Манн открыто позиционирует себя как консерватор, в культурологическом аспекте этого определения. Исходя из популярного в те годы противопоставления культуры (*Kultur*) и цивилизации (*Zivilisation*), Манн характеризует имперскую Германию с ее особенным пониманием гуманизма и морали как воплощение *Kultur*. Традиционная немецкая культура представляется ему как более гармоничная и глубокая, духовная и музыкально-метафизическая, «демоническая» и «героическая»²⁸ — как культура, обращенная к мыслям о вечности бытия. «Цивилизацию», напротив, Манн отождествляет с либеральным гуманизмом западных демократий, а именно, с более поверхностным, рационалистическим и индивидуалистическим началом. Воспринимая Первую мировую войну как борьбу *Kultur* и *Zivilisation*, Манн всячески защищает роль и миссию Германии в военных действиях против сил Антанты, а также ее право на собственное независимое культурное и политическое развитие. В этом контексте Манн обращается к авторитету Достоевского, цитируя эссе «Германский мировой вопрос» из «Дневника писателя» за 1877 г.²⁹, в котором Достоевский определил Германию как срединную страну, мечущуюся между полярностями востока и запада: «Характернейшая, существенная черта этого великого, гордого и особенно народа, с самой первой минуты его появления в историческом мире, состояла в том, что он никогда не хотел соединиться, в призвании своем и в началах своих, с крайне-западным европейским миром, то есть со всеми преемниками древнеримского призвания» (25, 153).

²⁷ Там же. С. 5.

²⁸ *Mann T. Gedanken im Kiege // Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Essays II. 1914–1926. Vol. 15.1. Frankfurt am Main, 2002. S. 45.*

²⁹ «Der charakteristischste, wesentlichste Zug dieses großen, stolzen und besonderen Volkes bestand schon seit dem ersten Augenblick seines Auftretens in der geschichtlichen Welt darin, dass es sich niemals [...] mit der äußersten westlichen Welt hat vereinigen wollen» (*Mann T. Betrachtungen eines Unpolitischen // Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Vol. 13.1. Frankfurt am Main, 2009. S. 47.*)

«Размышления аполитичного» Манна буквально пронизаны цитатами из Достоевского по всем основным темам этого публицистического труда: конфронтация Германии с Западом, демократия и авторитаризм, вера и атеизм, свобода и искусство³⁰. Как замечает В. Дудкин, «влияние Достоевского здесь настолько всеобъемлюще, что перерастает в нечто вроде соавторства»³¹. Поэтому неудивительно, что в период Первой мировой войны, несмотря на то что Россия воевала на стороне Антанты, Манн воспринимает Германию в союзничестве с Востоком, с Россией и с идеями Достоевского, которые сливаются для него в единое целое³². В письме Александру Элиасбергу от 20 октября 1915 г. Манн пишет: «Вы опять меня по-настоящему порадовали. Вы знаете о моей любви к России (это любовь всем сердцем, хотя Константинополь я им так и не отдал бы). В этой войне моя позиция направлена против Запада, а не против Востока, несмотря на большую физическую угрозу с той стороны»³³. А спустя год Манн так же эмоционально реагирует на развитие немецко-русских отношений и предлагает в письме Элиасбергу «что-то предпринять для установления мира с Россией»³⁴.

Однако в 1920-е гг., наблюдая, как немецкий консерватизм все больше перерастает в укрепляющееся реакционное движение нового образца, национал-социализм, Томас Манн постепенно пересматривает свои политические воззрения и в конце концов выступает в поддержку буржуазно-демократической Веймарской республики. Программная речь Манна 1923 г. «О немецкой республике» («An die deutsche Republik») была манифестом в поддержку еще молодой и неокрепшей немецкой демократии, обличением ее основных угроз в лице правых и левых радикальных движений³⁵.

Пересмотр Манном его политической позиции сопровождался постепенным дистанцированием немецкого романиста от Востока. Уже в 1921 г. в эссе «Гёте и Толстой» Манн определяет Германию как страну, обособ-

³⁰ Kurze H. Dostojewski in den Betrachtungen eines Unpolitischen // Thomas Mann und seine Quellen. Frankfurt am Main, 1991. S. 138.

³¹ Дудкин В. Т. Манн о Достоевском, «но в меру» (доклад, прочитанный на 36-х Международных чтениях «Достоевский и мировая культура» (СПб., 2011)).

³² См.: Kuznetsova I. The Possessed: The Demonic and Demonized East and West in Thomas Mann's *Der Zauberberg* and Dostoevsky's *Demons*. S. 279–280.

³³ «Sie haben mir wieder eine rechte Freude gemacht. Sie kennen meine Liebe zu Russland (die eine Herzensthatsache ist, obgleich auch ich ihnen Konstantinopel nicht gönne). Mein Gesicht ist in diesem ganzen Kriege gegen Westen gekehrt, nicht gegen Osten, so gross die physische Gefahr war, die von dort drohte» (Thomas Mann Archiv. Zurich; цитируется неопубликованное письмо А. Элиасбергу от 20 октября 1915 г., Мюнхен).

³⁴ «Können Sie nicht irgend etwas thun, dass der Sonderfriede mit Russland zustande kommt, den ich seit einem Jahre befürworte? Auch Mereschkowski wäre vielleicht dafür zu gewinnen, und wenn wir drei zusammenhalten, so müsste es doch gehen» (Thomas Mann Archiv. Zurich; цитируется неопубликованное письмо А. Элиасбергу от 10 октября 1916 г., Мюнхен).

³⁵ Vaget H.R. The Making of the «Magic Mountain»// Thomas Mann's «The Magic Mountain». A casebook. Oxford, 2008. P. 14.

ленную и от Востока, и от Запада, и призывает молодое поколение немцев сделать новый культурный выбор: «Рим или Москва? Не Рим и не Москва — должен быть ответ, — а Германия»³⁶. В этом же эссе Томас Манн формулирует свое представление о Германии как о срединной стране (*das Land der Mitte*), способной разрешить противоречия между европейским и азиатским началами своей приверженностью к европейскому порядку, с одной стороны, и тяготением к искусству и духовно-эмоциональной сфере — с другой. Он пишет: «Она [Германия] будет не азиатской и дикой, а европейской, а значит, одаренной чувством структуры, порядка и меры, но также и буржуазна в самом старейшем, достойнейшем, средневековом германском понимании: культурна, образованна и целесообразна»³⁷.

Политическая переориентация Манна, по-видимому, сопровождалась также и пересмотром его отношения к Достоевскому, что находит отражение в его эссе «Германия и демократия» (1925): «Наша увлеченность Востоком Достоевского в до- и в послевоенный период была оттого столь пылкой, что мы с самодовольством приветствовали высказывание французского критика о том, что немцы в своей глубинной сущности — азиаты. Но такие настроения уже в прошлом. *Германия опять начинает ориентироваться на Запад*»³⁸.

С одной стороны, 1910–1920-е гг. знаменуют собой апогей культа Достоевского в Германии. В 1919 г. Герман Гессе констатирует, что немецкая молодежь считает Достоевского, а не Ницше и Гёте своим великим писателем³⁹. После Первой мировой войны побежденные немцы приветствовали Достоевского как пророка российской и европейской катастроф, как главного критика эпохи, а также как символ альтернативного культурного развития⁴⁰. Психологическая глубина, религиозный мистицизм и нещадное обличение материализма запада придали Достоевскому особую популярность среди поколения немецких

³⁶ Mann T. Goethe und Tolstoi. Vortrag // Mann T. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Essays II. 1914–1926. Vol. 15.1. Frankfurt am Main, 2002. S. 420.

³⁷ «Es wird nicht asiatisch sein und wild, sondern europäisch, das heißt begabt mit dem Sinn für Gliederung, Ordnung, Maß, und bürgerlich immer noch in der ältesten, würdigsten, der mittelalterlich-deutschen Bedeutung, d.h. kunstreich und gebildet durch Sachlichkeit» (Ibid.).

³⁸ «Unsere Hingabe an den Osten Dostojewskis war während gewisser Jahre in und nach dem Kriege dermaßen ungestüm, dass wir den Satz eines französischen Kritikers, das deutsche Wesen sei in seiner Tiefe asiatisch, mit einer Art von Selbstgefälligkeit begrüßten. Das ist schon vorbei. [...] *Deutschland beginnt seinen Blick wieder nach Westen zu richten* [...]» (Mann T. Deutschland und die Demokratie // Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Essays II. 1914–1926. Vol. 15.1. S. 946).

³⁹ «...daß die europäische, zumal die deutsche Jugend Dostojewski als ihren großen Schriftsteller empfindet, nicht Goethe, auch nicht einmal Nietzsche» (Hesse H. Die Brüder Karamasoff oder Der Untergang Europas // Hesse H. Sämtliche Werke. Die Welt im Buch III: Rezensionen und Aufsätze aus den Jahren 1917–1925. Vol. 18. Frankfurt am Main, 2002. S. 126).

⁴⁰ Например, Шпенглер в «Закате Европы» говорил об «азиатском пути» как об альтернативе западному пути развития, а также как о возможности возрождения европейской цивилизации. См.: Spengler O. The Decline of the West. New York, 1939. Vol. II. P. 196.

экспрессионистов, чьим безусловным лидером Достоевский стал в 1920-е гг.⁴¹ Так, на картине «Встреча друзей» («Au rendez-vous des amis», 1922) немецкий художник Макс Эрнст изобразил Достоевского, сидящего в кругу европейских модернистов, а себя — у него на колене. С другой стороны, культ Достоевского порождал и противоположные тенденции среди интеллектуалов, которые видели в увлечении творчеством русского писателя симптом разложения западной цивилизации. В известном эссе «„Братья Карамазовы“, или Закат Европы» (1919) Герман Гессе пишет: «Идеал Карамазовых, первобытный, азиатский и оккультный, уже начинает поглощать европейскую душу. В этом я вижу закат Европы»⁴².

Тенденция ассоциировать упадок западноевропейского общества с восточноевропейским влиянием, и в особенности с влиянием России, находит свое выражение и в менее известном российскому читателю эссе Гуго фон Гофманстля «Взгляд на духовное состояние Европы» (1924). Называя Достоевского настоящим духовным наставником немецкой молодежи, Гофмансталь с опасением отмечает, что сила его влияния не поддается никаким объяснениям: «Это настоящее волшебство, все болезненно-возвышенное в его романах служит ей [молодежи] пищей для ума»⁴³. Как и Гессе, Гофмансталь характеризует интеллектуальную атмосферу эпохи как «борьбу двух душ» (азиатской и европейской) за «души думающих и ищущих европейцев»⁴⁴. Но если Гессе видел в прохождении через хаос, олицетворенный в образе Карамазовых, неизбежный путь Европы, как и предпосылку ее будущего возрождения, то Гофмансталь определяет влияние Достоевского как временное и мимолетное явление и объясняет популярность русского писателя тем, что «трон духовного императора Европы пуст»⁴⁵.

От «овостоичивания»⁴⁶ немецкого духа пытался предостеречь и швейцарский журналист Макс Рихнер в статье «Достоевский и Запад» (1925). Констатируя кризис национальной литературы, поглощенной восточным влиянием и Достоевским в частности, Рихнер выступает в защиту традиционных западных ценностей. Обличая в произведениях русского писателя «демонизацию интеллекта» и «культурное варварство»⁴⁷, Рихнер призывает немецкую молодежь отказаться от апокалиптической

⁴¹ См. например: *Криницын А.* Достоевский в Германии // Достоевский и XX век. М., 2007. С. 179–219.

⁴² *Hesse H.* Die Brüder Karamasoff oder Der Untergang Europas. S. 126.

⁴³ *Hofmannsthal H.* Blick auf den geistigen Zustand Europas // Hofmannsthal H. Gesammelte Werke in Einzelausgaben. Prosa. IV. Frankfurt am Main, 1955. S. 77.

⁴⁴ *Ibid.* S. 78.

⁴⁵ *Ibid.* S. 77.

⁴⁶ *Rychner M.* Dostojewski und der Westen // Neue Schweizer Rundschau. Zürich, 1926. Bd. 29. S. 508–520. S. 510.

⁴⁷ *Ibid.* S. 515.

модели мышления, от утопического стремления найти в Достоевском разрешение всех внутренних конфликтов, а также и от протестного отрицания западных идеалов. Более того, он подчеркивает, что так называемый новый «азиатский идеал» не предлагает ничего такого, что не являлось бы изначально исконно германскими ценностями, и старается всячески предостеречь немцев от переоценки значения идей Достоевского⁴⁸.

В целом, как уже отмечалось исследователями, в восприятии немцев Достоевский становится олицетворением России, русского духа и азиатского начала. «Не важно — день или ночь: Достоевский — это Россия, а Россия — это хаос, значит, и Достоевский тоже хаос»⁴⁹, — писал Теодорих Кампман в первой монографии, посвященной Достоевскому в Германии.

Кампания демонизации Востока находит выражение и в романе Манна «Волшебная гора». Если в «Размышлениях аполитичного» симпатии писателя были всё еще на стороне России, Достоевского и ценностей Востока, то текст «Волшебной горы», как отголосок веяний времени, конструирует азиатское влияние прежде всего как демоническое, дионисийское и агаvistическое начало. «Волшебная гора» — это исторический, политический и философский роман, затрагивающий все самые актуальные проблемы Германии рубежа XIX–XX вв. Одной из таких ключевых тем, посредством которой удастся проследить эволюцию отношения Манна к Достоевскому, является проблематика Востока и Запада — лейтмотив романа.

Действительно, конфликты персонажей в романе Манна связаны с различиями между западным и восточным путями развития цивилизации. Итальянец Сеттембрини, главный представитель западного лагеря, твердо придерживается взглядов, что в основе борьбы за господство на земле лежат два принципа: «сила и право, тирания и свобода, суеверие и знание, принцип косности и принцип кипучего движения вперед, прогресса». Первый принцип он отождествляет с началом азиатским, с «воплощением неподвижности и бездеятельного покоя»; второй — с началом европейским, с олицетворением «критики», «просвещения» и «преобразующей деятельности»⁵⁰. Сеттембрини предупреждает Ганса Касторпа, что в будущем «предстоят великие решения — решения, имеющие исключительную важность для счастья и будущего Европы». Так как Германия «поставлена между Востоком и Западом», то этот выбор падет на долю ее народа, которому придется «примкнуть к той или другой сфере, так как обе притязают на ее сущность»⁵¹. Итальянец

⁴⁸ Ibid. S. 511.

⁴⁹ «Immerhin — ob nun Tag oder Nacht, Dostojewski ist Russland, und Russland ist Chaos. Also ist auch Dostojewski Chaos» (*Kampmann T. Dostojewski in Deutschland. Münster, 1931. S. 148*).

⁵⁰ Манн Т. Волшебная гора. С. 225.

⁵¹ Там же. С. 703.

констатирует, что Ганс Касторп как представитель молодого поколения Германии «будет участвовать в этом решении» и несет на себе ответственность за правильно сделанный моральный выбор»⁵², который равносителен выбору между добром и злом.

Восток в «Волшебной горе» ассоциируется с размытостью пространственных и временных границ, с иррациональной демонически-дионисийской энергией. Именно эти характеристики присущи устройству и нравам высокогорного туберкулезного санатория «Бергхоф», несмотря на то что за его стенами совершаются новейшие открытия в области техники и медицины. В этом санатории пациенты сравниваются с «теньями», а доктора — с представителями подземного царства мертвых, Миносом и Радамантом. Болезненная атмосфера этого места всячески способствует размеренному и бесцельному существованию, лишенному каких-либо происшествий и движения времени. Поэтому, как замечает Сеттембрини, «Бергхоф» не случайно переполнен русскими: «В здешней атмосфере, между прочим, слишком много Азии — недаром тут так и кишит типами из московитской Монголии»⁵³.

Уже в своей ранней новелле «Смерть в Венеции» (1912) Манн символически вводит русскую чету как знамение упадка и деградации на венецианском побережье. Из всех героев новеллы она одна и остается впоследствии в зараженном городе. В «Волшебной горе» главной представительницей азиатского лагеря является русская роковая женщина мадам Шоша, в которую главный герой безнадежно влюбляется. С одной стороны, Шоша — своего рода рупор гуманистических идей Достоевского: именно ее идеи Манн переформулировал следующим образом в своем «Введении в „Волшебную гору“»: «Усвоенные им уроки сводятся к тому, что всякое здоровье в высоком смысле этого слова должно сначала пройти школу глубокого познания болезни и смерти, точно так же как познание греха является предварительным условием спасения души»⁵⁴. С другой стороны, Шоша олицетворяет дионисийский иррационализм, хаос и безграничную свободу — всё то, от чего просветитель Сеттембрини пытается уберечь своего героя. В романе Шоша сравнивается с различными демоническими фигурами: с Сатаной, Лилит, с волшебницей Циркой. После карнаваль-ной ночи, закончившейся любовной сценой между Гансом Касторпом и его возлюбленной, Сеттембрини спрашивает: «Ну как, инженер, пришелся вам по вкусу гранат?»⁵⁵ Этим вопросом просветитель проводит параллель между мадам Шоша и Аидом, богом подземного царства мертвых, а также между Гансом Касторпом и Персефоной, дочерью Деметры и Зевса, которая, познав вкус граната из сада Аида, навсег-

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 338.

⁵⁴ Там же. С. 984.

⁵⁵ Там же. С. 490.

да остается ему подвластна, вынужденная каждый раз возвращаться в царство теней.

Центральный момент противостояния Ганса Касторпа с азиатским началом происходит в главе «Снег», которая отчасти, как и говорилось выше, была, скорее всего, навеяна «Бесами» Достоевского. В этой главе, изначально задуманной как заключительная часть романа, Ганс Касторп решает на лыжную прогулку в одиночестве и едва не погибает в метели. Это снежное путешествие героя представляется как вход в недра обители Аида, в «равнодушно-грозное ничто»⁵⁶, в которое его влечет мистический голубой свет на снегу, напоминающий «свет и цвет неких глаз... которые господин Сеттембрини, твердо стоящий на гуманистических позициях, презрительно окрестил „татарскими шелками“»⁵⁷.

Азиатское королевство мадам Шоша, олицетворенное в снежной пучине, представлено как обитель, где стираются как временные, так и пространственные границы, где оформленная реальность становится эфемерной, где Ганс Касторп теряется среди «вихрей белого мрака»⁵⁸. Ему кажется, что путешествие длилось часами, на самом же деле он пробуждал всего лишь четверть часа⁵⁹. Ганс Касторп беспутно блуждает вокруг хижины, полагая, что движется вперед, и произвольно замечает: «„Беспутно“, что за выражение? Его совсем не так употребляют, для того, что со мной случилось, оно не годится, я его применил произвольно, потому что в голове у меня всё путается»⁶⁰. Бесцельное блуждание и круговая замкнутость его прогулки в трансцендентном пространстве снежной пучины напоминают обыденное прозябание в санатории, в этой безвременной азиатской обители. Более того, немецкий глагол «*umkommen / ist umgekommen*», переведенный в русском тексте как «беспутно», означает также и «погибнуть», что еще раз подчеркивает метафизическое значение его блуждания.

Заснув под воздействием выпитого рома (аллюзия на дионисийский напиток), Ганс Касторп видит сон, напоминающий сновидение Ставрогина. Первая часть сна о райском сосуществовании счастливых людей в сновидениях обоих героев символизирует стремление человечества к гармонии, к утопической жизни, освобожденной от всех противоречий. В обоих произведениях переход от райской к демонической части сновидений сопровождается кульминационным «анагноризисом». Ставрогин, к примеру, видит сквозь пучок лучей заходящего солнца крошечного красного паука и вспоминает тот день — самоубийство Матрешы, — «когда так же лились косые лучи заходящего солнца» (11, 22), постигая всю сущность собственного «я».

⁵⁶ Там же. С. 659.

⁵⁷ Там же. С. 652.

⁵⁸ Там же. С. 659.

⁵⁹ Там же. С. 664.

⁶⁰ Там же.

Похожий процесс «узнавания» описан и во сне Ганса Касторпа. После картин «солнечно-благостного счастья» перед ним открывается тяжелый серо-зеленый храм, в который он входит с «тяжелым сердцем»⁶¹. Он видит «глубокую колоннаду», а потом изваяние: две высеченные из камня фигуры на пьедестале, изображающие мать и дочь⁶². Исследователи единодушны в том, что каменные фигуры, которые видит Ганс Касторп, олицетворяют Деметру и ее дочь Персефону в момент прощания, когда последняя должна возвращаться в царство Аида⁶³. Вспоминая слова Сеттебрини, Ганс Касторп идентифицирует себя с Персефой, навеки заколдованной Аидом, и, охваченный ужасом, внезапно осознает, что его лыжная прогулка — не что иное, как погружение в преисподнюю.

Внутри храма Касторп увидел, как «две старухи, полуголые, косматые, с отвислыми грудями и сосками длиною в палец, мерзостно возились среди пылающих жаровен. Над большой чашей они разрывали младенца, в неистовой тишине разрывали его руками... и пожирали куски, так что ломкие косточки хрустели у них на зубах и кровь стекала с иссохших губ»⁶⁴. По мнению исследователей, растерзание младенца ведьмами — это аллюзия на рождение Диониса и его расчленение титанами, описанное Ницше в «Рождении трагедии из духа музыки». Таким образом, дихотомия сна, противопоставление «солнечных» людей дионисийскому жертвоприношению, выступает как олицетворение борьбы аполлонического и дионисийского начал. Тогда как кровавое жертвоприношение раскрывает всю опасность влечения Ганса Касторпа к Востоку, к обожествлению болезни и смерти, утопическая жизнь людей солнца указывает на необходимость и возможность преодоления смерти и насилия любой ценой. Поэтому исследователи соглашались в том, что философское откровение сна Ганса Касторпа является высшей точкой «воспитания» главного героя. Тот вывод, который он почерпнул для себя, сформулирован в тексте романа в следующем выделенном курсивом высказывании: *«Во имя любви и добра человек не должен позволять смерти господствовать над его мыслями»*⁶⁵.

Несмотря на всю важность этого откровения, нужно заметить, что Ганс Касторп делает и иное заключение, разоблачая другую сторону утопической реальности своего сна. Он осознает, что дионисийское жертвоприношение осуществляется в самом центре обители счастливых людей, которые, будучи осведомлены о происходящем, не пытаются приостановить жутчайшее действие. Ганс Касторп приходит к следующему размышлению: «Мне снился сон о назначении человека, о его

⁶¹ Там же. С. 671.

⁶² Там же. С. 672.

⁶³ Kristiansen B. Thomas Manns «Zauberberg» und Schopenhauers Metaphysik. S. 212–213.

⁶⁴ Манн Т. Волшебная гора. С. 672.

⁶⁵ Там же. С. 675.

пристойно разумном и благородном товариществе на фоне разыгрывающегося в храме омерзительного кровавого пиршества. Или солнечные люди потому так учтивы и внимательны друг с другом, что втайне знают о совершающемся ужасе? В таком случае они сделали из этого весьма утонченные и галантные выводы»⁶⁶.

Сонное откровение Ганса Касторпа вполне созвучно вопросу Достоевского о возможности гармонии, достигнутой ценой «слезинки ребенка». Когда пейзаж райской идиллии сменяется образом погубленной девочки, Ставрогин «увидел Матрешу, исхудавшую и с лихорадочными глазами, точь-в-точь как тогда, когда она стояла у меня на пороге и, кивая мне головой, подняла на меня свой крошечный кулачок. И никогда ничего не являлось мне столь мучительным! <...> Нет — мне невыносим только один этот образ, и именно на пороге, с своим поднятым и грозящим мне кулачком...» (11, 22).

Похожий образ возникает и в разговоре Ивана Карамазова с Алейшей: «Понимаешь ли ты это, когда маленькое существо, еще не умеющее даже осмыслить, что с ней делается, бьет себя в подол месте, в темноте и в холоде, крошечным своим кулачком в надорванную грудку и плачет своими кровавыми, незлобивыми, кроткими слезками к „боженьке“, чтобы тот защитил его... <...> Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к „боженьке“... Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка...» (14, 220–223).

Итак, Томас Манн объединяет метафору Достоевского с мифологической фабулой о растерзании Диониса, описанной Ницше в «Рождении трагедии из духа музыки», которая подразумевает, что разрушение лежит в основе любого формообразования. Не поэтому ли столь скоро Ганс Касторп забывает положительный гуманистический вывод из своего сна? «Привидевшийся ему сон понемногу тускнел. Мысли, бродившие у него в голове, уже в этот вечер стали ему не совсем понятны»⁶⁷. Как и в случае со Ставрогиным, сон-откровение не имеет никаких последствий для нравственного перерождения героя. Ставрогин так и не решается обнародовать свою исповедь, совершает дальнейшие преступления и заканчивает жизнь самоубийством. Ганс Касторп тоже не делает никаких выводов, навеянных ему сновидением. Герой Манна не возвращается на равнину служить на славу отечества и гуманизма, к чему его всячески призывает Сеттембрини. Вместо этого, подобно Персефоне, Ганс Касторп остается в плену азиатского влияния: он постепенно теряет ощущение времени, отказавшись как от часов, так и от календарей; символично пересаживается за «плохой русский стол», подтверждая тем самым свою деграцию, и в конце концов,

⁶⁶ Там же. С. 674.

⁶⁷ Там же. С. 677.

бросая вызов буржуазному существованию, остается проживать в санатории долгие семь лет.

В обрисовке сна Ганса Касторпа Томас Манн сочетает мотивы Ницше, «люциферовского гения», и Достоевского, «византийского Христа»⁶⁸, как «братьев по духу». С одной стороны, Восток представлен в романе как дионисийское начало. С другой — гуманистические идеи русского романиста переплетаются с мифологическим сюжетом, лежащим в основе «Рождения трагедии из духа музыки» Ницше. Однако Манн придает мотивам Ницше первостепенное значение.

Как сформулировал Виктор Дудкин в докладе «Т. Манн о Достоевском, „но в меру“», у Манна часто срабатывает «архаический, но оккультный механизм „свой–чужой“». Дудкин иллюстрирует эту мысль на примере статей Манна о Достоевском и Ницше, написанных одна за другой: «Что же сразу бросается в глаза: в статье о Достоевском дается развернутая параллель его с Ницше, в то время как в статье о Ницше Достоевский упоминается только один раз. Такова логика у-сво/й/ения „чужого“: оно познается через „свое“, в сопоставлении со „своим“».

Проведенный анализ показывает, что период работы над «Волшебной горой» характеризуется пересмотром отношения Манна как к Востоку, так и к Достоевскому. Поклонник Достоевского в начале Первой мировой войны, Манн всячески пытается дистанцироваться от него в 1920-е гг. — во время переоценки своей консервативной позиции в пользу почти вынужденного выбора либерально-демократической идеологии. Воспринимая творчество русского писателя как воплощение всего болезненного, немецкий писатель, подобно своему герою, всячески пытается освободиться от Достоевского как от демонического влияния, к которому ощущает внутреннюю склонность. Однако сам факт завуалированного заимствования из произведений русского романиста свидетельствует о том, что, демонизируя азиатское начало в период переориентации на западные ценности, Манн, тем не менее, остается в плену этого влияния. Подобно Персефоне, познавшей вкус граната, Манн возвращается к Достоевскому не только в «Волшебной горе», но также и в работе над следующим демоническим романом — «Доктором Фаустусом». Поэтому любовная линия «Волшебной горы», как кажется, представляется не только историей искушения немецкого бюргера демонической силой Востока. Она, по-видимому, прослеживается и в «лирическом романе» немецкого писателя с Достоевским, чье влияние на Манна было безусловно значительнее, нежели ему хотелось публично признать.

⁶⁸ *Mann T. Dostojewski, mit Maßen. S. 44.*

П. ПЕТРОВ

ДОСТОЕВСКИЙ НА БОЛГАРСКОЙ СЦЕНЕ

(заметки актера)¹

Осенью 1920 г. в Болгарию впервые приехала на гастроли труппа актеров Московского художественного театра. Помимо уже традиционных для репертуара МХТ постановок чеховских пьес («Вишневый сад», «Дядя Ваня» и «Три сестры»), в программу гастролей были включены пьесы А. Н. Островского, Кнута Гамсуна, а также спектакли по произведениям Достоевского. По словам критика М. Генова, болгарские зрители «вдруг поняли, какая бездна отделяет их от европейского и русского театра»².

Пьесы Чехова, Островского и Гамсуна были уже знакомы болгарскому зрителю, но он впервые увидел спектакли по произведениям Достоевского. На болгарской сцене они появились лишь через несколько лет, а их режиссерами были русские эмигранты. С 1923 по 1925 г. главным режиссером Народного театра был Йосиф Осипов, поставивший «Идиота» в инсценировке В. Крылова и С. Сугутина (в пяти актах). Премьера спектакля состоялась 28 февраля 1925 г., в бенефис Адрианы Будевской (отмечалось 25-летие ее артистической деятельности) — актрисы, сыгравшей роль Настасьи Филипповны, а в свое время получившей театральное образование в школе Малого театра. В постановке «Идиота» приняли участие лучшие силы Национального театра Болгарии — В. Кирков (князь Мышкин), С. Огнянов (Рогожин), С. Бычваров, П. Атанасов, Г. Стаматов и др. Несмотря на это, спектакль не пользовался большим успехом: видимо, Осипову не удалось найти общий язык с болгарскими актерами. Эту задачу разрешил другой русский режиссер, последователь школы Станиславского — Николай Осипович Массалитинов (1880–1961). С осени 1925 г. Н. О. Массалитинов жил Болгарии, в 1925–1944 гг. был главным режиссером Народного театра в Софии, с 1944 г. был режиссером Народного театра и одновременно возглавлял при нем школу-студию (с 1948 г. Высший институт театрального искусства — ВИТИЗ). Как человек преклонного возраста, он не был отстранен от преподавательской деятельности и вел

¹ Статья написана специально для настоящего издания.

² См.: 100 години Народен театър. София, 2004. С. 100.

еженедельные занятия по художественному слову. Моему курсу (1957–1961) выпало счастье учиться у этого выдающегося режиссера, педагога, человека высоких нравственных принципов в течение учебного года (1958/1959). Он не только прививал нам вкус к художественному слову, анализируя произведения болгарских и иностранных авторов, но и подготовил с нами большую часть будущего репертуара декламаторов.

Подготовка новых поколений актеров — это основная задача, которую взял на себя Массалитинов. По его настоятельному желанию театральная школа при Народном театре была создана еще в 1925 г. В качестве литературной основы для дебютного спектакля своих воспитанников известный педагог избрал сцену из романа Достоевского «Братья Карамазовы» в переводе Н. Лилиева. Спектакль назывался «Верующие женщины», премьера прошла 22 ноября 1927 г. Среди множества блестящих постановок, осуществленных Николаем Осиповичем по произведениям Шекспира, Еврипида, Ибсена, Островского, Пиранделло и др., а также болгарских авторов, особое место занимает «Преступление и наказание» (инсценировка в девяти картинах П. Краснопольского). Премьера состоялась 13 ноября 1931 г. и прошла с большим успехом. В печати появилось свыше 20 положительных рецензий, написанных авторитетными критиками; отмечались режиссура спектакля и выдающиеся достижения И. Димова в роли Раскольников и К. Сарафова в роли Порфирия Петровича. Писательница А. Каменова, автор заметки в газете «Свободная речь», отзывалась о спектакле так: «Как бы ни была мучительна атмосфера, в которой развивается действие „Преступления и наказания“, как бы угнетающе она ни действовала на наши нервы, всё же основательное знание Достоевского и бесспорное проникновение в тонкости русской жизни, которыми г. Массалитинов, без сомнения, прекрасно владеет, дали талантливому режиссеру возможность удержать наше внимание на меняющихся картинах горестного пути, по которому движется убийца Раскольников к тюрьме и к своей голгофе»³.

Я затрудняюсь привести конкретные доказательства, но убежден, что как раз необходимость основательного знания творчества Достоевского и «бесспорного проникновения в тонкости русской жизни» были главной причиной того, что болгарские режиссеры в течение многих лет не решались ставить произведения Достоевского, по отношению к которым, тем не менее, испытывали чувство благоговения.

В 1960-е и 1970-е гг. мы стали свидетелями «воскресения» Достоевского на болгарской сцене. Здесь следует назвать тех наших педагогов, которые понимали чрезвычайную пользу для подготовки будущих болгарских актеров от знакомства с бессмертными произведениями Достоевского. Так, например, студенты проф. Ф. Филиппова в конце

³ Каменова А. Театрален бележник: Престъпление и наказание // Свободна реч. 1931. Год. VIII. № 2311. С. 2.

III курса так проникновенно исполнили сцену из «Преступления и наказания» (Раскольников признается Соне в совершенном убийстве), что это, без сомнения, повлияло на решение Филиппова поставить на сцене Учебного театра ВИГИЗа (сегодня — НАТФИЗ) дипломный спектакль того же курса по роману Достоевского «Униженные и оскорбленные» в обработке Д. Рахманова и З. Юткевича (1962). В те годы ассистентом Филиппова была Н. Сейкова. Много лет спустя, уже работая со студентами самостоятельно, проф. Сейкова поставила спектакль «Идиот» на основе сценического переложения романа, осуществленного в 1982 г. Г. А. Товстоноговым. Ассистентом Сейковой была Е. Баева, а в октябре 1991 г. проф. Баева создала первую частную театральную школу в Болгарии, в наши дни школа носит имя известного болгарского режиссера Л. Гройса (Театральный колледж им. Любена Гройса). Со своим первым выпуском режиссер-педагог в 1994 г. поставила спектакль «Идиот». Десять лет спустя Баева снова обратилась к сценической адаптации того же романа, предложенной Товстоноговым. И хотя был использован тот же самый текст, новый спектакль 2004 г. сильно отличался от предыдущего — он отвечал потребностям и артистическим возможностям нового поколения.

В своей многолетней педагогической работе (57 лет!) Н. Сейкова постоянно обращалась к произведениям Достоевского, едва ли не с каждым курсом репетировала сцены из его романов. В книге «Дороги к сцене и экрану», опубликованной в конце 2011 г., она пишет: «Очень часто я предлагала студентам отрывки из романов Ф. М. Достоевского, для того чтобы они познакомились с его богатым творчеством, а также с трагическими переживаниями, которые близки их времени. Чаще всего мы брали какую-нибудь из встреч Раскольникова с Соней в „Преступлении и наказании“: или первую встречу, когда Раскольников приходит после убийства старухи-процентщицы, или вторую, в которой Раскольников сообщает Соне, что он — убийца. И обе сцены являются испытанием даже для опытных актеров. Молодые исполнители должны передать глубокий драматический конфликт, неоднозначность и противоречивость поведения и жизненной философии. Результаты не всегда удовлетворяют, но работа с Достоевским дает впоследствии свои плоды»⁴.

В отличие от Сейковой, я, как преподаватель «сценической речи», стараясь не рекомендовать своим студентам каких-то определенных авторов и текстов, особенно когда они готовятся к госэкзамену по «художественному слову» (декламации) в конце IV курса. Мне любопытно узнать их интересы и вкусы, и за последнее десятилетие студенты не раз приятно порадовали меня своим выбором. Например, некоторые мои студенты предложили тексты из произведений Достоевского: двое — композиции по «Запискам из подполья», одна студентка — отрывок

⁴ Сейкова Н. Пътница към сцената и екрана. София, 2011. С. 312.

из «Неточки Незвановой», а другая, к моему полнейшему удивлению, почти забытый рассказ «Мальчик у Христа на елке». С трудно скрываемой радостью могу заявить, что все четверо блестяще справились со сложными текстами великого классика.

Но вернемся к началу 1960-х гг. Режиссер, который первым, если не ошибаюсь, дерзнул предложить собственные инсценировки больших романов Достоевского, был Й. Венков. Из-за болезни ему самому не удалось осуществить инсценировку по «Преступлению и наказанию» в Бургасском драматическом театре. Это сделал директор театра в Бургасе, будущий профессор А. Михайлов. Спектакль был поставлен в 1962 г.; у меня, молодого актера Бургасского театра, была совсем небольшая роль — постовой, на глазах которого Свидригайлов совершает самоубийство. Мое скромное участие не помешало мне хорошо узнать инсценировку Венкова. Я следил и за всем рабочим процессом, а это дает мне кое-какие основания высказать свое мнение по поводу и текстовой первоосновы, и достижений режиссера и некоторых коллег-актеров. По-моему, инсценировка Венкова была чрезвычайно удачной. Была представлена целая галерея сложных образов; искусно чередовались монологи с насыщенными диалогами и краткими «жанровыми» сценами — сумасшествие Катерины Ивановны, самоубийство Свидригайлова и т. д. По моим воспоминаниям, прекрасно исполнили свои роли Л. Бояджиев (Свидригайлов), Ж. Стоянович и А. Бакалова (Дуня), М. Туйкова (Катерина Ивановна), а также старуха-процентщица (С. Главанакова). Годом позже Й. Венков сам поставил «Преступление и наказание» в театре г. Русе (1963). По его мнению, творческий успех П. Пенкова в роли Раскольникова — исключителен.

Затем в Бургасе Венков поставил спектакль по роману «Идиот» — снова в своей инсценировке. Роль князя Мышкина была сыграна молодым в то время актером С. Стоевым. В этот же период, то есть во второй половине 1960-х гг., режиссер поставил «Идиота» и на сцене государственного театра г. Ямбола.

Известный режиссер В. Цанков обратился к роману «Униженные и оскорбленные». На основе своей инсценировки он поставил его на сцене Национального театра молодежи в сезоне 1961/1962 г. Спектакль имел большой успех, а исполнители ролей Я. Влахова, Д. Досев, В. Минкова, А. Явашев и Б. Арабов по праву называют этот спектакль в числе своих главных творческих достижений.

В 1966 г. режиссер М. Бениеш поставил в Народном театре «Дядюшкин сон». Инсценировка повести Достоевского была создана драматургом театра А. Тодоровым.

В 1977 г. режиссер Ц. Цветков осуществил инсценировку по роману «Идиот» на сцене Государственного драматического театра Варны; главные роли играли актеры И. Константинов, Б. Марчева и С. Самсиев.

В «Клуб-театре» Театра армии 14 марта 1979 г. состоялась премьера «Белых ночей» в инсценировке и режиссуре актера И. Добрева. Ар-

тисты М. Русалиева и П. Димов были незабываемым дуэтом: сложным, трогательным, местами ироничным, но подкупающе заразительным в своей искренности. За эту постановку Добрев, уже известный актер, получил и звание режиссера.

Мысленно возвращаясь в прошлое, я осмелюсь утверждать, что болгарские режиссеры, обращаясь к творчеству Достоевского, стремились по возможности охватить судьбы всех героев — главных и второстепенных, максимально точно показать картину русской жизни XIX в. — какой ее показал Федор Михайлович.

Сказанное в полной мере относится и к постановкам, предпринятым в Болгарии на основе иностранных (русских) инсценировок. В 1977 г. Филиппов снова работает над спектаклем «Униженные и оскорбленные» — на этот раз на сцене Народного театра. Среди актерских удач, а таких было немало, нужно назвать Ж. Чакрырову, получившую премию Союза артистов Болгарии за исполнение роли Нелли.

Несколькими годами ранее (в 1968 г.) в качестве режиссера в Народный театр был приглашен народный артист СССР Б. Ливанов; он поставил «Братьев Карамазовых» по своей инсценировке (которую даже называл «пьесой!»). Уже весьма пожилому, маститому и авторитарному режиссеру не удалось найти общий язык с составом лучшего болгарского театра, и, несмотря на участие талантливых актеров (В. Трандафилов, С. Гецов, Л. Кабакчиев, А. Миланов, В. Минкова, В. Дойчева и др.), спектакль был сыгран всего 23 раза. Три сезона спустя была сделана попытка обновить постановку с измененным актерским составом, но это не продлило ей жизнь.

В указанный период делались попытки «камерного» прочтения больших романов Достоевского. Например, актриса и режиссер Л. Ардити решила на весьма смелый шаг: она инсценировала «Преступление и наказание» всего для трех исполнителей — Й. Поповой, Б. Арабова и меня; мы сыграли соответственно Соню, Его превосходительство (а не Порфирия Петровича!) и Раскольникова. Премьера этого «литературного спектакля» состоялась 5 ноября 1968 г. на сцене только что открытого «Театра 199». Зрители проявили большой интерес к постановке, несмотря на то что мы играли с 21 часа. В печати появились положительные рецензии на спектакль; например, писательница М. Грубешлиева писала: «От широкой, как русская земля, панорамы романа режиссер Леонтина Ардити взяла всего лишь трех персонажей... но в нескольких сценах отразилась почти вся философия Достоевского. Успех спектакля обязан главным образом способности режиссера создать лаконичную инсценировку, охватившую основные положения мировоззрения Достоевского»⁵.

Я был одновременно счастлив и удивлен тем, что Ардити выбрала меня на роль Раскольникова: я был убежден, что она меня вообще

⁵ Грубешлиева М. Достоевски на наша сцена // Литературен фронт. 1968. Год. XXIV. 19 дек. № 52. С. 3.

не знает как актера. Однако она была среди зрителей на моем публичном чтении по «Маленькому герою» и «Белым ночам» Достоевского, премьеры которого состоялась весной 1967 г.

В 1981 г. режиссер А. Траянов пригласил меня участвовать в телевизионной постановке по рассказу Достоевского «Чужая жена и муж под кроватью». К счастью, оказалось, что эта запись, в отличие от множества других, не была «уничтожена» безответственными невеждами, поэтому болгарские зрители сумели увидеть телеспектакль совсем недавно — его показывали по Болгарскому национальному телевидению 30 мая 2011 г.

Перемены, наступившие после падения Берлинской стены (1989), дали возможность инсценировать и те произведения Достоевского, которые ранее находились под запретом, — я имею в виду роман «Бесы». Текст был обработан Б. Бановым, Е. Халачевым и А. Милановым, постановка осуществлена Милановым в Народном театре в 1990 г. Однако в эти бурные времена «театр» вышел на улицы, залы опустели и наша публика сильно сократилась. По этой причине, несмотря на первоклассный состав актеров (В. Бахчеванова, Н. Шопов, С. Данаилов, В. Кынев и др.), «Бесы» недолго продержались на сцене.

Все чаще и чаще стали появляться «новые прочтения» Достоевского. Начало было положено театральной мастерской «Сфумато», созданной в 1989 г. режиссерами М. Младеновой и И. Добчевым. В своей программе «Достоевский» они объединили два спектакля по роману «Братья Карамазовы» — «Долина смерти: Алеша» и «Долина смерти: Иван» (автор текста и обеих инсценировок — Г. Тенев). Сценография и костюмы выполнены О. Ляховым, музыка А. Аврамова. «Проект „Достоевский“ не представляет собой ни адаптацию, ни коллаж по „Братьям Карамазовым“, хотя спектакли, без сомнения, всплыли из мира Достоевского. На этот раз интерес обращен к человеку, вышедшему из этого мира; при этом человек увиден в обратной перспективе от мира, в котором он как будто продолжил жить после своего ухода из литературной реальности, пытаясь быть автором самого себя и занимаясь поисками своего автора», — писала критик Виолета Дечева. В конце своей рецензии она пишет: «„Долина смерти“ — это танец театра над пустотой современного мира. Милосердные и в то же время беспощадные спектакли являются красивыми каплями на спасительной ладони зрителя»⁶.

Другие болгарские деятели театра тоже сосредоточили внимание на отдельных сюжетных линиях романов Достоевского. До недавнего времени (до 2010 г.) в Камерном зале Народного театра с успехом шел спектакль режиссера В. Александрова по «Преступлению и наказанию». За основу взят не весь текст Достоевского, а отдельные эпизоды. «Мы занимаемся исключительно идейной стороной преступления, одновременно с тем немного уходя от проблематики наказания», — делится своими мыслями режиссер, выделяя психологический мир героев.

⁶ Дечева В. Танец над пустотата // Култура. 2005. Год. XLIX. 13 май. № 17–18. С. 9.

Режиссер Б. Чакринов уделяет внимание лишь одному из героев «Преступления и наказания», назвав свою постановку на сцене государственного театра в Бургасе «Свидригайлов и другие».

Режиссер С. Радев обратился к одной из историй, рассказанных Достоевским в романе «Братья Карамазовы», — это история о бедном капитане Снегиреве и его сыне Илюше. Режиссер хотел «исследовать, что происходит с человеком, когда у него отнимают Бога», и понять, «какова судьба ребенка», отец которого «был унижен на его глазах». Известный актер К. Донев играет главную роль в спектакле «Снегирев», значившемся до сих пор в репертуаре Народного театра. Мне удалось посмотреть эту волнующую постановку лишь 2 декабря 2011 г. К огромной моей радости, в зрительном зале было много молодых лиц, публика внимательно слушала и в конце спектакля наградила исполнителей продолжительными аплодисментами. Зрители приняли послание режиссера, адресованное им в программе спектакля: «...Достоевский — как утешение для нашей человеческой природы... пока мы ее всё еще можем называть этим именем. Достоевский — как ласка, как теплый след слезы все еще живого где-то там нашего создателя — Бога».

В связи с этим мне вспомнились слова проф. В. Каракашева — опытного преподавателя русской литературы в нашей Театральной академии (НАТФИЗ). Он начинал лекцию о Достоевском словами: «Для меня людей можно разделить на три категории: первые из них читали Достоевского, вторые пока его не читали, но прочитают, третья категория — это те, которые никогда его не прочитают!..» Приступая к сценической адаптации великих произведений русского писателя, мы, деятели театра, рассчитываем прежде всего на тех зрителей, которые уже *читали* Достоевского. Одновременно с тем мы осознаем, что театральным языком, возможно, является самым доступным из всех, поэтому каждый из нас хранит надежду, что посредством нашего искусства мы сумеем увеличить число тех, кто *прочитает* Достоевского. Будем надеяться на это!

Моя заметка не претендует на исчерпывающую полноту, еще менее — на подробный анализ и оценку разных постановок по произведениям Достоевского на болгарской — профессиональной и учебной — сцене. Я даю себе отчет в том, что на меня оказывают влияние личные переживания, впечатления от увиденного, воспоминания... Но, независимо от этого, мне бы хотелось верить, что до некоторой степени мне удалось реализовать ту цель, которую я себе поставил — проследить основные этапы, через которые прошло сценическое воплощение произведений великого классика в Болгарии; эти этапы в значительной степени определяются требованиями времени. Лично я склонен принимать любой новый — неожиданный, но чистый — «взгляд» на классическое наследие.

Перевод Э. Димитрова

Ф. ТОРРАНС¹

**«ЕВГЕНИЯ ГРАНДЕ» БАЛЬЗАКА
В ПЕРЕВОДЕ ДОСТОЕВСКОГО**

Взгляд западных исследователей

Перевод романа О. де Бальзака «Евгения Гранде», выполненный Достоевским², уже давно является объектом внимания как российских, так и западных исследователей³. К сожалению, работы последних на эту тему оказались почти вне поля зрения первых. Настоящий обзор преследует цель исправить это досадное недоразумение, возникшее по причине исключительно внешнего характера (незнание российских исследователей о существовании этих работ или их недоступность)⁴. В нем освещены в основном следующие работы (приводим их здесь в хронологическом порядке)⁵:

1) *Blinoff M. Dostoïevsky et Balzac // Comparative Literature. 1951. N 4. P. 342–355.*

2) *Hunt J. Balzac and Dostoevsky: Some Elements of Scene // Comparative Literature Studies. 1966. N 3. P. 439–443.*

3) *Arban D. Les années d'apprentissage de Dostoïevsky. Paris, 1968. P. 228–240.*

4) *Catteau J. La création littéraire chez Dostoïevsky. Paris, 1978. P. 25–28.*

¹ Статья написана Ф. Торрансом. С. Кибальником осуществлен ее перевод с французского на русский язык, редакционная обработка и добавлены примечания к тексту статьи. Работа выполнена в рамках Международного проекта Российского гуманитарного научного центра (РГНФ) и фонда «Дом Наук о человеке» (Франция), № 12-24-08888 а/м.

² Репертуар и пантеон. Театральное обозрение, издаваемое В. Межевичем и И. Песоцким. 1844. Т. 6. Отд. 1. С. 386–457; Т. 7. Отд. 1. С. 44–125.

³ Основная литература по этой теме приведена в справочно-библиографических изданиях: Достоевский: Сочинения, письма, документы. Словарь-справочник / Науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб., 2008. С. 67–68.

⁴ Разумеется, в свою очередь, в работах западных исследователей иногда также отчасти сказывалось неполное знакомство с российской частью истории изучения вопроса. К сожалению, нам не удалось познакомиться с диссертационной работой американской исследовательницы Дианы Накеев, посвященной переводу Достоевского: *Nakeev D. G. The Early Dostoevsky: Style and Meaning in his Translation of Eugénie Grandet. New York: Columbia University, 1973 (Diss Abstracts 1973 (33) — 23871).*

⁵ В виде исключения мы включаем в обзор и одну работу российской исследовательницы (В. Бирон), опубликованную по-французски и в труднодоступном издании. В дальнейшем цитаты на указанные издания приводятся в тексте, с указанием в скобках номера страницы.

5) *Busch R. L.* Dostoevski's Translation of Balzac's Eugénie Grandet // Canadian Slavonic Papers. 1983. Vol. 25. P. 78–89.

6) *Rayfield D.* Dostoevski's Eugénie Grandet // Forum for Modern Language Studies. 1984. N 20. P. 133–142.

7) *Biron V.* Balzac et Dostoïevsky // Klimoff A. (ed.). Balzac dans l'Empire russe. Paris: Paris-Musées, 1993.

8) *Lantz K.* The Dostoevski Encyclopedia. Westport (Connecticut); London, 2004. P. 28–31.

Многие западные исследователи подчеркивают общее сходство (при этом, разумеется, оговаривая и существенные различия) между Бальзаком и Достоевским. Такое сопоставление опирается на любовь к Бальзаку, выраженную молодым Достоевским, и верность этой любви, которую он хранил на протяжении всей своей жизни. То, что перевод «Евгении Гранде» оказался первым опубликованным (и одновременно вообще первым дошедшим до нас) литературным трудом Достоевского, привлекает к нему особое внимание.

Так, в частности, несколько страниц своей общей статьи на тему «Достоевский и Бальзак» еще в 1951 г. посвятила этому переводу Марта Блиноф. В дальнейшем появился еще целый ряд работ, в которых он рассматривался сам по себе или в свете того влияния, которое Бальзак оказал на его автора. Разумеется, в некоторых случаях к работам западных исследователей можно было бы привести параллели из исследований российских ученых, однако в настоящем обзоре из них приведены лишь самые необходимые.

Ниже мы приводим основные положения работ западных исследователей по наиболее существенным вопросам, связанным с этим переводом. Это проблема атрибуции, вопрос о качестве перевода, об издании «Евгении Гранде», которым пользовался Достоевский, о трансформациях, которым он подверг текст Бальзака, и, наконец, о связи перевода «Евгении Гранде» с последующим оригинальным творчеством писателя.

Проблема атрибуции

Принадлежит ли перевод «Евгении Гранде», опубликованный в 1844 г. в журнале «Репертуар и пантеон», Достоевскому, — вопрос, который поднимается не слишком часто. Большинство исследователей полагают это само собой разумеющимся. Впрочем, на основании того, что рукопись перевода Достоевского не сохранилась, а публикация перевода на страницах журнала не содержит имени переводчика, Дональд Рейфилд подверг это представление сомнению. Кроме того, Достоевский, по воспоминаниям Д. В. Григоровича, сетовал на то, что в журнальной публикации перевод был сокращен «едва ли не на треть»,

а между тем в действительности в ней отсутствует не более 13% текста романа Бальзака⁶. Хотя Рейфилд завершает статью осторожным умозаключением, что перевод может быть атрибутирован «ученику Гоголя, писавшему в 1840-е годы» (с. 140), он приводит некоторые аргументы также и в пользу авторства Достоевского.

В частности, он подчеркивает стилистическое сходство между этим переводом и последующими оригинальными романами Достоевского: живость диалогов (переводчик наделяет Гранде «богатым и лаконичным русским языком», который напоминает речь Федора Павловича Карамазова в «Братьях Карамазовых»); склонность к действительным причастиям несовершенного вида; игра глагольными корнями; присутствие (прежде всего в конструкциях типа «как мы сказали») всезнающего повествователя, очень типичного для Достоевского. Исправление им некоторых цифр, значащихся у Бальзака, Рейфилд предположительно связывает с военно-инженерным образованием переводчика.

Доминик Арбан приводит биографические аргументы в пользу атрибуции Достоевскому этого перевода. Он подчеркивает, насколько сам выбор произведения, а также трансформация переводчиком некоторых деталей навеяны собственным опытом писателя: скудость отца, лишения, которым он подвергал свою семью, отвергнутая и умирающая от истощения мать⁷. Госпожа Гранде и ее дочь предвосхищают слабых по своему положению, но сильных духом героинь Достоевского: Катерину Ивановну и Соню Мармеладовых, а также сестру Раскольникову Дуню в «Преступлении и наказании» или Дашу Шатову в «Бесах». Достоевский вкладывает в уста господина Гранде ласковое уменьшительное определение «жизнечок» (оно использовано также в «Бедных людях» — 1, 111) и выражение «душа моя», которые его отец использовал в своих письмах к жене (с. 234–235).

Исследователь подробно анализирует трансформацию «несессера», доверенного Шарлем Евгении, который у Бальзака представлял собой «ларец» с «золотом»⁸, в отделанный золотом «медальон»⁹, напоминающий тот, в котором хранились выгравированные портреты родителей Достоевского. Трансформация эта тем более разительна, что влечет за собой несоответствия — например, в том, что предмет

⁶ По подсчету В. С. Нечаевой, осуществленному на основании сличения перевода с подлинником, «это не более 10–15 страниц при 150 страницах полного текста» (*Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М., 1979. С. 110*).

⁷ Впрочем, такое представление в значительной степени основано на биографических трудах о Достоевском, изданных в советское время.

⁸ *Бальзак О. де. Евгения Гранде // Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. М., 1983. Т. 2. С. 652.*

⁹ Евгения Гранде. Роман г-на О. де Бальзака // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Издание в авторской орфографии и пунктуации / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск, 1995. Т. 1. С. 514.

по весу приближается к трем или четырем книгам, а это соответствует именно ларцу, а не медальону. Арбан заключает из этого, что переводчик настойчиво вводит в повествование свои собственные воспоминания и даже заветные мысли. Детальное рассмотрение перевода может, по его мнению, в случае необходимости обнаружить другие странности такого рода, которые объясняются некоторыми особенностями жизни Достоевского и которые лишний раз свидетельствуют о принадлежности перевода его перу (с. 236, 238–240).

Качество перевода

Суждения о качестве перевода довольно различны. Впрочем, единогласно признается, что требования к нему в то время отличались от современных и что переводчику тогда предоставлялась гораздо большая свобода. Так, Д. Арбан полагает, что, поскольку «переводчик относится к своему тексту с заметными любовью и уважением», внесенные им изменения в целом довольно скромны (с. 231). М. Блиноф подчеркивает, что если Достоевский возмущался купюрами, сделанными в его переводе, то он сам «искажал Бальзака уже тем, что привносил в него романтический дух Шиллера — другого своего идола. Он перелагает роман Бальзака гораздо более приподнятым тоном, то и дело расцвечивая текст самыми живописными эпитетами. Так, страдания Евгении становятся „глубокими и ужасными мучениями“. Эта горячая патетика пронизывает весь перевод, одновременно напоминая европейский сентиментальный роман конца XVIII в. и предвещая эмоциональную наивность, которой проникнуты последние произведения Достоевского» (с. 343–344).

Заходя в этом направлении еще дальше, Ж. Катто пишет, что Достоевский «парафразирует, избегает трудностей, раздувает описания, чрезмерно русифицирует текст („степь“ вместо „сельской местности“), меняет логику бальзаковской фразы, слишком часто возводя случайное в ранг главного и добавляя впечатляющие эпитеты („страшный“, „таинственный“ и т. д.), сгущает краски („бледный и холодный“ странным образом передается как „мрачный“). Короче говоря, это крайне свободный перевод, в котором ослаблен дух оригинала. Сила и энергия Бальзака от этого страдают» (с. 26).

Вера Бирон признает наличие в переводе ошибок и неточностей, но одновременно полагает, что Достоевскому удалось адекватно передать поэтику Бальзака, характеры его героев, его ясный и образный язык и размах произведения. Она выделяет один и тот же повторяющийся прием переводчика: он начинает каждую фразу буквальным переводом, немного модифицирует оригинал в ее середине и иногда прибавляет что-то свое в конце (с. 104–105). Иногда (например при описании костюма Гранде) Достоевский переводит как бы «по памяти»,

не справляясь с оригиналом. Тем не менее существенные изменения, вносимые в него, по мнению исследовательницы, связаны с «желанием наиболее точно выразить впечатление, порожденное той или иной ситуацией, дать русский вариант эпизода, эквивалентный французскому. Таким образом, исследовательница оценивает перевод Достоевского как такой, который в терминах современной теории перевода можно было бы назвать «динамически эквивалентным». Замечательные пассажи в переводе, впрочем, сосуществуют с недоразумениями и вольностями, которые, однако, не мешают ему быть «высокохудожественным произведением», «своего рода сплавом Бальзака с Достоевским» (с. 105, 110).

Тем не менее это далеко не самая комплиментарная оценка перевода Достоевского. Так, Д. Рейфилд полагает, что он вообще не содержит значительных трансформаций и верно передает оригинал. Проанализировав различные изменения деталей, которые обратили на себя его внимание, исследователь заключает, что Достоевский «проявляет себя как переводчик лучше всего там, где его зарождающийся гений соответствует гению Бальзака» (с. 141). Р. Л. Буш прибегает к более детальной формулировке: в то время как романтизм позволял переводчику отступать от своего образца, Достоевский старается оставаться верным ему. Однако «он работал слишком быстро, чтобы его перевод можно было считать мастерским и конгениальным оригиналу Бальзака». Достоевский часто старался передавать лишь суть вещей, не прилагая достаточных усилий к разрешению тонких вопросов стиля, которые ставил перед ним текст Бальзака (с. 75).

Издание «Евгении Гранде», которым пользовался Достоевский

По этому вопросу все исследователи сходятся в одном: Достоевский следовал изданию Беше, вышедшему в 1834 г.¹⁰ Это проявляется в цифрах, которые фигурируют в его переводе, в делении на шесть глав, в разделении текста на многочисленные абзацы и в наличии опущенного в издании 1843 г. эпилога. Издание Шарпантье, вышедшее в 1839 г., воспроизводит текст издания 1834 г. и отличается от него только отсутствием разделения на главы и перестановкой наиболее существенных абзацев. Этих изменений от Бальзака потребовали из соображений экономии, в то время как он сам предпочитал более дробное деление текста. Большинство текстуальных различий между изданиями 1834 г. (Беше) и 1843 г. (Фюрн) в основном несущественны, и их беглый анализ подтверждает, что Достоевский следовал изданию Беше.

¹⁰ *Balzac H. de. Scènes de la vie de province. T. 1 // Balzac H. de. Etudes de moeurs au XIX siècle. Paris: Madame Charles-Béchet éditeur, 1834. T. 5.*

Трансформации, которые содержит перевод Достоевского

Трансформации текста Бальзака сводятся к трем типам: сокращения, добавления и изменения без распространения текста.

I. Сокращения. Они касаются фрагментов текста, различных по своей значимости: от слова до части фразы, целой фразы и даже до нескольких фраз. Говоря об этом, В. Бирон отмечает, что нелегко различить между собой сокращения, вызванные тремя различными факторами: 1) цензурой, весьма активной в этот период; 2) издателем, практиковавшим автоцензуру и стремившимся к экономии затрат на издание; 3) сокращения, сделанные самим Достоевским (намеренно или по небрежности).

Исследователи не располагают ни рукописью Достоевского, ни гранками, ни данными из архива Цензурного комитета и вследствие этого в большинстве случаев вынуждены высказывать по поводу всех этих факторов лишь скромные предположения. Так, Д. Рейфилд замечает, что наиболее важные сокращения в тексте Бальзака коснулись фраз, в которых заходит речь о религии (с. 134, 137–138): опущены все ссылки на христианство, сделанные не в рамках диалогов, размышления Бальзака об иронии Провидения, о похоти священнослужителей и о допустимости сохранять «девство, будучи замужем»¹¹. По мнению Р.Л. Буша, трудно сказать, были ли они вызваны соображениями цензуры, автоцензуры или стремлением молодого и атеистически настроенного Достоевского опускать в своем переводе религиозные пассажи (с. 89).

Другие сокращения вызваны спешкой или отсутствием у переводчика интереса к определенным реалиям (деревья, цветы, птицы, насекомые; детали, касающиеся виноградарства, бондарского и слесарного дела, работ по рытью канав), а также трудностями в передаче профессиональной лексики юристов, коммерсантов и священников. Достоевский и не пытается передать некоторые формы игры слов. По замечанию Д. Рейфилда (с. 135–137), в реплике «торговца солью» о хорошо сохранившейся Нанон: «elle s'est conservée comme dans de la saumure»¹² («она сохранилась, как в рассоле»¹³) он оставляет без перевода игру слов *saumure* / *Saumur* (*рассол* / *Сомюр* (город)).

Достоевский опустил также некоторые литературные цитаты. Например, в V главе («Семейные горести»): «les clous semés sur la muraille»¹⁴ («гвозди, рассеянные по стене»¹⁵) — из Ж.-Б. Боссюэ и саму отсылку к нему, упоминание оперных арий или популярных куплетов, которые напевали Гранде или Шарль, сопоставление борьбы между

¹¹ Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 712.

¹² Balzac H. de. Scènes de la vie de province. Т. 1. P. 311.

¹³ Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 697.

¹⁴ Balzac H. de. Scènes de la vie de province. Т. 1. P. 265.

¹⁵ Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 667.

Крюшо и де Грассенами с противоборством между Пацци и Медичи¹⁶. По словам Д. Рейфилда, переводчик, несомненно, опустил эти детали как мало что говорящие русскому читателю (с. 136).

Р. Л. Буш видит в сокращении многих описательных деталей проявление присущей Достоевскому склонности к экономии реалий предметного мира: они у него «подчинены словам, эмоциям и опыту персонажей», тогда как у Бальзака «существует угроза, что герои могут оказаться раздавленными грузом реалий» (с. 78). Достоевский не придерживается почтительного тона бальзаковского повествователя, а также опускает присущие стилю «Евгении Гранде» сентенции, риторические вопросы, максимы (в которые нередко отливаются у Бальзака мысли, навеянные происходящим с героями). Это последнее Буш объясняет тем, что индивидуальный опыт у Достоевского не может распространяться на всех. Впрочем, этому представлению несколько противоречит, например, замечание повествователя в начале третьей части «Преступления и наказания» о матери Раскольникова Пульхерии Александровне: она «казалась гораздо моложе своих лет, что *бывает почти всегда с женщинами* (выделено нами. — С. К., Ф. Т.), сохраняющими ясность духа, свежесть впечатлений и честный, чистый жар сердца до старости» (6, 158).

Достоевский, отмечает Буш, опускает уподобление Нанон «сторожевому псу» в I главе (в то же время сохраняя сравнения Гранде с тигром и боа) и не передает неправильности ее речи. В образе госпожи Гранде переводчик смягчает черты поработченности, но подчеркивает ее гордость (с. 81, 82). Некоторые из этих сокращений вызваны стремлением Достоевского конструировать впечатление читателя о героях, несколько отличное от того, которое стремился создать Бальзак. Например, Д. Арбан видит в сокращении Достоевским в V главе рассказа о последних днях госпожи Гранде отказ «слишком подробно останавливаться на долгих страданиях», которые вызывали у него ассоциации со страданиями, сопровождавшими жизнь его матери (с. 236).

II. Добавления. Как и отдельные сокращения, некоторые добавления подчеркивают отдельные черты героев или вовсе трансформируют их образы. Р. Л. Буш отмечает, что Достоевский сделал Гранде еще более отрицательным героем по сравнению с тем, каким он представлен у Бальзака. В то время как Бальзак называет его «M. Grandet» («господин Гранде») или «Père Grandet» («папаша Гранде»), Достоевский говорит о «старом скряге» (с. 79). Даже активную политическую роль Гранде в эпоху революции, рассказывая о которой, Бальзак подчеркивает его роль миротворца (играя эту роль, Гранде, разумеется, преследовал прежде всего собственные интересы, но в целом она была

¹⁶ Точности ради следует сказать, что сопоставление это у Достоевского присутствует, но не в развернутой форме: семейство Крюшо в I главе сопоставлено не с Медичи, а с «фамилией *Пази* во Флоренции», и далее сказано: «подобно *Пази*, Крюшо имели противников» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Канонические тексты. Т. 1. С. 425).

благодарна и для Сомюра), Достоевский представляет в негативном свете. Он наделяет героя необузданным характером, делает его склонным к чрезмерным словесным излияниям, и эта его черта, по мнению Р.Л. Буша, предвосхищает в какой-то мере образ Федора Павловича Карамазова (с. 85).

В. Бирон даже пишет, что Достоевский стремился «словесно отомстить Гранде» (с. 107), упоминание имени которого он заменяет различными снижающими определениями: «скупец», «(старый) скряга». Он называет Гранде «старым скрягой» даже в сцене у изголовья его умирающей жены. Упоминание Бальзаком в описании «дома господина Гранде» (в I главе) «quelque ressemblance avec le porche d'une geôle»¹⁷ («некоторого сходства с тюремными воротами»¹⁸) обретает под пером Достоевского следующий вид: «Все в целом походило несколько на крыльцо какой-нибудь городской тюрьмы»¹⁹. По наблюдению В. Бирон, сходным образом изображена и комната Шарля (с. 108). Р.Л. Буш приходит к выводу, что Евгения становится менее наивной и более открыто выражает свои чувства (с. 84). На свой лад Достоевский развивает и некоторые детали текста Бальзака. Так, когда Гранде берется одурачить кредиторов своего брата, переводчик вставляет довольно неуместное сравнение его с игроком, который уже все проиграл, но продолжает следить за игрой (в II главе). Не сказался ли в этом собственный опыт Достоевского-игрока?

Больше всего добавлений относится не столько к плану содержания, сколько к плану выражения. Д. Рейфилд насчитывает множество случаев, когда Достоевский расцвечивает перевод «цветами гоголевской риторики». Например, когда речь у Бальзака заходит о том, что, «если бы Шарль воротился из далекой Ост-Индии, он снова застал бы те же лица и те же интересы», Достоевский прибавляет оборот «посреди этих жалких лиц»; фразу «Mais alors, comme autrefois, la figure d'Eugénie eût dominé le tableau...»²⁰ («Но и теперь, как и прежде, образ Евгении господствовал в картине...»²¹) распространяет до: «Но, как и прежде, посреди этих жалких лиц, взор Шарля отыскивал бы свою Евгению, светлую, чистую, незапятнанную прикосновением жалкого отребья, ее окружавшего»²². Достоевский, таким образом, прибегает к пышным фразам там, где Бальзак пользуется иронией. Губы Евгении, у Бальзака «полные любви и добродетели» («pleines d'amour et de bonté»), становятся под пером Достоевского устами, «обещавшими страстную негу любви и наслаждения»²³. Д. Рейфилд также выделяет

¹⁷ Balzac H. de. Scènes de la vie de province. Т. 1. P. 11.

¹⁸ Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 563.

¹⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Т. 1. С. 426–427.

²⁰ Balzac H. de. Scènes de la vie de province. Т. 1. P. 300.

²¹ Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 700.

²² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Т. 1. С. 563.

²³ Там же. С. 430.

следующие типы добавлений: 1) прибавление прилагательного или определения: неутешная «вдова»²⁴; «снег» по колена²⁵; 2) прибавление фразы («общих мест» романтизма); 3) прибавление риторического вопроса, подчеркнутого просторечной инверсией гоголевского типа (имеется в виду творчество Н. В. Гоголя украинского периода); 4) утроение прилагательных и предлогов.

Возникает, правда, вопрос, стоит ли подчеркивать «гоголевский» характер многих из этих прибавлений, как это делает Рейфилд. Тем более что он почему-то относит к «цветам гоголевской риторики» и повтор таких слов, как «нега» и «наслаждение». Помимо этого, он полагает, что «эти изменения облегчают текст» (с. 140), что по меньшей мере спорно. Впрочем, быть может, противоположную крайность представляет собой суждение Ж. Катто о молодом Достоевском как о «еще пленнике театрального стиля, который хорошо себя чувствует там, где доминируют патетика, гиперболы, мелодраматический туман (мрак), условные отношения и напыщенные жесты» (с. 18).

По мнению Д. Арбана, многие из этих трансформаций могут быть отнесены на счет того, что Достоевский уступал своему «юношескому пристрастию к сентиментальной выпренности» (с. 243). Так, фраза «*Chère Eugénie, un cousin est mieux qu'un frère, il peut t'épouser*»²⁶ («Дорогая Евгения, кузен лучше, чем брат: он может жениться на тебе, — сказал ей Шарль»²⁷) переведена Достоевским: «Ты будешь моею, ты моя, Евгения, говорил Шарль»²⁸. Арбан считает, что и другие трансформации внесены для сгущения красок (например при описании кабинета Гранде), для усиления визуальности или по соображениям ритма русской фразы (с. 233).

Наконец, как пишет Р.Л. Буш, чаще, чем Бальзак, Достоевский предоставляет слово повествователю — в саркастических замечаниях и нравственных сентенциях (с. 79), а Д. Рейфилд добавил к этому вводные обороты вроде «как мы сказали» (с. 140).

III. Изменения текста. Исследователи приводят все виды изменений текста, вызванных спешкой (работа должна была быть выполнена за три недели) или, как пишет В. Бирон, небрежностью переводчика: брата Гранде зовут то Гильом, то Вильгельм (с. 105). Д. Рейфилд отметил, что папаша Гранде забавным образом отправляется на свои виноградники в десять часов вечера, а не утра; «чайка» (*une «mouette»*), которая «предвидит бурю»²⁹, становится «ласточкой»: «как ласточка предузнавала грозу»³⁰ и т. д. (с. 135). Некоторые реплики неправильно

²⁴ Там же. С. 460.

²⁵ Там же. С. 539.

²⁶ *Balzac H. de. Scènes de la vie de province.* Т. 1. P. 250.

²⁷ *Бальзак О. де. Собр. соч.:* В 10 т. Т. 2. С. 661.

²⁸ *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты.* Т. 1. С. 524.

²⁹ *Бальзак О. де. Собр. соч.:* В 10 т. Т. 2. С. 595.

³⁰ *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты.* Т. 1. С. 458.

распределены: они приписаны Евгении, в то время как у Бальзака принадлежат Гранде (с. 136).

Более интересны изменения, обязанные своим возникновением личному восприятию Достоевским переводимого им произведения: например, упомянутая выше замена «ларца» «медальоном». В качестве примера менее серьезных трансформаций Арбан приводит следующий (с. 237). Во фразе Бальзака: «Часто Евгения упрекала себя в том, что была невольной причиною жестокой медленной болезни, убивавшей мать»³¹ — Достоевский убирает слово «невольной», а «упрекала себя» заменяет на «проклинала себя»³². Обвиняя Евгению таким образом, Достоевский выражал свое собственное чувство вины по отношению к смерти его родителей. Возможно, оно выразилось у него также в замене «*héritage de son père*» («отцовского наследства»), от которого «Шарль должен был подписать отказ»³³, — на «наследство по матери»: «Гранде торжественно сводил Шарля в суд первой инстанции, чтобы дать письменное отречение от наследства по матери»³⁴.

Другие трансформации касаются трактовки переводчиком героев Бальзака: мы видели их выше на примере обозначений господина Гранде. По этому поводу В. Бирон замечает, что там, где речь заходит о чувствах Евгении, Достоевский все время использует высокий стиль (с. 108). По наблюдениям Д. Рейфилда, живописные и фамильярные выражения, относящиеся к Нанон, Достоевский заменяет яркими русскими эквивалентами (с. 140). Так, например, ремарка соседа о ее свадьбе с Корнуайе в финале романа: «*Cornoillier a fait un bon soupr...*» («Корнуайе сделал выгодное дельце...»³⁵) — превращается под его пером в: «Она богата, и плут Корнулье знает, где раки зимуют...»).

Замена «деревни» «степью», отмеченная Ж. Катто (см. выше), того же порядка: Достоевский довольно часто стремится сделать текст Бальзака более доступным для русского читателя. Он также старается облегчить ему задачу, отделяя некоторые фразы Бальзака точкой с запятой. Всё же кое-где у Достоевского встречаются довольно невыразительные фразы, по-видимому, связанные с торопливостью в работе. Особенно нередки они, по замечанию Р. Л. Буша, в описаниях: например, в описании «двери» «дома господина Гранде» (с. 76–77).

³¹ Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 682.

³² В действительности Достоевский здесь — возможно, по причине спешки — добавляет «проклинала себя» к «упрекала себя»: «Часто проклинала себя Евгения, упрекала себя, как причину тяжкой, жестокой болезни своей матери» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Канонические тексты. Т. 1. С. 544).

³³ Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 658.

³⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Т. 1. С. 520.

³⁵ Бальзак О. де. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 697.

Связи перевода «Евгении Гранде» с последующим оригинальным творчеством Достоевского

Комментаторы перевода «Евгении Гранде» отметили, что Достоевский заимствует у Бальзака, и в особенности из «Евгении Гранде», темы и идеи, которые впоследствии варьируются во всем его творчестве. В целом, как пишет М. Блиноф, Достоевский следует Бальзаку, рассказывая истории «буржуазных драм» «маленьких людей», прежде всего горожан, в которых главной движущей силой являются деньги (с. 344). Действие романов Достоевского редко происходит в декорациях маленького города³⁶. Вот почему он чаще черпал свое вдохновение в «Отце Горио» и других «парижских» романах Бальзака. Сами же по себе декорации имеют у Достоевского особое значение. Например, изображение Бальзаком дома господина Гранде, по мнению Р.Л. Буша (с. 88) и К. Ланца (с. 30), отзовется в описании жилища Рогожина в «Идиоте».

Нашли отражение в дальнейшем творчестве Достоевского и типы героев «Евгении Гранде». Исследователи считают, что господин Гранде вдохновил его на различные образы скупцов: господина Прохарчина из одноименного рассказа, героя-рассказчика «Кроткой» и, наконец, Федора Павловича Карамазова. Как и Бальзак, Достоевский выведет в них «зло, сосредоточенное в старом скупце, который своим гнетом разрушает и героиню, и свою любовь», — пишет Д. Рейфилд (с. 140–141). По словам Ж. Катто, Достоевский воплотил в них тип «хищного» героя (с. 26), которому противостоят кроткие, жертвенные и мирящиеся со своим положением женщины. К. Ланц относит госпожу Гранде и Евгению к тому же типу героинь, что и Катерина из «Хозяйки», «кроткая», Дуня и Соня из «Преступления и наказания» и др. (с. 29). Так, пишет Ж. Катто, возникает «диалектика притеснителя и притесненного» (с. 27), которая утвердится в «Униженных и оскорбленных».

Могущество денег — существенный мотив «Евгении Гранде», и либеральные теории Иеремии Бентама, которые защищает Крюшо де Бонфон и которые приходится весьма по нраву Гранде, останутся предметом особой ненависти Достоевского, — отмечает В. Бирон (с. 106). К этому нужно прибавить «переплетение денежных и сердечных дел»: это переплетение, пишет Р.Л. Буш, выявляет корыстные побуждения, владеющие Шарлем и Крюшо, и Достоевский вслед за Бальзаком показывает, как они приводят героев к краху (с. 89). Достоевский, считает Д. Рейфилд, подхватывает мысль Бальзака о том, что в современном обществе романтические ценности вытесняют деньги (с. 140–141).

³⁶ Об отзвуках «Евгении Гранде» и других произведений Бальзака из цикла «Сцены провинциальной жизни» в романах и повестях Достоевского, действие которых происходит в провинции, см.: *Кибальник С. А.* Провинциальный топос у Достоевского (бальзаковские претексты) // Летние чтения в Даровом. Вып. 3. Коломна, 2013 (в печати).

Моральное разложение высших классов контрастирует с добродетельностью обычных людей, которые воплощают христианские ценности. Как отмечает К. Ланц, этот существенный элемент Достоевский также сохраняет в своем переводе (с. 29). Обобщая проблематику текста, Р.Л. Буш утверждает, что в переводе «Евгении Гранде» Достоевским представлена его «ранняя трактовка сложной проблемы истины, которая может противостоять правдоподобию, к которому стремились писатели-реалисты» (с. 89).

Отдельными литературными приемами (например получение героем в решающий момент письма) Достоевский, по мнению Д. Рейффилда, также обязан «Евгении Гранде» Бальзака (с. 141). Исследователи не обратили внимания на сходство иного порядка: на повествовательную технику двух авторов. Не заметили они и весьма вероятного стилистического влияния Бальзака на его русского переводчика. Скорее, на них произвели впечатление использованные Достоевским стилистические клише «неистового романтизма» (влияние которого на писателя Буш не считает значительным — с. 88), а также трансформации, которые Достоевский допускает в ущерб бальзаковской трезвости.

Рейффилд считает, что на стиль перевода Достоевского большее влияние оказал Гоголь, чем Бальзак (с. 140). Тот же автор заключает, тем не менее, что история творчества Достоевского до «Преступления и наказания» — это «усиление бальзаковских элементов и искоренение влияния Гоголя» (с. 140–141). Напротив, многие другие исследователи подчеркивают, что, несмотря на несомненное и продолжительное влияние Бальзака, испытанное Достоевским, постепенно русский писатель отошел от идей и литературных представлений французского романиста.

Героев Бальзака определяют обстановка и декорации, вот почему он так тщательно их изображает. Герои Достоевского живут в мире, где ничто не определено, всё подвижно, где судьба героев не определяется извне, а складывается в их собственных душах, — пишет М. Блиноф (с. 348). У Бальзака деньги представляют собой существенный элемент, источник могущества и разрушения, и только самолюбие героев позволяет им достичь богатства и подъема по социальной лестнице, в то время как у Достоевского деньги (или их нехватка), возможно, не более чем «удобный предлог для развертывания интриги», который в дальнейшем автор часто оставляет в небрежении (с. 350). К. Ланц считает, что успех и благосостояние, к которым стремятся герои Бальзака, у Достоевского являются целью только второстепенных героев (с. 30), — таких как Лузин («Преступление и наказание») или Ганя Иволгин («Идиот»).

Идеологические убеждения писателей оказались весьма далеки друг от друга, хотя у них обоих вызывали воодушевление монархия и религия. По Бальзаку, они должны защищать человека «от разрушительных эгоизма, хищничества и посредственности буржуазного мира». Идеал зрелого Достоевского — «всеобщее братство», достигаемое

посредством личного самосовершенствования. Из этого М. Блиноф справедливо делает следующий вывод: «Зерно, посеянное Бальзаком, не могло прорасти более удивительным образом» (с. 353–355).

Так или иначе, большинство западных исследователей сходятся в убеждении, наиболее точно сформулированном в книге Д. Арбана: для того чтобы приведенные ими наблюдения и сделанные выводы стали несомненными, «следовало бы слово за словом изучить весь перевод» (с. 233). В подобном исследовании не стоило бы чрезмерно сосредоточиваться на сокращениях, вызванных различными причинами, которые нелегко определить. Необходимо отделить почти бессознательные изменения (неточности, недопонимание, пропуски) от тех (тоже бессознательных), которые вызывают к психологическому истолкованию, и от тех, которые переводчик сделал намеренно. Надлежит также отличать чисто языковые моменты, предопределенные переходом с одного языка на другой, от тех, которые имеют стилистическое значение: в частности, от наличия или отсутствия определенных повторов. Все эти отклонения могут быть поставлены в связь с последующими произведениями Достоевского, что позволит лучше понять их происхождение. Следует, однако, проявлять осторожность и не стремиться к тому, чтобы любой ценой находить в этом литературном труде Достоевского предвосхищение его больших романов. Сопоставление этого перевода с первыми романами и рассказами писателя представляется куда более уместным.

*Перевод с французского
и дополнение примечаний
С. А. Кибальника*

БИБЛИОГРАФИИ

С. ВЛАДИВ-ГЛОВЕР

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО В АВСТРАЛИИ (1971–2013)

Избранная библиография

1. *Benevich Gr.* Мать Сыра-Земля и геополитика (свертывание плоскостей Федора Достоевского) // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2001. Vol. 2. P. 3–13.
2. *Blumenkrants M.* Эсхатологическая проблема в творчестве Ф. М. Достоевского // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2001. Vol. 2. P. 15–20.
3. *Boyce Gibson A.* The Religion of Dostoevski. London, 1973.
4. *Boyce Gibson A.* The Riddle of the Grand Inquisitor // *Melbourne Slavonic Studies*. 1970. N 4. P. 46–56.
5. *Christa B.* «Money Talks»: The Semiotic Anatomy of «Krotkaia» // *Dostoevsky Studies*. 2000. N 4. P. 143–151.
6. *Christa B.* Dostoevskii and Money // *The Cambridge Companion to Dostoevskii* / Ed. W. J. Leatherbarrow. Cambridge, 2002. P. 93–110.
7. *Christa B.* Raskolnikov's Wardrobe: Dostoevsky's Use of Vestimentary Markers for Literary Communication in «Crime and Punishment» // *Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds: Essays in Honour of Malcolm V. Jones* / Eds. S. Young and L. Milne. Ilkeston, Derbyshire, 2006. P. 14–20.
8. *Christa B.* The Semiotic Depiction of Disintegration of Personality in Dostoevsky's «The Double» // *XXI vek glazami Dostoevskogo — perspektivy chelovechestva: materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, sostoiavsheisia v Universitete Tiba (Iaponiia), 22–25 avgusta 2000 goda* / Ed. K. Stepanian. Moskva, 2002. S. 221–250.
9. *Christa B.* Vestimentary Markers as an Element of Literary Communication in «The Brothers Karamazov» // «Die Brüder Karamasow»: Dostojewskijs letzter Roman in heutiger Sicht. Dresden, 1997. S. 89–103.
10. *Cope J.* Shaking off the Old Skin: The Redemptive Motif in Ellison's «Invisible Man» and Dostoevsky's «Notes from the Underground» // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2006. Vol. 7. P. 75–91.
11. *Fateeva N. A.* Действительно ли Достоевский диалогичен? (о диалогичности и интертекстуальности «Отчаяния») // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2001. Vol. 2. P. 119–135.

12. *Fusso S.* «Secrets of Art» and «Secrets of Kissing»: Towards a Poetics of Sexuality in Dostoevskii // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2002/2003. Vol. 3–4. P. 47–58.

13. *Gelhard D.* Das Prinzip der Partizipation am fremden Text in Dostoevskijs «Bobok» // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2000. Vol. 1. P. 113–122.

14. *Gerigk H.-J.* Versuch über Dostoevskijs «Jüngling»: Ein Beitrag zur Theorie des Romans. München, 1965 (Forum Slavicum; Bd. 4 / Ed. D. Tschizewskij).

15. *Grishin D.* The Beliefs of Dostoevsky. Melbourne, 1963 (Twentieth Century; 1963; Vol. 17).

16. *Grishin D. V.* Афоризмы и высказывания Достоевского. Melbourne, 1961.

17. *Katsman R.* Dostoevsky's «A Raw Youth»: Mythopoesis as the Dialectics of Absence and Presence (From Capital to Writing) // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2000. Vol. 1. P. 85–95.

18. *Kholodov A. B.* Мифопоэтика романов Ф. М. Достоевского: диалог и контекст // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2001. Vol. 2. P. 137–147.

19. *Kravchenko M.* Dostoevsky and the Psychologists. Amsterdam, 1978.

20. *Lane D.* A Reading of Dostoevsky's «The Double» through the Psychoanalytic Concepts of The Self and The Other // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2005. Vol. 5. P. 1–11.

21. *Mathews P. D.* That Which Exceeds // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2002/2003. Vol. 3–4. P. 67–78.

22. *Mathews P., Cooke B.* Dostoevsky: Expressions in Silence // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2000. Vol. 1. P. 1–9.

23. *Melbourne Slavonic Studies. Dostoevsky Commemorative Number / Ed. S. B. Vladiv.* 1980. N 14. 100 p.

24. *Minney P.* Dostoevsky's Dialogic Imagination and the British School of Radical Orthodoxy // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2001. Vol. 2. P. 55–61.

25. *Nogovitsin O.* Зло в христианстве и бунт Ивана Карамазова // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2001. Vol. 2. P. 63–72.

26. *Padgett A.* Beyond Dostoevsky: The Discourse of Non-Existence // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2002/2003. Vol. 3–4. P. 79–91.

27. *Rusniak I. A.* Мифологическое мышление в диалогической структуре текста Достоевского («Братья Карамазовы») // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2001. Vol. 2. P. 73–85.

28. *Saraskina L. V.* Ф. М. Достоевский и «восточный вопрос» // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2001. Vol. 2. P. 87–102.

29. *Schmid W.* Der Textaufbau in den Erzählungen Dostoevskijs. München, 1973 (Beiheft zu *Poetica*; h. 10 / Ed. K. Maurer).

30. *Stepanian K. A.* Смерть и воскресение, бытие и небытие в романах Достоевского // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2001. Vol. 2. P. 103–117.

31. *Stuchebryukhova O.* The Subaltern Syndrome and Dostoevsky's Quest for Authenticity of Being // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2005. Vol. 5. P. 13–32.

32. *Terrell N.* Soap Bubbles and Inertia: The Underground Man's Dependence on Rhetoric, Narrative Frameworks and Scepticism as a Syndrome of Secular Idealism // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2006. Vol. 7. P. 1–29.

33. *The Dostoevsky Journal: An Independent Review* / Ed. S. M. Vladiv-Glover. 2000. Vol. 1. 166 p. (Inaugural Issue.)

34. *The Dostoevsky Journal: An Independent Review* / Ed. S. M. Vladiv-Glover. 2001. Vol. 2. 152 p. (Special Issue: Dostoevsky and the Problem of Dialogue in Contemporary European Thought / Guest Ed. N. Pecherskaya).

35. *The Dostoevsky Journal: An Independent Review* / Ed. S. M. Vladiv-Glover. 2002/2003. Vol. 3–4. 228 p.

36. *The Dostoevsky Journal: An Independent Review* / Ed. S. M. Vladiv-Glover. 2005. Vol. 5. 216 p.

37. *The Dostoevsky Journal: An Independent Review* / Ed. S. M. Vladiv-Glover. 2005. Vol. 6. 109 p.

38. *The Dostoevsky Journal: An Independent Review* / Ed. S. M. Vladiv-Glover. 2006. Vol. 7. 106 p.

39. *The Dostoevsky Journal: An Independent Review* / Ed. S. M. Vladiv-Glover. 2007/2008. Vol. 8–9. 89 p.

40. *The Dostoevsky Journal: An Independent Review* / Ed. S. M. Vladiv-Glover. 2009/2010. Vol. 10–11. 104 p.

41. *The Dostoevsky Journal: An Independent Review* / Ed. S. M. Vladiv-Glover. 2011/2012. Vol. 12–13. 155 p.

42. *Vladiv S. B.* Dostoevsky's Major Novels as Semiotic Models // *Dostoevsky Studies*. 1989. Vol. 9. P. 157–162.

43. *Vladiv S. B.* Narrative Principles in Dostoevskij's «Besy»: A Structural Analysis. Berne; Frankfurt am Mein; Las Vegas, 1979.

44. *Vladiv S.* Religious Imagery in Dostoevsky's Works // *Australian Slavonic and East European Studies*. 1988. Vol. 2. N 2. P. 95–110.

45. *Vladiv-Glover S. M.* Dostoevsky, Freud and Parricide: Deconstructive Notes on «The Brothers Karamazov» // *New Zealand Slavonic Journal*. 1993. P. 7–34.

46. *Vladiv-Glover S. M.* Dostoevsky's Major Novels as Models of Meaning // *Dostoevsky Studies (Journal of the International Dostoevsky Society)*. 1989. Vol. 9. N 1. P. 157–162.

47. *Vladiv-Glover S. M.* Dostoevsky's Positively Beautiful Man and the Existentialist Authentic Self: A Comparison // *Canadian American Slavic Studies*. 1989. Vol. 23. N 3 (Fall 1989). P. 313–329.

48. *Vladiv-Glover S. M.* Romani Dostojevskog kao diskurs transgresije i požude. Belgrade, 2001. 215 p.

49. *Vladiv-Glover S. M.* Russia's Political Unconscious in «The Possessed»: Dostoevsky's New Phenomenology of History and Representation // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2000. Vol. 1. P. 11–28.

50. *Vladiv-Glover S. M.* Сакральное в «Братьях Карамазовых»: вероисповедание или феноменология сознания? // *Достоевский и мировая культура: Альманах*. 1999. Т. 12. С. 7–12.

51. *Vladiv-Glover S. M.* Speech and Being in «The Brothers Karamazov» // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2002/2003. Vol. 3–4. P. 93–112.

52. *Vladiv-Glover S. M.* The Accidental Family in «The Adolescent» and Wittgenstein's «Family Relations»: The Novel as Model of Meaning // *Aspects of Dostoevsky's Poetics in the Context of Literary-Cultural Dialogues* / Eds. K. Kroó, G. S. Horváth, T. Szabó. Sankt-Petersburg, 2011. P. 59–74. (Dostoevsky Monographs Series; Vol. 3).

53. *Vladiv-Glover S. M.* The Body and Violence: The Subject of Knowledge in Dostoevsky's «The Brothers Karamazov» // *Foucault: The Legacy* / Ed. by C. O'Farrell. Brisbane, 1997. P. 46–57.

54. *Vladiv-Glover S. M.* The Bourgeois and Citizen Alyosha Karamazov // *Australian Slavonic and East European Studies (ASEES)*. 1996. Vol. 10. N 2. P. 165–167.

55. *Vladiv-Glover S. M.* Poetika realizma: Dostojevski, Flober, Tolstoj / Transl. into Serbian. Belgrade, 2010. 182 p.

56. *Vladiv-Glover S. M.* Tolstoy's Mikhailov, The Painter of Anna's Portrait, and Constatin Guys, Baudelaire's Painter of Modern Life // *Facta Universitatis. Series Linguistics and Literature*. 2005. Vol. 3. N 2. P. 151–160.

57. *Vladiv-Glover S. M.* What Does Ivan Karamazov «Know»? A Reading through Foucault's Analytic of the «Clinical» Gaze // *Polyfunktion und Metaparodie: Aufsätze zum 175. Geburtstag von Fedor Michailovič Dostojevskij* / Ed. R. Neuhauser. Dresden; München, 1998. S. 189–207. (Dostoevsky Studies Supplements; Vol. 1).

58. *Vladiv-Glover S. M.* What Does Ivan Karamazov «Know»? A Reading through Foucault's Analytic of the «Clinical» Gaze // *New Zealand Slavonic Journal*. 1995. P. 23–44.

59. *Woodford M.* Комментарий к сну главного героя в рассказе Ф. М. Достоевского «Господин Прохарчин» // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2001. Vol. 2. P. 21–36.

60. *Zhivolupova N. V.* Другой в художественном сознании Достоевского и проблема эволюции исповеди антигероя // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2001. Vol. 2. P. 37–53.

61. *Zink A.* What is Prostitution Good for: Dostoevsky, Chernyshevsky, Tolstoy and the «Woman Question» in Russian Literature // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. 2006. Vol. 7. P. 93–106.

62. *Гришин Д. В.* «Дневник писателя» Достоевского. Мельбурн, 1966.

63. *Гришин Д. В.* Ранний Достоевский. Мельбурн, б. д. 230 с.

64. *Гришин Д.* Достоевский: Человек — Писатель и Мифы. Мельбурн, 1971.

65. *Живолупова Н.* Исповедь антигероя: от Достоевского к Михаилу Агееву (проблема жанра) // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review.* 2002/2003. Vol. 3–4. P. 1–30.

66. *Кацман Р.* Между Письмом и Документом, или Критические Заметки о Жизни Знаков в «Подростке» Достоевского // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review.* 2002/2003. Vol. 3–4. P. 59–66.

67. *Тарасова Н. А.* Проблема установления текста «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского 1876 г. // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review.* 2002/2003. Vol. 3–4. P. 31–45.

68. *Тарасова Н. А.* Проблема понимания в герменевтике и текстологии (на материале рукописей Достоевского) // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review.* 2005. Vol. 5. P. 33–46.

Э. ДИМИТРОВ

**ДОСТОЕВСКИЙ В БОЛГАРИИ (1971–2011)
(БИБЛИОГРАФИЯ)**

**I. Собрание сочинений Достоевского
в болгарском переводе**

1. Събр. съч.: В 12 т. София, 1981–1994.
- Т. 1: 1846–1848. Бедни хора и др. / Прев. Л. Минкова и др. София, 1981. XXXII, 494 с.
- Т. 2: 1846–1859. Бели нощи и др. / Прев. Д. Тодоров и др. С послеслов. от Г. Цанков. София, 1981. 567 с.
- Т. 3: 1861–1862. Записки от Мъртвия дом. Унижените и оскърбените / Прев. Г. Константинов. С послесл. от Д. Кирков. София, 1981. 639 с.
- Т. 4: 1862–1870. Отвратителна история и др. / Прев. Л. Минкова и др. С послесл. от Е. Мутафов. София, 1982. 551 с.
- Т. 5: 1865–1866. Престъпление и наказание / Прев. Г. Константинов. С послесл. от Е. Мутафов. София, 1982. 535 с.
- Т. 6: 1868. Идиот / Прев. с послесл. И. Пауновски. София, 1982. 639 с.
- Т. 7: 1870–1872. Бесове / Прев. с послесл. Венцел Райчев. София, 1983. 643 с.
- Т. 8: 1875. Юноша / Прев. К. Койчева. София, 1983. 579 с.
- Т. 9: 1879–1880. Братя Карамазови / Прев. Д. Подвързачов, С. Андреев. София, 1984. 893 с.
- Т. 10: Дневник на писателя 1873, 1876 / Състав. Венцел Райчев. Прев. Венцел Райчев, Л. Минкова. София, 1986. 583 с.
- Т. 11: Дневник на писателя 1877, 1880, 1881 / Състав. Венцел Райчев. Прев. Венцел Райчев, Владимир Райчев. София, 1989. 511 с.
- Т. 12: Писма и статии / Състав. Л. Розенблюм. Прев. Владимир Райчев. София, 1994. 493 с.
- Все преводи са направени по издание: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1989.

II. Монографии

1. *Стоянов Цв.* Геният и неговият наставник. Идейните отношения между Достоевски и Победоносцев: една скрита страница от историята на патернализма / Предг. Т. Жечев. София, 1978. 268 с.
То же: *Стоянов Цв.* Съчинения: В 2 т. София, 1988. Т. 1: Културата като общение. С. 417–617.

То же: *Стоянов Цв.* Избрано и непубликувано. София, 1993. С. 193–406.

Рец.: *Стойнев А.* Достоевски и Победоносцев – геният и неговият «наставник» // *Философска мисъл.* 1980. № 8. С. 118–121.

2. *Анчев А.* Достоевски и проблемите на българската литература. София, 1981. 228 с.

Рец.: *Гургулова М.* // *Болгарская русистика.* 1982. № 3. С. 12–23.

Рец.: *Гърдев Г.* // *Литературна мисъл.* 1982. № 6. С. 194–198.

3. *Добрев Ч.* Предопределението: Шест писма за Достоевски. Фрагменти за Радичков: [Есета]. София, 1993. 176 с.

4. *Димитрова Н.* Достоевски и руският религиозно-философски ренесанс от ХХ век. София, 1994. 132 с.

Рец.: *Богомилова Н.* // *Философски алтернативи.* 1995. № 6. С. 135–137.

5. *Кръстева М.* Дървото на живота: Вярата в творчеството на Достоевски, Киркегор и Херман Хесе. [София, 1999]. 192 с.

6. *Нейчев Н. М. Ф. М.* Достоевски — тайнствената поетика. Пловдив, 2001. 320 с.

Пер.: *Нейчев Н.* Тайнствената поетика Ф. М. Достоевского / Пер. с болг. Т. Нейчевой; предисл. И. Есаулова; науч. ред. А. В. Подчиненова. Екатеринбург, 2010. 316 с.

7. *Христов Б.* *Modi entis*, или Модуси на битието — приноси към достоевистиката. Стара Загора, 2003. 78 с.

8. *Ракъовски Цв. К.* След края на класиката: «Двойник» и «Египетска марка» / Послесл. М. Костова-Панайотова. Велико Търново, 2006. 202 с.

9. *Смоховска-Петрова В.* Пътят към смъртта и възкресението у Достоевски. София, 2008. 303 с.

10. *Пенков Д.* Екзистенциални измерения на вярата в творчеството на Ф. М. Достоевски. София, 2009. 228 с.

11. *Попиванов П.* Достоевски. Питанията на един математик. София, 2011. 165 с.

Рец.: *Бушев М.* Достоевски във фокуса на... математиката // *Светът на физиката.* 2012. Т. XXXV. № 2. С. 227–229.

Рец.: *Ескенази А.* Една интересна книга // *Наука.* 2012. Год. XXII. № 3. С. 75.

12. *Манолакев Хр.* Грибоедов — Гоголь — Достоевский. Типология и герменевтика слова. [Велико Търново, 2011]. 182 с.

III. Статъи

1. *Тонков П.* Велик художник и мислител. Съвременни проблеми на мирогледа, личността и творчеството му // *Литературна мисъл.* 1971. Год. XV. № 5. С. 3–26.

2. *Пауновски Ив.* Положително-прекрасният човек на Достоевски. По повод новото издание на романа «Идиот». Бележки на преводача // Литературна мисъл. 1971. Год. XV. № 5. С. 26–38.

3. *Еленков К.* Художник на достоверния парадокс // Пламък. 1971. № 21. С. 11–14.

4. *Бошнаков П.* Достоевски и България // Пламък. 1971. № 21. С. 15–18.

5. *Бурнаска С.* Достоевски — защитник на българския народ // Език и литература. 1972. № 1. С. 70–75.

6. *Бочева М.* Проблемата «идея—човек» в творчеството на Достоевски // Език и литература. 1972. № 4. С. 23–32.

7. *Германов Г. Ф. М.* Достоевски и българите // Известия на Института за литература. 1972. № 21. С. 397–421.

То же: *Германов Г.* Окървавено навечерие. София, 1976. С. 183–213.

8. *Тонков П.* Достоевски — съвременни проблеми на мирогледа, личността и творчеството му // Тонков П. Литература и живот. Пловдив, 1973. С. 43–83.

9. *Анчев А.* Димитър Димов и Достоевски // Литературна мисъл. 1972. Год. XVI. № 5. С. 35–52.

10. *Цветков Ив. Ф. М.* Достоевски // Септември. 1974. № 7. С. 204–216.

11. *Димитрова Ел.* «Записки от Мъртвия дом» в творческото развитие на Достоевски // Литературна мисъл. 1975. Год. XIX. № 3. С. 58–79.

12. *Ескенази Ж.* Федор Михайлович Достоевски в българските библиотеки (1878–1944) // Библиотекар. 1976. № 4. С. 35–37.

13. *Иванов Ч.* Достоевски и Освободителната война, 1877 // Родна реч. 1977. № 7. С. 1–3.

14. *Вълкова Кл.* Распутин и Достоевски в светлината на традициите и новаторството // Родна реч. 1977. № 10. С. 55–58.

15. *Германов Г.* Освободителната война в руската литература // Освобождението на България и руската общественост. София, 1977. С. 282–308. [О Достоевском на с. 304–308.]

16. *Пауновски Ив.* Социален роман из някогашния Петербург // Пауновски Ив. Малки неща. София, 1978. С. 187–195.

17. *Анчев А.* Поетическите традиции на Толстой и Достоевски в съвременния български роман // Славистични проучвания. София, 1978. С. 205–219.

Пер.: *Анчев А.* Поетическите традиции Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского и проблеми болгарского романа // Болгарская русистика. 1979. № 3. С. 16–22.

18. *Христов Б.* Към полемиката между Ф. М. Достоевски и Л. Н. Толстой по т. нар. «източен въпрос» за освобождението на България // Освобождението на България и литературата. София, 1978. С. 121–148.

19. *Бунджулова Б.* Конструктивный принцип «схематизации» в художественном контексте (на материале повести Достоевского «Господин Прохарчин») // Болгарская русистика. 1979. № 2. С. 50–56.

20. *Цветков Ив.* «Реалист във висшия смисъл на думата» (Ф. М. Достоевски) // Цветков Ив. Страници за прозата. София, 1979. С. 128–145.

21. *Анчев А.* Традиции Достоевского и формирование психологического течения в болгарской литературе // Болгарская русистика. 1981. Год. VIII. №1. С. 3–13. [Под рубр.: «К столетию со дня смерти Ф. М. Достоевского».]

22. *Ковач А.* Исключительное и фантастическое в поэтике Ф. Достоевского // Болгарская русистика. 1981. Год. VIII. №1. С. 12–23.

23. *Васева-Кадынкова Ив.* Некоторые особенности художественного стиля Ф. М. Достоевского // Болгарская русистика. 1981. Год. VIII. №1. С. 23–35.

24. *Гургулова М.* К проблеме типологии художественного мышления Ф. М. Достоевского и В. М. Гаршина // Болгарская русистика. 1981. Год. VIII. №3. С. 16–26.

25. *Анчев А.* Георги Райчев и Достоевски // Литературна мисъл. 1981. Год. XXV. №3. С. 55–60.

26. *Анчев А.* Достоевский и болгарская литература // Болгарская русистика. 1982. Год. IX. №2. С. 3–10.

27. *Бабович М.* Толкование поэмы «Великий инквизитор» // Болгарская русистика. 1982. Год. IX. №2. С. 11–22.

28. *Бошнакова М.* О художественном времени в «Преступлении и наказании» // Болгарская русистика. 1982. Год. IX. №6. С. 14–20.

29. *Дулова А.* Идея свободы в мировоззрении Ф. М. Достоевского и в философии Канта и Шеллинга // Болгарская русистика. 1983. Год. X. №5. С. 14–20.

30. *Дулова А.* Философия Гегеля и художественный метод Ф. М. Достоевского // Болгарская русистика. 1984. Год. XI. №6. С. 16–26.

31. *Велев Г.* Два факта из романа «Братья Карамазовы» // Болгарская русистика. 1985. Год. XII. №4. С. 25–32.

32. *Панайотов П.* О синтетическом характере композиции «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского // Болгарская русистика. 1985. Год. XII. №5. С. 3–9.

33. *Бабович М.* Роман Достоевского и русское революционное движение // Болгарская русистика. 1985. Год. XII. №2. С. 24–30.

34. *Теофилов М.* Перерастание документального материала в художественный в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского // Болгарская русистика. 1985. Год. XII. №4. С. 11–18.

35. *Димитрова Е.* Емилиян Станев и Достоевски // Литературна мисъл. 1986. Год. XXX. №1. С. 89–111.

36. *Панайотов П.* Ранните повести и разкази на Леонов и традициите на Достоевски // Проф. д-р Симеон Русакиев. Сборник от научни доклади и съобщения. Шумен, 1986. С. 98–105.

37. *Бучков Ат.* Диалогът между Бахтин и Достоевски (Един аспект на проблема) // Литературна мисъл. 1987. Год. XXXI. №3. С. 63–74.

38. *Велев Г.* За «загадъчната» сценичност на романа «Братя Карамазови» // Литературна мисъл. 1988. Год. XXXII. №5. С. 58–72.
39. *Тотев Пл.* Разколников като руска интерпретация на типа амбициозен герой // Литературна мисъл. 1988. Год. XXXII. №7. С. 102–108.
40. *Дулова А. Ф. М.* Достоевский и современность // Болгарская русистика. 1989. №1. С. 20–26.
41. *Шмидт Х.* Тургенев, Достоевский и Германия в 1867–1872 годы // Болгарская русистика. 1989. №2. С. 11–16.
42. *Кююмджиев Кр.* Кант и Достоевски // Септември. 1989. №2. С. 185–232. [Вступ.: *Жечев Т.* За последния, недовършен труд на Кръстю Кююмджиев // Там же. С. 177–183.]
43. *Вулетич В.* Явялутся ли «Братя Карамазовы» романом-эпопей? // Болгарская русистика. 1989. №5. С. 7–16.
44. *Червеняк А.* К вопросу о жанровой характеристике «фантастической трилогии» Ф.М. Достоевского // Болгарская русистика. 1989. №6. С. 15–20.
45. *Димитров Е.* Темата за двойничеството при Достоевски и класическата етика // Съвременната етика — проблеми и позиции. София, 1989. С. 114–118.
46. *Делчев Кр.* Съмнения в човешката природа (Въображаеми възражения на Достоевски срещу Декарт) // Литературна мисъл. 1990. Год. XXXIV. №4. С. 72–78.
47. *Панайотов П.* Фьодор Достоевски: вдъхновителят // Септември. 1990. №5. С. 193–208.
48. *Димитров Э.* Безмолвие у Достоевского // Достоевский и современность: тезисы выступлений на «Староруских чтениях». Новгород, 1991. Ч. 1. С. 48–52.
49. *Димитров Э.* Демонология Достоевского (к проблеме зла у Достоевского) // Достоевский и современность: тезисы выступлений на «Староруских чтениях». Новгород, 1991. Ч. 2. С. 40–47.
50. *Достоевски Ф.* Христос и безсмъртието / Встъп. ст., подбор, превод, бележки *Э. Димитрова* // Култура. 1991. 2 авг. №31. С. 3.
51. *Димитров Е.* «В земята има нещо свещено...» (170 години от рождението на Ф.М. Достоевски) // Земеделско знаме. 1991. 12 ноември. №79. С. 2.
52. *Бълэнеску С.* «Крейцера соната» Л. Толстого и «Кроткая» Достоевского // Болгарская русистика. 1991. №3. С. 30–34.
53. *Михайлова Д.* Основополагающий мотив и жанровая специфика «Преступления и наказания» // Болгарская русистика. 1991. №4. С. 19–24.
54. *Димитрова Н.* Достоевски и Кант в руския духовен ренесанс (аспекти на проблема) // Литературна мисъл. 1991. №9. С. 97–108.
55. *Каролев Ст.* «Със страдание, търсейки изход...» // Летописи. 1991. №4. С. 173–181.
56. *Германов Г.* Интерпретация на български проблеми в творчеството на Ф. М. Достоевски // Болгарская русистика. 1992. №1. С. 11–16.

57. *Колевский В.* «Легенда о Великом инквизиторе» и наша современность // Болгарская русистика. 1992. № 1. С. 17–19.

58. *Боева Л.* Церковные легенды в произведениях Ф.М. Достоевского // Болгарская русистика. 1992. № 1. С. 20–25.

59. *Троев П.* Цветовата символика у ранния Достоевски // Болгарская русистика. 1992. № 1. С. 26–34.

60. *Жечев Т.* Пророчеството на Достоевски // Летописи. 1992. № 2. С. 3–8.

61. *Димитрова Н.* Достоевски между умозренията и откровенията на Лев Шестов // Философски алтернативи. 1993. № 1. С. 35–36.

62. *Ибшиев Дж.* Защо Лев Шестов, Достоевски и Ницше са «братя-близнаци»? // Философия. 1993. № 6. С. 38–42.

63. *Велев Г.* Разказвачът в романа «Братя Карамазови» // Летописи. 1993. № 11–12. С. 162–173.

64. *Канавров В.* Бесовете (Достоевски) // Канавров В. Размирието на разума. София, 1994. С. 190–250.

65. *Стоянов Цв.* Когато чета Достоевски // Стоянов Цв. Избрано и непубликувано. София, 1994. С. 191.

66. *Игнатов А.* Бесът и свърхчовекът. Антиципацията (предусещането) на тоталитаризма при Достоевски и Ницше // Летописи. 1995. № 1–2. С. 162–183.

67. *Донев Г.* Трансцендентална дефетишизация на съществуването в «Бесове» на Достоевски и «Абсурдните стени» на Камю // Философия. 1995. № 5. С. 3–15.

68. *Нейчев Н.* Мотивът «митарства на душата» в структурата на «Шинел» и «Братя Карамазови» // Научни трудове на ПУ «Паисий Хилендарски». Филологии. 1995. Т. 33. Кн. 1. С. 299–307.

69. *Димитрова М.* Философско-религиозната концепция на Бердяев за Достоевски // Философски алтернативи. 1996. № 2. С. 112–116.

70. *Нейчев Н.* Отражение на ортодоксалната храмова архитектуроника в «Петокнижието» на Ф.М. Достоевски // Летописи. 1996. № 1–2. С. 91–104.

71. *Панайотов П.* Достоевски и Кант // Летописи. 1996. № 1–2. С. 105–120.

72. *Нейчев Н.* «Идиот» на Ф.М. Достоевски в светлината на православната мистика // Проглас. Велико Търново. 1997. № 3–4. С. 164–178. То же: *Нейчев Н.* «Идиот» на Ф.М. Достоевски в светлината на православната мистика // Страница. Пловдив. 1998. № 2. С. 44–51.

73. *Савова Л.* Боготърсенето на младия Достоевски // Богословска мисъл. 2000. № 1–4. С. 80–82.

74. *Нейчев Н.* «Бесът» и «Идиотът» или за двойствения лик на Красотата у Достоевски // Изворът на Нарцис. Сборник научни статии. Литературознание. Пловдив, 2000. С. 158–172.

75. *Кръстева Д., Чавдарова Д.* Писателят като сплетник. 180 години от рождението на Ф. Достоевски // Литературен форум. 2002. № 2 (486). 15–21 януари. С. 1, 10; № 3 (487). 22–28 януари. С. 11.

76. *Нейчев Н.* «Война и мир» и «Братя Карамазовы» — к идее о единой русской эпопее // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Седьмые Державинские чтения. Санкт-Петербург, 2002. Вып. 14. Ч. 2. С. 34–39.

77. *Манолакев Хр.* Романът «Престъпление и наказание» на Ф. М. Достоевски: Убийството — сюжет, семантика, функционалност // Словесност и литература. Юбилеен сборник в чест на 60-год. на проф. Енчо Мутафов. Благоевград, 2003. С. 246–262.

78. *Манолакев Хр.* Самоубийството на Свидригайлов // Неуморният търсач. Сб. посветен на доц. д-р Ивайло Петров. Шумен, 2005. С. 199–203.

79. *Димитров Э.* Литературоведение «на пороге» (Русская эмиграция в Варне и лекция Н. Рутковского о Достоевском) // Болгарская русистика. 2005. № 1–2. С. 80–86. [С публ.: *Рутковский Н.* Достоевский как христианин // Там же. С. 87–89.]

80. *Димитров Е.* Достоевски: романът и Евангелието (интервю с К. Степанян) // Литературен вестник. 2006. 1–7 март. № 8. С. 9, 12–13. То же: Ф. М. Достоевски: Роман и Евангелие (Беседа българского русиста Эмила Димитрова с вице-президентом российского общества Достоевского Кареном Степаняном; опубликовано на болгарском языке в болгарской газете «Литературен вестник», № 16 от 1–7.03.2006 г.) // Элитарная Газета (Ежемесячное приложение к газете «Новое время»). Ереван. 2006. 30 мая. Вып. 5 (137). С. 1–2.

81. *Манолакев Хр.* Свидригайлов и Печорин. Свидригайлов и краят на «излишния човек» // 60 години руска филология в Софийския университет. Сборник научни статии. София, 2006. С. 285–292.

82. *Димитров Е.* Достоевски и Лосев: към въпроса за общуването в «голямото време» // Философски алтернативи. София. 2007. № 4. С. 75–87.

83. *Михайлов К.* Достоевски в българската критика: подривен или ортодоксален? // Християнство и идентичност. Пътуване към себе си в света на литературата и културата. София, 2007. С. 90–100.

То же: La (ré)construction de l'identité orthodoxe dans la critique littéraire bulgare sur Dostoïevski // Traditionnel, identité, modernité dans les cultures du sud-est européen: la littérature et la vie intellectuelle au XX-e siècle. Sofia; Arras, 2007. P. 35–41.

То же: La (ré)construction de l'identité orthodoxe dans la critique littéraire bulgare sur Dostoïevski // Études balkaniques. Sofia. Institut d'Études balkaniques. 2006. N 3–4. P. 35–41.

84. *Димитрова Н.* Между ума и безумието (Щрих към образа на юродивите у Достоевски) // Човекът: единен и раздвоен. София, 2007. С. 108–124.

85. *Манолакев Хр.* Сюжет Свидригайлова: текст и контекст // Достоевски и мировая культура: Альманах. М., 2007. № 22. С. 156–186.

86. *Димитров Э. Ф.* М. Достоевский и А. Ф. Лосев: к вопросу общения в «большом времени» // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избранные доклады и тезисы (15–18 декабря 2006 г., пансионат «Покровское») / Под общей ред. И. Л. Волгина. М., 2008. С. 401–403.

87. *Михайлов К.* Литературоведът като теолог // Преходи и граници. Сборник с доклади от XV годишна научна конференция на ФСЛФ на СУ «Св. Климент Охридски» (18–19.05.2009). София, 2009. С. 131–140. [О Достоевском и Бернаноше.]

88. *Димитрова Н.* Изповедното слово: случаят Ставрогин // Езикът на битието: Сборник в памет на проф. Стефан Васев. София, 2010. С. 136–140.

89. *Димитров Э.* Встреча у Достоевского // XIV Symposium Internazionale Dostoevskij: Dostoevskij — Mente filosofica e sguardo di scrittore. Abstracts / Traduzioni a cura di M. Venditti. Napoli: Università degli Studi di Napoli «L'Orientale», Istituto Italiano per gli Studi Filosofici, Napoli. 13–20 giugno 2010. P. 43.

Перев.: L'incontro in Dostoevskij // Ibid. P. 42.

90. *Димитров Л.* Несостоявшийся драматург, театральный артист // XIV Symposium Internazionale Dostoevskij: Dostoevskij — Mente filosofica e sguardo di scrittore. Abstracts / Traduzioni a cura di M. Venditti. Napoli: Università degli Studi di Napoli «L'Orientale», Istituto Italiano per gli Studi Filosofici, Napoli. 13–20 giugno 2010. P. 44.

Перев.: F. M. Dostoevskij: Un drammaturgo fallito, un tentatore teatrale // Ibid. P. 43.

91. *Панайотов Пл.* Незавършеният шедевър на българското литературознание (Цветан Стоянов и «Геният и неговият наставник») // Литературен вестник. 2010. 10–16 юли. № 24.

92. *Димитров Э.* Достоевский и Лосев: к вопросу об общении в «большом времени» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2010. Вып. 19. С. 58–75.

93. *Донев Вл.* Цитатите от Достоевски // Донев Вл. Емилиян Станев. Примамливите блясъци в прочита. София, 2010. С. 269–302.

94. *Димитрова Н.* Християнски кенозис и шутовско самоунижение — към културната антропология на Достоевски // Философски алтернативи. 2011. № 3. С. 24–31.

Перев.: *Димитрова Н.* Христианский кенозис и шутовское самоумаление: к культурной антропологии Достоевского // Соловьевские исследования. Иваново, 2011. № 31. С. 60–71.

95. *Донев Вл.* Художественият модел на лагерната проза у Солженицин // Донев Вл. Александър Солженицин. Класика срещу канон. Велико Търново, 2011. С. 20–82. [О «Записках из Мертвого дома» и лагерной прозе Солженицына.]

96. *Димитров Э.* Онтопоетика Достоевского // Достоевский в смене эпох и поколений: сборник материалов Международной научной

конференции (Омск, 13–15 октября 2011) / Отв. ред. О.С. Иссерс, Е.А. Акелькина. Омск, 2011. С. 28–34.

Перев.: *Димитров Э.* Онтопоетиката на Достоевски // *Философски алтернативи*. 2012. №3. С. 31–37.

97. *Димитров Е.* Срещата у Достоевски // *Философски алтернативи*. 2012. №1. С. 35–41.

Перев.: *Димитров Э.* «Встреча» у Достоевского // *Достоевский и мировая культура*. СПб., 2012. №29. С. 122–130.

Перев.: *Dimitrov E.* L'incontro in Dostoevskij // *Su Fëdor Dostoevskij: Visione filosofica e sguardo di scrittore / A cura di Stefano Aloe*. Napoli, 2012.

Б. Б. ГОМИДЕ

**ПУБЛИКАЦИИ О ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО,
ВЫШЕДШИЕ В БРАЗИЛИИ С 1888 ПО 2001 г.**

1. *Araújo R. B. de.* Guerra e Paz. Casa-Grande & Senzala e a Obra de Gilberto Freyre nos Anos 30. Rio de Janeiro, 1994.
2. *Bandeira M., Melo C., Andrade A. T.* O Ano Vermelho. A Revolução Russa e seus Reflexos no Brasil. 2 ed. São Paulo, 1980.
3. *Cardoso V.L.* Da Vitalidade dos Romances de Dostoiewsky // Terra de Sol: Revista de Arte e Pensamento. 1924. Mar. N 3.
4. *Cardoso V.L.* A Significação do «Idiota» de Dostoiewsky // Terra de Sol: Revista de Arte e Pensamento. 1924. Jul. N 7.
5. *Carpeaux O. M.* Ensaios de Interpretação Dostoievskiana // A Cinza do Purgatório. Rio de Janeiro, 1942.
6. Dicionário Histórico-Biográfico Brasileiro / Ed. A. A. de Abreu et al. Rio de Janeiro, 2001.
7. *Edgerton W. B.* Spanish and Portuguese Responses to Dostoevskij // Revue de littérature comparée. 1981. Jul./Dez. N LV.
8. *Freitas L. de.* Existência de Dostoyewski // O Comentário. 1931. 15 jun. N 11.
9. *Gomide B.* Da estepe à caatinga: o romance russo no Brasil (1887–1936). São Paulo, 2011.
10. *Gomide B.* Краткая история восприятия Достоевского в Бразилии // Вопросы литературы. 2010. N 3.
11. *Grossman L. P.* Dostoievski Artista. Rio de Janeiro, 1967.
12. *Guirin Iu. N.* Бразильский модернизм как зеркало русской революции // Латинская Америка. 1994. N 7–8.
13. *Hardman F. F.* Nem Pátria, nem Patrão! Memória Operária, Cultura e Literatura no Brasil. 3 ed. São Paulo, 2002.
14. *Konder L.* A Derrota da Dialética. Rio de Janeiro, 1988.
15. *Lafetá J. L.* 1930: a Crítica e o Modernismo. São Paulo, 2000.
16. *Madeira M. A.* Lima Barreto e o Romance Russo (mimeo). Cahambu, 1996. [Книга была представлена на XX ежегодном совещании ANPOCS.]
17. *Motta R. P. S.* Em Guarda contra o Perigo Vermelho: o Anticomunismo no Brasil (1917–1964). São Paulo, 2002.
18. *Pereira N.* Nota Sobre Dostoiewsky // Fronteiras. 1936. Jan. P. 7.

19. *Sarhan J.P., Angelides S.* Modernismo Brasileiro e Cubo-Futurismo Russo // Língua e Literatura. 1978. N 7.
20. *Schnaiderman B.* Dostoiévski: a Ficção como Pensamento // Arte-pensamento / Ed. A. Novaes. São Paulo, 1994.
21. *Schnaiderman B.* Dostoiévski Prosa Poesia. São Paulo, 1982.
22. *Schnaiderman B.* Osvaldo Goeldi e Dostoiévski // Revista da USP. 1996/1997. N 32. Dez.-fev.
23. *Schnaiderman B.* Projeções: Rússia/Brasil/Itália. São Paulo, 1977.
24. *Schnaiderman B.* Turbilhão e Semente: Ensaio Sobre Dostoiévski e Bakhtin. São Paulo, 1983.
25. *Schwarz R.* Ao Vencedor as Batatas. 4 ed. São Paulo, 1992.
26. *Schwarz R.* Um Mestre na Periferia do Capitalismo. São Paulo, 1991.
27. *Sevcenko N.* Orfeu Extático na Metrópole: São Paulo, Sociedade e Cultura nos Frementes Anos 20. São Paulo, 1992.
28. *Shur L.A.* Relações Literárias e Culturais entre Rússia e Brasil. São Paulo, 1986.
29. *Vitor N.* O Espírito de Dostoiévski // Obra Crítica de Nestor Vitor. Rio de Janeiro; Curitiba, 1979. Vol. 3.
30. *Vogüé M. de.* O Romance Russo. Rio de Janeiro, 1950.

С. ЯНГ

**ВОСПРИЯТИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1971–2011 гг.)**

Библиография

1970

1. *Stern J.P.* The Testing of the Prince: On the Realism of Dostoyevsky's «The Idiot» // *Gorski Vijenac: A Garland of Essays Offered to Professor Elizabeth Hill.* Cambridge, 1970. P. 252–267.

1971

2. *Jones M.V.* Some Echoes of Hegel in Dostoyevsky // *The Slavonic and East European Review.* 1971. Vol. 49. P. 500–520.

3. *Peace R.* Dostoyevsky: An Examination of the Major Novels. Cambridge, 1971.

4. *Thody P.* Jeeves, Dostoevski and the double paradox // *University of Leeds Review.* 1971. Vol. 14. N 2. P. 319–331.

1972

5. *Crome L.* Recollections of Dostoevsky // *Anglo-Soviet Journal.* 1972. Vol. 32. N 3. P. 5–11.

6. *Jones M.V.* Dostoevskii's Notebooks // *Journal of European Studies.* 1972. Vol. 2. N 3. P. 277–284.

7. *Jones M.V.* Dostoevsky, Tolstoy, Leskov and Redstokizm // *Journal of Russian Studies.* 1972. Vol. 23. P. 3–20.

8. *O'Toole L.M.* Structure and Style in the Short Story: Dostoevsky's «A Gentle Spirit» // *Tijdschrift voor Slavische Taal-en Letterkunde.* 1972. Vol. 1. P. 81–116.

1973

9. *Freeborn R.* Crime and Punishment // *The Rise of the Russian Novel: Studies in the Russian Novel from «Eugene Onegin» to «War and Peace».* Cambridge, 1973. P. 157–207.

10. *Gibson A.B.* The Religion of Dostoevsky. London, 1973.

11. *Jones M.V.* An Aspect of Romanticism in Dostoyevsky: «Netochka Nezvanova» and Eugène Sue's «Mathilde» // *Renaissance and Modern Studies.* 1973. Vol. 17. P. 38–61.

12. *Leatherbarrow W.J.* «The Rag with Ambition»: the Problem of Self-Will in Dostoevsky's «Bednye liudi» and «Dvoynik» // *Modern Language Review.* 1973. Vol. 68. P. 607–618.

13. *Leatherbarrow W.J.* Raskolnikov and the «Enigma of his Personality» // *Modern Language Studies*. 1973. Vol. 9. P. 153–165.

1974

14. *Carroll J.* Break-Out from the Crystal Palace: The Anarcho-Psychological Critique — Stirner, Nietzsche, Dostoevsky. London, 1974.

15. *Freeborn R.* Realism in Russia, to the Death of Dostoevsky // *The Age of Realism*. Harmondsworth, 1974. P. 126–139.

16. *Jones M.V.* Dostoevsky and an Aspect of Schiller's Psychology // *The Slavonic and East European Review*. 1974. Vol. 52. P. 337–354.

17. *Jones M.V.* Raskolnikov's Humanitarianism // *Canadian-American Slavic Studies*. 1974. Vol. 8. N 3. P. 370–380.

18. *Knight S.* The function of quotation in Dostoevsky: with special reference to «The Adolescent» // *University of Essex Language Centre Occasional Papers*. 1974. Vol. 14. P. 69–89.

19. *Leatherbarrow W.J.* Dostoevsky's Treatment of the Theme of Romantic Dreaming in «Khozyayka» and «Belye nochì» // *Modern Language Review*. 1974. Vol. 69. P. 584–595.

20. *Woodward J.B.* Transferred Speech in Dostoevskii's «Vechnyi muzh» // *Canadian-American Slavic Studies*. 1974. Vol. 8. P. 398–407.

1975

21. *Davison R.M.* The translation of surnames in Dostoevsky // *Journal of Russian Studies*. 1975. Vol. 30. P. 28–31.

22. *Jones M.V.* Comrade Dostoevsky (a survey of recent Soviet scholarship with particular reference to Leonid Grossman's «Dostoevsky», trans. Mary Mackler, London, 1974) // *The Times Literary Supplement*. 1975. Feb. 21. P. 198.

1976

23. *Calder A.* Russia Discovered: Nineteenth-Century Fiction from Pushkin to Chekhov. London, 1976. P. 110–135, 173–208.

24. *Freeborn R., Donchin G., Anning N.J.* Russian Literary Attitudes from Pushkin to Solzhenitsyn. Basingstoke, 1976. P. 39–59.

25. *Jones M.V.* Dostoevsky: The Novel of Discard. London, 1976.

26. *Джоунс М.В.* К пониманию образа князя Мышкина // *Достоевский: материалы и исследования*. Л., 1976. Т. 2. С. 106–112.

27. *Leatherbarrow W.J.* The Aesthetic Louse: Ethics and Aesthetics in Dostoevsky's «Prestuplenie i nakazanie» // *Modern Language Review*. 1976. Vol. 71. P. 857–866.

1977

28. *Orr J.* Tragic Realism and Modern Society: Studies in the Sociology of the Modern Novel. Basingstoke, 1977. P. 53–86.

29. *Sutherland S.R.* Atheism and the Rejection of God: Contemporary Philosophy and «The Brothers Karamazov». Oxford, 1977.

1978

30. *Hingley R.* Dostoyevsky: His Life and Work. London, 1978.
31. *Nuttall A.D.* Dostoyevsky's «Crime and Punishment»: Murder as a Philosophic Experiment. Edinburgh, 1978.
32. *Orr J.* The demonic tendency, politics and society in Dostoyevsky's «The Devils» // *The Sociology of Literature: Applied Studies.* Keele, 1978. P. 271–283.
33. *Peace R.* Dostoyevsky's «The Eternal Husband» and Literary Polemics // *Essays in Poetics.* 1978. Vol. 3. N 2. P. 22–40.
34. *Snow C.P.* The Realists: Portraits of Eight Novelists. London, 1978. P. 84–138.

1979

35. *Jones M.V.* Winter notes on Autumn reading: five recent books on Dostoyevsky // *Journal of Russian Studies.* 1979. Vol. 37. P. 32–39.
36. *Leatherbarrow W.J.* Pushkin and the Early Dostoyevsky // *Modern Language Review.* 1979. Vol. 74. P. 368–385.
37. *Offord D.* Dostoyevsky and Chernyshevsky // *Slavonic and East European Review.* 1979. Vol. 57. N 4. P. 509–530.

1980

38. *Davison R.M.* Dostoyevsky's «The Devils»: The Role of Stepan Trofimovich Verkhovensky // *Forum for Modern Language Studies.* 1980. Vol. 16. P. 109–119.
39. *Jones M.V.* Dostoyevsky and Europe: travels in the mind // *Renaissance and Modern Studies.* 1980. Vol. 24. P. 38–57.
40. *Leatherbarrow W.J.* Idealism and Utopian Socialism in Dostoyevsky's «Gospodin Prokharchin» and «Slaboe serdtse» // *Slavonic and East European Review.* 1980. Vol. 58. P. 524–540.
41. *Woodward J.B.* Overlapping portraits in Dostoyevskij's «The Idiot» // *Scando-Slavica.* 1980. Vol. 26. P. 115–127.

1981

42. *Davison R.M.* Dostoyevskij's «Devils» and the Sects // *Der Welt der Slaven.* 1981. N 2. S. 274–284.
43. F.M. Dostoyevsky (1821–1881): A Centenary Collection / Ed. by L. Burnett. Colchester, 1981:
- O'Toole L.M.* Structure and Style in the Short Story: Dostoyevsky's «A Gentle Spirit». P. 1–36.
- Spencer F.* Form and Disorder in Dostoyevsky's «A Raw Youth». P. 37–57.
- Burnett L.* Dostoyevsky, Poe and the Discovery of Fantastic Realism. P. 58–86.
- Hyde G.M.* T. S. Eliot's «Crime and Punishment». P. 87–96.
- Simpson P.* The Rejection of the World: Dostoyevsky, Ivanov, Camus. P. 97–108.
- Johae A.* Idealism and the Dialectic in «The Brothers Karamazov». P. 109–118.

Panteli C. Dostoevsky's Aesthetic: Dichotomy between Reality and Transcendence in Ivan Karamazov's Nightmare. P. 119–126.

Thurley G. Dostoevsky — between Psyche and Psychology. P. 127–134.

44. *Leatherbarrow W.J.* Fedor Dostoevsky. Boston, 1981.

45. *Peace R.* Dostoyevsky and Tolstoy as Novelists of Ideas // Transactions of Russian-American Scholars in the U.S.A. 1981. Vol. 14. P. 231–238.

1982

46. *Falchikov M.* Gordon Comstock iz podpol'ya? or Orwell's Underground Man (Some Observations on «Zapiski iz podpol'ya» and «Keep the Aspidistra Flying») // Essays in Poetics. 1982. Vol. 7. N 2. P. 23–38.

47. *Hackel S. F. M.* Dostoevsky, 1821—1881: Prophet Manque? // Dostoevsky Studies. 1982. Vol. 3. P. 5–25.

48. *Jones M. V.* Dostoevsky and European Philosophy // Actualité de Dostoevskij. Genova, 1982. P. 103–118.

49. *Leatherbarrow W.J.* Apocalyptic Imagery in «The Idiot» and «The Devils» // Dostoevsky Studies. 1982. Vol. 3. P. 43–52.

50. *Peace R.* Dostoevsky and the Golden Age // Dostoevsky Studies. 1982. Vol. 3. P. 61–78.

1983

51. *Dostoyevsky F.* The House of the Dead / Transl. D. McDuff. London, 1983.

52. *Hingley R.* Introduction // Dostoevsky F. Memoirs from the House of the Dead / Transl. Jessie Coulson. Oxford, 1983. P. VII–XVIII.

53. *Dodd W.J.* Dostoyevskian elements in Kafka's «Penal Colony» // German Life and Letters. 1983. Vol. 1. P. 11–23.

54. *Jones M. V.* Dostoevsky, Rousseau and Others // Dostoevsky Studies. 1983. Vol. 4. P. 81–93.

55. New Essays on Dostoyevsky / Ed. by M. Jones, G. Terry. Cambridge, 1983:

Offord D. The Causes of Crime and the Meaning of Law: «Crime and Punishment» in the Light of Contemporary Radical Thought. P. 41–65.

Seeley F. F. Ivan Karamazov. P. 115–136.

Hackel S. The religious dimension: vision or evasion? Zosima's discourse in «The Brothers Karamazov». P. 139–168.

Sutherland S. R. The philosophical dimension: self and freedom. P. 169–185.

Pike C. Formalist and Structuralist Approaches to Dostoyevsky. P. 187–214.

Terry G. Dostoyevsky Studies in Great Britain: A Bibliographic Survey. P. 215–264.

56. *O'Toole L. M.* The Scythian Factor: Non-Verbal Interaction in Tolstoy and Dostoevsky // Melbourne Slavonic Studies. 1983. Vol. 17. P. 1–20.

57. *Pyman A.* Dostoevskii's influence on Religious Thought of the Silver Age // Canadian-American Slavic Studies. 1983. Vol. 17. N 3. P. 287–324.

1984

58. *Dodd W. J.* Varieties of Influence on Kafka's Indebtedness to Dostoevskii // *Journal of European Studies*. 1984. Vol. 14. P. 257–269.

59. *Pike C.* Dostoevsky's «Dream of a Ridiculous Man»: Seeing is Believing // *The Structural Analysis of Russian Narrative Fiction*. Keele, 1984. P. 26–63.

60. *Rayfield D.* Dostoyevsky's «Eugénie Grandet» // *Forum for Modern Language Studies*. 1984. Vol. 20. P. 133–142.

61. *Sutherland S.* Death and Fulfilment, or Would the Real Mr. Dostoyevsky Stand Up? // *Philosophy and Literature*. Royal Institute of Philosophy Lecture Series. N 16. Cambridge, 1984. P. 15–28.

1985

62. *Jones J.* Dostoevsky. Oxford, 1985.

63. *Jones M. V.* Dostoevsky's «Notes from Underground» // *The Voice of a Giant*. Exeter, 1985. P. 55–65.

64. *Seddon J. H.* The Petrashevtsy: A Study of the Russian Revolutionaries of 1848. Manchester, 1985.

1986

65. *Jones M. V.* «A Raw Youth»: A Novel of Disorder // *Critical Essays on Dostoevsky*. Boston, 1986. P. 158–170.

66. *Jones M. V.* The Legend of the Grand Inquisitor: the suppression of the second temptation and the dialogue with God // *Dostoevsky Studies*. 1986. Vol. 7. P. 123–134.

67. *Raine C.* Belly Without Blemish: Golding's Sources // *William Golding: The Man and His Books: A Tribute on His 75th Birthday*. London, 1986. P. 101–109.

68. Résumés of Papers given at the VI International Dostoevsky Symposium / Ed. by M. V. Jones. Nottingham, 1986.

69. *Seeley F. F.* Smerdiakov // *Dostoevsky Studies*. 1986. Vol. 7. P. 99–105.

70. *Smyth S.* The «Lukovka» Legend in «The Brothers Karamazov» // *Irish Slavonic Studies*. 1986. Vol. 7. P. 41–51.

1987

71. *Falchikov M.* From Dostoevsky's Underground Man to Chekhov's Unknown Man // *Scottish Slavonic Review*. 1987. Vol. 9. P. 67–84.

72. *Jones M. V.* Dostoevsky: Driving the Reader Crazy // *Essays in Poetics*. 1987. Vol. 12. N 1. P. 57–80.

73. *Thompson D. O.* Poetic Transformations of Scientific Facts in «Brat'ia Karamazovy» // *Dostoevsky Studies*. 1987. Vol. 8. P. 73–91.

1988

74. *Dostoyevsky F.* Poor Folk and other stories / Transl. D. McDuff. London, 1988.

75. *Conradi P.* Dostoevsky. Basingstoke, 1988.

76. *Kelly A.* Dostoevsky and the Divided Conscience // *Slavic Review*. 1988. Vol. 47. N 2. P. 239–260.

77. *Peace R.* Some Dostoyevskian Themes in the Work of Maksim Gorky // *Russian Literature*. 1988. Vol. 24. N 4. P. 525–538.

78. *Sutton J.* Fyodor Dostoevsky and Vladimir Solovyov // *The Religious Philosophy of Vladimir Solovyov: Towards a Reassessment*. London; New York, 1988. P. 185–193.

1989

79. *Dostoyevsky F.* Uncle's Dream and other stories / Transl. D. McDuff. London, 1989.

80. *Bradbury M.* Fyodor Dostoevsky // *The Modern World: Ten Great Writers*. New York, 1989. P. 25–52.

1990

81. *Burnett L.* Hors-d'oeuvre: Catering for the Consumer in «The Idiot» // *Essays in Poetics*. 1990. Vol. 15. N 2. P. 68–93.

82. *Davidson R. M.* Aspects of Novelistic Technique in Dostoevskii's «Besy» // *From Pushkin to Palisandria: Essays in Honour of Richard Freeborn*. London, 1990. P. 83–95.

83. *Johae A.* Hallucination in «Oliver Twist» and «Crime and Punishment» // *New Comparison*. 1990. Vol. 9. P. 128–138.

84. *Jones M. V.* Dostoyevsky after Bakhtin: Readings in Dostoyevsky's Fantastic Realism. Cambridge, 1990.

85. *Leatherbarrow W. J.* Fedor Dostoevsky: A Reference Guide. Boston, 1990.

86. *Peace R.* The Analytical Genius: «Bednye liudi» and the Russian Prose Tradition // *From Pushkin to Palisandria: Essays in Honour of Richard Freeborn*. London, 1990. P. 52–69.

87. *Rayfield D.* Dumas and Dostoevskii: Deflowering the Camellia // *From Pushkin to Palisandria: Essays in Honour of Richard Freeborn*. London, 1990. P. 70–82.

88. *Sutton J.* Three Perspectives on Faith and Freedom // *Ideology in Russian Literature*. New York, 1990. P. 79–95.

1991

89. *Dostoyevsky F.* Crime and Punishment / Transl. D. McDuff. London, 1991.

90. *Jones M. V.* Introduction // *Dostoevsky F. Notes from Underground and The Gambler* / Transl. J. Kentish. Oxford, 1991. P. VII–XXV.

91. *Kelly A.* Irony and Utopia in Herzen and Dostoevsky: «From the Other Shore» and «Diary of a Writer» // *Russian Review*. 1991. Vol. 50. P. 397–416.

92. *Peace R.* Dostoevsky's «Notes from the House of the Dead»: «The Literary Construct» // *Literature, Culture, and Society in the Modern Age: In Honor of Joseph Frank*. Stanford Slavic Studies. 1991. Vol. 4. N 1. P. 239–259.

93. *Thompson D. O.* «The Brothers Karamazov» and the Poetics of Memory. Cambridge, 1991.

1992

94. *Jones M. V.* Introduction // Dostoevsky F. *The Brothers Karamazov* / Transl. R. Pevear, L. Volokhonsky. New York, 1992. P. V–XXIX.

95. *Leatherbarrow W. J.* Introduction // Dostoevsky F. *The Idiot* / Transl. A. Myers. Oxford, 1992. P. VII–XXII.

96. *Christian R. F.* Doubt and Belief in Dostoevsky's Major Novels // *Dimensions Literary and Theological: Incorporating the St. Mary's Lectures 1991–92*. St. Andrews, 1992. P. 73–85.

97. *Dodd W. J.* Kafka and Dostoyevsky: The Shaping of Influence. Basingstoke, 1992.

98. *Johaе A.* Dostoevsky's Walls and Holbein's Paintings // *Germano-Slavica*. 1992–1993. Vol. 7–8. P. 102–105.

99. *Кирilloва И. А.* К проблеме создания христоподобного образа: Князь Мышкин и Авдий Каллистратов // *Достоевский: материалы и исследования*. М., 1992. Vol. 10. P. 172–176.

100. *Leatherbarrow W. J.* Fyodor Dostoyevsky: «The Brothers Karamazov». Cambridge, 1992.

1993

101. *Dostoyevsky F.* *The Brothers Karamazov* / Transl. D. McDuff. London, 1993.

102. *Andrew J.* Narrative and Desire in Russian Literature 1822–49: the Feminine and the Masculine. Amsterdam; New York, 1993.

103. *Johaе A.* Expressive Symbols in Dostoevsky's «Crime and Punishment» // *Scottish Slavonic Review*. 1993. Vol. 20. P. 17–22.

104. *Jones M. V. (ed.)* Dostoevsky in the Twentieth Century: The Ljubljana Papers, Nottingham, 1993.

105. *Peace R.* Dostoevsky's «Notes from Underground». London, 1993.

106. *Peace R.* Dostoevskii as Prophet: the case of «Skvernyi anekdot» and «Krokodil» // *Slavonic and East European Review*. 1993. Vol. 71. N 2. P. 257–265.

107. *Woodward J. B.* Form and Meaning: Essays on Russian Literature. Columbus OH, 1993.

1994

108. *Dostoevsky F.* An Accidental Family / Transl. R. Freeborn. Oxford, 1994.

109. *Leatherbarrow W.J.* Introduction // Dostoevsky F. Poor Folk and The Gambler. London, 1994. P. XVII–XXV.

110. *Gillespie D.* Trifonov on Dostoevskii // Russian Writers on Russian Writers. Oxford, 1994. P. 161–168.

111. *Johae A.* Retractive Imagery: Dostoevsky and German Romanticism // Germano-Slavica. 1994. Vol. 8. N 2. P. 3–15.

112. *Jones M.V.* Dostoevsky, Zasetskaya, and Radstockism // Oxford Slavonic Papers. 1994. Vol. 27. P. 106–120.

113. *Seeley F.F.* Aglaia Epanchina // From the Heyday of the Superfluous Man to Chekhov: Essays on 19th-Century Russian Literature. Nottingham, 1994. P. 138–148.

1995

114. *Dostoyevsky F.* The Village of Stepanchikovo / Transl. I. Avsey. London, 1995.

115. *Jones M.V.* «The Eternal Husband»: Discourse with a Noose // Essays in Poetics. 1995. Vol. 20. P. 46–59.

116. Dostoevskii and Britain / Ed. by W.J. Leatherbarrow. Oxford, 1995: *Jones M.V.* Dostoevskii and Radstockism. P. 159–175.

Conradi P.J. Iris Murdoch and Dostoevskii. P. 277–291.

117. *Thompson D.O.* Lise Khokhlakova: shalunia/besenok // O Rus! Studia litteraria Slavica in Honorem Hugh McLean. Oakland, CA, 1995. P. 281–297.

1996

118. *Leatherbarrow W.J.* Introduction // Dostoevsky F. A Gentle Creature and other stories / Transl. Alan Myers. Oxford, 1996. P. VII–XXIII.

119. *Кириллова И.А.* Отметки Достоевского на тексте Евангелия от Иоанна // Достоевский в конце XX века: Сборник статей. М., 1996. С. 48–59.

120. *Пис Р.* Гоголь и «Двойник» Достоевского // Достоевский в конце XX века: Сборник статей. М., 1996. С. 501–507.

1997

121. *Berry R.J.* First Descents into the Inferno: Parallel Ideology: An Experience in Conrad's «Heart of Darkness» and Dostoevsky's «Notes from the House of the Dead» // New Zealand Slavonic Journal. 1997. P. 3–21.

122. *Johae A.* Groundwork for a Comparative Study of Dostoevsky and Kafka // Germano-Slavica. 1997. Vol. 10. N 1. P. 25–38.

123. *Jones M.V.* The Evolution of Fantastic Realism in Russian Literature // Celebrating Creativity: Essays in Honour of Jostein Børtnes. Bergen, 1997. P. 58–69.

124. *Jones M. V.* Silence in «The Brothers Karamazov» // Die Brüder Karamasow, Dostojewskijs letzter Roman in heutiger Sicht. Dresden, 1997. S. 29–45.

125. *Jones M. V.* The Death and Resurrection of Orthodoxy in the works of Dostoevskii // Cultural Discontinuity and Reconstruction: the Byzanto-Slav Heritage and the Creation of a Russian National Literature in the Nineteenth Century. Oslo, 1997. P. 143–167.

126. *Кириллова И. А.* Христос в жизни и творчестве Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. СПб., 1997. Т. 14. С. 17–25.

127. *Кириллова И. А.* «Маша лежит на столе...»: утопические и христианские мотивы (к обозначению темы) // Достоевский и мировая культура. 1997. №9. С. 22–27.

128. *Nicholl D.* Triumphs of the Spirit in Russia. London, 1997.

129. *Peace R.* Dostoevsky's «Little Hero» and «The Knight of the Sad Countenance» // Life and Text: Essays in Honour of Geir Kjetsaa on the Occasion of his 60th Birthday. Oslo, 1997. P. 221–238.

130. *Пис Р.* «Кроткая» Достоевского: ряд воспоминаний, ведущих к правде // Достоевский: материалы и исследования. СПб., 1997. Т. 14. С. 187–194.

131. *Thompson D. O.* Motifs of Compassion in Dostoevskii's Novels // Cultural Discontinuity and Reconstruction: the Byzanto-Slav Heritage and the Creation of a Russian National Literature in the Nineteenth Century. Oslo, 1997. P. 185–201.

132. *Thompson D. O.* The Problem of Conscience in «Crime and Punishment» // Celebrating Creativity, Essays in Honour of Jostein Børtnes. Bergen, 1997. P. 190–204.

1998

133. *Dostoevsky F.* The Karamazov Brothers / Transl. I. Avsey. Oxford, 1998.

134. *Peace R.* Introduction // Dostoevsky F. Crime and Punishment / Transl. J. Coulson. Oxford, 1998. P. VII–XXIII.

135. *Andrew J.* The Seduction of the Daughter: Sexuality in the Early Dostoevsky & the Case of «Бедные Люди» [«Poor Folk»] // Polyfunktion und Metaparodie. Aufsätze zum 175 Geburtstag Fedor Michailovič Dostoevskijs. Dresden, 1998. S. 197–216.

136. *Andrew J.* The Seduction of the Daughter: Sexuality in the Early Dostoevsky and the Case of «Poor Folk» («Bednye liudi») // Neo-Formalist Papers: Contributions to the Silver Jubilee Conference to Mark 25 Years of the NeoFormalist Circle, Mansfield College, Oxford, 11–13 September, 1995. Amsterdam; Atlanta, 1998. P. 123–141.

137. *Coates R.* Falling Silent: the Critical Aesthetic of «Problems of Dostoevsky's Creative Work» // Christianity in Bakhtin: God and the Exiled Author. Cambridge, 1998. P. 84–102.

138. *Conradi P. J.* «The Brothers Karamazov»: A Different Kind of Morality Tale // Readings on Fyodor Dostoyevsky. San Diego, 1998. P. 115–119.

139. *Hudspith S.* Slavophilism and the opposition of Russia and the West as themes in Dostoevsky's «Diary of a Writer» // Россия и Запад: Диалог культур. Вып. 5. М., 1998. С. 209–225.

140. *Джоунс М.В.* Достоевский после Бахтина: исследование фантастического реализма Достоевского / Пер. А. Скидан. СПб., 1998.

141. *Jones M. V.* «Notes from the Underground» presents a romanticized view of freedom // Readings on Fyodor Dostoyevsky. San Diego, 1998. P. 103–110.

142. *Jones M. V.* Sisters and Rivals: Variations on a Theme in Dostoevskii's Fiction // Die Wirklichkeit der Kunst und das Abenteuer der Interpretation. Dresden, 1998. S. 159–169.

1999

143. *Burnett L.* The Echoing Heart: Fantasias of the Female in Dostoevskii and Turgenev // The Gothic-Fantastic in Nineteenth-Century Russian Literature. Amsterdam, 1999. P. 235–255.

144. *Fasey R.* The «Shock of Recognition: Alberti's Indebtedness to Russian Writing» // Revista Canadiense de Estudios Hispánicos. 1999. Vol. 24. N 1. P. 87–104.

145. *Jones M. V.* Dostoevsky's «Notes from Underground» // Short Story Criticism. 1999. Vol. 33. P. 207–211.

146. Dostoevsky's «The Devils»: A Critical Companion / Ed. by W. J. Leatherbarrow. Evanston, 1999:

Offord D. C. «The Devils» in the Context of Contemporary Russian Thought and Politics. P. 63–99.

Jones M. V. The Narrator and Narrative Technique in Dostoevsky's «The Devils». P. 100–118.

Davison R. M. Dostoevsky's «The Devils»: The Role of Stepan Trofimovich Verkhovensky. P. 119–134.

147. *Peace R.* Dostoevsky and Pushkin // Irish Slavonic Studies. 1999. Vol. 20. P. 21–34.

148. *Seeley F. F.* Saviour or Superman? Old and New Essays on Tolstoy and Dostoevsky. Nottingham, 1999.

2000

149. *Burnett L.* Dostoevsky's «New World»: A Short and Curious Note on Language Acquisition // Comparison. 2000. Vol. 29. P. 81–86.

150. *Duncan P. J. S.* Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After. London; New York, 2000.

151. *Hudspith S.* Dostoevsky and the Slavophile Aesthetic // Dostoevsky Studies. 2000. Vol. 4. P. 177–194.

152. *Leatherbarrow W. J.* Misreading Myshkin and Stavrogin: The Presentation of the Hero in Dostoevskii's «Idiot» and «Besy» // Slavonic and East European Review. 2000. Vol. 78. N 1. P. 1–20.

153. *Leatherbarrow W.J.* The Devils' Vaudeville: «Decoding» the Demonic in Dostoevsky's «The Devils» // *Russian Literature and its Demons.* Oxford, 2000. P. 279–306.

154. *Offord D.C.* Beware the Garden of Earthly Delights: Fonvizin and Dostoevskii on Life in France // *Slavonic and East European Review.* 2000. Vol. 78. N 4. P. 625–643.

155. *Rayfield D.* A Virgil to his Dante: Gide's Reception of Dostoevsky // *Forum for Modern Language Studies.* 2000. Vol. 34. N 4. P. 340–356.

156. *Томпсон Д.О.* «Братья Карамазовы» и поэтика памяти / Пер. Н. М. Жутовской. СПб., 2000.

2001

157. *Jones M.V.* Roman-Nevaliashka: Further Thoughts on the Structure of Dostoevsky's «Idiot» // *Translating Culture: Essays in Honour of Erik Egeberg.* Oslo, 2001. P. 129–139.

158. *Dostoevsky and the Christian Tradition* / Ed. by G. Pattison, D.O. Thompson. Cambridge, 2001:

Kirillova I.A. Dostoevsky's Markings in the Gospel according to St. John. P. 41–50.

Thompson D.O. Problems of the biblical word in Dostoevsky's poetics. P. 69–99.

Pyman A. Dostoevsky in the prism of the orthodox semiosphere. P. 103–115.

Johae A. Towards an iconography of «Crime and Punishment». P. 173–188.

Pattison G. Freedom's dangerous dialogue: reading Dostoevsky and Kierkegaard together. P. 237–256.

159. *Peace R.* «Khoziaka»: Structure and Confusion // *Translating Culture: Essays in Honour of Erik Egeberg.* Oslo, 2001. P. 236–245.

160. *Пус Р.* Старец Зосима: Православие и «Миры иные» // *Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания.* 2001. № 16. С. 24–42.

161. *Янг С.* Картина Гольбеина «Христос в могиле» в структуре романа «Идиот» // *Роман Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения.* М., 2001. С. 28–39.

162. *Янг С.* Библейские архетипы в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // *Евангельский текст в русской литературе: цитата, реминисценция: мотив, сюжет, жанр.* Петрозаводск, 2001. Вып. 3. С. 382–390.

2002

163. *Andrew J.* «Same Time, Same Place»: Some Reflections on the Chronotope and Gender in Dostoevsky's «White Nights» // *New Zealand Slavonic Journal.* 2002. Vol. 36. P. 25–38.

164. *Brandist C.* The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics. London, 2002.

165. *Henry P.* Dostoevskian Echoes in the Novels of Graham Greene // *Dostoevsky Studies.* 2002. Vol. 6. P. 119–133.

166. Худснум С. Достоевский и славянофильская эстетика // Филологические записки. 2002. № 18. С. 75–83.

167. Jones M. V. The Enigma of Mr Astley // Dostoevsky Studies. 2002. Vol. 6. P. 39–47.

168. The Cambridge Companion to Dostoevskii / Ed. by W. J. Leatherbarrow. Cambridge, 2002:

Wigzell F. Dostoevskii and the Russian folk heritage. P. 21–46.

Leatherbarrow W. J. Dostoevskii and literature: works of the 1840s. P. 47–65.

Offord D. C. Dostoevskii and the intelligentsia. P. 111–130.

Jones M. V. Dostoevskii and religion. P. 148–174.

Thompson D. O. Dostoevskii and science. P. 191–211.

169. Peace R. Baden-Baden Revisited // Dostoevsky Studies. 2002. Vol. 6. P. 73–81.

170. Peace R. Dostoevsky and the Concept of Many-Faceted Doubling // XXI век глазами Достоевского: Перспективы человечества. Материалы международной конференции, состоявшейся в Университете Тиба (Япония), 22–25 августа 2000 года. М., 2002. С. 191–198. (Русский перевод на с. 199–207.)

2003

171. Davidson P. The Validation of the Writer's Prophetic Status in the Russian Literary Traditions: From Pushkin and Iazykov through Gogol to Dostoevsky // Russian Review. 2003. Vol. 62. N 4. P. 508–536.

172. Freeborn R. Dostoevsky. London, 2003.

173. Jones M. V. Malcolm V. Jones on «The Grand Inquisitor» // Fyodor Dostoevsky. Broomall, PA, 2003. P. 81–83.

174. Jones M. V. Modelling the Religious Dimension of Dostoevsky's Fiction // New Zealand Slavonic Journal. 2003. P. 41–53.

175. Пус П. Достоевский и Пушкин // Достоевский и мировая культура. 2003. N 17. С. 255–267.

176. Young S. Dostoevskii's «Idiot» and the Epistle of James // Slavonic and East European Review. 2003. Vol. 81. N 3. P. 401–420.

177. Янг С. Настасья Филипповна: к вопросу о принципах изображения героини в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. 2003. N 18. С. 40–46.

2004

178. Dostoevsky F. The Double: A St Petersburg Poem / Transl. H. Arlin. London, 2004.

179. Hudspith S. F. Dostoevsky and the Idea of Russianness: A New Perspective on Unity and Brotherhood. London; New York, 2004.

180. Джоунс М. В. Романтизм в творчестве Ф. М. Достоевского: «Неточка Незванова» и «Матильда» Эжена Сю // Дополнения к комментарию к произведениям Ф. М. Достоевского. М., 2004. С. 370–392.

181. *Джоунс М. В.* Достоевский, Засетская и учения Лорда Рэдстока // Дополнения к комментарию к произведениям Ф. М. Достоевского. М., 2004. С. 297–313.

182. *Jones M. V.* Raskolnikov's Humanitarianism // Raskolnikov and Svidrigaylov. Broomall, PA, 2004. P. 37–49.

183. *Seeley F. F.* The Two Faces of Svidrigailov // Raskolnikov and Svidrigailov. Broomall, PA, 2004. P. 81–86.

184. *Young S.* Dostoevsky's «The Idiot» and the Ethical Foundations of Narrative: Reading, Narrating, Scripting. London, 2004.

2005

185. *Bayley J.* Doubles: Fyodor Dostoevsky and J. M. Coetzee // The Power of Delight: A Lifetime in Literature: Essays 1962–2002. New York, London, 2005. P. 567–575.

186. *Gervais D. J. C.* Powys's Dostojevsky // Powys Journal. 2005. Vol. 15. P. 29–44.

187. *Jones M. V.* Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience. London, 2005.

188. *Leatherbarrow W. J.* A Devil's Vaudeville: The Demonic in Dostoevsky's Major Fiction. Evanston, 2005.

189. *Leatherbarrow W. J.* The Sorcerer's Apprentice: Authorship and the Devil in Dostoevskii's «Poor Folk» and «The Landlady» // Slavonic and East European Review. 2005. Vol. 83. N 4. P. 599–616.

190. *Peace R.* Dostoevsky and the Syllogism // Dostoevsky Studies. 2005. Vol. 9. P. 72–79.

2006

191. *Dostoevsky F.* Notes from the Underground / Transl. H. Aplin. London, 2006.

192. Fyodor Dostoevsky's «Crime and Punishment»: A Casebook / Ed. by R. Peace. Oxford; New York, 2006.

193. *Gervais D.* Dostoevsky and the English Novel: Dickens, John Cowper Powys and D. H. Lawrence // Cambridge Quarterly. 2006. Vol. 35. N 1. P. 49–71.

194. Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds: Essays in Honour of Malcolm Jones / Ed. by S. Young, L. Milne. Ilkeston, 2006:

Young S. Dostoevsky Today. P. XII–XX.

Harrington A. Finding Form for Chaos: Dostoevskii's «The Adolescent» and Akhmatova's «Poem Without a Hero». P. 46–63.

Hudspith S. Dialogues with Dostoevsky in Tolstoy's «Resurrection». P. 110–119.

McMillin A. «A More Important Connection than People Think»: Dostoevsky and Russian Music. P. 137–150.

Thompson D. O. Dostoevsky and Music. P. 207–219.

Young S. Buddhism in Dostoevsky: Prince Myshkin and the True Light of Being. P. 220–229.

2007

195. *Andrew J.* Narrative, Space and Gender in Russian Fiction, 1846–1903. Amsterdam; New York, 2007.

196. *Джоунс М.В.* Молчание в «Братьях Карамазовых» // Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Современное состояние изучения. М., 2007. С. 435–445.

197. *Johaе A.* Secret Designs in Dostoevsky's «The Brothers Karamazov» // *Dostoevsky Studies*. 2007. Vol. 9. P. 76–97.

198. *Пис П.* Достоевский и силлогизм // Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Современное состояние изучения. М., 2007. С. 673–680.

199. *Пис П.* Правосудие и наказание: «Братья Карамазовы» // Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Современное состояние изучения. М., 2007. С. 10–38.

200. *Young S.* Holbein's «Christ in the Tomb» in the Structure of «The Idiot» // *Russian Studies in Literature*. 2007–2008. Vol. 44. N 1. P. 90–102.

2008

201. *Dostoevsky F.* Humiliated and Insulted / Transl. I. Avsey. Richmond, 2008.

202. *Andrew J.* «Silent Witness»: A Study of Male and Female Identity in «Krotkaja» // *Literature and Beyond*. Festschrift for Willem G. Weststeijn on the Occasion of his 65th Birthday. Amsterdam, 2008. Vol. I. P. 21–36.

203. *Пис П.* Английский юмор и русский смех: к вопросу о понятии комического у Достоевского // *Достоевский и мировая культура*. 2008. № 24. С. 32–35.

204. *Пис П.* Достоевский в борьбе с идеологией Запада // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избранные доклады и тезисы. Москва, 2008. С. 430–476.

205. *Williams R.* Dostoevsky: Language, Faith and Fiction. London, 2008.

2009

206. *Briggs K.J.* How Dostoevsky Portrays Women in his Novels: A Feminist Analysis. Lampeter, 2009.

207. *Offord D. C.* Russia and the West in Dostoevsky's Fiction // Proceedings of the Bath Royal Literary and Scientific Institution (September 2006 — August 2007). 2009. N 11. P. 16–23.

208. *Peace R.* Dostoevsky and Sentimentalism // F.M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues: A Collection of Articles Based on the Papers Presented at the 13th Symposium of the International Dostoevsky Society. Budapest, 2009. P. 382–390.

209. *Thompson D. O.* Islamic motifs in Dostoevsky's Literary Works, 1846–1866 // F.M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues: A Collection of Articles Based on the Papers Presented at the 13th Symposium of the International Dostoevsky Society. Budapest, 2009. P. 480–491.

2010

210. *Thompson D. O.* Islamic Motifs: Poetic Transformations of Historical Events // Dostoevsky's «Brothers Karamazov»: Art, Creativity, and Spirituality. Heidelberg, 2010. P. 101–114.

211. *Young S.* «Hakuchi» to Holbein «Hakano nakano Kirisuto» («The Idiot» and Holbein's «Christ in the Tomb») // *Gendai Shiso* (Contemporary Thought). 2010. Vol. 38. N 4. Special issue: Dostoevsky / Ed. by T. Mochizuki. P. 298–307.

2011

212. *Andrew J.* «Who was I and who was she?» A study of narrative and gender in «Krotkaya» // *Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов.* СПб., 2011. С. 88–114.

2012

213. Aspects of Dostoevskii: Art, Ethics and Faith / Ed. by R. Reid, J. Andrew. Amsterdam; New York, 2012:

Reid R. Introduction: Aspects of Dostoevskii: Art, Ethics and Faith. P. 1–25.

Hudspith S. Why We Must Laugh at the Underground Man. P. 67–79.

Soboleva O. Images Are Created to Be Destroyed (Photography and Painting in «The Idiot»). P. 101–114.

Thompson D. O. On the Koranic Motif in «The Idiot» and «Demons». P. 115–133.

Milner-Gulland R., Soboleva O. «Excellent material, I see»: What Happens in «Bobok»? P. 135–147.

Burnett L. Effacement and Enigma in the Making of «The Meek Girl». P. 149–165.

Aizlewood R. «The Dream of a Ridiculous Man»: Both Knowing and Not Knowing, and Questions of Philosophy. P. 167–186.

Andrew J. For Men Only? Dostoevskii's Patriarchal Vision in «The Brothers Karamazov». P. 187–240.

Briggs K. J. «Women of Faith» or «Ladies of Little Faith»: Mothers and Daughters in «The Brothers Karamazov». P. 241–264.

Peace R. One Little Onion and a Pound of Nuts: The Theme of Giving and Accepting in «The Brothers Karamazov». P. 283–292.

214. *Young S.* Dostoevsky: Fantastic Realism // *The Cambridge Companion to European Novelists.* Cambridge, 2012. P. 259–276.

В печати

215. *Aiello L.* After Reception Theory: Fedor Dostoevskii in Britain, 1869–1935. Oxford, 2014.

DO HAI FONG

**БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ О ТВОРЧЕСТВЕ
ДОСТОЕВСКОГО ВО ВЬЕТНАМЕ (1971–2013 гг.)¹**

Исследования

1. *Hoài Anh*. Những điều tâm đắc khi đọc Dostoevski // Kỷ yếu Khoa học Ngữ văn ĐHSP Tp. HCM. Tp. Hồ Chí Minh, 1981. Tr. 51–59. (*Хоай Ань*. Удовольствие от чтения Достоевского // Сборник о Достоевском. Хо Ши Мин, 1981. С. 51–59.)

2. *Phạm Vĩnh Cư*. Con đường gian truân đi tìm chân lý của một nghệ sĩ vĩ đại // Văn học. 1981. N 5. Tr. 116–127. (*Фам Винь Кы*. Трудный путь великого художника к истине // Литературоведение. 1981. N 5. С. 116–127.)

3. *Phạm Vĩnh Cư*. Lời giới thiệu // Dostoevski F.M. Tội ác và trừng phạt. Hà Nội, 1982. Tr. 4–12. (*Фам Винь Кы*. Предисловие // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Ханой, 1982. С. 4–12.)

4. *Phạm Vĩnh Cư*. Dostoevski — sự nghiệp và di sản // Văn học nước ngoài. 2001. N 6. Tr. 133–179. (*Фам Винь Кы*. Достоевский — творчество и наследие // Иностранная литература. 2001. N 6. С. 133–179.)

5. *Trương Đình Cử*. Về một tác phẩm của Dostoevski // Giai phẩm Văn. Sài Gòn, 1972. 14 Tháng 11. Tr. 40–43. (*Чьонг Динь Кы*. Об одном произведении Достоевского // Зай Фам Ван. Сайгон, 1972. 14 нояб. С. 40–43.)

6. *Trương Đình Cử*. Lời nói đầu // Dostoevski F.M. Tội ác và hình phạt. Sài Gòn, 1972. Tr. 5–22. (*Чьонг Динь Кы*. Предисловие // Преступление и наказание. Сайгон, 1972. С. 5–22.)

7. *Trương Đình Cử*. Tại sao tôi dịch Dostoevski? // Kỷ yếu Khoa học Ngữ văn ĐHSP Tp. HCM. Tp. Hồ Chí Minh, 1981. Tr. 30–37. (*Чьонг Динь Кы*. Отчего я переводил Достоевского? // Сборник о Достоевском. Хо Ши Мин, 1981. С. 30–37.)

8. *Nguyễn Nam Châu*. F.M. Dostoevski // Những nhà văn hóa mới. Sài Gòn: Đại học, 1971. Tr. 152–164. (*Нгуен Нам Чау*. Ф. М. Достоевский // Новые культурные люди. Сайгон: Изд-во Университета, 1971. С. 152–164.)

9. *Trịnh Chuyết*. Dostoevski // Từ điển danh nhân. Sài Gòn, 1964. Tr. 133–138. (*Чинь Чуэт*. Достоевский // Словарь знаменитых личностей. Сайгон, 1964. С. 133–138.)

¹ Работа выполнена при поддержке научного фонда «NAFOSTED Vietnam».

10. *Thạch Chương*. «Chỉ một lần thôi và chẳng bao giờ nữa» (Thay cho lời giới thiệu «Hồi ký viết dưới nhà hầm») // Văn. Sài Gòn, 1966. N 11. Tr. I–XI. (*Тхач Чыонг*. «Только один раз и никогда больше» (Вместо предисловия к «Запискам из подполья») // Ван. Сайгон, 1966. № 11. С. I–XI.)

11. *Thạch Chương*. Đọc sách mới: «Hồi ký viết dưới nhà hầm» // Văn. Sài Gòn, 1966. N 68. Tr. 127–130. (*Тхач Чыонг*. Читая новую книгу: «Записки из подполья» // Ван. Сайгон, 1966. № 68. С. 127–130.)

12. *Nguyễn Kim Định*. F.M. Dostoievski // Lịch sử văn học Nga. Hà Nội, 1990. T. 2. Phần 2. Tr. 3–61. (*Нгуен Ким Динь*. Ф. М. Достоевский // История русской литературы. Ханой, 1990. Т. 2. Ч. 2. С. 3–61.)

13. *Hoàng Kim Dân*. Xã hội không thượng đế // Sài Gòn, Quê hương. 1959. N 3. Tr. 27–35. (*Хоанг Ким Дан*. Мир без бога // Родина. 1959. № 3. С. 27–35.)

14. *Đỗ Đức Dục*. Stendal và Dostoievski — hai bậc thầy của tiểu thuyết tâm lý // Kỷ yếu Hội thảo khoa học ĐHKH Huế. Huế, 1988. Tr. 28–45. (*До Дык Зук*. Стендаль и Достоевский — два мастера психологического романа // Сборник о зарубежной литературе. Хьюз, 1988. С. 28–45.)

15. *Trần Thị Bông Giấy*. Từ «Người đàn ông dưới hầm» đến «Raskolnikov» trong tiểu thuyết Dostoievski // Giao điểm. 2004. N 10. (*Чан Тхи Бонг Зьяу*. От «человека из подполья» до «Раскольникова» в романах Достоевского // Зао Дием. 2004. № 10.)

16. *Lê Hồng Hà*. Bản ngã thứ hai, phương thức thể hiện nội tâm nhân vật của Dostoievski // Văn học nước ngoài. 2001. N 6. Tr. 180–188. (*Ля Хонг Ха*. Двойничество — средство выражения внутреннего мира персонажей Достоевского // Иностранная литература. 2001. № 6. С. 180–188.)

17. *Nguyễn Hải Hà*. Khát vọng hài hòa // Báo Văn nghệ. 1981. 14 Tháng 10. Tr. 5. (*Нгуен Хай Ха*. Стремление к гармонии // Ван Нге. 1981. 14 окт. С. 5.)

18. *Nguyễn Hữu Hiệu*. Hồi ký về chốn địa ngục trần gian // Tư tưởng. 1969. N 2. Tr. 3–84. (*Нгуен Хью Хьеу*. Воспоминание об аде на земле // Мысль. 1969. № 2. С. 3–84.)

19. *Nguyễn Hữu Hiệu*. Dostoievski // Dostoievski F.M. Anh em nhà Karamazov. Sài Gòn, 1972. Tr. VII–IX, XIII–CLXV. (*Нгуен Хью Хьеу*. Достоевский // Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Сайгон, 1972. С. VII–IX, XIII–CLXV.)

20. *Nguyễn Hữu Hiệu*. Lời giới thiệu // Dostoievski F.M. Tội ác và hình phạt. Sài Gòn, 1973. Tr. I–XLXI. (*Нгуен Хью Хьеу*. Предисловие // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Сайгон, 1973. С. I–XLXI.)

21. *Nguyễn Hữu Hiệu*. Dostoievski và thế giới // Dostoievski F.M. Đầu xanh tuổi trẻ. Sài Gòn, 1974. Tr. 796–807. (*Нгуен Хью Хьеу*. Достоевский и мир // Достоевский Ф. М. Подросток. Сайгон, 1974. С. 796–807.)

22. *Phạm Mạnh Hùng*. Lời giới thiệu // Dostoievski F.M. Những đêm trắng. Hà Nội, 1987. Tr. 7–12. (*Фам Мань Хунг*. Предисловие // Достоевский Ф. М. Белые ночи. Ханой, 1987. С. 7–12.)

23. *Phạm Mạnh Hùng*. Lời giới thiệu // Dostoievski F. M. Anh em nhà Karamazov. Hà Nội, 1988. Tr. 5–20. (*Фам Мань Хунг*. Предисловие // Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Ханой, 1988. С. 5–20.)

24. *Vũ Tuấn Hoàng*. Những người phụ nữ trong cuộc đời Dostoievski // Talawas. 2005. 2/7. (*Vu Tuan Hoang*. Женщины в жизни Достоевского // Talawas. 2005. 2 июля.)

25. *Hoàng Thiệu Khang*. Dostoievski // Kỷ yếu Khoa học Ngữ văn ĐHSP Tr. HCM. Tr. Hồ Chí Minh, 1981. Tr. 38–50. (*Хоанг Тхьеу Ханг*. Достоевский // Сборник о Достоевском. Хо Ши Мин, 1981. С. 38–50.)

26. *Hoàng Thiệu Khang*. Cảm nhận và suy tưởng. Hà Nội, 1994. (*Хоанг Тхьеу Ханг*. Чувствование и мышление. Ханой, 1994.)

27. *Nguyễn Phương Kiệt*. Dostoevsky trong thế giới hiện đại // Talawas. 2008. 8 Tháng 3. (*Нгуен Фьонг Кьет*. Достоевский в современном мире // Talawas. 2008. 8 марта.)

28. *Phạm Ngọc Lan*. Truyền thuyết về Đại pháp quan: Khi chân lí đối thoại với biểu đạt // Nghiên cứu văn học. 2010. N 5. Tr. 84–93. (*Фам Нгок Lan*. Сказание о Великом инквизиторе: диалог истины и выражения // Литературоведение. 2010. №5. С. 84–93.)

29. *Nguyễn Hiến Lê*. Dostoievski — một kẻ suốt đời chịu khổ để viết // Sài Gòn: Bách khoa. 1960. N 82. Tr. 41–49; N 83. Tr. 31–41. (*Нуен Хьен Lê*. Достоевский — всю жизнь страдающий ради писательства // Сайгон: Бачь Хоа. 1960. №82. С. 41–49; №83. С. 31–41.)

30. *Nhất Linh*. Viết và đọc tiểu thuyết. Sài Gòn, 1972. (*Ньят Линь*. Создание и чтение романа. Сайгон, 1972.)

31. *Nguyễn Ngọc Minh*. «Lũ người quỉ ám» dưới con mắt người Việt Nam // Dostoievski F. M. Lũ người quỉ ám. Sài Gòn, 1972. Tr. VII–XI. (*Нгуен Нгок Минь*. «Бесы» с точки зрения вьетнамцев // Достоевский Ф. М. Бесы. Сайгон, 1972. С. VII–XI.)

32. *Trần Thị Quỳnh Nga*. Tiếp nhận văn xuôi Nga thế kỷ XIX ở Việt Nam. TP Hồ Chí Minh: Nxb Giáo dục, 2010. (*Чан Тхи Куинь Нга*. Рецепция русской прозы XIX в. во Вьетнаме. Хо Ши Мин: Просвещение, 2010.)

33. *Lê Tôn Nghiêm*. Cộng sản Nga dưới con mắt một người Nga // Tư tưởng. 1972. N 5. Tr. 10–15. (*Lê Tôn Нгьем*. Русский коммунизм с точки зрения русского человека // Мысль. 1972. №5. С. 10–15.)

34. *Anh Ngọc*. Thêm một tác phẩm của Dostoievski được dịch sang tiếng Việt // Dostoievski F. M. Những kẻ tù nhục. Huế, 1987. Tr. 5–12. (*Ань Нгок*. Еще одно произведение Достоевского переведено на вьетнамский язык // Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. Хюэ, 1987. С. 5–12.)

35. *Vương Trí Nhân*. Một hồ sơ nhỏ về Dostoievski // Tạp chí Văn học nước ngoài. 1996. N 6. Tr. 214–223. (*Вьонг Тьи Ньян*. Маленькое досье на Достоевского // Иностранная литература. 1996. №6. С. 214–223.)

36. *Hoàng Nhân*. Nhận định lại tác phẩm «Tội ác và hình phạt» // Kỷ yếu Khoa học Ngữ văn ĐHSP Tr. HCM, 1981. Tr. 12–20. (*Хоанг Ньян*.

Переосмысление произведения «Преступление и наказание» // Сборник о Достоевском. Хо Ши Мин, 1981. С. 12–20.)

37. *Đỗ Hải Phong*. Vấn đề người kể chuyện Chroniker trong sáng tác của F. M. Dostoievski: Luận án TS Ngữ văn. Volgograd, 1996. (*Đo Hải Phong*. Проблема Хроникера в творчестве Ф. М. Достоевского: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1996.)

38. *Đỗ Hải Phong*. Bàn lại về vấn đề Dostoievski và tư tưởng cách mạng dân chủ Nga những năm 1870 qua tác phẩm «Lữ người quỉ ám» // Kỷ yếu Hội thảo khoa học kỷ niệm 80 năm Cách mạng Tháng 10 Nga. Hà Nội, 1997. Tr. 133–141. (*Đo Hải Phong*. Переосмысление проблемы Достоевского и революционно-демократической мысли 1870-х гг. в «Бесах» // Сборник к 80-й годовщине Русской Октябрьской революции. Ханой, 1997. С. 133–141.)

39. *Đỗ Hải Phong*. F. M. Dostoievski // Văn học Nga. Hà Nội, 2002. Tr. 44–67. (*Đo Hải Phong*. Ф. М. Достоевский // Русская литература. Ханой, 1999. С. 44–67.)

40. *Đỗ Hải Phong*. Nguyên tắc trần thế hoá nhân vật lý tưởng trong «Don Quijote» của M. Cervantes và «Thằng ngậy» của Dostoievski // Tạp chí khoa học ĐHSP Hà Nội. 2005. N 5. Tr. 3–10. (*Đo Hải Phong*. Принцип приземления идеального героя: «Дон Кихот» М. Сервантеса и «Идиот» Достоевского // Научный журнал Ханойского педагогического университета. 2005. № 5. С. 3–10.)

41. *Đỗ Hải Phong*. Tác gia tác phẩm văn học nước ngoài trong nhà trường: F. M. Dostoievski. Hà Nội, 2006. (*Đo Hải Phong*. Зарубежные писатели в школе: Ф. М. Достоевский. Ханой, 2006.)

42. *Đỗ Hải Phong*. F. M. Dostoievski // Đỗ Hải Phong. Giáo trình Văn học Nga. Hà Nội, Nxb Giáo dục, 2011. Tr. 55–99. (*Đo Hải Phong*. Ф. М. Достоевский // До Хай Фонг. Русская литература: Пособие. Ханой: Провещение, 2011. С. 55–99.)

43. *Võ Phiến*. Chúng ta, qua cách viết. Sài Gòn, 1972. (*Во Фьен*. Мы, по манере письма. Сайгон, 1972.)

44. *Phạm Thị Phương*. Dostoievski và trường phái Puskin // Kỷ yếu Khoa học Khoa Ngữ văn, Trường ĐHSP Tr. HCM. Tr. Hồ Chí Minh, 1993. Tr. 110–118. (*Фам Тхи Фьонг*. Достоевский и школа Пушкина // Сборник науч. ст. филологического факультета Пед. университета г. Хо Ши Мина. Хо Ши Мин, 1993. С. 110–118.)

45. *Phạm Thị Phương*. Những cơ sở cho việc tiếp nhận Dostoievski ở miền Nam Việt Nam trước 1975 // Kỷ yếu Khoa học Khoa Ngữ Văn, Trường ĐHSP Tr. HCM. Tr. Hồ Chí Minh, 1996. Tr. 211–218. (*Фам Тхи Фьонг*. Условия рецепции Достоевского в Южном Вьетнаме до 1975 года // Сборник науч. ст. филологического факультета Пед. университета г. Хо Ши Мина. Хо Ши Мин, 1996. С. 211–218.)

46. *Phạm Thị Phương*. Những tiếp xúc đầu tiên với Dostoievski với độc giả Sài Gòn // Kỷ yếu Khoa học Khoa Ngữ văn Trường ĐHSP Tr. HCM. Tr. Hồ Chí Minh, 1999. Tr. 155–158. (*Фам Тхи Фьонг*. Первые контакты Достоевского с читателями Сайгона // Сборник науч. ст.

филологического факультета Пед. университета г. Хо Ши Мина. Хо Ши Мин, 1999. С. 155–158.)

47. *Phạm Thị Phương*. Hành trình tuyển mộ độc giả của Dostoievski // Văn học. 2000. N 10. Tr. 66–75. (*Фам Тхи Фьонг*. Путь Достоевского к сердцам читателей // Литературоведение. 2000. №10. С. 66–75.)

48. *Phạm Thị Phương*. Dostoievski và văn học Nga // Văn hoá nghệ thuật. 2001. N 12. Tr. 65–69. (*Фам Тхи Фьонг*. Достоевский и русская литература // Художественная культура. 2001. №12. С. 65–69.)

49. *Phạm Thị Phương*. Sự thất thoát nhịp điệu thường thấy khi dịch văn Dostoievski // Văn học nước ngoài. 2001. N 6. Tr. 189–198. (*Фам Тхи Фьонг*. Обычные потери ритма в переводах прозы Достоевского // Иностранная литература. 2001. №6. С. 189–198.)

50. *Phạm Thị Phương*. Vấn đề tiếp nhận Dostoievski tại Việt Nam: Luận án TS Ngữ văn. Tr. Hồ Chí Minh, 2002. (*Фам Тхи Фьонг*. Проблема рецепции Достоевского во Вьетнаме: Канд. дис. Хо Ши Мин, 2002.)

51. *Phạm Thị Phương*. Việc dịch đại từ trong tác phẩm của Dostoievski // Ngữ học trẻ 2004. Diễn đàn học tập và nghiên cứu. Viện Ngôn ngữ học Việt Nam, Hà Nội, 2005. Tr. 211–217. (*Фам Тхи Фьонг*. Перевод местоимений в произведениях Достоевского // Юные языковеды — 2004. Форум учебы и исследования / Институт языкознания Вьетнама. Ханой, 2005. С. 211–217.)

52. *Phạm Thị Phương*. Ảnh hưởng của Dostoievski tại Việt Nam trước 1945 // Nghiên cứu văn học. 2010. N 4. Tr. 76–89. (*Фам Тхи Фьонг*. Влияние Достоевского во Вьетнаме до 1945 г. // Литературоведение. 2010. №4. С. 76–89.)

53. *Phạm Thị Phương, Phạm Quỳnh Thơ*. Việc dịch nhan đề tác phẩm Dostoievski sang tiếng Việt // Nghiên cứu văn học. 2010. N 5. Tr. 94–106. (*Фам Тхи Фьонг, Фам Куинь Тхо*. Проблема перевода названий произведений Достоевского на вьетнамский язык // Литературоведение. 2010. №5. С. 94–106.)

54. *Phạm Thị Phương*. Huyền tích Kinh thánh trong Truyền thuyết về Đại pháp quan // Tạp chí khoa học Đại học Sài Gòn. Tr. Hồ Chí Minh, 2010. Tr. 89–94. (*Фам Тхи Фьонг*. Библейские мотивы в Сказании о Великом инквизиторе // Научный журнал Сайгонского университета. Хо Ши Мин, 2010. С. 89–94.)

55. *Phạm Thị Phương*. Văn học Nga tại đô thị miền Nam 1954–1975. Tr. Hồ Chí Minh, 2010. (*Фам Тхи Фьонг*. Русская литература в городах Южного Вьетнама 1954–1975. Хо Ши Мин, 2010.)

56. *Phạm Thị Phương*. F.M. Dostoievski // Phạm Thị Phương. Giáo trình Lịch sử văn học Nga thế kỉ XIX. NXB ĐHSP Tr. HCM. Tr. Hồ Chí Minh, 2010. Tr. 175–225. (*Фам Тхи Фьонг*. Ф. М. Достоевский // Фам Тхи Фьонг. Русская литература XIX века: Пособие. Хо Ши Мин, 2010. С. 175–225.)

57. *Trần Thị Phương Phương*. Dostoevsky với văn học thế giới // Bình luận văn học. Niên giám của Hội nghiên cứu và giảng dạy văn học Tr. HCM. Tr. Hồ Chí Minh, 1998. Tr. 76–89 (*Чан Тхи Фьонг Фьонг*. Достоевский

и мировая литература // Литературные рассуждения. Ежегодный сборник Общества исследователей–учителей–филологов г. Хо Ши Мина. Хо Ши Мин, 1998. С. 76–89.)

58. *Trần Thị Phương Phương*. Chủ nghĩa hiện thực ở nghĩa cao nhất (Tiểu thuyết «Tội ác và trừng phạt») // Trần Thị Phương Phương. Tiểu thuyết hiện thực Nga thế kỷ XIX. Tp. Hồ Chí Minh, 2006, Tr. 125–149. (*Чан Тхи Фьонг Фьонг*. «Реализм в высшем смысле» (Роман «Преступление и наказание») // Чан Тхи Фьонг Фьонг. Русский реалистический роман XIX века. Хо Ши Мин, 2006. С. 125–149.)

59. Trần Thị Phương Phương. «Người thất chí» của Hồ Biểu Chánh — một hiện tượng phóng tác, nhìn từ quan điểm loại hình lịch sử // Nghiên cứu văn học. 2011. N 5. Tr. 110–130. (*Чан Тхи Фьонг Фьонг*. Историко-типологический подход к «Отчаянному человеку» Хо Бьеу Чань как переложению романа Достоевского // Литературоведение. 2011. № 5. С. 110–130.)

60. *Lê Sơn*. Góc tiếp nhận Dostoevski trên bình diện so sánh // Văn học so sánh — lí luận và ứng dụng. Hà Nội, 2001. Tr. 110–125. (*Лэ Шон*. Сравнительный подход к рецепции Достоевского // Компаративизм в литературоведении — теория и практика. Ханой, 2001. С. 110–125.)

61. *Lê Sơn (chủ biên, tuyển dịch)*. Sáng tác của Dostoevski — những tiếp cận từ nhiều phía. Thông tin khoa học xã hội. Hà Nội, 2000. (*Лэ Шон (отв. ред.)*. Вестник гуманитарных наук. Разносторонние подходы к творчеству Достоевского. Ханой, 2000.)

62. *Trần Đình Sử*. M. Bakhtin và thi pháp của Dostoevski // Trần Đình Sử. Lí luận và phê bình văn học. Hà Nội, 1996. Tr. 267–275. (*Чан Динь Цы*. M. Бахтин и поэтика Достоевского // Чан Динь Цы. Литературная теория и критика. Ханой, 1996. С. 267–275.)

63. *Nguyễn Tuấn*. Đốt-xtôi // Tuyển tập Nguyễn Tuấn. Hà Nội, 1982. Tập 2. Tr. 396–409. (*Нгуен Туан*. Дос-той // Нгуен Туан. Избр. соч. Ханой, 1982. Т. 2. С. 396–409.)

64. *Bùi Bình Thi*. Thăm nhà cụ Dostoevski // Văn học nước ngoài. 2001. N 6. Tr. 233–236. (*Буй Бинь Тхи*. Посещение дома Достоевского // Иностранная литература. 2001. № 6. С. 233–236.)

65. *Lê Ngọc Trà*. Dostoevski trong cuộc đấu tranh tư tưởng hiện nay // Kỷ yếu Khoa học Ngữ văn ĐHSP Tp. HCM, 1981. Tr. 21–29. (*Лэ Нгок Ча*. Достоевский в теперешней идеологической борьбе // Сборник о Достоевском. Хо Ши Мин, 1981. С. 21–29.)

66. *Lê Ngọc Trà*. «Cái đẹp sẽ cứu thế giới» // Kiến thức ngày nay. 1999. N 1. Tr. 50–52. (*Лэ Нгок Ча*. «Красота спасет мир» // Знание сегодня. 1999. № 1. С. 50–52.)

67. *Hoàng Trinh*. Thi pháp Dostoevski dưới con mắt Bakhtin // Văn học. 1991. N 6. Tr. 11–16. (*Хоанг Чинь*. Поэтика Достоевского с точки зрения Бахтина // Литературоведение. 1991. № 6. С. 11–16.)

68. *Nguyễn Quốc Trụ*. Đọc «Hồi ký viết dưới nhà hầm» // Văn. Sài Gòn, 1967. N 1. Tr. 120–125. (*Нгуен Куок Чу*. Читая «Записки из подполья» // Ван. Сайгон, 1967. № 1. С. 120–125.)

69. *Nguyễn Thị Vương*. Nhân vật tự thú trong «Bút kí dưới hầm» của F. M. Dostoevski // Nghiên cứu Văn học. 2008. N 3. Tr. 73–79. (*Нгуен Тху Вьонг*. Исповедальный герой в «Записках из подполья» Достоевского // Литературоведение. 2008. №3. С. 73–79.)

Переводы

1. *Dostoevski F.M.* Những kẻ đáng thương / Phạm Vũ dịch. Sài Gòn, 1974. (Бедные люди / пер. Фам Бу.)

2. *Dostoevski F.M.* Những người cơ cực / Đức Mẫn dịch // Dostoevski F.M. Truyện ngắn — Truyện vừa. Hà Nội, 2006. Tr. 132–354. (Бедные люди / пер. Дык Мана.)

3. *Dostoevski F.M.* Là bóng hay là hình / Đinh Đắc Phúc dịch. Sài Gòn, 1972. (Двойник / пер. Динь Дак Фука.)

4. *Dostoevski F.M.* Những đêm trắng / Phạm Mạnh Hùng dịch // Dostoevski F.M. Những đêm trắng. Hà Nội, 1987. Tr. 5–85. (Белые ночи / пер. Фам Мань Хунга.)

5. *Dostoevski F.M.* Đêm trắng / Đoàn Tử Huyền dịch. Hà Nội, 2000. (Белые ночи / пер. Доан Ты Хуена.)

6. *Dostoevski F.M.* Trong tù / Trương Đình Cử dịch trích đoạn «*Bút ký từ Ngõ nhà chết*» // Giai phẩm Văn. 1972. 15 Tháng 11. Tr. 40–43. (Записки из Мертвого дома; отрывок «В тюрьме» / пер. Чьонг Динь Кы. С. 40–43.)

7. *Dostoevski F.M.* Ông G-bov với vấn đề nghệ thuật / Phạm Vĩnh Cư dịch // Văn học nước ngoài. 2001. N 6. Tr. 71–105. (Г-н — бов и вопрос об искусстве / пер. Фам Винь Кы.)

8. *Dostoevski F.M.* Bút ký viết dưới hầm / Thạch Chương dịch. Sài Gòn, 1963. (Записки из подполья / пер. Тхач Чьонга.)

9. *Dostoevski F.M.* Hồi ký viết dưới hầm / Thạch Chương dịch. Sài Gòn, 1966. (Записки из подполья / пер. Тхач Чьонга.)

10. *Dostoevski F.M.* Bút ký dưới hầm / Thạch Chương dịch từ tiếng Pháp, Thái Hà hiệu đính theo bản tiếng Nga // Văn học nước ngoài. 1998. N 1. Tr. 5–105. (Записки из подполья / пер. с фр. Тхач Чьонга; под ред. Тхай Ха. С. 5–105.)

11. *Dostoevski F.M.* Những kẻ tủi nhục / Anh Ngọc dịch. Huế, 1987. (Униженные и оскорбленные / пер. Ань Нгока.)

12. *Dostoevski F.M.* Con bạc / Trương Đình Cử dịch. Sài Gòn, 1964. (Игрок / пер. Чьонг Динь Кы.)

13. *Dostoevski F.M.* Tội ác và hình phạt / Trương Đình Cử dịch. Sài Gòn, 1965. (Преступление и наказание / пер. Чьонг Динь Кы.)

14. *Dostoevski F.M.* Tội ác và hình phạt / Trương Đình Cử dịch. Sài Gòn, 1972. (Преступление и наказание / пер. Чьонг Динь Кы.)

15. *Dostoevski F.M.* Tội ác và hình phạt / Lý Quốc Sinh dịch. Sài Gòn, 1973. (Преступление и наказание / пер. Ли Куок Синь.)

16. *Dostoevski F.M.* Tội ác và trừng phạt / Cao Xuân Hạo và Cao Xuân Phổ dịch. Hà Nội, 1982. (Преступление и наказание / пер. Као Суан Хао и Као Суан Фо.)

17. *Dostoevski F.M.* Tội ác và hình phạt / Cao Xuân Hạo và Cao Xuân Phổ dịch. Hà Nội, 2010. (Преступление и наказание / пер. Као Суан Хао и Као Суан Фо.)

18. *Dostoevski F.M.* Cũng một kiếp người / Nguyễn dịch // Văn hóa ngày nay. Sài Gòn, 1959. Tr. 75–80. (Идиот; отрывок «И это тоже человеческая судьба» / пер. Нгуена. С. 75–80.)

19. *Dostoevski F.M.* Gã khờ / Phạm Xuân Thảo dịch. Sài Gòn, 1973. (Идиот / пер. Фам Суан Тхао.)

20. *Dostoevski F.M.* Gã khờ / Phạm Xuân Thảo dịch từ bản tiếng Pháp, Đoàn Tử Huyền hiệu đính từ bản tiếng Nga. Hà Nội, 2000. (Идиот / пер. с фр. Фам Суан Тхао; под ред. Доан Ты Хуена.)

21. *Dostoevski F.M.* Cần có một ông trời / Lan Khai dịch // Tao Đàn. 1939. N 3. 1 Tháng 4. Tr. 4. (Бесы; отрывок под названием «Бог нужен» / пер. Лан Хая.)

22. *Dostoevski F.M.* Lũ người quỷ ám / Nguyễn Ngọc Minh dịch. Sài Gòn, 1972. (Бесы / пер. Нген Нгок Минь.)

23. *Dostoevski F.M.* Lũ người quỷ ám / Nguyễn Ngọc Minh dịch từ bản tiếng Pháp và tiếng Anh, Đoàn Tử Huyền hiệu đính từ bản tiếng Nga. Hà Nội, 2000. (Бесы / пер. с фр. и англ. Нген Нгок Минь; под ред. Доан Ты Хуена.)

24. *Dostoevski F.M.* Đầu xanh tuổi trẻ / Vũ Trinh dịch. Sài Gòn, 1974. (Подросток / пер. Ву Чинь.)

25. *Dostoevski F.M.* Chàng thiếu niên / Lê Khánh Trường dịch. TP. Hồ Chí Minh, 2006. (Подросток / пер. Лэ Хань Чьюнга.)

26. *Dostoevski F.M.* Người chồng muôn thuở / Đỗ Kim Bảng dịch. Sài Gòn, 1969. (Вечный муж / пер. До Ким Банга.)

27. *Dostoevski F.M.* Cây giáng sinh thượng giới / Nguyễn dịch // Bách khoa. 1959. N 72. Tr. 69. (Мальчик у Христа на елке / пер. Нгуена.)

28. *Dostoevski F.M.* Chú bé bên cây thông Đức Chúa / Đức Mẫn dịch // Báo Văn Nghệ. 1981. 4 Tháng 4. Tr. 5, 8. (Мальчик у Христа на елке / пер. Дык Мана.)

29. *Dostoevski F.M.* Chú bé hài đồng bên cây thông Đức Chúa / Đức Mẫn dịch // Văn học nước ngoài. 2001. N 6. Tr. 5–9. (Мальчик у Христа на елке / пер. Дык Мана.)

30. *Dostoevski F.M.* Giấc mơ của kẻ nực cười / Đức Mẫn dịch // Văn học nước ngoài. 2001. N 6. Tr. 51–70. (Сон смешного человека / пер. Дык Мана.)

31. *Dostoevski F.M.* Lão nông Marei / Đức Mẫn dịch // Dostoevski F.M. Truyện ngắn — Truyện vừa. Hà Nội, 2006. Tr. 122–131. (Мужик Марей / пер. Дык Мана.)

32. *Dostoevski F.M.* Cô gái nhu mì / Phạm Mạnh Hùng dịch // Dostoevski F.M. Những đêm trắng. Hà Nội, 1987. Tr. 87–147. (Кроткая / пер. Фам Мань Хунга.)

33. *Dostoevski F.M.* Người đàn bà nhẫn nhịn / Đức Mẫn dịch // Văn học nước ngoài. 2001. N 6. Tr. 9–50. (Кроткая / пер. Дык Мана.)
34. *Dostoevski F.M.* Anh em nhà Karamazov / Trương Đình Cử dịch. Sài Gòn, 1972. (Братья Карамазовы / пер. Чыонг Динь Кы.)
35. *Dostoevski F.M.* Anh em nhà Karamazov / Vũ Đình Lưu dịch. Sài Gòn, 1972. (Братья Карамазовы / пер. Ву Динь Лыу.)
36. *Dostoevski F.M.* Anh em nhà Karamazov / Phạm Mạnh Hùng dịch. Hà Nội, 1988. (Братья Карамазовы / пер. Фам Мань Хунга.)
37. *Dostoevski F.M.* Anh em nhà Karamazov / Phạm Mạnh Hùng dịch. Hà Nội, 2000. (Братья Карамазовы / пер. Фам Мань Хунга.)

Н. АРСЕНЬТЬЕВА, Ж. МОРИЛЬЯС

**БИБЛИОГРАФИЯ ПЕРЕВОДОВ,
РЕЦЕПЦИИ И НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ
ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО В ИСПАНИИ¹**

0. Переводы

Наиболее презентативное издание *Полного собрания сочинений Достоевского* вышло в 1969 г. в переводе с русского языка:

1. *Dostoievski F.M. Obras completas / Edición en castellano dirigida y prologada por Augusto Vidal. Con un «estudio preliminar» de José Luís L. Aranguren y una «introducción a la lectura de la novelística dostoievskiana» de Augusto Vidal. Editorial Vergara. Barcelona, 1969. (9 vols.) 2ª ed. Obras completas. T.I. Novelas y relatos. Barcelona. Galaxia Gutenberg / Círculo de lectores, 2009. (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 9-ти т.)*

Предшествует этому изданию прямой перевод:

2. *Dostoyevski F.M. Obras completas. T. I (1844–1870). Biografía, traducción y notas por Rafael Cansinos Assens y T. II (1870–1881). Madrid: Aguilar, 1935. 4ª ed. 1949 (3 vols.) (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 3-х т.)*

Первое издание полного собрания сочинений:

3. *Dostoiewski F.M. Obras completas. Trad. de Alfonso Nadal y otros. Madrid: Atenea / La Nave, 1926–1932 (16 vols.) (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 16-ти т.)*

1. Библиографические указатели

Наиболее полная библиография переводов Достоевского на испанский язык до 1972 г. содержится в указателе:

1. *Schanzer G. O. Russian Literature in the Hispanic World: A Bibliography. La literatura rusa en el mundo hispánico. Bibliografía. Toronto: University of Toronto Press, 1972. (Шанцер Г. О. Русская литература в испанском мире.)*

¹ В обзор вошли также статьи русских и зарубежных достоевсковедов, опубликованные в Испании или на испанском языке.

Ранее был опубликован указатель:

2. *Portnoff G.* La literatura rusa en España. Nueva York: Instituto de las Españas en los Estados Unidos, 1932. (*Портнов Г.* Русская литература в Испании.)

С более современной и регулярно обновляющейся выборочной библиографией переводов Достоевского на испанский язык можно ознакомиться на сайте Испанской секции Международного Общества Достоевского:

3. http://agonfilosofia.es/index.php?option=com_content&view=article&id=58%3Abibsecdosto&catid=8&Itemid=16

Сведения о переводах, иллюстрациях и экранизациях произведений Достоевского содержит опубликованный в Аргентине Л. Перес-Диатто библиографический справочник:

4. *Pérez Diatto L. M. F.* Dostoievsky: una bibliografía en español. 2ª ed. aum. Buenos Aires: Sociedad Argentina de Información, 2006. (*Перес-Диатто Л. М. Е.* Достоевский: «испанская библиография» / Рец.: Díaz-Jatuf J. Dostoievsky: una bibliografía en español / http://eprints.rclis.org/10831/1/P%C3%A9rez_Diatto_.pdf)

2. История и критика переводов.

Замечания переводчиков (избранная библиография)

1. *Balanya J.* Nota preliminar del traductor // Dostoiewski F. Stepanchikovo y sus habitantes / Versión castellana y nota preliminar de J. Balanya. Barcelona: Maucci. P. 1–6. (*Балания Х.* Предварительные замечания переводчика.)

2. *Cansinos Assens R.* Prólogo // Dostoyevski F.M. Obras completas, Tomo I (1844–1870). Biografía, traducción y notas de Rafael Cansino Assens. Madrid: Aguilar, 1935. P. LXXIV–LXXV. (*Кансинос Ассенс Р.* Пролог.)

3. *Juez Gálvez F.J.* Rafael Cansinos Assens (1883–1964), traductor de literatura rusa // Frontera y comunicación cultural entre España y Rusia. Una perspectiva interdisciplinar / Bádenas de la Peña, P. y Pino Díaz, F. del (eds.). Iberoamericana / Vervuert, Madrid; Frankfurt am Main, 2006. P. 277–296. (*Хуэс Галвес Ф. Х.* Рафаэль Кансинос Ассенс (1883–1964), переводчик русской литературы.)

4. *López Morillas J.* Genio y figura de Dostoievski en español (Apuntes de un traductor) // B. I. L. I. (Boletín de la Institución Libre de Enseñanza, Madrid). 1988. N 5. Junio. P. 65–76. (*Лопес Морильяс Х.* «Испанский» Достоевский. Гений и личность (Заметки переводчика).)

5. *Morillas Esteban J.* Рец. на кн. Dostoievski F.M. *Cuentos*. Edición y traducción del ruso de Bela Martinova. *Mundo eslavo*. 2010. N 9. P. 242–243. (*Морильяс Эстебан Ж.* Рассказы.)

6. Кроме того, в Москве был издан автореферат кандидатской диссертации:

7. *Оболенская Ю. Л.* Переводы Достоевского в Испании. Исторический обзор и лексико-стилистический анализ. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

8. *Obolenskaya J. L.* Historia de las traducciones de la literatura rusa en España // *Livius: Revista de estudios de traducción*. I, 1992. P. 43–56. (*Оболенская Ю. Л.* История переводов русской литературы в Испании.)

3. Сводная библиография научной литературы о Достоевском в Испании

На указанном ниже сайте Испанской секции Международного общества Достоевского представлена выборочная библиография научных исследований о Достоевском, опубликованных в Испании, а также справочная литература о нем в помощь исследователю его жизни и творчества:

1. http://agonfilosofia.es/index.php?option=com_content&view=article&id=58%3AAbibsecdosto&catid=8&Itemid=16

Сведения об исследовательской литературе о Достоевском в испаноязычном мире содежаются также в издании:

2. *Pérez Diatto L. M. E.* Dostoievsky: una bibliografía en español. 2ª ed. aum. Buenos Aires: Sociedad Argentina de Información, 2006.

Биографическая литература о Достоевском (избранная библиография)

а) «Biografie romances»

1. *Martínez Fernández I.* Dostoievski (1821–1881). Madrid: Ediciones del Orto, 1996. (*Мартинес Фернандес И.* Достоевский (1821–1881).)

2. *Zúñiga J. E.* El doble Dostoievski // *El anillo de Pushkin*. P. 139–145. (*Суньига Х. Э.* Два Достоевских.)

б) Литературно-критические статьи

1. *Baeza R.* Dostoievsky contado por su hija. La vida sentimental de Dostoievsky // *El Sol*. 1921. 19 de Feb. P. 1. (*Баэса Р.* Достоевский по рассказам его дочери. Сентиментальная жизнь Достоевского); Dostoievsky íntimo // *El Sol*. 1921. 20 de Feb. P. 1. (Достоевский в интимной жизни); Comprensión de Dostoievsky // *El Sol*. 1926. 6 y 8 de Oct. P. 2, 5–6. (Понимание Достоевского); Dostoievsky «mala persona» // *El Sol*. 1926. 24 de Dic. P. 2; // *El Sol*. 1927. 1 de Enero. P. 2; // *El Sol*. 1927. 6 de enero. P. 3. (Достоевский, «нехороший человек».)

2. *Bargas C.* Dostoievski, dictador // *Revista de Occidente*. 1923. Octubre. P. 132–135. (*Баргас С.* Достоевский — диктатор.)

3. *Donoso A.* Dostoievski, Renán, Pérez Galdós. Madrid: Editorial Saturnino Calleja, 1925. (*Доносо А.* Достоевский, Ренан, Перес Гальдос.)
4. *Tasin N.* Fedor Dostoiewsky (1821–1881) // España. 1919. 1 de Mayo. P. 15–16. (*Тасин Н.* Федор Достоевский (1821–1881).)
5. *Zeda* [*Francisco F. Villegas*]. Dostoyuski // La Época, 1900. 15 de Jul. P. 1–2. (*Зеда.* [Псевдоним Ф. Ф. Вильегаса.] Достоевский.)

в) Монографии

1. *Castrena L. de.* Dostoievsky. Barcelona. Luis de Caralt, 1953. (*Кастрена Л. де.* Достоевский.)
2. *Onieva A. J.* Bajeza y grandeza de Dostoiewski. Barcelona: Aedos, 1954. (*Ониева А. Х.* Низость и величие Достоевского.)
3. *Vidal A.* Dostoievski. Barcelona: Barral Editores, 1972. (*Видадь А.* Достоевский.) (Переизд.: *Vidal A.* Dostoyevski: el hombre y el artista. Barcelona: Círculo de Lectores, 1990. (*Видадь А.* Достоевский: человек и художник).)

г) Статьи в форме предисловий к собраниям сочинений

1. *Cansinos Assens R.* Prólogo // Dostoyevski F. El eterno marido. El doble. El señor Projarchin. Madrid: Aguilar, 1945. P. 22–23. (*Кансинос Ассенс Р.* Пролог.)
2. *Domingo J.* Dostoievski. Vida y obra // Dostoyevski F. Crimen y Castigo y Los hermanos Karamazov. Ilustraciones de Ramón Aguilar More. Barcelona: Ediciones Nauta, 1968. P. 28–33. (*Доминго Х.* Достоевский. Жизнь и творчество.)
3. *Leyva J.* Introducción // Dostoievski F. El Jugador. Madrid: Zero Zux, 1979. (*Лейба Х.* Введение.)
4. *Millán I.* Dostoiewsky // Dostoiewsky y Tolstóy. Novelas y cuentos. Estudios preliminares por Ignacio Millán y José E. Iturriaga, trad. de Ricardo Baeza, Alfonso Nadal y Vera Makarov. Barcelona: Ediciones Océano, 1981. P. 28–33. (*Мильтян И.* Достоевский.)
5. *Molinero M. A.* Prólogo // Dostoyevski F. Crimen y castigo / Trad. de F. Ramón Vázquez G. Ilustraciones de Juan Manuel López Iglesias. Madrid: Edaf, 1981. P. 1–11. (*Молинеро М. Л.* Пролог.)
6. *Uyá Morera J.* Prefacio // Dostoiewski F. Crimen y Castigo / Trad. E. Cairó. Barcelona: Zeus, 1962. P. 9–12. (*Уйя Морера Х.* Предисловие.)

5. Исследования общего характера (избранная библиография)

1. *Valera J.* Con motivos de las novelas rusas. Cartas a la Señora Doña Emilia Pardo Bazán // Revista de España, 1887. Julio–Agosto. P. 117–132. (*Валера Х.* По мотивам русских романов. Письма госпоже Эмили Пардо Басан.)

6. Достоевский и религия (избранная библиография)

1. A. A. V. V. La religión, ¿cuestiona o consuela?: En torno a «La leyenda del Gran Inquisidor» de Dostoievski. Barcelona: Anthropos, 2006. (Сборник разных авторов. Религия: рождает сомнения или утешает? О «Легенде о Великом инквизиторе») (Рец. *Barros B.* Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos. 2010. N 9. P. 224–225.)

2. *Arsentieva N.* Основы религиозной метафизики Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Материал в помощь учителю старших классов // II Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». Т II. Доклады и сообщения / R. Guzmán Tirado, L. Sokolova, I. Votikova (eds.) Granada: Rubiños, 2010. С. 1589–1594; Герметическая традиция в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте». Избранные доклады и тезисы. М., 2008. С. 385–387; El Sueño de un Hombre Ridículo. El viaje hacia la Verdad // Dostoievski. Caderno de literatura e cultura russa. São Paulo: Universidad de São Paulo, 2009. P. 265–283. («Сон смешного человека. Путь к истине»); F. M. Dostoievsky y la ortodoxia: manual divulgativo sobre la obra de F. M. Dostoievsky [Рец. на сб.: Достоевский и православие] // Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos. 2006. N 5. P. 244–248.

3. *Campillos L.* Dostoievski o la locura ante Dios y la sociedad // República de las letras: revista literaria de la Asociación Colegial de Escritores, 2000. N Extra 7. P. 197–204. (*Кампильос Л.* Достоевский, или Безумие перед лицом Бога и общества.)

4. *Gómez Sánchez C.* Kolakowski y la religión: reflexiones sobre un texto de Dostoievski // Pensamiento: Revista de investigación e información filosófica. 1990. N 182. P. 201–224. (*Гомес-Санчес С.* Кулаковский и религия: раздумья об одном тексте Достоевского.)

5. *Iliina Soloviiova N.* Вирус зла Родиона Раскольникова // Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos. 2011. N 10. P. 43–57. (*Ильина-Соловьева Н.* Вирус зла Родиона Раскольникова.)

6. *López Aranguren J.L.* El cristianismo de Dostoievski. Madrid: Taurus, 1970. (*Лопес Арангурен Х.Л.* Христианство Достоевского.)

7. *Morillas Esteban J.* La imagen de Cristo en Dostojewskij // Espíritu. 2002. LI, N 126. Jul.–Dic. P. 287–295. (*Морильяс Эстебан Ж.* Образ Христа у Достоевского); La redención a través del amor: la Biblia en la vida y obra de Dostoievski // Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos. 2006. N 5. P. 77–94. (Спасение любовью: Библия в жизни и творчестве Достоевского.)

8. *Stepanian K.* La santidad seglar en la obra de F. M. Dostoievski / Trad. de J. M. Camacho Rojo y Y. Kovarskaya // Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos. 2009. N 8. P. 117–126. (*Степанян К.* Мирская святость в творчестве Ф. М. Достоевского.)

9. *Utrera Torremocha M. V.* Libertad y experiencia religiosa en Dostoi-evski // *Afinidades: revista de literatura y pensamiento.* 2009. N 2. P. 160–166. (*Утрера Торремоча М.В.* Достоевский о свободе и религиозном опыте.)

7. Достоевский и философия (избранная библиография)

а) Нигилизм и «подполье»

1. *Beltrán Almería L.* El pensamiento de Dostoi-evski // *Riff Raff: revista de pensamiento y cultura.* 2009. N 41. P. 69–74. (*Бельтран Альмерия Л.* Мысль Достоевского.)

2. *Codina M.* El sigilo de la memoria: tradición y nihilismo en la narrativa de Dostoyevski. Pamplona: Ediciones Universidad de Navarra. 1997. (*Кодина М.* Секреты памяти. Традиционное мышление и нигилизм в прозе Достоевского.)

3. *Juderías J.* Dostoi-evsky y Nietzsche // *La Lectura.* 1903. Sept. P. 157. (*Худерьяс Х.* Достоевский и Ницше.)

4. *Llinares Chover J.B.* Una lectura antropológica de «Memorias de subsuelo» de Dostoi-evski // *Thémata: Revista de filosofía.* 2007. N 39. P. 443–450. (*Линарес Човер Х.Б.* Антропологическое прочтение «Записок из подполья» Достоевского); *Antropologia filosòfica i literatura: la lectura nietzscheana d'Apunts del subsòl de F. Dostoi-evski // Quaderns de Filosofia i Ciència.* 2008. N 38. P. 41–57. (Философская антропология и литература: «Записки из подполья» по Ницше); *Nietzsche descubre a Dostoi-evski. Notas sobre la lectura nietzscheana de «La patrona» // Estudios Nietzsche: Revista de la Sociedad Española de Estudios sobre Friedrich Nietzsche.* 2009. N 29. P. 67–90. (Ницше: открытие Достоевского. Заметки о прочтении «Хозяйки» по Ницше.)

5. *Martínez I.* Dostoi-evski frente al nihilismo // *Cuenta y Razón.* 2002. N 124. P. 48–52. (*Мартинес И.* Достоевский против нигилизма.)

6. *Megwinoff A. G. E.* Recepción de la literatura rusa en España: 1889–1920. (*Мегвинов А. Г. Э.* Рецепция русской литературы в Испании: 1889–1920.) *Неизданная диссертация. Защищена на филологическом факультете университета Компютенсе в 1975 г.*

7. *Morillas A. / Morillas J.* Bases filológicas para una comparación entre F.M. Dostoi-evski y F. Nietzsche // *Estudios Nietzsche: Revista de la Sociedad Española de Estudios sobre Friedrich Nietzsche.* 2011. N 11. P. 163–190. (*Морильяс А. / Морильяс Ж.* Филологические основы для сопоставления Ф. М. Достоевского и Ф. Ницше.)

8. *Zambrano M.* La confesión. Género literario y al propósito del hombre del subsuelo a quien llaman muerto vivo. Madrid: Siruela, 1995. (*Самбрано М.* Исповедь. К проблеме литературного жанра и по поводу «подпольного человека», которого называют живым мертвецом.)

б) *Славянофильство*

1. *Bonet L.* Antonio Machado y el Cristo ruso // AA. VV. Antonio Machado: El poeta y su doble. Barcelona: Universitat de Barcelona-Caixa, 1989. P. 101–130. (*Бонет Л.* Антонио Мачадо и русский Христос.)

2. *Unamuno M. de.* Un extraño rusófilo // Unamuno M. de. Obras completas. IX. Discursos y artículos. Madrid: Editorial Escelicer. P. 1246–1251. (*Унамуну М. де.* Странный русофил.)

в) *Этика*

1. *Baviera Puig T.* Dostoevski y lo que está permitido // Nueva revista de política, cultura y arte. 2010. N 130. P. 159–166. (*Бавьера Пуиг Т.* Что «позволено» у Достоевского.)

2. *Merino Barrio A.* Dialéctica entre el bien y el mal en Fedor M. Dostoevski. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1973. (*Мерино Баррио А.* Диалектика добра и зла у Достоевского.)

3. *La Rubia de Prado L.* Enfermedad y sufrimiento como dimensiones creativa y ética. Las patologías de los personajes dostoevskianos: «Nétochka Nezvanova» // Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos. 2002. N 1. P. 139–147. (*Ла Рубиа Де Прадо Л.* Смысл болезни и страдания у Достоевского: герои с душевной аномалией.)

**8. Достоевский и наука
(избранная библиография)**

а) *Криминология*

1. *Tarde G.* La arqueología criminal // La España Moderna. T. LVIII. 1893. Oct. P. 43–85. (*Тарде Г.* Криминальная археология.)

б) *Медицина*

1. *Cabaleiro Goas M.* Mischkin y Dostoevski // Werther, Mischkin y Joaquín Monegro vistos por un psiquiatra. Trilogía patográfica. Barcelona: Editorial Apolo, 1951. (*Кабалеиро Гоас М.* Мышкин и Достоевский.)

2. *Sañas M. T.* Dostoevski y el suicidio. Valladolid: Azul Editorial, 2003. (*Каньяс М. Т.* Достоевский и самоубийство.)

3. *Colom Pons A.* Del ataque de la epilepsia en Dostoevski // Freudiana: Revista psicoanalítica publicada en Barcelona bajo los auspicios de la escuela Lacaniana de Psicoanálisis. 1998. N 24. P. 67–78. (*Колом Понс А.* Эпилептический припадок в творчестве Достоевского.)

4. *Diéguez S.* El mal sagrado de Dostoevski // Mente y cerebro. 2006. N 20. P. 84–88. (*Диегес С.* «Morbus sacer» у Достоевского.)

5. *Iniesta I.* La enfermedad en la literatura de Dostoyevski (*Иниеста И.* Болезни в творчестве Достоевского.) Universidad Complutense de Madrid,

2004. (<http://eprints.ucm.es/tesis/med/ucm-t27773.pdf>); La epilepsia en la gestación artística de Dostoievski (*Иньеста И.* Эпилепсия в художественном сознании Достоевского) // *Neurología*. 2011. ([http://www.elsevier.es/sites/default/files/elsevier/eop/S0213-4853\(11\)00246-5.pdf](http://www.elsevier.es/sites/default/files/elsevier/eop/S0213-4853(11)00246-5.pdf))

6. *Von Engelhardt D.* Dimensiones de la epilepsia en el campo literario // *Folia humanistica*. 1996. T. XXXIV. N 352. Jul.–Ag. P. 303–311. (*Энгельгардт фон Д.* Эпилепсия и ее значение в художественной литературе.)

в) *История, политика и социология*

1. *Martínez Fernández I.* Dostoievski: de la igualdad a la diferencia. Ensayo sobre la burocracia. Madrid: Biblioteca Nueva, 2003. (*Мартинес Фернандес И.* Достоевский: от единства к многообразию: очерк о бюрократии.) Рец.: *Esteban J. L.* «El visionario de los universos burocráticos». Dostoievski: de la igualdad a la diferencia. Ensayo sobre la burocracia // *Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos*. 2004. N 3. P. 184–185.

2. *Morillas Esteban J.* El valor de la política en la vida y en la obra de F. M. Dostoievski // *La Torre del Virrey*. 2009. Serie 3. P. 1–14. (*Морильяс Эстебан Ж.* Значение политики в творчестве Ф. М. Достоевского.)

3. *Serrano Martínez J.* Dostoiévski frente al terrorismo: De «Los demonios» a Al Qaeda, Alicante. Editorial Club Universitario, 2006. (*Серрано-Мартинес Х.* Достоевский против терроризма: от «Бесов» к Аль-Каиде.)

4. *Valle Porras J. M.* Las predicciones de Dostoievski // *Aportes: Revista de historia contemporánea*. 2008. N 66. P. 50–63. (*Валье Поррас Х. М.* Предсказания Достоевского.)

г) *Языкознание*

1. *Unamuno M. de.* «Dostoyeusqui sobre la lengua». *Ahora*. Jun. 16, 1933. (*Унамуну М. де.* Достоевский о языке.)

9. Достоевский в контексте межлитературных связей (избранная библиография)

а) Достоевский и Сервантес

1. *Arséntieva N.* Dostoievski: Clave del «código Cervantes» // *El Quijote y el pensamiento teórico-literario: Actas del Congreso Internacional celebrado en Madrid los días del 20 al 24 de Junio de 2005*. Miguel Ángel Garrido Gallardo y Luis Albuquerque García (eds.) Madrid: CSIC, 2008. P. 353–372. (*Арсентьева Н.* Ключ Достоевского к «коду Сервантеса»); *Становление антиутопического жанра в русской литературе. Ч. I: Достоевский и Сервантес*. М., 1993. Рец.: *Monforte Dupret R.* *Mundo eslavo. Revista de cultura y estudios eslavos*. N 4. Número especial Cervantes en los países eslavos. P. 197–200.

2. *Bagnó V.* El Quijote vivido por los rusos. Madrid: Área de Cultura, Diputación Provincial, 1995. (*Багно В.Е.* Дон Кихот в русском художественном опыте); El «Quijote» en los borradores de «El idiota» de Dostoievski // *Anales cervantinos*. 1994. T. 32. P. 265–270. («Дон Кихот» в черновиках «Идиота» Достоевского); *Багно В.Е.* Дон Кихот в России и русское донкихотство. СПб.: Наука, 2009; Дорогами «Дон Кихота». М.: Книга, 1988.

3. *Barsht K.* El signo cervantino en el «cuaderno de apuntes» de F.M. Dostoevskij / Trad. del ruso por Enrique J. Vercher García // *Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos*. 2006. N 5. P. 63–76. (*Баршт К.* Сервантесовские пометы в «записных книжках» Достоевского.)

4. *Chevalier M.* Cervantes, Rousseau, Dostoievski // *Ínsula: revista de letras y ciencias humanas*. 1991. N 538. P. 15–16. (*Шевалье М.* Сервантес, Руссо, Достоевский.)

5. *Guarde Paz C.* «Pochvennistchestvo» y diáspora china: dos visiones del nihilismo occidental a través de «El idiota» de F.M. Dostoevski y el género «wu xia» de Jin Yong // *La Torre del Virrey: revista de estudios culturales*. 2010. N 9. P. 83–101. (*Гуарде Пас С.* Славянофильство и китайское «почвенничество»: две формы западного нигилизма и их преодоление в «Идиоте» Ф. М. Достоевского и жанре «уся» Цзинь Юна.)

6. *Степанян К.* Достоевский и Сервантес. Диалог в большом времени. М.: Языки славянской культуры, 2013.

*б) Достоевский и писатели
из Испании и Латинской Америки*

1. *Godoy G.L.* Dos mártires de la fe, según Dostoevski y Unamuno // *Cuadernos de la Cátedra Miguel de Unamuno*. 1970. Vol. 20. P. 30–40. (*Годой Г.Л.* Два мученика веры у Достоевского и Унамуно.)

2. *Hernández Álvarez D.L.* Arlt y Dostoevski // *La Página*. 1993. N 13–14. P. 55–73. (*Эрнандес Альварес Д.Л.* Арлт и Достоевский.)

3. *Hita Jiménez J.A.* El problema de la libertad trágica en «El Gran Inquisidor» y «San Manuel Bueno, mártir» // Traducción, lengua y cultura. Actas de VIII Jornadas hispano-rusas de Traducción e Interpretación. Granada: JIZO, 2004. P. 297–307. (*Ита Хименес Х.А.* Проблема трагической свободы в «Великом инквизиторе» и «Святом Мануэле, мученике».)

4. *Kovrova A.* Fiódor Dostoevski y José Jiménez Lozano // Homenaje a José Jiménez Lozano. Actas del II Congreso Internacional de la Cátedra Félix Huarte / De la Rica, Á, ed. Pamplona, 2006. Eunsa. P. 127–148. (*Коврова А.* Фёдор Достоевский и Хосе Хименес Лосано.)

5. *López Baralt M.* Galdós y Dostoevski: una mirada intertextual al problema del doble // *Revista de estudios hispánicos*. 1997. Vol. 24. N 1. P. 47–68. (*Лопес Баралт М.* Гальдос и Достоевский: «Двойник» в свете интертекстуальных связей.)

6. *Хименес Лосано Х.* Три встречи с Достоевским / Пер., вступ. заметка и прим. А. В. Ковровой // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 18. С. 290–309.

в) *Интердискурсивные связи*

1. *Ciria A.* La tierra como elemento artístico en Dostoievski y Tarkovski // *Thémata: Revista de filosofía.* 1997. N 18. P. 171–178. (*Сириа А.* Образ земли как художественный элемент в творчестве Достоевского и Тарковского.)

2. *Le Genissel A.* Dostoievski en Liega: el silencio de Lorna // *Dirigido por...* Revista de cine. 2010. N 399. P. 40–41. (*Ле Гениссель А.* Достоевский в Льеге: молчание Лорна.)

3. *Magrinyá L.* Dostoievski en Nuevo México. Luis Magriniá, sobre «Breaking Bad» // *Quimera: Revista de literatura.* 2011. N 332. P. 66–67. (*Магринья Л.* Достоевский в Новом Мехико. Луис Магринья о сериале «Во все тяжкие».)

4. *Rodríguez Gil H. J.* Dostoievski en Brooklyn // *Dirigido por...* Revista de cine. 2008. N 375. P. 36–37. (*Родригес Хиль Х. Х.* Достоевский в Бруклине.)

5. *Tore G. M.* La gaya ciencia de la traducción y adaptación cinematográfica (sobre Dostoievski, Bresson, Sokurov... y otras semióticas) // *Revista anthropos: Huellas del conocimiento.* 2007. N 216. P. 83–90. (*Торе Г. М.* «Веселая наука» в переводах и экранизациях (о Достоевском, Брессоне, Сокурове... и прочих «семиотиках».)

10. Проблемы творчества Достоевского (избранная библиография)

а) *Достоевский в русской критике XIX–XX вв.*

1. *Hita Jiménez J. A.* Vetlóvskaya: algunos aspectos del análisis de la novela de Dostoievski «Pobre gente» // II Jornadas Andaluzas de Eslavística. Baeza, 1996. P. 33–34. (*Ита Хименес Х. А.* Ветловская: о некоторых аспектах анализа романа Достоевского «Бедные люди»); Dostoievski en la crítica rusa. Granada: Ediciones Osuna, 2002. (Достоевский в русской критике); Современные исследования о Достоевском в России // Достоевский и современность. Материалы XVI Международных старорусских чтений 2001 года. Новгород, 2002. P. 240–247; Nueva visión de la obra de Dostoievski. Granada: Universidad de Granada, 2003. (Новое видение творчества Достоевского); Un nuevo enfoque sobre el estudio de la Poética de Dostoievski // Cuaderno de literatura e cultura russa Sao Paulo. 2008. P. 341–324. (О новом подходе к изучению поэтики Достоевского.)

б) Жанр, композиция, повествовательные стратегии

1. *Barros B.* El papel del lector en la obra de F.M. Dostoievski: sobre la necesidad de un nuevo enfoque lingüístico-literario // *Espéculo. Revista de Estudios Literarios*. 2010. N 46. (*Баррос Б.* Роль читателя в творчестве Ф.М. Достоевского: о необходимости нового лингво-литературного подхода к теме.) (<http://www.ucm.es/info/especulo/numero46/dostolec.html>.)

2. *Beltrán Almería L.* Una crítica a la lectura bajtiniana de *El idiota*. Неопубликованный доклад на конференции «Religión y filosofía en la vida y en la obra de F.M. Dostoievski» (Barcelona, 6–8 de Septiembre de 2006.) (*Бельтран Альмерия Л.* Критика прочтения «Идиота» по Бахтину.)

3. *Igartua Ugarte I.* Dostoievski en Bajtín: raíces y límites de la polifonía // *Epos: Revista de filología*. 1997. N 13. P. 221–235. (*Игартуа Угарте И.* Бахтин о Достоевском: истоки и границы полифонии.)

4. *La Rubia de Prado L.* Recursos narrativos y repercusiones filosóficas: el Doppelgänger en la literatura de ideas (Gógol, Dostoievski y Kafka.) *Endoxa: Series Filosóficas*. 2010. N 26. P. 107–136. (*Ла Рубиа де Прадо Л.* Философские основы повествовательной техники: *Doppelgänger* в «идеологической» литературе (Гоголь, Достоевский и Кафка).)

5. *Megwinoff A. G. E.* La lógica interna o la sinceridad de Dostoyevski // *Recepción de la literatura rusa en España. 1889–1920 / «In memoriam» a Rafael P. Dehesa*. Madrid: Tesis inédita de la Universidad Complutense de Madrid, Facultad de Filología, leída en 1975. P. 115–129. (*Мегвинов А.Г.Э.* Внутренняя логика, или Откровенность Достоевского.)

6. *Ortega y Gasset J.* La voluntad del barroco // *España*. 1915. 12. VIII. P. 3–4. Опубликована также в: *Ortega y Gasset J.* *Obras completas*. Madrid // *Revista de Occidente*. 1953. P. 403–406. (*Ортега-и-Гассет Х.* Воля барокко); *Meditaciones sobre la literatura y el arte. La manera española de ver las cosas*. Madrid: Ed. De Inman Fox, 1987. (Размышления о литературе и искусстве. Испанский образ мыслей.)

в) Анализ произведений и фрагментов произведений

1. *Vagnó V.* El Gran Inquisidor de Dostoievski: sus orígenes // *Frontera y comunicación cultural. Una perspectiva interdisciplinar*. Madrid: Iberoamericana, 2006. P. 227–243. (*Вагно В.* Об истоках «Великого Инквизитора» Достоевского.)

2. *Martínez Fernández I.* Unas palabras sobre «Pobres gentes» // *Eslavística Complutense*. 2003. N 3. P. 57–65. (*Мартинес Фернандес И.* Несколько слов о «Бедных людях».)

3. *Martínez Llorca R.* La vergüenza y el orgullo: los «Diarios» de Dostoievski editados por Páginas de Espuma // *Quimera: Revista de literatura*. 2010. N 325. 2010. P. 32–33. (*Мартинес Льорка Р.* Стыд и гордыня в «Дневниках» Достоевского, опубликованных в издательстве Эспума.)

4. *Megwinoff A. G. E.* Visión de España en el Gran Inquisidor // *Recepción de la literatura rusa en España. 1889–1920 / «In memoriam» a Rafael*

P. Dehesa. Madrid. Tesis inédita de la Universidad Complutense de Madrid, Facultad de Filología, leída en 1975. P. 105–114. (*Мегвинов А. Г. Э. Образ Испании в «Великом инквизиторе».*)

г) *Творческий метод*

1. *Arséntieva N.* Tomar conciencia y expresarlo: el «realismo en un sentido amplio» como método artístico de Dostoievski // *Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos*. 2006. N 5. P. 77–79. (*Арсентьева Н. Сознать и сказать: «реализм в высшем смысле» как творческий метод Достоевского.*) [Рец. на кн.: *Степанян К. А. «Сознать и сказать». «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского.*]

2. *Baroja P.* IX. El naturalismo: Dostoievsky // *La Unión Liberal*. 1890. Marzo. N 356. P. 2. В настоящее время включен в издание: *Escritos inéditos de Pío Baroja*. Vol. 1: Hojas sueltas / Prólogo y notas de Luis Urrutia Salaverri, Caro Raggio. Madrid, 1973. P. 69–73. (*Бароха П. IX. Натурализм: Достоевский.*)

3. *Beltrán Almería L.* Dostoievski y el realismo // *Aun aprendo. Estudios de Literatura Española*. Zaragoza. Prensas de la Universidad de Zaragoza. 2012. P. 271–280. (*Бельтран Альмерия Л. Достоевский и реализм*); *Бельтран Альмерия Л. Достоевский и символизм. II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: Избранные доклады и тезисы*. М., 2008. С. 145–146.

д) *Язык и стиль*

1. *Barros B.* Вклад новой лингвистики в анализ риторики в произведениях Ф. М. Достоевского // *Русский язык и русская речь в XXI веке: Проблемы и перспективы* / Пер. с исп. Ижевск: УдГУ, 2007. (<http://www.tonosdigital.com/ojs/index.php/tonos/article/view/395/273>)

11. **Рецепция** (**избранная библиография**)

а) *В Испании*

1. *Alcoriza J.* Dostoievski y su influencia en la cultura europea. Madrid: Verbum, 2005. (*Алкориса Х. Достоевский и его влияние на европейскую культуру.*)

2. *Anónimo.* Las revistas rusas // *El país*. 1887. 11 de Oct. P. 2. (*Анонимная. Русские журналы.*)

3. *Anónimo.* La literatura de los pueblos slavos [*sic*] // *El Museo Universal*. 31. III. 1867. N 13. P. 100. (*Анонимная. Литература славянских народов.*)

4. *Bagnó V.* Españoles en Rusia // Cuenta y razón. 2004. N 133. P. 15–20. (www.cuentayrazon.org/revista/pdf/133/Num133_002.pdf). (*Багно В.* Испанцы в России.)

5. *Candamo B. G. de.* Notas sobre Dostoyeusky // Nuestro Tiempo. 1910. Mayo. P. 171–181. (*Кандамо Б. Г. де.* Заметки о Достоевском.)

6. *Edgerton W. B.* Spanish and Portuguese Responses to Dostoevskij // Revue de littérature comparée. 1981. Vol. 55. N 3–4. P. 419–438. (*Эджер-тон В. Б.* Испанские и португальские отклики на Достоевского.)

7. *Korkonosenko K.* Miguel de Unamuno, «un extraño rusófilo» // Cuadernos de la Cátedra de Miguel de Unamuno. 2000. N 35. P. 13–25. (*Корконосенко К.* Мигель де Унамуно, «странный русофил».)

8. *Morillas Esteban J. F. M.* Dostoiévski en España // Mundo Eslovo: revista de estudios eslavos. 2011. N 10. P. 185–200. (*Морильяс Эстебан Ж.* Достоевский в Испании); Dostoiévski y su influencia en la cultura europea // Mundo eslovo: revista de estudios eslavos. 2011. N 10. P. 152–155. (Достоевский и его влияние на европейскую культуру. Рец. на кн.: *Alcoriza J.* Dostoiévski y su influencia en la cultura europea.)

9. *Pardo Bazán E.* La revolución y la novela en Rusia (Lecturas en el Ateneo de Madrid.) Madrid: Renacimiento, 1909. (*Пардо Басан Э.* Революция и роман в России.)

10. *Rodríguez Beteta V.* Dostoyevski en España // La Prensa (Buenos Aires.) 1936. 17 de Mayo. P. 2. (*Родригес Бетета В.* Достоевский в Испании.)

11. *Siles Salinas J.* Dostoiévski en España // Revista de Estudios Políticos. 1968. N 159–160. P. 267–271. (*Силес Салинас Х.* Достоевский в Испании.)

12. *Valera V.* Cartas desde Rusia. Edición, introducción y notas de Ángel Encinas Moral. Madrid: Miraguano Ediciones, 2005. P. 83. (*Валера В.* Письма из России.)

13. *Viejo P.* Dostoiévski, ¿odioso? // Qué leer. 2011. N 162. P. 50–51. (*Вьехо П.* Ненавистный Достоевский?)

б) В других странах

1. *Canals J.* Abraham B. Y. Dostoiévski en Israel // Leer. 2008. N 194. P. 70–72. (*Каналс Ж.* Рец. на кн.: *Abraham B. Y.* Dostoiévski en Israel.)

2. *Gutiérrez de Terán Gómez Benita I.* Taxistas y proletarios de Egipto, ¡leed a Dostoiévski! // Revista de libros. 2009. N 105. P. 44–45. (*Гутьеррес де Теран Гомес-Бенита И.* Таксисты и пролетарии в Египте. Читайте Достоевского! Рец. на кн.: *Al Khamissi K.* Taxi.)

3. *Torquemada Sánchez J., Díaz-Pintado Hilario, A.* Dostoiévski, friend and gentleman // Mundo eslovo: revista de estudios eslavos. 2008. N 7. P. 265–270. (*Торквемада Санчес Х, Диас-Пинтадо Иларио А.* Достоевский, друг и джентльмен. [Рец. на кн.: *Homenaje a José Jiménez Lozano.* Actas del II Congreso Internacional de la Cátedra Félix Huarte // De la Rica, Á, ed. Pamplona. Eunsa, 2006.]

С. АЛОЭ

DOSTOEVSKIANA

**Материалы к библиографии трудов о Достоевском
в итальянской критике (1980–2012 гг.)**

Цель настоящей библиографии — дать по возможности полнейшее представление об эссе, монографиях, статьях и обзорах о творчестве Достоевского, опубликованных итальянскими авторами в Италии и за ее пределами за последние тридцать лет. Такие хронологические границы объясняются тем, что достаточно полная библиография итальянского достоевдения конца XIX в. — начала 1980-х гг. уже собрана в других изданиях (см. ниже раздел «Библиография»). Таким образом, здесь впервые отражены результаты современного итальянского изучения Достоевского. Тем не менее, имея в виду, что это первая публикация по данной теме в русском издании, для полноты мы сочли необходимым включить в нее и основные достижения итальянской критики за период после 1945 г. (в считанных случаях и еще более ранние книги), обращая внимание в первую очередь на монографии, а реже статьи, которые в свое время оставили след в итальянском, а иногда и международном достоевдении.

Заранее приносим извинения за неизбежные лакуны — они невольные, а абсолютная полнота — дело невозможное. Однако за период 1980–2012 гг. мы постарались не пропускать изданий тех ученых, которые неоднократно занимались вопросами творчества Достоевского, и также включить издания тех, которые только эпизодично, а иногда и косвенно, касались этих вопросов. В библиографию не вошли рецензии и, за редкими исключениями, предисловия к изданиям итальянских переводов произведений писателя.

Для удобства чтения библиография подразделена на тематические секции; внутри каждой секции перечень построен по хронологическому принципу. Разумеется, во многих случаях включение издания в ту или иную секцию — вопрос сложный и в известной степени субъективный. Например, там, где речь идет о философских вопросах в одном конкретном произведении Достоевского, выбор стоит между философской секцией и рубрикой изданий о данном произведении; в таких случаях мы выбирали второй вариант. Также по практическим соображениям в тех секциях, в которых количество работ значительно, мы ввели новые подразделения, например на книги и статьи, или, в секции сопоставительных исследований, на работы о Достоевском и итальянской

культуре и о Достоевском и других культурах. В целом схема библиографии выглядит так:

- ❖ Библиография
- ❖ История итальянского достоеведения
- ❖ Биография Достоевского и каталоги выставок
- ❖ Сборники материалов конференций
- ❖ Поэтика Достоевского
 - Монографии
 - Статьи
 - Статьи об отдельных произведениях Достоевского
- ❖ Культурология
 - Монографии
 - Статьи
- ❖ Компаративистика
 - Монографии
 - Статьи
 - Достоевский и итальянская культура и литература
 - Достоевский и международная культура и литература
- ❖ Философия и религия
 - Монографии
 - Статьи
- ❖ Культурно-исторические и политические аспекты творчества Достоевского
 - Монографии
 - Статьи
 - О публицистике, переписке и «Дневнике писателя»
- ❖ Достоевский в театре
- ❖ Творчество Достоевского с точки зрения разных наук (психоанализ, педагогика, социология, право и т. д.)
 - Монографии
 - Статьи

Библиография

1. *Damiani E.* Gli studi dostoievsciani in Italia // *La Cultura*. 1931. Anno X. Fasc. 2. Febbraio. N. speciale / A cura di L. Ginzburg. P. 180–185.
2. *Guarnieri Ortolani A.* Saggio sulla fortuna di Dostoevskij in Italia. Padova, 1947. P. 113–128.
3. *Dal Santo L.* Saggio di bibliografia italiana su Dostoevskij // Studi in onore di Federico M. Mistrorigo / A cura di A. Dani. Vicenza, 1958. P. 377–403.
4. *D'Ajetti B.* Bibliografia su Dostoevskij: in russo e nelle lingue occidentali // *Quaderni dell'Istituto di Lingue*. Facoltà di Economia e Commercio. Università di Messina. 1983. Anno II. N 1. P. 1–76.

5. La slavistica in Italia, Cinquant'anni di studi (1940–1990). Roma, 1994. [Библиография общего характера.]
6. *Adamo S.* Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945). Udine, 1998. P. 217–229.

История итальянского достоеведения

1. *Kauchtschischwili N.* L'opera di Dostoevskij. A Bergamo il quarto congresso internazionale di studi // Vita e pensiero. 1980. N 10. P. 62–67.
2. *Maver Lo Gatto A.* Достоевский в исследованиях и переводах Этторе Ло Гатто // Dostoevsky Studies. 1983. N 4. P. 165–172.
3. *Adamo S.* Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945). Udine, 1998.
4. *Алоэ С.* Первые этапы знакомства с Ф.М. Достоевским в Италии // Достоевский и мировая культура. СПб., 2001. N 15. С. 141–155.
5. *Martini M.* La fortuna di Dostoevskij in Italia // Pacini G. Fëdor Dostoevskij. Milano, 2002. P. 106–115.
6. *Béghin L.* Da Gobetti a Ginzburg: diffusione e ricezione della cultura russa nella Torino del primo dopoguerra. Bruxelles, 2007.
7. *Faccani R.* Evel Gasparini: dalla letteratura russa all'etnologia slava // Studia Mythologica Slavica. 2007. N 10. P. 199–236.
8. *Оливьери К.* Достоевский в Италии. Столетие критической мысли // Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 2. С. 553–566.
9. *Sorina M.* La Russia nello specchio dell'editoria italiana nel ventennio fascista: bibliografia, scelte e strategie. Tesi di dottorato. Università degli studi di Verona. Verona, 2009.

Биография Достоевского и каталоги выставок

1. *Donnini G.* Dostojevskij. Firenze, 1950.
2. *Biancotti A.* Dostoiewsky. Torino, 1964.
3. *Maver Lo Gatto A.* Turgenev e i suoi litigi. III. Turgenev in lite coi contemporanei, II: Katkov, L.N. Tolstoj, Fet, Vjazemskij, Herzen, Dostoevskij // Ricerche slavistiche. Anno 1975/1976. Vol. XXII–XXIII. P. 207–249.
4. *Peloso P.F.* Cenni biografici e critici su Dostoevskij romanziere (1821–1881). Genova, 1981.
5. *Vaghin E.* Dostoevskij: introduzione alla sua vita // Renovatio. 1981. N 2. P. 229–249.
6. *Givone S. (cur.).* Omaggio a Dostoevskij // L'Illustrazione italiana. 1984. N 20. P. 17–24.
7. Dostoevskij e la sua epoca: catalogo della Mostra, Varese, 10 ottobre 1987 — 31 gennaio 1988. Varese, 1987. [Каталог выставки.]

8. Dostoevskij e la sua epoca / A cura di C. E. Bugatti, G. Ponomareva, I. Shelvakova. Senigallia, 1991. [Каталог выставки.]
9. *Fasanelli M. R.* Fëdor Michàjlovič Dostoevskij. Bologna, 1994.
10. *Lecco A.* La morte di Dostoevskij ovvero La morte della tragedia (Quel giorno di dicembre di sette anni fa). Romanzo. Milano, 1994.
11. *Ghini G.* Dostoevskij a Bologna: le ragioni di un silenzio // L'Est europeo e l'Italia. Immagini e rapporti culturali. Genève, 1995. P. 339–348.
12. Dostoevskij. Milano, 1997. [Каталог выставки.]
13. Fedor Dostoevskij. Catalogo della Mostra tenutasi a Rimini / A cura di A. Vicini. Milano, 1997.
14. *Wainstein L.* Un errore nella biografia di Dostoevskij? // Nuova antologia. 1998. N 580/2205. P. 119–123.
15. Любовь Достоевская: С.-Петербург–Болцано / под ред. Б. Марабини-Цоггелер, М. Талалай. Firenze, 1999.
16. *Pacini G.* Fëdor Dostoevskij. Milano, 2002.
17. *Марабини-Цоггелер Б.* Последние годы жизни Л. Ф. Достоевской // Россия и Италия. М., 2003. № 5. С. 113–121.
18. *Cesare G.* De Michelis racconta Fedor Dostoevskij e la ricerca della verità. Roma, 2011. [DVD.]

Сборники материалов конференций

1. La Cultura. 1931. Anno X. Fasc. 2. Febbraio. N speciale / A cura di L. Ginzburg. Fasc. 2.
2. Il romanzo russo nel secolo XIX e la sua influenza nelle letterature dell'Europa Occidentale. Colloquio italo-sovietico. Atti dei convegni dei Lincei. Roma, 1978.
3. Dostoevskij nella coscienza d'oggi / A cura di S. Graciotti. Firenze, 1981.
4. Actualité Dostoevskij. Atti del IV Simposio internazionale della «International Dostoevskij Society» — Bergamo 17–23 agosto 1980. Genova, 1982.
5. Problemi attuali di critica dostoevskiana: atti del convegno tenuto a Milano il 14 e 15 maggio 1982 / A cura di E. Bazzarelli. Milano, 1983.
6. Dostoevskij e la sua opera: convegno italo-sovietico. Atti Convegni Lincei. Roma, 1985. Vol. 69.
7. Fedor Dostoevskij: Il mistero dell'uomo. Atti del Seminario di studio, Biblioteca della Pro Civitate Christiana (Assisi, 31 maggio — 3 giugno 1984) / A cura di E. Vaghin et alii. Assisi, 1985.
8. Dostoevskij e la crisi dell'uomo / A cura di S. Graciotti, V. Strada. Firenze, 1991.
9. Il messaggio di Dostoevskij. Atti del convegno tenuto all'Università di Siena, 27–29 ottobre 1988. Siena, 1991.
10. La nuova Europa. 1997. N 4 [специальный выпуск].

11. Dostoevskij e la tradizione / A cura di M. Caratozzolo. Bari, 2010.
12. Dostoevskij — *Mente filosofica e sguardo di scrittore* = Dostoevsky — *Philosophical mind, writer's eye* = Достоевский — *Философское мышление, взгляд писателя: Abstracts* / A cura di M. Venditti. Napoli, 2010.

Поэтика Достоевского

Монографии

1. *Gasparini E.* Elementi della personalità di Dostojevskij. Roma, 1928.
2. *Lo Gatto E.* Pagine di storia e di letteratura russa (Europa e Russia nella storia e nel pensiero russo, Pagine su Dostoevskij). Roma, 1928.
3. *Gasparini E.* Dostoevskij e il delitto. Venezia, 1946.
4. *Ginzburg L.* Scrittori russi. Torino, 1948.
5. *De Michelis E.* Dostojevskij. Firenze, 1950.
6. *Naretto M.* Personaggi-idee in Dostojevskij. Torino, 1950.
7. *De Michelis E.* Dostojevskij minore. Firenze, 1954.
8. *Scarfò P.* Fiodor Dostojevsky: profilo letterario. Napoli, 1962.
9. *De Castresana L.* Dostoevskij. Modena, 1963.
10. *Gasparini E.* Scrittori russi: Puškin, Lermontov, Gogol', Dostoevskij, Tolstoj, Leont'ev. Venezia, 1966.
11. *Verč I.* Vdrug. L'improvviso in Dostoevskij. Trieste, 1977.
12. *Ivanov A.* Dostoevskij è ancora fra noi. Udine, 1980.
13. *D'Ajetti B.* Il 'fantasmatico' e l'"oggettuale" nell'arte dostoevskiana. Napoli, 1982.
14. *Malcovati F.* Introduzione a Dostoevskij. Bari, 1983.
15. *Ferrazzi M.* Dostoevskij o dell'ambiguità. Roma, 1984.
16. *Cordara C.* L'elemento comico nella piccola prosa di Dostoevskij. Milano, 1992.
17. *Beltrame F.* Il cammino dell'uomo inutile verso il sottosuolo: l'evoluzione storico-culturale di un personaggio della letteratura russa. Trieste, 1996.
18. *Mendosa M.A.* La narrativa come ricerca di senso in Dostoevskij. Roma, 1998.
19. *Martinelli M.* Leggere Dostoevskij: viaggio al centro dell'uomo. Milano, 1999.
20. *De Michiel M.* Il *non-alibi* del leggere: «Michail M. Bachtin *Problemi dell'opera di Dostoevskij* 1929». Trieste, 2001.
21. *Gigante G.* Dostoevskij onirico. Napoli, 2001.

Статьи

1. *Gobetti P.* Dostoevskij classico // Paradosso dello spirito russo e altri scritti sulla letteratura russa. Torino, 1969. P. 95–102.
Первое изд.: Paradosso dello spirito russo. Torino, 1926.

2. *Giusti W.* Dostojevskij // La grande stagione del romanzo russo. Torino, 1957. P. 28–48.

3. *Lo Gatto E.* Attualità di Dostoevskij // Nuova antologia. 1971. N 2049. P. 3–22.

4. *Graciotti S.* Dostoevskij nella riflessione italiana contemporanea // Cultura e scuola. 1972. N XLIV. P. 60–70.

5. *Lo Gatto E.* Dostoevskij nella coscienza d'oggi // Nuova antologia. 1972. N 2057. P. 12–38.

6. *Bazzarelli E.* W sprawie typologii sylwetek służących u Dostojewskiego // Slavia Orientalis. 1976. N 2. P. 183–189.

7. *Pescatori S.* Convergenze e divergenze nella critica dostoevskiana (Parole e immagini) // Annali della Facoltà di Magistero [Università di Cagliari]: Quaderno. 1978. N 5.

8. *Lo Gatto E.* Il sosia, l'uomo del sottosuolo e l'uomo ridicolo // Studi slavistici in ricordo di Carlo Verdiani. Pisa, 1979. P. 157–167.

9. *Bazzarelli E.* Nota su 'radost' e 'ščast'e' in Dostoevskij // Studi in onore di Ettore Lo Gatto. Roma, 1980. P. 3–14.

10. *Luporini M. B.* Rapporto tra intitolazione e 'poema' in Dostoevskij // Studi in onore di Ettore Lo Gatto. Roma, 1980. P. 163–181.

11. *Bazzarelli E.* L'assenza di speranza come artificio letterario nell'opera di Dostoevskij // Dostoevskij nella coscienza d'oggi. Firenze, 1981. P. 7–16.

12. *Kulczycka-Saloni J.* Dostoevskij: nuovi problemi, nuove forme // Dostoevskij nella coscienza d'oggi. Firenze, 1981. P. 17–26.

13. *Lo Gatto E.* Il sosia, l'uomo del sottosuolo e l'uomo ridicolo // Dostoevskij nella coscienza d'oggi. Firenze, 1981. P. 80–92.

14. *Lo Gatto E.* Отношение Достоевского к Пушкину: малоизвестное толкование Вячеслава Иванова // Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the USA. 1981. N 14. P. 187–197.

15. *Luporini M. B.* Rapporto tra 'poéma' e intitolazione in Dostoevskij: concentrazione, dislocazione, innovazione semantica // Dostoevskij nella coscienza d'oggi. Firenze, 1981. P. 47–64.

16. *Picchio R.* Simmetrie prosodiche in Dostoevskij. Osservazioni sulla tradizione medievale nella prosa russa // Dostoevskij nella coscienza d'oggi. Firenze, 1981. P. 26–46.

17. *Rossani W.* Dostoevskij minore // L'osservatore politico letterario. 1981. N 2. P. 46–52.

18. *Manfredi C.* Dostoevskij e le celebrazioni puskiniane // Bollettino della Società Letteraria di Verona. 1982. N 5–6. P. 289–304.

19. *Kauchtschischwili N.* Alcuni aspetti specifici della poetica dostoevskiana // Problemi attuali di critica dostoevskiana / A cura di E. Bazzarelli. Milano, 1983. P. 33–55.

20. *Scandiani G.* L'esibizionismo verbale del personaggio dostoevskiano // Rassegna sovietica. 1983. N 1. P. 184–194.

21. *Scandiani G.* «Verità» e «menzogna» nell'universo dostoevskiano // Rassegna sovietica. 1983. N 4. P. 147–158.

22. *Graciotti S.* Alcune considerazioni sul dostoevskiano mondo dei poveri // Dostoevskij e la sua opera: convegno italo-sovietico. Atti Convegni Lincei. Roma, 1985. Vol. 69. P. 31–47.

23. *Kauchtschischwili N.* Le portrait littéraire chez Dostoevskij // Actualité Dostoevskij. Genova, 1985. P. 199–213.

24. *Maver Lo Gatto A.* Dall'uomo del sottosuolo all'uomo ridicolo // Fedor Dostoevskij: Il mistero dell'uomo / A cura di E. Vaghin et alii. Assisi, 1985. P. 28–47.

25. *Verč I.* Nekaterne značilnosti ubeseditve bodočnosti v delih F. M. Dostojevskega in vprašanja literarne evolucije podob 'mesta' in 'vrta' // Jezik in Slovtvo. 1989/1990. N 35/36. P. 125–133.

26. *Ferrari Bravo D.* Per una tipologia del personaggio folle // Letteratura e psicologia / A cura di R. Platone. Napoli, 1990. P. 87–102.

27. *Gigante G.* L'introspezione in Dostoevskij. Il diavolo e la morte // Letteratura e psicologia / A cura di R. Platone. Napoli, 1990.

28. *Моравиа А.* Дуэль Маркса с Достоевским // Вопросы литературы. 1990. № 1. С. 266–269.

29. *Casari R.* Di un motivo architettonico-spaziale in Dostoevskij. Le vaste prigioni della mente // Studi slavistici offerti a Alessandro Ivanov nel suo 70° compleanno. Padova, 1992. P. 26–33.

30. *Mastroianni G.* Ultime su Bachtin e Dostoevskij in Russia e in Italia // Belfagor. 1992. Vol. 47. N 2. P. 216–221.

31. *Casari R.* I silenzi di Rogožin // Europa Orientalis. 1993. Anno XII. N 1: Studi in onore di Anjuta Maver Lo Gatto. P. 79–85.

32. *Piretto G. P.* Gli «uomini della folla» di Dostoevskij. Senza dimenticare Poe o Hoffmann // Europa Orientalis. 1993. Anno XII. N 2. P. 91–122.

33. *Каухчишвили Н.* В центре внимания — Достоевский // Русский язык за рубежом. 1993. № 1. С. 131.

34. *Верч И.* Некоторые аспекты изображения будущего в творчестве Ф. М. Достоевского в свете литературной традиции Города и Сада // Slavica Tergestina. 1994. N 2. P. 197–214.

35. *Piretto G. P.* Modernità a Pietroburgo: Ancora a proposito della folla in Dostoevskij // Annali dell'Istituto di Lingue e Letterature Germaniche. 1996. N 10. P. 203–216.

36. *Russo F.* Dalla satira menippea alle opere di Dostoevskij // Slavia. 1996. N 1. P. 11–21.

37. *Verč I.* Izjava kot vprašanje kulturne evolucije // Primerjalna književnost. 1996. N 19/2. P. 29–36. [О Бахтине и Достоевском.]

38. *Каухчишвили Н.* От Гоголя до Достоевского — при чем тут Бахтин // Bahtin in humanistične vede: zbornik prispevkov z mednarodnega simpozija v Ljubljani, 19–21 oktober = Bakhtin and the Humanities: Proceedings of the International Conference in Ljubljana. October 19–21. 1995. Ljubljana, 1997. С. 225–238.

39. *De Michiel M.* Dostojevski et Bakhtine: l'Écrivain et le Lecteur: À propos de «Problémy tvorčestva Dostoevskogo [Problèmes de l'oeuvre de

Dostoïevskij» (1929) // *RSSI: Recherches sémiotiques = RSSI: Semiotic Inquiry*. 1998. N 18/1–2. P. 121–135.

40. *Scarlato A.* Dostoevskij e la polifonia: intorno al Dostoevskij di Bachtin // *Giornale di metafisica*. 2000. N 1–2. P. 167–198.

41. *Scarlato A.* Polifonia, discorso altrui e carnevale nel «Dostoevskij» di Bachtin // *Studi di estetica*. 2000. Vol. 22. P. 235–252.

42. *Гидини К.* Концепция творчества Достоевского в книге Вяч. Иванова «Достоевский. Трагедия. Миф. Мистика» // *Достоевский. Материалы и исследования*. СПб., 2000. Т. 15. С. 165–174.

43. *De Michiel M.* К этике словесного творчества (вокруг *Проблем творчества Достоевского* М.М. Бахтина) // *Slavica Tergestina*. 2001. N 9: *Studia slavica II*. P. 5–40.

44. *D'Amelia A.* Mot et dessin dans les manuscrits des écrivains russes // *Diagonales dostoïevskiennes. Mélanges en l'honneur de Jacques Catteau*. Paris, 2002. P. 209–223.

45. *Каухчишвили Н.* Иконные горки и структура некоторых приемов у Достоевского (предварительные замечания) // *Sine arte, Nihil: Сб. научных трудов в дар профессору Миливое Йовановичу* / Под ред. К. Ичина. Белград; М., 2002. С. 142–154.

46. *Mastroianni G.* Cinque letture estive (sulle tracce del diavolo) // *Belfagor*. 2003. Vol. 58. N 344 (2003/2). P. 199–213. [О Достоевском и Бахтине.]

47. *Kauchtschishwili N.* Gogol'–Dostoevskij–Gogol' // *Russian, Croatian and Serbian, Czech and Slovak, Polish Literature*. 2004. N 56/1–3. P. 213–228.

48. *Страда В.* Между романом и реальностью: история критической рефлексии // *Бахтинский сборник*. М., 2004. № 5. С. 22–40.

49. *De Michelis C. G.* Il diavolo di Dostoevskij // *Il diavolo e l'Occidente*. Brescia, 2005. P. 117–130.

50. *Казару Р.* «Прекрасная сказка» об Амуре и Психее в творчестве Достоевского // «На меже меж Голосом и Эхом»: Сб. статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 165–173.

51. *Paolini S.* Le forme del fantastico nell'opera di F. M. Dostoevskij // *Spiegare l'inspiegabile: Riflessioni sulla letteratura fantastica*. Verona, 2008. P. 145–169.

52. *Казару Р.* Генезис ландшафтных образов в произведениях Ф. М. Достоевского: мифотворческая функция «внутреннего взгляда» героя // *Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов* / Под ред. К. Кроо, Т. Сабо, Г. Ш. Хорват. СПб., 2011. С. 50–66.

Статьи об отдельных произведениях Достоевского

«Бедные люди»

1. *Piretto G. P.* The portrait of characters in *Bednye ljudi* // *Actualité Dostoevskij*. Genova, 1985. P. 215–220.

«Белые ночи»

1. *Ripellino A. M.* Nota introduttiva // Dostoevskij F. Le notti bianche. Torino, 1971. P. I–XIV.

2. *Corsino E.* La rivelazione dell'esultanza: riflessioni su «Le Notti bianche» di F. Dostoevskij // *esamzidat*, <http://www.esamizdat.it/gosti/pdf/corsino.pdf>

«Бесы»

1. *Tagliabue F.* «I demoni» di Dostoevskij // *Russia Cristiana*. 1980. N 5. P. 19–32.

2. *Spendel G.* Tipologia e funzione dell'ambiente e degli oggetti nel romanzo «I Demoni» // *Problemi attuali di critica dostoevskiana* / A cura di E. Bazzarelli. Milano, 1983. P. 167–180.

3. *Salvestroni S.* Echi biblici ne *I demoni* di Dostoevskij // *AION. Slavistica*. 1995. N 3. P. 223–272.

4. *Mussini A.* Suggestioni shakespeariane e goethiane nei «Demoni» di Dostoevskij // *Slavia*. 1999. N 4. P. 75–87.

5. *Citati P.* Dostojevski et «Les Demons» // *Sur le roman: Dumas, Dostojevski, Woolf*. Paris, 2000. P. 24–48.

6. *Kauchtschischwili N.* География либо художественная канва *Бесов* Достоевского // *Slavica Tergestina*. 2000. N 8: Художественный текст и его гео-культурные стратификации. С. 37–52.

7. *Казару P.* Уход Степана Трофимовича Верховенского // *Sine arte, Nihil: Сб. научных трудов в дар профессору Миливое Йовановичу* / Под ред. К. Ичина. Белград; М., 2002. С. 120–125.

8. *Сальвестрони С.* Новый Завет в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // *Христианство и русская литература*. СПб., 2002. №4. С. 336–363.

9. *Pesenti M. C.* Un testo nel testo. Una citazione dall'*Apocalisse*, ne *I Demoni* di F. M. Dostoevskij e in *Sem' smertnych grechov (Duchovnyj list)* // *Dostoevskij e la tradizione* / A cura di M. Caratozzolo. Bari, 2010. P. 97–130.

«Бобок»

1. *De Michelis C. G.* Considerazioni su 'Un tale' (e sul suo racconto «Bobok») // *Studi slavistici in ricordo di Carlo Verdiani*. Pisa, 1979. P. 83–89.

«Братья Карамазовы»

1. *Pacini Savoj L.* Nota sui Karamazov // *Schede russe con una intrusione*. Napoli, 1959.

2. *Schiaffino G.* Alcune note sul parricidio nei *Fratelli Karamazov* // *Acme*. 1978. N 2. P. 195–199.

3. *Баццарелли Э.* Замечания о восклицательной фразе: на основе исследования некоторых контекстов романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // *Acme*. 1978. N 2. С. 173–186.

4. *Fáj A.* «I fratelli Karamazov». Retrosцена letterari // *Russia Cristiana*. 1984. N 198. P. 23–36.

5. *Piretto G.* Staraja Russa and Petersburg: Provincial Realities and Metropolitan Reminiscences in the «Brothers Karamazov» // *Dostoevsky studies*. 1986. N 7. P. 81–86.

6. *Ghini G.* Il simbolo «Giobbe» ne «I fratelli Karamazov» di F. M. Dostoevskij: tra connotazione ed ermeneutica // *Lingua e stile*. 1987. Vol. XXII. N 1. P. 91–118.

7. *Ghini G.* Figura ed immagine ne «I fratelli Karamazov» // *Intersezioni*. 1988. Vol. VIII. N 3. P. 511–541.

8. *Salvestroni S.* Motivi biblici nel romanzo *I Fratelli Karamazov* di Fedor Dostoevskij // *AION. Slavistica*. 1996. N 4. P. 111–182.

9. *Сальвестрони С.* Библейские и святоотеческие источники романа «Братья Карамазовы» // *Достоевский. Материалы и исследования*. СПб., 2000. Т. 15. С. 273–304.

10. *Капицули С. М.* Вопрос о грехопадении и всеобщем спасении в романе «Братья Карамазовы» // *Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения* / Под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2007. С. 187–225.

11. *Kauchtschishwili N.* В творческой лаборатории «Великого инквизитора» // *F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues* / Ed. by K. Kroó, T. Szabó. Budapest, 2009. С. 228–235.

«Вечный муж»

1. *Верч И.* «Вечный муж» Достоевского и некоторые вопросы о жанре произведения // *Dostoevsky Studies*. 1983. N 4. P. 69–80.

2. *Casari R.* La technique du portrait chez Dostoevskij dans le roman «Večný muž» // *Actualité Dostoevskij*. Genova, 1985. С. 255–264.

«Двойник»

1. *De Vidovich F. F.* Dostoevskij: «Il Sosia» // *Rivista di psicologia analitica*. 1984. Anno XV. N 30. P. 46–63.

2. *Pascucci E.* Dvojnik // *Actualité Dostoevskij*. Genova, 1985. P. 221–228.

3. *Giusti Fici F.* Опыт анализа чужой речи в сопоставительном плане (на материале «Двойника» Достоевского) // *Вопросы языкознания*. 1986. №2. С. 133–138.

4. *Piretto G. P.* Due uomini e una città. Intimità movimento e commercio nel *Sosia* di F. M. Dostoevskij // *Quaderni del dipartimento di linguistica e letterature comparate*. Bergamo, 1987. P. 71–83.

5. *Vitale S.* Sul ‘Doppio’ di Dostoevskij // *Il confronto letterario*. 1991. N 8: Il Doppio nell’Ottocento letterario europeo. P. 295–306.

6. *Imposti G.* «Il Sosia. Avventure del signor Goljadkin, ovvero Poema pietroburghese» di Fedor M. Dostoevskij // *Il tema del doppio nella letteratura moderna* / A cura di V. Roda. Bologna, 2008. P. 91–121.

«Дядюшкин сон»

1. *Lo Gatto E.* Genesis of Dostoevsky's Uncle's Dream // The Slavonic and East European Review. 1948. Vol. 26. N 67. P. 452–466.

«Записки из Мертвого дома»

1. *Pulcini F.* Da Dostoevskij a Janáček: *Da Una Casa di Morti* e la sua genesi librettistica // Rivista italiana di musicologia. 1983. N 2. P. 220–252.

2. *Pesenti C.* Notes pour une lecture du portrait du personnage dans l'oeuvre *Zapiski iz mertvogo doma* // Actualité Dostoevskij. Genova, 1985. P. 229–246.

3. *Olivieri C.* Da una casa di morti // Europa Orientalis. 2004. Anno XXIII. N 1. P. 251–266.

«Записки из подполья»

1. *Citati P.* Nel sottosuolo // Dostoevskij e la crisi dell'uomo / A cura di S. Graciotti, V. Strada. Firenze, 1991. P. 347–356.

2. *Бельтраме Ф.* Достоевский и Бокль: по поводу одной реминисценции в «Записках из подполья» // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 1997. №3. С. 111–117.

3. *Джаквинта Р.* У нас мечтатели и подлецы. О «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского // Русская литература. 2002. №3. С. 3–18.

4. *Бельтраме Ф.* О парадоксальном мышлении «подпольного человека» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18. С. 135–142.

«Игрок»

1. *Casari R.* La funzione delle similitudini nel romanzo di Dostoevskij «Igrok» (Il giocatore) // Quaderni di slavistica. Facoltà di Lettere e Filosofia, Università di Genova. 1983. N 2. P. 1–10.

2. *Esposito R. F.* L'«Idiota» di Dostoevskij una parabola cristologica // Palestra del Clero. N 64/4. 1985. P. 276–299.

3. *Vitale S.* Introduzione // Dostoevskij F.M. Il giocatore. Milano, 1993. P. I–XXIV.

4. *Bonola A.* Le particelle in una pagina de *Il giocatore* // Saggi di letteratura e linguistica (Dostoevskij, Mandel'stam e altri). Milano, 2008. P. 119–140.

5. *Pennacchi A.* Dostoevskij e Il giocatore // Limes. 2012. N 1: Protocollo Iran. P. 303–316.

«Идиот»

1. *Bazzarelli E.* L'oggetto ne «L'Idiota»: il suo rapporto con la filosofia della bellezza // Problemi attuali di critica dostoevskiana / A cura di E. Bazzarelli. Milano, 1983. P. 123–136.

2. *Strada V.* Сюжет *Идиота* // Wiener Slavistischer Almanach. 1984. N 14. С. 5–64.

3. *Strada V.* L'intreccio de «L'idiota» // Dostoevskij e la sua opera. Atti dei convegni Lincei. Roma, 1985. Vol. 69. P. 115–122.

4. *Каухчишвили Н.* «Мусор» или «красота»? По поводу «Идиота» Достоевского // Studia Litteraria Polono-Slavica. 1999. N 4. С. 181–194.

5. *Гидини М.К.* Некоторые заметки на полях итальянского перевода «Идиота» Достоевского // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения / Под ред. Т.А. Касаткиной. М., 2001. С. 482–507.

6. *Карпи Г.Ф. М.* Достоевский и судьбы русского дворянства (по роману «Идиот» и другим материалам) // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения / Под ред. Т.А. Касаткиной. М., 2001. С. 482–507.

7. *Rossanda R.* The Defeat of Goodness // New Left Review. 2002. N 18. P. 98–105.

8. *Bertolini M.* L'Idiota. Processi creativi e forma romanzesca nell'opera di Dostoevskij. Introduzione a Jacques Cateau: «La création littéraire chez Dostoevskij» // Materiali di estetica. 2003. N 9: Dostoevskij e la Scuola di Milano. P. 91–108.

9. *Fabiani L.* Nastas'ja Filippovna: l'amore doppio // Materiali di estetica. 2003. N 9: Dostoevskij e la Scuola di Milano. P. 151–160.

10. *Scarlato A.* L'immagine di Cristo ne L'Idiota // Materiali di estetica. 2003. N 9: Dostoevskij e la Scuola di Milano. P. 131–150.

11. *Caratozzolo M.* Образ осла и архетип шута в романе «Идиот» // F.M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues / Ed. by K. Kroó, T. Szabó. Budapest, 2009. С. 75–84.

12. *Caratozzolo M.* Il buffone di Nastas'ja // Dostoevskij e la tradizione / A cura di M. Caratozzolo. Bari, 2010. P. 65–96.

«Кроткая»

1. *Basile B.* La finestra e l'icona: Patologia del monologo interiore ne *La mite* di F. M. Dostoevskij // Dal Novellino a Moravia: Problemi della narrativa / A cura di E. Raimondi, B. Basile. Bologna, 1979. P. 131–166.

2. *Ferrazzi M.L.* La prospettiva temporale nella *Smert' Ivana* Il'iča di Lev Tolstoj e nella *Krotkaja* di Fedor M. Dostoevskij // Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università di Padova. 1978 [1980]. N 3. P. 103–130.

3. *Basile B.* La finestra e l'icona (Dostoevskij) // La finestra socchiusa: ricerche tematiche su Dostoevskij, Kafka, Moravia e Pavese. Roma; Salerno, 1982.

4. *D'Ajetti B.* Il «prima» e il «dove» di *Krotkaja* // Quaderni dell'Istituto di Lingue. Facoltà di Economia e Commercio. Università di Messina. 1983. N 2. P. 1–55.

5. *Vicari L.* Dostoevskij e l'amore tragico // Città di vita. 2006. N 1. P. 43–62.

«Неточка Незванова»

1. *Moravia A.* Prefazione // Dostoevskij F. *Nètočka*. Milano, 1979. P. 11–17.
2. *Dodero Costa M.L.* *Netočka Nezvanova* // *Actualité Dostoevskij*. Genova, 1985. P. 265–274.

«Подросток»

1. *Ripellino A.M.* Introduzione // Dostoevskij F.M. *L'adolescente*. Torino, 1957. P. I–XV.

«Преступление и наказание»

1. *Malcovati F.* Oggetti e ambiente del delitto in «Delitto e castigo» // *Problemi attuali di critica dostoevskiana / A cura di E. Bazzarelli*. Milano, 1983. P. 147–154.
2. *Piretto G.P.* Rodion Romanovič, «pietroburghese» // *Bergamo e il teatro*. 1984/85. Bergamo, 1984. P. 91–100.
3. *Garetto E.* The portraits of the characters in «Crime and Punishment» // *Actualité Dostoevskij*. Genova, 1985. P. 247–254.
4. *Maver Lo Gatto A.* Delitto, castigo, resurrezione // *Dostoevskij e la sua opera: convegno italo-sovietico. Atti Convegni Lincei*. Roma, 1985. Vol. 69. P. 123–133.
5. *Piretto G.P.* A Pietroburgo in un quartiere senza pareti: elementi spaziali e intreccio in *Delitto e Castigo* di F.M. Dostoevskij // *Quaderni del dipartimento di linguistica e letterature comparate*. Bergamo, 1986. P. 171–180.
6. *Salvestroni S.* Motivi biblici e patristici in *Delitto e castigo* di Fedor Dostojevskij // *AION. Slavistica*. 1997. N 5. P. 429–468.
7. *Di Salvo M.* Delitto e castigo // *Il romanzo*. Torino, 2002. Vol. 2: *Le forme / A cura di F. Moretti*. P. 163–169.

«Униженные и оскорбленные»

1. *Schiaffino G.* Oggetti e ambienti in «Umiliati e offesi» // *Problemi attuali di critica dostoevskiana / A cura di E. Bazzarelli*. Milano, 1983. P. 155–166.

«Хозяйка»

1. *Maver Lo Gatto A.* Образ Мурина в «Хозяйке» Достоевского // *Revue d'études slaves*. 1981. Vol. 53. Fasc. 4. P. 581–586.
2. *Aloe S.* Introduzione. Un racconto in bilico sul fantastico // *Dostoevskij F.M. La padrona di casa*. Bologna, 1998. P. 3–33.
3. *Джиганте Дж.* Сновидения в «Хозяйке» // *Достоевский и современность. Материалы XII Международных Старорусских чтений 1997 года*. М., 1998. С. 40–52.
4. *Garzonio S.* Introduzione e note // *Dostoevskij F.M. La padrona*. Venezia, 1999. P. 9–29, 215–231.

5. *Алоэ С.* «Татарский мотив» в повести «Хозяйка» // Поэтика Достоевского. Статьи и заметки / Под ред. С. Дауговиша. Rīga, 2007. С. 14–21.

6. *Алоэ С.* Внутреннее пространство Ордынова (Из наблюдений над повестью «Хозяйка») // Достоевский и мировая культура. СПб., 2007. № 23. С. 9–15.

Культурология

Монографии

1. *Piretto G. P.* Da Pietroburgo a Mosca: Le due capitali in Dostoevskij, Belyj e Bulgakov. Milano, 1990.

2. *Ghini G.* La Scrittura e la steppa. Esegesi figurale e cultura russa. Urbino, 1999.

3. *Olivieri C.* Dostoevskij l'occhio e il segno. Catanzaro, 2003.

4. *Kauchtschischwili N.* Dostoevskij e il denaro. Milano, 2007.

Статьи

1. *D'Amelia A.* Motivi pittorici in Dostoevskij // Ricerche slavistiche. 1968/1969. Vol. XVI. P. 191–227.

2. *Kauchtschischwili N.* L'icone dans l'oeuvre dostoevskienne // Dostoevskij und die Literatur. Köln; Wien, 1983. P. 123–146.

3. *Piretto G.* Petersburg au futur. Dostoevsky et la ville dans les années 1870 // Dostoevsky Studies. 1984. N 5. P. 117–128.

4. *Казари П.* Купеческий дом: историческая действительность и символ у Достоевского и Лескова // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 87–92.

5. *Страда В.* Москва–Петербург–Москва // Лотмановский сборник. М., 1995. № 1. С. 503–515.

6. *Piretto G. P.* Fessure, fenditure, voragini: le finestre di Dostoevskij // Europa Orientalis. 1996. Anno XV. N 1. P. 77–101.

7. *Казари П.* Некоторые мотивы раскола в творчестве Достоевского // Русский язык за рубежом. 2003. № 2. С. 91–94.

8. *Ghini G.* Власть портрета (Икона, русская литература и табу на портрет) // Toronto Slavic Quaterly. 2004. Winter. N 11; <http://www.utoronto.ca/tsq/11/GiuseppeGhini.shtml>.

9. *Kauchtschischwili N.* Душевная топография и петербургские районы Достоевского // Pietroburgo capitale della cultura russa = Петербург — столица русской культуры. Atti del convegno internazionale (28–31 ottobre 2003) / A cura di A. D'Amelia. Salerno, 2004. Vol. 2. P. 83–98.

10. *Spendel J.* Il gioco d'azzardo come sfida di vita nella narrativa russa dell'Ottocento (Puškin, Lermontov, Dostoevskij) // Scrittura e azzardo. Giochi e rischi d'autore / A cura di V. Gianoglio. Torino, 2004. P. 1005–1117.
11. *Каухчишвили Н.* Динамика пространства и провинции в художественной литературе: (Предварительные соображения) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 519–532. [О Тургеневе, Лескове и Достоевском.]
12. *Каухчишвили Н.* Орнитологические метафоры и сравнения у Ф. М. Достоевского // Лотмановский сборник. М., 2004. №3. С. 327–339.
13. *Carpi G.* Dostoevskij economista // Studi Slavistici. 2005. N 2. С. 97–118.
14. *Spendel J.* L'identità rubata: Gogol', Dostoevskij e Čechov // Lettura gogoliana. Milano, 2006. P. 33–45.
15. *Casari R.* 'Giuseppe e i suoi fratelli', 'Giuseppe il Magnifico': tradizione letteraria e iconografia nei *Fratelli Karamazov* e ne *L'Idiota* // Dostoevskij e la tradizione / A cura di M. Caratozzolo. Bari, 2010. P. 45–64.
16. *Kauchtschischwili N.* Metafore e similitudini ornitologiche nell'opera di F. M. Dostoevskij // Dostoevskij e la tradizione / A cura di M. Caratozzolo. Bari, 2010. P. 19–43.

Компаративистика

Монографии

1. *Guarnieri Ortolani A.* Saggio sulla fortuna di Dostoevskij in Italia. Padova, 1947.
2. *Luzzatti I.* I demoniaci: Dostojewskij, Nietzsche, Beethoven. Roma, 1952.
3. *Bertin G. M.* Disordine esistenziale e istanza della ragione. Tragico e comico. Violenza e eros. Bologna, 1981.
4. *Faggin G.* Alla ricerca dell'umano: Beethoven, Emerson, Dostoevskij, Van Gogh. Vicenza, 1982.
5. *Pellegrini E.* Necropoli immaginarie: le rappresentazioni della morte in Balzac, Flaubert, Zola, Dickens, Dostoevskij e Tolstoj. Firenze, 1996.
6. *Farinella M.* Le riduzioni italiane dei romanzi di Fedor Dostoevskij: 1923–1993. Torino, 1998.
7. *Citati P.* Il male assoluto. Nel cuore del romanzo dell'Ottocento. Milano, 2000.
8. *Tassinari F.* L'enigma dell'esistere: Tolstoj, Dostoevskij, Čechov. Cesena, 2004.
9. *Turra V.* Albert Camus, figure dell'antico: il mito di fronte all'assurdo. Verona, 2010.
10. *Torri S.* Dostojewskij in der deutschen und italienischen Literatur: eine komparative Studie (1881–1927). München; Berlin, 2011.

Статьи

Достоевский и итальянская культура и литература

1. *Пьовене Г.* Выступление на международной конференции «Лев Толстой» в Венеции // Литературное наследство. М., 1965. Т. 75. Кн. 1. С. 204–205.
2. *De Michelis E.* Dostoevskij nella letteratura italiana // Lettere italiane. 1972. Anno XXIV. N 2. P. 177–201.
3. *De Michelis C. G.* Una lettera sconosciuta di Grazia Deledda alla figlia di Dostoevskij // Nuova Rivista Europea. 1981. N 21. P. 58–61.
4. *De Michelis E.* Dostoevskij nella cultura italiana // Dostoevskij nella coscienza d'oggi. Firenze, 1981. P. 163–196.
5. *Гуарньери Ортолани А.* Достоевский и Ландольфи // Dostoevsky Studies. 1981. N 2. P. 163–168.
6. *De Angelis P.* Dostoevskij in Italia // Il Veltro. 1982. N 26/3–4. P. 211–221.
7. *Ferrucci F.* Genealogia di Zeno Cosini // Studi Novecenteschi. 1983. N 25/26. P. 165–173.
8. *Колуччи М.* Достоевский и итальянская культура // Dostojevskij und die Literatur. Köln; Wien, 1983. С. 421–434.
9. *Basile B.* Dostoevskij, Manzoni e i «Misteri del chiostro napoletano» // Lettere italiane. 1986. Anno XXXVIII. N 2. P. 233–241.
10. *Casari R.* Papini e Dostoevskij. Riflessioni in margine all'epistolario G. Papini — O. Resnevič Signorelli // Quaderni del dipartimento di linguistica e letterature comparate. Bergamo, 1988. P. 54.
11. *Verč I.* Limiti e possibilità della tradizione dantesca nello sviluppo del romanzo russo // Dantismo russo e cornice europea: atti dei convegni di Alghero-Gressoney (1987) / A cura di E. Guidubaldi. Firenze, 1989. P. 23–45.
12. *De Michelis C. G.* D'Annunzio, la Russia, i paesi slavi // D'Annunzio europeo. Atti del convegno internazionale: Gardone Riviera — Perugia, 8–13 maggio 1989 / A cura di P. Gibellini. Roma, 1991. P. 317–327.
13. *Paratore E.* D'Annunzio e il romanzo russo // Nuovi studi dannunziani. Pescara, 1991. P. 150–168.
14. *Paratore E.* Dostoevskij e D'Annunzio // Dostoevskij e la crisi dell'uomo / A cura di S. Graciotti, V. Strada. Firenze, 1991. P. 375–386.
15. *Barilli R.* Svevo tra il 'moderno' Zola e il 'postmoderno' Dostoevskij // Italo Svevo tra moderno e postmoderno / A cura di M. Buccheri, E. Costa. Ravenna, 1995. P. 45–50.
16. *Martini M.* Pasolini e Dostoevskij // Antologia Vieusseux. Nuova serie. 1995. Anno I. N 2. Maggio-agosto. P. 103–118.
17. *Adamo S.* Il Dostoevskij di «Solaria» // Comparatistica. 1996. N 8. P. 61–79.
18. *Adamo S.* Translations of Russian Literature in a Local and Inter-cultural Context // Reconstructing Cultural Memory: Translation, Scripts, Literacy / Ed. by L. D'Hulst, J. Milton. Amsterdam, 2000. P. 69–83.

[О ранних переводах произведений Достоевского в Италии, Франции и Германии.]

19. *Cavaglioni A.* Dostoevskij presso Primo Levi // Belfagor. 2001. Vol. 56. N 334 (2001/4). P. 429–435.

20. *Martini M.* A scuola di esistenzialismo: Moravia allievo di Dostoevskij // Dostoevskij F. M. L'eterno marito. Torino, 2001. P. 179–182.

21. *Martini M.* Mon nom est Fedor Dostoevskij // Guido Piovene: tra realtà e visione / A cura di M. Rizzante. Trento, 2002. P. 141–156.

22. *Strologo F.* Moravia vs Dostoevskij: il caso delle Ambizioni sbagliate // Rassegna europea di letteratura italiana. 2002. N 20. P. 99–130.

23. *Bàrberi Squarotti G.* Il nuovo Cristo: fra Dostoevskij, Pascoli e D'Annunzio // La nuova ricerca: Dipartimento di linguistica, filologia e letteratura moderna dell'Università degli studi di Bari. 2003. N 12. P. 145–156.

24. *Плюханова М.* Достоевский и Толстой: взгляд в Италии (Gesù Bambino в «Братьях Карамазовых») // Толстой или Достоевский? Философски-эстетические искания в культуре Востока и Запада. СПб., 2003. С. 19–40.

25. *Adamo S.* La biblioteca russa di Svevo // Aghios. Quaderni di studi sveviani. 2004. N 4. P. 25–53.

26. *Adamo S.* Gadda e Dostoevskij // Edinburgh Journal of Gadda Studies: First EJGS Conference Proceedings — November 2004 (<http://www.arts.ed.ac.uk/italian/gadda/Pages/journal/supp3atti%201/articles/adamconf1.html>).

27. *Параккини Л.* Вопрос о тюремном заключении в журнале «Время»: Достоевский и Казанова // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2005. Т. 17. С. 30–41.

28. *Colucci M.* Dostoevskij e la cultura italiana // Tra Dante e Majakovskij. Saggi di letterature comparate slavo-romanze. Roma, 2007. P. 103–113.

29. *D'Amelia A.* Il museo immaginario di Dostoevskij // Scritture dell'immagine / A cura di A. D'Amelia, F. De Giovanni, L. Perrone Capano. Napoli, 2007. P. 147–162.

30. *Д'Амелия А.* Достоевский и итальянское искусство // Италия в русской литературе / Под ред. Н.Е. Меднис. Новосибирск, 2007. С. 96–107.

31. *Ghini G.* Un inedito di Diego Fabbri da un romanzo umoristico di Dostoevskij // Rivista di letteratura italiana. 2010. Anno XXVIII. N 1. P. 137–164.

32. *Алоэ С.* Умберто Эко и Достоевский // В направлении смысла. Международный сборник статей памяти профессора Натальи Васильевны Живолуповой / Под ред. А.Н. Кочеткова. Нижний Новгород, 2012. С. 304–311.

Достоевский и международная культура и литература

1. *Macchia G.* Dostojevskij e Proust // Il romanzo russo nel sec. XIX e la sua influenza nelle letterature dell'Europa Occidentale. Colloquio italo-sovietico. Atti dei convegni dei Lincei. Roma, 1978. P. 127–140.

2. *Cazzola P.* Le symbolisme des nuits blanches de Saint-Petersbourg: de Joseph de Maistre à F. M. Dostoievski // Revue des études Maistriennes. 1979/1980. N 5/6. P. 334–344.

3. *Givone S.* Thomas Mann interprete di Dostoevskij // Rivista di estetica. 1980. N 20/6. P. 24–42.

4. *Persi U.* Le musicien et la musique dans l'oeuvre de Dostoevskij et de Wackenroder // Revue de littérature comparée. 1981. N 150 (3/4). P. 306–316.

5. *Пиккьо P.* Мертвый дом Достоевского и Каравелова // Revue des études slaves. 1981. T. 53. Fasc. 4. P. 587–595.

6. *Верч И.* К вопросу о так называемой «традиции» Достоевского в двух редакциях романа «Вор» Л. М. Леонова // Dostoevsky Studies. 1981. N 2. P. 119–128.

7. *D'Amelia A.* Dostoevskij 'podstrižennymi glazami' (F. M. Dostoevskij and A. M. Remizov) // Actualité Dostoevskij. Genova, 1982. P. 159–170.

8. *Gallo G.* Zamjatin e Dostoevskij // Actualité Dostoevskij. Genova, 1982. P. 171–180.

9. *Garetto E.* Peterburg di Belyj: alcuni elementi di affinità e di divergenza con l'opera di F. M. Dostoevskij // La letteratura russa. Problemi e prospettive. Genova, 1982. P. 313–325.

10. *Givone S.* La figura dell'idiota nella letteratura contemporanea. Da Dostoevskij a Singer e a Malamud // Giornale di metafisica. 1982. Vol. 4. N 1. P. 183–194.

11. *Verč I.* Sulla cosiddetta «tradizione» dostoevskiana nelle due versioni del romanzo «Il ladro» di L. M. Leonov // Actualité Dostoevskij. Genova, 1982. P. 181–198.

12. *Verč I.* Пильняк и Достоевский (по материалу романа «Гольий год»). Sassari, 1982. P. 1–23 [tiratura a parte].

13. *Luporini M. B.* Dostoevskij et Rousseau: l'homme de la nature et de la verité // Mondo slavo e cultura italiana. Contributi italiani al IX Congresso internazionale degli slavisti (Kiev 1983). Roma, 1983. P. 208–224.

14. *Giuliani R. L.* Andreev, 'Il Pensiero' // Rivista di Psicologia Analitica. 1984. N 30. P. 118–129. [О «Братьях Карамазовых» и одном рассказе Л. Андреева.]

15. *Pescatori S.* Per riconoscere la Sconosciuta. Ascendenze dostoevskiane nel teatro di Blok // Atti del Symposium «Aleksandr Blok» (Milano 1981). Milano, 1984. P. 543–556.

16. *Verč I.* Пильняк и Достоевский // Slavica. 1984. N 21. P. 171–186.

17. *Cazzola P.* *Pravedniki e jurodivye* nella letteratura russa dell'800 (*L'Idiota* di Dostoevskij e *Odnodum* di Leskov) // Studi orientali e linguistici. 1984/1985. N 2. P. 263–281.

18. *Martano A.* Victor Hugo e Dostoevskij // Rassegna sovietica. 1986. N 5. P. 82–92.

19. *Givone S.* La memoria in Dostoevskij e in Proust // Il tempo della memoria: La questione della verità nell'epoca della frammentazione. Atti del secondo Colloquio su filosofia e religione (Macerata, 16–18 maggio 1985) / A cura di G. Ferretti. Torino, 1987. P. 179–194.

20. *Perosa S.* Dostoevskij in Inghilterra e in America // Comparatistica: annuario italiano. 1989. N 1. P. 71–82.

Перевид. в кн.: *Perosa S.* Transitabilità. Palermo, 2005.

21. *Garzonio S.* Alcuni dati sulla presenza dell'opera di Karamzin in Dostoevskij // Gli orizzonti della creazione. Studi e schede di letteratura russa. Bologna, 1992. P. 125–136.

22. *Pompeo L.* La ricezione dell'opera di Dostoevskij in Polonia fino al 1914 // Slavia. 1995. N 1. P. 158–186.

23. *Monier E.* L'oblomovismo di Gončarov, la narrativa di Dostoevskij // Slavia. 1996. N 1. P. 179–191.

24. *Cometa M.* Le metamorfosi del tragico: Steiner e Dostoevskij // Discipline filosofiche. 1997. N 1. P. 89–107.

25. *Ghidini M. C.* Vjačeslav Ivanov e Dostoevskij // La nuova Europa. 1997. N 5. P. 63–73.

26. *Bazzarelli E.* Se la bellezza salverà il mondo. Da Dostoevskij a Reich // Esperienze letterarie. 1998. Anno 23. N 1. P. 17–30.

27. *Ciccarello di Blasi M. G.* Il Quijote apocrifo di Dostoevskij // Critica del testo. 1998. N 3. P. 967–984.

28. *Verč I.* Solze za Hekubo (Dostojevski, Turgenjev, Tolstoj) // Slavistična revija. 1998. N 1/2. P. 323–330.

29. *Алоэ С.* Достоевский и испанское барокко // Достоевский и мировая культура. СПб., 1998. № 11. P. 76–94.

30. *Rebecchini D.* Proust e l'«Idiota» di Dostoevskij. Analisi di un percorso di lettura // Quaderni Proustiani. Napoli, 2002. P. 7–25.

31. *Ребеккини Д.* Толстой как подражатель Достоевского в цикле романов Пруста «В поисках утраченного времени» // Толстой или Достоевский? Философско-эстетические искания в культурах Востока и Запада. СПб., 2003. С. 216–223.

32. *Riconda G.* La «religione» di Grossman // Il romanzo della libertà: Vasilij Grossman tra i classici del XX secolo / A cura di G. Maddalena e P. Tosco. Catanzaro, 2007. P. 221–250.

33. *D'Agostino M.* Un «cavaliere santo» si aggira per l'Europa. Don Quijote fra Dostoevskij e Unamuno // La memoria e l'invenzione: Presenza dei classici nella letteratura spagnola del Novecento: atti del Congresso Internazionale (Salerno, 6–7 aprile 2006) / A cura di M. D'Agostino, A. De Benedetto, C. Perugini. Catanzaro, 2008. P. 267–282.

34. *Aloe S.* «Una especie de lameculos metafísico»: Достоевский и русский роман как литературный миф в творчестве Хулио Кортасара и Эрнесто Сабато // *F.M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues* / Ed. by K. Kroó, T. Szabó. Budapest, 2009. С. 15–26.

35. *Алоэ С.* Виткевич и Достоевский: вариации на тему телесности в романе «Ненасытность» // *Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich*. Wrocław, 2011. N 9: Ciało. С. 261–269.

36. *Aloe S.* The Motif of the Body and Love-Death: Dostoevsky as Inter-text in Witkiewicz's Novel *Insatiability* // *The Dostoevsky Journal: an Independent Review*. Vol. 12–13 (2011–2012). Idyllwild (CA), 2012. P. 37–46.

Философия и религия

Монографии

1. *Gasparini E.* Il principe Myskin: una ricerca sul cristianesimo di Dostojevskij. Padova, 1937.

2. *Schultze B.* Pensatori russi di fronte a Cristo. Firenze, 1947.

3. *Cantoni R.* Crisi dell'uomo. Il pensiero di Dostoevskij. Milano, 1948 (2-е изд.: Milano, 1975).

4. *Paci E.* L'opera di Dostoevskij. Torino, 1956.

5. *Zoppo F.* Dostojevskij, il Dio russo e il Cristo russo. Taranto, 1959.

6. *Pareyson L.* Il pensiero etico di Dostoevskij. Torino, 1967.

7. *Bartolone F.* Valenze esistenziali del cristianesimo. Messina, 1968.

8. *Castelli F.* Sei profeti per il nostro tempo: volti dell'umanesimo contemporaneo. Napoli, 1972.

9. *Ivanov A.* Dostoevskij da Leont'ev a Bernard Levy. Udine, 1980.

10. *Fáj A.* I Karamazov fra Poe e Vico. Genere poliziesco e concezione ciclica della storia nell'ultimo Dostoevskij. Napoli, 1984.

11. *Givone S.* Dostoevskij e la filosofia. Roma; Bari, 1984 (2-е испр. изд.: 2006).

12. *Cristaldi G.* Problematica dell'ateismo nei *Demoni* di Dostoevskij. Milano, 1985.

13. *Déchet F.* «Compagni di strada»: saggi su Dostoevskij e Šestov. Roma; L'Aquila, 1988.

14. *Carrara A.* L'epopea cristiana del popolo russo: temi di teologia nei *Fratelli Karamazov*. Milano, 1990.

15. *Cristaldi G.* Dostoevskij o la scommessa della fede. Milano, 1990.

16. *Zucal S.* Romano Guardini e la metamorfosi del religioso tra moderno e post-moderno: un approccio ermeneutico a Hölderlin, Dostoevskij e Nietzsche. Urbino, 1990.

17. Un artista del pensiero. Saggi su Dostoevskij / A cura di G. Gigante. Napoli, 1992.

18. *Pareyson L.* Dostoevskij: filosofia, romanzo ed esperienza religiosa. Torino, 1993.

19. *Savatteri E.* Pareyson interprete di Dostoevskij. Milano, 1993.
20. *Barsotti D.* Dostoevskij: la passione per Cristo. Padova, 1996. (На русском яз.: *Барсотти Д.* Достоевский: Христос — страсть жизни. М., 1999.)
21. *Pacini G.* Deboluccio in filosofia: saggio sul pensiero di Fedor Michajlovič Dostoevskij. Milano, 1997.
22. *Chiantese M.* Dostoevskij: filosofia e religione (il silenzio e la parola, l'illusione del tempo e il tempo dell'illusione). Firenze, 1999.
23. *Ferrero B.* Estetica della fine: la rappresentazione artistica della fine dei tempi nelle opere di Dostoevskij. Massarosa (Lucca), 1999.
24. *Ciuffreda P.* Il Cristo di Dostoevskij. Bari, 2000.
25. *Di Napoli R.* Il problema del male nella filosofia di Luigi Pareyson. Roma, 2000.
26. *Forlenza F.* Dostoevskij profeta del Novecento. Udine, 2000.
27. *Salvestroni S.* Dostoevskij e la Bibbia. Magnano, 2000. (На русском яз.: *Сальвестрони С.* Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского. СПб., 2001.)
28. Nietzsche e Dostoevskij. Origini del nichilismo / A cura di C. Ciancio, F. Vercellone. Torino, 2001.
29. *Pacini G.* Nietzsche lettore dei grandi russi. Roma, 2001.
30. *Пачини Дж.* О философии Достоевского. М., 2002.
31. *Paganelli P.* Una fede che diviene cultura: alla scuola di Romano Guardini. Siena, 2005.
32. *Vitiello V.* Cristianesimo e nichilismo: Dostoevskij–Heidegger. Brescia, 2005.
33. *De Monticelli R.* Esercizi di pensiero per apprendisti filosofi. Torino, 2006.
34. *Scarlato A.* L'immagine di Cristo, le parole del romanzo: Dostoevskij e la filosofia russa. Milano, 2006.
35. *Todino A. M.* Dostoevskij scrittore e pensatore. Vicenza, 2007.
36. *Castangia L.* Il mondo religioso di Dostoevskij: Romano Guardini interprete dello scrittore russo. Tesi di dottorato, Università di Cagliari. Cagliari, 2009–2010.
37. *Volpe F.* Dostoevskij in Italia. Recenti interpretazioni. Milano, 2011.
38. *Finotti S.* L'etica sacramentale nell'opera di Dostoevskij. Perugia, 2012.
39. *Forti S.* I nuovi demoni. Ripensare oggi male e potere. Milano, 2012.

Статья

1. *Costantini L.* Tra fede e libertà (F. Dostoevskij e N. Berdjaev) // Ricerche slavistiche. 1960. Vol. VIII. P. 264–273.
2. *Pareyson L.* L'esperienza della libertà in Dostoevskij // Filosofia. Gennaio, 1978. P. 1–16.

3. *Di Fede N.* A proposito dell'esigenza di una lettura in chiave religiosa dell'opera di Gogol' e di Dostoevskij // *Humanitas*. 1980. N 1. P. 68–90; N 2. P. 210–225.

4. *Masat Lucchetta P.* La presenza di pensatori russi in Wittgenstein // *Sapienza*. 1980. N 1. P. 56–88.

5. *Pareyson L.* L'ambiguità dell'uomo in Dostoevskij // *Giornale di metafisica*. 1980. Vol. 2. N 1. P. 69–94.

6. *Pattumelli D.* La dialettica della libertà nella «leggenda del Grande Inquisitore» // *Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia Università di Perugia*. 1980/1981. P. 139–163.

7. *Bo C.* Il Cristo di Dostoevskij // *Dostoevskij nella coscienza d'oggi*. Firenze, 1981. P. 145–152.

8. *Castelli F.* Il Cristo di Dostoevskij // *La civiltà cattolica*. 1981. N 132. P. 248–262.

9. *Dell'Asta A.* Una parola all'estremità del silenzio: Il Cristo teologico di Dostoevskij // *Communio*. 1981. N 55: Strumento internazionale per un lavoro teologico. P. 71–90.

10. *Gasparini E.* Il cosiddetto Cristianesimo di Dostoevskij // *Dostoevskij nella coscienza d'oggi*. Firenze, 1981. P. 132–143.

11. *Graciotti S.* Dostoevskij e l'elogio della idiozia // *Prospettive Settanta*. 1981. N 4. P. 451–462.

12. *Pacini A.* Dostoevskij e il Vangelo // *Palestra del clero*. 1981. Anno 60. N 3. P. 156–164.

13. *Pareyson L.* Le dimensioni della libertà in Dostoevskij // *Dostoevskij nella coscienza d'oggi*. Firenze, 1981. P. 107–121.

14. *Passeri Pignoni V.* Dostoevskij nostro contemporaneo // *Città di vita*. 1981. N 4. P. 301–324.

15. *Sibaldi I.* Fedor Dostoevskij. La profezia dei dubbi. L'io eretico e la gioia // *Uomini e libri*. 1981. N 83. P. 14–20.

16. *Sommavilla G.* Dostoevskij cristologo e demonologo // *Lecture*. 1981. N 380. P. 645–662.

17. *Vaghin E.* Sull'«utopia» dostoevskiana // *Annali. Facoltà di Lingue e Letterature Straniere di Cà Foscari*. 1981. Anno 20. N 1. P. 165–176.

18. *Asnaghi A.* Lettera di F. M. Dostoevskij // *Russia Cristiana*. 1982. N 5. P. 15–31.

19. *Dioletta Siclari A. M.* L'eredità slavofila di F. Dostoevskij // *Filosofia e sapienza nell'area della fede*. Milano, 1982. P. 177–190.

20. *Lo Bue S.* Libertà e differenze // *La metafisica e le sue forme dialettiche*. 1982. N 4. P. 541–552.

21. *Pareyson L.* La sofferenza inutile in Dostoevskij // *Giornale di metafisica*. 1982. Vol. 4. N 1. P. 123–170.

22. *Trentin G.* Attualità di Dostoevskij per la teologia morale // *Rivista di teologia morale*. 1982. N 54. P. 253–268.

23. *Angelino C.* Cristianesimo e nichilismo in Dostoevskij // *Religione e filosofia. Temi e problemi di filosofia della religione*. Genova, 1983. P. 83–116.

24. *Dioletta Siclari A. M.* Il problema della morale nella riflessione di Dostoevskij // *Russia Cristiana*. 1983. N 3. P. 12–32.
25. *Givone S.* Comicità del delitto. Tragicità dell'espiazione in Dostoevskij // *Il Centauro*. 1983. N 7. P. 86–107.
26. *Sini C.* L'interpretazione di Dostoevskij nel pensiero di Remo Cantoni // *Problemi attuali di critica dostoevskiana / A cura di E. Bazzarelli*. Milano, 1983. P. 15–30.
27. *Vaghin E.* Dostoevskij uomo e credente // *Silarus*. 1983. N 107/108. P. 23–34; N 109. P. 1–8.
28. *Gallas A.* L'uomo nell'uomo. Dostoevskij e le profondità dell'anima russa // *Servitium*. 1984. N 34. P. 107–119.
29. *Peretti M.* Il significato del padre in Dostoevskij // *La famiglia*. 1984. N 105. P. 64–69.
30. *Dioletta Siclari A.* Il mistero del bene nella riflessione di Dostoevskij // *Dostoevskij e il mistero dell'uomo*. Assisi, 1985. P. 48–83.
31. *Givone S.* Dostoevskij: nichilismo e pensiero tragico // *Dostoevskij e il mistero dell'uomo*. Assisi, 1985. P. 102–112.
32. *Kauchschischwili N.* Dostoevskij e la tradizione filosofica russa // *Dostoevskij e la sua opera: convegno italo-sovietico. Atti Convegni Lincei*. Roma, 1985. Vol. 69. P. 49–68.
33. *Sommavilla G.* Il problema religioso in Dostoevskij // *Dostoevskij: il mistero dell'uomo*. Assisi, 1985. P. 84–101.
34. *Vaghin E.* Dostoevskij e la cultura russa del XIX secolo // *Dostoevskij e il mistero dell'uomo*. Assisi, 1985. P. 9–27.
35. *Givone S.* «Perché sei tornato»? Dostoevskij e la Leggenda del Grande Inquisitore // *Conversione e storia*. Palermo, 1987. P. 61–65.
36. *Maver Lo Gatto A.* Guardini e Dostoevskij // *Humanitas*. 1987. Vol. 42. N 2. P. 218–237.
37. *Pareyson L.* Pointless suffering in «The Brothers Karamazov» // *Cross Current*. 1987. Vol. 37. Summer–Fall. P. 271–286.
38. *Pizzorni R.* In che senso si può dire che «se Dio non esiste tutto è permesso» (Dostoevskij, «I fratelli Karamazov», libro V) // *Angelicum*. 1987. N 2. P. 47–82.
39. *Schiaffino G.* I saggi critici di V. Ivanov su Dostoevskij // *Acme: annuali della Facoltà di lettere e filosofia dell'Università degli studi di Milano*. 1987. Vol. 40. N 2. P. 143–164.
40. *Dell'Asta A.* Dostoevskij e l'iconicità // *Rolland J.* Dostoevskij e la questione dell'altro. Milano, 1990. P. 7–20.
41. *Пачини Г.* Духовное завещание Достоевского // *Известия АН СССР. Серия: Лит. и яз.* 1990. Т. 49. №4. С. 328–340.
42. *Dell'Asta A.* La tragedia della morale e della libertà in Dostoevskij // *Il dramma della libertà. Saggi su Dostoevskij*. Milano, 1991. P. 5–14.
43. *Graciotti S.* Dostoevskij e l'elogio dell'idiozia // *Dostoevskij e la crisi dell'uomo / A cura di S. Graciotti, V. Strada*. Firenze, 1991. P. 421–440.

44. Pareyson L. Dmitrij confuta Ivan // Annuario filosofico. 1991. P. 11–30.
45. Dell'Asta A. Słowo graniczące z milczeniem. Chrystus w teologii Dostojewskiego // Communio. 1992. N 5. P. 105–121.
46. Perché non si crede? La risposta di Dostoevskij // Paideia. 1993. Vol. 48. N 1–3. P. 209–216.
47. Mastroianni G. Solov'ëv e Dostoevskij // Slavia. 1993. N 4. P. 3–5.
48. Cometa M. Mitologie intorno all'ateismo: Lukács e Dostoevskij // Cultura tedesca = Deutsche Kultur. 1994. N 1. P. 107–133.
49. De Michelis C. G. Dostoevskij e Pareyson // Protestantesimo. 1995. N 50. C. 141–143.
50. Graciotti S. A proposito di letteratura e religione in Dostoevskij // Testo. 1996. Vol. 32. N 2/II: Letteratura e religione in Europa. P. 163–184.
51. Baroncini F. La libertà in Dostoevskij // Il nuovo aeropago. 1997. Vol. XVI. Fasc. 1. P. 64–80.
52. Dell'Asta A. La terribile bellezza di Dostoevskij // Dostoevskij. Milano, 1997. P. 19–30.
53. Marinelli G. La lontananza di Dio: Messianismo e modernità in Dostoevskij: La ricerca di Dio // Studium. 1997. Vol. 93. N 1. P. 59–72.
54. Cascavilla M. Pena, cristianesimo, società: un confronto tra Tolstoj e Dostoevskij // Hermeneutica. 1998. N 1. P. 165–198.
55. Castelli F. Sono con Dostoevskij: o Dio o gli idoli // Letture. 1998. N 545. P. 6–9 (см. также: <http://www.stpauls.it/letture00/>).
56. Dell'Asta A. La sostanziale unità dell'insieme. Note intorno ai Fratelli Karamazov // Dostoevskij F. I fratelli Karamazov. Milano, 1998. P. V–XIX.
57. Scalera McClintock G. Libertà filosofica e libera morte. Da Dostoevskij a Socrate // Filosofia e teologia. 1998. Anno XII. N 1: Aporie della libertà. P. 93–105.
58. Гини Дж. Русская «фигура» (К постановке вопроса) // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1998. Т. 2. С. 54–60.
59. La Porta L. Gyorgy Lukács e Dostoevskij: l'etica della scelta e la responsabilità dell'attuazione // Il Cannocchiale. 1999. N 2. P. 83–102.
60. Magris C. Marginalien zu einer Zeitenwende // Sinn und Form. 1999. Jahrgang 51. Heft 1. P. 51–61. [О двойнике у Ницше и Достоевского.]
61. Vicari L. Dostoevskij nei «Tre discorsi» di Vladimir Solov'ëv // Città di vita. 1999. N 2. P. 131–142.
62. Делл'Аста А. Красота и спасение в мире Достоевского // Христианство и русская литература. СПб., 1999. №3. С. 250–262.
63. Salvestroni S. Dostoevskij e le svolte teologiche del '900 // Protestantesimo. 2000. N 55. P. 168–204.
64. Editoriale. Dostoevskij e il senso del Natale // La Civiltà cattolica. Anno 152. Vol. IV. Quaderno 3636. 2001. N 668. P. 531–537.

65. *Mendosa M.A.* L'idea laica di «sacro» in Tolstoj e in Dostoevskij // LIST. 2001. N 8/9. P. 251–257.
66. *Podda R.* Il problema del male in Dostoevskij: l'interpretazione di Luigi Pareyson // Università degli Studi. 2001. N 8. P. 65–92.
67. *Riconda G.* Dostoevskij e il nichilismo nella interpretazione di Luigi Pareyson // Nietzsche e Dostoevskij. Origini del nichilismo / A cura di C. Ciancio, F. Vercellone. Torino, 2001. P. 27–44.
68. *Vitiello V.* Dall'apocalisse di Kirillov al silenzio del prigioniero. L'etica moderna e il nichilismo // Nietzsche e Dostoevskij. Origini del nichilismo / A cura di C. Ciancio, F. Vercellone. Torino, 2001. P. 59–74.
69. *Vicari L.* Dostoevskij secondo Remo Cantoni // Citta di Vita. 2001. N 4. P. 67–74.
70. *Givone S.* Il doppio abisso di Dostoevskij // Micromega. 2002. N 5. P. 7–15.
71. *Mastroianni G.* Dostoevskij e Solov'ev: dibattito sul prezzo del biglietto // Belfagor. 2002. Vol. 57. N 340 (2002/4). P. 389–420.
72. *Salvestroni S.* Isacco il siro e l'opera di Dostoevskij // Studia monastica. 2002. N 44. Fasc. 1. P. 45–56.
73. *Bazzarelli E.* Remo Cantoni interprete di Dostoevskij // Materiali di estetica. 2003. Vol. 9: Dostoevskij e la Scuola di Milano. P. 45–54.
74. *Cantoni R.* Problematicismo // Materiali di estetica. 2003. Vol. 9: Dostoevskij e la Scuola di Milano. P. 15–34.
75. *Martini M.* Remo Cantoni: Crisi dell'uomo // Materiali di estetica. 2003. Vol. 9: Dostoevskij e la Scuola di Milano. P. 35–44.
76. *Salvestroni S.* Fedor Dostoevskij, Silvano dell'Athos, Simeone il nuovo teologo e la volontaria discesa agli inferi // Studia monastica. 2003. N 45. Fasc. 1. P. 61–71.
77. *Oppo A.* Dostoevskij: La Bellezza, il Male, la Libertà // XÁOS. Giornale di confine. 2003. Anno II. N 1, 2, 3; http://www.giornalediconfine.net/anno_2/n_1/20.htm
78. *Scaramuzza G.* Letture di Dostoevskij nella Scuola di // Materiali di estetica. 2003. Vol. 9: Dostoevskij e la Scuola di Milano. P. 53–87.
79. *Kazaru P.* Некоторые мотивы раскола в творчестве Достоевского // Русский язык за рубежом. 2003. №2. С. 91–94.
80. *Капишину С.М.* Вера и разум у Достоевского: наследие надежды между традицией и современностью // Достоевский и мировая культура. СПб., 2003. №19. С. 122–134.
81. *Bianchi G.* Dostoevskij cristiano // Nuova antologia. 2004. Anno 139. Vol. 593. Fasc. 2232. P. 164–171.
82. *Carpi G.* L'icona nella letteratura russa del XIX secolo: F.M. Dostoevskij // Religione e società. 2004. N 50. P. 93–107.
83. *Perillo F.S.* Postfazione // Ciuffreda P. Il Cristo di Dostoevskij. Foggia, 2004. P. 169–179.
84. *Rondano F.* Sinistri baleni e bagliori salvifici: Dostoevskij alla luce dell'antropologia tomista // Divinitas. 2004. Vol. 47. N 2. P. 156–173.

85. *Ivaldo M.* Introduzione: Lauth Lettore di Dostoevskij // Lauth R. Dostoevskij e la Verità. Rapallo, 2005. P. 1–15.

86. *Капитули С.М.* Дунс Скот, Достоевский, Бердяев: о новом понимании соотношения смерти, греха и преображения в христианской традиции // Святой Франциск и Россия. СПб., 2006. P. 120–127.

87. *Dell'Asta A.* La resurrezione: chiave della letteratura, delle arti e della cultura russa. L'esempio di Dostoevskij // Il corpo glorioso. Il riscatto dell'uomo nelle teologie e nelle rappresentazioni della resurrezione / A cura di C. Bernardi, C. Bino, M. Gragnolati. Pisa, 2006. P. 61–70.

88. *Scaramuzza G.* Da Cantoni a Dostoevskij (via Banfi) // Remo Cantoni / A cura di M. Cappuccio e A. Sardi. Milano, 2007. P. 167–178.

89. *Valle R.* Il concetto politico di Apocalisse: Voegelin e Dostoevskij // PoliticaMente: Atti del convegno di studi su Eric Voegelin, Roma-Alatri, 19–21 ottobre 2007. Milano, 2011; http://www.politicamente.net/Politicamente.net/Atti_ConvegnoVoegelin.htm

90. *Vitiello V.* Christianity and Nihilism // Contemporary Italian Philosophy: crossing the borders of Ethics, Politics and Religion / Ed. by S. Benso, B. Schroeder. New York, 2007. P. 47–68.

91. *Капитули С.М.* Достоевский, Италия и католицизм: три возможные перспективы // Достоевский и мировая культура. СПб., 2007. № 23. С. 175–194.

92. *Капну Г.* Икона в русской литературе XIX века: Ф.М. Достоевский // Икона и образ, иконичность и словесность: Сб. статей. М., 2007. С. 222–248.

93. *Cappitti M.* «Dostoevskij e la filosofia» di Sergio Givone // L'ospite ingrato. 2008. N 1. P. 127–137.

94. *Volpe F.* Dostoevskij: un pensatore sempre attuale // OROS Filosofia e critica delle idee [Collana NOSTOS, Collegio Siciliano di Filosofia]. Siracusa, 2008. P. 85–99.

95. *Riconda G., Ravera M.* Introduzione. Elementi per una discussione // Il peccato originale nel pensiero moderno / A cura di G. Riconda, M. Ravera, C. Ciancio, G. L. Cuzzo. Brescia, 2009. P. 116–121.

96. *Colombo G.* Il peso della libertà // Dostoevskij F. Il Grande Inquisitore. Milano, 2010.

97. *Capilupi S.M.* Il Peccato Originale nella tradizione cristiana e nella letteratura russa // Between. 2011. Vol. I. N 2; <http://www.between-journal.it/>

98. *De Rose R.* Le «duccità» in Dostoevskij // Rivista Rosminiana di filosofia e di cultura. 2012. Vol. 106. N 1. P. 93–115.

Исторические и политические аспекты творчества Достоевского

Монографии

1. *Gasparini E.* Il dramma dell'*intelligencija*: Morfologia della cultura russa. Padova, 1940.
2. *Giusti W.* Dostoevskij e il mondo russo dell'800. Napoli, 1952.
3. *Lo Gatto E.* Il mito di Pietroburgo. Milano, 1960.
4. *Giusti W.* I compagni di Dostoevskij rivoluzionario. Roma, 1976.
5. *Strada V.* URSS–Russia. Milano, 1985.
6. *Valle R.* Dostoevskij politico e i suoi interpreti: l'esodo dall'Occidente, prefazione di V. Strada. Roma, 1990.
7. *Marinelli G.* La Russia e il destino dell'Occidente: Dostoevskij, Solov'ev, Rozanov, Šestov. Roma, 1994.
8. *Sibaldi I.* I grandi peccatori. Milano, 1997.
9. *Carpi G.* «Umanità universale». Le radici ideologiche di Dostoevskij. Pisa, 2001.
10. *Vassena R.* Reawakening National Identity. Dostoevskii's *Diary of a Writer* and Its Impact on Russian Society. Bern, 2007.
11. *Berardini S.F.* Nichilismo e rivolta: variazioni filosofiche su letture dostoevskiane. Padova, 2008.
12. *Carpi G.* Verso Raskol'nikov. Dostoevskij fra letteratura e politica 1856–1865. Pisa, 2008.
13. *Strada V.* Etica del terrore: Da Fëdor Dostoevskij a Thomas Mann. Roma, 2008.

Статьи

1. *Giusti W.* Annotazioni a Dostoevskij // Annali dell'Università di Trieste. 1967. Anno XXXVII. P. 131–196.
2. *Strada V.* Il problema di *Delitto e castigo* / Tradizione e rivoluzione nella letteratura russa. Torino, 1969. P. 37–83.
3. *Platone R.* Dostoevskij et la littérature populaire dans les «Cahiers» de Gramsci // Revue de littérature comparée. 1981. Vol. 150. N 3–4. P. 392–400.
4. *Strada V.* Dostoevskij e la crisi dell'uomo // Intersezioni. 1981. Vol. I. N 3. P. 719–723.
5. *Tanarda J.* Dostojewsky uno sconosciuto // L'idea liberale. 1981. N 134/135. P. 44–50.
6. *Brera P.* Il denaro e Dostoevskij // Critica Sociale. 1982. Vol. 91. N 7. P. 38–40.
7. *Magris C.* [пер.:] *Ingold F.P.* Dostoevskij und das Judentum. Frankfurt a/M., 1981 // Intersezioni. 1982. Vol. II. N 2. P. 459–463 (см. также: *Magris C.* Dostojewskij und das Judentum. Zum Buch von Felix Philipp Ingold // Neue Züricher Zeitung. 1982. 22 Maj. N 115. P. 47).
8. *Vaghin E.* Socialismo e cristianesimo sociale in Dostoevskij // Silurus. 1982. N 100. P. 25–28.

9. *Valle R.* La crisi dei valori: Note su Dostoevskij, Mannheim, Lukács // *Storia e politica*. 1982. Anno 21. Fasc. 2. P. 195–237.

10. *Spendel G.* Note sulla tipologia dell'ebreo in Dostoevskij // *Problemi attuali di critica dostoevskiana / A cura di E. Bazzarelli*. Milano, 1983. P. 101–116.

11. *Спрада В.* Сверхчеловек и революционер в свете романов Достоевского и двух его читателей // *Semiosis: Semiotics and the History of Culture: In Honorem Georgii Lotman / Ed. by M. Halle, L. Matejka, K. Pomorska, B. Uspenski*. Ann Arbor, 1984. P. 208–220.

12. *Strada V.* Immagini di Dostoevskij / Le veglie della ragione. Miti e figure della letteratura russa da Dostoevskij a Pasternak. Torino, 1986. P. 15–77.

13. *Valle R.* Storia e utopia: Cioran interprete di Dostoevskij // *Nuovi studi politici*. 1986. Anno 16. N 3. P. 53–68.

14. *Schiaffino G.* L'«idea russa» nel «Diario di uno scrittore» di F. M. Dostoevskij e alcune sue relazioni con «Russia e Europa» di N. J. Danilevskij // *Acme: annali della Facoltà di lettere e filosofia dell'Università degli studi di Milano*. 1988. Vol. 41. N 2. P. 129–142.

15. *Strada V.* Il superuomo e il rivoluzionario nella prospettiva di Dostoevskij: «Bobok» // *Dostoevskij e la crisi dell'uomo / A cura di S. Gracioti, V. Strada*. Firenze, 1991. P. 163–177.

16. *Спрада В.* Достоевский — наш современник // *Русская мысль = La pensée russe*. 1997. N 11. Вып. 4157.

17. *Franchi A.* La crisi dell'uomo contemporaneo: Osservazioni sulla figura dell'esteta tra Ottocento e Novecento // *Sapienza*. 1999. N 3. P. 281–315. [О Достоевском: p. 293–299.]

18. *Параккини Л.* Достоевский и русское общество во время судебной реформы во второй половине XIX века // *Достоевский и современность: Материалы XVIII Международных Старорусских чтений 2003 года*. Великий Новгород, 2004. С. 138–149.

19. *Спрада В.* Толстой, Достоевский и западно-восточная революция // *Толстой или Достоевский? Философско-эстетические искания в культурах Востока и Запада: Материалы Международной конференции 3–6 сентября 2001 года / Под ред. В.Е. Багно и др.* СПб., 2003. С. 9–18.

20. *Карпи Г.* Почвенничество и федерализм (А. П. Щапов и журнал «Время») // *Вопросы литературы*. 2004. №4. С. 158–176.

21. *Carpi G.* «Умственная оргия». Ф. М. Достоевский и А. М. Унковский // *Вопросы литературы*. 2005. №5. С. 202–221.

22. *Capilupi S. M.* Le idee di F. M. Dostoevskij sulla penetrazione russa in Asia e il loro contesto contemporaneo // *Integrazione, assimilazione, esclusione e reazione etnica*. Vol. III / A cura di G. Giraud e A. Pavan. Napoli, 2008. P. 64–90.

23. *Vassena R.* Dostoevsky's reading performances // *F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues / Ed. by K. Kroó, T. Szabó*. Budapest, 2009. P. 522–528.

О публицистике, переписке и «Дневнике писателя»

1. *Lo Gatto E.* Dostoevskij giornalista e il Diario di uno scrittore // Dostoevskij F. Diario di uno scrittore, 1873. Torino, 1943. P. IX–XXXV.
2. *Pacini Savoj L.* Lettere del Dostoevskij // Schede russe con una intrusione. Napoli, 1959.
3. *Scorsese A.* La parola e l'azione: la pubblicistica di Dostoevskij dal 1845 al 1878 // L'altra Europa. 1986. N 210. P. 151–154.
4. *Garzonio S.* Introduzione // Dostoevskij F.M. Note invernali su impressioni estive. Milano, 1993. P. V–XXV.
5. *Vassena P.* Еврейская тема в почте «Дневника писателя» // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. 2002. № 18. С. 83–92.
6. *Paolini S.* L'elemento autobiografico nel *Diario di uno scrittore* di F.M. Dostoevskij // Europa Orientalis. 2004. Anno XXIII. N 2. P. 173–197.
7. *Paolini S.* Dostoevskij e il byronismo: osservazioni dalla pubblicistica e dal *Diario di uno scrittore* // Nuovi Quaderni del C.R.I.E.R. 2004. Vol. 1. P. 155–176.
8. *Vassena P.* «Русская идея» Ф.М. Достоевского в сознании «рассуждающих» и «нерассуждающих» читателей (из истории восприятия *Дневника писателя* за 1876–1877 гг.) // Достоевский и мировая культура. М., 2004. № 20. С. 193–211.
9. *Vassena R.* Le letture pubbliche nella Pietroburgo del XIX secolo. Le origini, le polemiche, i protagonisti // Europa Orientalis. 2005. Anno XXIV. P. 7–33.
10. *Vassena R.* La retorica della persuasione e il modello di Puškin nel *Dnevnik pisatelja* di Dostoevskij e nei *Vybrannye mesta iz perepiski s druž'jami* di Gogol' // eSamizdat. 2005. N 2–3. P. 229–245.
11. *Vassena R.* La questione ebraica nel sistema di genere del *Diario di uno scrittore* di F.M. Dostoevskij e nella corrispondenza con i lettori // Acme: Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università degli studi di Milano. 2005. Anno 58. N 1. P. 241–267.
12. *Vassena P.* «Вы не можете не сочувствовать нам, бедным студентам...»: Письма студентов к Достоевскому // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2005. Т. 17. С. 325–345.
13. *Параккини Л.* Вопрос о телесных наказаниях в публицистике журнала «Время» и творчестве Достоевского // Достоевский и современность: Материалы XIX Международных Старорусских чтений 2004 года. Великий Новгород, 2005. С. 171–187.
14. *Paolini S.* I quaderni d'appunti del Diario di uno scrittore di F.M. Dostoevskij: un dialogo a distanza tra scrittura per frammenti e prosa strutturata // *Forme brevi, frammenti, intarsi* / A cura di S. Genetti. Verona, 2006. P. 135–152.

15. *Vassena R.* The Jewish question in the genre system of Dostoevskij's *Diary of a Writer* and the problem of the authorial image // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. N 1. P. 45–65.

16. *Vassena R.* Dostoevskij, Tolstoj e la battaglia per la «parola nuova» // *Studi Slavistici*. 2006. N 3. P. 143–167.

17. *De Lotto C.* Dostoevskij. Lettere dalla fortezza // «Le loro prigioni»: scritture dal carcere. Atti del Colloquio internazionale / A cura di A. M. Babbi, T. Zanon. Verona, 2007. P. 257–290.

18. *Paolini S.* Il tempo narrato nel *Diario di uno scrittore* di F. M. Dostoevskij, luogo di memoria e di giudizio // *Immagini di tempo: Studi di slavistica* / A cura di P. Tosco. Verona, 2010. P. 169–178.

Достоевский в театре и кино

1. *Pisarra P.* Dostoevskij: un romanziere in cineteca // *Rivista del cinematografo*. 1982. Anno 55. N 4. P. 143–146.

2. *Serbandini P.* Dostoevskij // *Rassegna Sovietica*. 1982. N 4. P. 164–203; N 5. P. 115–179. [О сюжете фильма о Достоевском.]

3. *Testa C.* From the Lives of Underground Men: Dostoevsky, Nanni Moretti's *Bianca*, and the Italian Revolution // *RLA: Romance Languages Annual*. 1996. N 8. P. 328–334.

4. *De Bernardinis F.* Ronconi-Dostoevskij istituzione, tradizione, modello // *Nuovi argomenti*. 1998. N 1–2. P. 407–414.

5. *Burini S.* Effetto rebound: Dostoevskij e Visconti // *Lotman Ju., Tsivian Yu.* Dialogo con lo Schermo. Bergamo, 2001. P. 323–332.

6. *D'Amico P.* Un compagno nell'ombra: schede dostoevskiane. Milano, 2006.

7. *Giurlando D.* Il problema della trasposizione cinematografica: tre versioni dell'Idiota // *eSamizdat*. 2007. N 3. P. 247–264.

8. *Marchetti M.* Camus e Dostoevskij: il romanzo sulla scena. Roma, 2007.

9. *Molinari R.* Viaggio nel teatro di Thierry Salmon: attraverso «I demoni» di Fedor Dostoevskij. Milano, 2008.

10. *Pullini G.* Le notti bianche: da Dostoevskij a Visconti // *Studi Novocenteschi*. 2008. N 75. P. 221–232.

11. *Cattini A.* L'uomo sconosciuto: letture dostoevskiane. Mantova, 2009.

12. *Persi U.* Fedor Dostoevskij alla televisione italiana (*I Fratelli Karamazov*) // *Dostoevskij e la tradizione* / A cura di M. Caratozzolo. Bari, 2010. P. 131–149.

13. Così bella così dolce: dalle pagine di Dostoevskij al film di *Bresson* / A cura di F. Bono, L. Cimmino, G. Pangaro. Catanzaro, 2012.

Творчество Достоевского с точки зрения разных наук (психоанализ, педагогика, социология, право...)

Монографии

1. *Guidolin E.* Motivi pedagogici nell'opera di Dostoevskij. Brescia, 1974.
2. *Mizzau M.* Eco e Narciso: parole e silenzi nel conflitto uomo-donna. Torino, 1979.
3. *D'Ajetti B.* Un approccio psicoanalitico a Dostoevskij. Napoli, 1981.
4. *Peretti M.* Il dramma dell'uomo e l'educazione: riflessioni pedagogiche sul pensiero di Dostoevskij. Brescia, 1984.
5. *Palin Crisanaz M.P.* La dimensione psicologica nell'opera di Dostoevskij. Trieste, 1986.
6. *Belloli P.G.* Diritto penale e criminologia in Dostoevskij. Milano, 1990.
7. *Garaventa R.* Il suicidio nell'età del nichilismo: Goethe, Leopardi, Dostoevskij. Milano, 1994.
8. *Carotenuto A.* I sotterranei dell'anima: tra i mostri della follia e gli dèi della creazione. Milano, 1997.
9. *Belloli P.G.* Fenomenologia della colpa: Freud, Heidegger, Dostoevskij / con un saggio di A. G. Conte. Milano, 2001.
10. *Tagliagambe S.* Il sogno di Dostoevskij. Come la mente emerge dal cervello. Milano, 2002.
11. *Zagrebel'sky G.* La leggenda del Grande Inquisitore. Brescia, 2003.
12. *Параккини Л.* Вопросы юриспруденции и творчество Достоевского. СПб., 2004.
13. *Zagrebel'sky G.* Il Grande Inquisitore: il segreto del potere. Napoli, 2009.
14. *Cassano F.* L'umiltà del male. Bari, 2011.
15. *Duminuco G.* Dostoevskij: sottosuolo e coscienza. Milano, 2011.
16. *Карпи Г.* Достоевский — экономист: очерки по социологии литературы. М., 2012.

Статьи

17. *Zappitello G.* Dostoevskij e il pensiero occidentale. Il problema antropologico // *Russia Cristiana*. 1981. N 1. P. 17–47.
18. *Mancini I.* Dostoevskij e la questione penale // *Rivista internazionale di filosofia del diritto*. 1982. N 2. P. 180–222.
19. *Lo Cascio A.* Il sé nemico // *Rivista di psicologia analitica*. 1984. N 30. P. 64–72. [О «Двойнике».]
20. *Zanini A.* L'amicizia come simbolo del corpo. Saggio su Leopardi, Dostoevskij, Nietzsche // *Fenomenologia e società*. 1985. N 8. P. 65–80.

21. *Mizzau M.* Silence à deux voix // *Langages*. 1987. Vol. 85. N 6. P. 41–53. [О женской психологии в рассказе «Кроткая».]
22. *Bucelli D., Fiorentino M.* Dostoëvskij e la vita interiore // *Giornale Storico di Psicologia Dinamica*. 1988. Vol. 12. N 23. P. 40–61.
23. *Schillirò C.* La pulsione creativa. Arte come terapia // *Giornale Storico di Psicologia Dinamica*. 1988. Vol. 12. N 23. P. 92–128. [Психопатологии у Достоевского, В. Вульф, Э. Дикинсон, П. Сезанна.]
24. *Carotenuto A.* Il caso Bousquet // *Giornale Storico di Psicologia Dinamica*. 1990. Vol. 15. N 28. P. 3–23. [По поводу «Записок из подполья».]
25. *Pasini G.* Il contrasto generazionale tra ‘padri e figli’ nella letteratura russa moderna // *Vita e pensiero*. 1990. N 5. P. 383–389. [Проблема «отцов и детей» у Достоевского и Тургенева.]
26. *Mancini I.* Dostoevskij e la questione penale // *Dostoevskij e la crisi dell’uomo / A cura di S. Graciotti, V. Strada*. Firenze, 1991. P. 262–306.
27. *Salvestroni S.* Semiotica del sogno: il testo onirico nel romanzo // *Strumenti critici*. 1992. N 3. P. 327–352. [Сны у Достоевского.]
28. *Mizzau M.* A Double-Voiced Silence // *The Lonely Mirror: Italian Perspectives on Feminist Theory*. London, 1993. P. 64–82. [Феминистский анализ «Кроткой».]
29. *Peloso P.F.* Problemi relazionali e sociali correlati all’alcoolismo. Rappresentazione e autopercezione di un bevitore problematico in *Delitto e Castigo* di F.M. Dostoevskij // *Atti della Accademia ligure di scienze e lettere*. 1996. N 52. P. 171–192.
30. *D’Ajetti B.* Genesi della dicotomia bene-male in Dostoevskij (Dostoevskij psicoterapeuta di se stesso) // *Magisterium*. 1997. N 1. P. 853–881.
31. *Carotenuto A.* L’ambiguità del silenzio nel discorso amoroso // *Giornale Storico di Psicologia Dinamica*. 1998. Fasc. 43. P. 5–15. [О «Кроткой».]
32. *Casadio G.* Dostoevskij e lo psicopatologo // *Giornale Storico di Psicologia Dinamica*. 1998. Fasc. 44. P. 45–78.
33. *Peloso P.F.* Dostoevskij e la psichiatria positivista del suo secolo: le tre direzioni dello sguardo di Mitja Karamazov // *Il reo e il folle*. 1999. N 9–10. P. 309–324.
34. *Zanardi C.* Tra amore e potere: la relazione tra i sessi // *Psicoterapia e scienze umane*. 1999. Anno 33. Fasc. 1. P. 63–83. [Достоевский и сексуальность власти.]
35. *Pagani M.P.* Il demoniaco spettacolo della «Urolona» // *Lares*. 2000. Vol. 66. N 4. P. 695–705. [О кликушестве в «Братьях Карамазовых» и в «Житии протопопа Аввакума».]
36. *Rolando R.* Sulla verità e la relazione: una lettura di Dostoevskij // *La società degli individui*. 2000. N 7. P. 75–91.
37. *D’Amico P.* Malattie e medici nelle opere di Dostoevskij // *Slavia*. 2002. N 4. P. 53–78.

38. *Peloso P.F.* Violenza dello sguardo e relazione di aiuto: il problema psichiatrico in F. Dostoëvskij // Tra follia e salute: L'arte come evento / A cura di M. Ercolani. Genova, 2002. P. 27–41.

39. *Zellini P.* La matematica del Grande Inquisitore // Adelphiana. 2002. 21 novembre. P. 1–22.

40. *Peloso P.F.* Io, il forestiero. L'individuo infranto in F.M. Dostoëvskij // Il reo e il folle. 2003. N 21–23. P. 75–90.

41. *Параккини Л.* Юридические проблемы в восприятии Ф. М. Достоевского // Филологические записки. 2004. №21. С. 45–51.

42. *Fornaro M.* La figura del giocatore in Dostoevskij: analisi storico-psicologica di un caso esemplare? // Centro Studi di Psicoterapia Clinica: Psicoterapia e scienze umane. 2004. Anno 38. Fasc. 2. P. 211–222.

ЧЭНЬ СИНЬЮЙ

**ДОСТОЕВСКИЙ В КИТАЕ
МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ. 1921–2012 гг.**

1921

1. *Юй Дафу*. Собрание рассказов: Падение. Шанхай, 1921.

1922

2. *Шэнь Яньбин*. Досытоэфусыцзи сысян (Идеи Достоевского) // Сяошо юэбао. 1922. №1. С. 13–14.

1923

3. *Чжэн Чжэньдо*. Гуаньюй эго вэньсюе чжуньяо шуцзи цзешао (О важных книгах по русской литературе) // Сяошо юэбао. 1923. №4, 8.

1928

4. *Мао Дунь*. Затмение. Пекин, 1928.

1930

5. *Кропоткин П.* Идеалы и действительность в русской литературе / Пер. Хань Шихэн. Шанхай, 1930.

1931

6. *Кропоткин П.* Идеалы и действительность в русской литературе / Пер. Ни Ли. Чунцин, 1931.
7. *Беринг М.* Русская литература / Пер. Лян Чжэнь. Шанхай, 1931.

1940

8. *Достоевский Ф.* Братья Карамазовы / Пер. Гэн Цзичжи. Шанхай, 1940.

1946

9. *Достоевский Ф.* Идиот / Пер. Гэн Цзичжи. Шанхай, 1946.

1947

10. *Достоевский Ф.* Братья Карамазовы / Пер. Гэн Цзичжи. Шанхай, 1947.

1950

11. *Достоевский Ф.* Братья Карамазовы / Пер. Гэн Цзичжи. Шанхай, 1950.

1953

12. *Достоевский Ф.* Братья Карамазовы / Пер. Гэн Цзичжи. Шанхай, 1953.

1964

13. *Достоевский Ф.* Записки из Мертвого дома / Пер. Гэн Цзичжи. Тайвань, 1964.

1968

14. *Достоевский Ф.* Записки из Мертвого дома / Пер. Гэн Цзичжи. Тайвань, 1968.

1977

15. *Достоевский Ф.* Записки из Мертвого дома / Пер. Гэн Цзичжи. Тайвань, 1977.

16. *Достоевский Ф.* Подросток / Пер. Гэн Цзичжи. Тайвань, 1977.

1980

17. *Достоевский Ф.* Униженные и оскорбленные / Пер. Нань Цзян. Пекин, 1980.

1981

18. *Достоевский Ф.* Братья Карамазовы / Пер. Гэн Цзичжи. Пекин, 1981.

19. *Лу Синь.* Собр. соч.: В 16 т. Пекин, 1981. Т. 6. С. 411–412.

20. *Лу Синь.* Собр. соч.: В 16 т. Пекин, 1981. Т. 3. С. 150; Т. 7. С. 103.

1982

21. *Ся Чжунъи.* «Записки из подполья» Достоевского и полифоническая структура романа // Мировая литература. 1982. №4.

1983

22. *Достоевский Ф.* Бесы / Пер. Нань Цзян. Пекин, 1983.

23. *Пэн Кэсюнь.* Романы Достоевского и бурный 20-й век // Чтение книг. 1983. №12.

1985

24. *Достоевский Ф.* Идиот / Пер. Гэн Цзичжи. Шанхай, 1985.

25. *Ли Чуньлин.* Лу Синь и Достоевский. Хэфэй, 1985.

1986

26. *Достоевский Ф.* Подросток / Пер. Гэн Цзичжи. Тайвань, 1986.
27. *Достоевский Ф.* Записки из Мертвого дома / Пер. Гэн Цзичжи. Тайвань, 1986.
28. *Достоевский Ф.* Преступление и наказание / Пер. Гэн Цзичжи. Тайвань, 1986.
29. *Достоевский Ф.* Идиот / Пер. Жун Жудэ. Шанхай, 1986.

1989

30. *Достоевский Ф.* Идиот / Пер. Нань Цзян. Пекин, 1989.

1991

31. *Ван Чжилян.* Русская литература и Китай. Шанхай, 1991.
32. *Достоевский Ф.* Идиот / Пер. Жун Жудэ. Шанхай, 1991.
33. *Достоевская А. Г.* Вечная любовь — воспоминания / Пер. Фань Цзиньсинь. Гуэйлинь, 1992.
34. *Достоевский Ф.* Преступление и наказание / Пер. Гэн Цзичжи. Тайвань, 1992.

1993

35. *Достоевский Ф.* Белые ночи / Пер. Жун Жудэ. Шанхай, 1993.

1994

36. *Достоевский Ф.* Идиот / Пер. Цзан Чжунлунь. Нанкин, 1994.
37. *Фридлендер Г.* Реализм Достоевского / Пер. Лу Жэньхао. Хэфэй, 1994.
38. *Чэнь Цзяньхуа.* Достоевский. Тайвань, 1994.

1995

39. *Достоевский Ф.* Преступление и наказание / Пер. Цзан Чжунлунь. Чанша, 1995.
40. *Достоевский Ф.* Униженные и оскорбленные / Пер. Цзан Чжунлунь. Нанкин, 1995.

1996

41. *Ли Чуньлинь, Цзан Эньюй.* О романе «Овраг» Лу Лина — влияние Лу Синя и Достоевского в «Овраге» // Хэбэйский вестник. 1996. № 1. С. 65.
42. *Достоевский Ф.* Идиот / Пер. Нань Цзян. Тайвань, 1996.

1997

43. *Хэ Юньбо.* Достоевский и дух русской культуры. Чанша, 1997.
44. *Lauth R.* Die philosophie Dostojewskis / Пер. Шэнь Чжэнь и др. Пекин, 1997.

45. *Достоевская А. Г.* 14 лет совместной жизни — воспоминания о Достоевском / Пер. Ни Лян. Шанхай, 1997.

46. *Фридлиндер Г.* Достоевский и мировая литература / Пер. Ши Юань. Шанхай, 1997.

47. *Чэнь Хуэйлин.* Достоевский. Тайвань, 1997.

1998

48. *Достоевский Ф.* Записки из Мертвого дома / Пер. Гэн Цзичжи. Тайвань, 1998.

49. *Достоевский Ф.* Идиот / Пер. Нань Цзян. Тайвань, 1998.

50. *Достоевский Ф.* Братья Карамазовы / Пер. Жун Жудэ. Шанхай, 1998.

1999

51. *Герман Г.* Бог Достоевского // Сборник статей европейских критиков. Пекин, 1999.

52. *Достоевский Ф.* Братья Карамазовы / Пер. Цзан Чжунлунь. Нанкин, 1999.

53. *Ху Жицзя.* Русская литература и Запад: Сравнительное исследование моделей русской и западной эстетики повествования. Шанхай, 1999.

54. *Хэ Хуайхун.* Мораль, Бог и человек: Вопросы изучения Достоевского. Пекин, 1999.

2000

55. *Достоевский Ф.* Братья Карамазовы / Пер. Жун Жудэ. Тайвань, 2000.

56. *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Ф. Достоевский / Пер. Ян Дю. Шэньян, 2000.

57. *Тянь Хань.* Элосы вэньсюе сычаочжи ипе (Взгляд на течения в русской литературе) // Тянь Хань. Полное собрание сочинений. Шицзячжуан, 2000. Т. 14. С. 72–74.

2001

58. *Достоевский Ф.* Братья Карамазовы / Пер. Цзан Чжунлунь. Нанкин, 2001.

59. *Достоевский Ф.* Бесы / Пер. Цзан Чжунлунь. Нанкин, 2001.

60. *Ван Юаньхуа.* Прочтение Достоевского // Цзивай цзювэньчао. (Сборник дополнений к «Собранию сочинений Ван Юаньхуа».) Шанхай, 2001. С. 102.

2002

61. *Тянь Хань.* От мира преступления и наказания к миру цирка // Тянь Хань. Собрание сочинений: В 20 т. Пекин, 2002. Т. 14. С. 540.

62. *Чжао Гуйлянь.* Бродячая душа. Достоевский и русская традиционная культура. Пекин, 2002.

63. *Достоевский Ф.* Братья Карамазовы / Пер. Цзан Чжунлунь. Нанкин, 2002.

2003

64. *Strauss N. P. Dostoevsky and the Woman Question* / Пер. Сун Цинвэнь. Чанчунь, 2003.

65. *Ван Чжигэн*. Поэтика Достоевского в контексте религиозной культуры. Пекин, 2003.

66. *Клар L. Annihilation of Inertia: Dostoevsky and Metaphysics* / Пер. Цзи Гуанмао. Чанчунь, 2003.

2004

67. *Anderson S. L. Dostoevsky* / Пер. Ма Иньмо. Пекин, 2004.

68. *Достоевский Ф.* Записки из подполья / Пер. Цзан Чжунлунь. Нанкин, 2004.

69. *Достоевский Ф.* Двойник / Пер. Цзан Чжунлунь. Нанкин, 2004.

70. *Се Тяньчжэнь*. Современная история перевода мировой литературы в Китае. Шанхай, 2004.

71. *Чэнь Цзяньхуа*. Связи между китайской и русской литературой XX века. Пекин, 2004.

2006

72. *Ли Цзинь*. О переводе русско-советской художественной литературы в 30–40-е годы в Китае. Пекин, 2006.

73. *Пэн Кэсюнь*. Исследование искусства романов Достоевского. Пекин, 2006.

2008

74. *Чжэн Чжэньдо*. Эго вэньсюе даган (сябу) (Программа по истории литературы, вторая часть). Гуэйлинь, 2008. С. 368.

2009

75. *Дин Шисинь*. Анализ причин неприятия Достоевского в современном Китае // Научный форум. 2009. № 1. С. 66.

2010

76. *Тянь Чуаньцзинь*. На грани речи и мысли — сравнительное изучение Достоевского. Шанхай, 2010.

2011

77. *Steiner G. Tolstoy or Dostoevsky* / Пер. Янь Чжунчжи. Ханчжоу, 2011.

78. *Jones M. Dostoevsky after Bakhtin* / Пер. Чжао Яли и др. Чанчунь, 2011.

2012

79. *Дин Шисинь*. Влияние Брандеса и Нобори Сёму на изучение Достоевского в современном Китае // Молодые литераторы. 2012. № 8. С. 22.

С. ДАУГОВИШ

ДОСТОЕВИСТИКА В ЛАТВИИ

Библиография: 1927–2011

Собрания сочинений Достоевского

1. Полное собрание художественных произведений. Рига, 1927–1928. Т. 1–12 (с портретом автора).
2. *Kopotī rakstī*. Rīga, 1936–1938. Sēj. 1–16.
3. *Kopotī rakstī*. Rīga, 1973–1978. Sēj. 1–10 (ilustrācijas; portrets).

Литература о жизни и творчестве Достоевского

I. Монографии

1931

1. *Freijs A.* Dostojevskā reliģiskā attīstība. Rīga, 1931. 34 lpp. [Извлечение из ежемесячника «Burtnieks». 1931. N 10–12.]

1933

2. *Mauriņa Z.* Dostojevskis: viņa personība, mūžs un pasaules uzskats. Rīga, 1933. 229 lpp.

1937

3. *Grossmans L.* Dostojevskis pie ruletes: Romāns. Tulk. Jānis Jēgers. Rīga, 1937. 207 lpp.

1952

4. *Celms T.* Tagadnes problēmas. 2. iesp. [Čikāga], 1952. 212 lpp.

1975

5. *Бергман И. Я.* Из истории восприятия творчества Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского латышской критикой 90-х годов XIX века: учебное пособие. Рига, 1975. 66 с.

1994

6. *Grods A.* Tā katoga: par Fjodora Dostojevskā sākumu. («Darovoje»). Tukums, 1994. 37 lpp. [В «Приложении» интервью И. Санта с А. Гродсом — автором эссе «Достоевский и отцеубийство». Введение к интервью составил И. Шуваев.]

II. Статьи

7. *Бородкина (Иванцова)¹ Е.* Мимические средства невербальной коммуникации в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // *Материалы 46-й научной конференции молодых ученых.* Даугавпилс, 2004. С. 72–76.

8. *Бородкина (Иванцова) Е.* Контакт глаз как знак невербальной коммуникации в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // «*Littera scripta...*»: Труды молодых филологов-славистов. №5. Рига, 2006. С. 24–28.

9. *Бородкина (Иванцова) Е.* Ситуация умолчания в поэтике романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // XX Международные Старорусские чтения «Достоевский и современность». Великий Новгород, 2006. С. 53–65.

10. *Бородкина (Иванцова) Е.* Поэтика телесного контакта в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Тезисы докладов XIII симпозиума Международного общества Достоевского. IDS University ELTE, Institute of Slavic and Baltic Philology, Будапешт, Венгрия. 3–8 июля. Будапешт, 2007. С. 56–57.

11. *Бородкина (Иванцова) Е.* Семантика объятий и поцелуев в романе «Преступление и наказание» // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом литературном контексте»: избранные доклады и тезисы. М.: Фонд Достоевского, 2008. С. 146–147.

12. *Бородкина (Иванцова) Е.* Специфика телесного языка в поэтике Ф.М. Достоевского // Филологические чтения: 2007. Поэтика жеста и невербальной коммуникации в русской и мировой литературе и культуре. Даугавпилс, 2009. С. 62–77.

13. *Бородкина (Иванцова) Е.* «Слезный текст» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Филологические чтения: 2007. Поэтика жеста и невербальной коммуникации в русской и мировой литературе и культуре. Даугавпилс, 2009. С. 78–86.

14. *Бородкина (Иванцова) Е.* Аркадий и Версильов: поэтика сближения (невербальный аспект общения в романе Ф.М. Достоевского «Подросток») // *In memorem: Иосиф Васильевич Трофимов.* Даугавпилс, 2009. С. 71–81.

15. *Бородкина (Иванцова) Е.* «Физиогномика» Иоганна Лафатера и мимический язык в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского // *Русская литература в европейском контексте. II. Сборник научных работ молодых филологов.* Варшава, 2009. С. 115–124.

16. *Бородкина (Иванцова) Е.* Духовное и телесное в художественном мире романа Ф.М. Достоевского «Идиот» // Ф.М. Достоевский в диалоге культур. Материалы международной конференции. Коломна, 2009. С. 123–125.

¹ Новая фамилия.

17. *Бородкина (Иванцова) Е.* Поэтика телесного контакта в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues. A Collection of Articles Based on the Papers Presented at the 13th Symposium of the International Dostoevsky Society. (Budapest, 2007). Budapest, 2009. P. 41–47.

18. *Бородкина (Иванцова) Е.* Гримаса в языке тела персонажей «Пятикнижия» Ф. М. Достоевского // Русская литература в европейском контексте. III. Сборник научных работ молодых филологов. Варшава, 2010. С. 75–83.

19. *Бородкина (Иванцова) Е.* Язык тела у Достоевского в аспекте философской антропологии // Тезисы XIV Международного симпозиума Достоевского: Философское мышление, взгляд писателя. Abstracts. Неаполь, 2010. С. 56–58.

20. *Дауговитш С.* Литературное произведение и его смысловая интерпретация. Методическая разработка. Рига, 1990. [Анализ литературных источников рассказа Достоевского «Скверный анекдот».]

21. *Дауговитш С. Н.* О возможном лубочном подтексте рассказа Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 12. С. 249–252.

22. *Дауговитш С. Н.* Белинский / Пралинский (К проблеме литературных реминисценций в рассказе Достоевского «Скверный анекдот») // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2000. Т. 15. С. 365–372.

23. *Дауговитш С. Н.* «Но только б мой букет был возле нее...» (Ф. М. Достоевский. «Маленький герой»: к описанию флористического кода) // Славянские чтения — 1. Даугавпилс–Резекне. Даугавпилсский педагогич. университет. 2000. С. 84–91.

24. *Дауговитш С.* «Лица итальянских мадонн» (К интерпретации рассказа Ф. М. Достоевского «Маленький герой») // Philologia. Рига, 2000. Вып. 3: Cum Italia. С. 14–23.

25. *Дауговитш С.* Преодоление индексальности в физиономической поэтике Достоевского // Studia Litteraria Polono-Slavica. 7: Portret — Akt — Martwa natura. Warszawa, 2002. P. 157–160.

26. *Дауговитш С.* О жанровом языке рассказа Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» // Philologia. Рига, 2002. Вып. 4: Миф. Фольклор. Литература. Быт. С. 157–160.

27. *Дауговитш С.* Превращение «маленького гения» в «маленького героя» (И. Панаев и Ф. Достоевский) // «Педагогія» Ф. М. Достоевского. Коломна, 2003. С. 62–65.

28. *Дауговитш С.* Прогулка Ивана Ильича (О топографической семантике рассказа Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот») // People and the Word. 2003. Vol. 2. N 5. P. 51–58.

29. *Дауговитш С. Н.* О жанровой природе «Скверного анекдота». (Заметки) // Pro memoria: Памяти академика Г. М. Фридлендера (1915–1995). СПб., 2003. С. 165–167.

30. *Дауговитш С. Н.* Кювье и Достоевский (к теме «слизняковой породы» в «Маленьком герое») // Филологические чтения: 2004. Даугавпилс, 2005. С. 115–128.

31. *Дауговитш С. Н.* «Соавторство» Кювье и Шекспира в «Детской сказке» Ф. Достоевского // *Opus*. N 1–2. Русский мемуар. Соавторство. Вильнюс, 2005. С. 171–180.

32. *Дауговитш С. Н.* Достоевский перед картиной Гольбейна (комментарий к теме) // Текст и комментарий. Круглый стол к 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 2006. С. 159–166.

33. *Дауговитш С.* О «жанровой памяти» Достоевского (перечитывая М. М. Бахтина) // *Latvijas Univ. Raksti*. 2006. Nr. 705. *Literatūrzinātne, Folkloristika, Māksla*. Lpp. 41–45.

34. *Дауговитш С.* Шекспир как «прототип» главного героя «Детской сказки» Достоевского // *РОЕТИСА~D*. N 1: Поэтика Достоевского. Статьи и заметки. Rīga, 2007. С. 30–35.

35. *Дауговитш С.* Ум слезняка (*Достоевский и Кювье*) // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 25. М., 2009. С. 433–442.

36. *Дауговитш С.* Даровое и Кенильворт // Ф. М. Достоевский в диалоге культур. Материалы международной научной конференции 25–29 авг. 2009 г. Коломна, 2009. С. 223–226.

37. *Дауговитш С.* Гендерная рекомбинаторика Ф. М. Достоевского: «Скверный анекдот» // Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII–XIX веков: Материалы конференции, апрель 2008 г. Тверь / Под ред. Р. Нохейль, Ф. Карл, Э. Шоре. М, 2010. С. 205–212.

38. *Дауговитш С.* Праздник/спор в «Детской сказке» Ф. М. Достоевского // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. Vol. 10–11 (2009[2010]–2010). P. 19–28.

38-а. То же: *Festkultur in der russischen Literatur (18. bis 21. Jahrhundert)* / Hrsg. A. Graf. München, [2010]. S. 95–102.

39. *Дауговитш С.* Флористический дискурс Достоевского (к описанию знаковых систем в тексте романа «Бедные люди») // Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов / Под ред. К. Кроо, Т. Сабо и Г. Ш. Хорвата. СПб, 2011. С. 183–195.

40. *Неминуций А.* «Мертвый дом» Ф. М. Достоевского // Пространство и время в литературе и искусстве: Дом в европейской картине мира. Daugavpils, 2002. С. 73–81.

41. *Неминуций А. Н.* «Воздух пропустить, свежего!» («Пятикнижие» Достоевского sub specie ольфакции) // Достоевский и современность. Материалы XX Международных Старорусских чтений 2005 года. Великий Новгород, 2006. С. 224–229.

42. *Неминуций А. Н.* Дыхание персонажа в поэтике Достоевского // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом литературном контексте»: избранные доклады и тезисы. М., 2008. С. 159–160.

43. *Неминуций А. Н.* М. Шемякин — интерпретатор Достоевского // Достоевский и мировая культура. №26. СПб., 2009. С. 173–180.

44. *Неминуций А. Н.* Параметры «странного» мира // Неминуций А. Н. В пространстве времени литературы: *до Чехова — Чехов — после Чехова*. Daugavpils, 2009. С. 74–88. [О знаковых системах различных видов искусства в текстах Достоевского.]

45. *Неминуций А. Н.* Pater Seraphicus и Старец Зосима // The Dostoevsky Journal: An Independent Review. Vol. 10–11 (2009[2010]–2010). P. 11–18.

46. *Nemiuščij A.* Семиозис звука и музыки в «Преступлении и наказании» // XIV International Dostoevsky Symposium: Philosophical Mind, Writer's Eye. Napoli 13–20 June. Abstracts. Napoli, 2010. С. 84–85.

47. *Неминуций А. Н.* «Аромапоэтика» в художественном мире прозы Достоевского // Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов / Под ред. К. Кроо, Т. Сабо и Г. Ш. Хорвата. СПб., 2011. С. 224–231.

48. *Сидяков Ю.* О иконе (образе) в творчестве Достоевского // *РОЕТИКА~D # 1*: Поэтика Достоевского. Статьи и заметки. Rīga, 2007. С. 107–116.

49. *Sidjakov J.* Крест в творчестве Ф. М. Достоевского // XIV International Dostoevsky Symposium: Philosophical Mind, Writer's Eye. Napoli 13–20 June. Abstracts. Napoli, 2010. С. 102–103.

50. *Сырица Г. С.* Поэтика портрета в романах Ф. М. Достоевского: монография. М., 2007. 405 с. [Автор — сотрудник Даугавпилсского университета.]

51. *Шром Н.* Бахтин vs. Бретон: Диалог с Достоевским в новейшей литературе // *Latvijas Univ. Raksti*. 2006. N 705. *Literatūrzinātne, Folkloristika, Māksla*. Lpp. 46–52.

III. Театр

1. Русский смех = Krievu smiekli = Russian laughter: спектакль по произведениям Ф. Достоевского: [программа] / Совместный проект трех русских театров Европы (Риги, Таллина и Вильнюса); автор проекта Э. Цеховал (Латвия). Рига, 2006. 18 с. [В основу спектакля положены рассказы Ф. М. Достоевского «Крокодил», «Бобок», «Чужая жена и муж под кроватью». Режиссер — Роман Козак (Москва).]

IV. Сочинения Достоевского в переводах на латышский язык

Первоначальное знакомство латышского читателя с текстами Достоевского носило фрагментарный характер, что обуславливалось как привычкой к «календарному» бытованию литературы, так и практикой издания «удобочитаемых и дешевых» книжек².

Тому же способствовало и сочувственно-избирательное отношение коренного грамотного населения Прибалтийского края к жанровому репертуару литераторов-немцев. Не случайно одним из ранних и обильно тиражируемых сочинений Достоевского стал именно «Мальчик у Христа на елке» (*Puisēns pie Kristus uz eglītes vakaru. Pēc Dostojevskā. Tulk. Teodors // Austrums. 1886. N 12. Lpp. 759–762*)³, в сюжете которого легко было узнать привычные «трогательные» клише святочного рассказа о детях-сиротах⁴.

Но самый первый (анонимный) перевод «из Достоевского» — «Сон смешного человека» — был сделан двумя годами раньше (*Smieklīga cilvēka sapnis // Tēvija. 1884. N 9–12*).

В последнее десятилетие XIX в. помимо литературных «пересказов-изложений», к разряду которых оказались причисленными такие «сентиментальные» тексты Достоевского, как «Белые ночи» (*Gaišas naktis. Pēc Dostojevskā. Atst. Pētersonu Augusts // Baltijas Vēstnesis. 1892. N 135–138*) и «Слабое сердце» (*Nestipra sirds. Pēc F. M. Dostojevskā. Atst. Andrejs // Austrums. 1896. N 6–9. Lpp. 442–694*), в переводах печатаются также: «Честный вор» (1890), «Мертвый дом» («по Достоевскому»; 1894, 1895, 1898); «Преступление и наказание» (1896), «Братья Карамазовы» (1898, 1899).

Некто «Ndr.» собирает «из сочинений Ф. М. Достоевского» и публикует в приложении к «Балтийскому Вестнику» «Зерна мыслей» писателя (*Baltijas Vēstneša. 1896. N 274*). А переводчик *Niedroņu Vija* помещает «картину» «русского писателя Ф. М. Достоевского» «Столетняя» на страницах «Голоса» (*Balss. 1897. N 47. Lpp. 558–565*).

Рядовой читатель также вполне утешен «назидательным» и вместе житейским «рассказиком» «русского писателя» «Елка и свадьба»

² Ср., например, рекомендации Н. А. Рубакина, сопровождающие его очерк «Крестьяне-самоучки» (М., 1898). Перу Достоевского здесь принадлежат лишь девять текстов: «Верующие бабы», «Мужик Марей», «Столетняя», «Летняя пора», «Представление», «В барском пансионе», «Честный вор», «Мальчик у Христа на елке» и «Бедные люди» (с. 66).

³ Позднее разные варианты переводов этой «рождественской» истории «для детского чтения» публиковались на страницах латышской периодики в 1891, 1898, 1902, 1909, 1910, 1912 и 1914 гг.

⁴ Тягостное сиротство («бездолье латышского народа») стало также и темой ритуальных обращений к известным своим «человеколюбием» лицам. (В 1908 г., например, на восьмидесятилетие Л. Н. Толстого «Латышское Фотографическое Общество в Риге» «поднесло» именитому юбиляру альбом с портретами латышских писателей.)

(Eglīte un kāzas. Krievu rakstnieka F. M. Dostojevskā stāstiņš. Latviski no I. Pavila // Tēvijas feļetons. 1897. N 31. Lpp. 488–494)⁵.

Отдельного внимания заслуживает перевод «Записок из Мертвого дома» (Mīroņu nams. Romāns 2. d. No F. M. Dostojevskā // Dienas Lapa. 1894. N 240–291)⁶. Буквальное значение латышского заглавия этого «тюремно-каторжного» нарратива — «Дом мертвецов» (с возможными коннотациями *загробный/сиротский/детский*⁷).

Можно предположить, что повышенный интерес к «ссылному свидетелю» страданий и горестных судеб «несчастных», собранных на погибель в сибирском остроге со всех концов империи, не в последнюю очередь поддерживался еще и темой смерти, стойко и отчетливо доминирующей в латышской фольклорной традиции⁸, адаптировавшей также и христианский сюжет «сошествия во ад».

Привычный к переводам-локализациям иноязычных сочинений латышский читатель предполагал и хотел «встретить» среди сочувственно и колоритно выведенных русским романистом персонажей также и своих соотечественников.

В публикации начала XX в. творчество Достоевского представлено «рассказом» «Мужик Марей» (Zemnieks Marejs. Dostojevskā stāsts. Tulk. I. Dk. // Jaunības Draugs. N 1. Lpp. 11–12); «сценой для театральной постановки» «Рассказ Мармеладова» (Marmeladova stāsts. Skats iz F. M. Dostojevskā romāna «Noziegums un sods». Tulkojuse un izrādei ierīkojuse Ziemciešu Marija // Rīgas Avīzes feļetona piel. 1904. N 183); фрагментом «Великий инквизитор Достоевского» (Lielinkvizitors Dostojevskā. Tulk. L. E. R. // Kāvi (izdevēja D. Zeltiņš). 1906. N 1. Lpp. 18–30), а также романом «Бесы» (Velni. F. M. Dostojevskā romāns. Tulk. I // Balss piel. 1906. N 209–283).

Начало 20-х гг. ознаменовано переводом романа «Идиот», в течение двух лет публиковавшимся на страницах «Рабочей газеты» (Idiots. F. M. Dostojevskā romāns // Strādnieku Avīze. 1924. N 96–296; 1925. N 1–104). В это же время для журнала «Жизнь молодежи» (1924, N 6) делается перевод фрагмента «Алей» («Jaunatnes Dzīve»).

Знаменательным литературным событием 1926 г. стал также перевод на *латгальский* язык сюжетно и характерологически привлекатель-

⁵ Другие переводы «Елки и свадьбы» сделаны в том же 1897 г., а позднее повторно воспроизведены в календаре на 1905 г.

⁶ В 1895 и 1898 гг. переиздается книгопечатней П. Бисниекса. Позднее (1927 г.) — в новом переводе (Augusts Mežsēts) как «роман» «Записки в Мертвом доме». Но в 16-томном собрании соч. 1936–1938 гг. — под первоначальным заглавием.

⁷ Ср.: Zink A. «Die Arrestanten waren die reinsten Kinder» — Zur Rechtfertigung des Verbrechens in Dostojewskijs *Aufzeichnungen aus einem Totenhaus* // Dostoevsky Studies. 2005. Vol. IX. P. 115–134.

⁸ Со временем на латышском языке издаются также и специальные (рекомендательные) подборки соответствующих теме материалов. Например: «Смерть и ребенок в песнях и верованиях нашего народа» Анны Берзкалне (1927 г.).

ной для провинциального читателя части второй романа «Униженные и оскорбленные» (Nucynotī un arvainotī (Romāna utro nūdaļa) // Latgolas Dorbs. 1926. N 1)⁹.

В 1927 г. рижское издательство «Наша библиотека» намеренно соединяет под одной обложкой «роман» Достоевского «Бедные люди» и «новеллу» Пушкина «Станционный смотритель» как образцовые сочинения на тему людской нужды и необеспеченности.

Вскоре (1928 г.) в переводе Яниса Мединя публикуется трехтомное издание «Братьев Карамазовых» (издатель — A. Gulbis). И годом позже — в четырех частях (двумя книжками) в переводе А. Межсета выходит роман «Князь Мышкин (Идиот)» (Kņazs Miškins (Idiots). Romāns. 4. d. / Tulk. A. Mežsēts. Rīga, 1929)¹⁰.

В 1932 г. отрывки «из Достоевского» «Бунт» и «Шутка Чёрта» размещают на своих страницах периодические издания «Jēkabpils Ziņas» и «Sociāldemokrāts». Одновременно выходит отдельным изданием «новелла» «Неточка Незванова» (Netočka Ņezvanova. Novele / Tulk. A. Melnalksnis. Rīga, 1932).

Два года длилась, но так и осталась незавершенной публикация латышской версии «Скверного анекдота» (Nelāga anekdote // Jaunais Kurzemnieks. 1933. N 47, 49, 50, 52; 1934. N 3, 4, 7, 14).

Замечательным событием в истории латвийской переводческой практики стало издание собрания сочинений Достоевского в 16-ти томах, выпущенного рижским издательством «Grāmatu Draugs» с 1936 по 1938 г.

Первый том открывался «Биографией» автора и включал в себя перевод романа «Униженные и оскорбленные» (E. Birznieks-Upītis). Тома второй и третий занимал текст романа «Бесы» (K. Ezerkalns). В четвертый вошли «роман» «Мертвый дом» (A. Mežsēts) и «рассказ» «Записки из подполья» (I. Saiva). В томе пятом печатались четыре части романа «Преступление и наказание», а его заключительные части и эпилог (J. Veselis) были перенесены в том шестой и соседствовали с текстом провинциальной повести «Дядюшкин сон. Из мордасовских летописей» (E. Birznieks-Upītis).

В седьмом томе были собраны произведения «Село Степанчиково и его обитатели», «Скверный анекдот» и «Хозяйка» (E. Kāvs). Роман «Подросток» в неординарном переводе Александра Чака (Aleksands Čaks) вошел в том девятый. «Игрок», «Вечный муж», «Крокодил» (K. Rabacs) составили десятый том. Новая версия перевода романа «Идиот» (Zenta Mauriņa¹¹) заняла следующие два тома собрания. «Белые

⁹ В этом же году издательство «Grāmatu Draugs» (двумя книгами) выпускает латышский перевод «Преступления и наказания».

¹⁰ Текст романа не раз подвергался фрагментации. В 1931 г., например, был сокращен отрывок из пятой главы первой части романа, в котором князь Мышкин рассказывает о разбудившем его крике осла (Ezelis. No romāna «Idiots» // Dzīve. 1931. N 8).

¹¹ Зента Мауриня (1897–1978) — известный философ и эссеист, чья книга «Dostojevskis: viņa personība, mūžs un pasaules uzskats» в 1933 (дважды), в 1935, а также

ночи» (J. Plaudis), «Неточка Незванова» (A. Melnalksnis), «Чужая жена и муж под кроватью», «Елка и свадьба», «Честный вор» (E. Birznieks-Urītis) и «Маленький герой» (A. Mežsēts) вышли в тринадцатом томе. В завершающих издание томах читателя ожидали ранние «труды» Достоевского — «Бедные люди» (J. Plaudis), «Двойник» (Ev. Kāva), «Слабое сердце» (J. Plaudis), «Господин Прохарчин» (E. Birznieks-Urītis) (Т. 14) — и, наконец, «Братья Карамазовы» (J. Medenis) (Т. 15–16).

В советской Латвии 40-х годов время от времени публиковались разъяснительные статьи и материалы о «жизни и творчестве известного, но противоречивого классика русской литературы».

Газета «Сīņa» («Борьба») познакомила своих читателей с «писателем Федором Михайловичем Достоевским» (*Jaunzems V. // Сīņa. 1941. 9 febr.*).

В «Literatūras Avīze» (Литературная газета. 1941. 23 febr.) A. Talcis помещает материал «F. M. Dostojevskis».

Позднее в переводе Я. Плаудиса появляется статья М. Поляковой «Достоевский как художник» (*Karogs. 1946. N 2. Lpp. 206–217*).

В том же году (10 ноября) в газете «Советская молодежь» печатается статья А. Клиедере «F. M. Dostojevskis». Тогда же публикуется и «материал» В. Кирпотина, приуроченный к 125-летию со дня рождения Достоевского (Сīņa. 1946. 14 nov.).

Наконец, финальным аккордом культурно-пропагандистской работы явился перевод публичной лекции, читанной В. В. Ермиловым в Центральной лектории Москвы (*Jermilovs V. V. Pret reakcionārajām idejām F. M. Dostojevskā darbos (Vissavienības politisko zināšanu un zinātņu popularizēšanas biedrības publiskas lekcijas stenogramma). Rīga, 1949*).

В том же году печатается (в составе «избранных литературно-критических работ») и перевод последней статьи Н. А. Добролюбова «Забитые люди» (*Dobroļubovs N. Apspiestie ļaudis. Tulk. K. Štrāls // Dobroļubovs N. Literāri kritiski raksti. Izlase. Rīga, 1949. Lpp. 229–351*).

Публикации 1950-х гг. изобилуют переводами не только статей В. Г. Белинского, но также и Максима Горького, критические очерки которого («О “карамазовщине”», «Еще о “карамазовщине”») в переводе М. Silabriede становятся широко доступны начиная с 1954 г.

Новой ритуализации имени и «образа» Достоевского послужили статьи, приуроченные к 75-й годовщине со дня смерти писателя.

четырьмя годами позднее в русском переводе (Ф. М. Достоевский. Его личность, жизнь и мировоззрение. Рига, 1939) издавалась в довоенной Латвии. В жанрово-типологическом отношении сочинение Зенты Маурини соотносимо с трудом Н. А. Бердяева «Мировоззрение Достоевского» (Прага, 1923), но по тону и стилю — это текст, откликающийся на современную литературно-антропологическими идеями практику неоромантизма (см.: *Daija P. Zenta Mauriņa un krievu literatūra: Fjodors Dostojevskis // Zenta Mauriņa Eiropas tautu kultūras dialogā. Letonikas 2 kongresa sekcija «Zentai Mauriņaj 110». Rīga, 2007*). Работа исследовательницы над темой была завершена к началу 1950-х гг. См. книгу: *Dostojevskij: Menschengestalter und Gottsucher. Memmingen, 1952. Lpp. 414* (переиздана в 1981 г.; в переводе на латышский — в 1997 г.).

На эту дату в 1956 г. откликнулись пишущие для латышского читателя журналисты и публицисты из «Балтийского железнодорожника», «Советской молодежи», «Коммуниста», районной газеты «Бауский труд», журнала «Лиесма», «старейшей» политической газеты «Циня», журнала искусств «Максла», литературного журнала «Карогс».

Присоединился к процессу селективной «реабилитации» заново канонизируемого русского классика и журнал Академии наук Латвийской ССР.

Изгнанный из Латвийского университета в пору brutальных политических чисток 1949 г. филолог А. Вилсонс публикует в академическом «Вестнике» большую статью «Ф.М. Достоевский и латышская литература (В память 75-летия со дня его смерти)» (*Vilsons A. F. M. Dostojevskis un latviešu literatūra (Viņa nāves dienas 75 gadu atcerei)* // *Latv. PSR ZA Vēstis*. 1956. N 3. Lpp. 31–40). С «устаревшими воззрениями» прежних критиков и хулителей Достоевского теперь борются, опираясь на труды Д. Заславского, А. Долинина и В. Кирпотина (*Karogs*. 1956. N 4. Lpp. 82–85). Признаком «оттепели» становится и «первая в советское время» инсценировка «Преступления и наказания» на подмостках Государственного академического театра драмы в Риге (см. об этом: *Ста*. 1957. 22 aug.).

Вниманием латышского зрителя не были обойдены также и экранные версии романов Достоевского. Особенный успех имела кинокартина, снятая И. Пырьевым по первой части романа «Идиот» («Настасья Филипповна») (*Eriksons L.* // *Padomju Jaunatne*. 1958. 12 jūl.).

В относительно «благополучные» 1960-е и 1970-е гг. отчасти реанимируется старая традиция календарного чтения «из литературы». Журнал «Школа советской Латвии» находит уместным публиковать материалы к 140-летию со дня рождения Достоевского исключительно под рубрикой «Наш календарь». На исходе 1970 г. издательство «Лиесма» издает «Народный календарь» на 1971 г., в котором наличествует краткая статья R. Remass (по всей видимости, это псевдоним) «Знакомство с Достоевским».

Аналогичные рубрики-фрагментации встречаются и в газете «Литература и искусство» (*Арденс Н.* Удивительная ночь Федора Михайловича (Фрагмент из романа о Ф. Достоевском «Ссылный №33») // *Literatūra un Māksla*. 1971. 13 nov.).

Главным успехом латвийской достоевистики 1970-х гг. стало новое собрание сочинений писателя в 10-ти томах (1973–1977), осуществленное рижским издательством «Liesma» («Пламя»). Предисловие было написано Элгой Станке (E. Stanke) — сотрудницей историко-филологического факультета Латвийского государственного университета, где она в 60-е гг. вела спецсеминар по творчеству Достоевского.

Содержание первого тома (в принятой издателями хронологической последовательности) включало сочинения 1846–1848 гг.: «Бедные люди», «Двойник», «Роман в девяти письмах», «Господин Прохарчин»,

«Хозяйка», «Ползунков», «Слабое сердце», «Честный вор», «Елка и свадьба», «Чужая жена и муж под кроватью».

Том второй составляли «рассказы» и «повести» (1848–1859): «Белые ночи», «Неточка Незванова», «Маленький герой», «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели».

В третьем томе печатались роман «Униженные и оскорбленные» и «Записки из Мертвого дома».

Следующей (четвертой) книжкой вышли «рассказы» 1862–1869 гг.: «Скверный анекдот», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Записки из подполья», «Крокодил», «Игрок» и «Вечный муж».

В томе пятом (1875 г.) публиковался роман «Преступление и наказание» (с примечаниями К. Полонского).

Далее последовали переводы романов «Идиот» (с научным комментарием Г. Фридлиндера) (Т. 6, 1975) и «Бесы» (с пояснениями и примечаниями Ф. Евнина) (Т. 7, 1977).

Текст романа «Подросток» (Т. 8, 1977) также был снабжен краткими примечаниями филологов (А. Долинина и Е. Дрыжаковой).

Завершал издание перевод романа «Братья Карамазовы» (Т. 9, 1977).

К этому же периоду относятся и историко-типологические исследования эстетических воззрений (буквально — «позиций») латышских писателей и мыслителей («в период до 1940 года»). Составитель этого труда (Петерис Зейле) упоминает имя Достоевского в связи с характеристикой латышских авторов (K. Valdemārs, J. Jansons-Brauns, F. Bārda, V. Knoriņš, K. Raudive, Z. Mauriņa, P. Dāle) (*Zeile P. Estētiskā doma Latvijā (līdz 1940. gadam). Rīga, 1976*).

В школьных программах советского времени имя Достоевского — автора «Преступления и наказания» — неизменно присутствовало уже в 1960-е гг. Но «трудный» для «детского восприятия» роман учитель всегда мог заменить другим произведением из русской классики («Войной и миром» Л. Н. Толстого). Изучение, как правило, сводилось к «усвоению» учащимися важнейших с «воспитательной точки зрения» глав, отрывков и эпизодов.

Подобной же избирательной фрагментарностью характеризуется и репертуар пропагандистской «работы с населением». Почти ни одна из посвященных Достоевскому «официальных» газетных статей не упускала возможности в «подчищенном» виде процитировать «мысль Достоевского» о «классовом» сходстве «батрака-латыша» с «негром-рабом». И, соответственно, — «остзейских немцев» с «плантаторами»¹².

¹² Такого рода клише «самоидентичности», бытовавшие в разных знаковых воплощениях, сопровождали развитие национального самосознания во все периоды истории Латвии. В пору падения советского режима, например, весьма популярными оказались групповые устные тексты («разговоры») на тему сходства судеб латышей с «уничтоженными / загнанными в резервации» индейцами Америки.

Однако официальный «интернационализм» не мог устранить различий в способах «оправдания» значимости «жестокого», «больного», «трудного» русского писателя.

Для многих в Латвии Достоевский оказался интересен как автор «Дневника писателя», разоблачивший злокозненность «жидов»¹³. Его время от времени «недолюбливают» за «негативное» изображение «католиков» и «поляков». «Уважают» его каторжный опыт, понимаемый, как правило, в сугубо символическом значении. Произведения Достоевского традиционно выигрывают в глазах публики, предпочитающей чтению театральные постановки. Не переводятся и любители «разоблачений» интимной жизни «женолюбивого эпилептика», изобразившего «самого себя» во всех «фрейдистских» эпизодах «Пятикнижия».

¹³ Форма «ebrejs» нехарактерна для «традиционного» речевого обихода.

Д. БЕРЖАЙТЕ

**БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ
О ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО
В ЛИТВЕ (1971–2013 гг.)**

1971

1. *Červinskienė E.* Dostojevskis. Vilnius, 1971. 287 p.
См. также изд.: Vilnius, 2004. 295 p.
Рец.: *Mažrimas A.* Nauja pakuotė senai prekei (Новая упаковка для старого товара) // *Literatūra ir menas.* 2005. 9 янв.

1972

2. *Šilbajoris R.* Struktūriniai pasikartojimai Dostojevskio romane «Nusikaltimas ir bausmė» (Структурные повторы в романе Достоевского «Преступление и наказание») // *Aidai.* 1972. N 6. P. 271–276.

1978

3. *Гражис П.* О взаимодействии реалистического и романтического начал в романе Достоевского «Идиот» // Вопросы романтического метода и стиля. Калинин, 1978. С. 87–88.

1979

4. *Гражис П.* Достоевский и романтизм. Вильнюс, 1979. 170 с.

1980

5. *Червинскене Е.* Свобода личности в мире идей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 68–75.

1982

6. *Masionienė B.* Literatūrinių gušių pėdsakais (По стопам литературных связей). Vilnius, 1982. 248 p.

1986

7. *Červinskienė E.* Paskutinis F. Dostojevskio romanas (Последний роман Ф. Достоевского) // *Dostojevskis F. Broliai Karamazovai.* Vilnius, 1986. P. 467–475.

1992

8. *Masėnėnė B.* Творчество Ф. Достоевского в контексте литовской литературы XX века // *Literatūra*. 1992. №33 (2). С. 21–33.

1994

9. *Almonaitė A.* Dostojevskis ir Ana (Достоевский и Анна) // *Gunda*. 1994. P. 39–41.

10. *Бержайте Д.* Последнее слово России // *Literatūra*. 1994. №36 (2). С. 38–45.

1997

11. *Antanavičius A.* Paaiškinimai (Объяснения) // *Dostojevskis F. Demonai*. Vilnius, 1997.

12. *Бержайте Д.* Путь к Достоевскому («Литературные заметки» А. Л. Волынского о Ф. М. Достоевском) // *Язык. Общество. Культура*. Вильнюс, 1997. С. 103–111.

13. *Masionienė B., Varlašina M.* Apsėsti nihilizmo (Одержимы нигилизмом) // *Dostojevskis F. Demonai*. Vilnius, 1997. P. 599–613.

1998

14. *Бержайте Д.* Ф. М. Достоевский в оценке русской демократической критики девятнадцатого века. Вильнюс, 1998. 90 с.

15. *Юозайтис А.* Федор Достоевский: виновность и страдание // *Достоевский и современность. Материалы XII Международных Старорусских чтений 1997*. Великий Новгород, 1998. С. 163–164.

1999

16. *Beržaitė D.* Apie moterų vaidmenį formuojant F. Dostojevskio įvaizdį Anglijoje (О роли женщин в формировании образа Достоевского в Англии) // *Feminizmas, visuomenė, kultūra* (Феминизм, общество, культура). Vilnius, 1999. P. 137–144.

17. *Beržaitė D.* F. Dostojevskis ir D. Irvingas (Ф. Достоевский и Д. Ирвинг) // *Šiuolaikinės visuotinės literatūros ir kritikos problemos* (Современные проблемы литературы и критики). Šiauliai, 1999. P. 5–11.

18. *Бержайте Д.* Из истории английского достоевсковедения // *Literatūra*. 1999. №39 (2). С. 49–62.

19. *Варлашина М.* «Великий инквизитор» А. Мацейны (к постановке проблемы) // *Literatūra*. 1999. №39 (2). С. 37–48.

20. *Гражис П.* Творчество Ф. М. Достоевского в свете важных тенденций в литературе XX века // *Literatūra*. 1999. №39 (2). С. 29–36.

21. *Inis L.* Dostojevskis: biografinė apybraiža (Достоевский: Биографический очерк). Kaunas, 1999. 277 p.

2000

22. *Бержайте Д.* О некоторых аспектах современного западного Достоевсковедения // *Literatūra*. 2000. №39 (2). С. 101–108.

2001

23. *Бержайте Д.* Колорит романов Достоевского // *Literatūra*. 2001. №41–43 (2). С. 65–79.

2002

24. *Бержайте Д.* Забытые страницы литературной критики (Л.Е. Оболенский о Ф.М. Достоевском) // *Literatūra*. 2002. №44 (2). С. 21–33.

2003

25. *Бержайте Д.* «Вечный муж» Достоевского: к некоторым аспектам «чужого слова» // *Literatūra*. 2003. №45 (2). С. 39–50.

26. *Бержайте Д.* Ф. М. Достоевский в религиозно-философской критике на рубеже XIX–XX веков (Мережковский и его последователи в Англии) // *Drogi i rozdroża kultury Chrześcijańskiej Europy. Człowiek. Wiara. Kultura. Czerstohowa*, 2003. С. 441–449.

27. *Варлашина М.* «Великий инквизитор» Антанаса Мацейны: религиозно-философский и гражданский аспект // *Drogi i rozdroża kultury Chrześcijańskiej Europy. Człowiek. Wiara. Kultura. Czerstohowa*, 2003. С. 449–457.

2004

28. *Baranova J.* Philosophical Interpretation by Levinas Dostoyevsky's Conception of Guilt // *Religion and Culture after Modernity / Ed. V. Peterca, M. Dumitrana. The Council for Research in Values and Philosophy, Washington, Roman Catholic St. Theresa Theological Institute. Bucharest*, 2004. P. 203–226.

29. *Gražys P.* Fiodoro Dostojevskio romanai (Романы Федора Достоевского) // *XIX amžiaus rusų romanai. Antra dalis (Русский роман XIX века. Вторая часть)*. Šiauliai, 2004. 399 p.

30. *Juozaitis A.* Europa be Dostojevskio sąžinės (Европа без совести Достоевского) // *Šiaurės Atėnai*. 2004. 26 июня.

2005

31. *Arlauskaitė N.* Ekranizacijos kaip literatūros istorijos provokacijos (Экранизации как провокации истории литературы) // *Respectus Philologicus*. 2005. N 7 (12). P. 50–70.

32. *Арлаускайте Н.* Диегетические игры Куросавы с «Идиотом» // *Literatūra*. 2005. №47 (2). С. 113–119.

33. *Бержайте Д.* А.П. Сулова и Ф.М. Достоевский: «чужие» и «свои» // *Literatūra*. 2005. №47 (2). С. 26–37.

34. *Варлашина М.* Литовский Достоевский ретроспективным взглядом: к проблеме восприятия историко-литературных текстов // *Literatūra*. 2005. №47 (2). С. 71–90.

35. *Juozaitis A.* Tada meilė Lietuvai ir gyvenimui sutapo (Тогда любовь к Литве и к жизни совпали) (Filosofas A. Juozaitis atsako į rašytojos J. Ivanauskaitės klausimus) (Философ А. Юозайтис отвечает на вопросы писательницы Ю. Иванаускайте) // *Šiaurės Atėnai*. 2005. 2 февр.

36. *Юозайтис А.* Три ипостаси совести у Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XIX Международных Старорусских чтений 2004 года. Великий Новгород, 2005. С. 288–295.

Перепеч.: *Юозайтис А.* Три ипостаси совести у Достоевского // Русская классика: динамика художественных систем. Екатеринбург, 2009. С. 294–300.

Перепеч.: *Юозайтис А.* Три ипостаси совести у Достоевского // *Literatūra*. 2012. №54 (2). С. 55–62.

2006

37. *Beržaitė D.* Apie kai kurios dar vieno dialogo su Dostojevskiu uratumus (О некоторых особенностях еще одного диалога с Достоевским) // *Respectus Philologicus*. 2006. N 9 (14). P. 52–59.

38. *Бержайте Д.* Достоевский и О'Конноп // *Dziennictwo Chrzenscijansiego wschodu i zachodu*. Częstohowa, 2006. С. 347–357.

39. *Варлашина М.* «...Оставаться со Христом...». Несколько замечаний к проблеме своеобразия религиозного мировосприятия Ф. М. Достоевского // *Dziennictwo Chrzenscijansiego wschodu i zachodu*. Człowiek. Wiara. Kultūra. Częstohowa, 2006. С. 323–325.

2007

40. *Бержайте Д.* Достоевский в Америке, или Некоторые заметки по поводу прочтения одного романа // *Literatūra*. №49 (2). 2007. С. 21–40.

2008

41. *Бержайте Д.* О литературе и любви (Л. Цыпкин. Лето в Бадене) // *Literatūra*. 2008. №50 (2). С. 53–64.

42. *Varlašina M.* Antano Maceinos *Didysis Inkvizitorius*: Hermeneutinis istorinės veikmės aspektas («Великий инквизитор» Антанаса Мацейны: герменевтический действенно-исторический аспект) // *Literatūra*. 2008. N 50 (2). P. 30–41.

2009

43. *Бержайте Д.* Посвящение отцам, или Диалог с русской литературой // *Literatūra*. 2009. №51 (2). С. 21–35.

44. *Varlašina M.* Lietuviškos Dostojevskio šaknys (Aimée Dostojevskaja. Dostojevskis dukters akimis) (Литовские корни Достоевского).

Достоевский глазами дочери) // *Naujoji Romuva* (Новая Ромува). 2009. N 1. P. 5.

45. *Varlašina M.* Teigiamo santykio su Dostojevskio kūryba problema: Vydūnas (Проблема положительного отношения к творчеству Достоевского: Видунас) // *Literatūra*. 2009. N 51 (2). P. 41–58.

46. *Ильина Л. А.* П. Чехов и Ф. М. Достоевский // *Русская классика в контексте христианских ценностей*. Вильнюс, 2009. С. 104–113.

2010

47. *Beržaitė D.* Apie anglišką Dostojevskį lietuviškai (Об английском Достоевском по-литовски) // *Respectus Philologicus*. 2010. N 20. P. 274–278.

48. *Бержайте Д.* В защиту Достоевского и детектива // *Literatūra*. 2010. № 52 (2). С. 33–41.

49. *Варлашина М.* «Литовцам негоже греться у его огня». Видунас о творчестве Федора Достоевского // *W poszukiwaniu prawdy. Chrzescijanska Europa — między wiarą a polityką. Człowiek. Wiara. Kultura. Czętochowa*, 2010. С. 425–433.

2011

50. *Beržaitė D.* Nedėkingo skaitytojo pastabos (Заметки неблагодарного читателя) // *Respectus Philologicus*. 2011. N 20 (25). P. 267–270.

51. *Varlašina M.* Fiodoras Dostojevskis ir Naujasis Testamentas // *Naujasis židinys — Aidai*. 2011. N 7. 485–491.

52. *Potašenko I.* Pagaliau «Užrašai iš pogrindžio» (Наконец-то «Записки из подполья») // *Šiaurės Atėnai*. 2011. 27 мая.

2012

53. *Бержайте Д.* О главном герое романов Достоевского (заметки на полях книги Л. Сараскиной «Достоевский») // *Literatūra*. 2012. № 54 (2). С. 63–74.

А. ДЕ ЛАЗАРИ, Т. СУХАРСКИ

**БИБЛИОГРАФИЯ ПОЛЬСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО
С 1970 г. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ**

1. *Abassy M.* Osamotnienie jako znak czasu — «ani Rosja ani Zachód». Inteligencja w twórczości literackiej i publicystyce Fiodora Dostojewskiego // *Dziedzictwo chrześcijańskiego Wschodu i Zachodu. Między pamięcią a oczekiwaniem*, pod red. U. Cierniak i ks. J. Grabowskiego. Częstochowa, 2006.

2. *Abassy M.* «Podziemie» jako fenomen kulturowy. «Notatki z podziemia» Fiodora Dostojewskiego // *Przegląd Rusycystyczny*. 2008. N 3 (123).

3. *Abassy M.* Miasto jako metafora kultury. Petersburg w twórczości literackiej i publicystyce Fiodora Dostojewskiego // *Miasto. Między przestrzenią a koncepcją przestrzeni* / Red. M. Banaszkiewicz, F. Czech, P. Winskowski. Kraków, 2010.

4. *Bezwiński A.* O bohaterze *Idioty* F. Dostojewskiego // *Przegląd Rusycystyczny*. 1987. N 2.

5. *Bobran M. (red.)* Fiodor Dostojewski w setną rocznicę śmierci. Rzeszów, 1985.

6. *Bogusz Tessmar P.* Karamazowowie w «ojczyźnie Hipolita S.» (Portret W. Gombrowicza i Bracia Karamazow F. Dostojewskiego), czyli o dialogu kulturowym w aspekcie esencjalno-egzystencjalnej koncepcji bytu // *Wschód–Zachód w dialogu międzykulturowym* / Pod red. J. Kazimierzczak, G. Lisowskiej. Słupsk, 2010.

7. *Bohun M.* Zachodnie chrześcijaństwo w oczach Dostojewskiego // *Nemos. Kwartalnik Religioznawczy*. 1997. N 17.

8. *Bohun M.* Fiodor Dostojewski i idea upadku cywilizacji europejskiej. Katowice, 1996.

9. *Bohun M.* Tocqueville i Dostojewski. Dwie wizje nowego despotyzmu // *Colloquia Communia*. 2002. N 2 (73).

10. *Borowski M.* Элементы детективного романа в структуре сюжета «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского // *Достоевский и современность: Материалы XXII Международных Старорусских чтений 2007 г. Великий Новгород*, 2008.

11. *Borowski M.* Sobowtór — odbicie w krzywym zwierciadle (Na podstawie twórczości F. M. Dostojewskiego) // *Lustro. Literatura–kultura–język* / Red. I. Fijałkowska-Janiak. Gdańsk, 2010.

12. *Borowski M.* Заметки о рецепции Ф. М. Достоевского в Польше // Достоевский и современность: Материалы XXV Международных Старорусских чтений 2010 г. Великий Новгород, 2011.

13. *Broda M.* Dostojewski w oczach Leontjewa. Podstawy odmiennych tożsamości // A. Andrusiewicz (red.). Polska i jej wschodni sąsiedzi. T. 9. Rzeszów, 2008; Dostojewskij in the Eyes of Leont'ev. The Foundations and Consequences of Different Identities // Studies in East European Thought. 2010. Vol. 62.

14. *Brus A.* Status słowa — milczenia w rozważaniach twórców prawosławnej kultury Athosu. Ślad refleksji Świętych Ojców w powieści Fiodora Dostojewskiego «Bracia Karamazow» // Święta Góra Athos w kulturze Europy, Europa w kulturze Athosu / Pod red. M. Kuczyńskiej. Gniezno, 2009.

15. *Brzostowska T.* Tryptyk z milczącym Chrystusem // Wokół Tołstoja i Dostojewskiego. Almanach myśli rosyjskiej / Red. J. Dobieszewski. Warszawa, 2000.

16. *Brzoza H.* Dostojewski. Między mitem, tragedią i apokalipsą. Toruń, 1995.

17. *Brzoza H.* Dostojewski — myśl a forma. Łódź, 1984.

18. *Brzoza H.* «Estetyka dysonansu» i jej symptomy w poetyce prozy Dostojewskiego // Studia Estetyczne. 1976. N 13.

19. *Brzoza H.* Fiodora Dostojewskiego «widzenie skłócone» // Slavia Orientalis. 1972. N 3.

20. *Bukowski J.* Inspiracje pozafilozoficzne: spotkanie w dziele Dostojewskiego // Bukowski J. Zarys filozofii spotkania. Kraków, 1987.

21. *Chalacińska-Wiertelak H.* Wokół sporu o księcia Myszkina // Slavia Orientalis. 1972. N 3.

22. *Chalacińska-Wiertelak H.* Kilka uwag o estetyce Dostojewskiego // Studia Rossica Posnaniensia. 1973. Z. 4.

23. *Chalacińska-Wiertelak H.* «Teatr» Dostojewskiego wobec teologii ikony // Musica Antiqua Europae Orientalis. T. VIII. Vol. 2. Bydgoszcz, 1988.

24. *Chalacińska-Wiertelak H.* Idea teatru w powieściach Dostojewskiego. Poznań, 1988.

25. *Chalacińska-Wiertelak H.* Ипостаси мечты. Дон Кихот — Обломов — Мышкин // Internationale Fachkonferenz Ivan A. Gončarov: Leben, Werk und Wirkung. Bamberg, 1991.

26. *Chalacińska-Wiertelak H.* «Teatr» Достоевского и размышления Павла Флоренского о русской иконе (фрагмент) // Studia Rossica Posnaniensia. 1993. Z. XXV.

27. *Chalacińska-Wiertelak H.* Dostojewski—Penderecki—Milton. Semantyka rajy // Studia Rossica. 1996. N 6.

28. *Chalacińska-Wiertelak H.* Epizod w świecie powieści «Biesy» F. M. Dostojewskiego (Fragmenty większej całości) // Scripta manent. Publikacja wydziałowa z okazji 10-lecia istnienia Wydziału Neofilologii UAM (1988–1998). Poznań, 1998.

29. *Chalacińska-Wiertelak H.* Управление информацией в мире Достоевского // *Literatura i komunikacja. Od listu do powieści autobiograficznej* / Red. A. Blaim, Z. Maciejewski. Lublin, 1998.

30. *Chalacińska-Wiertelak H.* The hypostases of Charisma in the Worlds of F. Dostoevsky, A. Wajda, A. Kurosawa. The novel «Idiot» and its adaptations // *The Twenty-first Century through Dostoevsky's Eyes: The Prospect for Humanity*. Chiba, 2000.

31. *Chalacińska-Wiertelak H.* Феномен «Каны Галилейской» в художественных мирах Боша и Ф. Достоевского // *Достоевский и мировая культура*. Т. 15. СПб., 2000.

32. *Chalacińska-Wiertelak H.* Контексты «эпохального мышления» литературы XIX столетия; Мир Достоевского как культурный код XIX столетия // *Chalacińska-Wiertelak H.* Культурный код в литературном произведении. Poznań, 2002.

33. *Chalacińska-Wiertelak H.* Смысловое пространство Слова Ф. М. Достоевского. Интегрирующее начало // В. Zieliński (red.). *Swoje i cudze. Przestrzenie w literaturach i kulturach słowiańskich*. Poznań, 2004.

34. *Chalacińska-Wiertelak H.* «Идиот» Ф. Достоевского, читаемый в ключе театральной антропологии // *Материалы Международной конференции «Достоевский и современность»*. Старая Русса, 2004.

35. *Chalacińska-Wiertelak H.* Культурно-антропологические доминанты категории пространственности // В. Zieliński (red.). *Swoje i cudze. Kategorie przestrzenne w literaturach i kulturach słowiańskich*. Poznań, 2005.

36. *Chalacińska-Wiertelak H.* Категория пространственности. Достоевский–Флоренский–Юнг // *Русская словесность в мировом культурном контексте*. Сборник материалов Международного конгресса «Russian Literature in the Context of World Culture». М., 2005.

37. *Chalacińska-Wiertelak H.* Попытка прочтения романа «Идиот» Федора Достоевского в оптике трагического // *Вестник Волгоградского университета*. Сер.: Литературоведение и журналистика. Вып. 3. Волгоград, 2006.

38. *Chalacińska-Wiertelak H.* Komparatystyczne orientacje tekstu artystycznego. Poznań, 2006.

39. *Chalacińska-Wiertelak H.* Структурная молекула романа «Бесы» Федора Достоевского // F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues / Eds. Katalin Kroó and Tünde Szabó. Budapest, 2009.

40. *Chalacińska-Wiertelak H.* Художественное слово Федора Достоевского в современной культуре (подготовка к анализу театрально-кинематографической адаптации литературного текста) // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2011. N XXXVI.

41. *Chwin S.* Stawrogin i dziecko // *Dzieci*. Т. 2 / Red. M. Janion, S. Chwin. Gdańsk, 1988.

42. *Cielecki M.* Dreamcatcher. Pajęczyna snów Dostojewskiego // *Znak*. 2009. N 1.

43. *Cieślak I.* Starcy Pustelni Optyńskiej. Kraków, 2005.
44. *Cyz T.* O muzyce w spektaklu «Bracia Karamazow» w reżyserii Krystiana Lupy // *Didaskalia*. 2002. N 48.
45. *Cyz T.* Dom umarłych // *Tygodnik Powszechny*. 2004. N 27.
46. *Dąbrowski K.* Bądźcie pozdrowieni, psychoneurotycy // *Galernicy wrażliwości* / Red. M. Janion i S. Rosiek. Gdańsk, 1981.
47. *Diec J.* «Wielki Inkwizytor» a problem estetyki Dostojewskiego // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego*. MLXXVI. Prace historycznoliterackie. Z. 84 / Red. M. Tatara. Kraków, 1993.
48. *Dobieszewski J.* Fiodor Dostojewski. Kilka uwag // *Wokół Tołstoja i Dostojewskiego*. Almanach myśli rosyjskiej / Red. J. Dobieszewski. Warszawa, 2000.
49. Dostojewski reaktywacja. Czas na rewizję. Rozmawiają A. Pomorski i G. Przebinda / Wysłuchał i spisał G. Jankowicz // *Tygodnik Powszechny*. 2010. N 30.
50. Dostojewski — teatr sumienia. Trzy inscenizacje Andrzeja Wajdy w Teatrze Starym w Krakowie: «Biesy», «Nastasia Filipowna», «Zbrodnia i kara». Scenariusze-komentarze / Opr. A. Karpiński. Warszawa, 1989.
51. *Dragowska D.* «Biesy» Alberta Camusa według F. Dostojewskiego w świetle rozważań nad teatralną adaptacją prozy powieściowej // Fiodor Dostojewski — myśl i dzieło. W setną rocznicę śmierci pisarza. Materiały Ogólnopolskiej Konferencji Naukowej Ustronie Wlkp. 5–7 maja 1981. Łódź, 1981.
52. *Dudek A.* Powieść jako źródło wiedzy o człowieku // *Dudek A.* Wizja kultury w twórczości Wiaczesława Iwanowa. Kraków, 2000. [О Достоевском в восприятии Вяч. Иванова.]
53. *Dudek A.* Mit o Edypie w interpretacji Wiaczesława Iwanowa // *Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich* // *Slavica Wratislaviensia*. 2001. Vol. CXV.
54. *Dudek A.* Demonologia Wiaczesława Iwanowa // *Wizja człowieka i świata w myśli rosyjskiej* / Pod red. L. Suchanka. Kraków, 1998.
55. *Dudek A.* Герои Достоевского в анализах Вяч. Иванова и Д. Мережковского // *Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского*. М., 2013. С. 132–146.
56. *Fik M.* Co można ocalić z Dostojewskiego w teatrze // *Twórczość*. 1972. N 1.
57. *Filipowicz A.* Książę Myszkina — ideał czy idiota // *Postać literacka i historia* / Red. E. Kasperski i B. Pawłowska-Jądrzyk. Warszawa, 1998.
58. *Flaszen L.* «Idiota». Na marginesie inscenizacji Waldemara Krygiera // *Flaszen L.* Teatr skazany na magię, przedmowa, wybór i oprac. H. Chłystowski. Kraków; Wrocław, 1983.
59. *Gombrowicz W.* Herling-Grudziński G. Dwugłós o sumieniu Raszkolnikowa // *Znak*. 1981. N 1–2.
60. *Gromczyński W.* Egzystencjalizm Kiriłowa: filozoficzne aspekty twórczości Dostojewskiego // *Studia Filozoficzne*. 1977. N 1.

61. *Gruszczyński P.* Biesy się schodzą // Tygodnik Powszechny. 2000. N 3.
62. *Grzech J.* Ideał wolności chrześcijańskiej w ujęciu Fiodora Dostojewskiego // Nomos. 1997. N 3.
63. *Grzech J.* Raskolnikow i Kiryłow — dwa portrety wolności absolutnej // Slavia Orientalis. 1995. N 3.
64. *Iwiński P.* Достоевский в современном мире. Проблема жанра Братьев Карамазовых // Fiodor Dostojewski w setną rocznicę śmierci / Red. M. Bobran. Rzeszów, 1985.
65. *Janion M.* Czy Stawrogin jest postacią tragiczną? // Dzieci. T. 2 / Red. M. Janion, S. Chwin. Gdańsk, 1988.
66. *Jaroszewski T.M.* Fenomenologia wolności Fiodora Dostojewskiego // D. Kułakowska, Dostojewski. Dialektyka niewiary. Warszawa, 1981.
67. *Jazukiewicz-Oselkowska L.* Problem buntu w twórczości Dostojewskiego i szkicach filozoficznych Camusa // Slavia orientalia. 1972. N 3.
68. *Jazukiewicz-Oselkowska L.* Fiodor Dostojewski w twórczości Stanisława Brzozowskiego i Stefana Żeromskiego. Warszawa, 1980.
69. *Jewdokimow D.* Między wolnością a koniecznością. Dostojewski w oczach Szestowa // Przegląd Filozoficzno-Literacki. 2006. N 1.
70. *Jewdokimow D.* Sofijność w twórczości filozoficznej i literackiej Fiodora Dostojewskiego // Idea. Studia nad strukturą i rozwojem pojęć filozoficznych. 2006. N XVIII.
71. *Jewdokimow D.* «Dramat zanikającego obrazu». Antropologia chrześcijańska w twórczości Fiodora M. Dostojewskiego // Polonistyka. 2008. N 7.
72. *Jewdokimow D.* Estetyka jako grunt dla metafizyki. F. M. Dostojewskiego rozważania o pięknie // Piękno wieku dziewiętnastego. Studia i szkice z historii literatury i estetyki / Red. E. Nowicka, Z. Przychodniak. Poznań, 2008.
73. *Jewdokimow D.* «Realizm w wyższym sensie» jako metoda wydobycia prawdy w dziele literackim Fiodora Dostojewskiego // Prawda w literaturze / Red. A. Tyszczyk, J. Borowski, I. Piekarski, Towarzystwo Naukowe KUL, Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II. Lublin, 2009.
74. *Jewdokimow D.* Człowiek przemieniony. Fiodor M. Dostojewski wobec tradycji Kościoła Wschodniego. Poznań, 2009.
75. *Kapuścik J.* Fiodor Dostojewski na warsztacie polskich badaczy w ostatnim trzydziestoleciu // Przegląd Humanistyczny. 1994. N 4.
76. *Karpiński M.* «Dostojewski» Hanuszkiewicza // Teatr. 1980. N 3.
77. *Każmierczak N.* Жизнь идеи в художественной форме метароманов Ф. М. Достоевского и В. Набокова // Studia Rossica Posnaniensia. 2011. N XXXVI (współautor: K. Kropaczewski).
78. *Każmierczyk Z.* Tożsamość w wieku ideologii (w gnostycznych analizach Miłozsa) // Księga Janion / Red. Z. Majchrowski, S. Rosiek. Gdańsk, 2007.
79. *Kiejzik L.* Dostojewski i Solowjow — przyczynek do antropologii filozoficznej tych myślicieli // Transformacje. 1993–1994. N 3–4.

80. *Kiejzik L.* Sołowjow i Dostojewski, czyli rozważania historiozoficzne // Kiejzik L. Włodzimierz Sołowjow. Zielona Góra, 1997.
81. *Kisiel J.* Symbolika pająka w twórczości Dostojewskiego // J. Dobieszewski (red.). Almanach myśli rosyjskiej. Wokół Tołstoja i Dostojewskiego. Warszawa, 2000.
82. *Kornaś T.* Rodzina Karamazowów // *Didaskalia*. 2001. N 43–44.
83. *Kościołek A.* Człowiek Ewangelii w «Dzienniku pisarza» Fiodora Dostojewskiego. Toruń, 1994.
84. *Kościołek A.* «Dziennik pisarza» Fiodora Dostojewskiego. Próba monografii. Toruń, 2000.
85. *Kościołek A.* «O, dzięki Ci, Boże, za wszystko...» (Kilka uwag na temat doświadczeń modlitewnych bohaterów Fiodora Dostojewskiego) // *Przegląd Humanistyczny*. 1999. N 1.
86. *Kościołek A.* Pieniądz w twórczości F. Dostojewskiego // *Slavia Orientalis*. 2004. N 3.
87. *Kościołek A.* Tajemnica ludzkiej rozporządzalności (Kilka uwag o modelu człowieka Ewangelii w «Dzienniku pisarza» Dostojewskiego) // *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Filologia Rosyjska IV. Nauki Humanistyczno-Społeczne*. 1994. Z. 281.
88. *Kościołek A.* «Stara Polska», czyli o jezuityzmie i spiskach klerykalnych // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia Filologiczne. Filologia Rosyjska*. 1994. T. 39.
89. *Kościołek A.* Dar wolności a teoria środowiska na podstawie «Dziennika pisarza» Fiodora Dostojewskiego // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Opolskiego. Filologia Rosyjska*. 1994. T. 33.
90. *Kościołek A.* Моделът на Евангелския човек в «Дневник на писателя» Ф. Достоевски // *Доковане*. 1994. № XII; 1995. № I.
91. *Kościołek A.* Motywy modlitewne w twórczości Dostojewskiego. Szkic problemu // *Słowianie Wschodni. Duchowość–Kultura–Język* / Red. A. Bolek, D. Piwowska, A. Rażny. Kraków, 1998.
92. *Kościołek A.* Dostojewski o wychowaniu do wartości // *Opieka a edukacja. Studia dedykowane Profesorowi Marianowi Byblukowi z okazji 70 rocznicy urodzin* / Red. P. Petrykowski. Toruń, 2005.
93. *Kościołek A.* Fiodor Dostojewski — «literacki klasyk alkoholizmu» // *Slavia Orientalis*. 2006. N 2.
94. *Krasicki J.* Przeciw nicości. Eseje. Kraków, 2002.
95. *Krasicki J.* Depozyt Zmartwychwstania a religijna myśl rosyjska // *Zeszyty Historyczno-Teologiczne. Rocznik Collegium Resurrectianum*. T. XI (11). Kraków, 2005.
96. *Krasicki J.* Po «śmierci Boga». Eseje eschatologiczne. Kraków, 2011.
97. *Kropaczewski K.* Kategoria sobowtóra Fiodora Dostojewskiego a dwudziestowieczne idee «śmierci człowieka» // *Problemy współczesnej komparatystyki* / Pod red. H. Chałacińskiej-Wiertelak i W. Wasylenki. T. 1. Poznań, 2003.

98. *Kropaczewski K.* Wielokulturowość a problem «Innego». Powieść «Idiota» F. Dostojewskiego i film «Lalki» T. Kitano // Dyskurs wielokulturowy. Prace Humanistycznego Centrum Badań / Pod red. H. Chałacińskiej-Wiertelak i K. Kropaczewskiego. Poznań, 2007.

99. *Kropaczewski K.* Концепция искусства Ф. Достоевского в контексте западноевропейской категории возвышенного // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2008. N XXXIV.

100. *Kropaczewski K.* Диалог ценностей в творчестве Ф. М. Достоевского на примере категории возвышенного // *F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues* / Eds. Katalin Kroó and Tünde Szabó. Budapest, 2009.

101. *Kropaczewski K.* Mechanizmy reifikacji w utworach F. Dostojewskiego // *Tekst–rzecz–egzystencja w literaturach słowiańskich* / Pod red. B. Stempczyńskiej i J. Tymienieckiej Suchanek. Katowice, 2009.

102. *Kropaczewski K.* Przegrana Boga? Problem Bożej obecności w historii w ujęciu Sergia Quinzia i Fiodora Dostojewskiego // *Fenomen ducha Europy* / Red. M. Jędraszewski, M. Loba, D. Jewdokimow. Poznań, 2010.

103. *Kropaczewski K.* Dostojewowska teologia przyrody w kontekście rosyjskiego «Renesansu prawosławnego» // *W kręgu problemów ekologii kultury* / Red. H. Chałacińska, K. Kropaczewski. Poznań, 2011.

104. *Kropaczewski K.* Жизнь идеи в художественной форме метароманов Ф. М. Достоевского и В. Набокова // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2011. N XXXVI (współautor: N. Kaźmierczak).

105. *Krupski A.* Dostojewski w teatrze polski (1958–1975) // *Acta Universitatis Wratislaviensis*. N 862. Wrocław, 1988.

106. *Kulczycka-Saloni J.* Dostojewski w Polsce // *Miesięcznik Literacki*. 1972. N 3.

107. *Kulakowska D.* Dialogus cum Diabolo. Dostojewski a Luter // *Człowiek i Światopogląd*. 1984. N 11.

108. *Kulakowska D.* Dostojewski. Antynomie humanizmu według «Braci Karamazowow». Wrocław, 1987.

109. *Kulakowska D.* Dostojewski. Dialektyka niewiary. Warszawa, 1981.

110. *Kulakowska D.* Obrona lubieżnego starca (rzecz o Fiodorze Dostojewskim) // *Miesięcznik Literacki*. 1987. N 10.

111. *Kulakowska D.* Raskolnikow i inni // *Człowiek i Światopogląd*. 1981. N 5.

112. *Kuplowski M.* «Nieczajewszczyzna» — rzeczywistość i mit (przyczynki do problemu: Dostojewski a narodnictwo) // *Fiodor Dostojewski w setną rocznicę śmierci* / Red. M. Bobran. Rzeszów, 1985.

113. *Lazari de A.* Wczesna twórczość Fiodora Dostojewskiego w ocenie «ostatniego romantyka» Apollona Grigorjewa // *Fiodor Dostojewski — myśl i dzieło. W setną rocznicę śmierci pisarza*. Łódź, 1981.

114. *Lazari de A.* «Poczwinnictwo». Z badań nad historią idei w Rosji. Łódź, 1988.

115. *Lazari de A.* W kręgu Fiodora Dostojewskiego. Dostojewski i panslawizm Mikołaja Danilewskiego // Przegląd Humanistyczny. 1984. N 5–6.
116. *Lazari de A.* Piękno w światopoglądzie Dostojewskiego // Osnowa. 1984. N 9–10.
117. *Lazari de A.* Symbol ziemi w twórczości Fiodora Dostojewskiego // Acta Universitatis Wratislaviensis. Slavica Wratislaviensia XXXIX. N 825. Wrocław, 1986.
118. *Lazari de A.* Sprawa polska w kręgu «poczwienników» // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria. T. 18. Łódź, 1987.
119. *Lazari de A.* Григорьевские мотивы в «Речи о Пушкине» Ф. Достоевского // Revue des Etudes Slaves. T. LIX (1987). Fasc. 4. Paris, 1988.
120. *Lazari de A.* Категория народности у Достоевского и в эстетике соцреализма // Русская мысль. 1989. № 3789.
121. *Lazari de A.* Mikołaj Strachow i Fiodor Dostojewski // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria. 1995. N 37.
122. *Lazari de A.* Достоевский как идеологический авторитет в политической борьбе наших дней (о категории «всечеловечности») // Dostoevsky Studies. New Series. 1998. Vol. II. N 1.
123. *Lazari de A.* Категории народа, народности и всечеловечности в мировоззрении Федора Достоевского и его духовных наследников // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. М., 2002.
124. *Lazari de A.* Гегельянство в почвенническом восприятии // Dostoevsky Studies. 2004. Vol. VIII.
125. *Lazari de A.* Достоевский как зеркало «консервативной революции» // НГ-Религии. 2004. № 18.
126. *Lazari de A.* W kręgu Fiodora Dostojewskiego. Poczwiennictwo. Łódź, 2000; В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. М., 2004.
127. *Lazari de A.* (Kontr)rewolucjonista Dostojewski // Panorama myśli konserwatywnej pod red. J. Bartyzela, M. Bohuna, J. Goćkowskiego i A. Woźniak. Pułtusk; Toruń, 2007.
128. *Łużny R.* Dostojewski jakiego nie znaliśmy // Życie literackie. 1980. N 11.
129. *Macheta L.* Iwan Karamazow — Wielki Inkwizytor czy jurodiwy? Cechy duchowe inteligencji rosyjskiej // Prace Komisji Kultury Słowian. T. V / Pod red. L. Suchanka. Kraków, 2006.
130. *Macheta L.* Tichon kontra Stawrogin? O istocie ducha rosyjskiego w ujęciu Fiodora Dostojewskiego // Kultura rosyjska w ojczyźnie i diasporze. T. II / Red. K. Duda. Kraków, 2008.
131. *Małek E.* Жанр притчи в позднем творчестве Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого (Тезисы доклада) // Fiodor Dostojewski — myśl i dzieło. W setną rocznicę śmierci pisarza. Łódź, 1981.
132. *Małek E.* Przypowieść w późnej twórczości F. Dostojewskiego i L. Tołstoja // Przegląd Rusycystyczny. 1982. N 1–4.
133. *Małgowska H.* Dostojewski i Polacy w latach katongi i zesłania // Fiodor Dostojewski w setną rocznicę śmierci / Red. M. Bobran. Rzeszów, 1985.

134. *Mieczykowska A.* Acedia jako istnienie zdegradowane (Wokół twórczości F. Dostojewskiego — «Biesy») // *Studia Russica Thorunensia*. 1998. N 3.

135. *Mikiciuk E.* «Chrystus w grobie» i rzeczywistość anastasis. O symbolice grobowej w «Idiocie» Fiodora Dostojewskiego // *Znak*. 1999. N 10.

136. *Mikiciuk E.* Zbrodniarz — mój bliźni: F. Dostojewskiego pojmowanie winy i niewinności // *W Drodze*. 1999. N 8.

137. *Mikiciuk E.* Czas łaski w «Zbrodni i karze» Fiodora Dostojewskiego // *Topos*. 2000. N 3–4.

138. *Mikiciuk E.* Hosanna w piecu zwątpień, czyli Chrystus Dostojewskiego // *Więź*. 2002. N 5.

139. *Mikiciuk E.* Dostojewski — dramaturg, aktor i reżyser // *Didaskalia*. 2003. N 58.

140. *Mikiciuk E.* Misterium śmierci i zmartwychwstania w «Braciach Karamazow» Fiodora Dostojewskiego // *Problemy współczesnej tanatologii*. T. 7 / Red. J. Kolbuszowski. Wrocław, 2003.

141. *Mikiciuk E.* «Powrót Chrystusa?» Wokół inscenizacji «Idioty» w powojennym teatrze polskim // *Studia Rossica*. T. XIII / Red. A. Wołodźko-Butkiewicz i W. Zmarzer. Warszawa, 2003.

142. *Mikiciuk E.* Wizja raju w «Braciach Karamazow» Fiodora Dostojewskiego // *Chrześcijańskie dziedzictwo duchowe narodów słowiańskich* / Red. Z. Abramowiczowi. Białystok, 2003.

143. *Mikiciuk E.* Diabeł w «Braciach Karamazow» Fiodora Dostojewskiego // *Studia Bobolanum*. 2004. N 2.

144. *Mikiciuk E.* «Światło Taboru». O hezychazmie w twórczości Fiodora Dostojewskiego (na przykładzie «Braci Karamazow») // *Bizancjum. Prawosławie. Romantyzm. Tradycja wschodnia w kulturze XIX wieku* / Red. J. Ławski i K. Korotkich. Białystok, 2004.

145. *Mikiciuk E.* Dostojewski i teatr // *Pamiętnik Teatralny*. 2005. Z. 1–2.

146. *Mikiciuk E.* «Rosyjski Chrystus» w poemacie Stanisława Brzozowskiego «Teodor Dostojewski. Z mroków duszy rosyjskiej» // *Świat Słowian w języku i kulturze*. T. VI / Red. nauk. E. Komorowska i Ż. Kozicka-Borysowska. Szczecin, 2005.

147. *Mikiciuk E.* «Królestwo Antychrysta» i Nowe Jeruzalem w «Braciach Karamazow» Fiodora Dostojewskiego // *Apokalipsa: Symbolika–tradycja–egzegeza* / Red.: K. Korotkich i J. Ławski. Białystok, 2006.

148. *Mikiciuk E.* «Któż nie pragnie śmierci ojca?» O rodzinie ojcobójców w «Braciach Karamazow» Fiodora Dostojewskiego // *Prace Polonistyczne*. 2006. Seria LXI. T. 1.

149. *Mikiciuk E.* «Biesy», czyli o opętaniu terrorystycznym w ujęciu Fiodora Dostojewskiego i Andrzeja Wajdy // *Teatr — terytorium terroru* / Red. J. Ciechowicz, M. Jarmolowicz. Szczecin, 2008.

150. *Mikiciuk E.* Proces duchowej przemiany Dymitra Karamazowa w świetle misteriów eleuzyjskich // *Ateny*. Rzym. Bizancjum. Mity

Śródziemnomorza w kulturze XIX i XX wieku / Red. J. Ławski i K. Korotkich. Białystok, 2008.

151. *Mikiciuk E.* Teatr paschalny Fiodora Dostojewskiego. O wątkach misteryjnych «Bracia Karamazow» i ich wizjach scenicznych. Gdańsk, 2009.

152. *Miłosz Cz.* Szestow albo czystość rozpaczy // *Tri Quarterly*. 1973. N 28 (przedruk: *Miłosz Cz. Zaczynając od moich ulic*. Paryż, 1985).

153. *Miłosz Cz.* Swedenborg i Dostojewski, w wersji angielskiej // *Slavic Review*. 1975. N 1 (w języku polskim: *Roczniki Humanistyczne*. 1976. Z. 1).

154. *Miłosz Cz.* Biesy // *Kultura*. 1976. N 12 (przedruk: *Ogród nauk*. Paryż, 1979).

155. *Miłosz Cz.* Dostojewski i zachodnia wyobraźnia religijna // *Znak*. 1981. N 1–2.

156. *Miłosz Cz.* Mickiewicz i Dostojewski // *Znak*. 1981. N 1–2.

157. *Miłosz Cz.* A Conversation about Dostoevsky // *Michigan Quarterly Review*. 1983. N 22.

158. *Miłosz Cz.* Źródła leżą w zachodniej Europie. Wywiad, Czesław Miłosz odpowiada na pytania Z. Podgórcza // *Literatura na świecie*. 1983. N 3.

159. *Miłosz Cz.* Dostojewski i Sartre // *Miłosz Cz. Zaczynając od moich ulic*. Paryż, 1985.

160. *Miłosz Cz.* Ziemia Ulro. Paryż, 1977 (Dostojewski i zachodnia wyobraźnia religijna; pierwodruk: *Znak*. 1981. N 1–2).

161. *Miłosz Cz.* Dostojewski teraz // *Kultura*. 1992. N 5 (przedruk: *Życie na wyspach*. Kraków, 1997).

162. *Miłosz Cz.* Fiodor Dostojewski // *Miłosz Cz. Abecadło*. Kraków, 1997.

163. *Miłosz Cz.* Dostojewski // *Miłosz Cz. Życie na wyspach*. Kraków, 1997.

164. *Miłosz Cz.* Dostojewski badał choroby ducha. Wywiad. Z Czesławem Miłoszem rozmawiają C. Gawryś i J. Majewski // *Więź*. 2000. N 3.

165. *Miłosz Cz.* Diagnoza nieostateczna. Rozmowa o rosyjskiej historii, literaturze i polityce / Z Czesławem Miłoszem rozmawia S. Frołow // *Tygodnik Powszechny*. 2004. N 7.

Первая публикация на русском языке: О России. Беседа с Чеславом Милошем, поэтом, лауреатом Нобелевской премии / Специально для «Новой Польши» беседу вела Сильвия Фролова // *Новая Польша*. 2003. № 3. (<http://www.novopol.ru/index.php?id=183>)

166. *Mirkut L.* Grzegorz Danilewski i Fiodor Dostojewski // *Przegląd Rusycystyczny*. 1986. Z. 3–4.

167. *Modzelewska N.* Pisarz i młodość. Dostojewski, Czechow. Warszawa, 1975.

168. *Mucha B.* Fiodor Dostojewski czasów katogi w opinii polskich współczesności // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego*. 1977. Z. 37.

169. *Nowikowa K.* Antropologia Dostojewskiego // Logos i Ethos. 2006. N 1.

170. Okrutny talent. Dostojewski we wspomnieniach, krytyce i dokumentach / Wybór, wstęp, przypisy *Z. Podgórzec*. Kraków, 1984.

171. *Orłowski J.* Reakcja Dostojewskiego na sprawy polskie // Przegląd Humanistyczny. 1982. N 5–6.

172. *Orłowski J.* Opowiadanie świąteczne w twórczości Dostojewskiego // Fiodor Dostojewski w setną rocznicę śmierci / Red. *M. Bobran*. Rzeszów, 1985.

173. *Owczarski W.* Mann i Dostojewski diabłem podszyci czyli o paradoksalności diabła i diaboliczności paradoksu // Tytuł. 1993. N 1.

174. *Paprocki H.* Chrystus i książę tego świata. Apokaliptyczna wizja Dostojewskiego // Więż. 1982. N 6.

175. *Paprocki H.* Śniąc o człowieku // F. Dostojewski. Sen wujaszka (Program Teatru Ateneum). Warszawa, 1996.

176. *Paprocki H.* Jesteśmy irracjonalni, proszę państwa // Bilard petersburski według Fiodora Dostojewskiego (Program Teatru Studio). Warszawa, 1977.

177. *Paprocki H.* Sołowjow i Dostojewski: idea Sofii // Acta Polono-Ruthenica. 1997. T. 2.

178. *Paprocki H.* Fiodora Dostojewskiego theatrum divinum. Glosa // Teatr. 2010. Z. 5.

179. *Paprocki H.* Rozpacz czy nadzieja? // Evdokimov P. Gogol i Dostojewski czyli zstąpienie do otchłani. Kraków, 2002.

180. *Paprocki H.* Nad brzegiem otchłani // Bierdiajew M. Światopogląd Dostojewskiego. Kęty, 2004.

181. *Paprocki H.* Lew i mysz, czyli tajemnica człowieka. Białystok, 1997.

182. *Podgórzec Z.* Dostojewski dzisiaj (ankieta) // Znak. 1981. N 1–2.

183. *Podgórzec Z. (red.)* Okrutny talent. Dostojewski we wspomnieniach, krytyce i dokumentach. Kraków; Wrocław, 1984.

184. *Podgórzec Z.* Rozmowy z Jerzym Nowosielskim. Warszawa, 1985 (tu: Dostojewski i ikona).

185. *Pomorski A.* Straszna zbrodnia w Spedobydlińsku // Dostojewski F. Bracia Karamazow / Tłum. *A. Pomorski*. Kraków, 2004.

186. *Posacki A.* Duchowy charakter zła: wokół Fiodora Dostojewskiego // Horyzonty Wychowania. 2005. N 4.

187. *Posacki A.* Humanizm sataniczny u F. Dostojewskiego — na przykładzie postaci Wielkiego Inkwizytora // Philosophia rationis magistra vitae. Kraków, 2005.

188. *Poźniak T.* Wokół tradycji Dostojewskiego w prozie radzieckiej lat dwudziestych // Slavia Orientalia. 1972. N 3.

189. *Poźniak T.* Dostojewski w kręgu symbolistów rosyjskich. Wrocław, 1969.

190. *Poźniak T.* Kategoria strachu i wstydu w światopoglądzie F. Dostojewskiego // Slavica Vratislaviensia. 1981. T. XXXVI.

191. *Poźniak T.* Orient biblijny u Dostojewskiego (Babilon i Jeruzalem) // Dzieło chrystianizacji Rusi Kijowskiej i jego konsekwencje w kulturze Europy. Lublin, 1988.

192. *Poźniak T.* Dostojewski i Wschód. Szkice z pogranicza kultur // Slavica Wratislaviensia. T. LXXV. Wrocław, 1992.

193. *Poźniak T.* Homo aegrotus Fiodora Dostojewskiego. Z pogranicza świadomości i ekspresji // Słowianie wschodni: duchowość, mentalność, kultura. Księga Jubileuszowa dedykowana Profesorowi Ryszardowi Łuznemu w siedemdziesięciolecie urodzin. Kraków, 1997.

194. *Prokop J.* Rosyjska lekcja — Francuzi i Dostojewski // Prokop J. Spory o nowoczesność. Kielce, 2005.

195. *Prus K.* Polemika Dostojewskiego z Dobrolubowem // Fiodor Dostojewski. W setną rocznicę śmierci / Red. M. Bobran. Rzeszów, 1985.

196. *Przebinda G.* Sołowjow wobec Dostojewskiego // Przebinda G. Sołowjow wobec historii. Kraków, 1992.

197. *Przebinda G.* Dostojewski o duszy i raju. A także o biesach nihilizmu i nacjonalizmu // Znak. 1999. N 10.

198. *Przebinda G.* Nieśmiertelność dla herosów. O terrorystach-metafizykach u Dostojewskiego // Przebinda G. Zaułki Mistrza Wolanda. Kraków, 2000.

199. *Przebinda G.* Historia a dzień współczesny w naszej Europie. Wojtyła czyta Dostojewskiego i Sołżenicyna // Ethos. 2002. N 3–4; Войтыла читает Достоевского и Солженицына // Новая Польша. 2002. № 9.

200. *Przebinda G.* Dostojewski o nieśmiertelności duszy i raju pozaziemskim // Przebinda G. Między Moskwą a Rzymem. Myśl religijna w Rosji XIX i XX wieku. Kraków, 2003.

201. *Przebinda G.* Jaskinia Gogola i Dostojewskiego. Literatura i teologia: niebezpieczeństwo uproszczonej lektury // Tygodnik Powszechny. 2003. N 12.

202. *Przebinda G.* Dostojewski o nieśmiertelności duszy i raju pozaziemskim // Przebinda G. Między Moskwą a Rzymem. Myśl religijna w Rosji XIX i XX wieku. Kraków, 2003; Достоевский о бессмертии души и рае неземном // Новая Польша. 2009. № 7/8.

203. *Przebinda G.* Wielki Inkwizytor — legenda czy poemat?; Piekło bez sututu; Książę Myszkini i biesy // Przebinda G. Piekło z widokiem na niebo. Spotkania z Rosją 1999–2004. Kraków, 2004; Вялікі інквізітор Дастаўеўскага: «легенда» ці «поэма» // W poszukiwaniu znaczeń. Studia dedykowane Marceli Świątkowskiej. En quete de sens. Etudes dediees a Marcela Świątkowska / Red. J. Górnikiewicz, H. Grzmił-Tylutki, I. Piechnik. Kraków, 2010.

204. *Przebinda G.* Пещера Гоголя и Достоевского, как ее видел богослов Павел Евдокимов // Двести лет Гоголя. Сборник научных трудов / Ред. В. Щукин. Kraków, 2011.

205. *Przesmycki P.* Człowiek pomiędzy misterium salutis a misterium iniquitatis. Refleksja antropologiczna w nawiązaniu do Jana Pawła II

i Fiodora Dostojewskiego // Episteme. Acta Universitatis Masuriensis. T. 44. Olecko, 2005.

206. *Przybylski R.* Dostojewski // Historia literatury rosyjskiej. T. 2. Warszawa, 1976.

207. *Przybylski R.* Janion M. Sprawa Stawrogina. Warszawa, 1996.

208. *Przybylski R.* Stawrogin // Teksty. 1972. N 4.

209. *Przybylski R.* Śmierć Antychrysta // Znak. 1981. N 4.

210. *Rawa T.* Camus i Dostojewski, wpływy i analogia // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. 1974. Z. 29.

211. *Raźny A.* Fiodor Dostojewski. Filozofia człowieka a problemy poetyki. Kraków, 1988.

212. *Raźny A.* Symbolika chrześcijaństwa w twórczości Fiodora Dostojewskiego. Krzyż // Dzieło chrystianizacji Rusi Kijowskiej i jego konsekwencje w kulturze Europy / Red. R. Łużny. Lublin, 1988.

213. *Raźny A.* Fiodor Dostojewski — perspektywa chrześcijańskiej wolności // Sacrum w literaturach słowiańskich / Red. Gotfryd J. Nowaczyński P. Lublin, 1997.

214. *Raźny A.* «Bracia Karamazow» Fiodora Dostojewskiego — od metafizyki do ideologii // Lektury polonistyczne. T. 1 / Red. Nycz R., Jastrzębski J. Kraków, 1997.

215. *Raźny A.* Śmierć i nieśmiertelność w twórczości Fiodora Dostojewskiego // Slavia Orientalis. 1998. N 3.

216. *Raźny A.* Triumf metafizyki w «Idiocie» Fiodora Dostojewskiego // XII Musica Antiqua Europae Orientalis. Vol. 2: Acta Slavica. Bydgoszcz, 2000.

217. *Raźny A.* Wielki Inkwizytor Fiodora Dostojewskiego — symbol zniewolonego ducha // Słowianie Wschodni. Duchowość. Mentalność. Kultura / Red. Raźny A., Piwowarska D. Kraków, 1997.

218. *Raźny A.* Fiodor Dostojewski — perspektywa chrześcijańskiej wolności // Sacrum w literaturach słowiańskich / Red. Gotfryd J., Nowaczyński P. Lublin, 1997.

219. *Raźny A.* «Bracia Karamazow» Fiodora Dostojewskiego — od metafizyki ku ideologii // Lektury polonistyczne. Od realizmu do preekspresjonizmu / Red. Matuszek G. Kraków, 2001.

220. *Raźny A.* Dialog metafizyczny w twórczości Fiodora Dostojewskiego // Europa tworzona w dialogu kultur / Red. L. Rożek. Częstochowa, 2003.

221. *Raźny A.* Fiodor Dostojewski: Czy nieprawosławny może być Rosjaninem? // PAU. Prace Komisji Kultury Słowian. T. VI. Słowianie i ich konfesje / Red. Suchanek L. Kraków, 2007.

222. *Raźny A.* Fiodor Dostojewski: piękno zbawi świat // Dobro, piękno i wiara w kontekście nauczania Jana Pawła II / Red. Diec J., Łetocha R. Oświęcim, 2009.

223. *Rogalski A.* Sacrum u Tołstoja i Dostojewskiego // Chrześcijanin a Współczesność. 1986. N 2.

224. *Romanowski D.* Demoniczne podróże bohaterów Dostojewskiego // *Slavia Orientalis*. 2006. N 3.
225. *Romańczuk S.* Piękno zbawi świat. Pismo święte w twórczości F. Dostojewskiego // *Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego*. 1972. Z. 2.
226. *Romańczuk S.* Świat opętanych Fiodora Dostojewskiego // *Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego*. 1975. N 1–2.
227. *Rowiński C.* Dlaczego Kiryłow popełnił samobójstwo? // *Miesięcznik Literacki*. 1985. N 11.
228. *Rudnicki A.* Sto lat temu umarł Dostojewski. Kraków, 1989.
229. *Salij J.* Ateizm w diagnozach i prognozach Dostojewskiego // *Literatura na Świecie*. 1983. N 3.
230. *Semak O.* Człowiek z podziemia Dostojewskiego jako filozof postmodernistyczny // *Fraza*. 1995. N 9.
231. *Semczuk A.* Dostojewski i Turgieniew // *Slavia Orientalis*. 1972. N 3.
232. *Semczuk A.* Fiodor Dostojewski // *Literatura rosyjska w zarysie*. Cz. 2 / Red. Barański Z. i Semczuk A. Warszawa, 1975.
233. *Sielicki F.* Dostojewski w kręgu pisarzy Polski międzywojennej // *Slavia Orientalis*. 1972. N 3.
234. *Sielicki F.* Klasycy dziewiętnastowiecznej prozy rosyjskiej w Polsce międzywojennej. Warszawa, 1985.
235. *Skórzyński P.* Dostojewski czyli manicheizm // *Czas Kultury*. 1995. N 5.
236. *Skwara J.* Fiodor Dostojewski a niektóre problemy czarnego filmu // *Przegląd Humanistyczny*. 1974. N 9.
237. *Smaga J.* Fiodor Dostojewski. Kraków, 1974.
238. *Smaga J.* Wstęp // *Dostojewski F. Zbrodnia i kara*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1992.
239. *Smaga J.* Wstęp // *Dostojewski F. Bracia Karamazow* Wrocław; Warszawa, 1995.
240. *Smykowska E.* Paradoks Dostojewskiego // *Więź*. 1977. N 4.
241. *Stawiński J.* Bohaterowie kartezjańscy Dostojewskiego wobec tradycji kartezjanizmu // *Studia Filozoficzne*. 1971. N 4.
242. *Stepczyńska B.* Dostojewski i malarstwo. Katowice, 1980.
243. *Suchanek L. F.* Dostojewski w ocenie Cz. Miłosza // *Fiodor Dostojewski w setną rocznicę śmierci* / Red. M. Bobran. Rzeszów, 1985.
244. *Sucharski T.* Dostojewski Herlinga-Grudzińskiego. Lublin, 2002.
245. *Sucharski T.* Dostojewski w «filozofii tragedii» Lwa Szestowa // *Problem tragedii i tragizmu* / Pod red. H. Krukowskiej i J. Ławskiego. Białystok, 2005.
246. *Sucharski T.* «Zamysł Stwórcy w odniesieniu do Rosji». Bierdiajew w poszukiwaniu «idei rosyjskiej» // *Mity antyczne (greckie, rzymskie i bizantyjskie) w literaturze, filozofii i sztuce przełomu XIX i XX wieku* / Pod red. Ławskiego J. i Korotkicha K. Białystok, 2008.

247. *Sucharski T.* W poszukiwaniu «doskonale pięknych postaci». O języku agape (αγάπη) w wielogłosowym chaosie świata Dostojewskiego // *Słupskie Prace Filologiczne*. 2009. N 7.

248. *Sucharski T.* Miłosz i «herezje» Dostojewskiego // «Północna strona» Miłosza / Red. Czermińska M. Gdańsk, 2011.

249. *Szczukin W.* Салтыков-Щедрин о Достоевском // Fiodor Dostojewski myśl i dzieło. W setną rocznicę śmierci pisarza. Materiały Ogólnopolskiej Konferencji Naukowej. Ustronie Wlkp. 5–7 maja 1981. Łódź, 1981.

250. *Szczukin W.* Petersburg a twórczość Fiodora Dostojewskiego // *Przegląd Humanistyczny*. 1982. N 5/6.

251. *Szczukin W.* Петербургская Сенная площадь (к характеристике одной профанологемы) // *Studia Litteraria Polono-Slavica 4: Utopia czystości i góry śmieci — Utopija czystoty i gory musora*. Warszawa, 1999.

252. *Szczukin W.* Земля на Сенной площади (об одном из мотивов «Преступления и наказания» Федора М. Достоевского) // *Ziemia w literaturach i myśli filozoficznej Słowian / Pod red. Wandy Laszczak i Darii Ambroziak*. Opole, 2008.

253. *Świdarska M.* Studien zur literaturwissenschaftlichen Imagologie. Das literarische Werk F.M. Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Berücksichtigung der Darstellung Polens. München, 2001 (Slavistische Beiträge; 412).

254. *Świdarska M.* Der «Idiot» — ein moderner Christus? // Setzer H., Müller L. und Kluge R.-D. (Hgg.). *F.M. Dostoevskij. Dichter, Denker, Visionär*. Tübingen, 1998.

255. *Świdarska M.* Mickiewicz und die russische Literatur: Puschkina, Karolina Pawłowa, Dostojewski // Kluge R.-D. (Hg.) *Von Polen, Poesie und Politik... Adam Mickiewicz 1798–1998. Mit einem Essay von Karl Dedecius und Beiträgen von Tilman Berger, Gerardo Cunico, Wojciech Dudzik (u.a.)*. Tübingen, 1999.

256. *Świdarska M.* «Spasibo nemeц: Gott... Ja ved' čtu, čtu... Ja ved' preklonjajus'. O, ne znaete duši moej. Ja Šiller Ljubitel'» // *Deutsche Kultur als Mittel zur Charakterisierung russischer Figuren in den literarischen Werken F.M. Dostoevskijs / Willich-Lederbogen H., Nohejl R., Fischer M., Setzer H. (Hrsg.): Festschrift für Rolf-Dieter Kluge zum 65. Geburtstag*. München, 2002.

257. *Świdarska M.* Fremdheit in den Romanen F.M. Dostoevskijs. Eine Interpretation aus imagologischer Sicht am Beispiel ausgewählter deutscher Figuren // *Dostoevsky Studies. New Series*. 2003. Vol. VII.

258. *Świdarska M.* Ekfrazja w powieści *Idiota* Fiodora M. Dostojewskiego jako sposób konstruowania kulturowej obcości // *Slavia Orientalis*. 2003. N 2; Экфразис в романе Ф.М. Достоевского как прием культурного отчуждения // *Studia Russica XXI*. Budapest, 2004.

259. *Tischner J.* Człowiek zniewolony i sprawa wolności (Hegel–Dostojewski–Descartes) // *Znak*. 1981. N 1–2.

260. *Tischner J.* Filozofia dramatu. Paryż, 1990.

261. *Tomkowski J.* Mistyka i herezja. Wrocław, 1993.
262. *Uglik J.* Dostojewski — pokora i poniżenie // *Fraza*. 2006. N 1–2.
263. *Uglik J.* Polacy w powieściach i publicystyce Dostojewskiego // *Przegląd Powszechny*. 2004. N 11.
264. *Uglik J.* Prawosławie i katolicyzm w myśli Fiodora Dostojewskiego // *Przegląd Filozoficzny*. 2003. N 2.
265. *Uglik J.* Wiara i rozum na podstawie dzieła Fiodora Dostojewskiego // *Przegląd Powszechny*. 2003. N 9.
266. *Uglik J.* Wokół Fiodora Dostojewskiego. Rosja i Europa // *Kartki*. 2002. N 28.
267. *Uglik J.* Wolność odpowiedzialna i wolność absolutna: przyczynek do koncepcji dobra i zła w filozofii Fiodora Dostojewskiego // *Edukacja Filozoficzna*. 2003. Vol. 35.
268. *Urbankowski B.* Dostojewski — dramat humanizmów. Warszawa, 1978.
269. *Walaszek J.* W kręgu Dostojewskiego // *W kręgu arcydzieł: Dostojewski, «Hamlet», «Wesele»*. Kraków, 2003.
270. *Wodziński C.* Św. Idiota. Projekt antropologii apofatycznej. Gdańsk, 2000.
271. *Wodziński C.* Trans, Dostojewski, Rosja, czyli o filozofowaniu siekierą. Gdańsk, 2005.
272. *Woźniak A.* Gogol i Dostojewski. Od antropologii do bogoczości-wieczności // *Słowianie wschodni: duchowość, mentalność, kultura*. Księga Jubileuszowa dedykowana Profesorowi Ryszardowi Łużnemu w siedemdziesiątce urodzin. Kraków, 1997.
273. *Woźniak A.* Świadomość zmitologizowana czyli Riemizow o Dostojewskim // *Przegląd Rusycystyczny*. 1998. N 1–2.
274. *Woźny A.* Bachtin. Między marksistowskim dogmatem a formacją prawosławną. Nad studium o Dostojewskim. Wrocław, 1993.
275. *Zielińska M.* «Poeta i świat», czyli Raskolnikow po polsku; Romantyczni skazańcy i carski teatr grozy // *Rosjanie. Romantyzm*. Warszawa, 1998.

М. БУБЕНИКОВА

**ДОСТОЕВСКИЙ И ЧЕХИЯ: БИБЛИОГРАФИЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 60-х гг. XX в. — 2012 г.)¹**

Сочинения Достоевского на чешском языке

1. Vybrané spisy F. M. Dostojevského. Praha, 1959–1985. [Т.] 1–14.

**Библиография книг и статей о Достоевском
на чешском языке**

Книги

1. *Kautman F.* Voje o Dostojevského. Praha, 1966.
2. *Dostojevskij F. M.* Dopisy / Uspoř., přel., doslov a komentáře napsal F. Kautman. Praha, 1966.
3. *Kautman F. F. X. Šalda a F. M. Dostojevskij.* Praha, 1968.
4. *Bachtin M.* Dostojevskij umělec. K poetice prózy. Praha, 1971.
5. *Körbrovová Z. F. M. Dostojevskij. 1821–1881.* Personální bibliografie. Praha, 1971.
6. F. M. Dostojevskij. 1821–1881 / [Сост., вступ. и коммент. Ф. Каутмана.] Praha, 1972. [Издано по случаю одноименной выставки.]
7. *Zadražil L.* Legenda o velikém hříšníkovi. Život Dostojevského / Z dobových svědectví a dokumentů sestavil a závěrečnou poznámku «Proč Dostojevskij nenapsal Legendu o velikém hříšníkovi» napsal L. Zadražil. Praha, 1972.
8. *Kautman F. F. M. Dostojevskij — věčný problém člověka.* Praha, 1976 [samizdat].
9. *Bursov B.* Dostojevskij a jeho svět. Praha, 1978.
10. *Dostojevskaja A.* Život s Dostojevským. Praha, 1981.
11. *Paříková M., Pažoutová L.* Fjodor Michajlovič Dostojevskij. 1821–1881. Dílo F. M. Dostojevského v divadle, ve filmu a v hudbě. Praha, 1981.
12. Dílo F. M. Dostojevského jako zdroj divadelní inspirace. České inscenace z let 1900–1981 / Redakce H. Albertová, úvod R. Grebeníčková. Praha, 1982.

¹ Предлагаемая библиография включает важнейшие публикации, посвященные творческому наследию великого писателя. Книги и статьи приводятся в хронологическом порядке, книги и статьи, изданные в один год, выстроены по алфавиту.

13. *Kautman F. F. M. Dostojevskij — věčný problém člověka.* Praha, 1992.
14. *Šalda F.X. Génius řecký a génius židovský. Dílo Dostojevského a jeho položení evropské. Dvě studie ze Šaldova zápisníku.* Praha, 1992.
15. *Masaryk T. G. Rusko a Evropa.* Praha, 1996. [T.] I–III.
16. *Zweig S. Tři mistři. Balzac, Dickens, Dostojevskij.* Praha, 1997.
17. *Hříbková R. Umělecko-filozofická koncepce dětství v tvorbě F. M. Dostojevského.* Praha, 1998.
18. *Berdjajev N. A. Dostojevského pojetí světa.* Praha, 2000
19. *Velký inkvizitor. Nad textem F. M. Dostojevského.* Velehrad, 2000.
20. *Svatoň V. Z druhého břehu (Studie a eseje o ruské literatuře).* Praha, 2002.
21. *Kautman F. F. M. Dostojevskij: Věčný problém člověka.* Praha, 2004.
22. *Sto roků kobry. Bestiář podle Dostojevského.* Brno, 2006.
23. *Dostojevskij dnes. Sborník příspěvků z konference s mezinárodní účastí. Praha, 27. listopadu 2006 / Ed. M. Bubeníková, M. Hrabáková, R. Hříbková.* Praha, 2007. [Содержание: *Kautman F. Pozdravný dopis; Достоевский Д. А., Шварц Н. В. 500 лет рода Достоевских; Mathauser Z. Перемена идентичности у Ф. М. Достоевского; Svatoň V. V objetí země; Nykl H. Dostojevskij a ruská nábožensko-filozofická renesance; Vlček R. Fjodor Michajlovič Dostojevskij a duše Ruska; Neumann B. Dostojevskij a narodnictví; Honzík J. Dostojevskij podle Nabokova; Horváth G. S. Сиротство как метафора повествования в романе «Униженные и оскорбленные»; Pechal Z. «Другой hlas» в «Двойнике» F. M. Dostojevského; Ryčlová I. Ф. М. Достоевский в трактовке современного русского театрального авангарда («Двойник» В. Фокина); Hříbková R. Жанр праздничного рассказа в творчестве Ф. М. Достоевского; Richterek O. F. M. Dostoevskij a současný český čtenář; Morávková A. Poznámky k tématu Dostojevskij jako překladatelský problém; Bubeníková M. F. M. Dostojevskij ve vysílání českého rozhlasu; Lepilová K. Ф. М. Достоевский и чешская критика XX века. Сборник содержит список мероприятий, организованных Обществом Достоевского в Праге в 2004–2006 гг., а также именную указатель и указатель литературных произведений, упоминающихся в сборнике.]*
24. *Koukolík F. Proč se Dostojevskij mýlil? O vědomí, empatii, altruismu, lásce, zlu a religiozitě.* Praha, 2007.
25. *Pytlík R. F. M. Dostojevskij: život a dílo.* Praha, 2008.
26. *Exner M. Struktura symbolična v pohledu psychoanalytické literární vědy. Na příkladu románu «Bratři Karamazovi» F. M. Dostojevského. Příspěvek k evoluční estetice.* Liberec, 2009.
27. *Vrangel' A. J. Vzpomínky na Fjodora Michajloviče Dostojevského na Sibíři v letech 1854–1856.* Pelhřimov, 2009.

1. Černý V. Dostojevský a jeho Běsi // Černý V. Studie a eseje z moderní světové literatury. Praha, 1969. S. 31–60.
2. Grebeníčková R. Kompozice Dostojevského románů // Československá rusistika. 1971. N 2. S. 95.
3. Grebeníčková R. «Zamlčující» dialog u Dostojevského // Československá rusistika. 1971. N 2. S. 54–60.
4. Kautman F. Na prahu jubilejního roku F. M. Dostojevského // Československá rusistika. 1971. N 2. S. 87–91.
5. Parolek R. Doslov // Bachtin M. Dostojevskij umělec. K poetice prózy. Praha, 1971. S. 363–367.
6. Zdražil L. Předpoklad klasičnosti v literární koncepci F. M. Dostojevského // Československá rusistika. 1971. N 2. S. 49–54.
7. Grebeníčková R. Téma «psaní» v Dostojevského «Výrostkovi» // Československá rusistika. 1972. N 3. S. 115–122.
8. Hermanová E. K otázce literárněhistorického výkladu «Chudých lidí» F. M. Dostojevského // Československá rusistika. 1972. N 3. S. 110–114.
9. Horálek K. Dostojevskij a polyfonní román // Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury. Praha, 1972. [T.] XVI. S. 49–58.
10. Jehlička M. Dostojevského «Věčný manžel» a Tolstého «Kreutzerova sonáta» (K problému vypravěčství Dostojevského a Tolstého) // Acta Universitatis Carolinae. Philologica. [N] 2–4. Slavica Pragensia. 1972. [T.] 14. S. 265–278.
11. Parolek R. Estetický ideál Dostojevského // Československá rusistika. 1972. N 3. S. 107–110.
12. Krejčí K. Závěr — Zločin a trest // Krejčí K. Česká literatura a kulturní proudy evropské. Praha, 1975. S. 161–208.
13. Parolek R., Honzík J. Cesta do hlubin lidské duše (Dostojevskij) // Parolek R., Honzík J. Ruská klasická literatura. Praha, 1977. S. 383–412.
14. Píša A. M. Ves Stěpančikovo // Píša A. M. Divadelní avantgarda. Kritiky a referáty z let 1926–1941. Praha, 1978. S. 149–151.
15. Mandát J. Dostojevskij a naše země // Slovanské studie. Spisy UJEP. Brno, 1979. S. 49–57.
16. Kostríca V. Dostojevskij a dnešek // Rossica Olomucensia XIX (za rok 1980). Olomouc, 1981. S. 72–77.
17. Scherhauser P. Karamazovci // Studia I. Praha, 1981. S. 1–6.
18. Mathauserová S. Dostojevskij a zlé štěstí // Mathauserová S. Cestami staletí. Systémové vztahy v dějinách ruské literatury. Praha, 1988. S. 77–88.
19. Karola J. E. Masaryk a Společnost Dostojevského // Tvar. Literární týdeník. 1992. N 45. S. 5.
20. Karola J. E. Masarykova diagnóza religiozity F. M. Dostojevského // Tvar. Literární týdeník. 1992. N 48. S. 5–6.
21. Karola J. E. Masaryk a beletrie // Tvar. Literární týdeník. 1993. N 19. S. 8–9.

22. *Zadrazil L.* Fenomén Dostojevskij // Tvar. Literární týdeník. 1992. N 1. S. 12–13.
23. *Kautman F.* Zweimal über Dostojevski // Germanoslavica. 1994. N 1/2. S. 190–195.
24. *Kautman F.* Problém sebevraždy u F. M. Dostojevského a T. G. Masaryka // Filozofia (Bratislava). 1995. N 8. S. 394–414.
25. *Pospíšil I.* Typologie šílenství: Od sociálně psychologického projevu k existenciálnímu symbolu (F. M. Dostojevskij) // Pospíšil I. Fenomén šílenství v ruské literatuře 19. a 20. století. Brno, 1995. S. 77–103.
26. *Hrbek M.* Nietzsche a Dostojevskij // Hrbek M. «Smrt Boha» v Nietzscheově filosofii. Praha, 1997. S. 168–189.
27. *Funda O. A.* Pozadí Masarykova odmítnutí F. M. Dostojevského // Svět literatury. 1998. N 15. S. 27–34.
28. *Kautman F.* Masarykův zápas s Dostojevským // Svět literatury. 1998. N 15. S. 3–17.
29. *Pechar J. K.* Masarykovu pojetí Dostojevského // Svět literatury. 1998. N 15. S. 18–26.
30. *Pospíšil I.* Žánr a osobnost (Deník spisovatele F. M. Dostojevského a šlépěje J. Demla) // Pospíšil I. Genologie a proměny literatury. Brno, 1998. S. 106–115.
31. *Kautman F.* Dostojevskij, Kafka, Hostovský. Existenciální problematika moderní prózy // Sborník prací filosofické fakulty brněnské university, řada literárněvědná bohemistická. Brno, 2000. S. 71–83.
32. *Petříček M.* L'affaire Karamasoff // Svět a divadlo. 2000. N 5. S. 4–7.
33. *Pospíšil I. T. G. Masaryk jako rusista* // Tomáš Garrigue Masaryk a věda. Sborník příspěvků ze VII. Ročníku semináře Masarykova muzea v Hodoníně 10. listopadu 1999. Hodonín, 2000. S. 88–99.
34. *Richterek O.* Dostojevského sny (Eseje a štúdie o snoch a Dostojevskom) // Slavia. 2001. N 1. S. 129–130.
35. *Srovnal J.* Rusko a Evropa a Masarykovo filosofické krédo // TGM, Rusko a Evropa. Dílo–víze–přítomnost. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference pořádané ve dnech 12.–14. září 1997 v Praze. Praha, 2002. S. 27–39.
36. *Svatoň V.* Masarykovo myšlení a Rusko: Jeho souvislosti a rozpor // TGM, Rusko a Evropa. Dílo–víze–přítomnost. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference pořádané ve dnech 12.–14. září 1997 v Praze. Praha, 2002. S. 40–47.
37. *Bednář M.* Filosofický problém východní otázky v případě Ruska a Evropy u T. G. Masaryka a soudobý stav filosofie // TGM, Rusko a Evropa. Dílo–víze–přítomnost. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference pořádané ve dnech 12.–14. září 1997 v Praze. Praha, 2002. S. 48–52.
38. *Janát B.* Spirituální osa Západ–Východ: Goethe–Masaryk–Dostojevskij // TGM, Rusko a Evropa. Dílo–víze–přítomnost. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference pořádané ve dnech 12.–14. září 1997 v Praze. Praha, 2002. S. 53–60.

39. *Zouhar J.* K dualitě západnictví a slavjanofilství v ruském myšlení 19. století // TGM, Rusko a Evropa. Dílo–vize–přítomnost. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference pořádané ve dnech 12.–14. září 1997 v Praze. Praha, 2002. S. 61–63.

40. *Štindl L.* Několik námětů k diskusi o Masarykovi, Rusku a Evropě // TGM, Rusko a Evropa. Dílo–vize–přítomnost. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference pořádané ve dnech 12.–14. září 1997 v Praze. Praha, 2002. S. 64–67.

41. *Funda O.A.* Pozadí Masarykova odmítnutí F.M. Dostojevského // TGM, Rusko a Evropa. Dílo–vize–přítomnost. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference pořádané ve dnech 12.–14. září 1997 v Praze. Praha, 2002. S. 68–74.

42. *Franěk J.* Dva z aspektů Ruska a Evropy // TGM, Rusko a Evropa. Dílo–vize–přítomnost. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference pořádané ve dnech 12.–14. září 1997 v Praze. Praha, 2002. S. 68–74.

43. *Kautman F.* Masaryk–Dostojevskij–pravoslavi // TGM, Rusko a Evropa. Dílo–vize–přítomnost. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference pořádané ve dnech 12.–14. září 1997 v Praze. Praha, 2002. S. 75–82.

44. *Kohout J.* K Masarykovu pojetí ruské otázky: Dostojevskij ano a ne // TGM, Rusko a Evropa. Dílo–vize–přítomnost. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference pořádané ve dnech 12.–14. září 1997 v Praze. Praha, 2002. S. 91–98.

45. *Olšovský J.* Masarykova kritika subjektivismu a jeho pojetí objektivismu // TGM, Rusko a Evropa. Dílo–vize–přítomnost. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference pořádané ve dnech 12.–14. září 1997 v Praze. Praha, 2002. S. 99–106.

46. *Malevič O.M.* T.G. Masaryk a Karel Čapek — Vztah k ruské literatuře // TGM, Rusko a Evropa. Dílo–vize–přítomnost. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference pořádané ve dnech 12.–14. září 1997 v Praze. Praha, 2002. S. 107–115.

47. *Pospíšil I.* Žánr jako přetlak duše (Dostojevskij–Deml) // Pospíšil I. Od Bachtina k Solženicynovi (Srovnávací studie). Brno, 2002. S. 36–52.

48. *Beránková E.* V Kirillově stínu: Albert Camus mýtus «vyšší sebevraždy» // Svět literatury. 2003. N 26/27. S. 123–145.

49. *Čunderle M.* «Kníže Myškin je idiot a Morávek taky» // Svět a divadlo. 2004. N 3. S. 65–73.

50. *Čunderle M.* Stavrogin je ďábel? // Svět a divadlo. 2004. N 6. S. 73–77.

51. *Kšicová D.I.* S. Turgeněv a F.M. Dostojevskij — předchůdci moderny // Sborník k 80. narozeninám Světlý Mathauserové / Sest. M. Hrabáková. Praha, 2004. S. 57–69.

52. *Poláková J.* Dostojevskij redivivus? // Filosofický časopis. 2004. N 1. S. 147–150.

53. *Svatoň V.* Intertextualita–tradice–mýtus // Svatoň V. Proměny dávných příběhů. O poetice ruské prózy. Praha, 2004. S. 29–45.

54. *Svatoň V.* Etika v raných pracích Dmitrije Čyževského. Východiska k Dostojevskému // Svatoň V. Proměny dávných příběhů. O poetice ruské prózy. Praha, 2004. S. 55–64.

55. *Svatoň V.* Kritika jako pokus o prohloubení. M. M. Bachtin a ruská formální škola // Svatoň V. Proměny dávných příběhů. O poetice ruské prózy. Praha, 2004. S. 65–80.

56. *Svatoň V.* «Chudí lidé» z perspektivy 20. století. Bulat Okudžava: Nebohý Avrosimov // Svatoň V. Proměny dávných příběhů. O poetice ruské prózy. Praha, 2004. S. 271–278.

57. *Hromádka J. L.* Dostojevskij a Masaryk // Hromádka J. L. Masaryk. Brno, 2005. S. 203–231.

58. *Malevič O. M.* Dostojevskij, Masaryk, Bém, Kundera, Brodskij // Svět literatury. 2005. N 32. S. 94–103.

59. *Pospíšil I.* Dvě tranzitivní polohy (F. M. Dostojevskij a A. P. Čechov) // Pospíšil I. Ruský román znovu navštívený. Historie, uzlové body vývoje, teorie a mezinárodní souvislosti: Od počátků k výhledu do současnosti. Brno, 2005. S. 131–136.

60. *Svatoň V.* Don Quijote a don Juan v Dostojevského románu «Idiot» // Svět literatury. 2005. N 32. S. 16–25.

61. *Heczková L.* Víra kulturní. Několik poznámek ke vztahu F. X. Šaldy k ruskému umění a filozofii období fin de siècle // «Na téma umění a život». F. X. Šalda 1867–1937–2007. Brno, 2007. S. 112–118.

62. *Mathauser Z.* Záměny identity u F. M. Dostojevského a v postmoderně // Tvar. Literární týdeník. 2007. N 1. S. 12–13.

63. *Svatoň V.* V objetí země: o povaze tvorby Fjodora Michajloviče Dostojevského // Host. 2007. N 3. S. 94–96.

64. *Voldřichová-Beránková E.* Václav Černý, vášnivý a zaujatý čtenář Dostojevského // Svět literatury. 2008. N 38. S. 112–121.

65. *Svatoň V.* Mše ateistova. Bondyho parafráze Dostojevského «Bratřů Karamazových» // Svatoň V. Román v souvislostech času. Úvahy o srovnávací literární vědě. Praha, 2009. S. 200–207.

66. *Bubeníková M. F. M.* Dostojevskij v českém areálu — tradice a současnost (nad knihou R. Pytlíka o Dostojevském) // Areálová slavistika a dnešní svět. Monografie z filologicko-areálových studií / Ed. I. Pospíšil. Brno, 2010. S. 379–388.

67. *Chlupáčová K.* Zpověď osamělého vědomí: hledání identity: Nabokov, Dostojevskij // Svět literatury. 2011. N 43. S. 125–139.

68. *Pechal Z.* Dostojevského «Dvojník»: odštěpení se od celistvosti a konfrontace s celistvostí // Pechal Z. Fenomén živilu v ruské literatuře. Olomouc, 2011. S. 95–115.

69. *Pechal Z.* Role živelnosti a nepravidelný estetický prostor v románu F. M. Dostojevského «Idiot» // Pechal Z. Fenomén živilu v ruské literatuře. Olomouc, 2011. S. 116–150.

70. *Pechal Z.* Zločin a Svidrigajlovův trest // Pechal Z. Fenomén živilu v ruské literatuře. Olomouc, 2011. S. 151–157.

71. *Bubeníková M.* Jiří Horák (1884–1975) a Alfred Bém (1886–1945?). K historii jejich profesních osudů a spolupráce // Slavista Jiří Horák v kontexte literatury a folklóru I–II / Eds. H. Hlôšková, I. Pospíšil, A. Zelenková. Bratislava; Brno, 2012. S. 121–142.

Предисловия и послесловия

1. *Běhounek V.* Doslov // Dostojevskij F.M. Běsi. Praha, 1966. S. 665–678.
2. *Kautman F.* Doslov // Dostojevskij F.M. Dopisy. Praha, 1966. S. 339–347.
3. *Honzík J.* Kolumbus lidského nitra // Dostojevskij F.M. Idiot. Praha, 1968. S. 602–608.
4. *Honzík J.* Realista ve vyšším slova smyslu // Dostojevskij F.M. Setmělé obrazy. Praha, 1971. S. 284–287.
5. *Běhounek V.* Doslov // Dostojevskij F.M. Bílé noci a jiné prózy. Praha, 1972. S. 609–617.
6. *Honzík J.* Druhý román Dostojevského // Dostojevskij F.M. Zločin a trest. Praha, 1972. S. 465–468.
7. *Beran F.* [*Kautman F.*] Spory o Dostojevského. Dostojevskij v SSSR (1945–1962) // O Dostojevském. Sborník statí a materiálů. Praha, 1972. S. 1–45.
8. *Parolek R.* Dostojevského hledání člověka v člověku // Legenda o velikém hřišníkovi. Život Dostojevského. Praha, 1972. S. 263–270.
9. *Honzík J.* Bojovná kniha Dostojevského // Dostojevskij F.M. Zápisky z Mrtvého domu. Praha, 1973. S. 287–293.
10. *Zadražil L.* Poznámka // Dostojevskij F.M. Idiot. Praha, 1974. S. 430.
11. *Běhounek V.* Básník z rodu uražených a ponížených // Dostojevskij F.M. Uražení a ponížení. Praha, 1975. S. 387–391.
12. *Běhounek V.* Dostojevského časopisecký Deník spisovatele // Dostojevskij F.M. Deník spisovatele. 2. díl. Praha, 1977. S. 579–587.
13. *Hulák J.* Doslov // Dostojevskij F.M. Zločin a trest. Praha, 1977. S. 471–474.
14. *Zadražil L.* Svět Karamazovových. [Kn.] II // Dostojevskij F.M. Bratři Karamazovovi. Praha, 1980. S. 291–299.
15. *Zadražil L.* Dostojevského druhé já // Dostojevskaja A.G. Život s Dostojevským. Praha, 1981. S. 337–342.
16. *Zadražil L.* Doslov // Dostojevskij F.M. Neobyčejné příhody. Praha, 1984. S. 333–340.
17. *Zadražil L.* Doslov // Dostojevskij F.M. Petrohradská kronika. Literární sny. Praha, 1985. S. 509–525.
18. *Zadražil L.* Tušení a předzvěst // Dostojevskij F.M. Běsi. Praha, 1987. S. 637–644.
19. *Hulák J.* Doslov // Dostojevskij F.M. Zločin a trest. Praha, 1988. S. 433–435.

Библиография книг и статей о Достоевском на русском языке

Книги

1. Dostojevském. Sborník statí a materiálů. Praha, 1972. [Содержание: *Beran F.* [*Kautman F.*] Spory o Dostojevského. Dostojevskij v SSSR (1945–1962); *Бем А.Л.* 1) Первые шаги Достоевского (Генезис романа «Бедные люди»); 2) Эволюция образа Ставрогина (К вопросу об «Исповеди Ставрогина»); 3) Гюго и Достоевский (Литературный обзор); 4) Перед лицом смерти: «Последний день приговоренного к казни» В. Гюго и «Идиот» Достоевского; 5) Фауст в творчестве Достоевского; 6) Чужая беда в творчестве Достоевского; 7) Личные имена у Достоевского; 8) Словарь личных имен к «Дневнику писателя» (составил А.Л. Бем); *Kudělka Z.* Al'fred Ljudvigovič Bem (Alexej Fedorovič); *Белов С.В.* Библиография работ Альфреда Людвиговича Бема о Достоевском. Основной книги стал сборник статей «О Достоевском IV», подготовленный к печати Бемом еще до Второй мировой войны, однако не изданный из-за неблагоприятных для этого условий в оккупированной Чехии. Издатели начала 70-х гг. к материалу, подготовленному Бемом, добавили предисловие о судьбе наследия писателя Достоевского в СССР в 1945–1962 гг. и портрет Бема на чешском языке, а также библиографию работ Бема о Достоевском.]

2. *Альбертова Х.* Тема: Достоевский. Творчество Достоевского на чешских драматических и оперных сценах 1900–1999. Каталог выставки. Прага, 2000.

3. *Pechal Z. a kol.* Двойственность у Достоевского. Olomouc, 2011. [Содержание: *Волегов А.В.* Внутренний мир героя в свете тенденций литературного процесса (Достоевский–Гаршин–Сологуб); *Догнал Й.* «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского — полилог с надежным или ненадежным рассказчиком; *Злочевская А.В.* Элементы «метафикциональной» поэтики в творчестве Ф.М. Достоевского; *Пехал З.* Функция стихии в повести Достоевского «Двойник»; *Подчиненов А., Снигирева Т.* Библейские эпиграфы в творчестве Ф.М. Достоевского и А.А. Ахматовой; *Поспишил И.* Исключительность романа Достоевского: миф или реальность; *Рихтерек О.* К вопросу о чешских переводах и восприятии произведений Ф.М. Достоевского.]

Статьи

1. *Морковин В.* Общество Достоевского в Праге // *Československá rusistika.* 1971. N 4. S. 165–171.

2. *Паролек Р.* Достоевский и литература XX века // *Přednášky ve XIV. Běhu letní školy slovanských studií v r. 1970.* Praha, 1971. S. 274–280.

3. *Магидова М.* Достоевский в трудах пражских ученых-эмигрантов (А. Бем, Н. Осипов, Д. Чижевский) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Praha, 1995. Т. 1. С. 197–212.

4. *Лепилова К. Ф.М.* Достоевский в глубине души Чехии // Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica. Bratislava, 2003. [Т.] LVII. С. 353–359.

5. *Магидова М. Д. И.* Чижевский — участник пражского Семинария по изучению Достоевского // Dmytro Čyževskij, osobnosť a dielo. Sborník z mezinárodnej konferencie k 25. výročiu úmrtia. Praha, 2004. S. 149–162.

Другие работы на русском языке, относящиеся к теме «Достоевский в Чехии»

1. *Малевич О.* Ян Неруда и Ф.М. Достоевский // Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения конца XIX — XX века. Москва, 1968. С. 300–322.

2. *Паролек Р.* Вилем Мрштик — переводчик Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 263–269.

3. *Кравцов И.И.* Творчество Достоевского в зарубежных славянских литературах // Достоевский в зарубежных литературах. Л., 1978. С. 61–80.

4. *Инов И.В.* Ф.М. Достоевский в жизни и творчестве В. Незвала // Русская литература. 1985. №3. С. 154–162.

5. *Каутман Ф.* Достоевский и Т.Г. Масарик // Достоевский и мировая культура. СПб., 1998. Т. 11. С. 121–127.

6. *Каутман Ф.* Достоевский в XXI веке // Достоевский и мировая культура. СПб., 2000. Т. 15. С. 165–173.

7. *Каутман Ф.* Йозеф Микш — первый чешский исследователь жизни и творчества Достоевского // Достоевский и мировая культура. СПб., 2003. Т. 18. С. 176–180.

8. *Бубеникова М.Ф.* Каутман = Ф. Беран: Из истории издания в 1972 г. пражского сборника статей А.Л. Бема о Достоевском // Достоевский и мировая культура. СПб, 2003. Т. 19. С. 301–302.

9. *Магидова М.* Петербургские корреспонденты А.Л. Бема в контексте пражских исследований творчества Достоевского // Зарубежная Россия, 1917–1945. СПб., 2004. Кн. 3. С. 288–293.

10. *Бубеникова М.* Достоевский в Чехии // Достоевский и XX век / Под ред. Т.А. Касаткиной. М., 2007. Т. 2. С. 360–412.

11. *Магидова М.* Пражские сборники «О Достоевском» // О Достоевском. Сборник статей под редакцией А.Л. Бема. Прага 1929/1933/1936. М., 2007. С. 9–47.

12. *Бубеникова М.* Альфред Бем и Эмил Свобода. Под небосводом Достоевского // Достоевский и мировая культура. СПб., 2008. Т. 24. С. 129–145.

13. *Каутман Ф.* Моя жизнь с Достоевским (1957–1997) // Достоевский и мировая культура. СПб., 2008. Т. 24. С. 223–250.

С. В. БЕЛОВ

**ПУБЛИКАЦИИ О ДОСТОЕВСКОМ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
В ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАНИЯХ
(1972–1997)¹**

1972

1. *Арсеньев Н. С.* О Достоевском (четыре очерка). Bruxelles: Жизнь с Богом, 1972. 64 с.

2. *Бабович М.* Судьба добра и красоты в свете гуманизма Достоевского // Сборник за Славистику. 1972. Сб. 3. С. 22–32.

3. *Белый А.* Трагедия творчества: Достоевский и Толстой. Париж: VMCA-PRESS, 1972. 47 с.
Впервые: М., 1911.

4. *Бем А. Л.* O Dostojevském: Sbornik stati a material. Praha, 1972. 358 с., 1 л. портр.

Из содерж.: С. 46–83: Первые шаги Достоевского (впервые: Slavia. Прага. 1933. Т. 12, вып. 1–2. С. 134–161); С. 84–130: Эволюция образа Ставрогина (впервые: Труды I съезда рус. акад. организаций за границей. София, 1931. С. 177–213); С. 131–149: Гюго и Достоевский (впервые: Slavia. Прага. 1933. Т. 15. 1937. Вып. 1. С. 73–86); С. 150–182: Перед лицом смерти (впервые на фр. яз. в кн.: *Melanges P. M. Haskovec*. Brno, 1936. P. 45–64); С. 183–220: Фауст в творчестве Достоевского (впервые: Записки науч.-исслед. об-ния. Прага, 1937. Т. 5. С. 109–135); С. 221–243: Чужая беда в творчестве Достоевского; С. 244–286: Личные имена у Достоевского (впервые: Сборник на проф. Л. Милетичъ. София, 1933. С. 409–434); С. 287–345: Словарь личных имен у «Дневнику писателя»; С. 350–356: *Белов С. В.* Библиография работ А. Л. Бема о Достоевском.

5. *Кирай Д.* Роман и реализм. IV. К поэтике объективной манеры Достоевского // *Studia Slavica Hungarica*. Budapest. 1972. Т. 18. С. 31–75.

6. *Месерур У.* Интеллектуальное путешествие по «подпольному» Достоевскому: в 2 т. Budapest, 1972–1974.

7. *Попова Э.* Стилистическая роль местоимений в «Записках из Мертвого дома» Достоевского // *Zeszytnaukowe (Uniw todriego), nauki humanistyczne*. Spoteczne, 1972. Ser. 1, zecz. 89. S. 1–11.

¹ Более ранние годы см.: *Белов С. В.* Материалы для библиографии русской зарубежной литературы о Достоевском (1920–1971) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1992. Т. 10. С. 255–282.

8. *Ржевский Л.* Три темы по Достоевскому. Франкфурт-н/Майне: Посев, 1972. 57 с.

Впервые: // Грани. Франкфурт-н/Майне. 1971. № 82.

9. *Фридлендер Г.М.* О поэме Достоевского «Император» // *Studia Slavica Hungarica*. Budapest, 1972. Т. 18. С. 159–164.

10. *Хазин Е.Я.* Всё позволено: размышления о творчестве Достоевского. Париж: ВСМА-PRESS, 1972. 71 с.

Рец.: *Филиппов Б.* Всё позволено // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1973. 18 февр.

11. *Мочульский К.В.* Борьба с адом // Вест. Рус. студенческого христианского движения. Париж, 1972. № 1 (103). С. 33–46. [Достоевский и религия.]

12. *Лидарцева Н.* Вечер памяти Достоевского // Рус. мысль. Париж, 1972. 6 янв.

13. *Терапиано Ю.* Творчество Достоевского // Рус. мысль. Париж, 1972. 6 янв.

14. *Тургаев В.* Начало: «Бедные люди» Ф. М. Достоевского // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1972. 10 янв.

15. *Плетнев Р.В.* Новые книги о Достоевском // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1972. 10 янв.

16. *Салтыков-Обленский Н.* Ф. М. Достоевский во Флоренции // Рус. мысль. Париж, 1972. 27 янв.

17. *Каратеев М.* Новое в искусстве полемики: письмо в ред. // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1972. 4 февр. [О татарском происхождении рода Достоевского.]

18. *Плетнев Р.В.* О животных в творчестве Достоевского // Новый журн. Нью-Йорк, 1972. Кн. 106. С. 113–133.

19. *В.П.* Достоевский в Бразилии // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1972. 6 апр.

20. *Залуцкая М.* Солженицын и Достоевский // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1972. 23 апр.

21. *Бумбирс Е.* Истоки творчества Достоевского // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1972. 7 мая.

22. *Иваск Ю.П.* Упоение Достоевского // Новый журн. Нью-Йорк, 1972. Кн. 107. С. 64–75.

Перепеч.: Ф. М. Достоевский. 1881–100–1981. London, 1981; *Достоевский Ф. М.* Бесы: роман в 3 ч.: «Бесы»: Антология рус. критики. М., 1996.

23. *Ржевский Л.* Об одной преемственности [Достоевский и А. С. Пушкин] // Новый журн. Нью-Йорк, 1972. Кн. 107. С. 272–274.

24. *Катцлова П.* Достоевский в Турине // Рус. мысль. Париж, 1972, 20 июля.

25. *Первушин Н.В.* Страх и Достоевский: Друзья-враги // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1972. 23 июля.

26. *Ржевский Л.* Об одной творческой преемственности [Достоевский и А. С. Пушкин] // Новый журн. Нью-Йорк, 1972. Кн. 108. С. 82–93.

27. *Оболенский А.* Алеша Достоевского и Солженицын // Рус. мысль. Париж, 1972. 7 сент.

28. *Морт В.* «Красота спасет мир» // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1972. 8 окт. [Об эстетических взглядах Достоевского.]

29. *Натова Н.* Столетие «Бесов» Достоевского // Новый журн. Нью-Йорк, 1972. Кн. 112. С. 102–117.

1973

1. *Ветловская В. Е.* Достоевский и поэтический мир Древней Руси (лит. и фольклор. источники «Братьев Карамазовых») // Сборник за Славистику. 1973. № 3. С. 9–21.

2. *Гришин Д. В.* К столетию «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского: 1873–1973. Мельбурн: Мельбурн. ун-т, 1973. 45 с.

Отзыв: *Плетнев Р. В.* О брошюре проф. Д. В. Гришина // Новый журн. Нью-Йорк, 1974. Кн. 114. С. 263.

3. *Гришин Д. В.* Русский народ в изображении Ф. М. Достоевского по «Дневнику писателя»: докл., читан. на 7-м Междунар. съезде славистов. Варшава, 1973. 42 с.

4. *Татищев Н. Д.* Достоевский и Соловьев // Татищев Н. Д. В дальнюю дорогу: [сб.]. Париж: VMCA-PRESS, [1973]. Кн. 2. С. 114–117.

5. *Топоров В. Н.* О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления // Structure of Texts and Semiotics of Culture. Paris, 1973. С. 225–302.

6. *Хейнрих А.* Романтические элементы в творчестве Достоевского // Universitatea din Timișoara, facultatea de Filologie, 1973. С. 1–22.

7. *Турочеров А.* Редактор Н. А. Некрасов и сотрудник Ф. М. Достоевский // Новое русское слово. 1973. 27 мая.

8. *Седуро В. И.* Еще о Достоевском и Некрасове // Новое русское слово. 1973. 17 июня.

9. *Цивьян Т. В.* О структуре времени и пространства в романе Достоевского «Подросток» // Russian literature. Amsterdam. 1973. IV. 3 July. С. 238–248.

10. *Никон (Рклицкий Н. П.), архиеп.* Толстой и Достоевский // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1973. 15 авг.

11. *Никон (Рклицкий Н. П.), архиеп.* Возрождающаяся Россия [о Достоевском] // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1973. 24 окт.

12. *Никон (Рклицкий Н. П.), архиеп.* Ф. М. Достоевский как проповедник возрождения и разоблачения демонизма // Правосл. Русь. Нью-Йорк, 1973. № 10/11. С. 3–7.

1974

1. *Гришин Д. В.* Речь Достоевского о Пушкине // 2-й Междунар. симп. исслед. жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Мельбурн: Мельбурн. ун-т, 1974. 31 с.

2. *Ковач А.* К вопросу об объективной манере Достоевского в романе «Идиот» (оценка М. Е. Салтыкова-Щедрина). Budapest, 1974. 11 с.
3. *Натова Н.* Симпозиум по изучению творчества Ф. М. Достоевского // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1974. 27 янв.
4. *Гришин Д. В.* Был ли Достоевский антисемитом? // Вест. Рус. студенческого христианского движения. Нью-Йорк; Париж, 1974. № 4 (114). С. 73–88.
- Отзыв: *Плетнев Р. В.* // Там же. 1976. № 1 (117). С. 118–120.
5. *Адамович Г.* Место Солженицына в русской литературе // Рус. мысль. Париж, 1974. 4 апр. [А. И. Солженицын и Достоевский.]
6. *Г. Л.* Поэты в пророках (Мечты Лермонтова. Пророчества Блока. Предвидения Достоевского) // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1974. 30 апр.
7. *Филиппов Б.* Несмешное о смешном. (Вступит. статья к неизд. антологии) // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1974. 29 июня.
8. *Первушин Н. В.* Образы души русской // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1974. 21 июля. [О Достоевском.]
9. *Кайсаров М.* «Сон смешного человека» // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1974. 11 авг.
10. *Натова Н.* Достоевский сегодня // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1974. 6 окт.
11. *Иоанн Сан-Францисский, архиеп.* Подвиг [О Достоевском] // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1974. 24 нояб.
12. *Соловьев А. В.* Предки Достоевского // Рус. мысль. Париж, 1974. 12 дек.
13. *Седых А.* Из жизни Достоевского // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1974. 29 дек.

1975

1. *Дрозда М.* Горький и Достоевский // *Annali Sezione Slava* (Inst. Univ. Orientale). Napoli, 1975. Т. 16–17. Р. 204–212.
2. *Иоанн (Шаховский Д. А.), архиеп.* Великий инквизитор Достоевского // Иоанн (Шаховский Д. А.), архиеп. К истории русской интеллигенции. Нью-Йорк: LXOVC, 1975. С. 205–226.
То же: // Иоанн (Шаховский Д. А.), архиеп. Избранное. Петрозаводск: Святой остров, 1992. С. 345–356.
3. *Ковач А.* Генезис идеи «прекрасного человека» и движение замысла романа «Идиот» (соотношение концепции человека и романа). Budapest, 1975. 14 с.
4. *Ермолаев Г.* Приказ № 227: (к годовщине публ. «Архипелага ГУЛаг») // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1975. 3 янв. [А. И. Солженицын и Достоевский.]
5. Симпозиум по изучению творчества Ф. М. Достоевского // Там же. 27 янв.
6. *Померанц Г. С.* «Эвклидовский» и «неэвклидовский» разум в творчестве Достоевского // Континент: Париж, 1975. № 3. С. 109–150.

7. *Левицкий С.* О Мережковском (к столетию его рождения) // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1975. 27 апр. [Д. С. Мережковский о Достоевском.]
8. *Шаховская З.* Бунин // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1975. 25 мая. [И. А. Бунин о Достоевском.]
9. *Плетнев Р. В.* О духах зла и дьяволе у Достоевского и Толстого // Новый журн. Нью-Йорк, 1975. Кн. 119. С. 92–107.
10. *Коряков М.* «Преступление и наказание» — сто лет спустя // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1975. 8 июня.
11. *Пятницкий В.* Владимир Соловьев // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1975. 27 июля. [Вл. С. Соловьев о Достоевском.]
12. *Дынник А.* Философский подтекст «Пиковой дамы» Пушкина (Отрывок из гл. новой книги) // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1975. 1 сент. [Достоевский и А. С. Пушкин.]
13. Угроза прекращения изгнания Достоевского // Рус. мысль. Париж, 1975. 18 сент.
14. Достоевский о современниках // Наши дня. Нью-Йорк, 1975. 1 окт.
15. *Натова Н.* Пушкинские темы у Достоевского // Новый журн. Нью-Йорк, 1975. Кн. 120. С. 119–133.
16. *Терациано Ю.* Толстой и Достоевский // Рус. мысль. Париж, 1975. 25 дек.

1976

1. *Вейдле В.* «Братья Карамазовы» // Вейдле В. Зимнее солнце. Вашингтон: Д. С. Камкин, 1976. С. 160–163.
2. *Дрозда М.* Леонов и Достоевский (Перечитывая роман «Вор») // *Annali Sezione Slavia. (Inst. Univ. Orientale). Napoli*, 1976. 18 (1975). P. 1–52.
3. *Ковач А.* Исключительное и фантастическое в поэтике Достоевского // *Probleme de filologie rusa. Bucuresti*, 1976. С. 199–214.
4. *Поддубная Р. Н.* Этические функции образа Сони Мармеладовой и их художественное обоснование в структуре «Преступления и наказания» // *Studie Russica Posnaniensia. Poznan*, 1976. Z. 7. S. 33–52.
5. *Франк С. Л.* Легенда о Великом инквизиторе [1933] / Пер. с нем. В. С. Франка и Н. А. Берггаус // Вест. Рус. студенческого христианского движения. Париж; Нью-Йорк, 1976. № 1 (117). С. 102–111. Перепеч.: О Великом инквизиторе: Достоевский и последующие. М., 1992.
6. *Кузнецова Г.* Грасский дневник // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1976. 22 февр. [И. А. Бунин о Достоевском.]
7. *Подушкин К.* Из пророчеств Ф. М. Достоевского // Россия. Париж, 1976. 22 апр.
8. *Слоним М. Л.* Эмигрантская критика о Достоевском // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1976. 9 мая. Рец. на кн. на англ. яз.: *Седуро В. И.* Образ Достоевского в современной России. 1976.

9. *Седых А.* Скончался М. Л. Слоним [Исследователь Достоевского] // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1976. 12 мая.

10. *Доминик Л.* [Аронсон Л. А.] Моя петербургская топография // Рус. мысль. Париж, 1976. 13 мая.

11. *Первушин Н. В.* Жорж Санд и русские писатели. (К столетию ее смерти) // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1976. 20 мая. [Жорж Санд и Достоевский.]

12. *Филиппов Б. А.* Отрывок из лирических воспоминаний [о Достоевском] // Рус. мысль. Париж, 1976. 16 июля.

13. *Филиппов Б. А.* Шкатулка с двойным дном [о Достоевском] // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1976. 20 июля; 3 окт.; 31 окт.; 1977. 13 февр.; 8 мая.

14. Третий международный симпозиум, посвященный Достоевскому // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1976. 14 сент.; 18 сент.; 24 сент.

15. *Артемова Т.* Литературный кружок в Филадельфии [Изучение Достоевского] // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1976. 26 сент.

16. *Алданов М. А.* О Черчилле, Сталине и других [и о Достоевском] // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1976. 17 окт.

17. *Волин М.* Загадка пушкинского пророка // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1976. 11 нояб. [Достоевский и А. С. Пушкин.]

18. *Адамович Г.* Достоевский и рулетка // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1976. 21 нояб.

19. *Гатова Л.* Калейдоскоп 2 [о Достоевском] // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1976. 28 нояб.

20. *Иванов А.* Кто автор «Катехизиса»? // Новый журн. Нью-Йорк, 1976. Кн. 123. С. 212–230. [О религиозных убеждениях Достоевского.]

21. *Первушин Н.* О любви к Достоевскому // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1976. 5 дек.

1977

1. *Гришин Д. В.* Ранний Достоевский / Предисл. Н. Кристесен. Мельбурн: Мельбурн. ун-т, 1977. 230 с.

2. *Ковач А.* Соотношение пространственно-временной и повествовательной структур в романе «Идиот» Ф. М. Достоевского. (К принципам разграничения позиции автора и рассказчика в романе) // *Annales institut Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis de Ludivico Kossuth Nominatae. Debrecen, 1977. Slavica XV. С. 37–53.*

3. *Соловьев С. М.* Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. 307 с. [С. 199–203, 297–298: Вл. С. Соловьев и Достоевский.]

4. *Хейнрих А.* Художественная структура и романтическое начало героя романов Достоевского. Timisoara, 1977. III. 23 s. (Seminarul de Literatura / Univ. din Timisoara. Fac. de filologie-istorie; 6.)

5. *Левцкий С.* О реабилитации добродетели [О Достоевском] // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1977. 9 янв.

6. *Березов Р.* Мысли о русском литературном [и у Достоевского] языке // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1977. 23 янв.

7. *Гапанович Н.Н.* Д.В. Гришин [исслед. Достоевского] // Новый журн. Нью-Йорк, 1977. Кн. 126. С. 275–277.

8. *Германов М.* Анна Григорьевна Достоевская // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1977. 27 февр.

9. *Лакишин В.* Суд над Иваном Карамазовым // *Rossia/Russia*. 1977. № 4 (123). С. 189–110.

10. *Гройс Б.* Достоевский и Кирхегор // Вест. Рус. студенческого христианского движения. Париж; Нью-Йорк, 1977. № 4 (123). С. 89–110.

11. *Бражнин И.* Обаяние таланта [О Достоевском] // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1977. 10 апр.

12. *Германов М.* Давайте мы напишем крейцерову сонату [о Л.Н. Толстом и Достоевском] // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1977. 24 апр.

13. *Вейдле В.* В традициях Достоевского (о повести Е.С. Терновского «Странная история») // Рус. жизнь. Нью-Йорк, 1977. 9 июня.

14. *Филиппов Б.* Трагическая тень писателя [О Достоевском] // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1977. 5 июля.

15. *Иваск Ю.* Отклик на смерть Набокова [В.В. Набоков о Достоевском] // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1977. 22 июля.

16. *Левицкий С.* О духовности и душевности [у Достоевского] // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1977. 24 июля.

17. *Левицкий С.* О бессмертности [у Достоевского] // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1977. 28 авг.

18. *Левицкий С.* Новая книга о Достоевском // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1977. 28 авг.

19. *Натова Н.* Третий международный симпозиум, посвященный Достоевскому // Рус. мысль. Париж, 1977. 15 сент.

20. *Филиппов Б.* Из лирических воспоминаний [о Достоевском] // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1977. 11 окт.

21. *Первушин Н.В.* Рунгстедгорде с Достоевским [3-й Междунар. симп. достоевсковедов] // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1977. 4 дек.

22. *Седуро В.И.* Солженицын и традиции полифонического романа Достоевского // Современник. Торонто, 1977. № 33/34. С. 135–143; № 35/36. С. 172–178.

23. *Плетнев Р.В.* О некоторых мыслях у Достоевского и Толстого // Новый журн. Нью-Йорк, 1977. Кн. 129. С. 117–138.

1978

1. *Первушин Н.В.* Л. Толстой, Руссо, Жорж Санд и Достоевский // Зап. рус. акад. группы в США. 1978. Т. 11. С. 164–173.

2. *Потапова З.М.* Достоевский глазами советских литературоведов // *I Romanzo russo nel secolo XIX e la sua influenza nelle letterature dell' Europa occidentale* Roma, 1978. С. 103–125.

3. *Ковач А.* Поэтика романа «Идиот» (к проблеме жанрового мышления Достоевского) // *Hungaro. Slavica.* 1978. № 16. С. 149–154.

4. *Иванов А.* Внук Достоевского: к десятилетию со дня смерти // *Новое рус. слово.* Нью-Йорк, 1978. 15 апр.

5. *Умрихина С.* Мистический план романа «Бесы»: опыт лингвостилист. анализа // *Грани.* Франкфурт-н/Майне. 1978. № 108. С. 187–211.

6. *Натов А. И.* [*Иванов (Натов) А. И.*] Е. П. Достоевская — невестка Ф. М. Достоевского (к 20-летию со дня смерти) // *Рус. мысль.* Париж, 1978. 14 сент.

1979

1. *Миролюбов Ю. П.* Достоевский и революция. Aachen, 1979. 54 с.

2. *Плетнев Р. В.* О мировоззрении Достоевского // *Зап. рус. акад. группы в США.* 1979. Т. 12. С. 79–92.

3. *Шаховская З. А.* В поисках Набокова. Paris, 1979. 176 с. [Гл. «Достоевский».]
Перепеч.: М., 1991.

4. *Натова Н.* Проблема свободного выбора у Достоевского // *Новый журн.* Нью-Йорк, 1979. Кн. 135. С. 55–86.

5. *Дрыжкова Е.* Гамлет Достоевского // *Новый журн.* Нью-Йорк, 1979. Кн. 136. С. 61–79.

6. *Иванов А. В. Л.* Комарович о христианстве и социализме у Достоевского // *Новый журн.* Нью-Йорк, 1979. Кн. 136. С. 203–212.

1980

1. *Ковач А.* Повествовательная компетенция героя и рассказчика в романах Достоевского (Углубление жанровой дискретности в структуре персонажа) // *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös Nominatae.* Budapest, 1980. С. 55–70.

2. *Поддубная Р. Н.* Структура времени и пространства в новелле Достоевского «Кроткая» // *Studia rossica posnaniensia.* Poznan, 1980. Z. 14. S. 4–25.

3. *Четвериков С. И., прот.* Оптинский старец Амвросий [1912] // *Platina (Calif): Saint Herman of Alaska brotherhood,* 1980. С. 194 (Тр. Святого Герм. Братства; 8 (13)). [Преп. Амвросий (А. М. Гренков) и Достоевский.]

4. *Иванов А.* Судьба рукописи «Братьев Карамазовых» // *Новый журн.* Нью-Йорк, 1980. Кн. 138. С. 193–207.

5. *Фридлиндер Г. М.* Речь о Пушкине как выражение эстетического самосознания Достоевского // *Dostoevsky Studies Journal of the International Dostoevsky Society.* 1980. Vol. 1. P. 13–22.
То же, с сокр.: // *Рус. лит.* 1981. № 1. С. 57–64.

6. *Иванов А.* О традиционной ошибке в оценке встреч Достоевского с Герценом // *Новый журн.* Нью-Йорк, 1980. Кн. 141. С. 234–252.

7. Карман Б. О. Проблема автора в художественной прозе Достоевского // Славия. 1980. Т. 16. Вып. 4. С. 394–396.

8. Померанц Г. Антикрасноречие Достоевского в историко-культурной перспективе // Rossia/Russia. 1980. №4. С. 133–156.

9. Туниманов В. А. Отголоски девятого тома «Истории государства Российского» [Н. М. Карамзина] в творчестве Ф. М. Достоевского // Slavia. Cas. pro slovan. Filol. (Praha), 1980. Roc. 49. Cis. 4. S. 350–360.

10. Фридлиндер Г. М. О ходе работы над Полным собранием сочинений Достоевского // Slavia. Cas. pro slovan. Filol. (Praha), 1980. Roc. 49. Cis. 1–2. S. 182–183.

11. Фридлиндер Г. М. К проблеме типологического своеобразия реализма Достоевского // Slavia. Cas. pro slovan. Filol. (Praha), 1980. Roc. 49. Cis. 4. S. 345–349.

12. Плетнев Р. В. Шпенглер о Достоевском и России // Новый журн. Нью-Йорк, 1980. Кн. 145. С. 266–270.

1981

1. Анчев А. Достоевский и проблемы болгарской литературы. София, 1981. 147 с.

Рец.: Гырдев Г. // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1982. № 4. С. 90–91.

2. Варга Ж. К вопросу об интерпретации темы «Достоевский и революция» в советских юбилейных статьях. 1921 (В. Ф. Переверзев) // Studia Russica. Budapest. 1981. Т. 4. С. 125–142.

3. Ф. М. Достоевский. 1981–100–1981: Сергей Аскольдов, Сергей Булгаков, Борис Вышеславцев, Юрий Иваск, Федор Степун, Борис Филиппов. London: Overseas Publ. Interchange, 1981. 188 с.

Републикация работ названных авторов: Булгаков С. Н. Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип // Вопр. филос. и психол. 1902. Кн. 1 (61), отд. 1. С. 826–863; Аскольдов С. А. Религиозно-этическое значение Достоевского // Ф. М. Достоевский: ст. и материалы. Пг., 1922. [Сб. 1]. С. 1–32; Вышеславский Б. П. Русская стихия у Достоевского. Берлин, 1923; Филиппов Б. А. Не мир, но меч: заметки о Достоевском // Возрождение. Париж, 1971. № 235. С. 66–85. Иваск Ю. П. Упоение Достоевского // Новый журн. 1972. Кн. 107. С. 64–72.

4. Записки Русской академической группы в США. Т. 14. Настоящий сб. посвящен светлой памяти Ф. М. Достоевского по случаю столетия его смерти. New-York, 1981. 369 с.

Из содерж.: С. 3–6: Оболенский А. Сто лет спустя... (Вместо введения); С. 7–25: Плетнев Р. Воспоминания о первом Международном обществе имени Ф. Достоевского; С. 43: Арбан Д. Состояние безумия в первых повестях Достоевского; С. 68–69: Террас В. Диссонанс в романе Достоевского «Идиот»; С. 69–100: Натова Н. Роль философского подтекста в романе «Бесы»; С. 101–116: Жекулин Г. К вопросу

об «отцах и детях» в «Бесах» Достоевского (На материале рус. и сов. критики); С. 117–137: *Гессен С.* Трагедия зла (Философ. смысл образа Ставрогина) [Впервые: Путь. Париж, 1932. № 36. С. 44–74]; С. 158–168: *Первушин Н. В.* Эпиплоги в произведениях Достоевского; С. 169–186: *Зандер Л. А.* Монашество в творениях Достоевского (Идеал и действительность) [Впервые: Вест. Рус. студенческого христианского движения. Париж; Нью-Йорк. 1963. № 70–71]; С. 187–197: *Ло Гатто Э.* Отношение Достоевского к Пушкину: Малоизвестное толкование Вячеслава Иванова; С. 212–213: *Лаут Р.* Идея виновности и невиновности женщины в произведениях Достоевского; С. 214–230: *Гедройц А.* Сон и бред у Достоевского; С. 239–243: *Иоанн (Шаховской Д. А.), архиеп.* Можно ли «гуманизировать» Достоевского; С. 244–260: *Левицкий С.* Идея бессмертия у Достоевского. (Перепеч.: Образ. 1996. № 3); С. 261–277: *Ватин Е.* Достоевский: От христианского социализма к социальному христианству; С. 278–313: *Струве Г.* Заметки о языке Достоевского; С. 314–323: *Дмитрий Григорьев, прот.* Кончина и погребение Ф. М. Достоевского (К духовному облику писателя); С. 324–338: *Иванов А. И.* [Иванов (Натов) А. И.] Л. Ф. Достоевская. Воспоминания об отце: С. 357–363: *Климов Е.* Иллюстрации русских художников к произведениям Ф. М. Достоевского; С. 364–369: *Полчанинов Р.* Открытки, посвященные Ф. М. Достоевскому (Опыт каталогизации).

5. *Кирай Д.* Достоевский и Толстой и проблемы нарративной прозы XIX в. // *Studia Russica. Budapest.* 1981. Т. 4. С. 5–26.

6. *Ковач А.* Жанрообразующий принцип сюжета и персонажа в романе Достоевского «Преступление и наказание» // *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eotvös Nominatae.* Budapest, 1981. С. 55–64.

7. *Ковач А.* Роман-прозрение. Опыт жанровой поэтики Достоевского // *Studia Russica. Budapest.* 1981. Т. 4. С. 27–70.

8. *Малек Э.* Жанр притчи в позднем творчестве Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого: (тез. докл) // *Fiodor Dostoevski — myslôidzielo.* Lodz, 1981. С. 73–76.

9. *Натова Н.* Роль философского подтекста в романе «Бесы» // *Transactions of the Association of Russian American Scholars in the USA. Dostoevsky Commemoration.* New York, 1981. Vol. 14. С. 69–100.

10. *Переверзев В. Ф.* Достоевский и революция // *Studia Russica. Budapest.* 1981. Т. 4. С. 143–152.

11. *Силард Л.* От «Бесов» Достоевского к «Петербургу» Андрея Белого // *Studia Russica. Budapest.* 1981. Т. 4. С. 71–77.

12. *Струве П. Б.* Дух и слово: статьи о рус. и запад.-европ. лит. Paris, 1981. P. 323–233. [Письмо Достоевского к матери П. Б. Струве от авг.-дек. 1880 г. (?) (не сохр.).]

13. *Филитов Б. А.* Статьи о литературе. London, 1981. 239 с. С. 5–25: Не мир, но меч. Заметки о Достоевском.

14. *Щемилова М.* Традиции и современность. К постановке вопроса: Достоевский в худож. тенденции совет. прозы 70-х годов // Fiodor Dostoevski — myslidzielo. Lodz, 1981. С. 82–85.

15. *Щукин В.* Салтыков-Щедрин о Достоевском // Fiodor Dostoevski — myslidzielo. Lodz, 1981. С. 103–113.

16. *Вагин Е.* На темы Достоевского // Вече. Мюнхен, 1981. № 1. С. 67–75.

17. *Вехин Н.* О монархизме Достоевского (Заметки к юбилею) // Вече. Мюнхен, 1981. С. 76–91.

18. *Плетнев Р. В.* Св. Отцы Церкви и Достоевский // Рус. возрождение. Париж, 1981. № 1 (13). С. 14–42.

19. Столетие со дня смерти Достоевского // Вест. Рус. студенческого христианского движения. Париж, 1981. № 1 (133). С. 73–111.

С. 73–78: *Неклюев К.* Владычествующая идея [О христологии Достоевского]; С. 79–94: *Милош Ч.* Достоевский и западное религиозное изображение. С. 95–104: *Иваск Ю. П.* Савлы, не ставшие Павлами: (Опыт посюстороннего христианства Достоевского). С. 105–111: *Пишибельский Р.* Победа благодати: (Из книги «Достоевский и „проклятые вопросы“»). Варшава, 1964).

20. *Струве Н. А.* Достоевский, Польша и наши дни // Вест. Рус. студенческого христианского движения. Париж, 1981. № 1 (133). С. 3–4. Перпеч.: *Струве Н. А.* Православие и культура. М., 1992. С. 76–78.

21. *Вагин Е.* О Достоевском в Италии // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1981. 7 февр.

22. *Натова Н.* Памятные места Ф. М. Достоевского (К столетию со дня кончины) // Рус. жизнь. Сан-Франциско, 1981. 14 февр.

23. *Померанцев К.* Достоевский и современный мир // Рус. мысль. Париж, 1981. 26 февр.

24. *Кобылин В. С.* Ф. М. Достоевский // Голос зарубежья. 1981. № 20. С. 3–6.

25. *Левицкий С. А.* Достоевский как философ // Новый журн. Нью-Йорк, 1981. Кн. 142. С. 188–205.

26. *Плетнев Р. В.* Об искушении Христа в пустыне и Достоевском // Вече. Мюнхен. 1981. № 3. С. 93–103.

27. *Натова Н.* Дочери Ф. М. Достоевского и место их последнего успокоения // Рус. мысль. Париж, 1981. 26 марта.

28. *Плетнев Р. В.* Достоевский и современность // Рус. возрождение. Париж, 1981. № 4 (16). С. 41–65.

29. *Виднэс М.* Достоевский и Эдгар Алан По // Scando-Slavica. Copenhagen. 1981. Т. 14. Р. 21–32.

30. *Максимов В. Е.* Духовной жаждою томим... К 100-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского // Континент. Париж; Мюнхен, 1981. № 27. С. 353–356.

То же: // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1981. 12 февр.

Вошло в кн.: Русские эмигранты о Достоевском. СПб., 1994. С. 370–372.

31. *Соловьев В.* Об общественном идеале Достоевского: К 100-летию со дня смерти // Посев. Франкфурт н/Майне, 1981. № 6. С. 46–51.
 32. *Дмитриев В. А.* Идеология и формализм: к вопросу об идеализме Ф. М. Достоевского // Грани. Франкфурт-н/Майне, 1981. № 121. С. 119–163.
 33. *Эйкалович [Геннадий] (Эйкалович Е. А.),* изум. Ф. М. Достоевский (1821–1881) // Новый журн. Нью-Йорк, 1981. Кн. 144. С. 232–253.
 34. *Померанц Г.* Князь Мышкин // Синтаксис. Париж, 1981. № 9. С. 112–166.
 35. *Синяевский А.* Достоевский и каторга // Синтаксис. Париж, 1981. № 9. С. 108–111.
 36. *Эгеберг Э.* Экспозиция «Братьев Карамазовых» // Scando-Slavica. Copenhagen, 1981. Т. 27. Р. 144–155.
 37. *Вагин Е.* Симпозиум, посвященный Достоевскому // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1981. 11 нояб.
 38. *Плетнев Р.* Шпенглер о Достоевском и России // Новый журн. Нью-Йорк, 1981. Кн. 145. С. 266–270.
 39. *Терновский Е.* [Рец. на кн.: *Catteau I.* La Creation Literaire chea Dostoevski Institut d'Etudes Slaves. Paris, 1979] // Новый журн. Нью-Йорк, 1981. Кн. 145. С. 295–299.
 40. *Синкевич В.* Сто лет спустя // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1981. 27 дек.
- О выходе кн.: Записки Рус. акад. группы в США. Т. 14. Настоящий сб. посвящ. светлой памяти Ф. М. Достоевского по случаю столетия его смерти. New York, 1981.

1982

1. *Бродский И.* О Достоевском / Авториз. пер. с англ. А. Сумеркина // Russica 81: лит. сб. New York, 1982. С. 209–213.
Перепеч.: // Нева. 1991. № 11. С. 260–262.
Вошло в кн.: // Русские эмигранты о Достоевском. СПб., 1994. С. 373–377.
2. Достоевский Федор Михайлович // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1982. Т. 2. Стб. 374–376.
Перепеч.: *Долгов С. Ф.* Свой взгляд // Слово. 1991. № 11. С. 14.
3. *Итокава К.* Первый перевод Достоевского в Японии // Japanese Slavic and East European Studies. 1982. Vol. 3. Р. 73–90.
4. *Кийко Е. И.* Достоевский и Жорж Санд // Acta Litteraria Acaedemial Scientiarum Hungarical, 1982. Т. 24. Р. 63–85.
5. *Киносита Т.* Восприятие творчества Достоевского в Японии 30-х годов // Доклады японских участников на II японо-совет. симп. по литературоведению. Токио, 1982. С. 33–36.
6. *Passage Ch. E.* Character names in Dostoevsky's fiction. Ann Arbor, Mich.: Ardis Publishers, 1982. 140 с. (На англ. и рус. яз.)
7. *Топоров В. Н.* «Господин Прохарчин»: К анализу петерб. повести Достоевского. Иерусалим: Еврейский ун-т в Иерусалиме, 1982. 108 с.

8. Таку Эгава. Проблема дискриминации и отверженности в творчестве Достоевского // Доклады японских участников на 2-м симп. по литературоведению. Токио, 1982. С. 37–40.

9. Ильин В.Н. Психоанализ «Бесов» Достоевского в багровых ответах русской революции // Вече. Мюнхен, 1982. № 4. С. 63–93. Перепеч. в сокр. под назв.: Так и кончился пир их бедою... // Слово. 1991. № 11. С. 2–6.

10. Осипов А. Достоевский и литераторы // Новый журн. Нью-Йорк, 1982. Кн. 148. С. 110–128.

1983

1. Бжоза Х. Философские концепции человека у И.С. Тургенева и Достоевского // Z polskich studiow slawistycznych. Ser. 6. Warszawa, 1983. С. 33–43.

2. Jones J. Достоевский. Oxford: Clarendon Press, 1983. 365 с. (На англ. и рус. яз.)

3. Колуччи М. Достоевский и итальянская культура // Dostoevskij und die Literatur: Vort zum 100 Todesjahr der Dichters auf der 3 intern. Tagung des «Slavenkomitees» in München, 12–14 Okt. 1981. Köln–Wien, 1983. С. 421–434.

4. Назиров Р.Г. Жесты милосердия в романах Достоевского / Будапешт. ун-т им. Л. Этвеша. Фак-т гуманит. наук. Кафедра рус. филологии // Studia Russica. Будапешт, 1983. Т. 6. С. 243–252.

5. Первушин Н. О Достоевском и Тургеневе // Зап. Рус. акад. группы в США. New York, 1983. Т. 16. С. 309–318.

6. Rothe H. Dostoevskij und die Literatur: Vortrage zum 100. Todesjahr des Dichters auf der 3. Internationalen Tagung des «Slavenkomitees» in München 12–14 Okt. 1981. Köln: Bohlau, 1983. 505 с. (На англ., фр., нем., рус. яз.)

7. Смирнов И.П. Достоевский и поэзия Пастернака («Марбург») // Dostoevskij und die Literatur: Vort. zum 100 Todesjahr der Dichters and der 3 intern. Tagung des «Slavenkomitees» in München, 12–14 Okt. 1981. Köln–Wien, 1983. S. 127–296.

8. Шмидт Х. Достоевский и его эпоха // Славистички студии. Скоје, 1983. С. 65–76.

9. Allain L. Социально-психологический подтекст семиотики Ф.М. Достоевского // Revue des Etudes Slaves Fascicule I. Paris. 1983. С. 209–216.

10. Дулова А. Идея свободы в мировоззрении Ф.М. Достоевского в философии Канта и Шеллинга // Болгар. русистика. 1983. № 1. С. 19–28.

11. Милош Ч. Достоевский и Сартр // Вест. Рус. студенческого христианского движения. Париж, 1983. № 1 (138). С. 112–125.

12. Верч И. «Вечный муж» Достоевского и некоторые вопросы о жанре произведений // Dostoevsky Studies. Klagenfurt, 1983. Vol. 4. С. 69–79.

13. *Голосовкер Я.Е.* Достоевский и Кант: размышления читателя над романом «Братья Карамазовы». Нью-Йорк: [С.И.]; изд-во РОСТТУМ Скрип, 1983. 141 с.

14. *Ло Гатто, Мавер А.* Достоевский в исследованиях и переводах Этторе Ло Гатто (по случаю смерти Этторе Ло Гатто) // *Dostoevsky Studies*. Klagenfurt, 1983. Vol. 4. С. 165–172.

15. *Силард Л.* Своеобразие мотивной структуры «Бесов» // *Dostoevsky Studies*. Klagenfurt, 1983. Vol. 4. С. 139–164.

16. *Грознова Н.А.* Достоевский и Леонов // *Zeitschrift für Slawistik*. 1983. N 5. S. 41–51.

17. *Андреев Г.* Два пророка: Карл Маркс и Достоевский // *Континент*. Париж, 1983. № 36. С. 263–287.

18. *Натова Н.* Симпозиум, посвященный Достоевскому // *Новое рус. слово*. Нью-Йорк, 1983. 17 нояб.

1984

1. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. Манчестер: Ун-т Миннесота, 1984. 333 с. (На англ. и рус. яз.)

2. [Issue devoted to F. M. Dostoevskii]. Debrecen: KLTE<, 1984. 279 с. (На англ., нем., рус. яз.)

3. *Горичева Т.М.* Юродивые поневоле [Герои Достоевского] // *Беседа: религиоз.-филос. журн.* Нью-Йорк, 1984. № 2. С. 54–85.

4. *Гершельман К.* Бунт Ивана Карамазова // *Вест. Рус. студенческого христианского движения*. Париж, 1984. № 1 (142). С. 112–127.

5. *Альми И.Л.* О роли стихотворных вставок в системе романа Достоевского // *Slavia*. Прага, 1984. № 3/4. С. 285–295.

6. *Ален Л.* Роман «Бесы» в свете почвенничества Достоевского // *Dostoevsky Studies*. Klagenfurt, 1984. Vol. 5. С. 71–76.

7. *Йованович М.* Техника романа тайн в «Бесах» // *Dostoevsky Studies*. Klagenfurt, 1984. Vol. 5. С. 3–36.

8. *Ковач А.* Принципы поэтической мотивации в романе «Бесы» // *Dostoevsky Studies*. Klagenfurt, 1984. Vol. 5. С. 49–62.

9. *Перлина Н.* Воздействие герценовского журнализма на архитектуру и полифоническое строение «Дневника писателя» // *Dostoevsky Studies*. Klagenfurt, 1984. Vol. 5. С. 141–155.

10. *Эгеберг Э.* «Бесы» у Достоевского и «Картины прошедшего» Сухово-Кобылина // *Dostoevsky Studies*. Klagenfurt, 1984. Vol. 5. С. 91–99.

11. *Дудкин В.В.* О национальном своеобразии романа Ф. М. Достоевского (по откликам писателей в 10–30-е гг. XX в.) // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule Erich Weinert*. Magdeburg, 1984. N 6. С. 641–650.

1985

1. *Билль В.* Чехов и Достоевский // *Зап. Рус. акад. группы в США*. New York, 1985. Т. 18. С. 91–106.

2. *Ветловская В. Е.* Поэтическая декларация раннего Достоевского (Символика повести «Хозяйка») // *Sbornik Matice srpske za slavistiku*. 1985. N 28. С. 91–103.

3. *Геллер М.* Последняя надежда // *Шаламов В. Т.* Колымские рассказы. Париж, 1985. С. 3–10. [«Колымские рассказы» и «Записки из Мертвого дома».]

4. *Dostoevskij e la sua opera: Convegno italo-sovietico sul tema*. Roma, 28–29 okt. 1983. *Accad. naz dei Lincei*, 1985. 163 p. [Текст на рус. и ит. яз. Материалы ит.-совет. конф., посвящ. Достоевскому.]

5. *Иванов Вяч.* «О монахах»: Достоевский. Трагедия–миф–статистика // *Иванов Вяч.* Эссе. Статьи. Переводы. Брюссель, 1985. С. 41–62.

6. *Linner S.* О реализме Достоевского — еще раз // *Studia slavica finlandensia*. Helsinki, 1985. N 2. С. 110–131.

7. *Аксюциц В. В.* Метафизика зла у Достоевского: «Преступление и наказание» // *Вест. Рус. студенческого христианского движения*. Париж; Нью-Йорк, 1985. № 3 (145). С. 105–152.

То же: // *Аксюциц В. В.* Под сенью Креста. М., 1997. С. 454–492.

8. *Накамура К.* Две концепции жизни в романе «Преступление и наказание» // *Acta Slavica Japonica*. 1985. Т. 3. С. 57–67.

9. *Ковач А.* Память как принцип сюжетного повествования «Записок из подполья» Достоевского // *Wiener Slavistischer Almanach*. Bd. 16. 1985. S. 81–90.

10. *Кобылин В. С.* «Бесы»: К. Леонтьев и Ф. Достоевский // *Голос зарубежья*. 1985. № 38. С. 30–33.

11. *Штольц Бернд Э.* Гессен глазами русских писателей [В том числе: Достоевский в Германии] // *Гутен таг. ФРГ*, 1985. № 9. С. 34–39.

12. *Опульский А. И.* Творчество Достоевского и агиография // *Голос зарубежья*. 1985. № 38. С. 11–15; № 39. С. 24–34.
См. также: № 235.

1986

1. *Андо Ацуси.* Развитие образа Нечаева в творческой истории романа «Бесы» // *Достоевский: сб. ст.* Токио, 1986. № 3. С. 1–44; № 4. С. 1–21.

2. *Бройде А. М.* А. В. Дружинин: Жизнь и творчество. Copenhagen: Rosenkildea, Bagger. 1986. 534 с. С. 436–473. [Гл. 18. Достоевский.]

3. *Dostoevsky as reformer: the Petrashevsky case*. Ann Arbor: Ardis, 1986. 127 с. (На англ. и рус. яз.)

4. *Ковач А.* Роман Достоевского: Опыт поэтики жанра. Budapest: Takonyvkiado, 1986. 368 с.

5. *Опульский А. И.* Многообразие форм соприкосновения Ф. М. Достоевского с агиографией // *Опульский А. И.* Жития святых в творчестве русских писателей XIX века. East Lansing (Mich.). Russ. lang. j., 1986. Гл. 9. С. 171–199.

Впервые: № 230.

6. *Хетсо Г.* Принадлежность Достоевскому: К вопросу об атрибуции Достоевскому анонимных статей в журналах «Время» и «Эпоха». Осло: Solum, 1986. 82 с.

7. *Топоров В. Н.* Мотив несостоявшегося счастья у Достоевского и Островского (Об одной возможной переключке) // *Rus. lit.* Amsterdam, 1986. Vol. 19, № 3. P. 255–290.

8. *Гейдройц А.* Последние монологи в творчестве Достоевского // *Dostoevsky studies.* Klagenfurt, 1986. Vol. 7. P. 11–17.

9. *Перлина Н.* Ответ проф. Госшило по поводу ее рецензии на кн. Н. Перлиной «Поэтика цитат в „Братьях Карамазовых“» // *Dostoevsky studies.* Klagenfurt, 1986. Vol. 7. P. 213–214.

10. *Фридендер Г. М.* От «Подростка» к «Братьям Карамазовым» // *Dostoevsky studies.* Klagenfurt, 1986. Vol. 7. P. 3–10.

11. *Samosionek-Godlowska Н.* Художественное пространство в «Преступлении и наказании» Федора Достоевского // *Studia rossica posnaniensia.* 1986. Z. 18. S. 213–229.

12. *Богнар Ф.* Духовные искания Ивана в романе Достоевского «Братья Карамазовы» // *Acta Univ. szegediensis, Sect. linguistica. Dissertationes slavicae.* 1986. N 18. S. 149–167.

13. *Дуккон А.* Жизнь и литературная фикция в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского: (Достоевский и Белинский) // *Acta Univ. szegediensis. Sect. linguistica. Dissertationes slavicae.* 1986. N 18. S. 185–207.

14. *Фейер А.* Раскольников как жертва идеи гуманизма (Анализ романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // *Acta Univ. szegediensis, Sect. linguistica. Dissertationes slavicae.* 1986. N 18. S. 3–147.

15. *Разни А.* Диалог в «Братьях Карамазовых» // *Рус. мысль.* Париж, 1986. 19 сент.

16. *Бродский И.* Почему Милан Кундера несправедлив к Достоевскому // *Континент.* Париж; Мюнхен. 1986. № 50. С. 229–244.

17. *Ржевский Л.* Мотив жалости в поэтике Достоевского // *Грани.* Франкфурт-н/Майне, 1986. № 142. С. 146–164.

18. *Вальд Х.* Методы работы над сравнительным анализом произведений Т. Манна и Ф. М. Достоевского // *Ztschr. für Slawistik. D.,* 1986. Bd. 31. N. 3. S. 355–357.

19. *Чакырова Ж.* Мой Достоевский // *Софийские новости.* 1986. 3 дек. [Прогулка с реж. Р. Сиротой по Петербургу Достоевского, о своих ролях в театре в инсценировках Достоевского.]
Перепеч.: *Сирота Р.* Книга воспоминаний о режиме.

1987

1. *Гольдштейн Д.* Selected letters of Fyodor Dostoevsky. New Brunswick: Rutgers University Press, 1987. 543 p. (На англ. и рус. яз.)

2. *Dostoevskij e la sua epoca: catalogo della mostra.* Varese, 10 ottobre 1987 — 31 gennaio 1988 = F. M. Dostoevskii i ego vremia: dlia eksponiro-

vani v Italiï, Moskva, 1987 год. [Varere]; Latva, 1987. 130 с.: ил. (Гос. Лит. музей. Музей civici di Varese). (На ит. и рус. яз.)

3. *Иванов Вяч.* Основной миф в романе «Бесы». Достоевский: Трагедия. Миф. Мистика // Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 437–450; 519–549.

4. *Итокова К.* Владимир Федорович Одоевский и Федор Михайлович Достоевский: Обзор истории сравнительного исслед. их творчества и некоторые соображения по поводу еще одной творческой связи «Русских ночей» и «Преступления и наказания» / Послесл. С. В. Белова. Япония, Гос. технолог. вуз Гумма, 1987. 50 с.

5. *Суркин Л.* Лето в Баден-Бадене: из жизни Достоевского. Лондон: Квартет, 1987. 146 с. (На англ. и рус. яз.)

6. *Дуккон А.* Проблема двойника у Гоголя и Достоевского // *Studia slavica.* Budapest 1987. Т. 33, fasc. 1/4. С. 207–224.

7. *Лазару А.* Григорьевские мотивы в «Речи о Пушкине» Ф. Достоевского // *Revue des Etudes Slaves,* 1987. Т. 59. N 4. P. 767–776.

8. *Jovanovic M.* Техника романа тайн в «Братьях Карамазовых» // *Dostoevsky Studies.* Klagenfurt, 1987. Vol. 8. С. 45–72. Продолж.: см. N 268.

9. *Барш К. А.* Древнерусская литература в творчестве и поэтике Ф. М. Достоевского // *Studia russica.* Будапешт, 1987. № 11. С. 280–313.

10. *Бегби Л.* Введение в «Кроткую»: Писатель—читатель—объект // *Studia russica.* Будапешт, 1987. № 11. С. 257–267.

11. *Киносита Т.* Диалог без слов в творчестве Ф. М. Достоевского // *Studia russica.* Будапешт, 1987. № 11. С. 197–204.

12. *Ковач А.* Сюжетная память в персональном повествовании (Жанрообразование в «Великом инквизиторе» Достоевского) // *Studia russica.* Будапешт, 1987. № 11. С. 92–117.

1988

1. *Hutterian B.* The Gospel in Dostoevsky: selections from his works. New York: Plough Publishing House, 1988. 258 p. (На англ. и рус. яз.)

2. *Цивьян Т. В.* К структуре иностранной речи у Достоевского: Использование языка в «Подростке» // *Semiotics and the history of culture.* Columbus, 1988. С. 424–437.

3. *Степун Ф. А.* «Бесы» и большевистская революция // *Рус. возрождение.* Париж, 1988. № 1 (41). С. 60–79.

Перепеч.: *Русское зарубежье в год тысячелетия Руси: сб. М., 1991. С. 365–376.*

См. также: Ф. М. Достоевский, 1881–100–1981. London, 1981; Страницы русской зарубежной печати. Мюнхен: М., 1992. С. 331–340.

4. *Фудель С.* Наследство Достоевского: явление Христа в современности // *Вест. Рус. студенческого христианского движения.* Париж, 1988. № 1 (152). С. 258–270.

Перепеч.: Страницы русской зарубежной печати. Мюнхен; М., 1990. С. 341–353.

То же: // Русское зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси: сб. М., 1991. С. 377–386;

Ф. М. Достоевский и Православие. М., 1997;

Фудель С. И. Наследство Достоевского. М., 1998.

5. *Бабович М.* Роман Достоевского и русское революционное движение // Болг. русистика. София, 1988. Год. 14. № 2. С. 24–30.

6. *Гражис П.* Некоторые особенности системы повествования в романах Достоевского // *Studia rossica posnaniensia*. 1988. Z. 20. S. 17–37.

7. *Dostoevsky Studies: Journal of the International Dostoevsky Society*. Klagenfurt, 1988. Vol. 9. 284 p.

Из содерж.: *Jovanovic M.* Техника романа тайн в «Братьях Карамазовых» [начало: № 257]; *Mondry H.* Доктор Герценштубе — «общечеловек» или идея растворения иудаизма в христианстве?; *Bagby L.* Введение в «Кроткую»: писатель (читатель) объект; *Egeberg E.* Герой и повествователь в романе Достоевского «Подорожник»; *Sinaiiski N.* Отголоски Достоевского у двух бельгийских писателей; *Natov N.* Старорусские чтения; *Жернакова Н.* «Мужик Марей» Достоевского.

8. *Пенчих С.* Смердяков и эволюция образа «маленького человека» в творчестве Достоевского // Год. Зуб. = *Åpnè / Филол. фак-т на Унив. Скопие*. 1988. Кн. 14. С. 297–308.

9. *Голос зарубежья*. 1988. № 50. С. 44–51.

Из содерж.: С. 44–48: *Гуардини Р.* Ставрогин. Алеша / Пер. с нем.; С. 48–51: *Пирожкова В. А.* Гуардини о Достоевском.

10. *Иванов А. И.* К истории могилы Л. Ф. Достоевской // *Новый журн. Нью-Йорк*, 1988. № 170. С. 296–297.

11. *Иванов А. И.* У могилы Ф. М. Достоевского [О внуке писателя А. Ф. Достоевском] // *Новый журн. Нью-Йорк*, 1988. № 172–173. С. 357–364.

12. *Щукин В.* Два реалиста: О сходстве и различии установок практического разума Достоевского и Белинского // *Acta Univ. szegediensis. Sect. linguistica. Dissertationes Slavicae*. 1988. № 18. С. 209–226.

13. *Кирай Д.* Сюжет и диалог в «Евгении Онегине» Пушкина, «Шинели» Гоголя и «Бесах» Достоевского // *Studia russica posnaniensia*. 1988. Z. 20. S. 3–15.

1989

1. *Бердяев Н.* Типы религиозной мысли в России. Paris: VMCA-PRESS, 1989. 714 с.

Из содерж.: С. 68–98: Откровение о человеке в творчестве Достоевского [впервые: Рус. мысль. 1918. № 3–4]; С. 99–111: Ставрогин [впервые: Рус. мысль. 1914. № 5].

2. *Ветловская В.Е.* Социальная тема в творчестве раннего Достоевского // 36. матице срп. за славистику. Нови Сад. 1989. № 37. С. 17–57.

3. *Ковач А.* Смысловой мир «Пророка» Пушкина (ст. первая) // Пушкин и Пастернак: материалы второго Пушкинского коллоквиума. Будапешт, 1989. С. 58–60. [«Великий инквизитор» Достоевского и «Пророк».]

4. *Левин В.Д.* Языковая характеристика одного персонажа Достоевского (к вопросу о роли устно-разговорной речи в худож. диалоге) // Russian literature and history. Jerusalem, 1989. С. 23–33.

5. *Померанц Г.* Открытость бездне: этюды о Ф.М. Достоевском. New York, 1989. 470 с.

Рец.: *Соловьев В.* Блеск и нищета эссеизма // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1989. 28 нояб.; Вопросы лит. 1990. № 5. С. 257–263.

См. также: *Померанц Г.* Открытость бездне: встреча с Достоевским. М., 1990.

6. *Никитин В.А.* Достоевский, православие и «русская идея» // Вест. Рус. студенческого христианского движения. Париж; Нью-Йорк, 1989. № 1 (155). С. 126–136.

То же: // Социал. исслед. 1990. № 3. С. 125–131.

7. *Струве Н.А.* Достоевский: православие и «русская идея» // Вестник русского студенческого христианского движения. Париж; Нью-Йорк, 1989. № 1 (155). С. 11–21.

8. *Шмидт Х.* Тургенев, Достоевский и Германия в 1867–1872 годы // Болг. русистика. София, 1989. Год. 16. № 2. С. 11–16.

9. *Белов С.В.* Об одной заповеди у Достоевского // Рус. мысль. Париж, 1989. 28 апр.

10. *Попов В.* Ф.М. Достоевский и славянофилы // Slavia orientalis. Warszawa, 1989. Roczn. 36. № 3/4. S. 621–636.

11. *Лазару А.* Категория народности у Достоевского и в эстетике соцреализма // Рус. мысль. Париж, 1989. 18 авг.

12. *Белов С.В.* «Гений и злодейство — две вещи несовместимые» // Грани. Франкфурт-н/Майне, 1989. № 154. С. 108–169.

1990

1. Из архива А. Г. Достоевской: Письма Д. С. Мережковского и С. Н. Булгакова; Переписка с В. В. Розановым / Публ. Э. Гарэтто // Минувшее: ист. альм. Paris, 1990. № 9. С. 235–293.

2. *Ильин И.А.* К истории дьявола [у Достоевского в «Бесах»] // Ильин И. А. Наши задачи. Париж; М., 1990. С. 64–73.

3. *Итокава К.* «Пушкинская речь» и Старая Русса // Итокава К. Небо и земля «Карамазовых». Токио, 1990. С. 137–147.

4. *Laut R.* Was sagt uns Dostoevski heuter? = Что говорит нам сегодня Достоевский? / Пер.: Берновская Н. München: Ars-Una. Verl. Ges., 1990. 535 s. (Текст на нем. и рус. яз.)

5. *Щенников Г. К.* Синтез русской и европейских традиций в творчестве Достоевского (Достоевский–Герцен–Гюго) // *Dziesięcmiskow związkow wschodniej stowidnszczyzny z kultura zachodn.* Lublin, 1990. S. 240–250.

6. *Левицкий С. А.* Достоевский — наш современник // *Новый журн.* Нью-Йорк, 1990. Кн. 178. С. 223–230.

7. *Линдгрэн Н.* Символ матери-земли у Вяч. Иванова и Достоевского // *Canadian American Slavic Studies.* 1990. Vol. 24. N 3. P. 311–322.

1991

1. *Валентинов Н. В.* [*Вольский Н. В.*]. Попытки узнать Ленина // Валентинов Н. В. О Ленине. Нью-Йорк, 1991. С. 85.
То же: // Валентинов Н. Неоднородный портрет. М., 1993. В. И. Ленин о Достоевском.

2. *Ерофеев Викт. В.* Найти в человеке человека (Достоевский и экзистенциализм). Wenson: Chalidze Publications, 1991. 122 с. В прил.: *Марсель Г.* [Письмо к автору]. С. 117–118.

3. *Келер Л.* Пейзаж «золотого века» у Достоевского // Православный путь. Iordenville (N. Y.), 1991. С. 145–156.

4. *Червенак А.* «Фантастическая трилогия» Ф. М. Достоевского // *Litteraria humanitas.* Vrnо, 1991. N 1. С. 169–176. [«Бобок», «Кроткая» и «Сон смешного человека» — жанровый эксперимент Достоевского.]

5. *Бэлэнеску С.* «Крейцера соната» Л. Толстого и «Кроткая» Достоевского (опыт сопостав. анализа) // *Болг. русистика.* София, 1991. № 3. С. 30–34.

6. *Поддубная Р. Н.* Сюжет Христа в русском романе XX века и традиции Достоевского // 36. Матице срп. за славистику. Нови Сад, 1991. № 41. С. 99–119.

7. *Ruttner M.* Язык и стиль в описании образа Наполеона в романах Толстого «Война и мир» и Достоевского «Преступление и наказание» // *Rus. lit.* Amsterdam, 1991. Vol. 30. N 2. P. 253–272.

8. *Канадзави М.* Молодой Достоевский и французский романтизм // *Acta slavica iaponica.* Sapporo, 1991. T. 9. С. 47–55.

9. *Волгин И.* «Развенчанная тень»: Достоевский и Наполеон: к истории отношений // *Рус. мысль.* Париж, 1991. 15 нояб.

1992

1. *Бжоса Х.* Достоевский: Просторы движущегося сознания. Познань: УАМБ 1992. 103 с. (Ун-т Николая Коперника.)

Рец.: *Цуканов Г.* Театр памяти // *Меценат и мир.* Рязань, 2000. № 11–13. С. 351–354.

2. В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана: сб. ст. / Тартус. ун-т. Каф. рус. лит. Тарту: Эйдос, 1992. 232 с.

Из содерж.: С. 148–160: *Аврамец И. А.* Мифологические мотивы в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка»; С. 161–170: *Руднев В. П.* «Злые

дети): Мотив инфантильного поведения в романе «Бесы»; С. 171–184: *Соболев А.* «Мелкий бес»: к генезису заглавия; С. 280–310: *Торон П. Х.* Достоевский: логика еврейского вопроса.

3. *Ф. М. Достоевский в Семипалатинске: сб.* / Сост. И. Ф. Мельникова. Семипалатинск, 1992. 130 с.

Из содерж.: С. 2–39: *Герасимов Б. Г.* Ф. М. Достоевский в Семипалатинске; М. Д. Исаева. Военная служба. Друзья и знакомые.

Впервые: Сиб. огни. 1926. № 3. С. 124–144.

4. Достоевский и современность: Материалы Достоев. чтений: сб. 2 / Лит.-мемор. музей Ф. М. Достоевского. Семипалатинск, 1992. 151 с.

Содерж.: С. 8–9: *Итокава К.* Записки о «Живом доме»; С. 35–46: *Кузнецов О. Н., Лебедев В. И.* Семипалатинская любовь и тайна больной женской души в творчестве Ф. М. Достоевского; С. 47–57: *Стручева Л.* Трагическое и комическое в повести Достоевского «Дядюшкин сон».

5. *Мужиль В. В.* «Гордый человек» у А. С. Пушкина и у Ф. М. Достоевского // Вопросы творчества и биографии А. С. Пушкина: Тез. докл. и сообщ. межвуз. науч. конф., 23–25 апр. 1992 г. / Одес. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. Одесса, 1992. С. 93–94.

6. *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. London, 1992. 547 с. [о Достоевском по указ. имен на с. 536.]

Перепеч.: СПб., 1993.

7. *Рудаков П. Я.* [Воспоминания] // Найман А. Статуя командора и другие рассказы. London, 1992. С. 58–59. [Встреча с Достоевским М. В. Петрашевского.]

8. *Рыгалова Л. С.* Некоторые особенности портрета в романе Достоевского «Подросток» // Литературные маргиналии: Сб. науч. тр. Алма-Ата, 1992. С. 19–22.

9. *Савельева В. В.* Три старухи (к поэтике одного сюжета) [«Преступление и наказание»] // Литературные маргиналии: Сб. науч. тр. Алма-Ата, 1992. С. 50–54.

10. *Колевский В.* Легенда о Великом инквизиторе и наша современность // Болг. русистика. София, 1992. № 1. С. 17–19.

11. *Кроо К.* «Pro i contra» в «Братьях Карамазовых» // *Studia slavica.* Акад. Sci. hung Budapest, 1991–1992. Т. 37, fasc. 1/4. Old. 353–377.

12. *Станюта А. А.* Достоевский в восприятии Бунина // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 4: Филология, журналистика, педагогика, психология. 1992. № 2. С. 11–14.

13. *Гуардини Р.* Религиозные образы в творчестве Достоевского / Пер. с нем. // Голос зарубежья. 1992. № 65. С. 33–42; № 67. С. 42–46; 1993. № 68. С. 26–42; № 69. С. 39–48; № 70. С. 39–46; № 71. С. 35–48; 1994. № 72/73. С. 33–45; 1995. № 74/75. С. 51–70; № 76/77. С. 50–72.

14. *Беловолов Г. В.* [Украинский Г. В.] «Общеввропейский дом» и «Вавилонская башня»: заметки Достоевского на полях Апокалипсиса // Вече. Мюнхен, 1992. № 46. С. 67–75.

15. *Степанян К.* О художественности русской литературы: размышления над «Выбранными местами из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя и «Дневником писателя» Ф.М. Достоевского // *Грани. Франкфурт-н/Майне*, 1992. № 163. С. 142–157.

1993

1. *Андроник А.В.* Сюжет приговоренного к смерти в повести «Капитанская дочка» (к проблеме «Достоевский и Пушкин») // *Крым. Пушк. чтения, 2-е: Материалы (Керчь, 22–26 сент. 1992 г.) / Симфероп. гос. ун-т. Симферополь*, 1993. Ч. 1. С. 87–89.

2. *Гидини К.* Литературная критика и герменевтика в работах Вяч. Иванова о Достоевском // *V. Ivanov: Russischer Dichtereuropaischer Kulturphilosoph. Heidelberg*, 1993. S. 190–203.

3. *Данилова Н.К.* «Игрок» среди романов Достоевского // *Восприятие. Анализ. Интерпретация: Материалы конф. / Вильнюс. пед. ун-т. Вильнюс*, 1993. Вып. 2. С. 69–77.

4. *Ефимов И.М.* Справедливость или милосердие? Юридич. антиномия Достоевского [1988] // *Ефимов И.М. Время добра: рус. писатель как властитель дум. Tenaflu (M. Y.); Эрмитаж*, 1993. С. 70–78.

5. *Зябрева Г.А.* «Почвенничество» Ф.М. Достоевского в свете государственно-патриотических воззрений А.С. Пушкина // *Крым. Пушк. чтения, 2-е: Материалы (Керчь, 22–26 сент. 1992 г.) / Симфероп. гос. ун-т. Симферополь*, 1993. Ч. 1. С. 85–87.

6. *Интимная сексуальная жизнь знаменитых людей.* Минск, 1993. С. 99–101.

7. *Каменева Н.В.* «Неэвклидова геометрия» в романе Достоевского «Братья Карамазовы» // *Восприятие. Анализ. Интерпретация: Материалы конф. / Вильнюс. пед. ун-т. Вильнюс*, 1993. Вып. 2. С. 78–84.

8. *Крамная Ю.А.* А.М. Горький об А.С. Пушкине и Ф.М. Достоевском // *Крым. Пушк. чтения, 2-е: Материалы (Керчь, 22–26 сент. 1992 г.) / Симферопол. гос. ун-т. Симферополь*, 1993. Ч. 1. С. 10–11.

9. *Литература XIX века в вопросах и заданиях / Информ. агентство «Профия». Лаб. творч. педагогики «Содружество». Симферополь*, 1993 (обл. 1992). 62 с. (сер. «Учащимся, абитуриентам, учителям»). [Вып. 2]: Творчество Ф.М. Достоевского.

10. *Лотман Ю.М.* Два устных рассказа Бунина (к проблеме «Бунин и Достоевский») // *Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра*, 1993. Т. 3. Статьи по истории рус. лит. С. 172–184.

11. *Митюрев С., Санжаровский Р.* Достоевский и Булгаков: «Двойник» и «Дьяволиада» // *Булгаковский сборник I: Материалы по ист. рус. лит. XX в. Таллинн*, 1993. С. 5–15 (Таллин. пед. ун-т).

12. *Осмоловский О.Н.* Этические взгляды Пушкина и Достоевского // *Пушкин и наше время: Тез. докл. пушк. чтений. Кишинев*, 1993. С. 11–12.

13. *Поддубная Р.* Традиции философского романа Достоевского в «Покушении на миражи» В. Тендрякова // *Studia rossica posnaniensia*. Poznan, 1993. Z. 23. S. 61–74.

14. *Фридлендер Г.М.* Роль сознания и творческого диалога для Достоевского и для нас // *Dostoevsky and the Twentieth Century. The Ljubljana Papers* / Ed. by M. V. Jones. Nottingham: Astra Press, 1993. P. 9–18.

15. *Фришман А.* Достоевский и Киркегор: Диалог и молчание // *Scando-Slavica*. Copenhagen, 1993. T. 39. S. 107–121.
То же: // *Достоевский и мировая культура: Альм.* СПб., 1993. С. 176–191; *Достоевский в конце XX века.* М., 1996.

16. *Халациньска-Вертеляк Х.* «Театр» Достоевского и размышления Павла Флоренского о русской иконе (фрагмент) // *Studia rossica posnaniensia*. Poznan, 1993. Z. 25. S. 13–23.

17. *Фридлендер Г.М.* Достоевский и Ибсен // *Dostoevsky Studies: The Journal of the International Dostoevsky Society. N. S.* / Center for Multiethnic and Transnational Studies, University of Southern California. Los Angeles: Ch. Schlacks, jr., 1993. Vol. 1. № 2. P. 209–217.

18. *Горбаневский М.* Светорусье // *Посев*. Frankfurt am Main, 1993. № 5. С. 102–108.

19. *Имре Л.* Шестов: Достоевский и Ницше // *Slavica*. Debrecen, 1993. N 26. С. 169–175. [В связи с выходом на венг. яз. кн. Л. Шестова «Достоевский и Ницше».]

20. *Кукучка Ч.* «Легенда о Великом инквизиторе» // *Slavica*. Debrecen, 1993. N 26. С. 143–157.

21. *Хайнади З.* О литературе аргументации // *Slavica*. Debrecen, 1993. N 26. С. 131–141. [Особенности объективного повествования в противовес субъективной точке зрения рассматриваются на примере Достоевского и Л. Н. Толстого.]

22. *Виноградов И.* Красота зла? (из «Этюд о Достоевском») // *Континент*. Берлин, 1993. № 76. С. 304–321.

23. *Skaza A.* «Поэма» в понимании и творчестве Ф. М. Достоевского // *Slavistica revija*. Ljubljana, 1993. Z. 41. St. 2. S. 231–236.

1994

1. *Бахтин М.М.* [К переработке книги о Достоевском] // *Диалог. Карнавал. Хронотоп*. Витебск, 1994. № 1. С. 70–82.

2. *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. Киев: Некст, 1994. 508 с.

3. *Белов С.В.* Бунт Ивана Карамазова // *Литературный процесс и развитие мировой культуры: Материалы и тез. Конф. 30 марта — 2 апр. 1992 г.* Таллин. пед. ун-т. Таллинн, 1994. С. 52.

4. *Гуардини Р.* Человек и вера [1932] / Пер. с нем. Брюссель: Жизнь с Богом, 1994. 332 с.
Рец.: *Степанян К.* Диалог с Достоевским // *Знамя*. 1996. № 2. С. 234–235;
Канена А.М. Свидетельство встречи // *Рус. мысль*. Париж. 1996. 1–7 февр.

5. *Дауговити С.Н.* О возможном лубочном подтексте в рассказе Ф.М. Достоевского «Скверный анекдот» // *Philologia*. Рига, 1994. Вып. 1. С. 41–46. [Гипотеза об использовании Достоевским сведений о лубке, представленных в кн. И.М. Снегирева «Лубочные картинки русского народа в Московском мире» (1861 г.)]

6. *Ковач А.* Персональное повествование: Пушкин, Гоголь, Достоевский. Франкфурт-н/Майне: Петерб. Ланг, 1994. 231 с. (Славянские литературы; т. 7.)

7. Конкорданс (указатель слов в контексте) к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Т. 1–3. Ун-т Хоккайдо, Центр Славяноведения. Sapporo, 1994.

8. *Корниенко О.А.* Христианская парадигматика и технология ее воплощения в художественном мире Ф.М. Достоевского // *Язык и культура*. Киев, 1994. С. 185–189.

9. *Митюрев С., Санжаровский Р.* «Всечеловеческое» в творчестве Ф.М. Достоевского // *Литературный процесс и развитие культуры: Материалы и тез. конф.* 30 марта — 2 апр. 1992. Таллин. пед. ун-т. Таллинн, 1994. С. 49–51.

10. *Мукашев З.А.* Очерки социальной философии Ф.М. Достоевского. Алматы: Высш. шк. права «Едилет» и др., 1994. 190 с. Рец.: *Ализаде А.А.* // *Вопр. филос.* 1996. № 2. С. 153–158.

11. *Пумпянский Л.В.* Достоевский и античность [1922 г.] // *Диалог. Карнавал. Хронотоп.* Витебск, 1994. № 1. С. 88–103.

12. *Рыгалова Л.С.* Композиция романа «Подросток» // *Жанрово-стилевые искания и индивидуальность писателя.* Алматы, 1994. С. 22–26.

13. *Савельева В.В.* Об одной литературной параллели к роману «Братья Карамазовы» // *Жанрово-стилевые искания и индивидуальность писателя.* Алматы, 1994. С. 17–21.

14. *Середенко И.И.* Этическое и идеологическое в произведениях Ф.М. Достоевского 1860 — начала 1870-х годов // *Литературный процесс и развитие мировой культуры: Материалы и тез. конф.* 30 марта — 2 апр. 1992. Таллин. пед. ун-т. Конф. рус. лит. Таллинн, 1994. С. 53–54.

15. *Станюга А.А.* Достоевский, дебют: «другая история» // *Славянские литературы в контексте мировой: материалы междунар. науч. конф.* Минск: БГУ, 1994. С. 131–133.

16. *Терлецкий А.Д.* Ф.М. Достоевский и философская критика XIX–XX веков / Крым. центр гуманист. исслед. Симферополь; Крым. архив, 1994. (Вых. дан.: 1995). 94 с.

Рец.: *Жожикашвили С.В.* // *Новое лит. обозр.* 1996. № 21. С. 408–409.

17. *Язык и культура: Третья междунар. конф. / Украин. ин-т междунар. отношений Киев. ун-та, Каф. украин. и рус. яз., Фонд гуманист. развития «Collegium».* Киев, 1994. Ч. 1: Доклады. 309 с. (Б-ка журн. «Collegium».)

Из содерж.: С. 179–184: *Лутковская В.* Структурообразующая роль сказки в русской и украинской литературах (на материале романов

Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и П. Кулиша «Черная рада»); С. 185–189: *Корниенко О. А.* Христианская парадигма и технология ее воплощения в художественном мире Ф. М. Достоевского (о романе «Идиот»); С. 189–196: *Алексеев П. П.* Художественная форма романа как реализация методологии обретения идеала (на материале «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского).

18. *Степанова И.* Правнук Достоевского: из цикла «Неизвестные петербуржцы» // Рус. мысль. Париж, 1994. 5–11 мая.

19. *Кузнецова Н.* Русская рулетка [К биографии Достоевского] // Рус. мысль. Париж, 1994. 12–18 мая.

20. *Тамарченко Н. Д.* Русский роман и проблема теодицеи [«Преступление и наказание» и «Война и мир»] // *Slavia orientalis.* Warszawa, 1994. Roczn. 43, N 3. S. 311–324.

21. *Хайнади З.* «Бесы» (Роман о битве идей) // *Studia russica.* Будапешт, 1900–1994. N 14–15. С. 328–349.

22. *Белов С. В.* Тринадцать ступеней: Петербург: аномалии-символы у Достоевского // Грани. Франкфурт-н/Майне, 1994. № 173. С. 127–154.

23. *Белов С. В.* Новое о Ф. М. Достоевском в архивах США // Там же. № 174. С. 225–241.

1995

1. *Аврамец И.* Разрешение парадокса: новелла Достоевского «Честный вор» // *Studia russica. Helsingiensia et Tartuensia.* IV. «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. Тарту, 1995. С. 184–190.

2. *Андо Ацуси.* Лексические и стилистические особенности «Преступления и наказания» — из опыта составления конкорданса к роману // *Japanese and Korean contributinal Dostoevsky symposium,* 30 July — 6 Aug. 1995. Kartause Gaming, Austria, Sapporo, 1995. С. 31–36.

3. *Ахметов А.* Дух вольности святой: Чокан Валиханов и демократическая Россия. Алматы: Казахстан, 1995. 352 с. [Достоевский и Чокан Валиханов.]

4. *Ветловская В. Е.* Поэтическая декларация раннего Достоевского (Символика повести «Хозяйка») // Сборник Матице српчке за славистику. Нови Сад. 1995. № 28. С. 91–103.

5. *Давыдов С.* Альфред Людвигович Бем (1886—1945?) и «русская Прага» // Зап. Рус. акад. группы в США. New York, 1995. Т. 27. С. 89–98. С. 94–97: Работы А. Л. Бема о Достоевском.

6. *Katalin K.* «Пиковая дама» Пушкина и «Игрок» Достоевского / Некоторые вопросы интертекстуализма // *Studia russica Budapestinensia:* Материалы III и IV Пушкинского коллоквиума в Будапеште, 1991, 1993. Будапешт, 1995. С. 147–174.

7. *Киносита Тоефуса.* Об одном из источников поэтики Ф. М. Достоевского — о «законе симпатии» Валериана Майкова // *Japanese and Korean contributions to the IXth International Dostoevsky*

symposium, 30 July — 6 Aug 1995, Kartause Gaming, Austria. Sapporo, 1995. P. 1–7.

8. *Кори Синъя*. «Овнешнение» внутреннего героя в «Преступлении и наказании» // Japanese and Korean contributions to the IXth International Dostoevsky symposium, 30 July — 6 Aug 1995, Kartause Gaming, Austria. Sapporo, 1995. P. 25–30.

9. *Кониенко О.А.* Символика образов в поэтике А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского («Пиковая дама» и «Преступление и наказание») // Материалы Пушк. науч. конф. 1–2 марта 1995 года: (к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина) / Киев. ун-т им. Т. Шевченко. Киев, 1995. С. 81–83.

10. *Кузьменко Е.О.* Место и значение главы «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» в романе Достоевского «Братья Карамазовы» // Амальгама: Сб. тр. Самарканд, 1995. С. 59–61.

11. *Кузьменко Е.О., Степаньянц Ж.И.* Три речи в романе Достоевского «Братья Карамазовы» // Амальгама: Сб. тр. Самарканд, 1995. С. 70–74.

12. *Лазари А.* Заметки о Пушкине Аполлона Григорьева и Федора Достоевского // *Dissertationes Slavicae: Hist. lit. Szeged.* 1995. T. 21. С. 117–184.

13. *Мотицудзуки Тэцуо.* Тема казуистики в романе «Братья Карамазовы» // Japanese and Korean contributions to the IXth International Dostoevsky symposium. 30 July — 6 Aug. 1995. Kartause Gaming, Austria. Sapporo, 1995. С. 18–24.

14. *Нагорная Н.М.* Пушкин–Вольтер–Достоевский: (судьба пушк. повествовательной традиции в рус. лит. второй пол. XIX в.) // Материалы Пушк. науч. конф. 1–2 марта 1995 года: (к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина) / Киев. ун-т им. Т. Шевченко, Пушк. о-во Украины. Киев, 1995. С. 86–89.

15. *Прохорова Е.* Неоконченная повесть «Картузов» и ее место в образной системе Достоевского // *Graduate essays on Slavic lang. a lit.* Pittsburg, 1995. Vol. 8. С. 76–83.

16. *Рошко М.М.* Проблема убийства «по убеждению» в творчестве А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Андреева // Материалы Пушк. науч. конф., 1–2 марта 1995 г.: (к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина) / Киев. ун-т им. Т. Шевченко, Пушк. о-во Украины. Киев, 1995. С. 89–92.

17. *Сэйтиро Такахаши.* Достоевский и «Горе от ума» — с точки зрения проблемы совести // Japanese and Korean contributions to the IXth International Dostoevsky symposium, 30 July — 6 Aug. 1995. Kartause Gaming, Austria. Sapporo, 1995. С. 8–17.

18. *Телегина И.А.* Два Алексея Ивановича («Игрок» Достоевского и «Мы проводили вечер на даче...» Пушкина) // Амальгама: Сб. тр. Самарканд, 1995. С. 62–69.

19. *Туниманов В. А.* Одна луковка и две паутинки (Ф. Достоевский, Л. Толстой, Рюноске Акутагава) // *Acta slavica japonica*. Sapporo, 1995. Т. 13. С. 184–224.

20. *Фельдман И.* Лишний человек в подполье: тема «Россия и Запад» в «Записках из подполья» // *Graduate essays on Slavic lang. a. lit.* Pittsburg, 1995. Vol. 8. С. 64–75.

21. *Попов Е.* Вербальные средства изображения возгласов в романе «Бесы» Достоевского // *Чуждоезиково обучение*. 1995. № 2. С. 59–70.

22. *Ичин К.* Итоговый труд о Достоевском // *Рус. мысль*. Париж, 1995. № 4066. [Рец. на кн.: *Jovanovic M.* Достоевски: од романа тајни ка роману. Београд, 1922. 427 с.; *Jovanovic M.* Достоевски: од романа тајни ка роману. Београд, 1993. 503 с.]

23. *Григорьянц Т.* Достоевский сегодня в Париже // *Рус. мысль*. Париж, 1995. N 4097. [Восприятие романа «Игрок» во Франции.]

24. *Ардов М. В. прот.* Пророки и лжепророки [О предсказаниях будущего России Достоевским] // *Грани*. Франкфурт-н/Майне, 1995. 176. С. 255–261.

25. *Серман И.* Достоевский и Просвещение // *Russian Studies*. 1995. N 4. С. 18–36.

26. *Кукучка Ч.* Древнерусские принципы изображения пространства у Достоевского // *Slavica*. Debrecen, 1995. N 27. С. 119–128.

1996

1. *Алексеев П. П.* Художественная форма романа как реализация методологии обретения идеала // *Мысль, слово и время в пространстве культуры*. Киев, 1996. С. 110–149.

2. К 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского / *Записки Русской академической группы в США*. Т. 28. New York, 1996. 508 с. Из содерж.: С. 173–182: *Террас В.* Заметки о стиле Достоевского; С. 183–196: *Котельников В.* Красота истощения: О кенотической антропологии Достоевского; С. 197–211: *Жернакова Н.* «Великий инквизитор» Достоевского в свете «русской [религиозной] идеи» в понимании Николая Бердяева; С. 212–256: *Натова Н.* Троекратность как символ диаволова искушения грехом у Достоевского; С. 257–302: *Круговой Г.* Невидимые персонажи в «Братьях Карамазовых»; С. 303–312: *Каценелинбойген А.* Системная единичность. Системное видение черта в романе Достоевского «Братья Карамазовы»; С. 331–352: *Боград Г.* Функции произведений изобразительного искусства в творчестве Достоевского.

3. *Зябрева Г. А.* Ранняя проза Леонида Андреева и традиции Достоевского (статья первая) // *Вопросы русской литературы*: Науч. сб. Симферополь. 1996. Вып. 2/59. С. 43–47.

4. «Литература и религия»: Шестые Крымские Пушкинские междунар. чтения: материалы / Крым. центр. гуманит. исследований и др. Симферополь: КЦГИБ, 1996. 168 с.

Из содерж.: С. 68–70: *Денисова А. В.* Раскольников и Мармеладов: к проблеме евангельского текста в романе Достоевского «Преступление и наказание»; С. 72–76: *Зябрева Г. А.* «Евангельские сюжеты» в прозе Л. Андреева и традиции Ф. Достоевского; С. 88–90: *Мащенко А. П.* Ветхий завет в художественном мире Достоевского; С. 101–103: *Романов Ю. А.* Подполье как антивера («Записки из подполья» как религиозный предтеча великих романов Достоевского); С. 103–105: *Терлецкий А. Д.* «Еще раз...» об «архискверном» Достоевском (к вопросу о религиозном мировоззрении писателя).

5. *Туниманов В. А.* Бунт и молитва: О «религиозной морали» героев Достоевского и Лескова // *Indiana Slavic Studies*. 1996. Vol. 8. P. 78–105.

6. *Фельдман И.* Вопрос о заграничных русских (комментарий к роману «Игрок») // *Rus. Studies*. 1996. 1–2, £ 1. С. 118–132.

7. *Щитцова Т. В.* Киркегор и Достоевский — «двойники» // *Философский поиск: белорус. филос. журн.* 1996. N 2. С. 47–52.

См. также в кн.: *Русская культура на межконфессиональных перекрестках: Тез. докл. и выступлений на междунар. конф.* М., 1995. С. 111–112.

8. *Balanescu S.* О литературном жанре «Дневника писателя» Достоевского // *Zagadnienia rodzajow lit.* Wroclaw etc., 1996. T. 39, z. 1/2. S. 29–38.

9. *Холодов А. Б.* Мифопоэтика романа Достоевского «Идиот» // *Русская филология.* Харьков, 1996. N 3/4. С. 22–26.

10. *Безелянский Ю.* В слепоте страстей [Достоевский и А. П. Сушлова] // *Новое рус. слово.* Нью-Йорк, 1996. 8 нояб.

11. *Соколов Б.* Маркиз де Сад и Достоевский // *Континент.* Париж, 1996. N 90. (Окт.–дек.). С. 362–378.

12. *Вайнерман В.* Генерал-покровитель [А. Ф. де Граве] // *Рус. мысль.* Париж, 1996. 19–25 дек.

13. *Аврамец Ирина.* Новелла Достоевского «Елка и свадьба» // *Словесность и эволюция культуры / Латв. ун-т.* Рига, 1997. С. 43–49.

14. *Белорусов А. Ф.* Образ «семинариста» в представлениях и творчестве Ф. М. Достоевского // *Словесность и эволюция культуры / Латв. ун-т.* Рига, 1997. С. 56–69.

15. *Ветловская В. Е.* Инфернальные мотивы в «Преступлении и наказании» Достоевского // *Life and text: essays in honour of G. Kjetsaa on the occasion of his 60th birthday.* Oslo: Univ. I Oslo, 1997. P. 253–260 (*Meddelelser/Univ.* 2 Oslo; N 79).

16. *Graham S.* Нигилист и император: Историч. и ономастич. происхождение Петра Верховенского из романа «Бесы» Достоевского // *Graduate essays on Slavic lang. a lit.* Pittsburg, 1997. Vol. 10. С. 67–74.

17. *Daly S.* Эволюция образа Марьи Тимофеевны Лебядкиной в романе «Бесы» (от черновиков к окончательному тексту) // Там же. С. 75–81.

18. *Захаров В. Н.* «Братья Карамазовы»: метафизика текста // «Die Bruder Karamasov»: *Dostojewskij letzter Roman in neutiger Sicht.* Dresden, 1997. S. 213–228.

19. *Клейман Р.Я.* Об одном еврейском мотиве «Дневника писателя» Достоевского // Народ Книги в мире книги. Кишинев, 1997. С. 31–36.

20. *Кузьменко Е.О.* Сновидение «Кана Галилейская» и его роль в романе Достоевского «Братья Карамазовы» // Филол. исследования: Сб. ст. Самарканд, 1997. С. 48–50.

21. *Мальчукова Т.Г.* О центральном мотиве повести Достоевского «Дядюшкин сон» в свете традиций // Русская литература и провинция: седьмые чтения. Симферополь, 1997. С. 104–106.

22. *Нонака Харуна.* Функция «Слухи» в романе «Братья Карамазовы» Достоевского // Росия бунка кэнкю (Рус. культура). Токио, 1997. № 4. С. 26–38.

23. *Остапенко Л.М.* О месте «Дневника писателя» в творческом наследии Достоевского // Язык и культура. Киев, 1997. Т. 4. С. 127–131.

24. *Остапенко Л.М.* «Философия проселка» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Русская литература и провинция: седьмые чтения. Симферополь, 1997. С. 121–128.

25. *Reges J.* Незаконченный путь Шатова к народу в романе Достоевского «Бесы» // Graduate essays on Slavic lang. a lit. Pittsburgh, 1997. Vol. 10. P. 82–93.

26. *Сагайдак Ю.* Амазонка–красавица–нигилистка–Лиза... (От подгот. материалов к тексту романа Достоевского «Бесы») // Graduate essays on Slavic lang. a lit. Pittsburgh, 1997. Vol. 10. P. 82–93.

27. *Степаньянц Ж.И.* Достоевский и Бомарше: полемический диалог («Маленький герой» и «Безумный день, или Женитьба Фигаро») // Филолог. исследования: Сб. ст. Самарканд, 1997. С. 43–47.

28. *Торон П.* Достоевский: история и идеология. Тарту: Tartu ulikooli Kirjastus, 1997. 170 с.

29. *Туниманов В.* Литературная дуэль: Ф.М. Достоевский и Н.С. Лесков в 1873 году // Life and text: essays in honour of Geir Kjetsaa on the occasion of his 60th birthday. Oslo, 1997. P. 239–251.

30. *Фридендер Г.М.* От «Мертвых душ» к «Братьям Карамазовым» // «Die Bruder Karamasow»: Dostojewskijs letzter Roman in heutiger Sicht. Dresden, 1997. S. 17–28.

31. *Холодов А.Б.* Мифология судьбы и ее персонификация в романе Достоевского «Подросток» // Язык и культура. Киев, 1997. Т. 4. С. 188–193.

32. *Рылькова Г.С.* Жажда страдания [«Записки из подполья»] // Rus. lit. Amsterdam, 1997. Vol. 41. P. 37–49.

33. *Страда В.* Достоевский — наш современник // Рус. мысль. Париж, 1997. 9–15 янв.; 16–22 янв. [Отчет о конф. в г. Пене (Италия).]

34. *Пажитнов Л.* «Всё, всё, что гибелью грозит...»: О Ф.М. Достоевском // Рус. мысль. Париж, 1997. 23–29 янв.; 30 янв. — 5 февр. [Отрывок из готовящейся к печати кн. «Двуликий Янус».]

35. *Цивьян Т.* Петербургский опыт и петербургский текст: Интервью в романе Достоевского «Подросток» // *Europe Orientalis*. Vol. 16. 1997. N 2. С. 173–192.
36. *Казакова Нат.* Достоевский и власть: Ко дню кончины Ф. М. Достоевского // *Новое рус. слово*. Нью-Йорк, 1997. 15–16 февр.
37. *Туниманов В. А.* Возвращение Нечаева: Заметки на полях одного полит. романа [Хорхе Семпруна «Нечаев вернулся»] // *Новый журн.* Нью-Йорк, 1997. № 3. С. 172–183. [О романе «Бесы».]
38. *Милош Ч.* Несколько русских страниц «Алфавита Милоша» // *Рус. мысль*. Париж, 1997. С. 10–11. Оконч. следует. [Публикуется статья о Достоевском.]
39. *Кулаковская Д.* Слово в защиту Федора Карамазова // *Вышгород*. Таллинн, 1997. № 6. С. 190–194.
40. *Достоевский Д. А.* Скандинавка Анна Достоевская // *Suomen Aani / Голос Финляндии*. 1997. 22–25 окт.
41. *Петрунис Сергей.* Гений, игрок, сладострастник [Достоевский] // *Новое рус. слово*. Нью-Йорк, 1997. 30 окт.
42. *Ичин К.* «Игрок» Достоевского как роман «тайн» // 36. Матице срп. за славистику. Нови Сад, 1997. № 52. S. 87–104.
43. *Тедер Эрик.* Достоевский и Таммсааре / Пер. Вл. Илляшевиче // *Рус. телеграф*. Таллинн. 1997. Дек.

ПУБЛИКАЦИИ

Ф. ЛЁВЕ

«БЕДНЫЕ ЛЮДИ» РОМАН (В ПИСЬМАХ) Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

«Die armen Leute». Roman (In Briefen) von F. M. Dostojewski //
Sankt-Petersburgische Zeitung. 1846. 15–18 (27–30) August.
N 183–186. S. 737–751¹

Русская литература, как и вообще вся русская современная жизнь, имеет то преимущество, что она никогда не следовала образцу какого-либо одного народа². При своем пробуждении она нашла уже сложившимся всё богатство европейского духовного мира, и от изучения и освоения его характер русской литературы приобрел нечто универсальное, хотя и за счет некоторой утраты оригинальности³. Остальные народы Европы, выйдя из строго очерченных рамок национальной жизни и постепенно достигнув степени духовного общения и обмена ценностями, поднялись как бы от частного к общему. Русскому народу, корифею славянских племен, было уготовано пройти обратный путь: побужденный общими принципами, он возвратился к собственной своей сущности. Не впадая в тон дифирамбов, излюбленный многими славянофилами и славяноманами, следует, во всяком случае, признать, что мировая история решилась здесь на некий новый эксперимент⁴.

Для великого дела вступления славянских племен в число исторических народов важнее и полезнее всяческих декламаций являются положительные создания славянского духа, которые подтверждают, что ему уже удастся вносить в национальное творчество дыхание европейской культуры. Пушкин остается первым на поле поэзии, кто проник слухом в тайные глубины русского гения, однако в его творениях лишь отдельные струны, отдельные фигуры имеют национальный характер, который не пронизывает всё творчество поэта в целом. Тем не менее бессмертной и неоспоримой заслугой Пушкина является то, что русскую литературу, до того плывшую по воле волн в европейском культурном море, он привел к берегам национальной поэзии, и его поэтический дар не убоится сравнения с самыми великими именами. Не придерживаясь мнения, высказанного недавно на страницах нашего листка^a, должно

^a Рецензент не соглашается с резкой критикой издательской политики журнала «Отечественные записки», опубликованной в обзоре русской периодической печати 21 февраля 1846 года. Безымянный автор очерка критикует издательскую политику журнала «Отечественные записки», по его мнению, тематически рыхлого издания, которое способно удовлетворить лишь вкусу невзыскательного читателя и которое «допускает все отрасли знания и всю литературную продукцию, от поэтических опусов до сельского

вполне согласиться с «Отечественными записками», которые постоянно указывают нам на Пушкина, Гоголя и Крылова^b. Творения сего триумвирата суть истинный источник русской поэзии, из которого станут черпать вдохновение все будущие поэты⁵.

Автор романа, о котором идет речь, из этого источника пьет полной мерою. Но это отнюдь не означает, что мы имеем дело с подражателем. Вообще это ошибка, когда полагают, будто изучение великих образцов лишает писателя самостоятельности. Чем глубже проникаешь во внутренний мир произведения искусства, чем явственнее видишь его сердцевину, тем легче избавляешься от всего наносного и тем более становишься способен к самостоятельному творчеству⁶. Так точно и воспитание не лишает человека свободы, но способствует самостоятельности лишь после того, как воспитанник прошел школу чужого воздействия. Подобно «Вертеру» Гёте в прошлом столетии⁷, столь же оригинален тон и строй «Бедных людей», и мы без колебаний ставим рядом два этих произведения, поскольку основным настроением того и другого является сентиментальность. О смысле, который мы вкладываем в это понятие, надо сказать следующее.

Сентиментальность в жизни народов и индивидов есть ступень, переходный этап. Разумеется, мы имеем в виду не ее вырождение — слащавую чувствительность, достойную только насмешки и презрения, но тот кризис души, когда рушатся наивные представления и абстрактные идеалы, и душа вступает в реальную борьбу с действительностью. Лишь осознав конфликт идеи с действительной жизнью, душа подымается к личной духовности, так как невозможно достигнуть вершин бытия, верно понять свое место в нем, не пережив в себе борьбы противоречий. Сентиментальность есть, таким образом, личное чувство. Если в наивном первоначальном состоянии народа каждый отдельный человек чувствует как все и как бы через всех, подобно, например, младенцу в материнской утробе, который дышит дыханием матери, то родившись и обретая сознание, индивид начинает самостоятельную духовную жизнь, хотя и ощущает нацию как общую мать. Сентиментальность в этом смысле незнакома ни древности, ни сред-

хозяйства и высокого искусства. Большой объем и энциклопедическое содержание журнала в полной мере соответствуют бесхарактерному дилетантизму, которым отличается большинство образованной публики. <...> Большинство русской публики, однако, довольствуется первым непосредственным впечатлением, не утруждая себя его анализом, и поэтому может легко и быстро переходить от одного жанра чтения к другому. Русская публика в этом отношении похожа на тех больших, которые, несмотря на достаточное количество пищи, которую они поглощают, всё же не могут утолить свой голод, поскольку их ослабевший желудок не в состоянии получить из съеденной пищи достаточно питательных веществ» (Die russische Journalistik im Jahre 1845 // St. Petersburgische Zeitung. 1846. 21.02. (05.03). S. 165).

^b Не можем также согласиться с упреком, будто «Отечественные записки» больше восторгаются, нежели вникают в дело. Достаточно указать на подробный и основательный разбор Собрания сочинений Пушкина (*Прим. автора статьи*.)

невековью, это сугубо современное состояние. Говоря философским языком, это прогивостояние субъекта и субстанции⁸. В области искусства Шекспир есть исходная точка. Гёте продолжил его линию в прозе, Шиллер — в драматургии. В России произведение Достоевского есть наиболее удачный опыт отображения в искусстве современной фазы развития народности.

Так кто же герой нашего романа, если вообще, говоря о романе, допустимо говорить о его герое, без которого не может обойтись, например, драма? Это чиновник, титулярный советник, бедный человек, над которым насмеются его товарищи по ведомству, зло издеваются над ним, нахлобучивают на голову папки с делами⁹ и проч. Он стал для них притчей во языцех, символом простака и мишенью для самых грубых острот и шуток и с трогательной безответностью примирился со своим печальным положением как с неизбежностью. Тридцать лет кряду прослужил он переписчиком бумаг. Но только у одного из своих товарищей признает он такой же отличный почерк, как у него самого. Он искренне почитает «его превосходительство», список его проступков пуст, поведения он всегда надлежащего и ни в чем предосудительном не замечен. Его потребности не превышают его денежных возможностей, его внешний облик отличается крайней непритязательностью. Таков наш герой или наше главное действующее лицо. Что за интерес может вызвать к себе такой человек?

Этот интерес относится к запоздалой, но расцветающей в нем с большой силою духовной жизни. То, что делает этого человека в его сорок семь лет и после тридцатилетней службы интересным для нас, приятным нам, что заставляет нас сопереживать его трагической судьбе, это — любовь. В канцелярскую душу, в чиновничье сердце через вицмундир пробился поздний луч творческого огня и заставил иссохшую, увядшую душу воспрянуть с новой силой, загореться новой жизнью. Когда мы поздней осенью на отцветшем лугу находим цветок, которому раньше не доставало солнца, потому что кусты и деревья, обилие других цветов мешали ему расти, и вот теперь он спешит наверстать упущенное время, нас охватывает радость пополам с печалью. Подобное же чувство вызывает в нас и Макар Алексеевич Девушкин.

Мысль показать нам всеми презираемого человека, непонятого ни себе, ни другим, который в тягостных и удручающих обстоятельствах сумел сохранить в сердце всю полноту чувств, и потребовалась лишь искра любви, чтобы душа его жарко вспыхнула, — эта мысль поистине гениальна, это мысль христианина в ее всемирно-историческом значении¹⁰. И ее воплощение полностью удалось. Мы видим, как с души нашего титулярного советника слой за слоем, размягчаясь, спадает кора, пока не обнажится самое зерно, которое нежится в лучах нового, сильного чувства, хотя и способно породить всего лишь краткое цветение. Потому что и в душевной жизни всему свое время, и писатель умеет

внушить нам сожаление о том, что это прекрасное зерно в душе Макара Алексеевича не сможет достигнуть полного расцвета. Письма, которыми обмениваются наш Макар со своей Варварой Алексеевной, позволяют нам бросить взгляд в тот мир, в котором неизбежно присутствует трагический элемент.

Варвара Алексеевна Доброселова — юная сиротка, которую Макар из чистого сострадания спас от власти порочной женщины, некой Анны Федоровны, предъявив свои права дальнего родственника^с. После смерти отца Варвара и ее мать нашли пристанище у их родственницы Анны Федоровны. А когда умерла и мать Варвары, девичья прелесть должна была возместить этой корыстной женщине ее затраты. Писатель заставляет нас поверить в красоту и чистоту юного женского характера, когда Варвара становится предметом ухаживаний некоего Быкова. Об этом не говорится в подробностях, делаются только намеки, что само по себе верно в художественном отношении. И все-таки должно признаться, что это предположение кажется нам натянутым.

Неужели существо, которое ведет дневник, о котором она сообщает Макару Алексеевичу, существо, способное чувствовать так глубоко и прекрасно, после тяжелых переживаний в ранней юности, после утраты отца и первого возлюбленного, пусть даже он не исчерпал всю ее душу до конца, после утраты любимой матушки, неужели это существо, пройдя все эти потрясающие и очищающие боли, не обрело достаточно сил и ума, чтоб защитить себя от недостойного мужчины? Конечно, растленные души вполне владеют искусством соблазна, возможны и момент отчаяния, и внезапная потеря самообладания, да к тому же такое происшествие должно послужить мотивом для трагического разрыва с Макаром Алексеевичем, тем не менее у нас остается некоторое сомнение во всем этом.

Не привлекла ли писателя здесь сама сложность проблемы? Охотно допускаем, что любовь очищает и извиняет всякое прошлое, но наш случай не таков, поскольку Варвара, в конце концов, хотя и без любви, всё же отдает руку этому Быкову, который руководствуется отчасти наклонностью, отчасти беспокойной совестью, а отчасти и расчетом. Так возникает в характере Варвары трещина, внутреннее противоречие, с которым в глазах читателя не согласуются ни удивительные тонкости ее дневниковых записей, ни всё ее благородное поведение и образ мыслей. Таково наше мнение, и мы будем только рады, если кто-либо поможет нам его исправить. Последуем же дальше за сюжетом.

Первое письмо показывает нам Макара Девушкина в настроении, новом для него самого. Он ощущает себя человеколюбивым спасителем Варвары Алексеевны. В то же время душа его опьянена чувством, которого она давно или даже никогда еще не испытывала. В нем действует давно чуждое ему чувство, все тайные пружины его существова-

^с «Седьмая вода на киселе» — так он сам обозначает степень своего родства.

ния напряжены, и он пытается выразить словами этот свой душевный подъем. Он восхищается прекрасным утром, солнечным светом, пением птиц, ароматами весеннего воздуха, всей природой и внезапно впадает в канцелярскую прозу: «...ну, и остальное там всё было тоже соответственное; всё в порядке, по-весеннему». Он выстраивает сравнения: «Сравнил я вас с птичкой небесной, на утеху людям и для украшения природы созданной» и другие «всё такие сравнения отдаленные». И тут же он откровенно признается, что прибегнул к книжке со стихами. Он провел первую ночь в новой квартире, которую нанял, чтобы жить напротив своей Вареньки. Забавно следить, как он старается — безуспешно — скрыть, что жилище его, собственно говоря, — кухня, так как цена за настоящую квартиру в доме, который представляет собою нечто вроде *hotel garni*^d, ему «не по карману». Однако с какой радостью сменил он свое прежнее уютное жилье у вдовы с дочкою на нынешнюю беспокойную и нечистую комнатуху. Ведь теперь он может смотреть на ее окна, знать, что она близко от него. Макар Алексеевич стал жить, как жетца, только для нее. С полным самозабвением расспрашивает он Варвару о ее важных и неважных делах, а стоит ей обронить хотя бы слово с каким-нибудь пожеланием, он не успокаивается, пока это пожелание не выполнит. Он забывает о своей бедности, когда видит, что она довольна, и нет у него большей заботы, чем скрывать от нее, что он живет в бедности. Он забывает о себе, чтобы обрести себя в ней.

И хотя искра, теплившаяся под пеплом повседневности и мелкой суеты, разгорелась, пламя юности возжечь она уже неспособна. Любовь нашего Макара превращается в теплую, сердечную чувствительность, в простодушное почитание любимого существа, преданность той, чья душевная красота остается для него недостижимой. Он жаждет проникнуть в самую глубь этой женской души, вжиться в нее, он чувствует, что он может тут больше получить, нежели дать. Он упрашивает Вареньку присылать ему отрывки из дневника, которые очень удачным образом включены в их переписку. Эта тонкость ощущений, это вдумчивое восприятие природы, эта с ранней юности особенная жизнь души очаровывают, и мы собираемся вскоре познакомить наших читателей с этим дневником.

Итак, Макар Алексеевич понимает, что ему дано быть для этого существа только другом, но не любимым человеком. Его слог — мягкая неспешность, своеобразная нежность в сотне различных вариантов — дает ему полную и соблазнительную возможность передавать даже самые горячие чувства в невинной форме отцовской, родственной привязанности. В другом он и сам себе не признался бы. И, несмотря на ее мимолетные просьбы, он с благороднейшей деликатностью упорно отказывается встречаться с ней где-либо, кроме некоего вполне невинного места¹¹. Это скромность человека, который знает себе нравственную цену.

^d Меблированные комнаты.

Там, где речь идет о нравственности, Макар Алексеевич чувствует себя равным своей приятельнице, хотя именно она помогла ему осознать это, и он, обращаясь к ней, выражает чувство равенства открыто и прямо, часто с комическим пафосом. Только убеждение, что он не может внушить страсть, не может предложить ей ни богатства, ни молодости, ни служебного ранга, ни образованности — как часто оговаривается он, что он человек неученый, что нет у него «стиля», что он «на медные деньги учился», — только это убеждение препятствует его сближению с Варенькой по любви, мешает его любовным признаниям, его претензиям на супружество, на которые она, быть может, ответила бы согласием, если бы он не был столь деликатным и решил бы напомнить ей, что он — ее благодетель, ее спаситель. Но он не допускает и тени морального принуждения.

Такая натура не могла развиваться, потому что любое препятствие было для нее непреодолимым. Сила обстоятельств гасила огонь, горевший в душе Макара Алексеевича. Можно представить себе, что будь он в юности в благоприятном окружении, поддерживаемый хорошими людьми, этот тонкий от природы человек мог бы сделаться отличным поэтом, художником, деятельно относящимся к жизни, тогда как теперь это всего лишь машина для письма. И теперь он с горечью сознает это — после того как волшебное влияние женщины открыло и сделало понятным ему самому его сердце. Он начинает задавать вопросы — почему над ним издеваются его товарищи, ведь она его уважает, она, которая лучше их всех. Разве он когда-нибудь у кого-то «чин перехватил», разве он не добывал в поте лица хлеб свой и всегда держался подальше от всяких либеральных идей? Однако, несмотря на все эти сомнения, втайне возникающие у него, он не теряет веры в людей, сохраняя нравственную опору, он внутренне примирен. По поводу своего униженного положения он утешается мыслью, что и оно есть нужное дело, и «его превосходительство», верно, им доволен, потому что даже к «крестик» его однажды представил^е. То, что Макар Алексеевич подчиняется ходу вещей, каков он есть, — свидетельство его нравственной силы. Он способен всё перенести, но когда он видит, как страдают те, кто помог ему осознать свое человеческое достоинство, этого он не выдерживает. Она объяснила ему, что он «не хуже других», сделала так, что он «живет, а не спит». Воздействие ее на всю его внутреннюю жизнь он глубоко осознаёт. И вот она, заслуживающая корону прекраснейшей женственности, должна мучиться, работать до потери сил, в то время как благородные, «такие разодетые» дамы катаются в дорогих экипажах.

^е Заметим между прочим, что здесь писатель, кажется, допустил *lapsus memoriae* (ошибку памяти. — *Прим. переводчика*), так как в другом месте говорится: «даже крестик выходил». (*Прим. автора статьи*.)

Его подруге предлагают место гувернантки. Она спрашивает совета у друга, но и в таких выражениях, из которых очевидно, что она предложению не рада. Она слишком независима, слишком стеснительна и ранима, чтобы жить в людях. Он испуган, он решительно против. «Ведь вы, верно, еще не знаете, что такое чужой человек? <...>. Я знаю его, маточка^f, хорошо знаю; случалось хлеб его есть. Зол он, Варенька, уж так зол, что сердечка твоего неостанет, так он его истерзает укором, попреком да взглядом дурным». Макар растолковывает ей, каким он ошутит себя покинутым, он все сделает для нее, чтобы только ее не отпустить. «Да и нас-то вы как без головы оставите. Ну что мы будем делать без вас; что я, старик, буду делать тогда? Вы нам не нужны? Не полезны? Как не полезны? <...>. Вы мне очень полезны, Варенька. Вы такое влияние имеете благотворное... Вот я об вас думаю теперь, и мне весело... Я вам иной раз и письмо напишу, и все чувства в нем изложу, на что подробный ответ от вас получаю. Гардеробцу вам накупил, шляпку сделал; от вас комиссия подчас выходит какая-нибудь, я и комиссию... Нет, как же вы не полезны? Да и что я один буду делать на старости, на что годиться буду?» и т. д. С этим же письмом он возвращает ей томик Пушкина, который она ему одолжила. Незадолго до этого он с комическим пафосом защищал от ее критики писания некоего литератора, «чиновника по литературной части», как он его называл, живущего в том же доме. Витиеватость и плоские остроты он принял за поэзию и юмор, как это бывает и с более опытными читателями, чем наш бедный Макар. И вот теперь его тронула истинная поэзия, словно электрической искрой: «Спрашиваю я себя теперь, маточка, как же это я жил до сих пор таким олухом, прости Господи? Что делал? Из каких я лесов? <...>. Теперь я „Станционного смотрителя“ здесь в вашей книжке прочел; ведь вот скажу я вам, маточка, случается же так, что живешь, а не знаешь, что под боком там у тебя книжка есть, где вся-то жизнь твоя как по пальцам разложена <...>. Я, например, — я туп, я от природы моей туп, так я не могу слишком важных сочинений читать; а это читаешь — словно сам написал, точно это, примерно говоря. Мое собственное сердце, какое уж оно там ни есть, взял его, людям выворотил изнанкой, да и описал всё подробно...» и т. д. Душа его так взволнована, что в нем самом просыпается честолюбие, жажда славы. «Что сказали бы люди, — мечтает он, — если бы стало известно, что Макар Алексеич написал повесть, если бы стали указывать на него, говоря „вот идет пиита и сочинитель литературы“ Макар Алексеич Девушкин».

Варенька не пошла в гувернантки, но все его усилия облегчить судьбу этого несчастного создания наталкиваются на глухую стену действительной жизни. Она и сама сказала ему, что несчастье заразительно и что ему

^f Это обращение «маточка» весьма примечательно для Макара. Всю свою любовь, всю доброту сердечную, все уважение он вкладывает в это слово, но только не страсть в прямом смысле. (Прим. автора статьи.)

надо было бы держаться подальше от нее. Ее часто мучают предчувствия трагического исхода. Едва ли Макар Алексеевич сможет долго поддерживать ее существование, стараясь доставить ей, болезненной и работающей сверх сил, облегчение и радость. Он делает траты, превышающие его возможности. В этом незавидном положении он вдвойне оскорблен литературной стряпней чиновника-писака Ратазиева, который, послушав его и подсмотрев за ним, «вставил» его и события из его жизни в свою повестушку, которую Макар называет пасквилем и, возмущенный, проклинает всю литературу в целом. Не может он спасти свою Вареньку от бедности, не может уберечь ее и от позора. Естественно, его выгоняют из дома офицера, который приставал к ней с нечестными намерениями и к которому Макар отправился, чтобы поговорить с ним начистоту, предварительно напившись для храбрости. Этот выпад против несправедливого мироустройства невольно напоминает поведение благородного рыцаря из Ла Манчи, который, собственно говоря, в сущности был прав.

Окружающие люди едва ли могут придать бедному титулярному советнику мужества и сил. По соседству живет чиновник, который разорился в ходе длительного судебного процесса, и в конце концов, выиграв судебное дело, умирает. Глава этого бедного семейства, видевшего лучшие дни и не потерявшего еще чувства собственного достоинства, — Горшков (так зовут этого человека) — сбрасывает со своего плеча руку писака Ратазиева, поздравившего его с выигранным делом, — здесь глубина невысказанной боли изображена с такой правдивостью, что понимаешь — автор всем существом своим переживает описанное. Крикливая хозяйка, грубые служители изменяют свое отношение к Макару в зависимости от веса его кошелька. Бесчувственные товарищи по ведомству отказываются давать ему деньги в долг. Никто не желает полагаться только на его честное лицо и доброе имя. Ростовщики спрашивают прежде всего о залогах. А деньги бедному Макару нужны, о них просит уже и подруга, чье беспомощное положение только увеличивает опасность посягательств на ее достоинство — она хотела бы съехать с квартиры. Попытки Макара раздобыть денег ни к чему не ведут. После долгих скитаний по ростовщикам в сильную непогоду он приходит в свое ведомство и наталкивается на отказ сторожа дать ему одежную щетку, поскольку-де это казенная собственность и ее тем самым можно испортить. Понятно, что наш бедный друг теряет мужество. Его отношения с Варенькой вызывают подозрения и насмешки[§], он впадает

[§] Упомянувший уже Ратазиев нашел черновик письма Макара к Вареньке. Макар, оказавшись среди ратазиевских гостей, которые веселятся, слушая, как хозяин читает им это письмо, бросается на Ратазиева, а тот обзывает его непонятным прозвищем *Lovelace*. Как верно в этом Ратазиеве изображены некоторые критики, отношение которых к автору очень похоже на отношение окружающих к Макару! А фамилия Ратазиев может стать типичным наименованием крикливых, самоуверенных, но духовно и нравственно низких борзописцев. Этот Р. даже и на Пушкина смотрит сверху вниз, в дополнение к остальным своим «достоинствам». (Прим. автора статьи.)

в отчаяние и в соблазн и впервые за годы безупречной службы и праведной жизни оказывается в руках полиции. Варенька отчитывается, упрекает его, заклиная больше так не делать. Она и на этот раз поступает благородно, не отвергая его. Она его приглашает к себе, посылает ему кое-какие деньги. Макар и смущен и тронут этой «милостыней», которая позволяет ему «наслаждаться», т. е. покуривать табачок, покуда она бедствует и страдает. Но вот на его мрачном небосводе восходит еще одна спасительная звездочка — ни кто иной, как сам «его превосходительство». Сцена, в которой этот редкостный начальник, тронутый всем обликом Макара, переходит от раздражения в связи с ошибкой, допущенной им в важной и срочной бумаге, к глубокому состраданию, втискивает ему в ладонь сторублевую купюру, запрещает всякое выражение низжайшей благодарности и жмет руку растроганному титулярному советнику, — эта сцена очень трогательна и характерна: «Я, ангел мой, вздрогнул, вся душа моя потряслась; не знаю, что было со мною; я было схватить их ручку хотел. А он-то весь покраснел, мой голубчик, да — вот уж тут ни на волосок от правды не отступаю, родная моя, — взял мою руку недостойную, да и потряс ее, так-таки взял да и потряс, словно ровне своей, словно такому же, как сам, генералу. „Ступайте, говорит, чем могу... Ошибок не делайте. А теперь грех пополам“». Чувство благодарности к «его превосходительству» настолько овладевает Макаром Алексеевичем, что на миг исчезают все другие чувства. Он пишет подруге, что, несмотря на беды их обоих, важны для него не сто рублей, а то, что «его превосходительство сами мне, соломе, пьянице, руку мою недостойную пожать изволили! Этим они меня самому себе возвратили. Этим поступком они мой дух воскресили, жизнь мне слаще навеки сделали...» Ему непонятно, отчего его товарищи смеются над его восторгами в отношении «его превосходительства», и причины этого он готов искать в себе самом, а не в их бесчувственности. В то время как он ищет мира даже с Ратазьевым, рисует себе в мечтах счастливое будущее, просит у Бога прощения за все свои грехи — брюзжание, либерализм, дебош и азарт, уговаривает подругу не съезжать с квартиры, обещает ей быть впредь благоразумным и напоминает ей о возможности житья в согласии и счастье, с обменом «счастливыми письмами» и разными мыслями, с чтением литературы — в самом разгаре этих мечтаний и надежд беднягу постигает пришедший страшный удар.

В Петербург приехал Быков и предлагает Вареньке руку и сердце. Спрашивает ли Варенька совета у друга? Нет, она сама принимает решение о своей судьбе. Она мужественно решает отказаться от всех идеальных надежд, которые всё еще теплятся в душе, она пишет другу, что дала утвердительный ответ и притом бесповоротно.

Что толкнуло нашу Вареньку на этот решительный шаг? Причины и соображения здесь самые разные. Дальнейшее развитие отношений с Макаром Алексеевичем очевидным образом внутренне невозможно. Она полна глубочайшей благодарности к нему, высоко почитает его

как человека, невзирая на его горести и слабости. Любовь, тем не менее, чувство свободное, ее нельзя ни вымолить, ни насильно себе придумать. Любить его она не может и слишком уважает и себя, и его, чтобы предположить в нем чувства, которые он сам выразить не отважился. Ее натура слишком тонко устроена, ее чувства слишком благородны, чтобы они могли раствориться в довольно женоподобном характере Макара^h. Верно говорится, что женщинам свойствен природный аристократизм, они всегда ценят властность, но чем выше обитают души их, тем одухотвореннее должна быть эта власть. Ее-то и недостает этому человеку, потому и не может она его полюбить, предпочитая вовсе отказаться от этой чисто внешней связи, чем заключать союз, к которому он сам, кажется, и не стремился и в котором она не смогла бы участвовать в с е м сердцем. Поэтому она решает освободить друга от себя сразу и решительно. Разумеется, нашелся и внешний повод — Макар Алексеевич едва ли способен основать свой очаг, к тому же с болезненной женщиной. Она предвидит, что напрасные жертвы и усилия погубят его. Вот и теперь писака Ратазьев раздобыл для него работу переписчика. Но, пожалуй, все эти доводы — дело только внешнее. Духовная сила, которую писатель подарил ей, дает нам основание заключить, что исключительная порядочность не позволяет ей представить себе возможность общего для них обоих чувства, которого у нее нет и о котором она лишь смутно мечтала, не переживая его в действительности. Подобно тому, как в природе не все почки дают цветок и не все цветки приносят плод, есть сердца, которым не суждено полным цветом расцвести в жизни. А если такое сердце еще и осознает свой недостаток, судьба его — это трагедия. Трагедия, когда нежная и благородная натура должна разлучиться с другом, который ее любит, чтобы попасть в руки человека, который и не любит и не уважает ее. Трагедия, когда человек, неосознанно лелеявший в груди глубокое чувство, теряет существо, научившее его чувствовать и жить живой жизнью. Но оба эти человека так и не созрели ни для себя, ни друг для друга. И, несмотря на то, что неотвратимый порядок вещей предуготовил для них нелегкую борьбу, оба они проявили мужество духа, не унизившись до безвольного подчинения судьбе, и это — примиряющий момент, приносящий читателю, полюбившему их обоих, чувство умиротворения.

Бедный Девушкин! Поначалу он раздавлен, накануне он похоронил несчастного Горшкова, и его ответ на роковое письмо подруги написан как бы в полной прострации. Он взвесил-де ее обоснования, что Быков — мужчина видный и ведет себя пристойно, но как же будет теперь с перепиской, да и его оставляет она в одиночестве.

^h Сожалею, что писатель воспользовался такой фамилией, как «Девушкин», как бы намекая на характер героя. К такому способу не стоило прибегать, так как характер должен говорить сам за себя.

Не без упрёка он замечает, что она всегда боялась чужих людей, а сама всё-таки уходит к ним. Затем он изо всех сил берётся за последние комиссии для своей Вареньки, бегаёт туда и сюда, занимаясь приготовлениями к свадьбе и к поездке, и это для него своего рода отвлекающий момент, помогающий устоять на ногах. Но, в конце концов, он не выдерживает, и его последнее письмо, крик отчаяния, написано уже в постели, в болезни. Он ещё пытается горько шутить, что, мол, у него «слог теперь формируется». Кажется, что в последних словах Вареньки, обращенных к другу, сквозит нечто вроде раскаяния. Уже и в эти первые дни Быков, неожиданно для нее, обошелся с нею грубо, — может быть, именно оттого она осознала свое глубокое чувство к Девушкину. Но поздно, жребий брошен, ей надо покориться будущему.

Какова же будет судьба этих двух людей, которые стали уже дороги читателю? Оправится ли бедный Макар от своей ужасной потери? Не потеряет ли он себя снова после того, как едва себя обрел? Или он впадет обратно в сон разума, от которого она его пробудила, она, которую он любил, «как свет Божий»? Нет, такое воспоминание не умрет и не даст умереть, оно уберезит его от отчаянных действий, утешит его в страданиях до конца его безрадостной жизни.

Ведь и Вертер погублен обстоятельствами, которые не давали простора его пламенным стремлениям. И вместе с тем, его губит случайность, к которой он прибегнул как к поводу проявить свое неприятие жизни. Вертер — это бунтующий титан, который не может не покончить с собой. Наш российский Вертер — это «великолепный мученик», который не желает управлять своей судьбой, хотя и не чуждается наивной насмешки, саркастических замечаний по поводу этой самой судьбы. Через все горькие невзгоды ведет его вера в человека, и он внутренне спокоен, поскольку ему незнакомы субъективные претензии к окружающей жизни. В этом характере присутствует род фатализма, однако такой взгляд на мир не отрицает свободного принятия порядка вещей и сознательного подчинения судьбе. Как бы ни была тяжела судьба его, он преодолевает ее тяготы уважением к своей личности, которая вполне осознанно осуществляется в его жизненном пути.

Женский характер не столь пассивен. В нём главенствует начало индивидуальности, своего рода духовное упрямство, свойственное одаренным натурам. Женщина с утонченной душой попадает в сферу, совершенно чужую для нее. Она никогда не делает ее своей, она скорее погибнет с разбитым сердцем, чем сумеет искренне отдаться тому, что ей чуждо.

На этом мы прерываем наши размышления. Из наших замечаний читатель видит, что перед нами незаурядная книга, полная мыслей и побуждающая к раздумьям. Нет нужды разбирать в подробностях все характеры или перечислять многочисленные красоты стиля. Необходимо лишь подчеркнуть следующее: в русскую литературу входит в данном

случае совершенно новый язык. Это не многокрасочная манера Пушкина, это не мудрая краткость Крылова, не теплая и вместе с тем острая речь Гоголя — это повседневная речь в лучшем и самом высоком смысле слова. Писатель сделал народный язык основой своего слога и глубоко вскрыл новые его стороны. Его герои разговаривают точно так, как могли бы говорить русские люди этого сословия в этом положении, волнуясь именно этими мыслями, и вместе с тем, автор нигде не унижается до простого копирования народной речи, как это делают многие литераторы, перенимая внешние фразы, чуждые остальному их стилю. Нет, Достоевский воплотил в своем произведении дух и речь народа; всё — и тихое, и развеселое, деловитое и хлесткое, что есть в прекрасном языке, предстает поэтически облагороженным и просветленным. Читая это, русский человек, — а мы надеемся, что «Бедные люди» станут народной книгой¹, — услышит самого себя, но в более возвышенном и совершенном виде, он всё поймет, но он будет поднят над собою прежним — это и есть печать истинно поэтического языка, истинно поэтического духа. Разве не тот только может назваться подлинным поэтом, кто всякий сюжет, самый дух своего народа впитал и обработал в своей душе?

Возражая на некую критику, которая, впрочем, проживет недолго, мы решительно подтверждаем великую заслугу господина Достоевского перед литературой его отечества. Но, может быть, автор позволит нам дать ему в конце один совет. Он доказал, что знает жизнь сердца, умеет следить за тончайшими движениями души. Мы с большим сочувствием следовали за ним, и он показал нам чувствующих и мыслящих людей в тех кругах, где таковых обычно не находят, открыл перед нами неистребимое ядро народной нравственности. Утвердив сердце в своих правах, пусть он, как мы отваживаемся советовать ему, не останавливается на субъективном анализе души. С почвы сентиментальности пора ему ступить на почву объективного творчества, которое изображает дух народа в идеальных сильных образах вместо мягких линий, замкнувшихся в себе натур, надломленных характеров, подобных этим «бедным людям». На путь, начатый «Борисом Годуновым» Пушкина, не ступил еще ни один достойный продолжатель. То, что автор «Бедных людей» не чужд драматического таланта, видно по самому роману, который из-за того, что составлен он в письмах, и автор не вмешивается в сюжет, не стоило бы называть романом, а скорее — просто перепиской или повестью в письмах. Добавив к этому, что элемент юмора, столь важный в драме, с большим искусством внесен в сентиментальную атмосферу книги. Будем рады встретить автора на поприще драматургии, когда крылья его достаточно окрепнут.

Перевод Р. Ю. Данилевского

¹ Отыщется ли русский издатель, который возьмет «Бедных людей» из «Сборника» и напечатает их отдельным изданием? Если он выставит умеренную цену, книга непременно найдет путь к читающей публике.

Комментарии

¹ «„Бедные люди“». Роман (в письмах) Ф. М. Достоевского (В „Петербургском сборнике“, изданном Некрасовым, 1846 г.)» — статья Фердинанда Лёве, опубликованная анонимно. Фердинанд Егорович Лёве (Ferdinand Loeve) (1809–1889), выпускник Лейпцигского и Берлинского университетов, кандидат теологии; преподавал на женских курсах Ведомства учреждений императрицы Марии, служил также хранителем в Библиотеке Академии наук, был сотрудником и (с 1857 г.) редактором газеты «Sankt-Petersburgische Zeitung». В 1854 г. принял российское гражданство. Аргументы в пользу его авторства изложены в статье Г. Цигенгейста «Фердинанд Лёве — забытый пропагандист русской литературы» (Русско-европейские литературные связи. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения акад. М. П. Алексеева. М.—Л., 1966. С. 249–255). См. также: *Дудкин В. В., Азадовский К. М.* Достоевский в Германии (1846–1921) // Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 86. М., 1973. С. 659.

² Лёве указывает на одну из тем журнальной полемики начала 1840-х гг., развернувшейся в связи с выходом многотомного труда Н. А. Полевого «История русского народа» (Т. 1 — М., 1829; Т. 2 и 3 — М., 1830; Т. 4–6 — М., 1833), в котором был поставлен вопрос об историческом пути России и возможных формах национального самоопределения ее народа. Книга многократно критиковалась с различных идеологических позиций, в частности за попытку поставить под сомнение историческую достоверность «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, что вызывало резкие возражения, например со стороны Пушкина (Литературная газета. 1830. № 4. 10 января. Отд. «Библиография». С. 31–32; 1830. № 12. 25 февраля. Отд. «Библиография». С. 96–98). Возникшая вокруг этих вопросов оживленная журнальная полемика привела к формированию лагерей «славянофилов» и «западников»: первые настаивали на исключительном своеобразии исторического пути России, вторые утверждали необходимость следовать европейским путем развития. К середине 1840-х гг. их противостояние достигло максимальной остроты, в печати шел оживленный обмен мнениями между «славянолюбями» (А. С. Хомяков, И. В. и П. В. Киреевские, К. С. и И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин и др.) и «западниками» (Н. В. Станкевич, В. Г. Белинский, К. Д. Кавелин, Т. Р. Грановский, П. В. Анненков, А. И. Герцен, Н. П. Огарев и др.). Важным событием в обсуждении этой темы стала статья В. Г. Белинского «Русская литература в 1840 г.» (Отечественные записки. 1841. Т. XIV, № 1. Отд. V «Критика». С. 1–34).

³ Аллюзия на философско-публицистическое эссе В. Ф. Одоевского «Русские ночи», действующие лица которого поднимают вопрос об «универсализме» и особом отношении к поэзии как важнейших свойствах русского национального характера. Главная проблема Европы, накопившей значительный научный и культурный капитал, по мнению участников описанного Одоевским философского диспута, заключается в узости и «односторонности» ее развития, излишней специализации, «погружении в вещественные выгоды», в то время как «материальная выгода не может быть целью общества» и «основанием для его законов»; Россия способна избежать этой опасности, так как ей присуща «многосторонность духа», «сродная чувству истины» как врожденное и «естественное влечение» (*Одоевский В. Ф.* Сочинения. СПб., 1844. Ч. 1. Русские ночи. С. 62, 144–145, 383, 388). Мысль о «многосторонности национального духа» русского народа, получившей полноценное выражение в творчестве Пушкина, поддерживал Белинский (*Белинский В. Г.* Иван Андреевич Крылов // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1855. Т. 8. С. 571). Возможность упомянутой Ф. Лёве «утраты оригинальности» со стороны России в процессе усвоения ею достижений западной цивилизации не признавали слишком большой опасностью западники и не считали приемлемой славянофиль. В своем «Письме в Петербург» (1845) А. С. Хомяков констатировал «подражание» Западной Европе и активное использование ее достижений отечественной культурой, однако считал, что русская общественная жизнь способна «перерабатывать» и «усваивать» «чуждые стихи, занимаемые

по необходимости одним народом у другого». Согласно его мнению, в культурно-общественном организме России они не просто копируются и принимаются в виде некоего образца, но «переделываются и усваиваются этим организмом в силу его внутренних неуловимых законов» (*Хомяков А. С. Письмо в Петербург // Москвитянин. 1845. Часть II. №2, февраль. Отд. I «Изящная словесность». С. 83, 85).*

⁴ Ф. Лёве имеет в виду требование славянофилов отказаться от следования европейской модели истории, основанной, по их мнению, на апологии насилия и культе индивидуализма. Согласно «политическому рецепту» сторонников славянофильской идеи, страна должна жить в соответствии со своими традициями, которые в полной мере были сформированы культурой допетровской России (См. об этом: *Устрялов Н. В. Политическая доктрина славянофильства. Харбин, 1925).*

⁵ Речь идет о цикле статей Белинского «Сочинения Александра Пушкина», публиковавшемся в журнале «Отечественные записки». К моменту появления публикации Ф. Лёве вышли в свет первые десять статей: 1843. Т. XXXVIII. №6. Отд. V «Критика». С. 19–42; 1843. Т. XXX. №9. Отд. V «Критика». С. 1–60; 1843. Т. XXX. №10. Отд. V «Критика». С. 61–88; 1843. Т. XXXI. №12. Отд. V «Критика». С. 25–46; 1844. Т. XXXII. №2. Отд. V «Критика». С. 43–82; 1844. Т. XXXIII. №3. Отд. V «Критика». С. 1–20; 1844. Т. XXXIV. №5. Отд. V «Критика». С. 1–32; 1844. Т. XXXVII. №12. Отд. V «Критика». С. 45–72; 1845. Т. XXXIX. №3. Отд. V «Критика». С. 1–20; 1845. Т. XLVIII. №11. Отд. V «Критика». С. 1–22. Статьи Белинского о Н. В. Гоголе и И. А. Крылове в том же журнале: *Похождения Чичикова, или «Мертвые души» // 1842. Т. XXIII. №7. Отд. VI «Библиографическая хроника». С. 1–12; Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // 1842. Т. XXIII. №8, август. Отд. VI «Библиографическая хроника». С. 46–51; Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // 1842. Т. XXV. №11, ноябрь. Отд. V «Критика». С. 13–30; Сочинения Николая Гоголя // 1843. Т. XXVI. №2, февраль. Отд. VI «Библиографическая хроника». С. 43–48; Басни Ивана Крылова. Сороковая тысяча // 1840. Т. X, №5, май. Отд. VI «Библиографическая хроника». С. 2–6; Басни И. А. Крылова // 1844. Т. XXXII. №2, февраль. Отд. VI «Библиографическая хроника». С. 50–52; Иван Андреевич Крылов // 1845. Т. XXXVIII. №2, февраль. Отд. II «Науки и художества». С. 62–84. Соглашаясь с «Отечественными записками», Лёве имеет в виду мысль Белинского о том, что Пушкин принадлежит «к числу тех творческих гениев, тех великих исторических натур, которые, работая для настоящего, приготавливают будущее» (Отечественные записки. 1843. Т. XXVIII. №6. Отд. V «Критика». С. 20).*

⁶ Мысль о возможности использования эстетических достижений прошлых эпох не для копирования, но для выработки новых форм одним из первых высказал в своем «Лаокооне» Г. Э. Лессинг: «В древности Гомера читали, без сомнения, больше и внимательнее, чем сейчас, и, однако, мы не видим, чтобы древние художники извлекали из него много сюжетов для своих картин. Они пользовались в этом отношении преимущественно указаниями поэта на особую телесную красоту; такую телесную красоту и любили они изображать <...>. Но зато они прониклись духом поэта, наполняя свое воображение высокими чертами его поэзии; огонь его воодушевления воспламенял и их; они видели и чувствовали так же, как он, и, таким образом, их произведения делались как бы копиями поэтических произведений, хотя сходство их не было сходством портрета с оригиналом, а скорее сына с отцом: один похож на другого, и, между тем, отличен от него. По большей части это сходство состоит лишь в одной черте, с которой гармонируют все остальные, хотя сами по себе эти остальные черты не имеют между собой ничего общего» (*Лессинг Г. Э. Лаокоон. Перевод Е. Эдельсона // Лессинг Г. Э. Избранное. М., 1980. С. 464).*

⁷ Роман И. В. Гёте «Страдания юного Вертера» («Die Leiden des jungen Werther», 1774 г.), неоднократно переводился в России, напр.: *Гёте И. В. Страсти молодого Вертера. С присовокуплением писем Шарлотты к Каролине, писанных во время ее знакомства*

с Вертером. Вновь пер. Изд. 2-е [Ч. 1–4]. СПб., 1796; *Гёте И. В.* Страсти молодого Вертера. Пер. с немецкого [Е. К. Вильковским]. СПб., 1781.

⁸ Вопрос об отношении субъекта и субстанции, начиная с трудов Аристотеля, находился в центре европейской философской традиции, но особенно актуален был в связи с выходом весьма популярной в России 1830–1840-х гг. книги Гегеля «Феноменология духа» (*Phänomenologie des Geistes*, 1807), которой в равной степени увлекались и славянофилы, и западники, в особенности В. Г. Белинский. В трудах критика «субстанция» является ключевой категорией, которая связывает другие понятия его философии и эстетики – историософскую концепцию, жанровую систему мировой литературы, критерий оценки значительности творчества художника слова. Исходя из того, что «народность» есть «выражение субстанции народа» (*Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1953. С. 349), Белинский выводил свое определение «национального поэта», смысл деятельности которого заключается в том, что он создает в своих произведениях форму выражения управляющей жизнью народа «субстанциальной стихии» (Там же. Т. 7. М., 1955. С. 333, 345), реализует в максимально адекватной форме связь между субстанцией и субъектом: сама по себе субстанция не имеет значения без формы, которую может получить лишь в творческом акте, получая свое завершение и выражение в личности, в субъекте, «в личном, индивидуальном, субъективном определении» (Там же. Т. 3. М., 1953. С. 181). Задачей писателя является максимально полное выражение «зерна, сущности (субстанция)» народа, его духа, «инстинктивного внутреннего взгляда на мир», видение «тайны бытия всего сущего» являет собой «источник и основу литературы» (Там же. Т. 4. М., 1954. С. 418), критерием художественного достоинства продукта этого творческого акта становится качество связи формы с выражаемой ею субстанцией (Там же. Т. 2. М., 1953. С. 563; Т. 5. М., 1955. С. 308, 329, 404–405). На основе этого принципа Белинский объяснял творческие удачи и неудачи литераторов: гениальному поэту, например, Пушкину, «верное и глубокое чувство или, лучше сказать, богатая субстанция открывает истину везде, на что он ни взглянет» (Там же. Т. 2. С. 355), неудача драмы Н. В. Кукольника «Князь Даниил Дмитриевич Холмский» объясняется тем, что в ней отсутствует что-либо «русское, принадлежащее русской субстанции» (Там же. Т. 5. С. 499). Субстанциональными различиями Белинский объяснял также исторические роли этносов и народов (Там же. Т. 2. С. 123, 502). С единством между художественностью и необходимостью для творящего субъекта быть частью своего национального субстанционального поля («зерна духовной жизни») Белинский связывал проблему художественного перевода. По его мнению, чем выше художественное достоинство произведения, тем менее возможен адекватный перевод на иностранный язык: «слишком немногое из произведений Пушкина может быть передано на иностранные языки, не утратив с формою своего субстанционального достоинства», та же проблема касается и Гоголя (Там же. Т. 6. М., 1955. С. 259). Согласно мнению Ф. Лёве, сентиментализм, обнаруженный им в дебютном произведении Достоевского, не является заимствованием чужого творческого метода, но частным случаем явления всеобщей субстанции, ее формального присутствия в творческом процессе, идущим непосредственно в авторской модели мира. Автор рецензии, как и В. Г. Белинский, придерживается онтологической концепции субстанции (Ф. Бэкон, Б. Спиноза, Г. Лейбниц), понимаемой как предельное основание бытия (Бог, природа, космос и пр.). Углубленную сосредоточенность на эмоциональной сфере человека, свойственную эстетике сентиментализма, автор рецензии трактует как естественную реализацию внутреннего потенциала мировой субстанции, ищущей причину собственного существования.

⁹ Некоторое преувеличение автора статьи: в романе «Бедные люди» таких действий по отношению к Девушкину его сослуживцы не предпринимают.

¹⁰ Лёве одним из первых увидел и назвал важнейшее свойство мировоззрения Достоевского, проявившуюся во всех без исключения произведениях: идею любви и самопожертвования, идущую от самого духа христианства как религии любви и прощения. Спустя полвека эта мысль главенствовала в восприятии творчества Достоевского русскими

философами конца XIX в. Согласно мнению Н. А. Бердяева, Достоевский, пораженный «религиозной болью и мукой», через всю жизнь «пронес исключительное единственное чувство Христа» и, как создатель христианской антропологии Нового времени, «возвращает веру в человека, в глубину человека», «его духовную глубину» (*Бердяев Н. А. Мирозерцание Достоевского // Русские эмигранты о Достоевском. СПб., 1994. С. 40, 44*). Д. С. Мережковский считал творчество Достоевского «глубочайшим откровением христианства в русской, может быть, и во всемирной культуре» (*Мережковский Д. С. Пророк русской революции. [СПб.], 1906. С. 151*). Впоследствии на этом пункте творческого метода Достоевского сосредоточился М. М. Бахтин, который писал: «нам важно не христианское исповедание Достоевского само по себе, но те живые формы его идеологического мышления, которые здесь достигают своего осознания и отчетливого выражения. Формулы и категории чужды его мышлению. Он предпочитает остаться с ошибкой, но с Христом, т. е. без истины в теоретическом смысле этого слова, без истины — формулы, истины — положения. Чрезвычайно характерно вопрошание идеального образа (как поступил бы Христос), т. е. внутренне диалогическая установка по отношению к нему, не слияние с ним, а следование за ним, в образе идеального человека или в образе Христа представляется ему разрешение идеологических исканий» (*Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 164–165*).

¹¹ Буквально: кроме «третьего места», т. е. где-то еще кроме ее дома, церкви или прогулки вдвоем. (Прим. переводчика.)

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

С. А л о э (<i>Италия</i>). Достоевский в итальянской критике	3
А. де Л а з а р и, Т. С у х а р с к и (<i>Польша</i>). Достоевский в польской литературе, литературоведении и философской мысли с 1970-х гг. по настоящее время	25
Х.-Ю. Г е р и к (<i>Германия</i>). Немецкоязычное достоевсковедение между 1971 и 2011 гг. Обзор литературных исследований.	44
К. К р о о (<i>Венгрия</i>). Достоевский в венгерских литературоведческих исследованиях (1970–2012 гг.)	88
С. Я н г (<i>Великобритания</i>). Восприятие и изучение творчества Достоевского в Великобритании (1971–2011 гг.)	119
Д. Б е р ж а й т е (<i>Литва</i>). Достоевский в Литве (конец XX — начало XXI в.)	143
Д. В е р - Д ж о н с (<i>Новая Зеландия</i>). Творческое наследие Достоевского в Новой Зеландии	155
С. В л а д и в - Г л о в е р (<i>Австралия</i>). Достоевский в Австралии	167
Б. Б. Г о м и д е (<i>Бразилия</i>). Лихорадка и микроскоп: Достоевский в Бразилии 1930-х гг.	181
Т. К и н о с и т а (<i>Япония</i>). Восприятие и изучение творчества Достоевского в Японии за последние 40 лет в свете истории восприятия творчества писателя с конца XIX в.	194
Д о Х а й Ф о н г (<i>Вьетнам</i>). Достоевский во Вьетнаме.	220
Э. Э г е б е р г (<i>Норвегия</i>). Об изучении творчества Достоевского в Норвегии и Дании.	235
Х. Ф л е м б е р г (<i>Швеция</i>). Достоевский в Швеции с 1970-х гг. до наших дней.	249
Ю. А. Р о м а н о в (<i>Украина</i>). Творчество Достоевского в трудах украинских литературоведов	265
С. В. А н а н ь е в а (<i>Казахстан</i>). Исследование творчества Достоевского в Казахстане	286
Ч э н ь С и н ь ю й (<i>Китай</i>). О роли и влиянии Достоевского в Китае	293

Н. Арсентьева, Ж. Морильяс (<i>Испания</i>). Испанское достоествоведение: истоки, итоги и перспективы	305
--	-----

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Ф. Каутман (<i>Чехия</i>). К вопросу об актуальности произведений До- стоевского	329
У. М. Годд III (<i>США</i>). Литературоведение США и Достоевский: материалы круглого стола	334
И. В. Львова (<i>Россия</i>). Из истории рецепции Достоевского в США	353
М. В. Киселева (<i>Россия</i>). Рецепция Р. Музилом творчества Досто- евского: русский, немецкий, австрийский, французский и амери- канский исследовательские подходы	371
В. В. Дудкин (<i>Россия</i>). «Roman Dostoevskien» как новаторская фор- ма жанра и термин (Достоевский во Франции в первой трети XX в.)	390
К. Ситар (<i>Венгрия</i>). Между Востоком и Западом: восприятие Досто- евского в Венгрии (по страницам журнала «Нюгат»)	405
И. Зограб (<i>Новая Зеландия</i>). Восприятие Достоевского писателями и священнослужителями Новой Зеландии	420
И. Кузнецова (<i>Россия</i>). Следы Достоевского на снегу «Волшебной горы» Томаса Манна	439
П. Петров (<i>Болгария</i>). Достоевский на болгарской сцене (заметки актера)	455
Ф. Торранс (<i>Франция</i>). «Евгения Гранде» Бальзака в переводе До- стоевского: Взгляд западных исследователей	462

БИБЛИОГРАФИИ

С. Владив-Гловер (<i>Австралия</i>). Изучение творчества Достоевско- го в Австралии (1971–2013). Избранная библиография	475
Э. Димитров (<i>Болгария</i>). Достоевский в Болгарии (1971–2011) (Би- блиография)	480
Б. Б. Гомиде (<i>Бразилия</i>). Публикации о творчестве Достоевского, вы- шедшие в Бразилии с 1888 по 2001 г.	489
С. Янг (<i>Великобритания</i>). Восприятие и изучение творчества Досто- евского в Великобритании (1971–2011 гг.). Библиография	491
До Хай Фонг (<i>Вьетнам</i>). Библиография работ о творчестве Досто- евского во Вьетнаме (1971–2013 гг.)	506
Н. Арсентьева, Ж. Морильяс (<i>Испания</i>). Библиография пере- водов, рецепции и научного изучения жизни и творчества Досто- евского в Испании	515
С. Аллоэ (<i>Италия</i>). Dostoevskiana. Материалы к библиографии трудов о Достоевском в итальянской критике (1980–2012 гг.)	528

Чэнь Синьюй (<i>Китай</i>). Достоевский в Китае. Материалы к библиографии. 1921–2012 гг.	561
С. Дауговиш (<i>Латвия</i>). Достоевистика в Латвии. Библиография: 1927–2011.	566
Д. Бержайте (<i>Литва</i>). Библиография работ о творчестве Достоевского в Литве (1971–2013 гг.)	578
А. де Лазари, Т. Сухарски (<i>Польша</i>). Библиография польских исследований творчества Достоевского с 1970 г. по настоящее время.	583
М. Бубеникова (<i>Чехия</i>). Достоевский и Чехия: Библиография (вторая половина 60-х гг. XX в. — 2012 г.)	599
С. В. Белов (<i>Россия</i>). Публикации о Достоевском на русском языке в зарубежных изданиях (1972–1997).	609

ПУБЛИКАЦИИ

Ф. Лёве. «Бедные люди» Роман (в письмах) Ф. М. Достоевского «Die armen Leute». Roman (In Briefen) von F. M. Dostojewski // Sankt-Petersburgische Zeitung. 1846. 15–18 (27–30) August. N 183–186. S. 737–751.	639
---	-----

Научное издание

ДОСТОЕВСКИЙ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. 20

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской Академии наук

Выпускающий редактор *М.В. Беглецова*
Редактор *А.С. Степанова*
Корректоры *А.Б. Иванова, А. М. Никитина*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*

Подписано в печать 00.00.2013. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 41,25
Тираж 500 экз. Заказ № 3385

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
191119 СПб., ул. Правды, д. 15
Тел. (812)622-01-23